

Революции и реформы

в странах Центральной
и Юго-Восточной Европы: 20 лет
спустя

Российская академия наук
Институт славяноведения

Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя

Москва
РОССПЭН
2011

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 32

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук Никифоров К. В. (отв. ред.),
кандидат исторических наук Валева Е. Л.,
доктор исторических наук Задорожнюк Э. Г., доктор философских наук
Новопашин Ю. С., кандидат исторических наук Стыкалин А. С.

Рецензенты:

доктор исторических наук Шмелев Б. А.,
доктор исторических наук Серапионова Е. П.

Р 32 **Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя** / Отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 775 с.

ISBN 978-5-8243-1546-2

В международном коллективном труде публикуются работы российских и зарубежных (Австрия, Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Чехия) исследователей. В них анализируются истоки и формы революций конца 80-х — начала 90-х годов XX века в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторы предпринимают попытку обобщить двадцатилетний опыт социальных трансформаций в странах региона, проанализировать формы и методы реализации различных моделей и стратегий, что значимо для определения векторов развития других регионов, в первую очередь соседнего — восточно-европейского (европейских республик бывшего СССР).

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-8243-1546-2

© Институт славяноведения
РАН, 2011
© Российская политическая
энциклопедия, 2011

ВВЕДЕНИЕ

К. В. Никифоров
(Россия)

Предложенный читателю сборник статей «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы¹: 20 лет спустя» составлен на основе докладов, прочитанных в Институте славяноведения РАН в ноябре 2009 г. на международной научной конференции. Наверное, нет нужды еще раз подчеркивать важность событий, произошедших на востоке Европы двадцать лет назад. Можно сказать, что для народов государств бывшего восточного блока в их движении по пути освобождения от коммунистического диктата определяющими стали три события: XX съезд КПСС, Пражская весна и, конечно, «бархатные» революции 1989 г. И если в первом и последнем случаях демократический импульс шел из Москвы, то в 1968 г. она, наоборот, этот импульс погасила, применив военную силу. Одновременно 1989 г. покончил с социальным экспериментом, начатым еще в 1917-м, и таким образом «бархатные» революции по своему значению вполне сопоставимы с «октябрьским переворотом».

Сотрудники Института славяноведения РАН не могли не обратить самого пристального внимания на все эти события. В частности, за последние десять лет это уже четвертый подготовленный в Институте коллективный труд, посвященный происходившим в регионе на стыке веков судьбоносным изменениям². Одновременно и по замыслу, и хронологически этот труд продолжает увидевший свет в 2010 г. сборник «1968 год. “Пражская весна” (историческая ретроспектива)»³, также опирающийся на итоги прошедшей в Институте международной научной конференции.

Проблемы демократических трансформаций в 70–90-е гг. прошлого века активно изучаются во всем мире. В западной политологии зародилось даже особое направление — транзитология. Возник уже огромный массив литературы. Но для «бархатных» революций 20 лет — это, по-видимому, как раз тот срок, тот первый временной рубеж, с высоты которого уже можно бросить достаточно объективный взгляд на то или иное историческое событие. Все еще живо в па-

мяти, но страсти улеглись, а главное — видны первые последствия произошедшего.

«Бархатные» революции прошли в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы почти одновременно, но сегодня этот регион, когда-то казавшийся однородным, почти целиком входивший в социалистический лагерь и советский военный блок, не только перестал ассоциироваться с Восточной Европой, но и вновь разделился на две традиционные исторические части. И даже Балканы уже делят на более продвинутые Восточные и отстающие Западные. Не трудно увидеть существенные различия и в процессах, которые происходили и происходят в России, Белоруссии, на Украине, не говоря уже обо всем постсоветском пространстве.

«Бархатные» революции имели различные формы: от «круглых столов» власти и оппозиции, первых после длительного перерыва многопартийных выборов и массового народного движения. До сих пор ведутся дискуссии о сути событий в той или иной стране. Да и сами революции не получили еще строгой дефиниции, хотя чаще всего их определяют прилагательными «демократические» и «антикоммунистические». В какой-то степени они были одновременно и контрреволюциями, т. к. не только ликвидировали существующий строй, но и реставрировали предыдущий, пусть и на совсем другой стадии развития. Революции, как и послереволюционное развитие, со всей очевидностью показали мнимую однородность этого региона Европы. Само понятие «бархатных» революций больше подходило все-таки к странам Центральной Европы. Но такое название совсем не применимо к событиям в Румынии или к постюгославскому пространству.

Сегодня стало понятно, что для стран Центральной Европы хватило, видимо, одного революционного потрясения, в то время как в Юго-Восточной и Восточной Европе этого часто недостаточно. В России (сначала как части Советского Союза) таких потрясений было два — в 1991 г. и 1993 г. В Сербии процесс смены власти вообще оказался растянутым на десять лет и закончился лишь в 2000 г. В то же время сербская революция 2000 г. открыла новую серию так называемых «цветных» революций, которые в отстающих в «цивилизационном плане» странах доделывали то, что не смогли совершить «бархатные» революции, а также пытались разрешить противоречия, порожденные уже трансформационными процессами. Эти революции обычно происходили после выборов, отсюда их еще именуют «электоральными». Нет никаких гарантий, что на этом все потрясения будут закончены. Особенно это касается постсоветского пространства, где нагляднее других пример «многоцветной революции» показывает Киргизия.

По-разному проходили и трансформационные преобразования в странах региона. Преобладающим началом реформ была так называемая «шоковая терапия», однако, например, в Словении — экономически самом преуспевающем постсоциалистическом государстве обошлись без нее. Но практически везде на первых порах возоблудала идеология неоллиберализма с его монетаризмом и минимальным участием государства в делах экономики — по принципу «рынок сам все расставит по местам». Такой первоначальный крен, граничивший с социальным дарвинизмом, привел во многих странах к снижению уровня жизни, породил острые проблемы и известное разочарование в реформах. Вместе с тем наблюдалась и другая крайность: усиление государства в не свойственных ему сферах: сращивание власти и собственности, ограничение политической конкуренции и т. п.

В целом можно сказать, что страны Центральной Европы при всех трудностях и проблемах, особенно обострившихся в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, все же решили основные задачи нового переходного периода. Кстати, именно в этих странах пышно отмечался 20-летний юбилей «бархатных» революций⁴. В странах Юго-Восточной и Восточной Европы празднования были намного скромнее. И это не удивительно, поскольку ситуация в этих государствах гораздо сложнее. Отсюда и разочарование. Как мы уже отметили, здесь не исключены даже новые революционные потрясения. Даже после вступления в Евросоюз дискутируется, например, вопрос о «европейской идентичности» болгар и румын, о чем также в сборнике есть специальные статьи.

В некоторых странах, осуществляющих трансформацию, вполне возможны и наблюдаются на практике попятные движения. Одним из первых цикличность процесса демократизации, когда во время «прилива» этот процесс охватывает все больше стран, но во время «отлива» часть из них вновь скатывается к традиционному авторитаризму, обосновал известный американский политолог С. Хантингтон. Так, сегодняшний процесс, охватывающий и страны бывшего восточного блока, он назвал «третьей волной» демократизации, которая накатила на мир в 1970–1990-е гг.⁵

В то же время среди жителей региона желающих вернуться к дореформенному состоянию все же явное меньшинство. Речь идет скорее о менее болезненной, более гуманной замене старого режима и создании социально ориентированного государства. По аналогии с «Пражской весной» в пору говорить о более гуманном капитализме, о «капитализме с человеческим лицом». Попутно заметим, что если «социализма с человеческим лицом» в природе не существовало, то вполне челове-

ческим выглядит капитализм, например, в скандинавских странах. И в отличие от капитализма социализм нигде не реформировался. Даже китайские реформы на деле означают не «больше социализма» (лозунг горбачевской перестройки), а больше капитализма, все большее допущение и внедрение капиталистических элементов.

Наконец, «бархатные» революции не только изменили строй, курс общественно-политического развития в восточноевропейских странах, но и ознаменовали собой тектонический сдвиг в мировой геополитике. Рухнул ялтинско-потсдамский двуполярный мир. Вакуум, образовавшийся на месте распада восточного блока, был заполнен оставшимся в одиночестве Североатлантическим альянсом. Иногда, как на постюгославском пространстве, это произошло даже военным путем. Стала складываться натоцентристская система европейской безопасности. Это поставило крест на мечтах о единой Европе, об «общеевропейском доме». Разделительные линии на континенте не исчезли, а просто переместились восточнее, ближе к российским границам.

Сказать, что мир был обречен на создание именно такого «нового мирового порядка», основанного на принципе «победитель получает все», значило бы погрешить против истины. Еще при объединении Германии советское руководство упустило имевшиеся возможности по ограничению расширения НАТО на территорию ГДР и далее на восток. Позже, в начале 1990-х гг. Россия выступала за создание всеобъемлющей системы безопасности на основе ОБСЕ, но не была услышана⁶. В результате не только Россия не может быть удовлетворена созданным положением и выступает за его пересмотр, но и ОБСЕ, потеряв свою самостоятельность, стремительно маргинализируется.

В той или иной степени многие из обозначенных вопросов рассматриваются в подготовленном сборнике. Некоторые его статьи затрагивают региональные общетеоретические проблемы, другие — события в отдельных странах: Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Румынии, Польши, Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии, Словении, Италии. Еще одна группа статей посвящена процессам, происходившим в сфере культуры. В сборнике представлены не только российские исследователи, но и ученые из Болгарии, Венгрии, Румынии, Словакии, Чехии, Австрии. Кроме того, представлен фактически весь спектр политических мнений. Соответственно члены редколлегии не могут разделять всех позиций, заявленных в сборнике. Но все это делает подход к освещаемым проблемам более объемным и многоцветным.

В целом сборник заставляет задуматься над многими проблемами современности, в том числе проблемами российскими. И он способствует возвращению у отечественного читателя интереса к Восточной Европе. В этом, наверное, и есть его главное значение.

Примечания

¹ В статьях некоторых авторов сборника этот регион назван Центральной и Восточная (или Центрально-Восточная) Европа. Нам представляется, что название, вынесенное в название сборника, более точное. О дискуссии по этому вопросу см., в частности: Никифоров К. В. Н. Алексюн, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкрё, Е. Клочовский, Г. Самсонович, П. Вандич. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. 1120 с. // Славяноведение. 2010. № 1.

² Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). М., 2008.

³ 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). М., 2010.

⁴ Но и там были не только восхваления. См., например: Смена режима глазами венгров (1989–2009) // *Eszmélet* — Раздумья. Будапешт — Москва, 2009. Специальный выпуск.

⁵ Подробнее см.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. См. также: Паин Э. А. О циклической природе «особого пути» постсоветской России // Вестник Института Кенана в России. 2010. Вып. 17. С. 27–42.

⁶ Нам представляется, что такая политика, главным проводником которой были США, грешила близорукостью. Вспоминается, что в сходной ситуации румынский премьер А. Авереску был более дальновидным, подписав с советскими властями в 1918 г. соглашение о выводе румынских войск из Бессарабии. А на критику оппонентов ответил: «Россия, без сомнения больна, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам <...> не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед». Цит. по: Виноградов В. Н. Послесловие // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 444.

РАЗДЕЛ I

СССР/РОССИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОКИ, НАЧАЛО И ХОД ТРАНСФОРМАЦИЙ

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ СЛЕЗ

А. Михник
(Польша)

Памяти Ральфа Дарендорфа

В апреле 1990 г. Ральф Дарендорф закончил свое знаменитое эссе «Рассуждение о революциях в Европе». Год 1989-й он назвал «*annus mirabilis*»*, написав о «слезах счастья» при виде Тадеуша Мазовецкого в правительственной ложе польского Сейма. Это был первый некоммунистический премьер в странах Варшавского договора. «Как можно забыть радость при разрушении Берлинской стены 9 ноября, — писал Дарендорф, — и образ обнимающихся людей после двадцати восьми лет размежевания? Как можно забыть пограничников, присоединившихся к общему празднику? Кто мог остаться равнодушным при виде Вацлава Гавела, который в своем, возможно, единственном костюме и галстуке вышел к людям 29 декабря в качестве нового президента Чехословакии? А если уж говорить об увиденном (живем-то в век телевидения!), каждый, кто наблюдал, как румынский диктатор Николае Чаушеску теряет уверенность в себе на митинге, организованном 1 декабря его собственными агентами, на митинге, превратившемся в ходе его речи в демонстрацию против него самого, каждый, кто наблюдал это, понял, каково это, когда владыки теряют самообладание, столкнувшись с волей народа».

Да, это был год чудес, время, как писал Дарендорф, «энтузиазма и надежд». Я тоже разделял этот энтузиазм и эти надежды. Я чувствовал, что на моих глазах меняется моя страна и весь мир, а вместе с ними я должен буду изменить отношение к миру. Я чувствовал, что этику убеждений и ценностей, сформированную в годы демократической оппозиции, я должен буду обогатить или даже преобразовать в этику ответственности за судьбу Польши. Ибо судьба Польши оказалась в наших руках — руках представителей демократической оп-

* Выдающийся год (букв. год чудес) (лат.) (прим. ред.).

позиции, представителей «Солидарности». И с этой судьбой нельзя было шутить. В силу этого у меня было предчувствие, что мы стоим на пороге существенной переоценки ценностей, трудных компромиссов, неоднозначного выбора. Вчерашние враги превращались в противников, оппонентов, но также и партнеров в деле общей заботы о Польше.

В то же время я чувствовал, что должен сохранить в себе отвращение к диктатуре и унижениям, рожденным ею; это отвращение привело меня когда-то в ряды демократической оппозиции и позволяло, используя слова Владимира Набокова, сохранять ироническую усмешку и роскошь презрения к болоту духовного насилия, лжи и страха, которые я наблюдал на протяжении четверти столетия в своей жизни. Это отвращение многократно потом пробуждалось во мне, когда я видел — в новые времена и в новых исторических декорациях — возвращение старых обычаев. Это отвращение тлеет во мне и сегодня, спустя 20 лет. Рухнула Берлинская стена, но осталась ментальность ее стражей, чьи наследники неизменно находят случай, чтобы попирать гражданскую свободу и помыкать человеческим достоинством.

1. Почему пал коммунизм?

История научила нас, что прошлое предвидеть столь же сложно, как и будущее. В тот «год чудес» мы не могли заглянуть в будущее. Да и никто в мире не мог. Сегодня нам не дает покоя прошлое. Мы спрашиваем, и нас тоже спрашивают: почему пал коммунизм? Произошло ли вообще падение этой системы? И что явилось ей на смену?

Мы слышим все больше объяснений, и все чаще они кажутся нам странными. Спор о прошлом превращается в столкновение памяти с забвением, правды с обманом. «Интересно, как историки станут рассказывать о нашей войне?» — спросил немецкий генерал французского политика в 1918 г. при подписании акта капитуляции Германии. «Как бы ни рассказывали, никто не будет утверждать, что Бельгия напала на Германию», — ответил француз.

Сегодня, читая современных историков, у меня складывается впечатление, что Бельгия все-таки напала на Германию... Мне известно, что участники и свидетели событий бывают наименее достоверными источниками сведений. Я был и участником и свидетелем событий. Берлинская стена была символом не только железного занавеса, это была также и колючая стена. Это был, по словам литовского поэта Томаса Венцловы, «бетонный пояс, пересекавший улицы и площади,

парки и даже кладбища». Эта стена должна была напоминать нам, обитателям Восточной и Центральной Европы, что мы живем в тюрьме. Изгнанный из ГДР поэт и демократ Вольф Берманн использовал в своей песне строчку из стихотворения Гёльдерлина: «Стоят немые стены, и холодные штандарты трепещут на ветру». Каждая строчка в песне Берманна начиналась со слов: «В этой стране мы живем как пришельцы в собственном доме, не понимая языка, что заполняет нас». О каком языке пел Берманн? Это был новояз, выхолащивающий мозги, как писал Джордж Оруэлл. Его целью было «отбить охоту к мышлению».

Пока существовали два языка — обычный и новояз, диалог между людьми по обе стороны стены был невозможен. «Мы привыкли к тому, — писал Дарендорф, — что даже такие важные понятия как демократия или права человека имели разное прочтение с той и другой стороны железного занавеса».

После падения стены — железной, колючей мы вернулись к обычному языку. Это касалось также и польского железного занавеса. Я помню начало заседаний круглого стола, когда после вступительного слова профессора Януша Рейковского я заявил, что хоть мы еще и не говорим на одном и том же языке, но уже пользуемся одинаковым алфавитом. Это был саркастический и двусмысленный комплимент: партийно-правительственная делегация отошла от новоязной кириллицы. Мы обрели общий язык. Так спросим же, пользуясь этим самым общим языком: как случилось, что в 1989 г. пала коммунистическая система? Ральф Дарендорф, вдохновитель подобных размышлений, хорошо постиг суть языка мистификации. Чтобы быть точным, он перечисляет три общие черты, характеризовавшие изменения в странах, руководимых коммунистами.

Во-первых, Горбачев. Это он открыл ворота, через которые хлынули Большие Перемены. Во-вторых, «коммунизм нигде не оправдал себя. Это была навязанная силой, подавляющая людей система, которая с самого начала встречала сопротивление и вызывала конфликты». В 1989 г. поднялась очередная волна конфликтов, которую уже не сдерживал страх перед советской интервенцией. В-третьих, нагромождение конфликтов, экономический кризис и реформы в СССР стали «фитилем, ведущим к бочке с порохом».

Тимоти Гартон Эш, лучший наблюдатель и аналитик истории антикоммунистической революции, вспоминал, что идея гражданского общества, свободных собраний, клубов, профсоюзов, независимых от партии и партийного государства, играла принципиальную роль в образе мышления демократической оппозиции. Независимые издательства и научные семинары, художественные акции и религиоз-

ные сообщества делали людей «гражданскими» — эти люди уважали терпимость, многообразие мнений, и не признавали насилия. «Гражданское общество, — уточнял Дарендорф, — заключается в наличии реальных источников власти вне государства, а зачастую — и вопреки ему. Оно означает создание густой сети автономных учреждений и организаций, которая имеет не один, но много центров, в силу чего монополист под эгидой государства не в состоянии ее уничтожить. Гражданское общество в определенном смысле самодостаточно. Государство ему в принципе и не нужно». Государство являлось для этого «гражданского общества» угрозой, поскольку воспринимало его как угрозу для себя. Государство отвечало репрессиями на подобную тактику демократической оппозиции. В Польше и СССР, в Чехословакии, Венгрии и ГДР такие действия, пусть даже и в символически-эмбриональной форме, выстраивали новое гражданское сознание задолго до эпохи Перестройки. В период кризиса их роль оказалась решающей.

Иной точки зрения придерживается профессор Стивен Коткин, блестящий американский историк и аналитик. По его мнению, «большинство исследований уделяет слишком много внимания “оппозиции”, разглагольствуя о так называемом гражданском обществе». Ученые, по утверждению Коткина, слишком редко обращаются к изучению тогдашней коммунистической власти, коммунистического истеблишмента, противостоявшего оппозиции. Так где же правда, когда речь идет о падении коммунизма? Ограничимся пока утверждением, что это не был триумф вульгарного либерализма, полагающего в качестве мотива человеческой деятельности эгоизм и считающего собственным разум источником моральных принципов. Ральф Дарендорф верно подметил, что «страны Центральной и Восточной Европы не для того избавились от коммунистической системы, чтобы броситься в объятия капитализма (каким бы он ни был); они лишь уничтожили закрытую систему во имя открытой».

Наши идеи о создании оазисов открытого общества в государстве коммунистической диктатуры вытекали из уроков новейшей истории. Мы помнили о советских танках на улицах Будапешта в 1956 г., когда было подавлено освободительное восстание венгерского народа, помнили о тех же танках на улицах Праги в 1968 г., когда были растоптаны демократические реформы, проводимые дубчековским руководством КПЧ. Мы понимали, что надо искать другие формы борьбы вместо уличного бунта и надежд на реформы сверху.

На наших глазах рухнули две совершенно отличные друг от друга диктатуры — в Испании и Иране. Мирная трансформация в Ис-

пани явилась результатом соглашения между демократической оппозицией, которая годами создавала легальные и нелегальные структуры гражданского общества (особенно рабочие комиссии), и реформаторским крылом во франкистском лагере. Трансформация была осуществлена путем компромисса, а не революции. В Иране было по-другому. Там направление изменений диктовала улица, а революционное правительство находилось под влиянием исламского фундаментализма. Тегеранские тюрьмы быстро заполнились критиками нового режима.

Наша стратегия была попыткой извлечь уроки из новейшей истории. Создание пространств свободы и переговоры казались нам более разумной тактикой, чем насилие. Поэтому мы внимательно следили за изменениями в России, за горбачевской Перестройкой. Эти перемены сделали возможными переговоры внутри «Солидарности», но прежде всего — в лагере власти. Окидывая взглядом минувшее 20-летие, я считаю наш тогдашний выбор правильным. Он принес большую пользу Польше и польской демократии. Не везде, впрочем, баланс этого 20-летия оказался положительным. Недавно я спрашивал Григория Явлинского, известного экономиста из демократического лагеря: что будет с Россией? Он в ответ рассказал мне анекдот о Чапаеве. В 1917 г. Петька спросил Чапаева: «Мы выиграли революцию, и что будет с нами через двадцать лет?» «Через двадцать лет, — ответил Чапаев, — будет 1937 год».

Только бывшие граждане Советского Союза поймут этот анекдот. А сейчас, спустя 20 лет, что мы имеем? Все эти двадцать лет мы шли дорогой, которую Ральф Дарендорф назвал «долиной слез». Он уже тогда, в 1990 г. предупреждал, что любая революция обладает собственной «анатомией». Все они начинаются с «медового месяца» после свержения старого режима, это — время радости и согласия. Однако длится оно недолго. Скоро революционный лагерь начинает дробиться. «Радикалы» принимаются нападать на «умеренных», обвиняя их в излишней умеренности и апеллируя при этом к настроениям толпы. «Критикуемые теряют контроль над событиями, приходит время экстремистов. Они в меньшинстве, но зато хорошо организованы и воинственны. В конце концов им удастся низвергнуть неудачников — умеренных. Начинается правление террора и насилия. Это страшно». Так звучало предупреждение Дарендорфа, ни на миг не отпускаящее меня. Именно такова была логика французской или большевистской революций. К счастью, в Польше произошло по-другому. Но все же прогноз Дарендорфа в общем сбылся. Процесс «поддержки» умеренных был нормой почти по всем странам, где создавалась

рыночная экономика. Умеренных рыночников атаковали слева и справа. Первые осуждали их за утверждение «дикого капитализма», вторые — за снисходительность к людям старого режима.

К дикому капитализму мы еще вернемся, а сейчас поговорим о расчете со старым режимом. Многие из нас взирали с презрением на действия старого режима в отношении своих противников: на репрессии, унижения и дискриминацию людей, придерживавшихся иных убеждений или имевших несоответствующую биографию. Мы полагали такие действия проявлением мстительности, ненависти и подлости. Многие из нас являлись приверженцами того направления социализма, который, как писал Вацлав Гавел, представлял собой «духовный нонконформизм, бунт против элит, отвращение к обывателям, а также заботу об униженных и оскорбленных». Это была своего рода борьба за свободу, равенство и справедливость; именно поэтому мы и были в антикоммунистической оппозиции. Это означало недопустимость перенимания у коммунистов мстительности и ненависти, мы хотели быть другими. В то же время мы понимали, что людям необходимо отыграться за годы унижений, необходимо утлить свое чувство справедливости.

Мы помнили о предостережении Ральфа Дарендорфа, который писал: «Большинству старых государств Латинской Америки так и не удалось утвердить верховенство закона ни в официальных учреждениях, ни в сердцах и умах своих граждан, и это, несомненно, являлось самой большой их слабостью. Их лидеры и большая часть жителей либо простили преступления старых режимов, либо спешили расквитаться с ними. Прощение вредит общественной морали, а месть рождает насилие. Ни то, ни другое не приводит к свободе. Необходимо вырваться из этого порочного круга».

Дарендорф был прав, но как из него вырваться? С грустью воспринимали мы сообщения о казни румынского диктатора Чаушеску и о жалкой охоте на Хонеккера. Мы хотели свободы, а не казней и охоты. Однако немалая часть общественного мнения считала иначе. Лешек Колаковский, моральный и интеллектуальный авторитет демократической оппозиции, писал в 1991 г.: «Как и следовало ожидать, все народы, пытающиеся что-то построить на руинах коммунизма, ищут сейчас блаженной невинности. Люди изображают из себя героев оппозиции, хотя выглядят чистыми и возмущенными, все время оглядываются на истинных виновников. Видя все это, можно подумать, будто общество состояло из горстки жалких предателей и массы благородных борцов. Действительность, однако, выглядела совершенно иначе. Разумеется, среди лиц старого режима есть подлинны палачи,

люди, выдававшие и исполнявшие самые страшные приказы: чудовища из тайной политической полиции, невежественные и самоуверенные аппаратчики, убежденные, что никогда не утратят власти. Они заслуживают презрения, а иногда и тюрьмы. Однако правда состоит в том, что в большинстве этих стран (в 1970-е и 1980-е гг. Польша была исключением) в антитоталитарную оппозицию входила лишь крохотная часть населения. Эти люди спасли душу народа, но еще недавно любой соотечественник, встречая их, переходил на другую сторону улицы. Подавляющее большинство населения пыталось прожить, приспособившись к внешне незыблемой «системе» — не потому, что они с энтузиазмом принимали коммунистическую идеологию, а просто исходя из элементарного желания жить в условном спокойствии. Массовая оппозиция появилась тогда, когда всем (кроме, возможно, некоторых американских советологов) стало ясно, что тигр на последнем издыхании. Именно те люди, которые приспособивались, переходили на другую сторону улицы, и требовали громче всех расчета с прошлым. Этими криками они пытались, так сказать, смикшировать груз прежних унижений».

Аналогичные требования выдвигала та часть оппозиции, которая, отвергая компромисс, не смогла попасть во власть. Эти люди испытывали глубокое разочарование и считали, что их обманули умеренные. Теперь, встречая их, никто не переходил на другую сторону улицы, их просто перестали замечать. «Neues Forum», организация, руководившая мирной революцией в ГДР, осенью 1989 г. на первых выборах получила 3 % голосов. В других странах было то же самое. Общества, мечтающие о нормальности, отдавали дань своим героям борьбы за свободу, после чего, раньше или позже, отправляли их на политическую пенсию.

Такова судьба революционеров во все времена. Но прежде чем до этого дошло, отодвинутые на вторые роли радикалы обвиняли умеренных из лагеря демократической оппозиции в предательстве, а их партнеров по переговорам из лагеря старого режима (которые также внесли свой вклад в достигнутое соглашение) требовали пригвоздить к позорному столбу. Умеренным же куда важнее представлялось построение правового государства, нежели расчет с историей. Стоит напомнить тезис профессора Коткина о роли правящего режима в демократических преобразованиях. Этот режим формировал «негражданское общество», которое не было защищено правовым государством и не контролировалось им. Коммунистические государства «создавали собственное общество» в виде больших организаций, связанных властью, которая ликвидировала частную собственность.

Какой будет общественная жизнь, решала элита, руководившая «негражданским обществом». В этом состояла основа коммунистического строя. Поэтому так много зависело от государственных лидеров — достаточно сравнить Горбачева или Ельцина с руководством компартии Китая, устроившим резню на площади Тяньаньмэнь, достаточно сопоставить Ярузельского с Хонеккером или Чаушеску.

Коммунистические вожди значительно отличались в 1989 г. Утрируя, можно свести их к двум группам. Одни воспринимали события 1989 г. как повторение процессов 1956 г. или 1968 г., полагая, что после «оттепели» и демократической волны неизбежно наступит увядание новых методов управления. Другие считали, что эпоха брежневского коммунизма неуклонно идет к концу. Хонеккер или Чаушеску хотели просто переждать это вторжение «демократической заразы», они были убеждены, что ее подавят. Для них ответ по типу китайского на площади Тяньаньмэнь был естественным. Сам Коткин упоминает, что китайский способ решения проблемы, т. е. кровавая расправа с манифестантами на площади Небесного Покоя, встретил одобрение у восточногерманских руководителей. Орган ЦК СЕПГ, газета «*Neues Deutschland*» опубликовала статью под названием «Народно-освободительная армия Китая подавила контрреволюционный бунт». В то же самое время венгерское руководство заявило, что это было «низкое и античеловечное преступление». И не было случайным обращение Чаушеску к странам — участникам ОВД в сентябре 1989 г. с призывом оказать «братскую помощь» Польше.

Однако, когда в Берлине, Праге и Бухаресте коммунистические вожди пытались подавить демократическое движение, руководство ПОРП, пусть и неохотно, приняло Большие Перемены. Можно рассуждать на тему, какие мысли обуревали Ярузельского, Раковского или венгерское руководство, однако эти мысли — благородные или нет — не имеют большого значения, главное — факты. А факты таковы: некоторые коммунистические вожди упрямо цеплялись за диктатуру, прибегая к насилию, другие же путем диалога и компромиссов сделали возможным мирный демонтаж системы. Первые проиграли и заслужили недобрую славу, вторые тоже проиграли, но потомки наверняка выразят им (Горбачеву, Ельцину, Яковлеву, Ярузельскому, Горну, Куцану) признательность.

Итак: не аппаратчики ли разрушили коммунизм, видя его экономическую неэффективность? В посткоммунистических кругах, нередко раздраженных фальсифицированием истории со стороны крайне правых, возникло и такое мнение: коммунизм в Польше не проиграл, а был всего лишь «распущен» путем переговоров за кру-

глым столом. Я этого мнения не разделяю. При коммунистическом строе не было места для двусторонних соглашений. Эта вторая сторона, сторона «Солидарности», демократической оппозиции, была эманацией движения, формировавшегося по крайней мере с 1956 г. Оно, это движение, подвергалось репрессиям, ликвидировалось полицией, но упорно возрождалось, чтобы бороться за свободу и человеческое достоинство, за справедливость и правду. И что еще важнее — это движение создавало оазисы свободы, справедливости и правды. В Польше оппозиции в течение более чем десяти лет удалось создать сеть объединений и неформальных организаций, которую мы называли зародышем «гражданского общества». Представители этих объединений, сплотившиеся вокруг Леха Валенсы, были партнерами по переговорам с партийной делегацией за круглым столом. Соглашения, достигнутые за круглым столом, имели переломное значение. Однако коммунизм был свергнут не тогда, а 4 июня 1989 г., и произошло это при помощи бюллетеней, которые избиратели бросали в урны. Благодаря соглашениям круглого стола народ получил шанс высказать свою волю, и шанса этого не упустил. Заслугой лидеров ПОРП является то, что они, хотя не без колебаний, не только приняли к сведению эту волю, но и последовательно уважали ее в дальнейшем. Они ни разу не попытались прибегнуть к «китайскому варианту», и в том их заслуга.

Профессор Коткин высмеивает идею «гражданского общества» как созидательного фактора в процессе разрушения коммунизма (делая, впрочем, исключение для Польши). «Получается, — пишет Коткин, — что несколько сотен, а иногда и десятков диссидентов, несколько преследуемых репрессивными органами сообществ и подпольных издательств (Самиздатов) и составляли это пресловутое гражданское общество? А сотни тысяч партийных и государственных чиновников, сотрудников политической полиции, военных, людей, распоряжавшихся всем государственным имуществом и общественным пространством... они обществом не являлись?» Пожалуй, Коткин слишком увлекается иронией. В мире диктатуры официальная действительность обычно сосуществует с действительностью неофициальной, молчащей, погруженной в бессилие и страх. Острова свободы и сопротивления совсем невелики и немногочисленны, к тому же их неустанно заливают волны репрессий. Однако, когда страх отступает, бессилие перестает быть таким безусловным. Все чаще появляются критические мысли и голоса, люди, не согласные с диктатурой, ищут взаимного согласия. Профессор Коткин утверждает, что «гражданское общество» не могло свергнуть коммунистиче-

скую диктатуру, ибо «чего-то такого тогда просто не существовало». «Это громады коммунистического истеблишмента, “негражданское общество”, сами довели себя до падения, бездарно управляя своими странами, а затем, при Горбачеве, капитулировали либо не захотели капитулировать. И в одно мгновение смелость одиноких диссидентов (десятилетия моральных громов “антиполитики”, “жизни не по лжи”) потонула в гигантском всплеске активности бездеятельных до-селе масс и в оппортунизме элит».

Коткин верно подчеркивает роль Горбачева, взрыв активности масс и оппортунизм гуманитарных элит. Но он ошибается в оценке оппозиции, не понимая, что именно выходцы из демократической оппозиции (маргинальной и малочисленной) становились маркерами для взбудораженных масс и для элит, ищущих выхода из кризисной ситуации. Ведь здесь не происходило ничего привычного. Процесс перестройки, начатый в 1986 г., породил новые надежды, новые начинания и новых лидеров в обществе; прежние моральные авторитеты вновь заблистали. Без понимания роли таких людей и сообществ события 1989 г. становятся непостижимыми, а история этих событий перестает быть подлинной.

Крупные исторические события, как ни банально это прозвучит, всегда представляют собой переплетение тысяч воль и сотен внешних раздражителей, а потому их невозможно свести к одной причине. А потому, как мне кажется, спор о «гражданском обществе» в доперестроечное время лишен смысла. Существенно лишь то, что невозможно описать ту эпоху, не упоминая людей, открыто выступавших против диктатуры: Солженицына и Сахарова, Яноша Киша и Конрада, Желева и Димитровой, Берманна и Шорлемера, Динеску и Плесу.

Отступая от темы, заметим, что существуют и другие версии тех событий. Их особенно культивируют любители теории заговора. Возьмем Россию. Известный российский публицист заявил, что горбачевскую Перестройку, эту «уличную девку Истории», породил нигилизм антикоммунистически настроенных либеральных демократов, работавших в интересах западных держав на деньги американских фондов. Сущностью Перестройки, по утверждению другого российского публициста, было не стремление к свободе, а жестокое, подлое и, разумеется, преступное расхищение государственной собственности: предприятий, газет, банков. Иные, более радикальные критики Перестройки в России писали о роли евреев и масонов, разрушивших в интересах Америки советскую супердержаву. И добавляют теперь, что «эти шакалы» в масках демократов

по-прежнему разрушают Россию, организуя «оранжевые революции» на американские деньги.

Подобные же мысли проскальзывали и в польской публицистике. Известная ученая-социолог заявила, что меры по падению коммунизма были разработаны в КГБ СССР на тайной конференции во Львове в 1985 г. Известный правый политик, дважды занимавший министерские посты, описывал перемены 1989 г. как операцию советских спецслужб. В Восточной Германии появилась теория, согласно которой (по утверждению немецкого историка Стефана Волле) «представители СЕПГ, Службы безопасности и оппозиционных групп получили задание от советского КГБ при молчаливом согласии западных разведок ликвидировать ГДР, а преодоление ее тяжелого наследства “навесить” на объединенную Германию».

Такого рода теории всегда сопутствуют большим историческим потрясениям. Человеческая наивность или бессилие рождают слухи, будто исход победоносной или проигранной войны либо революции был предрешен заговором иезуитов или масонов, евреев или американцев, большевиков или агентов спецслужб. Невозможно переубедить людей, верящих в заговор, ибо отсутствие явных доказательств его существования является для них лишь подтверждением идеального воплощения подобного заговора.

А теперь вернемся к утверждению Коткина о том, что демократическая оппозиция не сыграла существенной роли в свержении коммунизма. И оставим в стороне Польшу, которую Коткин считает исключением. В ГДР оппозиция была немногочисленна, не имела широкой общественной поддержки. Но дело в том, что до августа 1980 г. польская оппозиция тоже была немногочисленна и не имела широкой общественной поддержки. Однако без этих элитарных групп (Комитета защиты рабочих и др.) забастовка в августе 1980 г. не была бы столь хорошо организована, а ее участники не смогли бы так четко сформулировать свои цели. Забастовщики группировались вокруг людей, связанных с КОРОм. Для немецкой оппозиции таким августом явилась осень 1989 г. Поэтому, когда Коткин иронизирует над парой сотен преследуемых властями диссидентов, стоит привести высказывание уже упоминавшегося историка Стефана Волле: «Поглощенная изучением государства и власти историография не хочет признавать, что несколько сотен растрепанных подростков из подвалов приходских школ вкупе с несколькими десятками пасторов низвергли вооруженную до зубов диктатуру. Но ведь именно так и было». «Политики и дипломаты, — добавляет Волле, — аналитики спецслужб, социологи и политологи, заумные реформаторы из офи-

циальных учреждений — все они планировали и предвидели, совершенно не соприкасаясь с действительностью. Самые смелые из них грезили о чем-то вроде восточногерманской Перестройки, которая, сохранив влияние партии и предоставляемые ей привилегии, смогла бы усовершенствовать систему и приблизить ее к западной. Но мечтатели и романтики спутали им все карты».

Эти мечтатели спутали карты сильным мира сего во всех государствах советского блока. У оппозиционеров не было ясной программы. Наверняка большинство из них не думало о распаде СССР, хотя кому-то, возможно, он и снился. Наверняка это большинство не намеревалось строить капитализм. Однако не без участия демократической оппозиции Советский Союз распался, а вместе со свободой, независимостью и парламентской демократией на сцену вышли рыночное хозяйство и логика частной собственности. Разумеется, без горбачевской Перестройки польская, чехословацкая, венгерская или восточногерманская оппозиции не имели бы никаких шансов. Однако без этой оппозиции Перестройка не привела бы к падению коммунистической диктатуры. Процесс Больших Перемен помог романтикам из демократической оппозиции, а эти романтики помогли придать изменениям соответствующее направление. Они были маленьким камешком, но словно бы помнили слова польского поэта, написавшего: «Когда лавины вниз идут, Пути им камни задают». Эти романтики задали путь лавине. Они сделали возможным невозможное, ибо не знали, что это невозможно.

Один российский ученый заявил в период президентства Ельцина: «То, что нам рассказывали о социализме, было неправдой. Но то, что нам рассказывали о капитализме, оказалось правдой». Один восточный немец высказал такую же мысль: разрушение Берлинской стены обогатило бывших граждан ГДР новым опытом, «опытом лишения собственного мнения и подчинения чужим решениям». Но что именно случилось? «Началась погоня за западными марками, распродажа Востока и большой процесс, немедленно втянувший в себя демократическое движение. Вместо древа свободы люди отныне плясали вокруг золотого тельца в виде общества благосостояния». Для многих это означало возвращение к норме, но для других — «расставание с преданной надеждой».

Попробую восстановить сейчас свои тогдашние чувства: я радовался свободе, но видел ее горькие парадоксы. Вновь обретенная свобода привела Польшу к рыночной экономике и смелым реформам Лешека Бальцеровича. Но именно рабочие, которые забастовками добились этой свободы, первыми пали ее жертвой, именно их

затронула безработица. Не могу сказать, что я испытывал от этого моральный комфорт. Но когда я выразил эту свою неловкость, мне ответили одной историей: на фабрике, производившей бюсты Ленина, начались массовые сокращения. Причина была банальна: исчез спрос на продукцию. Не имел значения факт, что ранее трудящиеся этой фабрики работали очень успешно и даже получали премии за хорошее качество изделий. Крах коммунистического строя означал катастрофу для их предприятия. Фабрика оказалась перед выбором: реструктуризация предприятия, переход на новую продукцию или банкротство. А ведь раньше люди не вставали перед таким выбором, в эпоху коммунизма они бастовали за свободу, права трудящихся и повышение зарплат, а добастовались до банкротства своей фабрики.

В этой истории таилось грозное предзнаменование — банкротство гданьской судовой верфи имени Ленина, колыбели «Солидарности». Закрытие судовой верфи привело к конфликту, который не раз привлекал к себе общественное мнение; капитализм показал свои зубы. Ничего удивительного, что значительная часть мира труда почувствовала себя обиженной и отвергнутой свободной Польшей. Ральф Дарендорф предупреждал в 1990 г., что смена строя, пусть даже на более совершенный, требует определенной цены, причем цены высокой, и заплатить ее должно будет общество. Он писал: «Появится подкласс длительных безработных или постоянно бедных, возникнет угроза нашим ценностям или даже нашим обществам». Может сформироваться также, предупреждал он, «игорный капитализм, где деньги делаются из денег, а не путем создания постоянного источника доходов». Это может впоследствии привести к биржевым крахам и общественному недовольству, поскольку «жадность, обман и близорукость слишком часто вытесняют честный бизнес и стратегическое мышление, не говоря уж о заботе о ближнем». Экономические реформы «всегда ведут через долину слез», — писал беспощадный Дарендорф. «Чтобы стало лучше, сначала должно стать хуже. Даже если последовательная политика приведет к тому, что магазины наполнятся товарами, а деньги приобретут реальную ценность, не подменяемую курсом черного рынка, многие люди все равно будут получать слишком низкую зарплату, чтобы позволить себе эти товары, а многие и вовсе будут лишены работы. Трудно сказать, сколько займет путь через эту долину, но наверняка больше, чем срок работы первого парламента. Весьма вероятно, что все это вызовет разочарование у многих людей, настолько сильное, что оно поставит под угрозу новую конституционную структуру и экономические реформы, которые так много обещали и так мало принесли добра населению».

Слова Дарендорфа попали в самую точку. Поэтому сегодня, спустя двадцать лет, стоит задаться вопросом, какая из угроз таила наибольшую опасность для польской трансформации и почему мы можем говорить о ее успехе.

В любом случае совсем нелишне будет напомнить, что каков бы ни был успех, он всегда остается неполным.

2. Разочарованные победители

Революционеры-победители всегда пребывают в разочаровании. А победившие революции неизменно наталкиваются на обвинение в предательстве своих идеалов. При этом обвиняют их как сами революционеры, так и народы, которых пытались осчастливить захватившие власть бунтовщики. Предательство заключается в том, что одни революции не были доведены до конца, а другие, наоборот, слишком уж доведены. Якобинцы и большевики закончили свои революции кровавым террором, революции 1989 г. остались «незавершенными».

Юрген Хабермас назвал события 1989 г. «дополнительной революцией» — она «дополняла» мещанскую революцию 1788 г. Я не разделяю такого подхода: ни одна из революций 1989 г. не обещала масштабной приватизации и огромного социального неравенства, стремительного роста преступности, коррупции и мафии, а также постоянной безработицы. Но именно это и стало для поляков и других народов реалиями посткоммунизма. Все это не могло уравновеситься политическими и экономическими свободами, ликвидацией цензуры и открытием границ. В 1990 г. один российский историк написал: «Ликвидация деспотического строя не вела к демократическим и либеральным ценностям, это был лишь сигнал к бескровному и дикому обогащению. Многовековой менталитет раба, который не видит смысла в своем труде, но ожидает немедленного чуда, проявился во всплеске насилия, цинизма и холодного прагматизма взяточников».

Подобный тон имеет место и в других странах. Расстроенные революционеры расписываются таким образом в моральном поражении революции. Эта черта новейшей истории является свидетельством искаленного несправедливостью сознания. Как любая черта, она состоит из неуверенности и стресса, мечтаний и гордости, из огорчений и боли. В любой из таких черт наряду со смелостью и достоинством присутствуют мания величия и ничтожество. И каждая такая черта пробуждает эмоции и является сборником рассказов о современности.

В силу этого есть разные взгляды на трансформацию. Восточный немец не будет описывать ее так, как русский, а венгр совершенно разойдется с украинцем. Поляки в этом смысле не исключение. К тому же в любой стране сосуществуют друг с другом противоречивые версии событий: для одних трансформация стала успехом, для других — неудачей. Другими словами, спор ведется вокруг того, является ли стакан наполовину пустым или наполовину полным. Я считаю, что стакан наполовину полон, и в этом вижу большое достижение польской трансформации. При этом я не забываю, что стакан полон лишь наполовину, т. е. немало людей не получили от нее ничего.

«Положение нынче хуже, чем до перемен. Тогда нас переполнял оптимизм, мы верили, что идем прямым путем к общественно-экономической справедливости, к демократии и толерантности. Сегодня чувствуется большое разочарование. Разумеется, многое изменилось. Появилось новое поколение политиков. Та часть населения, которая раньше была исключена из легальной политической и хозяйственной жизни, сегодня может в ней участвовать. Но вместе с тем мы видим коллапс разных учреждений, гигантский рост коррупции и раздачу беспочвенных обещаний. Пропасть между богатыми и бедными стала еще глубже. С той лишь разницей, что сегодня среди богатых имеется немало прежних деятелей оппозиции». Эти слова звучат удивительно знакомо. Однако их произнес не один из антикоммунистических диссидентов, а борец с апартеидом в Южной Африке Брейтон Брейтенбах. Сегодня, спустя 15 лет после победы над апартеидом, он полон горечи. Но подчеркнем: революционеры всегда разочаровываются.

Стефан Волле, историк из бывшего ГДР, напоминает, что дорога в оппозицию начиналась с отказа от карьеры, денег и общественного престижа. В оппозиции, пишет Волле, «было полно поэтов, не опубликовавших ни одного стихотворения, художников, не выставивших ни одной картины, философов, в одиночестве строящих свои концепции, ибо ни одно издательство не принимало их трудов к печати». Однако эта непричастность к официальной жизни становилась отличительной чертой нонконформизма в оппозиционной среде. Волле писал: «Весь мир отражался, как в зеркале. Те, кто не смог пробиться, считались героями, а те, кому повезло, ходили с клеймом неудачников». Блестящий парадокс немецкого историка содержит долю правды, но в нем есть и злорадное преувеличение. Среди оппозиционеров были и выдающиеся поэты, и известные художники, и знаменитые философы. Но Волле прав, когда замечает, что после падения ГДР «обычный мир начал требовать подтверждений,

званий, списков публикаций и свидетельств о наличии опыта работы на руководящих постах». Поэтому «пробуждение было горьким и даже жестоким. Кому-то удалось вернуться к нормальной жизни, другие сидели в углу и продолжали обвинять общество в своих бедах, заменив сталинскую диктатуру на злобный капитализм». Так обстояли дела во всех странах, избавившихся от железного занавеса.

Однако разочарованы были не только революционеры. По мнению исследователей, чувство неудовлетворенности испытывали также лица с низким образованием и низкой квалификацией, работники ликвидируемых ветвей производства, а также жители бедных, особенно сельских, районов. Это люди, живущие в бедности, зачастую безработные и не участвующие в общественной жизни. Их судьбы свидетельствуют о критической оценке произошедшей трансформации. Взирая с высоты минувших лет, можно констатировать, что цена реформ для таких людей оказалась невыносима. Их просто выкинули на обочину жизни, приговорив к апатии, безнадеге и прозябанию на уровне прожиточного минимума. В Польше, скажет иной критик, самая массовая безработица в Европе, причем все сменяющие друг друга правительства не проводили никакой осмысленной политики, чтобы поправить ситуацию и уравнивать шансы. Для безработных, жителей деревни и малых городков заблокирован или сильно ограничен доступ к образованию и здравоохранению. Такова картина жизни людей, ущемленных постсоциалистической трансформацией, которая изменила существовавшие прежде общественные механизмы и обычаи. Они охвачены пессимизмом и боятся будущего. Их сознание угнетено растущей преступностью и скандалами, связанными с образом жизни политической и деловой элиты: коррупцией, кумовством, nepotизмом. Вновь появилась категория «их» (т. е. руководящих), которым все дозволено и которые освобождены от ответственности — юридической или моральной. Социологи утверждают, что приемчики некоторых власть имущих, которые, оказавшись под градусом обвинений, пытаются заслоняться обществом (или по крайней мере той его частью, которая ничего не получила от трансформации), лишь вредят государству. Именно проигравшие от реформ охотнее всего поддаются популистской и радикальной риторике, используемой для получения голосов на выборах. Разочарование и ущемленное чувство всегда играют на руку политической демагогии. Создается впечатление, что политика — это искусство обмана и воровства, где честность приводит к бедности, а богатство всегда строится на мошенничестве.

Примером этого явилась приватизация. Общественное мнение единодушно в ее оценке как захвате государственного имущества

вместо реструктуризации и модернизации экономики при помощи перестройки системы собственности. Следствием приватизации стали сокращения и безработица, а также уменьшение роли профсоюзов. Для всех приватизация стала символом коррупционных скандалов, подобно тому как реформа местного самоуправления, а особенно высокие оклады чиновников и советников стали поводом говорить о ней как о «погоне за деньгами». Негативное мнение о политической элите перенесено и на местный уровень. Один председатель местного самоуправления заявил: «Мы проиграли в этой трансформации. Не успели приспособиться к переменам, не умеем инвестировать, чтобы дать какие-то шансы молодежи. Из новых явлений мы быстрее усваиваем плохое, нежели перспективное».

Критик трансформации добавит к этому, что среди членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию Польша находится на последнем месте по уровню внедрения новых технологий, а коэффициент инноваций в стране в четыре раза ниже, чем в среднем по Евросоюзу; что у нас слабая компьютеризация, недостаточно развит интернет и уменьшается количество библиотек. Зато растут преступность (особенно среди молодежи), алкоголизм, проституция, наркомания, возникает все больше агрессивных субкультур. Растет коррупция, чему благоприятствует система произвольных решений (особенно в строительстве) и организация аукционов. Коррупции потворствуют также налоговые службы, экзамены на получение водительских прав, разного рода порочные явления в спорте, отвратительная работа судов и здравоохранения.

На фоне других коммунистических стран Польша выделялась активностью своих рабочих, не раз выступавших против диктатуры. И вот парадокс: именно рабочих яростнее всего отстраняют от общественной жизни в ходе трансформации. По мнению такого специалиста в этом вопросе как Юлиуш Гардовский, польский рабочий класс заплатил относительно более высокую цену за слом коммунизма, чем рабочие других стран. По мнению данного исследователя, «осознание проблем, которые встали перед правительством Тадеуша Мазовецкого, привело к тому, что именно рабочий класс был воспринят как главное препятствие на пути к реформированию страны. Особенно его основа, рабочие крупных предприятий... После перелома 1989 г. диалог в обществе был прекращен ради быстрого и успешного проведения в жизнь преобразований в экономике». Не мешало этому даже то, что «смена строя произошла как раз благодаря диалогу между большинством общества, представленного “Солидарностью”, и последним правительством авторитарного социализма». Следстви-

ем трансформации явилось «последовательное отстранение рабочего класса от общественной жизни, а профсоюзов — от политики... Правительство ликвидировало контрольные учреждения, унаследованные от авторитарного социализма (например, экономическую полицию), предоставило широкую свободу рук частной инициативе, упразднило государственные монополии (например, во внешней торговле), ограничило влияние государства на экономику». Короче говоря, правительство отвергло программу «Солидарности» периода 1980–1981 гг. вместе с идеей проникновения профсоюзов в систему управления и философией общественного диалога и бросило рабочий класс на произвол судьбы.

Социологические исследования указывают, что рабочие весьма критически относятся к произошедшим переменам. Они говорят: «все труднее найти работу», «все больше людей не могут свести концы с концами», растет чувство опасности и неуверенности в будущем, растет эгоизм, поскольку «каждый заботится только о себе», а «власть не заботится о людях». Результатом всего этого становится раздробление общества, моральное разобщение и разрыв межчеловеческих связей. Усугубляются патологические явления, снижается качество общественных дебатов. Повсеместным становится недостаток взаимного доверия. Люди не верят в порядочность, честность и компетентность как других людей, так и целых учреждений, не верят, что государство является общей ценностью, а не врагом любого общества.

Эдмунд Внук-Липиньский писал: «Солидарность разделилась очень грязно, в атмосфере мелочной зависти, подозрений в низких намерениях, в сотруничестве со спецслужбами, в жадности и частных расчетах. В общественном мнении сентиментальная госпожа С., какой ее помнили в 80-е годы, превратилась в ведьму, время от времени грозно размахивающую рукояткой от кирки, швыряющую болты и жгущую куклы собственных лидеров, да еще и сорящую уличными словечками... Общественное мнение видит лишь беспардонную борьбу за власть, деньги и влияние. Высокие ценности (свобода, независимость, соблюдение закона, честь, патриотизм, достоинство и уважение к личности противника) используются лишь для достижения своих целей... В нынешних условиях даже святой Павел со своей запутанной биографией находился бы на большом подозрении... Нет лучшего способа потерять поддержку общества, чем торговаться за посты и синекуры для своих, пусть и некомпетентных сторонников. Синдром АТСМ (а теперь, сука, мы) стал настолько явным в современной политике, что превратился в характерную черту всей посткоммунистической элиты». А тем временем, замечает Антоний

З. Каминьский, «дороги в ужасном состоянии, железнодорожная система в кризисе, управление охвачено хаосом, уровень просвещения остается низким, качество законов плохое, коррупция превосходит все, что видели за свою жизнь несколько поколений поляков», парламент же «превратился в ярмарку тщеславия, место улаживания личных проблем между несколькими политическими кликами, а также их клиентами и патронами».

Возникло государство, зараженное патологией корпоративных связей, каковая в свою очередь зиждется на всей совокупности экономических, культурных и общественных факторов. К таковым факторам, по мнению Мариуша Енджейко, относятся: безработица, невозможность обеспечить семью, трудности в повышении квалификации, разрыв семейных связей, ограниченный доступ к культуре, спорту и образованию, ослабление общественных связей, отказ школы от воспитательной функции, негативные образцы поведения, раскручиваемые масс-культурой, культурная и спортивная заброшенность молодежи, развитие альтернативных и порочных субкультур (сект, например), затихающая активность общества на местном уровне. Этот печальный список должен вызывать беспокойство даже у энтузиастов трансформации.

Трансформацию по-польски называли «шоковой терапией», а каждый шок вызывает стресс и растерянность. Результатом этого являются вышеперечисленные опасности и патологии. Однако бесстрастный взгляд на современную Польшу позволяет несколько сгладить этот черный образ. Самооценка поляков, еще недавно полная пессимизма и страхов, начинается меняться. Истинная картина трансформации куда менее драматична, чем может показаться. Последние 20 лет — это лучшие годы в истории Польши за истекшие три столетия.

Экономика перешла на новые рельсы и развивается вопреки штампу о «*polnische wirtschaft*»*, уровень жизни растет, уважаются гражданские свободы, господствует демократия, для поляков открыт мир. Международное положение Польши также весьма благоприятно, что является заслугой почти всех польских правительств. Ежи Хауснер писал в 2004 г.: «В Польше сейчас самая выгодная экономическая ситуация среди всех стран Центральной Европы. У нас самая низкая инфляция, самое выгодное сальдо текущих расчетов с границей, а по темпу экономического роста мы уступаем лишь Словакии, у которой куда худшие прогнозы на следующий год, чем у нас».

* *polnische Wirtschaft* (нем.) — букв. польская экономика (*прим. ред.*).

Социолог Юлиуш Гардовский, изучающий положение рабочего класса, указывает, что хотя трансформация отстранила рабочих от принятия решений, ее результаты были приняты с одобрением большинством поляков, в том числе и большинством занятых на рабочих профессиях. Это отстранение, по утверждению Гардовского, «произошло во имя трансгрессивного интереса польского общества, которое выходило на арену международной конкуренции с очень малыми резервами, да еще и отягощенное общественной структурой и устремлениями, не благоприятствующими успеху в этой конкурентной борьбе». Гардовский, будучи сторонником общественного диалога (по образцу скандинавского), замечает, однако: «Сомнительно, чтобы путем переговоров с представителями профсоюзов можно было осуществить шоковую терапию на рубеже 1989–1990 гг. Следует помнить, что профсоюзы, входившие в ОНР [Общепольский профсоюз рабочих], выступали против такой реформы и требовали индексации зарплат, каковая могла болезненно сказаться на польской экономике. К тому же конфликт между “Солидарностью” и ОНР затруднял достижение компромисса».

В верхах «Солидарности» не было согласия относительно темпов и направления реформ, зато у Лешека Бальцеровича имелась четкая программа. Это он провел Польшу через «долину слез». «Проходя сквозь эту долину, — писал Ральф Дарендорф, — надо следить, чтобы правительство не колебалось и не сворачивало с курса, не проявляло мягкотелости в угоду настроениям общества, ибо это может вызвать катастрофу. Здесь нужно, с одной стороны, соблюсти равновесие, а с другой — позволить правительству осуществлять свои властные полномочия». Равновесие обеспечивали премьер Тадеуш Мазовецкий, министр труда Яцек Куронь, а также парламентская фракция, руководимая Брониславом Геремеком. Нельзя также забывать и о роли в то время президента Войцеха Ярузельского в поддержании этого равновесия.

Шоковая терапия Бальцеровича позволяла принимать быстрые и радикальные решения. Это, конечно, избавляло от необходимости многомесячных консультаций, но прокладывало путь разного рода популистам. Последние вызвали раскол в лагере «Солидарности», однако общее направление реформы осталось прежним, и гарантией этого выступил президент Лех Валенса. Профсоюзы волей-неволей приняли пакет предложений Бальцеровича. К рабочему классу обратились с пакетом иных предложений. Гардовский пишет: «Прежде всего удовлетворили потребительский спрос работников. Были созданы также условия для частной инициативы в исполнении рабочих,

недаром треть малых и средних предприятий была основана бывшими рабочими».

Позднейшие проекты «пакта о предприятии», продвигавшиеся Яцеком Куронем, были отвергнуты, что привело к дальнейшему уменьшению влияния профсоюзов. Однако рабочие характеризовали свое самосознание моральными, религиозными и национальными понятиями, а вовсе не классовыми. Одновременно по образцу Западной Европы изменялась природа рабочего класса. На первый план выходила забота о материальном благополучии собственной семьи, о порядке и правовой справедливости. Классовые конфликты, как и предвидел Ральф Дарендорф, преобразовались в общественную мобильность индивидуумов. Изменялась также общественно-политическая сцена. На место прежнего разделения на «Польшу Солидарности» и «Польшу посткоммунистов» пришли иные размежевания.

Социолог Анна Гиза-Полещук отмечала, что наиболее яркой чертой польского общества является его «двувекторность». С одной стороны, появляется современная, космополитическая, хорошо зарабатывающая и путешествующая по миру Польша. С другой же — все более отчетливо формируется Польша отсталая: традиционная, сельская, выброшенная на обочину. Путешествие из Варшавы в северо-западные деревни страны напоминает путешествие во времени. В свою очередь, социолог Мария Ярош обращает внимание на региональное разделение, на Польшу «А» и Польшу «Б», т. е. на традиционно бедные и модернизированные районы. Другой социолог, Мирослава Мароды, усматривает размежевание по способу зарабатывания денег. Она выделяет «Польшу капитала», живущую по правилам рыночной экономики, «Польшу учреждений», трудящуюся на государственных постах, и «Польшу пособий», живущую на государственную помощь. Наконец, с легкой руки Ярослава Качиньского появилось разделение на «солидарную Польшу» и «либеральную Польшу». Не ушло в прошлое и размежевание на правых и левых. Разнообразие этих разделений определяет разнообразие мнений о трансформации.

Мария Ярош, сосредоточивая свое внимание на неудачах и темных сторонах трансформации, делает, однако, вывод, что, невзирая на печальную судьбу проигравших в этой трансформации, невзирая на некомпетентность и разложение значительной части политической и экономической элиты, невзирая на закулисные игры людей из спецслужб, «не подлежит сомнению, что польская трансформация прошла успешно, и мы можем этим гордиться». Она также обратила внимание, что в сравнении с другими странами, распространение коррупции у нас на удивление мало, а «показатель развития демократии

помещает Польшу на первое место» среди всех посткоммунистических стран. Эти данные, по мнению Марии Ярош, «на корню опровергают все рассуждения об отсутствии достижений у III Республики». А ведь упомянутые рассуждения частенько становятся основой для призыва к разрушению этой республики и к построению следующей, Четвертой.

Раскрывая многочисленные ловушки, поджидающие путешественников через «долину слез», самой опасной Ральф Дарендорф полагал фашизм. «Я имею в виду, — писал он, — соединение ностальгии по четко очерченной групповой принадлежности, с новой политической монополией какого-либо человека или движения, а также с упором на организованность и мобилизованность в ущерб свободе выбора. Правовое государство может быть тогда отменено, диссиденты и отщепенцы попали бы в тюрьмы, все меньшинства оказались бы под давлением большинства и подверглись бы дискриминации. Такой фашизм не обязан быть столь же страшным, как гитлеровский нацизм, ему не обязательно должен сопутствовать геноцид (хотя он не исключен). Но в любом случае имеется тирания, которая черпает из источников то, что мы привыкли именовать границей, ибо она опирается на войско и другие силы “закона и порядка”, обращается к реакционным чувствам и тоскует по утраченному золотому веку, вовсе не стремясь к построению будущей утопии. Такой фашизм носит много масок: Муссолини и Франко, Перес и Пиночет».

К такой катастрофе, по утверждению Дарендорфа, может привести не только «упадок центральной власти» или «разочарование в демократических обещаниях». Его тревожил также «рост антисемитизма и национализма, имеющий мало общего с самосознанием народа или государства, зато много — с этнической чистотой и неприязнью к чужим». Дарендорф боялся последствий «внезапного удара современного индустриального мира по не готовому к этому обществу, сохранившему в себе с авторитарных времен множество социальных водоразделов». В такой миг «важные общественные группы чувствуют себя дезориентированными и выведенными из равновесия. Они чувствуют, что задержались где-то на полдороге между старым и новым. Они одинаково ненавидят социализм и капитализм, нуворишей и нищих».

В таких группах обращение к прошлому может иметь успех. Дарендорф цитирует Филиппа Рота: «На обществах, которые в сороковые годы оказались в советской зоне влияния, по-прежнему лежит довоенный верникс... Я боюсь даже помыслить о той совокупности военных предводителей, экономических плановиков и расистских идеологов,

которой разочарованные и лишенные точки опоры группы могли бы передать власть. Вначале нужно быть бдительным! Почти за каждым углом затаились фундаменталисты, которые только и ждут, чтобы поживиться за счет колеблющихся на дороге к свободе».

Сейчас, спустя 20 лет, я изумляюсь пронизательности Дарендорфа. Посткоммунистическая Европа увидела горящие дома беженцев в бывшей ГДР и молодых неонацистов на восточных землях объединенной Германии, увидела этнический национализм, ксенофобию, популизм, авторитарные тенденции в любой посткоммунистической стране. Томаш Венцлова заметил как-то, что образ посткоммунистических стран создают циничные посткоммунисты и истеричные националисты. В бывших советских республиках Средней Азии коммунистические элиты преобразовались в национальные диктатуры, в Сербии Слободан Милошевич доказал, что высшей стадией гниющего коммунизма является этнический шовинизм.

Подобные тенденции проявились везде: евроскептицизм, популизм, ксенофобия, авторитаризм оказались ответом на трудности пути через «долину слез». Это не фашизм, но это признак отступления от принципов демократического и правового государства в пользу утверждения, будто «новая система означает манипуляции и болтовню в парламенте, а также воровство в экономике». Большие общественные группы утратили ориентиры; бедность и хаос в России открыли дорогу демагогии и клеветничеству в публичной жизни; все более сильными становились коммунистическая партия Зюганова и фашизирующая партия Жириновского. Демократические и рыночные реформы называли демократией и приватизацией, их также называли торжеством космополитизма, эгоизма, циничного гедонизма и размывания моральных ценностей. Все это сопровождалось возрождением имперской риторики, шовинизма и милитаризма, авторитарных методов управления; появились бесы новой эпохи. Противник этих бесов говорил, что они присягают своей любовью к России, что они ее любят так же, как «блохи любят пса, на которого запрыгнули». Положение России оценивалось как «распад государства».

На этой волне пришел к власти и завоевал большую популярность Владимир Путин со своей идеей суверенной демократии. При нем произошел пересмотр подхода к странам «ближнего зарубежья». Аналитик Модест Колеров, будучи приверженцем Путина, следующим образом описывает постсоветские страны:

– во-первых, политические элиты этих стран объявили себя борниками свободы и независимости, но без колебаний связались с

наднациональными организациями, чьи принципы куда более суровы, чем у Советского Союза;

– во-вторых, ни в одной из этих стран не существует подлинной пророссийской ориентации;

– в-третьих, везде погоду делает национализм, иногда — мягкий, а иногда — радикальный; это сопровождается переписыванием учебников истории в сторону более националистического взгляда на Россию;

– в-четвертых, во всех этих странах растут расходы на вооружения, и очевиден рост милитаризма;

– в-пятых, всюду активно вмешиваются в политику спецслужбы, которые часто становятся главной причиной смены правительств;

– в-шестых, везде процветает национальный изоляционизм, а русский язык всячески ограничивается;

– в-седьмых, везде господствует, причем еще очевиднее, чем в России, власть кланов, и никакая «оранжевая революция» не в силах этого изменить;

– в-восьмых, все эти страны — унитарны, и только Россия является федерацией;

– в-девятых, повсюду чувствуется недостаток нормальных политических партий; почти все партии создаются там вокруг вождя, клана или преступной группировки; исключениями являются лишь посткоммунистические партии (к примеру, в Литве или Молдавии).

Такова картина бывших советских республик, как ее видят из путинской Москвы — столицы суверенной демократии. А как в таком случае выглядит сама Россия? Приверженцы суверенной демократии видят свою страну как государство со все более сильной и эффективной властью. Они говорят: Петр Первый хотел сделать из русских голландцев или немцев, Павел Первый желал превратить русских солдат в пруссаков, большевики преобразовывали сотни народов в советских людей; люди Перестройки пытались сделать из них несуществующую расу общечеловеков, а реформаторы девяностых годов вообще относились с недоверием к словам «русский» и «национальный». В то время как Россией должна управлять российская национальная власть, и именно эта власть должна разрешать вести дела на территории России, а не российские бизнесмены, связанные с Западом. И не должно быть такого, чтобы олигарх решал, кому быть министром — наоборот, министр должен определять, кому быть бизнесменом.

Трудно более четко описать суть политики суверенной демократии Путина. Критики Путина объясняют его неприязнь к открытому

рынку стремлением поставить под свой контроль весь российский бизнес, чтобы делать миллионеров из государственных служащих, и уничтожать огромные состояния при помощи пародии на правосудие. Подтверждением этого является дело Ходорковского. По мнению критиков, суверенная демократия Путина — это то же самое, что суверенная диктатура. Суверенная демократия — это когда под лозунгами защиты суверенитета делают дураков из собственного народа и из международной общественности, когда людей лишают возможности знать правду, а оппозицию — представлять свою точку зрения, когда у народа отбирают право выбора. Эта политика заключается в ликвидации всех сообществ и механизмов, которые ограничивают власть Путина, и служит она не повышению эффективности власти, а ее вседозволенности. Путин и его люди считают, что демократия означает слабость, а концентрация власти в одних руках — силу. Поэтому с помощью истерии повсеместной угрозы России были ликвидированы все независимые телевизионные станции, ограничена компетенция парламента и местных «шишек», которые при Ельцине частично уравнивали власть президента, ликвидирована независимость судей, изгнаны либо посажены в тюрьму противники режима из мира бизнеса, сам бизнес наспигован выходцами из спецслужб, и при помощи нового закона о выборах уничтожены все демократические партии.

Таковы характерные черты строя, который я называю путинизмом. Странники такой системы найдутся в любой посткоммунистической стране. Они отличаются друг от друга биографиями, идеологиями, политической окраской, но все объединены стремлением осуществлять власть по образцу Путина. В Польше путинскую систему в течение двух лет своего нахождения у государственного руля пыталась внедрить партия Право и Справедливость (ПиС) — партия Ярослава Качиньского. К счастью, это был незавершенный путинизм. В риторике ПиС преобладало двоякое разделение Польши: на «Польшу солидарную» и «Польшу посткоммунистическую», а также «Польшу солидарную» и «Польшу либеральную». ПиС выставляла себя сторонницей Польши «солидарной», Польши «простых людей», у которых тайный и зловещий «сговор» отобрал государство. ПиС обещала вернуть Польшу полякам, разоблачить заговор «красных» и «розовых» (т. е. посткоммунистов и их союзников) с помощью «моральной революции», а вместо выродившейся III Республики построить Четвертую.

Один из наблюдателей заметил, что ПиС прибегает в своей риторике к «моральной алхимии», которая, согласно определению

Роберта Мертона, означает, что «одно и то же поведение следует оценивать по-разному в зависимости от того, о ком идет речь». А стало быть, «они» лгут и клеветают, а «мы» просто по-новому интерпретируем факты. Разделяя Польшу на «солидарную» и «либеральную», ПиС делит страну на своих сторонников и всех остальных. Яцек Жаковский, автор прекрасной книги о феномене ПиС («Научка»), саркастически заметил, что «в свете заявлений Ярослава Качиньского неизвестно, можно ли вообще считаться приличным человеком и польским патриотом, если вы не член ПиС или хотя бы не голосуете за эту партию».

Согласно Ярославу Качиньскому, Польша после 1989 г. — это страна, охваченная национальной катастрофой, и управляемая агентами коммунистической госбезопасности, коих следует выявить и убрать из общественной жизни. Для этого необходимы революционные шаги и отказ от длительных юридических процедур, признающих презумпцию невиновности; необходим также отказ от уважения к авторитетным людям, именуемым теперь «лжеэлитой», и выведение их на чистую воду при помощи архивов коммунистической тайной полиции. Необходимо также преодолеть сопротивление оппонентов, которые являются, по сути, «фронтом обороны преступников», нужно перестать относиться толерантно к средствам массовой информации и журналистам, которые не приветствуют «моральную революцию». Этих защитников III Республики нужно запугать и привести к покорности, либо разоблачить и вышвырнуть из общественной жизни как посткоммунистов или потомков коммунистов, как агентов или защитников агентов.

С этого момента страной должна управлять ПиС и ее союзники — две небольшие партии, одна из которой собрана из третьеразрядных посткоммунистов, а вторая обращается в своей традиции непосредственно к довоенным правым политикам профашистского толка. ПиС — это партия вождистского типа. Стратегия вождя заключается в непрерывном провоцировании конфликтов: с юристами и журналистами, с врачами и научными сотрудниками. Этому же служит периодическая мобилизация своих сторонников для подчинения себе государства: средств массовой информации и центральных банков, прокуратуры и судов, вузов и адвокатуры, местного самоуправления и бизнеса. В тех же целях создаются новые учреждения вроде Института национальной памяти (ИПН) и Центрального антикоррупционного бюро (ЦАБ), которые, дублируя уже существующие органы, должны создавать атмосферу подозрительности и недоверия, неуверенности и страха. Оба эти учреждения должны неформальным

образом проводить политическую (ИПН) и экономическую (ЦАБ) люстрацию; все граждане переводятся в статус подозрительных. «Основой писовской мифологии, — писал Яцек Жаковский, — стала предполагаемая измена и ее невидимые пружины: сговор, мафия, опутавшие страну тайные сети, ключевыми звеньями которых являются агенты и их пособники». И вот средства массовой информации, расположенные к ПиС, непрерывным потоком получают компромат на противников Ярослава Качиньского, а телевидение показывает аресты политиков, врачей, спортивных деятелей и бизнесменов. Обычным делом становятся скрытые камеры, установленные сотрудниками ЦАБ во врачебных кабинетах, телефонная прослушка, провокации, организованные новым аппаратом госбезопасности.

Первый раз после 1989 г. в польские дома вошел страх, политики ПиС и поддерживающие их журналисты выносили приговоры, не дожидаясь решения суда. И люди были бессильны обжаловать эти приговоры, сыпавшиеся на них из телевизионных программ и пресс-конференций. Яцек Жаковский писал: «Политиками ПиС руководило чувство исторической миссии, осажденной крепости, а также вера в то, что за все свои ошибки можно будет возложить ответственность на какой-то таинственный сговор и какие-то тут же придуманные враждебные центры, а в случае чего направить общественный гнев на очередных врагов. Сообщества, отличающиеся глубокой подозрительностью ко всему окружающему, создают необычайно болезненные системы, скрепленные ложным взглядом на мир. ПиС создала такую систему и теперь расплачивается за это».

Эта политика — несовершенный вариант путинизма имела продолжение и на заграничной арене. Упорно раздуваемая германофобия и русофобия должны были создать атмосферу угрозы для Польши со стороны соседей, со стороны других государств и чужого капитала, ускользнувшего из-под контроля писовских сотрудников. Противников такой политики именовали «партией белого флага», кандидата на пост президента обвиняли в том, что его дед служил в вермахте, и что этот кандидат слишком восхищается Германией. Других, в свою очередь, обвиняли в том, что они восхищаются Россией. Партия «обычных людей» смогла использовать бытовой консерватизм немалой части общества, подавленной бедностью и маргинализацией. Эти бедные маргиналы охотно слушали филиппики Ярослава Качиньского против варшавских и краковских «салонов» и «лжеэлит», против богатых бизнесменов и уважаемых профессоров, против геев и чужеземцев, против обеспеченных врачей и адвокатов, против независимых СМИ и интеллигенции. ПиС нашла подход к проигравшим

и умело использовала их ненависть к выигравшим. Отсюда в ее риторике было столько ксенофобии и ненависти к сексменьшинствам.

Но ПиС так и не раскрыла никакого вражеского заговора, не сделала ничего для облегчения участи бедных. Правление ПиС — это время не моральной революции, а морального одичания, от которого предостерегал Ральф Дарендорф. Это одичание принесло отрезвление и нарастание сопротивления. ПиС заплатила за свое двухлетнее правление проигранными парламентскими выборами. Несовершенная демократия победила несовершенный путинизм.

3. Путинизм — его союзники и оппоненты

Характерной чертой путинизма (пусть даже и несовершенного) является объединение всех противников либеральных идей. Если большие реформы 1989 г. были предприняты во имя либерализма в политике и экономике, то проект путинизма возник на основе отрицания свободы в политике и рынка — в экономике. Свобода и рынок отождествлялись с хаосом, бедностью, коррупцией, преступностью, моральным нигилизмом и космополитизмом, отрицающим традиции и национальные ценности. Антилиберальная коалиция должна иметь вождя, и любой враг либерализма может вступить в эту коалицию, если признает главенство вождя. В России антилиберальная коалиция состоит из бывших сотрудников госбезопасности, мечтающих о твердой руке в стране, из сторонников смертной казни, из поборников «закручивания гаек и наведения порядка в этом либеральном балагане», из противников европейской модели демократического государства, рассуждающих об особом пути развития России, из националистов, которые видят врага своей страны в любом нерусском, а также из людей, ностальгирующих по советскому прошлому. Все они твердят, что осуществляется геноцид русского народа, и повторяют вслед за Путиным, что распад СССР был величайшей геополитической катастрофой XX в. Их манией являются внешние угрозы: американская, эстонская, латышская, украинская, грузинская. Они мечтают о реванше. Они говорят: из развала СССР извлечены уроки, теперь известно, кто друг, а кто враг. По их мнению, друзей надо искать в КГБ/ФСБ, а также среди православных верующих. Нужно их искать и среди заброшенной молодежи, очень податливой на лозунги националистов.

На политическую сцену вышло поколение 30-летних, созревшее после 1991 г., когда был подавлен коммунистический путч. Они не знали массового доноительства, страха, отсутствия свободы, желез-

ного занавеса, пустых полок в магазинах и очередей, а рассказы старших о том времени слушать не захотели. Их действительностью была свобода слова, частная собственность, свобода предпринимательства и свобода передвижения. Все эти ценности уже не вызывали у них удивления. Они видели и другую сторону либеральных реформ: коррупцию, преступность, общественное неравенство, навязчивую рекламу. Из этого выросла у них неприязнь к капитализму, либерализму и свободному рынку. Из нафталина извлекались работы Мао Цзэдуна, Троцкого, Маркузе и других старых критиков буржуазного мира заодно с буденовкой времен Гражданской войны.

И хотя старшие, потрепанные жизнью люди пытались объяснить им, что заигрывание с коммунизмом после Гулага столь же опасно, как заигрывание с фашизмом после Освенцима, их усилия пропали даром. Обличающий перст антимещанского нонконформизма на этот раз направлен на либеральную московскую интеллигенцию. Таким образом, возник единый коммуно-национально-обличительный лагерь, когда циничные посткоммунисты, словно в насмешку над Томасом Венцловой, вошли в союз с истеричными националистами, дабы создать империалистическое и авторитарное государство. Партаппаратчик, православный христианин и бритоголовый скинхед заключили альянс для защиты России от либеральной заразы.

Польская антилиберальная коалиция была несколько иной, но столь же экзотичной. Яцек Жаковский обратил внимание на молодых людей, формировавшихся в период упадка ПНР, — это они взялись «менять памятники на постаментах», они нападали на Леха Валенсу и Яцека Куроня, стремясь опорочить их. Другие молодые люди, ознакомившись с доносами и отчетами Службы безопасности, вздох рассказывали о том, как диссиденты изменяли женам, злоупотребляли спиртным и вообще нарушали моральные нормы. Эти молодые люди презирали компромисс, достигнутый за круглым столом, и бойкотировали выборы 4 июня 1989 г. Свобода пришла в Польшу не благодаря им, напротив, своим бессмысленным радикализмом они могли лишь навредить этой свободе.

Их радикализм можно понять: ведь в нем чувствовалась тревога за чистоту, запятнанную договором с коммунистами. Но нельзя понять их нынешних заявлений о «предательстве за круглым столом». Сегодня речь идет уже не о моральной чистоте, и не об исторической правде, а лишь о власти — именно ради нее сейчас подделывается история и слышатся голоса о вырождении Третьей Республики. Именно поэтому молодые люди с такой страстью занимаются разоблачением старшего поколения — тех людей, которые два десятилетия были в оппозиции,

чтобы сегодня быть обвиненными в том, будто они делали это по заданию спецслужб или из распутства, а после 1989 г. якобы променяли свои идеалы на карьеру и деньги.

Для этой молодежи, не заставшей время Больших Перемен или не понявшей их сути, лишь программа Четвертой Республики, провозглашенная Ярославом Качиньским и предусматривающая большую чистку в учреждениях, открывает дорогу к светлому будущему. То же самое относится к немалой части «Солидарности», которая в 1989 г. вошла в конфликт с Лехом Валенсой и руководством подполья.

Следующим членом антилиберальной коалиции являются так называемые мохеровые береты, или электорат отца Тадеуша Рыдзика и «Радио Марии». По мнению Яцека Жаковского, «мохеровые береты» во времена ПНР принадлежали к «упорно молчавшему большинству». «Мохеровому берету» в ПНР было так же плохо, как в Третьей Республике, но он «не проявлял этого иначе, как через молитву». Эти люди, столкнувшись с волной модернизации и ее темными сторонами, также взалкали чистки наверху, взалкали такого образа новейшей истории, при котором осуждаются «безнравственные либералы, пессимисты и космополиты». Таким вот образом и возникла коалиция «отвергнутых, пристыженных и прельщенных», «триумvirат отвергнутых Третьей Республикой деятелей “Солидарности”, собравшегося под мохеровым знаменем пристыженного и разочарованного в новой действительности ПНР-овского большинства, а также прельщенных молодых (которым сейчас уже под сорок) идеологов, не успевших принять участие в революции. Всех их объединяет потребность низвергнуть почти все созданные за годы авторитеты».

Право и Справедливость — это, по мнению Жаковского, «таинственный гибрид, соединивший несоединимое: христианский интегризм, светский консерватизм, неондецкий традиционализм, левых и пилсудчиков». Так же, как в путинской России, в антилиберальном альянсе встретились противоположные стихии, особенно если добавить к этой мешанине Лигу польских семей Гертыха и Самооборону Леппера. Их всех соединило стремление уничтожить учреждения и обычаи Третьей Республики, ее авторитеты и ее элиты. Именно в этом должны были заключаться новые Большие Перемены. Должны были исчезнуть одни люди, а на их место прийти другие. Ярослав Качиньский с удовлетворением отмечал, что с первых страниц газет пропали олигархи, с которыми он не намерен делиться властью. «Но это не значит, — говорил Жаковский, — что он будет выступать против них. Ну разве только если кто-нибудь совершит ошибку Ходорковского и перейдет дорогу Пис».

Российский идеолог путинизма почти так же оценивал политику Кремля в отношении олигархов: «Ходорковского посадили не за политику. Я объяснял Мише, что власть, равно как и любовь, невозможно купить». Этой фразе сопутствовали заверения (пожалуй, искренние), что Кремль не враждебен бизнесу, пока бизнес послушен Кремлю. Добавим от себя: все это означает, что Кремль теперь решает, кому быть олигархом, а олигархи не должны выступать против власти.

В конце стоит процитировать десять заповедей Ярослава Качиньского, сформулированных Жаковским. Эти заповеди вполне подходят и для Путина.

ПиС полагает, что на ее стороне вся правда — единая и неделимая. Не подлежащая проверке. Практически религиозная.

«Во-первых, я, Ярослав Качиньский, — твой вождь, и ты не должен иметь других вождей, кроме меня.

Во-вторых, будет так, как я говорю, и точка.

В-третьих, я — добро, и нет добра вне меня.

В-четвертых, мое есть царствие небесное, а все другие — прочь от него.

В-пятых, я возношу святых и ангелов, и я их отправляю в ад, когда захочу этого.

В-шестых, ты должен почитать меня и брата моего, и избранников моих, а если не хочешь, то пошел вон.

В-седьмых, демоны повсюду, ты узнаешь их по тому, что они не признают меня.

В-восьмых, остерегайся собственных слов, повторяй мои слова целыми фразами, подобно председателю Кухчиньскому (возглавлял парламентские фракции ПиС в 2005–2007 гг. и с 2010 г.) и другим апостолам.

В-девятых, ежедневно следи за моими речами, старайся забывать то, что я забываю, и помни то, что я вдруг вспоминаю.

В-десятых, узнавай, кто крал, кто прелюбодействовал, кто делал постыдные вещи или говорил что-либо неуместное, ибо все это может когда-нибудь пригодиться».

Аминь.

Ральф Дарендорф писал, что страны Центральной и Восточной Европы избавились в 1989 г. от «закрытой системы» ради создания «открытого общества». Он подчеркивал: «То, что умерло на улицах Праги, Берлина и Бухареста, на бесчисленных митингах в Будапеште, на заседаниях вашего круглого стола и вашего парламента, это был не просто коммунизм, а вера в закрытый мир, управляемый единствен-

но верной истиной». А посему встает вопрос: является ли путинизм новой формой открытого общества, как хотят его сторонники, или дорогой к очередной «единственно верной истине»? Российский критик путинизма свой ответ на этот вопрос начинает с характеристики первой стадии «управляемой демократии», когда были заблокированы пути воздействия гражданского общества, СМИ, бизнеса на власть. Затем, после изменения положения о выборах, ельцинская «конституционно-парламентская монархия» начала превращаться в «монархию абсолютную». В свою очередь, теория и практика «управляемой демократии» проложила путь от абсолютизма к самодержавию в парламентских одеждах. По мнению другого российского критика путинизма, «суверенная демократия» ведет Россию к китайской модели, при которой можно не обращать внимания на реакцию международной общественности при проведении внутренней политики, и при которой можно отмахиваться от защитников прав человека, демократии и свободы слова как от назойливых мух. Яцек Жаковский при анализе стиля руководства Ярослава Качиньского (являвшегося незавершенным аналогом Путина) использовал понятие «мягкого террора».

Жаковский отмечал: «Сущностью террора не является ни гильотина, ни расстрельная команда. Сущностью является показная жестокость наказания и несоответствие кары и преступления. Целью наказания является не юридическое возмездие, а сеяние страха перед властью, обезоруживание с помощью этого страха всех потенциальных критиков либо противников, ужесточение социальной дисциплины... Речь идет не о правосудии, но об общественном эффекте, нюансы вины и невиновности не имеют значения... Ничто так не раздражало лагерь Четвертой Республики как сложная судебная процедура, омрачавшая радостную атмосферу линчевания, — необходимого атрибута любой революции на ранней фазе. Ибо ничто так не сплачивает новый порядок, как совершенное совместно ритуальное преступление. Даже если это только символическое преступление».

Разумеется, путинизм не является новой формой фашизма или большевизма, хотя постфашистская или постбольшевистская ментальность свойственна многим его представителям. Путинизм — система гибридная, скрывающая в себе как потенциал свободы, так и авторитаризма. Другими словами, путинизм — это всего лишь станция на пути через долину слез. Путинизм — это кентавр: животное, конечно, мифическое, но применительно к политическим порядкам вполне реальное.

Дарендорф писал, что «выбор между свободой и подданством очевиден и ясен, здесь нет места компромиссу для слабых душонок, желающих избежать принятия решения». Что ж, это настолько же очевидный тезис, насколько и спорный. Он очевиден для писателя, испытывающего на себе давление цезуры, и спорный для политика, замечающего поддержку большинством избирателей шагов правительства в направлении ограничения гражданских свобод. Антикоммунистическая оппозиция боролась за свободу, но обществу нужна не только свобода, а еще безопасность и самоутверждение.

Нужда в безопасности рождает в людях проигравших и бессильных мечту о сильной власти, которая защитит их от мафии, отберет деньги у богатых и поможет бедным. Потребность в душевном комфорте, самоутверждении родит в маргиналах мечту о вхождении в круг «своих» людей, что придаст их жизни смысл. Отсюда возникает ренессанс национализма, который определяет мир как столкновение «своих» с «чужими» (что проявляется часто в варварской ксенофобии и враждебности к сексменьшинствам, а также во враждебности к Западу — миру чуждых обычаев и учреждений). Отсюда же происходит усиление религиозного интегризма, превращение религии в политическую идеологию и отличительную черту национального самосознания; все это в итоге приводит к фанатизму и отсутствию терпимости.

Обычно таким образом традиционализм борется с напористой модернизацией, которая разрушает основы прежнего мира. Эту борьбу усугубляет популистский взрыв ненависти и зависти проигравших к выигравшим и вера в тайные стоворы чужаков, богачей и прочих нехороших людей. Проигравшие верят, что именно стоворы виноваты в том, что они проиграли. Путинизм привлекает к себе таких людей, он делает из них духовную броню для своей власти. И в этом заключается секрет авторитарного путинизма — он обладает реальной общественной базой, как ею обладали фашизм, большевизм или исламский фундаментализм в Иране.

Большевизм был наиболее последовательной диктатурой: чтобы закрепить свою власть, он ликвидировал рыночную экономику. Путинизм не собирается ликвидировать рынок, он лишь стремится его «путинизировать».

У рынка нет «человеческого лица». Он благоприятствует успешным людям и беспощаден для неудачников. Игроки, победившие на рынке, имеют волчий аппетит и все время стремятся обогащаться. Когда они слишком уж приближаются к миру политики, то становятся опасны. Они хотят с помощью денег управлять из-за кулис

политическими партиями, городами, правительством, страной. Они коррумпируют государственный аппарат, уклоняются от выплаты налогов, влияют на результаты выборов (именно они финансировали предвыборную кампанию Ельцина, а затем поддерживали на первых порах Путина). И вот пришел час конфронтации. Мир политической власти ударил по миру бизнеса. Между этими мирами реальное напряжение. Ибо если путинское утверждение о стремлении олигархов из-за кулис руководить государством верно, то верно также и то, что путинское государство хочет уничтожить не только олигархов, но и свободный рынок. Отныне вождь и властный аппарат должны назначать олигархов, как назначают министров и губернаторов. Отныне не рынок должен руководить экономикой, а люди из спецслужб, превратившиеся в предпринимателей.

Рынку это не сулит ничего хорошего, правовому государству — тоже. Происходит столкновение. Триумф логики путинизма — это правление Путина, триумф логики олигархов — это правление Берлускони. Для 20-летнего отрезка, отделяющего нас от коммунистической системы, это не слишком ободряющая альтернатива. К счастью, ни один из этих триумфов не окончателен, хотя дружеская связь между Путиным и Берлускони наводит на мысли.

Соотношение путинизма и берлусконизма — это отдельная тема. Если Дарендорф удачно заметил, что «защита от распространяющейся монополии является конституционной обязанностью гражданского общества», то путинизм и берлусконизм — каждый по-своему — прокладывают дорогу к обществу и государству монополии. В своих прекрасных воспоминаниях «Вне границ» Дарендорф повествует о конференции, которая прошла в Вене в 1999 г., в десятую годовщину «года чудес». Он пишет, что там встретились «протагонисты великой освободительной революции». Вацлав Гавел и подобные ему утверждали, что до 1989 г. верили в обновление политики, в то, что они являются свидетелями возвращения к «банальности нормы». Виктор Орбан, самый молодой из «ветеранов», не видел в этом ничего плохого. «Какая еще может быть политика в свободных обществах, если не нормальная?» — риторически вопрошал он. «Я сам испытывал двойственное чувство, — вспоминал Дарендорф, — Орбанов много, а вот Геремеки, Гавелы, Динстбиры, Гёнцы или Желевы рождаются только раз. Мои симпатии принадлежали меланхолическим революционерам, но я знал, что Орбан прав... Странно это, когда ты любишь в политике лишь борьбу за основы строя. Когда необходимой становится политика основ, это уже знак того, что все плохо, и что принцип свободы в опасности.

Когда политика основ достигает своей цели, она становится излишней. Избиратели хорошо это чувствуют».

Дарендорф во многом оказался прав. Избиратели достаточно быстро отстранили от власти «меланхолических революционеров». Однако история любит дописывать неожиданные концовки. Возникновение путинизма (а он имеет и свой венгерский вариант) показало, что после падения коммунистической диктатуры принцип свободы вновь может оказаться в опасности. А это, согласно Дарендорфу, означает призыв к гражданской активности во имя политики основ. И поэтому вновь стали необходимы «меланхолические» защитники открытого общества, пускай даже в постпутинское время их снова ждет политическая маргинализация. Но именно они твердили, и должны твердить, что пока мы живы, нет спокойных времен. Спокойные времена оставим внукам, хотя и те наверняка будут повторять, что спокойных времен не существует...

Перевод с польского
В. В. Волобуева

О СУДЬБАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Ю. С. Новопашин
(Россия)

В ноябре 2009 г. исполнилось 20 лет со времени победы антиталитарных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. И хотя за минувшее двадцатилетие уже появилось немало публикаций о взаимодействии здесь властных и общественных структур, их системной трансформации, вопрос о том, почему почти полувековой социалистический эксперимент в странах этого региона закончился повсеместным крахом, остается открытым. Соответствующие конкретно-исторические исследования еще в большом дефиците, что и обусловило авторский выбор темы данной статьи.

* * *

Начать рассмотрение заявленной темы хотелось бы с обращения к работе В. И. Ленина «О нашей революции», продиктованной им 16–17 января 1923 г. В ней больной большевистский вождь обозначил свое несогласие с принципиальным доводом отечественной и западноевропейской социал-демократии относительно тогдашней России, доводом, который — в ленинской интерпретации — «состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные “ученые” господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма»¹. Ленин подверг сомнению также довод о необходимости — при переходе к социализму — «определенного уровня культуры». Свой ответ заочным оппонентам он выразил в данном случае в форме риторического, по существу, вопроса о том, «почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»².

Прошедшие с той поры восемь с лишним десятилетий наглядно продемонстрировали правоту в затронутом споре не коммунисти-

ческой (ленинской), а социал-демократической точки зрения. При неразвитой индустриально-экономической базе и невысоком, часто просто отсталом уровне культуры той или иной отдельно взятой страны или группы стран (как, например, СССР и в целом Восточной Европы) в долгосрочном итоге революционных преобразований у подобных стран ни разу не получилось чего-либо другого, кроме однопартийного деспотического режима, огосударствления им всех сфер жизнедеятельности населения, директивно-террористического механизма управления этим населением и иных атрибутов тоталитарного общественного устройства, метко окрещенного однажды основоположниками марксизма «казарменным социализмом».

Социализм же не террористического, а демократического плана, как его понимали упомянутые основоположники, их последователи, другие теоретики XIX–XX вв. и как понимают теперь, вызревает внутри монополистического капитализма путем его превращения в госкапитализм. Госкапитализм, направленный на решение социальных проблем, и есть социализм на деле — австрийский, скандинавский, израильский, швейцарский и пр. Иного социализма на индустриально-экономическом, постиндустриальном, если иметь в виду современность, этапе развития быть не может. Он является не первой фазой коммунизма, а последней — капитализма.

Поэтому, кстати, следует аккуратно пользоваться термином *социалистического строительства*, введенном в литературный оборот Н. И. Бухариным при его знакомстве с сочинениями одного из видных представителей «австромарксизма» Р. Гильфердинга, который в 20-е гг. прошлого века выступил с теориями «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии». Если Гильфердинг переоценивал тенденцию к возрастанию организационно-управленческих начал в западноевропейском капитализме, в том числе и в вопросе его продвижения к социализму, то Бухарин эту тенденцию явно недооценивал, полагая, что практикуемый социализм — это детище посткапиталистической эпохи, и что «вполне организованным» может быть *лишь* новый общественный строй с его *общегосударственным* планом индустриально-экономического и социокультурного развития. Реализацию последнего Бухарин считал возможной *только* посредством целенаправленного социалистического строительства.

Таким образом, уже в первые десятилетия XX в. вполне определились две во многом противоположные концепции социализма: одной придерживались западноевропейские социал-демократы, составлявшие костяк Социалистического Интернационала; другой — прежде всего российские большевики, инициаторы создания в 1919 г.

Коммунистического Интернационала, а также остальные его участники. В то время немало представителей и Социинтерна и тем более Коминтерна объявляли себя последователями Маркса и Энгельса, но аргументировали свой «марксизм» отнюдь не одними и теми же утверждениями классиков.

Социинтерновцы твердо придерживались одного из основополагающих марксистских тезисов, уже упоминавшегося выше, о необходимости для социализма развитой индустриально-экономической базы и солидного общекультурного уровня народных масс. Отсутствие в бывшей царской империи — стране по преимуществу крестьянской того и другого давало убедительное основание Г. В. Плеханову решительно отвергать в этом ключевом вопросе ничем серьезно не аргументируемый ленинский социальный оптимизм, и заявить, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма»³.

Что же касается государств западной части европейского континента, Британских островов и Северной Америки, в них ко второй половине XIX в. имелись, по мнению Маркса и особенно Энгельса (дольше прожил), все необходимые предпосылки не только для перехода к новому строю, но и для осуществления этого революционного перехода к социализму мирными, парламентскими средствами⁴. В 1895 г. в своем введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Энгельс писал, что во второй половине XIX в. в Европе многое изменилось, в частности «рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты, промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, чем успехов восстания». В условиях демократии, подытоживал он, «уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела... Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота»⁵. Позднее, уже в XX в., на этом немаловажном аспекте марксистских воззрений заостряли внимание Э. Бернштейн, Р. Брейтшейд, К. Каутский, В. Брандт, У. Пальме и др. Все они считали путь ненасильственных преобразований основным направлением освободительного движения наемных работников города и села

во главе с коллективным лидером этого движения — *реформистским* Социнтерном, снискавшим себе за многие годы международной деятельности немалый и заслуженный авторитет.

Теперь о коминтерновцах, делавших акцент на тех утверждениях из марксистского наследия, в которых провозглашались *непримиримость* в классовой борьбе с капиталом и особо подчеркивался *насильственный* характер этой борьбы, долженствующей завершиться, согласно предвидению классиков, победой социалистической революции в группе ключевых в промышленном и культурном отношении европейских и иных стран и установлением в них диктатуры пролетариата как государственности переходного периода от последней эксплуататорской общественно-экономической формации к неэксплуататорской. Именно эти утверждения В. И. Ленин не только положил в основу своей теоретической и практико-политической деятельности, но и абсолютизировал их, превратил в непререкаемую догму*. Так он поступил, например, с марксовым понятием гражданских войн пролетариата и первым среди представителей научного социализма стал рассматривать эти войны столь всеохватно, толковать их в качестве высшего проявления классового противоборства — «необходимого условия и спутника социалистической революции». Ибо, как разъясняется в ленинских трудах, «в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимает всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»⁶.

Разумеется, такой левацкий и вместе с тем откровенно сектантский подход к определению революции был шагом назад по сравнению с аутентичным марксизмом, если под ним понимать хотя бы те же соображения Ф. Энгельса, цитированные выше. И тем не менее этот подход всю первую половину XX в. являлся политико-идеологическим стержнем российского большевизма, который после октябрьского переворота будто бы, по мнению Ленина, «стал мировой теорией и практикой международного пролетариата»⁷. Но на самом деле большевизированный коммунизм с его морально-этическим и правовым нигилизмом не завоевал в рабочем и шире — освободительном движении прошлого столетия доминирующих позиций, а к концу XX в. и вообще сошел с политической сцены, окончательно проиграв в сорев-

* Политические наследники вождя после его кончины объявили совокупность этих догматизированных марксистских утверждений «новым словом» революционной теории под названием ленинизм.

новании с международной социал-демократией. Такое понятие как *мировое коммунистическое движение* вместе с его большевистскими вдохновителями не имеет уже никакого актуального значения и пылится в качестве музейного экспоната в дальних запасниках мировой истории. Что же касается Социалистического Интернационала, он доказал свою жизнеспособность и шагнул в XXI в. с немалой поддержкой представителей «синих» и «белых» воротничков, мелкого и среднего городского предпринимательства, фермерства, сельскохозяйственных рабочих и других лиц наемного труда, свободных художников и т. п. История, как говорится, все расставила по своим местам.

Однако, если вернуться ко времени окончания Второй мировой войны, ялтинскому разделу победителями европейского континента на западную и восточную зоны влияния, то для последней, которая сорок пять послевоенных лет контролировалась КПСС и советским правительством, ленинское утверждение о международных позициях большевизма выглядит не таким уж беспочвенным. Ведь любому специалисту по истории стран восточноевропейского региона известно по меньшей мере двух направившихся из Москвы кампаниях по большевизации коммунистических и рабочих партий этих стран. Первая из них проводилась в 1924 г. под эгидой III Интернационала в расчете на мировую революцию, для руководства которой и был создан Коминтерн. Еще в мае, т. е. сразу после смерти Ленина, когда душеприказчики последнего на XIII съезде ВКП(б) попытались определить узловые понятия оставшегося им в наследство ленинизма, Бухарин назвал в числе таковых «процесс обольшевичивания партий», позднее переименованный в более благозвучную большевизацию⁸. В официальном плане этот вопрос был поставлен на 5-ом конгрессе III Интернационала, где все согласились с тем, что основным звеном коминтерновской системы руководства грядущей международной революцией должна быть так называемая *мировая партия ленинизма*. Ее планировалось создать посредством слияния всех национальных секций (компартий). С докладом «Большевизация партий и образование единой всемирной компартии» выступил от имени Исполкома Коминтерна его председатель Г. Е. Зиновьев. По итогам обсуждения доклада конгресс принял резолюцию с аналогичным названием, составленную из пяти довольно пространственных пунктов⁹. В качестве завершения данного сюжета отметим, что не все с кампанией большевизации получилось так, как намечалось. Поскольку мировая революция не состоялась, до реального слияния компартий дело, слава Богу, не дошло, хотя определенную роль в их прочной привязке к политике СССР эта кампания, конечно же, сыграла.

Послевоенная большевизация, которая началась в 1948 г., и которую Эд. Млынарж, один из ближайших соратников А. Дубчека, вполне справедливо назвал «процессом насильственной сталинизации»¹⁰, отличалась от кампании 1924 г. меньшим обязательным охватом объектов воздействия (только компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы), но значительно большим набором средств, вплоть до уголовного преследования и бессудных расправ в случаях явного или мнимого непонимания необходимости «шагать в ногу» с ВКП(б) и соответствующими государственными органами «первой страны победившего социализма».

В чем же состояла суть большевизации, если в интересах последней происходило подлинное «перетряхивание» братских партий, а в качестве аргументов культивировались тюремные застенки со средневековыми пытками и прочими аксессуарами «непримиримой к отступникам классовой политики»? В первую очередь, конечно, в окончательном и бесповоротном решении силовыми методами вопроса о безраздельной власти. В собственной стране руководителям ВКП(б) еще в 20–30-е гг. прошлого столетия удалось уничтожить все внутриобщественные горизонтальные структуры, т. е. добиться почти полной стерильности в смысле исключения какой-либо возможности для организованного сопротивления диктаторскому, карательному механизму партийно-государственного управления. То же самое номенклатурная элита СССР стремилась обеспечить и в других партиях и странах. Ею поддерживались и инициировались только те преобразования, которые шли в указанном направлении. С помощью этой советской управленческой модели, взятой в послевоенные годы на вооружение коммунистами восточноевропейских государств, они превратили сформированную ими власть в новую командно-репрессивную машину эксплуатации и угнетения народных масс. А ведь по марксистской теории, которой прикрывалась коммунистическая элита, ее главное предназначение заключается в организационных усилиях по широчайшему привлечению людей труда к осуществлению именно ими, а не партийными чиновниками всех властных и управленческих функций. В этом Маркс и Энгельс усматривали преобразовательное назначение постреволюционной государственности (диктатуры пролетариата), а вовсе не в массовом терроре, роль которого абсолютизировали не они, а их российские эпигоны из большевистского лагеря.

Суть большевизации заключалась также в навязывании братьям по социалистическому лагерю ленинского отождествления классовой борьбы с насильственно-террористической политикой и, по су-

шеству, ее противопоставления мирному реформаторству, которое рассматривалось лишь как «вспомогательное средство для классовой борьбы» и ее «побочный продукт»¹¹. Такой подход принес народам СССР и других социалистических государств немало разочарований. Советские и восточноевропейские коммуно-большевики долго тешили себя иллюзией, что, если «командные высоты» в их руках, то можно горы свернуть. Но оказалось, что с помощью административно-репрессивного управления, ультралевацких порывов нельзя оптимизировать социально-экономическую и культурную сферы, достичь ощутимых для населения успехов. В деле налаживания и оптимизации социально-экономической и культурной жизни столбовой дорогой в постреволюционный период становятся целенаправленные преобразования постепенного характера, оттесняющие на обочину исторического процесса всякого рода революционаристские наскоки, мобилизационную политику «бури и натиска», т. е. реформы.

В целом же после второй кампании по большевизации в идеологическом обрамлении партийно-государственного здания восточноевропейских стран оказались, наряду с другими, именно те догматы ленинизма, о которых шла речь выше. Это и позиция, не просто разделяющая понятия революции и реформ, но прямо противопоставляющая одно другому, то же самое с понятиями классовой борьбы и классового сотрудничества. Государственный механизм в форме диктатуры пролетариата, принципиально отрицавший разделение на законодательную, исполнительную и судебную власть, противопоставлялся западному парламентаризму, который основан на таком разделении. Все это и стало «символом веры» местных коммунистов, а значит большевизм второй половины XX в. действительно шагнул за пределы СССР и превратился если не в мировую теорию и практику революционного процесса, как предполагал Ленин, то уж в региональную, восточноевропейскую — во всяком случае. Но не надо, правда, трактовать этот вывод расширительно, считать, что восточноевропейских коммунистов буквально заставляли заимствовать все советское, какую сферу общественной жизнедеятельности ни возьми. А если, дескать, односторонний «обмен опытом» почему-либо тормозился, то следовали вызовы на кремлевский ковер, и ситуация выправлялась с помощью «отеческого внушения», а то и откровенного нажима. Таким вот будто бы способом только и удавалось заглушать на какое-то время критические голоса, обеспечивать единство и сплоченность по большевистскому лекалу.

Если кто-то трактует данную проблему таким образом, то это — очевидная односторонность. История четырех с лишним десятиле-

тий взаимоотношений СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы по партийной, правительственной и иным линиям знает, конечно, не одни только ритуальные восхваления по адресу «первопроходца социалистического строительства». Звучали и критические голоса, возникали подчас конфликты. Но нельзя оставлять в стороне и тот факт, что партийно-государственная номенклатура этих стран, особенно ее верхние этажи, часто стремилась выглядеть перед кремлевским руководством, да и собственным народом, так сказать, святее самого папы римского, т. е. предлагать в процессе упомянутого «обмена опытом» такие масштабы заимствования всего советского, о которых в Москве даже никто и не заикался. Так что пресловутые единство и сплоченность обеспечивались всеми правдами и неправдами как с той, так и с другой стороны.

Однако во второй половине XX в. началась все ускоряющаяся эрозия коммуно-большевизма — за недоказанностью истинности составлявших его теоретическую основу догматов и перманентным отсутствием вдохновляющих практических результатов (кроме чисто шкурных) от неуклонного следования этим догматам. Параллельно с указанной эрозией, как грибы после дождя, укоренялись в обществе другие взгляды, в большинстве своем антиленинские, реабилитировавшие западный парламентаризм, принцип правового государства, плюрализм мнений, политических движений, партий и т. п. Поистине выдающимся событием конца 80-х гг. XX в. (подлинным феноменом всего прошлого столетия) стала череда антикоммунистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, завершившихся спустя десятилетие Сербским октябрем 2000 г.

Таким образом, социалистический эксперимент, проводившийся на европейской земле четыре послевоенных десятилетия, закончился повсеместным крахом. Подобный оборот дел имел, естественно, свои причины. Среди них следует указать прежде всего именно ленинизм или, что одно и то же, марксизм-ленинизм, который был воспринят компартиями восточноевропейских стран в результате организованных Москвой кампаний по их большевизации и который занял в программных документах этих партий место идейно-теоретической базы курса на строительство социализма. Правда, уже при провозглашении последнего хватало критиков, в частности в социал-демократической среде, утверждавших, что, опираясь на левацкие взгляды Ленина и других большевистских идеологов, далеко, как говорится, не уедешь, так что вряд ли будет возможно обеспечить согласованную работу всех национальных прогрессивных сил, а напротив, совсем не исключены явления полнейшего раздора, преследования органами ком-

мунистической власти вчерашних союзников по антифашистской борьбе, развертывания против них полицейских репрессий и т. п. Так оно вскоре и произошло.

Здесь есть смысл вернуться к началу статьи, где упоминается одна из последних работ вождя мирового пролетариата. Там были обозначены диаметрально противоположные позиции по вопросу: возможен ли переход России к социализму, о чем говорил Ленин, или же подобный переход в тогдашних условиях представлялся в принципе невозможным, как считал его заочный оппонент Н. Суханов (Гиммер), по причине отсутствия индустриально-экономических и культурных к тому предпосылок. Известно, что именно ленинская, по сути, волюнтаристская позиция была взята на вооружение его российскими и зарубежными наследниками. Что же касается социал-демократа Суханова, призывавшего учитывать не только революционный энтузиазм сторонников социализма, но и наличие соответствующих объективных условий для перехода к нему, то его позиция была просто отброшена как не заслуживающая более никакого внимания.

После Второй мировой войны большевистское сектантство, волюнтаристские толкования перехода к новому строю составили — вкуче с террористическим образом действий — содержание советской модели общественного развития, заимствованной странами восточноевропейского региона, которые если и построили с помощью этой модели и под присмотром Кремля некий социализм, то такого же казарменного образца, как в СССР: «недоразвитого» в промышленном и социальном отношении. По примеру «старших товарищей» они обеспечили за сорок пять лет следования импортированной модели не освобождение труда, а взрастили тоталитарного государственного монстра, не поддающегося реформированию и превратившегося в преграду на пути общественного прогресса. *Это и есть главная доктринальная причина* направленности послевоенных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы по антидемократическому и потому тупиковому в конечном счете пути развития. Результатом стала утрата доверия со стороны народа как к собственным властям, так и к их московским «кураторам» из ЦК КПСС и других директивных инстанций. А от утраты доверия до участия в массовых протестных демонстрациях и в иных революционных акциях — всего один шаг.

Если обратиться теперь к *практико-политическим причинам*, приведшим социалистический эксперимент в Центральной и Юго-Восточной Европе к его негативному результату, то в данной статье можно ограничиться рассмотрением трех, по словам В. Гавела, «за-

дач революции». Будучи в феврале 1990 г. с официальным визитом в США, новый президент Чехословакии выступил на совместном заседании двух палат американского конгресса и заявил, в частности, следующее: «Что касается СССР, это была страна, вызывавшая у людей кошмары, поскольку никто не знал, что еще может придти в голову ее правителям, и какое государство они решат захватить и втянуть в свою сферу влияния. Все это научило нас рассматривать мир как двухполюсный, в котором есть две колоссальные силы: одна защищает свободы, а другая служит источником кошмаров. Но сейчас этот двухполюсный мир ломается, причем первый акт в этой поразительной драме начинается с перемен, начало которым положил президент Советского Союза Михаил Горбачев. Наша «бархатная» революция должна в этом контексте добиваться решения таких основных задач как денационализация, десоветизация и десателлизация»¹².

То, что отображали в действительности понятия национализация, советизация и сателлизация, было многие годы для народов рассматриваемого региона большой и болезненной проблемой. О ней откровенно говорилось, например, в Политическом докладе первого секретаря ЦК ПОРП М. Раковского на XI, последнем съезде польских коммунистов (27–30 января 1990 г.). «Нужно во весь голос заявить, — подчеркнул он, — о всех обстоятельствах, при которых оказывался нажим группой Брежнева, а также двумя последующими руководящими советскими группами». Раковский особо выделил А. А. Громыко, М. А. Суслова, В. Г. Куликова, Л. М. Замятина как персональных проводников этого давления. «Доктрина Брежнева», резюмировал он, «дамокловым мечом висела над ПОРП и ее руководящими кругами, чрезвычайно сужая пространство для маневра, компромисса, способствуя окостенению механизма власти и тем самым неизбежному приближению ее окончательного поражения. Навязанная стране советская модель нового строя, фактически функционировавшая до конца 80-х гг., явилась одной из главных причин сокрушительного поражения коммунизма на польской земле»¹³.

О том же, собственно, говорил двумя годами раньше председатель ВСРП Я. Кадар, беседуя в марте 1988 г. с корреспондентом журнала «Огонек». Обращаясь к первым десятилетиям революционных преобразований, Кадар отметил, что «в то время была известна одна-единственная модель строительства социализма — советская. И было естественно и нормально считать, что нам надо делать все так, как в Советском Союзе. Я и сам так думал». То есть Кадар не считал тогда ошибочным ни процесс ускоренной национализации банковского дела, промышленных предприятий, частного жилого фонда (доход-

ные дома) и т. п., ни новую, продиктованную из Москвы индустриальную стратегию, ни политику преобразования по импортному образцу всех государственных структур. «Следуя советскому примеру, — заметил он, — был провозглашен лозунг: “Превратим Венгрию в страну железа и стали!” Были созданы грандиозные металлургические комбинаты, сталелитейные заводы. На капиталовложения предполагалось ассигновать такие огромные суммы, которыми мы просто-напросто не располагали... Увы, — заключил этот многоопытный политический деятель, свыше 30 лет возглавлявший партию и страну, — отрицательное воздействие “сверхиндустриализации” мы испытываем до сих пор»¹⁴.

За отрицательное воздействие сплошной национализации (огосударствления) основных и оборотных фондов, как и за другие последствия советизации расплачиваться пришлось не только правящим партиям восточноевропейских государств, но и их народам, позволившим коммунистам, по словам М. Раковского, «управлять собою четыре с лишним десятилетия». «Причины столь грандиозного исторического поражения и дела, и идеи марксизма, — как формулировалось в его Политическом докладе, — можно усмотреть во многом, в частности в принятии и настойчивых попытках реализации экономического механизма, основанного на постулатах кабинетной теории, что, по существу, означало замену объективных рыночных регуляторов народнохозяйственного развития полным или частичным планированием, т. е. регуляторами субъективистско-политическими. Но все это оказалось совершенной утопией, породило на практике мощные структуры бюрократической системы управления. Именно тут, — делал вывод Раковский, — коренятся причины стагнации в экономическом развитии, исчезновения стимулов к освоению нового и поиску эффективных решений. Именно тут объяснение вопроса, почему Польша оказалась оттеснена на последние позиции в европейской и мировой статистике, что, разумеется, ущемляет национальную гордость поляков»¹⁵.

И Я. Кадар, и М. Раковский критически отзывались о представлениях тех в Советском Союзе и в других странах социалистического содружества, кто был готов на каждом шагу трубить о «гармонических отношениях», выдвигать на передний план интернационалистские принципы «братского сотрудничества», отодвигая вольно или невольно общедемократическое содержание этого сотрудничества, его национальную составляющую на второе или даже более незначительное место. «Какого бы доброго друга, какую бы крепкую опору не имел тот или иной народ, — подчеркнул Кадар, — собствен-

ные национальные задачи вместо него не выполнит никто. Только если народ справится с ними должным образом, он сможет снискать уважение со стороны других стран... Строя новое, социалистическое общество, каждый народ должен бдительно присматриваться к тому, что происходит вокруг него, должен учиться всему доброму и извлекать уроки из чужих ошибок, но основа, на которую он должен опираться, — историческое прошлое и национальные традиции своей родины, своеобразные экономические, политические, культурные особенности его родной страны»¹⁶.

Из этих кадаровских слов видно, что на первое место он в качестве главы партии и страны ставил национально-государственные интересы Венгрии. Так же считал и Раковский как тогдашний лидер польских коммунистов. Обращаясь на XI съезде к проблеме рядовых партийцев, он констатировал, что члены ПОРП «убежденно воспринимали в первое послевоенное десятилетие сталинизм, отождествляя его в своем сознании с социализмом и положительно в целом относясь к процессу советизации». Наступившее же в 1956 г. «прозрение» части партийной массы и руководящих работников, их стремление к максимуму автономии не могли принести никаких результатов по причине того, как отметил первый секретарь ЦК, что «политика СССР и КПСС предгорбачевской эры, — конечно, в разное время и в разной мере, — имела имперский характер»¹⁷. Результаты подобной политики, говорилось в его докладе, особенно мучительно ощущались в 1980-е гг., ибо Брежнев и его окружение были не в состоянии понять причины массового рабочего протеста, оформившегося в начале этого десятилетия в настоящую политическую оппозицию. Советские «опекуны» настоятельно требовали от Ст. Кани и В. Ярузельского* решительной борьбы с «Солидарностью», деятельность которой отождествлялась с контрреволюцией¹⁸. И это действительно так и было. «Возможность принятия контрреволюционной программы “Солидарности”, — говорилось, например, в одном конфиденциальном документе ЦК КПСС, — в значительной степени явилась результатом политики “диалога и соглашения” с профобъединением, проводившейся прежним руководством ПОРП в рамках так называемого курса на “обновление”. Развитие событий в Польше, возрастающая агрессивность действий лидеров “Солидарности” подтверждают необходимость принятия ПОРП более решительных и энергичных мер с целью противодей-

* Ст. Кани был в 1980–1981 гг. первым секретарем ЦК ПОРП, а В. Ярузельский — премьер-министром и главой оборонного ведомства ПНР.

ствия антисоциалистическим силам, защиты социалистического строя в ПНР»¹⁹.

Затрагивая различные аспекты почти полувекового социалистического эксперимента, осуществлявшегося под руководством коммунистов, нельзя, разумеется, обойти вниманием национальный вопрос. Он давал о себе знать на протяжении всего периода существования «реального социализма» в восточноевропейском регионе. Действительного братства наций, крепких и стабильных добрососедских связей здесь не получилось, сколько бы ни повторяли записные пропагандисты ленинские утопические рассуждения о закономерном сближении социалистических наций и даже их слиянии в обозримой исторической перспективе. Не помогла тут национализация всего и вся с ее уравнивательными тенденциями. Ущемлявшая национальные чувства советизация аппаратов власти, социокультурной сферы и прочего только усложнила ситуацию. Ущербной в данном отношении была и практика обеспечения Советским Союзом своей ведущей роли в Организации Варшавского договора, Совете экономической взаимопомощи и в других многосторонних и двусторонних международных институтах. Она нередко оказывалась связанной с самым настоящим и не всегда даже приличным торгом. «Мы, — говорил, к примеру, какой-нибудь полномочный представитель того или иного союзного государства, — как ваши верные спутники в революционной борьбе, конечно, поддержим все политические инициативы КПСС и правительства СССР, но со своей стороны хотели бы получить “добро” на поставку в соответствующем году не десяти, а двенадцати миллионов тонн российской нефти...» Так или примерно так, но не всегда, разумеется, однотипно осуществлялась сателлизация как форма неравноправных межнациональных, межпартийных и межгосударственных отношений, как способ взаимодействия, образно говоря, старшего по чину начальника и его младших сослуживцев. Эта форма международных отношений, не предусмотренная основоположниками научного социализма, дожила до конца 1980-х гг., а правда о ней вошла составной частью в идеологический арсенал восточноевропейских «бархатных» и «не бархатных» революций.

Иными словами, после Второй мировой войны СССР, как и его предшественница царская Россия, продолжал проводить в восточной части европейского континента своего рода имперскую политику. Инструментом ему в этом деле служили военная сила и марксистско-ленинская интернационалистская идеология. Но ни они, ни солидная материальная помощь с советской стороны не могли сдержать роста местного национализма в качестве ответной реакции на проявления

кремлевского великодержавия и гегемонизма. Это национальное (и националистическое в том числе) давление в революционных событиях 1989–1990 гг. как раз и нашло свое выражение прежде всего в процессах денационализации, десоветизации и десателлизации.

Говоря о восточноевропейских революциях конца XX в., было бы неверно, разумеется, видеть их причины только в процессах внешнего плана. Основными являлись, конечно же, внутривосточные факторы. Но своеобразие соотношения в этих революциях внутренних и внешних причин в том и заключалось, что удельный вес последних представлял достаточно внушительную величину, гораздо более внушительную, чем в каких-либо обычных, проходных вариантах. Ведь в программных документах любой демократической окраски, почти в каждой революционной акции обнаруживали себя — так или иначе — антисоветские, антироссийские оттенки. Так получилось, что в рассматриваемых событиях у КПСС и в целом у советского/российского государства совсем не оказалось сторонников, кроме части местной коммунистической номенклатуры. Нашей стране припомнили тогда и карательные экспедиции войск генерал-фельдмаршалов А. В. Суворова и И. Ф. Паскевича в XVIII–XIX вв., и вступление СССР 17 сентября 1939 г. в войну против Польши на стороне гитлеровской Германии, и бесчеловечные массовые депортации, и кровавое «Катынское дело», и многое другое.

Быть может, перечисленное здесь правильное будет трактовать историческими предпосылками революций 1989 г... Но вот что касается послевоенного пребывания на территории восточноевропейских стран советских войск, которые мозолили глаза местному населению не одно десятилетие, то это уж точно не какая-то малозначащая предпосылка из глубины веков, а одна из серьезнейших практико-политических причин назревшей к концу 1980-х гг. в данном регионе революционной ситуации. В Польше, Венгрии и Восточной Германии армейские соединения СССР находились все сорок пять лет существования этих стран в качестве социалистических государств. В Чехословакии советские войска располагались двадцать пять лет, т. е. со времени неспровоцированного вторжения в 1968 г. Наконец, в Румынии они стояли почти пятнадцать лет, пока по взаимному соглашению не были оттуда выведены в 1958 г.

Дисциплинированностью советские служивые никогда не отличались. Автор этих строк, чья срочная служба в 1953–1956 гг. проходила на территории ГДР, посмотрелся за три года на всякие «вольные художества» наших солдат и офицеров. За многие из них надо было привлекать к уголовной ответственности или, самое малое, немедлен-

но отправлять в народное хозяйство. Однако зачастую все потихоньку спускалось на тормозах. О том же самом, но в другое уже время и применительно к Чехословакии свидетельствует подполковник в отставке О. Ф. Жемайтис, служивший в 1968–1972 гг. в артиллерийском полку, который был расквартирован в североморавском городе Френштат. В своем «Чехословацком дневнике» он немало повествует о недостойном поведении наших военнослужащих, непрерывных пьянках, наплевательском отношении к чехословацкой собственности, вытаптывании во время учений посевов зерновых (танками, БМП и пр.), о погубленных лесных массивах, грабеже и порче фруктовых садов и т. д.²⁰

Если о зарубежных армейских безобразиях в Москве узнавали как о *неприятных, но эпизодических эксцессах*, то на месте речь шла отнюдь не о них, а о *повседневной и массовой оккупационной практике*. Местное население, его волонтеры, а также и официальные власти подсчитывали ущерб и вчиняли военным иски, которые, правда, почти никогда не удовлетворялись. И делалось так с ведома министерства обороны СССР: оно за эксплуатацию своими «ограниченными контингентами» земельных и лесных угодий, транспортных магистралей, водоемов, участков воздушного пространства «братских стран» никому не платило ни копейки. Подобная ситуация могла сохраняться еще долго, если бы восточноевропейские коммунисты оставались у власти и продолжали следовать в отношениях с Советским Союзом канонам сателлитизма. Однако на исходе 1980-х гг. кризисные явления в экономике стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в их социальной и политической сферах завершились революционной развязкой, в результате которой рычагами государственного управления в этих странах овладели по преимуществу представители некоммунистических сил.

Смена власти в 1989–1990 гг. в странах региона означала предел какой бы то ни было подчиненности этих стран Большому брату, предел гегемонистской системе, т. е. революция решала здесь — в совокупности с другими — и задачу десателлитизации. А избавившись от межгосударственных структур, стеснявших свободу их действий, представители новой демократии заговорили с советским, а затем и с российским руководством совсем по-иному. Если вернуться в этой связи к проблеме многолетней военной оккупации восточноевропейских стран и их неоднократного обращения к советским властям с просьбой определиться со сроками окончания сей очень уж затянувшейся миссии, то ведь известно, что данная проблема оставалась в числе нерешенных весь 45-летний социалистический период.

С завершением этого периода в конце 1980-х гг. в роли контрагентов М. С. Горбачева, Н. И. Рыжкова и Э. А. Шеварднадзе на переговорах по выводу советских войск из восточноевропейского региона оказались деятели антикоммунистической волны: венгры А. Гёнц, Й. Анталл и Г. Есенски; поляки Л. Валенса, Т. Мазовецкий и К. Скубишевский; чехи В. Гавел, В. Клаус и И. Динстбир; а также представители ФРГ (включившей 3 октября 1990 г. в свой состав ГДР), прежде всего Г. Коль и Х. Д. Геншер. Они, как говорится, поставили перед кремлевским руководством вопрос ребром, и сроки ухода Центральной группы армейских соединений СССР с чехословацкой территории и Южной группы с территории Венгрии были отнесены двусторонними межправительственными соглашениями на ближайшие 1990–1991 гг. Договоренность по Северной группе определяла время ее вывода из Польши с мая 1992 по сентябрь 1993 г. Что же касается самой многочисленной Западной группы советских войск (500 тыс. военнослужащих и членов их семей), на ее уход с территории объединенной Германии отводилось соответствующим соглашением четыре года, и последние подразделения с тяжелой боевой техникой оставили насиженные места своей заграничной дислокации в сентябре 1994 г.

Решение этой застарелой и болезненной проблемы можно смело отнести к примерам завидной оперативности. Хотя так происходило отнюдь не всегда. Парадоксальность ситуации с обновленным межгосударственным сотрудничеством состояла, в частности, в том, что М. С. Горбачеву и другим высокопоставленным советским начальникам легче и желательнее было общаться с руководителями государств евроатлантического ареала, чем со старыми или новыми лидерами восточноевропейских стран. За четыре с лишним десятилетия взаимодействия в рамках различных социалистических структур у контрагентов этого взаимодействия накопилось немало взаимных претензий, трудных вопросов, поиски решений которых нередко затягивались и не сулили особых дивидендов на международной арене. Г. Х. Шахназаров в своих мемуарах писал, как в ходе одного из продолжительных разговоров с Горбачевым последний похвалился успехами своих контактов с зарубежными коллегами: «Я нашел много общего, когда встречался с такими людьми как Андреотти, Миттеран, Малруни, да и Тэтчер, Рейган, Буш. Хотя были поначалу острые стычки, спуска друг другу не давали, а все-таки нашлось немало тем, в том числе философских, по которым мы оказались близки»²¹. Как видим, ни одного из руководителей восточноевропейских стран советский лидер даже не упомянул, невольно

подтверждая тезис российских недоброжелателей о невнимании Москвы, ее внешнеполитического ведомства к бывшим «братским» государствам. Выше уже указывалось на непростую ситуацию в нынешних взаимоотношениях этих государств и России. Постреволюционная стратегия стран Центральной и Юго-Восточной Европы была нацелена на достижение в политической, экономической и социокультурной областях тех показателей, которые требовались для вступления в НАТО и Европейский союз. Что же касается Российской Федерации, она как правопреемница СССР, лишившегося всех европейских союзников и международных организаций с собственным в них доминированием, была озабочена в первую очередь проблемами безопасности, восстановления своего геополитического положения сильного, уважаемого и равноправного участника европейской семьи народов и государств.

Значительный отрезок того пути, который прошли восточноевропейские страны за рассматриваемое двадцатилетие, был определенным переходным периодом от политических, социально-экономических и иных структур тоталитарно-социалистического типа к парламентско-демократическим структурам, реальной многопартийности, рыночному хозяйствованию на базе многообразия форм собственности и др. В содержательном плане переходный период заключался прежде всего в осуществлении десоветизации в целом и денационализации — в частности и в особенности.

Обобществление собственности в форме национализации было предпринято в прошлом во всех восточноевропейских странах в рамках заимствования ими модели строительства социализма советского типа и обернулось сплошным огосударствлением и предельной централизацией управления, что привело, в свою очередь, к сосредоточению власти в руках бюрократического слоя, сосредоточению, которое выродилось почти везде в личную диктатуру. В целом недемократическое огосударствление экономики придало носителям хозяйственно-политической власти некоторые черты устойчивой, постоянно воспроизводящейся группы, занимающей специфическое положение в общественной организации и отличающейся от других общественных групп механизмом своего пополнения, размерами вознаграждения, формами его получения. В длительной исторической перспективе концентрация хозяйственно-политической власти имела чрезвычайно отрицательные последствия. Ее усиление, не сдерживаемое демократией, положило начало формированию особого социального слоя, объективно заинтересованного в неопределенно долгом сохранении породивших его порядков, сделало положение

подобного слоя не только следствием упомянутых порядков, но и одним из факторов их поддержания и консервации.

Этот управляющий слой везде в Центральной и Юго-Восточной Европе составлял опору роста государственного, авторитарно-казарменного социализма, апологеты которого, как показала жизнь, готовы были отстаивать свое привилегированное положение любыми средствами, не исключая и массовые репрессии. Обращаясь к этой стороне не такой уж далекой еще советской истории, российские ученые Л. Гордон и Э. Клопов справедливо отмечали в одном из совместных трудов, что «репрессии во всех отраслях управления имели примерно одинаковый масштаб и повсюду дали примерно одинаковые результаты. Никакой сознательный враг социализма и СССР, никакой действительный предатель не смог бы принести больше бедствий советскому народу, большего ущерба нашей подготовке к войне, всему нашему экономическому и культурному развитию, чем это сделали, развязав массовые репрессии, те, кто в тридцатые и сороковые годы стоял у власти в партии и государстве»²². Все сказанное — с известными оговорками — можно отнести и к социалистическому периоду в развитии стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

На текущий момент сплошная национализация отошла в область истории, но ее последствия все еще дают о себе знать теми или иными диспропорциями в народнохозяйственном комплексе отдельных государств, усилением то здесь, то там антидемократических тенденций во властных институтах, в сфере идеологии или культуры. То есть процессы денационализации и десоветизации, вызванные к жизни революционными событиями 1989 г., имеют известное продолжение и в наши дни в качестве переходных от посткоммунизма к постиндустриальному обществу. Решение основных проблем этого перехода и стало для стран Центральной и Юго-Восточной Европы своего рода «входным билетом» в Евросоюз как объединение государств и народов, уже достигших определенных рубежей в развитии нового, постиндустриального общества.

* * *

В заключение можно констатировать, что за 1989–2009 гг. государства, составляющие регион Центральной и Юго-Восточной Европы и уже похоронившие все, именовавшееся когда-то социалистическим экспериментом, в аспекте их отношений с НАТО и Европейским Союзом перешли с уровня решения проблем переходного периода, прежде всего народнохозяйственных, на следующий уровень — стратегический и как высшее его воплощение — геополити-

ческий. Никакого «баланса» сил и влияния между нынешними НАТО и Евросоюзом, с одной стороны, и Российской Федерацией — с другой, теперь не существует. Современная Европа развивается почти исключительно по евроатлантическим критериям и решениям ЕС, живет под диктовку, так сказать, его институций. Понятно, что в немалой степени такому незавидному для России положению дел способствовали наши бывшие партнеры по социалистическому содружеству и его основным структурам — Варшавскому пакту и Совету экономической взаимопомощи.

К началу рассматриваемого двадцатилетия все уже прекрасно понимали, что времена былого марксистско-ленинского единомыслия и конструктивного сотрудничества на дву- и многосторонней основе безвозвратно миновали, а на смену им появились, в частности, многочисленные выступления против Советского Союза, которые, по словам последнего посла СССР в Восточной Германии Ю. А. Квицинского, «были в тот момент достаточно легким и удобным способом завоевать себе политическую поддержку среди населения в своих странах»²³. Лейтмотив подобных выступлений сводился к тезису о «подчиненном» положении восточноевропейских государств в рамках Варшавского договора и СЭВа и желательности упразднения последних (что и произошло летом 1991 г.). Эти государства, как уже упоминалось выше, выдвинули тогда в качестве главной внешнеполитической задачи вступление в НАТО и Евросоюз и за истекшие 20 лет добились этого. Добились в том числе и за счет назойливого и нередко спекулятивного осуждения международной политики СССР — подчас открытого, а больше завуалированного, достигаемого не совсем приличной, а иногда и вовсе неприличной «подковерной» возней, которую тот же Квицинский справедливо назвал «грязным омутом интриг, противоречий и несовместимых интересов»²⁴.

Можно, конечно, найти еще более хлесткие эпитеты для характеристики политики наших бывших социалистических партнеров, которые «внесли свой вклад» в то, что Российская Федерация оказалась в одиночестве, не имея на данный момент союзных ей европейских государств, помимо Белоруссии, и не располагая чем-либо подобным межгосударственному механизму НАТО и ЕС. Иными словами, в Европе налицо геополитическая изоляция России, которая, учитывая сложившуюся ситуацию, обратила свой взор на Восток, стараясь именно на этом направлении упрочить свои стратегические или геополитические позиции, обеспечить себе союзнический статус в международном взаимодействии прежде всего с бывшими советскими

республиками, а также некоторыми другими странами Центральной и Юго-Восточной Азии.

Наконец, существует и еще более высокий уровень — идеологический, тоже оказавшийся затронутым в результате краха социалистического эксперимента. Об этом уже шла речь в первой части данной статьи. Остается только подчеркнуть, что жесткое противостояние марксистской, точнее марксистско-ленинской, и либеральной идеологий завершилось. Потеряв яркого и могучего врага, христианский Запад сам оказался деидеологизированным. В настоящее время на первый план выдвигается такая для него непосредственная опасность как исламский фундаментализм. Что может противопоставить этой опасности современный Запад и вся европейская цивилизация? Может быть, проблему защиты прав человека... Но это был весомый аргумент против марксизма-ленинизма, а в борьбе с воинствующими исламистами его значение, как сказали бы математики, асимптотически стремится к нулю. Для того, кто придерживается принципов кровной мести, всемирного джихада против неверных и угодного Аллаху предназначения для этой борьбы моджахедов-смертников, ничего не значат отдельная личность и ее права. Высшей ценностью тут выступают клановые интересы, руководящие указания того или иного аятоллы и других богоизбранных авторитетов. Все культурологические концепции, которые составляют интеллектуальное богатство европейской цивилизации и которые развивали Шарль Луи Монтескье, Огюст Конт, Алексис де Токвиль, Карл Маркс, Вильфредо Парето, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, в глазах религиозных фанатиков гроша ломаного не стоят.

Нет сомнения, что в процессе всестороннего противодействия международному терроризму и иным деструктивным силам европейские государства, включая, естественно, регион Центральной и Юго-Восточной Европы, Российскую Федерацию, выступают единым фронтом, так же как и по многим другим направлениям, требующим совместных усилий. И если у РФ в настоящем более примитивная (по преимуществу двусторонняя) форма международных, межгосударственных связей, чем в период существования социалистического содружества, это положение должно измениться к лучшему в процессе активного участия России в современном общеевропейском сотрудничестве, разумеется, при условии трезвого подхода к оценке собственной политики, которая, прямо скажем, не была до сих пор полностью свободна от элементов известного высокомерия, заносчивости, стремления, что называется, пустить пыль в глаза. Подобный подход, как верно заметил однажды бывший по-

сол США в Москве Д. Мэтлок, «требует умеренности — качество, несовместимое с культурой политического руководства России»²⁵. Будем надеяться, что упомянутое руководство во взаимоотношениях с собственным народом и на международной арене сумеет все же освободиться от шлейфа азиатчины и приблизиться в своем поведении к европейским стандартам.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

² Там же. С. 381.

³ Плеханов Г. В. Логика ошибки // От первого лица. Сборник. М., 1992. С. 20.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 154.

⁵ Там же. Т. 22. С. 540, 546.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 475; Т. 37. С. 57–58.

⁷ Там же. Т. 37. С. 114.

⁸ XIII съезд РКП(б). 23–31 мая 1924 г. Стенограф. отчет. М.—Л., 1924. С. 334.

⁹ См. Зиновьев Г. Е. Мировая партия ленинизма. М., 1924. Приложение: «Большевизация партий и образование единой всемирной компартии». Резолюция по докладу Исполкома Коминтерна на его 5-ом конгрессе (17 июня — 8 июля 1924 г.). С. 213.

¹⁰ Млынарж Зд. Восточная Европа на историческом переломе // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992. С. 76–77.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 108–109; Т. 20. С. 167; Т. 31. С. 163.

¹² The New York Times. 1990. February 22.

¹³ Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991. С. 166–167.

¹⁴ Огонек. 1988. № 13. С. 10.

¹⁵ Восточная Европа на историческом переломе. С. 167.

¹⁶ Огонек. 1988. № 13. С. 10.

¹⁷ Восточная Европа на историческом переломе. С. 166.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Информационный бюллетень ЦК КПСС (по международным вопросам). 1981. № 5. С. 56.

²⁰ Жемайтис О. Ф. Чехословацкий дневник (1968–1972 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 86–87.

²¹ Шахназаров Г. Х. С вожжами и без них. М. 2001. С. 380.

²² Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые — сороковые. Статья четвертая // Знание — сила. 1988. № 5. С. 52.

²³ Квицинский Ю. А. Время и случай. Заметки профессионала. М., 1999. С. 30.

²⁴ Там же. С. 31.

²⁵ Мир и мы (ИТАР-ТАСС). 29 октября 1998. С. 4.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ. ТЕЗИСЫ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ (1989–1991)

Т. Краус
(Венгрия)

Прежде всего я хотел бы указать на то, что «востребованные» авторы, анализирующие смену общественного строя, в идеологических целях нанесли сокрушительный удар по историческому подходу. В теоретической, исторической, экономической и политологической литературе, посвященной истории и последствиям *смены общественного строя*, идет эксплицитная или имплицитная борьба между различными школами («дискурсами», «нарративами») за понятия, применяемые при анализе, за подходы, позволяющие установить причины и следствия изучаемого явления. Правящие политики и обслуживающие их «специалисты» дискредитировали и методично вытеснили из области интерпретации истории, в том числе применительно к смене общественного строя, марксову теорию общественных формаций как якобы недоказуемую «теорию всего». Однако подобно тому, как преждевременными оказались похороны марксовской теории кризисов, неразумен и отказ от его теории общественных формаций. «Провал» этой теории был непосредственно связан с тем, что идеи Маркса уже в 1980-е гг. стали изображаться как основа порочной идеологии прогнившего социалистического государства. Ведь нужно было убедить людей в том, что отношения собственности не играют ключевой роли в смене общественного строя, а между тем эти отношения, в которые непосредственно включены и властные структуры, имели важнейшее значение в процессе возникновения новых национальных государств.

Для господствующего ныне подхода характерно «бинарное» мышление. Смена общественного строя упрощенно рассматривается

в рамках оппозиций «демократия — диктатура» и «рыночная экономика — государственная экономика». Родственной этому манихейскому делению является и третья парадигма: смены общественного строя вообще не было, произошла лишь «смена элит». Эффективная критика господствующей интерпретации перехода от социализма к транснациональному капитализму невозможна без реабилитации исторического подхода и теории общественных формаций.

В плену легитимизационной политической идеологии

По прошествии двадцати лет в Восточной Европе (и, конечно, не только здесь) практически во всех отраслях общественных наук политика по-прежнему доминирует в области изучения смены общественного строя¹. По случаю 20-й годовщины местные властные элиты широко празднуют, постоянно педалируя свою роль в этом событии — на телевидении, на рекламных плакатах в метро, в научных журналах и даже в Академиях наук. В результате «научного» самовозвеличивания за отдельными эпизодами исчезает целое, происходит деисторизация процесса смены общественного строя, из него удаляются характерные противоречия. В результате акцентирования политической стороны событий и их политических следствий затуманиваются социальные и экономические их аспекты. Практически во всей Восточной Европе (и вообще в Европе) в официальной литературе творцами истории названы оппозиционные группки и индивидуумы, которые якобы «вовремя нащупали пульс истории». Во времена государственного социализма² официозные пропагандисты таким же образом долгое время интерпретировали русскую революцию. При таком подходе важнейшие следствия смены общественного строя (обнищание масс, культурная депривация и т. д.) преподносятся лишь как узкоспециальные вопросы, которые будто бы не относятся к «сущности» смены общественного строя и являются своего рода стихийным бедствием. А тот факт, что смена общественного строя произрастала из тенденции превращения восточноевропейских государств в полупериферийные структуры мировой экономической системы, остается в тени. Представители упомянутого направления замалчивают этот факт, поскольку он противоречит удобной для них интерпретации смены общественного строя в 1980–1990-е гг. как «освободительного», «революционного» процесса.

Вероятно, первым на революционный характер смены общественного строя в Восточной Европе указал (в философском плане) Ю. Хабермас, размышлявший о «коррекционных», «догоняющих» революциях³. Вообще-то этот немецкий философ в период смены общественного строя парадоксальным образом заново сформулировал сталинскую «социалистическую мечту» 1930-х гг. о возможности «во что бы то ни стало» догнать Запад. Однако за последние двадцать лет проявились и утвердились совсем иные тенденции⁴. Хабермас не сделал поправок на это. В итоге переориентация мышления, несколько напоминая приземленную гипотезу Фукуямы о конце истории, остановилась на том, что *догоняющее развитие* необходимо привязано к системе ценностей капиталистических стран «первого мира». Политическим и социальным условием и содержанием смены общественного строя должна была стать идея «догоняющей революции», в то время как на деле речь шла о полупериферийном вхождении в систему мировой экономики, то есть *совсем не о догоняющем развитии*. Ныне во всем нашем регионе хорошо видно, что «возвращение к капитализму» даже в рамках Евросоюза отмечено чертами развития духовных, политических и социальных структур, существовавших до Второй мировой войны: пережитки старого капитализма смешиваются здесь с его современными глобальными формами.

В вихре событий 1989 г. простые люди формулировали мысль Хабермаса по-своему: они верили в то, что Венгрия (так же думали во всех восточноевропейских странах) теперь наверняка догонит Австрию, Японию, Финляндию или, как считали некоторые, даже Швейцарию, — в зависимости от того, какая страна фигурировала в качестве «модели» в очередном промывании мозгов, осуществлявшемся СМИ. Новая восточноевропейская политическая элита с самого начала оправдывала свое существование сменой общественного строя, и последние двадцать лет сопровождалась фальшивыми обещаниями государственных элит, которые строили свою политику на этой старой лжи. В Венгрии «социал-демократическая» и либеральная группировки властной элиты изображают существующую альтернативу так, будто можно выбирать только между двумя возможностями: «современным», неолиберальным капитализмом, позволяющим «догнать» Запад, и возвращением к былинному сословно-авторитарному режиму. «Возвращение» отождествляется с победой прагматичного националистическо-консервативного направления, в то время как все левые идеи, критикующие существующий строй, получают ярлык утопических.

Изначально догоняющее развитие было руководящим принципом для деятелей восточноевропейских национальных движений XIX в. Сто лет спустя при посредничестве Сталина оно стало также принципом государственно-социалистических элит — вплоть до эпохи Горбачева. Однако эта идея, оставаясь практически «официальной» доктриной, до сих пор не основывается на цельной экономической и социальной теории. Социал-либеральное правительство делает акцент на «глобальных ценностях» («свободный рынок», «мультикультурность» и т. д.); в случае его падения националистическо-консервативное правительство выдвинет на передний план «национальные ценности» с некоторой расистской приправой, но оба эти направления в конечном итоге остаются в рамках догоняющего развития. О выходе из Евросоюза размышляют только крайне правые группировки, увлеченные утопией «национального капитализма».

Некоторые характерные черты либерального и националистического объяснения истории

Лексикон самоутверждения неолибералов во всем мире складывается прежде всего из понятий «свободы», «демократии» и «европейскости». В этих рамках смена общественного строя представляется результатом внутренней закономерной эволюции. При либеральном и националистическом подходе к истории крах государственного социализма обычно объясняется доктринальными, идеологическими причинами: мол, его падение вытекало из самих коллективистских идеалов, из теории социализма; мол, видели мы, какие идеалы были у Сталина и Брежнева. Этапы развития советского строя исчезают за неисторическими, идеологическими понятиями *сталинизма, диктатуры, тоталитаризма* и т. д. Популярная и в наши дни теория *тоталитаризма* с помощью идеологического трюка ставит на одну доску нацизм и государственный социализм как «коллективизмы», противопоставив их демократии и рыночной экономике. Идеологи современных властвующих элит объясняют перерождение социализма в «государственный социализм» не ограниченностью и специфичностью исторических предпосылок, а самими основополагающими взглядами Маркса на социализм⁵. Этот прием указывает на стремление закрыть идейное пространство для всех антикапиталистических коллективистских альтернатив.

Подобная фальшивая постановка проблемы, кульминацией которой в конце концов стало отождествление понятий свободного

рынка и свободы как таковой, была неотъемлемым идеологическим моментом самой смены общественного строя. Свобода и демократия превратились в политико-правовые понятия, а их экономические и социальные аспекты исчезли во мраке. Поэтому сторонники неоллиберального подхода празднуют свержение однопартийной системы как «победу свободы». В действительности в Восточной Европе «буржуазная демократия» как лозунг и как продукт институционального импорта является лишь техническим средством для достижения других целей. Поэтому нельзя говорить о реинкарнации западноевропейской буржуазной демократии в нашем регионе, как это принято ныне во всей Восточной Европе.

Новая система институтов была призвана легитимизировать частнособственническое присвоение государственной собственности. Попутно страны «первого мира» сумели освободиться от политического и экономического конкурента, что повлияло на мировой процесс накопления капитала в целом.

Исторический контекст и государственная собственность

Вопреки поверхностным теориям «модернизации», история развития восточноевропейского региона характеризовалась вовсе не повторением ключевых этапов, знакомых нам по истории Запада. По сравнению со странами «первого мира» развитие восточноевропейского исторического региона обладало множеством своеобразных черт. Этим своеобразным чертам посвящена в Восточной Европе огромная литература, о которой я не буду здесь говорить⁶.

Теории, определяющие место региона в мировой системе как полупериферии, разоблачают вековую восточноевропейскую утопию национального и регионального догоняющего развития. Двадцать лет, прошедшие со времени смены общественного строя, хорошо показывают, что полупериферийное существование в мировой системе не является состоянием, которое можно политически и идеологически преодолеть, опираясь на одно лишь волевое решение.

Капитализм, предшествовавший Второй мировой войне, и государственный социализм («реальный социализм») боролись с очень похожими в структурном смысле факторами исторической обусловленности. Западный субрегион Восточной Европы — Чехия и Словения, — который ранее обладал наилучшими, по сравнению с другими восточноевропейскими субрегионами, предпосылками буржуазного развития, был наиболее близок к тому, чтобы достичь уровня стран «первого мира», хотя геополитическое соотношение

сил никогда не склонялось к реализации этой возможности. Однако буржуазная демократия не смогла утвердиться даже в этом субрегионе, поскольку ее социальные и материальные силы были невелики, да и международные условия в XX в. не благоприятствовали такому сценарию. Буржуазия центрально-восточноевропейского (прибалтийско-польско-венгерско-хорватского) субрегиона, менее сильная, чем на западе Восточной Европы, даже в этнически-национальном отношении отличалась от основных масс населения: здесь в рамках авторитарных режимов продолжали существовать элементы «сословного» общества. Русско-украинско-белорусский субрегион лишь в конце XIX в. начал выбираться из рамок традиционного общества, которое за десятилетия государственного социализма, лишилось своего основания. Наконец в балканских странах, а также в Словакии — к началу XX в. утвердилось так называемое «неполное общество» (З. И. Тот): определяющей чертой стало отсутствие своего правящего класса, а также других характерных черт буржуазных обществ. Хорошо известные историкам региональные исторические особенности, по-разному проявлявшиеся в различных субрегионах, можно резюмировать следующим образом: традиционно важная роль государства в экономике (где оно выступало как своего рода заменитель буржуазии), значение государственной собственности, слабость гражданского общества и вообще отсутствие демократической буржуазии, способной осуществлять власть, облегчили после 1945 г. поворот в сторону государственного социализма, а позже способствовали его падению, поскольку указанные исторические черты сделали возможными полупериферийные формы господства транснационального капитала. Государственный социализм как своеобразное «неполное общество» был обществом без «господствующего класса», поэтому в конце 1980-х гг. в ходе нелиберальной перестройки высшая бюрократия легко перешла на позиции персонификатора капитала, хотя долгое время казалось, что она сможет сыграть определенную историческую роль и как «уполномоченный» рабочего класса.

Несмотря на все различия, после 1945 г. под влиянием общих тенденций мирового развития во всех субрегионах Восточной Европы бесспорным фактом стала доминирующая роль государственной собственности. До 1989 г. государственная собственность в принципе не могла продаваться и покупаться и не могла быть передана по наследству, хотя ее фактические хозяева составляли иерархическую социальную структуру: от находившихся в самом низу подсобных ра-

бочих до генерального секретаря партии. Смена общественного строя нужна была для ликвидации этой государственной собственности. Без смены общественного строя неолиберализм со своей международной системой институтов не смог бы осуществить в государствах Восточной Европы приватизацию классическим путем и в классической форме, в отличие от тэтчеровской Великобритании или любой другой традиционной капиталистической страны, где распродажа государственной собственности, в основе которой лежали частнособственнические капиталистические отношения, произошла без смены общественного строя⁷.

При государственном социализме, согласно его конституционному праву, государственная собственность, с одной стороны, находилась под контролем классов производителей. С другой стороны, на практике государственная собственность никогда не была непосредственно общественной собственностью, более того, все нацеленные на это устремления были повсеместно подавлены. В 1919 и 1956 гг. в Венгрии эта судьба постигла рабочие советы, а в Польше в 1980-е гг. то течение в «Солидарности», которое выступало за рабочее самоуправление, было «окончательно» разгромлено именно в ходе смены общественного строя силами, «присягнувшими на верность» буржуазной частной собственности.

Первое следствие смены общественного строя состояло в том, что при новом капитализме обобществление государственной собственности было конституционно запрещено. Иначе говоря, смена общественного строя стала неизбежной по логике самосохранения власти, в соответствии со стремлением правящих элит защитить свои интересы и привилегии, поскольку при государственном социализме приватизация государственной собственности была неосуществима. Не случайно «экспертные комитеты» и финансово-политические группировки Запада — и прежде всего США — отвергли все коллективные формы присвоения собственности, ссылаясь на «силы мирового рынка», на «позитивные возможности» капиталистических транснациональных фирм и на «негативные возможности» самих трудящихся⁸.

Согласно исторической и экономической аргументации либералов, государственная собственность стала преградой на пути развития потому, что она не выдерживает конкуренции с «нормальной» капиталистической собственностью и таит в себе угрозу диктатуры. На самом же деле речь идет о наблюдающейся с середины 1970-х гг. объективной неспособности полупериферии конкури-

ровать со странами «первого мира». В советском, государственно-социалистическом мире не было найдено жизнеспособных решений для преодоления разразившегося тогда кризиса. А ведь можно сказать, что на протяжении десятилетий страны государственного социализма развивались успешно по сравнению с другими полупериферийными регионами (например, с Латинской Америкой). Государственный социализм оказался в конечном итоге тупиком по той причине, что бюрократическая элита, защищая свои привилегии, воспрепятствовала обобществлению государственной собственности под знаком «социалистического догоняющего развития». Позже, в ходе смены общественного строя различные группировки этой элиты с помощью транснационального капитала присвоили государственную собственность через приватизацию. Не случайно их частные интересы восхвалялись с помощью либеральной идеологии в качестве общенациональных интересов. Утверждалось, что вопрос собственности «не так уж важен», «не имеет определяющего значения», а между тем велась борьба не на жизнь а на смерть за приватизацию государственной собственности.

В ходе смены общественного строя союз националистической и либеральной интеллигенции — в согласии с оппозиционными марксистами — первоначально почти везде в Восточной Европе опирался на те или иные представления об *общественном контроле* над государственной собственностью. Лишь позднее, в процессе овладения властью (1985–1990), эти общественные группы перешли к рекомендованной из-за рубежа «реалистической» политике приватизации государственной собственности в интересах бизнеса. Во второй половине 1980-х гг. заключившие союз элитные группировки либералов и националистов поняли три вещи:

1. Идея обобществления не пользуется доверием тех, кто поддерживает их на Западе, и постарались скрыть тот факт, что вопрос собственности одновременно является и определяющим вопросом власти.

2. С помощью приватизации они могут получить возможность освободиться от организационной и идеологической власти партийного аппарата и отчасти занять его место в качестве собственников или представителей транснационального капитала.

3. Реставрация капиталистического строя может осуществляться под знаменами «свободы» и «демократии» (этот процесс, который в конечном итоге привел к экономическому и социальному *обездоливанию* подавляющего большинства общества, часто даже провозглашался революцией).

Смена общественного строя и новые национальные государства

Определяющую роль в процессе *обездоливания* во всей Восточной Европе играли новые национальные государства, образовавшиеся в результате разрушения федеративных объединений периода государственного социализма. Эти новые государства оказались орудием, пригодным для осуществления в регионе контроля местного и глобального капитала.

Возникновение новых национальных государств — как следствие смены общественного строя — неотделимо от судьбы государственной собственности. Раздел последней, как и раздел государственных долгов, нашел отражение в распаде федераций и формировании больших и малых государств, в процессе «этнического», национального обособления. Причем в ходе этого процесса происходило сознательное обострение национальных противоречий. Ныне новые, слабые государства уже ясно выражают запросы глобального капитала: нация, точнее, *национальное государство* в экономическом смысле прекратило свое существование, нация продолжает существовать лишь в качестве культурного и политического образования.

Распад государственно-социалистических федераций можно считать естественным следствием реализации геополитических, властных и рыночных интересов; этот процесс имел своеобразные национальные и исторические корни. Чем слабее были буржуазные традиции, тем быстрее обнаруживалась опасность утверждения новых авторитарных структур, которые подавляют внутренние левые движения, оппозиционные новому строю, и в то же время передают национальную экономику в распоряжение транснациональных компаний и институтов. А национальное государство превращается в их руках просто в сборщика налогов.

Идеологическая легитимизация новых национальных государств

Обеспечение распространения глобального капитала в процессе смены общественного строя происходило и происходит под знаком самых диких националистических и/или либеральных идеологий. В интересах новой легитимизации все формы коммунистической идеологической легитимизации оттесняются на задний план, маргинализируются и заменяются церковно-религиозными и националистическими доктринами.

Почти везде в Восточной Европе новые властные группировки — в различной форме и степени — находят свою идеологическую легитимизацию в консервативной контрреволюционной традиции, существовавшей между двумя мировыми войнами, а также в мифологии «национального сопротивления», выразившегося во время Второй мировой войны в сотрудничестве с фашистами. Для этого они представляют истории своих стран как истории «национально-освободительной борьбы». (В качестве примера «новых» тенденций можно упомянуть объявление героем Бандеры, принимавшего участие в осуществлении Холокоста, или посмертно награжденного президентом Ющенко «героя Украины» Романа Шухевича, бывшего офицера СС и вермахта, имя которого собирались присвоить одному из военных училищ.) Со всеми этими явлениями связано и то, что в новых странах-членах ЕС — при сильной западной поддержке — идет реабилитация *этнического мышления*. Новыми властными элитами оно используется не в рамках старой националистической традиции, а для создания расистского национального мифа. Это историзованное «национальное сознание» представляется таким образом, будто оно защищает интересы этнического большинства от последствий глобального распространения капитала, то есть, собственно говоря, от последствий смены общественного строя. В рамках этнического мышления новые политические классы выработали официальную государственно-национальную идеологию. Следовательно, этническая идеология скрывает и одновременно выражает социальные и экономические интересы и конфликты, связанные с глобальными и локальными условиями. В интересах конкурентной борьбы за прибыль местные персонификаторы глобального капитала («национальная буржуазия») разжигают самый дикий расизм.

Когда завершилось — под грохот бомбардировок Югославии — отчуждение восточноевропейских народов от государственной собственности, от создаваемого в течение десятилетий государственно-национального имущества, власти в виде «утешения», воздвигнув знамена «свободы» и «демократии», дали «добро» на формирование *этнической идентичности*, иногда напоминающее времена средневековья. Этим и закончилась идеологическая реставрация господства капиталистических отношений в Восточной Европе.

Некоторые левые идеологи, когда-то принадлежавшие к демократической оппозиции, говорят о «крахе смены общественного строя», имея в виду разоблачение повсеместных иллюзий, связанных с «хорошим, либеральным капитализмом». На самом деле смена общественного строя с самого начала таила в себе антигуманные тенденции

капитализма, особенно характерные для нашего региона — как и для других периферий или полупериферий мировой системы. В этом смысле смена общественного строя не потерпела крах, а достигла своей цели: завершилась реставрация полупериферийной формы господства капитала. Страны «первого мира» под знаменем «демократии» и «свободы» фактически беспрепятственно производят и вывозят прибыли из нашего региона.

Так обстоит дело с идеологией восточноевропейских «революций», которая не имеет иных функций, кроме оправдания новых форм власти.

Примечания

¹ Спорные вопросы, связанные с интерпретацией смены общественного строя, почти ровесники самой смены общественного строя. См.: Andor L. Capitalism in Eastern Europe // Links. International journal of socialist renewal. 1995. № 4. P. 54–62; Krausz T. The East European of Change of Regimes // Ibid. P. 63–69.

² Резко противопоставляя свой взгляд на общественный строй СССР взглядам теоретиков «государственного капитализма», Краус использует термин «государственный социализм». Он имеет в виду прежде всего то, что в Советском Союзе была только государственная собственность на средства производства, а эксплуатация трудящихся осуществлялась не ради максимизации прибыли, а, напротив, проходила на фоне широкой социальной политики в сферах здравоохранения, образования, культуры и т. п. «Государственный социализм» представляется Краусу «неполным обществом» без господствующего класса, поскольку, с одной стороны, пролетариат, который должен был стать господствующим классом в — теории, на деле не являлся таковым; но, с другой стороны, им не являлась и партийно-государственная бюрократия, так как для того, чтобы полностью осуществлять свое господство, она должна был пойти по пути частного присвоения государственной собственности, то есть фактически реставрировать капитализм. (*Прим. ред. перевода*).

³ Habermas J. What does Socialism mean today? The Rectifying Revolution and the Need for New Thinking on the Left // New Left Review. Sept.–Oct. 1990. № 4.

⁴ Не хотел бы подвергнуться упрекам в хвастовстве, но существует много доказательств того, что мои друзья и я в начале 1990-х гг. составили себе ясную картину, как именно будет развиваться наш регион после 1989 г. См., напр., статью Тютё в № 83 журнала «Эсметет» и мой сборник статей: Krausz T. Megélt rendszerváltás. Budapest: Cégér, 1994.

⁵ Такой неисторичный подход был в классическом виде сформулирован Я. Корнаи в его пространной книге о политической экономии социализма. Об этом см.: Krausz T. Ahistorical Political Economics // Social Scientist (New Delhi). Jan. — March 1996. Vol. 24. № 1–3. P. 111–127.

⁶ За прошедшие полвека только в Венгрии лучшими историками было написано много десятков работ по этой тематике, достаточно просто перечислить их имена: Эмиль Нидерхаузер, Эндре Арато, Енё Сюч, Петер Гунст, Дьёрдь Ранки и т. д.

⁷ Даже в Чили неолиберальный поворот удалось осуществить лишь с помощью военного путча и массовых политических убийств, в то время как государственно-социалистическая элита согласилась на него добровольно.

⁸ О роли международной капиталистической системы институтов в смене общественного строя в СССР я писал в моей работе. См.: Krausz T. *Perestroika and the redistribution of property in the Soviet Union: political perspectives and historical evidence* // *Contemporary Politics* (London, South Bank Univ.). March 2007. Vol. 13. № 1. P. 3–36.

ПОЛИТИКА М. С. ГОРБАЧЕВА И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ РУБЕЖА 1980–1990-х ГОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В. Л. Мусатов
(Россия)

Год 1989 вошел в историю как год демократических революций в странах Восточной Европы, которые положили конец социалистическим режимам власти, и как год падения Берлинской стены, события глубоко символического, имевшего большое значение для воссоединения двух частей Германии и преодоления раскола Европы. Исчезновение с политической карты такого государства как ГДР — самого сильного союзника СССР в Европе, победа оппозиции на выборах в Польше ускорили распад социалистического содружества и его союзнических международных структур — Организации Варшавского договора и СЭВ.

Сейчас, когда в духе победы Запада в «холодной войне» отмечается 20-я годовщина падения Берлинской стены, вокруг этих событий уплотняется романтический туман, появляется все больше политиков, склонных преувеличивать свою роль. В их числе и Э. А. Шеварднадзе, который сначала в феврале 1990 г. договорился с «другом» Дж. Бейкером, т. е. согласился с американской позицией, а потом уговорил колеблющегося М. С. Горбачева пойти на объединение Германии на условиях, продиктованных Вашингтоном и Бонном. Бывший министр иностранных дел СССР и бывший президент Грузии считает, что два грузина сыграли выдающуюся роль в мировой истории — Сталин, разгромивший Гитлера и закрепивший раздел рейха, и Шеварднадзе, приложивший руку к воссоединению двух частей Германии. Если бы был жив А. Н. Яковлев, он тоже мог бы сказать о своей роли, тем более что «идеолог перестройки» еще в 1987 г. говорил о неизбежном крахе ГДР и необходимости вывода советских войск из Восточной Германии.

Что касается Буша и Коля, они исходили из своих национальных интересов. Они — победители. Бывший же президент Советского

Союза М. С. Горбачев выглядит проигравшим, но он по-прежнему утверждает, что улавливал веления времени. Он, дескать, проиграл как политик, но идея перестройки жива. Повторяет, что на Западе также нужна перестройка. Понятно, почему немцы пригласили в Берлин на торжества поляка Л. Валенсу, бывшего президента Польши и первого лидера «Солидарности». Нашли и венгра М. Немета, который напомнил о своих заслугах в качестве главы венгерского правительства в то время, когда жители ГДР через Венгрию тысячами беспрепятственно уходили в Австрию и ФРГ. Вообще-то западные немцы любят Д. Хорна, в 1989 г. они имели дело больше всего с ним, но бывший министр иностранных дел (позднее, в 1994–1998 гг. — премьер-министр) ничего сказать не может из-за сразившей его тяжелой болезни. Кто-то постарался напомнить, что М. Тэтчер и Ф. Миттеран опасались воссоединения Германии, даже говорили об этом Горбачеву, призывали не торопиться, но потом решили все-таки не ссориться с Бонном и Вашингтоном.

На торжествах в Берлине канцлер А. Меркель сочла нужным поблагодарить М. С. Горбачева за его позицию. Президент России Д. А. Медведев не прошел мимо роли Советского Союза в объединении, но его отличала сдержанность в оценке Горбачева. Российский президент отметил в интервью журналу «Шпигель», что в ФРГ и многих европейских странах М. С. Горбачев воспринимается как положительная фигура. «В нашей стране, — сказал он, — оценки его деятельности могут быть разные, потому что период его работы пришелся на распад нашего государства. Довольно значительная часть наших людей связывает кончину нашего государства с его работой. Справедливо или нет — это вопрос историков. Но то, что в субъективном плане очень многие люди в тот период чувствовали себя пострадавшими, потерпевшими, лишившимися страны — это факт». (Д. А. Медведев, в 1989 г. аспирант Ленинградского университета, не помнит, где он был и что делал в момент прорыва Берлинской стены. Но осознавал, что время было историческое. Честной оказалась канцлер А. Меркель, которая не скрыла, что в момент открытия Берлинской стены находилась в сауне с друзьями! Другая ситуация, но тоже из 1989 г.: румынские историки рассказывают, что И. Илиеску узнал о приглашении прибыть на встречу по созданию Фронта национального спасения, сидя дома перед телевизором.)

Анализируя события осени 1989 г., не надо забывать, что в тот момент существовала весьма реальная основа для перемен, когда сошлись все объективные и субъективные факторы, а также случайно-сти, включая и оговорку члена Политбюро ЦК СЕПГ Г. Шабовского

в передаче телевидения Восточного Берлина относительно принятого решения о зарубежных поездках граждан ГДР, после которой жители ГДР начали прорываться через различные КПП в Берлинской стене. Разумеется, важнейшими условиями перемен в Европе явились отказ от конфронтации, укрепление доверия, начало реального процесса разоружения, демонтаж «железного занавеса» и развитие связей, что во многом связывалось с мирными инициативами нового советского лидера — М. С. Горбачева. Его политика перестройки и «нового мышления» не сразу была понята на Западе, прежде всего в США. Сложно складывались его отношения с Рейганом, но теперь Горбачев считает его «великим президентом»¹.

Примерно с конца 1988 г. сложились условия для углубленного диалога и сотрудничества Советского Союза с новой администрацией США и крупнейшими государствами мира. Важными моментами восстановления доверия стали вывод советских войск из Афганистана, намерение Советского Союза сократить войска в ЦВЕ, расширение гласности и демократии внутри страны, а также нормализация отношений Москвы и Пекина.

В ходе перестройки, связанной в истории с именем М. С. Горбачева, произошел пересмотр многих традиционных позиций советской внешней политики, в том числе в Европе. Более того, в ходе ее реализации были сделаны серьезные уступки Западу, например, в сфере безопасности и разоружения, а также в германском вопросе. Один из наших видных международных — К. Н. Брутенц, бывший советник президента СССР, считает, например, что после Сталина и Хрущева это был третий кардинальный поворот во внешней политике Советского Союза и КПСС, сопровождавшийся отказом от государственной идеологии, от классовых позиций². К этому можно добавить, что он стал и последним поворотом, приведшим к провалу внешней политики второй сверхдержавы, а вместе с поражением внутренней политики перестройки — к исчезновению СССР как субъекта международных отношений. Этот процесс в 1988–1991 гг. сопровождался сдачей геополитических позиций Советского Союза в Восточной Европе и фактически отказом Москвы от военно-политического союза и самороспуском региональной организации экономического сотрудничества (СЭВ) в надежде на установление в условиях прекращения конфронтации новых, равноправных, взаимовыгодных отношений и на строительство «общеевропейского дома» — этого большого мифа Горбачева, против которого западные державы до поры до времени не возражали.

Если возвращаться к исходной точке — приходу М. С. Горбачева к власти весной 1985 г., то, конечно, в социалистическом содруже-

стве ему досталось нелегкое наследие. Проблем накопилось немало. Главное — нарастало отставание в развитии экономики, в науке и технологии и усиливались трудности в социальной сфере. Был проведен критический анализ положения дел, что выразилось в записке М. С. Горбачева об отношениях с соцстранами (1986), одобренной Политбюро. Новый генеральный секретарь стремился обновить отношения с социалистическими странами, полагая, что надо совместно ускорить экономическое развитие, демократизировать общество, активизировать человеческий фактор и проводить мирную внешнюю политику, укрепляя тем самым мировой социализм и его жизнеспособность. Иными словами, оформилась идея революции сверху, в ходе процесса обновления, направляемого компартией. Так было в начале пути, так записано в решениях XXVII съезда КПСС и XIX партконференции.

Новшества Горбачева, провозглашенные на Рабочей встрече лидеров соцстран в Москве в ноябре 1986 г. (а М. С. Горбачев стал инициатором проведения деловых регулярных встреч, не в пример парадным Крымским встречам времен Л. И. Брежнева): невмешательство, признание равноправия, отказ от патернализма, уважение самостоятельности, переход к взаимовыгодному характеру экономических связей — наряду с сохранением помощи отстававшим в развитии социалистическим странам и, наконец, отказ от доктрины Брежнева, модернизация Варшавского договора и СЭВ — на словах были поддержаны коллегами из соцстран. Они одобрили откровенный разговор, отсутствие обязывающих решений, но фактически у них преобладали осторожность и скептическая настроенность, которые подпитывались историческим опытом и знакомством с великодержавными методами работы советских товарищей. Беда заключалась в том, что перемены в социалистическом содружестве давно назрели, это понимали многие как в Советском Союзе, так и в соцстранах. Однако бывшие высшие руководители социалистических стран не верили в успех политики Горбачева, тем более что содержание советской перестройки представлялось весьма хаотичным. Не случайно, лидеры, давно находившиеся у власти, заявляли, что аналогичные или похожие преобразования в их странах уже проведены. Так говорили, например, Т. Живков, Э. Хонеккер и Н. Чаушеску. Однако зависимость социалистических стран от Советского Союза была значительной. Без советской поддержки режимы государственного социализма в странах Восточной Европы не могли существовать.

Дальнейшие события в регионе это подтвердили. На словах звучало одобрение советской перестройки и гласности, но внутри

правлящих элит компартий стран ЦВЕ в закрытых дискуссиях выражалась тревога, обострялись противоречия между сторонниками советской перестройки и более скептически настроенными силами. После появления в ходе начатых Горбачевым преобразований трудностей и коллизий в советском обществе, а затем и обострения внутрипартийной борьбы в КПСС некоторые лидеры социалистических стран стали предупреждать свои кадры, что перестройка и новое мышление приведут к краху Советского Союза. Я. Кадар, например, сказал, что Горбачев не понимает свой народ. Зная консервативные настроения советского партийно-государственного аппарата, он спросил Горбачева, не опасается ли он повторения с ним истории с отстранением Н. С. Хрущева от власти. По многим проблемам высказывали сомнения Т. Живков и Э. Хонеккер. Не скрывал своего критического отношения Н. Чаушеску. В Чехословакии В. Биляк призывал не торопиться с перестройкой, поскольку Горбачев будет сменен на посту высшего руководителя. На Кубе Ф. Кастро без восторгов принял перестройку, особенно ее внешнеполитическую программу, сам Горбачев пытался объяснять ему свои планы, но без особого успеха.

Интересна эволюция позиции Китая. В начале перестройки китайское руководство высказывалось о ней с одобрением, но после осложнения обстановки в европейских соцстранах и Советском Союзе, особенно после известных событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., китайское руководство заняло оборонительную позицию, устранило неумеренных реформаторов из партийной верхушки, справедливо опасаясь, что политические катаклизмы дойдут до Китая. (Китайцы сдержанно восприняли переговоры Буша и Горбачева на Мальте, выразив надежду, что «результаты встречи не нанесут ущерба интересам третьих стран».)

Следует отметить, что тезис генерального секретаря ЦК КПСС о том, что перестройка предназначена для Советского Союза и советского народа, что руководство КПСС никому ничего не навязывает, конечно, в повседневной практике взаимоотношений с союзниками не соблюдался. Даже название широко известной книги Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» свидетельствовало об этом. Книга была издана тиражом в 5 млн экземпляров. Чаще косвенно, но и напрямую соцстраны подталкивались к перестройке, к ломке их политики. Считая, что первые лица соцстран не доводят до остальных руководителей или искажают мысли, излагаемые советским лидером на переговорах, Горбачев ввел практику при визитах к «друзьям» проводить встречи не только

с лидерами, а со всем составом Политбюро. Один только Н. Чаушеску отказал Горбачеву в этом его желании.

Когда М. С. Горбачев полностью убедился, что старые лидеры соцстран, за исключением В. Ярузельского, настроены критически, в том числе и Я. Кадар, к которому он в целом относился с уважением, а проблемы везде нарастают, и рецептов их решения в Москве нет, он сначала попытался ускорить процесс замены руководителей (Венгрия, Чехословакия, с большим опозданием — ГДР и Болгария), а позже утратил интерес к делам «братских партий» стран социалистического содружества, тем более что им был провозглашен принцип: каждый отвечает за себя и несет ответственность перед своим народом. Рабочие встречи лидеров соцстран превратились в формальные. Реформа СЭВ так и не началась. Не удалось объединить усилия стран и обеспечить прорыв в сфере науки и технологии. Европейские соцстраны отказывались закупать советскую военную технику, составлявшую существенную часть советского экспорта. В двусторонних экономических связях, — а в их развитии были прежде всего заинтересованы наши партнеры, которые нуждались в емком советском рынке, — множились трудности, в основном из-за надвигавшейся на СССР экономической и финансовой катастрофы. Ситуацию усугубил обвал цен на нефть, за которым стояли США и некоторые арабские государства. Происходил поворот союзных стран в сторону усиления торгово-экономических связей с Западом. Нарастала их кредитная задолженность, превысив 100 млрд долларов.

Просьбы лидеров соцстран об обсуждении обстановки, о разработке каких-то совместных мер (М. Якеш, Н. Чаушеску и др.), особенно после поражения ПОРП на парламентских выборах летом 1989 г., оставались без ответа. Почему? Во-первых, Горбачеву нечего было сказать. Во-вторых, надо четко представлять, что в конце 1989 г. М. С. Горбачева в основном занимала судьба перестройки, собственный имидж и приближавшаяся экономическая катастрофа. Внутри страны он прежде всего занимался разработкой политического договора о новом Союзе, хотя многие члены руководства считали необходимым укрепить в первую очередь экономические основы взаимоотношений между союзными республиками³. Во внешней политике Горбачев все больше и больше сосредоточивался на поисках политической и экономической поддержки в США и других крупных европейских и азиатских странах. Социалистический лагерь, созданный при И. В. Сталине и укрепленный при Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежневем, терял ценность в глазах нового руководства СССР

во главе с Горбачевым. На большой шахматной доске геополитики соцстранам уже не оставалось места. А у генерального секретаря ЦК КПСС не было ни времени, ни желания заниматься проблемами восточноевропейских социалистических стран. Об этом написали в своих мемуарах помощники генсека — А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров и К. Н. Брутенц. В Политбюро и на пленумах ЦК высказывались возражения, звучали требования обсудить ситуацию, но все решал авторитет президента-генсека.

В изданных за последние годы книгах членов высшего партийного руководства — Н. И. Рыжкова, А. Н. Яковлева, В. А. Медведева, Е. К. Лигачева и В. И. Воронникова можно найти немало свидетельств об обстановке в руководстве ЦК и партии — сложной и все более ухудшавшейся. Только Г. Х. Шахназаров, анализируя перемены в социалистическом содружестве, считал, что в принципе оно могло бы просуществовать еще лет десять, потенциал еще имелся, но реформы были неотвратимы. Иначе грозил провал.

Известный журналист, в прошлом консультант Отдела ЦК КПСС, автор многих речей Л. И. Брежнева А. Е. Бовин рассказывал об осторожном подходе советского генсека к разного рода переменам в социалистическом лагере. Он как-то в неофициальном порядке сказал своим сотрудникам: не трогайте ничего в соцсодружестве и Варшавском договоре, и добавил: пока все само не развалится. (Кстати говоря, сам Горбачев в наши дни в интервью журналу «Профиль» (06.04.2010) в связи с 25-летием перестройки признал, что Советский Союз существовал бы, «загнивал» бы еще долго, если бы не началась перестройка. Вот его слова: «Все зависело от того, кто был бы у власти. То, что мы могли продержаться и 10, и 15 лет — это точно. Могли бы продержаться».)

М. С. Горбачев в течение всего 1989 г. добивался встречи с новым американским президентом, поскольку видел, что Дж. Буш не торопится, размышляет и оттягивает выбор. Встреча на Мальте в начале декабря 1989 г. выявила благожелательное отношение президента США к политике перестройки, поскольку расширились возможности влияния на политику Москвы и ее союзников. Поддержка президента США была крайне важна для Горбачева. Буш на переговорах убедился, что в условиях общественных перемен в ЦВЕ Советский Союз не станет применять силовые методы. На Мальте было зафиксировано согласие двух лидеров относительно сохранения мирного характера перемен в Восточной Европе и заключена договоренность о невмешательстве в протекавшие процессы. Но Буш «погрозил пальчиком»

в отношении прибалтийских республик: не вздумайте там применить силу, Америка этого не поймет. Он открыто попытался отговорить Горбачева от поддержки Кастро. Дескать, вы дискредитируете себя, поддерживая команданте, который выступает против перестройки. Советский лидер вяло отшутился, что в этом тоже проявление плюрализма мнений.

На Мальте две сверхдержавы начали отказываться от итогов Второй мировой войны, от результатов послевоенного урегулирования. Естественно, Советский Союз уступал в первую очередь. В целом, как считали два ведущих специалиста по американской проблематике А. Ф. Добрынин и Г. М. Корниенко, советская сторона на переговорах в 80 % случаев шла на уступки американцам, а они уступали только в 20 %. Вот так примерно решался и вопрос о системной трансформации в Восточной Европе, которую А. Черняев, А. Галкин и другие авторы в последнем проекте Горбачев — фонда (октябрь 2009 г.) относят к числу побед политики Горбачева. В действительности имел место стовор двух сверхдержав. Дж. Буш-старший захваливал М. С. Горбачева, заявляя: «...американское общественное мнение поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен». Горбачев ответил, что «направление перемен в Восточной Европе и в Советском Союзе сближает нас, и это главное». Но также счел необходимым заметить: «...иногда приходится слышать, что в нынешней ситуации мы не выполнили нашей миссии в отношении наших друзей. Я в таких случаях отвечаю: во-первых, к нам не обращались, а во-вторых, процессы проходят в конституционной форме».

Но перемены начались до Мальты. В этом процессе у американцев имелось преимущество. Поле маневра у Советского Союза оказалось ограниченным. Конечно, о термоядерном столкновении, о третьей мировой войне не было и речи, хотя сейчас М. С. Горбачев подчеркивает, что благодаря его благоразумной позиции мир избежал катастрофы. Это — страшилка, которую бывший президент СССР использует в целях оправдания своего внешнеполитического поражения. Еще в январе 1989 г. подобную сделку (мирные перемены в Восточной Европе в обмен за политическую и экономическую поддержку перестройки и разоружения) предлагал Горбачеву и Яковлеву Г. Киссинджер с ведома Дж. Буша, от которого он привез письмо. Опасаясь обвинений в стоворе с американцами со стороны европейцев, Горбачев формально не согласился с этим предложением. Но позже в Москву приехал госсекретарь Д. Бейкер, с которым были продолжены раз-

говоры в том же ключе. Американцы понимали, что первый толчок процессу трансформации в странах ЦВЕ дала советская перестройка, которая активизировала оппозиционные силы в соцстранах. Буш пишет в своих совместных с Скоукрофтом мемуарах, что следовало ослабить «хватку Москвы» в Восточной Европе. И американцы целенаправленно работали с Горбачевым и его окружением. Официальные руководители соцстран и лидеры оппозиции знали, что Советский Союз на этот раз не станет вмешиваться, даже таким образом, как это делалось в Польше в 1980–1981 гг. перед введением военного положения. На Мальте Горбачев подтвердил эту позицию Бушу.

Важную роль в смене общественного строя в странах ЦВЕ сыграла продуманная западная политика, активность западных держав, которые дирижировали действиями оппозиции. (Один только пример с активной деятельностью посла США в Венгрии М. Палмера весьма красноречив.) Сценарии перемен, народные выступления, закулисный и открытый торг властей с оппозицией во всех странах были схожие, за исключением Румынии. Там, видимо, не удалось осуществить государственный переворот, так сказать, по-тихому, потому что произошел взрыв уличных выступлений со стрельбой и кровопролитием, причем не только в Бухаресте. Первые выступления в защиту прав человека, массовые демонстрации венгров и румын начались в Тимишоаре. Там же погибли десятки людей. Может быть, позднее инсценировкой атак «террористов» в столице потребовалось усилить обвинения в адрес «диктатора», чтобы быстрее избавиться от него. Тогда М. С. Горбачев публично никак не реагировал на казнь Николае и Елены Чаушеску. Позднее в своих мемуарах он писал о необходимости суда, несмотря на сложность ситуации. Сейчас он осуждает казнь, говорит, что с четой Чаушеску обошлись, как «с животными»⁴.

В конце 1989 г. перед Москвой предстал регион Восточной Европы с новыми режимами власти. Встал вопрос, что делать? Военное вмешательство исключалось. Напротив, следовало готовиться к выводу советских войск. С пришедшей к власти демократической оппозицией у Москвы серьезные связи отсутствовали. Их срочно налаживали. Но идея установления нового баланса интересов со странами Восточной Европы, которая обозначена в решениях ЦК КПСС (1990–1991)⁵, не имела перспектив. То есть она могла бы стать перспективной, если бы этот баланс интересов готовили заранее. И если бы Советский Союз обладал серьезным притяжением, чтобы оставить бывшие соцстраны в орбите своего влияния. В 1990 г. и тем более в 1991 г. таких предпосылок уже не имелось.

Новые лидеры стран ЦВЕ по инерции еще говорили о сохранении связей с Советским Союзом, о сохранении ОВД и СЭВ, но практически их политика и экономические связи менялись, был сделан решительный поворот в сторону США и Западной Европы. Естественно, американцы, опираясь на свою силу и влияние в мире и в этом регионе (визит Дж. Буша летом 1989 г. в Польшу и Венгрию наглядно это продемонстрировал), методично использовали исторический шанс. Но заверений о том, что они не хотят причинять трудностей М. С. Горбачеву, было предостаточно. А слабеющий Советский Союз, руководство которого не имело четкой политики, обещался на уступки и отступление.

Особо следует сказать о влиянии германского фактора. Никто из серьезных специалистов не говорит, что двум германским государствам не следовало воссоединиться, это было неизбежно. Но в решении германского вопроса руководство Советского Союза пошло на неоправданные уступки, допустило спешку. Права СССР как державы-победительницы во Второй мировой войне подверглись забвению, а молниеносное поглощение независимого государства, члена ООН — ГДР (с согласия М. С. Горбачева) Западной Германией означало конец послевоенного устройства и неизбежный распад структур Варшавского договора. Имелся ли шанс превратить Германию в нейтральное государство? Участники переговоров, за исключением Горбачева и Шеварднадзе, отвечают сейчас на этот вопрос утвердительно. Почему были выведены только советские войска, а войска западных союзников остаются до сих пор в Германии? Ведь американцы не убрали даже тактическое атомное оружие. Ответа на эти вопросы нет. Бывший мининдел СССР А. Бессмертных рассказывает, что госсекретарь Д. Бейкер предлагал в отдельном документе зафиксировать гарантии нерасширения НАТО на Восток. Этого сделано не было.

Когда оппоненты Горбачева говорили президенту СССР, что устные заверения западных лидеров будут скоро забыты (что и произошло!), то он отвечал: «Не драматизируйте!». Волна революций в Восточной Европе предвещала развал Советского Союза. Конечно, ФРГ в какой-то мере откупились кредитами (15 млрд марок), оказала финансовую и гуманитарную помощь, но ведь цена перемен в Европе была значительно выше. Так произошло выдавливание СССР из бывшей ГДР и Восточной Европы, на этой базе происходило примирение с немцами. Параллельно назревало отпадение от СССР прибалтийских республик. До сих пор у новой России нет гармоничных связей со странами ЦВЕ. Правильно пишет бывший премьер-министр ГДР Х. Модров, что Советский Союз никого не предавал и не продавал, он

просто самоустранился, забыв и о своих собственных интересах. Распад СССР в 1991 г. подтвердил эту оценку.

М. С. Горбачев выдвинул в те годы также идею «общеευропейского дома» (но первым о подобной идее говорил еще Ш. де Голль) — на основе нового понимания европейской безопасности как неблоковой, равной и неделимой, с одновременным роспуском военных блоков, а также созданием общего экономического и гуманитарного пространства. Эти идеи опережали свое время, так как никто на Западе, несмотря на прекращение «холодной войны», не хотел отказываться от НАТО, от ядерных вооружений и от структур экономической интеграции, тогда еще в виде ЕЭС. Автор идеи — Советский Союз находился на пороге распада; в 1991 г. западные лидеры вели еще переговоры с Горбачевым, стремясь получить напоследок то, что можно. Но они уже искали подходы к Б. Н. Ельцину, который, избавляясь от Горбачева, разрушал и Советский Союз.

Идея «общеευропейского дома» остается нереальной и в данный момент. Сейчас в мире усилились процессы глобализации, в Европе крепнет ЕС, после ратификации Лиссабонского договора этот процесс, вероятнее всего, усилится, несмотря на экономический кризис. Не случайно Барак Обама стремится укрепить связи с Европой. У России сложно складываются отношения с ЕС, что не компенсируется хорошим состоянием двусторонних связей с отдельными европейскими странами. Функции НАТО меняются, сфера его действия весьма расширилась, продвижение на Восток продолжится. Предложение Д. А. Медведева о разработке нового Договора о евроатлантической безопасности пока не пользуется поддержкой, поскольку после событий 2008 г. на Южном Кавказе ощущается недоверие к России (вспомним хотя бы письмо группы восточноевропейских политиков в адрес президента Обамы). К тому же голос России ослаб, она уже не сверхдержава, а скорее крупное региональное государство, хотя и с атомным оружием. Глобальный финансовый кризис выявил много трудностей и проблем в политике и экономике России.

Все же российское предложение о формировании системы евроатлантической безопасности будет востребовано в посткризисном мире, тем более что многополярный мир вероятнее всего не будет более спокойным и безопасным, чем прежний. Придут новые вызовы и угрозы, и России надо будет искать свое место в новом мироустройстве. Время покажет, является ли нынешняя многовекторная и прагматическая внешняя политика России инструментом сохранения ее самостоятельной роли в мире или понадобятся другие

подходы, — например, сближаться с обновленной НАТО, даже вступать в альянс, заключать стратегический союз с Брюсселем, теснее примыкать к БРИК⁶ или всемерно укреплять сообщество новых независимых государств на постсоветском пространстве.

Примечания

¹ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М., 2010. С. 26.

² Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 132.

³ Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009. С. 12.

⁴ Горбачев-Фонд: СМИ о поездке М. С. Горбачева в Бухарест 14–15 апреля 2010 г.

⁵ Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 336–344.

⁶ БРИК — неформальный союз Бразилии, России, Индии и Китая.

МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕРЕЗ ЗАИМСТВОВАНИЕ: УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО

С. П. Глинкина
(Россия)

Конец XX в. ознаменовался крупномасштабными общественными трансформациями, протекающими одновременно на глобальном, региональном и национальном уровнях. Особое место в этих процессах занимают постсоциалистические трансформации, анализу которых посвящена многочисленная отечественная и зарубежная научная литература. Однако осмысление этого явления даже по прошествии двадцати лет с начала «бархатных» революций в Центральной и Юго-Восточной Европе не выглядит завершенным, более того, можно констатировать нарастание своего рода мифотворчества в оценке происходящего. Ситуация требует продолжения анализа как самих процессов трансформации, так и методологии их изучения.

Несколько общих замечаний

Анализ тенденций современного обществоведения позволяет признать, что в оценке постсоциалистических трансформаций господствующим является вульгаризированный в советской исторической науке стадийно-формационный подход, выделяющий пять общественно-экономических формаций (первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический строй¹). «Социалистический период развития» в таком случае сегодня признается «отступлением» от исторического хода развития человечества (экспериментом, преступлением и т. п.), а трансформационный переход, соответственно, возвращением в лоно цивилизации.

Выкристаллизовалось четыре теоретических подхода к трансформации:

– *телеологический подход*, рассматривающий создание новой экономической системы как быстрый переход от одного состояния

общества и экономики к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту (в ходе трансформационного перехода он был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма — эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии);

– *абсолютизированный эволюционизм*, реализованный западными государствами в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики, использование которого оказалось невозможным в силу значительного сжатия времени к концу XX в.;

– *генетический подход*, представленный целым рядом научных концепций: идеей постепенной, поэтапной социальной инженерии К. Поппера, предлагавшего «идти от проблем», методом «проб и ошибок» постоянно осуществлять улучшения вместо того, чтобы стремиться быстро достичь умозрачного либо, как предполагалось, существующего идеала²; подходом Н. Кондратьева к формированию целей и разработке плановых заданий базирующемся на учете объективных тенденций развития³; концепцией «перспективных траекторий развития» В. М. Полтеровича⁴ и др.;

– *«переход через заимствование»* существующих в наиболее развитых странах Запада институтов в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации.

В практике посткоммунистических трансформаций реально востребованными оказались «генетический подход» (Китай) и «переход через заимствование» институтов рынка и демократии (страны Центральной и Юго-Восточной Европы, государства, возникшие на территории бывшего СССР). Как писал нобелевский лауреат Д. Норт, *«очевидно, что для плохо функционирующих экономик существование где-то в других странах сравнительно продуктивных институтов и возможность получения с низкими издержками информации об экономическом развитии этих стран, опирающемся на данные институты, служит мощным стимулом к изменениям»*⁵.

В реальной жизни заимствование оказывалось либо формальным и происходила мутация трансплантированных на чужеродную почву институтов (государства постсоветского пространства), либо оно требовало подкрепления соответствующими механизмами принуждения к эффективному функционированию (страны Центрально-Восточной Европы в ходе процесса подготовки в членству в Европейском Союзе).

Казалось бы, для избравших заимствование как способ трансформации «пункт назначения» был определен — развитая рыночная экономика и политическая демократия. Однако нередко при этом вне анализа оставались скромные (а порой плачевные) попытки быстрого

преодоления отсталости стран «третьего мира» в 1950–1960 гг., когда эта проблема трактовалась технократически, в духе телеологического подхода. Причем стратегия политики определялась методом «вычитания»: «из значений ряда важнейших экономических показателей (капиталовооруженности, объема инвестиций, уровня образования и т. д.) для развитых стран вычитались соответствующие значения для стран “третьего мира”, и тем самым определялись конкретные задачи, причем предполагалось, что “контрольные цифры” достижимы прежде всего благодаря изменению потока финансовых ресурсов»⁶.

Мало кто услышал в ходе трансформации слова С. Хантингтона о том, что «Запад — странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95 % населения Земли... Запад уникален, а вовсе не универсален»⁷. Гласом вопиющего в пустыне прозвучали слова известного американского экономиста Мансура Олсона о том, что переход от плана к рынку обнажил «провал» в западной экономической мысли — ею до сих пор не дан ответ на главный вопрос: что представляет собой процветающая рыночная экономика как система?⁸

Очевидно, что существуют особые типы рыночно-капиталистического хозяйства. Лозунг о переходе от плана к рынку как содержанию переходного процесса мало что объясняет в таком случае: рынок рынку рознь. О каком рынке мы говорим? Преобладание того или иного типа рынка будет определять специфику складывающейся экономической системы, особую социальную структуру общества и систему мотиваций его членов. Что имеем в результате: рентоориентированную или производительную экономику?

Таким образом, вопрос о реальной направленности социально-экономической трансформации остается открытым. Чего стоит признание Президента России Д. Медведева на V Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 г., что «мы фактически занимаемся последние годы “ручным” управлением экономикой. Такое управление понадобилось потому, что “невидимая рука рынка”, на которую возлагались основные надежды после распада СССР, так и осталась абсолютно невидимой во многих отраслях экономики. Свободная игра рыночных сил не произвела ни одного корабля или атомного реактора, ни одного автомобиля или нового самолета, не решила проблемы нищеты, в сферах образования и здравоохранения и т. д.»⁹ И это, заметьте, уже по прошествии нескольких лет признания мировым сообществом существования в России рыночной экономики.

Трансформация через заимствование. Частный пример стран Центральной и Восточной Европы

Возможно ли заимствование как успешный способ трансформации общества в принципе? Да, конечно, но, как показывает опыт постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, для его успешной реализации требуется выполнение ряда условий.

Изучение процессов, протекающих в странах ЦВЕ, чрезвычайно интересно ввиду осуществления ими практически в чистом виде перехода к рынку и демократии через заимствование европейских институтов. О ходе трансформации в этом регионе написано немало научной литературы, причем в России, к сожалению, цитируются, как правило, статьи западных аналитиков по данным вопросам, что нередко ведет к мистификации протекающих процессов (сказываются работа с переводными, нередко — в силу высокой динамики изменений — устаревшими источниками, преобладание среди авторов переводных работ представителей неоклассической экономической школы). Так, например, широко утвердился тезис о том, что страны ЦВЕ прошли через этап «шоковой терапии». В зависимости от «идеологической» ориентации авторов, этот, по сути, спорный факт объявляется либо предпосылкой достигнутых на пути трансформации успехов, либо объяснением «горьких последствий поспешных асоциальных шагов».

В работах сотрудников Отделения международных экономических и политических исследований ИЭ РАН убедительно опровергается столь однозначный вывод как применительно к характеру преобразований, так и к анализу причин реальных трудностей, а также реальных достижений, имеющих в странах ЦВЕ. Полонисты ОМЭПИ неоднократно выступали с разоблачением представления о Польше как стране жестко проведенной «шоковой терапии». Достаточно вспомнить, что либерализация цен в стране проводилась постепенно, практически на протяжении всех 1980-х гг., а темпы роста потребления в течение полутора лет после завершающего этапа либерализации (вторая половина 1989 г.) превышали темпы роста ВВП¹⁰. Нельзя не вспомнить польский подход к приватизации, которая признавалась экспертами МВФ «нерешительной», а также то внимание, которое было уделено в ходе трансформации усилению роли государства при существенном изменении его функций, созданию экономических основ функционирования мелкого бизнеса, подъему роли местного самоуправления и другим, не предусмотренным «шокотерапией» вопросам.

Еще более интересным является анализ трансформационных преобразований в Словении — стране, создавшей за переходный период самую благополучную экономику. Практические шаги по реформированию экономики здесь, как правило, противоречили постулатам вашингтонского консенсуса¹¹. Да и в большинстве других постсоциалистических стран ЦВЕ вслед за непродолжительным по времени периодом «создания совершенной среды хозяйствования», наступил этап активного заимствования институтов рынка и демократии под жестким контролем Европейского Союза, перспектива членства в котором стала мотором развернувшихся в странах преобразований.

Европейский Союз оказал этим странам материальную помощь, предоставил финансовые ресурсы (деятельность фонда PHARE*, подключение стран к деятельности Европейского банка реконструкции и развития), постепенно начал открывать рынок для товаров из стран ЦВЕ (специальный преференциальный режим, подписание асимметричных соглашений об ассоциации и др.), разработал и принял в 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене критерии членства в ЕС для стран ЦВЕ, желающих присоединиться к интеграционной группировке. Копенгагенские критерии предусматривали наличие в странах-кандидатах:

- стабильных институтов, обеспечивающих демократию, законность, соблюдение прав человека и национальных меньшинств;
- функционирующей рыночной экономики, способной выдерживать конкуренцию и справляться с действием рыночных сил в стране и в Союзе;
- готовности и способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС, включая согласие с целями создания Экономического и валютного союза.

В 1995 г. была утверждена программа «Подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза», которая содержала перечень законодательных актов (790), необходимых для интеграции стран ЦВЕ в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их

* Программа ЕС PHARE была основана в 1989 г., ее первоначальной целью было предоставление финансовой поддержки Польше и Венгрии в период экономического перехода. Аббревиатура изначального названия этой программы «Poland, Hungary Aid for the Reconstruction of the Economy» (Помощь на восстановление экономики Польши и Венгрии) — PHARE — и стала названием данного финансового инструмента Европейского Союза (прим. ред.).

принятия. Приложение, более объемное, чем основная часть Стратегии, анализировало пути сближения/гармонизации законодательства стран ЦВЕ с европейским правом в 23 секторах экономики и общественной жизни, начиная от движения капитала до защиты прав потребителей. Приложение включало рекомендации по созданию административных и технических структур, обеспечивающих эффективную правоприменительную практику, а также направления и формы технической поддержки, оказываемой странам-кандидатам со стороны ЕС в целях сближения их законодательства с правовой системой Евросоюза.

ЕС разработал индивидуальные стратегии присоединения, в которых обозначил для каждой страны-кандидата приоритеты, конкретные действия и сроки их осуществления. В программу подготовки к членству относительно более развитой Венгрии было включено 88 серьезных задач, Чехии — 90, Словакии — 98, большинства других стран — более 100 задач. Параллельно с программой партнерства каждая страна-кандидат должна была до конца марта 1998 г. разработать Национальную программу принятия права ЕС с графиком выполнения поставленных задач и определением финансовых и административных ресурсов. В ее составлении принимали участие эксперты из всех охваченных программой областей, а также представители Европейской комиссии.

Процесс переговоров о присоединении стран-кандидатов к ЕС, которые проводились исключительно на двусторонней основе, состоял из двух этапов:

1) анализа соответствия данного государства копенгагенским критериям членства и достигнутого прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС;

2) разработки условий вступления стран ЦВЕ в ЕС, в частности возможности предоставления этим странам переходных периодов (отсрочек) для применения норм ЕС. Таким образом, подготовка к вступлению в Европейский Союз стимулировала реформирование экономики стран ЦВЕ. Формальное заимствование институтов, в частности норм права, в обязательном порядке сопровождалось разработкой механизмов их запуска на национальной почве. В результате перспектива членства в ЕС выполнила роль «внешнего якоря» в осуществлении странами сложных институциональных преобразований.

Очевидные плюсы проделанного пути для стран ЦВЕ: существенное снижение вероятности появления политической оппозиции реформам и объединение обществ вокруг «европейской идеи»; четкое структурирование программ развития, получение значи-

тельной финансовой помощи, повышение прозрачности принимаемых решений¹².

Для субъектов рыночных отношений из новых членов ЕС среди очевидных положительных моментов: выход их продукции на рынки Союза без таможенных и иных ограничений; упрощение системы сертификации; доступ к европейскому рынку общественных заказов, иностранным инвестициям, ресурсам финансового рынка; возможность использования европейских структурных фондов для финансирования и поддержки проектов (особенно в случае малых и средних предприятий); доступ к программам ЕС по поддержке научных исследований и прикладных разработок. Следует признать, что большинство преимуществ от работы на общем рынке страны ЦВЕ получили еще на предвступительном этапе, с этой точки зрения статус полноправного члена ЕС не многое меняет в их положении¹³.

Нередко в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому одной из бед российской трансформации, в отличие от трансформаций в странах ЦВЕ, было доминирование политических мотивов над экономическими целями и задачами. С такой позицией можно согласиться лишь частично: ослабление политической составляющей на национальном уровне с лихвой компенсировалось политической обусловленностью практически каждого шага, предпринимавшегося Евросоюзом. Политические мотивы оказывались доминантными при предоставлении странам ЦВЕ финансовой и иной помощи, при определении сроков начала переговоров о вступлении в ЕС, при принятии решений об условиях членства и т. п.

О критериях завершенности переходного периода

Завершилась ли трансформация, осуществлен ли странами ЦВЕ, присоединившимися к Европейскому Союзу, переход? Ответить на этот вопрос можно лишь при условии ясности критериев.

В научной литературе, как мы уже говорили выше, разное видение различными экономическими школами сути перехода предопределяет и разночтения в определении критериев завершенности переходного периода. Неудовлетворительными следует признать не только монофакторный подход, используемый марксистами и неоклассиками¹⁴, но и предлагаемые в современной научной литературе:

- статистический подход (переход завершается по мере достижения страной уровня дореформенного объема ВВП), однако переходный процесс не тождественен кризису;
- формально-институциональный подход (переход заканчивается тогда, когда в общих чертах завершается формирование ново-

го институционального фундамента (А. Нестеренко¹⁵), однако формальное наличие институтов не исключает возможность возникновения «стационарно переходной экономики», о которой убедительно писал Р. Капелюшников¹⁶.

Р. Капелюшников, В. Тамбовцев и другие исследователи видят переходность экономической системы в преобладании (гипертрофированном развитии) неформальных институтов, в слабости механизмов принуждения к соблюдению формальных правил (law enforcement)¹⁷, что объясняется как слабостью собственно государственной власти (на этом немаловажном аспекте делает акцент В. Мау¹⁸), так и несоответствием между формальными и неформальными институтами, на которое советует обращать пристальное внимание Д. Норт¹⁹. И пока такое несоответствие сохраняется, между декларациями и повседневной хозяйственной практикой будет существовать огромная пропасть. Однако и в отношении этого, наиболее убедительного критерия переходности, можно сделать несколько замечаний. Во-первых, невозможно представить себе какую-либо экономическую систему, существующую исключительно на основе формализованных правил, даже самые развитые рыночные экономики Запада имеют «свою неформальность»; во-вторых, в целом ряде азиатских современных культур неформальные механизмы принуждения к соблюдению правил оказываются не менее эффективными, чем формализованные, или можно сказать иначе: в них неформальные институты реально могут играть позитивную роль.

На наш взгляд, говоря о критериях завершенности переходного периода, нельзя не учитывать, что процессы трансформации протекают одновременно на нескольких взаимодействующих уровнях²⁰. Выявление этих уровней и определение взаимосвязей между ними в научном анализе делает картину перехода многомерной. С учетом этого более сложными могут оказаться и критерии завершенности трансформационного перехода посткоммунистическими странами.

Факт нахождения посткоммунистической страны в поле влияния того или иного центра силы либо создание самостоятельного центра существенно влияет на выбор национальной (региональной) модели трансформации. Применительно к посткоммунистическому миру по этому критерию мы различаем:

– *Китай* – «страну-цивилизацию», расширяющую свой ареал за счет Гонконга, Макао и в перспективе Тайваня; переход для Китая не предполагает достижения конкретной социально-экономической модели: соотношение между планом и рынком, открытостью и протекционизмом, демократией и «принудительным управлением» были

и остаются для него инструментами реализации целей модернизации и усиления геоэкономического влияния; на стратегию реформирования решающее влияние оказывают внутренние факторы (социальные и демографические проблемы), а также складывающаяся в глобальной экономике «международная специализация на основе сотрудничества в области факторов производства» (Ювэнь, Жэньвей, 2006);

– *постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы*, признавшие своей важнейшей задачей «возвращение в Европу» через присоединение к Европейскому Союзу, что потребовало от них гармонизации национального законодательства с нормами европейского права, заимствования европейских институтов рынка и демократии, обеспечивающих саму возможность присутствия стран ЦВЕ на общем рынке ЕС;

– *постсоветское пространство* — зону острой конкурентной борьбы основных геоэкономических центров силы ЕС, США, Китая, а также по-прежнему играющей заметную роль в странах СНГ России. Будучи неспособными на современном этапе самостоятельно инициировать импульсы модернизации, эти страны критически зависят от связей с внешним миром на региональном и глобальном уровнях. Преобразования в этом регионе будут в значительной степени определяться трансформацией, проходящей на региональном уровне, т. е. результатами включения каждой конкретной страны в пространство притяжения того или иного геоэкономического центра силы.

Принципиально разное позиционирование в планетарной системе, выстраиваемой геоэкономическими центрами притяжения, приводит к тому, что по форме одинаковые экономические процессы, протекающие в различных группах посткоммунистических стран, наполняются существенно разным содержанием. Приведу лишь один пример. В научной литературе много говорится о позитивной роли иностранных инвестиций в трансформации экономической системы посткоммунистических государств. Статистика свидетельствует, что во всех посткоммунистических странах наблюдается значительное присутствие иностранных инвесторов. По отдельным годам в странах ЦВЕ ПИИ достигали 20 % (Эстония, 2005 г.), а в странах СНГ — 50 % ВВП (Азербайджан, 2003 г.). Сыграли они огромную роль и в Китае, в частности в создании экспортного потенциала, сосредоточенного на 90 % в пяти свободных экономических зонах, которые приняли 85 % всех иностранных инвестиций. Однако если в первом случае мы можем говорить об иностранных инвестициях как инструменте интеграции экономики стран ЦВЕ в общий рынок ЕС, в случае стран СНГ — о захвате иностранным капиталом отдельных, связанных

прежде всего с разработкой природных ресурсов, отраслей (а порой и отдельных предприятий), то применительно к современному Китаю речь должна идти об иностранных инвестициях как следствии «силы притяжения имеющихся у страны факторов производства», создающей новую ситуацию «привязки» международного сообщества к государству, обладающему подобной силой²¹. Реально существующая привязка международного сообщества к Китаю есть своего рода «новая стоимость», создаваемая «силой притяжения факторов производства».

Как видно из сказанного, вопреки широко распространенному в экономической науке мнению, решающим для посткоммунистических государств в ходе трансформации был не выбор одной из стратегий реформирования — «шоковая терапия» либо градуализм, а сознательное либо принудительное попадание в сферу модернизационного и политического влияния того или иного центра силы либо существование вне его, что, безусловно, не отрицает важности выстраивания «оптимальных траекторий развития» (В. Полтерович²²) посткоммунистическими странами.

Возвращаясь к рассмотренному выше вопросу о критериях завершения переходного периода, можно предположить, что стабилизация посткоммунистического государства на орбите планетарной системы, выстраиваемой геэкономическим центром притяжения, либо формирование страной такой системы самостоятельно, могут рассматриваться в качестве критерия завершения посткоммунистического переходного периода. Это не исключает — даже для стран ЦВЕ, успешно завершивших переходный период в результате присоединения к Европейскому Союзу, — сохранения значительной специфики в функционировании национальных экономик и институтов политической организации общества. Сказанное подтверждает ранее рассмотренное положение о неопределенности (многовариантности) конечного пункта посткоммунистических трансформаций.

К вопросу о проверке модели трансформации через заимствование мировым финансово-экономическим кризисом

Страны Восточной Европы — новые члены ЕС до кризиса входили в число наиболее динамично развивающихся государств мира. С начала 2000-х гг. они стабильно превосходили по темпам экономического роста «старожилов» Евросоюза, сокращая свое отставание от них по душевому доходу. Глобальный кризис «сбил на взлете» экономику новичков ЕС и его последствия оказались для них более

тяжелыми, чем для многих других стран, в том числе с развивающимися рынками.

Это было неожиданным как для международных организаций, так и для национальных правительств. Прогнозы Всемирного банка, Международного валютного фонда, рейтинговых агентств для новых стран ЕС с осени 2008 г. стали ухудшаться, однако предполагалось, что их экономики лишь замедлят рост, но избегнут спада. Оптимизм основывался на убеждении, что мировой финансовый кризис не затронет финансовые системы восточноевропейских стран, так как их банки ориентированы на обслуживание внутреннего спроса и почти не имеют в своих портфелях зарубежных ипотечных бумаг и других «токсичных» активов.

Действительность оказалась хуже ожиданий: экономика почти всех новичков ЕС совершила «жесткую посадку». Уже в четвертом квартале 2008 г. ВВП в Венгрии, Словении и странах Балтии сократился в годовом выражении, а суммарный валовой продукт десяти новичков ЕС увеличился всего на 1 %, что фактически означало экономическую стагнацию в регионе. В 2009 г. негативные тенденции усилились. Позитивную динамику, да и то очень слабую, сохранила только экономика Польши: ВВП страны во втором квартале показал рост на 1,2 % в годовом выражении. Во всех других странах началась экономическая рецессия. Наиболее глубокой она оказалась в странах Балтии, где сокращение ВВП составило от 16 до 20 %. Но и в Центрально-Восточной Европе спад был стремительным: в Словении он составил, по данным Евростата, 9,3 %; Румынии — 8,7; Венгрии — 7,5; Чешской Республике — 5,8; Словакии — 5,3; Болгарии — 4,9%²³. Инвестиции замерли, строительный бум закончился, промышленное производство резко сократилось.

Следствием экономического спада стало ухудшение ситуации на рынке труда: суммарное число безработных в регионе увеличилось с 3 млн человек в сентябре 2008 г. до 3,9 млн в июне 2009 г. Часть работников была переведена на неполную рабочую неделю или принудительно отправлена в отпуска. Дополнительное давление на рынок труда стало оказывать начавшееся возвращение трудовых мигрантов, уехавших до кризиса на заработки в страны Западной Европы (в основном из Польши, Румынии и Болгарии) и теперь потерявших там работу. Со временем кризис вышел за пределы экономики, толкая страны в социальную и политическую нестабильность. Остановка производств, безработица, снижение доходов стали вызывать у населения недовольство политическими лидерами. Во многих странах

начались уличные беспорядки, в некоторых из них правительствам пришлось уйти: в феврале 2009 г. потерпела крах правящая коалиция в Латвии, в марте 2009 г. ушли в отставку премьер-министры Венгрии и Чешской Республики, в октябре парламент Румынии выразил вотум недоверия правительству.

Почему новые страны ЕС, динамично развивавшиеся все последние годы, пострадали от глобального кризиса больше многих других стран?

Одна из очевидных причин — глубокая интеграция с Западной Европой в сфере торговли, инвестиций и рынка труда. До тех пор пока положение в мировой экономике было стабильным, она давала очевидные преимущества, главные среди которых — возможность широкого привлечения иностранного капитала для развития и гарантированный внешний спрос на продукцию экспортных секторов экономик, поднявшихся «на дрожжах» иностранных, в основном западноевропейских, инвестиций. Но когда разразившийся в США кризис ударил по Западной Европе, и в ее экономике началась рецессия, волна быстро докатилась до новичков ЕС, имеющих тесные торгово-экономические связи с западноевропейскими странами.

Другой причиной стала неосмотрительная экономическая политика последних лет, вследствие которой сформировались экономики с высокой экспортной зависимостью, широкой опорой на иностранный капитал во всех формах (особенно на капитал иностранных банков, финансировавших местный кредитный бум) и крупными макроэкономическими диспропорциями. Таким уязвимым для внешних шоков экономикам трудно было сохранить устойчивость под двойным ударом глобального кризиса.

Первый удар нанесла экономическая рецессия в Западной Европе, которая подавила спрос на продукцию довольно большого промышленного сектора новичков ЕС. Сжатие внешнего спроса уже в конце 2008 г. привело к падению промышленного производства, которое в 2009 г. приняло обвальное характер.

Второй удар пришелся со стороны мирового финансового кризиса, который привел к развороту мировых потоков капитала. Обмеление потока капитала в новые страны ЕС было не только частью глобальной тенденции, но и следствием кризиса доверия, который многие из них испытали на себе из-за высокой внешней несбалансированности экономики, сложившейся к началу кризиса. Главной ее причиной стал недостаток сбережений, вызванный как низким уровнем накоплений домашних хозяйств, так и дефицитами в системах общественных финансов.

Когда шла активная приватизация, дефициты в значительной степени или даже с лихвой покрывались притоком прямых иностранных инвестиций и только благодаря этому не подвергали рискам стабильность национальных валют. Однако в последние годы их финансирование стало в возрастающей мере осуществляться за счет частных заимствований за границей, бесконтрольное наращивание которых корпорациями и банками привело к увеличению отношения заемных средств к собственному капиталу и росту валового внешнего долга. Его совокупный объем в десяти новых странах ЕС увеличился по данным Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) со 176 млрд долл. в 2000 г. до 869 млрд в 2008 г. Долг в Венгрии, Словении, Литве, Румынии, Эстонии и Латвии вырос в 6–9 раз, других странах — в 3,5–5 раз. В Болгарии, Словении, Венгрии, Эстонии и Латвии он превысил объем ВВП²⁴. При этом активные частные заимствования увеличили долю краткосрочных обязательств, из-за чего часть новичков ЕС, обладающих относительно небольшими валютными резервами, оказалась в немногочисленной группе стран мира с очевидным абсолютным разрывом между объемом резервов и внешними обязательствами на 2009 г.²⁵ У инвесторов и кредиторов возникло опасение, что не все новые страны Евросоюза смогут рефинансировать краткосрочные займы и привлечь капитал, достаточный для покрытия дефицита счета текущих операций. В итоге должники лишились внешних источников финансирования экономического роста²⁶.

Вина за проблемы новых стран ЕС лежит не только на их правительствах, допустивших появление крупных финансовых дисбалансов, но и на кредиторах, прежде всего на «дочках» западноевропейских банков, которые составляют основу восточноевропейских банковских систем (в Словакии, Эстонии и Чешской Республике иностранный капитал контролирует 97–98 % совокупных активов банковского сектора, в остальных странах — от 60 до 90 %). Многие экономисты в недавнем прошлом буквально рекламировали распродажу банковских активов Западной Европе как путь к финансовой стабильности. Однако именно безудержная кредитная экспансия западноевропейских банков в погоне за более высокими процентными ставками в Восточной Европе и использование ими внешних источников краткосрочного финансирования для наращивания объема внутреннего кредита²⁷ обернулись для новичков ЕС увеличением дефицитов счета текущих операций и ростом внешней задолженности.

Когда осенью 2008 г. в финансовом секторе Западной Европы возникли проблемы из-за потерь по американским активам и массо-

вого изъятия депозитов, главной заботой материнских банков стало укрепление собственной финансовой базы, и они остановили международные денежные потоки. Это привело к кризису ликвидности в банковском секторе новых стран ЕС. Положение на кредитных рынках ухудшилось в связи с несвоевременным возвратом ссуд, из-за падения доходов заемщиков, а также в связи с тем, что большая часть кредитов была «проедена» и экономика осталась слабой, с грузом долгов на плечах предприятий и населения. Трудностей банкам добавило и обесценивание восточноевропейских валют, начавшееся с уменьшением притока иностранной валюты и снижением ее предложения на рынках. С июля 2008 г. по февраль 2009 г. польский злотый потерял почти половину своей стоимости по отношению к евро, флоринт — треть, чешская крона и румынский лей — пятую часть²⁸. Это существенно затруднило выполнение заемщиками обязательств по валютным кредитам, весьма популярным во многих странах.

Итак, в обобщенном виде причины глубокого экономического спада в новых странах ЕС можно сформулировать следующим образом: рецессия в Западной Европе выбила из-под экономики опору на экспорт, а модель ее роста, основанная на широком привлечении иностранных инвестиций и обильных заимствованиях, споткнулась о внезапный спад в мировом движении капитала и всеобщий кредитный паралич. Под удар мирового кризиса попали все новые страны ЕС, так как экономика каждой из них была в той или иной мере зависима от экспорта, опиралась на иностранный капитал и имела внутренние и внешние дисбалансы.

Сегодняшние проблемы новичков ЕС — урок для стран с развивающимися рынками: путь в лучшее будущее нельзя «срезать» (по крайней мере за счет кредитов), что производство должно работать не только на заграничных, но и на своих потребителей, что капитализм не защищает от плохих экономических решений, а демократия не гарантирует народам мудрых политиков.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Глинкина С. П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. М., 2008.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

³ Кондратьев Н. Д. План и предвидение. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

⁴ Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1.

⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 56.

⁶ См.: Ольсевич Ю. Я. Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М., 2007. С. 264–268.

⁷ Huntington S. West is unique, and not so universal // Foreign Affairs. Apr. 8. 1996.

⁸ Олсон М. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994. С. 8–9.

⁹ Точки над «и» // Российская газета. 16 февраля 2008.

¹⁰ Бухарин Н. И., Сеницина И. С., Чудакова Н. А. 10 лет рыночной трансформации в Польше // Новая и новейшая история. 2000. № 4; Сеницина И. С., Чудакова Н. А. Польша // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. II. М., 2002; Сеницина И. С., Чудакова Н. А. Польша на пути в Европу // Современная Европа. 2006. № 3 и др.

¹¹ Глинкина С. П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М., 2006; Князев Ю. К. Экономический феномен Словении и его уроки: Науч. докл. М., 2000.

¹² Подробнее об этом см.: Глинкина С. П. Центрально-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. № 3.

¹³ Подробнее об этом см.: Последствия расширения Европейского Союза для экономики России / Под ред. С. П. Глинкиной. М., 2004.

¹⁴ Убедительная критика такого подхода содержится в работе Ольсевича Ю. Я. См.: Указ. соч. С. 226–228.

¹⁵ Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. 2000. № 6.

¹⁶ Капелюшников Р. Где начало того конца? (К вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1.

¹⁷ Тамбовцев В. Л. О предмете теории переходной экономики // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1996. № 3. С. 15–22; Капелюшников Р. Указ. соч.

¹⁸ Мау В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. 2001. № 1.

¹⁹ Норт Д. Указ. соч. С. 56.

²⁰ Подробнее см.: Глинкина С. П. Методология многоуровневого анализа...

²¹ По мнению китайских обществоведов, используемое в научной литературе страны понятие «сила притяжения факторов производства» не тождественно понятию «привлечение зарубежных инвестиций». Привлечение иностранных инвестиций является одним из инструментов макроэкономической политики принимающего государства; в случае эффективного осуществления данная политика приносит выгоду экономике данной страны. Притяжение же факторов производства есть механизм размещения ресурсов в условиях экономической глобализации. Наличие в какой-либо стране мощной силы притяжения факторов производства влияет на всю глобальную экономику (Yu Keping / Globalization and Autonomy in China / A Paper presented at the Fourth MCRI Globalization and Autonomy Team Meeting at the Munk Centre for International Studies. University of Toronto, 23–25 September 2005

(<http://www.globalfutonomy.ca/global/position.jsp?index> – PP_Keping_ChinaGlobalization.xml).

²² Полтерович В. М. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // Экономическая наука современной России. 2005. № 1(28). С. 7–24; он же. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1.

²³ <http://www.epp.eurostat.cec.eu.int>.

²⁴ <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/index.htm>.

²⁵ UBS: No Eastern European meltdown (<http://ftalphaville.ft.com/blog/2009/02/18/52632/ubs-no-eastern-european-meltdown/>).

²⁶ Да ли источној Европи прети банкрот // Политика. 2009. 26.И. С. 8.

²⁷ Такая практика получила наибольшее развитие в странах Балтии, Венгрии и балканских странах; в Чешской Республике, Словакии и Польше депозиты покрывали больше 80 % объема кредитов. См.: Fast Growth In Eastern Europe Has Come To An End (http://www.rgemonitor.com/372?cluster_id=7116).

²⁸ Устояли только валюты стран, применяющих режимы фиксированного обменного курса (Болгария и страны Балтии). Правительства и центральные банки аргументировали сохранение твердых валютных курсов тем, что девальвация навредила бы странам внутри, не дав фактически эффекта для экспорта, так как экспортный спрос отсутствовал вне зависимости от цен. Словению и Словакию от проблем, связанных с девальвацией, оградило присоединение к зоне евро (в 2007 и 2009 гг. соответственно), что можно в определенном смысле считать удачей. Однако какими будут последствия утраты суверенитета над денежно-кредитной политикой для будущего развития, станет ясно только после выхода мировой экономики из кризиса.

ИДЕОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Д. Луджев
(Болгария)

Это была революция. Иначе нельзя назвать переход от тотальной монополии одной партии по отношению к государству, экономике и обществу к демократии и свободному рыночному хозяйству, начавшийся с краха коммунизма в 1989 г. Революция, полностью изменившая жизнь народов Восточной Европы. Революция, давшая возможность миллионам людей шагнуть в современный мир свободы и демократии. В своих «Размышлениях о революции в Европе» Р. Дарендорф справедливо отмечал: «“Революция гвоздик” в Португалии, может быть, звучит столь же привлекательно, как “бархатная революция” в Чехословакии, но, в сущности, понятие “революция” более применимо к Восточной и Центральной Европе, где нужно было разбить всеохватывающую монополию правящей номенклатуры»¹.

Революции в Восточной Европе начались с банкротства коммунистических режимов в Польше, а затем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также с распада Советского Союза в 1991 г. Они приобрели форму всеобъемлющей общественно-политической и экономической трансформации, процесса создания вместо «реального социализма» системы политически жизнеспособных и экономически эффективных демократий. Этот процесс стал серьезным интеллектуальным и политическим вызовом. По мнению З. Бжезинского, в период неожиданного «коллапса» восточноевропейских социалистических стран не было ни модели, ни ведущей концепции, ни сколько-нибудь систематизированного знания о трансформации тоталитарных «госсистем» в «демократические, основанные на свободном рынке». При этом революционные преобразования, за немногими исключениями, удержались в рамках мирных, последовательно демократических перемен, придававших последним эволюционную форму. Прав был А. Михник, отмечавший в начале 1990 г., что «эволюция от тоталитарной системы к демократическому порядку беспрецедентна, и беспрецедентно трудна»².

Запад, изумленный быстрой дезинтеграцией коммунизма, по мнению Бжезинского, не был готов к соответствующему восприятию сложного процесса трансформации системы советского типа, так что в первые годы пришлось импровизировать на ходу. Победа Запада в «холодной войне» есть прежде всего «демонстрационная» победа преимуществ его политической и экономической организации, что и стало целью новых демократий. А реализовать эту цель представлялось возможным только при всеобщей поддержке стран евроатлантической цивилизации и последующей интеграции в их объединения. В новую политическую элиту вошли главным образом диссиденты и коммунисты-реформаторы, преподаватели вузов, ученые, инженерно-техническая интеллигенция, т. е. люди, знакомые с достижениями западных либеральных демократий и пытающиеся применить их на практике. Они были полны надежд и готовности принять советы по трансформации, а также условия предоставления столь необходимой политической и экономической поддержки. Революции в Восточной Европе развертывались в контексте господствовавших в конце 1980-х — начале 1990-х гг. идей и практического опыта западного мира. В этом смысле философия перехода к демократии утверждалась в первую очередь под влиянием консервативных и либеральных политических, экономических и нравственных ценностей, а также при знакомстве с тем устройством управления обществом, которое проявляло себя в политике Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании, в «социальном государстве» германской и других христианских демократий, а также иных версий либеральной демократии того времени³.

Рейган стал первым президентом США после Второй мировой войны, не на словах, а на деле проводившим «идеологическое и геополитическое наступление», чтобы остановить коммунистическую «экспансию» и сокрушить советскую «империю зла», утвердить свободу, либеральную демократию и экономику как универсальные государственные принципы. Вопрос о правах человека он сделал сутью внешней политики США и Североатлантического Союза и начал «крестовый поход за демократию». «Третья волна» демократизации, по мнению гарвардского политолога С. Хантингтона, начинается в середине семидесятых в Португалии, Греции и Испании, затем охватывает Латинскую Америку и Азию и достигает своей кульминации в конце восьмидесятых в Восточной Европе. Она нарастала под знаком борьбы за права человека, поддержанной соответствующей Всеобщей Декларацией ООН 1948 г. и двусторонними соглашениями о гражданских, политических, экономических, религиозных и культурных

правах. В результате утверждается новая, устойчивая модель парламентской демократии, принятой в США и странах Европейского сообщества после Второй мировой войны⁴.

В конце 1980-х гг. правительственные и академические круги двадцати четырех наиболее развитых и влиятельных государств («Группа 24»), а также служащие Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Европейской комиссии и других международных институтов пришли к согласию в вопросе о принятии не-олиберальной программы экономического развития. В ней делался акцент на свободном рынке, либерализации торговли и значительном уменьшении роли государства в народнохозяйственной сфере. Это согласие Д. Вильямсон назвал Вашингтонским консенсусом. Основные компоненты этой программы — дерегулирование и новые шаги по приватизации экономики, активизация экспортной стратегии развития, благоразумная финансовая политика и сбалансированный бюджет, свободно сформированные «справедливые цены», структурные реформы в промышленном и сельскохозяйственном производстве и публичном секторе. Эти и другие реформы должны были привести к расширению частной инициативы и положительным результатам в социальной сфере, к максимальной выгоде от технологических и торговых преимуществ в эпоху глобализации. Вашингтонский консенсус превратился в принципиальный подход развитых стран по отношению к менее развитым и стал условием соглашений с МВФ и Мировым банком, что явилось единственной возможностью спасения оказавшейся в кризисе экономики бывших социалистических государств, которые теперь называли «странами перехода»⁵.

На встрече «Группы 24» 13 декабря 1989 г. было принято решение увязать переговоры о предоставлении финансовой и иной помощи со стороны ЕЭС странам Восточной и Центральной Европы с макроэкономической стабилизацией и структурными переменами в их экономике, а также с демократическими политическими преобразованиями. Выдвигая политические и экономические условия, Европейское сообщество и США способствовали и гарантировали «необратимость» смены политической системы и долгосрочное проведение необходимых, ясно обозначенных в соглашениях реформ для успешного перехода к рыночной экономике. В последующие годы эти условия конкретизировались и превратились в критерии интеграции новых демократий в НАТО и Европейский Союз. Как писал британский либеральный журнал «Экономист», «берлинцы бросились на Запад не только спасаясь от Штази, — они мечтали наполнить холодильники, купить джинсы и кока-колу», они стремились к благам

глобализации, которых не было в катастрофической «экономике дефицита» при социализме⁶.

Летом 1989 г. вызвало сенсацию высказывание американского ученого Ф. Фукуямы о том, что «в последние годы повсюду в мире достигнуто завидное единодушие относительно легитимности либеральной демократии как системы управления» после ее победы над «соперничающими идеологиями», каковыми являлись монархия, фашизм и коммунизм. По его мнению, вместе с либеральной революцией в экономическом мышлении либеральная демократия, вероятно, представляет собой «конечную точку в идеологической эволюции человечества», «финальную форму человеческого управления» и в этом своем качестве представляет собой «конец истории». Свобода и равенство — эти два основных принципа, на которых зиждется современная либеральная демократия, наиболее полно реализованы, по мнению Фукуямы, в институтах, нормах и практике стран Европейского Союза. В 1989–1990 гг., согласно С. Хантингтону, мир переживал фазу «триумфальной эйфории», прославления и праздничного чествования демократии. Люди говорили о «глобальной демократической революции». Военная угроза со стороны Запада исчезла, распространение его политической и экономической модели общественной организации не только не встречает препятствий, но и принимается как единственная возможность общественного прогресса⁷.

Из самой сути модели либеральной демократии вытекает, может быть, основная характеристика революций и трансформационных изменений в странах Восточной Европы. Они должны быть мирными, осуществляться без насилия, договорным путем, с помощью парламентских и иных демократических средств при гарантии гражданских прав, включая коммунистов, со стороны правящих политических партий и государственных органов. Политическая и экономическая революция, осуществленная путем реформ, удачно охарактеризованная английским исследователем Т. Г. Эшем как «революция», есть желанный переход авторитарных государств в либеральные, для которых характерна главенствующая роль политических реформ на базе эффективного экономического устройства. Западные лидеры объясняли — на международных политических и экономических форумах Совета Европы, на ежегодных встречах в Давосе, во время многочисленных зарубежных визитов, — что такая большая и трудная задача, сопровождаемая значительными социальными жертвами, не может быть решена одной партией, сколь бы влиятельной она ни была, что для проведения радикальных реформ необходим политический консенсус. Тревоги и проблемы экономического кризиса, инфляция

и задолженность, неравенство и бедность, опасность межэтнических конфликтов, отсутствие демократических институтов и сильного гражданского общества, наличие мощных властных группировок, состоящих из военных и бывших коммунистических аппаратчиков, не симпатизирующих демократическому процессу и противопоставляющих себя ему, — все это лишь увеличивает необходимость консенсуса и его достижения с помощью западных демократий⁸.

Идея мирного перехода к демократии является ведущей среди деятелей «Солидарности» и диссидентов Восточной Европы. А. Михник отмечал, что насилие не всегда является «результативным средством» и может превратить «свободолюбивые идеалы в их противоположность». История, говорил Михник, учит нас: те, кто начинают со штурма Бастилии, кончают строительством своей собственной. В Венгрии реформаторы-социалисты и оппозиционные партии поддерживали идею о «смене системы» по соглашению, о переходе к политической демократии посредством так называемой «договорной революции». Такие программные документы как «Хартия 77», эссе В. Гавела «Сила безвластных», его призыв к «жизни по правде», личное поведение деятелей диссидентского движения в Чехословакии, позже — платформы Гражданского форума в Чехии и Общества против насилия в Словакии оказали сильное влияние на оформление философии гражданской солидарности и утверждение в человеческом общении морально-этической нормы ненасилия. Идеология и традиция ненасилия демократической оппозиции в Восточной Европе вдохновили «договорные революции» в Польше и Венгрии, «бархатные революции» в Чехословакии и ГДР, «поющие» революции в Прибалтике, мирный переход в Болгарии. Еще 11 ноября 1989 г., после падения режима Тодора Живкова, лидер болгарских диссидентов Желю Желев заявил, что «справедливые или демократические идеалы не могут быть достигнуты недемократическими, несправедливыми, насильственными методами»⁹.

Идеология мирного перехода к демократии в очень большой степени была продиктована желанием Запада осуществить его при поддержке реформаторской политики нового руководства Советского Союза. По мнению бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, конец холодной войны и «новый мировой порядок» являются результатом, прежде всего, политики двух великих государственных деятелей — Р. Рейгана и М. Горбачева. В огромной степени «новый мир» обязан переменам в целях, акцентах и действиях СССР в результате глубочайшей ревизии советского мышления, писал в 1991 г. Р. Легвольд, директор Института имени Гарримана при Колум-

бийском университете. За три года, с 1987-го по 1989-й, Горбачев и реформаторы из его окружения, такие как Э. Шеварднадзе и А. Яковлев, осуществили переоценку всех измерений советской внешней и внутренней политики, отвергая самые фундаментальные идеологические догмы ее «революционно-имперской базы». Принципиальные тезисы доктрины «нового мышления» прозвучали в драматическом заявлении М. С. Горбачева 7 декабря 1988 г. на Генеральной ассамблее ООН, когда он объявил о «конце холодной войны». Он говорил о «взаимном уважении ценностей» и «балансе интересов», «отказе от употребления силы» и «свободе выбора», о «мире без ядерного оружия» и «общем европейском доме». По мнению реформатора В. Петровского, заместителя министра иностранных дел Советского Союза, в новом, «постконфронтационном мире» старые «стереотипы разъединения» и «классовой борьбы» сменяются «всеобщими человеческими ценностями», «принципы ненасилия, солидарности и сотрудничества» идут на смену «коллективной безопасности»¹⁰.

Центральное место в идеологических и политических взглядах советского руководства после 1987 г. занимал вопрос соблюдения прав человека согласно Хельсинкскому Заключительному акту 1975 г. Социалистические государства — члены Варшавского договора приняли, хотя некоторые формально, подход западных стран в вопросах о гражданских правах, культурных связях, о свободе передвижения людей, информации, идей. Они были вынуждены применять нормы и механизмы, оговоренные на встречах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а особенно — на встрече в Вене в конце января 1989 г. Советские руководители подталкивали «консервативных» лидеров компартий Чехословакии, ГДР, Румынии и Болгарии начать политику гласности и перестройки. Они толерантно и даже с сочувствием отнеслись к реформам в Венгрии и Польше. В своей речи на заседании Совета Европы 6 июля 1989 г. в Страсбурге М. С. Горбачев заявил о фактическом отказе от «доктрины Брежнев» и от принципа «сфер влияния». «Социальный и политический строй в той или иной стране менялись в прошлом, могут меняться и в будущем. Но эти перемены — исключительное право народа этой страны, его выбор <...>, — сказал Горбачев. — Любое вмешательство во внутренние дела и любая попытка ограничить суверенитет государств — дружеский, союзнический или иной недопустимы». Путь к свободе был открыт¹¹.

Платформа советского руководства, оглашенная на XXVIII съезде КПСС в январе 1990 г., в разгар «перестройки» отражала понимание «реформаторами» и «либералами» из окружения Горбачева

того факта, что мирный переход к «демократическому социализму» возможен только путем реформ «сверху» и массовой поддержки «снизу», что добровольный переход к многопартийной системе — это единственный способ сохранить коммунистическую партию как реальную, влиятельную политическую силу, хотя и без конституционных гарантий лидерства. Правительство срочно разработало программу «форсированного» введения механизмов рыночной экономики. В своей речи на объединенной сессии Конгресса США в феврале 1990 г. новый президент Чехословакии В. Гавел обратился к членам обеих палат с неожиданным призывом: «Вы можете нам помочь, помогая, в первую очередь, Советскому Союзу на его необратимом, но исключительно сложном пути к демократии»¹².

Идеология мирного перехода от коммунистического авторитаризма к парламентарно-демократической системе обусловила технологию, политический и экономический инструментарий для реализации целей этого перехода. На переговорах за «круглым столом» в Польше, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Болгарии и Словении были достигнуты политические соглашения о таком переходе, условиях проведения первых свободных выборов, утверждения многопартийного механизма осуществления властных и управленческих функций. Движущей силой перемен стали мощные политические движения с популярными лидерами, призывавшими народ к поддержке демократических реформ — даже после того, как прошло время первоначального энтузиазма и многие остались разочарованными. Для реализации реформ создавались коалиционные правительства (в Польше, Болгарии, ГДР — даже с участием коммунистов), опиравшиеся на соглашения между партиями, профсоюзами и другими общественными организациями, что являлось важным требованием мировых финансовых институтов. Вновь избранный весной 1990 г. венгерский парламент — в нем преобладали правые антикоммунистические силы — поставил ряд важных вопросов, решение которых принималось только большинством и при наличии квалифицированного консенсуса¹³.

Зимой 1990 г. в «Солидарности» произошел открытый конфликт после заявления премьер-министра Т. Мазовецкого о намерении нового правительства «поставить жирную точку в конце прочитанной страницы прошлого». А. Михник считал, что правы обе стороны: как настаивавшая на «правосудии и расплате», так и ратовавшая за «перемирие и спокойствие». Он считал, что «переход от диктатуры к демократии неизбежно ведет к такого рода огромной дилемме». Михник напоминал тем и другим, что часто в истории стремление к справедливости превращалось в возмездие и становилось идеологи-

ческим оправданием жажды власти. Его выступление, завершившееся словами, что «как антикоммунист и демократ» он не станет «воевать оружием ненависти» и останется верен «политическому компромиссу и согласию» как главному условию и шансу политической и экономической реформы, проводимой правительством Мазовецкого, было поддержано большинством польского Сейма¹⁴.

В начале января 1990 г. под руководством заместителя премьер-министра Л. Бальцеровича в Польше стартовали либеральные экономические реформы, известные как «шоковая терапия», которая должна была стабилизировать тяжелое финансовое состояние страны, после чего ей предстояло «впрыгнуть в рыночную экономику». В процессе «шоковой терапии» польский злотый стал конвертируемым, цены оказались либерализованы, субсидии госпредприятиям прекращены, приняты защитные социальные меры. Все это наряду с быстрым развитием частного сектора, приватизацией малых промышленных и торговых предприятий и либерализацией торговли привело к исчезновению дефицита. МВФ обеспечил стабилизационные займы, а правительства США и стран Европейского Сообщества предоставили щедрую финансовую и торговую поддержку. Коллектив польских экономистов консультировал молодой профессор Гарвардского университета Д. Сакс, по мнению которого, существовало общее согласие по вопросу, что первая фаза экономической трансформации в Восточной Европе имеет «три отдельных аспекта: экономическую либерализацию, макроэкономическую стабилизацию и приватизацию экономики», но что они должны осуществляться одновременно, с максимальной синхронизацией. Успех польской реформы превратил ее в привлекательную модель для других восточно-европейских стран на их пути к быстрому и радикальному переходу к свободному рыночному хозяйству по принципу «большого удара», что официально было принято политическими лидерами Запада и мировыми финансовыми организациями¹⁵.

Реализация западной модели цивилизации диктовала повестку дня и фазы трансформации в Восточной Европе. «Конституцирование свободы» (по выражению Р. Дарендорфа) предполагало принятие демократических правил игры за «круглым столом» и необходимых законов, направленных на отмену однопартийной монополии на власть, роспуск репрессивного политического аппарата, упразднение централизованного государственного контроля, а все это в совокупности гарантировало политический плюрализм, свободу прессы и права граждан на создание демократических движений и коалиций. Таково политическое содержание первого этапа пути к демократии.

В это же время было необходимо достичь первоначальной экономической стабилизации при решающей финансовой поддержке Запада, отмены контроля над ценами и госсубсидий, стабильности валюты, приватизации в отдельных сферах, гарантии частной собственности и поощрения частной инициативы. Подобные мероприятия представляли собой наиболее трудный, критический для дальнейшего успешного развития этап трансформации, поскольку фундаментальная смена старой системы, как сказал Бжезинский, это «прыжок в неизвестность», к еще не оформленной общественной системе.

Следом идут фазы стабилизации демократической системы, ее институализация посредством новых конституций, законов, выборов, введения независимой судебной системы и местного самоуправления, создания гражданского общества и демократической, легальной гражданской культуры управления солидными демократическими формированиями и новой политической элитой. Экономическая трансформация вводит функционирующий свободный рынок путем создания соответствующего законодательства, банковской системы и культуры предпринимательства, с помощью демонополизации и коммерциализации, всеобщей либерализации и модернизации публичного сектора, «малой», «массовой» и «большой» приватизации с преобладанием частного сектора и все более крупных иностранных инвестиций в частные предприятия. На эту основе базируется устойчивая парламентская демократия, гарантируется экономический рост, развивается процесс сотрудничества и интеграции в Европейский Союз и НАТО. Страны Восточной Европы проходят отдельные фазы трансформации в различные сроки: в то время как одни добиваются на интеграционном пути неплохих результатов, другие еще не решили самых первоначальных задач¹⁶.

В 1993 г. Всемирный банк признал, что большее участие государства в процессе экономической трансформации по так называемой «азиатской модели» (за счет действия независимых рыночных рычагов) в наибольшей степени подходит для решения политических, экономических и социальных проблем в таких странах как Россия и Украина, в известной степени — в Болгарии и Румынии, то есть там, где прорыночные настроения, традиции и культура предпринимательства пока еще слабы. Это не сильно меняет положение в отстающих в области реформ странах до тех пор, пока их трансформация тормозится плохо работающими и недостаточно реформированными политической системой и публичной администрацией. В докладе Всемирного банка за 1996 г. о темпах и степени экономической трансформации в Восточной Европе указывается, что эти различия

связаны с рядом факторов (экономических, географических, культурных), но решающими признаются энергия и ответственность при реализации реформ со стороны руководства каждой страны. А то, каких лидеров она выбирает, свидетельствует о зрелости соответствующего общества¹⁷. Введение более строгих политических и экономических критериев, планов действий по присоединению к НАТО и ЕС, а также ужесточение условий получения кредитов и помощи со стороны мировых финансовых институтов становятся важнейшим инструментом стимулирования процесса трансформации в государствах рассматриваемого региона.

Примечания

¹ Дарендорф Р. Размисли върху революцията в Европа. София, 1992. С. 70–71; Дарендорф Р. Процеси на преход: политика, икономика и свобода. София, 1995. С. 7.

² Михник А. Коленичи се само пред бога. София, 1993. С. 214–215; Brzezinski Z. The Great Transformation // Democracy in the 1990s. Global Issues in Transition. January 1994. № 6. P. 36–37.

³ Луджев Д. Революцията в България 1989–1991. Кн. 1. София, 2008. С. 9–11, 352–353; Brzezinski Z. The Great Transformation... P. 36–49.

⁴ Кисинджър Х. Дипломацията. София, 1997. С. 669–689; Huntington S. The Ungovernability of Democracy? // Democracy in the 1990s. Global Issues in Transition January 1994. № 6. P. 31–32.

⁵ Гилпин Р. Глобална политикономия. София, 2003. С. 386–387; Williamson J., Milner Ch. The World Economy: A Textbook in International Economics. New York, 1992.

⁶ Вайс М. Международните отношения след 1945 г. София, 2004. С. 208–209; Bragas de Macedo J. Economic Reform in Central and Eastern Europe: The Next Steps // US – Soviet and Eastern Europe Relations. Budapest. 1991; The Economist. 7–13 November 2009.

⁷ Фукуяма Ф. Краят на историята и последният човек. София, 2006. С. 9–26; Huntington S. The Ungovernability of Democracy? P. 31–32; Brawn J. F. Surge to Freedom. The End of Communist Rule of Eastern Europe. Durham and London, 1991.

⁸ Brzezinski Z. The Great Transformation... P. 37–40; Ash T. G. The Magic Lantern. The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin and Prague. New York, 1993; Sebestyen V. Revolution 1989. The Fall of the Soviet Empire. London, 2009.

⁹ Sebestyen V. Revolution 1989... P. 237–404; Kis J. Turning Point in Hungary: A Voice from the Democratic Opposition. New York, Spring 1989; The Republic of Hungary. Fact Sheets on Hungary. Ministry of Foreign Affairs. Budapest, 1990; Developments in East European Politics / Ed. by S. White, J. Batt and P.G. Lewis. London, 1993; Ash T. G. The Magic Lantern... P. 131–167; Кризеова Е. Вацлав Хавел: поет и президент. София, 1992. С. 192–

196; Христова Н. Специфика на българското «дисидентство». София, 2005. С. 50 –127; Интервьюта. Януари 1989 – септември 2009 г. Фондация «Д-р Желю Желев». София, 2004. С. 34–36.

¹⁰ Тошкова В. Дирижираният крах на европейския социалистически изток в края на XX век // Проблемът Изток – Запад. Историческа перспектива. София, 2003. С. 539–541; Legvold R. Soviet Foreign Policy after the Cold War; Horelick A. L. From a Post-Cold War to a Post-Communist Era // U.S. – Soviet and East European Relations. Budapest, 1991; European Security Policy after the Revolutions of 1989 / Ed. by J. Simon. Washington, 1991.

¹¹ Драганов Др. Демокрацията (минало, настояще, бъдеще). София, 2004. С. 15–21; Кисинджър Х. Дипломатията. София, 1997. С. 696–697; Huntington S. The Ungovernability of Democracy? P. 31–35.

¹² Луджев Д. Революцията в България... С. 346–349; Через тернии. Перестройка, гласност, демокрация, социализм. М., 1990. С. 222–785.

¹³ Developments in East European Politics... P. 2–123; Ash T. G. The Magic Lantern... P. 11–167; Burakowski A., Gubrynowicz A., Ukielski P. 1989 – Jesień Narodów. Warszawa, 2009.

¹⁴ Смолар А. Кадифияната контрареволюция: опит и поуки от Полша. София, 1995. С. 54–56; Михник А. Коленичи се само... С. 195–198.

¹⁵ Sachs J. The State of East European Economies // U.S. – Soviet and East European Relations. Budapest, 1991; Sachs J., Lipton D. «Poland's Economic Reform» // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. № 3; Гадомски В. Лешек Балцерович. София, 2009. С. 127–208.

¹⁶ Дарендорф Р. Размисли върху революцията... С. 71–77; Дарендорф Р. Процеси на преход... С. 6–21; Гилпин Р. Глобална политикономия... С. 407–415; Brzezinski Z. The Great Transformation... P. 37–40.

¹⁷ Гилпин Р. Глобална политикономия... С. 400–403, 405–412; От план към пазар. Доклад за развитието на света, 1996. Световна банка, Вашингтон, 1996; Brzezinski. Z. The Great Transformation... P. 40.

СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА И РЕВОЛЮЦИИ 1989–1990 ГОДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Э. Г. Задорожнюк
(Россия)

В самом конце 1980-х гг. СССР и страны региона, именовавшегося тогда Восточной Европой («социалистическим содружеством», по убеждению приверженцев социалистической идеи, или же, по мнению его противников, «восточным блоком», «советским блоком»), были достаточно близки в своих устремлениях к коренным преобразованиям. Дальнейший двадцатилетний ход событий вызвал приливы и отливы в их отношениях. Но поскольку революции в этих странах — «бархатные», «цветные» и другие в чем-то продолжают (как и любые другие революции), то они во многом могут объяснить как причины указанных приливов и отливов, так и логику их смены. Отсюда и необходимость постоянного обращения к их урокам, что бросает свой свет и на трактовку современных событий.

Проблема революций в странах региона давно находится в поле зрения как отечественных¹, так и зарубежных исследователей. Особенно прочно и активно она занимала умы историков в последние два года, материализовавшись в сотни статей и десятки книг по этой тематике, включая публикации сборников документов². В этом русле важной представляется постановка проблемы о взаимозависимости этих революций и перестроечных процессов в СССР, и наоборот, влияние первых на вторые — в рамках единого, по сути, процесса. Иными словами, в этой статье предпринимается попытка дать ответ на двусоставный вопрос: явилась ли побудительной силой революций конца 1980-х — начала 1990-х гг. в странах «социалистического содружества» советская перестройка и можно ли, в свою очередь, считать данные революции форсирующей силой перестроечных преобразований в СССР? Почему вал указанных революций стал международным по своему характеру?³

Прежде чем ответить, нужно зафиксировать некоторые даты. *Начало* собственно политической перестройки в СССР датируется летом 1988 г., когда обсуждались и были приняты решения XIX партийной конференции КПСС (июнь-июль 1988 г.); *конец* — временем распада СССР (декабрь 1991 г.). В рамках данного исторического промежутка фактически происходят и революционные по своему характеру процессы в странах «социалистического содружества» Европы. Причем ключевым здесь явился 1989 год, который можно назвать *срединным* между приведенными выше датами. Тем самым хронологический диапазон, охватывающий революционные преобразования в странах региона, помещается во временном отрезке аналогичных преобразований в Советском Союзе подобно тому, как меньшего размера матрешка — в большей.

Важно выделить параметры указанной взаимозависимости в историческом контексте. Они достаточно трудно поддаются однозначной фиксации, однако есть все основания считать, что ключевыми из них являются два:

- устранение властной монополии одной партии;
- изменения государственного строя на заключительном этапе преобразований и наряду с ними, причем наиболее интенсивно они проходили в странах-федерациях: СССР, ЧССР и СФРЮ.

Непосредственным толчком к именно революционным преобразованиям в европейских странах социализма стали решения первого Съезда народных депутатов СССР (25 мая 1989 г.). Он во многом явился продолжением линии, намеченной годом ранее на упомянутой XIX партийной конференции. Именно на нем была поставлена проблема неизбежности реформ политической системы в СССР. В ходе их реализации стала формироваться институционально оформленная оппозиция, последовательно раскалывавшая и руководство КПСС.

В странах же «социалистического содружества» представители такой оппозиции как внутри правящей партии (Венгрия), так и вне ее (Польша) примерно с этого времени (то есть с весны 1989 г.), начали интенсивнее претендовать на значительную долю властных полномочий. На них, в свою очередь, ориентировались и оппозиционеры в реформировавшемся СССР. Более того, часть руководства КПСС (и в первую очередь ее руководитель М. С. Горбачев) с курсом на реформы принципиально соглашалась, не просчитывая при этом их последствий.

Естественно, что приемлемость линии на политические реформы (из Кремля холодом уже почти не веяло) послужила уже вторым

сигналом для резкой интенсификации деятельности оппозиции в социалистических странах Европы. Как раз поэтому можно говорить именно о взаимозависимом характере связи между переменами во всем европейском «социалистическом содружестве» и о едином векторе их направленности.

В июне 1989 г., как результат начавшихся в апреле переговоров за круглым столом, прошли выборы на альтернативной основе в Польше, принесшие победу «Солидарности». Они фактически послужили началом волны коренных преобразований в странах региона, проходивших в основном с севера на юг. Формы их реализации были различны, но вектор — одинаков.

В Венгрии с 22 марта по 18 сентября состоялись раунды переговоров между Венгерской социалистической рабочей партией и объединенной оппозицией, определившие эволюционный путь смены власти. Просоветские силы ушли в отставку, а 23 октября вместо Венгерской Народной Республики была провозглашена Венгерская Республика, как бы продублировав превращение Венгерской социалистической рабочей партии в Венгерскую социалистическую партию с достаточно четко очерченной социал-демократической программой (элиминация этих двух определений — «рабочая» и «народная» весьма примечательна, и нельзя сказать, что это спокойно воспринималось значительной частью населения страны; похожие процессы проходили в партиях и государствах и других стран региона).

9 ноября рухнула Берлинская стена, а вслед за этим и прежние властные структуры в ГДР; не прошло и года, как 10 октября 1990 г. оба немецкие государства стали едиными⁴.

17 ноября началась «бархатная» революция в Чехословакии, ход и результаты которой освещены с должной полнотой. Данный термин, по утверждению английского политического аналитика и журналиста Т. Г. Эша, был введен уже в ходе ноябрьских событий, начавшихся мощной студенческой демонстрацией. Эш обозначал данным термином «мирное театрализованное, переговорное изменение режима в небольших центральноевропейских государствах», а сам термин ввели его западные коллеги. Лишь после этого он был подхвачен В. Гавелом и словацкими оппозиционными лидерами, прибегавшими также и к почти синонимическому термину «нежная»⁵. «Бархатная» революция сегодня трактуется в узком смысле: применительно к 10-дневным событиям ноября 1989 г., но ее можно применять и в более широком контексте, характеризуя изменения этого года в остальных странах восточноевропейского региона, ставшего в итоге Центральной Европой⁶.

В Болгарии в ноябре этого же года на пленуме ЦК Болгарской коммунистической партии началось вытеснение, а затем и отставка Т. Живкова со всех высших постов. 18 ноября в центре Софии состоялся 100-тысячный митинг оппозиции, вслед за чем в Болгарии восстановилось большинство довоенных политических партий.

В Румынии 22 декабря 1989 г. восставший народ сверг режим Н. Чаушеску. К власти пришел блок партий, входивших в Совет Фронта национального спасения, а с 29 декабря Социалистическая республика Румыния стала именоваться Румынией. Здесь не удалось обойтись без кровопролития. Более того, согласно последним заявлениям лидера тогдашнего Фронта национального спасения экс-коммуниста И. Илиеску, нужно было прибегнуть «к чрезвычайному революционному суду над четой Чаушеску». Действительно, после их расстрела 25 декабря стрельба сразу прекратилась. По утверждению Илиеску, США заявили, что «не имели бы ничего против военного вмешательства СССР в Румынию с целью наведения там порядка», однако руководство СССР сохранило свою принципиальную политику невмешательства в дела социалистических стран⁷.

Наконец, начиная с весны 1990 г. постоянно терпели поражение на выборах коммунисты в республиках Югославии, причем и здесь в уменьшенном масштабе наблюдалось аналогичное направление волны революционализации: с севера на юг — от Словении и Хорватии к Сербии и Македонии.

Анализ хода событий во всех этих странах полон загадок и тайн. Кто первым из жителей Праги вынул из кармана связку ключей и начал ими греметь, побудив к такому же жесту более 300 тыс. пражан? Кем были произведены первые выстрелы в Бухаресте? Почему удалось избежать, казавшихся неизбежными кровавых столкновений с силами правопорядка в Лейпциге в октябре и в Берлине в ноябре 1989 г.? Подобного рода загадок в 1989 г. при взгляде «снизу» можно насчитать немало. Взгляд же на события «сверху» выявляет, со своей стороны, все больше зачастую мнимых тайн. Оба взгляда лишь примерно двадцать лет спустя дополняются по принципу комплементарности, когда в общем видении ход событий представляется не только через документы (партийные, государственные, оппозиционные), но и через другие источники информации (например, видеозаписи или материалы устной истории).

Множество объяснений причин революций и роли ее ключевых акторов до сих пор страдают односторонностью. Так, поляки преувеличивают роль папы Павла Иоанна II, ставя особый акцент на его визитах в страну своего рождения в 1976, 1983 и 1987 гг., а венгры

приписывают роль побудительных факторов революции в основном своим реформировавшимся коммунистам. Причиной краха режима в ГДР выставляется огромная внешняя задолженность. То же касается и интерпретаций внешних факторов: для одних — это Р. Рейган с его политикой «наступления», для других — М. Горбачев с его, соответственно, «отступлением».

Нет ничего зазорного в таком плюрализме суждений. Каждое охватывает лишь некую часть целостности и только с определенной точки зрения, монополией на истину мало кто обладает. Однако сегодня особенно важно сопрягать объяснение внешних и внутренних причин революций 1989 г. Т. Г. Эш приводит сведения, в соответствии с которыми Дж. Буш (старший) не стремился к чрезмерной радикализации событий в регионе. Напротив, он предпочитал встречам с венгерскими диссидентами переговоры с коммунистами-реформаторами, рассматривал фигуру В. Ярузельского как гаранта стабильности и т. д. С некоторыми оговорками можно признать, что американский президент «делал все правильно как раз потому, что поступал неправильно... В определяющие девять месяцев от начала переговоров в Польше за круглым столом в апреле и до падения Берлинской стены в ноябре воздействие Соединенных Штатов заключалось в основном в его отсутствии. И это заключение еще более справедливо в отношении другой сверхдержавы»⁸.

Действительно, согласно приводимым Эшем фактам, когда Г. Коль попросил Горбачева выразить отношение к тому, что Венгрия открыла границу с Австрией, тот произнес: венгры — люди хорошие. Когда же М. Раковский спросил советского лидера о возможности введения военного положения в августе 1989 г., в ответ на попытку Т. Мазовецкого сформировать правительство, ему было сказано, что с ситуацией надо справляться собственными силами. В послании Э. Кренцу разрушение Берлинской стены оценивалось Горбачевым как «смелый шаг». А сам он был, как отмечал немецкий писатель Г. М. Энциенсбергер, образцом героя нового рода: героем отступления. И далее Т. Г. Эш правомерно подчеркивает, что сами народы небольших стран региона делали то, чего от них не ожидали народы большие⁹.

Надо особо подчеркнуть, что общая тенденция революционных изменений в странах региона — подрыв властной монополии компартий — проявлялась различными способами: в ходе диалога правящей партии с новыми структурными силами в Польше и Чехословакии; в меньшей степени эта тенденция проявилась в Болгарии; в ходе дифференциации самой партии и выделения в ней тех направлений, которые затем имели тенденцию превратиться в партии оппозиционные — в Венгрии; в ходе

распада партии по национальному признаку — в Югославии; наконец, в ходе активного свержения власти партии — в Румынии, а в меньшей мере — в ГДР и в Албании.

Т. Г. Эш выявляет еще более общую тенденцию, противопоставляя идеальный тип «бархатной» революции 1989 г., повторяющийся в дальнейшем в других странах мира (в ходе «поющей» революции в странах Балтии, «цветных» революций на территории стран СНГ, «кедровой» революции в Ливане, «шафранной» революции в Бирме и даже последней по времени «зеленой» революции летом 2009 г. в Иране), другому типу. Он проявился в 1789 г. во Франции, в 1917 в Российской империи и в 1949 г. в Китае, представляя собой поворотные пункты истории не только указанных стран, но и всего мира. «Идеальный тип революции 1789 года, — пишет Эш, — насильственная, утопическая, явно классовая в своей основе, характеризующаяся прогрессирующей радикализацией, которая доходит до кульминации в терроре... Идеальный тип революции 1989 года, напротив, — ненасильственная, антиутопическая, основывающаяся не на одном из классов, а на широкой социальной коалиции, характеризующаяся массовым социальным давлением — “властью народа”, принуждающей наличествующие властные структуры к переговорам. Ее кульминация — это не террор, а компромисс». «Если тотемом революции типа 1789 года является гильотина, то типом революции 1989 года стал переговорный стол... Ненасильственная революция во многом похожа на противоречие в определении. В течение 200 лет революции ассоциировались с насилием. В этом одна из причин того, почему народы квалифицируют революции нового типа путем смягчающих определений. В ходе проходивших среди лидеров исходной бархатной революции в Праге осенью 1989 года дискуссий один из чешских диссидентов даже выразил сомнение, стоит ли вообще употреблять термин “революция”, поскольку в нем имплицитно содержится отсылка к насилию», утверждает он¹⁰.

Принимая данную дифференциацию Эша или признавая другие объяснительные схемы в целом, можно утверждать: после восприятия импульсов к политическим преобразованиям, которые шли из СССР, указанными странами был представлен ряд сценариев возможного решения проблемы монопартийности уже и для самого Советского Союза. И дальнейшие преобразования на родине перестройки как раз шли по этим сценариям, в чем отчасти и заключается смысл выделенного нами ключевого параметра взаимозависимости.

Надо сказать, что по многим сущностным характеристикам подрыв властных позиций Коммунистической партии Советского Союза

и отмена известной шестой статьи Конституции СССР на 3-м Съезде народных депутатов (март 1990 г.) соотносились с рядом примеров для подражания из разных стран Центральной Европы (со времени «бархатных» революций уместен именно данный термин; он не потерял своего значения не только в геополитическом, но и в социокультурном отношении; остается напомнить, что в этот регион вошли три прибалтийские страны, в то время как земли бывшей ГДР стали частью региона Западной Европы). Правда, опора на эти примеры выжалась в неявной степени.

Нельзя не признать, что одной из наиболее мощных сил явилось разрушение КПСС изнутри, причем ни по одному из предложенных странами региона сценариев ликвидации монопартийности. Суть заключается в том, что партия сама передала часть своей легитимности Верховному Совету, скорректировав соответствующим образом и Конституцию СССР, что резко ослабило позиции КПСС. Такое решение, в свою очередь, ускорило конституционные преобразования в центральноевропейских странах, одна за другой принимавших новые высшие государственные законы.

В августе 1991 г. в СССР состоялась попытка возврата к власти антиреволюционных сил, закончившаяся неудачей. К этому времени все бывшие социалистические страны западнее Бреста (белорусского) перестали быть таковыми, а такой выделенный нами параметр как ликвидация монопартийности уже не являлся ключевым.

Анализ данного параметра бросает дополнительный свет и на историю сменивших монопартийные режимы оппозиционных движений в Центральной Европе, позволяя давать новые интерпретации последнему феномену. Оппозиция, в принципе, возникает тогда, когда все представляется слишком нормальным, но при этом ощущается некий подспудный гул событий, выражающий выход на поверхность латентных процессов. Поэтому изучение каждого оппозиционного движения в любое время обязательно соотносится и с анализом наличествующего положения вещей, равно как и с предвосхищением того, в каком направлении они будут развиваться.

Обостряющиеся в современном мире кризисы с неизбежностью усиливают эти движения, а легкость осуществления «революций с определениями» является побудительной силой властных амбиций их лидеров. В силу данных причин исследователи никогда не упускают из поля зрения оппозиционные движения, даже если они не носят массового характера — они предстают в качестве некоего запасного сценария развития.

Указанная общая тенденция прослеживается в разработках практически всех специалистов по современной истории стран Централь-

ной Европы. Значимость оппозиционных движений для выявления векторов социальных трансформаций в регионе можно рассматривать на примере каждой из входящих в него стран; примечательны результаты анализа чехословацкого оппозиционного движения на период его двадцатилетнего развития (с 1968 по 1989 гг.)¹¹.

Своеобразным идеологическим камертоном этой истории можно считать полемику М. Кундеры и В. Гавела в конце 1968 — начале 1969 г. Она сводилась к конфронтации двух позиций. В соответствии с первой, которой придерживался М. Кундера, насильственно прерванный в августе 1968 г. поиск идеалов «социализма с человеческим лицом» (скорее, его аналогов, поскольку писатель к данному термину практически не прибегал) определялось судьбой (уделом) Чехии, а затем Чехословакии. В соответствии с этой позицией, страна в центре Европы обречена была искать новые пути развития демократии и гуманности, — даже если за это приходилось платить национальными бедствиями, — развития, ориентированного на будущее, приемлемое в дальнейшем всеми остальными странами континента. В соответствии с мнением Гавела, такая позиция — это скорее хорошая мина при плохой игре: достаточно принять в качестве своих уже устоявшиеся ценности цивилизации, в первую очередь западноевропейской. При этом предполагалось, что социализм в любом его облики должен быть, как позднее заявлял Р. Рейган, отправлен на свалку истории.

Надо сказать, что, по крайней мере, в одном, может, и не перво-степенном аспекте идеологических сражений после 1989 г. победила линия Гавела, а линия Кундеры замалчивалась. Но анализ реальных сил в оппозиционном движении показывает, что силы тех, кого довольно условно можно обозначить как ориентированных на пре-емственность идей «социализма с человеческим лицом», и силы их оппонентов, полностью отвергающих социалистическую идею, все же были примерно равными. Есть основания утверждать, что этот вывод справедлив по отношению к истории оппозиционных движений не только в Чехословакии, но и других стран региона, хотя эта история выстраивалась отнюдь не по единым образцам.

Посттрансформационная же история политических сил, связывавших свои судьбы с идеей социализма, свидетельствует, что они вовсе не затерялись — ни при подготовке революционных преобразований в регионе, ни в их ходе, ни в период устроения государств и обществ в странах региона после 1989 г.¹²

В целом нужно сказать, что разработка темы оппозиционных движений убеждает в следующем: оппозиция неизбежна в принципе, меняются лишь формы ее проявления в различные исторические

периоды и в разных странах; оппозиция выявляет болевые точки настоящего и намечает новые векторы будущего развития обществ и государств. Правда, они не всегда конструктивны, если вспомнить, например, что платой за реализацию оппозиционного потенциала явился распад федеративных государств в нынешней Центральной Европе. Наконец, оппозиция не предстает как однородное течение, однако после того, как реализуется часть поставленных ею целей, одна часть оппозиционеров подчеркивает свою доминирующую роль, игнорируя усилия других частей.

Если вернуться к соотношению двух параметров в странах региона — устранению властной монополии одной партии и изменению государственного строя, в первую очередь — федерации (на заключительном этапе преобразований), то надо признать что второй параметр начал проявляться уже в ходе осуществления первого. После ухода из власти коммунистов происходит радикальное преобразование государственных структур, приведшее к распаду социалистических федераций и появлению на карте Европы новых государств.

Следует признать, что ход кризисных процессов, а затем и крушения социализма сопровождался и во многом детерминировался этноконфликтами. Впервые они показали силу своего воздействия на федеральные структуры в Югославии, которая в данном аспекте представляла самое слабое звено социалистической системы. При этом к движению за независимость составляющих ее республик подключались как националистически ориентированные силы, так и республиканские компартии, стремившиеся ко все большей независимости от Союза коммунистов Югославии. В то же время в Сербии обозначилась линия агрессивного национализма под лозунгами «антибюрократических революций» (явно с оглядкой на кампании, проходящие в СССР) и урезания полномочий не только автономий Косово и Воеводины (конец 1988 г.), но даже федеральной республики Босния и Герцеговина.

Почти одновременно, в конце 1988 г. народные фронты в Прибалтике начали ставить вопрос о выходе Латвии, Литвы и Эстонии из состава СССР, а 9 апреля 1989 г. Народный фронт Грузии организовал массовую демонстрацию, которая была разогнана с применением вооруженной силы. Кровавые стычки происходили как внутри отдельных республик (Фергана), так и между ними (Карабах).

Такого рода конфликты происходили и ранее, но быстро локализовались, однако в новом политическом контексте влияние партийных структур, которые могли бы их сдерживать, оказалось подорванным. Так что и на уровне этноконфликтов, и следующих

за ними конституционных преобразований просматривается взаимозависимый характер отношений между событиями в СССР и в странах Центральной Европы.

Что касается наиболее благополучной из трех федеративных социалистических республик — Чехословакии, то здесь в 1988–1989 гг. подобные процессы дезинтеграции только начинали давать о себе знать. Это и проявлялось в едва различимых тогда разломах в рамках как государственно-партийных структур, так и оппозиционных движений.

В январе 1990 г. прошел XIV чрезвычайный съезд Союза коммунистов Югославии, ставший и последним. Словенская, а затем и хорватская делегация покинули съезд, поскольку не были удовлетворены их требования о реорганизации партии на конфедеративных началах. Тем самым в Югославии был впервые запущен алгоритм распада федераций на территории от Берлина (точнее сказать, от Праги, поскольку после 3 октября 1990 г. земли ГДР стали частью региона Западная Европа) до Владивостока.

Вскоре стало ясно, что это только первый шаг на пути к распаду федеративного югославского государства, при этом этнические процессы детерминировали партийные разногласия, что, в свою очередь, еще больше усугубляло эти разногласия. 2 июля 1990 г. Словения приняла Декларацию о независимости, 23 декабря 1990 г. здесь состоялся плебисцит, на котором 88,5 % населения этой республики высказалось за отделение от Югославии, а 12 июня 1991 г. Скупщина Словении приняла Декларацию о независимости и суверенитете страны. С небольшим опозданием за ней последовала Хорватия. 17 ноября 1991 г. приняла конституцию, предполагавшую полную независимость, и Македония. 6 апреля 1992 г. объявила о своей независимости республика Босния и Герцеговина. 27 апреля 1992 г. Сербия и Черногория заявили о своем континуитете со статусом Социалистической Федеративной Республики Югославия и образовали Союзную Республику Югославию. Все эти процессы сопровождались появлением самопровозглашенных и не признававшихся мировым сообществом (вплоть до утверждения независимости Косово уже в новом столетии) государств.

Разбираться в эволюции указанных пяти образований — дело непростое. При оценке современной ситуации хотелось бы привести метафору из моей рецензии на книгу о Юго-Восточном (Балканском) субрегионе Центральной Европы: всегда находятся силы, которым выгодно, чтобы на юге Европы как на кухонной плите размещалась одна или несколько кастрюль с кипящим бульоном, и его можно

было бы вылить под ноги дальним и ближним соседям в самый неподходящий момент¹³.

Независимость этих, а в дальнейшем и других государств, возникших на территории бывшей Югославии, была признана практически сразу странами Европы (включая те, где происходил и обратный процесс — соединение двух германских государств, которое сопровождалось апелляцией к аргументам этнической консолидации).

Алгоритм распада и других социалистических федераций шел по следующим пунктам: возникновение и мощное усиление этнокультурных движений; дифференциация внутри правящей партии по национальному признаку; ориентация на «свою» государственность республик, составляющих союз или федерацию. При этом, казалось бы, второстепенные детали (претензии на «всего лишь» культурную автономию этнических групп — в Югославии; во многом демагогические констатации о необычайно высоком «вкладе» той или иной союзной республики в общий их союз — в СССР, даже казавшаяся порой незначительной «борьба за дефис» — в Чехословакии) приобретали первостепенное значение в качестве дифференцирующих признаков.

Следующей территорией действия алгоритма распада стал СССР, и зафиксировать действие параметра взаимозависимости в этом процессе достаточно легко. Естественно, что опыт Югославии в той или иной мере, прямо или косвенно, учитывался — а он характеризовался кровавыми военными столкновениями, этническими чистками, попытками установления тоталитарных режимов, образованием непризнанных республик.

На наш взгляд, он учитывался в первую очередь с целью недопущения кровавых конфликтов, которых на территории бывшего СССР все же не удалось избежать. Ведь и там, и здесь они подобны пожару в торфянике: огня на поверхности не видно, а его вспышки возникают неожиданно и в самых разных местах. Мониторинг их протекания и оценка результатов в странах Содружества независимых государств — еще более трудная задача, чем отслеживание ситуации в странах — республиках бывшей Югославии (там многие процессы можно списывать на происки «внешних сил»). Если идти с севера на юг, то это столкновения в Прибалтийских республиках, включая захват телецентра в Вильнюсе в январе 1991 г., конфликт в Нагорном Карабахе, кровавые столкновения в Узбекистане и Таджикистане; готовилась почва для ожесточенных столкновений в Грузии в 1992 г. и в Молдавии. Они в основном были локализованы, но окончательно не погашены.

Как все это преломилось в условиях СССР в промежутке между 1989 г. и августом 1991 г.? Парадокс заключается в том, что произошли конфликты, принципиально не прогнозируемой интенсивности. Фергана и Сумгаит показали, что выбросы энергии национального протеста не подвержены ни прогнозу, ни устоявшимся формам регуляции. В то же время резко интенсифицировались процессы государственного строительства на новой основе в республиках Прибалтики.

И по данному признаку можно утверждать, что этнические конфликты и последующие разломы у границ между республиками и даже внутри республик в процессе распада СССР шли по особому сценарию. Даже наиболее близкие ситуации в Югославии не могут служить здесь примером. В Югославии нашлись силы, которые стремились извлечь максимальное преимущество из распада государства. В СССР распад прошел с максимальной толерантностью, несмотря на то, что издержки его были гораздо большими.

Что касается Чехословакии, то алгоритм ее «бархатного» распада определялся скорее действиями, зачастую провокативного и манипулятивного характера, политических элит в Чехии и Словакии, чем выражал волю двух государствообразующих народов¹⁴. Пример Югославии хотя и разнонаправленно, но достаточно четко влиял на подходы к решению этноконфликтов в СССР. А вот характер многих проявлений алгоритма распада в Чехословакии во многом детерминировали примеры уже этих двух стран (СФРЮ и СССР). И в первую очередь, как представляется, в плане элиминации моментов излишней напряженности: крови при распаде этой третьей социалистической федерации не пролилось. В целом же можно утверждать, что сценарий распада СССР представляет некий срединный вариант между югославским и чехословацким сценариями. В то же время распад всех трех государств свидетельствует об общецивилизационной тенденции активного поиска народами собственной государственности — тенденции, которой может противостоять создание крупных регионов.

Если попытаться совместить два отмеченных нами параметра взаимозависимости, то в целом складывается следующая картина: на севере Центральной Европы революционные преобразования чаще проходили на фоне переговорных процессов и без кровавых эксцессов. В то же время на юге региона при свержении монопартийных режимов приходилось прибегать к насильственным мерам. Примерно такая же картина складывалась и в процессе трансформаций в СССР: преобразования путем переговоров активнее шли на севере и менее активно — на юге.

Ранее нами выдвигалась гипотеза о направленности волн стабильности на европейском континенте с севера на юг¹⁵. В Центральной Европе эта волна поднимается с конца 1980-х гг. во многом аналогично тому, как ранее она шла в регионе Западной Европы. Ведь еще в 1960-е гг. трудно было представить, что такие страны с репрессивными режимами как франкистская Испания или Греция «черных полковников» будут жить в рамках единого союза со скандинавскими, например, странами с их устоявшейся демократией. И ход революционных преобразований в Центральной Европе, и основные их последствия говорят, что этот подход релевантен также для Восточной Европы, которая включает страны-бывшие республики СССР.

Если исходить из концепта взаимозависимости, то возникает вопрос: можно ли говорить о такой волне применительно к странам Восточной Европы? По всей видимости, однозначный ответ дать достаточно сложно, даже если учесть, что после вхождения в НАТО и ЕС страны Прибалтики вошли в регион Центральной Европы.

Например, стабильность Белоруссии обеспечивается мерами, которые считаются недемократическими. Но в то же время они приемлемы для значительного большинства белорусов и даже нравятся большинству россиян. Наиболее сбалансировано вышел из СССР Казахстан, но бывшие среднеазиатские и закавказские республики время от времени демонстрируют крайне высокий уровень нестабильности. Вряд ли нужно долго искать ее пример и в настоящее время, достаточно обратиться к ситуации в Грузии или Киргизии.

Украина в этом плане предстает как предельно нестабильное государство, причем данная нестабильность выводится из двух источников: стремления к демократии на поверхности политической жизни и жестких войн за собственность за кулисами.

В любом случае необходимо аргументировать тезис о взаимозависимом характере влияния событий в СССР и европейских странах «социалистического содружества».

Революции произошли и как некая реставрация, что присуще такого рода процессам обоих типов. Так, в качестве реставрации докапиталистических порядков в России трактовал «октябрьский переворот 1917 г.» П. Б. Струве¹⁶ Согласно Эшу, подобного рода реставрацией можно считать резкое усиление авторитета католической церкви в Польше, лозунг «возвращения в Европу» в Чехословакии, нагнетание межэтнической напряженности в Югославии. Это породило новые проблемы и даже новые виды насилия, однако они в принципе могут разрешаться путем тех же переговоров, в ходе которых пред-

ставители прежних элит не теряют голов на гильотине, а могут даже конвертировать свою прошлую политическую власть в настоящую экономическую. Приоритет же ненасильственных действий, согласно тому же Эшу, принадлежит не революционерам 1989 г., а Махатме Ганди. Остается добавить, что идея конструктивности подобных действий была выдвинута Л. Толстым, а проверку на эффективность они еще раз прошли в ходе борьбы черного населения США за гражданские права под руководством Мартина Лютера Kinga.

Таким образом, после восприятия импульсов к политическим преобразованиям, идущих из СССР, странами «социалистического содружества» были представлены некоторые сценарии возможного решения проблемы монопартийности. В свою очередь, они переносились в СССР, и в дальнейшем преобразования здесь уже шли по реализовавшимся западные сценариям. Итогом явилась системная трансформации всех европейских стран, входивших в то, что именовалось «социалистическим лагерем», а затем — «социалистическим содружеством». Парадоксально, но собственно социалистическая составляющая, по крайней мере на уровне политических структур, в итоге в большей мере воспроизвелась в странах региона Центральной Европы — по сравнению со странами Восточной Европы и особенно России.

Анализ событий в СССР и европейских странах «социалистического содружества» приводит к следующему выводу: как революционные преобразования в странах региона не могли начаться без изменений в СССР, так и эти преобразования не могли соответственно не влиять на трансформацию СССР, способствуя краху советской модели социализма на огромном пространстве от Берлина до Владивостока.

Этот процесс сопровождали надежды на упорядочение отношений между государствами на более широких пространствах: от Бреста (французского, а не белорусского) до Владивостока и даже от Ванкувера до Владивостока. Указанные надежды (например, те, которые выражались в идее общеевропейского дома) оказались во многом утопическими, но они не забыты¹⁷. Поэтому импульсы, задаваемые революциями 20-летней давности, не потеряли своей силы. Более того, многие призывы к коренным социальным преобразованиям, звучавшие тогда, получают новую убедительность сегодня, когда надо мобилизовать усилия всех стран на преодоление охватившего мир глобального кризиса. Может быть, и такие усилия тоже будут характеризоваться параметрами взаимозависимости, на что укажут уже будущие историки.

Примечания

¹ См.: Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991; Революции 1989 года в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2000; Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001; Центральная Европа во второй половине XX века. Т. 2. М., 2002; Власть–общество–реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа: Вторая половина XX века. М., 2006; История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. Готовится к выходу и ряд других книг.

² Ash T. G. Facts are Subversive: Political Writing from a Decade Without a Name. Atlantic Books, 2009; Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present / Eds. by A. Roberts, T. G. Ash. Oxford University Press, 2009; Engel J. A. The Fall of the Berlin Wall: The Revolutionary Legacy of 1989. Oxford University Press, 2009; Dalos G. Der Vorhang geht Auf: Das Ende der Diktaturen in Osteuropa. München, 2009; Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World / Eds. by V. Bunce, M. McFaul, K. Stoner-Weiss. Cambridge University Press, 2009; Kotkin S., Gross G. T. Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment. N.Y., 2009; Meyer M. The Year That Changed the World: The Untold Story Behind the Fall of the Berlin Wall. N.Y., 2009; Pleshakov K. There is No Freedom Without Bread! 1989 and the Civil War That Brought Down Communism. N.Y., 2009; Prečan V. Ke svobodě přes Prahu. Exodus občanů NDR na podzim 1989. Sborník dokumentů. Praha, 2009; Ratnesar R. Tear Down This Wall: A City, a President, and the Speech That Ended the Cold War. N.Y., 2009; Sarotte M. E. 1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe. Princeton University Press, 2009; Sebestyen V. Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire. N.Y., 2009; Spáčil D., Sýs K. a kol. Viděno deseti. Rozhodující události mocenského zvratu v roce 1989 očima klíčových osobností z obou stran politického spektra. Praha, 2009; Žatkuliak J. a kol. November'89 medzník vo vývoji slovenskej spoločnosti a jeho mezinárodný kontext. Bratislava, 2009; Каганов Ю. Опозиційний виклик: Україна і Центрально-Східна Європа 1980-х–1991 рр. Запоріжжя, 2009.

³ «Хотя французская революция 1789 года, — пишет Т. Г. Эш, — всегда характеризовалась международными аспектами и последствиями, а стала международным явлением лишь в ходе революционных волн, она все же производна от местных условий в одной крупной стране. Европейские революции 1989 года изначально были международным явлением — если под таковыми понимать не просто дипломатические отношения между государствами, но также взаимоотношения между обществами и государствами поверх границ». См.: Ash T. G. 1989! // New York Review of Books. November 5. 2009. № 17.

⁴ Следует отметить, что сложнейшая проблема трансформаций в ГДР вплоть до настоящего времени как бы затерялась в исследовательском поле, по крайней мере, российских специалистов: доминирующий постулат без-

альтернативности ее вхождения в состав ФРГ скрывает многие сложности и противоречия. Например, факт полного игнорирования заверений западных участников переговоров по германскому вопросу относительно того, что вслед за объединением Германии последует трансформация и Варшавского договора, и блока НАТО. Подобной позиции придерживался тогда и В. Гавел, заявивший во время беседы с М. С. Горбачевым 26 февраля 1990 г. в Москве: «Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского договора и НАТО... Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности. Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР». Революция 1989 года в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Взгляд через десятилетие... С. 66.

⁵ Ash T. G. Velvet Revolution: The Prospects // New York Times Review of Books. December 3. 2009. № 19.

⁶ Термин «Центральная Европа» из историко-географической метафоры превратился в геополитическое понятие; регион Центральная Европа включает группу государств от Балтики до Адриатики, объединенных подобием их исторических судеб и общностью перспектив. Центральноевропейский регион к концу 1990-х гг. XX в. более четко оформился как некое геополитическое образование — наряду с регионом Западная Европа и регионом СНГ (бывший СССР), или Восточная Европа. И в качестве такового ему присущи черты укрепляющейся новой региональной идентичности, если последнюю трактовать как «осознание принадлежности к определенному единству, как тождественность основных целей, которые осуществляются составляющими это единство народами и государствами». См.: Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран («Круглый стол») // Славяноведение. 1997. № 3. С. 3–27; Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000. С. 140–162; см. также: Задорожнюк Э. Г. Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 12. С. 1103–1108; она же: Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000; она же. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Россия и современный мир. М., 2000. № 3.

⁷ Время новостей. 2009. 22 декабря.

⁸ Ash T. G. 1989! // New York Review of Books. November 5. 2009. № 17.

⁹ Ibidem. Если бы Эш обратился к работам В. И. Ленина, то слова последнего о «революционном творчестве масс» были бы вполне уместны.

¹⁰ Подробнее см.: Ash T. G. Velvet Revolution: The Prospects...

¹¹ Подробнее см.: Задорожнюк Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 — ноябрь 1989 гг. М., 2008.

¹² Подробнее см.: Задорожнюк Э. Г. Социал-демократия в странах Центральной Европы. М., 2000. Выводы этой книги, в частности, показывают, что идея социализма имеет гораздо более широкое «историческое дыхание», чем это предполагали ее оппоненты. Она трансформировалась в социал-демократическом духе, по-прежнему оставаясь идеологией реальных политических сил.

¹³ См.: Задорожнюк Э. Г. Балканский «клин»: новые вызовы или ростки стабильности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 10.

¹⁴ Подробнее см.: *Власть—общество—реформы...*

¹⁵ Подробнее см.: Задорожнюк Э. Г. Становление новых региональных идентичностей в Европе: итоги первого десятилетия (1989–1999) и перспективы // *Россия. Планетарные процессы*. Санкт-Петербург, 2002. С. 510–511, 517.

¹⁶ Струве П. Б. *Итоги и существо коммунистического хозяйства*. Берлин. 1921.

¹⁷ Это подтвердил и поистине горячий прием, оказанный М. Горбачеву в Страсбурге 5 октября 2009 г. на праздновании шестидесятилетия Совета Европы, где развитие данной идеи получило новые импульсы.

СМЕНА ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЕЕ СУЩНОСТНОЕ И НАУЧНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

И. С. Яжборовская
(Россия)

Подготовительный период объективно обусловленных коренных, системных общественных преобразований пришелся в странах региона Центральной и Юго-Восточной Европы на исчерпание «повышательной» волны «длинных волн» кондратьевских циклов¹ мировой экономической конъюнктуры 1945–1969 гг., когда мировая экономика оказалась на спаде. Ритмы циклических кризисов в этих странах суммировались с ритмами экономических процессов в СССР со свойственным им чередованием периодов роста и снижения темпов промышленного производства.

В 1950-х гг., с реформами Н. С. Хрущева, с ростом инвестиций, уровень производства повышался, затем его темпы снизились; в поздние 1950-е гг. он рос; с умеренно-охранительными контрреформами брежневского застоя опять происходило замедление темпов роста, а в середине 1960-х и начале 1970-х гг. вновь обнаружил временный рост, за которым последовали стагнация и развитие кризисных тенденций. Налагавшиеся в регионе друг на друга интерферентные, разнонаправленные процессы прогрессивного и регрессивного развития, обусловленные многообразными экономическими, социальными и политическими причинами, осложненные порождаемыми этими процессами противоречиями и трудностями, оказались чрезвычайно запутанными и многоликими². Интенсивность повсеместно возникавших и углублявшихся кризисных явлений была различной.

Попытки совершенствования общественных отношений, реформирования экономики предпринимались в Югославии с начала 1950-х гг., в Венгрии — после 1957 г., в Чехословакии — в начале 1950-х, 1957–1958 и 1965–1969 гг., в ГДР — с начала 1950-х и в 1965–1969 гг., в Польше — во второй половине 1950-х и в 1965–1969,

в 1973–1979 и последующих годах (в Советском Союзе аналогичные явления наблюдались в 1957, 1965–1968 гг. и после 1985 г.). Попытки провести какие-то частичные реформы, что-то «залатать» раз за разом неуклонно терпели поражение. Экономический рост не только замедлился, но и прекратился. Резко снизились возможности контроля социально-экономической сферы со стороны утвердившегося в регионе неополитарного государства (см. ниже), ускорились процессы перерождения «реального социализма», его регрессивного развития. Наконец, по лаконичному определению известного философа И. К. Пантина, «режим рухнул» — «он не был свергнут в ходе массового политического движения, а как бы “просел” под тяжестью собственных противоречий»³.

Распад, саморазрушение «мутантного», по определению видных экономистов А. В. Бузгалина и А. И. Колганова⁴, «реального социализма» явились следствием убедительного опровержения повседневной практикой навязываемых стереотипов и результатом подрыва упрощенных, деформированных схематизированными идеологическими установками официальных теоретических выкладок, искусственного торможения назревавшего спонтанного возврата к рыночной экономике.

Если планетарная «понижательная волна» поставила в 1970-е гг. в благополучной Западной Европе под удар «государства благосостояния», то в регионе ЦЮВЕ она стимулировала еще более глубокий кризис, социальным пиком которого на рубеже 1980-х гг. стало польское протестное массовое, практически общенародное движение «Солидарность», а в середине тех же 1980-х — «перестроечная» заявка на коренное преобразование СССР и других «стран социализма».

Выход региона на альтернативный, магистральный путь развития занял ряд лет. Как писал известный философ А. П. Бутенко, в «социалистическом содружестве» обозначился, по В. И. Ленину, зигзаг в общественном развитии — следствие исторического забегания в общественном развитии на фоне скрытых форм изменения социальной природы власти⁵. Если с середины 1970-х гг. в мире стала нарастать новая, вначале «умеренная», волна всемирной демократизации, то на территории региона «реалсоциалистических» стран она в конце 1980-х гг. превратилась во «взрывную» волну всемирной демократизации с включением в процесс глубинных перемен не только политической, но и других сфер общественной жизни. Парадигма общественного развития явно изменялась.

В изучение объективной обусловленности смены парадигмы развития последних 20-ти лет, ее процессов и итогов включились (раз-

умеется, вначале в рамках прежнего дискурса, размытого предмета анализа) представители различных отраслей знания — историки, философы, экономисты, политологи, социологи, лингвисты и др. На особое место в этом процессе именно историков указывает президент Международной экономической ассоциации Я. Корнаи, который подчеркивает необходимость «в данном случае исторического подхода», то есть научного историзма. Он также считает весьма важной интердисциплинарность исследований, т. к. «без междисциплинарного подхода невозможно понять и оценить великие трансформации»⁶.

Научно-теоретическое осмысление учеными различных взглядов и направлений существа переломных событий, определение ими масштабов, характера и перспектив перемены экономического и общественно-политического устройства региона считавшихся социалистическими стран, столкнулось с немалыми трудностями. Идеино-политические стереотипы предписывали рассмотрение процессов исторического развития в рамках прежнего дискурса: формационной теории, теории революций, в т. ч. «закономерностей социалистической революции и социалистического строительства» и прочих кодифицированных понятий и терминов.

Среди идеологом марксизма-ленинизма не было предусмотрено места для проекта демонтажа «реального социализма». Идеологические ограничения, ориентированные на пролетарские (социалистические), к тому же преимущественно немирные революции, затормозили дальнейшее изучение всей сложной и разносторонней системы марксистско-ленинских понятий революции, более полное овладение методологией ее формирования и развития, совершенствование понятийного аппарата и обогащение его в ходе анализа новых явлений современного общественного развития. Стремление отыскать основания для квалификации назревавших в конце XX в. в бывших «социалистических» странах глубоких преобразований как революций в традиционном смысле с неизбежностью должно было потерпеть неудачу, поскольку в прежней системе координат такие процессы позволялось трактовать только как контрреволюции. Поэтому первые попытки определить с этих позиций суть событий, происходивших на рубеже 1980–1990-х гг. в бывших «социалистических» странах, в том числе Центральной и Юго-Восточной Европы, таких как возврат к частной собственности и утверждение «неокапитализма», то есть масштабный исторический регресс, вылились в интерпретацию их в качестве «буржуазных революций» или «контрреволюций»⁷.

Между тем уже в советской философской мысли предпринимались, например В. Ф. Шелике и В. Потоцким, усилия по верифика-

ции прежних идеологем, вульгаризировавших и деформировавших в сталинский период теоретические основы марксизма, в том числе проблематику форм, содержания и сущности революций. Эти ученые работали (и продолжают работать) над системой марксовских понятий революции, субординацией их многообразия с учетом того, что К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из констатации: на разных ступенях истории социальная революция достигает различной глубины преобразований общественного организма и в разной последовательности охватывает различные сферы жизнедеятельности людей; при этом возникают «различные основания» «не для отдельных, сравнительно кратковременных событий, а для относительно длительных исторических процессов коренных качественных изменений в экономической и социальной сферах общественной жизни»⁸. Дискурс «социальной революции как эпохи», верифицирующий научность анализа, представляется и сейчас весьма актуальным и продуктивным⁹. Иногда раздаются голоса, что якобы «постсоветский опыт <...> два десятилетия остается за пределами объективного анализа, во всяком случае, в восточноевропейской, прежде всего, в российской науке...»¹⁰

В последний период российские ученые предпринимают в этом направлении определенные шаги, стремясь уточнить теоретические и методологические подходы к изучению этой проблематики, нащупать новый дискурс, соответствующий современной смене парадигмы¹¹. Обобщенно его представил на российском материале политолог В. Кротков, стараясь дифференцировать марксистский и либеральный подходы к рассмотрению в основном отечественной социально-политической трансформации 1980–1990-х гг. XX в. Практически уже отойдя от понятия «транзит», он понимает под трансформацией «исторический процесс качественного изменения социально-экономического и политического пространства и условий, его определяющих. Его результатом стали новый облик и характер социальных элит, политических институтов, экономического уклада, социальной структуры, идеологических установок и т. п.»¹² Рассматривая этот процесс сквозь призму марксистской теории формационного развития, он одновременно сомневается в ее пригодности для анализа глубокого системного кризиса «именно социалистического общественно-политического строя, следствиями которого стали фиаско социализма и распад государства». В этом он усматривает «масштабный исторический регресс, который может быть интерпретирован как контрреволюция», как отрицание объективно поступательного хода мировой истории от менее передовых форм к более прогрессивным, общей логики линейно-стадиального развития

общества. По его мнению, в контексте теории формационного развития исторические события августа 1991 г. в СССР должны рассматриваться не как революционные; они не по форме и методам, а по своей сути могут быть квалифицированы как контрреволюционные либо связанные с реставрацией буржуазных отношений.

Обнаружилась и иная логика осмысления проблемы. Так, по мнению А. А. Кара-Мурзы, эти события привели к тому, что «часть радикальных сторонников стадияльного ранжирования обществ публично оспорила тезис о том, что реальный социализм находится выше капитализма как формации»¹³. Нельзя не признать, что при анализе предпринимавшегося впервые в истории человечества демонтажа «реального социализма» ученые испытывали существенные трудности с идентификацией многообразных процессов его жизнедеятельности и противоречий. В заблуждение вводило применение различных теориеподобных конструкций и понятий, как бы камуфлирующих существо сформировавшегося общества — «реального», «государственного», «бюрократического» социализма. Российские социологи А. Данилов и Т. Заславская пришли к мысли, что в России (следовательно, и в других странах социалистического содружества) социализма не было в принципе — здесь утвердился госкапитализм в более жестком варианте, на определенном этапе, по Заславской, приобретший черты тоталитаризма¹⁴. Экономист М. И. Воейков утверждал, что «советское общество при всех его плюсах и достижениях не отвечало в целом идеалам социализма. А по экономическим и жизненным параметрам не достигало даже до европейских стран капитализма»¹⁵.

Российский философ и политолог Г. Г. Водолазов высказал предположение, что в Советском Союзе существовала иная, новая формация — не капиталистическая и не социалистическая в марксистском смысле, без частной собственности, но со сходными техническими параметрами, достигнутыми в итоге сталинской индустриализации. В свою очередь, российский историк и философ Ю. И. Семенов, основавший школу «индустрополитаризма», согласно которой в странах «социалистической системы» возобладала приобретающая форму государственной корпоративная частная собственность государственного аппарата или основной части бюрократии, доказывает: здесь в качестве коллективного собственника утвердил свое господство «неополитаристский» правящий слой «реального социализма»¹⁶. Нельзя не отметить и то, что Семенов критикует зауженное, усеченное понимание процесса смены общественных формаций, обусловленное идеологическими ограничениями, введенными истматовским поня-

тийным аппаратом. Но он и не углубляется при изучении тематики революций в марксведение, в исследование социального организма, ограничиваясь проблемами государства¹⁷.

Ряд ученых продолжает искать проявления прогресса в происходящих переменах рубежа XX–XXI вв. в рамках формационной теории и теории социально-политических революций, концентрируясь на проблематике критериев революционной ситуации. В их числе — экономисты И. В. Стародубровская и В. А. Мау, которые стремятся обнаружить в Советском Союзе второй половины 1980-х гг. обусловленную внутренним социально-политическим кризисом революционную ситуацию и считают перемены революционными¹⁸. Отвергая их подход, А. Н. Тарасов подчеркивает, что преобразования конца XX в. в своем развитии отнюдь не прошли обязательных для развития революций классических стадий¹⁹.

Политолог Л. Ф. Шевцова и философ И. М. Клямкин, концентрируя внимание на движущих силах и характере глубоких преобразований, констатируют наличие в СССР скорее верхушечного переворота, чем творчества широких социальных слоев. Они подмечают локальный характер социального движения и активность только малой части общества — всего лишь в нескольких крупных городах страны²⁰. Указывается и на отсутствие полного набора необходимых признаков революционной ситуации, хотя историком и политологом Б. И. Ковалем и социологом Ш. Эйзенштадтом были предприняты попытки найти аналогии с соответствующей ленинской теориейподобной структурой. Опирающейся на активность низов социальной революции обнаружить не удастся, равным образом как и насильственного захвата политической власти²¹.

Заметим, что известный экономист Е. Т. Гайдар в полемическом задоре уже призывал «говорить не о разных революциях в тех или иных социалистических странах, а о едином революционном процессе, центром которого был Советский Союз», якобы ставшем «первой полномасштабной революцией в современном постиндустриальном мире»²². В споре с ним российский философ Ю. С. Новопашин не был склонен признать «центральную роль России» в выходе стран «реального социализма» на рубежи коренных преобразований на рубеже 1980–1990-х гг., хотя колебался относительно этой «первой полномасштабной революции» в «постиндустриальном мире». В итоге он вместе со всем авторским коллективом склоняется к концепции «продвижения государств Центральной и Юго-Восточной Европы к постиндустриальному строю». Заметим, что критика этим автором представлений о постиндустриальном обществе как якобы «строе»,

способном вырождаться в строй капиталистический или «строй авторитарного или тоталитарного государственного социализма», достаточно убедительна²³.

Что касается политической революции — революции «наверху», в верхних эшелонах политической власти СССР — России, то современные исследователи констатируют факты смены правящей верхушки «в пользу» перехода к капитализму, но, по обобщенному определению автора обзора В. Кроткова, видят в ней приход к власти «оппозиционной части советской политической элиты», в первую очередь с помощью использования «собственных властно-управленческих ресурсов». Возникшей низовой социально-протестной волне они приписывают роль «внешнего средства», к которому так или иначе апеллирует эта часть властных структур²⁴. Другие приводимые Кротковым высказывания специалистов свидетельствуют об их несогласии либо вообще с использованием понятия «политическая революция», либо с его применением к событиям рубежа 1980–1990-х гг. — при констатации неудачи такого типа развития событий²⁵.

Российские ученые в основном не выходили за рамки постидеологического сознания; они не смогли провести обстоятельную научную верификацию в значительной мере деформированных прежними идеологемами теоретико-методологических устоев. Для этого были необходимы более обширные «время и пространство», материалы не только России, но и других стран бывшего «социалистического содружества», в том числе региона Центральной и Юго-Восточной Европы. В известной мере его были призваны поставлять именно региональные исследования.

Свой весомый вклад была призвана внести и эвристика, занявшая изучением новой ситуации, поиском и верификацией с опорой на ряд отраслей гуманитарного знания адекватной этой ситуации научной терминологии. Ответ на вопрос о содержании и эволюции понятия и термина «революция», определяющей коренные перемены в направлении прогрессивного общественного развития, а также производных с иным наполнением — «антиреволюция», «недореволуция» и др. недавно дала политическая лингвистика.

Стремление опереться в ситуации «зигзага» — отхода от линейности развития на прежние идеологемы, равно как и на перенос положительного знака с «социалистической» революции на «буржуазную» или «антикоммунистическую» оказалось и неадекватным, и контрпродуктивным. Известный российский лингвист и политолог М. В. Ильин показал, что в российской левой общественно-политической мысли для глубоких, коренных преобразований

общественного строя с 1917 г. однозначно и прочно закрепились понятие и термин «пролетарская», или «социалистическая», революция. Они десятилетиями стойко сохраняли сугубо позитивное и даже метафорическое смысловое наполнение, будучи активно именно так используемы вплоть до конца XX в. и отражая коллизии политической истории на основных этапах «политического освобождения и демократизации вовлеченных в модернизацию политий», «соответствующие кризисы в общественной мысли и практике», идейную и политическую борьбу вокруг популярных стереотипов²⁶.

Одним из таких явления стала предложенная политологом Р. Саквой «теория антиреволюций, которые являются революциями», но ищут модели лучшего мира не в будущем, а в прошлом и настоящем с вариациями по временным и пространственным осям в параллельной современности. Такой вариант был обозначен им как «революция маневра, уводящая скорее в сторону, чем вперед»²⁷.

Термин «антикоммунистические революции»²⁸ — также явный оксюморон, где эпитет несет в себе однозначно противоречащее сущности содержание, логически вытесняемое за рамки принятого смыслового пространства, в котором оно обычно наделено позитивной силой нового, прогрессивного, победоносного. Здесь это нечто другое, необоснованно перехватывающее в качестве основания для использования ценностной нагрузки термина «революция» энергетику этой метафоры в виде площадных действий масс, создающее глубинное противоречие и напряженность между фундаментальными ценностями. Ю. С. Новопашин относит «радикальные, антикоммунистического плана изменения в социально-экономической сфере» к концу 1980-х гг., а в 1990-х гг. видит «внутрисистемный реформаторский эволюционизм»²⁹.

Терминологизация в стиле «антикоммунистических революций» в основе своей является клишированием западными идеологами и публицистами теориеподобных структур и соответствующих им дискурсов. В России этот термин в основном «зацепился» за произведения идеологов-публицистов как выражение постидеологических деформаций. Неоднозначность, непрозрачность процессов перемен выразилась в изобретении, например, термина «коммунистически-идеократические режимы», относящегося к тому же ряду, что и термин «антикоммунистические революции».

При традиционно свойственной авторитарным режимам большой идеологической нагрузке симптомы постидеологического сознания проявляются особенно четко: эклектически соединяются живучая вера в «маячившее впереди светлое будущее» и тоска по незадавшейся

«революционной альтернативе»; понимание того, что «всеобщее огосударствление в конечном счете блокирует развитие», и решительное отторжение «дикого капитализма», т. е. возврата частной собственности; констатация того, что установилась атмосфера «всеобщего разочарования и очевидного упадка “советско-социалистического” варианта развития», и одновременно неприятие системной трансформации как нового цивилизационного фактора. Рассмотрение содержания процессов глобализации происходит сквозь призму сугубо «неолиберальной, консервативной, по сути, имперской формы», отката к некоей «консервативной реверсии» как «к прежней сугубо национально эгоистической и блоковой, к воспроизводству силовых методов».

Ключевой для этой группы обществоведов является трактовка перестроечной концепции как «пика советской реформации, открывающей шанс — пусть туманный, неопределенный — для движения к новой цивилизации», а желанной целью объявляется «контроль над стихийными процессами для того, чтобы наладить управляемость мирового развития», т. е. вновь избирается сугубо этатистский ориентир, в духе былого волюнтаристского, централистски-планового начала³⁰.

В центре внимания обществоведов оказывается прежде всего принципиально новое явление: пересмотр установочных положений глубинных общественных перемен, в том числе структур власти, их основного содержания, качественных характеристик и методов преобразований. Сам феномен «партии-государства» (даже с использованием термина «коммунистическо-идеократическое государство»), как правило, рассматривается отнюдь не как тождественный «коммунистической» однозначности политико-идеологического наполнения³¹. Далекие от адекватной трактовки понятия пересекаются, идеологически растягиваются, обретают другой смысл, гасят друг друга. С их разрывом создаются новые понятия, которые оформляются в далеко разведенные, иначе юридически и политически трактуемые термины. Возникают политические дискурсы иного, нового плана.

Например, не отказываясь от признания глубинного характера радикальных системных преобразований, но одновременно подчеркивая их качественно новый, мирный, постепенный, с растянутостью во времени характер, бывший президент Республики Польша В. Ярузельский предложил терминологический вариант «эволюционная революция»³². По существу, этому пониманию близко и определение такого процесса как «революция» — сочетание ряда энергичных мер революционного характера с основательными, но, как правило,

весьма продолжительными, мирными реформами; термин принадлежит английскому журналисту и политологу Т. Г. Эшу³³. Российский историк В. В. Марьина склонна считать события, начиная с 1989 г., «скорее всего» революцией, но не «одноразовой», а «эволюционного характера, растянутой во времени»³⁴. В предлагаемых понятиях есть основания увидеть аналог «эпохи социальной революции» Маркса и «революции в широком смысле» Ленина.

Анализируя с привлечением новейших достижений теории социальных изменений «самоограничивающуюся революцию» польской «Солидарности» и «бархатную» революцию в Чехословакии как новое в сфере глубинных преобразований явление, президент Международной социологической ассоциации, ведущий польский социолог П. Штомпка указывает и на его внутреннюю противоречивость, требующую изменения дискурса рассмотрения, учета дискуссионности оценки этих явлений как «революционных». Его сомнения вызывает их мирный характер и одновременно «удивительная эффективность» в силу всего лишь потенциальной угрозы насилия со стороны масс³⁵.

Совершенно очевидно, что автор базируется на опыте прежних немирных революций, упуская из виду возможность пассионарного, революционного развития качественных перемен как в немирных, так и в мирных формах. Вместе с тем он увязывает успех будущих исследований в этой области с соединением воедино социологической и учитывающей контекст длительного исторического развития историко-социологической трактовки революций и поисками в новой системе координат возможности распространить на преобразования конца XX в. «категории великих революций»³⁶.

Резко и однозначно критикуемое в 1970-х гг. понятие конвергенции между социализмом и капитализмом повторно всплыло в конце 1980-х гг. в разнообразии новых форм, включая понятие «догоняющих» или «выправляющих революционных событий». Используя его по горячим следам событий 1989 и последующих годов, последний из крупных представителей новой Франкфуртской школы немецкий философ и социолог Ю. Хабермас квалифицировал события в бывших социалистических странах как революционные преобразования³⁷. Он сопоставил между собой трактовки обвала «реального социализма» шестью направлениями общественной мысли: тремя просоциалистическими (сталинистским, ленинистским и реформаторско-коммунистическим) и тремя критическими (постмодернистским, антикоммунистическим и либеральным). Что касается первой группы, то он отметил, что сталинисты считают события 1989-го и последующих годов контрреволюцией, германские ленинисты (например, Ю. Кучинский) — «консервативной революцией»

и одновременно «реформой самоочищения в рамках долгосрочного революционного процесса»³⁸. Как было установлено, «демократические социалисты» видят перспективы развития в «исправлении недочетов» «реального социализма». У коммунистов-реформаторов существует стремление «в соответствии с множеством теоретических течений западного марксизма» отказаться от ориентации на историко-философские закономерности и исходить из того, что «ленинское самопонимание большевистской революции с самого начала фальсифицировало социализм, а огосударствление средств производства вместо их демократического обобществления способствовало бюрократическому обособлению аппарата тоталитарного господства и перевело стрелки истории в этом направлении»³⁹. В политической практике это направление отказалось от поисков «третьего пути».

Хабермас отметил, что постмодернистская критика посчитала бескровные массовые выступления в бывших странах «реального социализма» последней революцией, концом «эпохи революций», соответственно «революционное крушение бюрократического социализма» — стимулом ускорения прихода «эпохи модерна». Антикоммунисты (К. Шмитт, Э. Нольте) определили это явление как окончание объявленной большевиками «всемирной гражданской войны», а либералы (Д. Белл, Р. Дарендорф и др.) — как распад последних форм тоталитарно-авторитарного господства и новый импульс модернизации, распространившейся на бывшие «социалистические страны»⁴⁰.

Не ограничиваясь рассмотрением различных идеологических построений, Хабермас исследовал научно-методологические основы обновления теории революции, выявил пересечение и противостояние различных западноевропейских исследовательских традиций (П. Бурдье, К. Касториадиса, А. Турена, Э. Гидденса, К. Оффе и др.). Он определил «платформу, отправляясь от которой только и можно сегодня воспринимать импульсы, исходящие от марксистской традиции». Суммируя выводы из проделанного анализа, ученый указал на проблему неререформируемости «государственного социализма», «революционируемого извне», на необходимость утверждения «массовой демократии, правового и социального государства»⁴¹.

Разнообразие исследуемых форм преобразований, несомненно, растет, при этом модифицируется и их содержание, и характер процесса перемен, и понятийный, и терминологический аппараты. Как указывалось выше, политическая лингвистика находит убедительное оправдание подобным семиотическим новшествам. И если из традиционного марксистского и близкого в нему набора дефиниций все еще используются «контреволюция» и «реставрация», то при

поисках адекватного отражения нового содержания преобразований, по предложению Г. О'Доннела, иногда применяется термин «инставрация» — как соединяющая воедино «реставрацию» прежнего, капиталистического строя и «инсталяцию», то есть установление, монтирование нового, переходного строя⁴².

Большинство политологов в последние годы стараются описать и проанализировать процесс перемен в целом, с включением в него различных стадий демократической трансформации как политических, так и экономических компонентов исторического процесса. При этом польские политологи Э. Внук-Липиньский и А. Пшеворский, а также некоторые другие исследователи вычленяют ту начальную стадию, «когда старая система уже не в состоянии выполнять свои основные функции». Они также используют понятие «процесс радикальных изменений», аналогичных по глубине, качеству и ряду других параметров революционным преобразованиям. Выход стран региона на путь ликвидации авторитарно-тоталитарных политических устоев «реального социализма» и командно-административного экономического устройства они считают началом сложного и длительного процесса коренных перемен во всех областях общественных отношений, к которому одновременно применяются термины «демократическая революция» и «системные трансформации»⁴³. И в этом случае можно увидеть аналогии «эпохи социальной революции».

Внук-Липиньский подчеркивает, что разворачивание этих процессов, как правило, без применения насилия и кровопролития не должно вызывать сомнений в их революционно-преобразующем характере: «Если мы принимаем, что революция есть относительно внезапная замена одного общественного порядка другим, то правомерно определение такой замены как революции, даже если ее не сопровождают баррикады и революционная идеология, или даже мифология, присутствующая в классических революциях»⁴⁴.

Что касается определения сути процесса перемен как «перехода» или «трансформации», то Внук-Липиньский отнюдь не считает их синонимами. Он уточняет смысловую нагрузку этих терминов следующим образом: «трансформация» есть коренная перестройка старой системы без определения ее конечного результата, «переход» («транзит», не несущий смысла проходной стадии) указывает на модель, на конечный результат (например, «переход к рынку» или «переход к демократии»)⁴⁵. Согласно его заключению, наиболее типичными для данного региона в период четвертой волны демократизации оказались варианты, которые предусматривает «теория четырех игроков», предполагающая наличие двух составляющих среди старой элиты («твердолобых» и «реформаторов») и двух — среди контрэлиты («уме-

ренных» и «радикалов»). В различных сочетаниях они ориентируются на разные пути и методы решения назревших задач или отказа от него. Оптимальные шансы мирного развития демократической революции появляются при занятии сильных позиций в старой элите «реформаторами», а в контрэлите — «умеренными», что открывает оптимальные возможности для сбалансированных переговоров. Их обязательным условием является наличие не тоталитарных, а относительно более мягких авторитарных или посттоталитарных режимов⁴⁶.

К этой схеме Внук-Липинский считает необходимым добавить по меньшей мере два существенных фактора: реакцию общества на игру элит и динамику процесса переговоров между двумя элитами вокруг правил формирования новой структуры и ее функционирования. В процессе демократических перемен изменяются не только элементы системы, но и стимулирующие эти перемены их главные акторы. Старая элита теряет легитимность, которая переносится на контрэлиту.

Вначале результат обвала прежней системы отнюдь не предопределен окончательно. Если старая система перестает функционировать, по инерции действуют прежние правила, а новые еще не определены до конца. Но основы новой системы явно формируются в направлении утверждения демократии, и уже можно говорить о переходе к ней. Содержанием такого перехода является дифференциация являющегося базой контрэлиты общественного движения — демобилизация его определенной части, формирование новой партийно-политической системы, развитие гражданского общества. Затем наступает фаза консолидации общества на новой основе и стабилизации демократической системы⁴⁷.

Весьма актуальная в настоящее время проблема — сравнительный межстрановой анализ трансформационных процессов, выяснение реальных результатов и трудностей на этом пути, преодоление в исследованиях попыток опередить историческое развитие. Интересны в этом отношении комплексные работы Института экономики РАН⁴⁸, опыт Института славяноведения РАН, издававшего в 2005–2008 гг. международный журнал по социальным и гуманитарным наукам «Восточноевропейские исследования», тематические обзоры публикаций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы⁴⁹, а также первые междисциплинарные монографии⁵⁰.

Таким образом, в настоящее время при определении характера глубоких системных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы большинство ученых-обществоведов региона весьма редко применяет термин «революция» в его классическом приложении к событиям 1989-го и последующих лет. Еще реже встречаются термины «реставрация» или упоминавшаяся ранее «реверсия»

(то есть линейный «откат» к капиталистической и даже феодальной системе). Чаще используются термины «обвал» или «демонтаж» режимов, «перемены» и «выход из прежней системы», более часто — «глубокие преобразования» и, наконец, — «системная трансформация» или «системные трансформации».

Термин и понятие «системная трансформация» появились в результате выявления узости, недостаточной адекватности первоначального линейного «транзита», на время давшего название новой отрасли знания — «транзитологии».

К настоящему времени широко распространилось понимание того, что перемены в ходе четвертой волны демократизации в регионе, в той и ли иной мере радикальные, стали возможными благодаря достигнутому в ходе переговоров между старой и новой элитой «делиберативному консенсусу» относительно проведения политических и экономических преобразований⁵¹.

Сутью и основным содержанием начального этапа политических системных преобразований, нередко именуемых «нежными», «бархатными», признается «добровольно-вынужденный» отказ старой правящей элиты от монопольного привилегированного положения, от прежнего типа власти и командно-административных методов управления. Весьма разнообразные формы этого процесса сочетали в различных пропорциях более или менее массовые общественные движения, создававшие общий для всего региона конструктивный фон мирного обновления режимов «снизу», и переговоры элит за «круглыми столами», результаты которых выливались в «пактирование» — заключение договоров о демократизации политических режимов. Получивший название системной трансформации процесс глубоких преобразований включил в себя элементы политической революции и повлек за собой радикальные последствия во всех областях общественной жизни, хотя его темпы, методы и результаты в разных странах были весьма различны, как и достигнутый уровень перемен.

Проработку этой проблематики следует отнести к числу весьма значимых в деле изучения процессов смены парадигмы общественного развития бывших социалистических стран Европы, ее сущностного и научно-терминологического осмысления.

Примечания

¹ См.: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

² См.: Kołodko G. W. Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji. Warszawa, 1999.

³ Пантин И. К. Судьбы демократии в России. М., 2004. С. 132.

⁴ См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004.

⁵ Бутенко А. П. О скрытых формах изменения социальной природы власти. М., 2004. С. 79–83. См. также: он же. От тоталитаризма к демократии // Россия и Центральная Европа в новых геополитических условиях. М., 1995. С. 110–116 и др.; Система советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. Сб. обзоров и рефератов М., 2001 и др.

⁶ Курнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Россия и современный мир. 2006. № 2. С. 31, 43.

⁷ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 339–340.

⁸ Шелике В. Ф., Потонкий В. А. Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции // Философские науки. Научные доклады высшей школы. М., 1979. № 5.

⁹ Шелике В. Ф. Понятие революции у Маркса // www.wtschelike.ru/?p=92; она же. Нужен ли нам Маркс? // Свободная мысль. 2009. № 11, 12 и др.

¹⁰ Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). М., 2008. С. 307.

¹¹ См.: Ильенковские чтения — 2009. Э. В. Ильенков и перспективы развития гуманистической мысли. XI международная научная конференция (Москва, Зеленоград, май 2009 г.). Материалы конференции. М., 2009; Философские науки. Научные доклады высшей школы. М., 1979. № 5.

¹² Кротков В. Два понимания глобальной трансформации: Марксистская и либеральная интерпретации отечественной социально-политической трансформации 1980–1990-х годов // Свободная мысль. 2009. № 9. С. 4.

¹³ Кара-Мурза А. А. Между Евразией и Азией // <http://www.nationalism.org/aziya/akm1.htm>.

¹⁴ Заславская Т. И. Человеческий фактор в трансформации российского общества // 2005/10/13/zaslavskaya.html; Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск, 1998. С. 339.

¹⁵ Воейков М. И. Дилемма социализма в России: евразийская и рыночная версии // Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии). М., 2000. С. 51.

¹⁶ Семенов Ю. Россия: что в ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 20; он же. Философия истории. М., 2003; он же. Основные и неосновные способы производства. См.: <http://scepsis.ru/library/print/id-68/html>; он же. Советское общество — классовое, базирующееся на частной собственности // http://scepsis.ru/library/print/id_344.html; Мейстер В. «Социалистический лагерь»: общество и идеология // http://scepsis.ru/library/print/id_80.html и др.

¹⁷ Сильные и слабые стороны концепции Ю. И. Семенова подробно анализирует В. Ф. Шелике. См.: www.wtschaelike.ru/?p=65.

¹⁸ Стародубовская И. В., Май В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 114, 365.

¹⁹ Тарасов А. Н. Этапы революционного процесса // Россия. 1995. № 11–12. С. 59.

²⁰ Кротков В. Указ. соч. С. 111.

²¹ Коваль Б. И. Революционный опыт XX века. М., 1987; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

²² Гайдар Е. Аномалии экономического роста // Гайдар Е. Соч. в 2 тт. Т. 2. М., 1997. С. 463.

²³ Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 10, 19, 20.

²⁴ Кротков В. Указ.соч. С. 113; Осипов Ю. М. Постсоциалистический социализм... С. 12.

²⁵ См.: Браткевич Я. Смуты в России: попытка оценок и прогнозов // Полис. 1994. № 6 (24); Лазарев В. Д. Переходный период в развитии общества: теории, проблемы, перспективы. Уфа, 2006.

²⁶ Бляхер Л. Е. Ключевые метафоры постсоветского политического дискурса («революция») // IV Всероссийский конгресс политологов: Демократия, безопасность, эффективное управление. Тезисы докладов. Москва. 20–22 октября 2006. С. 36–37; Ильин М. В. Соотношение концептов «возвращение порядка» и «установление нового порядка» с терминами «освобождение», «революция», «реформа», «протест», «транзит» и т. п. в политической истории и политической науке // Там же. С. 132–133.

²⁷ Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 гг. // Полис. 1998. № 5.

²⁸ См.: Новопашин Ю. С. Антикоммунистические революции конца XX века // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 93.

²⁹ Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... С.4.

³⁰ Конференция / Доклад Горбачев-фонда «1989 год в российской и мировой истории» // www.gorby.ru.

³¹ См. основные обобщающие коллективные труды ведущих российских научных коллективов, занимающихся данной проблематикой: Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. III. Трансформации 90-х годов. Ч. I, II. М., 2002; Социокультурные трансформации в Центральной и Восточной Европе второй половины XX века. М., 2002; Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века. Т. I. Преобразования. М., 2005; Власть—общество—реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... М., 2008 и др.

³² Ярузельский В. Уроки истории — не соль на раны. Беседу вел В. Оскоцкий. Рязань, 2000. С. 32.

³³ См.: Ash T. G. We the People. Cambridge, 1990.

³⁴ Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... С.294.

³⁵ Sztompka P. Socjologia zmian społecznych. Kraków, 2005. S. 282–283.

³⁶ Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005. С. 560, 571; он же. Социология социальных изменений. С. 367.

³⁷ См.: Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня? // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 178.

³⁸ Die Zeit. 1989. 29.12.

³⁹ Хабермас Ю. Указ соч. С. 151–152.

⁴⁰ Там же. С. 155–158.

⁴¹ Там же. С. 153, 165–166, 347.

⁴² O'Donnell G., Another Institutionalization: Latin America and Elsewhere. Notre Dame, 1995. P. 3.

⁴³ См.: Wnuk-Lipinski E. Is the theory of post-communist transformation possible? // After Communism. Warsaw, 1995; Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991. P. 67. См. также: Bova R. The Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective // World Politics. 1991. Vol. 44. № 1; Przeworski A., Limongi F. Political Regimes and Economic Growth // J. Economic Perspectives. 1993. Vol. 7. № 3.

⁴⁴ Wnuk-Lipiński E. Socjologia życia publicznego. Warszawa, 2005. S. 43.

⁴⁵ Ibidem. S. 46–47.

⁴⁶ См.: Przeworski A. The Games of Transition // Issues in Democratic Consolidation. Notre Dame – Indiana, 1992; Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore-London, 1996.

⁴⁷ Wnuk-Lipiński E. Socjologia życia publicznego. S. 48–51.

⁴⁸ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века. В двух томах. Т. I... и др.

⁴⁹ См. разделы Н. В. Коровициной и В. В. Марьиной: Вторая модернизирующая трансформация в «Восточноевропейских исследованиях; Историк и историческая наука в трансформационный период общественной жизни (по материалам пражского журнала “Soudobé dějiny” (Современная история, 90-е годы XX века)» // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы...

⁵⁰ См.: Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. М., 2005; Яжборовская И. С. Глобализация и опыт трансформации стран Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008 и др.

⁵¹ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века в двух томах. Т. 1. С. 110. См. также: Ehrlich E., Revesz G., Tamasi P. Kelet-Koper Europa: honnan – hova? Budapest, 1994; Transformace české společnosti. 1989–1995. Brno, 1996, Kofman J, Roszkowski W. Transformacja i postkomunizm. Warszawa, 1999; Agh A. Emerging Democracies in East Central Europe and the Balkans. Cheltenham, 1999 и др.

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НА ФОНЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (1989–2009 гг.)*

Л. Н. Шишелина
(Россия)

За прошедшие два десятилетия отношения между Россией и странами Центрально-Восточной Европы пережили достаточно драматичную историю: от их практически полного разрыва, пришедшегося примерно на первую треть — середину 1990-х гг., когда значимость Восточной Европы во внешнеполитических представлениях посткоммунистической России была ниже, чем стран Африки¹, а товарооборот достиг дна; до их осторожного восстановления с самого конца 1990-х и реального подъема, наметившегося к середине первого десятилетия 2000-х гг.

Сегодня отношения между Россией и странами региона значительно отличаются не только реальным наполнением, исчисляемым в показателях экономического, культурного и научно-технического обмена. Отличительной чертой нового времени является значительная дифференциация во взаимоотношениях России и рассматриваемых стран. Как не существует единой стратегии этих стран применительно к РФ, так и в восточноевропейских государствах нет единообразия в подходах к России. Если в конце 1980-х гг. восточные европейцы демонстрировали практически единопольное стремление вырваться из сферы влияния Москвы, то к концу первого десятилетия XXI в. уже наблюдалась некоторая дифференциация: часть государств по-прежнему заботит возможность угрозы их безопасности со стороны Кремля, а другие упрекают его обитателей в утрате интереса к региону. Где здесь правда? Мне кажется, правда состоит в том, что *у обеих сторон все еще отсутствует геополитически мотивированное понимание того, насколько необходимы эти отношения, какова их реальная зна-*

* Статья основывается на исследованиях, финансируемых в рамках Проекта РГНФ № 08-03-00301а: «Системные трансформации в Европе и России и их влияние на формирование новых взаимоотношений...»

чимость. В геополитических интересах России как континентальной державы (естественно при осознании этого факта в качестве основы внешней политики) сохранение дружеских, добрососедских отношений с этими странами. В интересах восточноевропейских государств — поддержание геополитического баланса, который позволял бы им получать преимущества от своего расположения между все еще сохраняющимися инициативы инновационного развития континентальными центрами. Говоря проще, от разумного использования всего комплекса своих геополитических данных, позволяющих придать новый импульс национальным экономикам и научно-культурному развитию.

Казалось бы все ясно, но тем не менее поиск новой формулы взаимоотношений между Россией и странами Восточной Европы происходит очень сложно. И тому множество причин объективного и субъективного свойства.

Во-первых, эти отношения все еще не свободны от стереотипов и обид прошлого. Особенно отягощены этим комплексом российско-польские и российско-прибалтийские отношения, где все изыскания историков-архивистов тотчас же становятся достоянием прессы и политики, а затем, как в случае с государствами Балтии, переходят в требования компенсационных выплат. В других случаях акцентированный таким образом «российский фактор» становится элементом достаточно жесткой внутривосточноевропейской борьбы.

Во-вторых, развитию полномасштабного диалога между Россией и восточноевропейскими странами до сих пор мешает предвзятый подход к раскладу политических сил в наших странах, да и сама оценка современных политических направлений. Так, Россия, делает ставку исключительно на социал-либеральный спектр в восточноевропейских странах, упуская возможности налаживания диалога с представителями других политических течений, особенно национально-консервативного толка. Восточноевропейские же правящие элиты любой направленности предпочитают ладить исключительно с российскими радикальными либералами и примыкающими к ним правозащитными организациями, которые с 2000 г., т. е. после ухода с поста президента Бориса Ельцина, устойчиво находятся в оппозиции к власти. Очевидно, что подобный подход, опора исключительно на шаблонные политические установки, доставшиеся со времен холодной войны, также являются трудно преодолимым наследием прошлого. Для восточноевропейских стран важно понимание того, что Россия все эти годы тоже не стояла на месте. В своем политическом развитии она также прошла определенные круги развития и ныне медленно, но все же продвигается в направлении большей сбалансированности в политике.

Осознание этой реальности обеими сторонами поможет избежать связанных с внутривосточными изменениями многолетних периодов застоя в наших отношениях с последующим удвоением усилий по их восстановлению.

В третьих, в последнее время контакты между восточноевропейскими странами и Россией значительно осложняются тем геополитическим обстоятельством, что исчезла общая государственная граница. В пространстве между ними появились еще более неустойчивые новые независимые государства Украина и Молдавия, а также все еще не понятая в Европе Белоруссия. В России и в странах Восточной Европы совершенно по-разному оцениваются политические процессы, происходящие в этих странах. Касается ли это выборов, прав национальных меньшинств, языковой политики, отношения к ЕС и НАТО и т. д. Получается, что ныне вместо границы между нами фактически возникло пространство соперничества, а не сотрудничества. Причем соперничество это не отвечает реальным геополитическим интересам стран, непосредственно примыкающих к региону. Это касается и Европейской политики соседства ЕС, трансформирующейся ныне в программу Восточного партнерства.

Наконец, проблема реанимации взаимоотношений в последние пять лет осложнилась еще и тем обстоятельством, *что нашим странам приходится не просто возродить свои отношения, но, восстанавливая, встраивать их в общеевропейскую систему, которая все же отличается своими традициями и правилами игры.* Насколько самим странам Восточной Европы удастся встроиться в эту систему, и насколько России удастся приблизиться к ней — все это будет также влиять на развитие двусторонних отношений.

Тенденция к выделению стран, пополнивших ЕС после 2004 г. в особый регион в рамках Сообщества, становится все более очевидной. Основная масса торгового оборота сегодня реализуется на внутреннем рынке восточноевропейских стран и Балтии, и лишь малая доля пробивается на рынки западных союзников. История экономического развития свидетельствует, что регион этот никогда не мог существовать самостоятельно, то есть в отрыве от евразийских рынков. И наблюдающийся в последние годы многократный рост торгового оборота с Россией, помогающий этим странам поддерживать на плаву свои экономики, тому более чем очевидное доказательство. И было бы лучше, чтобы вслед за экономическим ренессансом следовало и обновление политических основ наших отношений, их оздоровление, обогащение той позитивной тенденции, которая наметилась с начала нового столетия.

Ведь можно с определенной долей уверенности говорить о том, что во взаимоотношениях России и государств Восточной Европы в 2000-е гг. намечился качественный перелом не только по отношению к периоду перестройки, но и ко всему периоду их исторического взаимодействия. Сегодня, на ступени преимущественно «рефлексивного притяжения» он отражается в тенденции к возрастанию объемов и совершенствованию качества двусторонних связей. На самом деле, потенциал взаимопонимания и взаимной зависимости с некоторыми из государств региона, заложенный как в послевоенные годы, так и в более ранние периоды истории, достаточно велик для того, чтобы независимо от развития мировой геополитической ситуации, создавать новые и поддерживать традиционные возможности для сотрудничества.

Определяющей чертой изменившегося подхода к региону со стороны России является и его новое дифференцированное восприятие, и базирующиеся на таком восприятии новые политические характеристики. Хотя и здесь пока рано говорить об устоявшейся тенденции, имеет место скорее понимание того обстоятельства, что страны региона на самом деле имеют различия, требующие адекватной дифференцированной политики.

Главный раздел намечился не только в дотолем существовавшем делении на Восточную Европу и Прибалтику, но еще и Восточной Европы на Вишеградскую (Центрально-Восточную) и Балканскую (Юго-Восточную). На каждый из регионов приходится своя доля «своеобразия отношений».

С регионом *Балтии* наши отношения все еще продолжают двигаться по колее связей, характерных для частей некогда единого государства, со свойственными таким связям вопросами соотечественников, границ, собственности и взаимных исторических претензий. У нас гораздо более тесное переплетение судеб и исторического прошлого, культур и экономики, нежели со странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Поэтому новая формула отношений России с Латвией, Эстонией и Литвой будет складываться иначе, нежели с другими новыми членами Европейского союза и НАТО. Возможно, отношения в перспективе сложатся более тесные, но пройдут они более долгий путь, нежели отношения с двумя другими регионами восточной части ЕС.

Иное явление наблюдается на *Балканском* направлении. Это направление внешней политики России стало реализовываться на практике прежде, чем была предпринята попытка его как-то концептуализировать. В силу этого обстоятельства за основу была принята

панславянская концепция, рождавшаяся в реалиях XIX в., но мало соответствовавшая действительности рубежа XX и XXI вв., с новыми центрами силы и обновленным историческим опытом. Отсюда очевидное невнятное проявление внешнеполитической позиции и разочарование в восточноевропейском направлении в целом.

На сегодняшний день все страны региона в равной степени — и славянские и неславянские — привлекает Евросоюз и НАТО, а не интеграционные процессы, инициируемые Россией. Прагматизм, а не славянская братская сентиментальность руководят действиями балканских народов и это надо трезво понимать, выбирая новую формулу отношений в современных геополитических реальностях на Балканах.

На фоне этих двух направлений, где изначально безусловно преобладающее положение занимала идеология, достаточно стремительно стало развиваться чисто прагматическое сотрудничество России с *Вишеградским* (восточно-центральноевропейским) регионом. Достаточно упомянуть, что в то время, как в России случился политический раскол по поводу официальной политики в прибалтийском и балканском регионах, лишённые идеологических споров отношения с вишеградским регионом как раз и дали наиболее ощутимый в экономическом отношении результат. И этот экономический результат не преминул сказаться на полномасштабном улучшении отношений с Венгрией, Чехией и Словакией и торгово-экономических отношений с Польшей. Достаточно напомнить, что соотношение российского товарооборота со странами Вишеградской группы с начала 2000-х гг. соотносилось с товарооборотом со странами Юго-Восточной Европы как 6:1².

Межгосударственные отношения в их традиционном понимании стали выравниваться и улучшаться с самого конца 1990-х — начала 2000-х гг. Этому способствовало несколько обстоятельств.

К тому времени началось преодоление последствий российского дефолта. В президентство Владимира Путина стабилизировалась политическая ситуация в России и консолидировалась власть. Россия (со знаком «плюс» или «минус» с точки зрения мирового сообщества) стала более предсказуемым и прогнозируемым государством. Страны Центрально-Восточной Европы и Балтии, став членами НАТО и ЕС, успокоились по поводу своей безопасности и даже сумели извлечь урок из участия в балканской кампании на противоположной России стороне. Достигнутое таким образом ощущение защищённости позволило, по крайней мере, некоторым из них активизировать и разнообразить свою российскую политику, особенно на фоне поэтапно погашения российского долга.

В 2005 г. российский МИД наконец смог констатировать реальный прорыв взаимоотношений с этим регионом Европы, а в 2006 г. состоялся знаменательный с этой точки зрения визит президента России Владимира Путина в Венгрию и Чехию. *Сформулированная в начале 2000-х гг. установка российского МИДа не форсировать отношения с государствами Восточной Европы помимо их воли, но конструктивно отвечать на все поступающие из региона предложения, медленно, но верно начала приносить свои плоды.*

Однако было бы ошибочно утверждать, что с данным регионом отношения сегодня развиваются безоблачно. И здесь действует вся отрицательная и положительная сумма предпосылок, указанная нами выше: обусловленность политическими взглядами, интересами монопольных финансово-экономических групп, диктатом союзнических обязательств.

Думается, что Россия взяла здесь правильную ноту, призвав предоставить исторические изыскания историческому сообществу, а дело построения новых отношений — дипломатическому. И многие страны региона уже поняли и приняли этот сигнал.

К таким странам сегодня можно отнести *Венгрию*. Россия и Венгрия смогли найти правильный тон для обсуждения спорных исторических вопросов и соответствующее им место в иерархии политики и общественной жизни обоих государств. Никто не отрицает наличия отягощающих прошлое наших отношений фактов, таких, как, например, события 1956 г., но одновременно стороны, похоже, понимают, что на фундаменте взаимных упреков новых отношений не построишь.

По схожему сценарию развиваются отношения России с *Чехией и Словакией*, где аналогичным образом подходят к проблеме ввода советских войск в тогда еще единое чехословацкое государство в 1968 г. СССР, а затем и Россия принесли официальные извинения. И все же в отношениях с чехами и словаками есть много до сих пор мало используемых резервов как раз из исторического прошлого — совместная борьба с фашизмом, культурно-историческое взаимодействие, связанное с пребыванием в этих странах белой русской эмиграции. *Однако введение исторического фактора в формирование наших новых отношений должно быть чрезвычайно осторожным, взвешенным, чтобы не давать повода втягивать Россию в региональные политические разборки.*

Далее. Как реагировать на то обстоятельство, что вот уже 20 лет в восточноевропейских странах правят то одни партии, то другие? Действительно, восточные европейцы и прибалты не имели таких

серьезных проблем с возобновлением многопартийности, какие имела Россия. Различия в политических системах порой весьма существенны, но это не должно быть препятствием для диалога. Научилась же Россия строить отношения с любыми западными партиями: и с христианскими демократами в Германии, и с социал-демократами, и с американскими либералами и консерваторами... Почему не воспринять ту же реальность, практически сложившуюся в восточноевропейских странах, и не изменить основу политического подхода — научиться взаимодействовать и вести диалог со всеми силами? Сказанное сложнее сделать в Балтии, где есть русская диаспора, и Россия обречена защищать интересы своих соотечественников, но в других странах этот фактор гораздо менее значим, либо вовсе отсутствует. Иначе Россия периодически будет втягиваться во внутривнутриполитические распри в этих странах, где будут искать «бывших» (агентов Кремля, спецслужб и т. п.), деньги компартий и тени прошлого. Действительно, «российский фактор» в этих странах используется в качестве средства политической борьбы гораздо чаще, чем, скажем, американский или любой иной. Интересно, что в ходе последней кампании по выборам в парламент Венгрии именно положительный опыт взаимоотношений с современной Россией (и это уже само по себе интересно, что, например не с Америкой или с Германией) стал чуть ли ни ключевым моментом избирательной кампании победившей в итоге партии социалистов.

С одной стороны понятно, что успешные связи во многом обязаны и личным усилиям новой, но все же вышедшей из бывшей партийно-комсомольской среды, управленческой, элиты России, долгие годы продолжавшей ориентироваться на т. н. «социалистический» спектр³. С другой стороны, изначально заявившая о себе как об антисоветской силе, оппозиция в восточноевропейских странах и странах Балтии, похоже, несколько передержала паузу в отношениях, не сумела вовремя оценить реальные изменения в России (и в отношении к России в собственной стране) и выигрышно вписаться в формирующуюся новую формулу отношений. Но, как бы ни оценивать это обстоятельство с точки зрения зрелости взаимоотношений между Россией и Восточной Европой, следует признать, что даже усиленный диалог с одним элементом политического спектра позволил значительно интенсифицировать связи между нашими странами. Хочется надеяться, что расширение участников этого диалога за счет других политических сил позволит перевести эти отношения на более стабильный и высокий уровень.

Если говорить о подходах к международным проблемам, таким, как например, отношениям с соседними государствами, в том числе

с Украиной, или по вопросу о положении в ней наших соотечественников, то взаимопонимание в этой области, пожалуй, еще отстает от общего уровня взаимопонимания, достигнутого в других областях. Как очевидна и разница в подходах по отношению к соседям не только от страны к стране. Со времен балканской войны ни в одной из совместных восточноевропейских политических кампаний антироссийской направленности мы не заметим Венгрию, Чехию, Словакию, Сербию. Но везде постоянно присутствуют Польша, Эстония, Латвия и Литва. Начиная от политической кампании ЕС во время выборов на Украине. Тогда в созданное 3 декабря 2004 г. в Киеве антироссийское Сообщество демократического выбора вступили Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Польша, Румыния, Словения, Украина и Эстония. В 2008 г. выразить поддержку президенту Грузии Саакашвили в Тбилиси во время грузинско-югоосетинского конфликта летали президенты Польши, Украины, Латвии, Литвы и Эстонии.

Или возьмем появившееся в 2009 г., после визита американского президента в Москву, письмо Бараку Обаме. Успокаивает, что среди подписантов преобладают все же представители первой «революционной антироссийской волны», бывшие главы государств и политики. Однако удручает, что в то время, как Россия и США стремятся покончить с холодной войной, в Восточной Европе и странах Балтии до сих пор расходуются огромные усилия на поддержание духа глобальной конфронтации силами, которые просто не мыслят свое существование в мирной обстановке.

Пятилетнее членство в ЕС стало достаточным для осознания того обстоятельства, что без экономических отношений с Россией восточноевропейская самостоятельность совершенно невозможна. Инвентаризация собственного экономического потенциала и изучение западного рынка не могут и далее не подталкивать правительства стран Восточной Европы и Балтии к поиску адекватных решений, одно из которых находится на востоке. Собственно, это, скорее всего, понимали и те политики, которые в конце 1980-х гг. ратовали за дистанцирование от Москвы. Однако они стремились трансформировать это понимание в иные формы, часто также не лишённые идеологических начал.

Суммируя пройденный за двадцать лет путь, можно выделить по меньшей мере *три варианта в поисках восточноевропейскими политиками новой идеологической формулы отношений с Россией.*

Все начиналось с «этнизации связей». Эту формулу на первом этапе возобновления отношений пытались активно использовать венгерские и эстонские политики, развивавшие связи исключительно

с российскими финно-угорскими регионами. Балканские страны — в зависимости от взглядов находящегося у власти руководства — пытались использовать панславянскую идею, побуждая Россию к славянофильским проявлениям.

Постепенно стратегия этнизации была пополнена *стратегией регионализации*. Восточноевропейские страны искали партнеров в регионах, в глубинке, минуя Москву. Такое сотрудничество можно и сегодня признать наиболее адекватным и плодотворным, поскольку сотрудничество с региональными властями позволяет отвлечься от таких, долгие годы отягощавших сознание восточноевропейцев понятий, как неравноправие сотрудничества с Советским Союзом, многократно превосходящем их по территории, людскому и экономическому потенциалу.

Ну а дальше уже пошли нюансы от страны к стране. Социал-либералы Венгрии, например, внесли в двусторонние отношения такое понятие как «стратегическая терпимость» («strategiai türelem»)¹. Безусловно, словооборот не самый приятный для русского восприятия, но по-крайней мере честный: никаких сантиментов и моральных принципов, а исключительно экономическая выгода. Как бы двусмысленно ни характеризовала подобная постановка вопроса сотрудничающие стороны, тем не менее она дала определенные результаты, отразившиеся в цифрах роста.

Больше прагматизма появилось и в польской политике, где с приходом кабинета Д. Туска возобладало мнение, что все же лучше иметь отношения с такой Россией, какова она есть, нежели не иметь никаких отношений вовсе. Иными, словами эта идея была изложена министром иностранных дел Р. Сикорским: «В отношениях с Россией... Польша должна демонстрировать многогранный подход, в зависимости от наших интересов»⁵.

Возможно, этот подход позволяет именно Польше и Венгрии стабильно удерживать первые места в торговом обороте с Россией среди восточноевропейских стран и Балтии.

Одним из главных вопросов политики России в регионе Восточной Европы в последнее время становится вопрос о том, *следует ли рассматривать отношения со странами ЦВЕ исключительно сквозь призму отношений с ЕС, либо искать особые, не зависящие от этого обстоятельства подходы*. Последняя тенденция в отношениях России со странами региона на сегодняшний день кажется преобладающей.

Активизация отношений между ЕС и Россией в начале 2000-х гг., безусловно, поспособствовала улучшению климата отношений с восточноевропейскими странами. Другим фактором стало то, что разоб-

щение России и ее «бывших союзников по соцсистеме» неизбежно достигло некоего «пика невозвращения» к прежнему характеру отношений и момент их интенсификации наступил сам по себе. Теперь важно не упустить этот момент, а наполнить его новым содержанием, способным поддерживать баланс, благоприятный для обеих сторон. Происходящее в настоящий момент движение требует подкрепления некими концептуальными основами, способными позволить сторонам отвлечься от тупиковых направлений межрегионального сотрудничества типа «этнизации» связей, внесения «репарационного», «обвинительного» или «менторского» и «диктаторского» духа. Особенно важна в этой связи ответственность наиболее крупных государств за климат отношений в регионе Восточной Европы в целом и в российско-восточноевропейских отношениях в частности.

Вряд ли в дальнейшем Россия будет терпимо относиться к «репарационному» духу взаимоотношений, бесцеремонно практикующемуся сегодня рядом бывших республик и восточноевропейских государств. Одновременно восточноевропейские государства не позволят России больше обращаться с ними с позиций диктата, навязывания правил и поведения. Безусловно, разница в параметрах и возможностях еще долго, если не всегда, будет служить настораживающим фактором для несопоставимых по масштабам партнеров России в Восточно-Центральной Европе. Однако история знает немало примеров благоприятно развивающегося взаимодействия именно между такими государствами. (Тем более что масштабы отнюдь не пугают страны региона в их стремлении к более близким отношениям, например, с Соединенными Штатами Америки или Китаем.) Вероятно, достижение некоего единомыслия, единства в подходах к России в Восточно-Центральной Европе — дело очень далекого будущего, если вообще возможное в принципе. Однако стабилизация ситуации в России будет давать все меньше и меньше поводов для сплочения «против». Восстановление оптимальных отношений между Россией и государствами Центрально-Восточной Европы объективно неизбежно. Пройдя этап разобщения и войдя в этап стабилизации, оно найдет оптимальный уровень, устраивающий участников партнерства с Россией.

Можно сказать, что взаимоотношения между странами ЦВЕ и России вступили в период, требующий значительно большего приложения интеллектуальных усилий с обеих сторон, нежели наблюдалось до сих пор. Остается задуматься о новых организационных формах такого приложения усилий. Вы спросите: зачем это надо? Действительно, отношения России с восточноевропейским регио-

ном не являются на сегодняшний день определяющими для мировой геополитики, как это было практически всю вторую половину XX в. Однако, как и большинство других, поступательно развивающихся отношений, они являются важным стабилизирующим фактором в европейской и мировой политике в целом.

Примечания

¹ В концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом Б. Ельциным 23 апреля 1993 г., отношения России со странами Восточной Европы по приоритетности достигли лишь пятого места, а во внешнеполитической концепции утвержденной президентом В. Путиным 28 июня 2000 г., этим отношениям уделено всего 4,5 строки, в то время как странам Африки 5,5 строк...

² Дрыночкин А. В. Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков. М., 2004. С. 186.

³ Очевидно, усматривая в этой прослойке хотя бы единство по происхождению — из второго эшелона бывших компартий и комсомола.

⁴ Zoltán Sz. B. Kell-e nekünk Oroszország? Népszabadság, 2005. Február 12.

⁵ www.rosbalt.ru 2008.08.12.

ФЕНОМЕН НОСТАЛЬГИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Н. Я. Лактионова
(Россия)

О расширении Европейского Союза (ЕС) и о проблемах, из этого расширения вытекающих, немало говорилось на различных уровнях. Однако тон высказываний и прогнозов сегодня куда более сдержан в сравнении с эйфорией, охватившей европейские страны в начале 90-х гг. прошлого века. «Европейский пряник» — Евросоюз, которым многие годы манили «новых европейцев», на поверку вышел не слишком сладким.

Характерно, что расширение Евросоюза происходило за счет присоединения стран, полвека стоявших в стороне от западноевропейской модели рыночной экономики. Граждане этих государств вовсе не являлись теми классическими европейцами, которые породили либеральную идею и западноевропейские ценности. К этому можно добавить, что сама Европа отнюдь не едина. Государства, составившие Евросоюз, имели длительную самостоятельную историю, пережили множество религиозных, территориальных и династических войн. Они разделены в пространстве на атлантические и континентальные и т. п. К тому же Евросоюз можно назвать «европейским домом» лишь весьма условно: стоит вопрос о вступлении в ЕС такой «европейской» страны как исламская Турция и даже дискутируется принятие в него Израиля.

ЕС сегодня состоит из проблем и противоречий. Незавидная участь европейской конституции — одно из многих тому подтверждений. На последних выборах в Европарламент в июне 2009 г. была зафиксирована рекордно низкая явка за все время прямых выборов в ЕС. На участки пришло всего 43 % избирателей.

Такая повсеместно декларируемая ценность Запада как «демократия» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы обрела преимущественно «фасадный, формально-институционный характер»¹. Передавая Евросоюзу значительную часть своих полномочий, новые

европейские государства перестают быть действительно суверенными. В связи с этим быстрее разрушаются связи по линии «национальная власть — гражданин», а гражданские права все в большей степени превращаются в фикцию. На фоне резкого социального и материального расслоения идет процесс коммерциализации власти и отчуждения ее от общества. Растет недоверие населения к политическим элитам своих стран. По данным исследовательской организации «Gallup.com», специализирующейся на международных социологических опросах, почти девять из десяти жителей Румынии (86 %) и Литвы (85 %) считают, что коррупция получила сильное распространение в институтах власти. Примерно на том же уровне недоверие к властям в Словакии (83 %), Болгарии (81 %) и Чехии (79 %). Немногом менее — в Венгрии (75 %), Польше (76 %) и Латвии (72 %)².

Напомним также, что ЕС — это не романтика общеевропейского дома. Обратная сторона Евросоюза для младоевропейцев — членство в НАТО. Вопреки ожиданиям в этот военный блок страны ожидают участие статистов в рискованной игре их безальтернативного лидера — США. Современными реалиями, а также перспективой для новых членов альянса может стать война за американские интересы в какой-нибудь стране, отвергающей «демократию» по-американски. Присутствие НАТО, естественно, неоднозначно воспринимается населением. Симптоматично, например, что Литва, только вступившая в Северо-Атлантический альянс³, уже имела прецеденты, характеризующие негативное отношение местного населения к этой организации. Здесь фиксировались повторявшиеся случаи избиения натовских военнослужащих, вплоть до отправки пострадавших домой. В ответ на это командование НАТО вынуждено было издать распоряжение своим военнослужащим — поодиночке по литовским улицам не ходить⁴.

Молодежь постсоциалистической Европы оказалась в плену больших иллюзий по поводу возможностей приобщиться к благам западного мира, в то время как юное поколение старой Европы было вполне удовлетворено своей национальной принадлежностью, не изъявляя желания раствориться в общеевропейской «однородности»⁵. На начальном этапе «трансформации» под давлением мировой конъюнктуры и жесткой информационной пропаганды идеи либерального общества с рыночной экономикой разделяла значительная часть населения Центральной и Юго-Восточной Европы, что подтвердили выборы начала 1990-х гг., знаменовавшие несомненную победу правых партий⁶. Следующие парламентские выборы, по известным причинам, отразили резкий рост представительства левых в парламентах государств этого региона. В Чехии, например, доля левых партий

выросла с 25 % до 42 %, в Венгрии — с 9 % до 54 % (!), в Польше — с 25 % до 74 %⁷. Так называемый «левый поворот» в бывших социалистических странах означал существенный сдвиг ценностных ориентиров общества влево. Несмотря на сложные процессы трансформации левых партий и то обстоятельство, что их положение в условиях «строительства капитализма» остается весьма двусмысленным, в общественном сознании «левый поворот» тем не менее состоялся и был со всей определенностью зафиксирован системой статистических и иных показателей экономического и социокультурного развития.

* * *

Идентичность — это едва ли не самая главная категория в судьбе того или иного народа. Наличие *славянской идентичности* всегда было связано с присутствием сильной России в мире. Надежды на русских отразились во многих национальных поговорках: «На небе Иисус Христос, на земле — Россия». Это сербская поговорка. Болгары считали, что из любой беды: «Дед Иван нас вызволит». А чехи за рождественским столом одного гуся готовили для русского: «Еднава гуся — для руса»⁸.

И еще: «Культурный капитал на протяжении двух столетий оставался практически единственным ресурсом, передававшимся из поколения в поколение в семьях польской или венгерской интеллигенции. Аристократический дух, антиматериализм, идея гражданского служения, особая незаменимая роль, даже миссия литераторов и историков, идеалы равенства (особенно для чехов) пронизывали социокультурную ткань другой Европы, неразрывно соединяя эти страны с Россией — независимо от смены систем и эпох»⁹.

По данным Евробарометра¹⁰, 44 % европейцев считают, что общеевропейских ценностей нет, а есть только глобальные западные ценности. Известные либеральные постулаты, смонтированные из таких категорий как прибыль, права человека, разного рода свободы (в том числе упраздняющие понятие греха), бесконечно далеки от мира Традиции. К тому же все они давно превратились из собственно ценностей в инструмент для унификации глобализируемого мира.

Вступление государств Центральной и Юго-Восточной Европы в Евросоюз предполагает значительную степень унификации и отказ от традиционной самобытности этих стран, реальной перспективой которых становится потеря национального лица. Безликость мировой многоцветности — далеко не завидная перспектива. Народы постсоциалистических стран, на деле испытав на себе западную «демократию», научились смотреть на вещи более трезво. Западно-

европейский либерализм и его масс-культура проигрывают сегодня сравнению с традиционными ценностями, которые вновь становятся востребованными для населения этого своеобразного региона. Идею социальной справедливости оказалось не так просто вытравить из сознания населения этих стран, где явно присутствует «ностальгия» по прошлому.

Сегодня термин «ностальгия» применительно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы уже вошел в обиход западных СМИ. Газета «New-York Times»¹¹ вынуждена была констатировать феномен «остальгии». Этот неологизм дословно обозначает тоску по «осту», по Востоку, по разрушенному прошлому. Сегодня он стал неотъемлемым фактором, характеризующим социальные процессы в названных государствах.

Наиболее выраженной предстала остальгия¹² в постсоциалистической Германии, общество которой выработало свою шкалу ценностей и не собирается ее изменять во имя объединенной Германии¹³. Вызывает естественное уважение, что граждане бывшей ГДР выступили против деморализации прошлого, не позволив чернить его. Вот мнение Барбары Гольхайм. Оно во многом типично для восточных немцев: «Я и дальше предпочла бы существование двух немецких государств, тесно общающихся друг с другом. Мы в ГДР хотели улучшить нашу систему, а не стать западными немцами. То, что произошло на самом деле, больше напоминает оккупацию. И так думают очень многие в этой стране¹⁴ <...> у нас своя шкала ценностей. И мы хотим оставаться с нашим прошлым так, чтобы нам не предписывали, что в этом прошлом было хорошего, что плохого»¹⁵.

В мире с большой помпой праздновали 20-летие падения Берлинской стены, но стена гораздо более прочная осталась в умах и сознании населения двух Германий. И главное, что эта стена воспроизводится последующими поколениями, несмотря на оптимистичные прогнозы и надежды на «перевоспитание» восточных немцев. Показательно, что в защиту ГДР, против того, чтобы считать ее историю «тоталитарной» и «аморальной», сегодня активно выступает не поддавшаяся влиянию манипулятивных технологий восточногерманская интеллигенция и такие видные публицисты как известная немецкая писательница, лауреат множества международных премий Криста Вольф. Пытаясь осмыслить ситуацию несовместимости «осси» и «весси», она видит главное различие между ними в отношении к собственности — в ГДР всегда существовало другое, менее фундаментальное отношение к последней. Общество Восточной Германии так и не научилось считать богоугодным делом, когда социальная действитель-

ность на одном своем полюсе порождает сверхбогатых, а на другом увеличивает число бедных¹⁶. В целом поведение современных восточных немцев наглядно опровергает далекий от научного идеологический подход к послевоенной истории, когда нормальным явлением считалась ФРГ, а ГДР рассматривалась лишь как некое недоразумение. В Западной Германии в идеалы демократии как лучшей формы государственного устройства верит более 70 % населения, тогда как в ГДР — лишь 30 %. В Восточной Германии 72 % респондентов поддерживают лозунг «больше равенства, меньше социальных различий»¹⁷. Несмотря на колоссальные финансовые затраты по преодолению разделительных преград, обе части Германии продолжают испытывать социально-психологическую несовместимость. Показательно, что на вопрос об объединении уже к концу 1990-х гг. только 7 % граждан Восточной Германии вспоминали прекрасное ощущение свободы. Вместе с тем в три раза больше людей помнили свои опасения, связанные с социальной и профессиональной деградацией, ухудшением уровня жизни и неуверенностью в будущем¹⁸.

Население Западной Германии столкнулось с неожиданным для них явлением: их нормы жизни и поведения вдруг могут оказаться для кого-то неприемлемыми. На Востоке оформляется целая философия защиты восточными немцами своего прошлого, в том числе и силой искусства. Большую известность получил фильм «Прощай, Ленин!» (Good bye, Lenin!) режиссера Вольфганга Беккера, завоевавший, помимо Берлинского фестиваля, множество серьезных наград. Характерен в этом отношении также фильм Кристиана Швохова (Christian Schwochow) «Дитя ноября». Он поступил в прокат в 2008 г. и стал ответом восточногерманской молодежи на современные штампы, не имеющие ничего общего с действительностью. По мнению режиссера, вся история ГДР предстает сегодня в СМИ, в книгах и на экранах полным абсурдом. Это либо разухабистые телешоу с анекдотами о курьезных сторонах действительности ГДР, либо мрачные полотна, где свирепствует «штази», никто не решается задавать вопросов в своей беспросветной жизни. В своем фильме молодой режиссер (1978 г. рожд.) пытается, не сгущая красок, рассказать о жизни в ГДР, какой он видел ее сам, уверяя при этом, что у него было абсолютно счастливое детство, и что родители ничего в жизни не потеряли из-за того, что выросли и жили в ГДР¹⁹. Восточногерманская молодежь берет под защиту прошлое и своих родителей, совершенно правомерно полагая, что безудержная критика ГДР порочит их жизнь и биографию.

Если доверять парадоксальным результатам опроса Института исследования общественного мнения Emnid, данные о которых по-

местила известная немецкая газета «Bild» в марте 2010 г.²⁰, то следует признать существенные изменения жизненных ориентиров, особенно у западной части немецкого общества в условиях мирового системного кризиса. По результатам опроса, 80 % жителей на Востоке и 72 % в западной части Германии заявили о том, что вполне могли бы жить в социалистическом государстве типа ГДР, если им будет гарантирована работа, безопасность и социальная защищенность. Таким образом, кризис стимулировал еще совсем недавно немыслимые ответы респондентов. Несмотря на общую лояльность, проявленную в данном случае к социализму, почти каждый четвертый опрошенный в Восточной и Западной Германии признался, что «порой было бы желательным», чтобы Стена, разделявшая ФРГ и ГДР, стояла на прежнем месте. Если принять результаты этого исследования как правомерные, то напрашивается вывод, что при всех различиях в культурных стереотипах, есть динамика — в сторону ГДР. При всех оговорках не восточные немцы растворяются в западных ценностях, а скорее Запад ориентируется на Восток. Осознанная позиция восточных немцев и коррективы, которые наглядно демонстрирует жизнь, ведут к сближению позиций на традиционалистской платформе «осси».

Симптоматично, что в условиях кризиса в бывшей ФРГ лишь 42 % опрошенных указали, что свобода для них является одной из главных целей. Таким образом, менее половины респондентов заявили о своей верности главной концептуальной ценности западной демократии — «свободе», под лозунгом которой разрушался традиционалистский мир социализма. В Восточной Германии приверженцев «свободы», естественно, еще меньше. Только 28 % восточных немцев считают свободу главной политической ценностью²¹.

Новые ценности («частная собственность», «свобода», «демократия», «рынок» и т. п.) как в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, так и на постсоветском пространстве, остаются неукорененными. Более того, для огромного числа граждан этих регионов они имеют отрицательный смысл. Для них рынок — это обнищание, свобода — разнузданность, а демократия — фикция. Все эти «либеральные ценности» за прошедший 20-летний постреволюционный период не успели наполниться позитивным содержанием, не успели закрепиться в сознании населения этих стран в качестве безусловных, не стали теми ценностями, на которых социализируются и воспроизводятся новые поколения, как оказались опороченными. Их уже «отзывают», от них отказываются.

Западноевропейский либерализм и его масс-культура проигрывают сравнение с традиционными ценностями, которые вновь

становятся востребованными для значительной части населения Центральной и Юго-Восточной Европы. «Новые европейцы» не только отторгают привнесенные ценности, но закономерным следствием этого отторжения становится их отказ от демонизации своей недавней истории. Например, бурный позитивный пересмотр ушедшей социалистической эпохи с ее традиционными ценностями пережила Венгрия, охваченная «ностальгией по Яношу Кадару». Последний был чрезвычайно популярен в народе. И несмотря на колоссальное идеологическое давление, опросы общественного мнения до сих пор свидетельствуют, что Кадар стабильно входит в тройку самых почитаемых деятелей Венгрии²².

Величайший парадокс чешской трансформации, по оценке ведущих обществоведов Чехии, заключается в существующем в этой стране «выраженном отвращении к западноевропейской модели капитализма». Даже на пике реформаторских устремлений в июле 1968 г., согласно опросным данным, только 5 % чехов отвечало положительно на вопрос: «Хотели бы Вы возвращения к капитализму?» Еще более любопытно, что, когда в следующий раз решалась судьба страны в ноябре 1989 г., было продемонстрировано завидное постоянство взглядов чешского человека. Те же 5 % хотели установления капиталистического порядка, а 90 % оставались сторонниками «социализма с человеческим лицом» или «экономики смешанного типа»²³.

В Словакии результаты социологических исследований на протяжении целого ряда лет свидетельствовали о том, что примерно половина опрошиваемых считает прежние времена лучше настоящих²⁴. Словацкие публицисты отмечают при этом, что общество, долгое время ограниченное «запретом вспоминать социализм», постоянно находится под влиянием «непризнанной ностальгии»²⁵. В июне 2006 г. победу на выборах в Словакии одержала левая оппозиция — партия «Направление» (Směr)*. Ее лидер Роберт Фицо, выступавший за государственное регулирование экономики, социальную защиту населения и установление дружеских связей с Россией и Китаем, возглавил словацкое правительство.

Обращение к традициям и местному патриотизму характерно и для современной Польши. Здесь предприниматели с успехом возрождают старые, привычные населению марки. И если в 1990-е гг. под воздействием политической конъюнктуры взаимный интерес к культуре двух стран — России и Польши резко сократился, а русская литература по тиражам и числу переводов переместилась в Польшу

* В настоящее время — Направление — Социал-демократия.

с первого места на двенадцатое²⁶, то за последние годы здесь произошли существенные изменения в сторону возрастающего интереса к русской культуре и русскому языку. В современной Польше русский язык занимает по востребованности второе место. Растет количество частных курсов изучения русского языка. И это при том, что официальная политика длительное время работала на искоренение влияния России. Эти тенденции, видимо, нельзя объяснить прагматизмом поляков. Речь идет скорее о ностальгии по общему культурному пространству. В Польше востребованы спектакли по произведениям русских классиков, постановки Большого театра. Неизменны аншлаги на гастрольных выступлениях Краснознаменного ансамбля песни и пляски им. А. Александрова²⁷. Резко возрос интерес к культурным акциям, проводимым представительством «Росзарубежцентра» при российском МИДе, функции которого были переданы в 2008 г. Федеральному агентству РФ «Россотрудничество»²⁸. Заметим, при этом, что представители российской диаспоры отношение к русским как к национальному меньшинству со стороны местной официальной власти оценивали как нормальное и не фиксировали каких-то серьезных проявлений бытового национализма²⁹. России, в свою очередь, не мешало бы отказаться от широко распространенного мнения, что в Польше проживают преимущественно русофобы.

Современная Российская Федерация, возникшая на обломках могучего государства, пытается опорочить историю своего предшественника — Советского Союза, видимо, для того, чтобы таким сомнительным образом, подтвердить собственную легитимность. И если бы официальные лица новой России (начиная с М. Горбачева, первого и последнего президента СССР) не делали непродуманных заявлений по поводу событий, которые имеют далеко не однозначную трактовку, и в которых следует разбираться объективным историкам, а не заказным публицистам, то это стерло бы с прошлого России много темных пятен и только улучшило отношение к русским как к нации.

В ответ на явление «ностальгии» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), необходимо было перевести стрелки «на проклятое наследие коммунистического прошлого»³⁰. ПАСЕ была принята резолюция о «массовом нарушении прав человека тоталитарными коммунистическими режимами». В числе причин необходимости принять эту резолюцию докладчик по данной проблеме швед Й. Линдبلاد прямо сослался на то, что в ряде стран Восточной Европы все еще «сильна ностальгия по коммунистическим временам»³¹. При этом госпо-

дин европарламентарий явно не заметил очевидного противоречия с перечисленными им же обвинениями, так как совершенно ясно, что миллионы людей не могут ностальгировать по временам правления преступных режимов.

Российская делегация, выступившая на этот раз солидарно³², сочла подобную резолюцию оскорблением для России и СССР. Глава этой делегации, председатель Комитета Госдумы по международным делам К. Косачев отметил, что нельзя ставить на одну доску коммунизм и фашизм. «На наших глазах, — подчеркнул он, — предпринимается попытка сыграть в многоходовую игру. Сначала осудить на международном уровне преступления коммунистических режимов, затем признать преступными эти коммунистические режимы по определению, ну а затем выходить на тему компенсации и так далее»³³.

Очередная провокация на ту же тему состоялась в рамках Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), проходившей в Вильнюсе 3 июля 2009 г. Современному миру активно навязывают мнение, что во Второй мировой войне не справедливость победила зло, а всего лишь одно зло победило другое, а вот 20 лет назад удалось ликвидировать последствия несправедливой победы, началось торжество добра и демократии. Освобожденные от тоталитарного прошлого страны получили вождленную свободу. В отличие от идеологических клише реалии демонстрируют иное.

Объединенная Европа — это не только субъект, но и жертва глобального мира, теряющая свою идентичность. И до тех пор пока население вошедших в Евросоюз постсоциалистических стран эмоционально и психологически не осознают себя европейцами (а это довольно проблематично и далеко не столь однозначно, как принято считать), вся сложная конструкция Евросоюза обречена балансировать на очень хрупком фундаменте.

Некоторые российские публицисты, анализируя явление «ностальгии», в постсоциалистических странах, стремятся либо табуировать, либо отнести ее к разряду некоего чудачества или «тоски по молодости». В последнем случае, правда, некуда пристроить представителей молодых поколений, испытывающих ностальгию по прошлому, которое даже не было их прошлым. Вовлеченность в это явление новых поколений, нацеленность прошлого в будущее, которое неизменно должно вносить свои коррективы в существующую реальность, делает явление «ностальгии», безусловно, достойным серьезного изучения.

Примечания

¹ См.: Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. М., 2005. С. 17.

² Литовский курьер. 2008. 20 февраля // <http://www.kurier.lt/?r=100000&p=385>.

³ Литва является членом блока НАТО с 29 марта 2004 г.

⁴ См.: Тетекин В. Светлый путь в никуда // Советская Россия. 2004. 13 мая.

⁵ Евробарометр. 1990. № 3

⁶ Исключением стала Румыния, где у власти в это время фактически оставались коммунисты, создавшие Фронт национального спасения.

⁷ См.: Кузнецова З. Тенденции «полевления» в формировании политического спектра в Чешской республике // Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы, М., 1998. С. 131.

⁸ Поговорки цит. по книге: Беликов Н. Д., Бойчевская О. С., Гриценко Н. Д., Куражковский Ю. Н., Обозов А. Н. Россия, природа и судьба человечества / Под ред. Ю. Н. Куражковского. Ростов-на-Дону, 1997. С. 13.

⁹ Коровицына Н. В. Уроки вестернизации Восточной Европы. «Пост–1989». Социогуманитарная критика // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 32. Автор отдает должное ученым постсоциалистических стран данного региона «прежде всего центральноевропейским, которые последовательно осуществляют социогуманитарную критику либеральной трансформации» (Там же. С. 34).

¹⁰ Евробарометр 69. 2008. Июнь.

¹¹ New York Times. 2004. 13.I.

¹² См., например: Broder H. M. Ostalgie. Die DDR ist wieder da! 1995; см. также: Zelle C. Ostalgie? National and regional identifications in Germany after unification. Birmingham, 1997.

¹³ <http://glebland.narod.ru/German.htm>

¹⁴ Характерна оговорка: « в этой стране», то есть Восточной Германия воспринимается как отдельная страна. И это спустя 10 лет после объединения.

¹⁵ Калашников В. «Чего не хватает немцам?» // Независимая газета. 2000. 20 ноября.

¹⁶ См.: Вольф К. Прямая походка и в условиях демократии не дается даром // Новое время. 1994. № 43. С. 43–45.

¹⁷ См.: Хальтер Г. Вкус свободы // Искусство кино. 1998. № 9. С. 58–85.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Михаэль М. ГДР — это не страна, а исторический период. Германия (2009.03.11// <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4850614,00.html>).

²⁰ Три четверти немцев готовы жить при социализме// <http://www.germanyru.com/frontpage/art/show/1197.html>

²¹ Там же.

²² Мусатов В. Л. Памяти Яноша Кадара // <http://www.kurier.hu/node/437/rdf>.

²³ Коровицына Н. В. Чешская социология о реальном состоянии общества и вновь о его «человеческом лице» // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 22.

²⁴ См.: Центрально-европейский ежегодник. 2003. М., 2003. С. 38.

²⁵ Шимечка М. Урок реального социализма // Центрально-европейский ежегодник 2003. С. 34–35. Вот свидетельство автора, которого нельзя назвать пристрастным, напротив, он скорее принадлежит к числу диссидентствующих в рамках прошлого режима. «У непризнанной ностальгии много видов... Однако самая зримая черта этой непризнанной ностальгии – тот факт, что почти никому не хочется праздновать 17 ноября (годовщина «бархатной» революции в Чехословакии – НЛ). Этот день вообще не принадлежит к официальным праздникам, политики высказываются об этой дате скорее по долгу службы...» (Шимечка М. Указ. соч. С. 42).

²⁶ Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX – начале XXI в. Т. 2. Взаимоотношения. М., 2005. С. 248.

²⁷ 12 марта 2006 г. на концерте в Зале конгрессов в Варшаве присутствовали правительственные чиновники - министр обороны и глава МИД. (См.: www.gian.ru). Как передает корреспондент РИА Новости, концерт Краснознаменного ансамбля песни и пляски им. А. Александрова в Зале конгрессов в Варшаве прошел при полном аншлаге. «...Зал заполнен до предела, люди стоят даже в проходах. И потом, я не припомню случая, чтобы на таких концертах присутствовали представители правительства Польши», – отметил в беседе с корреспондентом РИА Новости Временный поверенный в делах РФ в Польше В. Седых. По мнению российского дипломата, «это определенный позитивный знак».

²⁸ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству.

²⁹ См.: Интервью начальника управления по работе с соотечественниками, со странами СНГ и Балтии «Росзарубежцентра» при МИД России Т. Полосковой 26 октября 2005 г. См.: Кремль.org.

³⁰ Желенин А. Охотники на призраков. // Русский курьер. № 537 (<http://www.ruscourier.ru/archive/948>).

³¹ Кузнецов А. Экзорцизм по-европейски // <http://www.lenta.ru/articles/2006/01/26/>.

³² Исключение составил В. Жириновский.

³³ См.: www.inforos.ru.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СМЕНА ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ВЕНГРИИ

М. Барат
(Венгрия)

Один из венгерских историков советско-венгерские отношения в период с 1988 по 1991 г. характеризовал, — ссылаясь на популярную шутку 1950-х гг. — следующим образом: от большого слона до бумажного тигра. В сущности, эта метафора точно отражает изменения, происходившие в двусторонних отношениях, хотя в то время ни советское, ни венгерское руководство не отдавало себе в этом ясного отчета. Венгерские партийные лидеры по-прежнему согласовали с советскими товарищами все свои важнейшие внешнеполитические инициативы и не решались делать самостоятельные шаги даже в деле установления дипломатических отношений с Южной Кореей. С другой стороны, в Международном отделе ЦК КПСС еще в январе 1991 г. — после смены общественного строя в Венгрии — считали, что Советский Союз играет в этом регионе решающую роль.

Советское руководство с лета 1988 г. начало серьезно ощущать, что большинство стран социалистического лагеря находятся в предкризисном состоянии, а некоторые из них — уже в состоянии кризиса. Главный советник Горбачева по делам Центральной и Восточной Европы Георгий Шахназаров в начале октября 1988 г. подготовил записку, в которой предложил поручить реорганизованному Международному отделу ЦК КПСС подготовить аналитические материалы по данному вопросу. К февралю 1989 г. такие материалы были представлены институтом О. Богомолова*, отделом ЦК, Министерством иностранных дел и КГБ.

Различные аналитические записки, подготовленные в начале 1989 г., давали неожиданные оценки положения, сложившегося в Восточной Европе. Хотя до предложения конкретных действий дело

* Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, сейчас — Институт экономических стратегий РАН (*прим. ред.*).

в них так и не дошло, были определены стратегические цели. Документы гласили, что в новых обстоятельствах влияние может осуществляться исключительно в сфере политических и экономических связей, одновременно определялось то, что приемлемо и что неприемлемо в двусторонних отношениях. Советское руководство трезво относилось к тому, что для восточноевропейских стран экономический фактор, приобщение к мировой экономике является приоритетом. В Кремле также понимали, что из-за невозможности обеспечить страны СЭВ необходимым количеством энергетических ресурсов и современными технологиями, а также с учетом своих собственных долгосрочных экономических интересов СССР не может препятствовать прозападной ориентации этих стран. Главные стратегические установки Советского Союза — обеспечение обратимости платежных средств внутри СЭВ, перестройка военной промышленности, выработка общей концепции решения проблем задолженностей, сокращение советского военного присутствия — совпадали с венгерскими интересами и планами.

В вопросе о реформах, как ни в каком другом, советско-венгерские отношения характеризовались известной двойственностью. Венгрия одновременно была лучшим учеником и учителем. Именно здесь получила наиболее громкий отклик политика Горбачева, которую воспринимали как оправдание «постфактум» ранее осуществленных венгерских реформ. Одновременно Советский Союз признал, что при проведении ряда перемен был учтен венгерский опыт: реорганизация сельского хозяйства, принятие ограниченной роли рынка, система выдвижения нескольких кандидатов на выборах.

Исходным пунктом для изучения советско-венгерских отношений нами выбрана дата всевенгерской конференции Венгерской Социалистической Рабочей Партии в мае 1988 г., когда на политической арене страны появились новые фигуры.

Первая после конференции встреча Михаила Горбачева и Кароя Гроса, сменившего Яноша Кадара на посту генерального секретаря ВРСР, состоялась в Москве 5 июля 1988 г. К тому времени Грос уже был известен в Москве. Годом ранее, сразу же после его назначения на пост премьер-министра и по личной просьбе Кадара, он был принят Горбачевым, который продемонстрировал венгерскому лидеру свою политическую поддержку. Экономическая программа Кароя Гроса, направленная на стабилизацию венгерского народного хозяйства, была воспринята в Москве с одобрением. Советское руководство хотело бы видеть во главе партии, на месте Яноша Кадара, более энергичного человека. Член Политбюро ЦК КПСС Вадим Медведев

в докладной записке Горбачеву в мае 1988 г. предложил «в приемлемой и тактичной форме» и, «соблюдая принятые нормы» двусторонних отношений, довести до венгерского руководства мысль о серьезности политического положения и одновременно оказать политическую поддержку Гросу в противовес Яношу Кадару. Избрание Гроса генеральным секретарем партии имело решающее значение для дальнейшего развития событий. Советское руководство проголосовало за доверие новому руководителю и увидело в нем гарантию того, что продолжение реформ не вступит в противоречие с требованием стабильности.

Несмотря на взаимопонимание между двумя лидерами, двусторонние отношения не были интенсивными. До конца 1989 г. имели место всего лишь единичные встречи на высшем уровне. После встречи Михаила Горбачева и Кароя Гроса в июле 1988 г. Горбачев в марте 1989 г. почти одновременно вел переговоры с Гросом и новым премьер-министром Миклошом Неметом. В июле 1989 г. поехали в Москву Карой Грос и новый председатель ВСРП Режё Нерш. Кроме того, в августе 1988 г. Вадим Загладин вел переговоры с Дюлой Тюрмером, а потом, в первые дни сентября, дополнительно встретился с другими венгерскими политическими деятелями — Дьердем Ацелом, Яношом Берецем и Дюлой Хорном.

Встречи на высшем уровне шли по старой колее: партнеры информировали друг друга о положении в их стране, обменивались мнениями по актуальным проблемам международной жизни, и после этого последовала — с венгерской стороны в осторожной форме — постановка существенных вопросов, касающихся двусторонних отношений. Венгерские политики старались «вывесть», как далеко они могут зайти в обсуждении вопросов международного характера.

На основании документов, имеющих в нашем распоряжении, можно сказать, что в центре внимания этих разговоров стояли и проблемы о затруднениях в экономических связях, а также ограничения вооружений и связанный с этим вопрос о выводе советских войск с территории Венгрии. Тематика переговоров была, конечно, намного шире: например, венгры часто поднимали болезненные вопросы взаимоотношений с Румынией.

В двусторонних экономических отношениях состав, объем и характер товарооборота и в прежние годы служили источником конфликтов и разногласий. В рамках сотрудничества по линии СЭВ Венгрия должна была поставлять в Советский Союз такие товары, которые могла бы реализовать и на капиталистическом рынке или для производства которых ей приходилось приобретать сырье за

валюту. По этой причине вопросы об изменении структуры товарооборота и поставок советских товаров в счет долга венгерской стороне оставались для народного хозяйства страны жизненно важными. Об этом Грос говорил уже в 1988 г., и Горбачев, понимая всю болезненность вопроса, отнесся к этой просьбе с пониманием и предложил: советская сторона готова обеспечить поставку в Венгрию части товаров, которые та до сих пор была вынуждена приобретать на Западе. Правда, генеральный секретарь тут же добавил: «возможности устанавливают границы желаниям».

Спустя два месяца, в сентябре 1988 г. те же вопросы, но в более острой форме задали В. Загладину Янош Берец и Дюла Хорн. Жизненно необходимые для венгерского народного хозяйства энергоносители поставлялись в недостаточном объеме. Качество товаров, ввозимых из СССР в Венгрию, было крайне низким. Советская сторона оказалась не в состоянии принимать предлагавшиеся венгерской стороной избытки товарной продукции. По этим причинам венгерское руководство считало развитие отношений с капиталистическими странами неизбежным. Янош Берец поставил вопрос прямо: «Хочет ли Советский Союз покупать венгерские товары? Имеет ли он возможность импортировать их и в будущем?»

Советская сторона способствовала улучшению платежного баланса Венгрии в западных валютах путем закупок в рамках договора о системе взаиморасчетов в конвертируемой валюте. Однако в отличие от прежней договоренности двусторонний платежный баланс старались уравновесить не путем увеличения объема поставок из СССР, а вынужденным сокращением объема венгерского экспорта. Тем не менее, по предварительным подсчетам, к концу 1989 г. сумма венгерского положительного сальдо должна была бы составить 170 млн руб., что, по словам Миклоша Немета, явилось бы для народного хозяйства Венгрии невыносимым. Венгерская сторона выразила готовность направить определенную часть товарного фонда, предназначенного для продажи на Западе, на советский рынок — в том случае, если бы СССР смог платить за них в валюте или поставками соответствующих товаров по бартеру. Вопреки принципиальному согласию двух сторон конкретной договоренности между ними вплоть до визита Режё Нерша в Москву летом 1989 г. достигнуто не было.

Венгерская инициатива, направленная на сокращение вооружений и вывод советских войск, также имела экономическое обоснование. Карой Грос во время своего визита в Москву в июле 1988 г. заявил, что Венгрия не в состоянии выполнять договор о военном сотрудничестве до 1990 г., подписанный в Берлине странами — участниками

Варшавского договора, и одновременно проинформировал о сокращении объемов производства военной промышленности на 500 млн руб.

Запись беседы В. Загладина с Дюлой Тюрмером в августе 1988 г. свидетельствует о том, что генеральный секретарь ВСРП послал Тюрмера в Москву для зондирования обстановки: посмотреть, как отреагирует советское руководство на венгерскую инициативу в связи с сокращением вооружений. По мнению венгерского руководства, страна могла бы играть определенную новаторскую и координационную роль в деле европейского разоружения соцстран. По сути, Тюрмер в тактичной форме хотел узнать: возможно ли частичное сокращение находящихся в Венгрии советских вооруженных сил в том случае, если военные самолеты типа Ф-16 будут выведены из Италии. Как Тюрмер, так и спустя месяц Дюла Хорн подчеркивали: им было совершенно ясно, что в вопросе о сокращении вооружений переговоры надо вести в более широком контексте, однако в своей аргументации оба отмечали политические, моральные, а также экономические последствия вывода советских войск с территории Венгрии. Во время визита венгерской правительственной делегации в Москву в марте 1989 г. Миклош Немет заявил, ссылаясь на постановление Политбюро ЦК ВСРП, о сокращении численности венгерской армии на 30–35 %. Советское руководство приняло это к сведению, однако попросило венгерскую сторону «действовать осмотрительно», что в данном случае означало сохранить решение в тайне. Оно ссылалось на то, что во время переговоров в Вене о сокращении вооружений в Центральной Европе наверняка придется «торговаться». В протоколах о переговорах Немета в Москве этот факт не зафиксирован, но венгерский премьер-министр утверждает, что во время переговоров поднимал вопрос об удалении ядерных боеголовок с территории Венгрии.

Вопрос о выводе советских войск из Венгрии был снова поднят во время встречи Горбачева с Нершем в июле 1989 г. Нерш в то время просил советского партнера утвердить прежнюю договоренность и продумать вопрос о выводе советских войск, а также решить, в какой форме предать гласности это решение. Горбачев в основном согласился с предложениями Нерша, но проявил осторожность в вопросе об обнаружении.

Спустя несколько месяцев советская сторона выступила с инициативой. Советник Горбачева по международным вопросам Георгий Шахназаров в октябре 1989 г. предложил советскому лидеру подкрепить новую инициативу о сокращении вооружений в Европе конкретными мероприятиями, а именно выводом советских войск

из Польши и Венгрии. По мнению Шахназарова, этот шаг советского руководства оказал бы благоприятное воздействие на двусторонние межгосударственные отношения. Ведь военное значение советских войск, находящихся в этих странах, было небольшим, однако их присутствие являлось «раздражающим» фактором, и кроме того, будущие правительства этих государств раньше или позже все равно потребуют вывода войск.

Во время двусторонних переговоров всякий раз речь заходила и о развитии венгерско-румынских отношений, которые, по словам Дьердя Ацела, едва не привели к внешнеполитическому кризису. Отношения между двумя странами в то время достигли своей низшей точки, румыны угрожали закрытием дипломатической миссии в Будапеште. В сложившейся ситуации советское руководство летом 1988 г. подтолкнуло Кароя Гроса к тому, чтобы поехать в Румынию и вступить в переговоры с Чаушеску. После неудачной встречи в городе Арад венгерские политики — Янош Берец, Дюла Хорн и сотрудник венгерского генсека Дюла Тюрмер подняли вопрос об ответственности советской стороны. Они подчеркивали, что венгерская общественность расценивала сдержанное поведение советского руководства как поддержку румын. Дюла Тюрмер, ссылаясь на настроения, царившие в Венгрии, намекал: венгерская общественность ждет, что Москва окажет давление на румынское руководство (с требованием отказаться от планов ликвидации венгерских деревень в Трансильвании. — *Прим. редколлегии*). Однако в Москве настаивали на соблюдении принципа невмешательства: советское руководство не могло себе позволить оказывать однозначную поддержку одной из сторон. Правда, в аналитическом материале, подготовленном в начале 1990 г., признавалось, что награждение Чаушеску Орденом Ленина во время визита Горбачева в Румынию в 1987 г. было ошибкой.

В феврале 1989 г. Международный отдел ЦК КПСС совместно с Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР подготовил меморандум, в котором рассматривалось несколько предполагаемых сценариев развития событий в Венгрии. Этот и другие документы в общем верно отражали венгерские перемены. Авторы считали, что самым очевидным сценарием видится плавный переход к новой форме демократизации и социализма, партия останется правящей силой, но в вопросах власти ей придется пойти на уступки (коалиционное правление). Альтернативой было сохранение прежнего порядка. На новые «мини-кризисы» партии придется реагировать новыми уступками, что позволит избежать политического переворота, но даст оппозиции повод выдвигать новые требования.

Все это, по мнению авторов меморандума, грозило тем, что политическая борьба могла оказать влияние на внешнюю политику. Как самый худший вариант называлась возможность насильственного разрешения кризисной ситуации.

Год спустя, в начале января 1990 г., в своей докладной записке в ЦК КПСС Георгий Шахназаров самокритично заметил, что на основании информации, получаемой от посольств, центрального аппарата Министерства иностранных дел, зарубежных сотрудников КГБ и других советских представителей, сложилось превратное впечатление о процессах, происходящих в Восточной Европе. Шахназаров заметил, что «в отношении событий в Польше и Венгрии тревога преувеличена, а так как этим государствам удалось мирным путем решить проблему перехода к новому общественному строю, интересы Советского Союза не пострадали».

Несмотря на то, что с начала 1989 г. в Москве были подготовлены многочисленные аналитические записки о преобразованиях, происходивших в Восточной Европе, и об изменении советской политики, все они страдали некоторой иллюзорностью. На основании имеющихся источников выясняется, что Советский Союз, принимая во внимание реальное положение вещей, но имея о них смутное, чересчур позитивное представление, смирился с потерей бывших союзников.

Постановление Политбюро ЦК КПСС от 22 января 1991 г., с одной стороны, являлось прагматичной программой, но с другой стороны, отдавало дань иллюзиям, согласно которым «интенсивные экономические связи» выживут, основываясь на существующей экономической зависимости, и более того, могут содействовать «стабилизации советского народного хозяйства», поскольку советское влияние в регионе якобы до сих пор имеет политический резерв.

СССР/РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В 1989–1990 гг. И СЕГОДНЯ

В. Мюллер
(Австрия)

Сегодня, спустя 20 лет после памятных событий 1989 г., пришло время проанализировать как исторические решения, так и их современные последствия. С момента, когда в начале 1990-х гг. М. С. Горбачев признал право Германии на самоопределение, отношения между двумя странами прошли достаточно длительный путь, ведущий к развитию взаимовыгодных отношений. Германия занимает первое место среди российских зарубежных торговых партнеров, двусторонние отношения носят дружеский характер, а опросы общественного мнения неизменно фиксируют, что россияне очень хорошо относятся к немцам. В Германии также хорошо относятся к российским людям и внимательно следят за жизнью России. Можно сказать, что российско-германские отношения с 1989 г. развивались гораздо лучше, чем когда бы то ни было¹.

Трудно себе представить, что могло бы быть в случае непризнания 20 лет тому назад Горбачевым за Германией права на самоопределение. Именно это следовало бы иметь в виду тем исследователям и экспертам, которые критикуют М. С. Горбачева и Э. А. Шеварднадзе за их «слишком мягкую» позицию по отношению к Германии или за то, что в переговорах были достигнуты якобы неудовлетворительные результаты.

В XX в. Германия дважды нападала на Россию и опустошала ее. Итогом явились невыносимые страдания, но также и раздел Германии. В 1990-е гг. советские лидеры решили, что настало время исторического примирения между Россией и Германией. Значение этого шага можно сравнить с историческим примирением между Германией и Францией после Первой и Второй мировых войн².

Это решение послужило основой для развития российско-германских отношений. Германия стала основным, если не самым важным западным партнером России. Это партнерство распространяется на широкий круг взаимоотношений — от науки до экономики.

Российский газ дает тепло немецким домам. Миллионы немецких марок (затем евро) были вложены в российскую инфраструктуру, в переподготовку российских военнослужащих и в обеспечение жильем их семей. Если учесть, что поставки российского газа в Германию начались еще в 1970-е гг., то остальные аспекты взаимоотношений явились прямым следствием объединения Германии. В случае принятия Горбачевым другого решения, двусторонние отношения развивались бы по-иному. Ибо, как гласит пословица, не бывает так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Во-вторых, надо также принимать в расчет возможные альтернативы политике Горбачева. Маловероятно, что он мог бы предотвратить объединение Германии, не нарушая норм международного права. Ведь именно население восточной Германии выступало против сохранения ГДР и за объединение, поэтому процесс объединения вряд ли можно было бы остановить без применения силы. Есть основания полагать, что Горбачев понимал это³; и мы должны быть благодарны ему за то, что он не пошел по этому пути.

Мне представляется очень важным обозначить связь между решением М. С. Горбачева и последующей позитивной динамикой российско-германских отношений. В данной статье предпринята попытка проанализировать некоторые аспекты этого решения на основе российских и немецких документов⁴, мемуаров⁵ и научных изданий⁶.

Роль М. С. Горбачева в решении Германского вопроса

Из всех государственных руководителей именно М. С. Горбачев прошел самый долгий путь к решению 1990 г.⁷ Совершенно очевидно, что поначалу он не предполагал встать на этот путь, который можно разделить на три этапа: 1) признание факта падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. через несколько часов после этого исторического события; 2) признание в феврале 1990 г. президентом СССР права Германии на самоопределение, принимая во внимание возможное объединение двух государств; 3) согласие Горбачева с принципом Хельсинкского Заключительного акта от 1 августа 1975 г. о праве каждого государства на свободный выбор альянсов (принцип, который иногда не соблюдается даже сегодня). Это согласие было обозначено в ходе советско-американской встречи с президентом Дж. Бушем в мае 1990 г. и открыто продекларировано на советско-германской встрече с канцлером Г. Коелем в июле того же года.

Основываясь на анализе доступных документов и слов очевидцев, можно сделать вывод, что каждое из этих трех решения принималось

по отдельности, исходя из существующих обстоятельств и знаний о них. Поэтому ранее принятые решения неоднократно пересматривались и изменялись, поскольку высшее руководство в Кремле не располагало готовой стратегией по германскому вопросу⁸. Это не значит, что руководители других стран были готовы к падению Берлинской стены. Никто не был готов — ни Вашингтон, ни Бонн, ни Восточный Берлин. Что касается СССР, то отсутствие тщательно разработанной стратегии побуждало его руководство приспособливаться к меняющимся обстоятельствам. Это оказало значительное влияние и на последний шаг в указанном процессе: действительно, если в ноябре 1989 г. Горбачев решительно отвергал возможность объединения Германии и участие объединенной ФРГ в НАТО, то в 1990 г. такой вариант стал возможным и едва ли не единственным.

Падение Берлинской стены

Естественная реакция любого ответственного политического лидера в первое время после падения Берлинской стены — стремление избежать кровопролития. Горбачев в своих мемуарах подчеркивает, что это являлось главной мотивацией его действий⁹. В 1989 г. люди на улицах не были уверены, что не повторится ни 1953 г. (подавление советскими войсками движения к независимости в Восточной Германии), ни 1956 (разгром вооруженными силами СССР революции в Венгрии), ни 1968 (немотивированное вторжение пяти стран Варшавского договора в Чехословакию с целью подавления Пражской весны), ни 1981 г. (введение военного положения в Польше в условиях советской угрозы с суши и с моря).

Печальный опыт событий на площади Тяньаньмэнь достаточно четко демонстрирует возможный исход событий, если бы у власти в СССР находились другие руководители. Однако Горбачев решил, что если Советский Союз рассчитывает на перестройку, модернизацию, международное право и разрядку напряженности, повторение венгерского или китайского сценариев невозможно. 11 ноября газета «Правда» назвала падение Берлинской стены «смелым и благоразумным шагом»¹⁰, что подтвердило отсутствие намерений подавить с применением силы исход населения из Восточной Германии. Однако в то же время в Министерстве иностранных дел дали ясно понять, что вопросы, связанные с объединением Германии, преждевременны для Советского Союза и на повестке дня не стоят. ГДР, как заявил пресс-секретарь МИДа Г. Герасимов, все еще являлась постоянным членом Варшавского договора, и советские войска должны оставаться

ся на ее территории¹¹. Вплоть до февраля 1990 г. советская политика ориентировалась на сохранение социалистического государства на немецкой земле, хотя и в измененном, постперестроечном варианте. Это также являлось целью политики преемников Эриха Хоннекера — Эгона Кренца и Ганса Модрова, лидеров восточногерманского правительства и СЕПГ. Однако в вопросах относительно будущего ГДР их стратегии оказались противоположными. В то время как Восточная Германия все еще рассчитывала на экономическую помощь со стороны Советского Союза, Горбачев полагал, что это является задачей Западной Германии, а СССР ограничится политической поддержкой как перестройки в ГДР, так и ее позиций на международной арене¹².

По поводу сохранения ГДР и предотвращения объединения Германии Горбачев рассчитывал также на солидарность со стороны Франции и Великобритании, которые, по его мнению, проявляли заинтересованность в том, чтобы Германия продолжала оставаться разделенной. Французские политики утверждали: «Франция настолько любит Германию, что предпочитает иметь дело с двумя Германиями». Даже если Франция и Великобритания не намеревались жестко выступать против возможного объединения Германии, Горбачев был уверен: право вето в Контрольном Совете со стороны СССР и более чем 300 000 советских солдат в ГДР — это весьма серьезные основания для блокировки любого нежелательного развития событий в Германии.

Нет сомнений в том, что в начале ноября 1989 г. Горбачев следовал именно такому курсу. К этому моменту ни один политический лидер не предполагал, что год спустя ГДР станет частью Федеративной Республики. Нужно, однако, помнить, что советские лидеры в 1989 г. все еще не были готовы признать право Германии на самоопределение и все последствия подобного признания.

Признание права Германии на самоопределение

Процесс принятия решения о признании права Германии на самоопределение вплоть до объединения занял у Горбачева несколько недель, т. е. до января 1990 г. В своих публичных заявлениях в течение всего этого периода Горбачев придерживался тезиса о двух государствах на территории Германии.

До сегодняшнего дня не до конца понятно, когда именно его позиция изменилась. В ходе внутренних обсуждений на высшем уровне в рамках специальной комиссии, созванной Горбачевым 26 января 1990 г., были приняты следующие решения: применение силы исклю-

чалось; за немцами необходимо признать право определять судьбу своих государств; предполагалось, что немцы выступят за объединение; процесс объединения займет несколько лет и должен быть увязан с реализацией двух целей Горбачева во внешней политике: это трансформация существующей системы двух военных блоков в Европе в направлении создания «общевропейского дома» и достижение договоренности о разоружении в Европе¹³.

В ходе своей встречи с Модровым 31 января Горбачев попытался несколько замедлить динамику объединения, которое к тому моменту оказало влияние и на позиции главы правительства Восточной Германии¹⁴. Модров понимал, что без включения пункта об объединении в политическую программу, его партия не получит шанс на выборах весной 1990 г. Поскольку даже глава правительства ГДР одобрял путь объединения Германии, Горбачев пришел к пониманию, что шансы на существование постперестроечной ГДР уменьшались, а после выборов 18 марта они и вовсе исчезли.

В то же время Горбачеву пришлось принять во внимание то, что ни Франция, ни Великобритания не были готовы рисковать своими отношениями с Бонном только для того, чтобы остановить процесс объединения¹⁵. Советское руководство разделило эту позицию. Поэтому М. С. Горбачев выступил за объединение и тем самым положил начало развитию отношений между Россией и новой, объединенной Германией. Как показывают проведенные в марте 1990 г. опросы общественного мнения, данное решение поддерживалось большинством населения Советского Союза (60 %) ¹⁶. 10 февраля, после пленума ЦК КПСС 5–8 февраля Горбачев сообщил о своем решении канцлеру Колю¹⁷. Согласно опросам общественного мнения, проведенным Институтом социологии РАН в 2009 г., большинство населения России и 20 лет спустя одобряло падение Берлинской стены и объединение Германии¹⁸.

Согласие Горбачева признать право Германии на свободный выбор альянсов

На заключительном заседании комиссии, созванной Горбачевым 26 января 1990 г., советский лидер исключал возможность участия Германии в НАТО, а, следовательно, и право Германии на свободный выбор альянсов. Он продублировал свою позицию на заседании Политбюро 3 мая¹⁹. Однако 31 мая поддержал принцип, в соответствии с которым каждое государство имеет право на свободный выбор альянсов²⁰. Это получило подтверждение и в его разговоре с Г. Колем

15 июля²¹. Таким образом, Горбачев соглашался с принципом, закрепленным Заключительным актом в Хельсинки, который был подписан Л. И. Брежневым в 1975 г., однако не полностью реализовался во внешней политике СССР в период до 1990 г. Что же заставило его изменить свое мнение?

С середины февраля до середины апреля стало ясно, что не только Г. Коль и Дж. Буш, но и М. Тэтчер и Ф. Миттеран, а также другие центральноевропейские лидеры и лидеры стран Варшавского договора выступают за членство объединенной Германии в НАТО²². Основной причиной являлась не столько поддержка альянса, сколько недоверие к Германии. Это недоверие обуславливалось историческим опытом: все помнили о развязанной Гитлером агрессии против Центральной Европы. Поскольку НАТО, как говорилось, создавалась также и для того, чтобы сдерживать Германию («держать американцев внутри, советских — вовне, немцев — под»), именно североатлантический альянс представлялся значительной части населения Чехословакии и Польши той организацией, которая сможет постоянно контролировать военную мощь Германии²³.

Этот вопрос явился предметом обсуждения на встрече Горбачева с президентом Франции Миттераном. Отношение обоих лидеров друг к другу и их склонность к ироничным и интеллектуальным беседам иллюстрирует следующий диалог. Горбачев спросил, почему же объединенная Германия не может стать членом Варшавского договора? Миттеран ответил, что это вопрос правильный с диалектической точки зрения, но абсолютно невозможный. Тогда Горбачев спросил, почему Германия должна остаться в НАТО?²⁴

Ф. Миттеран: «Конечно, немцы остались немцами, но они уже не те, что были».

М. Горбачев: «Но это звучит, как противоречие».

М[иттеран]: «Я не вижу противоречия».

Г[орбачев]: «Ну, скажем, диалектическое противоречие».

Горбачев начал признавать случившееся после того, как даже Миттеран исключил возможность «французского решения», т. е. политического членства Германии в НАТО без участия в ее военных структурах. Советскому руководству пришлось принять во внимание и все более явные признаки распада военной составляющей Организации Варшавского договора. Весной 1990 г. новые некоммунистические правительства Венгрии и Чехословакии проводили переговоры с СССР по вопросам, связанным с выводом советских войск со своих территорий, а в июне Венгрия заявила о том, что выходит из Варшавского договора²⁵.

В таких условиях западный альянс сделал Горбачеву предложение, от которого он не смог отказаться. 6 июля НАТО объявила об изменении своей военной стратегии: страны Центральной и Восточной Европы более не рассматривались в качестве противников, а альянс трансформируется главным образом в политический союз²⁶. Хотя ОБСЕ не стала единственной организацией по обеспечению безопасности в Европе, впоследствии она приобрела ряд новых полномочий и трансформировалась в постоянную организацию. Эти предложения подкреплялись рядом шагов по вопросам разоружения: Германия отказалась от ядерного оружия и выразила готовность пойти на сокращение других видов вооружения²⁷. США согласились вывести ракеты средней дальности. Этот пакет соглашений служил доказательством, что членство объединенной Германии в НАТО не приведет к укреплению бывшего враждебного союза.

Наиболее важным фактором в советском решении признать право Германии на свободный выбор альянса снова явились двусторонние отношения. Когда Германия предложила в Большом Договоре отказ от вооружений и установление дружеских отношений между Россией и Германией, реакция Советского Союза была положительной²⁸. Новое партнерство обещало в экономической сфере новые кредиты ФРГ для СССР в размере 5 млрд марок²⁹, немецкие инвестиции в переподготовку и расселение советских военнослужащих, выплаты по контрактам между СССР и ГДР и вложения в советскую инфраструктуру.

Выводы

Планировавшийся Горбачевым «общевропейский дом» так и не был создан, что связано с разобщением восточного блока и СССР. Данное разобщение не явилось, как иногда принято считать, результатом западного вмешательства; скорее это проявление глубокого кризиса легитимности коммунистического режима и Советского Союза. Распад СССР ускорил путч советской реакции в августе 1991 г. и антигорбачевский разворот политики лидеров Российской Федерации.

Еще один аспект процесса, вплоть до настоящего времени порождающий дискуссии: расширение НАТО на восток. В переговорных документах нет сведений об обещаниях президента или госсекретаря США, что страны Центральной Европы не станут членами НАТО. Как свидетельствуют доступные советские протоколы встреч между американскими и советскими лидерами и министрами иностранных

дел, возможное участие этих стран в НАТО в верхах никогда не обсуждалось³⁰. Было бы странно, если бы США и СССР усложняли переговоры по немецкому вопросу теоретическими рассуждениями о судьбах суверенных государств, которые все еще оставались членами Варшавского договора, или же выкладками об их нейтралитете. Выше уже отмечалось, что, согласно Хартии ООН и Хельсинкскому Заключительному акту, каждое суверенное государство само решает, в какие альянсы оно хочет вступать. Никто — ни США, ни СССР, ни Россия — не имеет права вмешиваться в это суверенное решение.

Горбачев прошел весьма длительный путь с момента падения Берлинской стены и до решения «германского вопроса». Коль осознавал, что без шагов на этом пути процесс объединения Германии проходил бы совершенно по-другому. Признание Горбачевым права Германии на объединение и на полный суверенитет, включая свободный выбор альянсов, создало основу для дружественных двусторонних отношений между СССР и ФРГ. Это, как представляется, являлось основным намерением Горбачева при принятии решений в отношении Германии. В своих мемуарах он написал: «Мы открыли новую фазу в отношениях России и Германии, сохранив все лучшее в их вековых взаимосвязях»³¹. Далее он утверждал: «Мое горячее желание — чтобы все позитивное, накопившееся в отношениях между нашими странами на рубеже 90-х годов, не было утрачено ни Россией, ни Германией в нынешнее трудное время»³². Анализируя современные российско-германские отношения, представляется, что он добился поставленной цели.

Если бы Горбачев принял тогда иное решение, не только российско-германские, но и российско-европейские и российско-американские связи развивались бы по-другому, а мы вряд ли констатировали сегодня позитивные в целом тенденции в международных отношениях, начавшиеся с 1989 г.

Перевод с англ.
Э. Г. Задорожнюк

Примечания

¹ Wagensohn T. Von Gorbatschow zu Jelzin: Moskaus Deutschlandpolitik im Wandel. Baden-Baden, 2000. См.: опросы общественного мнения, проведенные Институтом социологии РАН в 2009 г. (Krumm R. Der Fall der Berliner Mauer und die Folgen aus russischer Sicht // Russlandanalysen. 12.02.2010. S. 19–25).

² Grachev A. Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War. Cambridge, 2008. P. 224.

³ Горбачев М. Как это было: Объединение Германии. М., 1999. С. 81.

⁴ Галкин А., Черняев А. Михаил Горбачев и Германский вопрос. М., 2006; Kusters H. J., Hoffmann D. Dokumente zur Deutschlandpolitik: Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes. München, 1998.

⁵ См., напр.: Falin V. Konflikte im Kreml: zur Vorgeschichte der deutschen Einheit und der Auflösung der Sowjetunion. München: Blessing, 1997; Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin, 1995; Kohl H. Erinnerungen 1982–1990. München, 2005; Schachnasarow G. Der Preis der Freiheit: Eine Bilanz von Gorbatschows Berater. Bonn, 1996; Schewardnadse E. Die Zukunft gehört der Freiheit. Reinbek, 1991.

⁶ См., напр.: Ахтамзян А. А. Объединение Германии: Обстоятельства и последствия. М., 2008; Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990. М., 2009; Наринский М. М. М. С. Горбачев и объединение Германии: По новым материалам // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 14–30; Plato A. Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel. Bonn, 2. Aufl. 2003; Zelikow P.; Rice C. Germany Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft. Cambridge (Mass.), 1996.

⁷ Этот факт признавал также канцлер ФРГ Г. Коль. См.: Kuhn E. Gorbatschow und die deutsche Einheit: Aussagen der wichtigsten russischen und deutschen Beteiligten. Bonn, 1993. S. 8.

⁸ Kwizinskiy Ju. A. Vor dem Sturm: Erinnerungen eines Diplomaten. Berlin, 1993. S. 11.

⁹ Горбачев М. Как это было... С. 82.

¹⁰ Цит. по: Hertle H. Chronik des Mauerfalls: Die dramatischen Ereignisse um den 9. November 1989. Berlin, 1996. S. 232.

¹¹ Biermann R. Zwischen Kreml und Kanzleramt: Wie Moskau mit der deutschen Einheit rang. Paderborn, 1997. S. 240.

¹² Dashichev V. On the Road to German Reunification: The View from Moscow // Soviet Foreign Policy 1917–1991: A Retrospective / G. Gorodetsky (ed.). London, 1994. P. 170–182, 173.

¹³ Михаил Горбачев и Германский вопрос... С. 307–311.

¹⁴ Там же. С. 312–324.

¹⁵ Lévesque J. In the name of Europe's future: Soviet, French, and British qualms about Kohl's rush to German unification // Europe and the End of the Cold War / F. Bozo, M.–P Rey, N. P. Ludlow, L. Nuti (eds). Abingdon, 2008. P. 95–106.

¹⁶ Plato A. Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel. Bonn, 2. Aufl. 2003. S. 173.

¹⁷ Михаил Горбачев и Германский вопрос... С. 348.

¹⁸ Krumm R. Der Fall der Berliner Mauer und die Folgen aus russischer Sicht // Russlandanalysen. 12.02.2010. № 196. S. 19–25.

¹⁹ Tschernajew A. Die letzten Jahre einer Weltmacht: Der Kreml von innen. Stuttgart, 1993. S. 297. Протокол заседания Политбюро пока не опубликован. См.: В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова 1985–1991. М., 2006.

²⁰ Михаил Горбачев и Германский вопрос... С. 475.

²¹ Küsters H. J., Hoffmann D. Dokumente zur Deutschlandpolitik: Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes. München, 1998. S. 1346.

²² Михаил Горбачев и Германский вопрос... С. 450–465.

²³ Adomeit H. Gorbachev and German Unification // The Soviet System: From Crisis to Collapse / A. Dallin, G. W. Lapidus (eds.). Boulder: Westview Press, 1995. P. 465–492, 482.

²⁴ Михаил Горбачев и Германский вопрос... С. 450, 452.

²⁵ A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact / V. Mastny, M. Byrne (eds.). Budapest, 2005. P. 71.

²⁶ http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23693.htm.

²⁷ Weidenfeld W., Wagner P., Bruck E. Außenpolitik für die deutsche Einheit: Die Entscheidungsjahre 1989/90: Geschichte der deutschen Einheit 4. Stuttgart, 1998. S. 554.

²⁸ Teltschik H. 329 Tage: Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 192, 205.

²⁹ Ibid. S. 232, 234–235.

³⁰ Михаил Горбачев и Германский вопрос... С. 332–338, 376–378, 435–445, 466–476.

³¹ Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin, 1995. S. 726.

³² Горбачев М. Как это было... С. 190.

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД КРИЗИСА И КРАХА РЕЖИМА ЧАУШЕСКУ

В. Л. Мусатов
(Россия)

К 1985 г., к началу перестройки в Советском Союзе Румыния, находившаяся на особом положении внутри Варшавского договора из-за своего сепаратистского курса, но не пытавшаяся порвать с ОВД, уже давно потеряла расположение Запада. Политику Н. Чаушеску в Вашингтоне называли сталинистской, но тем не менее, как отметил и президент Дж. Буш в своем анализе ситуации при вступлении в должность в 1989 г., считали Румынию (особенно после осуждения Бухарестом интервенции соцстран в Чехословакию в августе 1968 г.), диссидентом в социалистическом лагере и связывали с ней определенные политические расчеты. Однако и многолетняя поддержка курса Чаушеску, и кредитная помощь, и предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле не принесли Западу ожидаемых результатов — ни в плане ослабления единства социалистического содружества, ни с точки зрения возможностей демократизации режима в Румынии. Сближаясь с начавшим перестройку Советским Союзом и поощряя те социалистические страны, которые пошли по пути внутренних реформ, новая администрация США в своей восточноевропейской политике переводила Румынию с приоритетного места на последнее¹. Для общественного мнения Запада, европейских и мировых правозащитных форумов политика единоличного правителя Румынии была антинародной, антидемократической и диктаторской.

Но и внутри страны политика Н. Чаушеску перестала быть фактором стабилизации общества, она вызывала протест и отторжение даже у тех, кто после его прихода к власти в 1965 г. поддерживал призывы румынского лидера к независимости, национальному сплочению, защите суверенитета и самостоятельной внешней политике. Множились протесты внутри партийной верхушки, особенно со стороны коммунистов-ветеранов (К. Стойка, К. Пырвулеску и др.),

против диктаторской власти и культа личности Чаушеску. Широкую известность как в Румынии, так и за рубежом получило в апреле 1989 г. письмо шести видных деятелей РКП, в том числе К. Мэнеску, С. Брукана, Г. Апостола, А. Бырлэдяну, которые обвиняли Чаушеску в нарушении хельсинкского Заключительного акта и конституции страны, в использовании органов госбезопасности для подавления выступлений рабочих, интеллигенции и старых членов партии. Диктатора обвиняли в ухудшении материального положения народа, в срыве продовольственного снабжения, на него возлагалась ответственность за рост кризисных явлений в экономике. Авторы письма требовали восстановления конституционных прав граждан, соблюдения положений международных документов по правам человека. Существенную роль в нарастании социальной напряженности играли, конечно, обнищание населения и бесправное положение интеллигенции. Экономическая ситуация в Румынии была весьма напряженной, но официальная статистика в угоду высшей власти давала искаженную картину. «Экономика страны на протяжении 80-х годов находилась в состоянии стагнации. Провалились амбициозные программы модернизации и интенсификации производства, повышения качества и конкурентоспособности продукции. Страдая гигантоманией, Чаушеску любыми средствами стремился вывести Румынию в число передовых индустриальных держав», — писал в 1990 г. известный исследователь Румынии В. Потапов². К весне 1989 г. Чаушеску удалось драконовскими мерами тотальной экономии избавиться от огромной внешней задолженности (22 млрд долларов). Но на повышение уровня жизни народа, на отмену программы т. н. систематизации сельских населенных пунктов (снос 8 тыс. деревень и строительство социалистических агрогородов), которая вызывала недовольство крестьян, особенно венгерской национальности, он не пошел.

Уже в 1983–1984 гг. при правлении в Советском Союзе Ю. В. Андропова и К. У. Черненко румынское руководство, оказавшееся в международной изоляции, предпринимало попытки сблизиться с СССР и полнее использовать возможности сотрудничества внутри СЭВ в надежде на увеличение объема румынского экспорта на социалистический рынок, на получение экономической выгоды. Вот характерный пример. В Москве в мае 1984 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС обсуждался вопрос о планах поставки нефти в соцстраны, в том числе в Румынию, в новой пятилетке; при этом непременным условием поставок в Румынию было названо изменение особого внешнеполитического курса Чаушеску. Вот что сказал по этому поводу Н. А. Тихонов, председатель Совета Министров СССР: Чаушеску «просит поставлять в Румынию из СССР 5–10 млн тонн нефти

на долгосрочной основе, по товарообороту, т. е. на таких же условиях, как и для стран СЭВ <...> можно было бы согласиться с предложением о поставке в будущем году в эту страну 2 млн тонн нефти в обмен на продовольствие и некоторые другие товары, а в дальнейшем дать согласие на поставку нефти из СССР в Румынию в 1986–1990 гг. на долгосрочной основе в объеме до 5 млн тонн ежегодно. Вы, конечно, понимаете, что это не столько экономический шаг, сколько крупный политический шаг в отношениях между Советским Союзом и Румынией. Поэтому мы, видимо, должны четко сформулировать перед румынской стороной то, что мы будем осуществлять поставки нефти в Румынию за счет экономии своих собственных ресурсов, и что мы ожидаем от Чаушеску серьезного поворота в его внешней политике». Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко назвал данное предложение «абсолютно правильным шагом». Далее он отметил: «Мы должны твердо сказать т. Н. Чаушеску, что Румыния должна идти с нами в общей колее». Однако, как это будет на практике, пока трудно сказать, отметил он. «Политика т. Чаушеску — это, если можно так сказать, “большой икс”». Министр обороны Д. Ф. Устинов тоже поддержал предложение о поставках нефти, но выразил мнение, что «румыны сразу не повернутся. Мы посмотрим, как они будут себя вести, и, видимо, в зависимости от этого сможем скорректировать наш экономический курс». Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко в завершение обсуждения отметил, что Советский Союз должен помогать поставками нефти соцстранам, но с учетом своих возможностей: максимум, что можно сделать — сохранить поставки на прежнем уровне (примерно 65 млн тонн). Поставки в Румынию по расчетам являются взаимовыгодными, но надо учитывать политическое значение такого решения, особенно в связи с проведением совещания руководителей стран СЭВ и заседания ПКК стран — участниц Варшавского договора³. Иными словами, удовлетворение экономических просьб Чаушеску тесно увязывалось с политическими требованиями Советского Союза. Необходимо отметить, что на этом заседании Политбюро присутствовал и М. С. Горбачев.

Об отношении Н. Чаушеску к советской перестройке и о его контактах с новым генеральным секретарем ЦК КПСС

М. С. Горбачев встречался с Н. Чаушеску еще в бытность свою секретарем ЦК и членом Политбюро, т. е. до избрания на высший пост в КПСС. Отношение его к румынскому лидеру было в основном таким же, как и у других членов советского руководства. В разговорах с коллегами он называл его румынским фюрером. Но у Горбачева все-таки

был своеобразный подход к румынскому руководителю. Непонятно, что лежало в его основе: то ли он считал, что при Брежневле слишком игнорировали Чаушеску и Румынию, то ли надеялся лично повлиять на Чаушеску. В своей книге «Жизнь и реформы» Горбачев пишет, что в Москве не очень-то жаловали Чаушеску, не прощали ему амбициозности и демонстративного заигрывания с Западом. А Чаушеску в ответ «еще громче заявлял о своих “особых” взглядах, выдвигал претенциозные внешнеполитические инициативы»: «Странное чувство я испытывал, наблюдая за тем, как Чаушеску изо всех сил старался продемонстрировать независимость суждений. Все это было ненатурально, мало-мальски искушенному в политике человеку были видны и масштаб личности и психологическая неустойчивость. Я полагал, что стоило попытаться снять конфронтационный оттенок с советско-румынских отношений. Отсюда и мой подход к Чаушеску, с которым я стремился говорить уважительно, внимательно вникать в суть обращений»⁴. Горбачев рассказывает, что в ряде вопросов он соглашался с Чаушеску, например, в том, что напряженность между Москвой и Пекином хотя бы частично объяснялась промахами и просчетами советской стороны. Наверное, Н. Чаушеску слушал такие оценки с удовлетворением, так как Китай и США представляли собой особый сюжет в политике румынского лидера. Сейчас опубликованы записи бесед Н. Чаушеску и премьер-министра И.-Г. Маурера с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем в Пекине в 1960–1970 гг. и с президентом США Р. Никсоном в Бухаресте в 1969 г. В ходе этих бесед румынские руководители пытались посредничать между Вашингтоном и Пекином и при каждом удобном случае бросить тень на политику Советского Союза⁵. Позднее Чаушеску безуспешно предлагал свои услуги то Москве, то Пекину в урегулировании конфликтов между СССР и КНР, между КПСС и КПК.

Помощник генерального секретаря ЦК КПСС по социалистическим странам Г. Х. Шахназаров, критически воспринимая Н. Чаушеску, тем не менее отмечал, что румынский лидер нередко был прав в своей критике недостатков в сотрудничестве социалистических стран, причем в ряде случаев он говорил такие вещи, которые другие руководители не решались озвучивать, хотя в принципе были согласны с постановкой вопроса. Таким образом, с приходом к власти в Москве М. С. Горбачева румынскую сторону стали выслушивать более внимательно, старались найти точки соприкосновения. Это касалось и такой деликатной сферы как реформирование Варшавского договора. Например, предложение румын (в 1988 г.) проводить ротацию на постах главнокомандующего объединенными вооруженными силами

стран — участниц ОВД и начальника штаба уже не отбрасывалось с порога нашими военными. На этих должностях с 1955 г. всегда находились советские маршалы и генералы, однако, по всей видимости, перемены и здесь не исключались, причем для советской стороны важнее всего было сохранить за собой пост начальника Штаба объединенных вооруженных сил. (Для справки: американцы никогда и никому не уступают пост командующего войсками НАТО в Европе.) Москва предпринимала попытки втянуть Румынию в различные сферы сотрудничества, в том числе и по идеологическим, научным и культурным проблемам.

Может быть, из-за более толерантного поведения генерального секретаря ЦК КПСС родился миф о том, что у него с Чаушеску сложились чуть ли не дружеские отношения. В других социалистических странах, особенно в Венгрии, задавали вопросы, почему Советский Союз уделяет так много внимания Чаушеску, почему в 1988 г. его наградили по случаю 70-летия орденом Ленина. Это награждение вызвало удивление и среди советских граждан. А суть дела заключалась в многолетней традиции подобных наград, которую и при новом генсеке не решились нарушить, а также в попытке таким путем повлиять на румынского руководителя. Кстати, 3 января 1990 г., после свержения Чаушеску, когда он был уже казнен (а это произошло 25 декабря 1989 г.), его лишили всех советских наград — двух орденов Ленина, ордена Октябрьской революции и трех медалей⁶.

Конечно, Чаушеску не мог быть другом Горбачева. Здесь ничего не надо особо доказывать. Возьмем только один вопрос. Как воспринял перестройку Н. Чаушеску? Он, как и другие лидеры социалистических стран, много лет стоявшие у руля власти (Т. Живков, Э. Хонеккер, Я. Кадар и Г. Гусак), приветствовал приход более молодого советского руководителя, но также считал, что обновление Советского Союза закончится косметическим ремонтом. Чаушеску одобрил предложение Горбачева о деловых, неформальных встречах руководителей соцстран, надеясь, очевидно, в ходе товарищеского общения во время Рабочих встреч влиять на советскую сторону, а также эффективнее продвигать румынские предложения. Принципы отношений между соцстранами, которые изложил Горбачев в ноябре 1986 г. на Рабочей встрече в Москве, не могли вызвать возражения Чаушеску, поскольку они шли в русле отказа от «доктрины Брежнева». Но по вопросам углубления сотрудничества он имел свою позицию. Так, Чаушеску заявлял о неготовности Румынии к экономической интеграции с другими странами, критиковал предложение о создании совместных предприятий, возражал против установления прямых

производственных связей, так как усматривал в этом ограничение контрольных функций Румынской компартии. Он поддерживал принцип руководящей роли компартии, соглашался на совершенствование этой роли в социалистическом обществе, но вкладывал в это свой смысл. Румынский лидер отвергал идею рынка и аренды в экономике соцстран, заявляя, что все это было в буржуазной Румынии, но трудящиеся ничего от этого не имели.

Чаушеску был непреклонен и в вопросах политического реформирования социализма. Он заявил, что после 1965 г. (с этого года он возглавлял ЦК РКП) в Румынии были проведены широкие меры по демократизации общества и его сплочению, введен новый хозяйственный механизм, получила распространение непосредственная «революционно-рабочая демократия». (Венгерский руководитель Я. Кадар, отчитываясь на Политбюро ЦК ВСРП о Рабочей встрече в Москве, отметил, что Чаушеску подчеркнуто резко заявил, что румыны против всяких рыночных воззрений. С иронией Кадар рассказал, как Чаушеску «прочитал всем нам лекцию о социалистической демократии, поведал, как ее надо развивать и почему, как они постоянно консультируются с народом. Вот созвали совещание по сельскому хозяйству с участием 11 тысяч человек, провели другое подобное многотысячное совещание, уже не помню, о чем... Другую лекцию он нам прочел о человеческом факторе»)⁷. Я. Кадар рассказал коллегам, что в беседе с ним М. С. Горбачев посетовал на то, что румыны заявляют о сотрудничестве, но не пускают советских представителей на свои заводы.

Что касается внешнеполитических вопросов, то на встрече в Москве в ноябре 1986 г. Н. Чаушеску поддержал позицию М. С. Горбачева во время переговоров с Рейганом в Рейкьявике. Но в целом он критически относился к советским инициативам в области разоружения, к предложению о ликвидации ядерного оружия к 2000 г. Чаушеску упрекал Горбачева в уступках американцам, чем, дескать, наносится ущерб безопасности стран социализма. Но когда это было выгодно Румынии, он шел и на опережающие шаги, в частности, осуществил в одностороннем порядке 5%-ное сокращение военных расходов Румынии. Горбачев в своем выступлении на Рабочей встрече в общей форме отметил, что не надо торопить события в сфере разоружения, тем более делать односторонние шаги. А кубинский лидер Ф. Кастро там же прямо заявил, что лучше бы Румыния отдала эти срезанные 5 % военных расходов на поддержку национально-освободительного движения в Мозамбике и Анголе. Н. Чаушеску, не дожидаясь согласия председательствующего на заседании, начал воз-

бужденно доказывать правильность своих действий, утверждая, что он и так помогает молодым государствам социалистической ориентации в Африке, поставляет им оружие.

По мере углубления курса на перестройку в Советском Союзе становилось все более очевидным несогласие Н. Чаушеску с политикой М. С. Горбачева. По оценке В. А. Медведева, который являлся тогда членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС и куратором связей с соц-странами, для румынского вождя был неприемлем пример советской перестройки, курс на гласность, действительную, а не декларативную демократизацию общественной жизни, на повышении роли человека, признание идеологического и политического плюрализма. Несмотря на закрытость румынского общества, в стране нарастал интерес к процессам, проходившим в СССР. Последовали запретительные меры, так как Н. Чаушеску видел в перестройке угрозу своему режиму власти. Попутно хотелось бы отметить, что лидеры ГДР и Болгарии так же, как и румынский руководитель, заявляли, что в их странах мероприятия, подобные перестроечным, проведены уже давно, им не надо догонять Советский Союз. В ГДР запрещали распространение некоторых советских изданий.

Н. Чаушеску усиленно приглашал М. С. Горбачева нанести визит в Румынию, тем более что высший советский руководитель (а это был Л. И. Брежнев) посещал Бухарест в последний раз в 1976 г. Надо подчеркнуть, что Горбачев принял приглашение без особого желания. Очевидно, он согласился, руководствуясь не столько протокольными соображениями, сколько желанием воспользоваться возможностью прямого обращения к румынским гражданам. Визит состоялся в мае 1987 г. Атмосфера визита была показная, заорганизованная. Но Горбачев все еще надеялся разрешить некоторые проблемы в беседах с Чаушеску и при контактах с общественностью. Его выступление на митинге дружбы было призвано объяснить суть перестройки и политики нового мышления, подтвердить готовность Советского Союза к совершенствованию сотрудничества социалистических стран, к развитию советско-румынских связей. Однако генсек не сделал в своей речи обычных протокольных похвал в адрес «хозяина». Это было замечено многими и вызвало раздражение Чаушеску. Прямая стычка между двумя лидерами произошла на семейном ужине в резиденции Н. Чаушеску. Румынский лидер начал поучать Горбачева, призывал его отказаться от внешнеполитических инициатив и вообще заняться улучшением жизни советского народа. В вопросах демократизации и гласности советовал проявлять осторожность. Когда Елена Чаушеску стала доказывать, что румыны живут лучше, чем советские люди,

высказалась и Р. М. Горбачева, которая поддержала мужа. М. С. Горбачев отверг нападки и менторский тон румынского лидера и заявил: «То, что вы выдаете у себя за общество благоденствия и гуманизма, на мой взгляд, не имеет ничего общего ни с тем, ни с другим, не говоря уж о демократии, — всю страну держите в страхе, изолировав ее от окружающего мира»⁸. Горбачев подчеркнул, что в советах не нуждается, а вот Чаушеску следовало бы идти в ногу с жизнью и подумать о назревших преобразованиях. Советский лидер уехал из Бухареста с тяжелыми чувствами. Было ясно, что Чаушеску не в состоянии пойти по пути обновления, демократизации и гласности, ибо опасался краха своей системы и самодержавного правления. Ближайшим своим сотрудникам Горбачев сказал тогда, как оказалось, вещи слова: «Николае плохо кончит».

Н. Чаушеску приезжал в Москву на празднование 70-летия Октябрьской революции, принял участие во встрече представителей партий и движений, прибывших на празднование (4–5 ноября 1987г.). Его речь была длинной и назидательной по тону. Приспосабливаясь к переменам в мире, он даже употреблял выражение «новое мышление». Ратовал за уничтожение ядерного и химического оружия (хотя раньше возражал!) выступал за роспуск военных блоков, за отказ от военных методов решения межгосударственных проблем. Чаушеску призывал коммунистов и социал-демократов к примирению в форме «образования широкого фронта прогресса и мира». В общем он высказался по множеству проблем. Но одной из его главных целей было продемонстрировать, что в Румынии все в порядке. «Могу сказать, что все, чего мы достигли в Румынии, достигнуто народом и для народа. Все, что мы делали, направлено на обеспечение все лучших условий жизни и труда, развитие культуры и цивилизации всей нации. Мы решили много проблем, но немало их еще предстоит решать. Однако по сравнению с некоторыми странами, которые 40 лет тому назад находились в том же положении, что и Румыния, мы прошли такой путь, что трудно и представить себе, прошли несколько исторических этапов. Мы широко развивали демократические формы, исходя из того факта, что демократия и социализм, гуманизм неразделимы. Я подчеркиваю это, ибо нельзя сказать, что достигнутое в социалистических странах не дает перспективы»⁹.

Новые советско-румынские переговоры на высшем уровне состоялись во время ответного визита Чаушеску в Москву в октябре 1988 г. Они подтвердили заинтересованность Румынии в расширении экономического сотрудничества с Советским Союзом, в получении дополнительных объемов нефти, в сбыте продукции машиностроения,

легкой промышленности и сельского хозяйства. Предложения Чаушеску были достаточно декларативны, он предлагал, например, вдвое увеличить товарооборот (с 5 до 10 млрд рублей). Горбачев ответил, что нужно все хорошо просчитать, делать будем то, что реально и по силам советской стороне. Было замечено, что в поведении Чаушеску появилась новая черта. Очевидно, понимая неотвратимость перемен в социалистических странах и опасаясь их воздействия на Румынию, он пытался хотя бы притормозить их развертывание. Под предлогом «революционной солидарности» Чаушеску предложил Горбачеву «найти время для углубленного анализа проблем социалистического строительства», созвать для этого не позже октября 1989 г. Рабочую встречу руководителей социалистических стран. Решения такого совещания, по его словам «не будут носить обязательного характера, но если их примут все, это будет очень важно... Действуя в духе солидарности, мы сумеем утвердить мощь социализма в наших странах и во всем мире». Вопрос о Рабочей встрече долго не сходил с повестки дня. Чаушеску прислал Горбачеву отдельное письмо по этому вопросу. В конце января 1989 г. член Политбюро, секретарь ЦК КПСС В. А. Медведев, прибывший в Бухарест для подписания Плана идеологического сотрудничества между КПСС и РКП, сообщил на встрече с Н. Чаушеску, что КПСС разделяет заинтересованность в проведении такой встречи. Проблем накопилось много, сказал он, но встречу надо серьезно готовить, поэтому целесообразно сначала обсудить эти вопросы на совещаниях секретарей ЦК по экономическим и идеологическим вопросам, а после этого провести встречу генеральных и первых секретарей братских партий. Н. Чаушеску отверг подобный подход, он настаивал на проведении сразу встречи первых лиц. По его словам, только они могут решить «вопросы кардинальной важности для судеб социализма. Чем позже мы проведем встречу на высшем уровне, тем больше накопится отрицательных явлений в практике социалистического строительства»¹⁰. Он подчеркнул, что в Румынии нет «особых проблем», и не по этой причине он предлагает встретиться. Упорно доказывал, что такую встречу нужно провести до совещания Политического консультативного комитета Варшавского договора, которое планировалось на июль в Бухаресте.

Можно констатировать, что под влиянием событий в социалистических странах Европы и в мире социализма в целом в поведении Н. Чаушеску произошло существенное изменение. Румынский националист как бы превращался в ярого интернационалиста. Он отходил от своей прежней позиции (или сознательно маскировал свои взгляды), когда с румынской стороны упорно — и чаще всего

попусту — декларировались принципы независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела других стран. Теперь он рвался обсуждать проблемы других социалистических стран и партий, апеллируя к общим закономерностям строительства социализма. А ведь еще в ноябре 1986 г. на Рабочей встрече в Москве Чаушеску пытался одернуть главу делегации социалистического Вьетнама, когда тот стал критиковать антивьетнамскую направленность внешней политики Китая. Румынский руководитель тогда заявил, что нельзя критиковать партии, не присутствующие на встрече. Теперь Чаушеску сам открыто критиковал политику Венгрии, делал прозрачные намеки в адрес перестройки в Советском Союзе. Пытался сколотить некий консервативный блок вместе с Хонеккером и Якешем. Предложил новому генеральному секретарю ЦК ВСРП К. Гросу совместно выступить против М. С. Горбачева, пообещав урегулировать проблемы с венгерским национальным меньшинством в Румынии, в частности отменить программу т. н. систематизации сел. С новым венгерским руководством Чаушеску в итоге поссорился. Хотя венгры позже благодарили Горбачева за попытку их примирения, практически же ничего не получилось. После встречи с Чаушеску в Бухаресте в июле 1988 г. венгерский министр иностранных дел Д. Хорн заявил журналистам, что на переговорах был зафиксирован один общий момент: две страны были и остаются соседями. В общем Н. Чаушеску выступал в роли «защитника социализма» и, наверное, хотел быть арбитром. Но, вероятнее всего, им двигала в первую очередь не забота об общих делах содружества, хотя она, конечно, присутствовала в его высказываниях, основной причиной была тревога о положении в Румынии. Коллективная встреча, которую предлагал провести Чаушеску, так и не состоялась. Впрочем, не состоялась и встреча по экономическим вопросам, провести которую примерно в это же время предлагал генеральный секретарь ЦК КПЧ М. Якеш. После июльского совещания ПКК Варшавского договора в Бухаресте состоялась непродолжительная встреча лидеров компартий. На ней не было одного из союзников Чаушеску — Э. Хонеккера, который буквально накануне встречи был срочно госпитализирован. ГДР представлял глава правительства В. Штоф. Обсуждались внешнеполитические вопросы, М. С. Горбачев рассказал об итогах своего визита в Париж. Но основное внимание привлекло сообщение В. Ярузельского о поражении ПОРП на выборах в сейм и сенат. Генерал говорил о том, что придется делиться властью с «Солидарностью». Он пытался провести в премьер-министры своего соратника, министра внутренних дел Ч. Кищака, который присутствовал на встрече. Но, как известно,

из этого плана ничего не вышло. Новое польское правительство возглавил активный деятель «Солидарности» Т. Мазовецкий.

Поворот событий в Польше серьезно обеспокоил Чаушеску, ведь он еще в 1980 г., до введения военного положения в этой стране, склонялся к мысли о коллективной военной акции социалистических стран. Тогда из Москвы ему ответили, что военная интервенция исключена¹¹. В августе 1989 г. он опять заговорил о каких-то совместных шагах соцстран — участниц Варшавского договора с целью не допустить прихода к власти «Солидарности». 19 августа Чаушеску направил письмо М. С. Горбачеву, предлагая — для оказания помощи ПОРП и обсуждения ситуации в Польше — собрать совещание партийных руководителей стран — участниц Варшавского договора. В тот же день секретарь ЦК РКП И. Стоян сообщил польскому послу, что передача власти в руки «Солидарности» не является исключительно внутренним делом Польши¹². Чаушеску считал, что в Польше необходимо сформировать правительство из представителей ПОРП, польских профсоюзов, других прогрессивных сил с опорой на армию. Уже после революционных событий в Румынии в конце декабря 1989 г. в венгерской печати сообщалось, что руководство ПОРП тогда ответило румынскому лидеру отказом, подчеркнув, что строит политику на основе реальностей, определяемых интересами нации и государства¹³.

Последняя встреча Чаушеску с Горбачевым состоялась в Москве 4 декабря 1989 г. в рамках многосторонней встречи руководителей стран, членов Организации Варшавского договора. Формально встреча была посвящена итогам переговоров М. С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте. Горбачев заранее разослал приглашения на московскую встречу, сообщив, какие вопросы предполагает обсудить с новым американским президентом. У Чаушеску вызвало возражения намерение советской стороны обсуждать с американцами на Мальте перемены в Восточной Европе. Он даже отказывался сначала ехать в Москву. В письме, направленном в ЦК КПСС 27 ноября 1989 г., он выдвинул условие своего участия: отдельная беседа с генеральным секретарем ЦК КПСС, в противном случае с румынской стороны в Москву придет только заместитель министра иностранных дел.

На Чаушеску, вероятно, произвела впечатление секретная информация, доложенная ему шефом Службы государственной безопасности генералом Ю. Владом 1 декабря. В ней, в частности, говорилось, что на Мальте США и СССР договорятся о новом разделе сфер влияния, делая акцент на общей стратегии, направленной на их доминирование в мире. Москва пойдет на уступки американцам в обмен

на экономическую и финансовую помощь. В Европе их усилия будут направлены на создание нового баланса интересов на базе деидеологизации международных отношений и формирования «общеевропейского дома». Военные блоки сохранятся до тех пор, пока не нормализуется ситуация в Восточной Европе. Вопрос объединения Германии будет увязан с динамикой общеевропейского процесса. Глава «секуритате» докладывал Чаушеску, что Буш и Горбачев обсуждают вопрос об усилении давления на те социалистические страны, которые не проводят «реальные реформы» — КНР, Куба и Румыния. Дж. Буш, по оценке румынской разведки, заявит, что страны — члены НАТО будут осуществлять ограничительные меры в области своих отношений с Румынией, они ожидают того же от Советского Союза и прежде всего сокращения поставок нефти, газа и металлургической продукции¹⁴. Следует отметить, что в этом сообщении в основном довольно верно оценивались тенденции развития обстановки в Европе.

Встреча руководителей Советского Союза и Румынии состоялась сразу после завершения коллективной встречи, проходившей в Доме приемов на Ленинских (сейчас Воробьевых) горах. Помимо генеральных секретарей, в ней участвовали главы правительств — Н. И. Рыжков и К. Дэскалеску. М. С. Горбачев описал эту встречу во втором томе своих воспоминаний «Жизнь и реформы». Оба генеральных секретаря понимали, что только они двое остались на своих постах, во всех других странах высшее руководство полностью обновилось. Это был один из результатов политики перестройки, начатой Горбачевым. По мнению советского лидера, румына пугал ход событий в Восточной Европе, он был поражен отставкой Хонеккера, просил Горбачева дать оценку всем этим переменам. Советский генсек сказал, что при всей противоречивости и болезненности процессов, идущих в странах Восточной Европы, в них доминируют перемены демократического характера, и поэтому нет оснований говорить о крахе или конце социализма. Чаушеску опять предложил провести встречу руководителей коммунистических партий социалистических стран для обсуждения ситуации в социалистическом содружестве (вернувшись в Бухарест, он зафиксировал это положение в коммюнике о заседании Политисполкома РКП). По его мнению, совершенствование и обновление общества необходимы, но в том, что происходит в некоторых странах Восточной Европы, есть угроза социализму, судьбе компартий, и последствия могут быть самые тяжелые. Он подчеркивал, что Советский Союз должен проявить инициативу. На это Горбачев ответил: «То, что сейчас надо делать, Николае, мы делаем своей перестройкой». Напом-

нил, что и Якешу, и Хонеккеру советовал не допускать промедления, не терять время. Но кто мешал им при относительно высоком уровне благосостояния и стабильности в Чехословакии и ГДР «продвигать процессы демократизации, которые отвечали ожиданиям общества»? Сколько времени потеряно во всех странах, да и в Советском Союзе «многие беды от запаздывания»¹⁵. Чаушеску изложил ряд просьб экономического характера. Было условлено 9 января 1990 г. провести отдельные переговоры премьер-министров для рассмотрения вопросов двустороннего сотрудничества. В румынских отчетах отмечается, что Горбачев в конце беседы якобы пошутил, а доживем ли до 9 января? Еще одна такая «шутка» исходила от немца Э. Кренца при прощании с Чаушеску: «Увидимся ли в следующий раз?» Председатель Госсовета ГДР действительно вскоре ушел в отставку.

Бесславный конец Чаушеску. Революция и государственный переворот

В Румынии через две недели начались антиправительственные народные выступления в Тимишоаре. В них участвовали румынские граждане всех национальностей, проживающих в стране. Власти по указанию Чаушеску пошли на применение силы, в результате чего погибли до сотни демонстрантов. Повсеместно нарастал протест, выдвигались требования об отстранении Чаушеску от власти и наказании всей его клики. Вернувшись после визита в Иран 20 декабря, Чаушеску столкнулся с широким недовольством населения, с утратой контроля над обстановкой в ряде крупных промышленных центров, с колебаниями в высшем командном составе армии и сил госбезопасности, с фактами неповиновения военнослужащих, не желавших стрелять в народ. Проведя заседание Политисполкома ЦК РКП, селекторные совещания с областными партийными и государственными руководителями, повстречавшись с главами силовых ведомств и убедившись, что обстановка стала критической, румынский лидер тем не менее выбрал губительный путь, завершившийся массовой трагедией. Он жестко потребовал от армии и правоохранительных органов восстановить порядок. Ввел чрезвычайное положение в Тимишоаре. Направил туда премьер-министра К. Дэскалеску и генералов для умирения населения. Выступив ночью по телевидению и радио, Чаушеску заявил, что события в Тимишоаре были организованы с участием реакционных, империалистических и шовинистических кругов, равно как и шпионских служб различных иностранных государств. Участников акций протеста он называл фашистами,

террористами, хулиганами. Их цель, по его словам, сорвать курс социалистического строительства в Румынии, раздробить ее территориальную целостность. Ссылаясь на угрозу суверенитету и национальной безопасности. Оправдывал действия армии и силовых структур. Призывал население не допустить повторения событий, подобных тимшоарским, не провоцировать силы правопорядка, защитить социализм и родину. Н. Чаушеску заявил, что не уйдет в отставку.

Этой же ночью он вызвал к себе временного поверенного в делах СССР в Румынии В. Г. Позднякова, чтобы выразить протест в связи с заявлением в западной печати Э. А. Шеварднадзе, высказавшего обеспокоенность в связи с применением силы против демонстрантов в Румынии, приведшим к человеческим жертвам. Чаушеску обвинил Советский Союз и другие государства — члены Варшавского договора в координации действий против Румынии. МИД Румынии довел эту позицию до послов других союзных стран.

Оторвавшись от событий в мире, будучи не в состоянии реально оценить обстановку в собственной стране и живя старыми впечатлениями о событиях августа 1968 г., Чаушеску 21 декабря выступил с обращением к народу на спешно созванном 100-тысячном митинге перед зданием ЦК в центре Бухареста. Он призвал встать на защиту независимости, суверенитета и социалистического строя; объявил о некоторых мерах по повышению зарплат, пенсий и социальных выплат. Его не стали слушать, начались перебои в трансляции, какие-то взрывы и шумовые эффекты, вызвавшие панику в толпе. Раздались крики протеста, требования уйти в отставку. Общественный порядок был нарушен, все заградительные кордоны прорваны. Митинг был сорван. Полиция пыталась взять обстановку под контроль, но в центре столицы начали собираться многотысячные толпы протестующих людей. Выполняя приказы Чаушеску, взявшего командование вооруженными силами и госбезопасностью на себя, армейские части и отряды «секуритате» ночью очистили центр и район, прилегающий к зданию ЦК РКП, но в результате их действий 50 человек были убиты, 462 ранены¹⁶. Акции массового протеста, фактически восстание, стали распространяться по всей стране. Ранним утром к центру Бухареста двинулись организованные колонны рабочих крупных предприятий столицы. Министр обороны В. Миля отдал приказ войскам не стрелять и не вмешиваться в события. Потрясенный гибелью людей и чувствуя свою ответственность за трагический исход событий в столице и стране, министр обороны, которого Чаушеску обвинил в неспособности навести порядок и в предательстве, застрелился, выйдя из кабинета диктатора (по другим сведениям, он был убит

сотрудниками охраны Чаушеску). Весть о случившемся, переданная по ТВ и радио, еще более накалила обстановку.

В дальнейшем события развивались как бы в нескольких плоскостях. Нарастала агония власти. С одной стороны, Чаушеску истерично требует повиновения, говорит о войне, приказывает восстановить общественный порядок, вводит чрезвычайное положение во всей стране. В то же время, соглашаясь с некоторыми своими соратниками, заявляет, что «рабочая власть не может стрелять в рабочих». Находясь почти в состоянии протрации, усугубленном приступами сахарного диабета, он опрашивает членов Политисполкома, выясняя, кто готов стоять с ним до конца. Его брат — И. Чаушеску, замминистра обороны, встречается с представителем Варшавского договора и военным атташе при посольстве СССР, информирует их о готовящемся формировании нового правительства и о том, что Румыния в состоянии дать отпор заговору империалистических сил, пытающихся вырвать страну из Варшавского договора.

В то же время, утром 22 декабря высший генералитет и руководители органов госбезопасности, обладающие реальной силой в стране, делают свой первый выбор. Еще ночью шеф службы госбезопасности, заместитель министра внутренних дел Ю. Влад предложил министру обороны, который тогда еще был жив, арестовать Чаушеску и сформировать новую власть. Генерал В. Миля, находившийся на грани нервного срыва, ответил отказом. В румынской верхушке не нашлось других лиц, кто решился бы отстранить диктатора от власти. По устному указанию Чаушеску обязанности министра обороны были возложены на генерала В. Стэнкулеску. Прибыв по приказу из Тимишоары и оценив ситуацию, он отдал приказ войскам вернуться в казармы. Два армейских полка, охранявших здание ЦК, были выведены из центра города, ЦК остался без прикрытия. В свою очередь, приказы отрядам госбезопасности и полицейским подразделениям не стрелять по многотысячной толпе людей, собравшихся вокруг здания ЦК, отдал генерал Ю. Влад и заместитель генерального инспектора полиции Р. Кымпяну. Таким образом, где-то к 11 часам утра 22 декабря верховная власть в Социалистической Республике Румыния перестала функционировать. Ее президент, генсек РКП потерял способность действовать, его приказы армии и указания по партии не выполнялись. Генерал Стэнкулеску доложил Чаушеску, что войска осуществляют передислокацию по плану, но ситуация на Дворцовой площади перед зданием ЦК становится угрожающей и надо искать выход. Он предложил чете Чаушеску покинуть здание. Примерно в 12 часов дня вертолет с Н. и Е. Чаушеску и двумя членами

Политисполкома на борту поднялся с крыши здания ЦК. В тот момент восставший народ уже занял здание. Информация о бегстве Чаушеску быстро разошлась по румынским и зарубежным телеканалам и радиостанциям.

Казалось, что революция победила, но на самом деле в стране налицо был вакуум власти. Люди расхватывали оружие, добывая его, где только возможно, — у военных, на складах Патриотической гвардии... Румынские и зарубежные СМИ выдавали противоречивую информацию. На улицах шла беспорядочная стрельба, которая усилилась по причине отсутствия сведений о местонахождении Чаушеску. Но наиболее важные события, связанные со сменой власти, происходили в двух местах. На митинге в разоренном «революционерами» здании бывшего ЦК, где один из выступавших предложил создать новое правительство во главе с популярным в народе бывшим министром иностранных дел К. Мэнеску, и на телевидении. Вскоре по румынскому телевидению, где выступали многие политики, военные, журналисты и литераторы, отмечая победу над тоталитарной диктатурой, прозвучало выступление капитана первого ранга Димитриеску с приглашением видному партийному деятелю И. Илиеску, отстраненному Чаушеску в 1984 г., прибыть в штаб-квартиру телевидения для обсуждения ситуации. Было подчеркнуто, что «нам надо организоваться». Там же выступил находившийся при Чаушеску в опале генерал Н. Милитару, он обратился к командованию армии с призывом остановить кровопролитие и поддержать революцию румынского народа. Вскоре на ТВ появился И. Илиеску, сообщивший о намерении создать Комитет национального спасения. С участием И. Илиеску, Н. Милитару, будущего премьер-министра П. Романа и других лиц проходили срочные консультации о составе временного органа власти. Принципиально важно было то, что высший генералитет армии, персонально В. Стэнкулеску, формально являвшийся министром обороны, а также начальник Генерального штаба генерал Ш. Гушэ не остались в стороне и поддержали эти усилия: обеспечили защиту, предоставили средства связи и транспорт группе лиц, объединившихся вокруг Илиеску. Часть руководства органов безопасности уже на рассвете 22 декабря однозначно перешла на сторону революции. Как отмечается в западной литературе, для руководителей армии и силовых структур важно было то, что новое правительство возглавят «солидные люди», «серьезные политики», а не «сумасшедшие поэты и интеллигенты»¹⁷.

Согласно румынским и иностранным источникам, новый орган власти под названием Совет фронта национального спасения (СФНС) был образован в здании ЦК РКП примерно в 17 часов. Можно кон-

статировать, что согласие оппозиционных групп, существовавших в стране подпольно, и силовых структур было достигнуто сравнительно быстро. Имелся и набросок программного документа, подготовленный Д. Мазилом. Уже вечером приблизительно в 23 часа И. Илиеску зачитал по телевидению Обращение СФНС, в котором сообщалось о свержении диктатуры Чаушеску, об упразднении бывших высших органов власти и однопартийной системы. В документе говорилось о намерении установить парламентскую демократию, провести всеобщие выборы, защитить права человека, пересмотреть экономическую политику, осуществить реформы в экономике, поднять жизненный уровень. В области внешней политики провозглашалась политика добрососедства и мира, подчеркивалась приверженность заключенным договорам и соглашениям, в том числе Варшавскому договору. Румыния выступала за процесс создания объединенной Европы. Вся власть в стране переходила в руки СФНС, которому подчинялись армия и силы госбезопасности, министерства и центральные органы. На местах создавались органы ФНС.

Состав самопровозглашенного нового органа власти был результатом договоренности между основными политическими силами, выступавшими против власти Чаушеску. В СФНС вошли диссиденты М. Динеску и Д. Корня, епископ Л. Текеш (венгр), А. Бландиана, Д. Мазил, бывшие коммунисты А. Бырлэдяну, К. Мэнеску, И. Илиеску, С. Брукан, П. Роман, военные — Н. Милитару, Ш. Гушэ, В. Стэнкулеску, М. Лупой, представители интеллигенции и др. (всего 35 человек). В спешке забыли включить представителей революционного комитета Тимишоары, но позже исправили эту ошибку.

О позиции Советского Союза

С самого начала драматических событий в Румынии руководство и общественность СССР следили за ними с напряженным вниманием. Речь шла о союзной стране, о соседнем государстве, причем, разумеется, события в Румынии вызывали живейший отклик в советской Молдавии. Наконец, происходящее в Румынии резко отличалось от мирных, «бархатных» перемен в других странах ЦВЕ.

Руководство Советского Союза знало о существовании групп внутри политической, военной и дипломатической элиты Румынии, замышлявших отстранение Чаушеску от власти. Об обращениях к Москве с просьбами о помощи в реализации этих планов написали в своих мемуарах в 1990-е гг. М. С. Горбачев и В. А. Медведев. Насколько известно, речь шла об информации от Н. Милитару и С. Брукана. Ответ Горбачева на эти просьбы был отрицательным, поскольку

это противоречило его политике невмешательства в дела других стран, союзных или не относящихся к Варшавскому договору. Во внутренних аналитических документах, направляемых руководству страны, в ходе закрытых обсуждений специалистов отмечалось, что, если Чаушеску не уйдет в отставку по своей воле (или не умрет, а он был серьезно болен), то смена власти в Румынии, переход к демократии будут протекать в экстремальных условиях. Не исключался взрыв народного недовольства, вплоть до восстания. Понятно, что на втором съезде народных депутатов СССР, заседавшем в Москве с 12 по 24 декабря 1989 г., проявлялся большой интерес к румынским событиям. Вносились предложения — особенно от депутатов из Молдавии — о немедленном выражении солидарности с румынским народом. 21 декабря М. С. Горбачев кратко проинформировал депутатов о событиях в Румынии, но, учитывая мнение министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, предложил не торопиться, а сначала проанализировать поступающую информацию, вступить в контакт с другими государствами — членами Варшавского договора и т. д. По его указанию в здании, где проходил съезд, находилась специальная группа из представителей МИД, КГБ, Генштаба и ГРУ, которая докладывала свои оценки генсеку. 22 декабря в принятом «Послании народу Румынии» съезд заверил граждан Румынии в чувствах дружбы и солидарности и подтвердил стремление Советского Союза к тесному сотрудничеству¹⁸. МИД СССР проводил срочную работу по уточнению позиций, получению дополнительной информации от сопредельных стран. Обсуждалась идея провести в Варшаве встречу представителей стран Варшавского договора и Югославии, но затем от нее отказались. Кстати, возражала Венгрия, считавшая, что надо действовать по двусторонним каналам. Венгерскую сторону можно было понять, так как Будапешт больше всего беспокоила политика нового румынского правительства в отношении венгерского меньшинства. Венгерские власти подчеркивали, что у них нет территориальных претензий к Румынии. Еще до бегства Чаушеску из Бухареста МИД СССР через румынского посла отверг обвинения бывшего руководителя Румынии в адрес нашей страны и ОВД, которые тот выдвинул 20 декабря.

Советское правительство незамедлительно признало Совет Фронта национального спасения, такую же позицию заняли другие великие державы. М. С. Горбачев дал указание установить постоянный контакт с СФНС как через советское посольство, так и на уровне правительства. 6 января 1990 г. визит в Бухарест нанес министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, имевший встречу с И. Илиеску. Шеварднадзе заявил, что СССР уважает волю румынского народа и готов признать ту систему, тот строй, который установит румын-

ский народ¹⁹. Советский Союз предоставил Румынии гуманитарную помощь, а в холодные зимние месяцы увеличил поставки электроэнергии, нефти и газа. В марте состоялся визит главы МИД Румынии С. Чолака в Москву. Была возобновлена деятельность межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Встреча И. Илиеску с М. С. Горбачевым состоялась в Москве 7 июня 1990 г. во время совещания ПКС Варшавского договора.

После 22 декабря ситуация в столице Румынии в течение нескольких дней оставалась довольно неясной, поступали противоречивые сообщения об уличных боях с человеческими жертвами, об атаках каких-то террористов (сначала их называли членами секуритате), которые намерены вернуть к власти Чаушеску. В этих условиях западные державы, прежде всего Франция, а затем США обратились к Москве с предложением ввести в Румынию советские войска и войска других стран — участниц Варшавского договора, чтобы предотвратить кровопролитие и поддержать власть народа. 24 декабря МИД СССР (зам. министра И. П. Абоимов) сообщил послу США в Москве Дж. Мэтлоку, что советское руководство против вмешательства во внутренние дела других стран и намерено строго придерживаться этой линии. Западные державы больше этот вопрос не поднимали. Вся эта история с американским запросом выглядела весьма странно на фоне известного отказа СССР от доктрины Брежнева, коллективного осуждения соцстранами вторжения 1968 г. в Чехословакию, о чем было официально заявлено 4 декабря. Но нельзя исключать, что американский зондаж, помимо тестирования позиции СССР о невмешательстве в дела Восточной Европы, преследовал цель оправдать американскую военную операцию в Панаме и захват генерала М. Норьеги.

Что касается Бухареста, то начальник румынского Генерального штаба еще в ночь с 22 на 23 декабря сообщил по телефону начальнику Генштаба ВС СССР, что румынская армия в военной помощи не нуждается²⁰. К этому времени члены СФНС осознали, какую опасность представляет Чаушеску, и приняли принципиальное решение о судьбе диктатора, задержанного вместе с женой вблизи города Тырговиште. По политически мотивированному приговору специального трибунала, который заседал около двух часов, 5 декабря Н. и Е. Чаушеску были расстреляны. Вскоре после этого, к началу января обстановка в Бухаресте и стране нормализовалась. Как по мановению волшебной палочки исчезли и «террористы». Дискуссии об этой и других загадочных страницах румынской революции, несмотря на многочисленные расследования, продолжают.

В румынской революции смешались два потока — народное недовольство, массовый протест населения против диктатуры и заговор

против Чаушеску, вызревавший среди опальных партийных деятелей режима, во втором эшелоне элиты и оппозиционно настроенной интеллигенции. В заговоре участвовали некоторые высшие офицеры армии и органов госбезопасности, без их поддержки трудно себе представить успешный ход ключевых выступлений против обанкротившейся власти. Быстрое заполнение вакуума власти, создание СФНС во главе с И. Илиеску было бы невозможно без перехода на сторону народа верхушки армии. Нельзя исключать, что стихийные выступления в чем-то опередили действия тех, кто планировал «тихий» государственный переворот. События были сильно манипулированными как по линии СМИ и прежде всего — телевидения и радио (в том числе иностранных электронных СМИ), так и через ораторов на митингах, дирижеров уличных выступлений. Здесь порой чувствовалась опытная рука специалистов-профессионалов. Полагаю, что перестрелки, уличные инциденты с участием «террористов» были в значительной мере инсценированы, при этом между группами «революционеров» существовали реальные противоречия, шла борьба за влияние. Также несомненно, что имели место случаи «дружественного огня» между подразделениями армии и секуритате или даже между армейскими подразделениями. Одной из целей разжигания напряженности в эти дни было, судя по всему, подготовка почвы для физического устранения Чаушеску. В обвинительном документе ему инкриминировался, например, «геноцид румынского народа», гибель 63 тысяч человек. В целом румынская революция со всеми ее нюансами была предвестником «цветных революций» более позднего времени, хотя в Румынии не проходили в тот момент выборы, а манипулирование народным возмущением по своему технологическому сценарию, очевидно, допускало даже человеческие жертвы. Сильным был антикоммунистический мотив. Но есть также мнение, что в отличие от «договорных», «бархатных» революций в странах ЦВЕ румынская стоит ближе к классической типа французской или русской²¹. В Румынии отсутствовало гражданское общество, поэтому события носили столь ожесточенный характер. Сведения о том, что переворот в Румынии был делом рук ЦРУ и КГБ, не имеют документальных оснований²². Об этом пишут объективно настроенные румынские историки.

Согласно данным, приводимым в изданиях румынской армии, во время революционных событий погибло 1104 человека, 3321 был ранен. Армия потеряла 221 военнослужащего, 633 были ранены. В Бухаресте погибли 114 военнослужащих. По данным МВД Румынии, в Тимишоаре, где начались революционные выступления, в период с 17 по 21 декабря погибли 73 человека. Румыния чтит свои жертвы, понесенные в борьбе против диктаторского режима. В 20-ю годов-

цину революций в Восточной Европе румынские ученые-историки отмечают, что впервые коммунистическая революция победила в 1917 г. в России на берегах Невы, а последняя революция в Европе, положившая конец «коммунистической диктатуре», сталинской модели государственного социализма, произошла на берегах реки Дымбовицы, в Румынии.

Примечания

¹ Bush G., Scowcroft B. *A World transformed*. New York, 1998. P. 38–39.

² Потапов В. И. Судьба диктатора Чаушеску // Новая и новейшая история. 1990. № 4.

³ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 42. Док. 66 (май 1984 г.).

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 390–391.

⁵ Cold War International Project. Bulletin. Fall 2007/Winter 2008. Issue 16. *Inside China's Cold War*. P. 403.

⁶ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 30. Док. 24.

⁷ Из материалов Венгерского государственного архива (MOL), протокол заседания Политбюро ЦК ВСРП 18 ноября 1986 г. // MOL M KS (288. f. 5/983. O.e)

⁸ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 397.

⁹ Встреча представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября. М., 1988. С. 109–110.

¹⁰ Медведев В. А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 220.

¹¹ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 115.

¹² Földes G. *Magyarország, Romania és a nemzeti kérdés 1956–1989*. Budapest, 2007. 471o.

¹³ Pandi L. *A keleteuropai diktaturák bukása*. Szeged, 1991. 610 o.

¹⁴ Scurtu I. *The Romanian Revolution 1989*. București, 2009. P. 144–145.

¹⁵ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 403–404.

¹⁶ Scurtu I. *The Romanian Revolution 1989*. P. 196–204.

¹⁷ Rady M. *Romania in Turmoil*. London, New York, 1992. P. 106.

¹⁸ Правда. 1989. 23 декабря.

¹⁹ Известия. 1990. 8 января.

²⁰ Chiper I. Documents regarding the URSS leadership position toward the Romanian revolution – 23–24 December 1989 // *Clio*. 1989. № 1–2/2005. P. 205–205.

²¹ Такого мнения придерживается, например, Anneli Ute Gabany (ФРГ).

²² Появляются даже литературные произведения на тему о совместных действиях КГБ и ЦРУ, а также КГБ и Секуритате. См., напр.: Колокольчиков Н. Румынский аромат. Сцены декабрьской революции. Санкт-Петербург, 2009.

РУМЫНИЯ НА ПУТИ ПЕРЕХОДА ОТ СОЦИАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ. ОСНОВНЫЕ СДВИГИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (1989–2009)

В. Буга
(Румыния)

I. Специфика декабрьских событий 1989 г. в Румынии

В отличие от других бывших социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где изменение общественного строя осуществилось мирным путем, крушение тоталитарного режима в Румынии имело насильственный характер, что было связано с особой жестокостью политики правящей, государственной партии, отталкивавшей любую оппозицию. По справедливому мнению историка Адриана Попа, в Румынии отсутствовали условия как для «договорного перехода» к иному политическому качеству, как это произошло, например, в Польше и Чехословакии¹, так и для принуждения бывших партийных лидеров к отставке (как это было в Венгрии и Болгарии). Ограничение гражданских прав, пресечение любых попыток выразить недовольство усилившимися к концу 1980-х гг. лишениями, повсеместное насаждение культа личности Николае Чаушеску — все это создало условия для развязывания 16–17 декабря 1989 г. народного восстания сначала в городе Тимишоара на юго-востоке страны, а затем в Бухаресте и других городах.

Хроническая нехватка продуктов первой необходимости, холод в неотапливаемых домах, усталость от постоянного контроля со стороны органов госбезопасности — все это заставило людей выйти в те дни на улицы. Можно вполне согласиться с историком Л. Боя, по словам которого именно «первостепенные жизненные нужды толкнули людей выйти на улицы, а отнюдь не великие идеалы»². В связи с этим следует отметить, что авторы записки «Анализ изменений в Восточной Европе и их влияние на СССР», разработанной коллективом Института экономики мировой социалистической системы АН СССР во главе с академиком О. Богомоловым, примерно за год до декабрьских событий прогнозировали сценарий социального взрыва в Румынии.

Этот взрыв, по мнению ученых, неминуемо произойдет в случае, если руководство страны не использует средства, высвободившиеся в результате выплаты внешнего долга, для повышения жизненного уровня людей. В сущности, так оно и случилось.

Кровавое подавление частями румынской армии и силами госбезопасности манифестаций протеста в Тимишоаре вызвали волну негодования в Бухаресте, где органы правопорядка 21 декабря 1989 г. также были вынуждены применить оружие, что привело к человеческим жертвам. Когда казалось, что в столице уже восстановлен порядок, рано утром 22 декабря целые колонны рабочих с крупных промышленных предприятий направились к зданию ЦК партии, где в тот момент находились Чаушеску и другие руководители. Была достигнута критическая масса, необходимая для устранения режима, ставшего все более непопулярным.

Выход на улицы рабочих явился, на наш взгляд, решающим фактором, предопределившим бегство Н. Чаушеску и его жены на вертолете с крыши здания ЦК. На принятие ими этого решения повлияло то, что бывший руководитель был фактически оставлен на произвол судьбы верхушками армии и госбезопасности, не воспротивившимися штурму здания ЦК яростной массой людей и, по сути, перешедшими на сторону восставшего населения. Бегство бывшего руководителя явилось символом крушения режима, установленного при поддержке Москвы более сорока лет тому назад.

Прошло более 20 лет с декабря 1989 г., но в Румынии все еще продолжается дискуссия о том, что же тогда случилось на самом деле. Что это было: «народное восстание», «революция», «государственный переворот», «государственный военный переворот», «конфискованная революция», «украденная революция» и т. д.? Бывший президент Румынии Ион Илиеску, сыгравший существенную роль в те дни, придерживается мнения о том, что в Румынии произошла подлинная национальная и социальная революция³. Только событие, имевшее ярко выраженный народный и национальный характер, могло привести к глубокому изменению всей тоталитарной системы, ликвидации личной диктатуры, осуществлявшейся от имени партии-государства, обеспечить переход к политическому плюрализму и правовому государству, а в экономическом плане предопределить крушение централизованного огосударственного типа хозяйствования, открыть дорогу к функциональной рыночной экономике⁴.

«Румынская революция, — писал бывший президент Румынии, — вспыхнула вследствие целого комплекса негативных обстоятельств, при отсутствии подготовительных фаз и процессов... Она явилась не

кульминационным моментом в процессе постепенного накопления изменений, а критической точкой, к которой нас привели именно отсутствие изменений, косность гнусной системы... При отсутствии мирного осуществления изменений румынское общество, которое находилось долгое время в глухой и немой оппозиции по отношению к бессмысленной политике режима, оказалось в предельной, взрывоопасной ситуации»⁵.

Академик Ф. Константиину придерживается мнения, что накануне декабрьской революции 1989 г. в Румынии имелись признаки революционной ситуации: кризис в верхах, т. е. кризис политического класса, не способного больше осуществлять свое господство в прежних формах управления; ухудшение условий жизни населения и в результате этого рост его недовольства и усиление боевого духа. Искра, которая вызвала народное восстание, переросшее потом в революцию, распространилась и на другие центры страны⁶. По мнению того же известного историка, с которым согласны и другие авторы⁷, за народным восстанием последовал государственный переворот, и в его подготовке внешние силы сыграли значительную роль. Никак не умаляя роли внешнего и, в частности, советского фактора в изменениях, произошедших в странах Центральной и Восточной Европы, все же подчеркнем: декабрьские события 1989 г. в Румынии вызваны, на наш взгляд, внутренним кризисом, достигшим своей критической отметки.

К сожалению, цена победы, оплаченная румынским народом, оказалась очень дорогой. Во время декабрьских событий 1989 г. были убиты 1104 человека, из них 160 погибли до 22 декабря, а 1944 — после этой даты; число раненых достигло 3321, из них 1107 — до 22 декабря 1989 г.

До сих пор нельзя точно ответить на вопрос, что же случилось в Румынии в период с 22 по 25 декабря. Не разгадана еще загадка о том, что представляли собой так называемые террористы, оказавшие сопротивление революционному курсу в стране начиная с вечера 22 декабря. В этом смысле следует поразмышлять над сделанным академиком Ф. Константиину замечанием. По его мнению, в те дни в Румынии произошел «удивительный, уникальный во всемирной военной истории факт»: в борьбе между армией и «террористами» побежденная сторона (т. е. «террористы») не оставила на поле боя ни одного мертвого, ни одного раненого и ни одного пленного. Эта ситуация побуждает румынского академика выдвинуть гипотезу, к которой присоединяемся и мы: о том, что «террористами» явилась ограниченная группа диверсантов.

II. Румыния после 22 декабря 1989 г.

Следует отметить, что пока в Румынии вышло мало работ, посвященных переменам, имевшим место в политической, экономической, социальной жизни страны в последние 20 лет. Две из них принадлежат молодому исследователю — политологу Ф. Абрахаму⁸. Маститые историки пока воздерживаются от суждений, ссылаясь на отсутствие архивных источников. Вместе с тем опубликованные до сих пор исследования, главным образом статьи, позволяют все-таки составить общее представление о произошедших за этот период времени изменениях.

В данной статье мы сосредоточимся на переменах в политической сфере.

Сразу после того как Чаушеску покинул здание ЦК, в Румынии образовался вакуум власти, который попытались заполнить, с одной стороны, представители бывшей коммунистической партии, недовольные политикой Н. Чаушеску и выступавшие за проведение реформ, сходных с горбачевской перестройкой, а с другой стороны — приверженцы радикальных мер, желавших порвать быстрее с тоталитарным режимом.

Во время сложившегося институционального вакуума, после крушения старых структур и при отсутствии новых, демократических, сформировавшихся в процессе революции институтов (подобных тем, что возникли в других бывших социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы), Румыния находилась на пороге гражданской или межэтнической войны. На этом фоне с 22 по 25 декабря развернулась борьба за власть. Смертная казнь четы Н. и Е. Чаушеску вследствие судебного процесса-фарса, который был по праву квалифицирован как «последний сталинский процесс в Восточной Европе»⁹, ознаменовала собой начало периода относительной стабильности в стране. С течением времени любые аргументы в пользу этого юридического фарса, бросившего тень на румынскую революцию, становятся все менее и менее убедительными.

О победе революции можно было уверенно говорить в момент трансляции в ночь с 22 на 23 декабря Обращения к стране Совета Фронта Национального Спасения, временного органа, созданного 22 декабря 1989 г. в результате крушения старых структур власти. В него вошли как бывшие коммунистические лидеры, отстраненные в разное время Чаушеску, так и ряд диссидентов из среды интеллигенции, а также из числа революционеров, выделившихся в уличных столкновениях с силами правопорядка. В документе провозглаша-

лись отстранение от власти клана Чаушеску, ликвидация структур власти старого режима, роспуск правительства, прекращение деятельности Государственного Совета СРР и его учреждений, переход власти к Совету ФНС, которому подчинялись все министерства и центральные органы, призванные продолжить свою деятельность.

Программа Совета ФНС из 10 пунктов предусматривала, в частности, отказ от руководящей роли одной партии и установление демократической плюралистической системы правления; проведение свободных выборов в апреле 1990 г.; разделение законодательной, исполнительной и юридической властей; избрание всех политических руководителей на один, или по крайней мере на два срока; перестройку всего народного хозяйства на основе эффективности и рентабельности; ликвидацию административно-бюрократических методов централизованного экономического руководства и стимулирование свободной инициативы; перестройку в аграрном секторе и поддержку крестьянского хозяйства; реорганизацию образования; соблюдение прав и свобод нацменьшинств; организацию внешней торговли на основе удовлетворения приоритетных и неотложных нужд населения; проведение внешней политики, служащей добрососедству, поддержанию дружбы и мира во всем мире; «интеграцию в процесс строительства объединенной Европы, создание общего дома для всех народов континента» (любимая формулировка М. Горбачева) и т. д. По мнению румынского политолога Ф. Абрахама, вначале ФНС, которому хотелось быть своего рода аналогом чехословацкого Гражданского Форума, проявил себя как «партия, лишенная идеологии, которая руководствовалась тактикой постепенного развития в процессе изменений, происходивших в политике, в экономике и в обществе в целом»¹⁰.

26 декабря 1989 г. были изданы первые декреты Совета ФНС и создано новое правительство, которое возглавил П. Роман, один из активных участников революционных событий в Бухаресте в ночь с 21 на 22 декабря, сын ветерана РКП В. Романа. Показательным для Румынии явился тот факт, что РКП, насчитывавшая в декабре 1989 г. почти 4 млн членов, просто напросто исчезла с политической сцены, и многие ее члены вступили в новые политические образования, в основном в ФНС.

РКП не была в состоянии реформироваться, как это случилось с некоторыми коммунистическими или рабочими партиями в других социалистических странах. Следует, однако, отметить, что со стороны какой-либо структуры бывшей РКП не предпринимались какие-либо попытки противостоять развитию декабрьских событий. Подавляю-

щее большинство ее членов приветствовало имевшие место политические изменения, активно участвуя в процессе демократизации страны. Как отмечал один из видных венгерских диссидентов, профессор факультета философии Будапештского университета, уроженец Румынии Г. М. Тамаш, везде в странах Восточной Европы, в том числе в Советском Союзе, «...партия потеряла идеологический пульс. Определенное время она действовала без него, вхолостую, единственное оправдание ее действий заключалось в стремлении к сохранению власти», но в момент первого же более серьезного толчка она провалилась без того, и никто даже не попытался хотя бы пошевелить пальцем «ради защиты системы, крещенной во время Октябрьской революции в России». После этого «больше не существовало сильной мотивации сопротивляться попыткам перемен»¹¹.

Первый изданный Советом ФНС декрет «Об учреждении и функционировании политических партий» от 31 декабря 1989 г. запрещал создание фашистских партий; образование партий разрешалось при условии объединения в них как минимум 251 члена. В конце 1990 г. в Румынии существовало свыше 200 политических партий. Закон о партиях, принятый в 1996 г., поднял минимальную численность партии до 10 тыс. членов-основателей в не менее 15 из 41 уезда страны и муниципии Бухареста (и не менее 300 человек в каждом уезде); законом 2002 г. было увеличено минимальное число членов зарегистрированных партий до 25 тыс. в не менее чем 18 уездах страны и муниципии Бухарест.

Первыми партиями, появившимися на политической арене, были «исторические», традиционные партии: Национально-крестьянская партия (НКП), добавившая позже к своему названию также словосочетание «Христианско-демократическая»; Национально-либеральная партия (НЛП); Социал-демократическая партия (СДП), исчезнувшие из политической жизни в первые послевоенные годы, после установления коммунистического режима в результате принятия новыми властями жестких мер. Новые партии отказались делегировать своих представителей в Совет ФНС, считая новую структуру наследницей РКП, имея при этом в виду тот факт, что среди его членов было много выходцев из низших эшелонов бывшей правящей партии. Под давлением улицы руководство СФНС издало 12 января 1990 г. два декрета: один — об объявлении РКП вне закона и второй — о введении вновь смертной казни. На второй день СФНС на своем пленуме квалифицировал оба декрета как ошибочные и отменил их.

После уличных волнений января 1990 г. 9 февраля было достигнуто соглашение между СФНС и лидерами исторических партий —

НКХДП (К. Копосу), НЛП (Р. Кымпяну) и СДП (С. Кунеску) о создании общими усилиями новой государственной структуры — Временного совета национального единства (ВСНЕ).

Можно согласиться с мнением о том, что это была первая попытка примирения на национальном уровне, призванная содействовать установлению нормальной атмосферы в обществе путем перемещения дебатов с улицы в парламент. ВСНЕ, своего рода парламент с гетерогенным составом (39 партий и 14 этнических групп) предоставляла в предвыборный период широкие рамки для участия всех политических сил. В состав Совета вошел 241 член, из них 106 человек представляли ФНС, 105 — оппозиционные партии (по 3 человека от каждой партии), 27 — представители нацменьшинств, 3 — представители Ассоциации бывших политических узников. Совет работал в период с 9 февраля по 11 мая 1990 г., его задачей была разработка и принятие декрета-закона о проведении первых свободных выборов — при соблюдении ряда согласованных конституционных принципов: о государственной форме, структуре парламента, статусе президента и т. д. ВСНЕ принял, в частности, декрет-закон от 14 марта 1990 г. о процедуре выбора парламента и президента страны. В рамках референдума от 8 декабря 1991 г. была принята конституция Румынии, которая провозглашала отказ от руководящей роли одной партии и установление плюралистической демократической системы.

Вопреки обещанию, сделанному 3 января 1990 г., о том, что он «не является и не будет политической партией» и, соответственно, не примет участия в назначенных на май парламентских выборах, 23 января 1990 г. ФНС все же принял решение о своем участии в выборах, а 6 февраля был зарегистрирован как политическая партия, вызвав тем самым бурную реакцию со стороны других политических партий, которые ожидали самороспуска этого образования, возникшего в специфических условиях революции. Даже начало суда над членами бывшего руководства РКП не смогло успокоить атмосферу в обществе. С объявлением решения об участии ФНС в майских выборах политическая ситуация в Румынии накалилась, по стране прокатилась волна демонстраций как сторонников, так и противников этого политического образования. Эти события, происходившие 28–29 января и 18–19 февраля 1990 г. в Бухаресте, приближали Румынию к гражданской войне. На фоне замешательства, продолжавшего влиять на внутреннюю политическую жизнь, и хрупкости новых учреждений в Румынии, имели место некоторые события, тормозившие процесс демократических преобразований.

19–20 марта 1990 г. в центре страны, в трансильванском городе Тыргу-Муреш, вспыхнул конфликт, спровоцированный крайне националистическими венгерскими элементами, которые подстрекали к этническому сепаратизму, что вызвало реакцию со стороны румынских экстремистских кругов. Не только широко освещавшийся мировыми средствами массовой информацией, но и в значительной степени направлявшийся ими конфликт, приведший к жертвам среди местных румын и венгров, чуть не поставил Румынию на грань крупномасштабного межэтнического столкновения. «Напряженность между румынским и венгерским населением ряда уездов и населенных пунктов в Трансильвании, разжигаемая как изнутри страны, так и извне, и имеющая давние исторические корни, — писал бывший румынский президент И. Илиеску, руководивший страной в тех сложных условиях, — вызвала насильственные столкновения», истоки которых можно понять лишь с учетом всей совокупности чрезвычайных обстоятельств, существовавших в то время в Румынии¹².

Сложившаяся в тот период атмосфера подозрения, недоверия и конфронтации на национальной почве создавала трудно разрешимые для румынского общества проблемы. И можно считать заслугой тогдашнего политического руководства страны, что ему удалось, умело управляя ситуацией в городе Тыргу-Муреш, вовремя предотвратить взрыв, способный не только поставить под угрозу территориальную целостность страны, но и возыметь серьезные последствия для других государств этой части Европы. По мнению многих аналитиков, Тыргу-Муреш мог стать прелюдией, первым этапом реализации того же сценария развития событий в Румынии, который реализовался в Югославии, где восторжествовали крайние сепаратистские национальные движения¹³.

Другим моментом политической конфронтации явилась альтернатива «республика или монархия», возникшая в первые годы после революции. Несколько попыток бывшего румынского короля Михая I вернуться в Румынию были блокированы новыми властями, которые лишь в апреле 1992 г. дали согласие на приезд короля по случаю пасхальных праздников.

Конфронтационность ситуации сказалась и на ходе избирательной кампании накануне парламентских выборов 20 мая 1990 г., проходивших с участием 82 партий. Кампания эта сопровождалась многочисленными инцидентами. Однако результаты выборов позволили в определенной мере стабилизировать политическую ситуацию, выявив реальное соотношение сил в стране. В пользу ФНС высказались 66,3 % на выборах в Собрание депутатов (264 мандата) и 67,2 %

на выборах в Сенат (91 мандат). За ним следовал Демократический Союз Венгров Румынии, за который проголосовали 7,23 % избирателей на выборах в Собрание депутатов (29 мандатов) и 7,2 % — на выборах в Сенат (10 мандатов). Результаты, полученные «историческими» партиями, оказались очень скромными, выявляя определенное настроение большинства избирателей, сопротивлявшихся активизации партий, которые воспринимались как выразители интересов ушедших с исторической сцены социальных сил. Так, НЛП получила 6,41 % голосов на выборах в Собрание депутатов (29 мандатов) и 7,6 % — на выборах в Сенат (10 мандатов); НКП-ХД соответственно 2,56 % в Собрании депутатов (12 мандатов) и 2 % — в Сенате (2 мандата), СДП — 1 % в Собрании депутатов (2 мандата) и 0,9 % в Сенате (ни одного мандата). Крах «исторических» партий можно объяснить и тем, что они не смогли соотнести свои политические выступления и программы с настроением большинства населения, с новыми реалиями страны, оставаясь в плену стереотипов межвоенного периода. На первых президентских выборах за кандидата со стороны ФНС И. Илиеску голосовали 85,7 % избирателей, в то время как за кандидатов оппозиции, вернувшихся из ссылки Р. Кымпяну (НЛП) — 10,64 %, и И. Рациу (НКП-ХД) — 4,29 %.

По мнению политолога С. Тэнэсе, абсолютная победа ФНС на выборах «не стала, как это случилось в других странах бывшего советского блока, референдумом по вопросу о судьбах коммунизма. Ставка делалась на борьбу за власть. В то время как в Варшаве, Будапеште, Праге правительства с радикально реформаторскими, прозападными программами были уже установлены, Румыния, казалось, нуждалась в передышке. Надо было отдохнуть, подвести итоги первых месяцев, прошедших после кровавой революции. Румыния не была готова к ускоренному переходу»¹⁴.

После выборов новая власть оказалась перед лицом новых испытаний: в массовых манифестациях в Бухаресте на площади Университета, участвовали люди, недовольные политическим курсом лидеров страны. Манифестанты выражали опасения в связи с тем, что «власть предрержающие направляли страну не в сторону демократии западного типа, а к режиму, инспирированному горбачевскими реформами»¹⁵. Неумелые действия властей привели к выходу ситуации из-под контроля. 13 июня 1990 г. группы протестующих напали на здание столичной полиции и Центрального телевидения, угрожая тем самым госучреждениям.

Новое постдекабрьское руководство, неспособное овладеть ситуацией и лишенное поддержки запуганных органов правопорядка,

решило, что находится перед лицом государственного переворота, и обратилось за помощью к населению с призывом выступить в защиту демократических завоеваний. Утром 14 июня в столицу приехали организованные группы шахтеров (это был второй приезд шахтеров в Бухарест после февральских волнений), которые заняли силой площадь Университета, атаковали здания исторических партий, ряда изданий, совершили акции, вследствие которых появились жертвы среди невинных людей, особенно среди студентов. Сцены насилия на улицах Бухареста, в результате которого 6 человек погибли, 560 получили ранения, а сотни были арестованы, серьезно повредили имиджу новой Румынии в мире, свидетельствуя о хрупкости нового режима. Ради исторической правды следует, однако, сказать, что приезд шахтеров в столицу явился следствием, а не причиной акций насилия в июне 1990 г.

Новый приезд шахтеров в Бухарест в сентябре 1991 г. вызвал отставку правительства П. Романа и его замену правительством во главе с Т. Столжаном, технократом. Вскоре после этого эпизода внутри ФНС возникли серьезные разногласия между двумя течениями. Одно — радикальное во главе с П. Романом, сторонником форсированных реформ, снижения роли государства, а с другой стороны, умеренное течение, возглавляемое И. Илиеску, сторонником постепенного развития страны, постепенной трансформации сверхцентрализованного государства в новое качество. На Национальной конференции 27–28 марта 1992 г. разногласия между двумя течениями привели к расколу Фронта. Взяла верх группа П. Романа, который был избран председателем ФНС.

И в дальнейшем эта политическая сила развивалась не без определенных осложнений. 31 марта 1993 г. ФНС объединился с Демократической партией и перенял ее название. Стремление стать главным выразителем оппозиции провалилось, в результате чего ДП согласилась действовать дальше в рамках Румынской демократической конвенции (РДК). Лишь под руководством Т. Бэеску (май 2001 г.) Демократической партии удалось стать одной из значимых партий в Румынии. ДП удалось добиться кратковременного союза с НЛП, а позже, в результате закулисных игр, объединиться с одним крылом этого политического образования, приняв нынешнее наименование — Либерально-демократическая партия (ЛДП).

На Национальной конференции 27–28 июня 1992 г. отделившаяся от ФНС группа во главе с И. Илиеску создала, в свою очередь, Демократический фронт национального спасения (ДФНС), который победил на парламентских выборах 27 сентября 1992 г., а его кандидат

И. Илиеску выиграл президентские выборы, получив во втором туре 65 % голосов. В выборах Палаты депутатов участвовала 81 партия, а в выборах в Сенат — 66. При этом в выборах в Сенат ДФНС получил 29 % голосов (49 мандатов), РДК — 16 % (34 мандата), ФНС — 10,39 % (18 мандатов), Партия национального единства румын (ПНЕР) — 8,12 % (14 мандатов), Демократический союз венгров Румынии (ДСВР) — 7,59 % (12 мандатов) и Партия Великая Румыния (ПВР) — 3,85 % (6 мандатов). В Палате депутатов ДФНС получил 27,72 % (117 мандатов), РДК — 20,01 % (82 мандата), ФНС — 10,19 % (43 мандата), ПНЕР — 8,12 % (30 мандатов), ДСВР — 7,46 % (27 мандатов) и ПВР — 7,46 % (27 мандатов).

По мнению С. Тэнасе, выборы сентября 1992 г. ознаменовали собой завершение первого посткоммунистического периода. У Румынии, — пишет румынский политолог, — не было нужной революционной энергии для того, чтобы «преодолеть разрыв, который отделял ее от Польши, Венгрии, Чехословакии»¹⁶.

В июле 1993 г., через год после своего образования ДФНС изменил название, став Партией социальной демократии Румынии (ПСДР), позиционируя себя как современную социал-демократическую партию, рожденную революцией. Изменению названия партии сопутствовало ее объединение с тремя более мелкими партиями¹⁷.

В отличие от других государств ЦЮВЕ на румынской политической сцене в 1990–1996 г. доминировали левые или левоцентристские силы, представленные ДФНС/ПСДР, которая 16 июня 2001 г. превратилась в Социал-демократическую партию, которой удалось привлечь на свою сторону представителей ДП и Альянса за Румынию.

За исключением драматических событий в городе Тыргу-Муреш в марте 1990 г. и трех приездов шахтеров в столицу, властям удалось обеспечить в стране относительную политическую стабильность. Вплоть до парламентских выборов осени 1996 г., когда усилились антикоммунистические настроения среди политической элиты и определенной части общества, недовольного тяжелой экономической ситуацией. По итогам этих выборов произошла первая демократическая смена власти после декабрьских событий 1989 г.: победила коалиция Румынская демократическая конвенция (РКД) — Социально-демократический союз (СДС), которую поддержал и Демократический союз венгров Румынии (ДСВР). Кандидат от этих сил профессор Э. Константинеску стал новым президентом Румынии. Вскоре, однако, вследствие серьезных ошибок возникли трудности, особенно в сфере экономики, что привело к потере доверия со стороны населения, усомнившегося в способности правых сил

осуществить обещанные реформы. Можно в целом согласиться с тем, что «из-за незрелости политических сил и общих — юридических, институциональных, административных и т. д. рамок смена власти, произошедшая в 1996 г., означала новое падение, особенно в экономическом и социальном плане. Это явилось главным итогом правления коалиции пяти партий, представляющих пять разных направлений: правительство не было последовательным в реализации своей программе, руководствовалось различными клиентарными интересами»¹⁸.

В июле 2003 г. СДП объединилась с Социалистической партией — тем ее крылом, которое отделилось от Социалистической партии труда во главе с И. Вердецем, одним из бывших премьеров эпохи Чаушеску (эта партия воспринималась в румынском обществе как продолжательница РКП). Вовлечение в свои ряды видных лиц, придерживавшихся левых взглядов, превратило СДП в одну из самых влиятельных политических сил в Румынии. В целом объединение румынского левого фланга произошло на платформе более правой по сравнению с западными социал-демократическими партиями, что объяснимо необходимостью отмежевания от коммунизма и создания противовеса по отношению к структурам (институциональным, экономическим, ментальным), унаследованным от тоталитарного режима коммунистического типа¹⁹.

Из числа «исторических» партий, единственной, кому удалось удержаться среди парламентских образований (вопреки всем внутренним волнениям и разборкам), была Национальная либеральная партия. Национал-крестьянская партия (добавившая к своему названию «христианско-демократическая») утратили постепенно свои позиции, не успев сыграть значительную роль, хоть сколько-нибудь сопоставимую с той, которую она играла в межвоенный период. Характер политического развития в стране за последние годы значительно повлиял и на положение партии «Великая Румыния», силы крайне националистического толка, которая на последних парламентских выборах 2008 г. больше не вошла в парламент Румынии.

Характерным для политической жизни страны является активное участие в ней Демократического союза венгров Румынии (ДСВР), созданного 25 декабря 1991 г. как образование этнических венгров — жителей Трансильвании. Он объединяет различные территориальные организации, платформы, оперирующие собственными критериями относительно выборности своих членов. Эта сила неизменно участвовала в последекабрьских правительствах²⁰.

Парламентские выборы 2000 г. ознаменовали собой новую смену власти. Победу вновь одержали представители левого фланга во гла-

ве с СДП, кандидат которой И. Илиеску был избран президентом Румынии, вернувшись к власти после перерыва. На парламентских выборах 2004 г. победу одержала коалиция правых сил «Справедливость и Правда», в которую вошли ДП и НЛП, кандидат коалиции Т. Бэеску был избран президентом страны сроком на пять лет. Ослабленная внутренними трениями коалиция распалась после выхода из нее ДП. Ноябрьские выборы 2008 г. стали собой своего рода премьерой в постреволюционной истории Румынии: была создана компромиссная коалиция из представителей СДП и Консервативной партии (КП) с одной стороны, и ЛДП (партии, основанной на базе крыла НЛП, разорвавшего со своей партией). Эта коалиция получила более 70 % мест в парламенте. На этот раз ДСВР не был привлечен к власти, оставаясь в оппозиции.

Но по прошествии недолгого времени, в сентябре 2009 г. коалиция провалилась в результате постоянных внутренних конфликтов. Представители СДП и КП были вынуждены выйти из правительства. 13 октября 2009 г. был объявлен вотум недоверия ставшему по сути дела однопартийным правительству во главе с Е. Боком. Все эти события еще больше углубили политический и экономический кризис в стране, готовившейся к президентским выборам, назначенным на 22 ноября 2009 г. Следует признать, что ситуацию в стране осложняли в еще большей мере разногласия и конфликты между различными институтами власти, не имеющие никакого отношения к интересам населения.

На общественно-политической атмосфере в стране сказалось и давление антикоммунистических сил, ставивших своей целью борьбу против коммунистического наследия. Результатом навязчивой антикоммунистической риторики явилось осуждение в Парламенте 18 декабря 2006 г. «коммунистической системы» в Румынии. По этому случаю в своем специальном докладе президент Румынии Т. Бэеску квалифицировал эту систему как «незаконную и преступную»²¹. Вместо того чтобы успокоить ситуацию, зачитанный в парламенте доклад вызвал многочисленные комментарии, породил различные точки зрения не только в парламенте, но и среди ученых, которые ставили под сомнение как содержание, так и выводы комиссии, разработавшей доклад. В конечном итоге доклад привел к еще большему разобщению румынского общества.

Сохранявшаяся конфликтная ситуация в стране периодически питается и тем фактом, что спустя более 20 лет после декабрьских событий 1989 г. правда о виновных в смерти более 1000 человек (а более 3000 человек к тому же получили ранения) все еще не установлена.

В плане внешней политики в Румынии, в отличие от остальных государств ЦЮВЕ, действия руководства вначале отличались осторожностью, имели место определенные колебания и главный вектор склонялся скорее к Востоку. Показательно, например, что Румыния согласилась подписать в апреле 1991 г. Договор о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе с Советским Союзом. 4-я статья этого документа предусматривала обязательство обеих сторон не участвовать «ни в каких альянсах, направленных друг против друга» — подобное положение не было включено в договоры, заключенные СССР с другими бывшими соцстранами, в частности Польшей, Венгрией. Лишь сопротивление «исторических» партий и значительной части общественности воспрепятствовало ратификации этого документа в Парламенте страны. Румыния с опозданием начала переговоры о присоединении к НАТО и Европейскому Союзу.

Исключительно важным для присоединения Румынии к ЕС явился полный консенсус всех политических сил (как правящих, так и находившихся в оппозиции), достигнутый в июне 1996 г. в результате подписания соответствующего Соглашения. Это произошло в Снагове близ Бухареста. Сразу после подписания этого Соглашения Румыния направила официальную заявку о вступлении в эту европейскую экономическую организацию. К сожалению, с вступлением в НАТО (29 марта 2004 г.) и в ЕС (1 января 2007 г.) Румыния до настоящего времени не в состоянии использовать преимущества принадлежности к этим организациям. Ей пока не удается эффективно выступить как в рамках обеих этих организаций, так и вообще на международной арене, в целях продвижения собственных национальных интересов. Столь же длинным и трудным оказался путь к вступлению в Совет Европы (7 октября 1993 г.).

III. Политические последствия курса, проводившегося после декабря 1989 г.

Историки до сих пор избегают высказывать свои оценки относительно периода, начавшегося в декабре 1989 г., утверждая, что нужна определенная временная дистанция. Молодой политолог Ф. Абрахам объясняет это определенной «психологической сдержанностью», а также отсутствием документальных источников²². По мнению того же автора, отсутствие легитимной оппозиции внутри коммунистической системы в виде диссидентства предопределило тот факт, что в отличие от других европейских соцстран румынские лидеры, находившиеся у власти в переходный постком-

мунистический период, оказались более тесно связаны со старым режимом. Новые структуры, появившиеся после декабрьских событий, оказались очень хрупкими, неуклюжими, с неэффективным и дорогостоящим аппаратом, состоящим в основном из людей без соответствующего опыта, из карьеристов и оппортунистов. Если в состав первых правительств были включены представители второго и третьего эшелонов старой номенклатуры РКП, владевшие механизмами власти и экономического управления и сумевшие быстро приспособиться к новой ситуации (в том числе к продвижению реформ), то в состав последующих правительств вошли в основном, за редкими исключениями, дилетанты.

Опыт коалиционных правительств также оказался неудачным, осложняя процесс проведения реформ. Как правильно отмечали эксперты московского Института международных экономических и политических исследований РАН в работе 1993 г., коалиционные правительства «лучше обеспечивают национальное согласие. Однако в то же время они не могут быть примером быстрого и эффективного принятия решений и обычно имеют недолгую жизнь»²³.

Среди новых постдекабрьских структур парламент оказался самым слабым звеном, имея наиболее низкий уровень доверия согласно всем опросам общественного мнения. Как система выборов, основанная на списках, так и новая, внедренная на парламентских выборах 2008 г., не изменили негативного отношения населения к этому институту власти. Не будет преувеличением сказать, что, хотя прошло более 20 лет после революции, демократическая система в Румынии продолжает оставаться неустойчивой, основные институты власти мало консолидированы — в основном из-за постоянных конфликтов между ними, особенно обострившихся в последние пять лет.

Содержание политического дискурса в связи с политическим развитием за прошедший 20-летний период, нашедшего отражение в средствах массовой информации, свидетельствует о существовании неудовлетворенности в обществе. Смысл таких ключевых понятий как «свобода» и «демократия» был зачастую извращен и ассоциируется с безнаказанностью, вседозволенностью, анархией.

Размышляя над нынешним состоянием политической жизни в Румынии, писатель А. Бузура, бывший до 1989 г. одним из «критических голосов», писал: «Сегодняшние тоталитаристы более опасны по сравнению с их вчерашними предшественниками, ибо они умеют манипулировать свободой»²⁴. По мнению писателя, к настоящему времени достигнута самая низкая точка в послереволюционной траектории развития Румынии²⁵.

Более серьезно, однако, то, насколько призрачны надежды на появление нового поколения, способного взять на себя ответственность за будущее нации. Многие молодые политики, ничем не связанные с прежним режимом, уже заражены вирусом коррупции, чувством пренебрежения к закону, равнодушием к интересам народа. Низкий уровень политической культуры населения, а также хрупкий характер румынского гражданского общества усугубляют ощущение разочарования, испытываемого все большей частью населения.

Вместо эйфории и оптимизма, проявленных в первые дни после крушения тоталитарного режима, многие люди испытывают чувство безнадежности и отвращения. «В конце концов, — отмечал бывший чешский президент В. Гавел, — все революции переходят от эйфории к разочарованию. В атмосфере солидарности и самоотверженности люди склоны верить, что с одержанной победой рай на земле неизбежен. Но, конечно же, парадиз не может быть плодом эксперимента, а значит, что, в один прекрасный момент, несомненно, последует разочарование»²⁶.

Вопреки реальным благам, достигнутым румынским народом в процессе демократизации общества после падения социалистического тоталитарного режима, неудовлетворительная работа новой, последекабрьской политической элиты привела в конечном итоге к ослаблению доверия населения к основным институтам государства. Среди значительной части населения, сталкивающегося с большими социальными проблемами, проявляется определенная ностальгия по режиму, рухнувшему в декабре 1989 г. Однако можно твердо сказать, что ни одна политическая партия не желает восстановления старого строя. Правда, среди определенной части населения крепнет убеждение в том, что в первые послереволюционные годы переходного периода следовало бы установить более авторитарный режим. В 1992 г. С. Брукан, один из партийных диссидентов, сыгравший важную роль во время декабрьских событий, писал, что для Румынии было бы предпочтительным существование избранного народом правительства, имеющего мандат на осуществление экономических преобразований и при этом обладающего авторитетом, основанным на «правильном сочетании уважения фундаментальных свобод со строгим применением закона и поддержанием порядка»²⁷.

Что касается *экономического аспекта*, то переход от сверхцентрализованной к рыночной экономике оказался очень трудным в условиях, когда в Румынии в отличие от некоторых других бывших соцстран фактически не существовало элементов рыночной экономики.

Отсутствие цельной концепции и стратегии последекабрьского развития сказалось на процессе быстрого приспособления румынской экономики к новым, рыночным условиям, происходившем с самых первых месяцев после революции. Социальные последствия переходного периода наложили свой отпечаток на широкие слои населения, вызвав ряд потрясений, в частности волнения шахтеров Долины Жиулуй, в результате которых первое последекабрьское правительство, возглавляемое П. Романом, было вынуждено подать в отставку. Особенно негативные социальные последствия возымела дикая приватизация крупной промышленности, ошибочно охарактеризованной как «куча металлолома». Она осуществлялась без достаточно тщательного анализа эффективности работы каждого предприятия, перспектив развития и сырьевых ресурсов. В результате слепой антинациональной политики современные предприятия обанкротились, были распроданы по ничтожным ценам, став мишенями внутренних и внешних акул, орудующих недвижимым имуществом.

Как справедливо заметил историк И. Скурту, «никогда в своей истории экономика Румынии не испытала в такой степени разрушения в мирное время... Практически произошла деиндустриализация, крупные промышленные предприятия были доведены до банкротства, а машины и оборудование продавались на металлолом»²⁸.

Для того чтобы дать представление о реальных масштабах экономического спада, достаточно сказать, что уровень промышленного производства в Румынии достиг в 1999 г. лишь 40,8 % уровня 1989 г. Резкий отказ от административных и командных методов управления в экономике, отсутствие необходимого опыта в сфере рыночной экономики, твердая убежденность в том, что рынок решает все, привели к спаду производства, росту безработицы, снижению жизненного уровня населения. Почти 2 млн человек уехали за границу в поисках работы. Отказ от услуг специалистов, занимавших руководящие посты до декабря 1989 г., и их замена лицами без должных моральных и профессиональных качеств также способствовали экономическому упадку.

В аграрной сфере, помимо возвращения крестьянам земельных участков, что явилось нужным и справедливым актом, была принята мера по ликвидации сельскохозяйственных производственных кооперативов, что означало отказ от формы ассоциации, сохраняющейся в других странах (Чехия, Венгрия). Отрицательный эффект столь абсурдной меры немедленно проявился в раздроблении сельхозплощадей: 5 млн крестьян принадлежат сегодня около 10 млн га пахотной земли. Кроме того, практически были разрушены, точнее разграбле-

ны, системы орошений, парки сельхозтехники сельскохозяйственных производственных кооперативов и государственных сельскохозяйственных предприятий и МТС; многочисленные животноводческие и овощеводческие фермы, опытные станции, теплицы были брошены на произвол судьбы.

Местами крестьяне вернулись к традиционному плугу, и это в стране, где до 1989 г. существовали три современных тракторных завода. Старение сельского населения, нехватка сельхозтехники, дороговизна топлива, отсутствие системы сбора продукции по ценам, доступным для сельских жителей, объясняют тот факт, что большие площади земли пустуют.

Все последекабрьские правительства брались за решение проблем сельского хозяйства (а также туризма) и каждый раз неудачно. Этим и объясняется тот факт, что сегодня Румыния импортирует почти 70 % сельскохозяйственных и пищевых продуктов из Европейского Союза. Туризм также не стал источником поступления доходов в бюджет государства — в той мере, в какой мог бы стать.

Бюрократия, коррупция, некомпетентность привели к тому, что Румыния ныне не в состоянии получить доступ к фондам, предоставленным ЕС. Экономический и финансовый кризис, вспыхнувшие в конце 2008 г., выявили с еще большей силой слабость румынской экономики, ухудшая и без того низкий уровень жизни населения. Выросла внешняя задолженность страны, достигшая в конце 2009 г. года свыше 70 млрд евро по сравнению с 21 млрд в 2004 г. Из этой суммы около 60 млрд являются частной задолженностью, из которой почти 50 млрд евро принадлежат иностранным юридическим лицам, которые финансировали свои инвестиции переводом средств из-за границы.

Недавняя заявка Румынии на получение займа в сумме около 20 млрд евро от МВФ, МБ и ЕК после почти десятилетнего экономического роста является, по мнению экспертов, неудачей с разных точек зрения. Это и неудача плохого правления, и неудача стратегии ЕС, направленной на то, чтобы создать из восточноевропейских стран рынок для собственных продуктов. «Потребление без производства, импорт без экспорта, гипермаркеты без фабрик, машины без шоссе — вот синтагма, которая подходит для страны, и не как метафора, а как конкретная реальность»²⁹.

Другой ошибочной мерой, принятой с приходом к власти либерально-демократической коалиции, был закон о возвращении *in integrum* имущества, национализированного в годы существования тоталитарного режима, что означало фактически замену одной несправедливости другой несправедливостью. В результате приня-

той с опозданием меры, без учета опыта других стран в этой области, например Чехословакии и Венгрии, еще больше ухудшился социальный климат в румынском обществе.

После декабря 1989 г. в румынской политической жизни преваляло и продолжает превалять черно-белое видение, диктуемое новым политическим классом при поддержке определенной части интеллигенции. Этот подход находит воплощение в оценке периода 1945–1989 гг. как национальной катастрофы во всех аспектах: политическом, экономическом, социальном, культурном и т. д. Все, что происходило в стране на протяжении всего этого долгого времени, трактуется абсолютно негативно, хотя указанный период имел свои как светлые, так и темные стороны. Под каток критики преступлений и произвола, совершенного над румынским народом, всего, что заслуживает беспощадного осуждения, попал ряд неоспоримых достижений. Не стоит, в частности, забывать о том, что за эти более чем 40 лет Румыния превратилась из аграрной страны в индустриально-аграрную, с высокой долей накопления (в последние годы около 30 %), в страну, где были ликвидированы неграмотность и целый ряд хронических заболеваний, вырос уровень культуры и образования населения (так, в Румынии было введено обязательное 10-летнее обучение, а с 1990 г. предполагалось перейти к 12-летнему); была осуществлена широкая жилищная программа, изменился облик сел и городов и т. д. Хотя в конце 1980-х гг. трудности, возникшие в результате абсурдной политики бывшего руководства, были огромными, нельзя считать, что вся политика, проводившаяся старым режимом, явилась ошибочной и противоречила интересам румынского народа.

Таким образом, новый политический класс предпочитает скрывать собственную некомпетентность и демонстрирует нежелание взять на себя ответственность за накопившиеся трудности переходного периода, обвиняя во всех грехах «бедственное наследие коммунизма». Он игнорирует тот факт, что после краха «коммунизма» прошло более 20 лет, и такие оправдания больше никого не могут убедить. Важно отметить, что представители старой партийной и государственной номенклатуры 2-го и 3-го эшелонов представляют ныне незначительную часть в правительстве и парламенте Румынии.

Последекабрьское развитие имело, на наш взгляд, печальные последствия в духовном плане. Мы продолжаем быть свидетелями процесса деградации морального климата в обществе, отсутствия национального идеала, потери подлинных ориентиров, извращения

сознания людей. Единственное учреждение, которое продолжает следить за моральным здоровьем народа, пытаясь ставить барьеры на пути деградации общества, — это церковь.

Описывая состояние румынского общества после 20 с лишним лет, прошедших с декабрьских событий 1989 г., писатель А. Бузура признал, что «голод, страх, тупоумие, невежество, коррупция, духовное разложение стали с каждым постреволюционным мигом все более присущи жизни всех»³⁰. Нельзя скрыть и тот факт, что этому состоянию общества способствовала и степень политической культуры населения, находящейся на более низком уровне по сравнению с другими бывшими европейскими соцстранами. Новый человек, обладающий «высоким социалистическим сознанием», о котором не переставала трещать коммунистическая пропаганда, оказался пустым лозунгом, полностью оторванным от действительности. Свидетельством тому — получившие распространение в обществе отклонения от норм цивилизованного поведения, потребление наркотиков, рост преступности, в том числе среди молодежи, и это все на фоне ослабления авторитета органов правопорядка.

Демократию и свободу часто путают со вседозволенностью, игнорируя при этом закон и здравый смысл. Всему этому не в последнюю очередь содействовало принятие — без всякого здравого размышления — определенной частью средств массовой информации западных псевдоценностей, культивирующих насилие, унижение человеческого достоинства, угрожающих моральным устоям общества. Перед такой реальной опасностью семья, школа, власти оказались беспомощными. К сожалению, и влияние гражданского общества на политическую жизнь становится слабее в сравнении с началом 1990-х гг., что признает и поэтесса А. Бландиана, одна из видных представительниц гражданского общества, не способного, по ее мнению, в настоящих условиях порождать общественные изменения³¹.

Все это неудивительно в тех условиях, когда отсутствие гражданского духа представляет собой, по мнению известного историка Флорина Константиину, «один из самых серьезных недостатков румынского общества». Оно проявляется в заботе исключительно о личном интересе и в отсутствии интереса к общей ситуации³².

Проведенные зачастую без всякой логики реформы в системе образования, здравоохранения, науки, спорта и т. д. привели к хаосу, ухудшению качества функционирования этих областей, исключительно важных для развития общества в целом. Румыния снова сталкивается с феноменом неграмотности, с бедственным положением

медицинской системы, с беспризорными детьми, с нехваткой средств на развитие спорта, культуры. Для большинства молодых семей получение одной скромной квартиры стало несбыточной мечтой³³.

Долгожданная свобода и демократия имели не только благотворные эффекты в плане освобождения человека от зачастую удушливой атмосферы старого режима. Они обладали и рядом недостатков, вызванных неумением людей достойно воспользоваться плодами полученной свободы. Люди Восточной Европы, — писал вышеупомянутый С. Брукан, — в условиях послереволюционной эйфории «ухватились обеими руками за новые свободы и права, принесенные демократией, и стали пользоваться ими с энтузиазмом, но без дисциплины и должного чувства ответственности, привитых гражданам Запада на протяжении многих десятилетий демократической практики»³⁴.

Свобода нашла свое выражение и в появлении сразу же после падения тоталитарного социалистического режима массы новых печатных изданий (более тысячи), открытии радио- и телевизионных станций, более или менее независимых. Можно сказать, что с этой точки зрения Румыния занимает одно из ведущих мест среди бывших европейских соцстран. За редкими исключениями большинство средств массовой информации занято поиском сенсационных, скандальных фактов, распространяют пошлость, все более усугубляя моральное состояние общества. Наблюдая все это, нельзя не согласиться с замечанием первого президента Чехии В. Гавела, по мнению которого, для такого рода средств массовой информации свобода означала прежде всего «возможность безнаказанно лезть под кровать политиков»³⁵.

Вместо выводов

Состояние недовольства и бессилия, охватившее добрую часть населения, вызвано разочарованием в связи с неисполнением ожиданий и надежд после победы, одержанной в декабре 1989 г. Через 20 с лишним лет мы имеем разобщенное и поляризованное общество: с одной стороны, паразитическое меньшинство, с другой — большинство, желающее честно трудиться, но беднеющее с каждым годом, в результате серьезных недостатков политического класса, который руководствуется в основном мелкими личными интересами и стремлением удержаться у власти любой ценой. Судя по результатам недавнего опроса общественного мнения, 76 % респондентов считают, что Румыния идет в неверном направлении³⁶. Парадокс состоит в том, что рабочие, вышедшие на улицы в те страшные декабрьские

дни 1989 г., оказались у разбитого корыта, в то время как крупные дельцы пользуются благами и огромными прибылями в результате всяческих махинаций и нечестных игр.

Не поддаваясь отчаянию, сохраняем еще в душе надежду на то, что не все еще потеряно, что румынский народ еще обладает силой для того, чтобы поправить ситуацию. Однако для этого нужны, по выражению Гавела, «революция умов и сердец, определенное общее пробуждение людей»³⁷. Добиться этого можно лишь с выходом на арену нового поколения, которое не было бы деформировано ни наследием коммунизма, ни пороками перехода от социализма к капитализму.

Примечания

¹ Pop A. Tentația tranziției. O istorie a prăbușirii comunismului în Europa de Est. București, 2002. P. 331.

² România Liberă. 1989.12. VI.

³ Iliescu I. Revoluție și reformă, Editura Enciclopedică. București, 1994. P. 12.

⁴ Marele șoc. Din finalul unui secol scurt. Ion Iliescu în dialog cu Vladimir Tismăneanu. București, 2004. P. 114.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Constantiniu F. Criza politică din România (1987–1989) reflectată în documentele sovietice. Caietele revoluției. 2007. № 1(8). P. 21–23.

⁷ См.: De la regimul comunist la regimul Iliescu. Virgil Măgureanu în dialog cu Alex Mihai Stoescu. București, 2008.

⁸ Abraham F. România. De la communism la capitalism, 1989–2004. București, 2006; idem. Transformarea Romniei. 1989–2006. Rolul factorilor externi. București, 2006.

⁹ Constantiniu F. O istorie sinceră... P. 533.

¹⁰ Abraham F. România de la comunism la capitalism... P. 345.

¹¹ Cultura. 2009.24.IX. Anul IV. № 38(242).

¹² Iliescu I. Revoluție și reformă... P. 110.

¹³ Marele șoc. Din finalul unui secol scurt. Ion Iliescu în dialog cu Vladimir Tismăneanu. București, 2004. P. 267.

¹⁴ Tănase S. Miracolul revoluției. București, 1999. P. 363.

¹⁵ Ibid. P. 362.

¹⁶ Ibid. P. 371.

¹⁷ Abraham F. De la comunism la capitalism... P. 349.

¹⁸ Iliescu I. Marele șoc. Din finalul unui secol scurt... P. 292.

¹⁹ Abraham F. România de la comunism la capitalism... P. 363.

²⁰ См. подробнее: Abraham F. România de la comunism la capitalism.

²¹ Comisia prezidențială pentru analiza dictaturii comuniste din România. Raport final. București, 2007.

²² Abraham F. România de la comunism la capitalism... P. 596.

²³ Уроки Восточной Европы // Независимая газета. 1993. 9.II.

²⁴ Cultura. 2009. 26.III.

²⁵ Jurnalul Național. 2009. 27.VI.

²⁶ Havel V. Depășind iluzia revoluționară // Ziua. 2009. 29.III.

²⁷ Brucan S. Generația irosită. Memorii, București, 1992. P. 256.

²⁸ Scurtu I. Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional. București, 2006. P. 323–324.

²⁹ Un triplu eșec și o tragedie // România Liberă. 2009.15.IV.

³⁰ Cultura. 2009.26.III.

³¹ Adevărul. 2009.17.VII.

³² Constaniniu F. Despre firea românilor // Historia. 2009. Anul IX. № 92. P. 5.

³³ Подробнее см.: Cătălin Z. O analiză critică a tranziției. Iași, 2004.

³⁴ Brucan S. Generația irosită... P. 254.

³⁵ Havel V. Pe scurt, vă rog. București, 2009. P. 234.

³⁶ Gândul. 2009.19.VIII.

³⁷ Havel V. Pe scurt, vă rog... P. 326.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕШСКО- РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ*. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА 1990-е ГОДЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Э. Ворачек
(Чехия)

Меняющийся мир

Мы живем в бурное время, не замечая особо признаков происходящих перемен, тем не менее нам следует их учитывать. Меняемся мы, меняется мир. Нельзя не признать, что Европа как составная часть глобализованного мира после определенного периода времени снова находится в кризисе. Мы можем быть довольны, что Чешской Республике спустя бурное десятилетие удастся внедриться в «новую Европу», Европейский союз — чтобы нам не пришлось и в дальнейшем оставаться лишь на «периферии». И все же нельзя не учитывать последствий стремительного расширения, бесконечного усложнения Европейского Союза, растущей бюрократизации, споров о границах, регионального национализма, не слишком успешных преобразований в экономической и социальной сфере (реформы, реализация которых тянется уже в течение многих лет). Вышеперечисленного слишком много для того, чтобы граждане нашего государства обрели уверенность в себе, политики — смелость и компетентность, а СМИ — уважение. Действительно, можно допустить, что повсюду в Европе демократия ощущает угрозу, особенно в том случае, когда нам не удастся своевременно учитывать серьезно растущее расслоение наших обществ на бедных и богатых — как внутри страны, так и за ее пределами. Дрейф политических предпочтений в направлении известной маргинальности уже начался, и этот процесс будет продолжаться. Нельзя игнорировать и риски, связанные с проблемами

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта AV0780150510 (Институт истории АН ЧР).

безопасности современного мира, а с другой стороны — той легкости, с которой снова формируются новые образы врага. Как будто кому-то — начиная с 80-х гг. прошлого столетия — очень хотелось бы окончательно вытеснить этос борьбы за мир.

Трансформирующаяся Центральная и Восточная Европа просуществовала более двух десятилетий. Венгерский экономист Янош Корнай в одной из своих работ середины 1990-х гг. охарактеризовал путь, который пришлось пройти этому региону за истекший период, *как путь от периферии к периферии*². Наш чешский интерес должен концентрироваться на поиске более прочного места в истории.

Бесспорно, современные отношения между Чешской Республикой и Россией имеют свои геополитические измерения; они слишком различны (территория, размеры, мультикультурность), а отсюда следует целый ряд других отличных уровней, с учетом которых нам предстоит вести анализ. Характеристики двух стран также в разных отношениях отличаются друг от друга. У нас нет общей границы, мы во многом другие. Тем не менее есть много общего: наши народы никогда не воевали друг против друга, напротив, ушедшее в далекое прошлое возрождение со славянофильским аспектом декларировало в своих программах сотрудничество, причем в самых разнообразных формах. Нельзя не вспомнить 1945-й, который принес освобождение от нацизма и открыл путь в направлении многообещающего, как это представлялось большинству тогдашнего поколения, развития. Нельзя обойти молчанием и другие факторы, хотя они в той или иной мере игнорируются. Последовавший после 25 февраля 1948 г. период государственного социализма и жестокие 1950-е гг. с преследованием любой оппозиции, которые трактуются современной чешской историографией как период тоталитарной диктатуры, и самое главное — интервенция 21 августа 1968 г. повернули в значительной степени вектор указанной тенденции в ином направлении.

Вопреки этому или точнее, именно благодаря этому, мы должны экстраполировать недавнее прошлое на зачастую извилистые пути в наших современных взаимоотношениях, отражающих новый уровень взаимодействия после ноября 1989 г., и должны попытаться понять их тенденции. Памятуя, что эти взаимоотношения имеют различные предназначения, как различна и интенсивность связей.

Если взять *политическую сферу*, то отмечается, казалось бы, сходство: в обоих государствах строится демократия. Однако оба государства имеют здесь свои, различные по глубине корни, которые дают о себе знать в сегодняшней политике; отличаются также политические культуры двух государств, а в итоге — возникают различия в трак-

товке того, что такое демократия. Следовательно, различны и итоги формирования демократической системы, обе системы отличаются друг от друга и по их функционированию.

Для *экономической сферы* характерно, что потенциал взаимного сотрудничества не используется в полной мере.

В *сфере внешней политики* первостепенную роль играют принципиальные различия геополитического измерения двух стран. После достижения определенной стабилизации Россия вновь пытается занять более весомое международное положение, что можно трактовать как попытку возврата к статусу великой державы и соответствующей этому статусу деятельности. Чешская Республика, главным образом после своего вхождения в 2005 г. в Евросоюз, стремится занять достойное место в рядах европейско-атлантического сообщества, причем в отношении России пытается действовать более активно по сравнению со своими партнерами по Евросоюзу.

Что касается *социокультурной сферы*, этот сюжет следует оставить моим более квалифицированным коллегам-специалистам.

Естественно, приведенные выше суждения — далеко не полные, но, как представляется, их необходимо высказать, чтобы можно было идти дальше, т. е. обозначить более масштабные рамки проблематики чешско-российских отношений в целом. Хотя бы по той причине, что как у нас, так и в России данная тема является предметом изучения крайне узкого круга исследователей.

Чехословацко (чешско)-советские (российские) отношения после 1989 года

В статье анализируются главные проблемы взаимодействия двух стран, начиная с 1989 г. и в последующее двадцатилетие, т. е. в условиях формирования и стабилизации современных взаимоотношений. В этой связи визит в Москву чешского президента Вацлава Клауса в марте 2006 г., происходивший в новой ситуации, главным образом на международном уровне, уже нельзя однозначно отнести к периоду стабилизации отношений после падения коммунистического режима в Чехословакии³.

На рубеже 1980–1990-х гг. произошло крушение государственно-социализма⁴ — сначала в странах Центрально-Восточной Европы (теория домино), а позднее и в самом СССР, что одновременно способствовало распаду этого многонационального государства. Падение режима в Чехословакии, «бархатная» революция в ноябре 1989 г.⁵ обусловили кардинальную смену власти, что привело к неоднознач-

ным внешнеполитическим последствиям. После формирования правительства Гражданского форума во главе с бывшим коммунистом М. Чалфой и после отставки Г. Гусака 10 декабря новым президентом 29 декабря 1989 г. был избран Вацлав Гавел, тогда же начался процесс реконструкции и переориентации чехословацкой внешней политики. Для нового чехословацкого руководства отношение к Советскому Союзу являлось одним из ключевых вопросов. Коренная проблема заключалась в упорядочении отношений на новой основе, то есть речь шла об установлении связей двух суверенных государств⁶.

Реконструкция взаимоотношений после 17 ноября 1989 года

В чехословацко-советских взаимоотношениях важным являлось первоочередное решение самых неотложных вопросов. И первым в этом ряду стоял вопрос о выводе советских войск из Чехословакии. 3 декабря 1989 г. на переговоры представителей стран Варшавского договора прибыл глава «правительства одной недели» Ладислав Адамец. Он настаивал на личной встрече с Горбачевым, который тем не менее не принял его для разговора «с глазу на глаз»⁷. Вопрос об оккупации 21 августа 1968 г. и пребывании советских войск на территории страны чехословацкое правительство подняло только после падения власти одной партии. 3 декабря 1989 г. правительство Л. Адамеца квалифицировало события 21 августа как нарушение норм международного права. Оно же выступило с предложением провести переговоры о завершении пребывания советских войск на чехословацкой территории и их выводе в соответствии с общеевропейским процессом разрядки⁸. А уже на следующий день в Москве Л. Адамец и М. Горбачев подписали в Москве совместное заявление, согласно которому августовская интервенция в ЧССР в 1968 г. Советского Союза и других четырех стран Варшавского договора «явилась акцией, несовместимой с нормами отношений между суверенными государствами»⁹.

В тот же день на упоминавшейся выше встрече представители стран — участниц Варшавского договора в Москве (Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и СССР) высказали свое отношение к чешскому заявлению о переоценке августовской оккупации 1968 г. и заявили, что «с точки зрения ныне известных фактов <...> вторжение войск их государств в Чехословакию означало вмешательство во внутренние дела суверенного <...> государства и должно подвергнуться осуждению»¹⁰. После падения «правительства одной недели» Адамеца (оно формировалось в соотношении 15:5), новое правительство «национального согласия» во главе с М. Чалфой и возглавившем

МИД И. Динстбиром более решительно подошло к решению вопроса о выводе войск.

Первый визит нового, посленоябрьского правительства во главе с премьер-министром М. Чалфой и новым министром иностранных дел И. Динстбиром в Москву состоялся всего через неделю после утверждения этого правительства. Вопрос о программе визита рассматривался на заседании правительства 18 декабря. В частности, председателю правительства М. Чалфе поручили пригласить председателя Совета министров СССР Н. Рыжкова посетить Чехословакию. Однако этот визит не состоялся¹¹. Московская же встреча глав правительств и министров иностранных дел (20 декабря 1989 г.) явилась важным шагом на новых открытых переговорах с главой советского правительства Н. Рыжковым. Эти переговоры имели весьма познавательный и информативный характер¹².

На следующий день, 21 декабря, И. Динстбир проинформировал правительство о переговорах в Москве. Новому министру национальной обороны генералу М. Вацеку и заместителю председателя правительства Я. Чарногурскому было поручено предложить на очередном заседании правительства «проект позиции чехословацкой стороны в Чехословацко-советской комиссии по вопросу о выводе советских войск с территории ЧССР»¹³. Вскоре И. Динстбир встретился и с министром иностранных дел Э. Шеварднадзе. Чехословацкий министр категорически потребовал вывести советские войска из ЧССР и настаивал на прибытии советской делегации для переговоров по этому вопросу уже в первой половине января 1990 г.¹⁴ Следует отметить, что ранее Шеварднадзе не хотел даже говорить о выводе войск из Чехословакии, придерживаясь, по существу, старой аргументации о равновесии сил безопасности в Европе и т. д., фактически отказываясь учитывать новые реалии.

Через неделю в Праге, по приглашению чешской стороны, состоялись очередные переговоры. Несколько туров переговоров прошло на уровне заместителей министров иностранных дел. При правительстве было создано Управление чехословацкого правительственного уполномоченного, которое с 22 февраля 1990 г. возглавлял генерал Рудольф Духачек¹⁵. При федеральном Министерстве национальной обороны появилось Управление по обеспечению вывода советских войск из Чехословакии, а возглавил его генерал-майор инженер Светозар Надевич.

На уровне реконструированного Федерального собрания ЧСФР последовательно вели работу две парламентские комиссии, сфор-

мированные несколько позднее. Одна из них — Комиссия палат Федерального собрания по контролю над выводом советских войск из Чехословакии была создана 28 марта 1990 г. и работала до первых после 1946 г. свободных парламентских выборов в Чехословакии, состоявшихся в июне 1990 г. После выборов, 20 сентября 1990 г. была создана другая парламентская комиссия во главе с Михалом Коцабом. По завершении вывода советских войск она завершила свою работу, представив итоговый доклад, утвержденный 3 июля 1991 г. постановлением совместного заседания палат Федерального собрания ЧСФР¹⁶. После ряда перипетий и благодаря значительным усилиям было совместно подготовлено соглашение о выводе войск, а 22 февраля 1990 г. — парафировано¹⁷.

Комплекс вопросов, включавших урегулирование отношений между двумя государствами на новой основе, был поставлен на обсуждение и в определенной мере закрыт 26 февраля 1990 г., во время визита вновь избранного президента ЧССР В. Гавела в Москву. В состав большой делегации, сопровождавшей чехословацкого президента, входили министр иностранных дел И. Динстбир, министр национальной обороны М. Вацек, министр внутренних дел Рудольф Сахер и др.¹⁸

Сначала состоялась встреча В. Гавела (в присутствии А. Вондры) с М. Горбачевым¹⁹, затем прошла встреча двух делегаций²⁰. На повестке дня стоял главным образом вопрос о выводе советских войск из Чехословакии, обсуждались и вопросы экономического сотрудничества; было подписано новое соглашение о сотрудничестве КГБ и МВД, обсужден вопрос о совместных летних военных учениях (это уже не было реализовано) и др. Кроме этого велись переговоры и о заключении нового чехословацко-советского договора взамен союзнического договора от 1970 г., срок действия которого истек в 1990 г., но он так и не был возобновлен. Из протокола следует, что обе стороны подходили к переговорам во многом с различных позиций. С учетом уже происходивших изменений в распадавшемся советском блоке, а также в странах Центральной и Восточной Европы, нельзя не заметить, что советское руководство предлагало программу сотрудничества (в том числе упоминавшиеся выше совместные воинские учения), совершенно не отражавшую реальную ситуацию. В целом можно сказать, что советские представители не понимали сути происходивших в тот период перемен.

26 февраля 1990 г. в Москве В. Гавел совместно с М. Горбачевым подписали *Декларацию об отношениях между ЧССР и СССР*. Совет-

ская сторона выразила «сожаление в связи с необоснованным вводом» войск в ЧССР 21 августа 1968 г.²¹ Это произошло спустя полгода после того, как польский Сенат и Сейм, а также президиум Венгерской социалистической рабочей партии квалифицировали участие войск своих стран в оккупации Чехословакии как необоснованное²².

Затем был заключен *Договор о выводе советских войск из Чехословакии*, который завершился к июню 1991 г. Договор подписали в Москве министры иностранных дел Иржи Динстбир и Эдуард Шеварднадзе²³. Последний советский солдат покинул чехословацкую территорию 30 июня 1991 г.²⁴ Всего в СССР было выведено 73 500 солдат и офицеров (здесь не приводится количество членов их семей, которые также проживали в Чехословакии), 1220 танков, 2505 боевых машин пехоты, 1218 артиллерийских орудий, 77 военных самолетов и 146 военных вертолетов²⁵. Вывод воинских частей проходил в три этапа. Согласно информации парламентской комиссии по контролю над выводом советских войск, эти части передвигались в основном по железной дороге. В целом речь шла о 825 составах, 20 265 железнодорожных вагонах и 11 068 железнодорожных товарных вагонах. Одновременно было задействовано 1709 автомашин в 27 автоколоннах. Воздушным транспортом было осуществлено 15 перелетов²⁶. В соглашении СССР обязывался выплатить Чехословакии 160 млн американских долларов в порядке компенсации за нанесенный ущерб в результате пребывания его войск после оккупации 1968 г. Вопрос об этом советском долге, предъявленном к уплате во второй половине 1980-х гг., решен не был.

Приоритеты тогдашней, в то время пока еще советской, внешней политики определялись активной ориентацией на сотрудничество с Соединенными Штатами и в первую очередь на решение немецкого вопроса, финалом которого явилось присоединение 4 октября 1990 г. бывшей ГДР к ФРГ. После распада Советского Союза новая политика РФ ориентировалась на США, на тесное сотрудничество с Германией. Страны Центрально-Восточной Европы, в том числе и ЧСФР, а позднее — ЧР и СР, находились на втором плане российских интересов²⁷. С другой стороны, ЧСФР и другие страны Центрально-Восточной Европы также ориентировались на Запад. И все же открыто свое стремление и желание интегрироваться в западные структуры — ЕС и НАТО даже сам В. Гавел высказал лишь в своей речи от 23 февраля 1993 г. До этого здесь в значительной степени преобладала идея о ликвидации НАТО и ОВД, а премьер М. Чалфа говорил даже о стратегии «круговой обороны» ЧСФР.

Ликвидация блоковых структур и стандартизация взаимоотношений ЧСФР/ЧР и СССР/ России

Чехословацкие демократы, а вместе с ними и вновь сформированные правительства других бывших союзников СССР были поставлены перед вопросом дальнейшего существования Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и военной организации — Варшавского договора (ВД). Хотя горбачевское руководство предполагало, что трансформированный определенным образом СЭВ будет по-прежнему продолжать свою деятельность, страны Центральной и Восточной Европы высказывали противоположное мнение. Так, на 45 заседании СЭВ в январе 1990 г. в Софии чехословацкие представители выступили с требованием радикальной трансформации этой международной организации. Однако итог переговоров был таков, что СЭВ не трансформировался, а, напротив, был окончательно ликвидирован в соответствии с принятым на заседании в Будапеште в конце июня 1991 г. протоколом²⁸.

Советская дипломатия в то время еще добивалась дальнейшего существования трансформированного ВД, но и здесь она потерпела фиаско. Из стран — членов СЭВ ее поддержала лишь Румыния и частично Польша. Чехословацкая дипломатия вместе с венгерской добивалась ликвидации военных структур ВД и трансформации ее политической структуры в направлении формирования равноправного института безопасности. Этот проект был предложен на заседании ВД в Москве в начале июня 1990 г. Осенью того же года было достигнуто соглашение о ликвидации военных структур ВД. Само соглашение было подписано в феврале 1991 г., военные структуры ВД окончательно ликвидированы к 31 марта. Обострение курса московского руководства по отношению к освободительным устремлениям прибалтийских республик, вмешательство советских частей в Прибалтике в январе 1991 г. способствовали усилению давления с целью ликвидации пакта в целом. Такую позицию однозначно поддержали представители дипломатии ЧСФР, Польши и Венгрии. 1 июля 1991 г. в Праге был подписан протокол о ликвидации ВД. От имени ЧСФР протокол подписал В. Гавел, от СССР — вице-президент Г. Янаев.

Накануне, в середине мая 1991 г. ЧСФР посетил президент РФ (РСФСР) Б. Ельцин; это был первый его официальный визит в ЧСФР в должности представителя стремившейся к самостоятельности России. 14 мая 1991 г. совместно с В. Гавелом он подписал чехословацко-российскую декларацию о принципах взаимоотношений. Неудавшаяся попытка переворота в Москве во второй декаде

августа 1991 г. привела к стремительному распаду СССР. Правительство ЧСФР, как и ряда других европейских государств, выразило готовность признать независимость тогда еще советских прибалтийских республик, что и произошло 29 августа 1991 г. В сентябре того же года были снова установлены (или обновлены, если принять во внимание то обстоятельство, что с этими прибалтийскими республиками Чехословакия поддерживала дипломатические отношения еще с межвоенного периода) дипломатические отношения²⁹. Несмотря на явно расширяющийся процесс распада СССР, осенью 1991 г. форсированными темпами завершилась подготовка Договора о добрососедстве, дружественных отношениях и сотрудничестве между ЧСФР и Советским Союзом. Уже 3 октября 1991 г. в Москве Договор был парафирован министром иностранных дел ЧСФР И. Динстбиром и новым министром иностранных дел СССР Б. Панкиным, который до августовского путча 1991 г. был послом СССР в ЧСФР. По этому случаю Б. Панкин принес извинения Чехословакии за вторжение советских войск 21 августа 1968 г. Были подписаны соглашения о безвизовом режиме, а также план сотрудничества в сфере науки, культуры и образования³⁰. Однако готовившийся визит президента СССР М. Горбачева в Чехословакию не состоялся. СССР в конце 1991 г. прекратил свое существование.

Чешская и Словацкая Федеративная Республика и Российская Федерация. Внешнеполитические отношения

Распад СССР в конце 1991 г. положил начало новому, хотя и краткому, этапу развития чехословацко-российских отношений. 26 декабря 1991 г. чехословацкое правительство приветствовало образование Содружества независимых государств, параллельно стремясь к установлению прямых дипломатических контактов с каждым из государств Содружества. Ключевыми оставались отношения с Россией как правопреемницей СССР, пока что в тени оставались отношения с другими странами, в первую очередь с Украиной. Ее независимость правительство ЧСФР признало 8 декабря 1991 г; независимость других государств, в том числе и не являвшихся членами СНГ (Грузия), была признана актом чехословацкого правительства от 22 января 1992 г. Для отношений с Россией принципиальное значение имел второй визит председателя правительства ЧСФР М. Чалфы в Москву в третью неделю февраля 1992 г. Министры иностранных дел двух государств — И. Динстбир и А. Козырев парафировали новый чехословацко-российский договор о сотрудничестве, заменивший

документ от октября 1991 г.³¹ Этот договор был подписан президентом ЧСФР В. Гавелом и президентом РФ Б. Ельциным 1 апреля того же года в Москве. Он означал урегулирование вопроса о советской интервенции в Чехословакию в августе 1968 г. и заложил основу развития отношений между двумя суверенными государствами в будущем. Вместе с тем он явился скорее эпилогом кратких и непростых отношений между постсоветской Россией и ЧСФР; конец которым был положен в результате ликвидации единого государства чехов и словаков 31 декабря 1992 г., отражавшей сложные проблемы трансформационных процессов разных уровней в обеих странах. Одновременно министр И. Вавроушек со своим российским коллегой подписали соглашение об упорядочении имущественных и финансовых вопросов, связанных с пребыванием советских войск в Чехословакии. Спустя месяц правительство одобрило чехословацко-российское соглашение об отправке по железной дороге через чехословацкую территорию российских воинских частей из Германии.

Чешская Республика и Российская Федерация

В новых условиях встал вопрос о необходимости подготовки очередного договора. Для его оформления, то есть для выработки первого чешско-российского договора о взаимоотношениях, потребовалось длительное время с учетом как различных взглядов обоих государств на их дальнейшее развитие, так и их различных интересов. Российское руководство выражало свою обеспокоенность в связи с ориентацией Чешской Республики на членство в НАТО и в Европейском Союзе. 23 февраля 1993 г. В. Гавел подчеркнул, что ЧР однозначно стремится к вхождению в НАТО и ЕС, что имело негативный резонанс в России. В чешском парламенте было обсуждено в целом 3 варианта договора с Россией. Со стороны правящей коалиции выражались и сомнения, мол, не нужно никакого договора с Россией. Однако это могло бы стать свидетельством проведения несбалансированной политики, в том числе и в отношении с Германией, с которой совместная декларация была подписана лишь в 1997 г.

Договор между ЧР и РФ о дружественных отношениях и сотрудничестве был подписан В. Гавелом и Б. Ельциным 26 августа 1993 г. в Праге. Он заменил союзнический договор 1970 г. Государственная дума РФ ратифицировала его 21 июля 1994 г., а Палата депутатов парламента ЧР — 27 сентября 1995 г. Это произошло после сложных и зачастую бурных дебатов, в которых по поводу смысла договора снова сталкивались порой непримиримые мнения между депутатами

Гражданской демократической партии и Коммунистической партии Чехии и Моравии, разумеется, под исключительным прицелом масс-медиа. Лишь в следующем, 1996 г., Б. Ельцин и В. Гавел обменялись ратификационными грамотами.

Этим актом был завершён сложный этап и обозначилось новое видение взаимоотношений двух стран, которые являлись всего лишь преемниками прежних государств и пребывали в кардинально изменившемся в геополитическом отношении мире.

Перевод с чешского
Э. Г. Задорожнюк

Примечания

¹ В настоящей статье использованы в основном доступные архивные документы. Что касается чехословацких/чешских архивов, то следует отметить доступность в исключительных случаях лишь некоторых постановлений правительства ЧССР/ЧСФР, хранящихся в Национальном архиве в неупорядоченном до настоящего времени фонде (fond Úřad předsednictva vlády – f. ÚPV, как известно, обработан за период 1945–1959). Выражаю огромную благодарность сотрудникам четвертого отдела Национального архива господину Франтишку Фрнџку и заведующему фонду господину Франтишку Штвераку за их понимание и подготовку необходимых архивных материалов для данной работы. Благодарю также сотрудника этого же отдела господина Давида Губены за оказанную помощь. Российские архивные фонды по рассматриваемому в статье периоду в настоящее время практически недоступны. Единственное исключение составляет архивная коллекция Фонда Горбачева в Москве, где исследователи имеют возможность ознакомиться с электронными копиями протоколов переговоров генерального секретаря ЦК КПСС с лидерами зарубежных стран.

Автор заранее выражает признательность за возможные критические замечания, которые просит направлять по адресу: voracek@hiu.cas.cz

²Kornai J. The Socialist System. The political economy of Communism. Oxford, 1992. См. Введение к книге.

³ Данная проблема нуждается в дальнейшем изучении, поскольку взаимоотношения развиваются в отчетливо меняющемся мировом экономическом климате.

⁴ Терминология определения бывшего режима чрезвычайно разнообразна: «протосоциализм», термин, используемый главным образом некоторыми теоретиками-марксистами (в Чешской Республике, например, это Й. Геллер), «бюрократический социализм», «социализм советского типа» (З. Млынарж в начале 1990-х гг.), наконец, «тоталитарный социализм», включая тоталитарное государство с его репрессивным режимом. Адекватным, на мой взгляд, является термин «государственный социализм» с учетом его основных характерных черт.

⁵Терминология различается: говорят о «бархатной» революции или о договорной передаче власти (П. Питгарт), в Германии часто используется термин *Wende* (переход, перемены) и т. д. Уже в одном этом разнообразии используемых терминов просматривается весьма богатый разброс взглядов на то, что произошло на рубеже 1980–1990 гг. Однако существенной явилась смена режима. Различные типы перехода более детально проанализировал С. Хантингтон (См.: Huntington S. P. *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma, 1991).

⁶К сожалению, литература по проблеме развития чехословацко-советских отношений в период до и непосредственно после 17 ноября 1989 г. не слишком богата. Из книг, в которых уделяется внимание российской проблематике с привлечением документов из некоторых российских архивов, следует отметить следующую работу: Blehova V. *Der Fall des Kommunismus in der Tschechoslowakei*, Wien 2006. Еще одно исследование (Hausleitner M. *Die sowjetische Osteuropa-politik in den Jahren der Perestrojka*. Frankfurt M., New York, 1994) посвящено горбачевской внешней политике по отношению к бывшим социалистическим государствам Центральной и Восточной Европы, однако здесь чехословацкой проблематике отведено всего лишь несколько страниц (С.183–190); к сожалению, данная работа основана прежде всего на немецких текстах, а не на оригинальных их версиях на русском языке. Из чешских авторов эта проблема — лишь частично — разрабатывалась И. Деймеком (Dejmek J. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století 1918 až 1992. Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky*. Praha, 2002). Детальную статью с привлечением материалов из российских архивов посвятил этой проблематике автор настоящей работы (См.: Voraček E. *EU-Erweiterung und die tschechisch-russischen Beziehungen // Z. Mansfeldová, V. Sparschuh, A. Wenninger (eds.). Patterns of Europeanisation in Central and Eastern Europe. Edition: Beiträge zur Osteuropaforschung. Bd. 11. Berlin, 2004. S. 207–226*). Из российских авторов следует отметить работу: Задорожнюк Э. Г. *История «бархатной» революции. 17 ноября-29 декабря 1989 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М., 2005. С. 263–331*. Кроме этого можно использовать также мемуары и работы ряда акторов этого переломного периода как с советской, так и с чешской стороны.

⁷«Правительство одной недели» в составе 15 коммунистов и 5 некоммунистов было создано 3 декабря 1989 г. Адамец, несмотря на свое назначение на пост премьер-министра, не принимал участия в его формировании, отдав предпочтение упомянутой встрече представителей Варшавского договора в Москве. К сожалению, нам ничего об этой встрече из архивных источников не известно. Ничего нет об этом и в Горбачев-Фонде. Л. Адамец ушел в отставку 7 декабря 1989 г. (См.: Právo. 2007.17.IV. S. 3). Тем самым мы вынуждены обращаться к информации из прессы того времени и воспоминаниям непосредственных участников, в частности советников политиков, в том числе О. Крейчи — советника председателя правительства Л. Адамца по политическим вопросам. Один из членов специальной группы советских дипломатов, прибывший в то время в Прагу, сообщил, по словам О. Крейчи, что «подготовлена его личная встреча с Михаилом Горбачевым, которая должна

была упрочить мандат Адамеца для переговоров в Праге. Именно поэтому Адамец отправился в Москву сразу же после назначения правительства в соотношении 15:5, удалившись тем самым из места событий в самый критический момент — когда оппозиция нацеливала свои удары уже не против руководства КПЧ, а против правительства. Этому же эмиссару в Москве якобы поручили сообщить Адамецу, что никаких сепаратных встречи с Горбачевым не будет...» См.: Spáčil D., Sýs K. a kolektiv. Viděno deseti. Praha, 2009.

⁸ Rudé právo 1989. 4. XII. S. 1.

⁹ Rudé právo 1989. 5. XII. S. 1. См.: Pecka J. Odsun sovětských vojsk z Československa 1989–1991. Praha, 1996. S. 32. Dok. 1.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Постановление правительства ЧССР от 18 декабря 1989 г., № 407, пункт 1а–1в. См.: Národní archiv České republiky Praha. Fond Úřad předsednictva vlády ČSSR/ČSFR. (далее NA. F. ÚPV) K. Usnesení vlády ČSSR. Č. 201–429/1989. Sl. Usnesení vlády ČSSR. Č. 381–429 (rok 1989).

¹² Šedivý J. Černínský palác v roce nula (ze zákulisí polistopadové zahraniční politiky). Praha, 1997. S. 52. Подробнее см.: Dienstbier J. Od snění k realitě. Vzpomínky z let 1989–1998. Praha, 1999. S. 41–45; детальное описание и анализ см.: Šedivý J. The Pull-out of Soviet troops from Czechoslovakia. Perspectives 2. 1993/1994. S. 21–37.

¹³ Постановление правительства ЧССР № 414 от 21 декабря 1989 г., запись № 1. См.: NA. F. ÚPV ČSSR/ČSFR. K. Usnesení vlády ČSSR. Č. 201–429/1989. Sl. Usnesení vlády ČSSR. Č. 251–320 (rok 1989). С учетом того, что протоколы переговоров чехословацкого правительства до настоящего времени не обработаны, невозможно дать более детальный анализ хода переговоров по данному ключевому пункту чехословацко-советских переговоров. Из опубликованных мемуаров можно уяснить скорее лишь нечеткие абрисы, нежели корректные высказывания свидетелей. Постановление правительства ЧССР от 18 декабря 1989 г., № 407, пункт 1а–1в см. в: NA. F. ÚPV ČSSR/ČSFR. K. Usnesení vlády ČSSR. Č. 201–429/1989. Sl. Usnesení vlády ČSSR. Č. 381–429 (rok 1989).

¹⁴ Braunová D. Nedokončený příběh Jiřího Dienstbiera. Interview s J. Dienstbierem // Magazín Práva. 2007. 21. IV. S. 4–8. Важную роль на переговорах в Праге должен был сыграть, судя по мемуарам И. Динстбира, Л. Добровски. «Когда в какой-то момент, — пишет Динстбир, — советы поднялись, чтобы уйти, слово взял Любош Добровски и сказал им, что пусть себе уходят, что они здесь находятся в противоречии с международным правом и что нам, собственно, никакое соглашение не требуется, и мы их просто попросим, чтобы они немедленно ушли. После чего они снова сели...» (Ibid. S. 5).

¹⁵ 21 декабря 1989 г. генерал-майор Р. Духачек был назначен заместителем министра обороны и уполномоченным чехословацкого правительства по вопросам временного пребывания советских войск в ЧССР. Постановление правительства ЧССР № 414 от 21 декабря 1989, пункт 26. См.: NA. F. ÚPV ČSSR/ČSFR. K. Usnesení vlády ČSSR. Č. 201–429/1989. Sl. Usnesení vlády ČSSR. Č. 251–320 (rok 1989).

¹⁶ Kocáb M. K ukončení odchodu sovětských vojsk z území ČSFR // *Mezinárodní vztahy*. 1992. Č. 1. S. 5–9.

¹⁷ Šedivý J. *Op. cit.* S. 65.

¹⁸ Советская сторона была представлена столь же репрезентативно, в частности, министром иностранных дел Э. Шеварднадзе, министром обороны Д. Язовым и др.

¹⁹ Горбачев-Фонд. Москва. Ф. 101. Оп. 1. Запись беседы М. С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г. 90fev26a.doc. 23 л.

²⁰ См.: Горбачев-Фонд. Москва. Ф. 101. Оп. 1. Запись основного содержания советско-чехословацких переговоров на уровне делегаций возглавляемых М. С. Горбачевым и В. Гавелом. Москва, 26.2.1990. 90fev26b.doc. 8 л. В Горбачев-Фонде исследователи имеют доступ лишь к электронным версиям протоколов, следовательно, это даже не копии протокольных оригиналов. Таким образом, у нас нет возможности увидеть оригиналы протоколов. Обстоятельства переговоров и заключение соглашения М. Горбачев комментирует в своих мемуарах. См.: Gorbatschow M. *Erinnerungen*. Berlin, 1995. S. 887–888.

²¹ Šedivý J. *Op. cit.* S. 65.

²² Šedivý J. *Odchod sovětských vojsk z Československa // Mezinárodní vztahy*. 1993. Č. 3. S. 42.

²³ Чехословацкий протокол переговоров министров от 26 февраля 1990 г. о соглашении см.: Pecka J. *Op. cit.* S. 102–109. Dok. č. 34; текст соглашения см.: *Ibid.* S. 110–111. Dok. č. 36.

²⁴ Pecka J. *Op. cit.*

²⁵ Potočný M. *Dohoda o odchodu sovětských vojsk z Československa // Mezinárodní vztahy*. 1990. Č. 9. S. 2. Реальное число единиц техники, размещавшейся на территории Чехословакии, было выше; так, в частности, в этих данных не учтены грузовые вертолеты и пр.

²⁶ Kocáb M. *Op. cit.* S. 6–7.

²⁷ Litera B. *Kozyrevova doktrína – ruská varianta Monroeovy doktríny // Mezinárodní vztahy*. 1994. Č. 4. S. 65–71; Alexandrova O. *Russland und sein «nahes» Ausland: Integrationsvorstellungen und Ansätze der russischen Intergrationspolitik // Berichte der Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*. 1995. № 20.

²⁸ Fingerland J. *RVHP. Co bylo, bylo: a co bude dál? // Přítomnost*. 1991. Č. 8. S. 3.

²⁹ Dejmek J. *Op. cit.* S. 133.

³⁰ Dienstbier J. *Od snění k realitě. Vzpomínky... S. 133.*

³¹ Текст договора см.: *Československá zahraniční politika. Dokumenty*. 1992. 4. S. 334–345.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЛЕВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ конца 80-х — начала 90-х гг. XX в.*

В. П. Любин
(Россия)

Италия — страна, отошедшая по Ялтинским соглашениям к западному блоку, всегда была равнодушна к тому, что происходило после Второй мировой войны на востоке Европы — и как страна, и как общество. Как общество еще и потому, что до трети итальянцев голосовали на общенациональных выборах за коммунистов и до 15 % — за социалистов, выступавших после войны единым фронтом. Для этих левых партий все то, что происходило после 1945 г. в Восточной Европе и СССР, рассматривалось с точки зрения пригодности для построения социалистического общества в Италии.

Нарастающее разочарование — его этапами стали события в Венгрии 1956 г., после которых ИКП в массовом порядке стала покидать интеллигенция, видные интеллектуалы, затем события Пражской весны 1968 г. и ее подавление в августе того же года — привело и к изменениям позиции итальянских левых. В их рядах после 1968 г. шла жесткая дискуссия о проблеме использования, хотя бы частичного, в иных условиях восточноевропейского пути или же его полной неприемлемости. К середине 1970-х гг. — гласно или негласно — руководство обеих крупных левых партий (ИКП и ИСП; ИКП в те годы руководил Э. Берлингуэр) признало в целом непригодность для Италии такого пути к социализму.

Новым этапом оказались 1980-е гг., когда многим стало ясно, что социалистическая система на востоке Европы нуждается в переменах и без проведения серьезных реформ обречена на поражение. Поэтому в Италии, в особенности среди левых сил, с удовлетворением встретили начало перестройки. М. С. Горбачев и олицетворяемая им линия пользовались успехом в левой среде; так же, как и в других странах,

* Работа выполнена в рамках проекта 09-01-00259а, поддержанного РГНФ.

его восторженно встречали во время его приезда в страну. В Италии и повсюду на Западе сказывалась усталость населения от непредсказуемости своего будущего, накопленная в годы холодной войны. Европейцы по обе стороны железного занавеса были рады забрезжившей надежде покончить с опасным противостоянием, с искусственным послевоенным разделением континента.

Во время официального визита в Италию Горбачев посетил и Ватикан, уделив достаточное внимание возобновлению отношений с Папским государством, контактам с его главой Иоанном Павлом II. О последнем советская пропаганда отзывалась ранее негативно, критикуя его прежде всего из-за растущего влияния католицизма на события в Польше, расшатывавшего основы строя в этой стране и социалистической системы в целом. Было восстановлено дипломатическое представительство СССР в Ватикане. Это не могло не понравиться католическим силам в Италии, партийным лидерам ХДП, правившей в этой стране на протяжении 40 лет, тому же Джулио Андреотти, поддерживавшему новый курс Горбачева¹.

Тогдашний посол Италии в Москве, карьерный дипломат Серджо Романо, ставший затем известным итальянским публицистом, в своих донесениях в Рим анализировал события в Москве и СССР в целом. Хотя эти донесения пока не рассекречены и недоступны исследователям, мне представляется, что суть их отражена в его мемуарах, которые мне довелось рецензировать. Соображения С. Романо по поводу перестройки и ее возможного исхода отражены также в его книгах, вышедших в 1990-е и 2000-е гг. (многие из них также рецензировались или реферировались мною в изданиях ИНИОН).

Он трезво оценивал предпринятые Кремлем в конце 1980-х гг. шаги, с одной стороны, одобряя реформы Горбачева, с другой — предупреждая, что они чреватy серьезными последствиями, распадом советского блока в Восточной Европе и роспуском самого Советского Союза. Видимо, за эту высказанную им правду он и был снят тогдашним итальянским правительством с поста посла в Москве и после этого уже не вернулся к дипломатической карьере. В своих мемуарах Романо вспоминает, что, уезжая из Москвы, в последний день своего пребывания он встретился с приехавшей делегацией членов Европейского парламента во главе с Энцо Беттица, в которую входили итальянские депутаты и в их числе один из старейших и авторитетнейших деятелей ИКП Джанкарло Пайетта. По словам Романо, Пайетта был озадачен тем, что происходит на «родине социализма»; лелеявший всю свою жизнь надежду, в конце своих дней на старости лет он ощущал, как она все более меркла².

Надо заметить, что трансформационные процессы в последнее двадцатилетие и ранее развивались не только в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Шли они и в Италии. В последние годы исследователи все чаще обращаются к этим переменам, «перевернувшим» жизнь страны. Приведу в пример выводы двух недавно (2008 и 2009) опубликованных исследований, авторами которых являются итальянские историки Андреа Ди Микеле³ и Гуидо Краинц⁴.

Шесть послевоенных десятилетий для Италии это история социальных и экономических метаморфоз страны, в которой в 1951 г. 43,9 % населения были заняты в сельском хозяйстве, но которая уже в 80-е гг. XX в. представляла собой одну из мощнейших индустриальных держав мира, отмечает Ди Микеле⁵.

Решающую роль в формировании своеобразия республиканской истории сыграла международная ситуация. Холодная война вызвала в Италии (западной стране с сильной коммунистической партией) долговременные последствия, которые обусловили невозможность допуска ИКП в правительство, поскольку ее считали «пятой колонной» вражеского блока. В результате страна получила блокированную политическую систему, в которой чередование коалиций у власти фактически было исключено. В 1992 г. после распада Советского Союза, итальянская политическая система взорвалась, что стало началом «неопределенной и длительной переходной фазы, продолжающейся до сегодняшнего дня»⁶.

В то время как определяющей для формирования итальянской политической системы была международная ситуация, аналогично этому методы, применявшиеся в осуществлении «великой трансформации» страны в современную индустриальную державу, повлияли на социальное, культурное и экономическое развитие. Произошедшие в очень короткий период, между 1950-ми и 1960-ми гг., громадные перемещения населения из аграрного Юга и из неразвитых зон Севера в более развитые места индустриального Севера изменили не только «людскую географию» страны, но и «социальную, культурную, географическую идентичность итальянцев, переживших в эти годы внезапное вхождение в потребительское общество»⁷.

Из огромного плавильного котла «экономического чуда» вышла новая Италия, характеризующаяся в большей степени спонтанно действовавшими экономическими силами, нежели продуманной политикой. Мир политики, занятый изнурительным переходом к фазе левого центра, показал свою неспособность встать во главе быстрой, охватившей все сферы эволюции. Результатом стало усугубление территориального дуализма [между Севером и Югом. — В. Л.], неуправ-

ляемый поток мигрантов, спекулятивные махинации в строительстве и дикая урбанизация, экономический рост, не сопровождавшийся параллельным развитием социальной и гражданской сферы. Повышения благосостояния итальянцы добивались путем крайнего индивидуализма, потребительства, скорого личного обогащения и игнорирования при этом правил и условностей. Эта модель ослабила и без того недостаточное гражданское самосознание итальянцев и их веру в общественные институты, что бросило тень на будущее развитие, вплоть до наших дней.

Границы и противоречия итальянского развития, отсталость Юга, усугубляемая организованной преступностью, блокированная и характеризующая все более распространявшейся коррумпированностью политическая система — все это привело к длительному кризису Первой республики, начавшемуся в 1970-е гг. и достигшему кульминации в «крахе» 1992 г. Эта дата означает поворот, разрыв со старой политической системой и начало новой фазы республиканской истории. С этого момента и далее политическая жизнь вступила в бурную переходную фазу в поисках новых равновесий, в то время как страна переживает экономические и социальные трудности, которые отражают происходящий упадок⁸.

Италия, заключает Ди Микеле, переживает период серьезных экономических, политических и социальных трудностей. После краха старой партийной системы в начале 1990-х гг. наступила фаза длительного и мучительного перехода, до сих пор не закончившаяся. Она не привела к рождению новой политической и институциональной системы, которая была бы способна обеспечить достаточный уровень стабильности, эффективности и авторитетности. Крайняя фрагментация политической сферы, постоянная разобщенность сил внутри политических коалиций, атмосфера тотальной борьбы и взаимной делегитимизации, которыми характеризуется итальянская политическая жизнь, ослабляют способность правительств дать необходимые ответы на вызовы; они привели к подрыву авторитета Италии в Европе, препятствовали объединению сил общества. Эта неэффективность «усиливает недоверие и разочарования итальянцев в отношении политики и ее институтов»⁹.

С этими выводами перекликаются заключения историка Гуидо Краинца. Он задается вопросом: связано ли длительное, на протяжении пятнадцати лет итальянской истории лидерство С. Берлускони лишь с кризисом политической системы, неадекватностью или отмиранием других вариантов, с влиянием масс-медиа, со своего рода популизмом нового образца, или же это отражение долговременно

развивавшихся противоречивых процессов в культуре и поведении итальянцев? Отражает ли это только нынешнее состояние дел в политике или же является социальным и культурным результатом исторического развития последних десятилетий? Означает ли восхождение к власти Берлускони лишь появление лидера нового типа или же коренится в глубинных характеристиках самой страны, ослаблении сопротивляемости подобным явлениям и неприятию альтернативных моделей?¹⁰

Отвечая на эти им же поставленные вопросы, Краинц подчеркивает, что в начале 1990-х гг. в Италии на политической арене появилась Лига Севера (или многочисленные такие Лиги, как это было вначале), к тому же страну потряс кризис Взяткограда. (С 90-х гг. XX в. в итальянский язык вошел неологизм *Tangentopoli* — Взяткоград, имеются в виду коррупционные скандалы начала 1990-х гг., в которые были втянуты представители высших эшелонов политической власти, предприниматели, банкиры и т. п.)

В общественном мнении, правда, тревожные сигналы по поводу состояния «системы Италия» очень быстро уступили место надеждам на всеобъемлющее возрождение, связанное в первую очередь с проведением институциональной реформы, которая позволила бы добродетельному гражданскому обществу избавиться от воздействия «плохой политики». Отсюда ожидание спасения в виде прихода Второй республики, в то время как Первая республика во всей ее совокупности становилась объектом позора и отчуждения. Даже те, кто оспаривал подобные деструктивные оценки недавнего прошлого Италии, все же соглашались с тем, что произошел необратимый разрыв с этим прошлым.

Иллюзии быстро развеялись, замечает Краинц, но поставленные вопросы так и не получили адекватного ответа ни в политической дискуссии, ни в историографическом анализе. Тем не менее эти вопросы остались, а со временем к ним добавились и другие. Как и другие «груды развалин». В первую очередь это «развалины», касающиеся левых сил, в которых уход со сцены наследников идей коммунизма сопровождался глубоким кризисом самой гипотезы реформаторства. В результате формирования новой культурной модели произошли глубокие сдвиги в стране, которые и обусловили изменение атмосферы в обществе и привели к утверждению новых ориентаций. Эти тенденции будут сохраняться и далее, независимо от того, кто в каждый конкретный момент лидирует в политике.

Задаваться вопросом по поводу «итальянской аномалии» стало постоянной характеристикой итальянской историографии и поли-

тической дискуссии, но никогда прежде этот вопрос не ставился так остро, как в 90-е гг., отмечает Краинц. Конечно, для этого была масса причин. Утверждение новой политической силы — Лиги Севера, так же, как и вся эпопея с Взяткоградом, снова показали, что страна раздирается противоречиями и сталкивается с серьезными проблемами.

Философ, правовед и политолог Норберто Боббио в своей статье 1993 г. под заголовком «Как плохо закончилась Первая республика» с горечью отмечал тогда, что происходящее означает «плачевный конец и отражение падения всей нации». Писатель и литературовед Клаудио Магрис в том же 1993 г. добавлял к этому: «С некоторого времени существует почти физически осязаемое чувство, появившееся впервые, что страна распадется, и что через короткое время Италия в ее нынешней политико-уставной форме, и следовательно, также в культурном отношении, не сможет далее существовать»¹¹.

В «Истории республиканской Италии» Сильвио Ланаро заметил, что с большим трудом республика может стать «нормальной» страной. В статье «Почему итальянцы себя презирают?» упоминавшийся выше С. Романо писал: «После того, как они отказались признать то, что фашизм был национальным грехом, и после того, как они были прощены “за неимением доказательств преступления”, итальянцы приписали Взяткоград Беттино Кракси и еще паре сотен политиков, предпринимателей, функционеров. Они знают, что это неправда, но, вероятно, поддались искушению поверить в сие, чтобы избавиться таким же способом и от данного греха».

Последующее развитие общества, сменившего приоритеты, как и сменявшаяся у власти в 1990–2000-е гг. череда политиков: Чампи, Проди, Амато, Д’Алема, Берлускони, Фини и др., левые и правые правительственные коалиции, обещавшие реформы, не оправдали этих надежд. «Среди бесцветных прочих моделей и последующего падения уровня общественной этики все более утверждалась Италия, почти лишенная политических границ, чувствующая себя комфортно в рамках всеобщего сценария, консолидация которого приходится на “годы Берлускони”»¹².

Вслед за писателем Р. Савиано (автор недавно опубликованной шумевшей книги-бестселлера о мафии «Гоморра»¹³, подвергшийся за рассказанную правду преследованиям со стороны той же мафии и находящийся в настоящее время под охраной полиции. — В. Л.) Краинц повторяет, что «неосознанная коррупция» стала привычным явлением в итальянском обществе. Поражает не сам этот факт, а абсолютная неэффективность борьбы с подобными явлениями, хотя они и широко представлены в обвинительных юридических документах, заключает Краинц¹⁴.

Уже на рубеже 1970-х — 1980-х гг. итальянские левые, по образному выражению Ди Микеле, сменили портреты Маркса на портреты Р. Дарендорфа и Н. Боббио¹⁵. Последний стал своего рода «гуру» итальянских либералов и левых, когда в их среде после неудачи Пражской весны 1968 г. снова ожили проповедовавшие в период между войнами идеи либерального социализма¹⁶.

После событий в Польше в августе 1980 г., выхода на политическую арену профсоюза «Солидарность» и его лидера Л. Валенсы сначала итальянские социалисты, а затем и другие левые, в их числе и коммунисты, на протяжении 1980-х гг. оказывали поддержку польской оппозиции. Для пропаганды своих взглядов лидеры социалистов использовали издания левых сил, в первую очередь журнал ИСП «Мондоперайо», уделявший особое внимание событиям на востоке Европы, критике правящих коммунистических режимов. Все это весьма негативно воспринималось руководством СССР.

Страницы теоретических органов, журналов и газет левого направления в Италии нередко предоставлялись для выступлений лидеров диссидентского, оппозиционного движения на востоке Европы. Так, в социалистическом «Мондоперайо» часто выступал со статьями перебравшийся в Италию чешский диссидент Иржи Пеликан, нередко были выступления и лидеров польского оппозиционного движения «Солидарность» например, А. Михника и Б. Геремека. В книге автора этих строк по истории итальянских социалистов, вышедшей в 2007 г.¹⁷, опубликованы некоторые документы из архива ЦК КПСС, свидетельствующие о тесных отношениях польской «Солидарности» с итальянскими левыми, о негативном отношении к этому советских властей. Воспроизведу здесь один из них.

В Москве были разработаны специальные инструкции советскому послу в Италии в связи с поездкой туда Л. Валенсы. Советские руководители рассчитывали на понимание со стороны лидеров ИКП. В датированном 13 января 1981 г. документе ЦК КПСС, в частности говорилось: «С 14 по 18 января 1981 г. в Италии по приглашению местных профсоюзов будет находиться делегация “Солидарности” (18 человек) во главе с Л. Валенсой, в состав которой входят представители политической оппозиции антисоциалистической направленности. По имеющимся сведениям, буржуазные партии, СМИ намерены широко использовать представителей делегации в Италии для дискредитации социалистического строя в ПНР, для поддержки линии, направленной на расшатывание и в конечном счете на ликвидацию социалистических завоеваний в Польше. В этих целях планируется организация приема членов делегации на достаточно

высоком профсоюзном уровне, имеется в виду принять Л. Валенсу и его делегацию в руководстве Объединенной профсоюзной федерации ВИКТ–ИКПТ–ИСТ, организовать встречи с коллективами рабочих. Несмотря на первоначальное решение отказаться от встреч с Валенсой, руководство ИКП до сих пор занимает колеблющуюся позицию и не исключает возможности тех или иных контактов с ним. Считали бы целесообразным обратиться к руководству ИКП, имеющей сильные позиции в итальянском профсоюзном движении и оказывающей значительное влияние на политические круги своей страны...»

Далее советскому послу предписывалось встретиться с «Э. Берлингуэром или лицом, его заменяющим», и в ходе встречи «обратить внимание руководства ИКП на необходимость предпринять все возможные шаги для того, чтобы поездка Валенсы в Италию не привела к поддержке линии политической оппозиции антисоциалистической направленности»¹⁸. Все эти усилия отгородить итальянских левых от поддержки нарастающего оппозиционного движения в восточноевропейских странах, которое в конечном итоге привело в конце 1980-х — начале 1990-х гг. к «бархатным» революциям и капитальным переменам в странах бывшего социалистического лагеря, не имели особого успеха. Итальянские левые в целом поддерживали стремление к реформам, перестройке того общества, которое к концу XX в. перестало выглядеть прогрессивным примером для крупных западноевропейских компартий, в том числе ИКП, придерживавшихся выдвинутых ими в 1970-е гг. установок еврокоммунизма.

Впоследствии великая моральная революция «Солидарности», возможно, стала своего рода примером и для итальянцев, когда ряд судей начал борьбу с разъедавшей страну коррупцией. Проведенная в начале 1990-х гг. и получившая название «Чистые руки», эта операция изменила многое в политической и общественной жизни Италии. Эта, по сути дела, очистившая коррупционные наросты в сфере высших эшелонов итальянского политического мира, операция затронула сами основы итальянской политической системы, привела к значимым переменам в итальянской политической элите, полной перестройке партийной системы и замены ее на новую. Были предприняты попытки переменить и внешнеполитический курс, проводить более активную политику в отношении восточноевропейских соседей¹⁹.

Что касается самих итальянских левых сил, то события конца 1980-х — начала 1990-х гг. в Восточной Европе, так называемые «бархатные» революции в ряде стран, распад Советского Союза, оказали на них самое непосредственное воздействие. Наряду с результатами

операции «Чистые руки» это привело к изменению конфигурации левого фланга итальянской политики. Исчезла с политической сцены просуществовавшая более ста лет и бывшая многие годы одной из ведущих политических сил Итальянская социалистическая партия. Одна из крупнейших в Европе партий — ИКП вынуждена была преобразоваться, вернуться к своим социалистическим корням и только так смогла удержать часть своих позиций в итальянском обществе²⁰.

В целом же, происшедшие в стране разительные перемены конца XX — начала XXI в., итальянскому обществу, видимо, еще предстоит осмыслить. Ему предстоит на деле оценить свое прошлое и определиться с координатами будущего развития.

Примечания

¹ См., например: Андреотти Дж. СССР увиденный вблизи. От «холодной войны» до Горбачева. М., 1989; Рубби А. Встречи с Горбачевым. М., 1991; Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.

² Romano S. Memorie di un conservatore. Il racconto di un secolo nei ricordi di un testimone. Milano, 2002. P. 198.

³ Di Michele A. Storia dell'Italia repubblicana (1948–2008). Milano, 2008.

⁴ Crainz G. Autobiografia di una Repubblica. Le radici dell'Italia attuale. Roma, 2009.

⁵ Di Michele A. Op. cit. P. 9.

⁶ Ibid. P. 10.

⁷ Ibid. P. 11.

⁸ Ibid. P. 12.

⁹ Ibid. P. 431.

¹⁰ Crainz G. Autobiografia di una Repubblica. Le radici dell'Italia attuale. Cit. P. VII.

¹¹ Ibid. P. 4.

¹² Ibid. P. 225.

¹³ Saviano R. Gomorra. Milano, 2006.

¹⁴ Crainz G. Op. cit. P. 225.

¹⁵ Di Michele A. Op. cit. P. 321.

¹⁶ О развивавшихся Н. Боббио идеях, см. например: Любин В. П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991.

¹⁷ Любин В. П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892–2006. М., 2007.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 43. Д. 49. Л. 1–7.

¹⁹ См.: Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. Milano, 2002. P. 241–249.

²⁰ Один из итальянских публицистов Франческо Мерло недавно иронично заметил, что хотя экс-коммунисты Д'Алема, Вельтрони и др. уже четыре раза меняли название своей партии, им не удалось поменять к лучшему

положение партии в итальянском обществе и избежать неудач на политической арене. Пристрастие к подобным переименованиям затронуло и партию-движение Берлускони. От этого, однако, сущность итальянской политики, которую Мерло называет «оксюмороном», по его мнению, совершенно не меняется. «В Италии все меняют имя, чтобы остаться теми же самими, что выглядит как в известном афоризме из романа “Леопард”, “изменить все, чтобы ничего не изменилось”. Это итальянский гений, гений обмана, у которого тысячи имен. <...> Когда Вельтрони и Д’Алема меняют название своей партии, эти переименования в конечном счете позволяют им выступать под одним из тысяч их собственных имен, ничего не переменяя, наподобие Казановы, который, меняя тысячи постелей, всегда оставался тем же Казановой». См.: Merlo F. FAQ Italia. Milano, 2009. P. 83–84.

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА НА СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Н. И. Бухарин
(Россия)

Глобальный кризис привел к экономическому спаду в регионе и стал угрозой для достижений прошедшего десятилетия, прежде всего в социальной сфере. Нынешний кризис самый серьезный кризис с начала 1990-х гг. Как считает премьер-министр Венгрии Г. Байнаи, Центральная и Восточная Европа сейчас переживает «очень трудный период»¹. В экономическом плане кризис отбросил большинство стран на несколько лет назад.

Глобальный кризис достиг региона в конце марта 2008 г. В четвертом квартале 2008 г. он уже вызвал резкие экономические последствия. Дальнейшее его углубление произошло в первом квартале 2009 г. Глобальный кризис привел в странах региона к падению экспорта, к резкому уменьшению притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ), сокращению доступа к финансовым рынкам, ослаблению на первых порах национальной валюты, безработице, ухудшению состояния государственных финансов. Резкое падение экспорта произошло в четвертом квартале 2008 г. В наибольшей степени зависимыми от внешней экономической ситуации оказались Венгрия, Словакия и Словения. В средней зоне зависимости находятся Чехия, Хорватия и Сербия. Трудности продемонстрировали уязвимость региона — в первую очередь его сильнейшую в мире зависимость от внешних займов.

Как только приток кредитов остановился, регион погрузился в рецессию. Под угрозой оказался жизненный уровень населения. По оценке Европейского банка реконструкции и развития, сокращение промышленного производства на 50 % в странах региона существенно разрушило бы социальную систему, привело к резкому росту бедности и безработицы.

Во втором–четвертом кварталах 2009 г. темпы промышленного и экономического спада стали постепенно снижаться. Если к марту

2009 г. национальные валюты по отношению к евро потеряли 30 % своей стоимости, то к сентябрю в значительной степени ее восстановили. 2009 г. был временем, когда страны Центральной и Юго-Восточной Европы приобретали опыт существования в условиях последствий глобального кризиса. В отличие от более развитых государств они не могли позволить себе иметь пакет стимулирующих мер для преодоления кризиса. Вместе с тем в большинстве этих стран были разработаны и осуществлялись программы преодоления последствий кризиса.

Кредиты из-за невозможности их погасить превратились в долги юридических и физических лиц. Иностранные банки ограничили выдачу кредитов. По данным Института международных финансов, приток частного капитала в Восточную Европу (с Россией и Украиной) резко уменьшился: с 254 млрд долл. в 2008 г. до 30 млрд долл. в 2009 г. Регион переживает кредитный кризис. Много безнадежных долгов сосредоточено в банках и необходима их реструктуризация. Наблюдается рост безработицы. Падение цен на активы подорвали доверие инвесторов. Произошло замедление внутренних циклов деловой активности.

Вне всякого сомнения, в ситуации финансового кризиса наблюдался отток денежных средств из филиалов, т. е. из стран региона, в материнские банки, переживающие самый трудный период в своей истории. Вместе с тем эти банки не покинули стран региона, хотя такая опасность все же существовала. Банки ЕС, например, утверждают, что с середины 2009 г. они сократили или прекратили отток капитала из стран региона. Тем самым материнские банки сыграли стабилизирующую роль для региона.

Однако самых плохих последствий глобального кризиса странам Центрально-Восточной Европы удалось избежать. По оценке Европейского банка реконструкции и развития, в 2009 г. ВВП здесь уменьшился всего примерно на 3,5 %, прежде всего благодаря стабильности в Польше как крупнейшем народнохозяйственном образовании Центральной Европы. В то время как в еврозоне — на 4 %. В Юго-Восточной Европе ВВП упал примерно на 6,5 %².

Различия между отдельными странами еще заметнее. По предварительным данным, в 2009 г. ВВП уменьшился больше всего в регионе в Венгрии — на 7,5 %, Румынии — 7,2 %, Хорватии — 5,2 %, Болгарии — 4,8 %, Словакии и Словении — 4,7 % Чехии — 4,3 %, Сербии — 3,5 %. Единственная в регионе и в ЕС в целом страна, в которой в 2009 г. наблюдался рост экономики (1,7 %), — это Польша. Подобное обусловлено рядом факторов, не зависящих от польского правительства.

Это — структура польской экономики, которая сориентирована прежде всего на внутренний рынок, сохранение в течение значительного времени 2009 г. оживленного внутреннего спроса со стороны населения из-за высоких доходов в последние годы и большого притока валюты от польских мигрантов в странах «старой» Европы, продолжение притока средств из ЕС в Польшу для инфраструктурных проектов, резкое снижение курса злотого в начале года. В декабре 2009 г. польский экспорт достиг уровня декабря 2008 г.

В 2009 г. приток ПИИ хотя и сократился, но вместе с тем он продолжался (за исключением Словении). В середине 2009 г. только 4 страны региона — Польша, Словакия, Словения и Чехия имели положительный кредитный рейтинг.

Западные аналитики считают, что в 2010 г. экономика стран Центрально-Восточной Европы будет восстанавливаться более медленными темпами, чем рынки США и Западной Европы, так как кризис обнажил многие уязвимые места в экономике. Европейский банк реконструкции и развития прогнозирует рост ВВП в странах ЦВЕ и Балтии на уровне 1,4 %. Правительства стран региона в связи с быстрым ростом дефицита государственного бюджета стоят перед проблемой увеличения внутреннего и внешнего долга или резкого сокращения бюджетных расходов. В 2009 г. дефицит государственного бюджета составил в Болгарии 0,9 %, Словакии — 6,3 %, Чехии — 6,6 %, Польше — 6,9 %, Румынии — 7,3 %.

В странах Центрально-Восточной Европы, Болгарии и Румынии в 2009 г. росла безработица. К концу года в Словакии она составила 12,9 %, Польше — 11,9 %, Венгрии — 10,5 %, Болгарии и Чехии — 9,8 %, Румынии — 7,8 %. Рост безработицы продолжится и в 2010–2011 гг.

Экономический кризис сказывается и на политической ситуации в регионе. Если в четвертом квартале 2008 — самом начале 2009 г. в ряде стран нарастала волна протеста, проявлением которой были демонстрации, забастовки с требованиями повышения заработной платы, то впоследствии она постепенно сошла на нет. Люди осознали, что это приведет только к ухудшению экономической ситуации своих предприятий.

Несколько оправившись от первоначального испуга, политики в регионе пришли к выводу, что серьезного взрыва протестов и беспорядков не будет, что они обладают достаточным набором инструментов, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Это не означает, что спорадические забастовки не вспыхивают то в одной, то в другой стране. В последнее время протесты больше не преследуют цели повышения заработной платы. Люди защищают свои

рабочие места, уже существующие привилегии. Например, в феврале 2010 г. в Болгарии бастовали около 300 работников крупнейшего в стране порта Бургас, требуя, чтобы доходы портовых терминалов оставались в управляющей компании порта, а не шли в государственный бюджет. В январе–феврале 2010 г. массовые протесты врачей против закрытия 130 больниц проходили в Болгарии. В январе 2010 г. в Будапеште бастовали транспортники. Они боролись за свои прежние льготы и денежные премии, которые они имели в рамках истекшего в 2009 г. коллективного договора. В январе–феврале 2010 г. в Словакии бастовали водители крупнотоннажного транспорта, не согласные с введением с 1 января дорожных сборов за проезд по автомагистралям страны автомобилей, вес которых превышает 3,3 т.

По всей вероятности, 2010-е гг. будут периодом турбулентности — как экономической, так и политической. Сохранится экономическая неопределенность. Скорее всего темпы роста экономики окажутся медленными, возможна также новая волна экономической рецессии.

Все это будет влиять на политическую ситуацию в странах, обострять противоречивые процессы в них. В сложной экономической ситуации националистический и социальный популизм все больше станет превращаться в программный и предвыборный лозунг большинства партий и общественных объединений. Однако это будет их быстро девальвировать политически. В результате появятся новые политические партии. В 2009 г. в большинстве стран были учреждены по одной–две новых политических партий. Например, в Польше была создана правая партия Польша плюс, реактивирована Демократическая партия (бывшая союзническая партия ПОРП). В Словакии возникли партии Свобода и солидарность, а также Мост. Последняя партия появилась в результате раскола Партии венгерской коалиции. Развитие политической ситуации в стране на начало 2010 г. свидетельствовало, что эти новые партии могут на парламентских выборах в июне пройти в парламент. В Чехии впервые в парламенте может оказаться Партия общественных дел.

В настоящее время расстановка политических сил в разных странах различная. В большинстве стран «старые» партии пока сохраняют свои позиции, политический ритм смены правых и левых партий у власти сохраняется. Исключением является Болгария, где в июле 2009 г. победила новая (созданная в 2006 г.) правоцентристская партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» во главе с харизматическим неформальным лидером Бойко Борисовым. В остальных странах политический маятник будет колебаться. Можно не сомневаться, что в апреле 2010 г. в Венгрии на парламентских выборах

победит национал-консервативная партия ФИДЕС — Венгерский гражданский союз, в июне в Чехии больше всех голосов избирателей получит Чешская социал-демократическая партия.

В Венгрии экономический кризис еще больше усилил внутренние политические антагонизмы. ФИДЕС может получить около 60 % голосов избирателей. Венгерская социалистическая партия заявляет, что в ходе избирательной кампании она не будет поддаваться популизму, обещая воздерживаться от нереалистических обещаний людям. Лидер ФИДЕС В. Орбан обещает населению новые рабочие места, укрепление правопорядка и увеличение государственного вмешательства в экономику.

В среднесрочной перспективе успешность социально-экономической политики — прежде всего прогресс в преодолении последствий глобального кризиса, восстановлении экономики — будет предопределять популярность политических партий. В июне 2010 г. в Словакии благодаря успешной политике партия «Направление — Социал-демократия» имеет шансы вновь победить на парламентских выборах, а в сентябре 2011 г. находящаяся у власти в Польше правоцентристская партия Гражданская платформа скорее всего подтвердит свой мандат на управление страной.

Кризис привел к активизации в некоторых странах, в первую очередь в Венгрии и Чехии, правых экстремистов. С одной стороны, усиление радикализма — это прежде всего признак разочарования общества в существующем общественном устройстве. С другой — социал-демократы в ситуации кризиса не в состоянии предложить обществу левую программу выхода из него. И это толкает часть населения, прежде всего молодежь, на сторону правых радикалов.

В Чехии в декабре 2008 г. местные власти запретили шествия крайне правой Рабочей партии, возникшей в 2003 г. Несмотря на это запрещение, они все же состоялись. В конце ноября 2008 г. правительство направило в Верховный административный суд заявление с просьбой запретить деятельность Рабочей партии, так как эта деятельность носит экстремистский характер. Однако этот иск был отклонен. 27 марта 2009 г. три десятка членов Рабочей партии провели мирный марш против внешней политики ЕС в Глубока над Влтавой.

В феврале 2010 г. Верховный административный суд все же запретил деятельность этой партии. В своем вердикте он пришел к выводу, что в тексте партийной программы содержатся утверждения, которые можно расценивать как ксенофобию, шовинизм и расизм. Идеи и символика партии, по мнению суда, связаны с национал-социализмом. Скорее всего члены Рабочей партии уйдут в сочувствующую им

Рабочую партию социальной справедливости, которая примет участие в парламентских выборах.

В Чехии в третьей декаде апреля 2009 г. в городах наблюдались марши, демонстрации, нападения на цыган экстремистов, визит бывшего лидера американского Ку-клукс-клана Д. Дьюка. Увеличение частоты их мероприятий преследует цель увеличить приток сторонников экстремистов в условиях кризиса. Эксперты говорят, что растущая активность крайних правых (неонацистских) группировок — незарегистрированных Национального сопротивления, Автономных националистов и зарегистрированной Рабочей партии началась весной 2008 г. По оценкам аналитиков, эти организации насчитывают около 4 тыс. членов и активных сторонников. Несмотря на все старания, на выборах в Европарламент летом 2009 г. Рабочая партия получила лишь 1,07 % голосов избирателей.

В Венгрии правые радикалы — это представители интеллигенции, в первую очередь студенческой молодежи. В последнее время большую активность проявляли такие радикальные националистические организации, как Йоббик (Jobbik — непереводимая игра слов: более правые и лучшие) — партия За лучшую Венгрию, Культурное объединение Венгерская гвардия, Союз национальных организаций и др. В ноябре 2008 г. деятельность Венгерской гвардии была запрещена судом за разжигание этнической напряженности и нарушение общественного порядка. Однако она по-прежнему продолжает функционировать.

В июне 2009 г. на выборах в Европарламент Йоббик неожиданно для всех получила 14,77 % голосов избирателей. Она стала третьей партией страны. Комментируя победу партии Йоббик на выборах в Европарламент, премьер-министр Венгрии Г. Байнаи признал, что «в стране назрел не только экономический, но и общественный и духовный кризисы, ответственность за которые несут все парламентские партии... Прежний опыт учит тому, что демократическим путем к власти могут пробиться и недемократические силы»³. Социолог А. Тот из Венгерской Академии наук считает, что популярность Йоббик приведет не только к изменению политического пейзажа в Венгрии, но и окажет влияние на близлежащие страны⁴. По прогнозам, эта партия на парламентских выборах в апреле 2010 г., спекулируя на недовольстве экономическим кризисом, может набрать около 10 % голосов.

Кризис в страны региона пришел из Западной Европы, из зоны евро ЕС. Он продемонстрировал полную их зависимость от метрополии. Соответственно преодоление кризиса в регионе будет зависеть

в первую очередь от оживления экономики в западной части Евросоюза и соответственно увеличения спроса на продукцию из восточноевропейских стран.

Конечно, страны региона, в первую очередь члены ЕС, надеются на поддержку Евросоюза, различных международных финансовых организаций. Бывший президент Польши А. Квасьневский считает, что поскольку страны Центрально-Восточной Европы, Болгария и Румыния не были интегрированы в НАТО и ЕС, европейскую банковскую систему, они и оказались в драматическом положении. Сейчас кризис является для них только «опасной ситуацией с некоторыми последствиями, но это не конец истории данного региона»⁵. Евросоюз в сознании основной массы граждан постсоциалистических стран превратился в фактор, обеспечивающий стабильность демократии и благосостояние. Поэтому возможного распада ЕС в результате глобального кризиса боятся прежде всего в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. Самоизоляции никто не хочет.

В связи с тем, что последствия кризиса носят достаточно серьезный характер, восстановление экономики будет медленным процессом. Вначале методом укрепления финансовой стабильности и борьбы с кризисом в Центрально-Восточной Европе аналитики считали быстрое принятие евро. Однако впоследствии пришли к выводу, что на трудный период кризиса лучше оставить национальную валюту, которую можно девальвировать и тем самым повышать конкурентоспособность экономики, а если будет необходимо, то дополнительно и допечатать. Проявившийся кризис в еврозоне, особенно это касается Греции, по всей вероятности, приведет к ужесточению критериев принятия в эту зону. Поэтому планы введения евро перенесены, по крайней мере, на четыре–пять и более лет вперед. Опыт введения евро в Словении и Словакии показал, что это привело к снижению конкурентоспособности экономики из-за роста издержек на оплату труда и невозможности девальвировать валюту. Вместе с тем с принятием евро словаки получили более широкий доступ к заемному рынку капиталов.

Экономисты европейских финансовых организаций увязывают переход стран региона к новому витку развития с углублением интеграции с ЕС — политической, нормативной, торговой и финансовой (рост внешних активов и пассивов с помощью ПИИ и притока капитала, увеличение роли банковских групп ЕС). Существует и противоположная точка зрения, сторонники которой полагают, что отныне страны региона должны в большей степени опираться на собственные внутренние сбережения. Все страны стоят перед проблемой создания устойчивых рынков местного капитала путем

перестройки балансов банков и компаний, уменьшения предвзятости к иностранным валютам кредитования за счет эффективного регулирования, поощрения банков в направлении совершенствования процедур управления рисками и др.

На протяжении 20 с лишним лет в регионе проблема возможной альтернативы возникшему в ходе системной трансформации общественному устройству не поднималась. Даже в Венгрии во время острых политических столкновений осенью 2006 г. вся борьба сводилась только к требованию проведения досрочных выборов.

Вопрос об альтернативе на повестку дня поставил глобальный кризис. Все больше аналитиков в различных европейских структурах и странах Центрально-Восточной Европы считают, что этот кризис носит системный характер. По мнению венгерского социолога Т. Пала, «это не финансовый кризис, как в Западной Европе. Это фундаментальный кризис, изменение парадигмы. Двадцатилетний переход после падения коммунизма подошел к концу. Модель, которая применялась в 1990-х и 2000-х, больше не действует», — утверждает он⁶. С ним, по существу, согласен и Ж. Рупник, чешский политолог, живущий в Париже, который считает, что «кризис — это сигнал конца политического и экономического цикла, который начался в Центрально-Восточной Европе в 1989 г.»⁷.

Кризис привел к разочарованию прежней моделью экономического развития, он замедлил динамику рыночных реформ в регионе, если не остановил их. Пока никто, правда, не призывает к замене рыночной модели. Просто все выжидают. Но многие понимают, что возврата к либеральным финансовым установкам и прежней рыночной модели экономического роста уже не будет.

Перед международными финансовыми организациями встали вопросы: находится ли сама трансформация в регионе в кризисе, какие рыночные институты придется изменить, приведет ли кризис к откату от реформ и др. Ответы на эти вопросы пока найти трудно. Прежде всего заново переосмысливается роль государства, но это происходит повсюду. Однако, что касается региона Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, здесь эта проблема имеет свою специфику. Как известно, экономическая трансформация предусматривала снижение роли государства за счет возрастания роли рынка и создания частного сектора. Теперь идеи сведения роли государства к минимуму отринуты. На смену приходит идея функционирования рынков при поддержке сильного государства с его высокоэффективными институтами. Стало ясно, что только такое государство может справиться со сложной ситуацией.

Поэтому в странах региона встает проблема реформы деятельности государства, возрастания его роли в соответствии с требованиями изменившейся кардинально ситуации. А. Квасньевский вынужден признать: «Мы не можем минимизировать роль государства, мы действительно должны использовать государство в решении всех возникших проблем»⁸.

Что касается новой модели общественного устройства, пока проматриваются только первые наброски. О том, что возник шанс «построить новое общество» рассуждает бывший президент Польши Л. Валенса. «Нам надо найти третий путь, — считает он. — Взять что-то от социализма, а что-то от капитализма, но в его умеренной версии. И не менее важно создать настоящую, подлинную демократию». Да и экономическая система, по его словам, требует коренных перемен. Валенса уверен, что нынешнее «экономическое устройство будет разрушено скоро, по крайней мере в этом веке»⁹. Таким образом, спустя 20 с небольшим лет после начала системных перемен страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, достигнув больших успехов в преобразованиях, вновь стоят перед серьезными испытаниями.

Примечания

¹ Bajnai G. Magyarország büszke 20 évvel ezelőtti szerepére aberlini fal lebontásában // <http://www.google.com/hostednews/epa/article/> (2009.9.11).

² Прошедшее незавершенное и будущее время в Восточной и Центральной Европе. (The Financial Times. Великобритания) // www.inosmi.ru (2009. 14 декабря).

³ Népszabadság. 2009.9.06.

⁴ Officials Warn: Extremist Parties Threaten Eastern Europe's Stability // voanews.com (2010.14.02).

⁵ Twenty Years of Transition conference // www.ebrd.com (2009.2.11).

⁶ Восточная Европа тяжело переживает кризис // www.nr2.ru (2009. 11 ноября).

⁷ Rude awakening for ex-communist countries as financial crisis made in west hits hardest in east // www.guardian.co.uk (2009.10.11).

⁸ Twenty Years of Transition conference // www.ebrd.com (2009.2.11).

⁹ «Я революционер, а не политик». Интервью с экс-президентом Польши Лехом Валенсой // РБКdaily. 2009. 11 ноября.

РАЗДЕЛ II

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СТРАНАХ РЕГИОНА

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СЕРБИИ

К. В. Никифоров
(Россия)

Титовскую Югославию часто выделяют из других бывших европейских социалистических стран как нечто непохожее и специфичное и даже стоящее совершенно особняком во всем социалистическом лагере. При этом подчеркивается ее самостоятельная «аутентичная» революция, особый путь развития вне рамок «реального социализма» — так называемый югославский эксперимент, межэтнические войны 1990-х гг. вместо «бархатных» революций и т. п.

На наш взгляд, вынесение югославских событий за рамки общих процессов, проходивших после Второй мировой войны в Восточной Европе (включая и Советский Союз), неправомерно. Развитие Югославии в целом шло синхронно с другими европейскими социалистическими странами. Это, конечно, не означает, что в титовской Югославии не было своей специфики, связанной прежде всего с конфликтом между Москвой и Белградом в 1948 г. Но даже эксперименты с «самоуправленческим социализмом» не были чем-то совсем необычным и могут рассматриваться как попытки реформирования тоталитарного социализма, поиски его модели с более «человеческим лицом».

1960-е гг. для всех стран социалистического лагеря, включая и Югославию, — это реформы или попытки реформ. С 70-х гг. XX в. во всех этих странах наступает время так называемого «застоя».

После смерти Тито в 1980 г. Югославия стала втягиваться в глубокий системный кризис, который был одновременно и политическим, и экономическим. Ситуация еще более осложнилась из-за нового обострения обстановки в сербском автономном крае Косово. Тогда же на политической сцене Сербии появился Слободан Милошевич — главное действующее лицо сербской истории 90-х гг. XX в. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограни-

ценную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республики¹.

Можно сказать, что режим, уже рухнувший в Восточной Европе, в Сербии «с приходом к власти Слободана Милошевича, переживает возрождение и вновь основательно утверждается». Любопытно, что «партия, правившая в течение 40 лет, ухитрилась посредством нового, как тогда говорили “очищенного” руководства, стать одновременно и властью, и оппозицией»². И именно это придало режиму такую устойчивость.

В конце 1988 г. Милошевич с помощью акций протеста — в значительной степени инспирированных — против местной бюрократии смог заменить руководство в Воеводине и Черногории на своих ставленников. Аналогичные попытки делались и в Боснии и Герцеговине, но они провалились. Эти перевороты получили название «антибюрократических революций». Но, конечно, они не имели ничего общего с революциями конца 1980-х гг. в Восточной Европе. Повторим, что в то время, когда везде в Восточной Европе коммунизм доживал последние дни, старый режим в Сербии под лозунгом «антибюрократических революций» сумел основательно утвердиться.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии подпитывался параллельным ростом национализма в северо-западных республиках — Словении³ и Хорватии. Это накладывалось на быстрое ухудшение ситуации в югославской экономике. Премьер-министр страны известный экономист-практик из Хорватии А. Маркович предложил пакет мер по оздоровлению экономики. И первые результаты реформы оказались на удивление успешными. Однако времени для завершения реформ у Марковича уже не было.

Под давлением событий в Советском Союзе и других странах восточного блока, а также в результате внутреннего кризиса югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Они проходили с весны до конца 1990 г. В отличие от выборов в Словении и Хорватии, где к власти пришли оппозиционеры, и от выборов в Македонии и Боснии и Герцеговине, где победили хрупкие коалиции партий различной направленности, в Сербии в декабре 1990 г. убедительную победу одержала Социалистическая партия, а ее лидер С. Милошевич был избран председателем Президиума Сербии. В Черногории смены власти также не произошло.

Таким образом, первые многопартийные выборы фактически сыграли в Югославии роль «бархатных» революций. За исключением Сербии и Черногории, во всех других югославских республиках они

привели к власти оппозицию, то есть решили так называемый «вопрос о власти». Однако главные революционные потрясения были еще впереди. Ситуация недолго оставалась «бархатной», на горизонте уже маячили межэтнические гражданские войны, связанные с развалом многонационального государства. Но и здесь Югославия не была чем-то уникальным, если вспомнить войны на периферии постсоветского пространства.

Хотя антикоммунистической «бархатной» революции в Сербии не произошло, в условиях начавшихся преобразований в других европейских социалистических странах, сербские власти не могли ничего не менять. Процесс трансформации начался и здесь, однако в условиях сохранения старой властной номенклатуры он шел крайне медленно и непоследовательно. Но в отличие от прошлых лет в Сербии все-таки существовала, хотя и деформированная, многопартийная парламентская система, полусвободная пресса, оппозиция периодически могла проводить акции протеста, принимавшие иногда массовый характер. Однако власть и правящая партия полностью контролировали армию, полицию, в значительной степени — экономику (прежде всего денежные потоки) и т. п.

На наш взгляд, в Сербии существовал режим личной власти с элементами парламентаризма. Впрочем, в историографии можно найти разные точки зрения. Так, Д. Стоянчевич называет режим Милошевича «постмодерным тоталитаризмом», когда государство разрешает своим гражданам все, что не угрожает самой власти. Это, по ее словам, была «своего рода разновидность политического апартеида, когда две противостоявшие стороны, власть и ее противник, жили один рядом с другим, но без взаимных коммуникаций и без возможности влияния друг на друга»⁴. Соглашаясь в целом, с наблюдениями сербской исследовательницы, отметим, что режим Милошевича был все-таки авторитарным, но никак не тоталитарным (пусть даже с добавлением определения «постмодерный»). Скорее прав сербский политолог В. Цветкович, назвавший режим Милошевича «мягким авторитаризмом», приправленным, с одной стороны, примесями посткоммунистической криминальной «братковой» системы, а с другой — цинизмом «международного сообщества» и его глуповато-подлыми санкциями»⁵.

В целом в 1990-х гг. С. Милошевичу и его социалистам достаточно успешно удавалось удерживаться у власти, создавая различные коалиции, прежде всего с радикалами В. Шешеля. Ведущими оппозиционными партиями были Сербское движение обновления (СДО) В. Драшковица, Демократическая партия (ДП) З. Джинджича и Демо-

кратическая партия Сербии (ДПС) В. Коштуницы. Демократические силы также формировали хрупкие коалиции, самыми значительными из которых были: Демократическое движение Сербии — ДЕПОС (созданное в 1992 г.), объединение «Вместе» (1996 г.) и Демократическая оппозиция Сербии — ДОС (2000 г.). В целом в Сербии на протяжении 1990-х гг. на политической сцене и в парламенте действовали, переплетаясь, три политических течения: социалистическое, демократическое и националистическое.

В то же время парламент в 1990-е гг. определяющей роли не играл. Поэтому самые важные события в политической жизни Сербии происходили на улице. Так что история оппозиции Сербии в указанное десятилетие — это в известном смысле «хроника уличных демонстраций»⁶. Ее хронологические рамки охватывают последнее десятилетие прошлого века: первый 50-тысячный митинг сербской оппозиции прошел в июне 1990 г., еще до многопартийных выборов; последний — в октябре 2000 г., когда оппозиция пришла наконец к власти.

На ситуацию в Сербии огромное влияние оказывал югославский кризис и связанные с ними антисербские санкции, введенные Советом Безопасности ООН. Несмотря на все ухищрения сербского руководства, экономическое положение страны неуклонно ухудшалось. В 1993 г. Сербию захватила невиданная гиперинфляция, бившая все мировые рекорды. Курс югославского динара по отношению к немецкой марке падал каждый час. В обращении была купюра достоинством 500 млрд динар (5 и одиннадцать нулей!). Правительство было вынуждено перейти к нормированию основных продуктов питания. От полного коллапса экономику Сербии спасла «Программа монетарной реконструкции и экономического оздоровления», реализованная главой Югославского национального банка 75-летним профессором Д. Аврамовичем⁷. Фактически его реформа была частью трансформации сербской экономики. Как уже упоминалась, в специфических сербских условиях такая частичная трансформация началась еще до победы «бархатной» революции. И уж тем самым трансформационные процессы были извращены не только антисербскими санкциями, но и нерешенностью вопроса о власти.

На Западе для объяснений событий югославского кризиса конца XX в. — начала XXI в. и прежде всего участия в нем Сербии часто избегают беспристрастного серьезного анализа. Вместо этого предпочитают черно-белые цвета и главную причину видят в цикличности сербской истории, в том, что вместо рационализма и устремленности вперед сербы якобы живут прошлым и предпочитают оставаться в плену так называемого «косовского мифа». Согласно подобным

теоретическим построениям, этот миф с его идеалами мученичества и жертвенности и который столетиями был основой сербского национального сознания, получил при Слободане Милошевиче новое развитие. И именно поэтому Сербия так иррационально реагировала на все вызовы последнего времени. Косовский миф был дополнен мифом о том, что Югославия принесла сербскому народу одни несчастья, что все другие югославыне решали свои проблемы за счет сербов⁸.

Во многом такие идеи призваны лишь оправдать неблагоприятную политику собственных стран во время югославского кризиса. Главное здесь — навязать представление о том, что «никто сербов не убивал, а они сами совершили самоубийство». О мифологизированном сознании в Сербии пишут и некоторые сербские авторы⁹, но, конечно, они не оправдывают этим фактом внешнюю агрессию против собственной страны.

В то же время подобные построения сами порождают культурно-детерминистский миф. В нем сербская культура обвиняется во всех неурядицах и трагедиях в регионе; ее, по словам этих аналитиков, «отличают крайняя патриархальность, авторитарность, традиционализм, этнонационализм, сильная тяга к насилию, а также засилье “местечкового” или “подданнического” типа политической культуры»¹⁰. Как справедливо отмечает сербский этнолог С. Наумович, согласно этой культурно-детерминистской логике, «преступления совершают только представители той или иной экзотической культуры, варвары, совершенно чуждые европейским цивилизационным стандартам». И таким образом «был найден очень удобный способ отгородиться от неприятных размышлений о нитях, связывающих интересы и поступки западной политики с преступниками, сеющими зло на Востоке»¹¹. Мы бы повторили, что найден прежде всего способ, оправдывающий собственные неблагоприятные поступки и даже преступления.

Эта, имеющая на Западе глубокие корни, презумпция собственного цивилизационного превосходства в полной мере ощущается и в наши дни. Так, сербская история сводится во многом к мифам, мифологическому и националистическому сознанию сербов в одной из последних фундаментальных работ известного немецкого историка Хольма Зундхауссена¹². Сербский историк Словенко Терзич справедливо указал на сходство построений последнего со стереотипными западными представлениями о югославском кризисе, которые еще раньше ярко описала журналист и политолог, американка Даяна Джонстон.

Согласно этим стереотипам, «Югославия была “тюрьмой народов”, в которой сербы “угнетали” всех остальных. Она была уничтожена

с появлением лидера Слободана Милошевича, который был плохим и хотел создать “Великую Сербию”, уничтожив другие народы посредством процесса, называемого “этнической чисткой”. Другие народы стремились избежать этого, создавая собственные государства. Югославская, а по существу — сербская армия, вторглась в них. В Боснии сербские завоеватели пытались изгнать мусульман, которые хотели увековечить мультиэтническое общество. Во время сербских этнических чисток было ликвидировано 200 000 невооруженных мусульман, в то время как международное сообщество не только равнодушно за этим наблюдало, но и препятствовало вооружению мусульман в целях обороны. В Сребренице ООН позволила сербам совершить геноцид. Только бомбардировки, которые совершили США, заставили Милошевича сесть за стол переговоров в Дейтоне... Тем не менее международное сообщество упустило возможность спасти албанское большинство в Косове от апартеида... После переломных событий в Рачаке сербы были приглашены на мирные переговоры в Рамбуйе во Франции. Милошевич упрямо отказывался вести переговоры. У НАТО не оставалось другого выбора, кроме как начать бомбардировки Сербии и Черногории. Массы албанского населения намеренно изгонялись в соответствии с подготовленным тайным планом под названием “Операция подкова”. В конце концов Милошевич уступил НАТО и освободил “косоваров” от их мучителей»¹³.

После агрессии НАТО в 1999 г. парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок к конституции государства, в частности изменил порядок выборов президента. Теперь его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов. Новые президентские и парламентские выборы в Югославии состоялись в сентябре 2000 г. Главным конкурентом Сербской социалистической партии С. Милошевича была Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), выдвинувшая своим кандидатом в президенты Югославии Воислава Коштуницу.

Решение Милошевича получить поддержку непосредственно у населения оказалось весьма рискованным предприятием. Впервые за долгие годы сербский избиратель получил реальный шанс на что-то повлиять, и «вследствие этого сентябрьские выборы неминуемо превратились в своего рода общенациональный референдум о правлении Милошевича». Решение принималось по формуле: «За или против Милошевича», все остальное — недавние натовские бомбардировки, неспособность оппозиции и т. п. — отодвинулось на второй план¹⁴.

Итоги выборов оказались сенсационными. Демократическая оппозиция Сербия получила преимущество в 600 тыс. голосов при

избрании депутатов в верхнюю палату Скупщины (Вече республик) и почти в 500 тыс. — при голосовании в нижнюю палату (Вече граждан). Еще уверенней выступила ДОС на президентских выборах. В. Коштуница победил уже в первом туре. Правда, эти данные были подтверждены позже, а до этого Центризбирком заявлял о необходимости второго тура, так как В. Коштуница получил якобы меньше необходимых 50 % голосов. Против фальсификации результатов выборов в Белграде и других городах начались массовые волнения, закончившиеся захватом здания парламента, отстранением С. Милошевича от власти (5 октября) и инаугурацией В. Коштуницы (7 октября). В конце декабря 2000 г. состоялись выборы в парламент Сербии. Они принесли безоговорочную победу объединенной оппозиции.

Таким образом, «бархатная» революция в Сербии произошла только в октябре 2000 г., через десять лет после первых многопартийных выборов, когда к власти в Белграде пришла наконец демократическая оппозиция. Эта так называемая «малая октябрьская революция» имела двойственную природу. С одной стороны она была последней из тех «бархатных» революций, которые начались еще в 1989 г. С другой — открывала череду новых революций на постсоциалистическом пространстве Европы. Фактически это было второе издание «бархатных» революций, то есть революцией в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных» революций. Это так называемые «цветные» или «электоральные» революции.

Новые революции были призваны решить качественно новые задачи, а не только привести к смене власти. Они должны были, во-первых, завершить то, что было начато «бархатными» революциями 1989 г. А во-вторых, «цветные» революции были нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации¹⁵. Наконец, степень вмешательства извне в подготовку и проведение этих революций была в разы больше, чем во времена «бархатных» революций. Последнее, кстати, их в значительной мере и скомпрометировало.

Ничего необычного в такой хронологической растянутости сербской революции не было. Достаточно вспомнить, например, что и в России «бархатная» революция не была одномоментной, и ей фактически соответствовали два революционных потрясения. Это, во-первых, августовский путч 1991 г., в результате поражения которого рухнула коммунистическая монополия на власть; и во-вторых — события сентября–октября 1993 г., покончившие с советской организацией этой власти.

Приведя ДОС к победе, ее лидеры В. Коштуница и З. Джинджич сразу же стали выяснять отношения между собой. Национально ориентированному и крайне щепетильному в вопросах права Коштунице было непросто смириться с прозападным и прагматичным — на грани законности — Джинджичем. Ярким проявлением курса последнего стала выдача Гаагскому трибуналу С. Милошевича¹⁶. Во время возникших между двумя сербскими лидерами разногласий лучшим аппаратчиком показал себя Джинджич. Тем более, что он, получив пост сербского премьер-министра, сконцентрировал в своих руках основные рычаги власти и финансовые потоки.

Тем временем произошло дальнейшее ослабление связей между Сербией и Черногорией — двумя республиками, входившими в то, что осталось от Югославии. В феврале 2003 г. Союзная Республика Югославия, функционировавшая почти 11 лет и прочно связанная с именем С. Милошевича, перестала существовать. Ушло в историю и само название Югославия. На ее месте возникло государственное сообщество Сербия и Черногория. В результате В. Коштуница остался без своего поста, повторив судьбу Горбачева после Беловежских соглашений¹⁷. Казалось, все решено — Джинджич может почивать на лаврах. Но уже через пять недель, в марте 2003 г. он погиб в Белграде от пули снайпера.

Трехлетний этап, прошедший со времени отстранения Милошевича и до убийства Джинджича, был связан с начавшимися демократическими преобразованиями и с почти безраздельным правлением в Сербии бывшей демократической оппозиции и ее главной силы — Демократической партии. Однако ДОС не смогла воспользоваться своим монопольным положением для решения наиболее болезненных точек сербской государственности. Экономическое положение Сербии оставалось плачевным. Не было предпринято никаких решительных мер для борьбы с безработицей. Не принес никаких особых дивидендов и безоглядный прозападный курс.

Распад ДОС фактически предопределил приход к власти в Сербии новых сил. После очередных парламентских выборов в конце 2003 г. правительство парламентского меньшинства сформировал вернувшийся к власти В. Коштуница. В то же время выборы показали, что глубокий раскол сербского общества не преодолен, что консенсуса в обществе по поводу путей развития государства по-прежнему нет. Это подтвердили и состоявшиеся в следующем году выборы президента, победу на которых одержал новый лидер Демократической партии Б. Тадич.

Следующее пятилетие в Сербии характеризовалось сложной конфигурацией трех главных политических сил — прозападных демокра-

тов Б. Тадича, национально ориентированных умеренных демократов В. Коштуницы и радикалов Т. Николича, который успешно заменил добровольно передавшего себя в руки Гаагского трибунала В. Шешеля. Но в целом в Сербии сложилось своего рода двоевластие в лице президента и лидера ДП Тадича и премьера и лидера ДПС Коштуницы. Одновременно в это время в Сербии стал укрепляться парламентаризм, бывший на довольно низком уровне не только во времена Милошевича (1990–2000), но и во время правительств Джинджича и его преемника Живковича¹⁸.

Тем временем в результате референдума от Сербии отделилась Черногория, а оккупированное войсками НАТО Косово в одностороннем порядке провозгласило себя независимым государством.

В марте 2008 г. премьер-министр Сербии В. Коштуница подал в отставку, так как большинство правительства отказалось в парламенте поддержать резолюцию, согласно которой Сербия может вступить в Евросоюз только, имея в своем составе Косово. Правительство, которое уже давно разрывали противоречия, пало.

На внеочередных парламентских выборах, состоявшихся в мае 2008 г., больше всех голосов получили Демократическая партия Б. Тадича и Сербская радикальная партия Т. Николича. Коштуница пошел на давно ожидаемый союз с радикалами, но для формирования правительства их голосов уже не хватало. Роль «стрелки на весах» сыграла на этот раз не партия Коштуницы, а социалисты во главе с И. Дачичем. Неожиданно возник союз демократов и социалистов, а правительство сформировал член Демократической партии М. Цветкович. С формированием нового правительства усилились позиции президента страны Б. Тадича. Сербия, оставаясь по конституции парламентской республикой, фактически стала выглядеть как президентская.

Второй особенностью стало то, что все серьезные политические силы в Сербии устремились в сторону центра, освобождаемого партией Коштуницы. Демократы Б. Тадича, по крайней мере на словах, стали занимать относительно патриотическую позицию в отношении косовского вопроса, радикалы Т. Николича смягчили свою воинственную риторику и даже социалисты И. Дачича пытались все больше позиционировать себя как социалистов европейского типа.

В сентябре 2008 г. умеренное крыло Радикальной партии во главе с Т. Николичем предприняло попытку ее реформирования, но потерпели поражение. Вверх взяли сторонники находящегося в Гаагской тюрьме В. Шешеля. Николич со своими сторонниками, в частности с бывшим генеральным секретарем партии А. Вучичем, создал новую партию — Сербскую напредняцкую или прогрессистскую. Она оказа-

лась даже более влиятельной, чем та часть Радикальной партии, которая осталась верной Шешелю.

Таким образом, после «малой октябрьской революции» 2000 г. реформы в Сербии пошли быстрее. Однако и спустя 10 лет процесс трансформации в этой стране еще далеко не завершен — и в экономике, где предстоят еще многие преобразования, и в политике. Еще не сложилась нормальная двухпартийная система, как во многих других государствах региона, где, по сути, политический маятник качается в заданных пределах, и к власти попеременно приходят то более правые демократы, то более левые социалисты.

К тому же по-прежнему нельзя сбрасывать со счетов и пресловутый внешний фактор. Так, Международный трибунал в Гааге фактически «все больше превращается в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности». И таким образом «иностранный фактор (США, ЕС, НАТО) создал мощное средство и инструмент коррекции, давления, контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику Сербии»¹⁹.

Повторим то, с чего начали. При всей своей непохожести титовская Югославия и те государства, которые возникли на ее развалинах, развивались и развиваются в рамках общих закономерностей, присущих для стран всего обширного региона Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Сербия — отнюдь не исключение, хотя процессы трансформации протекают здесь в силу обозначенных выше причин медленнее и болезненнее, чем у многих соседей.

Примечания

¹ Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад. 2001. С. 450–451, 454.

² Стојановић Д. Порочнији круг сербској опозицији // Сербия о себе. М., 2005. С. 117. Подробнее см.: Jović D. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb, 2003. S. 423, 430, 449.

³ По мнению работающего в Англии сербского исследователя Д. Йовича, словенский национализм был таким же сильным, как сербский. Как и в Сербии, словенское руководство постепенно становилось все более терпимой к своей оппозиции и в конце концов в республике образовался своего рода всесловенский блок. Как и в Сербии, словенские коммунисты смогли стать одновременно и властью, и оппозицией. См.: Jović D. Jugoslavija. Op. cit. S. 423, 430, 449.

⁴ Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној и историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004... С. 145–146.

⁵Цветкович В. Н. Снова в начале // Сербия о себе. С. 310.

⁶Tomaz R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih. Beograd, 2002. S. 295, 423.

⁷Подробнее о реформе Д. Аврамовича см.: Никифоров К. В. «Бархатная революция» по-сербски // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 342–343.

⁸См., например: Emmert T. A. Kriza identiteta. Srbija na kraju stoleća // Jugoslavija i njeni povjesničari. Razumijevanje balkanskih ratova u 1990-im. Zagreb, 2005. S. 143–150.

⁹См., например: Јовановић М., Радић Р. Криза историје: српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009.

¹⁰Наумович С. Балканские мясники: мифы и заблуждения о распаде Югославии // Сербия о себе. С. 84.

¹¹Там же. С. 87–88.

¹²Зундхаусен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008.

¹³Džonston D. Suludi krstaši. Jugoslavija, NATO i obmane Zapada. Beograd, 2005. S. 9–10. См., также: Терзич С. История Сербии с гневом и пристрастием // Славяноведение. 2010. № 5.

¹⁴Vukadinović Đ. Od nemila do nedraga. Ogledi o postmiloševićevskoj Srbiji (1). Beograd, 2008. S. 19.

¹⁵Рябов А. Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra, 2005. Т. 9. С. 19–20.

¹⁶Главный редактор журнала «Новая сербская политическая мысль» Дж. Вукадинович пишет: «С коммунизмом мы потеряли ощущение традиции, с Милошевичем — ощущение реальности, а после 2000 г. — и ощущение достоинства» (Вукадинович Ђ. Између две ватре. Београд, 2008. С. 77).

¹⁷В. Коштуница был в чем-то похож на последнего советского лидера и своей нерешительностью, что позволило Дж. Вукадиновичу назвать его «сербским Горбачевым». В то же время, разбирая биографию З. Джинджича, он видит в нем черты то ли «сербского Ришелье», то ли Остапа Бендера. См.: Vukadinović Đ. Od nemila do nedraga. S. 45–65.

¹⁸См.: Antonić S. Parlamentarizam in Serbia after 2000 // Нова српска политичка мисао. Нова едиција. Београд. 2008. Vol. XVI. № 3–4. С. 35–52.

¹⁹Јованович М. Заключение: Сербия в начале XXI века, или о кризисе, его причинах и ответственности // Сербия о себе. С. 476.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В БОЛГАРИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К КАПИТАЛИЗМУ в 90-е гг. XX в.

И. Марчева
(Болгария)

Болгарский переход от социализма к капитализму в конце XX в. уже стал объектом изучения со стороны политологов, экономистов, социологов и историков. Основные процессы трансформации в виде аграрной реформы, приватизации, рождения новой политической системы также находятся в центре внимания исследователей¹. На основе всей имеющейся литературы вопроса можно сделать вывод, что болгарская модель перехода к капитализму, демонстрируя типологическую схожесть с процессами, происходящими в других бывших социалистических странах, все же имеет свою специфику. Если сходство вытекает из общих направлений Вашингтонского консенсуса 1990-х гг., то различия определяются особенностями политической трансформации в Болгарии. Это и более слабое, чем, скажем, в Польше, диссидентское движение, и отсутствие опыта сопротивления властям, аналогичного венгерскому, польскому или чехословацкому, и значительно более сильная и устойчивая коммунистическая партия, которая в начале переходного периода не утратила руководящих позиций. Более того, она и сегодня является одной из ведущих партий в политической системе страны. Согласно самым распространенным интерпретациям трансформации, этот факт отразился как на формах перехода общества к рыночной экономике и парламентской демократии, так и на достигнутых социальных результатах.

В своей последней книге известный венгерский экономист И. Беренд утверждает, что после 1989 г. страны Центральной и Юго-Восточной Европы ускоренными темпами приближаются к модели, характерной для западного мира, его социокультурных рубежей. Он имеет в виду тенденции к «исчезновению» сельского уклада жизни, резкому сокращению численности рабочих и к увеличению за счет этого занятых в секторе услуг, а также к появлению класса бизнесменов/капиталистов и постоянных безработных².

В транзитологии Центральной и Юго-Восточной Европы самым важным является именно вопрос о появлении бизнесменов. В начале упомянутого перехода от социализма к капитализму широкое распространение получили «академические пророчества» социологов Э. Ханкиша (Венгрия) и Я. Станишкис (Польша) о появлении так называемого «политического капитализма», т. е. о трансформации старой номенклатуры в новый капиталистический класс путем превращения ее политического капитала в реальный (согласно французскому социологу П. Бурдьё). В начале XXI в. вхождение старой номенклатурной элиты в новую было определено как «номенклатурный национализм»³. Как считает И. Беренд, эта преемственность не должна удивлять, поскольку и после Второй мировой войны в этом регионе не наблюдалось появления на сто процентов новой элиты; большинство стран здесь небольшие (за исключением Польши и Румынии с ее более чем 20-миллионным населением), и это сужает круг людей с элитарным политическим, научным, культурным и экономическим опытом и знаниями. Только в бывшей ГДР произошло полное замещение прежней элиты людьми из Западной Германии. Ни в одной другой восточноевропейской стране не было подобного замещения, независимо от попытки эмигрантов времен «реального социализма» сыграть важную роль в жизни трансформирующихся в этих странах постсоциалистических обществ. Подобной преемственности отчасти способствовал тот факт, что из представителей высшей коммунистической номенклатуры почти никто не был осужден, и даже законодательные меры по люстрации в первые годы переходного периода затрагивали главным образом сотрудников секретных служб. Суд над бывшими коммунистическими «величествами», как в случае Т. Живкова, или расстрел Н. и Е. Чаушеску, являются, согласно Беренду, скорее исключениями, характерными только для Юго-Восточной Европы⁴.

Эмпирические социологические исследования в Центральной и Юго-Восточной Европе, проведенные в 1993–1994 гг. под руководством проф. И. Зеленого и опубликованные в 1998 г., однако показывают, что в тот период лишь 6 % из бывшей политической номенклатуры в Чехии, Венгрии и Польше стали предпринимателями. Более того, хотя бывшая хозяйственная номенклатура и имела больше шансов воспользоваться своим положением и стать капиталистической прослойкой, удалось это только 5 % из ее состава в указанных странах. Основная масса предпринимателей в странах Центральной Европы, согласно данному исследованию, вышла из рабочих и жителей села⁵.

Что же касается России и таких балканских стран как Румыния и Болгария, И. Беренд склонен признать, что они развиваются иным путем, нежели Центральная Европа, и демонстрируют, хотя бы частично, «политический капитализм». Так, в России в 1993 г. 10 % из числа высших менеджеров занимали ранее (в 1988 г.) государственные и партийные посты, по сравнению с 1–2 % в странах Центральной Европы⁶.

Что мы видим в болгарском случае? Последние исследования экономической элиты Болгарии в период 1989–2005 гг. показывают отсутствие преемственности с прежней хозяйственной элитой времен позднего социализма. При этом нет преемственности (повторяются лишь 12–17 имен) среди председателей и членов советов правления рассмотренных 125 фирм — ни в 1990 г., когда издали реестр о них, ни в 1994 г., когда они все еще государственные, ни в 2005 г., когда они уже стали частными⁷. Более того, среди имен, внесенных в торговый реестр, отсутствуют имена, напрямую связанные с бывшей партийной номенклатурой. А в ходе телевизионного интервью журналиста М. Карбовского с К. Лукановым, сыном А. Луканова, которого считают «архитектором» болгарского переходного периода, выяснилось, что он, как и внук Т. Живкова, является безработным⁸.

Автор данной статьи ставит своей целью найти объяснение сложившейся в Болгарии ситуации, которая напоминает положение дел в странах Центральной Европы в большей степени, нежели в России, отметив штрихами историю приватизации и рождения новых экономических актеров в 90-е гг. XX в. с учетом стратегий политических акторов.

Предыстория приватизации начинается со времен перестройки во второй половине 1980-х гг., еще в годы правления Т. Живкова и БКП. Правительственные документы тех лет показывают, что предпринимались попытки следовать китайской модели реформ, что, впрочем, делали и другие восточноевропейские страны. Конкретно речь шла о стимулировании мелкого частного бизнеса в сфере услуг, торговли, легкой промышленности (Постановление Совета Министров — ПСМ № 5 за июнь 1987 г.) и о преобразовании государственных предприятий в фирмы и акционерные общества во главе с менеджерами — директорами этих фирм (Указ № 56 и ПСМ № 36 от 28 июля 1989 г.), а также о превращении областных и районных отделений Государственной сберегательной кассы, Болгарского Народного банка и восьми государственных отраслевых банков в торговые банки (ПСМ № 19 от 19 мая 1989 г.)⁹. Целью этих реформ было преодоление отчуждения всех производственных слоев от собствен-

ности для повышения эффективности экономики. Таким образом, можно охарактеризовать официальную стратегию перестройки как прелюдию перехода. Она связана с реформаторством прежнего лидера и его окружения. Их политическая цель — сохранить власть и для себя. «Делаем так, чтобы осталась власть и для нас», — откровенничал Т. Живков перед китайскими товарищами во время своего визита в Китай в мае 1987 г. Основной логикой этого переустройства являлась децентрализация ответственности, но сохранение централизованного контроля над экономикой. Поэтому говорилось о единой социалистической собственности, распределенной для ведения хозяйства, а врагами реформы назывались как рядовые производители, так и партийная и государственная бюрократия¹⁰.

Эта программа осуществлялась в начале переходного периода в 1989 г. в соответствии с Указом № 56 и ПСМ № 36 от 28 июля 1989 г., согласно которым государственная хозяйственная деятельность в сфере промышленности, земледелия и финансов преобразовывалась в акционерную. ПСМ № 36 от 1990 г. предусматривало предоставление государственного и муниципального имущества в сфере туризма, торговли и услуг в аренду частным лицам. В соответствии с Указом № 56 проводилась регистрация фирм граждан, получившая название «предпринимательский бум»: в среднем в год регистрировалось по 400 тыс. фирм торговцев-частников. Однако наиболее существенные преобразования происходили в сфере банковского и страхового дела: до 1991 г. было создано 82 новых торговых банка¹¹.

Таким образом, руководство экономикой переходило в руки директоров, председателей кооперативов и трансформированных банков — так называемой хозяйственной номенклатуры или технократов. Их выбирали советы правления акционерных обществ в соответствии с нормативными документами и, таким образом, предполагалось, что они получают доверие трудовых коллективов.

Однако наряду с этой программой в кругах т. н. реформаторов в БКП постепенно в ходе политических перемен формировалась как бы скрытая программа перехода к капитализму. Она основывалась на такой возможности трансформации государственной и муниципальной собственности в акционерную, чтобы эти акции и стоящие за ними активы могли через некоторое время быть переоформлены на частных лиц¹². И поскольку в соответствии с ПСМ № 36 от 1989 г. Совет министров и министр экономики и планирования определяли, какие именно фирмы будут государственными (т. е. 51 % их акций оставались в собственности государства), то захват высших административных звеньев становился исключительно важным для реализа-

ции скрытой программы реформаторов. Подобное развитие дел могло бы привести к реализации «политического капитализма» в Болгарии. То есть в начале этот тип трансформации властного механизма начал осуществляться как будто успешно для части номенклатуры.

В первую очередь реформаторы в БКП вокруг А. Луканова, П. Младенова, А. Лилова лишили властных полномочий прежнего лидера — Т. Живкова и его окружение, клеймя их на пленумах 10 ноября, 8-го и 11–13 декабря 1989 г. как виновников деформаций системы. Они заняли руководящие посты и в партии, и в государстве. Луканов стал премьер-министром, а Младенов — председателем Государственного Совета и первым секретарем ЦК БКП. Новая команда в БКП могла переориентироваться на следующего своего врага — хозяйственную номенклатуру. Это директора муниципальных и государственных предприятий и фирм со знаниями, опытом, связями, являющиеся потенциальными конкурентами коммунистической партийной знати в борьбе за доступ к экономической власти и собственности.

В то же время в Болгарии как и во всех восточноевропейских странах, появляется (7 декабря 1989 г.) демократическая оппозиция в лице Союза Демократических Сил (СДС, т. н. «синие»). Она так же, как компартия, не является единым субъектом, поскольку состоит из сторонников старых партий и новых формирований с различными представлениями о переходе. Внутри оппозиции в ходе политической борьбы обособливаются группа экспертов и группа партийцев¹³. Оппозиция также оформляется как соперник в овладении экономической. Но вначале ей предстоит закрепиться на политической сцене.

Таким образом, в 1990 г. в Болгарии имелись два самостоятельных субъекта осуществления властных полномочий: т. н. реформаторы из БСП (новое название БКП), возглавляемые А. Лукановым, которым в политическом пространстве противостоял СДС, а в экономическом — прежде всего хозяйственная номенклатура. Борьба между последними оставалась скрытой от общества. Она шла под знаком демонополизации и раздробления, трансформации предприятий в акционерные общества, но уже с ослаблением центрального контроля над ними. Официальное объяснение возникшего хаоса состояло в том, что таким образом будет создано много субъектов, которые, пусть пока еще государственные, будут конкурировать в реальной обстановке, при отошедшем от управления экономикой государстве.

Весьма солидную поддержку партийной номенклатуре в ее борьбе с экономической элитой оказала программа, разработанная в 1990 г. приглашенными Лукановым американскими экспертами под руководством Р. Рана и Р. Ата. Она предусматривала поэтапную

приватизацию: быстрое разгосударствление с учетом привлечения иностранных инвесторов к наиболее привлекательным отраслям промышленности, таким, как текстильная, мебельная, жилищное строительство, электроника; продажу взятых в аренду объектов; наконец, разгосударствление объектов тяжелой промышленности¹⁴. Советы Рана и Ата содержали рекомендации о прозрачности процедур, поскольку в болгарском обществе в 1990 г. уже распространилось мнение о том, что плодами приватизации воспользуются представители хозяйственной и политической номенклатуры, так как собственных средств в виде сбережений у людей недостаточно¹⁵. Следует отметить, что болгарские эксперты-экономисты, включая представителей оппозиции, в отличие от своих восточноевропейских коллег, получили образование не на Западе, а в Болгарии или, в крайнем случае, в СССР и поэтому склонны были воспринять идеологию западных экспертов¹⁶.

Эти настроения доминировали в СМИ и общественном пространстве, и поэтому проведенная в 1990 г. частичная приватизация некоторых государственных предприятий (через покупку акций персоналом) была приостановлена в результате моратория, принятого в августе 1990 г. Великим Народным Собранием (ВНС)¹⁷. Политически и экономически слабая оппозиция опасалась, что в данный момент она не сможет принять участие в приватизации. Но мораторий оказался выгоден и получившей абсолютное большинство в ВНС бывшей компартии в лице ее номенклатуры, поскольку т. н. реформаторы могли теперь вести битву с хозяйственной номенклатурой и особенно с директорами ста отраслевых государственных хозяйственных объединений (ГХО), которых рассматривали в качестве основных соперников в борьбе за овладение экономикой.

ГХО не без основания характеризовались как корпорации — в этих объединениях были сосредоточены производство, внутренняя и внешняя торговля, научная деятельность по развитию основных промышленных филиалов. Их высококвалифицированные директора имели многолетний опыт управления крупными структурами. Упомяну лишь Балканкар, Булгартабак, Молочную промышленность, Изот, Электрон, Фармахим. Некоторые из этих ГХО были на шаг от создания собственных банков. Впрочем, их обслуживали 8 торговых банков, созданных с подобной целью еще в 1980 г. ГХО отличались от капиталистических корпораций тем, что, с одной стороны, их полностью поддерживало государство, а с другой — за потери ГХО его директор не нес никакой личной материальной ответственности. Убытки оплачивало государство, которое по этой причине строго их контролировало¹⁸.

В конце 1980-х и начале 1990-х гг. продолжилась политика раздробления ГХО, начавшаяся в 1987 г. как выражение борьбы между хозяйственной и партийной номенклатурой, персонифицированная в борьбе между А. Лукановым и О. Дойновым и завершившаяся в конце 1988 г. поражением технократов¹⁹. Рецепты американских экспертов в 1990 г. также были направлены на демонополизацию и декорпоративизацию, вопреки или, может быть, именно потому, что рынки основных ГХО находились за рубежом: в СССР, странах третьего мира, Западной Европе²⁰. Раздробление предусматривалось в 1989 г. и 1990 г. и для гигантов в области земледелия — аграрно-промышленных комплексов (АПК), сочетавших производство и переработку сельскохозяйственной продукции²¹.

Широкое коалиционное правительство Д. Попова (1991 г.), в котором основные экономические министерства принадлежали антикоммунистической оппозиции, продолжило битву с хозяйственной номенклатурой в промышленности и сельском хозяйстве. С 1 февраля 1991 г., одновременно с либерализацией цен ГХО начали генерировать т. н. «плохие кредиты», взятые в твердой валюте у трансформированных торговых банков, которые не могла «съесть» инфляция, — она начала расти в болгарских левах. Эти индустриальные комплексы достаточно могучи, чтобы справиться, если у них есть поддержка государства. Однако они ее не получили, потому что реформаторы в БСП готовили в будущие капиталисты другие фигуры: из кругов госбезопасности, спортсменов, лично преданных им людей. А правительственный корпус из рядов оппозиции твердо поддерживал неолиберальный курс на лишение государственных предприятий всяческой поддержки, на развитие конкуренции и разрушение монополий. Согласно Торговому закону от 1 июля 1991 г. государственные предприятия были преобразованы в акционерные общества. Вместо 2200 предприятий, объединенных примерно в 100 ГХО, появились почти 7 тыс. предприятий, чьи производственные связи оказались разрушены, а контроль над ними из центра был слишком неэффективен, если не сказать невозможен. То же самое получилось с 287 АПК и ТКЗХ²² в результате применения Закона о земле от 1 марта 1991 г., поскольку он давал возможность образовать в одном селе несколько хозяйств при условии возвращения земель в идеальных границах²³.

С одной стороны, все это делало управление экономикой слишком сложным, но с другой — ослабление государственного контроля создавало впечатление, будто директорам и председателям коопераций была предоставлена свобода и возможность показать свое умение выжить в новых условиях. Однако они находились под постоянным

давлением со стороны появившихся в декабре 1989 г. профсоюзов: старого, преобразованного в Конфедерацию независимых синдикатов в Болгарии (КНСБ) и нового, связанного с оппозицией, — Конфедерации труда «Подкрепа». По существу, они стали играть роль штурмовиков политического класса, поскольку по внушению партийного руководства возглавляли акции протеста с целью смены директоров отдельных предприятий²⁴.

Когда к власти пришло первое демократическое правительство бывшей оппозиции (октябрь 1991 — октябрь 1992 г.), оно предприняло очередную расправу со старыми экономическими кадрами, особенно на важных, структурообразующих предприятиях. Это отражало амбициозную задачу правительства по смене системы, т. е. политических и экономических условий, унаследованных от социализма²⁵. В первую очередь расформировывались хозяйственные министерства, и проводилась чистка — люстрация. В результате министерства пополнились неопытным и идеологизированным, но политически преданным СДС новым чиновничеством. Так, в новообразованном министерстве промышленности и торговли из старых кадров осталось только 24 человека. Подобная участь ждала и т. н. «красных директоров»: в 1991–1992 гг. по политическим причинам были уволены около 10 тыс. хозяйственных руководителей различного уровня²⁶. Бывшая оппозиция искала свою социальную базу, но не могла ее найти в лице хозяйственной номенклатуры с коммунистическим прошлым. Оппозиция не делала разницы между партийной и экономической номенклатурой, и это лишило последнюю шанса применить свои многолетние знания в управлении. Часть ее пыталась развивать частный бизнес, но, как признавал в своих мемуарах один из таких деятелей — заместитель министра земледелия, потом Комитета по туризму, он понял, что капиталиста из него не получится²⁷. Другие высшие хозяйственные чиновники, оставившие воспоминания, даже не пишут о попытках развивать частный бизнес.

СДС придерживался неолиберальной стратегии. Единственный закон о преобразовании и приватизации государственных и муниципальных предприятий от 23 апреля 1992 г. (с изменениями от 1994 г. и 1995 г.) предусматривал кассовую приватизацию — продажу акций предприятий, уже трансформированных в торговые акционерные общества или общества с ограниченной ответственностью²⁸. Закон предусматривал применение сложных процедур и административных методов, дававших органам государственной власти право решать почти все вопросы²⁹. Сохранялся административно-политический механизм назначений высшего менеджмента³⁰. Таким образом, власть

сохраняла в своих руках рычаги давления на менеджеров и на ту часть хозяйственной номенклатуры, которая уцелела и сумела сохранить определенную часть вверенных ей предприятий, особенно в сферах, не являющихся привлекательными для сложившихся в 1990–1991 гг. силовых группировок. СДС не доверял прежним хозяйственникам из-за их коммунистического прошлого. А для того, чтобы держать подальше от экономики и те группировки, о которых речь пойдет ниже, первый премьер-министр от СДС Ф. Димитров, предупреждал в 1991 г., что приватизация не предусматривает облегченных процедур для болгарских бизнесменов с тем, чтобы они научились конкурировать с иностранными³¹.

Так называемые «аутентичные» предприниматели — люди, основавшие свои небольшие фирмы по оказанию услуг, особенно в сфере транспорта, здравоохранения, розничной торговли и пр., бизнес которых был основан в поздний период перестройки, не имели ни экономического опыта, ни достаточных средств. У болгар отсутствовал продолжительный опыт в мелком частном городском бизнесе, каковой имели, например, венгры. Их опыт накапливался главным образом в аграрной сфере, где наряду с кооперативами еще с 1945 г. сохранялось личное хозяйство, которое сознательно допускалось с 1960-х гг., а с середины 1980-х откровенно поддерживалось за счет АПК. Поэтому, получив возможность развивать бизнес, они часто действовали на грани закона, как например т. н. «челночники» — перекупщики дешевых товаров из Турции или шоферы маршруток, не выдающие билетов. Этот тип мелкого предпринимателя не мог стать надежной базой для оппозиции, поскольку именно теперь ему предстояло закрепить свой статус.

Сначала правительство СДС обратилось к докоммунистическим структурам, существовавшим до 1944 г. и приняло решение о реституции земли и городской собственности. Это значительно отличалось от разгосударствления, которое осуществлялось в других странах в переходный период: в Болгарии сначала была реализована натуральная реституция в полном объеме и при облегченных условиях, а затем проведена приватизация³². Эти преобразования были осуществлены вопреки предупреждению министра экономики Франции Л. Столерю, который, выступая перед экономической комиссией Великого Народного Собрания, заявил: «Приватизация — это взгляд в будущее, а реституция — это взгляд в прошлое. Хотя основания для существования обоих процессов налицо, приоритет необходимо отдать приватизации». Но «синие» политики не прислушались к его словам, и это не только замедлило процесс преобразования собствен-

ности, но и оттолкнуло от реформы большинство людей, лишив их уверенности, что она может быть им выгодна. Реституции подлежало 30–40 % существовавших предприятий, и лишь в легкой промышленности они составили 1160 объектов³³.

Реституция стала также формой борьбы с хозяйственной номенклатурой и аутентичными предпринимателями, потому что давала преимущество бывшим владельцам в отношении их предприятий, ставших частью государственных после национализации 24 декабря 1947 г. Это привело к раздроблению государственных предприятий, разрыву связей между отдельными звеньями, и кризис в промышленности стал углубляться. 600 тыс. реститутов оказались в своей основной массе рантье. Единственной пользой от реституции стало то, что этот тип разгосударствления создал твердых и очевидных собственников, хотя и лишенных хозяйственной мотивации.

Комбинация из теневой экономики, бывших работников госбезопасности и больших денег из-за рубежа лежала в основе рецепта успеха крупных хозяйственных игроков в первые годы после начала экономических реформ в Болгарии. Как известно, скорейшую прибыль приносят торговля, финансы, контрабанда и т. д. Особенно благоприятствовали развитию этих сфер теневой экономики войны в Югославии (1991–2001 гг.) и введение ООН югоэмбарго. Это остановило крупных иностранных инвесторов от вложения денег в Болгарию. Тем более, что иностранные инвесторы имели большое поле деятельности во всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Хватало, однако, авантюристов и спекулянтов, таких как издательский магнат Р. Максвелл и эксцентричный миллиардер М. Рич, проявивших готовность развивать бизнес и в Болгарии. Но люди, которые могут заниматься подобным бизнесом вне закона или на грани его нарушения, должны иметь определенный навык, знания, связи. Такие люди, конечно, были из числа уволенных из рядов бывшей госбезопасности, спортсменов из силовых видов спорта — борцов, каратистов, криминальные авторитеты, работники внешней торговли. Этот контингент имел связи с преступным миром, знал каналы и т. д. Еще в 1990 г. возникли группировки, называемые силовыми, такие как «Мультигруп», ВИС-1, ВИС-2, СИК, Первый частный банк, Страховое общество Орел, развивавшие охранную и страховую деятельность. Они даже создали свой Союз хозяйственной инициативы граждан и негласно получили название Г-13.

Некоторые из этих группировок вели свое начало со времен поздней перестройки, как в случае с «Мультигруп», наиболее характерной для болгарского переходного периода, возникшей в 1988 г. в виде

кооператива «Мультиарт» для торговли антиквариатом и произведениями искусства. Ее возглавил бывший борец и разведчик И. Павлов, который проявил чутье, и вскоре начал ввозить руду для металлургического комбината «Кремиковцы» и экспортировать готовую продукцию. Его бизнес как посредника государственных предприятий в торговле разного вида разрастался, включая энергетический сектор, а также посредничество и для российских фирм через А. Луканова. Связь с Р. Максвеллом Павлов осуществлял через О. и Э. Дойновых. Об этих новых экономических игроках слагались легенды, например о полученных кейсах с деньгами. Но эти кейсы — скорее метафора, означающая быструю и огромную прибыль, как рассказывает один видный представитель этого типа бизнесменов — начальник политической полиции до 1989 г., а затем — сооснователь и советник в «Мультигруп» Д. Иванов³⁴.

От физической расправы с должниками банков эти новые экономические игроки переходят к рэкету государственных фирм, расширяя свой бизнес и создавая т. н. экономику ренты и зачистки активов (*rent-seeking & assets stripping*). Они внедряются на входе и выходе государственных предприятий и начинают «перекачку» их активов. Не стыдятся использовать и профсоюзы. Не случайно лидер профсоюза «Подкрепа» Р. Ненов через некоторое время стал вице-президентом «Мультигруп»³⁵. То же самое делалось в отношении сельского хозяйства: они определяли закупочные цены, поскольку предварительно выкупили склады и перерабатывающие предприятия. Например, так начинала свой бизнес могущественная варненская группировка ТИМ.

Считается, что эти группировки связаны с партийной номенклатурой, и что она делегировала им часть своей власти, чтобы использовать их для закрепления собственного влияния в экономике. Классический тому пример — дела бывшего премьера А. Луканова, который объявил, что выходит из политики в 1995 г., и готовился основать свое общество с российским капиталом — «Топэнержи» в качестве частного посредника между «Газпромом» и государственным предприятием «Булгаргаз». В «Топэнержи» входил и И. Павлов. Он даже вытеснил Луканова из правления и содействовал разрушению его сердечных отношений с Р. Вяхиревым, который в то время возглавлял «Газпром». Убийство А. Луканова в 1996 г. так и не раскрыто, исследователи истолковывают его как символический знак освобождения людей из группировок от своих кукловодов-реформаторов из БСП. Более того, гибель Луканова символизирует поражение реформаторов в БСП, которые до того

момента пытались определять направление переходного периода и играть роль социальных инженеров³⁶.

Расцвет группировок связывают с правлением Л. Берова (1993–1994 гг.), потому что тогда они получили открытый доступ к государственным структурам и проявили интерес к энергетике, химической промышленности и вообще к реальной, не теневой экономике. Но с течением времени, как отмечает главный редактор софийской газеты «Труд» Т. Тошев, «беровскому кабинету больше нечего было дать группировкам», возглавляемым бывшими работниками госбезопасности, возмнившими себя богами бизнеса. Кроме уже упоминавшегося И. Павлова, это такие банкиры и страховщики как В. Моллов, В. Йосифов, Д. Гуштеров, Э. Кюлев и др.³⁷ Тогда же отмечалось и увеличение числа конфликтов между этими до недавнего времени подставными лицами и нанятыми в их группировки хозяйственными деятелями. Последние были уволены по той или иной причине³⁸.

«Силовики» так же, как и многие другие, воспользовавшиеся смутными временами в начале переходного периода для накопления богатства, получили хорошую возможность стать обладателями реальной, чистой собственности в результате проводимой в середине 1990-х гг. в Болгарии массовой приватизации. С ее помощью они стремились вписаться в общество как «честные частники», «как национально-ответственные капиталисты» — имидж, к которому они стремились. В самой БСП пришло к власти новое поколение молодых политиков во главе со своим лидером — бывшим комсомольским деятелем Ж. Виденовым.

«Левое» правительство Ж. Виденова в 1995–1996 г. приняло шесть законов о приватизации, следуя успешной тогда чешской модели массовой, боновой (или ваучерной) приватизации, предполагавшей приобщение большего числа людей к реструктурированию собственности. Кассово был приватизирован только один гигант содoproизводства — Содовый комбинат в Девне. Именно тогда, когда было приватизировано 35 % государственных активов, группировки сделали попытку выйти из тени. Это произошло в процессе создания приватизационных фондов, числом в 81, которые согласно болгарским законам могут быть также частными. Тогда же активизировалась и часть руководителей, которые образовали подобные фонды совместно с этими силовыми группировками. Однако впоследствии они были преобразованы в холдинги и инвестиционные общества, а сейчас все выкуплены иностранными инвесторами³⁹. Так что логика рождения новой деловой элиты не демонстрирует сохранения в ней старой экономической элиты.

По существу, с конца 1990-х гг. отмечаются новые процессы в отношениях между экономическими акторами и политическим классом. Если до этого группировки были связаны с реформаторами из рядов БСП, укреплялись при правительстве Л. Берова, то во время правления Ж. Виденова они почувствовали для себя угрозу. Считается, что с помощью сети фирм «Орион» (Виденова обвиняли в благоволении к нему), он попытался одолеть силовые группировки реформаторов в БСП, являвшихся его политическими противниками. Он отказывал группировкам в государственной поддержке при включении в важные международные энергетические проекты и при приватизации крупных предприятий, таких как «Химко-Враца», равно как и при регистрации их фондов⁴⁰. Кроме того, Виденов продолжил административно-политическую линию контроля над государственными предприятиями и уволил 430 хозяйственных руководителей из 1700, поскольку подозревал, что это люди из группировок, которые выкачивают средства из предприятий⁴¹. Вот почему группировки оказали помощь оппозиции, которая посредством переворота зимой 1996/1997 гг. свергла правительство «левых», используя искусственно вызванную ими гиперинфляцию⁴².

Но после того как они помогли СДС вернуться к власти в 1997 г., силовые группировки были маргинализированы правительством И. Костова (1997–2001 гг.) и начали взаимно уничтожать друг друга в битве за рынки для своих полулегальных товаров. Таким образом, они постепенно утратили свою роль как фактор национального масштаба, продолжая действовать лишь на региональном уровне.

Во время правления СДС не прекращалась борьба со старой экономической элитой. В 1998 г. был принят очередной люстрационный закон в отношении государственных служащих. Он демонстрировал стремление к тому, чтобы даже девять лет спустя после начала перемен существовали законодательные препятствия для доступа в государственный аппарат хозяйственных кадров прежнего режима, и чтобы те к тому же не могли участвовать в приватизации и разгосударствлении⁴³.

Поэтому реально облагодетельствованными в результате приватизации, уже весьма активно проводимой вторым правительством СДС, оказались в основном близкие и родственники действовавших политиков или сами они. Хрестоматийным примером является Б. Михайлов — глава Государственного страхового института, супруг Н. Михайловой — министра иностранных дел в правительстве И. Костова (которая впоследствии стала и лидером СДС), получивший даром здание и имущество гаража бывшего ЦК БКП⁴⁴. Новая «си-

няя» номенклатура пыталась контролировать бизнесменов с помощью государственных лицензий, за которые требовала материальной поддержки для своей партии. Такие призывы Н. Михайловой, адресованные отдельным бизнесменам во время закрытого партийного собрания в Монтане, становясь публичным достоянием, вызвали скандал в обществе, но не повлияли на отношения между игроками бизнеса и политиками⁴⁵.

Правительство И. Костова содействовало слиянию политической и деловой элиты и иным способом — через Закон о государственных заказах. Согласно ему государственные структуры и муниципалитеты для любых закупок должны проводить торги. О торгах объявлялось в газетах, и они организовывались главами ведомств, которые не обладали необходимой подготовкой и умением биржевых посредников, но в то же время могли быть облагодетельствованы в результате сделок, пренебрегая услугами уже существующей с 1991 г. Фондовой биржи⁴⁶. Так создавалась дополнительная среда для коррупции. Одновременно с этим И. Костов также учреждает свой круг фирм «Олимп», а Фонд его супруги «Будущее Болгарии» начал принуждать бизнесменов делать ей дарения. Так формировался круг фирм, близких политическим партиям. Лидер третьей важной партии — Движения за права и свободы совершенно откровенно признавал, что в этом де и состоял смысл перехода: при смене партий сменить облагодетельствованные фирмы. К концу 1990-х гг. экономические акторы в Болгарии — это уже более или менее определившаяся категория, которая, однако, не стала олигархией, подобно своим российским или украинским коллегам. Это средней руки бизнесмены, зависящие от политической элиты, считающейся «синей номенклатурой»⁴⁷.

Ускоренная приватизация 1997–2001 гг. и 2001–2005 гг. уже являлась кассовой, и в ней болгарские экономические акторы как будто отсутствовали или являлись посредниками иностранцев — как в случае с металлургическим комбинатом «Кремиковцы». Среди приватизированных во всех областях экономики, инфраструктуры, транспорта, энергораспределения, коммуникаций в основном оказались государственные фирмы. Они стали собственностью иностранных инвесторов, которые преследуют свои интересы и через разные известные в мире договорные механизмы манипулируют рынком собственности в Болгарии, где эти сделки сопровождались скандалами и обвинениями в коррупции⁴⁸.

Считается, что во время правления Национального движения «Симеон Второй» (НДСВ) в 2001–2005 гг. болгарская экономическая элита, возникшая в переходный период, освободилась от зависи-

мости от политической элиты, потому что тогда была ликвидирована монополия классических партий и их аппаратов на принадлежность к бизнес-элите⁴⁹. Все вышесказанное можно завершить констатацией, что болгарская бизнес-элита не сумела сформировать группу крупного национального предпринимательского и финансового капитала. Крупный капитал в Болгарии — прежде всего иностранный, не случайно из функционирующих ныне укрупненных банков только один является болгарским — First Investment Bank. Основные болгарские экономические акторы — это владельцы малых и средних предприятий, имеющие 50–150 работников, а также мелкие торговцы-частники и крупные арендаторы земли. Данные за 2000 г., демонстрирующие новую социальную структуру общества, показывают, что численность работодателей составляет 69 400 человек; самоопределяющихся — 276 000, наемных работников — 2 344 900, безработных — 590 000. Эта сильно поляризованная социальная структура очень напоминает структуру, существовавшую в Болгарии накануне 9 сентября 1944 г.⁵⁰, и соответствует логике произошедшего «правого» перехода.

Таким образом, и болгарский случай раскрывает схожие с остальными странами Центральной и Юго-Восточной Европы результаты в процессе формирования новых экономических акторов и демонстрирует, почему реституция и политическая борьба не позволили реализовать теорию «политического капитализма» и в Болгарии.

Примечания

¹ Назову самые последние обобщающие исследования: Чальков Ив., Бунджулов А., Христов И. и др. Мрежите на прехода. Какво всъщност се случи в България след 1989 г. София, 2008 (далее — Мрежите на прехода); Луджев Д. Революцията в България 1989–1991. Кн. 1. София, 2008; Иванов М., Ганев Г. Бизнес елитите на България 1912–1947, 1989–2005. София, 2009; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Яжборовская И. С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008; Berend I. From the Soviet Bloc to the European Union. The Economic and Social Transformation of Central and Eastern Europe since 1973. Cambridge University Press, 2009.

² Berend I. Ibidem. P. 232.

³ Berend I. Ibidem. P. 235.

⁴ Berend I. Ibidem. P. 239.

⁵ Berend I. Ibidem. P. 243–245.

⁶ Berend I. Ibidem. P. 246.

⁷ Иванов М., Ганев Г. Бизнес елитите на България 1912–1947, 1989–2005. С. 435–469.

⁸ «Нова телевизия». Передача «Отечествен фронт». 7 и 14 ноември 2009 г.

⁹ Акционерната собственост в преходната икономика. София, 1994. С. 125.

¹⁰ Марчева Ил. Перестройката в светлината на модернизацията // Историческо бъдеще. 2003. № 1–2. С. 79–96.

¹¹ Акционерната собственост в преходната икономика. С. 127.

¹² Мрежите на прехода... С. 92.

¹³ Подробнее см.: Луджев Д. Революцията в България 1989–1991. Книга 1. София, 2008.

¹⁴ Доклад върху проекта за икономически растеж и преход към пазарна икономика в България, подготвен от Фондация на националната камара на САЩ за Народна република България, 1990. Глава 4.

¹⁵ Работническо дело. 8 март 1990.

¹⁶ Доклад върху проекта... Глава 4; Мрежите на прехода... С.190.

¹⁷ Василев Й. Приватизацията. Какво трябва да знаем, какво трябва да направим? София, 1993. С. 64.

¹⁸ Мрежите на прехода... С. 186.

¹⁹ Никова Г. Живковата икономическа реформа, перестройката и стартът на скритата приватизация // Исторически преглед. 2003. № 5–6. С. 121–130.

²⁰ Мрежите на прехода... С. 181.

²¹ Марчева Ил. Перестройката в светлината на модернизацията // Историческо бъдеще. 2003. № 1–2. С. 79–96

²² ТКЗХ – Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, аналог советских колхозов.

²³ Марчева Ил. Аграрната реформа 1991–2001 през погледа на историка // Толерантният националист. София, 2009. С. 370.

²⁴ Пеев Е. Корпорацията в пазарния свят и корпорацията в България. София, 2002. С. 136–137.

²⁵ Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2002. София, 2002. С. 286.

²⁶ Тенов Й. Истината за разрухата в индустрията // Дума. 4 ноември 1996.

²⁷ Димитров Ив. Тоталитаристът хамалин: Мемоари. София, 1999. С. 534.

²⁸ Държавен вестник. № 38. 8 май 1992; изм. бр. 51 от 1994 и бр. 45, 57 и 109 от 1995.

²⁹ Василев Й. Приватизацията... С. 63.

³⁰ Мрежите на прехода... С. 297.

³¹ Икономика. Януари 1992. С. 8.

³² Закон за възстановяване собствеността върху някои магазини, работилници, складове и ателиета // Държавен вестник. № 105. 19 декември 1991; Закон за възстановяване собствеността върху одържавените недвижими имоти и Закон за възстановяване собствеността върху някои отчуждени имоти // Държавен вестник. № 15. 21 февруари 1992.

³³ Василев Й. Приватизацията... С. 63.

- ³⁴ <http://forum.skycode.com/topic.asp?SID=2003032500010050001>; Левerson Ал. Илия Павлов. Шеметна съдба. София, 2008.
- ³⁵ Александров Г. Бизнесът на синдикатите // Капитал. 2004. № 5.
- ³⁶ Мрежите на прехода... С. 457–478.
- ³⁷ Тошев Т. Лъжата: Жан, Иван и величеството. София, 2004. С. 75.
- ³⁸ Мрежите на прехода... С. 460–464.
- ³⁹ Там же. С. 496–510.
- ⁴⁰ Там же. С. 476–477.
- ⁴¹ Пеев Е. Корпорациите... С. 137.
- ⁴² Калинова Е., Баева И. Българските преходи. С. 303.
- ⁴³ Савов Ст. Икономика на прехода. София, 1999. С. 392.
- ⁴⁴ Братовчедски кръгове въртят спекула с резерва // Труд. 28 юни 2001.
- ⁴⁵ <http://clubs.dir.bg/showthreaded.php?Board=prestapnost&Number=1942250059&page=8&view=collapsed&sb=5>.
- ⁴⁶ Братовчедски кръгове въртят спекула...
- ⁴⁷ Мрежите на прехода... С. 258.
- ⁴⁸ Анатолия на прехода. Стопанската политика на България от 1989 до 2004 г. София, 2004. С. 131.
- ⁴⁹ Мрежите на прехода... С. 266.
- ⁵⁰ Коев Й. Развитие на българското предприемачество // Икономическа мисъл. 2004, № 3. С. 74–75.

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ БОЛГАРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. Л. Валева
(Россия)

Любому, кто хоть немного знаком с болгарской литературой и культурой (не говоря уже о каждом болгарине!), известен Бай Ганю — герой одноименной книги выдающегося писателя-сатирика Алеко Константинова. В Болгарии имя Бай Ганю, этого, не лишённого способностей, но в то же время крайне невежественного, торговца розовым маслом, проныры и хитреца, наивного в своем беспредельном нахальстве, давно стало нарицательным.

Характер Бай Ганю складывался в определенных экономических и общественно-политических условиях конца XIX в. В книге А. Константинов затронул сложные экономические и социально-психологические вопросы своего времени — пути развития Болгарии, ее место среди других стран. Под формой забавных приключений главного героя он поднимает болезненные проблемы национального быта, психологии, менталитета, нравов, культуры. Можно сказать, что произведение А. Константинова — это сатирическое обличение и в то же время мучительное, но исполненное юмора преодоление национальных комплексов и социальных пороков. Нельзя не согласиться с бельгийским исследователем Р. Детрезом, утверждающим, что для самого А. Константинова Бай Ганю — это аллегорический персонаж, изображающий не болгарина как такового, а то, что в негативном смысле отличает болгарина от европейца (причем идеализированно европейца)¹. А тема, «красной нитью» проходящая через всю книгу, — это европеизация болгарского общества.

Этот посыл содержит уже первая фраза: «Помогли бай Ганю сбросить с плеч турецкую бурку, накинули на него бельгийский плащ, и все признали, что бай Ганю теперь настоящий европеец»². Здесь автор иронизирует по поводу заявления премьер-министра К. Стоилова, обещавшего превратить Болгарию в «Бельгию Балканского полуострова». И далее на протяжении всего романа А. Константи-

нов стремится убедить читателя, что недостаточно просто «накинуть бельгийский плащ», чтобы стать «настоящим европейцем». Поэтому в конце книги (в ее первом издании) он высказывает надежду, что читатель, прочтя эту книгу, задумается, вздохнет и скажет: «Мы европейцы, но еще не совсем!..»³ А. Константинов, будучи образованным и культурным человеком, внутренне воспринявшим европейские демократические и гуманистические ценности, остро критиковал отсутствие «европейской идентичности» у своих сограждан, особенно у представителей социальной и политической элиты.

Вопрос, являются ли болгары европейцами в культурно-историческом отношении, соответствует ли их менталитет «европейской культурной идентичности», стал снова актуальным на рубеже XX и XXI вв. в связи с подготовкой и вступлением Болгарии в Европейский Союз. После 1989 г. болгарские политики, ориентировавшиеся на Запад, для которых членство Болгарии в Европейском Союзе и НАТО стало основным внешнеполитическим приоритетом, делали акцент именно на «европейской» составляющей как основном компоненте болгарской национальной идентичности.

В конце второго года членства в Евросоюзе болгары задавались вопросом, стали ли они в большей степени европейцами после вхождения в ЕС в 2007 г.? Ответы на этот вопрос оказались разнообразными. Одни уверенно заявляли, что не должно быть никаких сомнений в том, что болгары всегда оставались европейцами. Членство в ЕС лишь дает им дополнительные возможности добиваться справедливости и защищать свои права (например, подавать петиции в Европейский парламент). Молодые и образованные болгары в основной массе чувствуют себя европейцами и считают, что за два года достигнут большой прогресс в европейской интеграции Болгарии⁴. Болгарские граждане могут сравнивать себя с другими странами — членами ЕС, сравнивать политические и общественные институты, политиков. Для того чтобы действительно почувствовать себя европейцами, важно видеть, в чем болгары отвечают европейским стандартам, в чем не дотягивают и должны наверстывать, что важно для Болгарии в ЕС, чем Болгария важна для ЕС. Многие молодые болгары полагают, что их соотечественники не особенно отличаются от остальных граждан ЕС, что и в других странах Европы немало людей с низкой самооценкой, не знающих своих прав, поэтому болгарам не стоит «комплексовать» по этому поводу. Вместо этого надо реально использовать те возможности, которые дает членство в Евросоюзе.

Здесь следует отметить, что постепенно болгары учатся защищать свои права потребителей, но вызовы во многих сферах остаются.

В январе 2010 г. в представительстве Европейского Союза в Софии стартовала информационная кампания, ориентированная на болгарских потребителей, которая проходит под девизом: «У вас есть права, отстаивайте их!» Кампания, которая шла в течение всего 2010 г., являлась частью европейских усилий по оказанию помощи гражданам новых стран ЕС, которые должны не только быть информированными о своих правах европейских потребителей, но и научиться их защищать. Первый шаг Болгария сделала еще ранее: болгарское законодательство в этой области полностью приняло европейские правила.

Другие болгарские граждане стоят на той позиции, что болгарский «ориентальный» менталитет трудно искореним. Даже на уровне бытовой культуры многое оставляет желать лучшего (взять хотя бы такой наболевший вопрос как уборка мусора на улицах). Они не видят особых перемен в менталитете и поведении своих сограждан, за исключением того, что теперь у них появилась возможность без ограничений выезжать за границу. Наличие коррупции в высших эшелонах власти, безнаказанность преступивших закон являются для них серьезной проблемой, мешающей почувствовать себя европейцами⁵.

Таким образом, как и во времена А. Константинова, сегодня речь идет не столько о принятии Болгарии в Европу, сколько о принятии Европы в Болгарию, то есть об усвоении болгарским населением системы ценностей, именуемых «европейскими» или «западноевропейскими», об изменении «балканского менталитета», о поисках путей для приобщения к европейской идентичности.

Краткая хронология присоединения страны к Евросоюзу такова. Желание стать полноправным членом Евросоюза (тогда — Европейского сообщества) было впервые зафиксировано еще на заре демократических перемен, 22 декабря 1990 г. в решении VII Великого Народного Собрания. С февраля 1995 г. РБ являлась ассоциированным членом ЕС, а в декабре того же года парламент страны проголосовал за то, чтобы Болгария официально подала заявку на полноправное членство в ЕС. В марте 1998 г. Совет министров принял Национальную стратегию о присоединении к Евросоюзу. С начала 2000 до середины 2004 г. между Болгарией и ЕС шел переговорный процесс по вопросам, связанным со вступлением. Летом переговоры были досрочно завершены, а в октябре Европейская комиссия в докладе о готовности Болгарии подтвердила, что она может стать членом ЕС в намеченный ранее срок — 1 января 2007 г. при условии успешного выполнения всех договоренностей. Однако уже в июне 2005 г. ЕК направила Болгарии письмо, в котором говорилось о замедлении темпов реформ в стране в пяти сферах. Среди претензий

Евросоюза к Болгарии назывались чрезвычайно разветвленная коррупция, слабый уровень судебно-правовой системы, дискриминация цыган, низкая инвестиционная активность, сохраняющееся сильное давление госаппарата на развитие экономики. Так, в своем интервью в марте 2004 г. комиссар по расширению ЕС Г. Ферхойген прямо сказал, «что, не предприняв серьезных реформ в судебной системе, Болгария не сможет вступить в ЕС»⁶. Поэтому интеграция в Евросоюз предполагала значительную структурную перестройку, включавшую административную реформу, реформы в сферах социального обеспечения, здравоохранения, образования, а также сближение болгарской законодательной базы с системой законов, принятых в странах Евросоюза. Первые шаги в этом направлении болгарское руководство начало осуществлять уже на стадии переговоров о вступлении.

25 сентября 2003 г. Народное Собрание приняло первые поправки в конституцию РБ 1991 г., касающиеся судебной системы. С целью сделать судебное производство более эффективным в октябре 2002 г. и мае 2003 г. в Болгарии были внесены изменения в Гражданско-процессуальный и Уголовно-процессуальный кодексы. Изменения касались в основном механизмов исполнения судебных решений, часть из них имела целью ускорение сроков производства. С помощью ЕС происходила модернизация судебной инфраструктуры, велась работа над созданием интегрированной информационной системы. В 2003 г. Болгария подписала соглашение о сотрудничестве с Европол, а в 2007 г. ее приняли в Европол и Интерпол.

25 апреля 2005 г. на торжественной церемонии в Люксембурге Болгария и Румыния подписали Договоры о присоединении к Европейскому Союзу с 1 января 2007 г. В мае Народное Собрание ратифицировало договор. Однако Европейская комиссия в своих регулярных мониторинговых докладах продолжала строго следить за выполнением обеими странами согласованных реформ и мероприятий и в случае сбоя могла рекомендовать отсрочку приема на один год. В конце сентября 2006 г. ЕК, к великому облегчению болгарских политиков, признала, что Болгария отвечает необходимым условиям членства в ЕС.

Итак, 1 января 2007 г. исторический акт свершился, страна стала полноправным членом Евросоюза. Это создало для нее качественно новую ситуацию, превратив из объекта в субъект политики Европейского Союза. Главной проблемой стала необходимость политической и экономической адаптации страны к западным нормам и условиям и совмещение этого процесса с вступлением в объединенную Европу. Уже через неделю правительство приняло План действий на 2007 г.

с мероприятиями, вытекающими из членства в ЕС. 10 января Европейская комиссия впервые заседала в составе 27 человек: как полномочный еврокомиссар от Болгарии в этом заседании участвовала Меглена Кунева.

1 марта 2007 г. правительство приняло Национальную программу реформ в Болгарии на период 2007–2009 г. под девизом «За более высокий рост и больше рабочих мест». Одновременно оно одобрило семь оперативных программ, которые предстояло представить Европейской комиссии: «Транспорт», «Региональное развитие», «Окружающая среда», «Развитие конкурентоспособности болгарской экономики», «Развитие человеческих ресурсов», «Административный потенциал» и «Техническая помощь». Они предусмотрены на период 2007–2013 гг. и в предстоящие годы должны финансироваться из различных фондов ЕС и национального бюджета. К началу ноября 2007 г. ЕК одобрила все оперативные программы, завершив тем самым предварительный этап подготовки Болгарии к освоению средств из еврофондов. Страна начала получать средства — приблизительно 7 млрд евро — из т. н. структурных фондов, которые распределялись между семью оперативными программами. Так, со стартом оперативной программы «Региональное развитие» на период 2007–2013 гг. Болгария получила возможность инвестировать в региональное развитие огромный финансовый ресурс в размере 1 млрд 600 млн евро. Средства предстояло направить на повышение конкурентоспособности отдельных регионов, развитие инфраструктуры, стимулирование туризма и местных инициатив, то есть результаты этой программы увидят все болгарские граждане. В проектах могли участвовать не только государственные органы, но и частный сектор, неправительственные организации, академические круги и частные эксперты. Готовность к освоению средств из еврофондов в конце 2007 г. составляла 79 % для неправительственных организаций, 76 % — для местных властей, 67 % — для консалтинговых компаний⁷. Возросла и доля оптимистов относительно положительного эффекта еврофондов для болгарской экономики, перед которой стоят задачи модернизации и ускоренного сближения с экономикой стран Евросоюза.

Болгарская дипломатия и администрация приложили неимоверные усилия для того, чтобы убедить Еврокомиссию в том, что Болгария подготовлена к вступлению не хуже, чем участницы предыдущего расширения ЕС. При этом все — и в Софии, и в Брюсселе — хорошо понимали, что страна весьма далека от средних европейских стандартов. По оценкам экспертов ЕК, жизненный уровень в Болгарии накануне вступления был втрое ниже этого показателя в странах ЕС.

Наряду с Албанией она являлась беднейшей страной Европы и занимала последние места в европейских статистиках по всем основным экономическим, социальным и другим показателям. По данным Мирового банка процент бедных с доходом ниже 2,15 долларов на человека в день в Болгарии составлял 7,9, в то время как в Венгрии и Польше — 1,3 и 1,2. Почасовая ставка рабочего в 2004 г. в среднем составляла 0,73 доллара, а инженера — 1,43, что более чем в десять раз ниже оплаты соответствующего труда в ЕС⁸. Пока Болгария — страна с самой низкой продолжительностью жизни в ЕС, с самой высокой смертностью, с самым высоким уровнем заболеваемости. Страна (чего уж скрывать!) с невысоким международным авторитетом. Аналитики не скрывали, что прием в ЕС Болгарии (как и Румынии) имел политический оттенок, поскольку без этих стран «не мог завершиться европейский процесс на Балканах»⁹. Иными словами, эти страны оказались нужны Евросоюзу так же, как и он им.

После вступления в ЕС Болгарии предстояло выполнить в быстром темпе все требования, чтобы догнать «европейскую семью» в тех областях, где она все еще не отвечает необходимым критериям. Помимо изменений в правосудии и внутреннем правопорядке Брюссель требовал улучшения санитарного контроля и безопасности авиации. Все поставленные ЕС задачи находятся под контролем, и на протяжении первых трех лет каждые шесть месяцев правительство должно представлять по ним отчет. В случае невыполнения задач могут применяться санкции, например, сокращение субсидий из еврофондов. Особо следует сказать о ситуации с закрытием под нажимом Еврокомиссии четырех блоков атомной электростанции в Козлодуде, представляющей важную часть болгарской энергетики. «Козлодуд», имеющий советские и чехословацкие реакторы, эксперты Еврокомиссии приравнивали по состоянию систем безопасности к Чернобыльской АЭС и в качестве одного из условий членства Болгарии в ЕС настаивали на закрытии четырех блоков и одновременной модернизации двух других (несмотря на заключение МАГАТЭ о безопасности болгарской АЭС). По соглашению с Евросоюзом в декабре 2002 г. были закрыты сначала 1 и 2 реакторы, а накануне вступления Болгарии в ЕС, в конце 2006 г. — 3 и 4. 5 и 6 реакторы функционируют нормально, поскольку их безопасность усилена. Тем не менее Болгария остается основным производителем электроэнергии на Балканах и экспортирует ее в соседние страны. В болгарском обществе ситуация с закрытием старых блоков АЭС в Козлодуде до сих пор вызывает полемику. Ряд политиков и экономистов расценивают решение Евросоюза, имеющее отрицательные последствия не

только для Болгарии, но и для всего Балканского полуострова, как вмешательство во внутренние дела страны. Согласно распространенному мнению, оно продиктовано не только заботой об экологии, но и демонстрирует намерение вытеснить Болгарию с регионального энергетического рынка.

Что касается психологического настроения болгар в связи со вступлением в Евросоюз, то он не остается неизменным. Накануне присоединения в Болгарии господствовал «еврооптимизм». Значительная часть населения искренне надеялась, что с 1 января 2007 г. жизнь коренным образом изменится в лучшую сторону. Правительство, сосредоточившее все свои усилия на том, чтобы обеспечить прием в ЕС, почти ничего не сделало в плане информации населения о том, что же будет потом, что ждет предпринимателей, крестьян, мелкий и средний бизнес и т. д.

Несмотря на непрекращающиеся заверения лидеров ЕС о быстром экономическом росте, улучшении инфраструктуры, помощи сельскому хозяйству, повышении жизненного уровня, предельно ясно одно: все будет зависеть от самих болгар, от того, как быстро они усвоят западноевропейскую систему ценностей, изменят свой «балканский» менталитет. Европейская интеграция для Болгарии означает прежде всего создание функционирующего демократического общества с рыночной экономикой, соответствующей европейскому стандарту. Это потребует глубоких преобразований, затрагивающих не только государство и его органы, но и все общество, каждого гражданина. Предстоят сложные психологические процессы, связанные в первую очередь с требованием высокой трудовой и гражданской дисциплины, с соблюдением общепринятых правил современного бизнеса (соблюдение сроков, учет интересов партнера и т. д.). Болгарские исследователи прогнозируют серьезные перемены в отношениях между болгарами-славянами, православными с балканскими традициями и исторической памятью и огромным морем западноевропейского католического и протестантского мира (в Евросоюзе Болгария — первое и пока единственное славянское и православное государство). Например, болгарам пришлось долго бороться за принятие кириллицы в качестве официальной азбуки в рамках ЕС.

С вступлением в ЕС ожидания большей части общества не оправдались, «молочные реки с кисельными берегами» не потекли в Болгарию. Вполне естественно, что среди болгар стал нарастать «евроскептицизм», тем более что в 2007 г. страна являлась скорее донором, чем реципиентом (один только членский взнос в ЕС составил 640 млн левов). Лишь после представления и одобрения соответству-

ющих проектов Болгария могла рассчитывать на еврофонды. Среди населения ширились опасения, что цена адаптации к евростандартам окажется слишком высокой.

Социологи, политологи и многие аналитики склонны считать, что именно первые три–пять лет пребывания в ЕС будут самыми трудными. Прогнозировалось, что именно эти годы станут временем наиболее значительных и важных реформ в различных сферах жизни — политической, экономической и, как следствие, личной¹⁰. Положительного влияния на болгарскую экономику можно ожидать лишь в долгосрочном плане. В краткосрочной же перспективе, то есть непосредственно после вхождения Болгарии в Евросоюз, вполне возможно ожидать большого числа банкротств из-за невозможности соответствовать стандартам ЕС, главным образом среди мелких производителей и собственников небольших магазинов, маленьких или нерентабельных ферм, сыроварен, винных погребов и т. д. Отсутствие таможенных барьеров увеличит импорт, Болгарию заполонят магазины крупных европейских торговых сетей. Банкротства, в свою очередь, приведут к увеличению безработицы и к обеднению. Аналитики не исключали новой волны обеднения населения именно на начальном этапе членства в ЕС, особенно после введения в Болгарии европейской валюты, что, как правило, связано с усилением инфляции.

«Евроскептики» опасаются и возможной новой волны эмиграции. В стране уже достигнута критическая точка отлива рабочих рук, ощущается нехватка высококвалифицированных кадров. Накануне вступления в ЕС болгарская эмиграция, состоявшая в основном из молодежи, насчитывала около миллиона человек¹¹ (при 7,5 млн населения), из которых половина — с высшим и средним специальным образованием. Перед Болгарией стоит задача остановить эмиграцию и приложить все усилия для возвращения части эмигрантов на родину, чтобы они при помощи полученного в Европе, Канаде и США образования, опыта и нового менталитета помогли болгарской трансформации. Пока что вклад эмигрантов в развитие страны состоит в том, что они ежегодно высылают около 1 млрд евро своим семьям, оставшимся дома. В свете катастрофической демографической ситуации в Болгарии, имеющей отрицательную динамику, вопрос о том, чтобы остановить процесс отъезда молодежи на Запад, стоит очень остро.

«Еврооптимисты» ожидают положительных результатов от вхождения в ЕС даже и в краткосрочном плане. В Болгарию, как страну с дешевой рабочей силой, переместится ряд производств с Запада. Болгарское производство будет модернизировано, зарплаты занятых

там рабочих увеличатся, хотя и не достигнут уровня западноевропейских. Необходимая модернизация инфраструктуры приведет к росту занятости и улучшению условий экономического развития. Как можно заметить, слово «модернизация» является ключевым для евроинтеграции Болгарии. Однако, наряду с несомненными плюсами, осуществление модернизации в стране, экономически объединившейся с более развитыми государствами, кроет в себе и определенную опасность. Обычно более развитые страны превращают отсталые в свою периферию и используют их в своих собственных интересах.

Существуют две области, где Болгарии следует приложить много дополнительных усилий: борьба с коррупцией и оргпреступностью. Борьба с коррупцией, особенно в высших этажах власти является сферой, за которой Европейская комиссия продолжает следить особенно внимательно. В октябре 2007 г. болгарское правительство представило в ЕК свой доклад о прогрессе Болгарии в чувствительной и для ЕС, и для болгарского общества области — правосудия и внутреннего правопорядка. К сожалению, коррупция в стране продолжает оставаться на уровне, значительно превышающим средний по ЕС, о чем свидетельствовали данные исследования «Коррупционный индекс в 2007 году» международной ассоциации «Прозрачность без границ». Усиленно декларируемая Софией борьба с коррупцией пока явно не дала результатов. Лишь 14 % болгар придерживались мнения, что усилия правительства в этой области эффективны, а 72 % полагали, что ничего не делается¹².

Социологический опрос агентства «Альфа Рисерч», проведенный с 22 ноября по 3 декабря 2007 г., показал, что болгарское общество продолжало оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС. Год спустя после присоединения Болгарии к Евросоюзу 79 % болгар считало, что этот путь — правильный, хотя они не ожидают быстрого повышения жизненного уровня в связи с ним. Любопытно, что это один из самых высоких уровней поддержки евроинтеграции среди присоединившихся недавно стран — членов ЕС. 2/3 опрошенных болгар полагало, что польза почувствуется со временем, лет через 5–10. Это говорит о росте реализма среди населения, который включает и опасения относительно влияния этого членства на их личный материальный статус. В интервью Болгарскому Радио сотрудник агентства «Альфа Рисерч» Б. Димитрова отметила, что в первый год членства Болгарии в ЕС наблюдались позитивные настроения, но содержащие немалую долю критики в адрес болгарского государства, которое не обеспечивает достаточно условий, чтобы дать возможность своим гражданам почувствовать себя в большей степени европейцами здесь

и сейчас, обеспечить им уровень жизни, услуг, доступ к публичным услугам, которые отвечают европейским¹³.

Уже в первый год после приема Болгарии в Евросоюз стало очевидно, что политическая ситуация в этой стране (так же, как и в принятой одновременно с ней в Евросоюз Румынии) отнюдь не стабилизировалась, как прогнозировали многие политики и СМИ. Напротив, пропасть между основной массой населения и политическими и экономическими элитами углубилась, обострились и конфликты внутри самих элит. Схема управления тройной коалиции подвергалась постоянной критике в результате усиливавшегося натиска общественного недовольства, порожденного адаптацией к членству в Европейском Союзе.

Не секрет, что социальные аспекты адаптации к стандартам ЕС вызывают большие протесты в постсоциалистической части Европы. Нельзя не согласиться с Л. Н. Шишелиной, что процесс присоединения, т. е. де-факто ассимиляции восточноевропейского региона, идет без внимания к его особенностям, без учета реальных экономических и социально-культурных проблем и потребностей. В результате «форсирование процесса адаптации к стандартам ЕС внесло существенный дисбаланс в экономики и политические системы стран региона, вновь вернув их к статусу полупериферии европейского развития».

Выборы 18 депутатов в Европейский парламент в мае 2007 г., в которых приняли участие всего 28 % имеющих право голоса, фактически вылились в вотум недоверия правящим партиям и их политическому курсу. Результаты голосования в который раз удивили своей непредсказуемостью. Победителем, набравшим 21,69 % голосов (5 мандатов), стала партия ГЕРБ («Граждане за европейское развитие Болгарии»), образованная лишь за полгода до выборов. За ней почти вплотную шла БСП с 21,41 % (5 мандатов), далее следовал ее партнер по правящей коалиции — Движение за права и свободы (ДПС, 20,26 %, 4 мандата). Таким образом, лидер тройной управленческой коалиции — БСП оказался на втором месте после новой формации. Четвертое место заняла ультранационалистическая «Атака» с 14 % голосов (3 мандата). НДСВ потерпело сокрушительное поражение (6 %, 1 мандат). За бортом оказался весь право-консервативный лагерь: «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) во главе с бывшим премьером И. Костовым, Болгарский народный союз (БНС) и Союз демократических сил (СДС) не смогли преодолеть 4 % барьер и превратились таким образом в политических аутсайдеров.

В то время как социалисты и правые партии рисовали своим согражданам вступление в ЕС в розовых красках, «Атака» была един-

ственным формированием, которое выступало против Евросоюза. Она использовала отрезвление, наступившее у населения уже вскоре после вступления в ЕС (усилившиеся с этого времени призывы из Брюсселя к большей дисциплине в экономике и к более решительному проведению реформ были восприняты многими болгарами как угроза) и систематически пыталась поставить растущую оппозицию по отношению к Евросоюзу под свои националистические знамена. Следует особо остановиться на новом факторе в болгарской политике, каким является партия «Граждане за европейское развитие Болгарии», всего за несколько месяцев создавшая свои структуры в 264 муниципалитетах и признанная на выборах в Европарламент первой политической силой. Партия ГЕРБ и ее лидер Б. Борисов с успехом использовали растущее недовольство населения социалистической и «царской» партиями, а также различными объединениями консервативных «демократов», которые почти за 20 лет своего правления не смогли вывести страну из нищеты.

На очередных парламентских выборах 5 июля 2009 г. партия ГЕРБ завоевала большинство мест в Народном Собрании (39,7 % голосов, 116 мандатов). Рекордно высокая избирательная активность на выборах в июле 2009 г. удивила даже социологов: в голосовании приняли участие почти 60 % болгар (около 4,2 млн человек). Тем самым население страны выразило свое решительное желание изменить сложившуюся ситуацию. Большое влияние оказало и серьезное ухудшение публичного образа Болгарии в Евросоюзе, неуспешный старт в ЕС в качестве его полноправного члена. Более чем в два раза меньше голосов получили стоявшие у власти социалисты (их Коалиция за Болгарию получила всего 40 мандатов) и ДПС (38 мандатов), а партия НДСВ после 8 лет участия в управлении страной даже не вошла в парламент¹⁴. В лихорадочном непостоянстве болгарского избирателя наблюдатели видят тревожный знак нестабильности политической системы, кризиса доверия к политическому классу, отрыва политической элиты от общества. В то же время многообразие политической жизни, частая смена правительственных кабинетов говорят о политическом плюрализме, являющемся непременной составляющей демократии. Таким образом, Народное Собрание 41-го созыва было избрано после самого массового за последние годы голосования болгарских граждан с ясно выраженным желанием перемен.

В однопартийном правоцентристском правительстве, утвержденном 27 июля 2009 г., Б. Борисов занял пост премьер-министра. Партии ГЕРБ не хватило всего лишь пяти голосов, чтобы располагать полным большинством в парламенте, но в него вошли еще три фор-

мации с желанием изменить статус-кво и заявившие о своей поддержке будущего кабинета — «Синяя коалиция», более консервативная правая партия «Порядок, законность и справедливость» и «Атака». Впервые за последние 20 лет правительство имеет крайне слабую, почти расколотую оппозицию в лице БСП и ДПС. Отсутствие серьезного «корректива» власти, а также намечающийся, по мнению некоторых наблюдателей, диктат парламентского большинства связаны с определенными рисками для хрупкой болгарской демократии. Кроме того, впервые с начала демократических перемен страной правит личность, олицетворяющая «крепкую руку» и пользующаяся при этом беспрецедентным за последние годы общественным доверием — необычное явление в болгарской политической жизни.

Заслуживает внимания и точка зрения, согласно которой на выборах в июле 2009 г. под «правоцентристской» маской к власти пришел «уличный популизм» с благословения Европейской народной партии, у которой имелись на то свои конъюнктурные соображения. Так, Д. Луджев полагает, что неэффективное, негодное государственное управление в ходе трансформации, подмена общественных интересов частными, корпоративными, партийными, мафиозными привели к утрате доверия населения как к левым, так и к правым политическим партиям начала переходного периода и к появлению и доминированию популистских формаций с еще более слабым потенциалом и не склонных к проведению необходимых реформ¹⁵. У них нет отчетливой идеологии, общественной концепции, реформаторской программы. Вместо этого предлагаются различные комбинации популистских обещаний и простой, но привлекательный лозунг: уберем плохих политиков и правителей и придем мы, хорошие, новые лица, не отягощенные негативами прошлого¹⁶.

Среди первоочередных задач новое правительство назвало необходимость ликвидировать политическую коррупцию, что способствовало бы восстановлению доверия к Болгарии европейских институтов, Евросоюза в целом и в результате — разблокированию замороженных средств из еврофондов¹⁷. Не менее важным приоритетом являются поиски механизмов для ограничения последствий экономического кризиса — задача, оказавшаяся не по силам «тройной коалиции». Это означает борьбу с безработицей и оказание помощи бизнесу, а также пересмотр бюджета. Несмотря на то что ГЕРБ в ходе своей предвыборной кампании не делал упор на социальной стороне своей экономической политики, новому кабинету придется иметь в виду, что во всех общественных группах крайне велики ожидания увеличения социальных расходов и индексирования зарплат и пен-

сий. Именно в трудном балансировании между поддержкой бизнеса и социальными расходами эксперты видят один из главных вызовов новому болгарскому правительству¹⁸.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным после первых 100 дней правления Б. Борисова, 77 % респондентов поддерживали действия нового кабинета¹⁹. Декларируемая премьером непримиримость к коррупции и попытки восстановления авторитета Болгарии в Евросоюзе завоевали симпатии не только его избирателей, но и большей части всего населения. Большинство болгар одобрило расследование сомнительных сделок, заключенных во время правления предыдущей тройной коалиции БСП–ДПС–НДСВ, а также разоблачения, связанные с коррупционной моделью управления. Действия Б. Борисова, однако, вызвали резкую критику оппозиции, которая обвинила его в авторитарном правлении и в «сведении счетов» с предшественниками.

Со времени вступления в ЕС 1 января 2007 г. Болгария, как и Румыния, находилась под пристальным наблюдением со стороны Европейской комиссии в трех сферах: судебная система, борьба с коррупцией и управление европейскими фондами, а также безопасность продуктов питания. Сразу после присоединения Болгарии к Евросоюзу по решению Еврокомиссии был создан специальный механизм для сотрудничества, оказания помощи в преодолении недостатков в области судебной реформы, борьбы с коррупцией и организованной преступностью. С помощью этого механизма Еврокомиссия может работать в тесном сотрудничестве с болгарскими властями на политическом и техническом уровне, предоставлять консультации экспертов и финансовую поддержку, а также осуществлять мониторинг этих сфер в виде периодических докладов о прогрессе Болгарии в области правосудия и внутреннего правопорядка.

Летом 2008 г. Еврокомиссия опубликовала свой первый доклад, содержащий острую критику правительства Болгарии и рекомендации в отношении его будущих действий. В связи со злоупотреблениями, связанными с использованием предназначенных для Софии европейских средств, Еврокомиссия заморозила 800 млн евро, причем из них более 200 млн евро были потеряны окончательно. Таким образом, Болгария стала первой в ЕС, чьи европейские средства были заблокированы по причине коррупции и слабой администрации. В очередном, промежуточном докладе (февраль 2009 г.), носившем технический характер и затрагивавшем только судебную систему, оценивались усилия Болгарии в судебной реформе. Констатировалось, что инспекторы Высшего судебного совета развернули полно-

стью свою деятельность, страна предприняла существенные шаги в реформе системы правосудия. Еврокомиссия положительно оценила создание смешанных звеньев между прокуратурой, МВД и Государственным агентством национальной безопасности, которые гораздо эффективнее выявляют проблемы, связанные с организованной преступностью. Вместе с тем в докладе подчеркивалось, что в Болгарии не заведено достаточно судебных дел в отношении членов организованных преступных группировок, а это не дает оснований говорить о существенных изменениях в темпах уголовного преследования организованной преступности. Серьезное внимание обращалось на отсутствие парламентского контроля со стороны Государственного агентства «Национальная безопасность» и на проволочки в применении Закона о конфликте интересов²⁰.

Правительство Станишева сделало упор на отмеченных позитивных тенденциях и сочло доклад Европейской Комиссии «объективным, корректным и сбалансированным», хотя власти были вынуждены признать, что главной проблемой продолжает быть малочисленность дел, внесенных в суд, и вступивших в силу приговоров по обвинениям в коррупции и организованной преступности. Парламентская же оппозиция делала акцент на критической стороне доклада Еврокомиссии и обращала внимание на полное совпадение своих замечаний с рекомендациями ЕК. Из этого делался вывод: необходимо быстро сменить правительство, чтобы получить новый кредит доверия из Брюсселя.

Накануне подготовки очередного годового доклада о прогрессе Болгарии в Софию прибыли эксперты Дирекции по вопросам правосудия и внутренних дел и представители Генерального секретариата Европейской комиссии. Цель визита — осуществить последние проверки перед окончательным обнародованием годового доклада о прогрессе Болгарии. Европейские эксперты обсудили предпринятые меры по повышению эффективности судебной системы, выполнение Стратегии по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, проделанную работу по случаям, вызвавшим широкий общественный интерес, а также антикоррупционные меры в администрации²¹.

В годовом докладе ЕК о прогрессе Болгарии в отношении механизма сотрудничества и проверки в области правосудия и внутреннего правопорядка, обнародованном в июле 2009 г., содержался более полный анализ, процессы были рассмотрены более глубоко. В нем констатировалось, что Болгария достигла технического прогресса, но Брюссель ожидает от нее более сильной политической воли и быстрых действий в области борьбы против коррупции и организован-

ной преступности, поскольку темпы перемен слишком медленные. Согласно докладу, механизм оказывает положительный эффект на реформы в судебной системе Болгарии, поэтому желательно продолжить его применение и после истечения трехлетнего срока (предусмотренного при вступлении страны в ЕС). По словам официального представителя Еврокомиссии Й. Лайтенбергера, доклад является позитивным, но необходимы быстрые действия со стороны болгарского правительства для выполнения 21 конкретной рекомендации ЕК еще до окончания текущего года. Среди таких рекомендаций — создание специализированного звена по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, наподобие специализированного звена по борьбе со злоупотреблениями евросредствами, оцененного Еврокомиссией положительно²². Одна из самых важных рекомендаций ЕК — разработать интегрированную стратегию против организованной преступности и коррупции. Необходимо проанализировать, какие институты должны быть подключены к этой стратегии. Еврокомиссия рекомендовала создать структуры судебного преследования коррупции в высших эшелонах власти и по делам, связанным с организованной преступностью. Эти звенья должны иметь политическую независимость. В докладе был отмечен прогресс в работе совместных команд, организованных по инициативе прокуратуры, занимавшихся хищением средств из еврофондов.

Положительным моментом в докладе ЕК было улучшение диалога с болгарскими властями. В 2008 г. правительство С. Станишева признало, что в стране существует коррупция в высших эшелонах власти и организованная преступность, хотя имелись и попытки обвинить Евросоюз в том, что он оценивает Болгарию по двойным стандартам, что коррупция и оргпреступность существуют и в других странах. Однако диалог с Еврокомиссией поднялся на более высокий уровень с назначением специального министра: было признано, что проблема существует, и она должна быть решена.

Комментируя доклад ЕК, директор Европейского института Ю. Николова согласилась с критикой Еврокомиссии по части отсутствия у болгарских властей внутренней энергии и политической воли для решения указанной проблемы. По ее словам, не имеет значения, проведено одно или два успешных расследования, если ощущение справедливости в обществе не усилилось. В течение многих лет констатируются одни и те же проблемы и делаются одни и те же рекомендации²³.

Одной из центральных проблем интеграции Болгарии в Евросоюз стал вопрос прозрачного и эффективного освоения еврофондов.

До 2013 г. Болгария рассчитывает получить от ЕС значительные средства. Но Европа не только отпускает деньги, но и внимательно следит за тем, как расходуются средства европейских, в том числе и болгарских, налогоплательщиков. Болгария уже накопила горький опыт при освоении средств по трем доприсоединительным программам, направленным на оказание поддержки странам-кандидатам на членство в ЕС: SAPARD (в области сельского хозяйства), ISPA и PHARE (охрана окружающей среды и развитие дорожной инфраструктуры). В докладе Европейской комиссии указывалось, что за последние 10 лет Болгария освоила едва 35 % средств, предназначенных для нее по этим программам. В конкретных цифрах это означает, что из предусмотренной для Болгарии суммы в общем размере 1,367 млрд евро освоены лишь 488 млн евро²⁴. По истечении сроков действия данных программ безвозвратно будут потеряны все неосвоенные средства, которые на самом деле крайне необходимы стране.

В 2008 г. страна окончательно лишилась денег по программе инфраструктурного развития PHARE на общую сумму в 560 млн евро из-за множества установленных нарушений и наличия конфликта интересов при одобрении и реализации проектов в области дорожного строительства. В результате было приостановлено строительство сотен дорог. Это стало болезненным ударом для коалиционного правительства С. Станишева. В ходе разгоревшегося скандала главными виновниками провала освоения фондов PHARE оппозиция (и, неофициально, Еврокомиссия) назвала министров финансов и регионального развития Болгарии П. Орешарского и А. Гагаузова (оба – от БСП). Блокирование средств PHARE вызвало попытку правой оппозиции провести вотум недоверия правительству, а также бурную волну критики в его адрес в СМИ. В свою очередь, решение ЕК окончательно отобрать у Болгарии деньги PHARE вызвало острые, скептические высказывания президента, премьера и ряда министров Болгарии в адрес Евросоюза. Что дало повод оппозиции обвинить кабинет Станишева в разжигании неприязни болгарского общества к Евросоюзу.

В январе 2009 г. в Софии находилась миссия Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF). Она должна была установить, как действуют механизмы контроля по доприсоединительной программе в области сельского хозяйства SAPARD. Ранее часть средств по данной программе также была заморожена из-за множества нарушений. После нескольких проверок со стороны экспертов OLAF в 2008 г., принятых спешных мер со стороны болгарского правительства и перестановок в руководстве Государственного фонда «Земледелие»

срок действия SAPARD был продлен еще на год — до конца 2009 г. Ожидалось, что Брюссель разморозит часть средств. Однако после тщательного изучения достижений болгарской стороны в освоении еврофондов, с учетом данных независимой аудиторской проверки ЕК приняла решение не возвращать Болгарии замороженные фонды по программе SAPARD общей суммой в 140 млн евро. Это объяснялось тем, что в Болгарии сохранялся низкий уровень эффективности борьбы со злоупотреблениями при расходовании средств еврофондов и выносилось мало обвинительных заключений и реальных наказаний за уже доказанные нарушения. По мнению еврочиновников, Болгария так и не смогла выполнить два ключевых пункта плана действий по программе SAPARD, связанных с предупреждением злоупотреблений. Во-первых, не удалось положить конец порочной практике создания компаний, которые регистрируются с единственной целью освоения европейских денежных средств. Во-вторых, у Еврокомиссии нет данных об адекватном реагировании на уже установленные случаи злоупотреблений, то есть выдвижения обвинений и вынесения приговоров²⁵.

Действия OLAF стали предупредительным сигналом о том, что если не будут приняты серьезные меры, то в будущем прекращение финансирования Болгарии может коснуться и структурных фондов ЕС, по которым предусмотрено намного больше средств. Представители Еврокомиссии в феврале 2009 г. лишний раз дали понять, что получение Болгарией 12 млрд евро по т. н. оперативным программам ЕС будет напрямую зависеть от того, сумеют ли болгарские власти решить проблему конфликта интересов в ответственных органах государственного аппарата. Так, еврокомиссар по региональной политике Д. Хюбнер сказала после встречи с вице-премьером, ответственной за европейские фонды М. Плугчиевой, что Болгария не получит доступа к структурным фондам ЕС, если ее власти не перестанут блокировать действие принятого в октябре 2008 г. закона о конфликте интересов²⁶. До 2013 г. на развитие агропромышленного комплекса Болгарии и ее сельских районов должно быть предоставлено свыше 6,5 млрд евро, из них около 3,2 млрд евро — в виде инвестиций в проекты оперативной программы «Развитие сельских районов». Опыт, накопленный болгарскими фермерами и сельскими органами власти при реализации проектов по программе SAPARD, должен помочь им при освоении средств на развитие аграрного сектора из структурных фондов²⁷.

Мониторинг OLAF проходил в условиях нарастания напряженности в сельскохозяйственном секторе Болгарии. 4 февраля 2009 г.

болгарские фермеры на четыре часа остановили движение по Дунайскому мосту между Русе и румынским городом Гюргево и провели акции протеста у пограничных пунктов близ паромных переправ в Оряхово и Видине. Организатором акций стала Национальная ассоциация молокопроизводителей. Протестующие требовали от правительства уменьшить ввоз в Болгарию дешевых сельскохозяйственных продуктов из соседних стран ЕС и выплачивать фермерам субсидию²⁸. Министр земледелия Цветанов назвал главной причиной фермерских волнений бедность населения Болгарии, вынужденного покупать дешевые и заведомо некачественные мясные и молочные продукты, тем самым подрывая позиции отечественных производителей в конкурентной борьбе. Как только стало известно о лишении Болгарии фондов SAPARD, противники правительства тут же поставили все эти выступления в вину Цветанову, заявляя, что он пытается отвлечь внимание общественности от реальных проблем в своем ведомстве, обвиняя в нынешних трудностях аграрную политику Евросоюза и бедность простых болгар²⁹.

Реакция болгарской праволиберальной оппозиции на отказ Брюсселя разморозить для Софии фонды по программе SAPARD стала вполне предсказуемой: кабинет Станишева обвинили в беспомощности и призвали к проведению досрочных парламентских выборов и формированию нового правительства. Вообще вопросы освоения еврофондов, борьбы с коррупцией вокруг него, а также реагирования на санкции Евросоюза традиционно стали предметом разногласий не только между правительством и оппозицией, но и между союзниками по правящей коалиции — НДСВ, БСП и ДПС.

Придя к власти в июле 2009 г., Б. Борисов быстрыми и конкретными действиями принялся доказывать, что «Болгария может» — девиз, которым ГЕРБ завоевал симпатию и болгар, и партнеров по Евросоюзу. Отметим, что евродепутаты от ГЕРБ входят в состав крупнейшей группы Европейского Парламента — Европейской народной партии (ЕНП). С целью преодоления кризиса, борьбы с коррупцией и восстановления доверия Брюсселя были осуществлены первые шаги: ревизия управления «тройной коалиции» БСП–НДСВ–ДПС, сокращение бюджетных расходов на 15 %, смена руководящих кадров в государственных структурах, подозреваемых в злоупотреблении служебным положением и невыполнении служебных обязанностей³⁰. Уже во время своего первого официального визита в Брюссель в сентябре 2009 г. Б. Борисов представил пакет неотложных мер против организованной преступности и коррупции в высших эшелонах власти, принятый его кабинетом в ответ на рекомендации Европейской ко-

миссии. Там делается ставка на прозрачность, открытое управление и открытый диалог с партнерами. В ответ ЕС деблокировал миллионы евро для болгарских фермеров по программе SAPARD (средства по ISPA были разморожены еще 13 мая 2009 г.). По словам председателя Еврокомиссии Ж. Баррозу, новое болгарское правительство получило в Брюсселе кредит доверия: обещание, что при наличии контроля выплаты средств со стороны ЕС будут возобновлены. В октябре 2009 г. был оглашен доклад об освоении европейских средств Болгарией и Румынией, подготовленный по требованию Комиссии по бюджетному контролю в Европарламенте. Констатировалось, что Болгария усилила свои административные ресурсы, мониторинг и приняла соответственные меры для улучшения управления и контроля над фондами Евросоюза. Кроме того, Болгария получила высокую оценку за охрану морских границ Европейского Союза³¹.

Тем не менее ЕС постоянно подчеркивал, что Болгария должна ускорить освоение средств из еврофондов. В начале 2010 г. парламентская комиссия по европейским вопросам и контролю над еврофондами констатировала в своем докладе, что уровень освоения европейских фондов в Болгарии является исключительно низким, она – самый отстающий член ЕС в данной сфере. Со времени вступления страны в ЕС в 2007 г. до конца 2009 г. было освоено 1,3 % средств, предусмотренных на ее развитие. До 2013 г. Болгарии ЕС предусматривал выделить почти 12 млрд евро по 21 программе. После упущенной возможности освоить европейские средства размером в 1 млрд евро из доприсоединительных фондов ЕС, теперь возник риск упущения средств по семи оперативным программам в качестве нового члена ЕС. При этом наиболее драматически выглядит ситуация с неосвоенными средствами по программе ISPA, предназначенной на реализацию крупных инфраструктурных проектов. Из общего бюджета этой программы для Болгарии размером в 1 млрд 660 млн евро к началу 2010 г. было освоено лишь 300 млн евро, т. е. менее одной пятой отпущенных Евросоюзом средств. Причинами тому являлся конфликт интересов, обжалование процедур, просрочка выплат бенефициантами, а также повышенные стоимости предложенных проектов.

В Болгарии замедлено исполнение самих проектов, особенно крупных инфраструктурных проектов по оперативным программам «Транспорт» и «Окружающая среда». Наибольшее отставание зарегистрировано при осуществлении программ в дорожном секторе, на что предусматривался примерно 1 млрд евро. Причиной тому отсутствие готовых проектов и денег на отчуждение имущества и проведе-

ние археологических раскопок в нужных местах. В 2010 г. Болгария должна освоить 86 млн евро на строительство автомагистралей. Если не начнется выплата этих средств на строительство магистралей, то они будут потеряны. Под угрозой срыва находится проект улучшения судоходства на реке Дунай на болгаро-румынском участке.

По программе «Окружающая среда» предусматривалось выделение средств на создание 23 региональных депо для хранения отходов, но пока еще не вложено ни одного евро. Из-за нарушений и проволочек существует опасность, что Болгария потеряет немалую часть предусмотренных Еврокомиссией средств на экопроекты. В январе 2010 г. Брюссель вновь напомнил Болгарии о выявленных нарушениях при проведении торгов на определение подрядчиков, а также о неудовлетворительном управлении программой «Окружающая среда» в целом. В ответ на критику Европейской комиссии со стороны Болгарии были даны заверения в том, что принимаются серьезные меры по устранению нарушений в представленных на финансирование проектах по доприсоединительной программе ISPA и по оперативной программе «Окружающая среда». В управлении этой программой была предпринята целостная реформа, она начала работать по новым правилам, которые дают гарантию оптимального освоения средств путем реализации хорошо подготовленных проектов охраны окружающей среды и водных ресурсов, были проведены конкурсы и аттестация всех экспертов³².

Объем потерянных средств по аграрной программе SAPARD может дойти до 123 млн евро, отмечается в докладе парламентской комиссии. Согласно данным доклада, по размеру освоения средств Болгария находится на 20-м месте среди 27 членов ЕС. По правилам действий в ЕС в конце 2010 г. будут подведены итоги использования средств европейских фондов, и все неосвоенные будут перераспределены между странами-членами. Таким образом, Болгария попросту лишится их в пользу других членов Евросоюза. Поэтому в 2010 г. болгарское правительство задалось целью наверстать упущенное время — ведь несколько лет было потеряно из-за медленных темпов реализации крупных проектов, и воспользоваться в максимальной степени всеми предложениями в целях освоения средств из еврофондов³³.

Наконец, в начале февраля 2010 г. Брюссель одобрил болгарскую систему управления проектами по т. н. оперативным программам и тем самым дал «зеленый свет» освоению предусмотренных для Болгарии 7 млрд евро до 2013 г. Так, по оперативной программе «Транспорт» страна получит 2 млрд евро, а по программе «Конкурентоспособ-

ность» — еще 1 млрд 300 млн евро. Эти средства исключительно важны для среднего и малого бизнеса. Поскольку, как отмечалось, до этого момента средства были заблокированы ЕК из-за коррупции и недобросовестного управления проектами, за первые два года членства в ЕС Болгария освоила по этим программам лишь 120 млн евро. Таким образом, на практике после вступления в ЕС Болгария вносила в сообщество больше средств, чем от него получала.

Разблокирование средств из еврофондов предоставляет огромный шанс болгарским фирмам, особенно среднему и малому бизнесу. Согласно исследованиям, за 2009 г. кризис наполовину сократил инвестиционный капитал сектора. По мнению экспертов, лишь 30 % болгарских фирм готовы стать кандидатами по этим программам, а всего у 10 % имеется какой-либо опыт в этой сфере³⁴.

Основными приоритетами правительства Б. Борисова на 2010–2012 гг. были названы положительный экономический рост, сбалансированный бюджет и понижение внешней задолженности страны. Именно эти приоритеты заложены в конвергентную программу Болгарии, представляющую собой шаги и реформы, которые правительство обязуется провести в следующие три года для того, чтобы Болгария стала средней европейской страной с экономической и социальной точки зрения. По словам вице-премьера и министра финансов С. Дянкова, эта программа сфокусирована на плавном переходе к введению евро посредством механизма ERM-2³⁵ и вступления в еврозону (до этого момента будет сохраняться Валютный совет). По сути, она станет визитной карточкой Болгарии перед ЕК и Европейским центральным банком и будет играть ведущую роль для допуска страны в «зал ожидания» еврозоны³⁶. Таким образом, в качестве важнейшего внешнеполитического приоритета страны определено вступление Болгарии в еврозону.

Приоритетом нового правительства должно стать не только восстановление доверие европейских партнеров к Болгарии и болгарским институтам, не менее важная задача — восстановить доверие болгарских граждан к институтам страны. Ведь сегодня болгары доверяют европейским институтам больше, чем родным. Об этом свидетельствуют и данные одного из крупнейших в мире социологических исследований — «Европейские ценности», проведенного в марте 2009 г. в Болгарии. В его основу были положены три крупных ценностных критерия: свобода, равноправие и социальная солидарность. Исследование взаимодействия между ними и их влияния на болгарское общество оказалось исключительно сложным вопросом. Сегодня личная свобода является основной ценностью для 61 % со-

вершеннолетних болгар. В то же время 35 % респондентов считают приоритетной ценностью равноправие, выступая против каких-либо социальных или классовых привилегий. По мнению исследователей, однако, намного тревожнее является ситуация, связанная с социальной солидарностью. Более 90 % болгар старше 18 лет утверждают, что не только никогда не принимали участия в добровольческих объединениях или благотворительных акциях по оказанию поддержки бедным и нуждающимся, но и что не проявляют никакого интереса к подобным мероприятиям. Большинство из них считает, что не стоит заботиться о других, раз никто не заботился о них. В 2008 г. более 80 % болгар выразили мнение, что практически не могут доверять своему окружению. Это дает основание социологам считать, что в последние десятилетия кризис доверия в болгарском обществе постоянно углубляется. Половина населения негативно относится к институтам власти — парламенту, политическим партиям, правительству³⁷.

Все болгарские правительства, как заклинание, твердили, что их цель состоит в том, чтобы болгарские граждане почувствовали пользу от членства страны в ЕС, и чтобы страна достигла среднего экономического и социального уровня членов этой организации. К сожалению, пока это остается в области благих пожеланий. Согласно исследованию агентства «Альфа Рисерч», проведенному в ноябре 2009 г., 76 % болгар не почувствовали каких-то изменений в своей жизни после принятия страны в ЕС, а еще 15 % считают, что оно принесло им лишь негативы. Многие граждане указали в анкете, что членство в ЕС было на руку политикам, мошенникам, коррумпированным личностям и молодым людям. Основным завоеванием большинство считает возможность свободно путешествовать, учиться и работать за границей. В то же время отмечалось, что судебная система, сельское хозяйство и борьба с преступностью остались практически без изменений³⁸.

Тем не менее результаты последнего исследования Национального института статистики показали, что через два года после принятия Болгарии в Евросоюз, 77 % болгар одобряют этот шаг. Наиболее высоко это одобрение среди молодых людей в возрасте до 30 лет, высокообразованных, а также среди людей с высоким уровнем жизни. Оказалось также, что большинство болгар воспринимает Европейский Союз, с одной стороны как защитный механизм в условиях мирового финансового кризиса, а с другой — как корректив управления страной. Болгары считают, что именно европейские структуры в состоянии противостоять коррупции и изменить управленческую политику. Результаты исследования также показали, что 58 % бол-

гарских граждан верят, что именно ЕС сыграл решающую роль в разрешении газового кризиса зимой 2009 г.³⁹

Сегодня ясно, как никогда, что евроинтеграция — продолжительный и сложный процесс трансформации и модернизации, адаптации к новой и постоянно меняющейся среде. При вступлении в ЕС ожидания оптимистов были связаны прежде всего с долгожданным повышением уровня жизни, расширением возможностей отдыха, работы и обучения за рубежом. Три года спустя Болгария по-прежнему среди самых бедных в Евросоюзе. Болгарам все еще отказано в доступе к ряду европейских рынков труда, а имидж страны ухудшается из-за злоупотреблений и отсутствия прозрачности при расходовании средств из еврофондов.

Европейские эксперты и политики сегодня задают себе вопрос, не было ли ошибкой столь поспешное принятие в ЕС в начале 2007 г. Болгарии и Румынии? Оправдывают ли политические мотивы их принятия необходимость дотировать их экономику, а также проблему мигрантов из этих стран, которые доставляют столько хлопот ЕС? Весьма распространено мнение, в том числе внутри самого Евросоюза, что Румыния и Болгария еще не были готовы для членства, когда они присоединились к ЕС в 2007 г., что приглашение этих двух стран оказалось преждевременным решением. Не нужно забывать, что оно имело большей частью политическую подоплеку, так как это была награда для обеих стран за стабильность в течение 1990-х гг. Но это оказалось большой ошибкой — принять в ЕС государство до того, как оно пройдет проверку на выполнение требований, необходимых для присоединения. Урок, который получил ЕС, в определенной степени объясняет, почему некоторые страны — члены Союза проявляют сегодня осторожность, когда речь заходит о переговорах с западно-балканскими государствами. В некотором смысле сегодня эти страны — жертвы преждевременного решения Евросоюза о присоединении Румынии и Болгарии.

Перемены, которые должны произойти для того, чтобы Болгарии смогла стать равноправным участником Евросоюза, затрагивают все стороны жизни: экономику, государственные и общественные институты, социальные отношения, мышление, менталитет. Одновременно стране предстоит решить такие масштабные и жгучие проблемы, как преодоление бедности, острейшего социального неравенства, ограничение преступности и коррупции. Нынешнему правительству придется проводить свою политику в трудных внутри- и внешнеэкономических условиях, обусловленных мировым финансовым кризисом. Время покажет, использует ли оно реальный шанс осуществить

структурные, законодательные и административные реформы, без проведения которых Болгария не сможет избавиться от штампа «второсортного члена Евросоюза».

Примечания

¹ Детрез Р. Болгария и Европа: да, но... // Из историята на европейската интеграция: поглед от Русия и България. В. Търново, 2005. С. 26.

² Константинов А. Бай Ганю. Невероятные рассказы об одном современном болгарине. М., 1968. С. 5.

³ Там же. С. 161.

⁴ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Bulgarian/Theme_Bulgaria_Europa/Material/stanahme_li_po-evropeici.htm.

⁵ Ibid.

⁶ Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы. София, 2005. С. 106–107.

⁷ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_Europa/Material/eu_bg_071107.htm.

⁸ См.: Писарев П. Болгария пред вратите на рая // «Ново време». 2006. № 10. С. 10.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ См.: Мандева М. Европейско бъдеще на България – очакване и реалност // Ново време. 2006. № 12. С. 39.

¹¹ Писарев П. Болгария пред вратите на рая... С. 14.

¹² <http://www.mediapool.bg> за 7 декември 2007.

¹³ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/eubg_201207.htm.

¹⁴ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/07-07-elections-results.htm.

¹⁵ <http://www.public-republic.com/magazine/2009/10/29119.php>.

¹⁶ Луджев Д. «Революцията» на герберите // Труд. 14 юли 2009, <http://www.trud.bg/Article.asp?ArticleId=177649>.

¹⁷ Болгария заняла в 2009 г. первое место в самом позорном рейтинге Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ) о злоупотреблениях с еврофондами. Больше всего злоупотреблений с деньгами ЕС было раскрыто в секторе сельского хозяйства, в результате чего Еврокомиссия заморозила 140 млн евро по программе САПАРД. По другим программам также была заблокирована значительная часть средств Евросоюза.

¹⁸ Капитал. 10 юли 2006. № 27.

¹⁹ <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/Politics/Pages/13.11100%20dnej.aspx>.

²⁰ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/13-02-eu-bg-report.htm.

²¹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/16-06-EC-mission.htm.

²² http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/23-07-EC-report.htm.

²³ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/24-07-recommend-brussels-bg.htm.

²⁴ <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/BGEU/Pages/5.11.ФАРЕ%20ИСПА.aspx>.

²⁵ Стандарт. 3 февруари 2009.

²⁶ Дневник. 4 февруари 2009.

²⁷ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/13_Q1_monitoring_OLAF.Htm.

²⁸ Дума. 5 февруари 2009.

²⁹ Mediapool. 2 февруари 2009.

³⁰ http://bnr.bg/sites/radiobulgaria/Lifestyle/Politics/Pages/2409_antikrizisni_merki.aspx.

³¹ http://bnr.bg/sites/radiobulgaria/Lifestyle/Politics/Pages/23_10_studio.aspx.

³² <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/BGEU/Pages/ekoproekti.aspx>.

³³ <http://www.bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/BGEU/Pages/090210-eurofound.aspx>.

³⁴ <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/BGEU/Pages/160210-found.aspx>.

³⁵ Европейский финансовый механизм обменного курса (ERM2) является межгосударственным соглашением, цель которого — поддержание стабильности политики обменного курса и координации в Европе. Присоединение к ERM2 является этапом перехода страны к евро.

³⁶ <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/BGEU/Pages/280110-eurozone.aspx>.

³⁷ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/04-03-bg-europ-values.htm.

³⁸ <http://bnr.bg/sites/ru/News/Pages/B-9-13.11.aspx>.

³⁹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/12-02-bg-eu-corrections.htm.

ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1956 г. К «СМЕНЕ СИСТЕМ» В 1989 г.: МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВЕНГЕРСКОЙ НАЦИИ*

А. С. Стыкалин
(Россия)

При всем относительно либеральном характере венгерской модели социализма 1960-х — первой половины 1980-х гг. власти последовательно налагали строгое вето на объективное освещение событий осени 1956 г. Суть дела заключалась в том, что вопрос об их исторической оценке был неотделим от проблемы легитимности правления Я. Кадара и его команды: создание адекватной картины «будапештской осени» не могло не поставить под сомнение законность прихода к власти в начале ноября 1956 г. при поддержке СССР нового, так называемого «венгерского рабоче-крестьянского правительства».

Монопольное право трактовки событий 1956 г. принадлежало правящей ВСРП — самому Кадару и его идеологам: Д. Каллаи, Д. Немешу, позже Д. Ацелу и др. Оценки этих событий, которые содержались в исторических трудах и учебных пособиях, находились в прямой зависимости от тех, которые давались в партийных документах. И если в трактовке многих других проблем и периодов венгерской истории новейшего времени к 1980-м гг. в исторической науке стал намечаться известный плюрализм (это касалось эпохи Хорти, Второй мировой войны, периода «демократической коалиции» 1945–1947 гг. и даже правления Ракоши с конца 1940-х гг.), то этого никак нельзя было сказать применительно к событиям 1956 г. Альтернативные мнения здесь не допускались, любая попытка поставить под сомнение официальные позиции воспринималась (и в общем не без оснований) как посягательство на основы режима, а потому вызывала жесткий отпор вплоть до конца 1988 г. На основании программных документов ВСРП школа и система массовой информации формировали в

* В очень сокращенном виде статья была опубликована в журнале «Неприкосновенный запас» (2009. № 6).

общественном сознании тот комплекс стереотипов и идеологем, в соответствии с которыми надлежало поддерживать историческую память венгерской нации, особенно новых поколений, все в меньшей и меньшей мере обладавших собственным, непосредственным опытом восприятия «будапештской осени». Объективная картина событий замещалась искусственными схемами, препарированными историческую реальность в русле навязанных идеологами ВСРП установок.

Первым программным документом, давшим официальную оценку событий, стали решения декабрьского пленума Временного ЦК ВСРП (1956 г.). Именно тогда в партийных протоколах со всей однозначностью, исключавшей иные толкования, был заявлен тезис о контрреволюционном в своей основе характере венгерских событий октября–ноября 1956 г. В последующие месяцы эти оценки корректируются в сторону большего ужесточения. В начале февраля 1957 г. Кадар в одном из выступлений полемизировал с широко распространившимся в партийных кругах мнением о том, что справедливое поначалу народное движение к вечеру 23 октября переросло в иное качество, поскольку вмешались контрреволюционные силы; отныне было принято считать, что это движение было контрреволюционным уже в момент подготовки демонстрации, поскольку имел место заговор с целью свержения народно-демократического строя. Подвергается критике особая позиция известного историка и деятеля компартии Э. Мольнара (в разное время министр иностранных дел и министр юстиции, а в 1957 г. — директор Института истории Венгерской академии наук), который, отмечая правомерность многих требований восставших, определял события как национально-демократическое восстание, таившее в себе возможность перерастания в контрреволюцию. Истоки всего произошедшего Мольнар видел в политике оторвавшейся от народа «бюрократической диктатуры» Ракоши, в механическом копировании советского опыта, что ущемляло национальные чувства венгров. С критикой Мольнара и его единомышленников, пытавшихся предложить (отчасти даже в рамках института истории ВАН, т. е. от имени научной, академической общественности) более «объективно-научный», приближенный к реальности анализ причин и сути событий, все дискуссии прекращаются. Массированное давление партаппарата заставило замолчать носителей альтернативных точек зрения внутри партии. Согласно установившимся к весне 1957 г. официальным канонам, нашедшим отражение в решениях июньской конференции ВСРП, события октября 1956 г. были контрреволюцией с самого начала.

За партийными постановлениями следовала массовая пропагандистская литература. В наиболее ранних изданиях, относившихся к концу 1956 г., не говорилось о сплошной контрреволюции, выступления «контрреволюционеров» назывались лишь одной из составляющих октябрьских событий (пусть самой существенной, наиболее заметной и чрезвычайно опасной). В дальнейшем оценки становятся менее дифференцированными, иногда даже огрубляются тезисы, звучавшие в партийных документах. Вместе с тем часть ответственности за события продолжала возлагаться на «извращения» группы Ракоши, подорвавшей своей неправильной, сектантской политикой веру трудящихся в социализм и способствовавшей созданию благоприятной почвы для выступления контрреволюции. Провозглашенный Кадаром в начале декабря 1956 г. тезис о необходимости борьбы «на два фронта», — с сектантством группы Ракоши и ревизионизмом Имре Надя — продолжал оставаться в силе на протяжении всех 30 лет кадаровской эпохи, хотя в 1957–1958 гг. в ходе подготовки судебного процесса по делу И. Надя основной фокус временно переместился в направлении борьбы с ревизионизмом. Выступая в ноябре 1957 г. на московских совещаниях компартий, Кадар в полемике с делегацией ПОРП аргументировал свое мнение о ревизионизме как главной опасности для международного рабочего движения тем, что именно «ревизионисты» группы И. Надя, а не «сектанты» и «догматики» (нанесшие, несомненно, большой вред строительству социализма), перешли осенью 1956 г. в стан «классового врага»¹.

Официальную концепцию контрреволюции предстояло проиллюстрировать тщательно подобранным фактическим материалом, эту задачу призван был выполнить наиболее грандиозный пропагандистский проект режима Кадара, рассчитанный не столько на внутреннюю аудиторию, сколько на мировое общественное мнение. Речь идет о так называемой «Белой книге», вышедшей в 4 томах на нескольких языках². Метод подготовки этого издания основывался на селективном подходе к фактам: отбиралось лишь то, что могло работать на концепцию контрреволюции. Значительное место в «Белой книге» занимали подборки материала о зверствах «контрреволюционеров» (линчеваниях сотрудников госбезопасности и т. д.), причем все это сопровождалось яркими фотоиллюстрациями. Иногда включались непроверенные, а то и заведомо ложные сведения, в соответствии со своим предназначением работавшие на формирование мифа об угрозе установления в Венгрии фашистского режима в случае невмешательства советских войск. Масштабы террора против коммунистов и сотрудников госбезопасности в этих публика-

циях несколько преувеличивались, но еще больше преувеличивались активность западных спецслужб, их роль в подготовке «контрреволюционного заговора».

Концепция «контрреволюционного заговора» была неотделима от личности Имре Надя. Бывший премьер-министр в первые недели кадаровской власти, обвинявшийся главным образом в неадекватности, в документах января–февраля 1957 г. объявляется сознательным предателем, хотя должно было еще пройти какое-то время, чтобы сломить сопротивление части партактива проведению судебного процесса по его делу. Работа над специальным изданием, посвященном «заговорщической» деятельности Имре Надя и его «сообщников»³, шла параллельно с составлением обвинительного заключения по делу И. Надя, широко использовались показания, сделанные в ходе следствия, причем непредвзятый читатель мог легко обнаружить противоречия в показаниях разных лиц, ставившие под сомнение достоверность всей конструкции*. На Западе пропагандистский эффект от публикации «Белой книги» и сопутствующих ей изданий был невысоким. Достаточно сказать, например, что в Италии даже издательство, близкое к компартии, предпочитало переизданию кадаровских пропагандистских опусов публикацию трудов самого И. Надя, имевших гораздо больший читательский спрос.

Массированная пропагандистская кампания была организована осенью 1957 г. в связи с годовщиной событий. Вышло большое количество книг и брошюр. Создание в некоторых из них «звериного образа» повстанцев служило подготовке общественного мнения к положительной реакции на суровые приговоры судебных инстанций. С другой стороны, происходила героизация сил, боровшихся с «контрреволюцией», в частности бойцов отрядов особого назначения, созданных кадаровским правительством в ноябре 1956 г. Важной задачей пропагандистской литературы являлось разоблачение подрывной деятельности западных спецслужб и в первую очередь радиостанции «Свободная Европа» (одной из излюбленных тем публицистов стала

* Составители книги весьма вольно манипулировали с материалом следствия, из контекста вырывались отдельные цитаты, искажавшие смысл сказанного. Есть основания считать, что авторы не гнушались и вымысла — это касается целого ряда диалогов на очных ставках между подсудимыми (а также свидетелями). В издании, вышедшем уже после судебного процесса, некоторые обвиняемые выглядели грешниками, раскаивающимися в своей вине, но И. Надя, полностью отрицавший предъявленные ему обвинения, представлялся как бесстыжий предатель. Подробнее см.: Райнер М. Я. Имре Надя, премьер-министр венгерской революции 1956 года. М., 2006.

обработка западными спецслужбами венгерских беженцев). Венгрия и зона Суэцкого канала рассматривались как два плацдарма наступления мирового империализма на силы мира и прогресса. Главный пафос массовой пропагандистской продукции заключался в том, что своими действиями Советская армия предотвратила угрозу новой мировой войны и фашистского реванша. Этой теме посвящались также пропагандистские брошюры, авторы которых пытались обосновать необходимость пребывания в Венгрии советских войск.

Конструируемая концепция «контрреволюционного заговора» находилась в противоречии с архивными документами, особенно теми, которые могли бы пролить свет на деятельность Кадара в качестве министра в правительстве И. Надя, показать его прямую причастность к роспуску в конце октября стоявшей у власти Венгерской партии трудящихся, введению многопартийности, провозглашению выхода Венгрии из Организации Варшавского договора. Историческая реконструкция первых дней существования новой партии — ВСРП на основе ее программных документов, выражавших солидарность с идеями и целями венгерской революции, представляла особенно явную угрозу для легитимности режима, документированные исследования в этой области категорически исключались. В конце лета 1958 г. разыгрался скандал, связанный с подготовленным в Институте истории партии к публикации сборником документов о событиях 1956 г. Соответствующая комиссия Политбюро нашла в концепции сборника и подборке документов противоречие официальным установкам — схема, выстраивавшаяся при их прочтении, не подтверждала необходимости осуждения Имре Надя, казненного всего за два месяца до этого. Кроме того, сам Кадар, 1 ноября 1956 г. выступивший против членства Венгрии в Организации Варшавского договора, и некоторые члены его руководства выставлялись в неприглядном — с точки зрения пропагандистских органов ВСРП — свете, поскольку в предполагаемый сборник планировалось включить те выступления Кадара, о которых он предпочел бы забыть. Позднее — вплоть до 1970-х гг. — вопрос о документальных публикациях не вставал, а круг источников по истории ВСРП указанного периода ограничивался несколькими партийными резолюциями, а также речами Кадара. Даже первые номера главной газеты ВСРП «Népszabadság», начавшей выходить 1 ноября 1956 г. и успевшей опубликовать произнесенную вечером того же дня речь Кадара в поддержку национальной революции, находились в спецхране.

Не только документальные публикации, но и издание мемуаров вплоть до 1980-х гг. считалось делом крайне нежелательным; при

всей «незаметности» политической полиции в Венгрии эпохи зрелого кадаризма соответствующие службы держали под неослабным контролем многих из тех, кому было что вспомнить — носителей уникального исторического знания, препятствуя распространению в стране и за рубежом информации, выходящей за рамки установленных схем. Блокировался даже выход мемуаров ряда авторитетных ветеранов партии, относившихся в 1956 г. к кругу умеренных реформаторов. В тех редких случаях, когда такие мемуары все же выходили в свет, тема 1956 г. затрагивалась вскользь, без всякой детализации и, конечно, в строгом соответствии с официальными установками.

Попытки оппозиционно настроенных интеллигентов предложить альтернативное толкование событий 1956 г. нельзя назвать многочисленными, а те, кто на это отваживался, подвергались серьезным преследованиям. Так, крупный политический мыслитель и министр в правительстве И. Надя Иштван Бибо, передавший на Запад свое известное эссе «Положение в Венгрии и положение в мире»⁴, был арестован в мае 1957 г. и провел 6 лет в заключении. Аресту и осуждению подвергся и литератор Шандор Фекете, пытавшийся осмыслить опыт октябрьских событий в работе «О причинах и уроках восстания 1956 года», по сути дела положившей начало венгерскому самиздату⁵. Автор поставил под сомнение официальный пропагандистский тезис о «контрреволюционном заговоре» при участии сил мирового империализма. Венгерская народно-демократическая революция в его понимании — не результат подрывных действий каких-то внешних сил, напротив, на внешние силы опирался режим сталинского типа при подавлении широкого народного движения. Истоки революции Фекете видел в том, что венгерские национальные интересы начиная с 1949 г. все более вопиющим образом приносились в жертву интересам СССР. Попытки строить социализм по чужим образцам, без учета национальной специфики, вызывали антисоветские настроения, коммунистическая власть лишилась народной поддержки, и этого не могло компенсировать никакое раздувание бюрократии. Таким образом, применительно к октябрю 1956 г. можно говорить прежде всего о национальном движении, в котором в то же время проявился и социальный протест против невыносимых жизненных условий*.

* Хотя Фекете подчеркнуто выступал с социалистических позиций, его главный вывод — о необходимости извлечь уроки из случившегося, чтобы в следующий раз действовать более эффективно — не мог не вызвать со стороны режима обвинений в контрреволюционной агитации, что привело к немедленному аресту «отца» венгерского самиздата.

В 1959–1960 гг. массированную пропагандистскую кампанию сменяет курс на замалчивание событий 1956 г., постепенное вытеснение их из исторической памяти нации. Пропаганда хотя и продолжала преподносить читателю материал, напоминавший о зверствах и ужасах «контрреволюции», однако делала это во все меньших дозах. В 1960-е гг., по мере укрепления режима и успокоения граждан (последнее было связано с широкой амнистией участников событий, а также с повышением жизненного уровня), власти считали все менее целесообразным обращаться к теме, а если все же брались за нее, то главный акцент делали на успехах политики консолидации*. Выдвинутый Кадаром лозунг «кто не против нас, тот с нами» предполагал, что в обществе уже достигнуто — в известной степени — национальное единство на определенной, компромиссной платформе. Компромисс этот был взаимным: власти требовали от граждан отказа от политической активности и соблюдения некоторых табу в обмен не только на определенный уровень гарантированного достатка, но и на создание условий для повышения благосостояния собственным трудом (иными словами, для хорошего дополнительного заработка), в этом, собственно говоря, и заключалась — в первом приближении — суть сложившейся во второй половине 1960-х годов кадаровской модели социализма⁶. Острые, драматические столкновения «будапештской осени» явно не соответствовали идеалу национального единства, а потому власти предпочитали о них не напоминать. В свою очередь, и общество, заинтересованное в стабильности и спокойствии, склонно было принять эти правила игры: политическая активность сознательно приносилась гражданами в жертву материальному благополучию (и более того, праву на обогащение!), что само по себе способствовало забвению. Наступил период, когда, по выражению З. Риппа, в общественном сознании доминировала «коллективная амнезия»⁷. Конечно, утверждение всеми средствами пропаганды официальных догм о победе над «контрреволюцией» придавало партаппарату уверенности в своих силах, однако по мере того, как население вообще заставляли забыть о трагедии 1956 г., режим Кадара еще увереннее чувствовал себя в идеологической сфере. Установка на вытеснение событий осени 1956 г. из исторической памяти нации, попытки отвлечь от них общественное внимание стали, таким образом, важнейшей составной частью общей кадаровской стратегии деполитизации венгерского об-

* Показательно, что статьи в прессе, посвященные очередным годовщинам событий, публиковались, как правило, не 23 октября, а 4 ноября, в день создания кадаровского правительства.

щества, а надо сказать, что именно в создании деполитизированного общества режим видел главную задачу своей политики в идеологической сфере, резонно связывая с любого рода политизацией перспективу формирования оппозиции.

На направленности и методах официальной пропаганды сказывался и внешнеполитический фактор. В конце 1950-х гг., когда венгерский вопрос муссировался в ООН, пресса охотно обращалась к событиям осени 1956 г., чтобы напомнить обывателю о существовании империалистической угрозы. Однако в 1960-е гг. выход Венгрии из внешнеполитической изоляции, улучшение ее отношений с западными странами (и прежде всего активизация экономических контактов с Западом) сделали излишним и даже абсурдным слишком частое обращение к теме вмешательства империалистов во внутренние венгерские дела. Интересно в связи с этим проследить, как изменился в официальной пропаганде образ венгерско-австрийской границы. В конце 1950-х гг. эта граница «двух миров» ассоциировалась с провокациями мирового империализма, засылкой шпионов и диверсантов и т. д. Однако в 1960–1970-е гг. венгерско-австрийские отношения не просто нормализуются, а становятся довольно тесными, вплоть до разрешения безвизовых поездок. Соответственно и венгерско-австрийская граница превращается со временем в своего рода символ мирного сосуществования двух систем.

Хотя установка властей на замалчивание «будапештской осени» имела определенный успех, забвение оказалось все-таки иллюзорным: воспоминания о ней жили в памяти людей, а для того, чтобы их поддерживать, прилагала большие усилия доступная в Венгрии влиятельная радиостанция «Свободная Европа», особенно в дни очередных годовщин. Не проявляя со своей стороны инициативы в обращении к истории восстания 1956 г., власть в то же время была вынуждена реагировать на выступления радиоголосов и кроме того заботиться о пресечении внутри страны любых «вражеских вылазок» в оценке октябрьских событий. Важным направлением в историко-пропагандистской литературе становится (в соответствии с установками, присущими всему советскому блоку) критика «буржуазных фальсификаций» событий 1956 г.

Стремительное развитие событий в соседней Чехословакии весной — летом 1968 г., сопровождавшееся далеко идущей либерализацией режима, выходом из-под партийного контроля средств массовой информации, все более напомидало венграм о собственном 1956 г. При этом в сознании людей — в условиях экономической реформы — доминировали оптимистические ожидания; питательной почвой для

широкой оппозиции режиму в стране в то время не было, что отметили и в аппарате ЦК КПСС*. Общественное спокойствие в Венгрии в политически бурном 1968 г. лучше всего свидетельствовало об успехе кадаровской консолидации, о том, что ко второй половине 1960-х гг. вождю ВСРП удалось примирить нацию с правящим режимом. Гибкая, компромиссная политика приносила свои первые плоды⁸.

И в 1970-е гг. венгерские власти по-прежнему старались пореже напоминать своим гражданам о событиях 1956 г., что имело определенный эффект: «будапештская осень» присутствовала не столько в общественном сознании, сколько в «общественном подсознании», не в последнюю очередь как предостережение от нарушения заключенного с режимом Кадара «общественного договора», который на целое десятилетие превратил Венгрию в витрину социалистического сотрудничества, а ее десятиmillionное население сделал жителями «наиболее веселого барака» в социалистическом лагере, гарантировав им относительную стабильность и определенный достаток. Причем избранная руководством ВСРП стратегия на забвение революции 1956 г. продолжала с готовностью восприниматься не только большинством венгров, она парадоксальным образом разделялась и частью узкой интеллигентской оппозиции, хотя та исходила, как правило, из совсем иных посылок. Как заметил в те годы известный диссидент М. Харасты, «1956 год принадлежит истории, и это та неудача, которую лучше забыть» (впрочем, постоянное стремление активистов Пражской весны к учету венгерского опыта 12-летней давности заставляет серьезно усомниться в справедливости этой формулы). К тому же, не поддаваясь однозначной политической, а тем более этической оценке, события 1956 г. создавали неудобства любителям упрощенческих трактовок — идеи «будапештской осени» не трудно было превратить в политический манифест, но гораздо более сложным являлось объяснение сути всего происходившего.

* «Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 г., либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП», — отмечалось в записке от 26 апреля 1968 г., подготовленной отделом ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран для высшего партийного руководства. (См.: «От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 г. (Публикация А. Д. Чернева) // Кентавр. М., 1993. № 4. С. 83). В 1968 г. в Венгрии серьезные попытки переоценить события 1956 г. в оппозиционной среде не предпринимались.

По свидетельству известного экономиста, «отца» реформы 1968 г. Р. Нерша, Кадар надеялся, что события 1956 г. в относительно недалеком будущем, еще при его жизни, навсегда перестанут быть предметом политических разногласий и споров в венгерском обществе; вокруг них будут дискутировать только историки — не более страстно, чем, скажем, о революции 1848 г.⁹ Если лидер ВСРП действительно так полагал, это было, конечно, иллюзией. И в 1970-е, и в 1980-е гг. любое напоминание о 1956 г., хоть в малейшей мере уклонявшееся от официальной концепции этих событий как контрреволюции, по-прежнему ставило под сомнение легитимность режима и потому имело острополитический характер. В силу этого историки не имели никакой возможности объективно изучать тему. Версия о «контрреволюционном путче», организованном остатками прежних эксплуататорских классов при попустительстве ревизионистов во главе с И. Надем и прямой поддержке Запада, продолжала безраздельно господствовать в официальной венгерской историографии. Правда, в одном из выступлений 1972 г. Кадар применил термин «национальная трагедия» (впрочем, и раньше встречавшийся в западной, в том числе эмигрантской литературе). В случае с Кадаром это совсем не означало переоценки событий, поскольку не отменяло отношения к их движущим силам как к контрреволюционным, и не давало оснований ставить вопрос о реабилитации «контрреволюционеров» (выживших, впрочем, к этому времени, как правило, давно амнистировали). Вместе с тем в этой новой кадаровской формуле усиливался момент сожаления о произошедшем с точки зрения интересов национального единства, подразумевался и призыв к примирению на основе официальной платформы.

Осенью 1976 г. идеологическим структурам ВСРП пришлось принять дополнительные меры в целях нейтрализации воздействия на Венгрию мощной пропагандистской кампании, развернутой на Западе в связи с 20-летием венгерской революции. Особенно много головной боли у кадаровских работников идеологического фронта вызывали кадры кинохроники времен «будапештской осени», обильно демонстрировавшиеся по западным телеканалам, ставшим к этому времени все более доступными широкому восточноевропейскому зрителю. «Стратегия умолчания» оставалась в силе, в стране не проводились собрания и митинги, посвященные 20-летию юбилею прихода к власти нового правительства, ставку по-прежнему решили сделать не на наступательную пропаганду, а на пассивную контрпропаганду. Объектом полемики, причем довольно вялой, явилась попытка части западных пропагандистов объяснить успехи кадаров-

ской внутренней (и в том числе экономической) политики влиянием и опытом событий 1956 г. Редкие статьи в официальной прессе, сконцентрировавшись на достигнутых успехах, объясняли их преимуществами социализма.

В середине 1970-х гг. режим Кадара вопреки нарастающим экономическим трудностям еще продолжал находиться на подъеме, и общественное сознание было не слишком восприимчиво к разоблачениям лидера ВСРП и его команды. Так, не только в западном, но и в венгерском общественном мнении существовал стойкий миф, согласно которому Кадар именно по настоянию Москвы санкционировал казнь в июне 1958 г. Имре Надя. Этот миф стал составным элементом того мифологизированного образа Кадара, который складывался в сознании венгерской нации, причем без видимых усилий пропаганды: в отличие от Брежнева и Чаушеску венгерский лидер не был склонен к саморекламе и только в 1982 г. в связи со своим 70-летием дал согласие на издание в Венгрии собственной биографии¹⁰. Главной причиной, по которой лидер ВСРП после долгих уговоров согласился дать ряд интервью своему биографу Л. Дюрко и вспомнить прошлое, явились внушенные ему соратниками опасения того, что соотечественники будут черпать биографические сведения о нем из западных источников. Но на встречах с биографом Кадар демонстрировал изрядную скрытность, что сказалось и на содержании книги. Впрочем, независимо от усилий самого Кадара, его биографа и всего идеологического аппарата ВСРП настроения в венгерском обществе в целом совпадали с мнением немалой части западной историографии и политологии, также пытавшейся в 1970-е гг. идеализировать Кадара, что отчасти связывалось с интересом общественного мнения на Западе к его экономическим реформам¹¹. Мифы строились на незнании документов, в том числе проливавших свет на истинную роль Кадара в подготовке дела Имре Надя¹².

Начиная с весны 1977 г. в Венгрии активизируется оппозиционное движение интеллигенции, получившее внешний импульс (сыграли свою роль забастовки 1976 г. и создание Комитета защиты рабочих в Польше, Хартия-77 в Чехословакии). В этом движении принимали участие и люди, имевшие самое прямое отношение к событиям осени 1956 г., в том числе Ференц Донат — один из ближайших соратников И. Надя. Налаживался самиздат, с 1981 г. представлявший собой довольно развитую и разветвленную сеть периодических изданий и книжных серий. События 1956 г. с самого начала становятся одной из главных тем публикаций венгерского самиздата, причем речь шла о необходимости коренной переоценки концепции контрреволюции.

В рамках самиздата в первой половине — середине 1980-х гг. публикуются едва ли не все основные работы о событиях 1956 г., вышедшие ранее на Западе. Выходят также сборники доступных документов, хронология, мемуары участников событий, которые не могли быть изданы в государственных издательствах*.

Не только на Западе, но и в Венгрии под влиянием польских событий 1980–1981 гг. обострился интерес мыслящей части общества к независимому рабочему движению и в том числе к рабочим советам образца 1956 г. Его в полной мере разделяли организаторы и авторы венгерского самиздата, хотя среди них явно преобладали интеллигенты либеральной, а не социалистической ориентации. В Венгрии на этот интерес накладывало специфический отпечаток то обстоятельство, что именно эгалитаристская позиция кадаровских профсоюзов во главе с их бессменным лидером, председателем просоветской Всемирной федерации профсоюзов Ш. Гашпаром** сыграла в 1972 г. не последнюю роль в свертывании экономической реформы. Опыт Венгрии 1970-х гг., где подконтрольное власти рабочее движение стало оплотом контрреформаторства, нуждался в сопоставлении как с традицией рабочих советов 1956 г., так и с современным опытом польской «Солидарности». Органически присущие независимому рабочему движению элементы социалистической идеологии и системы ценностей не реанимировали, однако, в сознании большей части венгерской интеллектуальной элиты интереса к марксизму, не переломили четко обозначившихся (особенно после подавления Пражской весны 1968 г.) векторов духовной эволюции — к либерализму, ориентированному на современные западные модели, а с другой стороны, к более национально окрашенной христианской, консервативной идеологии.

Таким образом, на рубеже 1970–1980-х гг. идеологические структуры ВСРП должны были искать меры противодействия уже не только зарубежной радиопропаганде, но и собственному самиздату. Тактика замалчивания возымела наконец определенный эффект: к кон-

* Впервые именно в самиздате вышла, например, книга интервью с бывшим премьер-министром А. Хегедюшем, раскрывшая ряд фактов, о которых Кадар и его команда предпочли бы умолчать. См.: Hegedüs A. Élet egy eszmé árnyékában. Életrajzi interjú. 1–2 köt. Bp., 1985.

** Профсоюзов, обладавших, надо сказать, несколько большей политической автономией, чем в других социалистических странах. Профсоюзы в Венгрии стали не просто приводными ремнями, они имели право совещательного голоса, были нужны Кадару как рупор реальных, а не мнимых настроений рабочего класса.

цу 1970-х гг. венгерская молодежь мало что знала о событиях 1956 г. сверх установленного канона. Вместе с тем эта тактика уже казалась недостаточной для того, чтобы сохранить действенность сложившегося канона в условиях, когда в деполитизированном обществе зрелого кадаризма заметно ослабела коммунистическая индоктринация*. Тем более что, освободившись от прежнего диктата коммунистических догм, молодые поколения все чаще попадали под влияние самиздата преимущественно прозападной идейной ориентации.

В 1981 г., в канун 25-летнего юбилея «будапештской осени», коренным образом меняются представления власти о том, какими методами следует влиять на историческую память о событиях 1956 г. На смену тактике замалчивания приходит идеологическое контрнаступление. С одной стороны, это была реакция на широкое обсуждение проблем революции 1956 г. в диссидентских кругах — власть не хотела упускать инициативы в споре с активизировавшейся оппозицией. Следовало также реагировать на оживившееся внимание к революции со стороны радиостанции «Свободная Европа», работавшей в расчете на слабую осведомленность венгерской молодежи и ее повышенный интерес к этой в сущности новой для себя теме. Учитывалась и активность эмиграции: для многих ветеранов 1956 г. четвертьвековой юбилей стал поводом заново осмыслить события и свое место в них, а для кого-то — подвести итоги всей своей политической и интеллектуальной деятельности. Некоторые западные аналитики, зная об экономических трудностях и растущем внешнем долге Венгрии, писали о близком закате венгерской модели социализма, отмечали нарастающие предкризисные явления, симптомы слабости кадаровского режима. Эти симптомы вырисовывались более отчетливо на фоне польских событий, свидетельствовавших о начале перманентного кризиса всей системы социализма. В свете подспудно назревавших в Венгрии перемен западные наблюдатели ждали не только идеологического ужесточения, но иногда, напротив, уступок и послаблений, в частности в оценке событий 1956 г. Публикация некоторых мемуаров, начавшаяся работа по подготовке к печати собрания сочинений И. Бибо породили иллюзии, что ожидаемая переоценка не за горами. Власть не могла не отреагировать на все эти ожидания. К ответной жесткости подстегивали и неоконсервативная волна на Западе, изменившиеся манеры американской политической элиты.

* Достаточно сказать, что к 1983 г. в коммунистической молодежной организации, аналогичной комсомолу в СССР, состояло не более 20 % венгерской молодежи.

Пришедший к власти в 1981 г. президент-республиканец Р. Рейган выступил с одной из своих программных антисоветских деклараций именно 23 октября 1981 г., намеренно приурочив ее ко дню 25-летия начала венгерской революции. В условиях этого натиска в странах советского блока сочли целесообразным, «не поддаваясь на провокации», демонстрировать последовательность прежней политики. Это касалось и оценки венгерской коммунистической элитой событий 1956 г.

Главной фигурой идеологического контрнаступления 1981 г. стал партийный функционер новой генерации молодой член Политбюро Я. Берец. Специальным постановлением партийного руководства он получил доступ к основной массе засекреченных архивных документов и оперировал в своих выступлениях хотя и тенденциозно подобранными, но некоторыми новыми фактами. Определенное, впрочем незначительное, расширение источниковой базы несколько не изменило концепции контрреволюции, нашедшей отражение в массовой и общественно-научной периодике, учебных пособиях, многочисленных радио- и телепередачах, документальных фильмах (широко использовавших соответствующим образом интерпретированные кадры кинохроники). В условиях обострившейся в 1980–1981 гг. «холодной войны» гораздо больше, чем в 1970-е гг., поднимается тема западного вмешательства в венгерские дела.

Переход идеологов ВСРП к наступательной тактике в пропаганде заметили на Западе, что дало повод для новых разочарований в режиме Яноша Кадара. В Венгрии же кампанию 1981 г. признали успешной и ее решили повторить пятью годами позже, в год 30-летия событий. Времена, однако, изменились. Следовало каким-то образом учитывать произошедшие перемены в мировой политике, приход к власти в СССР М. С. Горбачева, вставшего на путь активизации диалога с Западом. Нельзя было не принимать во внимание и растущую экономическую зависимость Венгрии от Запада.

Надо подчеркнуть, что с приходом в 1985 г. к руководству КПСС М. С. Горбачева и его команды в Кремле и на Старой площади постепенно намечается более критическое отношение к советской политике в условиях восточноевропейских кризисов, ее методам, высказываются сомнения в эффективности и результативности силового подхода с точки зрения долгосрочных интересов СССР и мирового коммунистического движения. Сам Горбачев 3 июля 1986 г. на заседании Политбюро говорил, по свидетельству его помощника А. С. Черняева, о том, что методы, примененные в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., в новых условиях неприемлемы¹³.

В то же время сформировалась установка на отказ от вмешательства во внутренние дела правящих коммунистических элит и во всяком случае решено было не усложнять положения Кадара и его окружения, которые воспринимались как последовательные проводники дружественной СССР политики.

Массированной пропагандистской кампании 1986 г. предшествовала скрытая от широкой публики дискуссия среди венгерских партийных идеологов. Дьердь Ацел (который в начале 1957 г. выступал, правда, не слишком решительно, против привлечения И. Надя к судебной ответственности) снова проявил склонность к компромиссу. Согласно его концепции, репрессии 1957–1958 гг. следовало расценивать как кратковременное продолжение сталинизма в Венгрии, временную реанимацию большевистских методов, ставшую следствием конкретных исторически сложившихся обстоятельств. При такой трактовке абсолютизировался реально имевший место фактор — сильное давление на Кадара слева; слишком многое пытались свалить на венгерских «сталинистов», людей команды Ракоши, продолжавших диктовать Кадару свои условия, ответственность же самого Кадара приуменьшалась. Кадаризм в чистом виде, по мнению Ацела, начинается не с репрессий, а с амнистии 1960 г. Из подобного подхода логически должна была следовать переоценка дела И. Надя. Это, однако, никак не могло устроить Кадара: стареющий вождь ВСРП, чьи позиции неуклонно ослабевали, все сильнее опасался раскрытия компрометирующих его документов. Опытнейший политик, он отдавал себе отчет в том, что партюкраты молодой генерации в борьбе за власть рано или поздно используют уязвимые места для нанесения удара по нему*. Именно благодаря Кадару концепция

* В 1972 г., находясь на пике своей популярности, Кадар по достижении 60-летия неожиданно подал в отставку, мотивируя это недовольством Москвы его реформаторскими экспериментами. ЦК ВСРП не принял отставку. Этот жест вызвал раздражение в Кремле как своеобразная фронда (тем более что альтернативы Кадару там не видели, и он это прекрасно знал). Вместе с тем поступок Кадара, если даже преследовал своей целью испытание соратников на верность, свидетельствовал о его большой уверенности в своих силах, о прочности его позиций. Но в 1985 г. тот же Кадар решительно воспротивился осторожным попыткам некоторых более молодых коллег предложить ему пост почетного председателя ВСРП, уступив должность первого секретаря ЦК представителю нового поколения (этот сценарий вопреки воле Кадара разыграли тремя годами позже). Он явно опасался, что придется понести ответственность и за «дело Райка» 1949 г., к которому был непосредственно причастен, и тем более за «дело Надя».

Ацела не получила поддержки, выбор был сделан в пользу точки зрения Я. Береца и левого крыла ВСРП. По их мнению, возрождение героики борьбы с «контрреволюцией» могло стать тем чистым источником, который был бы способен внести свежую струю в идеологию современного венгерского социализма, подвергнушая сильным мелкобуржуазным влияниям (имелись в виду идеи потребительского социализма, призывы к обогащению, распространившиеся на волне так и несостоявшейся в сущности реформы 1968 г.). По мере углубления политического кризиса режим все более нуждался в легитимирующей идеологии, составной частью которой были концепция «контрреволюции» 1956 г. и мифология формирования кадаровского «рабоче-крестьянского» правительства.

Центральной фигурой новой идеологической кампании снова стал Я. Берец, выступления которого отличались жесткой полемической заостренностью против позиции либеральной интеллигенции, своими самиздатовскими «писаниями» расшатывающей устой режима: «контрреволюционеры», выступавшие с оружием в руках, приравнивались к «контрреволюции пером» (к ней в равной мере относились и комментаторы радиостанции «Свободная Европа», и венгерские писатели, требовавшие весной–летом 1956 г. расширения не только творческих, но и политических свобод). При этом легко прочитывались параллели с современностью. В 1980-е гг. Союз венгерских писателей снова активизируется в качестве альтернативного идеологического центра, на писательских собраниях все чаще звучали призывы к переменам, острые материалы проникают и в печать. Отказавшись от предварительной цензуры, режим Кадара возложил главную ответственность на редакторов. При всей их осторожности в прессе то и дело публиковались материалы, слишком резко отклонявшиеся от официальных установок, а иногда агитпроп ВСРП признавал их откровенно враждебными устоям режима. Это влекло за собой административные меры, наиболее распространенной среди которых становилось изъятие тиража того или иного журнала либо книги из продажи*. Особенно нервно власти реагировали на попытки переоценки событий 1956 г., критику внешней политики СССР, проведение тезиса о неравноправии советско-венгерских отношений

* В декабре 1983 г. автор этих строк, в то время студент-пятикурсник МГУ, находившийся на преддипломной практике в Будапеште, стал непосредственным свидетелем студенческих акций протеста против изъятия из продажи одного из номеров популярного среди молодежи литературного и общественно-политического журнала «*Mozgó világ*».

(границы кадаровского либерализма и терпимости давали о себе знать при постановке частью интеллигенции именно этих строго табуированных вопросов, немногочисленных, но принципиально важных для системы). В некоторых случаях реакция была неадекватна масштабу той или иной оппозиционной акции, преувеличивая ее опасность для устоев режима. Это свидетельствовало о том, что режим Кадара, ранее демонстрировавший изрядное умение избегать конфликтов, выпускать накопившийся в обществе пар, нейтрализуя настроения общественного недовольства, к началу 1980-х гг., вступив в полосу кризиса, стал терять политическую гибкость. Что касается СССР, то в год 30-летия венгерских событий, в советской научной периодике, как и в венгерской, однозначно доминировала концепция контрреволюции — первого шага в деле пересмотра сути событий ждали от венгерской элиты. В условиях только что начавшейся перестройки охранительная позиция советской печати комментировалась на Западе как свидетельство нежелания официальной Москвы идти на концептуальный пересмотр своей восточноевропейской политики.

Как бы там ни было, внутренняя демократическая оппозиция в Венгрии, продолжавшая считать актуальными многие программные требования массового народного движения 1956 г. (о внешнеполитическом суверенитете, многопартийности и т. д.), значительно усилилась за пять лет, прошедших со времени 25-летнего юбилея. Наряду с традиционным самиздатом получают распространение другие формы политической активности (подпольные выставки с каталогами, нелегальные и даже полулегальные научные конференции с участием как ветеранов 1956 г., так и профессионалов-историков).

Западные политические элиты осенью 1986 г. внимательно наблюдали за процессами, происходившими в СССР, проявляя выжидание и опасаясь слишком острой критикой затормозить едва наметившуюся эволюцию советского режима к более плюралистическим формам политической организации. Отчасти этим объясняется их гораздо меньшее в сравнении с 1981 г. внимание к новому юбилею венгерских событий. Иначе обстояло дело с венгерской эмиграцией. К середине 1980-х гг. становятся более тесными связи между эмиграцией и внутренней оппозицией. Видные деятели событий 1956 г. и их ведущие западные аналитики из числа эмигрантов осознавали, что 30-летний юбилей может стать последним шансом для того, чтобы активно выступить со своей версией истории революции. При этом они не упускали возможности обратиться к венгерской аудитории через развившийся самиздат. Более тесными становятся и связи венгерской оппозиции с единомышленниками в других странах Восточной Европы. 23 октября

правозащитники Венгрии, Польши, Чехословакии и Восточной Германии обратились с совместным обращением к кадаровскому руководству, требуя пересмотра оценки событий 1956 г.

Глубинные процессы переосмысления событий 1956 г. происходили в 1980-е гг. не в исторической науке, а в художественном творчестве. Не только в литературе, но и в кинематографе (спонсируемом государством!) иногда удавалось с большой художественной силой показать подлинный масштаб «национальной трагедии» для многих венгров, навсегда порвавших с родиной, лишившихся родителей, братьев, детей. Если в учебных пособиях до конца 1980-х гг. господствовали грубые схемы, то из литературных произведений, даже разрешенных властью, читателю предстал гораздо более неоднозначный образ событий.

Настроения, царившие в среде оппозиционной творческой интеллигенции, вызывали у Кадара все более сильное беспокойство, напоминая ему 1956 г., месяцы, предшествовавшие взрыву 23 октября. Дав благословение Берецу на проведение ожесточенной идеологической кампании, вождь ВСРП рассчитывал, что власть продемонстрирует силу, проявит готовность бросить вызов наступающей оппозиции, скрестит с ней шпаги там, где дело касалось самых принципиальных вопросов, пересмотр отношения к которым лишал существующий режим своей легитимности. Ради этого Кадар и сам готов был участвовать в кампании, дав интервью американскому журналу «Time». Дается также зеленый свет на публикацию мемуаров других видных деятелей и ветеранов ВСРП, не только не склонных отказываться от видения событий как контрреволюции, но занимавших в этом отношении довольно жесткие позиции. На неоднозначность ситуации указывало, впрочем, то обстоятельство, что в этих мемуарах была не просто затронута, но и получила развитие тема необоснованных репрессий в отношении коммунистов в годы правления Ракоши. Их авторы, такие как Д. Марошан и Д. Каллаи, провели годы в тюрьмах.

Хотя курс партийной прессы на полемику и даже на конфронтацию с выступлениями оппозиции осенью 1986 г. усилился, лишней напряженности хотели все же избежать. План юбилейных мероприятий, подготовленный загодя, предусматривал в качестве центра торжеств не площадь Кошута перед парламентом и не площадь Республики, связанные в памяти нации с кровавыми, трагическими инцидентами, а места, которые, согласно сложившейся мифологии, имели прямое отношение к формированию правительства Кадара. Героизация сотрудников МВД, боровшихся с «контрреволюцией», продолжала оставаться важной составной частью официального

мифотворчества (по-прежнему выходят очерки в своеобразном «жизненном» жанре), однако главный упор в пропаганде все же делался на успехи кадаровского правления.

С другой стороны, при всей устойчивости концепции «контрреволюции», в научной литературе появились некоторые новые акценты. Так, стало проводиться определенное разграничение между контрреволюцией и демократической оппозицией, требовавшей реформ; более сдержанными становятся оценки некоторых персоналий. Расширилась разрешенная документальная база, что отчасти явилось ответом на вызовы самиздата, обратившегося к публикации источников по истории Венгрии и советско-венгерских отношений в 1950-е гг.

Пропагандистское наступление осени 1986 г. в целом не отличалось эффективностью. Так и не удалось выработать действенный противовес ни самиздату, ни радиостанции «Свободная Европа», продолжавшей сильно влиять на венгерское общественное мнение. В венгерском обществе и в первую очередь среди молодежи доминировало равнодушие к официальной пропаганде, неверие в ее основополагающие постулаты — молодое поколение венгров, уже получившее по неофициальным каналам определенную информацию о событиях «будапештской осени» и жаждавшее новых знаний, нуждалось в определенных концептуальных основах, и его не могли удовлетворить в этом плане ни решения декабрьского пленума 1956 г., ни более гибкая и компромиссная кадаровская формула «национальной трагедии». В условиях начавшейся в СССР перестройки стремление венгерской коммунистической элиты сохранить в неприкосновенности прежнюю концепцию «контрреволюции» находило все меньше понимания и в левых кругах на Западе. Так, в теоретических изданиях итальянской компартии к этому времени уже преобладал подход к венгерским событиям как к национальной демократической революции.

В идеологических структурах ВСРП видели не только усиливающуюся поляризацию мнений по проблемам 1956 г., но и уязвимые места официальных концепций. Попытки интегрировать в них новый фактический материал (уже ставший достоянием читающей публики благодаря самиздату) не только не устраняли противоречий, но, напротив, приводили к утрате концептуальной целостности, образованию трещин в конструкции, базирующейся на признании контрреволюционного характера событий. Что же касается формулы «национальной трагедии», то она была достаточно аморфна и не исключала подвижек, ведущих к наполнению ее совсем иным содержанием, несовместимым с концепцией контрреволюции.

После завершения юбилейных мероприятий власти, осознав низкую результативность прошедшей пропагандистской кампании, решили на некоторое время «заморозить» ситуацию, воздержавшись от частых напоминаний венгерскому обществу о событиях 1956 г. Но теперь тактика замалчивания была совершенно неэффективна: назревшие вопросы требовали своего прояснения, к тому же усиливавшаяся оппозиция постоянно напоминала о том, о чем хотели умолчать идеологи ВСРП. Уклониться от спора с ней было просто невозможно. К концу 1987 г. идеологические структуры партии уже находились явно в обороне — альтернативные точки зрения выражались все более открыто и решительно. Причем дело, конечно, не ограничивалось задачей выявления научной истины; зарождавшаяся в недрах «мягкой» кадаровской диктатуры демократическая оппозиция подчеркнуто актуализировала в кризисной атмосфере конца 1980-х гг. идеи, лозунги, ценности, программные требования широкого народного движения 30-летней давности, утверждала, что они не утратили своей значимости и на современном этапе. Наносился удар по самим основам кадаровского режима, подвергалась сомнению его легитимность.

После 1986 г. усилилась поляризация и внутри правящей ВСРП. Консервативно настроенные ветераны партии организовали коллективные письма в ЦК ВСРП, проводя параллели между «контрреволюцией» 1956 г. и сегодняшним наступлением оппозиции. В агитпропе ВСРП занимали более сдержанные позиции. «Népszabadság» в статьях, относящихся к осени 1987 г., признавала актуальность решений декабрьского пленума 1956 г. и в то же время уже старалась избегать жесткого определения «контрреволюция». Вместе с тем даже и в 1988 г. вопрос о кардинальной переоценке характера событий 1956 г., угрожая подрывом легитимности действующей власти, представлял собой, по выражению историка Яноша Райнера, не исторический, а острополитический вопрос, который легко мог привести к проблемам с полицией.

В мае 1988 г. Кадар, резко противившийся переоценке событий 1956 г., был фактически устранен от руководства ВСРП и перешел с должности первого секретаря ЦК на почетный, специально для него созданный пост председателя партии. Это, хотя и не сразу, но дало зеленый свет постепенному пересмотру некоторых принципиальных вопросов истории «будапештской осени» и в том числе отношения к деятельности И. Надя до октября 1956 г. (Кадар, по хорошо понятным причинам, более всего опасался каких-либо существенных под-

вижек именно в оценке И. Надя*). Не только в историографии, но и в ряде партийных документов 1988 г. под влиянием либерального крыла ВСРП фактически произошла реабилитация реформаторской программы первого правительства И. Надя (1953–1955). Нашел отражение тезис о том, что в 1953–1956 гг. внутри правящей ВПТ проявилось вполне обоснованное и справедливое стремление обновить социализм, а после 1956 г. ВСРП воплотила на практике многие из планов и идей, выдвигавшихся сторонниками реформ начиная с 1953 г., но особенно активно под непосредственным влиянием решений XX съезда КПСС. Подчеркивалась преемственность действующего руководства ВСРП по отношению именно этим политическим традициям. Реформаторское крыло ВСРП в 1988 г. осознавало, что прежние, охранительные идейные установки абсолютно утратили эффективность, потерпели крах, и вместе с тем опасалось радикальной переоценки событий 1956 г., делигитимизирующей режим. Вместо этого через обращение к соответствующим традициям в истории партии оно принялось закладывать новые идеологические основания под власть ВСРП.

В 1988 г. была создана новая общественная организация — Комитет по восстановлению исторической справедливости, требовавший реабилитации невинно осужденных за участие в событиях 1956 г. Составлялись и публиковались в самиздате списки жертв репрессий. Прежнее табу на публичное обсуждение этих проблем уже не действовало. В июне 1988 г. МВД под давлением снизу разрешило траурную церемонию в связи с 30-летием казни И. Надя, но митинги приняли столь масштабный характер, что власти, опасаясь выхода событий из-под контроля, разогнали демонстрантов при помощи полиции. Желая приостановить наступление оппозиции, новый лидер ВСРП К. Грос сделал летом–осенью 1988 г. ряд жестких заявлений, по сути отклоняя возможность посмертной реабилитации казненных и подчеркивая, что оценка октябрьских событий как контрреволюции (и деятельности И. Надя в октябре–ноябре 1956 г.) остается

* Осознавая, что импульсы к переменам, как и весной 1956 г., исходят из СССР, Я. Кадар во время встреч с М. С. Горбачевым все чаще обращался к истории «будапештской осени». По отзывам свидетелей этих бесед, он прежде всего пытался скомпрометировать И. Надя в глазах советского лидера, называл его не только ренегатом, который из коммунистов превратился в главу контрреволюции, но и «человеком Бери». Принципиальная позиция официальной Москвы при Горбачеве заключалась в том, чтобы не опережать восточноевропейских лидеров в переоценке кризисных явлений, имевших место в развитии коммунистических режимов в этих странах.

в силе. В октябре полиция снова разогнала манифестантов. Все это всколыхнуло общественное мнение, способствовало усилению оппозиционных настроений. В конце 1988 г. проблемы «будапештской осени» уже достаточно открыто и публично обсуждались в академической и университетской среде. Ускорилась поляризация внутри правящей ВСРП: вопреки общему стремлению сохранить единство партии происходило все более острое противоборство конфликтующих между собой точек зрения. В спорах о сущности событий 1956 г. проявлялись глубокие политические расхождения в оценках перспектив дальнейшего развития Венгрии и содержания реформ, стоящих на повестке дня.

В условиях углублявшегося в Венгрии экономического кризиса (роста внешней задолженности и т. д.) даже противники далеко идущих реформ все более осознавали неизбежность серьезных идеологических подвижек и в том числе частичного пересмотра отношения к событиям 1956 г. Правомерность провозглашенного на партийных форумах курса на обновление социализма, придание ему большей эффективности и т. д. предстояло обосновать в том числе и историческими аргументами. В числе акций, в конечном итоге направленных на сохранение в сложившихся непростых условиях властных позиций ВСРП, явилось создание по решению майской (1988 г.) партконференции специальной комиссии с участием историков. Ее целью было изучение и вынесение оценки всему историческому пути, пройденному венгерской нацией за 40 лет строительства социализма. Результат работы комиссии значительно превзошел первоначальные планы. Возглавивший ее реформатор несколько популистского толка член Политбюро ЦК ВСРП Имре Пожгаи 27 января 1989 г. выступил по итогам работы комиссии по радио с нашумевшим заявлением: события октября 1956 г. расценивались им как «народное восстание». Акцентировалось внимание на антисталинистском характере восстания, Пожгаи старался всячески затушевать антисоветский характер некоторых проявлений народного движения. Содержались в его выступлении и ссылки на высказывания Кадара, относящиеся к ноябрю 1956 г. При том, что это выступление не было согласовано с Политбюро, а явилось, по сути, частным поступком одного из индивидуальных игроков на венгерской политической арене*, оно имело далеко идущие последствия, на которые сразу же обратили внимание в Москве.

* По инициативе К. Гроса возбудили персональное дело Пожгаи, обвиненного в нарушении партийной дисциплины. Однако расклад сил в руководстве ВСРП был таков, что никаких санкций не вынесли.

Посольство СССР в Будапеште направило в конце января в МИД три телеграммы по этому вопросу, незамедлительно переданные в ЦК КПСС. Помощник Горбачева А. С. Черняев в письме своему шефу от 1 февраля выразил мнение, что «надо поручить готовить нашу позицию по 1956 году», однако делать это без суеты. Необходимо иметь в виду, писал Черняев, что «даже если Грос согласится с нашей оценкой, он не сможет ее реализовать, потому что вряд ли уже владеет идейно-политической ситуацией. Тем самым мы и его, и себя поставим в неловкое положение». Начавшаяся переоценка событий «будапештской осени» (принявшая к весне просто обвальный характер) воспринималась как один из важных симптомов продолжавшейся сдачи позиций ВСРП, что, конечно, не могло радовать руководство КПСС. Тем не менее делался вывод о необходимости устраниваться от вмешательства в идейно-политическую борьбу, которая разыгралась в Венгрии вокруг октябрьских событий. «1956 год для венгров сейчас — частность, хотя и в контексте угрозы общего развала в стране. И мы будем выглядеть не очень солидно, если в такой момент на высшем уровне “проявим беспокойство” лишь по этому конкретному пункту, затрагивающему наше прошлое», — полагал помощник генерального секретаря ЦК КПСС. По его мнению, надо «стараться удерживать проблему 1956 года на уровне научного спора, не допускать превращения ее в политическую полемику с кем бы то ни было (как, впрочем, и с нашим 1939 годом)»¹⁴.

Выраженное Черняевым мнение о невмешательстве Москвы во внутренние венгерские дела, связанные с переоценкой событий 1956 г., не стало, впрочем, единственным в среде советской партийно-государственной номенклатуры. Иной позиции придерживался председатель КГБ СССР В. А. Крючков (осенью 1956 г. работавший третьим секретарем посольства СССР в Венгрии). Развернувшаяся в Венгрии кампания по пересмотру характера событий, по мнению Крюčkова, нацеливалась на «дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигание недружественных Советскому Союзу настроений»¹⁵. Для того чтобы по возможности воспрепятствовать ее проведению, Крючков предлагал передать в распоряжение партаппарата ВСРП хранившиеся в подведомственных КГБ архивах документы 1930-х гг., проливавшие свет на неблагоприятную роль И. Надя как агента-осведомителя органов НКВД, виновного в аресте и гибели некоторых венгерских коммунистов. Учитывая популярность И. Надя среди сторонников кардинальных реформ и превращение этого политика в своего рода символ сопротивления венгерского общества навязываемым ему извне тоталитаризму,

литарным формам правления, его компрометация могла стать орудием (насколько эффективным — это другой вопрос) контрреформаторских сил в ВСРП в противоборстве со своими идейно-политическими оппонентами. Крючков убедил своих соратников по Политбюро ЦК КПСС в том, что предложенный им шаг отвечает интересам СССР, поскольку ослабил бы политические и моральные позиции антисоветски настроенных сил в рядах активизировавшейся в 1989 г. и уже открыто претендовавшей на власть венгерской оппозиции. Документы были переданы в Будапешт, и первый секретарь ЦК ВСРП К. Грос доложил партийному пленуму о раскрывшихся фактах, которые весьма болезненно восприняло большинство узкого партактива. Не только реформаторски настроенные председатель ЦК ВСРП Р. Нерш и премьер-министр М. Немет, но и гораздо менее последовательный в этом отношении К. Грос пришли к выводу о нецелесообразности обнародования полученных из Москвы документов, поскольку это лишь подлило бы масла в огонь общественно-политического противостояния, но отнюдь не повлияло бы на происходивший пересмотр исторических оценок¹⁶. Документы, о которых идет речь, не публиковались до 1993 г.

Попытки части руководства ВСРП при довольно слабой поддержке Москвы воспрепятствовать продвижению новой линии в оценке происходившего осенью 1956 г. оказались совершенно неэффективными. Кардинального пересмотра теперь было не избежать, дальнейшее изучение, трактовка октябрьских событий отныне приняли неконтролируемый характер, определяясь (наряду с закономерностями развития самой науки и широким интересом общественного мнения к проблеме) отнюдь не ходом внутрипартийных дискуссий, а прежде всего динамикой политических процессов, происходивших в 1989 г. в венгерском обществе в условиях кризиса власти ВСРП и активизации оппозиционных движений, становившихся все более массовыми. Таким образом, выступление Пожгаи явилось жестом хотя и важным для партийных реформаторов, рассчитывавших удержаться на плаву, но запоздалым для партии в целом и более того, способствовавшим делегитимизации власти ВСРП. Уже к весне 1989 г. роль аппарата ВСРП в формировании образа событий 1956 г. свелась к нулю. Обновить охранительную платформу, заложить под нее новые основания, таким образом, явно не удалось. Даже мягкие сторонники прежней «контрреволюционной концепции» во главе с главным идеологом партии Д. Ацелом понимали, что саму формулу контрреволюции следует решительно отбросить, предложив более взвешенный подход, отметив двойственный характер октябрьских — ноябрьских событий. Позиция Береца подвергается критике

за односторонность*. В начале 1989 г. стало особенно очевидно, что вопреки тем иллюзиям, которые когда-то питал Кадар, речь идет не о спорах по предмету, отвлеченному от сегодняшних венгерских реалий: раскол партии и общества по вопросу об отношении к событиям 1956 г. становился конфликтогенным фактором, источником серьезной политической и социальной напряженности. Конечно, не выступление Пожгаи породило этот раскол, но оно его четче обозначило.

Самым первым следствием выступления Пожгаи стала эскалация требований реабилитации репрессированных и прежде всего И. Надя, по образному выражению Я. М. Райнера, оказавшегося «едва ли не самым живым участником венгерского демократического процесса на его самой динамичной стадии»¹⁷. Актом, окончательно подорвавшим основы легитимности кадаровского правления, и одновременно символом завершения всей 32-летней эпохи стала собравшая сотни тысяч людей массовая манифестация 16 июня 1989 г. при перезахоронении Имре Надя и трех казненных вместе с ним его соратников.

Кадар скончался 6 июля 1989 г., по символическому совпадению в тот же день, когда венгерский суд формально реабилитировал Имре Надя. Человек, с большей или меньшей эффективностью управлявший Венгрией более 30 лет и некоторое время персонифицировавший собой реформаторское начало в социалистическом лагере, еще при жизни мог увидеть сделанный своей нацией выбор в пользу чуждых ему западных моделей, основанных на политическом плюрализме. С 33-летней дистанции стал очевиден парадокс: не будучи,

* Позицию Ацела конца 1980-х гг. демонстрирует запись его беседы с высокопоставленным функционером аппарата ЦК КПСС В. Загладиным, состоявшейся несколько позже, в декабре 1990 г., уже после утраты коммунистами в Венгрии власти. Инициаторы демонстрации 23 октября «хотели улучшения социализма», но те, «кто потом вешал коммунистов у здания горкома партии, были контрреволюционерами». По мнению многолетнего идеолога ВСРП, давать какую-либо «официальную, государственную оценку этих событий» не обязательно. Это «дело ученых определять, что и как было, какие оценки можно дать тому или иному повороту событий. Политикам заниматься этим не надо. Это не их дело»; «это была противоречивая трагедия народа, а оценки пусть расставляют историки на основе документов» (См.: Центрально-европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М., 2003. С. 332–334. Публикация М. Барат). Затронув вопрос о роли советского фактора в событиях, Ацел призвал его не абсолютизировать, принять во внимание специфику конкретной ситуации на международной арене — давление китайского руководства, позицию США (ведь американцы тогда «прямо заявляли, что венгерские события их не касаются, что это дело русских»).

в отличие от Кадара, сильным политическим практиком и хуже представляя себе пределы возможного, И. Надя, вопреки своим левым убеждениям ставший знаменем сил, выступавших в конце 1980-х гг. за смену системы, в известном смысле доказал перед Кадаром (пусть заочно) свою историческую правоту. Кадар умер, оставив свое «политическое завещание» (серию интервью по широкому кругу проблем новейшей истории Венгрии), которое в новых условиях было уже не обязательным для всей системы политпросвещения программным документом, а всего лишь одним из исторических источников в ряду многих других.

Примечания

¹ Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956–1959. Bp., 1997. 227–229, 231–234, 235–250 о.

² См.: Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Ч. 1–3. М., 1956–1957. Ч. 4. Будапешт, 1957.

³ Контрреволюционный заговор Имре Надя и его сообщников. Бп., 1958.

⁴ См. на русском языке: Мост. Бп., 1992. № 1–2.

⁵ Легально впервые опубликовано в Венгрии только в 1989 г.: Hungarikus. Az 1956-os felkelés okairól és tanulságairól. Bp., 1989.

⁶ См.: Tókes R. L. Hungary's Negotiated Revolution. Economic reform, social change and political succession, 1957–1990. Cambridge (Mass.), 1998.

⁷ Ripp Z. 1956 emlékezete és az MSZMP // Múltunk. 2002. № 1.

⁸ Подробнее см.: Стыкалин А. С. «Пражская весна» 1968 г. и позиция руководства Венгрии // Международные отношения: история и современные аспекты. Теории и исследовательские практики. Вып. 1. Москва – Ставрополь – Воронеж – Тамбов – Пятигорск, 2007. С. 227–255.

⁹ Nyers R. Kádár János és a reformok // Rubicon. 2000. № 6–7. 50 о.

¹⁰ Gyurkó László. Arcképvázlat történelmi háttérrel. Bp., 1982 (Исправленное и дополненное издание – 1988 г.).

¹¹ Shawcross W. Crime and Compromise. Janos Kadar and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974.

¹² См.: Стыкалин А. С. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. С. 223–238.

¹³ В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2006. С. 61.

¹⁴ Архив Горбачев-Фонда. Фонд А. С. Черняева. Док. 7403.

¹⁵ Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник, 1993. № 1. С. 71.

¹⁶ См.: Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1.

¹⁷ Rainer M. J. Nagy Imre újratemetése – a magyar demokratikus átalakulás szimbolikus aktusa // A magyar forradalom eszméi. Bp., 2001. 33 о.

ВЕНГЕРСКИЙ ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: НЕКОТОРЫЕ СРАВНЕНИЯ, ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Б. Й. Желицки
(Россия)

Отмечая 20-летие демократизации общественно-политического строя стран Центральной и Юго-Восточной Европы (под этим мы понимаем целый комплекс мер и событий, связанных с политическими революциями 1989–1990 гг., которые привели к коренным изменениям характера государственной власти, системы ее управления на конституционной основе, сопровождались сменой общественных и экономических отношений в ходе последующих трансформационных процессов), было бы несправедливо пренебречь хотя бы кратким упоминанием и некоторыми сравнениями ситуации в двух центральноевропейских странах, выступивших пионерами этих, *по характеру и сути революционных, а по форме — эволюционных преобразований*. Разумеется, речь идет о Польше и Венгрии, инициировавших эти перемены и первыми показавших пример возможности *демократического прорыва и мирного перехода* от авторитарных режимов «реального социализма» к *многопартийной парламентской демократии*. Именно конкретное развитие событий в этих двух странах во второй половине 80-х гг. XX в. привело к тому, что впервые и безвозвратно шаг за шагом была пробита брешь в стене тоталитарных коммунистических режимов.

Конечно, все это стало возможным благодаря новым историческим реальностям конца 1980-х гг.: несколько изменившемуся международному фону и особенно новым координатам советской политики, стремительно менявшейся под воздействием горбачевской перестройки. Но это ничуть не умаляет инициативной роли и значения действий демократических сил названных стран. Они первыми, в результате непростых подготовительных действий и переговоров между ослабевшей партийно-политической властью и представителями оппозиционных сил, достигли уникальных результатов

за «круглыми столами», показав пример остальным странам региона. Без конкретных действий и поступков внутрипартийных, склонных к переменам сил, с одной стороны, и внепартийных оппозиционных формирований, стремившихся к демократизации и изменению характера правящего режима — с другой, не произошло бы того исторического перелома в региональном масштабе, который имел место в 1989–1990 гг. Именно вслед за уже явными завоеваниями демократических сил Венгрии и Польши, под их прямым воздействием зашаталась и рухнула Берлинская стена — ненавистный реальный символ «железного занавеса», разделявший Европу и мир на два противоположных лагеря. В ГДР тому предшествовали массовые демонстрации и митинги, впрочем, как и в Чехословакии и Болгарии, где устойчивые коммунистические режимы казались наиболее прочными, незабываемыми, а их лидеры — не поддающимися никаким переменам. Но давление обстоятельств все же заставило их уступить. Лишь наиболее махровый тоталитарный режим Н. Чаушеску в Румынии пошел собственным путем, развязав кровавую бойню, применив оружие против народа, не желая подчиниться неизбежному требованию времени по демократизации общественно-политической жизни. Там возмущенный и восставший народ сверг своего диктатора. Нет сомнения, что во всех этих политических процессах, как в любом новом деле, труднее всего приходилось первопроходцам.

Сегодня с некоторой исторической дистанции многое забывается, временные различия между событиями, прошедшими в определенной последовательности по странам, теряются в тумане истории, стираются в памяти людей, поэтому может показаться, что отмеченный — в основном мирный — революционный процесс политической демократизации в регионе развивался одновременно во всех странах. Однако изучающие эти проблемы историки должны дифференцировать и обращать внимание на основные различия и хронологическую последовательность развития событий по отдельным странам, рассматривая явления прошлого в соответствии с ними. Конечно, в фазисном отношении, в плане выявления общности или единства исторического процесса, да и в общеполитическом аспекте, мы вправе говорить о примерной синхронности исторических событий, которые в итоге привели к становлению политической демократии во всех странах тогдашней Восточной Европы, т. е. считать одинаково переломным для всех европейских стран «реального социализма» год 1989-й, когда и свершились политические революции демократической ориентации. С некоторым явным отрывом, но в русле единого революционного процесса, это произошло и в СССР, где соответ-

ствующий перелом имел место с некоторой задержкой (впрочем, как в свое время случилось с отменой крепостного права в России), и еще большей — в югославском ареале. Подобные временные расхождения, сдвиги или соответствующие задержки в продвижении к демократии наблюдались и между странами рассматриваемого региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Одни из них временами явно опережали других в этом далеко не простом процессе. Ведь когда оппозиционные силы Польши и Венгрии (начало сентября 1989 г.) уже достигли соответствующих договоренностей за «круглыми столами» с представителями коммунистической партийно-политической власти о конкретных условиях перехода своих стран к парламентской демократии, и соглашения получили законодательное подтверждение в парламенте, устои тоталитарных режимов в ГДР, ЧСР, БНР, а тем более Румынии были еще сильны. Они казались незыблемыми, а олицетворявшие их главные фигуры твердо сидели на своих, казалось бы, вполне надежных и устойчивых постах в роли удельных князей той эпохи. Лишь последующие, ставшие массовыми, демонстрации и митинги октября–ноября расшатали их устои, лишили прежнего ореола, заставив уйти в небытие. В конце декабря 1989 г. народный гнев сверг и последнего представителя этой плеяды ортодоксальных «вождей», включая наиболее одиозную фигуру — румынского «гения Карпат», диктатора, попытавшегося удержаться у власти силой оружия и развязавшего кровавую бойню против собственного народа.

Необходимо отметить, что давно назревавший процесс политической демократизации, который ранее был обречен (достаточно вспомнить неудавшиеся попытки частичной корректировки или реформирования советского типа режимов в 1956 и в 1968 гг. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии), на сей раз, в 1989 г., встретив понимание и поддержку со стороны части внутрипартийных реформаторских сил, увенчался успехом. Возникшие и стремительно окрепшие, завоевавшие популярность в народе оппозиционные силы Польши, а вслед за ними и венгерские (возникшие с 1987 г.) оформившиеся в качестве альтернативных общественных движений и организаций, с неизбежностью первыми в регионе продвигались к признанию и стали реальной общественно-политической силой, с которыми властям пришлось считаться, признать их и сесть с ними за стол переговоров. Этот процесс становления и признания для первопроходцев был нелегким и долгим, но на сей раз увенчался успехом.

Представляется, что секреты успеха перелома историками еще не до конца изучены. Сейчас я хотел бы обратить внимание лишь на одно единственное, на мой взгляд, важное обстоятельство или средство,

которое не всегда учитывается исследователями, но (наряду с другими факторами) имело важное значение для достижения результатов. Это использование в борьбе за демократию в условиях существовавших режимов новых, отличающихся от прежних форм, средств и методов, в результате которых ситуация с 1970-х гг. стала меняться. Возможный путь прорыва в этом направлении был показан Адамом Михником в его сочинении «Новый эволюционизм», где он предлагал не ставить прямую задачу свержения существующего режима, а бороться за «политическую эмансипацию» граждан посредством создания (параллельно с официальными) независимых структур гражданского общества, которые были бы способны даже контролировать правительство. Собственно это и произошло на практике в результате создания в Польше свободного независимого профсоюза «Солидарность». Его возникновение и деятельность показали возможность продвижения к гражданскому обществу в условиях «реального социализма». Впоследствии в разных странах региона появились отдельные организации, образованные преимущественно представителями оппозиционных кругов интеллигенции, которые предпринимали некоторые меры по мобилизации своих сил, протестных выражений (например, «Хартия 77» в Чехословакии).

О возникновении в регионе различных неофициальных альтернативных образований и оппозиционных движений, конечно, можно говорить лишь со второй половины 80-х гг. прошлого века. В основном только 1989 г. ознаменовался их массовым появлением почти в каждой из стран региона, сопровождаясь публичным выражением их воли и требований. Все это стало свидетельством эффективности предложенного Михником подхода, формы или варианта борьбы за демократию в условиях тоталитарных режимов. Правда, полного подражания польскому примеру — создания единой мощной оппозиционной организации не произошло ни в одной из бывших социалистических стран. В них развитие пошло своими путями.

В Венгрии, в отличие от формирования единой польской оппозиционной силы — организации свободных профсоюзов «Солидарность», появление независимых альтернативных организаций произошло в форме зарождения ряда новых, не связанных между собой общественных образований и движений, ставших впоследствии политическими партиями, которые добивались кардинальных перемен. Причем среди них с самого начала выделились три основные неформальные образования, разные по характеру и общественно-политическим устремлениям. Первое значительное и наиболее крупное новое *альтернативное движение демократических сил*, основанное представителями оппози-

ционно настроенной народно-национальной интеллигенции 27 сентября 1987 г., декларировало себя в качестве идейно-политического движения и независимой общественной организации. Это был *Венгерский демократический форум* (ВДФ). Как движение оно характеризовалось умеренными, центристского характера взглядами и позициями, которое на начальном этапе отстаивало как национальные, так и либеральные и христианские ценности. И в этом смысле ВДФ стал своеобразным объединением разных идейно-политических течений, сплоченных стремлением к демократии. При этом, становясь наиболее авторитетным альтернативным массовым общенародным движением, движение быстро завоевало популярность в народе и стремительно развивалось организационно и политически. С рубежа 1987–1988 гг. ВДФ все активнее отстаивал общенациональные интересы и демократические ценности, а с января 1988 г. первым выдвинул требование проведения свободных демократических выборов в парламент страны. Оставаясь выдержанной и умеренной, все более влиятельной общественно-политической силой, Форум в дальнейшем усиливал свою активность и критику коммунистического режима, привлекая и мобилизуя население страны за дальнейшую демократизацию общественной жизни страны.

Вторым независимым альтернативным общественно-политическим образованием критического толка стало поначалу довольно аморфное объединение представителей групп городских интеллигентов, именовавшее себя «демократической оппозицией», которая функционировала по типу клуба интеллигенции. Эти силы провели первую встречу в декабре 1987 г. с целью обсуждения событий 1956 г. В мае 1988 г. они взялись за создание «Сети свободных инициатив» без заранее определенной идейной направленности, но с оппозиционными взглядами. На съезде учредителей «Сети» (среди них оказалось немало бывших социал-демократов, философов-марксистов, детей и внуков бывших партийных функционеров 1950-х гг., исключенных впоследствии из компартии) в ноябре 1988 г. они создали организацию *Союз свободных демократов* (ССД). В итоге ССД, занявший и демонстрировавший свою подчеркнута антикоммунистическую позицию, объявил себя сторонником современных либеральных идей и тенденций.

Третьим новым альтернативным оппозиционным образованием Венгрии был *Союз молодых демократов* (наиболее известным по венгерской аббревиатуре — *Фидес*) — молодежная организация либерально-демократического толка, которая обратила на себя внимание и завоевала популярность своими активными и смелыми кри-

тическими выступлениями с требованиями смены общественного строя. На первом этапе ССД считал Фидес своей молодежной организацией, да и в обществе он воспринимался таковой, однако вскоре он приобрел свое собственное лицо.

Эти прототипы новых будущих политических партий, а также некоторые возродившиеся в 1988–1989 гг. т. н. *исторические* партии (Независимая партия мелких хозяев — НПМХ, Христианско-демократическая народная партия — ХДНП) периода 1944–1948 гг., значительно оживили политическую жизнь в Венгрии конца 1980-х гг. Однако наиболее заметными и успешными оказались первые три — новые оппозиционные силы, во многом определившие перспективу демократизации страны. 1988–1989 гг. для них стали периодом самоутверждения, активизации деятельности и приобретения политического опыта и веса. Действия трех названных новых оппозиционных образований, их растущая активность, организация и проведение ими серии массовых митингов и демонстраций вынуждали власть предрешающих идти на уступки. О своем преобразовании в политическую организацию первым из трех оппозиционных организаций Венгрии открыто заявил Фидес (3.09.1988 г.). Осенью 1988 г. партийно-государственная власть уже *оказалась вынужденной признать наличие в стране многопартийности*¹, которая все стремительнее пробивала себе дорогу либо реально уже существовала.

Появление этих новых сил будущей венгерской демократии, обновление деятельности партий времен народной демократии, возникновение сотен новых неформальных общественных организаций, союзов и движений, свидетельствовали о возрождении и становлении в Венгрии гражданского общества. Именно эти силы демократии оказались способны в 1989 г. заставить представителей правящих коммунистических структур сесть с ними за стол переговоров для обсуждения условий мирного перехода страны от диктатуры к многопартийной парламентской системе. Правда, разнородным оппозиционным силам Венгрии (в отличие от польской «Солидарности») для этого сначала пришлось заключить между собой *временный союз* для демонстрации единства и сплоченности перед коммунистической властью, что и принесло желаемого результата на переговорах за «круглым столом» весной и летом 1989 г.

В этом смысле поучительным оказался польский опыт. Если внимательно посмотреть на пройденный Польшей и Венгрией нелегкий и довольно долгий путь в этом направлении, особенно этап, приведший их к результатам «круглого стола» 1989 г., то станет очевидно, что странам, последовавшим за Польшей и Венгрией уже проторенным

ими, первопроходцами, путем (использование схожих форм, средств и методов достижения своей цели — демократическое переустройство своих стран), было гораздо легче и несколько проще, да и быстрее, преодолеть *этап мирного «согласования» позиций* с представителями коммунистических властей (не считая, конечно, неуступчивого румынского диктатора), добиться отказа от однопартийной монополии на власть. Прохождение этого этапа оказалось более стремительным даже для Румынии, где режим кондукатора в итоге был свергнут вооруженным путем. Во всех остальных европейских странах «социалистического содружества» принципиальные соглашения между представителями партийно-политической власти и силами оппозиции о переходе к системе парламентской демократии, т. е. к изменению государственного устройства, были достигнуты мирным путем.

В этом процессе политических революций и конституционно-правового оформления их результатов, согласования условий неизбежного перехода к многопартийной парламентской демократии — равно, как и до конца еще не изученных аспектов налаживания новой общественно-политической и экономической системы, т. е. во всех последующих трансформационных процессах, — исследователь неизбежно найдет много схожего, если не общего между разными странами. И хотя в итоге все европейские страны «реального социализма» в ходе растянувшихся во времени либо достигнутых в более сжатые сроки переговоров и договоренностей с представителями официальных партийных властей (либо их отстранения, как в Румынии) в равной мере достигли схожих политических результатов в том же 1989 г., то, что касается исторических предпосылок, да и развития самого процесса перехода к современной демократии, больше всего элементов сходства и подобия проявилось именно между ПНР и ВНР.

Вспоминая на нашей юбилейной конференции об этих общих демократических завоеваниях конца 80-х гг. XX в., достигнутых оппозиционными силами при массовой поддержке населения на многочисленных демонстрациях и митингах, было бы неверно не вспомнить хотя бы о важнейших вехах, которые им предшествовали, подготавливая почву для будущих перемен, и которые ознаменовали собой свержение тоталитарных и авторитарных коммунистических режимов в Европе. Имею в виду череду таких исторических событий как берлинское восстание 1953 г., выступление польских рабочих 1956 г., венгерские массовые митинги солидарности с ними студентов и рабочих, которые переросли в революцию 1956 г. и действительно потрясли мир, венгерские реформы 1968 г. с элементами рыночного

механизма, попытки чехословацких реформаторов, которые вылились в «пражскую весну». Все эти протесты, попытки и начинания являлись выражением недовольства существовавшими режимами, выражали жажду перемен, но тогда еще не ставили прямую задачу смены политического строя. Они были направлены на его частичную модернизацию с верой в возможность создания демократического социализма с человеческим лицом. И хотя те попытки поляков, венгров, чехов и словаков изменить что-нибудь в системе закончились поражением, без этих подготовительных исторических предпосылок, так или иначе оставивших свой глубокий след в исторической памяти народов, был бы немислим тот самый революционного значения прорыв, который имел место в 1989 г. в странах региона. В промежутке между этими событиями был период затишья, регион на время оказался в состоянии выжидания, которое характеризовалось застойными явлениями. Но Польшу по ряду объективных экономических обстоятельств перманентно «трясли» забастовки и митинги, в этой стране — единственной в регионе сформировалась и выросла единая и мощная оппозиционная сила в лице движения «Солидарность»; в Венгрии же имела место только новая попытка некоторых внутрипартийных групп оживить реформу 1968 г., но она в начале 1970-х гг. не увенчалась успехом, и состояние страны к середине 1980-х гг. оценивалось как застой. Другие страны под властью своих «хозяев» также молчаливо приспособились к существовавшим условиям и, смиренно соблюдая установленные порядки выживания, строили «развитой социализм». Лишь недовольные таким положением оппозиционные элементы и группы пытались организовать либо, как чехословацкие диссиденты, искали себе убежище в странах Запада.

Между тем такое застойное состояние приводило к брожению умов не только в оппозиционных кругах, но и в партийной среде, что собственно и вызывало среди относительно узкой, но настроенной на неизбежные перемены группы партийных деятелей, определенную симпатию к зародившимся оппозиционным движениям и организациям. Поэтому следует отметить, что, напоминая об исторических предпосылках, анализируя зарождение оппозиционных сил, совершенные ими демократические прорывы, их последующую роль в трансформационных процессах, нельзя забывать еще об одном, на наш взгляд весьма существенном факторе, без которого был бы невозможен как демократический прорыв 1989 г., так и последующие сдвиги к демократии. Речь идет о роли и реальном вкладе отдельных значимых и демократически настроенных представителей правящих компартий в развитие процесса демократизации стран. Без их

содействия (особенно на первом этапе) вряд ли могло бы произойти становление и укрепление альтернативных оппозиционных сил. Их согласие и поддержка, в крайнем случае — уступчивость и готовность к переменам, согласие на диалог с представителями оппозиции так или иначе обеспечивали возможность прорыва к демократии, и не только в ВНР и Польше.

В руководящих эшелонах партийной власти Венгрии такие просвещенные представители вполне определенно присутствовали, в несколько меньшей степени — и в польских. И хотя эти силы были относительно малочисленны, их отдельные представители, далеко не безразличные к развернувшимся в стране политическим процессам, стремившиеся к реформам и переменам, осознавшие необходимость демократизации всей общественной жизни, сознательно поддерживали и помогали возрождению ячеек гражданского общества, а также становлению демократической многопартийности. По сути, они и стали впоследствии инициаторами встреч и основными партнерами по проведению диалога с деятелями оппозиции в формате «круглого стола», где обговаривались и согласовывались конкретные шаги и действия, обеспечившие мирные условия перехода к плюралистической демократии в 1989 г. Наряду с ними важную посредническую роль в налаживании диалога и проведении работы «круглого стола» в ПНР играла католическая церковь.

В Венгрии первые заметные столкновения между ретроградными силами и сторонниками неизбежных перемен во всей общественно-политической жизни произошло именно внутри правящей партии еще в 1987–1988 гг., что и позволило проявиться и окрепнуть силам новой, внепартийной демократической оппозиции. Здесь нельзя не отметить особую роль руководителя Отечественного Народного фронта, члена партийного руководства И. Пожгаи, который помогал становлению и опекал новые общественные организации, видя в них зачатки зарождавшегося гражданского общества Венгрии, и сам стал последовательным сторонником замены, — пользуясь его же терминологией, — «диктаторского социализма» демократией политического плюрализма².

Внепартийные оппозиционные формирования, число которых стремительно росло, сначала лишь внимательно наблюдали за исходом борьбы между разными силами в Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), близко воспринимая явные успехи реформаторского крыла партии. Между стремившимися к обновлению реформаторами в рядах партии и гражданской оппозицией за его пределами лишь впоследствии образовался четкий водораздел.

Несколько иначе было в Польше, где силы гражданской оппозиции с самого начала были представлены единым и авторитетным в массах независимым профсоюзом «Солидарность». Эта организация показывала пример всем оппозиционным силам других стран. Она с конца августа 1980 г. завоевала право на легальное существование и на протяжении полутора лет функционировала в качестве свободной польской рабочей оппозиции. Именно присутствие «Солидарности» в польском обществе заставило реформаторов правящей ПОРП признать необходимость реформ и считаться с неизбежностью демократических перемен. Даже кардинальные меры (введение военного положения), принятые властями в декабре 1981 г., не смогли уничтожить эту могучую польскую оппозицию, она была лишь загнана в подполье, чтобы затем, когда власти убедились в неизбежности договариваться с ней ради нормализации ситуации в стране, им пришлось сесть за стол переговоров с ее представителями и приступить к выработке общих согласованных позиций перехода Польши к представительской демократии.

В Венгрии же, где внутривластная и социально-экономическая ситуация существенно отличалась от польской (не было забастовок и нехватки продуктов питания, товаров в магазины было достаточно, но существовал значительный внешний долг, что также сказывалось на положении в стране), оппозиционное движение, хотя и рано заявило о себе, развивалось, как нами уже было показано, несколько другим путем, т. е. в виде отдельных, организационно разрозненных формирований. Так или иначе ко второй половине 1980-х гг. сложилась ситуация, когда в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы польская и венгерская партийные структуры были вынуждены раньше других правящих партий реагировать на вызовы времени. Им первым пришлось считаться с фактором присутствия в стране оппозиции, которая выступала с требованиями демократизации и плюрализации общественно-политической жизни, а в последствии ради этих целей заставила вести с ними долгие переговоры за «круглым столом».

С декабря 1987 г. эрозия режима затронула и саму правящую партию. В ВСРП происходили инициированные реформаторскими силами процессы, направленные на проведение существенных преобразований, как в партии, так и в стране. Его наиболее яркими представителями стали, — наряду с уже упомянутым и активно содействовавшим становлению ВДФ и возрождению гражданского общества в Венгрии, И. Пожгаи, — также некоторые другие партийные реформаторы, нацеленные на демократизацию общественного

устройства. Так, вокруг бывшего «отца» венгерской экономической реформы 1968 г. Режё Нерша, в правящей партии образовалась платформа сторонников продолжения реформы, члены которой в марте 1988 г. создали внутрипартийную лево-демократическую коалицию социал-демократического толка под названием *Новый мартовский фронт* (НМФ), за что лидеру этого движения так же, как и Пожгаи, было вынесено официальное партийное порицание³. Однако попытка противников реформ остановить проведение назревших перемен в условиях углублявшегося кризиса не увенчалась успехом. Партийные консерваторы, надеявшиеся на отстранение М. С. Горбачева от власти в СССР, не дождались своего, но стали свидетелями явного падения престижа правящей ВСРП (участились случаи выхода из партии членов: только с 1985 г. покинуло ее ряды около 8 %, что стало явным показателем внутрипартийного кризиса). Ситуация заставила руководство правящей партии обратиться к решительным мерам по спасению престижа ВСРП.

В мае 1988 г. партконференция, обсудив положение в партии и стране, пришла к выводу о неотложности всесторонних реформ. Был осуществлен своеобразный «дворцовый переворот», в ходе которого Я. Кадара перевели на символический пост председателя партии и сменили больше половины членов ЦК. Причем впервые без предварительного согласования с Москвой, был избран новый генсек партии — Карой Грос, который сохранил за собой также пост премьер-министра страны. Такая концентрация власти позволила «младореформаторам» укрепить свои позиции. В состав Политбюро вошли такие убежденные реформаторы, сторонники коренных перемен как Р. Нерш, И. Пожгаи, а также молодой экономист-технократ Миклош Немет, который 24 ноября 1988 г. возглавил новое венгерское правительство. Они вместе с руководителем международного отдела ЦК ВСРП, бывшим послом ВНР в СССР Матяшем Сюрёш сыграли важную роль также в обеспечении последующих процессов перехода Венгрии к парламентской демократии.

В новых условиях К. Гросс, вначале динамичный и амбициозный, стал, однако, стремительно терять влияние в партии и массах (сказались его «товарищеские поцелуи» 28 августа с Н. Чаушеску в г. Ораде, неумение защитить интересы крупного венгерского меньшинства в Трансильвании от поползновений румынского диктатора осуществить «урегулирование», т. е. снесение извечных венгерских населенных пунктов в том регионе, что грозило этническим геноцидом для тамошнего населения, да и последующие ошибки генсека партии и угрозы о наступлении «хаоса» и «белого террора»). В руководстве

ВСРП не было единого мнения относительно решения ключевых проблем актуальной политики, конкретных путей дальнейшего развития, а тем более темпов, методов и этапов процесса реальной демократизации страны.

Если ранее водораздел между сторонниками сохранения прежнего режима в неизменном виде и представителями частичной «модернизации социализма» путем реформ, с одной стороны, и силами, жаждавшими стремительного и кардинального продвижения к демократии — с другой, в равной степени проходил внутри самой ВСРП, то с самого начала 1989 г. эта линия раскола четко переместилась вовне, стала водоразделом между ВСРП и внепартийными оппозиционными движениями. А это стало свидетельством *возросшей роли внепартийной оппозиции*. Чтобы подобное могло произойти потребовалось самое активное содействие тех самых партийных реформаторов, которые поддерживали альтернативные формирования и сыграли на руку силам внепартийной оппозиции в интересах общей демократизации жизни Венгрии.

Важным толчком процесса подлинной демократизации в самой ВСРП, безусловно, стало обнародование 28 января 1989 г. И. Пожгаи выводов специальной исторической подкомиссии ЦК ВСРП о коренной переоценке событий 1956 г.: отказ от концепции прежней «контрреволюции» и признание «будапештской осени» «народным восстанием»⁴. Заявление Пожгаи о новой оценке событий осени 1956 г. сыграло роль *катализатора* всех дальнейших процессов продвижения Венгрии к реальной демократии. Переоценка фактически стала началом конца как для государственной партии, так и для партийного государства. Она лишила легитимности ВСРП и прежнюю власть Я. Кадара. Чтобы избежать раскола в рядах партии, ЦК ВСРП был вынужден пойти на уступки, официально подтвердив 11 февраля 1989 г. свою готовность порвать с традицией однопартийности.

Основные оппозиционные организации Венгрии, не имея единой организационной структуры для проведения переговоров с правящей партией и ее официальными общественными организациями, которые также теряли свое влияние в массах, решили заключить между собой временный союз и сначала провели свой оппозиционный «круглый стол», где согласовали взгляды, задачи и предстоящие действия на будущих переговорах с партийной властью. Затем на начавшихся весной и завершившихся в начале сентября 1989 г. переговорах большого «Национального Круглого стола» (НКС) с представителями официальных партийных властей и их общественных организаций провели совместное обсуждение самих важных и актуальных

вопросов, связанных с условиями перехода страны к парламентской демократии, вырабатывали общие согласованные позиции демократического переустройства Венгрии, которые были приняты и утверждены еще старым парламентом и подлежали исполнению. Соглашение сторон были закреплены в соответствующем итоговом документе НКС.

При наличии некоторых схожих черт, предшествовавших подготовке работы венгерского и польского «круглого стола», их результаты несколько различались. Прежде всего это выражалось в том, что венгерские оппозиционные силы уже не удовлетворились простым выделением для них определенной части (процентов) мест в парламенте страны, т. е. частичным участием в законодательной власти, а добились проведения *полностью свободных демократических выборов* в этот высший государственный орган представительный власти на многопартийной основе. Они настаивали на том, чтобы избиратели — согласно парламентской системе республиканского правления — сами решали какой из политических партий доверят руководство страной. В соответствии с договоренностями НКС для проведения первых свободных парламентских выборов действующие исполнительные структуры власти должны были обеспечить соответствующие условия. Конституционные и прочие законодательные основы для этого и для обеспечения плавного политического перехода к парламентской демократии были заложены еще старым составом Государственного собрания ВНР, после чего этот орган 21 декабря 1989 г. заявил о своем самороспуске. Новые выборы в парламент с участием всех политических сил были назначены на 25 марта 1990 г.

В переходных условиях высшую государственную власть олицетворял временный президент ВНР в лице М. Сюрёша. А исполнительная власть, ответственная за соблюдение необходимых условий для проведения новых парламентских выборов и перехода страны к постсоциалистическим условиям, обеспечивало последнее коммунистическое правительство М. Немета (24 ноября 1988 г. — 22 мая 1990 г.), которое вышло из-под партийного подчинения и становилось самостоятельным фактором венгерской политической жизни. Этому правительству принадлежала важная роль не только в деле обеспечения общественного порядка, сохранения гражданского мира, но и в подготовке к утверждению в Государственном собрании ряд ключевых законопроектов, регулировавших условия переходного периода. Это правительство представило в парламент закон о свободе собраний и объединений, закон о праве на образование политических партий, устранивший юридические препятствия для становления реальной

многopартийности; в этом составе оно управляло страной вплоть до передачи своих функций новому правительству, утвержденному парламентом, избранным уже демократическим путем. Деятельность правительства М. Немета была также отмечена принятием ряда самостоятельных нестандартных решений и действий (предоставление румынским беженцам убежища, пропуск восточногерманских туристов в Австрию во время «паневропейского пикника», выезд из страны в ФРГ десятков тысяч граждан ГДР, обращение к советскому руководству о выходе страны из ОВД и о выводе советских войск, подача ходатайства о вступлении Венгрии в ЕС).

Конечно действиям переходного правительства Венгрии, как и ранее активным поступкам венгерских партийных реформаторов и укреплению оппозиционных движений и партий, безусловно, благоприятствовала международная обстановка, особенно ситуация в Польше и перестройка в СССР, которые служили также хорошим фоном и питательной средой для осуществления перемен и соответствующих трансформаций в политической сфере. Венгрия — на сей раз не так как в 1956 г. — была уже не одинока, да к тому же советское руководство во главе с М. С. Горбачевым воспринимало происходившее в регионе как подражание перестройке, не вмешиваясь и не препятствуя этим процессам. Так или иначе Москва, возможно, того не осознавая, сама способствовала разрыванию подлинно демократических, в конечном счете антикоммунистических, преобразований, становясь в какой то мере даже гарантом их проведения.

Весенняя избирательная кампания 1990 г. несколько обострила противоречия между партиями в Венгрии и проходила в острой политической борьбе, в которой наиболее спокойной и выдержанной политической силой оказался ВДФ. Ярыми антикоммунистическими выступлениями выделялся ССД, к которому примкнул Фидес. Прошедшие в два тура парламентские выборы принесли наиболее весомые результаты ВДФ, второе место избиратели отдали ССД, а на третьем оказалась НПМХ. Бывшая правящая партия страны (ВСРП) накануне провела свой последний съезд, на котором отказалась от коммунистической идеологии и, заявив о своей приверженности идеям социал-демократии и многopартийной парламентской системе, преобразовалась в *Венгерскую социалистическую партию* (ВСП). Участвуя в выборах, партия-наследница сумела собрать всего 8,5 % голосов избирателей.

В результате этих первых свободных демократических выборов в Венгрии утвердилась парламентская система республиканского правления и тут же развернулись процессы трансформации всей

политической системы. Парламент избрал средне-сильного президента страны в лице писателя Арпада Гёнца (от ССД). Лидеру же победившей на выборах партии *Венгерский Демократический форум*, Йожефу Анталлу, было поручено формирование первого демократического правительства новой исторической эпохи. Новый премьер-министр получил почти канцлерские полномочия, которые помогали ему успешно проводить в жизнь демократические преобразования. Образованное им правительство стало коалиционным, что позволило Анталлу гладко провести через парламент законы, для которых требовалось парламентское большинство ($\frac{3}{4}$ голосов депутатского корпуса). Коалиционными партнерами ВДФ стали такие парламентские партии как НПМХ и ХДНП, и их представители вошли в состав нового правительства.

Правительство вместе с демократически избранным парламентом сразу же предприняло ряд конкретных действий, направленных на преобразование государственно-политического строя страны, на совершенствование законодательной базы в интересах осуществления последующих преобразований. Среди этих мер первоочередными оказались утверждение парламентом модифицированного варианта Конституции Венгерской Республики, принятие серии важных законов, направленных на совершенствование структуры государственного управления, на изменение местных органов власти, трансформирующие в целом политическую сферу. В Венгрии тогда не было политической силы, которая выступала бы против реализации намеченных правительством целей и задач. Все политические партии парламента поддержали и с надеждой воспринимали демократические преобразования в системе управления, развернувшуюся мирную смену общественного строя и системы. Бывшие партнеры ВДФ по «круглому столу» — ССД и Фидес (не подписавшие его итоговый документ НКС, чтобы получить свободу рук на парламентских выборах), — да и ВСП, стали в новых политических условиях оппозиционными партиями, однако все они без исключения поддержали курс правительства Й. Анталла на коренную перестройку политической системы и демократизацию общественно-политической жизни страны.

Правда, следует отметить, что оппозиция не столь однозначно отнеслась к начатым правительством преобразованиям в сфере экономических отношений, где наряду с принципиальным признанием необходимости перехода страны к системе частного предпринимательства, а следовательно, и приватизации части государственной собственности, у каждой партии были свои специфические интере-

сы и замыслы. В этом направлении преобразований у правительства Й. Анталла появилось немало оппонентов. Они критиковали его как справа, так и слева. Радикальные либералы из ССД, в частности, были недовольны низкими темпами приватизации и вообще с самого начала утверждали, что лишь они способны и доподлинно знают, как следует проводить приватизацию, как надо осуществить стремительную коренную перестройку экономических, а в целом и всей системы общественных отношений. Несмотря на это, первое демократическое правительство — по крайней мере в первые три года своей деятельности — проводило свою неспешную и умеренную политику в области приватизации и утверждения рыночной системы в экономике.

Следует отметить, что если в сфере экономики правительство прибегало к использованию знаний и опыта отдельных специалистов прежнего режима, то в государственно-политической области не воспользовалось услугами даже таких бывших убежденных реформаторов демократического толка прежней эпохи как И. Пожгаи, М. Сюрёш, М. Немет, Д. Хорн, которые немало сделали для успешного продвижения страны по пути к плюралистической демократии.

Это правительство, которое после кончины Анталла возглавил Петер Борошш, за четыре года первого парламентского цикла (1990–1994) сумело заложить прочный фундамент политической демократии, начать под строгим контролем оппозиционных партий приватизацию госсобственности, создать основы рыночной экономики Венгрии и добиться весьма ощутимых успехов в смене системы. Для последующих правительств в этих сферах оставалось еще немало нерешенных задач. А суть системных преобразований состояла в том, чтобы совершить переход от исключительной роли госсобственности к доминирующей роли частной, от бюрократического централизма к регулирующей роли рынка, от исключительного господства марксистско-ленинской (коммунистической) идеологии к многопартийной политической демократии. При всем этом основной ценностью должна была стать демократия, против которой в новых условиях не возражала уже ни одна серьезная политическая сила страны, а также создание гражданского общества.

Прежде чем достичь на этом пути намеченного основного результата — прорыва к демократии, так или иначе имевший революционное значение для народов Центральной и Юго-Восточной Европы, между странами региона, как было сказано, имело место определенное временное несовпадение, асинхронность в развитии событий. Прорыв осуществлялся по вполне определенной последовательности и в разных формах, разными темпами. Со временем эти различия

между странами в становлении и утверждении демократии к весне 1990 г. постепенно нивелировались: практически повсеместно прошли парламентские выборы на многопартийной основе, после которых и реализовались основные задачи демократического переустройства государственной и всей общественно-политической жизни. Для их осуществления принимались новые конституции, создавалась соответствующая законодательная база. Несколько иначе, гораздо медленнее происходило утверждение новых экономических отношений, что нередко приводило к затянувшейся во времени и далеко не всегда регулируемой законами и достаточно контролируемой государством приватизации, к неупорядоченному становлению частной собственности. Эти изменения в сфере отношений собственности местами сопровождалась отдельными элементами проявления всеислия свободного рынка и нередко вызывали шок и социальные потрясения у населения. В целом нельзя не отметить, что экономические и общественные трансформации в постсоциалистическом регионе Европы занимали гораздо больше времени, чем преобразования политической структуры. Иными словами, утверждение частной собственности и становление гражданского общества оказались задачей более сложной и растянутой во времени в каждой из стран региона.

В Венгрии до проведения нашей конференции имело место пять парламентских циклов. Вслед за первым четырехлетним правлением в стране первого же некоммунистического правительства (Й. Анталла — П. Борошша), прошедшем без политических потрясений и правительственных кризисов — в полном соответствии с демократическими принципами, было проведено еще несколько парламентских выборов, и у руля правления страной сменили друг друга еще пять других правительств. Четыре из них возглавляли социалисты — Дюла Хорн (1994–1998), Петер Меддеш (2002–2004), Ференц Дюрчань (2004–2006) и его же последний, второй кабинет с 2006 г., а одно правительство возглавлял представитель консервативной гражданской партии (Фидес) Виктор Орбан (1998–2002). Все они доказали свою приверженность принципам демократии, политической многопартийности и утвердившихся после первых же парламентских выборов основ государственного строя и общественно-политической системы. Сам факт сменяемости и чередования у власти победивших на парламентских выборах политических сил явился важным показателем, подтверждавшим успешное функционирование в Венгрии политической демократии. К сожалению, это далеко не всегда можно сказать о процессах экономических и общественных преобразований, осуществлявшихся в истекшее двадцатилетие.

С завершением первого парламентского цикла к власти в стране пришли левые силы, о месте и роли которых в трансформационном процессе следует сказать особо. Получившие ничтожно мало голосов на первых демократических выборах, социалисты (посткоммунисты) в новых, изменившихся политических условиях сумели быстро реанимироваться и восстановить свой потенциал. Отказавшись от коммунистической идеологии и взяв на вооружение ценности традиционной европейской социал-демократии, они под руководством Р. Нерша, а затем Д. Хорна существенно окрепли за четыре года реальной политической демократии.

ВСП превратилась в серьезную оппозиционную силу и подготовилась к очередным парламентским выборам. В результате к 1994 г. эта партия не только ожила, но, имея ряд преимуществ (в частности опыт, приобретенный ее ведущими представителями ранее, общественные связи и навыки управления) по сравнению с другими, в основном новыми политическими силами, она могла не только рассчитывать на успех, но, признав и приняв условия нового демократического правления, сумела сохранить также имидж левой, социально ориентированной политической партии (хотя в последнее время ее некоторые деятели переживают процесс явного перерождения). Отмеченные факторы в комплексе и позволили социалистам на выборах 1994 г., как и несколько лет спустя, завоевать поддержку, особенно у той, тогда еще преобладавшей части населения страны, которая, хотя и с надеждой принимала демократические преобразования и терпеливо наблюдала за становлением неоконсервативных порядков в ожидании улучшения своего положения, все же была подвергнута серьезным социальным испытаниям, которые усиливались в последние годы.

В сложившихся условиях социалистам на парламентских выборах, безусловно, помогли и неизбежные колебания «маятника» политических симпатий. В результате уже в 1994 г. ВСП не просто оказалась среди прошедших в парламент шести партий, но получила 54,6 % депутатских мандатов, что свидетельствовало об ее явном успехе. Здесь, однако, нельзя не обратить внимания на одно важное обстоятельство, которое в дальнейшем во многом определило перспективу развития, а, возможно, даже судьбу самой социалистической партии. Рассчитывая на укрепление своих позиций в парламенте, партийное руководство совершило неожиданный шаг: оно решило привлечь в союзники, а следовательно, и приобщить к исполнительной власти своих бывших и в прежние времена наиболее громогласных оппонентов, можно сказать даже ярых противников — либералов ССД, которые уже успели растерять немало своих сторонников, получив на выборах на

сей раз всего 18 % голосов избирателей. Либералы еще так не давно громогласно критиковали ВСП с антикоммунистических позиций, а теперь стали постоянными коалиционными партнерами социалистов в любом их правительстве вплоть до наших дней.

Внимательный наблюдатель современных политических процессов Венгрии не мог не заметить, что либералы ССД, среди которых действительно было несколько известных интеллектуалов, способных политологов и журналистов, годами методично внушали обществу, в том числе, социалистам, что именно они являются той силой, которая лучше всех знает, как следует «делать демократию», как надо строить либеральный неокapитализм. Нельзя не отметить также, что привлечение либералов в правящую коалицию с удовлетворением было воспринято и со стороны правоцентристских политических сил, полагавших, что в результате посткоммунисты окажутся под должным контролем, что удержит их от возможных попыток возвращения к старым порядкам, хотя такая опасность уже не была актуальной. Социал-либеральное правительство во главе с Дюла Хорном (бывший министр иностранных дел в правительстве М. Немета), который еще до вступления в должность заявил о своей приверженности, как и ВСП, к начатым демократическим преобразованиям и рыночной экономике.

Либеральное крыло правительства ВСП со временем под видом различных неотложных реформ, далеко не без воздействия со стороны МВФ, пыталось усилить свое влияние на политику социалистической партии. Эти действия (на начальном этапе в виде попыток министра финансов Л. Бекеша и пакета реформ Л. Бокроша) грозили определенным урезанием социальных прав и завоеваний венгерских трудящихся, и поскольку они могли вызвать острое недовольство, социальные конфликты и потрясения⁵, социалист Д. Хорн, который поначалу еще пытался достичь согласия с либералами, впоследствии был вынужден приостановить тогдашние попытки реформ, так как они противоречили предвыборным социально-ориентированным обещаниям социалистов о поддержке нуждающихся.

Спустя последующие четыре года правления консервативных сил (1998–2002), несколько поправивших финансово-экономическое положение страны и поддержавших процесс становления среднего класса, к власти снова вернулись социалисты. Тогда (в 2002 г.) ВСП пригласила в премьер-министры очередного правительства беспартийного экономиста П. Меддеша, который серьезно отнесся к предвыборным обещаниям социалистов в сфере социальной политики и поэтому, не успев сколько-нибудь поправить положение в экономике

и не выдержав давления на правящую коалицию со стороны критиков, спустя два года сам подал в отставку.

Начиная, однако, с 2004 г., когда на смену Меддешу на посту главы социал-либерального правительства пришел его бывший министр по делам молодежи и спорта, Ф. Дюрчань, — он успел в условиях перехода стать одним из богатых предпринимателей страны, — отмеченные выше и отвергнутые либо отложенные прежними главами правительств весьма болезненные для населения проекты «реформирования» вместе с новыми, предложенными либералами, уже становились органической частью и реальными попытками политического курса его кабинета. За все последующие семь лет правления этой амбициозной и не лишенной черт «вождизма» политической фигуры Венгрии по сути проводилась не социалистическая, а либеральная политика. В этой связи вполне закономерен вопрос, как могла оказаться ВСП, именующая себя левой, социально ориентированной партией, в ситуации, когда ее новая политическая элита и правящая верхушка во главе с Дюрчанем, сумевшим убедить все партийное руководство в своей важности и незаменимости, не просто пренебрегло своими предвыборными обещаниями, а подвергло население страны весьма серьезным социальным испытаниям? Кроме того, годы правления этого премьер-министра и лидера ВСП прошли в постоянных «оглядках» на любые замечания и критические высказывания его главного оппонента, Виктора Орбана, руководителя основной право-консервативной оппозиции (Фидес — Гражданская партия), которая, со своей стороны успешно воспользовалась ситуацией и, наоборот, выступила в роли защитника социальных прав трудящихся и национальных интересов венгров в самой стране и за ее рубежами, т. е. в сферах, которыми полностью пренебрегла правящая социал-либеральная коалиция.

Поэтому и сегодня, спустя два десятилетия после политических революций 1989 г., нельзя удивляться тому, что в Венгрии — а это находит широкое отражение в венгерской печати, включая «Непсабадшаг», — многие задаются вопросом: что же произошла с социалистической партией, престиж которой в глазах населения в последние годы так резко упал? В этой связи, наряду с уже отмеченными обстоятельствами, здесь нельзя не обратить внимания и на следующие важные факторы, способствовавшие появлению такой ситуации. Они также связаны с авторитарными устремлениями и позициями Дюрчаня как политика в самой ВСП в качестве ее лидера, так и на посту премьер-министра страны. Одна из причин, несомненно, состоит в его позиции, которую он занял в декабре 2004 г. когда по инициативе

Всемирного союза венгров в стране проводился референдум по одному из вопросов, связанных с возможностью предоставления зарубежным венграм двойного гражданства, — вопроса имеющего, по сути, не столько практическое, сколько морально-оценочное значение для подтверждения духовного единства всей венгерской нации как единого организма, целостной историко-культурной и этнической общности, искусственно разделенной, как известно, по разным странам. Ныне уже экс-премьер Ф. Дюрчань в то время настойчиво и страстно призывал граждан Венгрии голосовать против вынесенного на референдум вопроса, пугая их неудержимым потоком зарубежных венгров в страну, а, исходя из этого, и социальными проблемами. Позиция и блокирующий подход к этой проблеме главы социал-либерального правительства вызвала шок среди венгров и свидетельствовала об отсутствии у руководства ВСП продуманной национальной политики и стратегии по венгерскому вопросу. Это и еще одно, неожиданно раскрывшееся обстоятельство морально-этического характера, не могли не сказаться отрицательно на имидже всей правящей партии. Дело в том, что осенью 2006 г. благодаря телевидению народ Венгрии из уст самого Дюрчаня, произнесенных им на закрытом партийном совещании, узнал о долго скрываемых им от общественности сложных проблемах реального состояния экономики страны, которые явно противоречили его публичным высказываниям и предвыборным обещаниям. Все это вызвало тогда бурю возмущений, месяцами продолжавшиеся массовые митинги и требования его ухода с поста премьер-министра. Он был вынужден оправдываться, но сложить свои почти канцлерские полномочия премьер-министра, которые позволяли ему, несмотря ни на что, удержаться у власти, он и не собирался. А в самом руководстве ВСП добился даже расширения своих полномочий, убедив этот орган в своей полезности и незаменимости. Его упорство как авторитарной личности, державшейся за власть до последнего, позволили Дюрчаню — вопреки массовому недовольству и протестам из партийных рядов — удержаться на своих постах вплоть до конца осени 2009 г. Признание своих ошибок или своевременный уход еще в 2006 г., видимо, могли бы смягчить масштаб того ущерба, который был нанесен им имиджу левых сил. Так или иначе в падении авторитета, влияния и популярности ВСП, в потере ею поддержки со стороны населения, несомненно, присутствует вклад этого партийного лидера — премьера.

Конечно, другое дело, что все это происходило в условиях, когда левые силы и идеи переживают глобального масштаба кризис, вызванный прежде всего распадом СССР, вследствие чего левые во всем мире

лишились своей основной опоры и испытывают значительные трудности. Смена общественно-политического строя, системные преобразования последующих лет в восточной половине Европы, к которым левые также приложили свои силы, в итоге отразились и на них. Вместе с тем они также менялись, приспособляясь к условиям парламентской демократии и рыночной экономике. Следует, однако, отметить, что при этом в глазах населения Центральной и Юго-Восточной Европы девальвировались не столько традиционные левые идеи и ценности, сколько сама политика отдельных деятелей левых политических партий. И причиной тому стало то, что они, как в Венгрии, оказались в плену обесценившихся на сегодня либеральных представлений и забыли, какие социальные интересы призваны защищать.

Венгерская социалистическая партия, которая за истекшее со времени демократического поворота 20-летие находилась у власти в общей сложности 12 лет, пребывая у руля управления государством, безусловно, внесла свой вклад в трансформационные процессы. При этом, однако, в экономической и социальной сфере, как и другие управлявшие страной партии, не всегда могла избежать просчетов и ошибок. Как отмечалось, предпринятая в последнее время отдельными лидерами ВСП попытка интеграции левых и либеральных принципов сослужила им далеко не полезную службу, толкая социалистов на совершение ряд серьезнейших просчетов и ошибок в их деятельности. В результате страна и партия социалистов оказались в весьма тяжелом положении, причем последней явно предстоит считаться с потерей своего влияния в массах и снижением уровня ее поддержки на очередных парламентских выборах. И ответственность за это во многом лежит лично на Ф. Дюрчане и политике его коалиционного правительства, которые еще задолго до разразившегося мирового финансового кризиса, по сути, уже в большей степени представляли интересы класса предпринимателей, нежели левые («социалистические») интересы⁶. Обещая осуществить необходимую модернизацию страны и вывести партию из кризиса, Дюрчань на деле больше внимания уделял своим карьерным делам, чем декларированной социалистами защите жизненных интересов беднейших слоев населения. И это не удивительно, ведь занимая в последнее время не только пост главы правительства, но и лидера партии, он, судя по материалам печати, не только ратовал за объединение либерализма и консерватизма с левой идеологией, но пытался соединить их и на практике. Вместо традиционной социал-демократической направленности его идеалом становилось создание «буржуазного левого центра». Стремясь к этому, он не только опирался на карликовую партию либералов, узкую

группу чисто урбанистической интеллигенции, но и навязывал свою линию самой партии, которая в результате уже оказалась доведенной почти до состояния распада.

Если можно верить оценкам, опубликованным в газете «Непсабашаг» еще накануне нашей конференции, при Дюрчане ВСП «превратилась в партию деловых людей <...> стала выразителем необуржуазных слоев»⁷, и собственно это было признано им на недавно прошедшем съезде партии. Если утверждения о ней как «центристской буржуазной партии деловых людей» несколько и преувеличены, то вряд ли можно сомневаться в справедливости общей характеристики ситуации, которая была изложена в подвальной статье известного венгерского ученого социолога Эржебета Салаи 3 октября 2009 г. на страницах той же газеты. Она, в частности, писала: «Система, зародившаяся при смене строя, оказалась на деле не способной выполнить обещания элит, совершивших преобразования. Инициаторы трансформаций обещали социальную рыночную экономику, но вместо этого мы сегодня видим, что почти две трети общества живет ниже уровня жизненного минимума... Они обещали демократию и свободы, но вместо этого политические партии не предоставляют подлинных возможностей избирателям»⁸. К этому следует добавить, что в стране налицо также глубокий кризис недоверия к партиям, который на сегодня больше охватил левые силы, оказавшиеся перед серьезным выбором.

Падение престижа правящей социалистической партии, что произошло вследствие рассмотренных выше причин, явно приведет к лишению ее прежнего уровня народной поддержки на предстоящих весной 2010 г. новых парламентских выборах. По всем показателям «маятник» политических симпатий в Венгрии склонится в сторону консервативной правоцентристской политической силы Фидес — Гражданская партия, которая с 2002 г. находится в оппозиции и заявляет о своей приверженности защите социальных и национальных интересов населения страны*.

В заключение еще раз следует отметить, что в правящих кругах Венгрии с 2006 г. произошла резкая переоценка основных ценностей, которая и привела к соответствующим изменениям структуры

* На парламентских выборах в Венгрии, состоявшихся в два тура в апреле — мае 2010 г. ВСП заняла второе место пропустив вперед коалицию Фидес—ХДНП, победившую с серьезным преимуществом. Третье место заняла националистическая партия Йоббик (Партия за лучшую Венгрию) (прим. ред.).

политических симпатий населения. На практике это означает, что обесцененные правящей социал-либеральной коалицией традиционные левые устремления, в отличие от отвергнутых ею национальных ценностей, на предстоящем этапе нового парламентского цикла по всем признакам не встретят в массах соответствующей поддержки. Этот уже сегодня заметный сдвиг в общественном сознании на практике действует в сторону поддержки правоцентристских консервативных сил страны и закономерно приводит к новому соответствующему переструктурированию всей политической сферы Венгрии.

Примечания

¹ Подробнее см.: Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 83–84.

² Pozsgay Imre. 1989. Politikus-pálya a pártállamban és rendszerváltásban. Budapest. 1993. 77. o.

³ Там же. С. 21.

⁴ Társadalmi Szemle. 1989. Különszám. 1–80.o.

⁵ Подробнее см.: Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995, С. 70–89.

⁶ Népszabadság. 2009. augusztus 10.

⁷ Népszabadság. 2009. szeptember 26.

⁸ Népszabadság. 2009. október 3.

ВЕНГРИЯ: 20 ЛЕТ ПОСЛЕ «СМЕНЫ СИСТЕМЫ». ПОЧЕМУ БОЛЬШИНСТВО ВЕНГРОВ НЕДОВОЛЬНО КАПИТАЛИЗМОМ?

Ф. Е. Лукьянов
(Россия)

В период правления Я. Кадара венгерскую форму удовлетворения материальных потребностей нередко именовали «гуляшным социализмом», а саму Венгрию за относительно либеральный политико-государственный режим — самым веселым баракком соцлагеря. Сегодня, спустя 20 лет после «смены системы», отказа от «развитого социализма» и начала строительства развитого капитализма, эту страну, по всем опросам общественного мнения, вполне можно считать одним из самых грустных «бараков» лагеря капиталистического. Большинство венгров, как оказалось, недовольно результатами перемен последних двух десятилетий. Не много радости принесло даже вступление в ЕС, пятилетие которого отметили совсем недавно.

Рождество с грустинкой

...Площадь Вёрёшмарти, что в самом центре Будапешта, по традиции, — самый центр рождественских гуляний в венгерской столице. Здесь главная рождественская елка и главная рождественская тусовка, обычно шумный разноликий базар, привлекающие толпы гуляющих и приезжих. Торгуют всем, чем только можно. Игрушки, книги, керамика ручной работы, традиционные венгерские вышивки и, конечно же, вино, которым так славится эта южная страна. Знаменитое Токайское, Балатонское, Эгерское. Для тех, кто хочет согреться, тут же — горячее вино с острыми горячими колбасками. «Шлягер» праздничной кухни — поджаристые «айсбаны» (свинные окорока) и колбаски на гриле. От желающих подкрепиться с морозца нет отбоя. Тут не только венгры, но и немцы, и вездесущие итальянцы, толпами приезжающие в дешевый для них Будапешт на Рождество и Новый Год.

Казалось бы, гуляй народ и веселись без забот. Но веселье какое-то в этом году выдалось не очень натуральное. В глазах продавцов

нет-нет да застынет грустинка, а веселость на лице то и дело переходит в озабоченность. Даже продавщица «сладкого золота» — Илона из города Мишкольца, что у границы со Словакией, привезшая на базар самый разнообразный медовый товар своей передвижной пасеки, жалуется, что дорогуший бензин съедает львиную долю прибыли от работы их пчел. Действительно, венгерские фермеры и крестьянские хозяйства сейчас просто стонут от таких цен. В себестоимости их продукции 30 % — цена солянки и бензина.

«У нашего хозяина передвижная пасека, — говорит симпатичная девушка. — Загружаем улы на прицеп к машине и возим в те места, где цветут те или иные растения. Передвигаться приходится немало, а бензин так нынче подорожал, что только успевай раскошелиться на заправку. Теперь будем требовать у правительства компенсации». Бензин и в самом деле дорожает в Венгрии стремительно, опережающими темпами. Цена уже перевалила за 1,2 евро за литр 95-го (это около 52 рублей), что уже дороже, чем в соседней богатой Австрии, и продолжает расти дальше. Только за первую неделю нового года дорожал уже дважды. Правительство в поисках дополнительных доходов бюджета закладывает в бензин все новые и новые налоги. Не успеваешь привыкать к ценам. Приезжаешь через пару дней на ту же самую заправку, а там за тот же литраж уже новые цифры выскакивают в окошке автомата.

Впрочем, с нового года по той же причине вслед за бензином подскочили цены на многое другое. Подорожал транспорт, электроэнергия, спиртное, сигареты. Прокатиться в будапештской подземке, на трамвае или автобусе теперь будет стоить приблизительно столько же, сколько и литр бензина. Те же 52 рубля в пересчете на русские деньги. Сигареты и крепкий алкоголь в Венгрии всегда были дороже, чем в России, а теперь этот разрыв еще больше увеличился. Пачка «Мальборо» или «Давидофф» теперь будет стоить около 4 долларов, то есть 120 рублей, бутылка водки или местной 40-градусной фруктовой водки палинки — от 7 долларов (210 рублей) за поллитровую бутылку. Так что в разгар экономического кризиса загрустить есть от чего не только местным жителям, но и приезжим гостям венгерской столицы...

Но это все цветочки, если вспомнить, что в минувшем году Венгрия пережила, пожалуй, самый серьезный кризис за всю посткоммунистическую эпоху. Достаточно сказать, что страна едва избежала дефолта по внешним заимствованиям и сохранила «плавучесть» своей экономики лишь благодаря «спасательному кругу» МВФ и Евросоюза на общую сумму 20 млрд евро.

В шаге от дефолта

С нынешним финансовым кризисом, прокатившемся асфальтовым катком по планете в 2009-м, Венгрия столкнулась еще в октябре 2008-го. До этого страна довольно долго весьма припеваючи жила в долг, каждый год финансируя немалый дефицит своего бюджета (до 10 %) за счет продажи (приватизации) госсобственности и внешних заимствований на международных финансовых рынках путем выпуска государственных ценных бумаг. Осенью 2008 г. впервые за 20 лет венгерские ценные бумаги даже с высоким уровнем дохода под 10 % годовых оказались никому не нужными. Свободных денег в мире отчего-то не стало.

К тому времени сумма госдолга десятиллионной страны достигла 100 млрд долларов! Это по 10 тыс. долларов на каждого жителя, включая младенцев и стариков-пенсионеров. При этом около 30 млрд предстояло погасить в ближайшие 6–8 месяцев, а валютных резервов страны набиралось только на половину этой суммы. В похожей ситуации оказалась не одна Венгрия. Тогда же с аналогичными проблемами столкнулись Исландия, Латвия, Польша, Украина, Греция, Испания, Пакистан...

Я думаю, весь драматизм ситуации в стране в те дни выразил премьер-министр Венгрии — Ференц Дюрчань, когда на октябрьском (2008 г.) саммите ЕС в Брюсселе, заручившись до этого поддержкой лидеров восточноевропейских стран, запросил у Старой Европы «Пакет солидарности» в 180 млрд долларов для поддержки экономики и финансового сектора союзнической Новой Европы. Призыв о помощи тогда ни в Брюсселе, ни в Берлине и Париже не услышали. Вернее, пропустили мимо ушей. Мол, и самим тяжело.

Тогда, не найдя поддержки у евросоюзников, страны Восточной Европы вынуждены были идти на поклон к МВФ. Условия кредита МВФ оказались настолько жесткими для Венгрии в социальном плане, что венгерское правительство во главе с премьером Ф. Дюрчанем, не решаясь брать на себя и на Венгерскую соцпартию ответственность за социальные издержки кредита, в полном составе подало в отставку. Бразды правления поручили «беспартийному» техническому кабинету министров во главе с «преемником» Дюрчаня на этом посту Гордоном Байнаи, который в кабинете своего бывшего шефа возглавлял министерство экономики и регионального развития. Случилось это в конце марта 2009 г., а уже 20 апреля новое правительство Байнаи принесло присягу в парламенте. Как заявил при вступлении в должность новый премьер-министр, «он пришел ровно на год», то есть до парла-

ментских выборов, которые состоятся в конце апреля — начале мая 2010 г., «пришел работать за символическую зарплату в 1 форинт и сделать все, чтобы решить первоочередные проблемы страны». Надо заметить, что новый венгерский премьер, как и его бывший шеф, — весьма состоятельный человек, пришел в правительство из бизнеса, и потому может позволить себе роскошь не получать зарплату.

С тех пор Венгрия решила проблему с оформлением кредита МВФ и Всемирного банка, который дополнил кредит Евросоюза на общую сумму в 20 млрд евро. Угроза дефолта миновала. Но страна, по словам известного венгерского экономиста, профессора Будапештского экономического университета Ласло Богара, заплатила за это большую цену. «Мало того, что общий госдолг Венгрии увеличился еще на 30 миллиардов долларов, которые когда-то все равно предстоит возвращать с процентами, — говорит профессор. — Дело в другом. За последние полгода Венгрия, можно сказать, пережила еще один курс “шоковой терапии”. Наподобие того, что уже проходила в начале суровых 90-х. Достаточно сказать, что объем ВВП в 2009-м упал на 7,1 %! Это почти в два раза больше, чем в среднем по ЕС, где на круг падение составило 3,5–4 %...» Правда, к словам профессора тут же хочется добавить, что несмотря ни на что это падение все же меньше, чем в России, где, невзирая на огромные золотовалютные запасы и резервы, спад ВВП, что удивительно, почему-то составил больше 8 %!

Кризисную картину венгерской экономики дополняет сокращение промышленного производства на 21 %, строительства на 30 %. Безработица в стране достигла рекордного уровня в 10 % трудоспособного населения и продолжает расти. Это означает, что без работы в 2010 г. должно оказаться около 600 тыс. венгров. Целая армия. Под давлением МВФ резко сокращены все социальные выплаты. Заморожены зарплаты бюджетников, через два года постепенно начнут повышать пенсионный возраст до 65 лет. Страна прощается с остатками социализма. В светлое прошлое постепенно уходят бесплатное образование и бесплатная медицина. Одна за другой закрываются «нерентабельные» больницы и школы. Только в 2010 г. по стране должно закрыться еще 50 лечебниц.

Население отвечает адекватно. Год 2009-й стал рекордным по количеству забастовок. Такое впечатление, что попеременно в стране перебастовали все: педагоги, медики, почтовики, транспортники, железнодорожники, госслужащие и даже полицейские. 2010 г. с первых месяцев тоже обещал быть жарким. Год только начался, а уже 12 января начали очередную забастовку транспортники Будапешта,

обслуживающий персонал международного аэропорта «Ферихедь» и водители междугородних автобусов. Из солидарности их обещают поддержать железнодорожники, авангард нынешнего рабочего движения. По новому коллективному договору, средняя зарплата транспортников Будапешта (по стране она составляет около 500 евро после вычета налогов) должна сократиться на 100 долларов. Руководство компании утверждает, что на большее довольствие денег просто нет, кредиты на это уже никто не дает.

Ради объективности картины, однако, надо заметить, что даже в условиях кризиса Венгрии, где нет ни особых запасов нефти и газа, ни лесов, ни залежей золота и алмазов, удалось сохранить почетное 3-е место по объему ВВП на душу населения среди бывших стран СЭВ (19 300 долл. на человека). Ее традиционно опережают лишь Словения (26 700 долл.) и Чехия (23 720 долл.). Для сравнения, Россия с ее 14 000 долл. на человека занимает в этом списке пока шестое место, пропуская вперед еще Эстонию, Словакию и Польшу.

Несмотря на кризис в 10-миллионной стране, хоть и с неизбежными потерями, но исправно работает и автомобильная промышленность (сборка автомобилей «Судзуки», «Ауди», «Опель», начато строительство завода «Мерседес-Бенц»), и сильная фармацевтика (всемирно известные заводы «Гедеон Рихтер», «Эгис», «Хиноин»), и довольно сильное сельское хозяйство (зерноводство, животноводство, птицеводство, виноградарство). Правда, в большинстве своем крупные венгерские компании, как и банки, уже давно не принадлежат венгерскому капиталу. В ходе приватизации, они либо были приватизированы иностранным капиталом, либо построены этим капиталом с нуля. Но это отдельный разговор.

Откуда венгерская грусть

О сегодняшних настроениях венгров весьма красноречиво говорит сцена в будапештской подземке, которую пришлось наблюдать в начале 2010 г. Изысканно одетая дама пенсионного возраста читает газету, очевидно, хронику политических новостей с ее чуть ли не ежедневными коррупционными скандалами и межпартийными дрязгами. Потом откладывает газету в сторону и грустно резюмирует прочитанное: «Партии разрушили страну...» Как это не покажется странным, но мнение мудрой старушки из метро разделяет сейчас большинство страны: 77 % опрошенных недавно венгров недовольны демократией в своей стране. Это самый высокий процент недовольных во всей Восточной Европе. Больше половины венгров считают,

что для страны важнее сильный лидер, а не демократичное правительство. Еще 72 % венгров (тоже больше, чем кто-либо в Восточной Европе) считают, что сейчас им живется хуже, чем... при коммунизме, с которым страна рассталась 20 лет тому назад! Если сюда же добавить, что спустя 20 лет после перехода к капитализму лишь 46 % венгров сегодня одобряет рыночную экономику (в 1991 г. таких было 80 %), то картина разочарований будет совсем полной. Эти данные опубликовал американский исследовательский центр им. Пью из Вашингтона, проводивший сравнительные опросы по всей Восточной Европе. Другие опросы показывают, что сейчас около 75 % венгров считают коммунистического лидера Я. Кадара лучшим руководителем в истории страны. Причем, цифра эта растет с каждым годом.

Как же так получилось, что самая реформаторская страна соцлагеря спустя двадцать лет после «смены системы» фактически оплакивает прежний режим, от которого в свое время стремилась избавиться? Почему такое разочарование в результатах реформ капиталистических? Посмотрим, что произошло за эти годы.

Когда в 1989–1991 гг. основная масса венгров высказывалась за рыночные реформы и «смену системы», все надеялись, что и так довольно сытая жизнь при «гуляш-коммунизме» станет еще сытнее и вольготнее. Далеко за примером для подражания ходить было не надо. Соседняя Австрия (от Будапешта до Вены каких-то 250 километров по первоклассной автостраде) еще с 1950–1960-х гг. манила венгров более зажиточной жизнью своих граждан. А ведь когда-то, до Первой мировой, это была одна страна — Австро-Венгрия, в которой и австрийское, и венгерское население жило довольно однородно. Резкий разрыв в уровне жизни произошел лишь после Второй мировой войны, когда Венгрия оказалась в соцлагере и скорее невольно, чем вольно, пошла по пути социальных экспериментов (национализация, коллективизация), а нейтральная Австрия сконцентрировалась на максимальном развитии своей экономики на традиционных капиталистических основах, правда, с сильным социальным уклоном.

Тогда, в начале 1990-х, венграм казалось, что стоит лишь разрушить «железный занавес» и пустить в страну иностранный капитал, вступить в НАТО и ЕС, как очень скоро все наладится, и жизненный уровень в двух частях бывшей империи сравняется. Иллюзии начали улетучиваться быстро. Сначала в 1991–1992 гг. рухнул рынок СЭВ, на который была завязана венгерская экономика. Произошел разрыв экономических связей со странами бывшего СССР, куда направлялась основная доля венгерского экспорта. Можно долго говорить и спорить о том, кто в этом виноват, но факт остается фактом. Только

из-за этого обвала Венгрия тогда потеряла около 25 % своего промышленного производства и ВВП. Примерно на столько же рухнул жизненный уровень населения. Чтобы избежать дальнейшего драматического спада, как это произошло в Польше и России, Венгрия выбрала политику искусственного поддержания жизненного уровня за счет продажи госсобственности, внешних заимствований и кредитов. Так фактически проедалось национальное достояние страны. Такая политика проводилась всеми ее правительствами независимо от их политической окраски (и левыми, и правыми) практически все 20 лет. Отсюда этот самый астрономический госдолг в 100 млрд долларов, который в пять раз превысил все долги Я. Кадара, набранные за тот же период. В конце концов Венгрии даже при такой политике понадобилось десять лет, чтобы только в начале 2000-х вернуться к уровню жизни 1989 г.

Надо иметь в виду, что на торговле с бывшим СССР держалась немалая доля благосостояния страны. Дело в том, что Москва, сначала установив в 1956 г., а потом всячески поддерживая режим Я. Кадара, долгие годы поставляла сюда свою продукцию, в основном — энергоносители (нефть, газ, лес, удобрения и т. д.) по льготным, так называемым «внутрисэзовским» ценам, а закупала венгерскую продукцию (автобусы, электронику, зерно и свинину) уже по мировым. Только за счет разницы в ценах объем «братской помощи» со стороны Москвы сегодня оценивается экспертами в 3–4 млрд тогдашних, еще не «деревянных» рублей. Если все это переводить на цифры сегодняшнего дня, то, наверное, надо умножать на 3–4, если не больше. После перехода в торговле на мировые цены в начале 1990-х все это поменялось.

Как сейчас помню выступление главы первого демократически избранного правительства Венгрии Йожефа Анталла, когда вскоре после прихода к власти в 1990 г. он жаловался прессе, что теперь его правительству за нефть приходится платить в 3 раза больше, чем при коммунистах. Баррель нефти на мировом рынке к тому времени стоил не больше 8 долл. Выходит, что до того советская нефть обходилась Будапешту в 2–3 долл. за баррель, а может, и того меньше. Теперь же цена русской нефти, которую в основном покупает Венгрия для своих потребностей, благо нефтепровод «Дружба» еще не заржавел, в районе 75 долл. Разница очевидна.

Нельзя сказать, что и приватизация, от которой многие венгры надеялись получить свою долю общественного пирога и стать собственником, прошла справедливо и в интересах большинства населения. Крупные прибыльные компании и банки Венгрии сразу же, еще

в начале 1990-х, скупил мультинациональные гиганты: «Дженерал Электрик» (завод «Тунгсрам»), «ИВМ» (завод «Видеотон»), «Рено» (завод «Икарус»), «Е.оп» (газовый сектор Венгрии), «Джи-Э-Мани-банк» («Будапешт-Банк»), фармацевтические гиганты «Сервье» (завод «Эгис») и «Тева» (завод «Биогал») и др. Крупного венгерского капитала тогда еще не было, и потому конкуренции западному капиталу на венгерском рынке практически составить никто не мог.

Национальный венгерский капитал (здесь лидер — группа «ОТП» банкира Ш. Чани) окреп лишь к началу 2000-х и ринулся скупать то из ценных национальных активов, что еще осталось непроданным. Российский капитал заинтересовался венгерскими активами позднее, лишь во второй половине 1990-х. Таким образом, за довольно короткий срок в страну влилось более 40 млрд долларов иностранного капитала. В основном из США, Германии, Франции, Италии и Австрии. Поначалу этому радовались, думалось, что, развивая производство в стране, иностранные капиталисты быстро поднимут жизненный уровень местного населения.

Чуть позже наступило понимание, что иностранный капитал приходит не для благотворительности. По словам того же профессора Л. Богара, транснациональные компании сразу же, в начале 1990-х, поставили правительству Й. Анталла жесткое условие: мы работаем у вас только при льготном режиме налогообложения, а прибыль вывозим из страны по своему усмотрению. Деваться было некуда. Позади — Москва. В итоге, как подсчитал Л. Богар, за 20 лет «мульти» получили от венгерского бюджета больше льгот, чем заплатили в него налогов! Кроме того, по его же подсчетам, ежегодно из страны ТНК выводят порядка 20 млрд долларов произведенной здесь прибыли. Эти деньги обходят бюджет стороной, обескровливая экономику. В результате время шло, а жизненный уровень большинства венгров, несмотря на все вливания иностранного капитала, как бы застыл на уровне конца 1980-х — начала 1990-х.

Получается, что сегодня не столько иностранный капитал работает на Венгрию, сколько Венгрия работает на иностранный капитал. Кто-то называет это глобализацией, кто-то колонизацией. Как ни назови, важно то, что это не нравится простым гражданам. Не нравится и то, что дальнейшая приватизация в стране прошла в основном по номенклатурному сценарию. Кто были начальниками госпредприятия, те и стали основными собственниками. Хорошо знакомый россиянам сценарий. По этому сценарию приватизировались венгерские компании помельче, те, что уже не представляли интереса для западного капитала. Правда, рядовые венгерские граждане могли вклады-

вать свои деньги, если они были, в акции таких компаний. Но многие из них обожглись на биржевом кризисе 1989 г. и перестали играть в «народный капитализм». Настроения обделенных приватизацией венгров сегодня выражает Венгерская компартия (более ортодоксальное крыло расколовшейся в 1989 г. ВСРП) во главе с молодым соратником Я. Кадара, выпускником московского МГИМО Д. Тюрмером. Партия требует отмены итогов «прихватизации» и повторной национализации бывшей госсобственности. Лидер венгерских коммунистов также уверен, что и вступление в Европейский Союз негативно сказалось на экономике его страны. «Западные конкуренты фактически уничтожили наш крупнейший автобусный завод “Икарус”, — говорит Тюрмер. — хотя в 1989 году он производил по 3 тысячи автобусов ежегодно. И так со всеми ведущими предприятиями Венгрии: их либо уничтожили, либо их скупил иностранный капитал. Сейчас под угрозой сельское хозяйство, мы уже завозим из-за границы молоко, хлеб и мясо».

Да, очередной надеждой на лучшую жизнь у рядового венгра был Евросоюз. Больше десяти лет переговоров и «вступительных экзаменов» наконец увенчались вступлением в «клуб богатых», в ЕС 1 мая 2004 г. Наблюдая, как Евросоюз быстро «подтягивает» вновь принятые страны до среднеевропейского уровня развития — так было в случае с Грецией и Испанией, Португалией и Ирландией — страны Новой Европы, от Венгрии и Чехии до Эстонии и Словакии, вполне естественно надеялись на то, что «Запад им поможет» так же. Но одно дело было, когда ЕС принимал в свой «элитный клуб» по одному и брался «подтягивать» какую-то одну страну. Совсем по-другому оказалось, когда в него зашли сразу 10 стран Восточной Европы вместе с Мальтой и Кипром. Денег на всех у Старой Европы уже не нашлось: «бюджет развития» оказался сильно урезанным.

А когда в конце 2006-го разыгрались страсти по новому бюджету ЕС на 2007–2013 гг., и председательствующий тогда в ЕС премьер Великобритании Тони Блэр урезал следующий пятилетний бюджет чуть ли не на треть, «новоевропейцам» стало ясно, что и здесь их «обнесли». Резкий рост настроений евроскептицизма в стране приходится как раз на это время. Сегодня около половины венгров считает, что вступление в ЕС по большому счету ничего не дало стране и в знак протеста и разочарования все больше и больше голосует на выборах в Европарламент за «евроскептиков» и даже крайне правых, которые пытаются торпедировать углубление процесса евроинтеграции. Правда, венгерский еврокомиссар по налогам, бывший министр

иностранных дел Венгрии Ласло Ковач, с которым приходилось недавно говорить на эту тему, считает евроскептицизм венгров отчасти следствием недостаточной информированности, отчасти следствием завышенных ожиданий. «Еврокомиссия провела специальное исследование на эту тему, — говорит известный политик, в прошлом лидер Соцпартии, который сейчас сдает свой мандат в Брюсселе и возвращается к политическим баталиям в Венгрии. — Так вот, когда люди в специально отобранных группах стали получать более разностороннюю информацию, их настроения в пользу ЕС сразу изменились. Здесь, по-моему, СМИ не дорабатывают».

Возможно, отчасти прав еврокомиссар насчет недостатка информации, а главное — завышенных ожиданий, но ведь люди судят о своем благополучии не из газет и телевизора, а по состоянию своего кошелька и содержимому холодильника. Конечно, это преувеличение, что страна ничего не получила от вступления в ЕС. Дотации из Брюсселя Венгрии выделяются: около 3 млрд евро в год. Но, с одной стороны, Будапешт тоже должен платить в общий бюджет Евросоюза около 1 млрд евро в год. Чистыми остается 2 млрд. Даже для небольшой страны как Венгрия, это не такая уж большая сумма. С другой стороны, дотации ЕС не могут идти в бюджет страны, их нельзя потратить на повышение жизненного уровня: образование, медицину, зарплаты, пенсии. Их можно лишь использовать на различные инфраструктурные проекты: дороги, коммуникации, связь, проведение административных реформ. От этого, наверное, население и не чувствует лично на себе присутствия этих денег ЕС в стране. От того и скепсис в отношении ЕС, отсюда же и новые разочарования в новом капитализме.

Впрочем, слушая жалобы знакомых венгров на жизнь и на капитализм, порой так и хочется сказать: нам бы ваши проблемы. Вот, например, по данным ежегодного рейтинга качества жизни «Quality of Life Index», составляемого журналом «International Living Magazine», Венгрия, несмотря на все свои проблемы, заняла в 2009 г. 20-е место в мире, заметно улучшив свои позиции по сравнению с рейтингом предыдущего года, поднявшись сразу на 10 позиций. Рейтинг составляется для 194 стран мира, каждая из которых оценивается по девяти категориям: стоимость жизни, культура и досуг, экономика, окружающая среда, политическая свобода, здравоохранение, инфраструктура, безопасность и климат.

Пятый год подряд первое место в рейтинге качества жизни занимает Франция, за ней идут Австралия и Швейцария. То, что Венгрия

вошла в двадцатку, говорит о многом. По данным рейтинга, Венгрия получила максимальную оценку 100 баллов в категории «политическая свобода», а также неизменно высокую оценку — 93 балла в категории «безопасность и риск».

Остальные позиции Венгрии выглядят следующим образом:

Стоимость жизни	58 баллов
Досуг и культура	76 баллов
Экономика	48 балла
Окружающая среда	77 баллов
Здравоохранение	84 балла
Инфраструктура	77 баллов
Климат	76 баллов

Общий рейтинг — 74 балла. Итоговое место в рейтинге 20-е.

Для сравнения: Россия с общей оценкой 54 балла занимает пока в рейтинге качества жизни 111-е место, Украина (62 балла) занимает 68-е место, по сравнению с Россией ей очень помог рейтинг климатических условий, Беларусь (54 балла) занимает 109-е место.

В то же время, согласно другому исследованию, венгерская столица — Будапешт признан «самым комфортным для жизни городом» в восточной части Европейского Союза. Это результаты исследования, опубликованные в докладе лондонского центра Economist Intelligence Unit (EIU). В рамках исследования, охватившего 140 городов мира, рейтинг наиболее приспособленных для жизни городов составлялся с учетом таких параметров как уровень жизни населения, медицинское обслуживание, образование, культура, окружающая среда и инфраструктура. Так вот, Будапешт набрал 88,2 балла из 100 возможных и стал 55 в списке городов с самым высоким коэффициентом уровня жизни, опередив Прагу (84 балла) и Братиславу (79,8), занявшую 65 место. А возглавляют список Ванкувер (98,0), который признан самым комфортным городом мира, а также Вена (97,9) и Мельбурн (97,5).

Перед выбором

В момент, когда пишутся эти строки, до очередных парламентских выборов в Венгрии остаются считанные месяцы. Однако, уже сегодня ясно, что в Будапеште грядет смена власти. Правящая с 2002 г. левоцентристская коалиция социалистов и либералов, раздраемая внутренними противоречиями, по всем опросам общественного мнения, не в состоянии сохранить власть и будет вынуждена

уступить ее альянсу правых партий во главе с Союзом молодых демократов — Венгерской гражданской партией (ФИДЕС)*. Для Москвы, сумевшей выстроить с леволиберальным правительством П. Меддьешши и Ф. Дюрчяня хорошие партнерские отношения, это будет испытанием.

Сохранит ли новое правительство Венгрии, если оно будет правоцентристским, преемственность «восточного курса» кабинета П. Меддьешши на развитие всесторонних связей с Россией или будет откат, как в 1998 г.? Ведь сегодня наши отношения находятся на небывалом подъеме в новейшей истории. Торговля достигла уровня 10 млрд долларов — пиковое значение за все времена. Крупные совместные проекты: газопровод «Южный поток» и строительство газохранилищ на венгерской территории, планы модернизации венгерской АЭС в Пакше, строительство логистического центра в Захони на украинско-венгерской границе, многочисленных строительных проектов венгерских компаний в России — все это должно укрепить партнерские отношения наших двух стран.

Есть ощущение, что политические силы, которые готовятся прийти к власти в Будапеште, осознают всю важность и ценность накопленного с 2002 г. капитала в наших двусторонних отношениях. В конце концов за каждым долларом в нашем товарообороте — люди, рабочие места, зарплаты и налоги в бюджет. Ни один политик в здравом уме не будет рисковать таким капиталом. Как человеку, посвятившему немало лет развитию российско-венгерских отношений, очень хочется на это надеяться. Надеяться на это позволяет и недавнее заявление бывшего министра иностранных дел правоцентристского правительства Я. Мартони газете «Непсабадшаг». Вот что заявил политик, которого прочтут в министры иностранных дел нового правительства, на вопрос об отношениях с Россией. Цитирую:

— «Как будет выглядеть новая политика ФИДЕС в отношении России?

— Наши страны нуждаются в стабильных, прозрачных отношениях, независимо от того, какое в Венгрии правительство. Геополитически и энергетически мы зависим от России, поэтому бы хотели прямых и ясных отношений, подготовка которых началась в Петербурге.

— Надо ли опасаться российского капитала?

* Парламентские выборы в Венгрии, состоявшиеся в апреле 2010 г., завершились убедительной победой правой партии ФИДЕС.

– Думаю, что нет, тем более, что российский капитал во многих отраслях и сейчас уже присутствует в Венгрии. Но есть две венгерских региональных компании — “МОЛ” (нефть) и “ОТП” (крупнейший банк Венгрии), менеджмент которых мы хотели бы сохранить в Будапеште. Это не направлено против российского капитала, но составная часть нашего стабильного сотрудничества — возможность обозначить наши озабоченности и границы».

Говоря о Петербурге и о подготовке новых отношений, политик, судя по всему, намекает на неофициальную встречу в конце 2009 г. в северной столице лидера партии ФИДЕС Виктора Орбана с российским премьером Владимиром Путиным. По некоторой информации, такая встреча действительно состоялась. Поэтому есть дополнительные основания надеяться на поступательное развитие наших отношений и после венгерских выборов 2010 г. Дай Бог!

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕНГРИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

С. О. Волотов
(Россия)

Венгрия, занимавшая в эпоху социализма передовые позиции в области реформирования общества (в 1968 г. здесь проведены создавшие островок свободы и частной собственности реформы, превратившие страну в «самый веселый барак в социалистическом лагере»), спустя неполные 20 лет после смены общественно-экономического строя не только утратила лидерство среди стран региона, но и неуклонно скатывается в условиях настоящего мирового экономического кризиса в социально-экономическую пропасть.

1. В 1990-е годы венгерское руководство взяло курс на безграничное привлечение иностранного, главным образом, западного, капитала. Во второй половине 1990-х гг. около 50 % всех инвестиций в предпринимательском секторе венгерской экономики обеспечивал иностранный капитал¹. Такая политика, безусловно, позволила Венгрии сделать ощутимый рывок в своем экономическом развитии. Вместе с тем она поставила страну в зависимое положение от воли иностранных инвесторов, что не преминуло сказаться самым губительным для нее образом во время разразившегося осенью 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса.

Приватизация, умело использованная венгерским руководством в качестве инструмента перехода к рыночному хозяйству, также послужила одним из эффективных каналов притока в экономику страны иностранных инвестиций; особый упор при этом делался на привлечение крупных стратегических инвесторов. В период 1990–1997 гг. от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всего иностранного капитала было получено по линии приватизации². Впоследствии, начиная с 1998 г., по линии приватизации иностранный капитал в страну в массовом количестве уже не привлекался.

2. Методичная многолетняя работа по привлечению иностранных инвестиций вывела Венгрию в лидеры среди стран Центральной и Юго-Восточной Европы по объему иностранных капиталовложений

на душу населения. В то же время гипертрофированный приток иностранного капитала и его доминирующая роль в экономике Венгрии породили двойственность венгерской экономики, ее дуализм: наличие двух обособленных друг от друга секторов. Один из них более развит, современен, экспортоориентирован и находится главным образом в иностранной собственности; другой же, традиционный, состоит из отечественных предприятий, хозяйственная и производственная деятельность которых характеризуется гораздо менее благоприятными показателями³.

Следует подчеркнуть, что доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП страны, достигшая к рубежу веков 50 %, намного превысила не только «безопасный», признанный в мировой практике оптимум в 30 %, но и тот предел, который намечался самими реформаторами, осуществившими на рубеже 80–90-х гг. XX в. смену общественно-экономического строя⁴.

3. Венгрия еще в начале 1980-х гг. предпринимала попытки наладить отношения с Евросоюзом. Конкретные же переговоры с ЕС по существу вопроса начались по ее инициативе в июне 1987 г., а 26 сентября 1988 г. стороны подписали Соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве, которое вступило в силу 1 декабря 1988 г. В системе связей ЕС появилась совершенно новая конструкция: такое Соглашение было заключено ЕС впервые именно с Венгрией.

С тех пор присоединение к ЕС неизменно являлось безусловным приоритетом венгерского политического руководства. Все реформы — экономические, политической системы, институциональные — подчинялись этой цели. Даже среди политических оппонентов не наблюдалось и тени евроскептицизма. Во всех сферах жизни страны шла оживленная подготовка к вступлению в ЕС, полноправное членство в котором с 1 мая 2004 г. она наконец получила.

В конце 1991 г. были подписаны «Европейские Соглашения» («Europe Agreements»)⁵, благодаря которым Венгрия одной из первых среди стран Центральной и Юго-Восточной Европы стала ассоциированным членом ЕС. Уже начиная с 1990 г. ни один новый закон в Венгрии не принимался без прохождения правовой экспертизы на его соответствие принципам законодательства ЕС. Планомерная гармонизация венгерской законодательной базы с нормативами ЕС явилась основным содержанием законотворческой деятельности — и, соответственно, социально-экономических реформ — в 1990-е гг. В результате к моменту издания «Белой книги» (июнь 1995 г.) примерно половина действовавших венгерских нормативных актов уже более или менее соответствовала требованиям ЕС.

Таким образом, 1990-е гг. явились для Венгрии наиболее плодотворными с точки зрения осуществления социально-экономических реформ. Венгрия среди стран ЦЮВЕ лидировала практически по всем направлениям, и прежде всего по многообразию и эффективности форм и методов привлечения иностранных инвестиций.

4. Роковую роль в нынешнем плачевном положении Венгрии сыграло, помимо других факторов, и то, что, начиная с 2001 г., страна стала жить явно не по средствам. Венгерские правительства из года в год допускали отрыв роста доходов населения от роста производительности труда. За период с 2000 по 2005 гг. реальный ВВП страны вырос на 30 %, а личное потребление и инвестиции в основной капитал на 42 и 45 % соответственно⁶. В результате стал обыденным огромный хронический дефицит государственного бюджета, угрожающе возросли внешняя задолженность и внутренний государственный долг. Как следствие, Венгрия теперь не соответствует практически ни одному из маастрихтских критериев, необходимых для вступления в еврозону.

Венгрия, сумевшая в 1990-е гг. путем «скользящей девальвации» обуздать инфляцию, а благодаря «пакету Бокроша» (мер жесткой экономии и ограничений) во второй половине 1990-х гг. нормализовать ситуацию в экономике, в наступившем тысячелетии поспешила перенять, в том числе и под влиянием эйфории в связи с присоединением к ЕС, западную модель потребительского общества, свернуть с которой оказалось для нее весьма проблематично.

5. Необходимость в социально-экономических реформах (здравоохранение, образование, налоговое регулирование, административная система, социальное и пенсионное обеспечение) в последние годы ощущалась все более настоятельно. Однако правительства Венгрии оказались заложниками популистских обещаний и долгое время не могли решиться на их проведение. Когда же коалиционное правительство Венгерской социалистической партии (ВСП) и Союза свободных демократов (ССД) в 2006 г. решилось на радикальные реформы, то непримиримая оппозиция в лице главным образом Союза молодых демократов – Венгерской гражданской партии (Фидес) не дала их осуществить, навязав стране чехарду из популистских референдумов. В результате поражения на одном из них правительственная коалиция распалась, а сформированному ВСП в мае 2008 г. правительству меньшинства (не имевшему большинства в парламенте) оказалось не по силам проведение реформ в одиночку, без поддержки других политических сил общества.

К началу 2008 г. как в венгерском обществе, так и в правительстве все острее стала проявляться «усталость от реформ», признаки

глубокой депрессии, причины которых следует искать в банкротстве экономического курса политической элиты страны, отсутствии зрелого гражданского общества, иждивенческом типе поведения населения, инфантилизме политического руководства⁷. Как показали результаты проведенных весной 2008 г. Институтом социологии ВАН опросов, 75 % респондентов являются сторонниками авторитарного стиля правления: стране нужен такой решительный руководитель, который управлял бы страной «сильной рукой», исключая всевозможные межпартийные и внутривнутрипартийные споры⁸.

6. Венгрия, сохранившая Конституцию 1949 г. (с поправками 1989, 1997 и 2003 г.) и перенимавшая европейскую политическую модель парламентской демократии (полномочия президента республики конституционно ограничены в основном представительскими функциями, а высшим органом исполнительной власти является правительство, глава которого избирается Госсобранием одновременно с утверждением его программы), одной из первых среди стран — членов Организации Варшавского договора получившая 12 марта 1999 г. членство в НАТО, в политическом отношении стороннему наблюдателю видится страной с развитой демократией, устоявшейся двухпартийной системой.

Однако следует отметить, что за последние два десятилетия произошло заметное расслоение венгерского общества: численность бедного населения возросла более чем в 2 раза (с 410 тыс. в 1987 г. до 969 тыс. в 2005 г.), а очень богатых людей — с 599 тыс. до 899 тыс. человек. Соответственно вымывается слой населения со средними доходами⁹, так называемого среднего класса — главного носителя политической культуры отстаивания своих интересов демократическими методами.

Результатом стало агрессивное и уродливое проявление разразившегося в сентябре-октябре 2006 г. кризиса доверия правительству с его погромами и «уличной» демократией. Общество оказалось не готовым к непопулярным, но давно назревшим реформам. Это создало почву для появления на политической арене ультраправых военизированных организаций, идеология которых базируется на ксенофобии, антисемитизме и ненависти к живущим в Венгрии цыганам (более полумиллиона человек, или 5 % населения страны). Набирает силу и идеология реваншизма: все чаще слышны призывы к пересмотру итогов Трианонского договора*, заключенного 4 июня 1920 г.

* Трианонский мирный договор был заключен между странами-победительницами в Первой мировой войне и потерпевшей поражение Венгрией (*прим. ред.*).

С ультраправыми силами, к сожалению, сближается и парламентская оппозиция, все в большей степени воспринимающая своих политических оппонентов как врагов. Таким образом, экономический дуализм дополняется политическим. Как заявил 21 марта 2009 г. на отчетно-выборном съезде ВСП бывший ее лидер и премьер-министр страны Ференц Дюрчань, трагизм современной Венгрии заключается в том, что за последние годы, примерно с 1998 г., венгерское общество все более раскалывается, в стране усиливается жестокая внутривнутриполитическая борьба. Вместо демократического соревнования идей, политические силы, называющие себя правыми консерваторами, считают левоцентристов ошибкой, историческим, политическим, человеческим и моральным браком. Они все теснее смыкаются с ультраправыми, исподтишка инспирируют акции экстремистских организаций, направленные на дестабилизацию общества¹⁰.

7. Особую тревогу вызывает тот факт, что лидеры оппозиционного правоцентристского Фидеса, широко представленного в парламенте страны и имеющего все шансы на победу в предстоящих весной 2010 г. парламентских выборах, открыто оказывают поддержку реваншистским идеям ультраправых. Так, в начале июня 2008 г., когда ультраправые по всей стране провели около 150 различных мероприятий в связи с годовщиной Трианонского договора, согласно которому $\frac{2}{3}$ территории и 36 % населения Венгрии отошли к соседним государствам, многие известные политики Фидеса приняли в этих мероприятиях активное участие, выступая на них с речами.

Как заявляют лидеры Венгерского движения самообороны, они стремятся дать понять международному общественному мнению, что «венгры ни на минуту не забыли и никогда не отрекутся от своих исконных земель. Крупные державы во главе с США, поддержавшие отделение Косова, создали новую ситуацию: прецедент Косова свидетельствует о том, что статус-кво, установленный в Европе в XX веке, не вечен, а существующие границы могут быть пересмотрены»¹¹.

Широко освещаются в венгерских масс-медиа скандальные акции одетых в униформу членов экстремистских организаций, использующих символику, недвусмысленно напоминающую фашистскую символику венгерских нилашистов. Они наносят ощутимый урон международному имиджу Венгрии, вызывают серьезную озабоченность в соседних странах, свидетельствуют об усилении политической нестабильности в Венгрии.

Не удивительно, что прошедшие в Венгрии 7 июня 2009 г. выборы в Европейский парламент ознаменовались утверждением на политической арене страны в качестве самостоятельной третьей силы

ультраправой националистической партии Йоббик¹², возникшей в начале 2000-х гг. как студенческое движение. За эту партию, вышедшую из тени Фидеса, отдали свои голоса почти 15 % принявших участие в выборах, что обеспечило ей 3 мандата из 22 возможных¹³.

Комментируя победу партии Йоббик на выборах в Европарламент, премьер-министр Венгрии Г. Байнаи признал, что «в стране назрел не только экономический, но также общественный и духовный кризисы, ответственность за которые несут все парламентские партии... Прежний опыт учит тому, что демократическим путем к власти могут пробиться и недемократические силы»¹⁴. «Напрашивается кошмарная аналогия между нынешним кризисом и кризисом 1933 г., вернее теми событиями, которые за ним последовали, — подчеркнула в своем интервью газете «Непсабадшаг» бывшая министр иностранных дел Венгрии К. Гёнц. — Разница лишь в том, что теперь мы точно знаем: кризис всегда способствует укреплению экстремистов, а также, куда все это может завести»¹⁵.

Выдвижение ультраправых радикалов на политическую арену вызвало серьезную озабоченность в ЕС. Так, по мнению эксперта Немецкого внешнеполитического общества Яна Техау, усиление правых экстремистов в странах Евросоюза, в том числе в Венгрии, несет в себе немалые риски¹⁶. В новых странах ЕС процесс трансформации еще не завершен. Устойчивая партийная система не сформировалась. Мировой кризис чрезвычайно чувствительно ударил по экономике Венгрии, которая оказалась на краю банкротства.

8. В условиях глобализации понадобилось всего полмесяца, чтобы мировой финансово-экономический кризис, разразившийся в середине сентября 2008 г., практически полностью охватил все составляющие социально-экономического развития Венгрии. Экономика страны почти по всем макроэкономическим показателям оказалась наиболее уязвимой по сравнению с другими странами региона в отношении негативного воздействия со стороны глобального кризиса. Это связано как с чрезмерной открытостью венгерской экономики, годовой объем внешнеторгового оборота которой на 40 % превышает ее ВВП, а $\frac{3}{4}$ рынка государственных ценных бумаг и $\frac{4}{5}$ совокупного капитала банков находятся в собственности иностранных инвесторов, так и с наличием существенного хронического двойного дефицита: как государственного бюджета, так и платежного баланса. Внешняя задолженность страны — нетто к началу октября 2008 г., когда мировой финансовый кризис настиг и Венгрию, превысила половину годового объема ее ВВП¹⁷, а суммарная внутренняя кредитная задолженность венгерских предприятий

и населения достигла 64 % ВВП. При этом более половины этой задолженности накопилось в иностранной валюте (в основном в евро и швейцарских франках)¹⁸. Положение усугубило и торможение социально-экономических реформ, неприятие их как оппозицией, так и широкими слоями населения.

Важнейшим непосредственным последствием финансового кризиса в Венгрии стал дефицит иностранной валюты на межбанковском валютном рынке страны. Возможности заимствования за рубежом резко сократились, при этом иностранные материнские банки, занятые решением своих проблем с ликвидностью, отказывались кредитовать даже собственные дочерние банки, учрежденные ими на территории Венгрии. Кредиты в валюте стали практически недоступны. Кризис недоверия вынудил венгерские банки кредитовать друг друга в валюте практически всего лишь на 1 день и в очень незначительных объемах¹⁹.

В создавшейся ситуации Венгерский национальный банк (ВНБ) в середине октября 2008 г. был вынужден заключить в срочном порядке с Европейским центральным банком (ЕЦБ) соглашение об открытии для Венгрии кредитной линии на сумму 5 млрд евро, а 9 октября начать переговоры с Еврокомиссией, Международным валютным фондом (МВФ), и Международным банком реконструкции и развития (МБРР) о выделении стабилизационного кредита Венгрии на сумму 20 млрд евро, что в 2 раза превышало стоимость венгерских государственных ценных бумаг, находившихся тогда в собственности иностранных инвесторов. Соглашение об этом было подписано в конце октября 2008 г.; в соответствии с ним МВФ открыл Венгрии кредитную линию на сумму 12,5 млрд евро, Евросоюз — 6,5 млрд евро, а МБРР — 1 млрд евро²⁰.

О серьезности положения свидетельствуют как размер стабилизационного кредита, так и то, что впервые после более чем 30 лет страна — член ЕС была вынуждена обратиться к МВФ за помощью (до этого Великобритания взяла у МВФ кредит на сумму в несколько миллиардов долларов в 1976 г.). Венгрия явилась третьей — после Исландии и Украины — страной, которой МВФ ввиду настоящего глобального финансового кризиса поспешил на выручку. В конце октября 2008 г. Евросоюз пошел на повышение стабилизационного фонда, предназначенного для предотвращения финансовой неплатежеспособности стран ЕС, не входящих в еврозону, с 12 млрд евро до 20 млрд евро²¹.

Технические условия использования кредитных линий, выделенных Венгрии МВФ, Евросоюзом и МБРР (сроки, процентные став-

ки и т. п.) различаются. Главное же согласованное условие, которое МВФ, ЕС и МБРР поставили перед Венгрией, выделяя эти средства, — это использование их не на цели развития, а исключительно на недопущение банкротства государства. Венгрия, согласно этому соглашению, в 2009 г. должна была обеспечить, чтобы дефицит госбюджета не превысил 2,6 % от годового объема ее ВВП (ранее предполагалось, что он составит 3,2 % против 3,4 % по итогам 2008 г.). При этом Венгрии надлежало отказаться от дальнейшего форсирования экономического роста. Вместо этого в 2009 г. ей следовало обеспечить сокращение ВВП (до кризиса Венгрия планировала ускорить темп экономического роста с 2,4 %, запланированных на 2008 г., до 3 % в 2009 г.).

Кроме того, Венгрия взяла на себя обязательства ужесточить правила формирования госбюджета, контроль над его исполнением, усилить регулирование и контроль над финансовой сферой страны. Соответственно изменились и все другие намеченные на 2009 г. параметры социально-экономического развития страны. Вместо прироста инвестиций на 6 % было запланировано их сокращение на 0,9 %, вместо прироста потребления населения на 1,9 % — его сокращение на 3,1 %.

Столь стремительной и драматичной смены экономического курса Венгрия еще не знала: в 2008 г. ей пришлось 3 раза вносить существенные коррективы в программу конвергенции, окончательный вариант которой она смогла представить в Еврокомиссию лишь в декабре 2008 г.

9. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций в экономике Венгрии под влиянием мирового кризиса стал ощутимо сокращаться: до 63 млрд евро по состоянию на май 2009 г. по сравнению с 66,4 млрд евро на конец 2007 г., что свидетельствует об оттоке иностранного капитала из страны²².

Теперь венгерское руководство уже не рассчитывает на появление в стране в обозримой перспективе крупных иностранных инвестиций. Речь может идти лишь о сравнительно небольших инвестиционных проектах, обеспечивающих в лучшем случае не менее 100 новых рабочих мест, в частности о региональных центрах обслуживания. Ранее, в докризисный период, венгерское руководство делало акцент на привлечении иностранного капитала в проекты, обеспечивающие прежде всего большие объемы производства и добавленной стоимости. В настоящее же время, когда безработица в стране достигла 10,4 %, а в отсталых регионах превысила 15 %, на первое место выдвигаются трудоемкие проекты, обеспечивающие создание как можно большего количества новых рабочих мест.

Относительно оттока иностранного капитала из Венгрии надо отметить, что осенью 2008 г. под влиянием паники началось бегство из страны, прежде всего — спекулятивного капитала. Так, с середины сентября до конца 2008 г. иностранные инвесторы избавились от венгерских государственных ценных бумаг на сумму почти в 1 трлн форинтов (по среднегодовому курсу — 5,8 млрд долл.)²³. В докризисные годы на долю иностранных инвесторов стабильно приходилось около 30 % государственных облигаций, деноминированных в форинтах.

Волна оттока иностранного капитала прошла и по инвестиционным фондам Венгрии. Хотя к концу 2008 г. этот процесс затормозился, тем не менее инвестиционные фонды по итогам года недосчитались 664 млрд форинтов (3,9 млрд долл.)²⁴. В ноябре 2008 г. Государственная инспекция финансовых учреждений Венгрии даже была вынуждена приостановить на 10 дней торги по ценным бумагам отечественных открытых инвестиционных фондов²⁵.

В Венгрии 80 % банковского капитала находится в собственности иностранных инвесторов²⁶. И хотя ни один венгерский банк из-за мирового кризиса до сих пор не обанкротился, все же надо признать, что западные инвесторы решали свои проблемы с ликвидностью частично и за счет своих дочерних банков, учрежденных на территории стран ЦЮВЕ, в том числе и Венгрии.

Что касается привлекательности Венгрии для прямых иностранных инвестиций, то она стала постепенно утрачивать свое лидерство в регионе еще до кризиса. По сравнению с другими странами ЦЮВЕ в ВР все более остро ощущается нехватка высококвалифицированной рабочей силы, проигрывает страна и в плане величины налогообложения (корпоративный налог + солидарный налог + местные налоги), а также социальных отчислений.

На это указала, в частности, немецкая «Audi», когда в 2007 г. приняла решение о переносе своего дочернего предприятия из венгерского Эгера в польский Вроцлав: из-за высоких социальных отчислений себестоимость продукции, выпускаемой на венгерском заводе, была на 20 % выше, чем в Польше²⁷.

Следует принять во внимание также и то, что Венгрия в последние годы все более активно выступает в качестве экспортера предпринимательского капитала. Если по состоянию на конец 2006 г. прямые венгерские инвестиции за рубежом составили 9,3 млрд евро, то на конец 2008 г. — уже порядка 13–14 млрд²⁸. При этом важно отметить, что вывоз капитала идет в первую очередь по линии дочерних предприятий, учрежденных на территории Венгрии транснациональными корпорациями²⁹.

10. Мировой кризис, таким образом, резко нарушил экономическую и финансовую сбалансированность страны, вынудил ее правительство резко сменить экономический курс, привел к массовым увольнениям, росту безработицы, стремительному снижению уровня жизни населения, массовым проявлениям недовольства со стороны населения, обострил и без того напряженное политическое противостояние внутри страны, усугубил радикализацию венгерского общества.

Фидес между тем готовится к правлению страной, провозглашает необходимость проведения жесткой силовой политики. В. Орбан направил открытое письмо руководству ВСП, в котором призвал социалистов немедленно остановить процессы приватизации и перекраивания системы образования, отозвать из парламента свои предложения по введению налога на недвижимость, внесению изменений в Гражданский кодекс и преобразованию административной системы, прекратить поддержку банков за счет полученных из-за рубежа кредитов, остановить дальнейшее сотрудничество с Россией в области сооружения газопровода «Южный поток». Если же социалисты не примут эти требования, то Фидес, придя к власти, все равно все переделает по-своему. Как заявил В. Орбан, «нам надо готовиться к очень трудным переговорам как с Западом, ЕС, МВФ, так и с Россией»³⁰.

Таким образом, о преемственности курса в управлении страной говорить не приходится. Надо отметить, что Фидес и раньше резко критиковал «пророссийскую», на его взгляд, политику Ф. Дюрчяна, утверждая, что Венгрии угрожает опасность вернуться в сферу влияния России. Причем теперь это, по его представлениям, означает уже не военную оккупацию, а попадание в сферу ее экономических интересов: «Не хотим быть самым веселым баракком Газпрома!»³¹ Как полагает В. Орбан, «двойственная и прогазпромовская» политика Ф. Дюрчяна подвергала опасности основывающуюся на европейской солидарности энергетическую сплоченность ЕС, включая, в частности и сооружение газопровода «Nabucco». Венгрии, по его словам, необходимо свести к минимуму российско-венгерское энергетическое сотрудничество³².

ВСП, признав свое поражение, в настоящее время работает над выработкой стратегии поведения в качестве оппозиционной партии. При этом лидеры ВСП признают, что партия сможет сохранить за собой статус устойчивой и влиятельной политической силы лишь в том случае, если сумеет на очередных выборах в парламент страны весной 2010 г. получить не менее 1/3 депутатских мандатов.

Между тем лидер партии Йоббик Габор Вона, ссылаясь на итоги выборов в Европарламент, заявляет, что партия готова вывести людей

на улицы, чтобы принудить власти к проведению досрочных выборов (ранее, 5 апреля 2009 г. в Будапеште ультраправые силы уже провели массовые манифестации под лозунгом «Пусть решит народ!» с требованием проведения досрочных выборов, а накануне дня памяти жертв холокоста — демонстрацию под лозунгами непризнания факта холокоста)³³. Зарубежные обозреватели говорят об опасности радикализации и «балканизации» ситуации в Венгрии.

Примечания

¹ Hamar J. A külföldi és a hazai tőkével működő vállalatok szerepe a magyar iparban // *Külgazdaság*. 2001. № 4. 9. o.; A külföldi működő tőke Magyarországon, 1995–2002. Budapest, 2004. 11. o.

² Antalóczy K., Sass M. Vállalaton belüli kereskedelem a világgazdaságban és Magyarországon: elméleti keretek, nemzetközi tendenciák, magyarországi jellegzetességek. II. rész. // *Külgazdaság*. 2002. № 1. 53. o.

³ Hamar J. *Op. cit.* 4, 14. o.; Csillag I. Lassulás egy duális gazdaságban // *Figyelő*. 2002. 4.I.; Loránt K. A gazdasági növekedés összetevői, kitekintés a jövőre (A magyar «csoda») // *Cégvezetés*. 2002. 28.II.

⁴ Loránt K. Nemzetközi vizsgálat a strukturális alkalmazkodásról (Világbanki tanácsok) // *Cégvezetés*. 2002. 28.I.

⁵ С Венгрией, Польшей и Чехословакией.

⁶ Рассчитано по: WIIW Research Reports. February 2007. № 335. P. 3, 5, 7.

⁷ *Népszabadság*. 2008. 4.I.

⁸ Tamás P. Radikális újközép // *Népszabadság*. 2008. 13.IX.

⁹ *Népszabadság*. 2006. 17.X.

¹⁰ *Ibid.* 2009. 23.III.

¹¹ *Ibid.* 2008. 5.VI.

¹² «Jobbik» — сокр. от «Jobboldali Ifjúsági Közösség» (Правое молодежное сообщество). «Jobbik» — непереводаемая игра слов: более «правые» и лучшие.

¹³ Всего в Европарламенте 736 депутатов.

¹⁴ *Népszabadság*. 2009. 9.VI.

¹⁵ *Ibid.* 2009. 5.VI.

¹⁶ Ультраправые партии в 14 странах ЕС смогли провести в Европарламент 36 своих депутатов; для формирования там своей фракции достаточно 25 мандатов (*Népszabadság*, 2009. 9 és 10. VI.).

¹⁷ <http://www.mnb.hu/>. 2008. 31.XII.

¹⁸ *Figyelő*. 2008. 9–15.X. 78. o.; 2008. 22–29.X. 13. o.; *Világgazdaság*. 2008. 17.X.

¹⁹ *Figyelő*. 2008. 30.X.-5.XI. 13. o.

²⁰ *Népszabadság*. 2008. 30.X.

²¹ *Népszabadság*. 2008. 30 és 31.X.; *Figyelő*. 2008. 30.X. — 5.XI. 11. o.

²² *Népszabadság*. 2009. 25.V.

²³ *Világgazdaság*. 2009. 13.I.

²⁴Népszabadság. 2009. 14.I.

²⁵Ibid. 2008. 10.XI.

²⁶Ibid. 2008. 14.XI.

²⁷Világgazdaság. 2008. 3.VI.

²⁸Ibid. 2009. 22.I.

²⁹Népszabadság. 2007. 6.XII.

³⁰Ibid. 2009. 11.VI.

³¹ По аналогии с временами СЭВ и ОВД, когда Венгрию называли «самым веселым баракком в социалистическом лагере».

³²Hlavay R. A Gazprom szelleme // Figyelő. 2007. 22–28.III. 31–32. о.; Népszabadság. 2007. 23.I.

³³Népszabadság. 2009. 20.IV.

ТРАНСФОРМАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ – УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СМЕНЫ СИСТЕМ

Л. Н. Шанишева
(Россия)

Когда речь идет о смене системы в Восточной Германии, мы понимаем, что это — особый случай, своего рода трансформация в «чистых лабораторных условиях». То есть основа и цели перехода от одной системы к другой определялись в основном заданными параметрами институциональных структур Западной Германии, поскольку трансформация шла в контексте объединения. В этом заключалось и значительное преимущество, и в то же время ограниченность свободы действий и выбора для восточных немцев.

Переход от плановой к рыночной экономике осуществлялся преимущественно путем инвестиций и трансфертов из Западной Германии, закрытия предприятий, их последующей санации через приватизацию.

В целом трансформация восточногерманской экономики происходила путем перенесения на территории бывшей ГДР сложившейся в ФРГ модели социального рыночного хозяйства, с вытеснением элементов плановой социалистической экономики. Этот процесс носил амбивалентный характер. С одной стороны, в новые федеральные земли были направлены значительные государственные и частные финансовые средства, специалисты всех областей и уровней принята обширная программа переустройства экономики под названием «Подъем Востока»; с другой — коренная ломка прежних структур, закрытие предприятий стало масштабной шоковой терапией для большинства восточных немцев.

Вместе с тем в обществе присутствовало понимание того, что такой болезненный переход к новым экономическим отношениям вполне оправдан перспективами дальнейшего стремительного развития в условиях объединенной Германии.

Очевидно, что в основе коренных общественных преобразований в ГДР лежали политические причины. Безусловно, существенную

роль в крахе диктатуры СЕПГ сыграли внешние факторы: перестройка в СССР и стремление Гельмута Коля войти в историю в качестве канцлера — объединителя двух германских государств. Еще до фактического заключения Договора об объединении по инициативе Западной Германии летом 1990 г. был заключен т. н. Валютный, экономический и социальный союз. В соответствии с валютным союзом на территории ГДР вводилась марка ФРГ. Обмен производился в отношении 1:1 в разном объеме для разных категорий: 2 тыс. — для детей, 4 тыс. — для взрослых, 6 тыс. — для пенсионеров, для зарплат и 2:1 — для долгосрочных сбережений¹. Это было значительным преимуществом по сравнению с другими странами Восточной Европы, переживавшими необходимость стабилизации своих валют. Свобода потребительского выбора и возможность покупать товары за твердую валюту пришла к ГДР одновременно. Тем самым восточным немцам удалось счастливым образом избежать периода так называемой макроэкономической стабилизации с негативными социальными последствиями. День обмена стал днем либерализации всех цен, кроме платы за жилье и общественные услуги. Но в отличие от других восточноевропейских стран эти меры не привели к инфляции. Хотя, начиная с 1992 г., цены стали заметно расти.

Экономический союз открыл новым федеральным землям возможности выхода на европейский и мировой рынки, либерализовал внешнюю торговлю. Социальный союз означал введение на территории Восточной Германии западногерманской системы социального обеспечения и социального страхования. Были выделены существенные суммы из бюджета ФРГ на пенсии по старости, пособия по безработице, медобслуживание жителей ГДР. Это значительно снизило угрозу обнищания в период кардинальных общественных изменений.

Наряду с позитивными результатами введение единой немецкой валюты и поток товаров высокого качества из Западной Германии в Восточную привел к резкому снижению производства и сбыта восточногерманских товаров. В августе 1990 г. объем промышленного производства составил примерно 50 % по отношению к августу 1989 г. Валютный и экономический союз не смог сразу изменить структуру восточногерманской экономики, но с его помощью были даны мощные импульсы развитию рыночной среды.

Ни в одной стране, переходящей от централизованной плановой экономики к рыночной, не было столь благоприятных стартовых условий, как в Восточной Германии. Реальной была не только возможность инвестиционного бума, но и быстрого преодоления разницы в уровне благосостояния. Произошедшее объединение Германии

подогревало неумеренные ожидания и оптимизм и восточных, и западных немцев. Однако ожидаемого экономического чуда (подобного 1950-м гг.) не произошло по ряду причин. Одна из них — завышение и переоценка уровня производственного потенциала ГДР. Большинство комбинатов с устаревшим оборудованием не могло принести доход от их приватизации. Кроме того, дороги, коммуникации и инфраструктура Восточной Германии были очень запущены.

На восстановление восточногерманской экономики в первые годы ежегодно направлялось от 130 до 170 млрд ДМ. Но средства уходили в основном на цели потребления, то есть попросту проедались.

Однако, несмотря на все просчеты и ошибки, приватизация в ГДР выглядела почти как образцово-показательная, особенно в сравнении с российским опытом. В этой связи заслуживает внимания деятельность созданного для осуществления приватизации предприятий бывшей ГДР Попечительского ведомства. В целом этот временный орган решил задачи переходного периода, хотя и там наблюдалось множество нарушений и злоупотреблений со стороны чиновников-управленцев.

Что касается трансформации политической системы ГДР, то и она происходила в рамках существовавших в Западной Германии политических институтов и партий. Хотя справедливости ради стоит отметить, что на первом этапе накануне объединения активно проявили себя новые партии и гражданские движения, которые в известной мере были мотором переломных событий 1989 г. Но по историческим меркам их жизнь была мимолетной. Уже после объединения — на первых общегерманских выборах — наблюдалось резкое снижение их популярности. Произошла их определенная абсорбция влиятельными политическими партиями Западной Германии. На следующем этапе интеграции восточных земель картина восприятия политических партий и политиков выглядела более сложной: наблюдались переменчивые настроения среди восточных немцев, усилилось влияние партий левой ориентации, прежде всего Партии демократического социализма.

Естественно, ключевую роль в этих процессах играла политическая элита. Характер политической элиты бывшей ГДР обусловил во многом крах самого государства и масштабную замену самой восточногерманской элиты после объединения с ФРГ. В результате бывшая элита ГДР распалась на 3 группы: первая, значительная, часть утратила свои позиции; вторая сумела удержаться на плаву на начальном этапе объединительного процесса; третья, незначительная, трансформировалась и влилась в элиту новой Германии. Фактически полный

цикл смены прежней элиты произошел в хронологических рамках между 1989 и 1995 гг.²

Не вызывает сомнения, что крах ГДР был предопределен во многом политикой и качествами элиты того периода, т. е. партийно-государственной номенклатуры СЕПГ. Ряд западных политиков характеризовал политическую систему ГДР как «консервативный авторитаризм». Истинной целью властвовавшей номенклатуры того времени было обеспечение политической стабильности и экономических преобразований без коренного реформирования системы.

В течение очень короткого периода — с октября 1989 г. по январь 1990 г. начал набирать темпы процесс делегитимизации политического руководства ГДР, сопровождавшийся внутривнутрипартийной циркуляцией элитных групп. При этом СЕПГ сохраняла свою ведущую роль как инициатор кадрового обновления, другие союзнические партии шли в этом процессе вслед за ней. Уход хонеккеровской элиты, начавшийся в октябре как «дворцовый переворот», уже в ноябре привел практически все высшее руководство ГДР к отставке и сопровождался активизацией оппозиционных групп, возникновением новых партий и гражданских движений. (В отличие от Польши и Венгрии оппозиция в ГДР не имела никаких шансов на организованное существование.) После отставки высшего руководства ГДР процесс «политической чистки» распространился на средний и нижний уровни аппарата СЕПГ, а также и других партий. Единственным первым секретарем окружного комитета, сохранившим свой пост, был Ганс Модров (Дрезден). Далее последовали роспуск Национального совета обороны, исключение из партии Эриха Хонеккера, отставка правительства Вилли Штофа. Таким образом, в декабре 1989 г. старая элита ГДР полностью сошла с политической сцены. В этот период открыто заявила о себе контрэлита. Но в ходе первых общегерманских выборов в 1990 г. восточногерманские политики имели шанс победить, как правило, лишь тогда, когда им была обеспечена поддержка со стороны западногерманской политической элиты. Пример тому — стремительная политическая карьера Лотара де Мезьера, избранного председателем ХДС (ГДР) при поддержке Г. Коля и ставшего премьер-министром последнего правительства ГДР. В тот же период началась и политическая карьера Ангелы Меркель — нынешнего женщины-канцлера ФРГ.

Своеобразие смены элит в Восточной Германии после краха ГДР заключалось в следующем:

1. Ни в одной из бывших соцстран Европы смена элит не была столь масштабной и быстрой как экс-ГДР.

2. Все институты государственной власти ГДР утратили свою легитимность. Если в других восточноевропейских странах бывшие коммунисты еще возвращались во власть, то здесь коммунистическая номенклатура была вычищена под ноль.

3. Циркуляция элит в восточных землях Германии происходила не по принципу «новая вместо старой», а по схеме «западная вместо восточной». В этих условиях политическая и экономическая элита Западной Германии захватила лидирующие позиции во всех сферах общества³.

В тот период многим казалось, что такая модель трансформации Восточной Германии, в соответствии с которой ей нужно было просто вписаться в структуру ФРГ, сулит быстрые успехи и процветание. Но чем больше проходит времени, тем яснее становится, насколько завышенными были ожидания, и как много надежд не оправдалось. Причиной тому был ряд объективных факторов. Не в последнюю очередь это было связано с упрощенными представлениями населения об объединении двух государств, которое виделось как слияние в сообщающихся сосудах. Не был учтен фактор общественного сознания, особенности менталитета восточных и западных немцев. Игнорировалась историческая и социокультурная специфика Восточной Германии. Политики, которые хотели войти в историю как объединители Германии, принимали поспешные решения. Хотя еще в период эйфории, на начальной фазе срастания двух германских государств, вполне авторитетные люди предвидели сложности и длительность этого процесса. В частности, Ю. Хабермас предупреждал общество о негативных последствиях избранной формы объединения. Он считал, что немцам нужно входить в будущее с другой конституционной основой. По его мнению, в результате отказа от осознанного акта принятия новой конституции был принят вариант «будущего в форме прошлого». Заместитель председателя фракции СДПГ в бундестаге В. Тирзе высказывал в 1990 г. идею в том, что в Германии появился шанс конвергенции Запада и Востока, но не был использован. Вместо этого Восток принудили по пути даже не столько догоняющей, сколько подражательной модернизации⁴.

Серьезным препятствием для органического слияния Запада и Востока Германии являются не только экономические, но и социально-психологические различия, которые продолжают влиять на процесс так называемого внутреннего единения немцев. Уже в начале объединительного процесса многими политиками и учеными высказывались опасения относительно грядущих сложностей. Многие прогнозы нашли свое подтверждение в последующие годы.

Сошлемся, в частности, на мнение исследователя и публициста Катарины Бельве (ФРГ), которая писала в 1990 г.: «На процесс объединения будут оказывать глубокое влияние не только политические факторы, но прежде всего, психологическое восприятие прошлого и настоящего, а также устойчиво проявляющийся особый социокультурный облик восточных немцев. Эти факторы будут давать знать о себе уже и после того, как экономическое развитие в новых федеральных землях пойдет по восходящей»⁵.

Характерное в тот период для большей части населения восточных земель состояние фрустрации и отчаяния явилось следствием завышенных надежд. Граждане ГДР, стремясь к объединению, ожидали получить своего рода синтез западных свобод и благосостояния с социальными завоеваниями социалистического общества. Ориентируясь на жизненные стандарты в Западной Германии, они не предполагали, что реальные будни в условиях жесткой конкуренции, а также растущей безработицы будут формировать у них комплекс неполноценности и сделают их немцами «второго сорта».

Опыт показал, что сама по себе ликвидация системы директивного планирования на территории бывшей ГДР не привела сразу к установлению рыночных отношений, а вызвала хозяйственную дезинтеграцию с соответствующими последствиями. Как ни парадоксально, развалу экономики и производства в восточных землях способствовали сами жители этих земель: они повсеместно «бойкотировали» восточногерманскую продукцию. Таким образом, из сферы торговли вытеснялись товары местного производства и их производители.

Кроме того, скачок от централизованного коллективизма к индивидуалистской форме существования требовал избавления от устоявшихся образа жизни, мышления и поведения. В этих условиях многие люди были абсолютно беспомощны в выборе собственного жизненного пути при отсутствии готовых рецептов для принятия решений.

Вместе с тем нельзя не учитывать того, что население ГДР после заключения Договора об объединении с ФРГ оказалось в подчиненном положении. По мнению известного восточногерманского историка Ю. Кучинского, экс-ГДР стала как в социально-экономическом, так и в культурном отношении «бедной колонией целостной Германии». В политическом отношении Восточная Германия утратила свой шанс для проведения демократических преобразований изнутри, которые закончились, едва успев начаться осенью 1989 г. Среди социальных психологов получило распространение мнение о том, что восточные немцы, издавна привыкшие подчиняться своим ком-

мунистическим вождям, тотчас же перенесли свое послушание на новых политических лидеров.

Таким образом, в сознании восточных немцев произошло как бы наложение двух менталитетов, каждый из которых проявлялся в той или иной ситуации соответствующим образом. Пережитый многими шок от потери работы, разрушения прежней системы социальной защиты, противоречия между старыми и новыми ценностными установками привели к росту недовольства населения в этом регионе и ностальгии по социальным завоеваниям ГДР.

Прежде всего это было связано с кризисом адаптации к слишком быстрой смене социальных институтов. Ликвидация прежних структур, введение иной системы управления и права, включая присущий ей бюрократический язык, системы страхования, науки и образования оказались для восточных немцев причиной постоянных сверх усилий по психологической и социальной адаптации. В этих условиях они оказывались совершенно некомпетентными в социальной и законодательной сферах ФРГ, что подрывало их веру в свои возможности, усложняло социальные контакты. Вместе с тем именно способность к самоограничению, самоконтролю, привычка к уравнительному социальному строю помогали восточным немцам справляться с трудностями объединительного процесса.

Многие немецкие исследователи считают серьезным негативным последствием объединения Германии травмирование и даже разрушение самосознания населения ГДР, кризис его идентичности. Именно этим объясняют усилившуюся впоследствии ностальгию по немецкому социалистическому государству, подчеркивая, что это не стремление вернуться в старые времена, а желание вернуть себе утраченное достоинство и осмыслить прошлое с позиций сегодняшнего дня.

Можно сказать, что надежды, с которыми население ГДР шло навстречу объединению с ФРГ, во многом не оправдались. Причин тому — объективных и субъективных — несколько. Значительную роль сыграл фактор общественного сознания, который не был учтен в достаточной степени. Прежде всего это было связано упрощенными представлениями об объединении двух государств с различными общественными системами. Скандировавшийся в ноябре 1989 г. лозунг «Мы — один народ» сегодня почти всеми забыт. А тяготы экономических, социальных, культурных перемен легли в основном на плечи восточных немцев. Более того, ситуация усугубилась в результате кризисных явлений в экономике ФРГ на рубеже веков и нынешнего глобального кризиса.

По прошествии 20 лет с момента объединения Германии стало ясно, что полного слияния в единое общество до сих пор не произошло. Как отмечают современные немецкие исследователи, все еще сохраняются дистанцирование и скепсис восточных немцев по отношению к формально внедренным в их жизнь институтам, которые заполнены по большей части западногерманскими «элитными функционерами»⁶. В Восточной Германии так и не образовалось устойчивых центров экономического роста, а ее политическое пространство воспринимается по-прежнему как специфическое. Согласно опросам 2009 г., обделенными себя чувствовали 61 % жителей новых земель. 57 % респондентов считают себя заложниками политики реформ и чувствуют себя «гражданами второго сорта». По ряду оценок, восточные федеральные земли достигнут уровня развития западных земель не ранее 2016 г.⁷ Характерно, что и 20 лет спустя после объединения восточные и западные немцы демонстрируют отчужденность по отношению друг к другу. Лишь в одном вопросе западные и восточные немцы проявили в ходе опроса завидное единомыслие: в том, что германское объединение принесло им больше потерь, чем выгод.

Итак, в целом Восточная Германия прошла путь трансформации в систему, полностью построенную на заимствованных институтах. В этом смысле данную модель можно назвать универсальной. Но это отнюдь не означает универсальность самого общества, к которому шла Восточная Германия.

Примечания

¹ Гутник В. П. Объединенная, но не единая. Десять лет экономической и социальной интеграции Германии // *Объединенная Германия: десять лет*. М., 2001. С. 38–39.

² 20 лет объединения Германии: что думают о нем на востоке и западе страны. Режим доступа: <http://www.rodon.org/polit-090312110137>.

³ Шаншиева Л. Н. Смена элиты в Восточной Германии (1990-е годы) // *Политические элиты в Центральной и Восточной Европе*. М., 1998. С. 66–81.

⁴ Thierse W. *Zukunft Ost: Perspektiven für Ostdeutschland in der Mitte Europas?* В., 2001.

⁵ Цит по: Шаншиева Л. Н. Ценностные ориентации в условиях трансформирующегося общества (на примере Восточной Германии) // *Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы*. М., 2002. С. 235–245.

⁶ 20 лет объединения Германии: что думают о нем на востоке и западе страны. — Режим доступа: <http://www.rodon.org/polit-090312110137>.

⁷ Там же.

ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В ПОЛЬШЕ В 1989–1991 гг.

О. Ю. Михалев
(Россия)

Хотя до 1989 г. в Польше легально существовали три политических партии: правящая Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) и так называемые союзнические партии — Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия, которые все вместе входили в состав Фронта национального единства (после 1982 г. — Патриотического движения национального возрождения), в стране не было конкурентной партийной системы. Несмотря на то что ст. 84 конституции ПНР предоставляла гражданам страны право объединяться в политические и общественные организации, введенная в 1976 г. в обновленном варианте основного закона Польши ст. 2а определяла ПОРП как «ведущую политическую силу общества в строительстве социализма», взаимодействующую с другими политическими партиями, тем самым закладывая обязательность привязки к ней партий-союзников¹. Вплоть до начала процесса революционных преобразований конца 1980-х гг. функционирование иных политических сил возможно было только в подполье.

Соглашения «круглого стола», предоставившие оппозиции право легальной деятельности, не открыли новых возможностей по созданию политических партий, поскольку речь в них шла исключительно о плюрализме профсоюзов. Это объяснялось двумя причинами: во-первых, стремлением руководства ПОРП сформировать не принципиально новую политическую систему, а только обновить старую, в которой, сохраняя за собой ведущие позиции, коммунисты разделят ответственность за ситуацию в стране с «Солидарностью», во-вторых, как мы увидим ниже, на этом этапе лидеры «Солидарности» не стремились к созданию политических партий, предпочитая продолжать борьбу с коммунизмом в рамках массового движения, у которого, по их мнению, было больше шансов на достижение победы. Тем не менее уже в течение 1989 г. сформировалось несколько объединений,

причислявших себя к партиям. Они действовали на полуполюгальной основе, поскольку не существовало законодательства, определявшего их место в политической системе, но при этом в отношении этих политических «новичков» не предпринималось никаких репрессивных мер. Фактически при их регистрации использовались положения закона об объединениях (*stowarzyszeniach*). Только 29 декабря 1989 г. из конституции было удалено положение о руководящей роли ПОРП, вместо которого появилась формулировка, указывающая, что «партии создаются на основе принципов добровольности и равенства польских граждан с целью влияния демократическими методами на формирование политики государства»².

На рубеже 1989–1990 гг. началась работа и над законом о политических партиях, который был принят Сеймом 28 июля 1990 г. Закон определил правовой статус партий, правила их участия в политической жизни, имущественные отношения, порядок финансирования, доступ к СМИ и т. д., ликвидировав таким образом весьма серьезный пробел в законодательстве. Негативное отношение к партийной жизни времен ПНР, нежелание ограничивать политическую активность граждан, а также некоторая поспешность в работе над законом привели к тому, что была принята крайне либеральная уведомительная модель регистрации партий. Она означала, что для регистрации в суде достаточно подать заявление с указанием названия и местонахождения партии, способа формирования органа, уполномоченного представлять партию, а также подписи 15 дееспособных граждан Польши. Не требовалось даже наличие программы и устава³. Такой порядок способствовал тому, что в начале 1990-х гг. в Польше возникло несколько десятков политических партий, большая часть из которых, впрочем, являлась таковыми только по названию.

В польской политологии предлагается несколько классификаций политических партий, опирающихся на выявление особенностей их происхождения⁴. Наиболее развернутая из них делит партии на пять групп: (1) политические группировки, сформировавшиеся на базе партий социалистической Польши («посткоммунистические» партии); (2) партии, связанные происхождением с «Солидарностью»; (3) существовавшие ранее в подполье партии, не связанные с «Солидарностью»; (4) «исторические» (или, по выражению А. Михника, «ностальгические») партии, возводящие свою родословную к партиям межвоенного периода и 1940-х гг.; (5) «новые» партии, возникшие в ходе демократической трансформации и не связанные с предыдущим периодом⁵. Не все перечисленные пути создания партий оказались одинаково продуктивны как с точки зрения количества возникших

в их рамках политических группировок, так и по степени влияния на политической сцене. Можно утверждать, что на анализируемом отрезке времени четвертый и пятый пути оказались наименее эффективными, и как «исторические», так и «новые» партии находились на обочине политической жизни. Причины этого будут показаны ниже, а сейчас мы рассмотрим наиболее значимые политические партии, появившиеся в Польше в 1989–1991 гг. В соответствии с хронологией возникновения начнем с партий третьей группы.

Оппозиционные партии, не связанные с «Солидарностью», сформировались в подполье еще до первых, частично свободных, выборов в июне 1989 г. Легализовавшись в течение 1989 г., они приняли активное участие в политической жизни, сумев завоевать поддержку довольно весомой части электората. Главное место среди таких партий принадлежало Конфедерации независимой Польши (KPN, Konfederacja Polski Niepodległej). Она возникла еще в 1979 г. и в течение десяти лет действовала в подполье, составляя крайне правый фланг антикоммунистической оппозиции. КПН выступала против соглашений «круглого стола», считая, что необходимо не договариваться с коммунистами о разделе власти, а добиваться их полного отстранения от нее с привлечением к ответственности за совершенные преступления. Утверждая, что «Солидарность» на переговорах не имела права выступать от лица всей оппозиции, КПН пошла отдельным списком на выборы 1989 г., при этом отметившись рядом уличных манифестаций и протестов, порой заканчивавшихся столкновениями с милицией. Позже партия тоже не пренебрегала непарламентскими методами борьбы, организовав, в частности, в октябре 1989 г. массовую акцию по занятию зданий, принадлежавших ПОРП, с требованиями принятия закона о политических партиях, выделения им помещений и кредитов, обеспечения равного доступа к СМИ и т. д.⁶

В программных документах, а также в работах ее лидера Л. Мочульского КПН апеллировала к пилсудчиковской традиции сильного государства с централизованной исполнительной властью. В ее идеологии сочетался сильный антикоммунизм и национал-радикализм с популизмом и этатизмом. Сознывая, что социальной базой партии является малообразованная часть рабочего класса, чье положение неизбежно ухудшится при проведении радикальных рыночных реформ, ее лидеры выступали за государственный интервенционизм, признавая задачей государства защиту польских предприятий, и критиковали принятые методы приватизации⁷.

Наибольшим успехом КПН стали парламентские выборы 1991 г., когда она собрала немногим менее 9 % голосов избирателей, что ста-

ло четвертым результатом среди более чем 100 партий и групп, принявших участие в кампании. Это было меньше ожидаемого накануне выборов, когда партия обещала получить сто мандатов и использовала в своих листовках лозунги типа «Время КПН», «осталась только КПН», но дало ей возможность занять в Сейме 46 депутатских мест⁸. Однако КПН так и не смогла воспользоваться открывающимися перед ней возможностями и выйти из роли «изолированной» партии, которую она исполняла начиная с 1989 г. С самого начала трансформации у КПН сложились весьма непростые отношения с политическими силами, выделившимися из «Солидарности». Взаимному недоверию способствовали несколько факторов: соперничество в стремлении стать во главе процессов общественно-политических преобразований в Польше, не слишком ответственное поведение лидеров КПН, не стеснявшихся использовать уличные формы протеста, чрезмерно ксенофобский характер программы Конфедерации, отпугивающий потенциальных участников коалиции⁹. Поэтому КПН так и не приняла участия в формировании правительственных коалиций, хотя участвовала в предварительных консультациях, например при образовании кабинета Х. Сухоцкой. К выборам 1993 г. оказалось, что лозунги партии устаревают, а обращение к политическим реалиям времен Пилсудского не способствует разрешению современных проблем. Избиратель начал утрачивать интерес к КПН, которой удалось получить в этот раз 4,8 % голосов и 22 места в Сейме¹⁰.

Заметную роль среди оппозиционных сил, не связанных происхождением с «Солидарностью», игралась также Уния реальной политики (UPR, Unia Polityki Realnej) во главе с Я. Корвин-Микке. Она образовалась в апреле 1989 г. из Движения реальной политики, существовавшего с ноября 1987 г. Хотя УПР не поддержала ни соглашения «круглого стола», ни правительство Т. Мазовецкого и участвовала в выборах 1989 г. самостоятельно, в начальный период своей деятельности она пыталась наладить взаимодействие с идейно близкими группировками, в частности ведя переговоры о создании правоцентристской коалиции. Однако программные разногласия и нежелание сотрудничать с «Солидарностью» вскоре привели к изоляции партии. На выборах 1991 г. УПР удалось собрать лишь чуть более 2 % голосов, что позволило ей получить 3 места в Сейме, а в 1993 г. она не смогла преодолеть 5-процентный барьер, оказавшись вне стен парламента.

Идеология УПР сочетала в себе ультралиберальные установки в экономической сфере, исключавшие какие-либо формы участия государства в регулировании свободного рынка (вплоть до требований

отмены налоговых льгот госмонополиям, приватизации больниц и школ и пр.), с консервативными лозунгами в социальных вопросах (защита традиционных семейных уз, христианских ценностей и т. д.). Сама партия определяла собственную идентичность в категориях консервативного либерализма¹¹.

Количество *партий, прямыми предшественниками которых являлись партии социалистической Польши*, чрезвычайно невелико. Более того, наследовавшие партиям ПНР группировки всячески стремятся связать свое происхождение с иными политическими течениями, отмежевываясь от скомпрометировавшего себя правящего блока ПНР. Классическая партия такого типа, с которой в Польше ассоциируется само слово «посткоммунисты» — это Социал-демократия Республики Польша (SDRP, Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej).

СДРП была образована в январе 1990 г., после того как XI съезд ПОРП высказался за роспуск партии и учреждение на ее месте новой организации, объединившей в своих рядах реформаторскую часть бывших партийных функционеров и сочувствующих преобразованиям рядовых членов партии. Молодой лидер СДРП А. Квасьневский повел ее по пути отмежевания от идейно-политического наследия ПОРП и следования традициям польских социалистов межвоенного времени и современной европейской социал-демократии. Несмотря на первоначальные трудности, связанные с запретом на передачу ей имущества ПОРП, отсутствием доступа к СМИ, увольнениями с работы ее лидеров, партия сумела окрепнуть и утвердиться на политической арене. Посткоммунистическое происхождение не позволяло СДРП вступать в коалиции с другими политическими группировками, превращая ее в начале 1990-х гг. в изгоя на польской политической сцене. Тем не менее выражаемая партией ориентация на социальную рыночную экономику с сильным вовлечением государства оказалась востребованной в обществе, особенно среди среднего класса, хорошо образованных избирателей с высоким уровнем доходов и атеистическим мировоззрением. СДРП вскоре отказалась от идеи создания классовой партии, укорененной в рабочей среде, и стала ориентироваться именно на эти слои населения. Выборы 1991 г. принесли возглавляемому ею Союзу демократических левых сил (СДЛС) 2-е место с почти 12 % голосов (СДЛС уступил только либералам из Демократического союза), в результате чего партия стала одной из главных оппозиционных сил¹².

Посткоммунистической партией являлась также Польская крестьянская партия «Возрождение» — наследница Объединенной крестьянской партии (ОКП), деятельность которой была завершена

в ноябре 1989 г. на ее XI чрезвычайном конгрессе. Одновременно собравшиеся делегаты заявили о создании новой партии, выбрав ее председателем К. Олесьяка. Вместе с тем еще летом 1989 г. ряд политических и общественных деятелей провозгласили образование Польской крестьянской партии, объявившей себя наследницей крестьянского движения (людовцев) первой половины XX в. Несмотря на противоречия между двумя партиями, каждая из которых считала себя «истинными людовцами», руководство обеих стремилось к объединению крестьянского движения. Не без труда созданный 5 мая 1990 г. объединительный конгресс объявил о создании Польской крестьянской партии (PSL, *Polskie Stronnictwo Ludowe*) на базе двух своих предшественниц. ПСЛ представлялась преемницей не ОКП, а партии, созданной С. Миколайчиком в конце 1945 г. и опиравшейся на традиции крестьянского движения конца XIX — первой половины XX в. 17 августа 1990 г. ПСЛ первой была зарегистрирована воеводским судом Варшавы, официально начав тем самым процесс становления в Польше подлинной многопартийности¹³.

В идеологии ПСЛ сочетались концепции неаграризма, общественно-политических взглядов польского костела и даже элементов социалистической и социал-демократической доктрин. В экономических вопросах партия высказывалась за общественную рыночную экономику с ограниченным государственным вмешательством, связанным главным образом с предоставлением преференций производителям сельскохозяйственной продукции. Однако критики ПСЛ отмечали, что в основу ее идеологии легла модифицированная программа ОКП, дополненная патриотической риторикой и лозунгами межвоенного периода, призванными лишь закамуфлировать старое содержание. Выходцы из коммунистической номенклатуры оттеснили на вторые роли деятелей, пришедших из оппозиции, и преуспели в занятии выгодных должностей в различных администрациях, связанных с сельским хозяйством, получении субвенций и фондов, используя для этого организационные структуры бывшей ОКП¹⁴. Именно этот факт позволяет исследователям, несмотря на декларируемую связь с движениями В. Витоса и С. Миколайчика, причислять ПСЛ к посткоммунистическим партиям. Однако следует заметить, что для ПСЛ эта связь воспринимается далеко не так однозначно, как в случае с СДРП, и не привела к изоляции партии на политической арене. С момента своего возникновения ПСЛ активно участвовала в разного рода соглашениях, являясь желанным партнером для группировок как правой, так и левой ориентации. Собственно именно поддержка людовцев в 1989 г. позволила ли-

бералам создать первое некоммунистическое правительство Т. Ма- зовецкого, в котором ПСЛ имела своих представителей. Ее члены входили в состав едва ли не всех последующих кабинетов, позволяя партии непосредственно влиять на формирование политического курса этих кабинетов. На выборах 1991 г. ПСЛ получила более 9 % голосов, что стало третьим результатом, а впоследствии еще более упрочила свой успех¹⁵.

Партии, образовавшиеся после раскола движения «Солидарность», заняли в начале 1990-х гг. главенствующие позиции на польской политической сцене. Это было связано с той ролью, которую сыграла «Солидарность» в процессе крушения коммунистического режима, ее моральной победой на июньских выборах 1989 г., большим запасом полученного общественного доверия. Однако вплоть до настоящего времени обстоятельства распада «Солидарности» и взаимоотношения между выделившимися из нее группировками являются одной из наиболее обсуждаемых тем в польском политическом дискурсе. К примеру, такой видный политик как Б. Геремек, связывал с несвоевременным и неумелым разделением «Солидарности» на партии слабость политической системы Польши, ощущающуюся и два десятилетия спустя¹⁶.

Действительно, в 1989 г. «Солидарность» трансформировалась из профсоюза, в качестве которого создавалась изначально, в массовое общественно-политическое движение с весьма аморфной идеологией и организацией. Оно объединяло представителей самой различной политической ориентации — от приверженцев модели шведского социализма до правых католиков, которых удерживала вместе только одна цель: стремление разрушить существующую политическую систему. Несхожесть политических убеждений побудила некоторых представителей «Солидарности» еще накануне выборов 1989 г. поставить вопрос о необходимости разделения с тем, чтобы каждое крыло вступило в борьбу самостоятельно, под собственными лозунгами, выражавшими интересы конкретных групп избирателей. Однако руководство «Солидарности» во главе с Л. Валенсой предпочло пойти на выборы единым фронтом, да и после них довольно долго пыталось сдержать процесс распада.

Здесь можно выделить по крайней мере две причины. Во-первых, у «Солидарности» отнюдь не было уверенности в достижении победы. Соглашения «круглого стола» не предполагали коренного изменения социально-политического устройства Польши. Наоборот, они были призваны сохранить у власти ПОРП, легитимизировав ее правление за счет частичного разделения ответственности с «Со-

лидарностью». Поэтому лидеры последней настраивались на продолжение долгой борьбы, на успех в которой можно рассчитывать, только если держаться сообща. Упомянутый Б. Геремек вспоминал: «Были люди, которые говорили, что следует немедленно создать политическое партии. Я относился к тем, вместе с Лехом Валенсой, которые считали, что важнейшим делом является победа над ними [то есть коммунистами. — О. М.]. А мы можем это сделать лишь в том случае, если выступим не как партия, а как великое движение “Солидарность” с Лехом Валенсой во главе... Если бы не это, мы бы не достигли успеха»¹⁷. Победа на июньских выборах, по сути, мало что меняла, поскольку заключенные за «круглым столом» соглашения и 65 % мест в Сейме давали правящей коалиции право вне зависимости от их результата самостоятельно выбрать правительство, президента и принимать законы. В течение всего лета 1989 г. в «Солидарности» велась ожесточенная полемика о том, как она должна вести себя после выигранных выборов. И далеко не все ее лидеры соглашались с главным редактором «Газеты выборчей» А. Михником, еще в начале июля выдвинувшим лозунг «Ваш президент, наш премьер». С ним спорил Т. Мазовецкий, считавший, что момент для взятия власти еще не пришел¹⁸. Л. Валенса утверждал, что «наши элиты из “Солидарности” не имели никаких подготовленных решений для взятия власти. Я думал, что если мы включимся во власть, нас легко будет поглотить»¹⁹. Даже после образования правительства Мазовецкого в «Солидарности» продолжало оставаться очень сильным убеждение в необходимости сохранения единства. В. Хшановский вспоминал, что когда в октябре 1989 г. состоялось собрание, на котором была учреждена партия Христианское национальное объединение, он встретился с серьезным противодействием со стороны деятелей «Солидарности», убеждавших в том, что время для образования партий еще не пришло²⁰.

Во-вторых, на рубеже 1980–1990-х гг. слово «партия» ассоциировалось прежде всего с ПОРП. Не только рядовой избиратель, но и политические деятели испытывали чувство острого недоверия к партиям, в предыдущие годы являвшимся важным звеном в конструкции авторитарного режима. Мысль о том, что партии представляют собой необходимый элемент демократического общества, еще только начинала прокладывать себе дорогу. Поэтому, даже создавая партию, политики предпочитали обойтись без определения «партия» в ее названии. Особую нелюбовь к этому слову испытывали представители антикоммунистической оппозиции, мало кто из которых называл создаваемую политическую группировку партией. Так в рас-

сма­три­вае­мый пе­риод на поль­ской по­ли­ти­че­ской сцене по­я­ви­лись сою­зы (Де­мо­кра­ти­че­ский сою­з, Уния ре­аль­ной по­ли­ти­ки), кон­грес­сы (Ли­бер­аль­но-де­мо­кра­ти­че­ский кон­грес­с), со­гла­ше­ния (Со­гла­ше­ние «Цен­тр») и пр. Имелось не­ма­ло и та­ких, ко­то­рые считали, что в но­вом об­ществе, иду­щем на смену ком­му­ни­сти­че­скому ре­жи­му, по­ли­ти­че­ским пар­ти­ям во­обще не бу­дет мес­та. Так, А. Квасье­вский вспо­ми­нал, как на встре­че с ита­льян­ской де­ле­га­цией Б. Ге­ре­мек «с при­су­щей ему стра­стью утвер­ждал, что победа “Со­ли­дар­ности” и то, что про­ис­хо­дит в Польше, озна­ча­ет кон­ец пар­тий­ных систем в Ев­ро­пе»²¹. Та­ким по­ли­ти­кам по­тре­бо­ва­лось не­ма­ло вре­мени для того, чтобы убе­диться: рас­пад «Со­ли­дар­ности» яв­ля­ется не толь­ко не­из­беж­ным, но и по­зи­тив­ным про­цес­сом, а вы­де­лив­шие­ся из нее пар­тии стан­ут ос­но­вой де­мо­кра­ти­че­ской по­ли­ти­че­ской системы.

Ука­зан­ные об­сто­ятель­ства привели к тому, что вы­де­ле­ние пар­тий из «Со­ли­дар­ности» шло тя­же­ло, вы­зы­вая мно­же­ство вза­им­ных обид и претен­зий. Пер­вые по­ли­ти­че­ские и идей­ные раз­но­гласия обо­зна­чи­лись уже ле­том 1989 г. на засе­да­ниях Граж­дан­ского пар­ла­мент­ского клу­ба, в ко­то­рый во­шли де­пу­таты Сей­ма и Се­на­та, про­шед­шие на июнь­ских вы­бо­рах по спи­скам «Со­ли­дар­ности». Яв­ствен­но вы­де­лилось ле­вое кры­ло во главе с А. Мих­ником и Б. Ге­ре­ме­ком, стре­мив­шее­ся стро­ить ли­бер­аль­ное свет­ское го­су­дар­ство и ви­де­вшее глав­ную опас­ность в на­ци­о­на­лизме и ан­ти­се­митизме. Они не при­зы­вали к не­мед­лен­ному уда­ле­нию ком­му­ни­стов из по­ли­ти­че­ской жизни, раз­де­ляли мысль о не­об­хо­ди­мости со­труд­ни­че­ства с ними в рам­ках со­гла­ше­ний «круг­лого сто­ла» и под­дер­жали курс ре­форм, про­во­ди­мых правитель­ством Т. Ма­зо­ве­цкого. Про­тивовес ле­вому кры­лу со­ста­вили по­ли­тики хри­сти­ан­ско-де­мо­кра­ти­че­ских, кон­сер­ва­тив­ных и на­ци­о­на­ли­сти­че­ских взгля­дов (Я. Оль­шев­ский, Я. и Л. Качинь­ские, А. Ма­че­ре­вич). Для них глав­ной целью про­дол­жа­ла оста­ваться борьба с ком­му­ни­стами, они настаивали на про­ве­де­нии ре­ши­тель­ной де­ком­му­ни­за­ции и лю­стра­ции²². Осенью 1989 г. Яро­слав Качинь­ский вы­двинул лозунг так на­зы­вае­мого «ус­ко­ре­ния», обос­но­вывая его тем, что ко­рен­ным об­ра­зом изменилась по­ли­ти­че­ская ситуация в мире (па­де­ние Бер­лин­ской стeны, «бар­хат­ная» ре­во­лю­ция в Чехо­сло­ва­кии, крах ре­жи­ма Чау­ше­ску), де­лая со­блю­де­ние за­клю­чен­ных за «круг­лым сто­лом» до­го­во­рен­ностей не­об­язатель­ным. По его мысли, «ус­ко­ре­ние» должно было про­я­виться глав­ным об­ра­зом в фор­си­ро­ван­ной де­ком­му­ни­за­ции го­су­дар­ствен­ного ап­па­рата, ар­мии и ор­ганов бе­зопас­ности, ко­то­рые в тот мо­мент считались вот­чи­ной ПОРП²³. На этой поч­ве стали мно­житься раз­но­гласия с правитель­ством Ма­зо­ве­цкого, ко­торое так и не ре­шилось при­бе­гнуть к ра­ди­каль­ной де­ком­му­

низации, предпочитая придерживаться правила *pacta sunt servanda* (пакты должны выполняться).

Первой партией, выделившейся из «Солидарности», стало упомянутое выше Христианское национальное объединение (ХНО, Zjednoczenie Chrześcijańsko-Narodowe), учредительный съезд которого состоялся 28 октября 1989 г. с участием около 300 представителей различных групп, входящих в состав «Солидарности». Возглавил ХНО авторитетный общественный деятель, занимавший видное место в движении «Солидарность», Веслав Хшановский. Позже он утверждал, что главной причиной, побудившей его взяться за организацию партии, явилось не желание встать в оппозицию правительству Мазовецкого, а осознание необходимости создания партий при строительстве демократического общества: «Я просто считал, что без партий не будет демократии, общество не будет иметь реального влияния на власть»²⁴. Первой из оформившихся в 1989 г. политических сил ХНО стало демонстрировать в довольно агрессивной форме христианско-националистическую идеологию, называя в качестве своих главных ценностей свободу, независимость, солидарность, веру, семью, частную собственность. Партия высказывалась за коренное реформирование социально-экономического и политического строя Польши, опираясь на принципы католицизма и польской культурной традиции, в связи с чем даже близкими по духу группировками воспринималась как партия фундаменталистская. В экономической сфере ХНО выступало за социальную справедливость и государственное регулирование, в политической — за сильную президентскую власть, в общественной — за внесение христианских ценностей в правовую систему, введение обучения религии в школьную программу, ограничение аборт и пр. Партия сумела занять видное место на польской политической сцене. На выборах 1991 г. в составе Католической избирательной акции ХНО получило почти 9 % голосов, что дало ему 49 депутатских мест, позволило принять участие в формировании трех кабинетов, провести значительное количество своих членов на посты в органах государственной власти и даже добиться избрания своего председателя В. Хшановского маршалом Сейма²⁵.

Решающий удар по единству лагеря «Солидарности» нанесла так называемая «война в верхах», объявленная правительству Т. Мазовецкого Л. Валенсой и группировавшимися вокруг него правыми политиками во главе с Я. Качиньским летом 1990 г. Главной причиной «войны» явилось недовольство части «Солидарности» слишком медленным, по ее мнению, темпом политических реформ: затягиванием с проведением выборов в местные органы власти и Сейм, с разрешением

вопроса о дальнейшем пребывании на президентском посту В. Ярузельского, с проведением решительной чистки государственного аппарата от коммунистов. В последующем на политические разногласия стали накладываться споры по поводу экономического курса Л. Бальцеровича, признаваемого окружением Валенсы чрезмерно радикальным. Однако идейные противоречия имели еще и существенную личностную составляющую. Валенса после образования правительства Мазовецкого чувствовал себя отстраненным от процесса принятия решений и надеялся изменить ситуацию путем проведения досрочных президентских выборов, в которых рассчитывал одержать легкую победу.

Рупором недовольных политикой правительства сил стал «Тыждник Солидарность», главным редактором которого являлся Я. Качиньский. С января 1990 г. он начал систематически публиковать критикующие курс Мазовецкого материалы, тогда же в нем сложился своего рода дискуссионный клуб политиков, поддерживавших лозунг «ускорения». Как свидетельствовал Я. Качиньский, название новой группировки — Соглашение «Центр» (РС, Porozumienie Centrum) появилось уже в марте²⁶, однако над ее членами еще в течение некоторого времени довлела принятая в «Солидарности» концепция, согласно которой та должна сохранять единство, создавая новое демократическое общество без политических партий. Но все более углублявшийся раскол с левым крылом «Солидарности» привел к тому, что 12 мая 1990 г. на состоявшейся в Варшаве пресс-конференции официально объявили о формировании партии.

14 мая была опубликована Декларация Соглашения «Центр», под которой стояли 69 подписей депутатов Сейма и сенаторов, представителей политических клубов и общественных деятелей. В ней провозглашалась необходимость создания сильного политического центра, призванного задавать направление общественной трансформации, Декларация призывала к скорейшему проведению парламентских и президентских выборов. В борьбе за президентский пост Соглашение «Центр» поддержало кандидатуру Л. Валенсы, с которым связывало надежды на ускорение темпов перемен²⁷. Однако партию нельзя назвать идеологически цельной организацией; она представляла собой объединение разнородных групп христианско-демократической, либеральной, крестьянской, националистической ориентации, а также отдельных политических деятелей, как правило, из второго эшелона «Солидарности». Их сплачивало недовольство политикой правительства и реформами Бальцеровича, которые, по их мнению, привели к росту безработицы, обнищанию целых социальных слоев, тяжелым потерям для экономики, науки и культуры. Попытка более

четко определить политический профиль партии на ее первом конгрессе 2–3 марта 1991 г. закончилась расколом. Не согласившись с позиционированием партии как христианско-демократической, из Соглашения вышли несколько либеральных и крестьянских групп. Тем не менее конгресс принял программу партии, декларировавшую принятие ею христианских ценностей и социальной доктрины католической церкви. Своей основной целью СЦ провозглашало создание современного, сильного государства, опирающегося на традиционные польские ценности, с президентской системой правления. В области экономики оно высказывалось за рыночные методы, частную собственность и приватизацию, однако при условии проведения сильной социальной политики, не допускающей чрезмерного расслоения общества (это называлось «демократическим капитализмом»). В политической сфере партию характеризовал непримиримый антикоммунизм. Она требовала признания коммунистической системы преступной, решительного отстранения от власти старых «номенклатурных» элит и проведения люстрации²⁸.

Довольно быстро партии удалось достичь относительно большой численности членов — до 60 тыс. — и широкого регионального представительства (к октябрю ее отделения существовали уже во всех воеводствах). Наряду с «Солидарностью» СЦ выступило одним из главных движущих сил президентской кампании Л. Валенсы. На выборах 1991 г. партия в составе коалиции «Гражданское соглашение центристских сил» набрала 8,7 % голосов, что дало ей 44 депутатских мандата (шестое место среди парламентских фракций). СЦ приняло участие в формировании правительства Я. Ольшевского, однако после его падения в июне 1992 г. отказало в поддержке президенту Валенсе. Тогда же в партии набрали силу дезинтеграционные тенденции, выразившиеся в уходе ряда политиков, недовольных стилем руководства Я. Качиньского, вследствие чего ее влияние стало заметно ослабевать²⁹.

Образование СЦ дало толчок процессу оформления в политические партии и других группировок, входивших в лагерь «Солидарности». 29–30 июня 1990 г. состоялась учредительная конференция партии Либерально-демократический конгресс (KLD, Kongres Liberalno-Demokratyczny). Ее основу составил кружок молодых гданьских либералов, издававший с 1983 г. нелегальный журнал «Политическое обозрение». Председателем КЛД был избран Я. Левандовский, а его заместителем — Д. Туск. В президиум партии входил Ян Кшиштоф Белецкий, который в начале 1991 г. стал премьер-министром Польши. Партии удалось создать свой парламентский клуб, куда вошли 3 депутата Сейма и 6 сенаторов³⁰.

В сентябре 1990 г. КЛД вошел в состав СЦ и поддержал на президентских выборах кандидатуру Л. Валенсы. Однако уже в марте следующего года, не согласившись с утвержденной христианско-демократической ориентацией СЦ, КЛД вышел из него. Его собственные программные установки опирались на принципы политического и экономического либерализма: создание сильного гражданского общества, децентрализация управленческих функций государства с передачей значительной их части органам местного самоуправления, развитие частного предпринимательства, демонополизация экономики и уменьшение роли в ней государства³¹.

Шанс на реализацию своей концепции реформ, предоставившийся КЛД с назначением на пост главы правительства Я. К. Белецкого, выпал ему в значительной степени случайно. Белецкий был практически неизвестен широкой публике, являясь рядовым депутатом Сейма, поэтому когда победивший на президентских выборах Л. Валенса остановился на этой кандидатуре, его решение представлялось общественности как минимум странным. Сам Валенса позже объяснял свой выбор так: «Ян Кшиштоф — многообещающий, молодой, динамичный деятель и менеджер. Нам нужен был кто-то подобный. Я дал сигнал Польше: в первую очередь — экономика»³². На самом же деле гораздо большее значение, чем молодость и организаторские качества Белецкого, имели другие обстоятельства. Как выходец из Гданьска он не был вхож в варшавские политические салоны и виделся Валенсе своего рода противовесом столичной интеллигенции, группировавшейся вокруг Мазовецкого. Кроме того, отсутствие у него широкой поддержки делало правительство зависимым от президента, который получал возможность руководить им по своему усмотрению. Действительно, кабинет Белецкого стал, по сути, техническим правительством. Из 19 министров 13 были беспартийными, и только четверо, считая премьера, являлись членами КЛД. Правда, они получили портфели, связанные с экономикой, и вместе с Л. Бальцевичем, сохранившим за собой пост вице-премьера и министра финансов, смогли продолжить проведение начатых ранее масштабных либеральных преобразований. Но причастность КЛД к реформам не могла не ухудшить политические перспективы партии. На либералов обрушился шквал критики как справа, так и слева, вменявшей им в вину обнищание значительной части населения, рост безработицы и распродажу народного имущества. Хотя сам премьер пользовался большой популярностью, рейтинг его партии стал падать. Белецкий вспоминал: «Мы имели около 15 % поддержки... За два месяца до выборов из-за отсутствия денег в бюджете мы урезали пенсии и за-

морозили выплату надбавок бюджетникам. Можно сказать, что мы сделали все, чтобы уничтожить свой электорат. В результате, действительно, 15 % на выборах не было»³³. В октябре 1991 г. КЛД получил 7,5 % голосов, что позволило ему занять 37 мест в Сейме. По большей части за партию голосовали молодые и образованные жители крупных городов, связывающие свое будущее с продолжением рыночных реформ³⁴.

Попытка сплотить противостоящий СЦ и Валенсе проправительственный лагерь была предпринята 10 июня 1990 г., когда в Кракове состоялось совещание с целью образования «гражданской коалиции, поддерживающей программу правительства». Однако оно не достигло своей цели, поскольку помимо противников Валенсы там нашлись и люди, предпочитавшие пойти с ним на соглашение. К лидеру «Солидарности» даже отправилась специальная делегация, но, как и следовало ожидать, тот принял ее весьма прохладно. Более того, 24 июня на заседании Гражданского комитета — политического органа «Солидарности» произошла острая схватка двух противоборствующих фракций, каждая из которых крайне негативно отзывалась о деятельности своих оппонентов. После этого сохранять далее видимость единства было невозможно, тем более, что обвинения стороны обменивались перед объективами телекамер. Из комитета вышли 63 его члена, большая часть которых выступила в числе основателей двух новых партий.

16 июля 1990 г. было объявлено о создании Гражданского движения — Демократической акции (ГД–ДА), во главе которой стали А. Михник, З. Буяк, В. Фрасынюк, Х. Вуец, Я. М. Рокита и др. В ГД–ДА объединились последователи либерального и социал-демократического течения в «Солидарности». Они отвергали стратегию «ускорения» Я. Качиньского, поддержанную Валенсой, считая, как отмечалось в учредительной декларации партии, что она «открывает дорогу демагогии <...> будет способствовать дестабилизации страны, анархизации общественной жизни и может подорвать веру в демократические институты». Партия высказывалась за стабильную парламентскую демократию и политический плюрализм, разделение властей, гражданские свободы, независимость суда, развитое местное самоуправление, социальную рыночную экономику, отделение государства от церкви. В парламентский клуб ГД–ДА вошли 30 депутатов Сейма и 24 сенатора³⁵.

Противники Валенсы, не желающие связывать себя с леволиберальным ГД–ДА, организовали 27 июня Форум демократических правых сил (ФДПС). Руководителями этой небольшой партии стали

А. Халль, К. М. Уяздовский и др. ФДПС считался праволиберальной партией, он выступал за свободный рынок, частную собственность, правовое государство с преобладанием президента над парламентом и универсальные христианские ценности³⁶.

Обе партии в президентских выборах, назначенных на конец 1990 г., поддержали кандидатуру Т. Мазовецкого, который считался основным соперником Л. Валенсы. Однако в состоявшемся 25 ноября первом туре Мазовецкий потерпел неожиданное поражение, набрав всего 18 % голосов, что позволило ему занять только третье место — вслед за Валенсой и вернувшимся из Канады бизнесменом С. Тыминьским, которого до голосования мало кто воспринимал всерьез. Неудача заставила сторонников Мазовецкого сплотиться. 2 декабря на базе его избирательных комитетов образовалась партия Демократическая уния (UD, Unia Demokratyczna). В конце января 1991 г. первый съезд ГД–ДА после жарких споров принял решение об объединении с УД при условии сохранения своей идейной общности. Еще ранее (9 декабря) за вступление в УД высказался ФДПС, также пожелавший сохранить при этом идейную, политическую и организационную самостоятельность.

Объединительный съезд Демократической унии, состоявшийся 13–14 мая 1991 г., утвердил программу и организационную структуру партии. Разнородность вошедших в нее групп предопределила идейную размытость и фракционный характер организации партийных структур. Уже на съезде выделились три фракции: либеральная (на базе ГД–ДА), правая (ФДПС) и фракция зеленых. В качестве объединявших их целей провозглашались: представительная демократия, правовое государство, социальная рыночная экономика, интеграция Польши в европейские структуры. Партия выступала за демократизацию политической системы, децентрализацию администрации и создание сильных органов местного самоуправления. Она также требовала тщательного разграничения функций костела и государства, отказывая христианству в исполнении роли государственной или национальной идеологии³⁷. В целом УД избегала четкой локализации себя на каком-либо из флангов политического спектра и предпочитала считаться партией «широкого центра».

подавляющим большинством голосов (556 из 601) председателем партии съезд избрал Т. Мазовецкого, а его заместителями — Я. Куроня, В. Фрасынюка и А. Халля. Все они входили в состав руководства «Солидарности»; заслуги в деле свержения коммунистического режима принесли им заслуженный авторитет и большую популярность. Идейно и политически партию поддерживала возглавляемая А. Мих-

ником «Газета wyborcza», ставшая одной из наиболее влиятельных ежедневных газет страны. Эти обстоятельства, а также умеренный, рассудительный стиль осуществляемой партией политики сделали ее выразительницей интересов интеллигенции и среднего класса, связывающих свое будущее с предлагаемыми УД реформами. Наибольшее число сторонников партия получила среди молодых, образованных горожан, а также предпринимателей, которые обеспечили ей надежный, хотя и несколько ограниченный электорат. На выборах 1991 г. УД получила наибольшее из всех партий и избирательных блоков количество голосов — более 12 %, что дало ему 62 депутатских места. В действовавшей тогда политической системе Польши победа на выборах не означала, что победителю автоматически будет доверена миссия создания правительства. Президент Валенса под давлением Я. Качиньского предпочел поручить формирование кабинета Я. Ольшевскому, что означало изоляцию УД. Однако после падения правительства Ольшевского либералы все же заняли надлежащее им место, став во главе широкой коалиции связанных с «Солидарностью» сил, которая поддержала кабинет члена УД Х. Сухоцкой, находившийся у власти с июля 1992 по май 1993 г.

Образование УД завершило распад «Солидарности». Раскол среди бывших друзей и соратников по борьбе с коммунизмом, как пишет известный польский историк А. Дудек, был «неизбежным и легко предсказуемым». Он отмечает, что все попытки искусственного поддержания единства лагеря «Солидарности», в котором на рубеже 1989 и 1990 гг. выделились два течения, обрекались на неудачу. Одно выступало за либеральное и светское государство, видя в качестве главной угрозы национализм, клерикализм и ксенофобию части польского общества. Другое тяготело к консерватизму и католицизму, и его сторонники своей важнейшей задачей продолжали считать борьбу с наследием коммунизма, не удовлетворяясь роспуском ПОРП и стремясь максимально ограничить политическое и экономическое влияние бывших партийных функционеров³⁸. Раскол имел неоднозначные и далеко идущие последствия. С одной стороны, последовавшее за ним образование ряда политических партий положило начало строительству в Польше парламентской демократии. С другой — раскол оказался слишком глубоким и сопровождался многочисленными личными обидами, которые сделали невозможным в дальнейшем блокирование близких по идеологии группировок. Уделяя борьбе друг с другом гораздо больше внимания, чем против иных политических сил, бывшие лидеры «Солидарности» начали терять доверие избирателей. Результатом этого не мог не стать уход с политической

сцены всех наследников «Солидарности», вопрос о котором явился лишь делом времени.

На рубеже 1980–1990 гг. *исторические партии* оформились на большинстве участков политического спектра. Правда, многочисленные группировки националистической, христианско-демократической, крестьянской, социалистической ориентации чаще всего не оставили заметного следа в истории становления польской демократии. Во всяком случае, ни одна из них не сумела в 1991 г. пробиться в Сейм, и после непродолжительного пребывания на обочине политической жизни такие партии сходили со сцены.

Особенно богат на исторические партии был правый фланг, где появилось несколько относительно крупных группировок, выступающих под националистическими и католическими лозунгами. 8 июля 1989 г. начала свою деятельность Национальная партия (SN, Stronnictwo Narodowe), объявившая себя наследницей традиций довоенных национал-демократов и продолжательницей дела основанной в 1928 г. одноименной партии. Состоявшийся 18 ноября 1989 г. съезд НП принял программную декларацию, в которой провозглашал главной ценностью польский народ и его интересы, утверждая, что партия не отождествляет себя с каким-либо из флангов политической сцены, а выражает интересы простого человека. Своей целью НП объявляла всестороннее развитие польской нации, обеспечение ее независимости, суверенитета и безопасности. Польша признавалась национальным государством, а все попытки превратить ее в многонациональное политико-государственное образование рассматривались как безусловно вредные и опасные. НП апеллировала к христианским ценностям и утверждала, что в своей деятельности будет руководствоваться общественной доктриной католической церкви и традициями польского католицизма.

В экономике НП выступала за развитие частной собственности, в то же время считая необходимым участие государства в регулировании рыночных отношений с целью защиты сложившихся социальных институтов. Экономика должна служить интересам всего народа, утверждала НП, и для обеспечения социальной справедливости государство наделялось патерналистскими функциями. Поддерживая государственный интервенционизм, НП порой переходила на позиции, граничившие с левым популизмом. Партия резко критиковала «распродажу народного имущества иностранному капиталу», считая необходимым его сохранение в руках поляков. Это было одной из главных причин, побуждавших ее негативно оценивать экономические реформы Л. Бальцеровича. НП и в целом не одобряла деятельно-

сти правительства, расходясь с ним в ряде вопросов как внутренней, так и внешней политики (в том числе оспаривая курс на присоединение к процессам европейской интеграции и выступая против ухудшения отношений с Россией). Несмотря на ряд осуществленных акций (манифестаций, научных сессий, кампаний по бойкоту иностранных товаров), НП не смогла получить весомой поддержки у избирателей и на выборах 1991 г. ей досталось слишком мало голосов, для того чтобы получить хотя бы одно депутатское место³⁹.

Весной 1990 г. из НП вышли несколько деятелей, которые основали партию под названием Демократическо-национальная партия (SDN, Stronnictwo Demokratyczno-Narodowe). Она апеллировала к традициям и идеям одноименной партии, созданной в 1896 г. Своей главной целью ДНП признавала строительство сильного, независимого и демократического государства польского народа, которое сможет занять достойное место в мире. Партия не выработала единой программы, в сущности, не преодолев этап становления. Не найдя большого числа сторонников, ее лидеры так и остались малозаметными и маловлиятельными фигурами на польской политической сцене⁴⁰.

На рубеже 1980–1990-х гг. много надежд формирующиеся правые силы возлагали на Христианско-демократическую партию труда (CDSP, Chrześcijańsko-Demokratyczne Stronnictwo Pracy), которая объявлялась преемницей Партии труда, действовавшей в пред- и послевоенный период (до июля 1946 г.). Считалось, что христианская демократия как идейное течение имеет в Польше большое будущее, и ХДПТ сможет занять место, подобное тому, которое отводится в политической жизни Германии ХДС/ХСС. Не случайно председателем партии стал адвокат В. Сила-Новицкий, пользовавшийся большим авторитетом за правозащитную деятельность. Поскольку в межвоенный период христианские демократы в Польше не были влиятельны, ХДПТ апеллировала не только к традициям своих предшественников, но и к опыту аналогичных европейских партий. Среди ее программных установок фигурировали: независимость, христианские ценности, социальная справедливость, демократия и толерантность, уважение прав человека, социальная рыночная экономика, частная собственность и свободная конкуренция. Свое место на политической сцене партия определяла как центристское: слева от ХНО и справа от социал-демократов⁴¹.

Несмотря на действительно большой потенциал у христианско-демократического течения, ХДПТ не сумела занять в нем лидирующие позиции. «Христианско-демократический лагерь» чрезмерно

разросся, насчитывая до 40 различных группировок, разделяемых как программными различиями, так и личными амбициями их лидеров. ХДПТ не нашла общий язык ни с ХНО, считая его слишком правым и националистичным, ни с СЦ, обвиняемом в несоответствии христианско-демократической идеологии, ни с другими партиями. После того как Сила-Новицкий не поддержал кандидатуру Л. Валенсы на выборах президента страны и заявил о намерении самому баллотироваться на этот пост (в итоге он не собрал необходимые для выдвижения 100 тыс. подписей), в партии произошел раскол, и она распалась на ряд мелких группировок.

Говоря об исторических партиях, следует упомянуть также о Польской социалистической партии (ППС, *Polska Partia Socjalistyczna*), которая пыталась возродить традиции одного из старейших политических течений Польши — социалистического, представленного одноименной партией в период с 1892 по 1948 г. Об образовании ППС было объявлено еще в 1987 г. группой деятелей, связанных с эмиграцией и с левым крылом антикоммунистической оппозиции. Однако очень скоро оказалось, что у них нет единства взглядов ни на деятельность партии в послевоенный период, ни на ее перспективы в новой Польше. Поэтому сформировались несколько групп, каждая из которых стремилась закрепить за собой название ППС и претендовала на представление всего социалистического движения. В результате в сентябре 1990 г. в течение двух недель воеводский суд Варшавы зарегистрировал две партии с идентичным названием: одну под номером 11, вторую — 13. В последующем во избежание путаницы их чаще всего так и называли: ППС-11 и ППС-13. Первая из них, во главе с Э. Осубка-Моравским и Я. Муляком, использовала еще определение «Возрожденная ППС», выступая за прямое продолжение политики своей предшественницы. ППС-13, не согласная с идеей «продолжения», сумела объединить вокруг себя все остальные группы, апеллирующие к наследию довоенной ППС. Несмотря на популистские программы и лозунги (помощь государства в борьбе с безработицей, защита аграрного сектора и т. д.), ни одна из этих партий не нашла большого количества приверженцев. Избирателя отпугнула неразбериха и расколы в социалистическом течении, поэтому на выборах 1991 г. обе ППС не набрали необходимого для прохождения в Сейм количества голосов⁴².

Неудачи исторических партий, не сумевших в начале 1990-х гг. воспользоваться благоприятным моментом для утверждения на политической сцене страны, польские исследователи связывают в первую очередь с тем, что попытки завоевать популярность, эксплуа-

тируя идеи полувековой давности, изначально не могли завершиться успехом. Я. Тарковский на сей счет заметил: «Эти партии обычно воссоздаются бывшими лидерами или посредством их кооптации с целью легитимизации партии как единственной наследницы старого названия, традиций и символов. Многие из подобных партий являются пленниками собственных традиций и истории, они пытаются оживить старые программы и проблемы, омолодить давно забытые лозунги и споры»⁴³. То, что мысль воспользоваться авторитетом доверенных партий оказалось неудачной, доказывает и опыт других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где подавляющее большинство попыток их возрождения закончилось крахом. Часто лидеры исторических партий были уже либо слишком стары, либо слишком долго жили в эмиграции и не ощущали потребностей современного общества. Поэтому в конкуренции с другими партиями они находились в заведомо проигрышной позиции⁴⁴.

В начале 1990-х гг. на польской политической сцене появились и так называемые *новые партии*, то есть не связанные с наследием предыдущих эпох. Они не отождествляли себя ни с политическими силами меж- и послевоенного периода, ни с «Солидарностью», ни с посткоммунистами. Возникли они уже в ходе процесса трансформации и в своей деятельности концентрировались на разрешении проблем, порожденных проведением системных реформ. Такая позиция могла стать преимуществом новых партий, однако в начале 1990-х гг. условия для реализации их потенциала еще не сложились. Дело в том, что основным вопросом политической жизни Польши являлась ликвидация последствий коммунистического режима, в которой заведомым преимуществом обладали группировки, уже проявившие себя в ходе борьбы с ним. Они сосредоточили в своих рядах наиболее активных и популярных политиков, задавали тон в средствах массовой информации, определяя тем самым политический климат в стране. Новые партии заняли нишу на обочине политической жизни. Хотя среди них имелись группировки самой различной идейной ориентации, все же их отличительным признаком стала внесистемность, неучастие в традиционном делении на правых и левых, порой даже экзотичность. Часто это были даже не партии в полном понимании данного слова, а группы интересов (региональных, отраслевых, потребительских, экологических, религиозных, национальных и т. д.), благодаря либерализму законодательства принявших форму политических партий. На данном историческом этапе почти все новые партии подпадали под популярное в Польше определение «диванная партия», обозначающее микроскопическую партию, все члены которой могли бы уместиться на одном диване. Мало какая из них остави-

ла после себя заметный след. Время для новых партий пришло позже, когда стали менее актуальными проблемы расставания с коммунистическим прошлым, и ключевое место в повестке дня заняли другие вопросы. Тем не менее несколько новых партий сумели добиться определенной популярности, сплотив вокруг себя по преимуществу протестный электорат, который успел разочароваться в системных политиках и желал появления новых фигур, сколь ни экзотично звучали их лозунги.

В ряду таких партий особое место принадлежит Польской партии друзей пива (PPPP, Polska Partia Przyjaciół Piwa), основанной в 1990 г. группой сатириков и актеров во главе с Я. Ревиньским. Зарегистрированная в январе 1991 г., ППДП пошла на выборы в Сейм с довольно туманной программой, включавшей призывы определения экономической стратегии на ближайшие 30 лет, установления стабильных налогов, поддержки предпринимателей, молодежи, пенсионеров и даже борьбы с алкоголизмом посредством пропаганды потребления пива вместо водки. Экцентричный характер партии позволил ей добиться неожиданного успеха. За нее было подано более 367 тыс. голосов, что принесло ППДП 16 мандатов в Сейме. Наибольшую популярность «друзья пива» обрели у молодого поколения. В 1992 г. близость партии декларировали 36 % студентов⁴⁵. Однако взлет ППДП оказался стремительным, но недолговечным. Уже в ходе избирательной кампании выделились две фракции: «малое пиво» и «большое пиво», а после выборов активность партии пошла на спад, и вскоре она исчезла с политической сцены.

Еще одной получившей широкую известность партией стала партия «Х»*, созданная на базе избирательных комитетов С. Тыминьского в декабре 1990 г. — буквально на следующий день после его поражения во втором туре президентских выборов, где он набрал чуть более 25 % голосов. Успех никому не известного ранее бизнесмена с польским, канадским и перуанским гражданством позволял его партии рассчитывать на неплохие перспективы. Партия «Х» показала себя как типично популистская партия. Не имея внятной идеологии, она позиционировала себя в качестве «третьей силы», не связанной ни с левыми, ни с правыми. Ее программная декларация, в ряде пунктов списанная с «Декларации независимости США», помимо общих тезисов превращения Польши в независимое экономически и политически государство социальной справедливости содержала массу нападок на действующую власть, представляя ее препятствием на пути к свободе и счастьем рядовых граждан. К выборам

* «Икс» (прим. ред.).

в октябре 1991 г. партия «Х» насчитывала около 5,5 тыс. членов, однако результат ее был довольно скромным: чуть более 50 тыс. поданных голосов и 3 депутатских мандата. Неудаче способствовало появление в СМИ ряда материалов о финансовых махинациях Тыминьского и отказ в регистрации по процедурным мотивам в нескольких округах списков партии⁴⁶. В последующие годы партия «Х» пережила ряд расколов из-за несогласия ее членов с методами руководства Тыминьского и перестала занимать сколь-либо видное место в политической жизни страны.

Остальные новые партии можно разделить на несколько групп, объединяя их по идейной ориентации:

– экологические партии. Самой заметной из них являлась Польская партия зеленых, основанная путем объединения различных экологических групп в декабре 1988 г. Она приняла участие в выборах 1991 г., но представительства в Сейме не получила. Столь же неудачно закончилась избирательная кампания партий Здоровая Польша – Экологический союз и Польской экологической партии зеленых;

– националистические партии, в большом количестве появившиеся в 1990–1991 гг. Среди них можно назвать Национальный фронт, Национальную партию «Щербец»*, Национально-либеральное движение, Национальный фронт Польши и др.;

– Монархические партии, такие как Союз восстановления монархии, Польское монархическое движение, Королевская партия и др. Ни одна из них не получила широкой известности;

– анархистские партии. Большая часть анархистских групп объединилась в ноябре 1989 г. в Анархистскую федерацию, влияние которой и изначально не было велико, а с конца 1991 г. и вовсе стало стремиться к нулю;

– Союз польских коммунистов «Пролетариат», зарегистрированный летом 1990 г. Он отрицал свою связь с ПОРП, считая ту изначально далекой от идей коммунизма. «Пролетариат» выступал против реставрации в Польше капитализма и власти буржуазии и объявлял себя выразителем интересов рабочего класса и других людей труда, борющихся за социализм⁴⁷.

И в 1991 г., и в последующие годы названные партии оставались немногочисленными внесистемными группами. Деятельность некоторых исчерпывалась регистрацией в воеводском окружном суде Варшавы. О существовании многих из них известно лишь специалистам.

* Szczerbiec (польск.) – коронационный меч польских королей. Партия требовала усиления в польской внешней политике пророссийской ориентации (*прим. ред.*).

Таким образом, за относительно короткий промежуток времени приблизительно в 2,5 года — с весны 1989 по осень 1991 г. — на польской политической сцене произошли колоссальные изменения. Гегемонистская партийная система трансформировалась в плюралистическую, характеризующуюся реальной конкурентной борьбой между различными политическими силами. Наиболее яркая отличительная черта рассматриваемого этапа — взрывной рост числа партий. Только до 30 октября 1990 г. были зарегистрированы 154 партии⁴⁸. Впоследствии их количество еще более увеличилось. Правда, далеко не все партии соответствовали общепринятому пониманию этого слова, являясь, по сути, группами интересов и часто не имея ни программы, ни устава, ни даже руководящих органов. Деятельность целого ряда из них исчерпывалась регистрацией в суде. Так, по оценке института политических наук Варшавского университета, уже в середине 1990-х гг. 40 % зарегистрированных партий не функционировали либо осуществляли нехарактерную для партий деятельность. Значительная часть таких группировок пыталась реализовывать локальные, профессиональные, гражданские инициативы (Гражданское движение самообороны безработных, Польская партия бездомных, Польша рок-н-ролла, Партия владельцев видеомагнитофонов и др.)⁴⁹. Эта пестрота политической сцены, почти полное отсутствие крупных партий (обычно такими считаются партии, набирающие на выборах свыше 15 % голосов, но в 1991 г. ни одна из партий не сумела преодолеть этот порог) свидетельствовали о том, что партийная система Польши находится еще на самом начальном этапе своего формирования.

Процесс выхода ее из этого первичного состояния несколько затянулся, в чем не последнюю роль сыграл принятый 11 июля 1991 г. закон о выборах, чрезвычайно выгодный для малых партий. Принятию закона предшествовала многомесячная борьба, в ходе которой Л. Валенса неоднократно накладывал вето на законопроект, которое в итоге Сейм преодолел, учтя лишь некоторые замечания президента. В конфликте победило стремление части депутатов облегчить себе прохождение в парламент на будущих выборах. Поэтому закон предусматривал пропорциональную систему голосования при отсутствии избирательного порога, что неуклонно вело к крайней раздробленности будущего Сейма. Состоявшиеся 27 октября 1991 г. выборы принесли легко предсказуемый результат. В них приняли участие 111 политических группировок (из них 64 выставили своих кандидатов только в одном из округов), 24 прошли в Сейм, при этом 7 партий получили лишь по одному депутатскому мандату⁵⁰. Новый парламент оказался чрезвычайно поляризован и разбит на столь мелкие фрак-

ции, что для формирования правительственного большинства требовалось объединение по крайней мере четырех политических групп.

Закон о выборах 1991 г. не стимулировал партии к объединению и сотрудничеству, напротив, предоставляя преимущества малым партиям, он делал поиск политических партнеров излишним и невыгодным. Конечно, не сам закон стал причиной острого межпартийного соперничества, но он не создавал механизмов для его преодоления. В результате до принятия нового закона о выборах в сентябре 1993 г. польская партийная система оказалась замороженной на начальной фазе формирования, процесс ее эволюции в сторону более развитых партийных систем затормозился.

Примечания

¹ Toszek B. Prawne podstawy działalności partii politycznych w Polsce po 1989 roku // *Polskie partie i ugrupowania parlamentarne* / Pod red. K. Kowalczyka i J. Sielskiego. Toruń, 2005. S. 28.

² Migalski M., Wojtasik W., Mazur M. *Polski system partyjny*. Warszawa, 2006. S. 16.

³ Chruściak R., Mołdawa T., Wojtaszczyk K., Zieliński E. *Polski system polityczny w okresie transformacji*. Warszawa, 1995. S. 227–229.

⁴ Подробнее см.: Bojarowicz T. *Kształtowanie się partii i ugrupowań prawicowych w Polsce po 1989 roku* // *Partie i system partyjny RP. Stan i perspektywy* / Pod red. K. Kowalczyka i Ł. Tomczaka. Toruń, 2007. S. 117–119.

⁵ Ibid. См. также: Wiatr J. *Europa pokomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku*. Warszawa, 2006. S. 162–163.

⁶ Dudek A. *Historia polityczna Polski. 1989–2005*. Kraków, 2007. S. 82.

⁷ Migalski M. *Op. cit.* S. 39–40; *Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej* / Pod red. K. A. Paszkiewicz. Wrocław, 2004. S. 33–35.

⁸ Chwałba A. *III Rzeczpospolita. Raport specjalny*. Kraków, 2005. S. 44–45.

⁹ Jednaka W. *Proces kształtowania się systemu partyjnego w Polsce po 1989 roku*. Wrocław, 1995. S. 119.

¹⁰ *Polityka w Polsce w latach 90. Wybrane problemy* / Pod red. A. Antoszewskiego i R. Herbuta. Wrocław, 1998. S. 129–130.

¹¹ *Partie i koalicje polityczne...* S. 45–49; Muszyński J. *Polskie państwo partyjne*. Warszawa, 2002. S. 61.

¹² История польской социал-демократии в 1990-е гг. достаточно полно описана в отечественной литературе. См., напр.: Задорожнюк Э. Г. *Социал-демократия в Центральной Европе*. М., 2000. С. 26–43; Лыкошина Л. С. «Левый выбор» Польши и перспективы социал-демократии. М., 2003. С. 5–36.

¹³ Muszyński J. *Op. cit.* S. 46–48.

¹⁴ Chwałba A. *Op. cit.* S. 61.

¹⁵ Podgórska R. *Polskie Stronnictwo Ludowe* // *Polskie partie i ugrupowania...* S. 108–111.

¹⁶ Trzeba było wygrać. Rozmowa z prof. Bronisławem Geremkiem // *Polityka*. 2008. № 30 (26.07). S. 20.

- ¹⁷ Цит. по: Wałęsa L. Droga do prawdy. Autobiografia. Warszawa, 2008. S. 275.
- ¹⁸ Z grubsza normalny kraj. Rozmowa z Tadeuszem Mazowieckim // Polityka. 2008. № 23 (7.06). S. 21.
- ¹⁹ Wygraliśmy resztką sił. Rozmowa z Lechem Wałęsą // Polityka. 2008. № 39 (27.09). S. 22.
- ²⁰ Nie tak wyobrażałem sobie demokrację. Rozmowa z prof. Wiesławem Chrzanowskim // Polityka. 2009. № 17 (25.04). S. 35.
- ²¹ Nie chciałem, ale musiałem. Rozmowa z Aleksandrem Kwaśniewskim // Polityka. 2009. № 19 (9.05). S. 31.
- ²² Chwalba A. Op. cit. S. 47–48.
- ²³ Trzeba było przyspieszyć. Rozmowa z Ludwikiem Dornem // Polityka. 2009. № 20 (16.05). S. 32.
- ²⁴ Nie tak wyobrażałem sobie demokrację... S. 35.
- ²⁵ Partie i koalicje polityczne... S. 211–213.
- ²⁶ O dwóch takich... Alfabet braci Kaczyńskich. Rozmawiali M. Karnowski, P. Zaremba. Kraków, 2006. S. 196.
- ²⁷ Muszyński J. Op. cit. S. 42.
- ²⁸ Partie i koalicje polityczne... S. 101–103.
- ²⁹ Gołoś M. Współczesne partie chadeckie w Polsce // Chrześcijańska demokracja we współczesnym świecie. Pod red. K. Krzywickiej i E. Olszewskiego. Lublin, 1999. S. 258.
- ³⁰ Dudek A. Op. cit. S. 89.
- ³¹ Partie i koalicje polityczne... S. 43–44.
- ³² Wałęsa L. Op. cit. S. 354.
- ³³ Ucieczka na Zachód. Rozmowa z Janem Krzysztofem Bieleckim // Polityka. 2009. № 5 (31.01). S. 22.
- ³⁴ Partie i koalicje polityczne... S. 44–45.
- ³⁵ Dudek A. Op. cit. S. 102.
- ³⁶ Ibid. S. 102–103; Partie i koalicje polityczne... S. 192.
- ³⁷ Muszyński J. Op. cit. S. 43–44.
- ³⁸ Dudek A. Op. cit. S. 107.
- ³⁹ Muszyński J. Op. cit. S. 63–64; Partie i koalicje polityczne... S. 180–182.
- ⁴⁰ Muszyński J. Op. cit. S. 65.
- ⁴¹ Partie i koalicje polityczne... S. 17–19.
- ⁴² Muszyński J. Op. cit. S. 51–53; Partie i koalicje polityczne... S. 80–83.
- ⁴³ Цит. по: Godlewski T. Od PRL do III RP. Zmiany systemu politycznego. Olsztyn, 1998. S. 101.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Wiatr J. Op. cit. S. 164–165.
- ⁴⁵ Chwalba A. Op. cit. S. 46.
- ⁴⁶ Partie i koalicje polityczne... S. 73–75.
- ⁴⁷ Muszyński J. Op. cit. S. 50, 61, 67, 70–72.
- ⁴⁸ Dudek A. Op. cit. S. 87–88.
- ⁴⁹ Chruściak R., Mołdawa T., Wojtaszczyk K., Zieliński E. Op. cit. S. 230.
- ⁵⁰ Dudek A. Op. cit. S. 167, 176.

ПОЛЬСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 20-ЛЕТИЕ

О. Н. Майорова
(Россия)

Одной из характерных черт проходивших в конце 1980-х гг. событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы является доминирование в политическом процессе «переговорных» революций. Вопреки общим представлениям, сами переговоры выступали в них не столько как согласование позиций, но в первую очередь как их размежевание. Свидетельством этому стала подготовка (которую можно измерять годами с момента введения военного положения), ход (с 6 февраля по 5 апреля 1989 г.) и результаты «круглого стола» в Польше. Во многом по схеме польского проходили «круглые столы» и в других странах региона, правда, в гораздо более сжатые сроки и с меньшими по интенсивности столкновениями позиций. Отсюда высокая степень значимости освещения данного процесса, сыгравшего ключевую роль в становлении постсоциалистической Польши.

В настоящей статье приводятся различные мнения об этом событии. Они характеризуются значительным разбросом, но в целом сводятся к тому, что перемены в сложившихся условиях являлись необратимыми, и это осознавалось практически всеми участниками «круглого стола». Политический плюрализм и свободный рынок выступали при этом в качестве высших ценностей как для тех сил, которые ориентировались на социализм, так и для тех, для кого любые его варианты (социализм с человеческим лицом, перестроечный социализм, социализм с польской спецификой) не были приемлемыми.

Спустя двадцатилетие не затихают дискуссии о значении «круглого стола», за которым в 1989 г. встретились власти ПНР с частью демократической оппозиции. Примечательно, что сформировалось определенное национальное согласие в отношении того, как следует представлять общественному мнению в мире годовщину «круглого стола» и не позволить заслонить празднование этой годовщины другими (падение Берлинской стены, «бархатная» революция). Вместе с тем внутри самого польского общества сложилась ситуация, когда

чувство национальной гордости за свержение коммунизма сопровождается подрывом значения «круглого стола», изображением его как предательства, как сговора элит за спиной общества (наиболее радикальная версия) либо же как упущенного шанса (версия братьев Качиньских — активных участников тех переговоров). Президент Лех Качиньский, например, заявлял, что «круглый стол» «можно и следует критиковать, но как этап в борьбе он был необходим»¹. Это можно назвать очевидным примером двоемыслия: реальное использование последствий, но в то же время акцент на его критике с учетом политической конъюнктуры. Фактически парадокс заключался в следующем: оказывавшие влияние на ход трансформации (Качиньские, Мачеревич, Рокита) стали утверждать, что ничего не было сделано. На это обращает внимание, в частности, А. Михник, объясняя данное явление тяготением к авторитарным формам правления².

23 января 2009 г. Сейм РП в специальном постановлении высоко оценил «мудрость и дальновидность» участников «круглого стола», отметив, что «этот диалог предприняли представители различных убеждений и разных партий как из оппозиционных политических кругов (“Солидарность”), так и из лагеря тогдашней власти. Готовность к заключению компромисса позволила ответить на вызов исторического момента»³. Принятое единогласно, это постановление могло послужить основанием для определенных надежд: документ явился не только выражением политкорректности, но и положил начало выработке добросовестной, объективной оценки последнего двадцатилетия. Однако текст постановления опубликовала только «Газета wyborcza», а празднование 20-й годовщины «круглого стола» подтвердило не только отсутствие единого политического языка в дискуссии, но и повторение обвинений, углубление делений, новый взрыв эмоций. Состоялось несколько важных конференций, на страницах прессы и по ТВ появились обширные интервью с влиятельными политиками того периода⁴. В обширном интервью газете «Жечь Псполита» президент Л. Качиньский задавал, в частности, вопросы: «Когда началась наша независимость? Могла ли она выглядеть иначе? Можно ли было добиться большего? Каковой являлась степень риска? Не слишком ли стремительно с ущербом для дальнейшей судьбы страны исчез энтузиазм первого периода?.. Не слишком ли быстро вокруг “круглого стола” стали появляться легенды? Не слишком ли быстро он стал фундаментом и оправданием слабости нового польского государства, которое создавалось после 1989 года?»⁵ Возвращаясь к этому вопросу в феврале 2009 г., Л. Качиньский считал, что следовало «желать большего».

Споры о «круглом столе» велись с самого начала. Так, часть деятелей тогдашней оппозиции, не нашедших за этим столом места, расценивала подобную встречу как альянс коммунистов с теми, кто стремился скорее к реформе «реального социализма», нежели к его свержению, а призывы к достижению полной независимости считала излишне рискованными. В наши дни опасность заключается в том, что данная тема становится предметом манипуляций каждый раз, как только отмечается та или иная годовщина. Дискуссии о переломе 1989 г. в Польше крайне политизированы. Снова муссируется сожаление, что независимость достигнута без повстанческого взрыва, суровой расплаты за обиды, без романтизма и жертвенности. Но прежде всего появилась тенденция более высоко оценивать другие даты польской истории. Одни называют август 1980 г., хотя выторгованные тогда уступки у власти были несравненно меньше, чем в 1989 г., за ним последовало военное положение, а после «круглого стола» — демократия. Возможно, здесь проявляется неудовлетворенная потребность мартирологии. Другие же настоящим общественным бунтом считают выборы 4 июня, хотя он проходил в границах установленного за «круглым столом» закона. Для понимания этой простой истины, отмечает еженедельник «Политика», не нужно даже доброй воли, достаточно простой логики⁶. Бытует, в частности, тезис, что «круглый стол» вообще не был нужен, следовало лишь немного подождать, и система сама рухнула бы и без каких-либо уступок коммунистам. Но с таким же успехом можно утверждать и иное: система могла бы просуществовать еще достаточно долго. Тот факт, что смена системы произошла таким цивилизованным способом, вселял чувство безопасности и, следовательно, увеличивал шансы для проведения преобразований в других странах. Котируется также следующий тезис: впоследствии, с изменением соотношения сил в Польше, следовало пойти на разрыв соглашения «круглого стола». Но те, кто постоянно критикует произошедшую революцию, недооценивают исторический контекст.

Решительно против суждений о «круглом столе» как о результате старательно отрежиссированного спектакля — заговоре коммунистических и солидаристских сил выступает кс. А. Оршулик. Он утверждает, что подобного рода оценки — это «элемент сегодняшней политической игры, их придумали для дискредитации противника, снижения его авторитета... Это были твердые, трудные переговоры для блага Польши, драматичные, даже с неоднократным швырянием бумаг, ломанием стульев. Не было никаких заговоров, соглашений под столом... Упреки, что дело дошло до какой-либо измены, раздаются со стороны несерьезных людей»⁷.

Дискуссии о «круглом столе» вписываются в принципиальный спор о моральном и политическом климате современной Польши. Ответ на вопрос, явились ли соглашения «круглого стола» успехом поляков и их вкладом во всеобщую историю XX в. или же, напротив, поражением, предательством и упущенным шансом, определяет отношение к III Речи Посполитой, а также к IV РП как к замыслу «реформировать надломленное государство, рожденное в грехе “круглого стола”». Если принять наиболее часто повторяемую критику его соглашений, следует признать, что страна в течение двух последних десятилетий являла собой некую жалкую имитацию независимо образования на политической карте современной Европы.

Ошибка нынешних противников «круглого стола» заключается в том, что вера в сговор коммунистов с частью оппозиционных элит приводит их к недооценке достигнутых соглашений. Ведь даже если бы, несмотря на отсутствие убедительных доводов, многое из их версии оказалось правдой, то все равно нельзя не признавать значительный позитивный потенциал «круглого стола». Скажем, противники соглашений не могут отрицать, что их итогом явились действительно демократические выборы, независимая пресса, свободный рынок; Польша стала членом НАТО и ЕС. Даже если «круглый стол» и подготовка к нему контролировалась Службой безопасности, если велись закулисные, неформальные переговоры, то этот мир возможных невидимых интриг не затмевает мира видимого! Как справедливо замечает польский обозреватель В. Владыка, рассуждения, что можно было бы выиграть больше и за меньшую цену, относятся к области альтернативной истории, к историческим манипуляциям⁸.

В последующие же годы, по мнению польских исследователей А. Дудека и А. Пачковского, оценка «круглого стола» будет зависеть от того, в каком положении окажется Польша⁹. Спор о заслугах будет продолжаться всегда, как не прекратится и идеологическая дискуссия о том, существовал ли иной способ свержения коммунизма. Но общая тенденция такова: все больше историков будут отбрасывать обе легенды «круглого стола»: доминирующую сегодня «белую», согласно которой коммунисты мирно отдали власть оппозиции, и «черную» о заговоре «красных» с «розовыми». Место этих двух легенд должен занять более трезвый взгляд на «круглый стол» как этап польского пути к демократии, как начало грандиозного процесса трансформации в Польше. Если 10 лет назад, как показывали социологические опросы, 38 % поляков признавали положительный итог заключенного тогда пакта, а 19 % усматривали все же больше отрицательных моментов, то в начале 2009 г. на вопрос «хорошо ли, что 20 лет назад

в стране сменился политический строй, и ПНР преобразовалась в Третью Речь Посполитую?» уже 65 % опрошенных ответили утвердительно, 9 % — «плохо», 21 % — «ни хорошо, ни плохо», а 5 % респондентов затруднились с ответом¹⁰.

Влиятельный еженедельник «Политика» в течение продолжительного времени публиковал беседы с важнейшими участниками и свидетелями событий переломного 1989 г. в связи с их 20-летием: с В. Ярузельским, А. Квасьневским, Т. Мазовецким, Л. Валенсой, Б. Геремеком, А. Михником, Л. Бальцеровичем и др. Все они считают, что это великий исторический эксперимент, один из крупнейших успехов в драматической истории Польши. Эти события редко именуются революцией, но они действительно стали настоящей революцией, глубокой сменой общественного порядка. Различного рода детали «круглого стола» с годами поблекнут, но главное останется: идею переговоров без преувеличения можно считать революционной, она стала моделью невооруженного, мирного выхода из коммунистической системы.

Напомним основные вехи долгого пути, приведшего к «круглому столу». Начало, несомненно, положили подписанные в августе 1980 г. в Гданьске и Щецине соглашения «между Правительством и рабочими коллективами», продемонстрировавшие возможность диалога. Понятно, что возникший в ходе забастовочной борьбы независимый профсоюз «Солидарность» не симпатизировал партийно-государственной власти коммунистов. Но он не придерживался и концепции бескомпромиссного противоборства с ней. Руководители «Солидарности» учитывали внутреннее и международное соотношение сил, которое не позволяло пойти на свержение режима и захват власти. Иными словами, революция «Солидарности» развертывалась в условиях геополитических ограничений своих стремлений к свободе. Как отмечал в связи с 20-летием А. Михник, «вся философия “Солидарности” с 31 августа 1980 г. <...> заключалась в лозунге: “Мы готовы к переговорам”. Это не философия силового свержения режима. Это было мышление “под сенью” доктрины Брежнева, памяти о Чехословакии 1968 г. По сути, решалась задача квадратуры круга: как изменить Польшу и уберечься от Советского Союза. Мы считали: давление — да, насилие — нет»¹¹.

Программные тезисы «Самоуправляемая Речь Посполитая», принятые на I съезде «Солидарности» в 1981 г., исходили из прочности модели сосуществования независимого общественного движения и власти ПОРП, модели, установленной в результате августовских забастовок 1980 г. В этих тезисах содержался проект эволюционно-

го преобразования реального социализма, т. е. его либерализация не сверху, а снизу. Средством для достижения этих целей должно было стать «новое общественное соглашение». Самоуправление — один из главных политических лозунгов «Солидарности», которая добивалась расширения компетенций территориального самоуправления.

После введения военного положения следовало по-новому определять метры и цели действий. Первоочередной задачей оппозиции стало просуществовать до момента, когда экономический кризис склонит коммунистов к соглашению, идею которого перечеркнуло военное положение. Основной целью оппозиции явилось возвращение к состоянию до 13 декабря 1981 г., т. е. получение права общественного представительства, что стало крупнейшим достижением августа 1980 г.

В течение всего последекабрьского периода (после 1981 г.) «Солидарность» постоянно присутствовала на общественной сцене, если не как многомиллионный профсоюз, то как потенциальная политическая сила. Оппозиция была готова к соглашению раньше, чем на это решились власти. Вынужденная действовать нелегально, «Солидарность» не сменила ни своих умеренных методов, основой которых являлось пассивное сопротивление и борьба без насилия, ни умеренной программы. Движение «Солидарность» ставило компромисс с властью в центр своей стратегии. Как отмечает польский исследователь Я. Скужиньский, политическая мысль оппозиции концентрировалась на поиске возможности соглашения, которое она считала необходимым этапом на пути к коренной демократизации системы¹². Оппозиция в своей стратегии исходила из того, что падение коммунизма можно ускорить, создавая островки гражданского неконформизма в различных сферах общественной жизни, что, собственно, и оказалось лучшим способом борьбы с системой. Исключенные из официальной культуры ПНР работники творческих профессий организовали альтернативную творческую жизнь с собственными театрами, галереями, со своими зрителями. Наряду с элитой, поддерживаемой властями, появились представители нелегальной культуры, контрэлиты. Этот феномен, не известный в других коммунистических странах, в значительной степени способствовал не только делегитимизации режима, но и приданию законной силы оппозиции¹³.

Политический климат улучшается только после амнистии в сентябре 1986 г., когда вышли на свободу почти все заключенные. Как записал М. Раковский в «Заметках о современной политической ситуации в ПНР», не предназначавшихся к публикации, «власти фактически, хотя и неформально, санкционировали существование

оппозиции как постоянного элемента в политическом пейзаже нашей страны»¹⁴. В оппозиции верх взял взгляд, что амнистия — это серьезный шаг, который может положить начало определенным сдвигам.

В октябре 1987 г. Валенса создает легальный Временный совет НСПС «Солидарность» (Всепольская исполнительная комиссия), некоторые нелегальные структуры профсоюза (например, в регионе Мазовше) легализуются. Переход руководства НСПС «Солидарность» к открытой деятельности свидетельствовал о решимости вернуть профсоюзу право на существование и в то же время был еще одним протестом против объявления его вне закона после введения военного положения. Это сознательные шаги, направленные на то, чтобы склонить власть к признанию «Солидарности» в качестве политического партнера. Часть ее руководителей периода военного положения резко критиковала действия Валенсы, требуя созыва Всепольской комиссии, избранной на съезде в 1981 г. Созданная ими Рабочая группа (в частности, Юрчик, Словик, Гвезда, Рулевский) не признавала органов власти, сформированных Валенсой, и выступала против поиска компромисса с властями. Их поддерживали другие радикальные круги (Борящаяся Солидарность, Конфедерация независимой Польши, Независимый союз студентов). Но в целом радикалы были слабы: они не участвовали в «круглом столе», но и не могли, говоря образно, его «опрокинуть».

В июне 1987 г. состоялся третий визит в Польшу папы Иоанна Павла II, который продемонстрировал свою поддержку «Солидарности». Папа четко сформулировал проблему, сказав в Гданьске: «Говорю вам и в определенной степени за вас» [курсив мой. — О. М.]¹⁵. Коммунисты не отваживались подвергать цензуре выступления Иоанна Павла II, и «Тыгодник Повшехны» публиковал их полностью. Визит папы находился в русле линии на «конструктивное сотрудничество» власти с епископатом. Во времена Ярузельского Костел из терпимого, но чуждого института в стране, строящей социализм, превратился в уважаемого партнера. Предлагая многочисленные льготы для деятельности Костела, власти взамен рассчитывали на помощь иерархов в успокоении общественных настроений или по крайней мере на его нейтральность.

Веру властей в успех попытки реставрировать порядок реального социализма и вернуть монополию компартии, предпринятой в 1982–1987 гг., подорвали неудовлетворительные для команды Ярузельского результаты референдума в ноябре 1987 г. по поводу реформ. Оставалось только «действовать на опережение»: приступить к реформированию системы при сохранении в ней своей доминирующей пози-

ции. Осенью 1987 г. начинаются секретные переговоры представителей власти с лидерами варшавского Клуба католической интеллигенции (ККИ), главным образом с А. Веловейским и А. Стельмаховским (зондажные переговоры велись еще весной 1986 г.). С позднейшей перспективы видно, что это явилось началом процесса, ведущего к «круглому столу», а впоследствии — и к мирной трансформации. Власти ведут себя с представителями ККИ как с «умеренной оппозицией» и намерены расколоть ее. С точки зрения руководителей ПНР, следовало выделить «конструктивную оппозицию», т. е. такую, которую можно было бы допустить к ограниченному участию в выполнении властных функций. Только через несколько месяцев, в начале 1988 г. последовало согласие руководства ПОРП на представительство «Солидарности» в переговорах с оппозицией, а еще позже, в конце апреля, с началом волны весенних забастовок — на участие в них Л. Валенсы.

В январе 1988 г. «группа трех» (рабочий орган, созданный по инициативе В. Ярузельского, который в определенном смысле являлся одновременно аналитическим центром и политтехнологическим институтом; в него входили член ЦК ПОРП Ст. Чосек, вице-министр внутренних дел, руководитель польской разведки и контрразведки генерал В. Пожога и пресс-секретарь правительства Е. Урбан¹⁶) направила генералу Ярузельскому секретную докладную записку. «Настроения упали ниже красной черты, — отмечалось в ней, — т. е. был перейден высчитанный социологами и основанный на опыте критический пункт взрыва. Он не происходит, т. к. взрывные наклонности в обществе притуплены различными стабилизаторами (исторический опыт, в т. ч. главным образом 13 декабря 1981 г., роль Костела, падение влияния оппозиции, апатия)... Ощущение происходящих экономических перемен не может в ближайшее время вызвать позитивные изменения в настроениях»¹⁷.

В начале 1988 г. Б. Геремек, ведущий советник Валенсы, дал интервью еженедельнику «Конфронтация», предложив заключить «антикризисный пакт». В свою очередь, Ю. Чирек, один из ближайших сотрудников В. Ярузельского, на страницах того же издания выступил с инициативой создания «прореформаторской коалиции». К этим знаменательным предложениям добавились беседы В. Ярузельского с Примасом католической церкви в Польше, контакты министра внутренних дел Ч. Кищака и члена Политбюро Ст. Чосека с епископами, встреча Ю. Чирека с проф. А. Стельмаховским и т. п. Стороны постепенно приближались к какой-то форме диалога.

В апреле — мае 1988 г., когда по стране прошла волна забастовок, политический процесс уже имел свою динамику. Об этом свидетель-

ствуют записи переговоров представителей ККИ и Костела, а также секретные документы, подготовленные в кругах элиты власти, в числе которых главным образом серия политических документов «группы трех». На примере последних можно видеть, что его авторы в самом начале предлагали различные варианты соглашения с польским епископатом, затем к нему прибавилась идея создания христианской партии. При этом о переговорах с «Солидарностью» долго не могло быть и речи. Опыт 1980–1981 гг. заставлял власти заняться поиском других партнеров для компромисса. На этом фоне католическая церковь, с которой власти к тому времени установили стабильные отношения, представлялась более предпочтительным партнером для переговоров, чем «Солидарность». Но католическая церковь, во многом под влиянием позиции Иоанна Павла II, уклонилась от этих предложений, стараясь склонить власти к диалогу с общественными силами, прежде всего с «Солидарностью».

В июле 1988 г. состоялся визит в Польшу М. С. Горбачева. Здесь никого, кроме Папы, не встречали с таким энтузиазмом. Его принимали со всей сердечностью как того, кто пытался создать какой-то «новый», «лучший» социализм, устанавливал партнерские отношения, расширял сферу свободы. Изменять реальность следовало лишь шаг за шагом, и поэтому, как отмечал Ярузельский, Горбачев был столь важен для Польши. В свою очередь, ему также нужна была Польша, осуществлявшая реформы, как лаборатория перемен и как доказательство, что реформ не следует бояться¹⁸. Это ограничивало польские власти, которые не могли рисковать и предпринимать шаги, подрывавшие позиции Горбачева. Очень высоко оценивает роль Москвы А. Михник: «Если бы Горбачев не начал перестройки, ни Валенса, ни Рейган, ни Папа ничего не смогли бы сделать»¹⁹.

В дискуссиях, которые велись в лагере власти, их участники открыто поднимали вопрос о необходимости проведения далеко идущих перемен, включая системные изменения. Высказывалось убеждение в невозможности проведения глубоких экономических реформ без оппозиционных кругов. Важным этапом в подготовке почвы к политическому соглашению явились программные циклы «Социализм — поиск, перспективы», издававшиеся редакцией публикаций Идеологического отдела ЦК ПОРП, а также журнал «Конфронтация», в котором печатались как представители власти, так и оппозиции²⁰. Решения принимались постепенно. Они обговаривались сначала в кругу Ярузельского и его ближайших сотрудников — Раковского, Барчиковского, Чирека, Чосека, Урбана, позже — Рейковского; среди военных — Кищака, Сивицкого, Янишевского и др.

Таким образом, все более широкий круг представителей власти и оппозиции осознавал необходимость сделать тот или иной шаг вперед, сохраняя одновременно обстановку стабильности в стране. Реформаторское крыло в ПОРП укреплялось. Важную роль сыграли мнения таких людей, как Вятр и Верблян, видных экономистов — Баки и Садовского. Все чаще на первый план выходило молодое поколение во главе с Квасьнерским. Как высказывался на этот счет Ярузельский, «идея заключалась в том, чтобы сдвинуть поезд с места, но при этом не снимать руку с тормоза»²¹. Иными словами, логика поведения властей, с одной стороны, определялась потребностью проведения экономических реформ, а с другой — необходимостью обеспечения стабильности в стране.

Первые предложения согласия со стороны властей появились вскоре после ослабления весенней волны забастовок. Их сформулировал Чосек в беседах с представителем епископата кс. Оршуликом. Речь шла об опосредованном диалоге с оппозицией, высказыванием ни к чему не обязывающих предложений и зондированием намерений партнера. Этот канал неофициальных контактов, открытый в конце мая 1988 г., использовался обеими сторонами вплоть до начала работы «круглого стола». Ст. Чосек знакомит представителя епископата кс. Оршулика с концепцией разделения мандатов между властью и оппозицией в двухпалатном парламенте (на тот момент для оппозиции предусматривалась $\frac{1}{3}$ мест в Сейме и $\frac{2}{3}$ в Сенате). Поскольку власти отказывались легализовать «Солидарность», лидеры оппозиции отклонили это предложение. «Солидарность» изначально относилась к этой концепции с недоверием. Окружение Валенсы отдавало себе отчет в том, что партия намерена разделить ответственность, но при этом сохранить монополию на правление. Оценивая минувшее двадцатилетие, Михник отмечал: «Я провел годы в тюрьме, подвергался нападкам. Мое знание о коммунистическом строе было знанием жертвы, но и знанием очевидца. Я наблюдал, как все повторяется: наступал кризис, а затем, чтобы из него выйти, следовала оттепель и либерализация, говорилось о реформах, а потом аппарат, на основе своего внутреннего механизма, часто даже вопреки реформаторским декларациям партийных вождей, отвоевывал свой плацдарм, и все возвращалось на прежние рельсы»²². Это знание позднее помогало Михнику и другим оппозиционерам в дискуссиях за «круглым столом»: они ни на минуту не забывали об опасности поглощения оппозиции коммунистами и, следовательно, ее нейтрализации. К тому же «Солидарность», хотя сегодня это трудно себе представить, столь же скептически оценивала свои шансы на выборах, как и партийные аналитики.

В августе 1988 г., т. е. еще до второй волны забастовок, «группа трех» представляет В. Ярузельскому «упреждающее предложение»: «Считаем, что никакое (по персональному составу) руководство ПОРП не может дальше удерживать в своих руках всю власть и должно пойти на ее реальное разделение, причем сделать это надо как можно раньше, чтобы быть в состоянии обеспечить партии доминирующую позицию... Чем раньше, тем лучше, так как мы постоянно теряем в реальном раскладе сил»²³. После августовских забастовок власть устами главы МВД Ч. Кищак предложила провести «круглый стол» и впервые за семь лет официально встретилась с Л. Валенсой (31 августа — Кищак, в присутствии Чосека и епископа Домбровского). Началась подготовка к переговорам. Предварительным условием оппозиции являлась легализация «Солидарности», что создавало более благоприятные условия для ее деятельности, выдвижения новых кадров и т. п.

Таким образом, согласие властей на участие оппозиции во власти следовало соответствующим образом подготовить. Оппозиции тоже требовалось время для осознания необходимости проведения диалога, интегрируя разнородные оппозиционные круги в единый лагерь и формируя его руководство. Этот лагерь в 1986–1988 гг., несмотря на многие противоречия, сгруппировался вокруг Валенсы. 18 декабря 1988 г. те представители интеллектуальной и политической элиты оппозиции, которые признавали руководство Валенсы и его умеренную стратегию, нацеленную на соглашение, создали Гражданский комитет при председателе «Солидарности». В него вошли более 130 человек, функционировавших в качестве коллективного партнера правительства в переговорах «круглого стола» (на базе т. н. «60-ки», политического субъекта, созданного еще в мае 1987 г., которая в своем заявлении признавала основы строя, считая, что демократизация социализма возможна без его свержения). Гражданский комитет являлся весьма авторитетным органом, так как в него входили такие известные и уважаемые люди как А. Вайда, Бр. Геремек, Л. Колаковский, Т. Мазовецкий, М. Эдельман. В Гражданском комитете доминировала левоумеренная линия, представители бывшего Комитета защиты рабочих (КОР), «Тыгодника Повсехного», «Знака». Создание комитета было важным шагом на пути к полноправному и легальному существованию «Солидарности». Хотя в формально-юридическом смысле «Солидарность» не существовала, и режим тщательно избегал даже этого слова, власть все же молчаливо мирилась с ее деятельностью.

На слабость солидаристской стороны в период подготовки к «круглому столу» указывал и Геремек. Так, в интервью в 2005 г.

он отмечал, что «Солидарность» не имела «ни средств насилия, ни организационных структур. Не удивительно, что никто не верил в наш успех, но потом у нас все получилось. Благодаря этому III РП стала фактом». Однако переговоры проходили уже в совершенно иных по сравнению с началом 1980-х гг. условиях. Тогда проблема власти «обходилась стороной, стыдливо одними и со страхом — другими», в 1989 же г. обе стороны понимали, что времена меняются, и грядет смена строя²⁴.

У оппозиционной стороны отсутствовала четкая политическая концепция. По словам А. Веловейского, они должны были бороться «за легализацию “Солидарности”, за собственную газету, за ограничение полномочий партийно-государственной номенклатуры и территориальное самоуправление... Каждый понимал, что надо пробиваться, но никто не думал о власти и не знал, где граница, и на что может согласиться СССР, <...> думали, что как оппозиция будем требовать, контролировать, оказывать давление — только бы легально». При этом «судьба подарила нам нескольких лидеров, которые, конечно, делали ошибки, но в целом сдали экзамен и победили». И называет Валенсу, Мазовецкого и Геремека²⁵.

На протяжении 1980-х гг. оппозиция не проявила себя сплоченной на программной основе: практически по любой значительной теме существовал широкий спектр мнений. Различия между оппозиционными центрами заключались в споре о том, является ли программной осью и организующим фактором идеология национально-государственной независимости или же другие, более легко достижимые политические и социальные требования. Рождение «Солидарности» решило этот спор. Помимо общего врага их объединял ряд наиболее принципиальных требований: профсоюзный плюрализм, ликвидация номенклатуры, гражданские свободы²⁶.

Что касается власти, то Комиссия по вопросам реформы государства, созданная руководством ПОРП, подготовила в 1987–1988 гг. проект коренных политических реформ. Он предусматривал введение политического плюрализма, включение оппозиции во властные механизмы, установление парламентской демократии²⁷. За «круглым столом» власть хотела прежде всего добиться согласия общества на экономические реформы. «Мы были слишком слабы, чтобы осуществить эти реформы самостоятельно, — отмечал впоследствии В. Ярузельский, — а оппозиция слишком слаба, чтобы нас свергнуть». Опросы общественного мнения показывали, что власть, как и «Солидарность» поддерживало 25 % населения, а примерно половина населения колебалась. На вопрос журналиста, понимали ли власти,

что это уже конец, что речь идет не о реформировании ПНР, а о переходе к другой системе, генерал отметил, что Польша была «лабораторией потенциальной способности социализма к реформированию». Срыв реформ, нарушение эволюционного пути могли бы остановить реформы во всех странах Варшавского договора. Польша же давала «обнадеживающий пример эволюции, безопасной для представителей прежней власти». При этом польский лидер отмечал, что скорее всего «бархатных» революций там еще долго могло не быть: «население тех стран не протестовало, а Запад не оказывал на них никакого давления. Запад опасался хаоса, резкого изменения соотношения сил... Ни у кого тогда не было и тени ощущения, что это конец»²⁸.

Еще в сентябре 1988 г. было сформировано правительство М. Раковского, который первым начал принимать в Польше решения в духе свободного рынка. В декабре Сейм принял два ключевых закона: о свободе экономического предпринимательства и об экономической деятельности с участием иностранных субъектов. Вл. Бака, один из тогдашних реформаторов экономики, считал, что она вступила в новую фазу: от реформирования экономики к системной трансформации. И добавлял: «Несмотря на радикальные системные действия становилось все более очевидно, что партия имеет все меньше шансов на проведение реформ»²⁹. Власти намеревались ввести экономику смешанного типа, добиться подлинной конкуренции между частной, государственной и кооперативной формами собственности, при этом основная роль отводилась государственному сектору. Но руководящая роль партии мешала все больше и больше. У Ярузельского еще имелись надежды, что все удастся исправить в рамках системы. Общественное соглашение становилось необходимостью. Вопрос легализации «Солидарности» стал главной причиной переноса первоначального срока проведения «круглого стола» с осени 1988 г. на февраль 1989 г. Столь длительное сопротивление со стороны властей объяснялось главным образом боязнью повторения экономической катастрофы 1980–1981 гг. Что касается политических целей, то, как объяснял Ю. Чирек, это следовало бы назвать «попыткой расколоть оппозицию. В случае привлечения части оппозиции к политике соглашения, это крыло могло бы отойти от радикальных сил, а намерением ПОРП является попытка встроить конструктивную оппозицию в социалистическое государство»³⁰. Мазовецкий же «и сегодня полагает, что власти скорее хотели абсорбировать оппозицию, чем поделиться властью». Спустя годы это признает и генерал Кишак: «Разумеется, мы не хотели отдавать власть. Мы считали, что будем править еще четыре года до очередных, уже свободных выбо-

ров. Мы хотели привлечь оппозицию к совместному правлению и ответственности за страну»³¹.

Таким образом, правящая коалиция стремилась возложить на оппозицию ответственность за дела в государстве и экономике при сохранении контроля власти над ходом общественных процессов. Оппозиция же ставила своей целью максимальное ограничение партийно-государственного контроля и получение права на собственный контроль над деятельностью власти.

В конце декабря 1988 г. в докладной записке «группы трех» отмечалось, что ошибки в экономической политике и постепенная либерализация привели к росту «динамики оппозиционных устремлений и усиления общественных симпатий к ним». Этот процесс, как утверждалось, тормозится ростом доверия и поддержки правительства Раковского, но уже тогда можно было сказать, что «в 1989 г. появится разочарование, вызванное не оправдавшимися надеждами на явное изменение экономической ситуации, <...> и падение заинтересованности, доверия, поддержки и надежд, связанных с правительством». Решением могло стать опережение хода событий, шанс для этого предоставляла заканчивающаяся каденция парламента. «Лучше попытаться смелым действием изменить ситуацию в нашу пользу и получить мандат на правление, — писали авторы докладной записки “группы трех” в декабре 1988 г. — Если нам суждено проиграть конкурентные выборы через 4 года, то лучше попробовать выиграть их сейчас. Если через 4 года нам нужно будет соперничать с уже хорошо сформированной и организованной оппозицией, то лучше столкнуться с ней сейчас, когда она еще слабо организована и воздействует на общественное мнение в масштабе, ограниченном ее слабыми пропагандистскими средствами. Мы предлагаем: объявить конкурентные выборы в конце февраля 1989 г. ...Если бы на выборах не была представлена сила под названием “Солидарность”, выборы не признались бы частью общества и Западом полностью свободными и аутентичными. Следовательно, можно себе представить создание избирательного клуба “Солидарности” как базы для выдвижения кандидатур Валенсы и других»³². Но Ярузельский не поддержал идею переноса выборов на февраль и принял решение пойти на трудные переговоры за «круглым столом» с «Солидарностью» под покровительством Костела.

Политический перелом принес состоявшийся в декабре 1988 — январе 1989 гг. в два тура X пленум ЦК ПОРП. Партийные реформаторы с большим трудом, но все же сумели провести резолюции о политическом, а также профсоюзном плюрализме, что фактически означа-

ло повторное вхождение «Солидарности» в политическую систему. Решения пленума неоднозначно воспринимались широкими партийными кругами. Сопrotивление «бетона» в ПОРП — действительно искренний аргумент правительственной стороны: против выступали и воеводские комитеты, и Всепольское соглашение профсоюзов (ВСПС). Участник переговоров со стороны оппозиции А. Веловецкий подчеркивает: ему по собственному переговорному опыту известно, что ожесточенность аппарата в 1988 г. была больше, чем в 1980 г.³³

Следует отметить большую роль католической церкви в подготовке и проведении переговоров за «круглым столом». Так, в ноябре 1988 г. высокопоставленный иерарх Костела архиепископ Домбровский впервые выступил уже не в роли наблюдателя, а активного посредника, предложив встретиться Кищаку и Валенсе на нейтральной территории и с помощью Костела согласовать принципы «круглого стола». Костел видел свою роль в примирении двух противников: с одной стороны, правящих сил, а с другой — резко активизировавшегося общества. То есть он стремился стать своеобразным моральным гарантом соглашений. При этом большинство экспертов спустя десятилетия признают, что симпатии Костела однозначно находились на стороне оппозиции. Несомненно также сильное влияние на руководство польского Костела Папы Иоанна Павла II, который понимал, что открывающиеся перед Польшей возможности требуют нетривиальных действий со стороны церкви.

Таким образом, как видим, позиция польских коммунистов-реформаторов и деятелей оппозиции не являлась единственно определяющим фактором, обусловившим характер тогдашних событий и их последствия. По мнению Ярузельского, например, основным фактором падения польского коммунизма явилась перестройка в СССР, но важны также роль «Солидарности», Костела и папы Иоанна Павла II, давление западных государств, особенно США эпохи Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего.

За «круглым столом» обсуждались и решались самые насущные вопросы, когда, по словам Т. Мазовецкого, «было ясно, что с Польшей нужно что-то делать». При этом важно, что «они не ожидали нашего отказа от своих принципов, а мы не ожидали, что они извинятся за военное положение. Каждый оставался при своем мнении и сохранял свое лицо. Даже странно, что мы сели за стол переговоров, но мы сели обсуждать не то, с чем не согласны, а то, что у нас могло быть общего»³⁴. Представитель оппозиции В. Кулерский обращает внимание на расчеты власти «абсорбировать оппозицию, заставить ее разделить

с ними ответственность». «Но ведь наша цель за “круглым столом”, — подчеркивает он, — состояла в легализации “Солидарности”. А наше участие в выборах было их замыслом и той ценой, которую мы были должны, вынуждены заплатить за легализацию профсоюза. Тогда это был основной и первостепенный вопрос, о чем сегодня забывают»³⁵.

Поскольку большинство участников по обе стороны имели желание достичь соглашения, то им приходилось искать различные формы общения. Следовательно, не стоит создавать каких-либо теорий заговора. Самым интересным в истории «круглого стола» польский исследователь А. Дудек считает третий уровень переговоров. Первый уровень — это официальные переговоры, проходившие во Дворце наместников; второй — неофициальные, секретные переговоры на вилле МВД под Варшавой, в Магдаленке; третий — переговоры в узком кругу. Часто встречи проходили в квартире члена Политбюро профессора Я. Рейковского — одного из главных переговорщиков. Большое значение имели встречи с участием Михника и Квасьневского. Но известно, что Квасьневский вел беседы с Куронем, а Рейковский имел приятельские отношения с Геремком. Таких «танDEMов» наверняка имелось больше, а их значение возрастало в моменты, когда за «круглым столом» назревал какой-либо кризис. Третий уровень переговоров оказался чрезвычайно важным для преодоления недоверия³⁶. Нельзя забывать, откуда эти люди пришли: одни из аппарата власти, которые вводили военное положение, а другие вернулись из центров интернирования. Отсюда столь большая потребность в участии Костела, который мог гарантировать, что стороны не обманут друг друга. Начавшиеся переговоры уже нельзя было остановить. И Ярузельскому, и Валенсе следовало договориться, иначе их руководящий статус подвергся бы сомнению, а радикалы смогли бы восторжествовать.

Не следует недооценивать эти двухмесячные переговоры за тремя «столами» (политический, экономический, профсоюзный) и многочисленными «столиками» (всего в них приняло участие около 600 чел.). Итогом переговоров за «круглым столом», проходивших с 6 февраля по 5 апреля 1989 г., явился сценарий, предполагавший проведение после четырехлетнего переходного периода свободных выборов. В них планировалось участие на конкурентной основе свободно созданных политических партий. Соглашениями предусматривалось: (1) участие оппозиции в парламенте в намеченном объеме (35 %); (2) воссоздание второй палаты парламента — Сената, выборы в который «не ограничены никаким соглашением о разделении мандатов»; (3) коалиционное правительство во главе с представителем

ПОРП; (4) введение поста президента, избираемого двумя объединенными палатами парламента, т. е. Национальным собранием (ранее он избирался на всеобщих выборах).

Важными итогами переговоров за «круглым столом» явились повторная легализация «Солидарности», что представляло самую важную цель в течение всего длительного периода подпольной деятельности, фактический отказ ПОРП от монополии на власть, реформа избирательного закона и согласие ПОРП на частично свободные выборы в Сейм и свободные в Сенат. Ценой этого компромисса стала гарантия доминирования в Сейме — на первых порах — коммунистов. Само соглашение стало вынужденным продолжением соглашения, заключенного девятью годами ранее при завершении крупной забастовки на верфи в Гданьске и подписанного 31 августа 1980 г.

Таким образом, для участников переговоров за «круглым столом» принятые решения означали как далеко идущие уступки, так и определенные выгоды. Для ПОРП соглашения означали утрату монополии, хотя и представляли шанс на дальнейшее существование. Для «Солидарности» уступкой стал перенос выборов на конкурентной основе на четыре года и соглашение на роль парламентского меньшинства. Однако при этом появлялась возможность легализации движения, что считалось одной из главных целей оппозиции. Лишь третий участник переговоров — Костел не делал каких-либо уступок в чью-то пользу, для него «круглый стол» стал объективной победой и подтверждением собственной политической силы.

И сегодня, спустя 20 лет, представители обеих сторон по-прежнему положительно оценивают соглашения «круглого стола». По словам В. Ярузельского, «это исторический эксперимент под контролем силовых структур. Власть твердо держала в своих руках бразды “исторического эксперимента”, который, как договорились за “круглым столом”, через четыре года должен был привести к полностью свободным выборам. Впрочем, власти считали, что выиграют эти выборы, так как плоды реформ уже были бы ощутимы». К тому же Польша являла собой «пример эволюции, безопасной для представителей прежней власти. Более того, с вхождением их в правительственную коалицию: в кабинете Мазовецкого у прежней власти было четыре министра, а также президент с широкими полномочиями»³⁷. На международной научной конференции в Париже в сентябре 2009 г. «Польша: модель выхода из коммунизма спустя 20 лет» Ярузельский назвал «круглый стол» «реалистичным компромиссом». «“Солидарность” оказалась слишком слабой, чтобы свергнуть власть, а власть слишком слаба, чтобы провести необходимые реформы». «Круглый

стол» — это «первая великая перемена, которая произошла бескровно, и в этом наша самая большая победа»³⁸.

По словам Т. Мазовецкого, за «круглым столом» «оппозиция получила пространство свободы, которую гарантировала легализация «Солидарности». Ценой явилось наше вхождение в политические структуры, т. е. Сенат и Сейм»³⁹. «Компромисс 1989 г. имел свою цену, и ее стоило заплатить, — считает А. Михник. — ...для поляков это был интерес столетия, а может быть, и тысячелетия». При этом он сугубо позитивно оценивает роль генералов Ярузельского и Кищака, потому что они «подвигли общество к свободной Польше»⁴⁰. Л. Валенса более существенным считал создание «плацдарма», т. е. регистрацию «Солидарности», хотя нельзя недооценивать и отмену цензуры и доступ к средствам массовой информации. Но председатель профсоюза сильно опасался воздействий постоянного стресса и «ненадежного тыла» (к началу переговоров в них участвовали 150 человек): «Это сегодня так возросло число героев, которые говорят, что мне следовало бы арестовать Кищака... Между тем мы выиграли из последних сил и поэтому некоторые коммунисты считали, что даже если допустят нас к власти, то затем легко усмирят. Я же думал: пусть только удастся просунуть в дверь рабочий сапог, а уж мы эту щель расширим»⁴¹.

Наблюдавший за переговорами от имени Костела епископ Бр. Домбровский писал по горячим следам: «То, что заседания “круглого стола” были нужны и возможны, считаю важнейшим достижением... Люди, которые сели за “круглый стол”, не имели ранее ни малейшего шанса встретиться между собой, возможности обменяться различными взглядами и мнениями... Заседания “круглого стола”, говоря образно, не закрыли никакие двери, не лишили никаких надежд. Они доказали, что несмотря ни на что мы можем что-то сделать»⁴². Вопрос стоял так: удастся ли запустить процесс демократизации Польши. Главное, что в результате «круглого стола» общество поддержало курс на трансформацию. На этом основывалась общественная и психологическая поддержка Ш РП, которая в течение последующих 10 лет никем не оспаривалась. Она возникла на основе исторического контракта, а не на обломках гражданской войны. Это дало возможность строить новый порядок при относительно небольшом уровне мстительности и ненависти.

Планы руководства страны были нарушены в июне 1989 г., когда состоялись выборы в парламент, на которых власть потерпела сокрушительное поражение; обескураженными оказались обе стороны. Оппозиция не ожидала такого успеха. По словам А. Веловойского,

«даже если бы оппозиция получила только половину мест в Сенате, то и это считалось бы успехом, так как до переговоров легально вообще ничего нельзя было делать»⁴³. Июньские выборы продемонстрировали массовую поддержку поляками политических перемен. Их можно назвать переломным моментом, когда план включения «конструктивной оппозиции» в систему ПНР трансформировался в процесс демонтажа системы, опасный для коммунистов.

Следует привести мнения (в частности Я. Качиньского), что в определенный момент следовало пойти на отказ от соглашений «круглого стола» и быстрее избавиться от коммунистов в правительстве Мазовецкого. Категорически не согласен с подобного рода мнениями Геремек, называя их демагогией. «Ведь тогда, — пишет он, — Польша являлась членом Варшавского договора. Можно было бы распустить парламент после роспуска ПОРП, которая составляла парламентское большинство. Но это практически ничего не изменило бы»⁴⁴. Однако, как уже отмечалось, далеко не вся оппозиция была представлена за «круглым столом», а Валенсу упрекали в нарушении принципа плюрализма. Но если бы не этот механизм персонального диктата, то, например, список сенаторов мог бы выглядеть иначе. Причиной, по которой партийно-правительственная коалиция столь сокрушительно проиграла выборы в высшую палату, стал следующий факт: в «команде Леха» насчитывалось сто кандидатов на сто мандатов, а почти 300 кандидатов от власти отнимали голоса друг у друга.

Ярузельский и его сподвижники, сами того не желая, своей концепцией «большого маневра», т. е. вмонтирования оппозиции в систему, способствовали свержению коммунизма. И сегодня ведутся дискуссии по ключевому вопросу 1989 г.: какова вероятность того, что в случае срыва соглашений «круглого стола» или захвата власти радикальной частью оппозиции служба безопасности и армия навели бы порядок силой? Часть исследователей полагает, что окончательного ответа никогда не будет, другие считают, что если бы Мазовецкий был уверен в отсутствии угрозы, он действовал бы радикальнее⁴⁵. До сих пор остается открытым вопрос, являлся ли целью действий, предпринятых командой Ярузельского, т. н. китайский вариант — продвинутая либерализация и частичная приватизация экономики при одновременном сохранении авторитарной системы правления? Существование такого плана пока что не подтверждается документами ПОРП и СБ⁴⁶. Однако процесс невидимой, а затем и открытой трансформации экономической системы, который имел место еще до создания правительства Мазовецкого, развивался именно в том направлении, который позднее получил

название китайской модели. Его суть — конверсия политической власти в экономический капитал.

Главными достижениями прошедшего 20-летия все участники тех событий считают вхождение Польши в состав европейского политического и экономического сообщества со свободным рынком, частным предпринимательством, свободой слова, демократическими выборами, свободой передвижения. Они отмечают, в частности, что в отношении политических перемен справедливо выбран осторожный вариант, а в отношении экономических — радикальный. В тех условиях спокойствие и чувство безопасности (отсутствие провокации со стороны сил прежнего режима) трактовались как приоритет⁴⁷. Мазовецкий подчеркивал, что «строительство новой Польши на обломках ПНР никто не мог запланировать, так как никто не знал, какими будут эти обломки». Неплохие успехи, достигнутые Польшей во внешней политике, в экономике, в самоуправлении, не отменяли правильности этой констатации. «Смена строя началась с реформы самоуправления и первых свободных выборов в самоуправление в 1990 г., в этом своя логика. Ведь реформа самоуправления — это большой акт декоммунизации, смены элит во всех гминах»⁴⁸, — заключал будущий ведущий политик новой Польши.

Что касается основных ошибок, то в их числе называются, в частности, недостаточная вовлеченность в общественную жизнь, а также слабость гражданского общества. Геремек замечал по этому поводу, что «мы захлеб говорили о гражданском обществе сопротивления, а в свободной Польше это исчезло. Если бы мы вовремя создали альтернативные объединения, партии, то, может быть, добились бы большей вовлеченности людей». Он также считал, что население следовало убедить в правоте шоковой терапии, поскольку «в современных демократиях убеждение столь же важно, как и программа. Нашей сильной стороной являлось то, что энтузиазм от полученной свободы давал один — два года времени терпения»⁴⁹. Впоследствии же партийный интерес стал доминировать над интересами государства, отсюда последовало и отрицание всего, что сделало государство. «Это, — по словам Мазовецкого, — чрезвычайно удачно вписалось в польскую ментальность, вытекающую из истории: ведь два века государство было чуждым обществу»⁵⁰. Оказалось, что преобразования — это длительный сложный процесс, который должен затрагивать и общественное сознание.

Таким образом, анализ палитры оценок «круглого стола» спустя двадцатилетие после его проведения показывает, что это был крайне сложный и разнонаправленный процесс, а задававшиеся им цели, в

первую очередь политической плюрализм и свободный рынок, подвергались самым противоречивым трактовкам. Как уже указывалось, Сейм РП ставил акцент на том, что всем участникам «круглого стола» якобы была присуща единодушная готовность к заключению компромисса. Однако анализ многообразия мнений относительно позиций участников (включая и мнения самих участников) «круглого стола» свидетельствует о том, что эта готовность демонстрирует несколько иную ситуацию. Отступление властей со своих позиций не отличалось ни готовностью, ни планомерностью. Оно диктовалось жестким давлением достаточно структурированных и наиболее мощных в регионе сил, которые представляла «Солидарность», хотя планомерностью ее действия отличались не всегда. Из трех основных участников переговоров (властные структуры, Костел и «Солидарность») именно последней удалось стать доминирующей силой, не решившей при этом абсолютно всех проблем. Дальнейшая политическая история Польши, которая характеризуется распадом казавшейся монолитной «Солидарности», подтверждает данное суждение. Приводимые же в статье мнения участников «круглого стола» свидетельствуют о том, что иного хода событий не было и не могло быть.

Примечания

¹ Janicki M., Władyka W. Rok wielkich rocznic // *Polityka*. 2009.03.01.

² Rozmowy na XX-lecie. A. Michnik. Uwierzyć własnym oczom. Rozmowa z J. Żakowskim // *Polityka*. 2008.15.12.

³ *Gazeta Wyborcza*. 2009.24–25.01.

⁴ Подробнее см.: Magierska A. Okrągły Stół w dyskusjach historyków i polityków III i IV RP // *Polski rok 1989. Sukcesy, zaniechania, porażki*. Warszawa, 2009. S. 388.

⁵ Kaczyński L. *Polski rok 1989* // *Rzeczpospolita*. 2009.06.02.

⁶ Janicki M. *Ucieczka od Stołu* // *Polityka*. 2009.10.02.

⁷ Цит по: Magierska A. Okrągły Stół w dyskusjach historyków i polityków III i IV RP // *Polski rok 1989...* S. 368; Rozmowy na XX-lecie. Szostkiewicz A. Raporty szły do Watykanu. Bp. Alojzy Orszulik, uczestnik Okrągłego Stołu, o roli Kościoła w tych rokowaniach // *Polityka*. 2009.07.03.

⁸ Władyka W. *Spojrzenie na Okrągły Stół z perspektywy 2009 roku* // *Polityka*. 2009.05.02.

⁹ Dudek A. *Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989–2001*. Kraków, 2002. S. 42; Paczkowski A., Dudek A. Ani legenda czarna, ani legenda biała // *Tygodnik Powszechny*. 2009.03.02.; См. также: Trembicka K. Okrągły Stół w Polsce – mity i stereotypy // *Studia Polityczne*. W-wa, 2004. № 15. S. 79; Borodziej Wł., Garlicki A. *Od redaktorów* // *Okrągły Stół. Dokumenty i materiały*. Warszawa, 2004. T. 1. S. 9–11.

¹⁰ *Gazeta Wyborcza*. 2009.02.02.

¹¹ Gazeta Wyborcza. 2009. № 32.

¹² Skórzyński J. Droga do Okrągłego Stołu: od zniewolenia do wolności. Wojna i Stół // Polityka. 2009.05.02. Предложение о начале диалога содержалось в докладе, составленном под эгидой Л. Валенсы, середины 1985 г. «Польша. 5 лет после Августа» (авторы политической части – Б. Геремек и Т. Мазовецкий). Аналогичную формулу компромисса предлагал в том же году А. Михник в книге «Такие времена... Речь о компромиссе». Он полагал, что «Солидарность» должна отбросить философию «Все или ничего». Подробнее см.: Skórzyński J. «Solidarność» i władze PRL w drodze do Okrągłego Stołu // Polski rok 1989... S. 19–21.

¹³ Подробнее см.: Майорова О. Н. Антикommунистическая революция в Польше // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 144–145, 153.

¹⁴ Цит. по: Montowanie stołu // Onet.pl.-Wiadomości. 2009.11.02.

¹⁵ Цит. по: Graczyk R. Spojrzenie po latach // Tygodnik Powszechny. 2009.03.02.

¹⁶ Подробнее см.: Garlicki A. Memoriały zespołu trzech // Polski rok 1989... S. 39–40. Вл. Пожого передавал, в частности Ст. Чосеку и Е. Урбану, информацию, подготовленную аналитиками МВД в секретной Оперативно-штабной группе секретариата начальника Службы безопасности. Группа из 10 человек включала как работников МВД, так и ЦК ПОРП и таким образом анализировала также ситуацию в партии. Польский исследователь А. Дудек отмечает, что созданная в 1985 г. Оперативно-штабная группа «должна была в последующие годы стать одной из важнейших ячеек, вырабатывающих программу процесса контролируемой либерализации системы» (Dudek A. Reglamentowana rewolucja. Rozkład dyktatury komunistycznej w Polsce 1988–1990. Kraków, 2004. S. 63). Он также обращает внимание на схожесть ее первоначальных анализов с предложениями «группы трех».

¹⁷ Okrągły Stół. Dokumenty... dok. 11. S. 130–131.

¹⁸ Rozmowy na XX-lecie. General Wojciech Jaruzelski mówi o przełomie 1989 r. Mnie się ta Polska podoba. J. Żakowski pyta // Polityka. 2009.18.02.

¹⁹ Rozmowy na XX-lecie. Adam Michnik. Uwierzcie własnym oczom. Jacek Żakowski pyta // Polityka. 2008.15.12.

²⁰ Подробнее см.: Kowal P. Wstęp. Część pierwsza (1986 – wrzesień 1988) // Okrągły Stół. Dokumenty... S. 33–34.

²¹ Rozmowy na XX-lecie. General Wojciech Jaruzelski...

²² Цит. по: Шаруга Л. Выписки из культурной периодики // Новая Польша. 2009. № 4. С. 82. – Пшеглэнд. 2009. № 10.

²³ Okrągły Stół. Dokumenty... dok. 27. S. 172.

²⁴ Rozmowy na XX-lecie. B. Geremek. Trzeba było wygrać // Polityka. 2008.22.07.

²⁵ Wielowiejski A. Mieliśmy szczęście // Tygodnik Powszechny. 2009.03.02.

²⁶ Подробнее см.: Labędz K. Spory wokół zagadnień programowych w publikacjach opozycji politycznej w Polsce w latach 1981–1989. Kraków, 1997. S. 268–269, 270, 272.

²⁷ Подробнее см.: Skórzyński J. Uгода i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989. Warszawa, 1995. S. 111.

²⁸ Rozmowy na XX-lecie. W. Jaruzelski. Mnie się ta Polska podoba...

²⁹ Цит. по: Garlicki A. Montowanie stołu // Onet.pl-Wiadomości. 2009.11.02.

³⁰ Цит. по: Musiał F. W oczach «onych». Jak rok 1989 wyglądał z punktu widzenia władz? // Tygodnik Powszechny. 2009.03.02.

³¹ Kiszczak C. Na bagnetaх kiepsko się siedziało // Gazeta Wyborcza. 2009.06.02.

³² Okrągły Stół. Dokumenty ... dok. 82. S. 292, 293.

³³ Wielowiejski A. Mieliliśmy szczęście ...

³⁴ Т. Мазовецкий о «круглом столе» // Газета wyborcza. 2009. 06.02 – Новая Польша. 2009. № 3. С. 25.

³⁵ Кулерский В. Есть такие вещи, которые нельзя не сделать // Новая Польша. 2009. № 7–8.

³⁶ Paczkowski A., Dudek A. Ani legenda czarna...

³⁷ Rozmowy na XX-lecie. General Wojciech Jaruzelski ...

³⁸ Francja: Mazowiecki i Jaruzelski o Okrągłym Stole // Onet.pl-Wiadomości. 2009.18.09.

³⁹ Rozmowy na XX-lecie. Rozmowa z Tadeuszem Mazowieckim, pierwszym premierem III Rzeczypospolitej: Z grubsza normalny kraj. Jacek Żakowski pyta // Polityka. 2008.07.06.

⁴⁰ Rozmowy na XX-lecie. Adam Michnik...

⁴¹ Rozmowy na XX-lecie. L. Wałęsa. Wygraliśmy resztką sił. J. Paradowska pyta // Polityka. 2008.23.09.

⁴² Цит. по: Ks. Boniecki A. Tam nasz początek // Tygodnik Powszechny. 2009.03.02.

⁴³ Wielowiejski A. Mielismy szczęście...

⁴⁴ Rozmowy na XX-lecie. Geremek B. Trzeba było wygrać // Polityka. 2008.22.07.

⁴⁵ Paczkowski A., Dudek A. Ani legenda czarna...

⁴⁶ Dudek A. Wielki Skok // Tygodnik Powszechny. 2009.22.04.

⁴⁷ Rozmowy na XX-lecie. Aleksander Smolar, były emigrant, prezes Fundacji Batorego. Od rewolucji do apatii. Janicki M., Władyka W. // Polityka. 2009.18.05.

⁴⁸ Rozmowy na XX-lecie. Rozmowa z Tadeuszem Mazowieckim...

⁴⁹ Rozmowy na XX-lecie. Rozmowa z prof. Bronisławem Geremkiem. Beres W., Burnetko K., Spoczylas J. Trzeba było wygrać // Polityka. 2008.22.07.

⁵⁰ Rozmowy na XX-lecie. Rozmowa z Tadeuszem Mazowieckim...

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Л. С. Лыкошина
(Россия)

Что такое политическая элита периода общественных перемен, в том числе трансформации? Чаще всего в литературе предмета к таковой причисляют людей, которые благодаря занимаемым стратегическим позициям способны воздействовать на политические решения общегосударственного уровня. Речь идет о сфере правительственной, административной, экономической, военной, культурной. В элиту могут входить люди, очень по-разному относящиеся к существующему положению вещей, в том числе и лидеры влиятельных диссидентских организаций. Нет недостатка в спорах о различных аспектах теории элит, в частности о критериях принадлежности к таковой, но вслед за З. Бауманом следует, очевидно, признать плодотворным не бесконечные споры о дефинициях, а конкретно-исторический подход¹.

Польская элита периода трансформации переживает процесс социализации в контексте новых общественных явлений, складывается новая субкультура элит. Все это процессы непростые и долговременные. Ведь еще относительно недавно депутаты Контрактного сейма, возникшего в результате выборов 1989 г., в подавляющем большинстве впервые приобщившиеся к большой политике, собственно политиками себя не декларировали, старались всячески избежать причисления себя к категории таковых, считая политическую деятельность занятием едва ли не аморальным. Примерно таким же было и отношение к термину «элита». Но уже в 1991 г. ситуация была другой, и депутаты первого демократически избранного сейма весьма уверенно говорили о себе как о политиках и вполне принимали термин «элита» как категорию, приемлемую для самоидентификации.

Процесс формирования трансформационной элиты сопровождался преобразованием конфликта ценностей в конфликт интересов. Между тем известно, что чем быстрее революционеры превратятся в бюрократов, тем быстрее пройдет процесс трансформации. Но и само понимание трансформации не было единым в представлении поли-

тической элиты. Одни видели в ней прежде всего либерализацию, переход к рыночным отношениям, другие — скорее возвращение к неким, едва ли не мистическим, национальным, польским истокам после долгих лет коммунистического, «непольского» бытия. И в этих двух видениях коренится очень важный момент — отношение к модернизации. За прошедшее с 1989 г. время политический маятник в Польше не раз отклонялся то вправо, то влево, в зависимости от этого менялось и отношение к модернизационному проекту. Не ставя перед собой цель проследить его динамику на протяжении всей эпохи посткоммунизма, остановимся на последнем периоде, связанным с расстановкой сил после выборов 2005 и 2007 гг.

Как известно, после 2005 г. у власти оказалась партия «Право и справедливость» (ПиС) братьев Качиньских. С этого момента в политическом дискурсе настойчиво зазвучала тема потерянного пятнадцатилетия, необходимости создания Четвертой Речи Посполитой, так как Третья не получилась. Явно обозначились попытки разделить Польшу на две части: «Польшу Солидарности» и «Польшу либеральную», «Польшу католическую, национальную, польскую» и «Польшу чужую либеральную, безбожно-европейскую». Все проблемы и беды стали рассматриваться в контексте некоего «сговора», бороться с которым надо не посредством официальных институтов, а при помощи своих, верных людей. В чем суть «сговора» не очень ясно. Иногда складывается впечатление, что речь идет о демократических переменах вообще, которые далеко не в полной мере соответствуют некой глубинной сути польского менталитета.

Подобного рода подход нашел поддержку у общества, о чем свидетельствовали успехи ПиС, а также успехи таких популистских партий как «Самооборона» и «Лига польских семей», итоги выборов 2005 г. и тот факт, что эти партии вошли в парламент и в состав правительственной коалиции.

Победа ПиС и Л. Качиньского стала возможной во многом благодаря так называемым «мохеровым беретам», как пренебрежительно называют в Польше определенную категорию общества. Словосочетание «мохеровый берет» само по себе интересно уже тем, что в нем соединено название головного убора командос (береты) и мохеровых головных уборов, популярных среди пожилых женщин. Последние как раз и являются типичным представителем этой категории граждан. Как правило, «мохеровые береты» придерживаются консервативных националистических взглядов, слушают передачи радио «Мария», смотрят телеканал «Трвам» и читают газету «Наш дзенник». Все вышеперечисленные СМИ придерживаются вполне

определенной идейной ориентации, которую условно можно определить как националистическо-католическую. Но именно условно, так как сами иерархи католической церкви весьма обеспокоены позицией радио «Мария» и считают, что таковая весьма опасна и ведет к расколу католической церкви.

Радио «Мария» действует в Польше уже больше пятнадцати лет. Созданная монахом-редемптористом отцом Т. Рыздиком Торунская радиостанция имеет сейчас в Польше многомиллионную аудиторию, еще более расширившуюся после создания в 2003 г. телеканала «Трвам», связанного с радиостанцией. В стране существует неформальная структура — «семья радио Мария», объединяющая сторонников о. Т. Рыздика. Кружки друзей радио «Мария» существуют практически в каждом приходе. Ежегодно сторонники радио собираются на Ясной Горе. С 1998 г. действует фонд «Наше будущее», занимающийся католическим воспитанием молодежи и выпускающий ежемесячный журнал «Семья радио Марии». Институт национального образования в Люблине организует семинары и лекции для слушателей радио. Четкая расстановка акцентов, определенность трактовки событий и явлений окружающей жизни (пусть далеко не всегда адекватная) привлекает людей, создает у них чувство уверенности и собственной значимости².

Голос радио «Мария», несомненно, сыграл свою роль, ясно давая понять своим слушателям, кто друг, а кто враг поляка-католика. Недаром после своего избрания Л. Качиньский поблагодарил за поддержку о. Рыздика, а премьер нового правительства К. Марцинкевич именно по этому радио впервые обратился к полякам с изложением своей программы. В декабре 2005 г. на праздновании 14-летия радио «Мария» в Торуні присутствовали министры нового правительства, спикер Сейма М. Юрек.

Очевидно, не следует преувеличивать роль радио «Мария» в победе Л. Качиньского и ПиС. Конечно, это фактор не единственный и не определяющий. Но и не принимать его во внимание было бы ошибкой. «Мохеровая оппозиция» показала в ходе выборов свое реальное значение, и презрительно-пренебрежительное отношение к ней, имеющее место среди польской интеллигенции и либерально мыслящих политиков, вряд ли можно считать конструктивным. В конце концов «мохеровые береты» — это та самая Польша, как было замечено в еженедельнике «Политика», которая «ближе к Бугу, чем к Одре»³.

Эта вторая Польша, с недоверием относящаяся к модернизационному проекту, реально существует. Правда, это Польша малых городов и деревень, преимущественно немолодых и не очень обра-

зованных людей. Но она есть, и один из драматических моментов в бытии трансформационной элиты состоит в поисках национальной идентичности, в попытках ответить на вопросы о том, нужна ли она вообще, как сохранить ее в условиях модернизации, можно ли остаться поляком, став европейцем. Думается, что дежурные фразы, о том, что одно другому не помеха, не снимают реальную остроту вопроса, реальную боль и тоску миллионов поляков, потерявших в пучинах трансформации.

Итоги выборов 2007 г. серьезно изменили ситуацию в стране. Более либеральная, чем ПиС, Гражданская платформа опередила своих конкурентов на 10 %. За ПиС голосовали прежде всего в восточных и южных регионах страны, на землях, некогда в результате разделов отошедших к Австрии и России. За ГП голосовала в первую очередь западная Польша, то есть земли «прусского захвата», а также «возвращенные земли», или территории, отошедшие к Польше после Второй мировой войны. Электорат ГП — это люди, преимущественно молодые и достаточно высоко образованные. Оказался задействованным открытый, европейский потенциал, но учитывая невысокую избирательную активность, а также тот факт, что значительная часть поляков вообще считают политику «их» делом, можно предположить, что проблема национальной идентичности как общества, так и элиты далека от разрешения.

Достаточно остро стоит и проблема исторической идентификации политической элиты. Известно, что президент Л. Качиньский был активным сторонником исторической политики*. Ее суть он усматривал в воспитании патриотических чувств, угасших в последнее время в связи с тяжелым коммунистическим наследием, а также с тем, что демократия разрушила многие традиционные ценности, не дав ничего взамен. Один из идеологов «новой исторической политики» Д. Гавин полагает, что после 1989 г. была разрушена романтическая модель национального сообщества. Акцент с понятия «народ» был перенесен на понятие «общество», являющееся структурой неоднородной в духовном плане, основанной не на «духе», а на «интересах»⁴.

Правда, в польской общественной мысли присутствует и идея «двух патриотизмов», то есть видения не только героических и благостных, но и горьких и трагических моментов истории. Как замечает историк Р. Траба, в современной Польше достаточно явно присутствуют идеи национализма и мегаломании. Несмотря на все

* Он трагически погиб 10 апреля 2010 г. в результате авиационной катастрофы.

перемены, которые пришлось пережить польскому обществу, в сфере национального сознания изменилось не так уж много⁵.

Поляки отличаются любовью и интересом к своей истории, но не всегда готовы смотреть на нее критически, отказаться от стереотипов. Один из примеров связан с личностью Д. Туска, главы ГП и премьер-министра. Во время избирательной кампании противники Туска в борьбе против него использовали тот факт, что его дед служил в Вермахте. Действительно, один из родственников Туска служил в немецких войсках. Правда, не родной дед, а двоюродный. Но служил, как и многие кашубы. Ведь Туск по происхождению своему — кашуб, а в годы войны в Вермахте служило от 90 до 350 тыс. жителей Поморья и в том числе несколько тысяч кашубов и силезцев. Туда их мобилизовали насильно. Многие из них пытались бежать и в Советскую армию, и в армию Андерса.

Вошедшие в 1939 г. в состав Германии земли польского Поморья были признаны немцами частью своего государства, а жители — немцами, но низшей категории. Кашубов и поляков насильно заставляли декларировать себя немцами, хотя далеко не все на это шли. После войны новая власть отнюдь не поощряла стремление к кашубской идентичности. Сестра Д. Туска вспоминает, что еще в 1970-е гг. молодым людям было стыдно признаваться в своем кашубском происхождении.

В настоящее время можно говорить скорее о возрождении кашубской идентичности, мощным стимулом к чему послужило обращение к кашубам Иоанна Павла II в 1989 г., призвавшего их хранить верность национальному языку и традициям.

Радио «Мария» призывало с опаской относиться к Туску как к кашубу и почти немцу, и немало поляков прислушивалось к этим призывам.

Весьма отягощены историей и польско-российские отношения. Известно, что как общество, так и элиты с подозрением и некоторой неприязнью относятся к России, используя поучающий, менторский тон, нередко представляя Польшу мостом между востоком и западом. Однако, как заметила И. Конечна, «в своем ощущении цивилизационной миссии мы должны следить за тем, чтобы не стать тем мостом, по которому никто не хочет ехать, ибо все уже давно пользуются самолетом»⁶.

В далеком от доброжелательности образе России есть моменты, не совсем вписывающиеся в общую картину. В программе некоторых политических и общественных образований можно найти моменты признания достоинства и значимости России. К сожалению, эти мо-

тивы свойственны не самым прогрессивным политическим силам. О России в положительном контексте писал лидер скорее националистической партии «Лига польских семей» Р. Гертых в своей «Контрреволюции» молодых», о России можно иногда услышать что-то хорошее по радио «Мария» или в высказываниях лидера популистской партии «Самооборона» Леппера. Но и Гертых, и Леппер в нынешней Польше занимают совершенно маргинальное положение. Правда, в польском политическом дискурсе присутствует мысль о необходимости прагматического, рационального отношения к России. Сторонником скорее такой позиции является Д. Туск, что отличает его от многих представителей польской политической элиты, в частности от президента Л. Качиньского и главы ПиС Я. Качиньского.

Взаимоотношения между этими тремя ключевыми фигурами отнюдь не лишены сложных и острых моментов, привлекающих внимание общества. Столкновения между покойным президентом и премьером были не просто борьбой политических лидеров, но в известном смысле и борьбой концепций, мировоззрений, где Туск представляет скорее либеральное видение проблем, а братья Качиньские — скорее националистическое и популистское.

Специалист по политическому маркетингу Э. Мистевич замечает, что Туск в нынешней Польше исполняет роль Индианы Джонса (героя известных приключенческих фильмов). Он борется со злом, все с сочувствием наблюдают за его приключениями, бесконечными стычками с президентом⁷. Бесспорно, что современная политика все больше сближается с поп-культурой, популярность политика во многом формируется так же, как популярность поп-звезд. Туск же использует удачные приемы политического маркетинга. Его спарринг-партнером всегда является ПиС. Он противопоставляет ее ГП и всегда выигрывает. В своих выступлениях премьер практически не упоминает о других политических формациях, только о ПиС. Это нужно для противопоставления, для того, чтобы выгодно оттенить ГП, ставшую ведущей политической силой после досрочных парламентских выборов 2007 г.

Польская политическая сцена при Л. Качиньском представляла собой пример достаточно сложной ситуации, когда президент страны являлся неформальным лидером оппозиции. Но и в этих условиях ГП сумела обрести поддержку около 50 % населения, а рейтинги самого Дональда Туска также всегда были выше, чем показатели Леха Качиньского. Очевидно, осознавая всю серьезность положения при своих рейтингах ниже 10 %, Л. Качиньский в последнее время пытался исправить ситуацию, работая над своим имиджем. Изменилась

сама риторика президента: он больше говорил о консенсусе и необходимости согласия, чем о поисках врагов и необходимости борьбы с ними. Новый, миролюбивый настрой президента выразился и в его призыве к сотрудничеству, обращенному к политикам, связанным с правящей ГП и оппозиционной ПиС. Хотя многие в ГП расценили тогда это обращение как тактическую уловку, но 36 % поляков, по данным социологов, хотели бы, чтобы ГП и ПиС правили вместе и общими усилиями боролись бы с кризисом⁸.

Об особых политических успехах Л. Качиньского, даже в прошедшем времени, говорить, видимо, нет оснований, но к разряду таковых некоторые аналитики относят его действия, связанные с событиями 2008 г. в Грузии. Эти события вызвали в Варшаве быструю и весьма энергичную реакцию. Президент Лех Качиньский, преодолевая все трудности и происки, незамедлительно вылетел в Тбилиси, захватив по дороге президентов Латвии, Эстонии, Литвы и Украины. На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую команду, Качиньский произнес пламенную речь, заявив о готовности Польши к борьбе со страной, которая показала свое истинное лицо, столь известное полякам. Речь шла о России, постоянно стремившейся подчинять себе соседние государства и решившей, что времена империи возвращаются. Вслед за Грузией может наступить очередь Украины, потом прибалтийских государств, а впоследствии, возможно, и Польши.

Смелая речь Качиньского была встречена в Польше по меньшей мере неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского, имея в виду ночь с 12 на 13 сентября 2008 г., когда польский президент выступил на митинге в Тбилиси, и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше.

Представляется правомерным отметить, что события на Кавказе выявили отсутствие единой установки в данном вопросе как польской политической элиты, так и стоящих за ней СМИ. Гораздо более умеренную позицию, чем президент занимали и премьер Д. Туск, и министр иностранных дел Р. Сикорский. Однако несомненно, что антироссийская позиция Л. Качиньского оказалась более приемлемой для польского общества и прибавила президенту популярности. Так же, как поддержанная в 2004 г. «оранжевая революция» на Украине способствовала росту авторитета тогдашнего польского руководства и прежде всего президента А. Квасьневского.

Л. Качиньский расценил тогда как совершенно неправомерную позицию Д. Туска по отношению к России: премьер призывает к реа-

лизму, президент же полагает, что если Польша не будет противостоять российской агрессии, то никто другой этого не сделает. Покойный президент был решительным сторонником идеи энергетической безопасности, полагая, что ее реализация будет способствовать преодолению зависимости от России и уменьшению возможностей последней оказывать давление на Польшу и Европу в целом.

Безопасность страны, считают почти все представители польской элиты, недостижима без опоры на США, и Л. Качиньский в этом смысле являлся решительным сторонником размещения на территории республики американских противоракетных установок, хотя при этом осознал, что они не смогут защитить страну от потенциальной опасности со стороны Москвы. То, что таковая существует, со всей очевидностью, как он полагал, показали события в Грузии. Столь же решительным поборником размещения американских ракет выступает Р. Сикорский. Д. Туск и в этом вопросе занимал более умеренную позицию.

Пусть далеко не все в Польше принимали позицию Л. Качиньского, но его положение в политике представлялось более устойчивым, чем позиции брата и партии, им возглавляемой. Исход выборов 2007 г. продемонстрировал далекую от радужной перспективу ПиС.

В польской политике (а она не является исключением из общемировой практики) в полной мере проявляется процесс персонализации. Все большее значение для успеха той или иной политической формации приобретает уровень популярности ее лидера, отношение к нему электората, благожелательная или, напротив, враждебная тональность СМИ. Не секрет, что взлет популярности Д. Туска и падение популярности Я. Качиньского во многом были обусловлены теледебатами, в ходе которых Д. Туск по всем параметрам «обошел» главу ПиС. Вместе с тем вряд ли можно считать конструктивной идею о необходимости смены лидера ПиС. Это означало бы гибель партии, которая еще не прошла процесс «деперсонализации», то есть отделения партии от ее лидера. В Польше подобного рода процесс имел место только по отношению к Союзу демократической левицы и Польской крестьянской партии: в них неоднократно менялся лидер.

Без Я. Качиньского не будет ПиС. Осознавая это, и партия, и ее глава активно работают над улучшением своего имиджа. Даже внешний облик Я. Качиньского в последнее время стал другим: прежде едва ли не небрежно одетый, он облачился в прекрасно сшитый костюм, не подчеркивающий, как раньше, а скрывающий недостатки

несколько полноватой фигуры, изменил прическу. Внешность главы партии, конечно, важна, но изменилось и нечто более существенное: программа самой партии, ее риторика. На прошедшем в начале 2009 г. съезде ПиС царила атмосфера толерантности, интеллигентности и стремления к модернизации. Глава партии, известный своим, мягко говоря, не очень благосклонным отношением к интеллигенции, попросил в своем выступлении прощения у «настоящей интеллигенции», подчеркнул, что ПиС — это и есть партия интеллигенции. Вместе с тем, Я. Качиньский не преминул отметить приверженность партии христианским и национальным ценностям: «Мы воспринимаем личность, — заявил он, — в категориях христианских <...> как нечто, неразрывно связанное с общностью... Человек живет в национальной, а также семейной общности. Это две основные общности. И только в них можно найти нечто, придающее смысл жизни»⁹.

ПиС по-прежнему настаивает на необходимости «исторической политики», позволяющей отстаивать национальное достоинство поляков и пресекающей любые потоки «ложного» (то есть не такого, как принято в Польше) толкования истории Второй мировой войны и всей послевоенной истории. Несколько по-иному, чем прежде, в новой программе расставлены социальные акценты, они явно обрели большее значение в связи с экономическим кризисом. Это усиление социальной составляющей может привлечь к партии традиционно левый электорат.

Конгресс ПиС показал, как полагает П. Спевак, что Я. Качиньский пытается подражать «Гражданской платформе». Это выражается, во-первых, в стремлении избегать конфликтов, во-вторых, в совершенно иной, чем прежде, оценке современности. Раньше она трактовалась как что-то, таящее в себе угрозу, теперь — как нечто неизбежное и вполне позитивное. Важные перемены обозначились и в оценке рыночной экономики. Это уже больше, чем подражание ГП, это «риторика и язык начала 90-х годов, характерные для партии Либерально-демократический конгресс. Качиньский стал придавать значение стилю в политике: он начал понимать, что важно не только быть правым, но и уметь доказать свою правоту. ПиС отказывается от резких выражений и большевистской риторики. Язык революции заменен языком реформ»¹⁰.

И все же в целом можно констатировать, что существенных перемен в идеологии ПиС не произошло, как не произошло перемен в особом стиле бытия этой партии, характеризующегося в определенном смысле неким «вождизмом». По мнению многих в Польше, ПиС — это партия одного человека, Я. Качиньского. Он с трудом приемлет

критику в свой адрес и подчеркивание другими своего собственного мнения. Изменение имиджа, конечно, важно, но гораздо важнее изменение сущности ПиС. Определяя ее место на польской политической сцене, аналитики говорят не только о «вождистской» партии, но и о партии тоталитарной, представляющей угрозу для польской демократии. ПиС называют иногда «большевиками III Речи Посполитой». Тоталитарные черты присутствуют в самом Я. Качиньском, который может лично исключить из партии любого ее члена, а без его согласия дорога в партийные ряды закрыта. Такое положение дел особенно опасно на фоне явно обозначившегося в Польше (как и во всех других посткоммунистических странах) стремления к авторитаризму не только со стороны власти, но и со стороны общества.

Несколько в стороне от основной линии в жизни польской политической элиты пребывает в настоящее время левица, еще совсем недавно занимавшая столь значимое место в жизни страны. Эта политическая формация переживает сейчас не лучшие времена, и за обретение достойного места на польской политической сцене борются лучшие умы, представляющие политическую элиту левого фланга. Некогда гордящаяся своей сплоченностью, ставшей во многом причиной политического успеха, нынешняя польская левица разобщена.

В самой крупной левой партии — Союзе демократической польской левицы (СЛД) четко обозначилось противостояние двух лидеров — Г. Наперальского и В. Олейника. Г. Наперальский (глава СЛД), хотя «генетически» и связан с социалистической еще левицей (его отец был инструктором воеводского комитета ПОРП), старается по мере сил соответствовать новым политическим веяниям. Он разделяет взгляды С. Сераковского и его журнала «Политическая критика», представляющего идеи «новой левицы», борющейся за «настоящую», «аутентичную» левую идеологию. Г. Наперальский считает себя учеником Сапатеро и Обамы. Будучи профессиональным политиком, он огромную роль отводит пиару и не очень тверд в отстаивании своих позиций, заботясь прежде всего о соответствии требованиям текущего момента (нельзя не заметить, что это весьма напоминает стиль Р. Сикорского). Именно с Г. Наперальским связаны надежды молодежи в СЛД.

Другая группа в СЛД, возглавляемая В. Олейником (лидером парламентской фракции СЛД), связана с политиками скорее старшего поколения: Е. Шмайдинским, К. Яником и другими деятелями левицы еще из «дружины Л. Миллера», главы СЛД в недавнем прошлом. Политический кумир В. Олейника — словацкий премьер Р. Фицо, являющийся сторонником классической западно-европейской

социал-демократии. Сторонники В. Олейничака тяготеют к союзу с ГП, придавая этому союзу, по мнению некоторых аналитиков, чрезмерное значение в ущерб своей левой идентичности.

Заметим, что «войны» Г. Напэральского и В. Олейничака — первый конфликт такого масштаба в рядах польской левицы,

Сложные процессы, переживаемые польской политической элитой, трудно определить однозначно: с одной стороны, это процессы консолидации, свойственные правящей элите (попытки преодоления противоречий и противоборства по линии президент — премьер), с другой — процессы фрагментации, характерные для элиты оппозиционной (о чем свидетельствуют проблемы польской левицы).

Несомненно, что политические силы разной ориентации — и ПиС, и левые переживают нелегкий процесс поиска идейной идентичности. От того, насколько успешен будет этот поиск, зависит судьба политической элиты, облик которой определится в процессе грядущих выборов.

Примечания

¹См.: Żyromski M. Socjologiczna teoria elity // Ruch prawniczy, ekonomiczny, socjologiczny. W-wa, 1994. № 3. S. 269.

² Winicka E. Co jest pod mocherem // Polityka. 2005. № 49. S. 10.

³ Janicki M., Władyka W. Wybory jak rozbiory // Polityka. 2005. № 44. S. 12.

⁴ Gawin D. Od romantycznego narodu do liberalnego społeczeństwa. W poszukiwaniu nowej tożsamości kulturowej w polityce polskiej po roku 1989 // Kultura narodowa i polityka. 2000. S. 189.

⁵ Traba R. Historia przestrzeni dialogu. W-wa, 2006. S. 83.

⁶ Konieczna J. Polsko-rosyjskie asymetrie, uprzedzenia i nadzieje // Polacy i rosjanie: przewycięzanie uprzedzeń. Łódź, 2006. S. 50.

⁷ Mistewicz E. Tusk gra rolę Indiany Jonesa // Gazeta wyborcza. 2009. 12.01. S. 5.

⁸ Polacy w kryzysie liczą na PO-PiS // Rzeczpospolita. 2009. 17.02. S.4.

⁹ Kongres PiS: IV Rzeczpospolita miłości // Rzeczpospolita. 2009. 02.02. S. 6.

¹⁰ Śpiewak P. Kaczyński uczesany // Wprost. 2009. № 7. S. 14–15.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЛАНАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПНР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х ГОДОВ

С. А. Кувалдин
(Россия)

В статье рассматривается достаточно необычная роль, которая отводилась католической церкви в планах политических преобразований, зародившихся у коммунистического руководства во второй половине 1980-х гг. Эти планы, как представляется, позволяют лучше понять мотивацию польских властей при проведении реформаторской политики, а также показать, что путь, по которому пошла в этот период правящая Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) не был единственно возможным направлением политических изменений в стране. Источниками, которые позволяют об этом судить, служат доклады особой аналитической группы при Войцехе Ярузельском (так называемой «группы трех» 1986–1988 гг., а также ряд других материалов: стенограммы заседаний Политбюро, записки о контактах в 1988 г. представителей коммунистических властей с секретарем епископата епископом Брониславом Домбровским и руководителем пресс-бюро епископата Алоизием Оршуликом.

В общем виде схему политических процессов в Польше второй половины 1980-х можно представить следующим образом: польские власти, стремясь обеспечить безопасное проведение трудных экономических преобразований, необходимость которых для руководства была очевидной, оказались вынужденными решать проблему расширения базы общественной поддержки собственных действий. Это, в свою очередь, после ряда неудачных маневров, в частности референдума ноября 1987 г., заставило их начать диалог с политической оппозицией и в первую очередь со структурами «Солидарности», объединенными вокруг Леха Валенсы. Данный диалог после сложного подготовительного этапа принял форму переговоров «круглого стола», а предусмотренные результатами переговоров частично свободные выборы в июне 1989 г. определили поражение коммунистического руководства и скорую смену власти в стране.

Такая схема представляется вполне логичной, если смотреть на события 20–25-летней давности с позиций сегодняшнего дня. Однако следует учитывать, что участники политических процессов 1980-х гг. оценивали принимаемые решения в несколько иной системе координат. В этой системе существовали другие представления о возможных шагах и предпочтительных партнерах по ряду соглашений. Это касается прежде всего коммунистических властей ПНР, которым — по крайней мере в середине 1980-х гг. — принадлежала инициатива в принятии политических решений и, соответственно, необходимость сделать выбор, исходя из реальных или мнимых возможностей.

Достаточно распространенной в польской историографии точкой отсчета процесса политического диалога между коммунистическими властями и оппозицией стала амнистия «некриминальных заключенных» (11 сентября 1986 г.), то есть деятелей упомянутой оппозиции. Однако необходимо обратить внимание на то, что сами власти, принимая решение об амнистии, видимо, не думали о политическом диалоге с «Солидарностью».

Идея амнистии впервые была сформулирована не на заседании официальных органов польской государственной и партийной власти, а специальной рабочей группой, созданной непосредственно по указанию В. Ярузельского. В эту так называемую «группу трех» входили член Политбюро ЦК ПОРП Станислав Чосек, а также руководитель польской службы разведки Владислав Пожога и пресс-секретарь правительства ПНР Ежи Урбан. Первое собрание группы состоялось в начале 1986 г. Местом его проведения была выбрана Магдаленка — дачный поселок под Варшавой, где находился один из конспиративных объектов МВД. Результатом этих собраний и стало составление доклада, в котором предлагалось проведение политической амнистии. Не располагая текстом доклада, сошлемся здесь на Е. Урбана, который в своих воспоминаниях приводит его примерную аргументацию. Согласно данному свидетельству, необходимость амнистии мотивировалась тем, что освобождение политических узников лишит оппозицию важного лозунга — борьбы за свободу этих узников, что позволит дополнительно ослабить позиции противников власти; обращалось внимание и на то, что проведение политической амнистии должно улучшить отношение с Западом и помочь добиться отмены экономических санкций.

Деятельность «группы трех» на этом не закончилась, и она превратилась в постоянно действующий аналитический орган при В. Ярузельском. Ее доклады и проекты касались текущей политической ситуации и, как правило, предлагали те или иные меры по модерниза-

ции режима, но иногда обращалось внимание и на частные политические вопросы. В своих воспоминаниях Урбан вскользь замечает, что однажды группой был составлен большой доклад на экономическую тему, однако сам он характеризует его, как подготовленный крайне непрофессионально¹. Таким образом, основной сферой деятельности группы стала подготовка предложений по текущей политике.

Тексты докладов сохранились и дают представление о том, какого рода советы предлагались аналитиками главе государства. В частности, следует обратить внимание на документ «Предложения некоторых мероприятий на 1987 год», составленный в начале января указанного года. Доклад начинается с оценки проведенной амнистии. Среди прочего в нем указывается на «значительное ослабление противников, уменьшение их влияния, усиление чувства безнадежности, а также облегчение политики соглашения и перетягивания»². При этом авторы отдают себе отчет в том, что реализация народнохозяйственных преобразований и ожидаемое ухудшение экономического положения в стране требуют реализации определенных мер, направленных на минимизацию вероятности проявлений общественного недовольства. Однако такой мерой Урбану, Чосеку и Пожогге виделось заключение соглашения отнюдь не с оппозицией, а с католической церковью. Учитывая уже намеченные на 1987 г. встречи В. Ярузельского и Иоанна Павла II в Ватикане, а также во время запланированной на этот год поездки Папы Римского в Польшу, авторы доклада предлагали «публичное выдвижение и конкретизацию лозунга опоры отношений с Костелом на полное признание ею социалистического государства, союз в социально-экономической сфере, уточнение концепции светскости государства...»³ При этом они прямо писали, что, по их мнению, «целью компромисса должен стать надежный отрыв Церкви от политической оппозиции, получение хотя бы ограниченной и критической церковной поддержки для линии Ярузельского, обретение уверенности в том, что в кризисной ситуации Церковь выступит как предохранительный клапан...»⁴ Иными словами, заключение этого соглашения виделось как продолжение линии на ослабление нелегальной оппозиции и не означало принципиального изменения со стороны властных структур трактовки оппозиционных сил в качестве своих противников».

Авторы доклада писали, что «компромисс требует, разумеется, обговаривания разных конкретных требований как со стороны Церкви, так и государства, а также солидных отдельных соглашений, опирающихся на взаимные уступки по принципу “что-то в обмен на что-то”»⁵. Таким образом, аналитики, консультировавшие главу польского госу-

дарства, стали склонять его к идее заключения какого-то формального соглашения с влиятельными структурами, не находившимися под прямым государственным контролем. Наиболее предпочтительной структурой для подобного соглашения виделась католическая церковь.

Следует отметить, что на встрече главы Государственного совета ПНР и Папы Римского, состоявшейся в Ватикане 13 января 1987 г., действительно поднимался вопрос об установлении своего рода дипломатических отношений между коммунистическими властями и польской католической церковью и заключении на этот счет особого соглашения. В целом, однако, встреча имела скорее противоположный эффект, нежели предполагали авторы доклада. Прежде всего потому, что Иоанн Павел II, признавая полезность нормализации отношений между Костелом и руководством ПНР, тем не менее не считал необходимым принятие польским епископатом формальных политических обязательств. Более того, он заявил о желательности прямых переговоров с Валенсой и другими оппозиционными деятелями⁶. Приводящий содержание беседы В. Ярузельского и Иоанна Павла II в Ватикане исследователь Петр Райна полагает, что это предложение Папы Римского можно считать прообразом будущего «круглого стола». В таком предположении видится некоторое преувеличение, однако в любом случае необходимо отметить, что Иоанн Павел II уклонился от идеи заключения особого политического соглашения между польским епископатом и властями ПНР.

Появление в докладе членов «группы трех» предложения заключить политическое соглашение с епископатом и решить тем самым проблему возможного общественного недовольства, представляется достаточно логичным в реалиях ПНР. Это можно рассматривать одним из последствий политического кризиса 1980–1981 гг., который привел коммунистические власти к убеждению, что более предпочтительным партнером для ответственного диалога является костел, а не профсоюз «Солидарность». Роль кардинала Стефана Вышиньского, а с июля 1981 г. — Юзефа Глемпа в попытках успокоить общественность, минимизировать опасность наиболее острых проявлений акций протеста, призывы к спокойствию в проповедях, транслируемых по радио, а также помощь в поисках компромисса с руководством «Солидарности», создавали у коммунистического руководства впечатление о Церкви как более надежном и ответственном собеседнике по сравнению со связанным с массовым протестным движением профсоюзом «Солидарность». При этом, разумеется, Костел не виделся идеологическим союзником, а скорее структурой, способной воздействовать на общественные слои, не особо симпатизировавшие коммунистам.

Следует отметить, что кризис 1980 г. привел к воссозданию старых и появлению новых структур для взаимодействия партийно-государственных властей и католической церкви. В частности, возобновила работу не собиравшаяся с 1967 г. Совместная комиссия правительства и епископата для оперативного обсуждения и решения вопросов, представлявших общий интерес. Кроме того, вскоре была образована Законодательная группа для урегулирования правового статуса католической церкви в ПНР (заключения своего рода конкордата), которая существовала вплоть до 1989 г., хотя в определенные моменты ее работа фактически не сдвигалась с мертвой точки. Таким образом, уже с начала 1980-х гг. здесь выстраивались разнообразные площадки для переговоров. Следовательно, вести эти переговоры с епископатом оказывалось проще хотя бы по этой причине.

В отношениях же последнего с «Солидарностью» при явной симпатии и открытой поддержке этого движения церковными структурами, высшими иерархами и отдельными священнослужителями существовали и определенные противоречия. В частности, представители церкви с некоторым недоверием относились к активности в структурах «Солидарности» членов КОР (Комитет защиты рабочих — Komitet Obrony Robotników) как социал-демократическому порождению, не имевшему тесных связей с религиозными структурами. Подобным противоречиям власти склонны были придавать преувеличенное значение. Однако следует учитывать, что структуры КОР со второй половины 1970-х гг. воспринимались правящим режимом в качестве открытых политических противников. Состоявшие же в них Яцек Куронь и Адам Михник уже с конца 1960-х имели репутацию врагов социалистического государства, а потому любая критика таких непримиримых — в восприятии властей — оппозиционеров становилась своего рода шагом навстречу и вызывала заинтересованное внимание.

Польский епископат, несмотря на ряд заявленных протестов, достаточно спокойно и с пониманием воспринял введение военного положения в декабре 1981 г. Ю. Глемп в транслируемой по радио проповеди призвал к спокойствию и недопущению пролития крови. И хотя в дальнейшем отношения между католической церковью и властями были достаточно непростыми, тем не менее контакты никогда не прерывались. В 1980-е гг. значительно упростились вопросы, связанные со строительством новых храмов и со многими другими практического свойства церковными нуждами, удовлетворение которых так или иначе требовало принятия решения на государственном уровне или хотя бы затрагивало интересы государства.

Новой неприятностью для польских властей стали результаты проведенного в ноябре 1987 г. референдума, на котором им не удалось заручиться поддержкой населения в проведении экономических реформ. С конца этого года в легальной прессе начинает появляться ряд публикаций о желательности переговоров между властями и структурами «Солидарности».

Наконец в феврале 1988 г. журнал «Конфронтация» напечатал обширное интервью Бронислава Геремека — одного из ближайших соратников Валенсы. В нем известный деятель антикоммунистической оппозиции высказал идею заключения «антикризисного пакта», согласно которому за поддержку со стороны оппозиции действий власти последняя могла бы пойти на легализацию профсоюза «Солидарность». Однако даже столь существенный в политическом смысле шаг как публикация интервью «непримиримого оппозиционера» с предложением заключить пакт, еще не свидетельствовал о готовности правящего режима вести какие-либо переговоры. Если обратиться к докладам «группы трех» этого периода, то можно заметить, что составители политических предложений для главы государства еще не относились в то время к «Солидарности» всерьез, по-прежнему делая решающую ставку на церковных переговорщиков.

Особый интерес в этом отношении представляет доклад от 28 января 1988 г. В его преамбуле указывалось на сложное положение польской экономики и рост общественного недовольства, а также обращалось внимание на то, что у правящей партии отсутствовала четкая программа действий, за исключением невнятного плана второго этапа экономической реформы. Для выхода из сложившейся ситуации авторы доклада предлагали действовать быстро и решительно, пойдя в том числе на принципиальные изменения в политической сфере. В частности, В. Ярузельскому предлагалось «объявление чрезвычайного положения в экономике, имеющего целью протолкнуть реформу»⁷. Примечательно, что авторы доклада считали важным вызвать ассоциации с 13 декабря 1981 г., поскольку полагали, что это должно напомнить обществу об умении власть предержащих действовать эффективно.

Политическая оппозиция по-прежнему воспринималась в качестве противника, однако авторы доклада обращали внимание на то, что внутри «Солидарности» усиливались соглашательские тенденции. При этом они заявляли: «Мы считаем, что наша реалистическая цель должна заключаться в постоянной ориентации на соглашательское крыло, настроенное на сосуществование с “режимом”, ассимиляция и нейтрализация этого крыла и подчеркива-

ние пропасти между ним и радикально-нелегальной оппозицией»⁸. При этом авторы делали еще одно важное замечание: «Наш флирт с оппозицией не должен ограничиваться лишь людьми Церкви, поскольку для равновесия необходим третий, даже слабый фактор. Дуалистический же союз с Церковью стал бы альянсом со слишком большой и монопольной силой»⁹.

В качестве возможных мер по такой «ориентации» упоминалась, между прочим, возможность создания христианской партии, которая могла бы объединить членов Клубов католической интеллигенции, а также светских католиков и лояльные режиму христианские объединения, такие как ПАКС. Интересна авторская оговорка, что такая партия не должна находиться под прямым влиянием католической церкви, ибо в противном случае она могла бы претендовать на доминирование в польской политике. Однако «предохранительным клапаном против формирования такого сильного католического объединения служит то, что Церковь его не хочет»¹⁰.

Таким образом, авторы из «группы трех» по-прежнему возлагали надежду на заключение договора с церковными представителями. Однако, учитывая ослабление позиции властей, в докладе высказывались опасения относительно возможных последствий союза с польским епископатом и роста политического значения последнего. Именно это привело к появлению в докладе предложения сделать демонстративные, но ни к чему не обязывающие шаги в сторону «Солидарности».

Очевидное отсутствие у польского епископата желания заключать какие-либо особые политические соглашения с коммунистическими властями, а также демонстрация «Солидарностью» готовности к переговорам постепенно меняли настроения партийно-государственного руководства и лично В. Ярузельского. Однако осознание, что никак иначе, как за счет «Солидарности» расширить базу поддержки экономических и политических преобразований не удастся, происходило постепенно. Этот процесс был связан с рядом противоречий, и «рецидивы» попыток договориться с католической церковью возникали у разных представителей коммунистического руководства вплоть до конца лета 1988 г.

Важным событием, изменившим расклад политических сил в ПНР и отношение к «Солидарности» со стороны правящей ПОРП, стали забастовки мая и августа 1988 г. Именно они заставили отнестись к оппозиционерам серьезно и способствовали преодолению своего рода внутреннего барьера у власти, который удерживал их от диалога с «Солидарностью». Впрочем, и после забастовок руковод-

ство страны с тревогой относилось к возможной легализации профсоюза «Солидарность», решиться на такой шаг было непросто. Это заставляло партийных и правительственных чиновников маневрировать и вновь обращать взоры в сторону церкви. После окончания майских забастовок, несмотря на предпринятые первоначально попытки вступить в переговоры с руководителями «Солидарности», власти попытались осуществить маневр по проведению переговоров прежде всего с представителями католической церкви и оппозиционными кругами, тесно связанными с церковью. Предметом торга было создание легальной католической партии и формирование коалиционного правительства взамен поддержки курса реформ и отказа от планов воссоздания профсоюза «Солидарность». Тем не менее нельзя отрицать, что стимулом к серьезному обсуждению данных идей могли послужить именно забастовки мая 1988 г. Однако слабость майской забастовочной волны сподвигла власти попытаться вступить в переговоры с теми структурами, которые представлялись ей более безопасными и предпочтительными партнерами. Возможное же возвращение «Солидарности» на польскую политическую сцену они рассматривали как угрозу, которую следует устранить, в том числе с помощью включения оппозиции в легальный политический процесс. Церкви при этом отводилась роль не только посредника, но и во многом партнера в предлагаемом компромиссе.

При этом следует обратить внимание, что незадолго до пробного обсуждения идеи «коалиционного правительства» члены польского руководства провели весьма представительную и подробную беседу с деятелями католической церкви, на которой высказали свое мнение о механизмах включения деятелей оппозиции в легальные политические структуры. В этом разговоре, состоявшемся 27 мая, со стороны польского государственного руководства участвовали члены Политбюро Казимеж Барчиковский (видный член Совместной комиссии правительства и епископата, в компетенции которой находилось обсуждение спорных вопросов взаимодействия государства и католической церкви), Станислав Чосек и Юзеф Чирек, а со стороны епископата — кардинал Махарский, архиепископ Строба и секретарь епископата Оршулик. Представители власти говорили о необходимости расширения политического плюрализма, однако подчеркивали: «Когда речь идет о польском политическом плюрализме, мы не собираемся создавать конфронтационный плюрализм, как при капитализме. Сущность польского плюрализма должна основываться на уважении политических убеждений, диалоге и национальном соглашении, а не на конфронтации»¹¹.

Среди институтов, на основе которых власти предполагали развивать «польский плюрализм», переговорщики указывали на Консультативный совет, который «являет собой широкое поле для выстраивания структур общественной жизни»¹². Одновременно обсуждалось создание Польского клуба международной политики и других структур. Представители власти предлагали также наполнить новым содержанием Патриотическое движение национального возрождения, который следовало преобразовать в «инструмент выражения общественного мнения» и включить в его состав представителей оппозиции¹³. Идея более широких соглашений с оппозицией пока не рассматривалась. Следует заметить, что представители католической церкви также не выступали с предложениями о заключении подобных соглашений. Таким образом, повестка дня для решений в духе «круглого стола» еще не сформировалась. Примечательно, что в критическом — как для представителей власти, так и для оппозиции — вопросе о «профсоюзном плюрализме» церковные переговорщики в конце мая также придерживались весьма сдержанной позиции. В ходе данных переговоров они лишь осторожно подняли вопрос о возможности параллельного существования на предприятиях структур официального Всепольского соглашения профессиональных союзов (ВСПС) и иных профсоюзов, имея в виду прежде всего католические объединения работников. В ответ посланцы властей заявили о неизменности формулы «один профсоюз на одном предприятии» и в свою очередь спросили, может ли епископат взять на себя ответственность за «Солидарность». Однако представители последнего отказались говорить об ответственности, заявив, что «Солидарность» сейчас не является чем-то единым», и призвали продолжать с нею переговоры¹⁴.

Как уже говорилось выше, отсутствие успехов в реализации стратегии политического соглашения с церковью осознавалось властью лишь постепенно. Следы установок этой стратегии можно было заметить и в августе 1988 г., когда после новой, более сильной, чем в мае, волны забастовок власти согласились на прямые переговоры с «Солидарностью».

Известно, что первый шаг к установлению контактов с властью предержавшими был сделан представителями оппозиции, при этом, насколько можно судить, не по прямому указанию Валенсы. Переговоры начали члены Клуба католической интеллигенции во главе со Стельмаховским, решившие передать Ю. Чиреку свои предложения. 20 августа Чирек встретился со Стельмаховским в здании ЦК ПОРП. В приводимых Анджеем Фришке эпизодах обсуждения предложений оппозиции на заседании Политбюро 21 августа 1988 г. упоминаются

слова Чирека (выступавшего с сообщением на эту тему), что диалог с Валенсой будет означать легализацию «Солидарности»¹⁵. При этом Чирек счел нужным упомянуть, что идея переговоров властей с Л. Валенсой пользовалась поддержкой католической церкви, а это скорее всего могло придать упомянутым предложениям в глазах членов высшей партийной инстанции больший вес. Весьма примечательна реакция Ярузельского на информацию министра внутренних дел Кищака о контактах с членом Консультационного совета и имеющим давние связи в оппозиционных кругах адвокатом Владиславом Силой-Новицким, который также предпринимал посреднические усилия по прекращению забастовок и убеждал генерала Ч. Кищака в необходимости переговоров с Валенсой. Ярузельский отнесся к контактам с Силой-Новицким без особого интереса и счел нужным заметить, что «Стельмаховский действует с побуждения Церкви, придерживается стороны “Солидарности”», тогда как Сила-Новицкий — «вольный стрелок, не испрашивает церковного одобрения, сколачивает свой капитал»¹⁶. Нельзя исключать, что Ярузельский, а также другие представители партийного руководства все же надеялись, что церковь «возьмет ответственность» за «Солидарность» на себя, как это предлагалось в обмене мнениями 27 мая между представителями епископата и партийного руководства.

Одной из важных встреч, предшествовавших началу официальных переговоров между представителями властей и Валенсой, стали прошедшие 24 августа в Бельведерском дворце консультации между членом Политбюро К. Барчиковским и Ст. Чосеком, с одной стороны, и А. Оршуликом — с другой. На ней уже напрямую употреблялся термин «круглый стол» и обсуждались возможные условия начала переговоров в подобном формате. В частности, на встрече 24 августа был оговорен конкретный механизм дальнейших действий по организации переговоров: Стельмаховский докладывает о встрече Валенсе в Гданьске, после чего встречается с Чиреком, в то время как переговорщики со стороны власти должны подготовить темы обсуждения на «круглом столе». Что касается проблемы легализации «Солидарности», партийно-государственная сторона вновь выразила сомнение в возможности такого шага из-за опасений дестабилизации¹⁷. Нужно отметить, что в ходе данной встречи Ст. Чосек вновь предложил вернуться к теме соглашения («пакта») между правительством и церковью¹⁸. Оршулик решительно отверг это предложение, после чего оно больше не обсуждалось. Тем не менее сам факт его выдвижения дополнительно подтверждает, что соглашение с церковными структурами (имевшими сильное влияние на руководителей «Солидарности»),

по-прежнему представлялось польским властям предпочтительным выходом из сложившейся в ПНР ситуации. Пожалуй, это предложение можно считать последним эпизодом политических акций, принимавшихся властями в церковный адрес.

В качестве выводов подчеркнем в заключение следующее: во-первых, на примере работы «группы трех», в задачу которой входила подготовка нестандартных политических предложений для В. Ярузельского, можно видеть, что первоначально ее участники предлагали различные варианты соглашения с польским епископатом, к которому затем добавилась упоминавшаяся выше идея создания христианской партии, так в конечном счете и не реализованная. При этом переговоры с «Солидарностью» и тем более возможность легализации профсоюза долгое время не входили в повестку дня даже для тех, кто должен был предлагать главе государства неординарные методы разрешения имевшихся проблем.

Во-вторых, надо отметить, что сами эти проблемы к середине 1980-х гг. определились достаточно отчетливо: необходимость проведения глубоких экономических реформ и, соответственно, обеспечение гарантий от дестабилизации общественно-политической ситуации. Эта установка, пожалуй, в наибольшей степени определяла логику поведения властей на протяжении второй половины 1980-х гг.

В-третьих, учитывая тяжелый и неприятный для нее опыт 1980–1981 гг., партийно-государственная сторона стремилась двигаться во все не навстречу «Солидарности», а к поиску любых альтернативных этому движению путей и партнеров для компромисса. Католическая церковь, с которой у власть предержащих к тому времени установились стабильные отношения, и к которой режим был склонен относиться как к внушающему доверие партнеру, виделась гораздо более предпочтительным гарантом стабильности в стране, чем «Солидарность». На попытку найти именно такую альтернативу диалогу с «Солидарностью», на наш взгляд, не обращается должное внимание при рассмотрении политических процессов в Польше во второй половине 1980-х гг. И объясняется это скорее всего легкостью, с которой при анализе рассматриваемого отрезка истории можно впасть в ловушку «обратной логики»: когда сам процесс состоявшегося диалога кажется единственно возможным сценарием развития событий, учитывая его фундаментальные последствия.

В-четвертых, следует заняться также выяснением причин, по которым не были осуществлены альтернативные сценарии. На наш взгляд, это объясняется принципиальной позицией польского Косте-

ла, уклонявшегося от предложений со стороны властей по заключению тех или иных политических соглашений. Во многом эта позиция диктовалась линией Иоанна Павла II, который на встрече с Ярузельским в Ватикане в январе 1987 г. постарался склонить его к диалогу с общественными силами, что на тот момент фактически предполагало установление контактов с «Солидарностью».

Наконец, в-дтых, необходимо отметить и неудачу референдума в ноябре 1987 г., как один из важных этапов на пути к диалогу. Примечательно, что первые шаги навстречу оппозиции после референдума также не являлись в полном смысле слова решительным выбором властей. Из докладов «группы трех» этого периода следует, что власти планировали вступить с «Солидарностью» во «флирт» для того, чтобы не концентрировать внимание лишь на общественных деятелях, связанных с церковью, не ставя себя тем самым в зависимость лишь от одного (хотя и более предпочтительного) партнера. То, что после появления первых признаков движений навстречу «Солидарности» — прежде всего публикации интервью Б. Геремека в февральском номере упоминавшегося ежемесячника «Конфронтация» — любые новые шаги в этом направлении были приостановлены на несколько месяцев, показывает, что отношение к ним как к «флирту» похоже на правду. Лишь ход последующих событий заставил перейти от «флирта» к гораздо более серьезным отношениям.

И, наконец, следует подчеркнуть: в процессе своих поисков власти постепенно убеждались в том, что никаких других партнеров, кроме «Солидарности», найти скорее всего не удастся. При этом забастовки 1988 г. — как майские, так и августовские — оказали решающее воздействие на окончательный переход к устойчивому диалогу с оппозицией. Однако надо заметить, что восприятие забастовок как сигнала к переговорам также объясняется не только объективными обстоятельствами, а отчасти и тем, что польское коммунистическое руководство во главе с В. Ярузельским постепенно «дозревало» до диалога с «Солидарностью», а вместе с забастовками получило солидный аргумент для перехода к действиям. События, произошедшие между маем и августом демонстрируют, впрочем, что власти колебались в принятии окончательного решения и, продолжая контакты с представителями церкви, старались найти решение, не связанное напрямую с легализацией «Солидарности». Тем не менее быстрый переход от предварительных контактов к полноценным переговорам на фоне августовских забастовок показывает, что как коммунистические, так и оппозиционные элиты уже «дозрели» до переговоров и оперативно решили все необходимые вопросы для начала широкого диалога. При этом партийно-

государственная сторона по-прежнему предпринимала определенные попытки перевести католическую церковь из роли посредников и наблюдателей в полновесных участников политического диалога, решительно отвергаемые представителями епископата.

Лишь с учетом всех этих обстоятельств можно утверждать, что переговоры между внесистемной оппозицией в целом и «Солидарностью» в частности и в особенности, с одной стороны, и представителями правящей ПОРП — с другой, в условиях 1988 г. объективно оказались единственно возможным решением по выводу польского государства из того кризисного состояния, в котором оно находилось в середине данного десятилетия.

Примечания

¹ Ja jako były. Spowiedź życia Jerzego Urbana. Warszawa, BGW. S. 151.

² Okrągły Stół. Dokumenty i materiały. T. I. Warszawa, 2004. S. 55.

³ Ibidem. S. 56.

⁴ Ibidem. S. 57.

⁵ Ibidem.

⁶ Raina P. Droga do «okrągłego stołu»: zakulisowe rozmowy przygotowawcze. Warszawa, 1999. S. 158.

⁷ Okrągły Stół... S. 132.

⁸ Ibidem. S. 136.

⁹ Ibidem. S. 137.

¹⁰ Ibidem. S. 138.

¹¹ Raina P. Op. cit. S. 198.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem. S. 200.

¹⁵ Friszke A. Okrągły Stół. Geneza i przebieg // Polska 1986–1989: koniec systemu. Materiały pokonferencyjne. T. 2. Warszawa, 2002. S. 83.

¹⁶ Ibidem. S. 84.

¹⁷ Raina P. Op. cit. S. 209.

¹⁸ Ibidem. S. 210.

ПЕРВАЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ (ПОЛЬСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА)

Н. В. Коровицына
(Россия)

Революции 1989 г. в Центральной и Юго-Восточной Европе, а в еще большей степени их прообраз — польская революция «Солидарности» 1980–1981 гг. получили определение не только «бархатных» и «нежных», но со временем стали называться «символическими перформансами»¹, сконструированными протестными действиями с целью политической мобилизации людей. Движение «Солидарность», по оценкам польских обществоведов, вобрало в себя множество смыслов, но зарождалось оно, конечно, как рабочее движение, вырстая из традиции социалистических и коммунистических движений, опираясь на богатый практический опыт протестных выступлений польских рабочих в 1956, 1970, 1976 гг. Одновременно это было движение национально-освободительное, за деприватизацию религии, за восстановление человеческого достоинства, *pop violence*, но также и карнавал, ритуальное восстание. Коренная смена социокультурной идентичности народов региона стала их «путем к свободе». Сама эта смена, получила название Великой трансформации (К. Поланьи) или проявления глобального Великого разрыва (Ф. Фукуяма), подразумевающая в обоих случаях формирование новой системы базовых ценностей, мировоззренческих основ всей жизнедеятельности. Польский социологический архив позволяет представить смысл и сценарий этого исторического, не только по своему значению, события даже не 20-, а 30-летней давности, наиболее достоверно и полно.

К началу 1980-х — спустя три десятилетия осуществления программы социалистической модернизации (названной впоследствии консервативной, т. е. сохранившей многие традиционные ценности восточноевропейцев) — завершается превращение преимущественно сельского и аграрного общества стран региона в промышленное, городское, высокообразованное. Однако только 15 % польских семей,

по данным Я. Василевского, имело тогда городские корни², явное большинство составляла интеллигенция в первом поколении.

Польша, среди стран региона обладающая наиболее традиционалистским типом культуры, тем не менее первой вступила на путь подлинного переворота сознания. Революция сознания фактически состоялась здесь уже к середине 1980-х гг. То, что Польша первой в восточном блоке отказалась от системы советского типа, М. Жулковский связывал не столько с приверженностью ее граждан к ценностям современного типа, сколько, напротив, со всплеском ценностей традиционных на исходе соцмодернизации³. Результативность движения «Солидарность» в немалой степени объясняется как раз тем, что оно на короткое время заполнило характерный для страны «вакуум» идентичностей среднего уровня между семьей и нацией.

Сложившаяся на основе осуществления социалистического модернизационного проекта система ценностей поляков оставалась относительно стабильной в течение четверти века — до 1978 г., даже до начала 1980-х. Она принципиально не изменялась на протяжении всего этого периода, особенно насыщенного в Польше выступлениями политической оппозиции и чередой протестных акций 1968, 1970, 1976 гг.⁴ «Переворот сознания» произошел стремительно. Сформировалась генерация, ставшая выразителем и движущей силой кризисных событий. «Поколение “Солидарности”», как и, например, «поколение 1968 года», обладало общностью сознания и поведения, представлений о причинах и последствиях происходящих событий, характера участия в них. Парадокс заключался лишь в том, что речь шла о генерации «питомцев» социалистической системы — рабочем классе и интеллигенции, превратившихся в «бунтарей» против ее порядков. Именно они, получившие значительный, но нереализованный образовательный, духовный потенциал, при недостаточном социально-политическом опыте явились проводниками в жизнь радикальных общественных перемен. Они остро ощутили возникший вакуум целей и ценностей в развитии общества и были открыты для восприятия любых альтернатив существующей системе.

Эгалитарная идеология господствовала в Польше в 1950–1960-е гг. Именно в массовом эгалитаризме наиболее отчетливо проявлялись системные источники сохраняющегося традиционализма. Процесс неуклонной смены эгалитарного типа сознания на неэгалитарный или антиэгалитарный составил основу трансформации мировоззрения восточноевропейца. Именно поэтому он находился в центре внимания социологов Польши, первой осуществившей «бегство из социализма».

Ментальная революция, «польская перестройка» произошла, как и повсеместно в Восточной Европе, в условиях экономического кризиса и падения уровня доходов населения начала 1980-х, при снижении дифференциации заработков в зависимости от уровня образования и квалификации (пик нивелирования доходов, как и их падения, пришелся на 1982 г.), глубокого регресса потребления и начала экспансии частного предпринимательства. 1982 г., как и революционные 1989–1990 гг., отмечен беспрецедентным в истории Польши падением показателей уровня жизни.

Ухудшение материального положения людей в самом начале 1980-х гг. — после «декады успехов» — одновременно с появлением новых, прежде не существовавших источников доходов, дополнительных заработков на негосударственных предприятиях создало условия перехода от идеи обновления системы к идее ее смены, т. е. осуществлению бескровной «революции сознания». Польское общественное сознание, пребывавшее в состоянии мировоззренческого хаоса, постепенно принимало рыночные принципы экономической жизни. Этот процесс имел стадийный характер: политизация сознания под влиянием культурного, психологического шока, вызванного революцией «Солидарности» и породившего небывалый духовный подъем в обществе, сменилась процессами его экономизации, «приземления» нравов⁵. На новом этапе продолжало утверждаться стремление к смене общественной системы, но уже не ради абстрактных идеалов «морального обновления», а в ожидании существенного повышения материального благосостояния. Не что иное, как массовые ожидания роста уровня жизни, в конечном счете, и послужили главной движущей силой смены систем на рубеже 1980–1990-х гг.

Снижение жизненного уровня начала 1980-х еще могло быть принято старшим поколением, которое в Восточной Европе составляли преимущественно выходцы из малообеспеченных слоев крестьянства — «эмигранты из бедности», потенциально готовые к лишениям. Однако падение благосостояния оказалось неприемлемым для второго поколения образованных горожан, ориентировавшихся на западные стандарты потребления. Результаты эмпирических исследований демонстрировали девальвацию занятости в госсекторе экономики. Работа быстро теряла свое значение детерминанты уровня благосостояния индивида и его семьи. Большинство населения придерживалось мнения: «в нашей стране мало чего можно достичь трудом», «я теряю веру в возможность достичь чего-либо с помощью труда». Свыше четверти опрошенных, а среди высокообразованных слоев — почти вдвое больше среднего уровня констатировали снижение всякого желания трудиться. Общество приняло высокие доходы в частном секторе, в бурно

развивавшейся торговле, оправдывая их высокой степенью риска подобного предпринимательства, хотя аналогичные по величине доходы в госсекторе, особенно у управленцев, вызывали протест.

Как установил на основе социологических исследований К. Загурский, функциональный антиэгалитаризм, который сформировался в польском обществе в середине 1980-х гг. и «прорубил окно в демократию», возник под влиянием только двух факторов: *высшего образования* и *ожидания роста уровня жизни*. По наблюдениям польских исследователей, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании⁶. Тогда же взгляды и интересы интеллигенции и рабочего класса начинают расходиться, распадается базисный для общества восточноевропейского типа союз двух главных, созданных соцмодернизацией, социальных сил. Еще раньше распался основополагающий для социалистического строя союз рабочих и крестьян,

Революция «Солидарности» оказалась, таким образом, высшей точкой сплочения нации. Духовное единство общества, существовавшее в 1980 г. и даже усилившееся на волне политизации сознания, было разрушено с началом его материализации и индивидуализации, вследствие включения поляков в формирующиеся рыночные отношения. Социальные группы, наиболее преданные общественной системе, сформированные ею, переходили в категорию ее противников, среди которых главным — как результат восточноевропейского пути развития — стала интеллигенция. Политизированные и стремившиеся к западным стандартам потребления высокообразованные слои пришли к революционным подвигам рубежа 1980–1990-х гг. полностью уверенные в своей способности преуспеть в рыночном обществе, предпочитая свободу равенству и безопасности. Повышение жизненного уровня становилось для восточноевропейца гораздо более важной задачей, чем сведение счетов с компартией. Политика теперь интересовала людей лишь настолько, насколько она предоставляла возможности осуществления материальных потребностей и интересов.

В условиях разворачивающейся экономической либерализации эгалитаризм уже не служил проявлением оппозиции режиму, как это было в 1980 г. Перелом в польском обществе от преимущественно эгалитарных взглядов к преимущественно неэгалитарным исследователи датируют концом 1981 г. Как и культурный, или культурно-политический, шок, вызванный революцией «Солидарности», так и последующий экономический шок, который повлекла реализация программы Бальцеровича, первыми среди народов восточноевропейского региона испытали именно поляки. В отличие от остальных стран, где эти два потрясения случились почти одно за другим, в

Польше между ними прошло целое десятилетие. Жесткий материализм эпохи либерализации зарождался в атмосфере всеобщего духовного подъема, вылившегося в эйфорию «бархатной» революции, какой была польская «Солидарность». После демократической революции «Солидарности» 1980 г. участие поляков в политической деятельности резко пошло на спад. Рост интереса к политической сфере не отмечался польскими социологами даже в решающий исторический период — в 1988–1989 гг.

Происходившее уже с начала 1980-х гг. снижение уровня общественной поддержки «Солидарности» объяснялось тем, что именно 1981 г. стал временем дальнейшего углубления политического и экономического кризиса в Польше, сопровождавшегося ухудшением условий жизни и спадом производства. Хотя доля сторонников этого революционного движения оставалась на уровне 70 %, однако «решительно поддерживали» его уже не 58 %, а всего 33 %, втрое выросла доля не поддерживающих или затруднившихся с оценкой. Изменилась и социальная основа движения. Если в 1980 г., знаменующем конец предшествующего десятилетия, мощная поддержка шла со стороны квалифицированных рабочих, то в 1981 г. сильнее всего тяготели к «Солидарности» канцелярские служащие. Противники революционного движения рекрутировались на этом этапе еще из числа специалистов с высшим и средним образованием⁷.

Представители старшего поколения обладали более определенными взглядами на деятельность «Солидарности», чем в значительной мере дезориентированная молодежь. Серьезную поддержку нашло революционное движение среди членов социал-демократической и народной партий (80 %). Но и среди членов ПОРП к сторонникам «Солидарности» принадлежало 60 %, среди верующих их было 72,3 %. Всего треть членов компартии и неверующих составляли противники перемен.

Как установили польские исследователи, не социально-профессиональные категории, а скорее институциональная, организационная структура общества, прежде всего деление его на две группы — членов ПОРП, отраслевых профсоюзов, обладателей руководящих должностей, с одной стороны, и беспартийных, членов «Солидарности», не имеющих управленческих функций, с другой, служило детерминантой политических взглядов в разгар конфликта. Так, среди первых 60 % поддерживали тезис о руководящей роли ПОРП, среди вторых — только 18,5 %. Действительно, две крайности во взглядах. Причем профсоюзная принадлежность в этих комбинациях играла ключевую роль, особенно одновременное членство в ПОРП и отраслевом профсоюзе, как и не-членство в ПОРП и принадлежность к «Солидарности».

Существующий вариант централизованной власти с руководящей ролью ПОРП одинаково слабо поддерживался всеми социально-профессиональными группами — никто уже не хотел сохранения *status quo*. А вариант *полной децентрализации*, напротив, всеми группами больше всего поддерживался. Наибольшее число сторонников последней оказалось среди обладателей высшего образования, как и в случае с вариантом сильной власти, но без руководящей роли ПОРП (возможно, в надежде занять в условиях меритократии высшие уровни вертикали власти). Все остальные группы общества, в том числе рабочие, а также управленцы и не-управленцы отдавали приоритет *только* варианту полной децентрализации власти. Т. е. можно говорить о существовании в 1981 г. двух концепций изменения посредством реформ политической системы в Польше.

Все группы польского общества позитивно относились к предстоящим реформам, имея, однако, совершенно разное представление об их сути и считая, что они принесут преимущества и выгоды именно им, будут соответствовать их интересам. Часть общества — его беднейшие и малообразованные слои — считала даже, что реформы принесут выравнивание доходов и будут сопровождаться эгалитарными эффектами. Эти группы общества, а также квалифицированные и неквалифицированные рабочие в 1981 г. имели наиболее позитивное представление о будущей реформе. Если обладатели уравнивательных взглядов ждали от реформы роста эгалитаризма, то «неэгалитаристы», а это прежде всего высокообразованные слои, специалисты, рассчитывали на усиление дифференциации доходов.

Неэгалитарных эффектов реформы, как ни удивительно, ожидали члены ПОРП и отраслевых профсоюзов. Польские социологи не обнаружили взаимосвязи между представлениями о социальной справедливости и партийной и профсоюзной принадлежностью. Таким образом, линии политической и экономической дифференциации общества не совпадали. Политические интересы, обусловленные организационной структурой, и экономические интересы, обусловленные структурой социальной, выступали как два не связанных между собой фактора дифференциации интересов поляков. Можно констатировать, что политический интерес в 1981 г. «не воспламенялся» интересом экономическим. И польский конфликт, переросший спустя время в смену систем, имел характер главным образом политический.

Ситуация 1981 г. оказалась крайне специфической, не похожей на ситуацию предыдущего года. В 1980 г. социально-экономические характеристики предопределяли как политическую позицию, так и взгляды на социальную справедливость, а факторы институциональные детерминировали представления политические и экономические.

В условиях длительного отсутствия институций, с помощью которых различные группы общества могли артикулировать свои политические интересы, экономические лозунги имели политическое содержание, а институциональные структуры использовались для выражения интересов экономических. В 1981 г. началась открытая политическая дискуссия, и политические требования уже не звучали в унисон с постулатами экономическими. Принципы социальной справедливости утратили свой политический характер и остались лишь экономическими лозунгами. Одновременно упала популярность эгалитарных принципов, произошла дифференциация взглядов по экономическим вопросам — уже под давлением общественно-экономических факторов, а не институциональных.

Что же касается политических взглядов поляков, то они в 1981 г. предопределялись преимущественно местом, занимаемым в структуре организации общественной жизни, в структуре власти, и выражались прежде всего в профсоюзной принадлежности, еще точнее — в принадлежности к профсоюзу «Солидарность». Иными словами, в 80-е гг. прошлого века идеология либерализма победила в преимущественно традиционалистической, эгалитарно ориентированной социокультурной среде. Она была достигнута в результате «*реструктурирования восприятия социальных неравенств*» (М. Буховский)⁸, утраты таким ключевым для восточноевропейца понятием, как эгалитаризм своего политического, протестного содержания — в Польше, уже в самом начале упомянутого десятилетия. «Бархатными» революциями ноября 1989 г. эта подлинная «революция сознания», «моральная революция» во всех странах региона была лишь институционально, политически закреплена. Все здесь вдруг единодушно поверили в справедливость неравенства.

Таблица 1

Динамика восприятия принципов социальной справедливости в Польше в 1980, 1981, 1984 гг. (в %) ⁹

		Решительно да	Скорее да	Скорее нет	Решительно нет	Трудно судить
Ограничение «потолка» зарплат	1980	70,6	19,1	5,1	3,4	1,8
	1981	50,7	28,0	9,1	4,8	7,4
	1984	29,6	26,5	22,7	12,5	8,7
Осуществление политики полной занятости	1980	50,6	27,2	9,8	5,4	7
	1981	29,1	24,5	22,6	11,3	12,5
	1984	25,3	28,3	22,9	10,9	12,6

		Решительно да	Скорее да	Скорее нет	Решительно нет	Трудно судить
Переход к значительной дифференциации заработков в зависимости от квалификации	1980	25,8	28,1	25,1	14,2	6,5
	1981	30,3	31,6	21,4	5,5	11,2
	1984	43,6	37,2	10,9	2,9	5,4

В последнее двадцатилетие XX в. эгалитаризм как важнейший принцип справедливости стал показателем, даже смыслом революционных перемен в общественном сознании, пережившем в Польше серьезную трансформацию; эти перемены позволили власти осуществить радикальные преобразования — политические и экономические (см. табл. 1). Эгалитаризм был чрезвычайно силен в 1980–1981 гг., последовательно снижался вплоть до 1991 г. и затем вновь возрастал, особенно после 1995 г. В целом динамика эгалитаризма после 1980 г. имела U-образную форму, а динамика объективного неравенства доходов — J-образную. Феномен польского восприятия неравенства определялся как «шизофренический», «двойственный», феномен «расколотого сознания», поскольку характеризовался в рассматриваемый период парадоксальным сочетанием антиэгалитаристских и проэгалитаристских взглядов¹⁰.

Скачкообразный спад поддержки принципа полной занятости произошел в Польше в 1980–1981 гг. в ситуации социально-политического хаоса, незадолго до введения военного положения в декабре 1981 г. Одновременно люди отказывались от другого краеугольного принципа своей жизни, лежащего в основе общественного строя того времени — необходимости ограничения «потолка» заработков. С идеей рынка стали ассоциироваться надежды на лучшее, более обеспеченное, будущее. «Революция сознания» произошла, когда в 1981–1984 гг. ориентация на неэгалитаристские принципы овладела умами высокообразованных слоев, уверовавших в свои материальные преимущества в условиях рыночной экономики и выступивших за значительную дифференциацию заработков в зависимости от уровня квалификации.

Таким образом, в Польше к 1984 г., времени начала советской перестройки, капиталистическая революция фактически состоялась. Хронологические рамки первой революции эпохи наступившего информационного общества — между августом 1980 г. (выступления «Солидарности») и декабрем 1981 г. (введение военного положения).

В этот период эгалитаризм польского общества перестал служить протестом против нарушения коммунистической властью принципов социальной справедливости. Открылась возможность свободно высказывать недовольство политической системой, не связывая его с принципами равенства. «Дети Народной Польши» — поляки, рожденные после 1950 г., — в массовом порядке покидали ряды ПОРП уже в 1980–1982 гг., реализуя свою потребность в политическом участии в движении «Солидарность». 80 % поляков в начале этого десятилетия уже были сторонниками рыночной экономики, столько же связывали ее перспективы с увольнением или хотя бы переквалификацией, с ростом доходов одних групп людей и уменьшением — других¹¹.

Выдвижение на передний план политической борьбы интеллигенции и превращение фактора обладания высшим образованием в главную линию политического размежевания общества произошло в 1984 г., спустя три года после революции «Солидарности». Это предопределило не только победу демократической (капиталистической) революции в Польше, но и стабильность либерального порядка во всем регионе на протяжении более четверти века.

Следовательно, «Солидарность» как массовое движение, объединившее в 1980–1981 гг. общество, дестабилизировала «новую восточноевропейскую современность» и ее главное социальное творение — городскую «народную» интеллигенцию. На исходе эпохи социализма «высокообразованность» стала ключевым фактором смены систем. Вновь подтвердилась максима о «бескровной революции», на этот раз революции, пожирающей своих детей.

Принадлежность Западу, капитализму, прогрессу разделила пережившее нравственный слом и последующую смену систем восточноевропейское общество на победителей и проигравших от «преодоления восточноевропейской отсталости» и «наследия коммунизма», на «цивилизационно-компетентных» и «некомпетентных», не адаптировавшихся к западным заимствованиям в экономике, культуре, повседневной жизни, сознании (*homo westernicus* и *homo sovieticus*). Межцивилизационная разделительная линия проходит в наши дни не между Западной и Восточной Европой (по условной Берлинской стене), как при коммунизме, не между Центральной Европой и постсоветскими государствами (по р. Буг), как в период антикоммунистических революций, а *внутри* самих центрально- и восточноевропейских обществ. Показательно, что бывшая коммунистическая номенклатура быстрее остальных обрела «цивилизационную компетентность».

Итак, фактически уже в результате «моральной революции» начала 1980-х гг. Польша, а вслед за ней остальные бывшие соцстраны

вступили в период Великого разрыва с традиционными, коллективистскими ценностями, в период формирования демократических режимов¹². Социальная дезорганизация традиционного порядка выразилась в упадке семьи, снижении уровня социальной сплоченности, доверия, в убывании социального капитала (межличностные связи), для восточноевропейцев традиционно заменяющего капитал экономический, финансовый.

Общественные преобразования Великой трансформации в Восточной Европе подразумевали разрыв со сложившимся в годы форсированной модернизации третьей четверти XX в., как и с до-социалистическим социокультурным наследием. К этому наследию относятся не только традиционные социальные группы — крестьянство, посткрестьянский рабочий класс, интеллигенция, но и тип их естественного демографического воспроизводства: как традиционный, так и модернизированный социализмом, получивший название «восточноевропейского». Наконец, важнейшим направлением перемен был отход от приоритета культурных, духовных ресурсов общества над экономическими, материальными, всегда отличавший Восточную Европу как *досовременную периферию* Европы Западной.

О динамике соотношения материального и нематериального в ценностной системе поляка можно судить по данным (довольно условным), опирающимся на теорию и методику американца Р. Инглхарта. В конце XX в. эта динамика в Восточной Европе диаметрально противоположна западной. Casus, по выражению Р. Шиминьской, заключается в том, что в 1980-е гг. ориентация на постматериалистические ценности в Польше была очень распространена.

В 1980 г., году «Солидарности» — «лебединой песни польского романтизма», объединившей 10 млн поляков, доля постматериалистов достигала 16 % при 22 % материалистов. По доле первых Польша находилась на уровне развитых стран Запада, значительно опережая, например, Венгрию (3 %). В 1984 г., одновременно с антиэгалитарным переломом, соотношение материалистов и постматериалистов «ухудшилось» до 15 % к 33 %¹³. С переходом к рынку в 1990-е гг. — вопреки тенденциям в западных странах — число польских постматериалистов резко уменьшается. В 1990–2000 гг. Польша по рассматриваемому показателю находилась на уровне остальных бывших соцстран, все из которых (кроме Словении и традиционно стабильной Чехии) пережили рост «материалистических» ориентаций, особенно значительный в Восточной Германии, Болгарии, Белоруссии, России.

Исследования «материалистических» ориентаций по методике Р. Инглхарта, проведенные Р. Шиминьской на общепольской выборке, детализируют картину их динамики после всплеска материализа-

ции сознания. Уже к 1984 г. наступило относительное «насыщение» этого показателя. Тем не менее до 1997 г. тенденция на материализацию продолжилась, достигнув 40 %, постматериалистов осталось всего 5 %. Только в 1999 г. ситуация начала выправляться, когда доля последних возросла до 8 % (при 37 % материалистов). Европейское исследование ценностей показало, что поляки стремились к увеличению материальных доходов, а не к повышению качества жизни, они думали только о том, как больше заработать.

Несмотря на значительность ментального переворота начала 1980-х гг., никто в то время в Польше не предвидел столь радикальных общественных перемен, которые случились в конце этого десятилетия, пишет спустя двадцать лет польский социолог М. Зелиньская (Зеленогурский университет) в своей книге «Арьергард реального социализма. Социальные биографии поколения военного положения»¹⁴ (2006). Книга содержит материалы проведенного в 2000–2001 гг. социологического исследования взглядов поколения 1950-х гг. рождения на события начала 1980-х гг.: революцию «Солидарности» и военное положение. Это было время профессионального и социального старта поколения. Оно было сформированно «эпохой Герека» и «эрой Солидарности», пережило период социальной мобилизации через экспансию частного предпринимательства в 1990–1994 гг. с последующим «разочарованием капитализмом». Показаны изменения во взглядах этой генерации в ретроспективе пройденного ею жизненного пути.

Важнейшей сферой жизненной активности поколения, центральным событием биографии которого остались массовые выступления начала 1980-х гг. («символ поколения и символ свободы»), оказалась сфера семейная; этому поколению присущ «эгофамиоцентризм», стремление «делать свое дело, оставив политику политикам». Почти половина опрошенных считает, что политика никак не влияет на жизнь его и ему подобных. Главное для них теперь — материальное обеспечение семьи; жизненный успех для подавляющего большинства респондентов заключается в стабильности, подразумевающей прежде всего потребительский комфорт. Как показала жизнь, симпатия к движению «Солидарность» не стала пропуском в лучшую жизнь, соответственно менялось и отношение к событиям двадцатилетней давности.

Судя по данным опроса, больше выиграли от перемен люди образованные и материально обеспеченные. Интересно, что среди наиболее благополучных («обреченных на успех») сейчас больше всего противников «Солидарности». Исследование показало: большинство респондентов после того, как преодолели трансформационный шок, достаточно быстро нашли себя в капиталистической экономике, занялись зарабатыванием денег, профессиональными карьерами, рас-

ширением возможностей потребления. И это несмотря на то, что поколение, выросшее в условиях относительного покоя и процветания герековской «малой стабилизации» 1970-х гг., было предназначено для иной действительности, т. е. социализировано в системе ценностей, отличной от возникшей к середине 1980-х гг. и установившейся после 1989 г. «Время реального социализма было их временем», — пишет М. Зелинская.

Исследование обнаружило зависимость между представлением о событиях 1980–1981 гг. и отношением к прежней и новой общественной системе (см. табл. 2). Среди решительных сторонников «Солидарности», считавших ошибочным введение военного положения в стране, оказалось больше всего убежденных в правильности нынешней общественной системы и гораздо меньше — приверженцев Народной Польши. У сторонников «Солидарности», признававших, однако, правильность введения военного положения, менее решительно поддерживают существующий строй и больше решительно — прежний. Среди противников «Солидарности», соответственно, наивысший процент (свыше 70 %) сторонников Народной Польши и минимальный — нынешней. Среди тех, кто радикально менял мнение о событиях 1980–1981 гг., — наименьший процент решительных сторонников существующего строя (1,3 %). Возможно, эта категория вообще избегает теперь однозначных оценок. Позитивное отношение к революции «Солидарности» остается у двух третей опрошенных. Пересмотрели отношение к ней, согласно полученным данным, в основном «проигравшие» от исторических перемен.

Таблица 2

События 1980–1981 гг. и их оценка 20 лет спустя (в %) ¹⁵

	Мнение о событиях 1980–1981 гг.					Всего
	решительно позитивное	скорее позитивное	неоднозначное	скорее негативное	решительно негативное	
Революция «Солидарности»	54	11,0	5,5	17,9	10,8	100
Забастовки	62	14,6	0,6	15	6,1	100
Военное положение	36	15	11,4	30	5,7	100

В целом же поколение «Солидарности», согласно М. Грабовской, (Варшавский университет) ¹⁶, в значительной мере остается социальной основой перемен на фоне слабеющей позитивной оценки трансформации, роста в отношении последней критицизма и разоча-

рования ее результатами, когда господствует двойственное, амбивалентное представление об истории периода «пост-1989». Участники «Солидарности» по-прежнему обладают более продемократическими взглядами. Хотя выборная активность в стране находится на относительно низком уровне и продолжает снижаться, эта категория отличается, как правило, большей активностью на выборах, голосуя за «своих» — партии и политиков от «Солидарности» или постсолидаристской направленности. Процесс кристаллизации партийных и электоральных предпочтений, как и в начале 1980-х гг., складывается не столько под влиянием социального и материального положения людей, сколько идейного единства, позиции в системе лево-правых взглядов и религиозности, т. е. факторов культурных, ментальных.

Примечания

¹ Halas E. Symboliczna konstrukcja Solidarności: konflikt interpretacji i politika pamięci / Oswajanie wielkiej zmiany. W-wa: UW, 2007. S. 467.

² Wasilewski J. Społeczeństwo polskie, społeczeństwo chłopskie // Studia socjologiczne. 1986. № 1.

³ Ziolkowski M. On the diversity of the present: suspended between tradition, the legacy of socialism, modernity and postmodernity // Polish sociological review. 1998. № 1. P. 29.

⁴ Ciągłość i zmiana tradycji kulturowej. W-wa, 1989. S. 150–151.

⁵ Коровицына Н. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003.

⁶ Zagórski K. Hope factor, inequality and legitimacy of systemic transformation // Communist and post-communist studies. 1994. № 4.

⁷ POLACY '81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu / Praca zbiorowa pod redakcją W. Adamskiego. W-wa: IFiS PAN, 1996.

⁸ См.: Buchowski M. The making of the other in Central Europe. Poznań, 2001.

⁹ Załamanie porządku etatystycznego. W-wa, UW. 2005. S. 154.

¹⁰ Адамский В., Заборовский В., Пелчиньска-Наленч К. Динамика структурного конфликта в ходе смены системы в Польше в 1980–2000 гг. // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 56.

¹¹ Załamanie porządku etatystycznego. S. 153.

¹² Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2008.

¹³ Siemińska R. Od wartości postmaterialistycznych do materialistycznych — casus Polski // Oswajanie wielkiej zmiany. S. 315.

¹⁴ Zielińska M. Ariergarda realnego socjalizmu. Społeczne biografie pokolenia stanu wojennego. Zielona Góra, 2006.

¹⁵ Ibid. S. 117.

¹⁶ Grabowska M. «Jako błyskawica». Problemy z polityczną instytucjonalizacją ruchu Solidarności // Solidarność. Wydarzenie, konsekwencje, pamięć. W-wa, IFiS PAN, 2006. S. 155–180.

ДЕКАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1989 г. В РУМЫНИИ В КОНТЕКСТЕ РУМЫНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. Буга
(Румыния)

Декабрьскую революцию 1989 г. в Румынии нельзя в полной мере объяснить без учета роли советского фактора, развития румыно-советских отношений с момента избрания Михаила Горбачева в марте 1985 г. на пост генерального секретаря ЦК КПСС.

Политика кремлевского лидера, направленная на совершенствование реального социализма, придание ему новых сил и в том числе внешнеполитические инициативы Москвы привели к спаду интереса со стороны Запада к Чаушеску, на протяжении многих лет проводившего независимую внешнюю политику, отклоняясь от общей линии советского блока. Ко второй половине 1980-х гг. румынский лидер растерял все прежние свои козыри в отношениях с Советским Союзом. Ведь такие декларировавшиеся им ранее принципы как уважение национального суверенитета, невмешательство во внутренние дела других государств, признание права каждого социалистического государства самому решать свою судьбу не противоречили уже в новых условиях курсу советского руководства. За осуществление этих принципов выступал и сам Горбачев.

Николае Чаушеску не понял или не придавал значения заявлению, которое сделал М. Горбачев в марте 1985 г. на встрече с руководителями коммунистических партий, приехавшими в Москву для участия в похоронах предшествовавшего советского лидера, Константина Черненко. Уже тогда Горбачев говорил о своем намерении поставить на новые основы отношения СССР с государствами социалистического содружества, приступить к кардинальному пересмотру этих отношений, возлагая на руководителей стран Восточной Европы полную ответственность за решение собственных проблем.

Касаюсь этой встречи, Горбачев писал в своих воспоминаниях, что еще до его назначения на новый пост ему стало ясно, что отношения с этими странами «требуют обновления»¹. Встав во главе партии, он сразу дал понять, что КПСС выступает за равноправные отношения,

уважение суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах, подчеркнув вместе с тем, что признание этих принципов означает одновременно «полную ответственность каждой партии за положение в своей стране»². «По существу же, — пишет Горбачев, — наше заявление на этой встрече означало поворот к новым отношениям, отказ от так называемой “доктрины Брежневца”, которая никогда не провозглашалась официально, но фактически определяла подход СССР к союзным странам»³.

Очень скоро румынский лидер смог убедиться в том, что Михаил Горбачев на практике придерживается декларированных им принципов. Более того, советский лидер пытался убеждать и других руководителей коммунистических и рабочих партий соцстран в необходимости внесения ряда изменений в их внутреннюю политику — это прежде всего демократизация общественной жизни, проведение экономических реформ, большая открытость по отношению к нуждам народа. Обращение генерального секретаря ЦК КПСС нашло отклик у польских и венгерских руководителей и в меньшей мере — у лидеров Румынии, ГДР, Чехословакии и Болгарии. Попытки Горбачева доказать Чаушеску неотвратимость перемен, отвечающих новым реалиям, были предприняты как во время переговоров, состоявшихся в дни визита генерального секретаря ЦК КПСС в Бухарест в мае 1987 г., так и в ходе ответного визита румынского лидера в Москву в октябре 1988 г., а также в рамках последней встречи двух руководителей 4 декабря 1989 г. в Москве. Все они закончились провалом. Чаушеску продолжал настойчиво повторять, что реформы, проводимые Горбачевым, стали якобы осуществляться в Румынии еще с конца 1967 г.

Со временем разногласия между Чаушеску и Горбачевым становились все более явными, а к 1989 г. стали акцентироваться даже в публичных выступлениях. Если до 1985 г. румыно-советские расхождения касались лишь внешней политики, то с приходом к власти Горбачева они распространились также на внутреннюю политику, на формы и методы социалистического строительства. На протяжении 1988 и 1989 гг. в выступлениях румынского лидера все чаще встречаем критику, более или менее завуалированную, в адрес реформ, проводимых в Советском Союзе и в других социалистических странах.

В одном из своих выступлений Чаушеску назвал естественными шаги, предпринятые в ряде стран в целях совершенствования социализма. Он обращал, однако, внимание на тот факт, что в некоторых из этих стран «...принимаются меры, ослабляющие позиции социализ-

ма, открывающие путь реставрации капитализма в различных формах <...> Некоторые открыто заявляют, что хотят взять в качестве модели положение в различных капиталистических странах»⁴.

Подчеркивая необходимость приведения деятельности партии в соответствие новым условиям, отказа от всего того, что тянет назад, Н. Чаушеску указывал на пленуме ЦК в апреле 1989 г.: «нельзя называть совершенствованием социализма возвращение к более или менее развитым капиталистическим формам». Генеральный секретарь ЦК РКП рекомендовал в связи с этим переиздать сочинения Маркса и Энгельса, «полностью сохранивших свою актуальность». Более того, он придерживался мнения, что социалистическое строительство нельзя представить без классовой борьбы. «Говорить сегодня о том, что теория классовой борьбы должна быть заменена другими концепциями, означает приговорить к стагнации социализм, прийти так или иначе к поддержке капитализма и империализма»⁵.

По мнению Чаушеску, идея возврата к многопартийности была «очень опасной», способной нанести «серьезный ущерб социализму». Румынский лидер не мог и подумать о том, что совершенствование и развитие социализма будут происходить без «единой партии рабочего класса». «Партия, — подчеркивал он на пленуме ЦК РКП в июне 1989 г., — не может отказаться от своей руководящей роли, не может также ни с кем делить эту роль»⁶.

Затрагивая ряд аспектов международных отношений, Чаушеску призывал «решительно» осуждать тезис о деидеологизации этих отношений, ослаблении классовой борьбы. Это был прямой намек на линию, проводимую Михаилом Горбачевым в отношениях с Западом.

Все больше и больше игнорируемый Западом и серьезно озабоченный собственными позициями внутри страны, Николае Чаушеску в своем желании вернуться на авансцену международной жизни решил поднять ряд проблем, способных затронуть национальные чувства румын. При этом он не избегал антисоветских акцентов. 13 ноября 1989 г. лидер партии проинформировал членов Политисполкома ЦК РКП о главных положениях своего отчета на предстоящем XIV съезде партии. В своем отчете он собирался среди прочего затронуть некоторые вопросы, по его словам, оставшиеся нерешенными после Второй мировой войны. «Во-первых, — заявлял он, — возникает необходимость занять четкую, недвусмысленную позицию осуждения всех соглашений, заключенных гитлеровской Германией, и сделать практические выводы в целях аннулирования последствий этих соглашений и диктатов. Раз уж мы признаем, что они были ошибочными, значит следует идти до конца в их пересмотре»⁷.

Это был довольно прозрачный намек на пакт Молотова-Риббентропа 23 августа 1939 г. и дополнительный к нему секретный Протокол, который предусматривал вхождение румынских территорий — Бессарабии и северной части Буковины в состав СССР. Абзац соответствующего содержания был зачитан перед Съездом, что не прошло мимо внимания мирового общественного мнения. Незамедлительно последовала реакция Москвы, нашедшая свое выражение в заявлении комментатора Агентства ТАСС Ю. Гаврилова: «Ни один политически ответственный человек не может ставить под сомнение послевоенные европейские границы»⁸.

Николае Чаушеску не мог пройти мимо событий, происходивших в 1989 г. в соседней Молдавской ССР. На том же заседании Политисполкома ЦК РКП 13 ноября он проинформировал соратников о некоторых вопросах, «связанных с Советской Молдавией», уточняя, что они не будут подняты перед Съездом, однако по отношению к ним «следует занять ясную позицию». Обращая внимание на информацию о политической обстановке в Советской Молдавии, Чаушеску подчеркнул: «...мы не можем уйти от обозначения собственной позиции по этому вопросу. Мы должны иметь в виду в первую очередь то, что проблема Бессарабии связана с соглашением с Гитлером, с соглашением между Советским Союзом и Гитлером. Аннулирование этого Соглашения [пакта Риббентропа-Молотова. — В. Б.] неизбежно должно поставить вопрос об аннулировании всех связанных с ним соглашений, в том числе о Бессарабии и Северной Буковине. Мы должны обсуждать этот вопрос с Советским Союзом в последующий период»⁹. Чаушеску упомянул в связи с этим о том, что в марте 1964 г. в Пицунде бессарабский вопрос обсуждался на встрече румынской делегации, возвращавшейся из Пекина, с советским лидером Н. С. Хрущевым. Тогда была согласована специальная встреча делегаций двух партий, которая, однако, не состоялась вследствие изменений в советском руководстве в октябре 1964 г.¹⁰

В конце своего выступления на съезде Чаушеску объявил о намерении поднять в беседах с Михаилом Горбачевым также вопрос о румынском золотом запасе, эвакуированном в Россию на хранение в годы Первой мировой войны (Советская Россия отказалась от его возвращения, поскольку Румыния аннексировала в 1918 г. Бессарабию. — *Прим. редколл.*), а также «вопрос о населении Республики Молдова, в соответствии с Советской Конституцией»¹¹.

Дальнейшее развитие отношений между двумя руководителями выявило существование непримиримых позиций по ряду вопросов как внутреннего, так и международного характера. Нет никакой тайны,

что со стороны советского руководства проявлялась определенная антипатия по отношению к Чаушеску: оно однозначно хотело смены лидера РКП.

«Мы хотим видеть конец режима Чаушеску»

О вовлеченности якобы Москвы в процесс устранения Николае Чаушеску впервые стало известным из воспоминаний ветерана РКП, бывшего партийного диссидента Силвиу Брукана, который в ноябре 1988 г. в рамках турне в Лондон и Вашингтон заехал в Москву, где встретился с секретарем ЦК КПСС по международным вопросам А. Ф. Добрыниным, своим старым знакомым со времени дипломатической работы в Вашингтоне (Добрынин был послом СССР в США в 1962–1986 гг.). Добрынин информировал Брукана о желании Михаила Горбачева встретиться с ним при условии не раскрывать факта этой встречи, в противном случае советская сторона «категорически будет опровергать, что такая встреча состоялась»¹².

Горбачев, пишет Брукан, с самого начала «согласился с планом свержения Чаушеску при условии, если это будет так обдуманно и осуществлено, чтобы румынская коммунистическая партия сохранила свои позиции в качестве руководящей политической силы в стране»¹³. На замечание Брукана о том, что все зависит от поведения лиц, находящихся на ключевых позициях в партии и государстве, в армии и в органах безопасности, Горбачев «согласился, но повторял почти механически: “Партия должна остаться на ногах, иначе будет хаос”, категорически заявляя вместе с тем, что он не будет вмешиваться во внутренние дела Румынии... Для меня, — подчеркивал Горбачев, — невмешательство является священным делом. Не ждите никакой помощи с нашей стороны, хотя мы и хотим видеть конец режима Чаушеску»¹⁴.

Речь шла именно о желании ухода Чаушеску, а отнюдь не о прямом вмешательстве в его свержение, что свидетельствует о последовательности позиции советского руководства, устранявшегося от того, чтобы напрямую влиять на обстановку в Румынии. Хотя Москва и располагала информацией о существовании в Румынии влиятельных сил, желающих устранить Чаушеску, она совершенно не поощряла никаких надежд на получение с ее стороны какой-либо помощи. Как пишет в своих воспоминаниях Вадим Медведев, бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, в определенный момент генерал Милитару, назначенный после декабрьских событий 1989 г. министром национальной обороны, передал через советского посла в Бухаресте

определенные сигналы, «намекая на то, что движение против Чаушеску имеет достаточно сторонников среди военных, дипломатического корпуса и в других кругах». Ставился по сути дела вопрос о поддержке советской стороной усилий этих кругов. «Эти сообщения, — заключает В. Медведев, — докладывались мною Горбачеву. Решение было — не давать на них ответа»¹⁵.

Возможность драматического развития ситуации в Румынии рассматривалась как один из сценариев в меморандуме «О стратегии отношений СССР с европейскими социалистическими странами», разработанном Международным отделом ЦК КПСС и представленном советскому руководству в феврале 1989 г. В документе отмечалось, что отношения с социалистическими странами, в том числе со странами — участницами Организации Варшавского договора претерпели коренные изменения; переход к принципам равноправия и взаимной ответственности, предпринятый после апреля 1985 г., изменил сложившиеся представления о «советском консерватизме»¹⁶.

В документе признавалось, что в ряде социалистических стран дело дошло до ситуации, при которой «общество отвергает существующие политические институты и идеологические ценности». Выявляются также сложности переходного периода, свидетельствующие о том, что «правлящие партии не могут больше руководить в старом стиле», и если не сумеют адаптироваться к новым условиям, то окажутся в перманентно тяжелом состоянии¹⁷. Относительно Румынии в документе отмечалось, что там «сохраняется душная атмосфера культа личности и авторитарного правления Чаушеску. Он старается изолировать Румынию от нашего влияния, пытаясь при этом выступать с позиций “борца за чистоту социализма”, “вступать в непосредственную полемику с нами”». Было отмечено также, что в стране возможен ряд социальных взрывов, но вряд ли они могут повлечь за собой более значительные последствия. Согласно прогнозам, ситуация сможет измениться лишь с уходом Чаушеску, однако сам этот уход может сопровождаться «очень болезненными явлениями»¹⁸.

Тогда же, в феврале 1989 г. группа исследователей из Института экономики мировой социалистической системы Академии Наук СССР направила в свою очередь советскому руководству документ под названием «Анализ изменений в Восточной Европе и их влияние на СССР», в котором рассматривалась ситуация, сложившаяся в социалистических странах, находящихся в состоянии экономического, политического и идеологического кризиса. Для каждой из стран в отдельности авторы исследования обрисовали два сценария развития событий: благоприятный и тупиковый. В случае Румынии пер-

вый сценарий предполагал осуществление ряда изменений на уровне руководства, замену Чаушеску политическими деятелями, «способными понять и претворить в жизнь идею радикальных реформ и обновления социализма». Второй сценарий исходил из ситуации, при которой румынское руководство продолжало бы свою прежнюю политическую линию. При этом оно могло использовать освобожденные в результате погашения внешней задолженности средства для ослабления социального напряжения, что обеспечило бы политическую стабильность в стране на довольно долгое время. Вместе с тем отмечалось, что в случае дальнейшего игнорирования повышения жизненного уровня населения и использования освобожденных средств для осуществления амбициозных проектов, не исключалась «возможность социального взрыва»¹⁹.

Опасения Чаушеску перед советским вмешательством

Все более и более обеспокоенный развитием событий в других социалистических странах, особенно в Польше летом 1989 г., Николае Чаушеску стал подозревать советское руководство в причастности не только к этим сдвигам, но и к развязыванию целенаправленной кампании против Румынии. В рамках заседания Политисполкома ЦК РКП от 16 ноября 1989 г. он проинформировал о манифестациях протеста, организованных перед посольствами Румынии в Москве, Праге, Берлине и Будапеште группами лиц, критиковавших нарушения прав человека в Румынии. Органы правопорядка этих стран не приняли соответствующих мер предотвращения и более того, поощряли эти акции, как случилось, в частности в Будапеште. Лидер Румынии увидел в этом связь с деятельностью советских и американских спецслужб²⁰. По мнению Н. Чаушеску, демонстрации имели «фашистский, провокационный» характер, а причастность к ним служб иностранных государств полностью противоречит не просто отношениям между социалистическими странами, ибо он «больше не знает, какие страны являются социалистическими, а какие нет, но тем принципам, которые вообще должны лежать в основе отношений между государствами»²¹. Чаушеску был убежден в том, что существуют определенные круги, которые режиссируют извне всю эту деятельность, враждебную существующей в Румынии власти. При этом он ссылался на утверждения «одной японской газеты о том, что всеми этими действиями дирижирует Горбачев»²².

Чаушеску напомнил: в прошлом румынское руководство упрекали в том, что оно не следует принципам реального социализма,

предупреждали о том, что никак нельзя отходить от общего для всех социалистического пути. Теперь же, напротив, его ругают за то, что он не принимает возврата к капитализму. Причем ругают зачастую те же самые силы и те же люди, в новых условиях озабоченные тем, чтобы «перераспределить с американцами сферы влияния»²³.

Чаушеску был твердо убежден в том, что в Румынии действовала иностранная агентура, в том числе советская. «Ясно, — подчеркивал он на заседании Политисполкома 27 ноября 1989 г., — что Советы имели агентов в Румынии, имеют и теперь»²⁴. По мнению румынского лидера, то, что случилось в ГДР в октябре, было организовано спецслужбами СССР и ФРГ. В Болгарии также советские спецслужбы были причастны к организации государственного переворота²⁵.

Насколько Чаушеску был далек от истины, говоря о присутствии агентуры? Оставляя в стороне элементы вымысла, содержащиеся в романе «Тьма под солнцем»²⁶ азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева, находившегося в Бухаресте во время декабрьских событий 1989 г. в качестве офицера ГРУ, можно, однако, предположить, что в Румынии действительно присутствовали специальные силы, которые обладали определенными рычагами для воздействия на ситуацию извне. По информации, приведенной генералом Виктором Анастасие Стэнкулеску, автором послесловия к этой книге, специальные группы приехали в Румынию по приказу В. Крючкова, тогдашнего председателя КГБ. Эта акция держалась в особой тайне, об их прибытии в Бухарест не было информировано даже советское посольство в Румынии²⁷.

Чаушеску ставит условия

27 ноября 1989 г. через советского посла в Бухаресте Евгения Тяжельникова в Москву был передан ответ Николае Чаушеску на послание М. Горбачева, адресованное ему за несколько дней до этого. Советский лидер информировал в нем о своей предстоящей встрече с американским президентом Дж. Бушем, которая должна была состояться в начале декабря на Мальте. Среди вопросов, которые Горбачев предполагал включить в повестку дня переговоров, были «процессы, происходящие в Восточной Европе, их международные аспекты, влияние на обстановку в мире». В ответном письме Чаушеску подчеркивал, что на предстоящей советско-американской встрече «нельзя обсуждать, ни в какой форме, ситуацию в социалистических странах», и что возникшие в некоторых странах проблемы могут быть рассмотрены лишь в рамках встречи между руководителями

этих стран. Если же в ходе переговоров между Горбачевым и Бушем состоится такое обсуждение, «это будет расценено всеми народами как вмешательство во внутренние дела этих стран»²⁸, писал румынский лидер.

У Чаушеску были и другие замечания по поводу соображений, высказанных в послании Горбачева. Он не был согласен с тем, чтобы на этой встрече говорилось о «новой роли» НАТО и Варшавского договора. По его мнению, такой подход означал бы придание перманентного характера обоим военным пактам. Румынский лидер противопоставлял этой концепции идею одновременного роспуска двух пактов и настаивал на необходимости заключения между социалистическими странами соответствующей договоренности. Касаясь активной роли США в «антикоммунистической политике по дестабилизации ситуации в социалистических странах», Николае Чаушеску предлагал потребовать со всей решимостью «прекращения любой политики вмешательства во внутренние дела других государств». Лидер РКП выразил также недоумение в связи с постановкой вопроса о деидеологизации межгосударственных отношений, напомнив о том, что, пока существует империализм, существует и классовая борьба, и нельзя отказаться от идеологических концепций в международной жизни²⁹.

Относительно предложения Горбачева о проведении в Москве 4 декабря 1989 г. встречи руководителей стран — участниц Варшавского договора в целях их информирования о результатах советско-американских переговоров на Мальте, Чаушеску, у которого уже создалось определенное представление о характере обсуждавшихся там вопросов, придерживался мнения о нецелесообразности встречи на высшем уровне, поскольку данную информацию можно было бы передать по дипломатическим каналам или в рамках встречи на уровне министров иностранных дел. Вместе с тем румынский руководитель уточнил, что делегация РКП могла бы приехать в Москву для встречи с делегацией КПСС на высшем уровне 5 декабря с целью обсуждения как вопросов двусторонних отношений, так и ряда международных проблем; в связи с этим она могла бы участвовать и во встрече 4 декабря, «если та состоится»³⁰. Чаушеску действительно нуждался в обмене мнениями с Горбачевым как по ряду вопросов двустороннего экономического сотрудничества, так и в более широком плане — о судьбах социализма в свете развития последних событий в странах Восточной Европы. В конце письма румынский лидер подчеркнул в ультимативной форме: если не будет возможно провести двустороннюю встречу на высшем уровне, для

получения информации о результатах советско-американских переговоров РКП направит в Москву своего представителя, возможно министра иностранных дел.

Идя навстречу пожеланиям Чаушеску, советское руководство согласилось 4 декабря, во второй половине дня найти время для беседы Горбачева и Чаушеску с участием премьер-министров двух стран — Н. Рыжкова и К. Дэскэлеску. В ходе этой встречи состоялся обмен мнениями по вопросам развития двусторонних отношений, о положении в ряде соцстран, а также по некоторым аспектам международного коммунистического движения.

На основании состоявшейся беседы можно сделать вывод, что в позиции румынского лидера не произошло никаких изменений. Недаром М. Горбачев упрекнул своего собеседника за резко критические высказывания в адрес своей политики, которые тот (наряду с лидером ГДР Э. Хонеккером) себе позволял. Как бы там ни было, вследствие настоятельной просьбы румын, стороны пришли к договоренности о проведении в ближайшем будущем встречи двух премьер-министров в целях обсуждения всех актуальных вопросов экономических отношений между двумя странами. Уступая просьбам румынского лидера, Горбачев согласился также с его предложением о проведении встречи делегаций РКП и КПСС в целях выработки общих взглядов на социализм и его перспективы. Как было подчеркнуто в сообщении для печати, оба руководителя выразили свое удовлетворение состоянием отношений между двумя партиями, подчеркивая «обоюдное желание» прилагать дальнейшие усилия для их развития.

Можно сказать, что встреча в Москве руководителей партий и стран — участниц Варшавского договора, а также встреча с М. Горбачевым произвели определенное впечатление на Чаушеску. Советский лидер писал позже в своих воспоминаниях, что румынский руководитель «производил несколько странное впечатление: блеск в глазах, состояние некой одержимости и вместе с тем какая-то заторможенность реакции. Его пугал ход событий, он заинтересовался моим мнением на этот счет»³¹.

На заседании Политисполкома 11 декабря 1989 г. Чаушеску проинформировал соратников о встрече в Москве. Запись этого заседания пока не обнаружена в румынских архивах. На следующий день румынская пресса сообщила о том, что в ходе встречи двух генеральных секретарей было выражено желание относительно расширения отношений между двумя партиями — не только в двустороннем плане, но и на международной арене. Подчеркивалась необходимость проведения в кратчайшее время совещания на высшем

уровне представителей социалистических стран в целях совместного обсуждения проблем, связанных с развитием социалистического строительства в этих странах³². Идея такого совещания была выдвинута Чаушеску на встрече с М. Горбачевым 4 декабря, не вызвав особого интереса со стороны советского лидера. В ходе беседы с ним Чаушеску выразил озабоченность ситуацией в некоторых соцстранах и обратился к Горбачеву с призывом что-либо предпринять, откорректировать те тенденции в развитии этих стран, которые румынский лидер считал опасными. «Мы понимаем: совершенствование, обновление, — говорил Чаушеску Горбачеву, — но не об этом я хочу сказать сейчас, но о другом. Форма, в которой все это делается, очень серьезно ставит под угрозу не только социализм, но и само существование коммунистических партий данных стран. Если позволить продолжаться этому курсу, дело может дойти до очень серьезной ситуации. Мне думается, что Советский Союз, я имею в виду коммунистическую партию Советского Союза, может оказать на все это определенное влияние. Я не имею в виду военный путь. Но для того чтобы повлиять на ориентацию этих стран в лучшем направлении <...> думаю, надо, во всяком случае, очень серьезно поразмышлять над тем, что происходит в некоторых странах»³³.

Можно твердо сказать, что из встречи с Горбачевым в Москве Чаушеску не извлек никаких выводов. Во внутренней политике режима не происходило каких-либо изменений. Уровень жизни населения продолжал ухудшаться. Последующее развитие событий в стране, волнения, вспыхнувшие 16 декабря 1989 г. в Тимишоаре, еще сильнее обеспокоили румынского лидера, убежденного в том, что против его страны организован международный заговор.

Во время телевизионной пресс-конференции 20 декабря 1989 г. в 18.00 Николае Чаушеску обратил внимание на то, что на Мальте американский президент в контексте анализа развития событий в Восточной Европе коснулся и Румынии, а Горбачев на это никак не отреагировал, что, по всей видимости, означает: он солидаризировался с американской позицией³⁴.

Вечером 20 декабря 1989 г. временный поверенный в делах СССР в Румынии В. Поздняков был приглашен в ЦК РКП, где его принял сам Н. Чаушеску. К сожалению, запись этой беседы также пока не обнаружена в румынских архивах. О ее содержании мы узнаем из дневника заместителя министра иностранных дел СССР И. П. Абоимова, принявшего, в свою очередь, 21 декабря посла Румынии в Москве Иона Букура. Румынский лидер выразил «свое удивление» в связи с тем, что советские представители высказываются о событиях

в Тимишоре. Он заметил также: румынская сторона располагает сведениями о том, что акция в Тимишоаре была подготовлена с согласия стран — участниц Варшавского договора, более того, действия против Румынии были организованы в рамках ОВД. Абоимов отметил, что по сведениям, которыми располагает советская сторона, «официальные лица в Бухаресте в беседе с послами союзных социалистических государств высказали мысль о какой-то якобы готовящейся со стороны Советского Союза акции вмешательства во внутренние дела СРР». Заместитель министра иностранных дел СССР заявил румынскому послу, что подобные утверждения вызывают у советской стороны «лишь недоумение, они не имеют под собой никаких оснований и не соответствуют действительности»³⁵.

Отвечая на вопрос румынского посла, является ли высказанное заявление отражением точки зрения советского правительства, Абоимов ответил, что не имеет пока поручений делать какие-либо заявления от имени правительства СССР. Вместе с тем его слова, безусловно, отражают официальную позицию советской стороны, заключающуюся в том, что «Советский Союз строит свои отношения с союзными социалистическими государствами на основе равенства, взаимного уважения и строгого невмешательства во внутренние дела»³⁶.

Телеграмма встрече с Абоимовым, направленная в Бухарест румынским послом, содержит ряд дополнительной информации. Как следует, в частности, из сообщения румынского посла, советский представитель упомянул о том, что в беседе с временным поверенным в делах СССР в Румынии «товарищ Чаушеску выразил недовольство в связи с официальными советскими заявлениями по отношению к событиям в Тимишоаре». Более того, официальные лица в Бухаресте заявили послам ряда социалистических стран, что якобы имеются данные о намерениях СССР вмешаться военным путем в румынские дела. По мнению Абоимова, под «так называемыми официальными заявлениями» «возможно, имеется в виду ответ товарища Э. А. Шеварднадзе, министра иностранных дел СССР, во время его визита в Брюссель, на вопрос западного корреспондента: использовалась ли сила во время событий в Тимишоаре и есть ли жертвы». Шеварднадзе на это ответил: «Не располагаю данными, но если были жертвы, я выражаю свое сожаление». Абоимов подчеркнул, что если на самом деле были жертвы, реакцию главы МИД СССР можно считать совершенно естественной. Никакого другого заявления в Брюсселе Шеварднадзе не сделал. Заместитель министра иностранных дел СССР в предварительном порядке квалифицировал прозвучавшие

заявления о причастности СССР к происходящему в Румынии и о намерениях Советского Союза как «необоснованные, не отвечающие действительности и вызывающие удивление». При этом, заметил он, эти обвинения «имеют настолько серьезный характер, что требуют большего внимания»³⁷.

Сам Шеварднадзе в начале 1990 г., накануне своего визита в Румынию подтвердил, что 19 декабря 1989 г., отвечая в Брюсселе на вопрос журналистов о том, каково его отношение к событиям в Румынии, сказал: «...если там действительно имеются человеческие жертвы, то это, конечно же, достойно самого глубокого сожаления». Министр иностранных дел СССР объяснил вместе с тем, что «это заявление, будучи ни чем иным, как осуждением насилия, высказанным в “дипломатической” форме, было с крайним раздражением воспринято Чаушеску»³⁸.

Позиция Советского Союза в канун краха режима Чаушеску

М. Горбачев обращался за сведениями в МИД, однако там не обладали сколько-нибудь полной картиной происходившего в Румынии, черпая от информационных агентств довольно противоречивую информацию. Министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе докладывал 20 декабря генеральному секретарю ЦК КПСС, что попытки получить от румынских властей официальную версию событий пока не дали результатов, но румынский посол еще будет приглашен в МИД для получения разъяснений. По мнению Шеварднадзе, пока советская сторона не будет располагать «полной и объективной информацией <...> не стоило бы торопиться с заявлением Съезда народных депутатов СССР; в крайнем случае можно было бы ограничиться тем, чтобы поручить Комиссии по международным делам с учетом всех обстоятельств подготовить предложения о нашей возможной реакции»³⁹.

В тот же день, 20 декабря зам. министра И. Абоимов принял румынского посла в Москве И. Букура. Характер сообщений о событиях в Тимишоаре, поступающих из зарубежных источников, не может не вызывать озабоченности, заявил Абоимов. Он дал понять, что, поскольку официальная информация из Бухареста отсутствует, советские СМИ вынуждены пользоваться сообщениями иностранных агентств, при этом МИД не имеет возможности отвечать на запросы зарубежных корреспондентов, аккредитованных в Москве, народных депутатов СССР и отказывается комментировать каким-либо образом ситуацию в Румынии. Абоимов заметил, что советское посольство в Бухаресте так и не смогло получить от румынских властей

соответствующих разъяснений. Зам. министра иностранных дел подчеркнул: «...мы крайне заинтересованы в получении от румынской стороны официальной информации о сути происходящих событий, которая позволила бы нам правильно оценить их»⁴⁰.

В телеграмме, направленной в МИД Румынии, И. Букур привел объяснения советского дипломата о том, что при отсутствии полной официальной информации из Бухареста МИДу СССР очень трудно соответствующим образом ориентировать советские СМИ. Абоимов уточнил, что в выступлениях перед открывшим свою работу II съездом народных депутатов представителям МИД приходится ссылаться на отсутствие официальной информации от румынской стороны, но возможно, «этот аргумент долго не выдержит»⁴¹.

Зам. министра иностранных дел СССР поднял перед румынским послом и вопрос об «одностороннем ограничении румынской стороной въезда для советских граждан в СРР», заметив, что введение этой меры оказалось «в значительной степени неожиданным»⁴². 20 декабря газета «Правда» писала, что 19 декабря представителям Интуриста в Бухаресте было неожиданно заявлено, что прием групп, которые должны были прибыть в период с 18 декабря по 5 января из СССР, откладывается «из-за неблагоприятных условий».

Действительно, советские средства массовой информации освещали события, имевшие место в Румынии, в основном на основании зарубежных источников, особенно венгерских, используя, правда, и собственные источники. В собственном комментарии от 19 декабря газета «Известия» писала о том, что город Тимишоара стал сценой массовых волнений, вызванных преследованием борца за права человека, священника венгерской национальности Ласло Текеша. Сообщалось также о демонстрации перед городским комитетом партии, о столкновениях между силами правопорядка и демонстрантами. В свою очередь, еще 18 декабря бюллетень ТАСС для служебного пользования информировал (не указывая на источники) о «серьезных столкновениях, происшедших в Тимишоаре между силами безопасности и участниками антиправительственной демонстрации»⁴³.

В донесении на эту тему в Бухарест, румынский посол писал, что собирается посетить советский МИД с тем, чтобы выразить «негодование в связи с передачей в средствах массовой информации СССР сообщений из неавторизованных источников, известных своим враждебным отношением к Румынии»⁴⁴.

20 декабря большинство центральных советских газет опубликовали сообщения об обстановке в Румынии под различными заголовками: «Напряжение на границах Румынии»; «Беспорядки

в Румынии»; «Румыния: напряжение на границе» и т. д. Газета «Правда» в этот день поместила статью своего корреспондента в Бухаресте, в которой указывалось на ухудшение обстановки в Румынии в связи с многолюдными манифестациями в Тимишоаре, подавленными силами военных частей и милиции. Советский корреспондент писал, что лозунги, которые скандировали жители Тимишоары, были ориентированы на «изменение существующих порядков в стране и скорейшее проведение преобразований». 21 декабря в той же газете можно было прочитать сообщение ТАСС, в котором говорилось о том, что румынская центральная пресса «по-прежнему хранит полное молчание» по поводу происходящего в Тимишоаре. В том же номере «Правда» опубликовала сообщение о заявлении МИД Чехословакии, в котором выражалась «глубокая обеспокоенность и решительный протест против использования армии и сил правопорядка для разгона демонстраций в Тимишоаре и других городах Румынии», а также о митингах протеста перед посольством Румынии в Софии, о позиции Политбюро ЦК ПОРП и Сейма Польши в связи с событиями в Румынии.

20 декабря посольство Румынии в Москве обратилось в МИД СССР с упреками в том, что советские средства массовой информации освещали события в Тимишоаре в «извращенной и тенденциозной форме». Это было квалифицировано румынской стороной как «недопустимое вмешательство во внутренние дела Румынии». Упреки были, однако, отклонены начальником Главного Отдела соцстран МИДа СССР Г. Н. Гориновичем. Советский дипломат выразил свое несогласие с утверждениями румынских дипломатов, будто в Советском Союзе проводится недружественная кампания против Румынии. Он объяснил, что советские средства массовой информации вынуждены давать информацию на эту тему с тем, чтобы сбалансировать поступающие в СССР с Запада сообщения. Умолчание о происходящем, подчеркнул Горинович, «привело бы к раздражению советского народа»⁴⁵.

Позиция Советского Союза по отношению к событиям в Румынии 22–25 декабря 1989 г.

Тщательный анализ реакции советского руководства на румынские события, свидетельствует о том, что темпы развития этих событий были для него неожиданными. Сам Шеварнадзе несколько позже признавал, что в Москве не было никаких сомнений в том, что «напряженность в Румынии нарастает, что “политический котел”

может взорваться, что так продолжаться больше не может». Однако «никто не мог предсказать даты, когда это произойдет и какую форму примет. А народное выступление оказалось спонтанным, оно никем не готовилось»⁴⁶.

Советские средства массовой информации продолжали распространять 21 и 22 декабря сообщения о развитии событий в Румынии. В информации, направленной в Бухарест, румынское посольство в Москве сообщало, что 21 декабря по первому каналу советского телевидения был передан репортаж, в котором говорилось о президентском Указе относительно введения чрезвычайного положения в уезде Тимиш. Были также показаны сцены с митинга, организованного в тот же день в центре Бухареста, сопровождаемые замечанием комментатора о том, что были слышны «враждебные лозунги в адрес румынского руководства, требования его отставки»⁴⁷.

21 декабря Михаил Горбачев проинформировал съезд народных депутатов СССР о том, что по настоянию ряда депутатов, особенно из Молдавской ССР, требовавших высказаться по поводу событий в Румынии, советскому посольству в Бухаресте было направлено указание обратиться к румынскому руководству с тем, чтобы получить «точные данные». С этой же целью румынский посол в Москве был приглашен в МИД. Советский руководитель заявил, что полученная как от посла СССР в Румынии, так и от румынского посла в СССР информация не дает возможности «точно оценить ситуацию»⁴⁸ в этой стране.

Лишь утром 22 декабря 1989 г., после кровавых столкновений в центре Бухареста в течение ночи предыдущего дня советское руководство заняло официальную позицию, которую можно оценить как сдержанную. После того как Михаил Горбачев проинформировал съезд народных депутатов о том, что ситуация в Румынии значительно обострилась в течение ночи, съезд принял заявление, в котором, в частности, выразил «серьезную озабоченность в связи с поступающими сообщениями о драматических событиях в Румынии, которые привели к человеческим жертвам», что «вызывает чувство глубокого сожаления». Была также выражена надежда на то, что «в Румынии уже в самое ближайшее время будут найдены возможности мирного урегулирования возникших проблем в духе терпимости, гуманности и уважения прав человека»⁴⁹. Следует отметить, что в ходе обсуждения этого текста некоторые народные депутаты настаивали на том, чтобы заявление было более твердым. Речь идет о члене-корреспонденте Академии Наук СССР, директоре института географии Академии Наук СССР В. М. Котлярове и о народном

депутате от Молдавской ССР Ионе Хадыркэ. Молдавский представитель сказал, что отсутствие официальной информации еще не является аргументом, чтобы не принимать никакого решения и не давать оценку происходящим событиям. Он подчеркнул вместе с тем, что события, имеющие место в Румынии, «препятствуют развитию процессов демократизации и перестройки в дружественной социалистической стране», и уточнил, что в информации, исходящей из неофициальных источников, «говорится о столкновениях между воинскими частями и мирным населением». Хадыркэ критиковал также культ личности Чаушеску, указав на обстановку, в которой прошел последний съезд РКП. Обращает на себя внимание тот факт, что Михаил Горбачев прервал выступавшего, призвав «не переходить грань, за которой начинается наше вмешательство во внутренние дела суверенного государства», высказав отношение прежде всего к тому, что «затрагивает судьбы, жизнь людей»; он предложил прекратить дискуссию и приступить к голосованию⁵⁰. Заявление было принято 1809 голосами. Против голосовали 32 и 65 воздержались.

Утром того же дня в посольство Румынии приехали два народных депутата СССР, которые попросили предоставить информацию о ситуации в Румынии, указывая на то, что, не располагая «правдивыми официальными данными», они не знают, как реагировать на запросы избирателей, интересующихся этим вопросом⁵¹.

22 декабря 1989 г. в 14.20 (по московскому времени), почти через час после того, как Николае Чаушеску покинул здание ЦК РКП, И. Абоимов пригласил румынского посла в Москве, которому передал в более жесткой формулировке ответ советского руководства на обращение, переданное румынским руководством 20 декабря через временного поверенного в делах СССР в Бухаресте. В ответе советской стороны выражалось недоумение в связи с тоном обращения и утверждением относительно позиции и роли СССР в событиях в Тимишоаре. Заявления и утверждения об антирумынской кампании, проводимой якобы в СССР, были квалифицированы как «необоснованные и неприемлемые». Заявления ряда официальных лиц о каких-то намерениях СССР вмешиваться в дела Румынии были охарактеризованы как «столь же абсурдные». Вместе с тем советский дипломат проинформировал румынского посла о том, что представителю СССР в ООН были переданы инструкции «выступить против созыва заседания Совета Безопасности в связи с событиями в Румынии, как предлагают некоторые государства». Зам. министра иностранных дел СССР выразил также надежду на то, что в решении возникших в Румынии проблем будут превалировать «разум,

реализм, и что будут найдены политические пути для их решения в интересах дружественного румынского народа». Он добавил, что позиция советской стороны обусловлена желанием, чтобы в советско-румынские отношения не включались элементы подозрения, недоверия, мешающие им успешно развиваться⁵².

В тот же день съезд народных депутатов СССР принял послание народу Румынии, в котором говорилось: «В этот поворотный момент для судеб Румынии Второй съезд народных депутатов СССР заявляет о решительной поддержке справедливого дела румынского народа. Заверяем граждан Румынии в традиционных чувствах дружбы и добрососедства и подтверждаем искреннее стремление к тесному сотрудничеству в интересах социализма»⁵³.

Советское правительство, в свою очередь, лишь 23 декабря выступило с заявлением, в котором говорилось: поступающие из Румынии сообщения свидетельствуют о том, что «румынский народ решительно порвал с авторитарным режимом и встал на путь демократического обновления страны». «В стране при активном участии трудящихся идет процесс формирования новых структур власти», взявший на себя всю полноту власти Совет образованного Фронта национального спасения «обратился к народу с призывом поддержать провозглашенную им программу глубоких преобразований». При этом «противники революционных перемен пытаются оказывать сопротивление, не останавливаясь перед применением оружия и не считаясь с жертвами среди мирного населения». Были выражены солидарность с румынским народом, отстаивающим идеалы свободы, демократии и национального достоинства, и поддержка усилиям ФНС, «направленным на установление в стране спокойствия и порядка». «Советский Союз, — говорилось в заявлении, — готов оказать румынскому народу, новому руководству страны незамедлительную и эффективную гуманитарную помощь в ликвидации последствий трагических событий последних дней»⁵⁴.

В тот же день перед посольством Румынии в Москве прошли две демонстрации солидарности с румынским народом. Делегация общества «Мемориал» вручила письмо, в котором была выражена поддержка демократических сил СССР устремлениям румынского народа.

24 декабря 1989 г. ТАСС выступил с заявлением, в котором содержалась информация о вооруженных столкновениях в Бухаресте и отмечалось, что в зоне обстрела находится и жилой дом советского торгпредства, и это угрожает жизни советских граждан (в том числе женщин и детей). «В Советском Союзе, — отмечалось в заявлении, — не могут оставаться безразличными к судьбам советских

граждан» и требуют от «противников происходящих в стране перемен», развязавших указанные действия, «немедленно прекратить их»⁵⁵.

Следует отметить, что в этот период советские СМИ уже стали очень подробно информировать о развитии событий в Румынии, хотя в определенной мере и поддались слухам, приводили не всегда достоверную информацию, что, впрочем, не удивительно в смутной атмосфере тех декабрьских дней.

Возможность советского военного вмешательства в ситуацию в Румынии

На протяжении двух десятков лет высказывались всякого рода неподтвержденные предположения относительно того, имело ли место прямое вмешательство Советского Союза в события, происшедшие в Румынии в декабре 1989 г. Судя по показаниям генерала-лейтенанта, зам. министра национальной обороны СРР Илие Чаушеску, брата Николая Чаушеску, он принял 22 декабря в 12 часов (за несколько минут до того как Николае Чаушеску покинул здание ЦК) советского военного атташе в Бухаресте, контр-адмирала Михайлова и генерал-майора Бочаева, представителя главнокомандующего Объединенных вооруженных сил Варшавского договора. Илие Чаушеску передал просьбу, чтобы Советский Союз «проявил сдержанность», заверив также, что Румыния питает чувства дружбы по отношению к СССР и другим социалистическим странам. Вместе с тем, он обратился с просьбой, чтобы КПСС, советское государство, народ, советская армия «проявили понимание и поддержали Румынию в эти смутные времена», когда со стороны империалистических кругов ФРГ, США, Франции и других капиталистических стран, а также определенных кругов Венгрии поступают требования, способные «дестабилизировать ситуацию»⁵⁶.

На наш взгляд, документы, доступные в настоящее время, не подтверждают предположение о прямом вмешательстве Москвы и даже какого-либо давления с ее стороны в целях смены румынского лидера, как это имело место (в большей или меньшей мере) в других бывших социалистических странах. Напротив, анализ существующих документов приводит к выводу об отказе советского руководства дать вовлечь себя в развитие событий в Румынии в декабре 1989 г.

Как писали М. Р. Бешлосс и С. Тэлботт, госсекретарь США Д. Бейкер заметил, что «у Советов есть как причины, так и средства что-то предпринимать, чтобы приостановить кровополитие». 24 де-

кабря в Вашингтоне в ходе телепередачи «Встреча с прессой» он сказал, что Соединенные Штаты не будут возражать, если «Варшавский договор сочтет нужным вмешаться в Румынии»⁵⁷. Те же авторы утверждают, что советский министр иностранных дел Шеварднадзе прямо заявил американскому послу в Москве Дж. Мэтлоку, что считает такой совет «не чудовищным, а лишь глупым». Он «был категорически против вмешательства извне», придерживаясь мнения, что «революция румын была делом румын <...> и что любое вмешательство превращало бы Чаушеску в мученика»⁵⁸.

Как явствует из записи беседы И. Абоимова с Дж. Мэтлоком 24 декабря 1989 г., американский дипломат подчеркнул, что США с самого начала обратили внимание на высказанное Советским Союзом «убеждение в том, что о военном вмешательстве не может быть и речи». Все-таки к концу беседы он вернулся к мысли о возможном вмешательстве и заметил, что «администрацию США весьма интересует: действительно ли абсолютно исключена возможность оказания военной помощи румынскому Фронту национального спасения со стороны СССР». Посол упомянул и другой возможный вариант: «...а как де поступит Советский Союз в случае соответствующего обращения со стороны Фронта?» Более того, как отмечает Абоимов, американский посол озвучил мысль, «явно санкционированную из Вашингтона», дав понять, что «при нынешнем раскладе военное участие Советского Союза в румынских делах могло бы не подпадать под «доктрину Брежнева»»⁵⁹.

Существовал, конечно, расчет на то, что удастся побудить Советский Союз к такому вмешательству в Румынии, которое стало бы благоприятным внешнеполитическим фоном для военного вмешательства США в Панаме в целях устранения от власти генерала Норьеги. На это Абоимов дал ясный ответ, заявив, что советская сторона такой сценарий не рассматривает даже теоретически; она выступает против любого вмешательства во внутренние дела других государств и намерена и впредь твердо и неуклонно следовать этой позиции, и таким образом «американская сторона может считать, что «доктрину Брежнева» мы подарили ей»⁶⁰.

25 декабря 1989 г. МИД СССР выступил с Заявлением, в котором, в частности, говорилось, что советская сторона обсуждала с союзниками целесообразность проведения консультативной встречи на уровне министров иностранных дел. По общему убеждению союзных государств, «судьбу страны взял в свои руки румынский народ», способный одержать победу в борьбе за свободу и демократию. С учетом этого «имеется понимание желательности

избегать каких-либо коллективных акций, которые могли бы напомнить практику прошлого»⁶¹.

25 декабря в пресс-центре МИДа в Москве И. Абоимов, отвечая на вопросы журналистов, подчеркнул, что «вопрос о какой-либо форме военных действий или вмешательства в происходящие в Румынии события в рамках Варшавского договора не обсуждался». В тот же день первый заместитель начальника Управления информации МИДа В. П. Перфилов информировал о том, что с начала боевых действий ранено два советских гражданина в Бухаресте и еще десять советских автотуристов — в районе румыно-югославской границы. Сообщалось также, что в связи со сложившейся ситуацией было признано целесообразным эвакуировать семьи советских сотрудников — всего около 280 человек⁶². Согласно сообщению ТАСС, по согласованию с румынской стороной 224 советских туриста, находившихся в горных курортах Румынии, оставались там до первой возможности их возвращения в Советский Союз⁶³.

Как информировал ТАСС 25 декабря, председатель Совета ФНС Ион Илиеску сообщил в интервью газете «Монд», что новое румынское руководство не обращалось к СССР с просьбой о предоставлении военной помощи, поскольку «она не является необходимой», но вместе с тем оно «находится в постоянном контакте с МИД СССР». По его словам, Совет ФНС полностью солидарен с советской стороной в вопросе о целесообразности помощи от СССР⁶⁴.

Надо, однако, отметить, что в определенных кругах в Румынии бытует еще мнение, согласно которому представители советских специальных служб были активно вовлечены в румынские события в декабре 1989 г. В частности, генерал Сильвиу Стэнкулеску, не приводя никаких конкретных аргументов, выражал весной 2009 г. свое убеждение в том, что во время декабрьских событий «стреляли специальные советские войска, вошедшие тысячами в Румынию в декабре 1989 г.»⁶⁵ Это заявление может быть связано с реальным присутствием большого количества советских туристов, прибывших в Румынию начиная с 9 декабря 1989 г. и замеченных румынскими органами правопорядка в различных местностях, особенно на западе страны. До сих пор, однако, не было обнаружено никаких убедительных доказательств, подтверждающих непосредственное участие советских силовиков в декабрьских событиях в Румынии. В свою очередь, историк Алекс Михай Стоенеску, предпринявший наиболее углубленные исследования румынской революции, придерживается мнения о том, что советское руководство все-таки было определенным образом замешано в отстранении от власти румынского диктатора⁶⁶.

Следует заметить, что правительство СССР сразу признало Совет Фронта национального спасения Румынии, решив вместе с тем оказать ему нужную гуманитарную помощь. В Заявлении МИД СССР в адрес Совета ФНС было подтверждено, что будут выполнены все обязательства по советским поставкам, а возможные дополнительные просьбы румынской стороны «будут рассматриваться в приоритетном порядке»⁶⁷. В этой связи 24 декабря И. Абоимов в беседе с американским послом Дж. Мэтлоком указал, что румынская сторона была проинформирована о том, что в приграничных городах Советского Союза развернуты госпитали для приема раненых из Румынии и подготовлена первая партия грузов стоимостью 0,5млн рублей (11 вагонов). 30 декабря газета «Известия» писала, что через Советское Общество Красного Креста и Красного полумесяца приняты меры по оказанию срочной помощи жертвам событий в Румынии. Аналогичные меры были приняты также государственными органами Молдавской ССР и Украинской ССР.

26 декабря 1989 г. Михаил Горбачев направил Иону Илиеску поздравления в связи с его избранием председателем Совета Фронта национального спасения. Советский руководитель заверял Иона Илиеску, что «дружественный румынский народ встретит на пути обновления поддержку со стороны народов и руководства Советского Союза». Он упомянул и о том, что обе страны объединены «давними и прочными союзническими узами, поддерживают плодотворные экономические и культурные связи». Выражалась уверенность в том, что «сейчас открываются новые широкие возможности для развития и укрепления советско-румынского сотрудничества» ко взаимной пользе двух народов в интересах прочного мира и стабильности в Европе⁶⁸. В свою очередь, Совет министров СССР направил поздравительную телеграмму премьер-министру Румынии Петре Роману, в которой выражалась надежда, что советско-румынские отношения будут плодотворно развиваться в интересах осуществления глубоких демократических преобразований в наших странах, укрепления дружбы и всестороннего сотрудничества между народами Советского Союза и Румынии»⁶⁹.

27 декабря состоялся телефонный разговор между Ионом Илиеску и Михаилом Горбачевым, в ходе которого Илиеску выразил «глубокую благодарность советскому руководству за поддержку румынского народа в эти тяжелые для него дни, когда решалась судьба страны». Он подчеркнул также, что Фронт национального спасения высоко оценивает тот факт, что высший орган власти СССР — Съезд народных депутатов своим авторитетом «поддержал

трудящихся Румынии в их революционной борьбе против режима личной диктатуры, за демократические преобразования и обновление общества». Оба руководителя «выразили согласие в том, что в настоящее время особо важное значение имеют взаимопонимание и взаимная поддержка двух стран и народов, дальнейшее углубление сотрудничества во всех сферах жизни»⁷⁰.

Вместо выводов

События в Румынии в декабре 1989 г., которые привели к крушению тоталитарного режима, можно объяснить лишь в тесной связи с изменениями, имевшими место на международной арене в результате политики, проводимой новым советским руководством. То есть их можно в полной мере понять только в контексте радикального поворота в отношениях СССР с бывшими социалистическими странами. Никак не умаляя значения этого внешнего фактора, заметим все же, что определяющим, на наш взгляд, для исхода событий в Румынии явился все-таки внутренний фактор.

Вопреки серьезным трениям, проявившимся в румыно-советских отношениях и усилившимся во второй половине 1989 г., связи между РКП и КПСС, между Румынией с Советским Союзом продолжали развиваться в неизменном русле. Целиком были выполнены планы обменов делегаций по партийной, государственной линиям, по линии общественных и массовых организаций. В этом смысле небезынтересно отметить, что декабрьские события в Румынии застали в Москве последнюю группу из пяти лекторов ЦК РКП, находившихся в Советском Союзе с задачей читать лекции перед советской аудиторией по различным аспектам политики РКП.

Советское руководство полностью осознавало тот факт, что ситуация в Румынии рано или поздно приведет к социальному взрыву. Но оно не могло предвидеть, когда именно это случится. Этим и объясняется, на наш взгляд, тот факт, что оно не вмешивалось, не торопило события, занимая до последнего момента осторожную, выжидательную позицию, не давая тем самым никаких поводов для упреков в прямом вмешательстве в ход событий.

«Меня нередко спрашивали, — пишет Горбачев, — и в те годы, и в последнее время: почему СССР не вмешался в румынскую драму, не содействовал уходу диктатора?

Повторяю еще раз: не вмешивались, потому что это противоречило принципам нашей политики... Ни в одном случае советское руководство не пошло на нарушение провозглашенных в 1985 г. принципов

отношений с нашими союзниками и соседями. Руководствуясь ими, не пошли мы и на то, чтобы подключиться к оппозиции против Чаушеску, которая поднимала голову в Румынии. Сигналы о формировании в румынском обществе критической массы неприятия режима были»⁷¹.

Приложение

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 175 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1989 ГОДА.

О первоочередных мерах в связи с обстановкой в Румынии.

1. Опубликовать Заявление ТАСС в связи с боевыми действиями в Бухаресте, представляющими угрозу жизни советских граждан (приложение 1).

2. С учетом дальнейшего развития обстановки в Румынии опубликовать Заявление Советского правительства в поддержку Совета Фронта национального спасения и его программы (приложение 2).

3. Обратиться к руководству НРБ, ЧССР, ВР, ГДР, ПНР и СФРЮ с предложением наладить постоянные контакты и обмен информацией об обстановке в Румынии и вокруг нее.

Предложить союзным государствам провести срочные консультации на уровне министров иностранных дел. С этой целью можно было бы собраться в Варшаве.

4. Принять меры к установлению прямых и постоянных контактов с руководством Совета Фронта национального спасения Румынии, в первую очередь И. Илиеску.

5. Поручить рабочей группе (т.т. Шеварднадзе Э. А., Крючкову В. А., Моисееву М. А.) рассмотреть возможные варианты развития обстановки в Молдавской ССР с учетом имевших место попыток со стороны экстремистски настроенных групп советских граждан выходить на границу и переходить ее с целью оказания поддержки сторонникам Фронта национального спасения.

6. Принять к сведению, что Совет Министров СССР готовит предложения об оказании Румынии гуманитарной и другой помощи.

Примечание: Приложения не публикуются

РГАНИ. Ф. 89. Перечень 9. Док. 67.

Примечания

- ¹ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 311.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 312.
- ⁴ Scînteia. 1989. 2 octombrie.
- ⁵ Scînteia. 1989. 15 aprilie.
- ⁶ Scînteia. 1989. 29 iunie.
- ⁷ ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dosar 63/1989. F.7.
- ⁸ Preda D., Retegan M. Principiul dominoului. București, 2000. P. 356.
- ⁹ ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dosar 63/1989. P. 8.
- ¹⁰ В стенограмме беседы в Пицунде договоренность о такой встрече не зафиксирована.
- ¹¹ Ibid. P. 9.
- ¹² Brucan S. Generația irosită. Memorii. Editurile Universal&Calistrat Hogaș, București, 1992. P. 185.
- ¹³ Ibid. P. 187.
- ¹⁴ Ibid. P. 188.
- ¹⁵ Медведев В. А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 223.
- ¹⁶ K vývoji sovětske politiky vůči státům Varšavské smlouvy. Dokumenty a materiály. 1989–1990. Praha, 1999. S. 10.
- ¹⁷ Ibid. S. 12.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ Ibid. S. 31.
- ²⁰ ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dosar nr.64/1989. F. 4.
- ²¹ Ibid. P. 5.
- ²² Ibidem.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ ANIC. Fond 66/1989. P. 22.
- ²⁶ Abdulaev C. Beznă sub soare. Ideea Europeană. București, 2009.
- ²⁷ Ibid. P. 340.
- ²⁸ ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dosar nr. 66/1989. F. 35.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibid. P. 38.
- ³¹ Горбачев М. Указ.соч. С. 403.
- ³² Scînteia. 1989. 12 decembrie; 19 februarie.
- ³³ România Liberă. 1994.
- ³⁴ Sava C., Mohan C. Revoluția din decembrie 1989 percepută prin documentele vremii. București, 2000. P. 50.
- ³⁵ Дипломатический вестник. № 21–22. М., 1994. С. 75–76.
- ³⁶ Там же. С. 76.
- ³⁷ Preda D., Retegan M. Op. cit. P. 477–478.
- ³⁸ Вестник Министерства иностранных дел СССР. 31 декабря 1990 г. № 2 (60). С. 5.

- ³⁹ Дипломатический вестник. 1994. № 21–22. С. 74.
- ⁴⁰ Там же. С. 75.
- ⁴¹ Preda D., Retegan M. Op.cit. P. 476.
- ⁴² Дипломатический вестник. 1994. № 21–22. С. 75. Румынский посол в Москве передал в Бухарест, что распоряжение об ограничении въезда в СРР советских граждан, полученное 17 декабря, создало для дипломатической миссии ряд проблем в отношениях с советскими гражданами (См.: Preda D., Retegan M. Op.cit. P. 448).
- ⁴³ Ibid. P. 461.
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ Ibid. P. 474.
- ⁴⁶ Вестник Министерства Иностранных Дел СССР. 31 января 1994. № 2 (60). С. 5.
- ⁴⁷ Preda D., Retegan M. Op. cit. P. 482.
- ⁴⁸ Ibid. P. 485.
- ⁴⁹ Правда. 1989. 23 декабря.
- ⁵⁰ Известия. 1989. 23 декабря.
- ⁵¹ Preda D., Retegan M. Op.cit. P. 485.
- ⁵² Ibid. P. 484.
- ⁵³ Правда. 1989. 23 декабря.
- ⁵⁴ Правда. 1989. 24 декабря
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Sava C., Mohan C. Op. cit. P. 84–87.
- ⁵⁷ Beschloss M. R., Talbott S. La cele mai înalte nivele. București, 1993. P. 240.
- ⁵⁸ Ibid. P. 241.
- ⁵⁹ Дипломатический вестник. 1994. № 21–21. С. 79.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Правда. 1989. 26 декабря.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Известия. 1989. 26 декабря.
- ⁶⁵ Evenimentul Zilei. 2009. 24 martie.
- ⁶⁶ Stoescu A. M. Istoria loviturilor de stat în România. Vol. 4 (I). «Revoluția din decembrie 1989» — o tragedie românească. RAO, București, 2004; De la regimul comunist la regimul Iliescu. Virgil Măgureanu în dialog cu Alex Mihai Stoescu, RAO, București, 2008.
- ⁶⁷ Правда. 1989. 26 декабря.
- ⁶⁸ Правда. 1989. 27 декабря.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Правда. 1989. 28 декабря.
- ⁷¹ Горбачев М. Указ. соч. С. 402.

ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1989 ГОДА В РУМЫНИИ: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПУТЧ?

Н. Н. Морозов
(Россия)

«Долой Чаушеску!» — редела многотысячная толпа на Дворцовой площади в Бухаресте. Зазвенели разбитые стекла, распахнулись кованые двери, и поток демонстрантов хлынул в штаб румынских коммунистов. В окнах замелькали человеческие фигуры, а на балконе, с которого еще вчера выступал Чаушеску, кто-то размахивал трехцветным полотнищем с вырезанным гербом социалистической Румынии. Затем над крышей медленно поднялся белый вертолет и, сделав крутой вираж над одной из боковых улиц, скрылся из виду. Шло 22 декабря 1989 г., часы показывали 12:08. Так открывалась новая страница в истории Румынии.

После декабрьских событий 1989 г. в свободной румынской прессе получил распространение новый и оригинальный жанр: интервью без ответов. Одно из первых крупных аналитических выступлений в печати, посвященных этим событиям, так и называлось: «Слишком много вопросов для одного вечера». Имелся в виду вечер 22 декабря, когда прибывший на телевидение в окружении единомышленников Ион Илиеску решительно взял бразды правления в свои руки.

«Почему обыкновенный директор издательства (а именно такой пост занимал до 22 декабря Ион Илиеску), едва очутившись в водовороте событий, сразу повел себя как человек, облеченный некими полномочиями?», — спрашивал автор статьи в «Экспрес» Ион Кристою. Более того, другие участники событий явно относились к нему как к уже избранному и утвержденному руководителю. В отличие от других ораторов Илиеску, выступая перед камерой, оперировал точными формулировками, излагал готовую политическую программу. Почему министром обороны был назначен генерал-пензионер Николае Милитару, а кандидатуры генерала Виктора Стэнкулеску, державшего в руках все рычаги управления вооруженными силами, и начальника Генерального штаба, генерала Штефана Гуше были отвергнуты? Почему генерал Гуше был позднее понижен в должности и

отправлен служить в провинцию? Кто открыл демонстрантам двери телевидения, которое было и остается охраняемым государственным объектом, и даже заблаговременно разогрел аппаратуру, чтобы революционеры могли немедленно выйти в эфир?

Публикация этой статьи всего через два месяца после свержения диктатуры Чаушеску, как будто прорвала плотину: вслед за ней хлынула лавина других материалов, авторы которых с энтузиазмом «копали» благодарную тему, обращая внимание на все новые и новые «загадки румынской революции».

Почему Чаушеску 18 декабря столь недальновидно уехал с визитом в Иран, хотя в стране было очень беспокойно? Кто посоветовал ему организовать 21 декабря самоубийственный митинг, завершившийся, как известно, массовым восстанием бухарестского населения? Почему вокруг мятежного венгерского пастора Ласло Текеша из Тимишоары поднялся такой шум и, вопреки элементарным правилам Секуритате, стало известно даже о его предстоящем аресте? Являлось ли спонтанным движение в Тимишоаре, или же его кто-то организовал? Зачем более чем в 10 раз преувеличивалось количество жертв репрессий в Тимишоаре? Как получилось, что еще недавно всесильный диктатор был вынужден бежать как заурядный воришка, прибегая к помощи попутных машин и случайных прохожих? Чем объясняется столь поспешное, без суда и следствия убийство Николае и Елены Чаушеску по приговору импровизированного «трибунала»? Кто те знаменитые террористы, которые на протяжении примерно 10 дней сеяли панику на улицах Бухареста, и от рук которых погибли более тысячи человек? Почему на фасаде здания ЦК, с балкона которого выступали лидеры революции, не осталось следов пуль, хотя окружающие дома буквально стирались с лица земли? Почему снайперы не уничтожили антенну телевидения, чтобы прервать «прямую трансляцию революции», или сотрудники Секуритате не отключили реле на центральном телеграфе, через который проходят все линии связи? Какова вообще роль органов государственной безопасности Румынии в разыгравшихся событиях? Что представляли собой светящиеся предметы, появлявшиеся в этот период в ночном небе над многими воинскими частями и вызывавшие на себя огонь средств ПВО? Когда был создан Фронт национального спасения? Существовал ли в Румынии заговор против режима Чаушеску? Связаны ли события в Румынии с встречей Михаила Горбачева и Джорджа Буша на Мальте 1–3 декабря 1989 г.? Имеют ли отношение к ним соседние СССР и Венгрия, как намекал Чаушеску?

В конечном итоге многочисленные вопросы, связанные с декабрьскими событиями, сводились к одному: что наконец произошло в Румынии: народное восстание или государственный переворот? А все предлагаемые ответы можно было *grosso modo* разделить на три категории: 1) народная революция; 2) заговор внутренней оппозиции; 3) переворот, организованный иностранными спецслужбами.

Нельзя не заметить, что по странному совпадению приверженцам каждой из упомянутых точек зрения было выгодно отстаивать именно ее, так что благородное стремление к правде здесь чрезвычайно удачно сочеталось с практическим интересом.

Так, вполне естественным образом люди, которые на волне декабрьских событий пришли к власти и заняли высокие государственные посты, твердо стоят на том, что в Румынии произошла народная революция. «Это было прежде всего восстание масс против Чаушеску — утверждает Илиеску. — <...> Чаушеску создал столь мощный репрессивный аппарат, что исключило любую попытку организовать реформаторское движение». «Действительно, в стране было много людей, которые думали о необходимых и возможных переменах, существовало широкое движение недовольства. Именно это недовольство и спровоцировало народное восстание. Да, были люди, которые обдумывали и искали возможные пути, но говорить о заговоре — это слишком!» «Если бы подобные организованные действия имели место, это могло бы стать большой заслугой перед историей, — полагает Илиеску. — И не было бы причин стесняться таких требовавших большой храбрости поступков. К сожалению, этого не произошло. Единственно возможным решением оказался взрыв народного негодования, который и привел к свержению диктатуры».

Подобного мнения придерживается и Петре Роман, занявший после декабря 1989 г. пост премьер-министра. «Велись только разговоры, знаете, как все разговаривали, — отмечал он в “Газета де Вест” из Тимишоары. — Состоялась, например, встреча между Илиеску и генералом Николае Милитару в парке. <...> По-моему, такая форма организации была, к сожалению, невозможна. Хотя было бы намного лучше избежать кровопролития и свергнуть диктатуру при помощи внутреннего движения, а не народного взрыва».

Новотдвух заметных персонажей румынской революции стоят на иных позициях. Это — один из основателей и руководителей ФНС Силвиу Брукан, который позднее из-за выявившихся разногласий был вынужден уйти, и назначенный 24 декабря министром национальной обороны генерал Николае Милитару, которого по требованию высших офицеров вскоре отправили в отставку.

23 августа 1990 г. газета «Адевэрул» под заголовком «Правду и только правду» опубликовала их совместное интервью об истоках декабрьской революции. Оба выступили с сенсационным рассказом о составленном ими против Чаушеску заговоре, благодаря которому ненавистный режим удалось свергнуть сравнительно «малой кровью». «Диссидентское движение против Чаушеску началось с момента его назначения на пост генерального секретаря, — сообщил Брукан. — <...> Первое ядро оппозиционеров образовали генералы Ион Ионицэ (министр национальной обороны в 1966–1976 гг.), Николае Милитару и Штефан Костял. Они разрабатывали различные планы устранения Чаушеску, в том числе насильственным путем. С 1983 г. в ходе регулярных встреч с генералом Ионицэ я установил и поддерживал контакты с первичной ячейкой».

«Наша стратегия, — вторит ему Милитару, — пробила бреши в армии и Секуритате, но меньше в партии». «В армии, — продолжает Брукан, — благодаря действиям генералов Ионицэ, Милитару и Костяла, капитана 1-го ранга Раду Николае и других, был создан Военный комитет сопротивления, который в 1989 году насчитывал почти 20 генералов и много офицеров». В результате «22 декабря внутренние войска перешли на сторону революции. <...> Генералу Милитару удалось установить связи с командирами батальона, обеспечивавшего безопасность здания ЦК и Государственного совета», куда, благодаря этому, 22 декабря и смогли беспрепятственно проникнуть демонстранты.

В этом же материале Милитару добавлял: «Мы встречались тогда с Илиеску, которого как мы, генералы, так и господин Брукан считали наиболее подходящим человеком, чтобы заменить Чаушеску во главе партии». А в констанцской газете «Контраст» другой заговорщик — капитан 1-го ранга Раду Николае присовокупляет: «В 70-е годы нынешний руководитель Румынской службы информации Вирджил Мэгурану привлек меня в подпольное движение».

Это интервью вызвало бурю протестов. «Интервьюируемые заявляют, по меньшей мере, странные вещи о ходе революции, — писал в «Тинеретул либер» Хория Александреску, — приписывая себе поистине первостепенную и решающую роль в декабрьских событиях». «Заговор с целью свержения Чаушеску, как и любой принадлежащий прошлому факт, должен рассматриваться в историческом контексте, — отмечал Ион Кристою. — Одно дело, если он возник в 1965–1971 гг., когда румынский социализм находился в авангарде либерализации в Восточной Европе, а Румыния проводила по отношению к Москве эффективную независимую политику, поддерживае-

мую всей страной, и совсем другое, — если этот заговор был составлен в последние годы, когда Чаушеску уже стал возмутительно анахроничным лидером в контексте эпохи».

С репликой в «Адевэрул» выступил и Илиеску. «В интервью Брукана и Милитару воинствующий субъективизм граничит с эгоцентризмом, — писал президент страны. — Прочитав его, можно сделать вывод, будто в центре всех предшествовавших событий и декабрьской народной революции находились два автора интервью. Особенно удивляет подход политолога, на роль которого претендует Брукан: по его мнению, декабрьская революция была результатом заговора. На самом деле исторический процесс был намного сложнее. Декабрьские события носили характер подлинного народного взрыва, обусловленного продолжительным накоплением сильного недовольства, вследствие деградации экономической, социальной, политической, духовной и моральной жизни румынского общества».

И все же ряд аналитиков принял во внимание версию внутреннего заговора. Среди них — публицист из еженедельника «Баррикада» Ливиу Валенаш, который считает, что существовали две ветви внутреннего заговора: в армии (Милитару, Николае и др.) и в Секуритате (Мэгурияну, Илиеску и др.), которые то сотрудничали, то соперничали. Армейское крыло, называвшее себя Военный фронт Румынии, летом 1989 г. направило с курьером письмо в Лондон эмигранту-антикоммунисту Иону Рациу, в котором называло и дату будущего выступления — 31 декабря 1989 г., так что начало событий в Тимишоаре, судя по всему, застало этих заговорщиков врасплох.

Наиболее драматическим является третий вариант, согласно которому декабрьские события 1989 г. — дело рук иностранных спецслужб. Многие отказываются принимать всерьез эту гипотезу из-за ее «леденящего душу» характера и объясняют ее появление «балканским менталитетом», склонным повсюду усматривать закулисные происки и кровавые интриги. Тем не менее именно в рамках этого сценария находят объяснение многие «загадки румынской революции».

О том, что Вашингтон и Москва если и не участвовали прямо, то по крайней мере были осведомлены о предстоящей акции, поведал в своих мемуарах «Растроченное поколение» Силвиу Брукан, который в июне–ноябре 1988 г. совершил зарубежную поездку по маршруту Бухарест–Вашингтон–Лондон–Москва–Вена–Бухарест. Как пишет автор, целью поездки было согласовать в этих столицах намерение группы видных румынских коммунистов выступить против режима Чаушеску — речь шла о «письме шести», опубликованном в марте следующего года. «Могу категорически утверждать, что

как в Вашингтоне, так и в Лондоне я получил заверения в поддержке наших планов», — пишет он.

В ноябре Брукан — в Москве, где его давний знакомый Анатолий Добрынин организует ему встречу с Горбачевым. «С самого начала Горбачев заявил, — записывает мемуарист, — что согласен с акцией по устранению Чаушеску при условии, что она будет разработана и осуществлена таким образом, чтобы компартия оставалась в Румынии руководящей политической силой».

Многие источники утверждают, что декабрьские события готовились заблаговременно и не без поддержки извне. Они указывают, в частности, на активизацию работавших в стране под различными «крышами» агентов иностранных спецслужб, приводят факты о том, что количество находившихся в Румынии в декабре 1989 г. иностранных туристов намного превышало аналогичные цифры предыдущего года.

Впрочем, и сам Чаушеску толковал назревающие события в таком же ключе. «Я дал указание прервать всю туристическую деятельность, — заявил он на заседании Постоянного бюро Политисполкома ЦК РКП 14 декабря 1989 г. — К нам не должен больше попасть ни один иностранный турист, так как они все превратились в шпионов. И из социалистических стран пусть не приезжают, кроме Кореи, Китая и Кубы. Ибо все соседние социалистические страны потеряли доверие. Туристы из соседних социалистических стран засылаются к нам в качестве агентов. Все должны знать, что мы находимся в состоянии войны. Все, что сейчас происходит в Германии, Чехословакии и Болгарии, произошло в прошлом в Польше и Венгрии, организовано Советским Союзом при поддержке американцев и Запада».

Позднее, комментируя уже начавшиеся в Тимишоаре волнения, он говорил на заседании Политисполкома ЦК РКП 17 декабря 1989 г.: «Здесь вмешательство внешних кругов, иностранного шпионажа, начиная с Будапешта... Фактически все известно. Известен и тот факт, что как на Востоке, так и на Западе все говорят о том, что в Румынии должны наступить перемены. И Восток, и Запад поставили эту цель и используют для ее достижения все средства. Сейчас в Европе капитулянтская ситуация, происходит сговор с капитализмом, чтобы ликвидировать социализм».

На то, что в декабре 1989 г. Румыния стала жертвой масштабного вмешательства извне, указывает и опубликованный в румынской прессе фрагмент доклада парламентской комиссии по расследованию декабрьских событий 1989 г., посвященный «психологическим и радиоэлектронным диверсиям» в указанный период. Эти дивер-

сии, указывается в документе, предназначенном «для внутреннего пользования», осуществлялись «враждебными революционными силами». Их размах и эффективность свидетельствуют о существовании заранее подготовленного и хорошо продуманного плана, выполнение которого началось со второй половины дня 22 декабря. Он ставил цель дезорганизовать управление вооруженными силами, усложнить наземную и воздушную обстановку, вызвать расточительный расход ресурсов и спровоцировать столкновения между различными участниками революции.

«Враждебные революционные силы» были хорошо знакомы с расположением и значением военных объектов, а также системой телефонной и радиосвязи в различных армейских эшелонах. Они имели возможность не только прослушивать оперативные переговоры, но и непосредственно вторгаться в эфир. Так, по этим каналам связи передавался ряд фальшивых сообщений, ставивших цель столкнуть силы министерства национальной обороны, Секуритате и революционеров.

«Радиоэлектронная война» осуществлялась при помощи технических средств, которые были не известны в румынской армии и поэтому привели ее командование в полное замешательство. Вечером 22 декабря на экранах радиолокаторов появились многочисленные движущиеся импульсы, которые не удавалось идентифицировать. Охватывавшая практически всю территорию страны сеть локаторов свидетельствовала, что против страны развернулась масштабная воздушная операция. Зафиксированные цели атаковали подразделения ПВО: с 22 по 25 декабря было осуществлено 52 боевых вылета истребителей-перехватчиков, 26 вылетов вертолетов, 1194 пулеметных, артиллерийских и ракетных залпов. Лишь в пяти случаях на бортовом локаторе истребителя была обнаружена цель, которую, однако, не удалось атаковать, так как она немедленно исчезала с экрана, а на приборном щитке появлялась надпись «сильные помехи».

Между тем, указывается в докладе, под маскировкой ложных целей в воздушном пространстве Румынии в этот период действовали и реальные самолеты-нарушители. Они прилетали со стороны Черного моря, через дельту Дуная и исчезали где-то в Бэрэганской степи. Утром они возвращались этим же маршрутом, делая остановку на Большом острове Брэилы, вероятно, для дозаправки горючим с ожидавшего их здесь другого вертолета. Эти самолеты-нарушители выполняли свои задачи: вели разведку, забрасывали группы людей, снабжали продовольствием и боеприпасами, передвигаясь на высоте ниже 200–300 метров, то есть будучи невидимыми для локаторов ПВО. В полете они следовали по течению рек, шоссе и железных до-

рог, искусно пользовались «мертвыми зонами» ПВО, оснащались аппаратурой ночного видения и навигации на низких высотах.

Главные действующие лица «третьего варианта» — так называемые «террористы», которые с вечера 22 декабря и примерно до 2–3 января 1990 г. вели в Румынии так называемую «городскую герилью», держа в панике всю страну. Их жертвами стали более тысячи человек. «Существование этих групп террористов — фанатиков, действующих с беспрецедентной жестокостью, обстреливающих квартиры, граждан, военнослужащих — еще одно свидетельство антинародного характера диктатуры Чаушеску, — говорил 23 декабря Илиеску, выступая по телевидению. — <...> Речь идет не о большом количестве террористов, но они специально подготовлены и оснащены для подобных действий. <...> Террористы не носят формы, они одеты в гражданское платье. Зачастую они имеют на рукавах трехцветные повязки, чтобы их принимали за бойцов народного ополчения. Они стреляют из любого положения».

Кто же эти террористы? Одни считают, что речь идет о завербованных в личную охрану Чаушеску иностранных наемниках, другие предполагают, что это — заброшенные в Румынию зарубежные «командос», третьи убеждены, что ожесточенное сопротивление новой власти оказывали сотрудники спецподразделений Секуритате. Ну а кое-кто утверждает, что никаких террористов не было и в помине, а просто «неуравновешенные секурлисты», перепуганные военнослужащие и криминальные элементы в суматохе палили друг в друга.

«Террористы в подлинном смысле слова существовали до 22 декабря, — писал бывший глава контрразведки Филипп Теодореску в книге «Сознательный риск». — Это были люди, вызывавшие беспорядки и панику, атаковавшие военные объекты и войска специально, чтобы спровоцировать то, что произошло потом. Они внедрялись в страну из-за границы и являлись иностранцами, хотя среди них имелись и румынские граждане. Начиная с 22 декабря, они постепенно исчезли. Они выполнили задачу и не должны были оставлять следов. И тогда на сцене появилась другая категория «террористов» — местных». «Армия была сознательно спровоцирована режиссерами событий. Только некоторые командиры знали, что за этим последует, и не знали всех аспектов плана. Отсюда возникшее замешательство, повлекшее за собой жертвы, в том числе — среди военнослужащих».

Высказывались предположения, что действия террористов по защите диктатора и подавлению выступлений против него были предусмотрены заранее подготовленным румынской госбезопасностью планом. В этой связи назывался, например, секретный приказ

2600, подписанный министром внутренних дел Тудором Постелнику в 1988 г. Сбежавший в 1978 г. на Запад заместитель начальника румынской внешней разведки генерал Ион Михай Пачепа упоминал о существовании некоего плана «М», а на первом процессе по делу четырех членов высшей номенклатуры Чаушеску, состоявшемся в феврале 1990 г., Ион Динкэ говорил о некоем плане «Зет–Зет».

«Что касается террористов, то здесь тайны становятся непроницаемыми, — подтверждал корреспондент “Голоса Америки”, автор книги “Революция в капкане” Нестор Ратеш. — Власти чуть ли не демонстративно отказываются отвечать, так что я не смог найти ответа. Взамен я предлагаю читателям гипотезы, циркулировавшие в прессе, а кроме того, внимательно рассматриваю версию об иностранных наемниках. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день мы узнаем, что причиной тайны, окружившей террористов, стало участие в этом деле иностранцев. Ясно, что правительство исполнено решимости не говорить о том, что заместитель начальника Генерального штаба Варшавского договора назвал в декабре 1989 г. “иностранной агрессией” против Румынии. Эта тема — табу, а когда румынским политикам, от президента вниз, задают этот вопрос, то они отвечают, что доказательств участия иностранцев в боях после побега Чаушеску нет. Это — принятая формулировка».

«Террористы служили интересам новой власти, — утверждал бесстрашный публицист из “Барикады” Валенаш. — 22 декабря 1989 г. все было кончено, и мир мог воцариться на румынской земле. Но так не произошло. Зачем новой власти было нужно, чтобы специальные войска коммандо стреляли еще примерно 10 дней? Прежде всего иллюзия продолжающейся “войны” с диктатурой должна была вызвать волну симпатии к новой власти в стране и за рубежом со всеми вытекающими последствиями (массированная помощь, поток финансов, политическая поддержка). Другой огромный выигрыш от продолжения войны становится понятным в перспективе борьбы за власть. “Героический характер” новой власти сыграл решающую роль в ходе поспешно проведенных выборов».

На начальном этапе событий в «террористах» практически все видели сотрудников репрессивных органов — Секуритате. Огромную роль в разжигании ненависти к службе государственной безопасности сыграло телевидение, непрерывно передававшее сообщения о зверствах «террористов-секуристов», демонстрировавшее заложенные ими «бомбы замедленного действия» и даже самих арестованных террористов, которые позже, как правило, оказывались схваченными по ошибке невинными людьми. «Возложение вины на Секуритате

входило составной частью в сценарий, — пишет Теодореску. — Разведаппарат Румынии должен был быть разрушен самими румынами. Это совпало и с желаниями некоторых румынских генералов, которые стремились утаить свою деятельность во время событий».

Между тем с течением времени все чаще стало высказываться мнение, согласно которому уничтожение департамента государственной безопасности, входило в масштабный план дестабилизации Румынии. Если прежде Секуритате единодушно ненавидело практически все население страны, то в настоящее время общественное мнение Румынии по вопросу о ее роли расколото. В то время, как румынские «демократы» продолжают резко негативно оценивать допускаявшиеся Секуритате в «эпоху Чаушеску» злоупотребления и нарушения закона, то «государственники» видят в бывшем департаменте госбезопасности защитника национальных интересов страны, расценивают сотрудничество с ним как проявление патриотизма, а за нападками на него усматривают организованную внешними силами кампанию по «демонизации» Секуритате.

Кто же стоял за кулисами этого грандиозного спектакля, дергал за ниточки, управляя послушными марионетками? Многие авторы без обиняков указывают на Восток — СССР, или Советский Союз и Венгрия! «Первой скрипкой, несомненно, была Венгрия, — писал Кастекс, — исполнившая целую серию соло, которые вскружили нам голову. Вторая скрипка была столь же замечательна — трудно забыть звучание югославских струн. Опустим второстепенные инструменты — восточные немцы, болгары, которые исполняли ту же музыку, не фальшивя... Но кто же был дирижером оркестра? Душой этих скрипок?.. Михаил Горбачев имеет лишь один недостаток — болезненную скромность, которая слишком часто побуждает его оставаться в тени».

«В декабре 1989 г. после завершения процесса, начатого два года назад, Москва осуществляет свержение Чаушеску и заменяет его новой «командой», которая немедленно начинает проводить политику «горбачевского типа», — пишет в книге «Аутопсия государственного переворота» Раду Портокалэ. — <...> Впервые в истории советское господство было узаконено в ходе плебисцита народом, который воображал, что голосует за свободу. Замечательная и тревожная новинка!»

На вопрос, зачем все это нужно Москве, Кристою отвечал так: «Изменения 1956 года повысили престиж Москвы среди восточноевропейских народов. Хрущев предстал перед ними в ореоле героя борьбы против сталинского гнета. Подобным образом и Горбачев воодушевляет сегодня всю Европу. Но на этот раз Москва не только повышает свой престиж, но и наращивает мощь. Во всех социалистических стра-

нах в результате народного движения была уничтожена контрразведка. Демонстранты брали штурмом штаб-квартиры спецслужб. С нашей стороны, было наивно верить, что в их первых рядах не находились и агенты КГБ. Золотая мечта КГБ — прибрать к рукам сверхсекретные досье правительств стран социалистического лагеря — исполнилась! На пустыре, возникшем после уничтожения контрразведки в каждой стране, иностранные спецслужбы быстро разместили свою агентуру, для устранения которой потребуются десятилетия».

На участие советских спецслужб в декабрьских событиях неоднократно намекали и другие румынские источники. Так, Теодореску, информируя Бухарест о положении в Тимишоаре 17 декабря, писал: «В гостиницах было немного иностранцев. Было, однако, неоправданно много советских туристов в автобусах или в автомашинах. Не все из них остановились в гостиницах: одни покинули автобусы, исчезнув в городе, другие ночевали в машинах. Проверка показала, что они въехали в страну на севере Трансильвании, и все заявляли, что находятся здесь проездом в Югославию».

«В страну въехали более 65 тысяч советских граждан, чтобы отпраздновать вместе с нами рождество. Большинство из них были молодые люди и перемещались по двое-трое на автомашине, — утверждает Николаеску. — У нас есть все доказательства, что готовилась вооруженная интервенция. Не забудем, что еще действовал Варшавский договор, а значит, советские и венгерские войска могли вторгнуться в любой момент».

Еще более хлестко выглядят «свидетельства» журналистов. Так, Александру Саука пишет в брошюре «КГБ и румынская революция»: «22 декабря из советского посольства в Бухаресте вышли группы молодых мужчин спортивного вида, которые разошлись по городу». В «Ромыния либерэ» 18 апреля 1991 г. Сорин Рошка Стэнеску в корреспонденции из Парижа писал: «Офицер КГБ, находящийся во Франции, знает румынский язык и в декабре 1989 г. был в Тимишоаре. Вот что он рассказал: “Существовал план вмешательства, который, однако, не был применен по неизвестным мне причинам. <...> Мы должны были вести стрельбу, чтобы внести замешательство”».

Неоднократно высказывалось мнение, что техническим потенциалом, необходимым для проведения столь впечатляющей акции как «радиоэлектронная война» располагал из соседних стран только СССР. «Иностранная держава, организовавшая эту акцию, преследовала и второстепенную цель — испытать впервые в реальных условиях средства электронной войны против соседней страны, не располагаю-

щей подобными средствами для отпора. Мы можем без труда назвать эту державу — Советский Союз», — утверждал Николаеску.

Предполагается, указывается в заключение доклада парламентской комиссии, что информационная и психологическая диверсии, «радиоэлектронная война» и действия «террористов» должны были произвести впечатление вспыхнувшей в стране гражданской войны и мотивировать «оказание иностранной военной помощи», которую, судя по всему, предусматривал заранее разработанный сценарий.

23 декабря дикторы телевидения сообщили, что в связи с выходом ситуации из-под контроля, неспособностью вооруженных сил дать отпор противнику была запрошена немедленная военная помощь СССР. В этот день Илиеску провел телефонные переговоры с советским посольством, что послужило причиной ожесточенных нападков на него и обвинений в «связях с Москвой». Тогда же имел место телефонный звонок из Москвы начальнику Генерального штаба, генералу Гуше, во время которого ему якобы предлагалась военная помощь, от которой румынский военачальник отказался.

Вот что говорит по этому поводу Илиеску в интервью, приведенном в сборнике материалов «Румынская революция в прямой трансляции»: «Да, я говорил по телефону с советским посольством, в первую очередь, потому что хотел предотвратить любое тревожное предположение в связи с тем, кто мы такие, и что представляет собой ФНС, чтобы и руководство соседнего государства знало, и чтобы не возникли лишние осложнения или попытки помочь нам в то время, когда в этом не было необходимости, и избежать подобных вещей. Это был вопрос политической целесообразности. В определенный момент мы оказались в большом замешательстве из-за этой радиоэлектронной войны. Мы находились в полном недоумении, и даже генерал Гуше впал в некоторую панику. Сообщалось о целых армадах вертолетов, направлявшихся к Бухаресту. Из-за этой радиоэлектронной войны мы стали думать, к кому обратиться с материально-технической точки зрения, и возник спор, прибегнуть или нет к иностранной логистической помощи, но в конце-концов не прибегли».

А вот пример подобных обвинений во вмешательстве, выдвигаемых уже по адресу Венгрии. Теодореску пишет: «Если сначала венгерские и югославские пограничные власти возвращали в Румынию лишь незначительное количество перебежчиков, то накануне событий они стали возвращать их все больше и больше, причем было невозможно установить, перешли они границу лишь несколько дней назад или отсутствовали в стране несколько месяцев. <...> В ходе следствия была получена чрезвычайно важная и тревожная информация:

в венгерских и австрийских лагерях для беженцев ведется вербовка наемников, в основном из числа румынских граждан венгерской и цыганской национальности. Им вручался определенный аванс, а остальную сумму они должны были получить после выполнения задания. Задание состояло в провозе в Румынию пропагандистской литературы и распространении ее в Трансильвании и Банате; провозе вооружений, боеприпасов, взрывчатки и размещения их в тайниках; в стимулировании и провоцировании открытого недовольства, неповиновения властям, актов насилия с использованием ввезенного вооружения. В тот момент, когда в каком-нибудь населенном пункте вспыхнет конфликт, они должны были перемещаться туда и всячески способствовать его расширению. Для проверки этой информации по этим же каналам в указанные страны забрасывались сотрудники Секуритате, которые по возвращении подтвердили показания перебежчиков».

Справедливости ради, следует отметить, что раздаются также голоса, отрицающие причастность СССР к декабрьским событиям. Так, Брукан, повествуя о переговорах с Горбачевым осенью 1988 г., уточняет: «Одновременно он счел необходимым категорически заявить, что не будет вмешиваться во внутренние дела Румынии, как не делал этого и в других восточноевропейских странах. “Для меня, — подчеркнул Горбачев, — невмешательство — это святое дело. <...> Поэтому не ждите от нас никакой помощи, хотя мы и хотим увидеть конец режима Чаушеску”».

«Лидеры заговора против Чаушеску, которые после 22 декабря заняли высокие государственные посты», не пожелавшие раскрыть свои имена, согласились ответить на вопросы корреспондента «Барикады». Они, в частности, сказали, что «заговор против Чаушеску был организован без советской поддержки. Напротив, советские выразили сдержанность по отношению к этому заговору. Те, кто вступал с ними в контакт, были приняты с особой холодностью». Относительно «радиоэлектронной войны» против Румынии «советские дали понять, что не имеют к ней отношения. Вероятно, эта акция осуществлялась Секуритате, будучи заранее предусмотрена планами Чаушеску. Неверно, что советские попытались ввести войска в Румынию в декабре 1989 года».

Довольно скептически относится к идее о вмешательстве СССР и Ратеш. «Я проконсультировался, — подчеркивает он, — со всеми серьезными аналитиками в Румынии и за рубежом, сделал все возможное, чтобы получить доступ к самым информированным источникам, и нигде не нашел ни одного признака, что в декабре в Румынии было не народное восстание, а нечто иное. На это вос-

стание позднее (примерно через 7 дней) “наложился” своеобразный “пакт”, сделка или соглашение между верхами репрессивного аппарата и “командой” Илиеску. Внимательно изучив имеющиеся факты, различные их версии, а также всевозможные слухи и инсинуации, я пришел к выводу, что восстание было исключительно “внутреннего изготовления”. <...> Я пришел также к выводу, что новые румынские руководители обратились к СССР с просьбой вмешаться, однако у советских не возникало никакого желания вступить в подобную операцию. И это несмотря на то, что они получили публичное благословение от французского министра иностранных дел и государственного секретаря США».

Западные авторы книг о румынской революции «стремятся убедить румынскую и мировую общественность, что Запад не замешан в подготовке и организации событий в Румынии, — пишет Теодореску. — <...> Для этого и подброшена теория государственного переворота, подготовленного и осуществленного под дирижерской палочкой бывшего советского лидера Горбачева». На самом же деле, убежден он, «сценаристы принадлежали Западу, а исполнителями были их сотрудники — русские, венгры, югославы. За исключением нескольких человек, которые были на службе либо Запада, либо СССР, румыны оставались простыми статистами, пассивной массой для их манипуляций».

«Румыния <...> в течение почти 15 лет использовалась для нанесения ударов по главному врагу капитализма, — замечает Теодореску. — <...> Смена лидера Советского Союза в 1985 году означала не только прекращение всякой поддержки с Запада бухарестскому руководству, но и начало широкой акции по дестабилизации, которая имела конечной целью устранение коммунистического режима».

Здесь «сценарий» объединенного вмешательства в Румынию интегрируется в «геополитическую» гипотезу о новом переделе мира, который, якобы, осуществили Буш и Горбачев во время переговоров на Мальте 1–3 декабря 1989 г. Согласно этой концепции, которой придерживается квази-большинство румынских авторов, после того как многолетняя «холодная война» завершилась победой США, встал вопрос о ликвидации «имперской» зоны влияния СССР. Учитывая влияние «правых сил» в Советском Союзе, в том числе армии, американцы будто бы согласились уступить СССР небольшую зону влияния, в которую вошли Румыния, Сербия, Черногория и Болгария. Передел зон влияния — не новость в европейской истории. Подобное «процентное соглашение» было, например, заключено Черчиллем и Сталиным 9 октября 1944 г. в Москве, когда они до-

говорились о соотношении своего влияния в различных балканских странах: Советский Союз получал 90 процентов влияния в Румынии, а Великобритания — 90 процентов в Греции.

Впрочем, и у этой теории достаточно противников. Так, покойный обозреватель Думитру Тину писал в «Адевэрул», что за «навязчивой идеей Мальты» скрывается стремление дискредитировать румынскую революцию. Подобного мнения придерживается и Ратеш: «...Мальта? Американские официальные лица высмеивают рассуждения на эту тему, и я думаю, что вполне справедливо. Будем откровенны: с точки зрения великих держав, румыны вольны делать со своим настоящим и будущим все, что им заблагорассудится. Поиски козлов отпущения за границей — это абсурд».

Итак, загадки румынской революции остаются неразгаданными?

— «Правду о румынской революции мы сможем узнать лишь тогда, когда нам будут известны все факты и источники, позволяющие строго восстановить декабрьские события».

— «Когда же это произойдет?»

— «Никогда!»

Такой неутешительный диалог состоялся у автора этих строк с известным румынским историком Флорином Константиину сразу после самого кровопролитного в Восточной Европе прощания с коммунистическим режимом.

С тех пор, как говорят в Румынии, много воды утекло по Дунаю. Страна вступила в НАТО и Европейский Союз, у кормила власти сменились несколько правительств различной окраски, румын захлестнули новые политические страсти, а главное, — повседневные заботы и тяготы, которые, как ни странно, оказались вполне сравнимы со страданиями приснопамятной «эпохи Чаушеску». В результате многие румыны оценивают сегодня ситуацию в стране с радикализмом, который зачастую удивляет иностранцев.

Двадцать лет спустя диалог с Флорином Константиину, который тем временем стал членом Румынской академии и в течение нескольких лет возглавлял российско-румынскую комиссию историков, получил продолжение. Итак:

— «Продвинулась ли за 20 лет румынская историческая наука в понимании декабрьских событий 1989 года?»

— «Изучение декабрьских событий 1989 года, — говорит академик, — развертывалось по трем направлениям: расследование парламентской комиссии, специально созданной с этой целью; свидетельства участников событий, начиная с бывшего президен-

та Румынии Иона Илиеску; работы профессиональных историков (существует институт по исследованию революции), которые, как правило, сосредоточены на местной истории (Тимишоара, Бухарест, Сибиу и т. д.). Хотя собран богатый фактический материал, его интерпретации глубоко различаются, а многие из них подвержены политическим пристрастиям. Фундаментальные проблемы краха коммунистического режима выявлены не были.

Как всегда в случае революций, сталкиваются два основных тезиса: спонтанности и “заговора”. Было падение режима Чаушеску результатом спонтанного восстания населения, или существовала группа оппозиционеров, которые использовали народное недовольство, чтобы захватить власть? Имело ли место ли вмешательство великих держав, в первую очередь, СССР и США в события в Румынии? Существовали связи между оппозиционерами и великими державами, готовыми поддержать их из враждебности к режиму Чаушеску? Эти вопросы не получили удовлетворительных ответов.

Сценариев же и гипотез, да будет мне позволено так выразиться, — немеряно. Чтобы дать пример нерешенной проблемы, скажу лишь, что с декабрьскими событиями, в которых подавляющее большинство жертв было зарегистрировано после падения режима Чаушеску, связан уникальный во всемирной истории факт: в столкновении между армией и так называемыми “террористами” побежденная сторона — “террористы” не оставила ни одного погибшего, ни одного раненого, ни одного пленного».

— «Как все же можно оценить сегодня историческое значение этих событий в контексте европейской истории?»

— «Что касается меня, я считаю, что декабрь 1989 года принес в Румынию, как, впрочем, и во всю Восточную Европу, реставрацию капитализма. По сути, это — неокapитализм, то есть до определенного пункта иной капитализм, нежели тот, который анализировали Маркс и Энгельс. Упрощая, скажу, что после кризиса 1929–1933 гг. капиталисты поняли, что могут выиграть больше в результате продажи товаров, чем выплаты маленьких жалований. Потребительство всесильно, и оно интегрирует рабочий класс в капиталистическую систему, уводя его от классовой борьбы и превращая в массу покупателей. За последние 20 лет Румыния стала просто рынком сбыта для иностранных товаров. Национальная промышленность была ликвидирована, отрасли и секторы стратегического значения проданы иностранным капиталистам. Продано и украдено — как местными капиталистами, так и иностранными — все, что можно продать

и украсть. Румыния сегодня — это экономическая колония международного капитала. Теперь я собственными глазами увидел, что произошло все то, что я изучал студентом о капитализме по учебникам марксистской политэкономии. Могу сказать с самой большой убежденностью, что постдекабрьский неокapитализм родился в Румынии запятнанным кровью и грязью с головы до ног».

— «Вызывает ли сегодня в Румынии интерес декабрьская революция, или же румыны полностью поглощены повседневными проблемами?»

— «Ежегодно в декабре звучат стенания и причитания политиков о “демократии” “свободе”, “процветании” и т. д. Люди, однако, начинают отдавать себе отчет, что все это — ложь самого коррумпированного, самого некомпетентного и самого надменного политического класса за всю историю румын. С 2–3 миллионами людей, уехавших на заработки за границу, с урезанными зарплатами и безработицей, со всеми бедами, принесенными неокapитализмом (наркотики, проституция и т. д.), с новым эксплуататорским классом румыны понимают, что декабрь 1989 года оказался осечкой, неудачным стартом. Поэтому сегодня особенно актуально звучит замечание румынского писателя XIX века — века модернизации румынского общества — Николае Филимона: “Нет ничего опаснее для государства в период перестройки, чем вложить бразды правления в руки самозванцев с психологией слуг, которые обучены выдавливать сливки из камня любой ценой”. “Такие люди, — заключает Флорин Константиу, — правят Румынией уже 20 лет».

Не станем комментировать исполненные боли слова одного из крупнейших историков современной Румынии. Возвращаясь к предмету, заметим, что в декабре 1989 г. в стране в тугой узел сплелось множество различных интересов. О многих из них мы вероятно, никогда не узнаем. Осведомленные участники событий достаточно ловко парируют наивно-каверзные вопросы, противопоставляя им логически неуязвимые концепции, факты, которые невозможно проверить, или деланно-простоудушно отвечая: «Не знаю». Что, впрочем, вовсе не исключено: всего о декабрьских событиях в Румынии, по видимому, действительно не знает никто, но зато каждый ревниво охраняет свои собственные секреты.

Так, в ходе встречи с членами парламентской комиссии по изучению декабрьских событий 1989 г. любопытное замечание сделал Ион Илиеску. «Какую правду вы хотите услышать? — сказал он. — У каждого своя правда. Вот посмотрите, — и он поднял указательный палец. — Я вижу одну сторону, а вы другую. Вам не виден ноготь.

Понятно, что на такое сложное явление, как румынская революция, существуют различные взгляды».

Таким образом, ответы на «загадки румынской революции» обречены оставаться версиями, гипотезами, сценариями, которые с энтузиазмом эксплуатируют сенсационные газеты или романы «черной серии». Да и сама радикально-догматичная постановка вопроса: «путч или революция?» представляется неплодотворной и вызывает в памяти строчки британского поэта: «Переворот не может кончиться удачей, в противном случае он назывался бы иначе».

Ход истории — это всегда равнодействующая различных противоречивых и сталкивающихся тенденций. Кого-то декабрьская революция вынесла наверх, кого-то сбросила вниз. Для большинства же ее наивных и бескорыстных участников главным «революционным завоеванием» стало освобождение от исторических предрассудков и прекраснотушных иллюзий. Для тех, конечно, кто их еще имел.

РУМЫНСКИЙ ЕВРОПЕИЗМ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Т. Г. Биткова
(Россия)

Пусть глобализация стирает грани, а Европа интегрируется и растекается по сопредельным территориям, но черты жизненного уклада, особенности мышления все еще специфичны в отдельных национально-культурных регионах и достаточно устойчивы. В особенности это относится к Европе Восточной.

Но что такое эта «Европа», под которой мы привычно подразумеваем Европу Западную? Что-то респектабельное, правовое и справедливое, что-то возвышенно-гуманное и материально благополучное. Так нам порой представляется, но в этот момент мы забываем, что страны, населяющие Европу, — очень разные, и у них свои проблемы и взаимоотношения, свои национальные особенности. Меня удивило однажды, как один немец в программе телевизионного канала «Дойче Велле» сказал с какой-то уничижительной интонацией: «Но ведь Моцарт австрияк, а не немец». Для этого европейца данный факт имел, оказывается, особое значение. А Испания (уж не говоря о Португалии)? Пиренейский полуостров — во многом отдельный, отличающийся от северных соседей мир. Особый регион — Юго-Восточная Европа, которая в период формирования национальных культур испытала не только сильное западное влияние, но и восточное.

Все это в полной мере относится и к Румынии, культуру которой можно условно поместить где-то рядом с «Европой». Образ последней постоянно — зримо или незримо — присутствует в ней с XIX в. Что же означает для Румынии этот образ сегодня и что означал в прошлом? Приведем мнение, которое имеет несколько провокационную окраску, но в нем, хотя и в эпатажной форме, содержится большая доля истины. Видный румынский литературовед А. Марино отмечал с некоторой долей самоиронии, что отношение к Западной Европе в Румынии — это своего рода синдром. В его основе лежит некий

комплекс неполноценности малой культуры, за которым стоит ощущение нереализованности из-за недостаточной известности за рубежом, отсутствия переводов. Отсюда — постоянные упоминания о связях, литературной карьере за границей, ощущение принадлежности к «низшей, маргинальной, провинциальной культуре, которая приговаривает к безвестности»¹. В подсознании авторов постоянно присутствует представление, что «творец в румынской культуре может быть только вечным учеником западного “мастера”, ибо “румынская культура — это вечная колония и не может быть иной»².

Так ли это? В историю европейской культуры XX в. вошли и румыны: отец театра абсурда драматург Эжен Ионеско и один из зачинателей дадаизма поэт Тристан Тцара, скульптор Константин Брынкуши, который, как и Генри Мур, разработал новые, обобщенно-символистические формы современного пластического искусства. Однако все эти личности творили и проявили себя как раз в странах Западной Европы и не были тесно связаны с художественной жизнью своей исторической родины, хотя, правда, творчество Брынкуши глубоко впитало особую образность румынской народной традиции.

До XIX в. мы не можем с уверенностью говорить о западноевропейском контексте румынской культуры. Княжества Валахия и Молдова тогда представляли собой земли традиционного феодального земледелия под протекторатом Османской империи. Они имели слабые экономические связи с Западом, а культурно входили в ареал православно-византийской традиции. Языком делопроизводства и церкви был старославянский. Правда, Трансильвания как часть Австро-Венгрии была экономически более развитой территорией и культурно более подвержена западноевропейским влияниям, но румыны составляли только часть ее населения, причем главным образом крестьянскую.

С 30-х гг. XIX в. усиливаются торговые контакты дунайских княжеств с Западной Европой, поэтому и культура последней начинает все ощутимее влиять на формирование духовной и политической атмосферы, меняется сам жизненный уклад верхних слоев общества. Особое значение для переориентации румынских земель на Запад имела деятельность идеологов революции 1848 г. — папоптистов.

К середине XIX столетия интеллектуальная и политическая элита Валахии и Молдовы включается в борьбу за национальное объединение и окончательное освобождение от османского владычества. В Трансильвании же появляется слой румынской интеллигенции и разночинцев, в среде которых формируется осознание своей причастности к общей румынской культуре. Именно поэтому в политической

и культурной жизни всех территорий, заселенных румынами, возникает в противовес западничеству и почвенническая, традиционалистская тенденция. Православная идея, владевшая умами в XVIII в., сменяется поисками национальной самобытности, осознанием собственной национальной идентичности. Православие же, согласно некоторым оценкам, способствовало отдалению Румынии от Западной Европы, ибо оно «ставило эти земли в зависимость от Византии»³.

Европеизация означала для Румынии прежде всего модернизацию социально-экономической жизни, но проходила она непросто. Хотя в 1860–1870 гг. молодое румынское государство адаптировало почти все из европейской институциональной, законодательной и государственной систем, модернизация имела во многом формальный и поверхностный характер и представляла собой, по определению виднейшего деятеля культуры и политика того времени Т. Майореску, «форму без содержания». Это проявлялось также и в жизненном укладе, быте и даже моде высших слоев общества. Сотрудник французской военной миссии в Бухаресте Ж. Ле Клер писал, в частности: «Хотя парижские моды копируются рабски, наблюдается более богатства и показухи, нежели вкуса в выборе тканей и причесок»⁴.

Пытаясь понять особенности румынского европеизма, невольно находишь черты, сходные с Россией. В России также существовали большие проблемы с модернизацией и ее тоже, в особенности начиная с Петра I, пытались проводить, следуя европейским образцам, однако удавалось это с большим трудом. Вспомнить хотя бы реформы Александра I и во что они вылились — в декабристское движение. Форма и у нас с трудом соотносилась с содержанием, она никак не хотела вписываться в традиционалистскую среду. Перечитаем Гоголя, вспомним персонажей «Мертвых Душ». Не Европа! И вот интересно, гоголевский «Ревизор», которого я видела в 1990-е гг. на сцене бухарестского «Театрул мик», смотрелся очень живо и аутентично румынской специфике, и воспринимался зрителями просто как нечто родное по духу и содержанию.

Яркие образы российской европеизации XIX в. содержатся в знаменитых путевых очерках графа де Кюстина⁵. За европейскими фасадами богатых московских домов он с ужасом обнаружил грязь, необустроенность, странные и диковатые для европейца нравы. Никак не мог он также взять в толк, зачем нужно на унылой равнине строить особняки с греческими ампириными портиками. В России для этого, на его взгляд, не хватало гористости и холмистости. Это ли не форма без содержания? Подавленность де Кюстина от знакомства с «дикой» Россией 1839 г. соотносима с ощущениями римского поэта Овидия, оказавшегося в 9 г. н. э. в изгнании на самой далекой окраине римско-

го мира — в городе Томы (нынешняя Констанца в Румынии). Непонятный мир, постоянные разорительные набеги сопредельных племен, дикие нравы, космы на голове, овчины на плечах, вместо закона — нож, суровая природа, никакой цивилизации. Словом, варварство.

«Добрый властитель меня даже в гневе сюда не послал бы, Если б достаточно знал этот заброшенный край»⁶.

Менее контрастно дисгармония с «Западом» выглядела, конечно, сто и даже двести лет назад, но и сегодня Румыния, как, впрочем, и Россия, представляют собой миры, отличные от западной цивилизации. Трудно приспособлялись западные стандарты к дремлющему традиционалистскому обществу. На каждом шагу возникали неувязки. Как писал С. Антохи, западная модернизация Румынии вызвала среди прочего кризис идентичности местных элит. «Начиная по крайней мере с Динику Голеску⁷, румыны в дунайских княжествах имели более или менее травматические встречи с современной им цивилизацией, постоянные сравнения уничтожали их в собственных глазах. Опыт же трансильванцев, выезжавших на Запад, иной, ибо они имели другую историю — под Габсбургами»⁸.

Западничество, завладевшее умами просвещенных слоев румынского общества в XIX в., было, конечно, частью процесса модернизации. Однако если одни желали забыть о корнях, то других стала беспокоить потеря местной самобытности. «Высший класс отличала склонность ко всему заграничному, оборотной стороной чего было равнодушие, пренебрежение к национальной культуре», — писал С. А. Мадиевский⁹. Намечалось отчуждение румынской интеллектуальной элиты от своего прошлого, поэтому «она непрерывно начинает искать свое место под солнцем, включая символическую топографию своей родины»¹⁰. Так формировался румынский традиционализм.

Похожие процессы происходили и в России. Сама русская дворянская культура была вскормлена европейскими учениями. Она «не имела, — считал историк Александр Зимин, — корней в российской действительности» и даже, «была вненациональной». «Вот мечтатели-декабристы, которые считают, что достаточно получить власть <...>, как они осчастливят всех, кто живет в заснеженной России. А ведь даже говорят они на французском языке»¹¹. Действительно, вся жизнь верхних слоев российского общества XVIII—XIX вв. покоилась на европейских стандартах. Екатерина Великая, по происхождению немка, увлекалась французскими просветителями, в дворянских домах были французские, немецкие, иногда английские гувернеры. Цари женились на немецких принцессах. Наши художники и писатели подолгу жили в Италии и Франции,

многие художники учились также в Баварии, в мюнхенской художественной школе. Первый крупный русский композитор Глинка учился композиции в Берлине и там же написал свою самую известную и пронизанную патриотизмом оперу «Жизнь за царя». И у нас во второй половине XIX в. в противовес западничеству возникает традиционализм (славянофильство).

Виднейшие представители румынской национальной культуры воспитывались не только на европейских образцах, но и непосредственно в Европе. Великий румынский поэт Михай Эминеску был студентом Венского и Берлинского университетов, где усердно занимался западными философскими учениями. Сама его поэзия, будучи глубоко национальной, несет черты позднего европейского романтизма. Лучиан Блага, один из главных мэтров румынского традиционализма XX в., также учился в Вене, а его национально-ориентированная философская система несет отпечаток идей Шопенгауэра, поэзия же — черты экспрессионизма. Примеры можно приводить до бесконечности. С конца XIX в. буквально все течения западноевропейской культуры так или иначе преломляются в румынском художественном сознании: импрессионизм, символизм, экспрессионизм.

Главным препятствием экономической и культурной модернизации, ассоциировавшейся с процессом европеизации как Румынии, так и России XIX в., являлась феодальная структура общества, его преимущественно сельский характер. Только в Румынии, в отличие от России, класс буржуазии формировался в основном из инородцев, городская среда была очень космополитична, поэтому город казался объектом особенно чужеродным. Именно поэтому противоречие между европеизмом и традиционализмом в Румынии столь серьезно. «В румынской литературе начала XX в. имеется мнение, что массовый приток инациональных элементов, прежде всего евреев, — это в значительной мере результат сознательной политики господствующего класса крупных аграриев. Последние стремились якобы замедлить процесс формирования автохтонной буржуазии как неизбежного конкурента в борьбе за политическую власть»¹².

Различие между селом и городом означало для традиционалистских течений (попоранизма, сэмэнэторизма, а позже — в 20—40-е гг. XX в. — гындиризма) противоречие между этнической и культурной чистотой крестьянина, «коренного» боярина и космополитизмом буржуазии. Идеализация села и патриархального прошлого — любимая тема румынской литературы межвоенного периода.

Когда в 1918 г. образовалась Великая Румыния, самыми важными для политиков оказались две цели: укрепление национального

единства и европеизация. Эту двойственность отразили как общественное сознание, так и государственная политика. Государственное устройство страны и политическая система претерпели в этот период серьезные реформы. Европеизм становится одной из важных черт духовной жизни. Общеввропейские тенденции того времени находят талантливых приверженцев на румынской почве. Камил Петреску пишет романы в духе потока сознания Марселя Пруста, Урмуза называют румынским Кафкой и т. д.

Европеизация, проходившая в условиях еще незавершенной национальной и государственной консолидации, осложнялась, однако, региональной разнородностью политической и культурной традиций. Именно по этой причине для ассимиляции новых провинций с многочисленными национальными меньшинствами, а также с региональным населением, говорившим на диалектах, румынское правительство предприняло культурно-воспитательную стратегию, которая привела к интенсивной национальной мобилизации. В свою очередь, эта стратегия возбудила уже существовавший популистский, националистический дискурс, постепенно начинавший господствовать в политической, социальной и культурной жизни после 1918 г.¹³ В философии и художественной культуре распространение получают такие традиционалистски ориентированные течения как гындиризм, трэиризм. В конечном итоге это сыграло фатальную роль в трансформации политической системы, хотя в 1927 г. и была запрещена националистическая Железная гвардия, основанная К. З. Кодряну. От конституционной монархии и многопартийной системы Румыния пришла к авторитарной диктатуре.

Противостояние между западниками и традиционалистами не прекращалось на протяжении XX в.: каждый находил аргументы в свою пользу. При коммунистическом режиме, как известно, Румыния поначалу была изолирована от Запада. Руководство Георгиу-Дежа, пришедшее к власти в 1948 г., находилось в прямой зависимости от сталинского Кремля и послушно исполняло его директивы. Всякий намек на западничество, равно и на национальную специфику, расценивался как измена идеалам пролетарского интернационализма, что служило поводом для политических репрессий. В послевоенном Советском Союзе тем временем идеология пролетарского интернационализма не мешает сталинскому руководству взять курс на патриотизм с великорусским уклоном и начать антисемитскую кампанию, которая не известно во что бы вылилась, если бы не смерть вождя.

Когда в результате хрущевской оттепели уменьшилось давление на страны Восточной Европы, это вызвало ирредентистские процес-

сы в социалистическом лагере. Освободившись от прямого вмешательства Москвы после вывода из страны советских войск в 1958 г., румынский руководитель Георгиу-Деж с благоразумной осторожностью начал проводить «реабилитацию старых понятий патриотизма и национальной самобытности, освобождая их от советизма и интернационализма, возвращая многие ценности, запрещенные после 1948 г.»¹⁴ Происходит возвращение румынской культуры к ее латинским истокам, преуменьшение славянских влияний в ее развитии, а также роли России в истории Румынии. Наряду с этим румынское руководство предпринимает первые серьезные шаги по установлению прямых межгосударственных контактов с Западом.

Все же только после прихода к власти Чаушеску в 1965 г. Румынии удается решительно дистанцироваться от Москвы, что, в свою очередь, оказало прямое влияние и на культурную ситуацию. Вторая половина 1960-х гг. — период цензурных послаблений и некоторой либерализации. Характерной чертой стало обращение к ценностям западноевропейской культуры XX столетия. Выдвигается целая плеяда талантливейшей молодежи в разных видах искусства. Их произведения отражают общеевропейские тенденции в искусстве. Однако с 1970-х гг. начинается тягостный период усиления цензурных ограничений, давления на свободу слова. Художественная культура вынужденно демонстрирует то, что рождается в недрах идеологических структур, целиком подвластных клану Чаушеску: национально-патриотическую риторику.

Официальной политикой поощрялись изыскания, доказывавшие древность, неповторимость и единство культурно-исторического наследия. Не последнее место среди них заняли труды по древней истории, посвященные дакам, следы пребывания которых относятся к доримскому периоду румынской истории. При этом румынскому руководству удавалось совмещать внутренний национализм с концепцией прозападного, независимого от Москвы внешнеполитического курса.

После падения в 1989 г. режима Чаушеску канонический спор западников с традиционалистами благодаря свободе слова обретает яркие публицистические формы. В начале 1990-х гг. общество охватила эйфория западничества. Западники заявляли, что только благодаря усилившейся европеизации Великая Румыния межвоенного периода серьезно продвинулась по пути модернизации в экономике, политике и культуре.

Традиционализм же снова стал подчеркивать опасность европейских влияний и утверждать незыблемость национальной специфики с доримских времен. «Сегодня мы являемся свидетелями усиленно-

го распространения любимых тем национал-коммунизма», — писал Л. Бойа. В частности, «даки наводняют рынок печатной продукции, продвигая с помощью самых разнообразных и хитроумных способов идею первенства и превосходства румын»¹⁵.

«Румынизм» в 1990-е гг. становится идеологией политических партий националистического толка. Новые защитники национальной специфики, как и представители национально-ориентированных течений межвоенного периода, настаивают на существенном отличии румынской идентичности как от западноевропейской, так и от русской. Если западники хотели бы видеть свою страну частью символической Европы, включить ее в западноевропейский ареал, то, согласно некоторым крайним традиционалистским представлениям, Румыния оказывается вообще вне времени и пространства. Время — это славное прошлое румынской этнической общности. Географическое пространство — божий дар: сам Бог поместил этот народ в данном месте, оказав ему такую милость. «Крайние автохтонисты вообще отрицают Север, Юг, Запад и Восток. Их идеальная топонимика — это вертикаль с нулевой длиной, которая объединяет <...> глубину Земли и высоту Неба»¹⁶.

Займствуя на Западе формы политических институтов, принципы экономического и социального устройства, Румыния, с традиционалистической точки зрения, идет по ложному пути. В качестве аргумента приводится различие конфессиональных традиций, проявляющихся в образе мышления. Западное капиталистическое общество формировалось и развивалось под влиянием католицизма и протестанства. Румынское общество — преимущественно православное, следовательно, имитация западных форм не может иметь здесь успеха на ментальном уровне. Тем более, что пока результаты такого заимствования весьма сомнительны. Однако согласно европейской точке зрения, «капитализм, как и правовое государство, — это структуры универсальные, и как таковые они могут служить любому человеку независимо от того, католик он, православный, индуист, синтоист, язычник или мусульманин»¹⁷.

Если Запад представляет, по мнению традиционалистов, ценности сомнительные для румынской идентичности, то Восток (который идентифицируется с Россией) олицетворяет собой, по мнению большинства из них, непосредственную угрозу ее существованию. На страницах таких изданий как «Румыния Маре», «Время», «Ватра» звучат обвинения новых руководителей страны в недостаточной поддержке национальной идеи.

В официальном политическом дискурсе западный мир как бастион демократии и справедливости предстает гарантом безопасного и стабильного развития Румынии. Вместе с тем с середины 1990-х гг. в печати все чаще звучали призывы к более трезвым и критическим оценкам западных партнеров. Напоминание об итогах Второй мировой войны, «когда Запад нас покинул», оказалось весьма актуальным после решения на Мадридской встрече Североатлантического альянса 1997 г. принять Польшу, Венгрию и Чехию в организацию в качестве полноправных членов, а кандидатуру Румынии временно отложить.

Сколь разными ни были бы представления западников и традиционалистов о национальной истории и культуре, сколь противоположными ни оказывались бы их взгляды на роль Европы, все же результат исторического развития очевиден: на протяжении XIX в. сформировалась единая румынская национальная культура. Региональные отличия на уровне традиционной сельской культуры продолжают сохраняться, но они не нарушают этой целостности. Вместе с этим в сегодняшней Румынии вычлняются два крупных культурно-исторических ареала, различия между которыми наиболее очевидны, что обусловлено историческим прошлым. Это необходимо учитывать при рассмотрении как румынского европеизма, так и проблем национальной, этнической, государственной идентичности Румынии.

Большая часть страны — так называемое Старое королевство (Валахия с центром в сегодняшней столице Бухаресте и примыкающие к ней на северо-востоке земли Молдовы с центром в Яссах) — составляет, если можно так выразиться, специфически румынскую культурную зону. Трансильвания (другое название — Ардял), находившаяся на протяжении длительного времени в составе империи Габсбургов и ставшая частью румынского государства только после Первой мировой войны, многонациональна. Хотя румыны обитали здесь издавна, значительную этническую группу на протяжении веков составляли венгры. Другой крупной и компактно проживающей общностью в этом регионе были саксы — этнические немцы.

В силу своей многонациональности Трансильвания представляет особую культурную среду, она многоконфессиональна, к тому же является более развитым в экономическом отношении регионом, что влияет на сам жизненный уклад этой территории. Несмотря на сближение со Старым королевством, Трансильвания продолжает отличаться своей культурно-исторической традицией, что признают и многие румыны. «Даже самые ярые националисты — “трансильванцы”, или “старорумыны”, — пишет С. Миту, — противопоставляют серьезность и любовь к порядку ардяльцев балканской поверхности Бухареста»¹⁸.

Различия между этими двумя регионами имеют также политический контекст из-за чувства неудовлетворенности, которое выражают проживающие в Трансильвании национальные меньшинства, а также из-за хронической озабоченности Венгрии по поводу сложившейся ситуации. Венгры, составляющие значительную группу в этнической структуре Трансильвании (около 20 %), постоянно напоминают о недостаточности своих прав как компактно проживающей этнической общности. В последние годы венгры настойчиво продвигают идею федерализации, к которой центральная власть относится весьма сдержанно, ссылаясь на Конституцию, согласно которой Румыния является унитарным национальным государством. По мнению А. Сереша, остро поднимаемый в последние годы вопрос о федерализации страны уже сам по себе является свидетельством кризиса идентичности румынского общества¹⁹. Даже если считать, что формула унитарности не соответствует культурно-историческим реалиям двух румынских территорий, следует признать: она является залогом стабильности в этой части Юго-Восточной Европы. Именно так считают и в Бухаресте. В Будапеште же, напротив, полагают, что политика унитарности румынского государства в его современных границах не соответствует полиэтнической и культурной поливалентности современного румынского общества.

Румынская историография в целом, но в первую очередь румынские политики-традиционалисты, неустанно повторяют, что Трансильвания — земля исконно румынская. Будучи в 1999 г. в Клуже, я сама наблюдала рвение местных властей к демонстрации румынского субстрата городской среды. В сердце исторического центра возвышается католический собор святого Михаила, готическое сооружение XV в. Его прихожанами в основном являются венгры. Буквально рядом с собором проводились основательные археологические раскопки, которые призваны демонстрировать (причем в постоянном режиме, как сообщили горожане) остатки римских построек. К тому же вся территория по периметру была окружена румынскими триколорами на алюминиевых стержнях, по высоте сопоставимых с собором.

В румынской историографии XX в., начиная с Н. Йорги²⁰, принят термин «румынские земли» (*țările românești*). Это понятие удобно тем, что его можно использовать в отношении любой политической, этнической, культурной или географической реальности, начиная с момента этногенеза. Поэтому и Трансильвания расценивается по преимуществу как «румынская земля» с глубины веков, когда еще не было письменных источников. Трансильвания, на территории которой имеются археологические свидетельства пребывания древних

римлян, рассматривается как неразрывная часть Румынии не только с точки зрения современной политико-административной реальности, но и как цивилизационная сущность румынской культуры, «ядро» ее специфики, как душа «румынизма». Она является родиной Децебала — правителя древней Дакии, она — колыбель латинской сути румынской культуры. К тому же именно здесь, в Ардяльской лингвистической школе в конце XVIII в. были открыты латинские корни румынского языка, построена и распространена за пределы Карпат модель румынской идентичности²¹.

Хотя Трансильвания — это регион весьма обширный, все же культурно-исторический и экономический облик сегодняшней Румынии мы связываем в первую очередь со Старым королевством, судьба которого неотделима от Балкан, этого особого региона символической географии Европы. Здесь длительное время православие и мусульманство вели изнурительные войны за свое преобладание, здесь скрещивались интересы России, западноевропейских держав и Османской империи, здесь возник повод для начала Первой мировой войны, а с распадом социалистической системы вспыхнули кровавые этнические конфликты.

Историческое наследие, привязывающее Румынию к Балканам, на протяжении веков испытывавшим власть Османской империи, а также православная религия, пришедшая из Византии, являются тем субстратом, который и сегодня отличает румынскую духовную традицию от западноевропейской. «Балканизм», правда, осознается сегодня многими в Румынии лишь как некая помеха прогрессу. «Идея о том, что мы, румыны, составляем часть Балкан, что мы какие-то “балканцы”, вызывает обычно негативную реакцию у сограждан. Даже наша принадлежность к юго-востоку Европы воспринимается без энтузиазма». Все это, безусловно, является своеобразной реакцией на тот образ Балкан, который сформировался за пределами этой зоны. «Это — европейский ад, сумеречная часть континента, которую Гавел назвал традиционно нестабильными Балканами и обширной евроазиатской зоной, где демократия и рыночная экономика продвигаются вперед с большим трудом и страданием»²².

Коррупция, превращение верхнего слоя политиков в замкнутый идеологизированный класс, функционирование административно-политической системы на основе неформальных связей между влиятельными людьми — все это «балканизм», который препятствует демократизации и экономическим реформам, задерживает процесс эффективной европеизации. Суть «балканской» системы принятия по-

литических решений, писал В. Пасти, в том, что политической элитой являются не всем известные публичные политики, а те, кто стоит за их спиной, их «личный двор» — формальные и неформальные советники. Подлинной же политической элитой являются те, кто распоряжается национальными ресурсами страны — промышленная технократия, но в первую очередь — финансовая олигархия²³. Все это, кстати, очень напоминает процессы, которые происходили в России в 1990-е гг.

Румынские политологи и культурологи пишут о таких чертах балканизма, тормозящих экономические реформы, как nepoтизм, раболепие, косность, равнодушие, апатия, ксенофобия в общественной жизни, продажность в политике, неформальные связи властных структур и капитала. Именно не поддающаяся искоренению коррупция, по мнению экспертов Евросоюза, является сегодня важнейшим препятствием для вступления страны в Европейский Союз.

Сегодня многие в Румынии задают себе вопрос, какова же все-таки румынская идентичность, какие особенности и ценности ассоциируются с понятием «Румыния», и главное, что беспокоит в связи с этим: жизненный уклад и политические нравы, далекие от западных стандартов.

«Румыния — это страна, где правительство совершает славные подвиги, где экономика выросла на 15 %, а жизненный уровень и того больше, но вместе с тем ничто не изменилось к лучшему, напротив, — к худшему. Около двух миллионов румын работают за границей, собирая клубнику и апельсины, занимаясь попрошайничеством и мелким воровством. Такая вот Румыния. Экономический рост — это мошенничество в расчетах. Если вычесть 3 млрд евро, полученных за последние месяцы Румынией, то можно заметить, что не экономика двинулась вперед, а теневой бизнес и манипуляции тех, кто находится вне страны. Нас уже не удивляет, что президент, гарант Конституции, без всякого стеснения поддерживает Социал-демократическую партию на выборах²⁴. Почему-то нас не удивляет также, что наша юстиция является лишь формой без содержания, что на весах правосудия сначала взвешиваются политические и финансовые интересы, и лишь затем аргументы, только в конце торжествует (не)справедливость... Политика превращается в менеджера средств массовой информации, в результате СМИ стали сегодня своеобразным джокером в большой карточной игре покер»²⁵. Так выходит, что румынская идентичность сегодня — это все то, что мешает ей приблизиться к развитым странам Запада. Не мудрено поэтому, что образ румынского народа за рубежом выглядит порой не очень привлекательно. «Западная пресса, в частности, пи-

шет о нас не слишком приятные вещи». В ответ на эту реплику, папский нунций Ж. К. Периссе заметил: «Образ Румынии за рубежом улучшится тогда, когда румыны поймут, что на актуальные вопросы необходимо отвечать актуальным образом и не искать решений в прошлом»²⁶.

После падения режима Чаушеску в обществе возникла иллюзия чудесного избавления от наследия авторитаризма и приобщения к демократическим ценностям Запада. «Несколько часов экзальтации в декабре 1989 года, казалось, спасли нас от жгучей проблемы нашей идентичности, — писала А. Мунджиу. — Жертвой нескольких детей и нескольких социальных маргиналов, обязанных воспитанием скорее американским видеофильмам и текстам заграничных песен хард-рока, наша идентичность, идентичность всех нас, казалось, определилась окончательно. Она воплотилась в том, что до тех пор было желанием или пропагандистским клише, — в Румынии героической, прозападной, демократической, для которой ее балканская суть — это только случайность, изгнание и незаслуженное наказание. Однако с этих пор реальность разрушала эту иллюзию каждодневно, во время длительного и изнуряющего урока скромности, доказывая, что для такой очень простой вещи как определение нашего места в Европе необходимо несколько поколений напряженного труда и жертв»²⁷. Факт этот, однако, с трудом осознается в Румынии. Как неоднократно подчеркивали и официальные лица, Румыния не является частью Балкан²⁸. «Президент Илиеску сказал однажды, что Балканы — всего лишь горы, которые не находятся на территории Румынии»²⁹. Румынские политики определяют место своей страны как мост между православным Востоком и Западом — католическим и протестанским. Уделяя значительное внимание региональным контактам, они все же больше проявляют заинтересованность в усилении сотрудничества с Западом. Но процесс этот продвигается с трудом. Румыния была официально приглашена в НАТО и получила в свое время подтверждение, что при соблюдении программы присоединения она в 2007 г. будет принята в ЕС, однако даже либерально и прозападно настроенные аналитики внутри страны весьма скептически относятся к идее полноценного вхождения Румынии в Европу в ближайшей перспективе. И сегодня остается слишком много нерешенных проблем.

Даже понятие Центральной Европы (Mitteleuropa), возродившееся в последнее время, остается атрибутом внешней географии Румынии, считают некоторые румынские авторы. «Румынизм» же сегодня — это, с одной стороны, защитная реакция на процессы «озападнивания» и глобализации, в которые неизбежно втягивается

Румыния в конце XX – начале XXI в., а с другой — осознание незавершенности процесса национального объединения.

Нерешенной для румынской национальной идеи остается проблема существования независимой Республики Молдовы, ее продолжающейся экономической зависимости от России, присутствия в Приднестровье контингента российской армии, проживания на территории Молдовы большого числа русскоговорящего населения (около 35 %), влияющего на внутривосточную ситуацию в республике.

Историческая память о Великой Румынии межвоенного периода питает надежды определенной части общества по обеим сторонам реки Прут на объединение, что, в свою очередь, способствует новым дискурсам о Центральной Европе, которая противопоставляется как традиционалистами, так и западниками «варварской русской цивилизации»³⁰.

Согласно «румынистам», территория Румынии издревле существовала в границах великих империй, что определило достаточно высокий уровень цивилизации этой зоны. Эта идея, однако, не находит поддержки у западников. Реальность такова, возражает, в частности, А. Мунджиу, что здесь не было границы империй, а лишь их окраина. «Мы не находились на пересечении великих цивилизаций, как с гордостью писали наши эссеисты в XX в., стремясь обосновать чудо собственного происхождения. Мы находились на пустом месте между этими цивилизациями, на некоем культурном безлюдии (по map`s cultural). Мы — латиняне, официальные акты и церковные службы которых велись на старославянском языке. Первая Библия на румынском языке была составлена венгерским князем в то время, когда в Будапеште господствовала латынь, являвшаяся языком и Западной Европы. Румынская церковь в большой степени была изолирована от движения европейских ценностей. Мы жили во внеисторическом времени непростительно долго»³¹.

Румынская история Нового времени, настаивает автор, — это история узкой интеллектуальной элиты, история ее попыток создать государство и некоторые политические институты не под давлением уже сформировавшейся нации, но параллельно с созданием этой нации. «Это повесть трагического отставания, а не величественной истории... Было бы зрелым и мудрым жить с такой историей, какая есть, признавая тем более великими усилия тех, кто боролся с этой историей, поколений интеллектуалов конца XIX — начала XX века. К сожалению, сегодняшние интеллектуалы должны выполнять все ту же работу. Но у них грамотный народ, общество, которое коммунизм урбанизировал, пусть бессистемно и насильственно, но в котором

социальную коммуникацию, этот мотор национальной идеи, легче реализовать, чем 100 лет назад»³². К тому же следует добавить, что именно молодые нации порой делали блестящую карьеру во всемирной истории, и никакая древность не является залогом дальнейшего прогресса. Цивилизации рождались и умирали. Сегодняшняя мировая политика и процессы глобализации определяются вовсе не потомками древних греков и римлян.

С начала эпохи модернизации очевидной характеристикой самоидентификации румын (изначально это были румыны Трансильвании) является стремление представлять себя в конкуренции, в сравнении. Их самоидентификация — это в первую очередь реакция на враждебное восприятие себя со стороны других. Менторы национального движения концентрировали свой дискурс идентичности на отношении к «чужаку», «другому». Именно в этом отношении причина разнообразных неприятностей, и источник бед — в восприятии румын. «Будучи румыном, — образно писал Эмиль Чоран³³ в 30-е гг. XX в., — очень трудно быть объективным к народам, которые тебя окружают. Почти все над нами господствовали — сами виноваты, ведь этому невозможно придумать никакого оправдания. Отсюда непонимание и нелюбовь к другим. Сколько черт венгерского духа меня воодушевляет, но я не способен хоть немного приблизиться к венгерскому народу, его истории. Несколько лет назад на будапештской улице мне повстречался сержант, и я задрожал — ведь его сабля тысячу лет простиралась над Ардялом, и я понял в этом грустном случае, почему мы, румыны, не имели в этом мире никакого призвания»³⁴.

Ощущение двойственности и нереализованности, а также иронию над потугами евротщеславия и национального высокомерия блестяще передает роман Д. Сырбу «Прощай, Европа». «Наша Европа со всеми ее категориями права и рациональностью умерла. У нас в каждом уме — диктат Азии... Бог захотел, чтобы нас было мало, чтобы мы были слабыми, чтобы мы пребывали здесь и постоянно находились под гнетом освободительной оккупации... Мы народ смиренных и обиженных, тысячу лет мы были под господством Большой Азии, триста лет — под игом Малой Азии. Что значат теперь несколько десятилетий самоуправляемой самооккупации?» — так иронизирует один из героев романа, завершеного в 1985 г., но увидевшего свет только в 1992 г. Как отмечала критика, Сырбу размышляет таким образом, что может вызывать гнев как западников, так и балканистов. Дело, по-видимому, не только в геополитических условиях формирования румынской нации.

Внутренние, цивилизационные, причины определили замедленность исторического процесса. Это сельский, традиционалистский

характер общества, о котором говорилось выше, отсутствие внутреннего импульса к прогрессу в психологии, на что указывали многие румынские исследователи прошлого. Историк и философ XIX в. А. Ксенопол отмечал этнопсихологические причины экономического отставания румын: отсутствие духа бережливости, стремления к накоплению и т. д. Философ К. Рэдулеску-Мотру в начале XX в. утверждал, что в румынском национальном характере отсутствуют качества, обуславливающие деловой успех, «буржуазный дух» не соответствует душевным свойствам румынского народа. «Настоящий румын, — отмечал в свою очередь М. Маноилеску в 1942 г., — не мелочен, он потешается над теми из соотечественников, кто, подобно некоторым трансильванцам, проявляет рациональность и благоразумие в расходах». Ш. Зелетин писал в 1925 г.: «Правда, что <...> румынская национальная душа имеет еще архаичную, сельскую структуру, враждебную буржуазной жизни... Между румынским обществом и румынской душой пролегает пропасть: первое стало буржуазным, последняя осталась средневековой, деревенской»³⁵.

Как подтверждают конкретные социологические исследования, ни европейская, ни национальная самоидентификации до сих пор не являются доминантой в сознании значительной части румынского этноса. Наиболее высокая степень как национальной, так и европейской самоидентификации отмечается только в центральных районах страны, особенно в Бухаресте. При этом, однако, не обнаруживается прямой связи ни с националистическим дискурсом, ни с европеизмом. Значительная часть населения сельских районов идентифицирует себя только по религиозному признаку либо на уровне ближайшего, регионального соседства³⁶.

После 1989 г. государственная идентичность Румынии выстраивается на основе двух основных направлений внешней политики. С одной стороны, румынская политика ориентирована на Запад, а, с другой подчеркивается центральноевропейская идентичность государства, имеющего амбиции стать региональным лидером — гарантом безопасности и посредником в локальных конфликтах. Эти два проекта едва ли можно считать конкурирующими. Скорее тактика построения центральноевропейской идентичности выбрана из практических соображений и является своеобразным трамплином в большую Европу³⁷.

Официальный дискурс посткоммунистического румынского руководства, несмотря на смену президентских команд, стабильно сохраняет прозападные контуры. В то же время приверженцы западноевропейских ценностей внутри страны не находят понимания со

стороны традиционалистов, провозглашающих особый путь развития Румынии. Значительная часть общества, подтверждают социологи, также не готова к усвоению европейской идеи. Ориентация на Запад, хотя и превратилась в двухвековую традицию румынской политической и культурной жизни, все же не является безусловной константой румынского общественного мышления, что в этом отношении сближает его с российскими культурно-общественными реалиями.

Вместе с тем румынское руководство декларирует сегодня и формулу «православие плюс национальная идентичность», возлагая на православную церковь миссию идейной консолидации общества в его продвижении к европейским ценностям, что также напоминает политические реалии России. Президент Т. Бэеску, выступая на собрании, посвященном 120-летию автокефальности Румынской православной церкви и 80-летию Патриархии, выразил надежду, что общность судьбы православия и нации будет иметь теперь проевропейские контуры³⁸.

Примечания

¹ Marino A. *Politica și cultura*. Buc., 1996. P. 344.

² *Ibid.* P. 345.

³ Цит. по: Ornea Z. *Între Orient și Occident // Dilema*. Buc. 1999. № 310. P. 10.

⁴ Цит. по: Мадиевский С. А. *Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г.* Кишинев, 1996. С. 42.

⁵ Де Кюстин А. *Россия в 1839 году*. Т. 1–2. М., 1996.

⁶ Овидий П. Н. *Скорбные элегии. Письма с Понта*. М., 1978.

⁷ Голеску Динику (1777–1830) — ученый и просветитель, автор первого опубликованного дневника путевых впечатлений (1827), где фиксируется огорчительный разрыв между западноевропейской цивилизацией и социально-экономической ситуацией в Валахии.

⁸ Antohi S. *Exercițiul distanței*. Buc., 1998. P. 299.

⁹ Мадиевский С. А. *Указ. соч.* С. 54.

¹⁰ Antohi S. *Op. cit.* P. 299.

¹¹ Зимин А. Из архива. Две цивилизации в истории России // *Независимая газета*. 2001. 5 апреля.

¹² Мадиевский С. А. *Указ. соч.* С. 56.

¹³ Livezeanu I. *Cultură și naționalism în România Mare. 1918–1930*. Buc., 1998.

¹⁴ Georgescu V. *Istoria românilor. De la origini până în zilele noastre*. Buc., 1995. P. 275.

¹⁵ Boia L. *Istorie și mit în conștiința românească*. Buc., 1997. P. 288.

¹⁶ Antohi S. *Op. cit.* P. 303.

¹⁷ Pasti V. *România în tranziție*. Buc., 1995. P. 238.

¹⁸ Mitu S. Iluzii si realitati transilvane // Problema transilvană. Iasi. 1999. P. 70.

¹⁹ Seres A. Utopia federalizării și crizele identității // [http: www.provincia.ro](http://www.provincia.ro).

²⁰ Йорга Николае (1871–1940) – видный румынский историк, писатель, политический деятель.

²¹ Mitu S. Iluzii si realități transilvane // Problema transilvană. Iasi, 1999. P. 66–79.

²² Mungiu-Pippidi A. Vom alunga «Fantomele Balcanilor»? // Ibid. P. 231.

²³ Pasti V. Op. cit.

²⁴ Согласно Конституции Румынии президент не может быть членом какой-либо партии.

²⁵ România este atunci când...// [http: www.apdr.ro](http://www.apdr.ro).

²⁶ Perisset J. C. România nu este nici în Est, nici în Vest, ea se află în centrul Europei și chiar al lumii. Interviu de Ghinea Nouras Cristian cu Excelența Sa, Jean Claude Perisset, Nunțiul Papal în România. 2005.28.II. // [http: www.poezia.ro](http://www.poezia.ro).

²⁷ Mungiu-Pippidi A. Identitate politica româneasca si identitate europeană // Revenirea in Europa. Idei si controverse românești, 1990–1995. Craiova, 1996. P. 281.

²⁸ Iliescu I. Interviu acordat domnului Ion Iliescu pentru saptamanalul «Puls» din Scopje – Macedonia. 2001. 23.II. // [http: www.presidency.ru](http://www.presidency.ru).

²⁹ Mungiu-Pippidi A. Vom alunga «Fantomele Balcanilor»? // Revenirea in Europa. Idei si controverse românești, 1990–1995. Craiova, 1996. P. 232.

³⁰ Enescu R. Europa centrală: între helvetizare si balcanizare? // P. 264–280.

³¹ Mungiu-Pippidi A. Identitate politica româneasca si identitate europeană // P. 283.

³² Mungiu-Pippidi A. Op. cit. P. 285.

³³ Чоран Эмиль (1911–1995) – философ и эссеист румынского происхождения, живший и творивший во Франции. Наследие Чорана близко экзистенциализму.

³⁴ Cioran E. Schimbarea la față a României. Buc., 1990. P. 121.

³⁵ Цит. по: Мадиевский С. А. Там же. С. 57–58.

³⁶ Mungiu-Pippidi A. De la identitate natională la nationalismul // Sfera polit. Buc. 2001. № 98. P. 12.

³⁷ Potapievici H.-R. Politice. Buc. 1997.

³⁸ Basescu T. Biserica Ortodoxă Româna poate contribui la identitatea europeană a României // [http: www.adevarulonline.ro](http://www.adevarulonline.ro).

СЛОВАЦКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПУТИ К НОЯБРЮ 1989 ГОДА

М. Лондак
(Словакия)

Целью настоящей статьи является не стремление представить детальный анализ положения, в котором находилась экономика в Словакии непосредственно накануне кардинальных преобразований, которые мы связываем с падением т. н. социалистического строя в бывшей Чехословакии. В ней скорее будет предпринята попытка обозначить главные детерминанты развития словацкой экономики в период после окончания Второй мировой войны, точнее в течение четырех десятилетий после февраля 1948 г.

В течение этого периода чехословацкая, в том числе и словацкая экономика, развивалась, если можно так сказать, в нерыночных, специфических условиях, свойственных участникам лагеря социализма или восточного блока. Этот период составляет, собственно, почти половину XX столетия — специфического, помимо прочего, именно тем, что историческое время в данный период как будто бы постоянно ускорялось. Особенно это относится к развитию разного рода новых технологий: достаточно вспомнить всплеск развития в сфере третичного сектора, а также информатики и автоматизации производственных процессов. В этом отношении развитые капиталистические страны Запада в период после окончания Второй мировой войны стремительно продвигались вперед, почти не подвергаясь циклическим кризисам. Гигантскими темпами рос жизненный уровень широких средних слоев населения. Если с этой точки зрения посмотреть на развитие словацкой экономики в упомянутый период, то можно констатировать, что для него характерны два существенных процесса: с одной стороны, модернизация экономической структуры Словакии — из страны аграрной она постепенно становится страной индустриальной. С другой стороны, всему чехословацкому народнохозяйственному развитию (а в его рамках, следовательно, и словацкому тоже) было свойственно, несмотря на достигнутый в послевоенные годы экономический рост, нараставшее отставание по

производственным показателям от развитых западных стран. Этот тезис остается в силе, несмотря на то, что еще с конца 1950-х гг. появились аналитические работы о состоянии чехословацкой экономики, в которых обращалось внимание на необходимость ее переориентации в пользу интенсивных факторов роста¹.

В период после окончания Второй мировой войны вплоть до захвата власти Коммунистической партией Чехословакии в феврале 1948 г.² словацкая экономика развивалась в специфических условиях некоего народно-демократического режима или, иными словами, политической системы ограниченной демократии. Содержание экономической политики сводилось не только к залечиванию ран, нанесенных войной. Это было также время окончания периода либеральных методов управления экономикой. После массовой национализации (огосударствления) банков, страховых обществ, ключевых отраслей промышленности и конфискации имущества венгров, немцев и коллаборационистов существенно возросла и власть государства в экономической сфере. Сложилась т. н. многосекторная, смешанная, экономика с различными видами собственности на средства производства, начался этап планирования. Поначалу парламент одобрил двухлетний план восстановления экономики (после выборов в июне 1946 г.), однако это был чисто производственный план, который еще не определял на директивной основе ход экономики так, как это происходило в последующие периоды.

Чехословакия возродилась как единое государство чехов и словаков; со словацкой стороны поначалу проявлялись тенденции к федеративному государственно-правовому устройству³. Однако общий язык с чешскими политическими партиями найти не удалось, и в итоге сложилось т. н. асимметричное государственно-правовое устройство, в рамках которого полномочия словацких национальных органов постепенно урезались, а их реальное влияние на те или иные, в том числе и решающие, политические или экономические процессы становилось все более незначительным.

Эта модель в основе своей функционировала вплоть до краха коммунистического режима в Чехословакии, несмотря на то, что после 1 января 1969 г. государство существовало уже как федеративное. Возникла Словацкая социалистическая республика, но передача ей пражским центром соответствующих властных полномочий была скорее декларативной и минимальной, подтверждая тем самым политико-юридическое правило, что при подлинном коммунистическом режиме федеративное государство в значительной степени формально⁴.

В тот период самая сильная политическая партия Словакии (ДП — Демократическая партия)⁵ вскоре после освобождения высказывала идеи, согласно которым словацкая экономика обладает возможностями развиваться на базе собственных источников и более сильной — по сравнению с чешской — словацкой валюты. Однако после проведенной осенью 1945 г. денежной реформы концепции финансовой изолированности страны суждено было превратиться в иллюзию.

Поскольку Словакии в результате денежной реформы в определенной степени был нанесен урон⁶, высказывался тезис, в соответствии с которым в ходе дальнейшего развития экономики Чехословакии должна реализоваться и тенденция в направлении ускоренного выравнивания социально-экономического и индустриального уровня в стране в целом. Иными словами, тогда, собственно, и принимается решение, в соответствии с которым развитие Словакии в ходе всего последующего послевоенного периода основывалось на базе общегосударственных источников.

После захвата в феврале 1948 г. государственной власти коммунистами весной того же года прошел второй этап национализации, в результате которого, по высказанному в кулуарах замечанию известного придворного историка старого режима, в Чехословакии «национализировали даже последнюю козу». Огосударствлению подверглась вся промышленность, оптовая торговля, стремительно исчезали слои мелких собственников и ремесленников, в аграрном секторе планировалось проведение коллективизации с применением различных форм насилия. После краткого эксперимента со «специфическими путями к социализму» в ходе т. н. построения его основ⁷ с начала 1950-х гг. стремительно внедрялась административно-директивная (или бюрократическая) модель управления экономикой, которая фактически просуществовала вплоть до конца 1980-х. Предпринимались три попытки реформировать экономику, причем, конечно же, речь шла о реформе на базе марксистско-ленинских принципов. Первая реформа — т. н. реформа Розсыпала⁸ (1958–1961 гг.) была вскоре прекращена; вторая, о которой говорят как о реформе Шика, продолжалась всего несколько лет (1965–1968/9 гг.)⁹; наконец, утверждение третьего проекта реформы планировалось на XVIII съезде КПЧ (1990 г.), но по понятным причинам ее реализация так и не началась. В этих реформах речь шла, по существу, о более решительном использовании экономических категорий, в частности о необходимости в рамках предприятий добиться управления ростом посредством некоторой децентрализации экономики. Важной представляется предпринимавшаяся с середины 1960-х гг. попытка реформ, связанная

с событиями 1968 г.¹⁰ Однако движение к экономической реформе быстро натолкнулись на непреодолимые политические барьеры¹¹.

После окончания Второй мировой войны Словакия была экономически слабо развитой; некоторые авторы в тот период отмечали, что она не достигнет уровня чешских областей и структуры их экономики даже за 50–80 лет¹² (см. табл. 1).

Таблица 1

**Занятые в народном хозяйстве в Словакии
и на территории нынешней ЧР в 1948 г. по отраслям в %
(подсчитано по среднестатистическим показателям за данный год)¹³**

	1	2	3	4	5	6	7	8
СР	60,61	15,11	1,66	5,69	2,32	4,08	2,05	8,48
ЧР	33,12	35,25	1,67	3,54	2,65	7,24	2,86	13,66

1 — сельское хозяйство, 2 — промышленность, 3 — лесное хозяйство, 4 — строительство, 5 — грузовой транспорт, 6 — внутренняя торговля, 7 — остальные отрасли материального производства, 8 — непроизводственные отрасли

Именно поэтому содержание модернизации словацкой экономики в последующий период безоговорочно сводилось к индустриализации. Можно назвать историческим парадоксом то, что ее формой явилась т. н. социалистическая индустриализация. Несмотря на введение планового хозяйства (1-й пятилетний план: 1949–1953 гг., 2-й пятилетний план: 1956–1960 гг. и т. д.), в реальности концепции индустриализации не существовало. Если не подразумевать под нею следующее: в каждом плане из центра государства в директивном порядке устанавливалась определенная процентная часть (впрочем, в реальном развитии экономики она всегда менялась — либо в результате децентрализованной инвестиционной деятельности, либо же из-за невыполнения планов и др.) из общегосударственных источников, эту часть и следовало вкладывать в развитие словацкой промышленности и пр. Иными словами, существенной позитивной стороной процесса индустриализации в Чехословакии в условиях плановой социалистической экономики можно считать именно обеспечение определенного, достаточно четко фиксируемого процентного участия Словакии в совместных общественных инвестициях, вкладывавшихся в развитие и строительство промышленности или экономики в целом. Это вело к определенным позитивным результатам, которые в условиях единого государства и рыночной экономики едва ли можно было бы достигнуть. Ведь фактически и в

рамках развитых стран и их экономик различия между отсталыми и индустриально более продвинутыми областями могут скорее углубляться, нежели нивелироваться. Фактом остается и то, что в ходе проведения своей индустриализации после окончания Второй мировой войны Словакия могла опереться на помощь чешских специалистов (в запуске или управлении новыми предприятиями) с предоставлением рабочих мест словацким работникам. Плановое хозяйство должно, по крайней мере согласно марксистской теории, вести к закономерному устранению анархии в производстве, однако на деле ситуация не выглядела столь уж радужной; среди специалистов вскоре стали проявляться чувства разочарования неорганизованностью социалистическими методами управления экономикой. Решения о размещении новых заводов в Словакии принимались зачастую без детального анализа местных источников рабочей силы, энергии, инженерных сетей, часто лишь на основе субъективистских интересов (например, на основе личного знакомства секретарей КПС на местах). Часто возникали и проблемы в сфере проектной готовности возводившихся предприятий. При сооружении того или иного конкретного предприятия не было известно, например, о его производственной программе, принималось решение лишь о том, что относиться оно будет к отрасли тяжелой промышленности, устанавливалась максимальная численность занятых или ежегодный оборот в миллионах крон. Заводские производственные программы при этом часто менялись¹⁴. А когда в 1950-е гг. из Словакии стала звучать критика подобных подходов с целью ее прекращения, на словацких специалистов тут же навесили ярлык «словацких буржуазных националистов»¹⁵. С инвестициями складывалось примерно следующее положение: в ходе 1-й пятилетки на территорию Словакии направлялось около 25 % общегосударственных финансовых вложений, а при выполнении 2-го пятилетнего плана — ощутимо меньше, поскольку самые крупные инвестиции шли в уже известные чешские промышленные центры¹⁶. Таким образом, с одной стороны, на словацкой территории возводились новые индустриальные объекты, с другой же — они не соответствовали должным образом демографической ситуации. Об этом свидетельствует таблица 2. Из данных таблиц 3 и 4 следует, что население Словакии — по сравнению с Чехией — росло более быстрыми темпами, причем это касалось не только граждан продуктивных возрастов; речь прежде всего идет о непродуктивных возрастах, что указывало на негативные будущие тенденции. В начале 1960-х гг. в Чешские земли из Словакии на работу прибыли более 80 тыс. чел.¹⁷

Таблица 2

Прирост численности населения, населения в продуктивном возрасте и численности рабочих мест в Чехословакии в целом и в промышленности, процентное соотношение Словакии и Чешских Земель в 1948–1967 гг.¹⁸

Показатели	Чехословакия, абсолютный показатель	ЧР в %	СР в %
Прирост численности населения в целом	1 993 987	48,79	51,21
Прирост источников рабочей силы в целом	774 737	38,87	61,13
Прирост численности населения в продуктивном возрасте	605 011	29,86	70,14
Прирост численности рабочих мест в народном хозяйстве	1 080 170	74,94	25,06
Прирост численности рабочих мест в промышленности	920 239	65,35	34,65

Таблица 3

Динамика численности населения в продуктивном возрасте в 1955–1960 гг. в Чешских Землях и в Словакии¹⁹

Год	ЧР	СР	ЧР абсол. рост	СР абсол. рост	ЧР рост в %	СР рост в %
1955	5 359 790	2 122 925	—	—	—	—
1960	5 441 079	2 192 504	81 289	69 579	1,52	3,28

Таблица 4

Динамика численности населения в предпродуктивном возрасте в 1955–1960 гг. в Чешских Землях и в Словакии²⁰

Год	ЧР	СР	ЧР абсол. рост	СР абсол. рост	ЧР рост в %	СР рост в %
1955	2 460 010	1 137 361	—	—	—	—
1960	2 457 606	1 260 799	- 2404	123 438	- 0,09	10,85

После серьезного экономического кризиса в Чехословакии в начале 1960-х гг., причин которого руководство государства не смогло объяснить, началась подготовка экономической реформы О. Шика. Вместе с тем с 1963 г. среди словацких специалистов — в условиях начинавшейся некоторой либерализации режима — нарастает критика достигнутых на то время результатов в экономике Словакии. Эта критика затронула проблему низких темпов выравнивания экономического и социального уровня Словакии по сравнению с уровнем Чехии, а также сами

методы индустриализации Словакии. Она, согласно мнению словацких экономистов-теоретиков, развивалась по уже исторически пройденным путям — на базе чешской промышленности с ее отраслевой и территориальной раздробленностью, с чрезмерным развитием базовых отраслей и концентрацией крупных источников трудовых ресурсов в неэффективных сферах производства. Словацкие специалисты указывали также на то обстоятельство, что социалистическая индустриализация осуществлялась в форме реализации множества инвестиционных акций, без налаживания производственных связей между отдельными вновь возведенными предприятиями. Следовательно, эти предприятия устаревали не только в момент их пуска, а много раньше — на стадии строительства. При этом инвестиции направлялись прежде всего в сырьевые отрасли, на предприятия, производившие полуфабрикаты, которые затем шли в Чехию или на экспорт²¹. Более того, и сама готовившаяся экономическая реформа «шилась» по чешским меркам и исходила из чешских условий, а словацкая специфика в ней вообще не получила отражения. Это, разумеется, определялось и положением Словакии в структуре государства. Критику словацких экономистов, а также таких институтов, каким являлась, в частности, Словацкая плановая комиссия, взял на вооружение Александр Дубчек, занимавший в то время пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии Словакии²². Его выступление, не получившее одобрения накануне сентябрьского пленума ЦК КПЧ в 1967 г., явилось прологом 1968 г. Он указывал на то, что инвестиции в экономику в отдельных частях государства (Словакия и Чешские Земли) находятся как бы в обратном соотношении: за двадцать лет после февраля 1948 г. удельный вес Словакии в общем приросте трудящихся продуктивных возрастов составил более 70 %, но на нее приходилось всего лишь 25% новых рабочих мест из всех созданных в стране за этот период²³.

Это явилось одной из причин, заставивших словаков в ходе 1968 г. добиваться федерализации республики в надежде на то, что, взяв управление экономикой в свои руки, они добьются лучших результатов. Именно поэтому Словакия ориентировалась на введение наиболее свободной модели федерации, которая по своему содержанию была почти на грани конфедерации, хотя с чешской стороны усиливалась противоположная тенденция — к концентрации властных полномочий в центре государства, т. е. в Праге. Уже в ходе проходивших летом 1968 г. переговоров о форме федерализации стало ясно, что словацкие концепции реализовать не удастся, поскольку чешская сторона не проявила доброй воли, а властные позиции Словакии не были достаточно сильны, чтобы добиться проведения их в жизнь²⁴.

1 января 1969 г., уже после оккупации Чехословакии, возникло федеративное государство, а, следовательно, и Словацкая социалистическая республика, но реальная власть, включая сферу экономики, по-прежнему находилась в Праге. Проведение экономической реформы, подготовка к которой велась с середины 1960-х гг., и которая оказалась связанной в том числе и с возрождением весны 1968 г., было последней надеждой для чехословацкой экономики, если страна реально хотела подключиться к прогрессивным изменениям (технологическим, структурным и т. д.), столь позитивно заявившим о себе в западных странах. Лишь это могло воспрепятствовать дальнейшему отставанию не только экономической сферы в целом, но и всех показателей роста благосостояния населения от того уровня, о котором узнавали во все возрастающем количестве граждане Чехословакии, имевшие возможность путешествовать по Западной Европе во второй половине 1960-х гг. Вместе с тем именно развитие событий в 1968 г. показало, что социализм советского типа, культивировавшийся в Чехословакии, не был совместим с теми реформаторскими механизмами, которые предназначались экономистами типа О. Шика к широкому внедрению. Главным барьером на пути реформ была политическая система — тем самым, по сути, доказывалась нерепформируемость данного типа социализма, возглавлявшегося коммунистами²⁵.

Весной 1969 г. новое гусаковское руководство КПЧ сразу же остановило экономическую реформу²⁶. Тем самым чехословацкая экономика возвращалась к директивно-централизованному управлению, а население страны обрекалось на испытание в будущем всех тех многочисленных проблем, с которыми оно уже сталкивалось в течение двух предшествующих десятилетий. В их числе, как и прежде, низкое качество товаров, нехватка отдельных материалов и неэффективность коммунальных служб, неудовлетворительное снабжение населения как продовольствием, так и товарами первой необходимости, затаянное строительство, устаревшее оборудование, машины, и технологии, постоянно ухудшавшаяся ситуация со сбытом на внешних рынках. Если командно-мобилизационная экономика сумела в предшествующий период вовлечь в производственный процесс десятки тысяч людей, то проблем с внедрением новейших технологий ей преодолеть не удалось. Воспользоваться в полной мере результатами научно-технической революции, т. е. осуществить переход к информационному обществу, оказалось выше ее сил.

Поэтому и после определенного роста экономики в 1970-е гг. (на которую позитивное влияние оказали предшествующие реформы) наступил кризис, связанный со снижением национального до-

хода в начале 1980-х гг. (он более значительно снизился в Чешских Землях, чем в Словакии). С общегосударственной точки зрения национальный доход уменьшился в 1981 г. по сравнению с предшествующим на 2,66 % (показатели для ЧР — 5,54, для СР — 0,73 %). Падение было более существенным в Чешских Землях, однако восстановление роста произошло здесь уже в 1982 г. В Словакии снижение темпов формирования национального дохода было настолько значительным, что оно продолжалось в течение более длительного времени, а экономический рост возобновился лишь в течение 1983 г.²⁷ По этой причине во второй половине 1980-х гг. здесь приступили к подготовке следующей экономической реформы.

Усиливались трудности и во внешней торговле. Это не удивительно, поскольку по-прежнему оставались весьма высокими сырьевые и энергетические потребности промышленного производства ЧССР; темпы роста производительности труда также были недостаточными. Возрастали проблемы на экспортно ориентированных предприятиях, в первую очередь это касалось контактов с развитыми западными странами. В связи с внешнеторговой проблематикой Чехословакии в это время (март 1989 г.) высказывались, в частности, даже такие суждения: *«Многие наши товары невозможно вообще реализовать на иных, кроме традиционных, рынках в относительно ограниченном круге развивающихся стран»*. Согласно официальным данным Государственного банка Чехословакии, к 30 сентября 1989 г. общая задолженность страны достигла 105,7 млрд крон, или 6,9 млрд долларов США. С точки зрения долговых обязательств государства было важно то, что если одни из этих обязательств являлись бесспорными и их следовало в установленные сроки выполнять, то некоторая часть долговых исков состояла из платежей по кредитам и задолженностей, не погашенных в предшествующий период — к указанной дате они составляли уже 25,5 млрд крон²⁸.

Таким образом, к концу 1980-х гг. чехословацкой экономике приходилось сталкиваться с множеством проблем. Они явились следствием общего экономического курса, во многом детерминированного основной концепцией, связанной еще с периодом начала 1950-х гг., с т. н. «стальной» концепцией, от которой, собственно, в течение десятилетий ей так и не удалось отказаться, во многом же эти проблемы были обусловлены самой природой социалистической плановой экономики.

Принципиальная оценка плановой социалистической экономики, существующей с 1948 г., дана чешским экономистом Отакаром Туреком в книге *«Podíl ekonomiky na pádu komunismu v Československu»* (1995) (Роль экономики в падении коммунизма в Чехословакии).

Из нее следует, что положение в этой сфере — не самая главная причина падения режима, несмотря на то, что «функциональные изъяны коммунистической экономической системы» были одним из основных факторов его крушения²⁹. При данном режиме люди, поддерживавшие его, имели гарантированное право на труд, отсутствовала безработица, был также достигнут определенный уровень бесплатного социального и медицинского обеспечения, образования и т. д. Однако, с другой стороны, из-за приверженности советской модели чехословацкая экономика постепенно все больше отставала от развитых государств Запада, в ЧССР не удалось внедрить современные технологические методы производства, провести настоящую реструктуризацию, не удалось ей также приблизиться к целям информационного общества.

При этом чехословацкая экономика в 1989 г. располагала объемом основных средств на уровне более 4 миллиардов крон. Хотя, к примеру, в ЧССР в сравнении с развитыми западными странами оснащённость домашнего хозяйства предметами длительного пользования была относительно высокой, при этом отставала оснащённость электронными товарами потребления, личными автомобилями, домашними телефонами, на более низком уровне находилась вся сфера жилищного строительства и ее технические возможности. Спецификой Чехословакии в мировом масштабе явилось производство и обустройство значительного количества рекреационных сооружений — деревенских домиков и дач, в данном отношении она превосходила самые развитые страны. В этот период в стране было 8,8 млн чел. трудоспособного возраста, еще 750 тыс. чел. — пенсионеров — оказалось стабильно занятым. К концу 1980-х гг. общее число работающих в народном хозяйстве ежегодно увеличивалось на 0,8 %. Однако нельзя не отметить, что на многих предприятиях существовала сверхзанятость.

Следует также сказать: несмотря на существование в послевоенный период в Чехословакии коммунистического режима, за четыре десятилетия Словакия прошла — вопреки всем негативным явлениям — цивилизационный путь развития, приблизившись по социально-экономическим показателям к уровню Чешских Земель. На базе социалистической индустриализации она превратилась из преимущественно аграрной в страну с преобладанием промышленности. С другой стороны, в результате этого процесса экономика Словакии подверглась деформациям, причем не только с точки зрения структурной (имеется в виду структура промышленного производства). К проблемным сторонам индустриализации Словакии можно отнести, в частности, то, что она проводилась на низком техническом уровне: многие промышленные предприятия становились отсталыми

уже в период их проектирования или строительства. Недостаточно использовалось то «преимущество», что индустриализация проводилась в послевоенный период. Ведь в западноевропейской части континента имелись примеры промышленного строительства в отсталых областях (скажем, в северной Бельгии, Фландрии), где индустриализация проводилась за счет ориентации в первую очередь на современные и прогрессивные производственные отрасли.

В конце 1980-х гг. глубоких качественных различий между народным хозяйством Словакии и Чешских Земель не существовало, хотя по-прежнему оставались некоторые количественные. В 1989 г. на территории Словакии проживало 33,74 % из общей численности населения государства, здесь создавалось 30,44 % национального дохода, 30 % промышленной продукции и 33 % сельскохозяйственного производства (удельный вес Словакии в 1948 г.: 18,14 % — доля Словакии в создании национального дохода, 13,45 % — валовой промышленной продукции, 29,25 % валового сельскохозяйственного производства). С другой стороны, фактом остается, что между экономикой Словакии и Чешских Земель продолжали сохраняться различия (см. табл. 5).

Таблица 5

Национальный доход на одного жителя (в текущих ценах)³⁰

Год	ЧР	СР	Различия ЧР и СР	ЧР =100, СР в %
1948	5 365,8	3 284,4	2 081,4	61,21
1960	12 826,3	9 509,2	3 317,1	74,14
1970	22 577,1	17 758,4	4 819,1	78,66
1980	32 081,9	27 259,0	5 727,5	84,97
1983	32 986,5	27 673,8	5 312,7	83,89
1988	37 187,0	32 137,7	5 049,3	86,42

Как следует из приведенных выше цифр, в 1988 г. на одного жителя Словакии в формировании национального дохода не был достигнут даже 87-процентный уровень Чешских Земель (нами взят 1988 г., поскольку со статистической точки зрения он является «наиболее чистым», в то время как в 1989 г. происходили различные изменения, в частности в Словакии уже начался спад производства в оружейной промышленности). Данный синтетический индекс должен был служить показателем политики выравнивания социально-экономического развития Словакии и Чешских Земель. В 1948 г. экономисты в Чехословакии полагали, что выравнивание произойдет примерно через 20 лет. После четырех десятилетий существо-

вания коммунистического режима в Чехословакии стало очевидно, что в относительных показателях Словакия постепенно сближалась с Чешскими Землями, но если взять абсолютные цифры, между двумя указанными областями продолжали сохраняться существенные различия. В середине 1980-х гг. представители власти в Чехословакии неоднократно констатировали, что, «по существу», уже произошло выравнивание социально-экономического уровня Словакии и Чешских Земель, но, как мы видим, реальность не была столь однозначной. В конце концов это стало явным после раздела Чехословакии — при сопоставлении курсов чешской и словацкой кроны³¹.

В этих различиях, очевидных и спустя четыре десятилетия после февраля 1948 г., проявилось, помимо прочего, следующее: инвестиции в Словакию при данном режиме и, следовательно, наличие т. н. планового хозяйства в течение длительного периода времени недостаточно согласовывались с демографическими трендами. Они продолжали давать знать о себе вплоть до падения коммунистического режима, хотя противоречия, как следует из таблицы 6, несколько смягчились. И все же, несмотря на то, что удельный вес Словакии в 1948–1988 гг. в общегосударственном приросте числа лиц в трудоспособном возрасте находился почти на уровне 67 %, на ее территории в данном хронологическом диапазоне было создано около 42 % всех рабочих мест.

Таблица 6

Прирост численности населения, источников рабочей силы, населения в трудоспособном возрасте и численности рабочих мест в Чехословакии в целом, а также в промышленности, процентное соотношение Словакии и Чешских Земель в 1948–1988 гг.³²

Показатели	Чехословакия, абсол. показатель	ЧР в %	СР в %
Прирост численности населения в целом	3 268 494	44,76	55,24
Прирост источников рабочей силы	1 722 688	39,37	60,63
Прирост численности населения в продуктивном возрасте	1 413 007	33,25	66,75
Прирост численности рабочих мест в народном хозяйстве	2 377 384	58,38	41,62
Прирост численности рабочих мест в промышленности	1 318 391	53,41	46,59

На основе данных официальных статистических источников можно констатировать, что в период 1948–1988 гг. удельный вес Словакии в основных средствах производства, приобретенных в ходе инвестиционного строительства в народном хозяйстве, равнял-

ся 32,79 %. Удельный вес Словакии в основных средствах производства, полученных в результате инвестиционного строительства в промышленной отрасли, составлял 30,16 %³³. Подобный метод капиталовложений обуславливал и экономическую активность населения. Из таблицы 7 следует (в ней приведены показатели после переписи населения в указанном хронологическом диапазоне), что в первом двадцатилетии существования коммунистического режима в Чехословакии экономическая активность населения росла более быстрыми темпами в Чешских Землях. После 1970 г. ситуация начала определенным образом меняться, однако различия существовали и в 1980 г. Более низкая экономическая активность населения в Словакии по сравнению с Чешскими Землями в данном году задавалась несколькими детерминантами: в общей численности населения Словакии была более высокой доля женщин, занятых в домашнем хозяйстве (часто именно для этой категории Словакия не располагала соответствующими рабочими местами. Для сравнения: СР — 3,42 % женщин-домохозяек, ЧР — 1,88 %), а также более высокий процент детей в возрасте до 15 лет (в СР — 26,12 %, в ЧР — 23,36 %). Вместе с тем Словакия имела более низкий удельный вес населения с собственным источником пропитания (СР — 14 %, ЧР — 16,88 %).

Таблица 7

Экономическая активность, включая помогающих членов семьи и жителей с собственным источником пропитания³⁴

Дата переписи	ЧР в %	СР в %	ЧР — СР различия в % соотношении
1. 3. 1950	44,47	49,59	- 5,12
1. 3. 1961	61,69	51,49	10,20
1. 12. 1970	68,54	58,13	10,41
1. 11. 1980	69,07	63,79	5,28

Следующие две таблицы демонстрируют состояние структуры экономики в Словакии и Чешских Землях в рассматриваемый период с точки зрения создания национального дохода и происходившие в ней постепенно изменения.

Таблица 8

Национальный доход в Словакии по отраслям в % (в текущих ценах)³⁵

Год	1	2	3	4	5	6	7
1948	39,95	32,29	3,86	11,42	3,34	7,78	1,36
1967	56,23	15,27	1,89	14,24	4,34	5,33	2,7
1988	64,10	7,16	0,58	13,28	4,32	7,27	3,29

Таблица 9

Национальный доход в Чешских Землях по отраслям в % (в текущих ценах)³⁶

Год	1	2	3	4	5	6	7
1948	63,09	17,5	1,23	6,0	2,88	7,40	1,9
1967	64,11	11,47	0,87	11,15	3,94	5,38	3,08
1988	65,73	6,83	0,74	11,31	4,28	6,94	4,17

1 — промышленность, 2 — сельское хозяйство, 3 — лесное хозяйство, 4 — строительство, 5 — грузовой транспорт, 6 — торговля и общественное питание, 7 — прочее

Более радикальные преобразования произошли в рассматриваемый период в Словакии прежде всего в результате существенного повышения веса промышленности и значительного снижения вклада аграрного сектора в создание национального дохода. Подобного рода динамичных изменений в чешской экономике не наблюдалось, однако и здесь существенно снижался удельный вес сельского хозяйства в экономике. Из сравнения структуры национального дохода в Словакии и в Чешских Землях следует, что к 1988 г. между ними существовали лишь минимальные различия, примерно равным было значение промышленности и аграрного сектора; на мой взгляд, для Словакии несколько более важной являлась строительная отрасль.

После ноября 1989 г.³⁷ как словацкую, так и чешскую экономики ожидала кардинальная, системная трансформация на путях перехода к рынку. Она была сложной еще и по той причине, что за четыре десятилетия в Чехословакии воплотились в жизнь принципы планово-административного руководства, составлявшие суть социализма советского типа. В этой связи можно заметить, что едва ли кто-нибудь в тот период мог представить себе те сложнейшие общественные процессы, в которые вовлекалось государство, не говоря уж об изменениях в отношениях собственности. Последняя в течение десятилетий функционировала в условиях уравнительности, принижения роли материальных стимулов к труду, буквально мизерной зарплаты в госбюджетных сферах. Люди же стремились не только стать на путь свободы, но и улучшить свои жизненные условия, повысить уровень личного благосостояния. Мало кто в ноябре 1989 г. предполагал, что революционные события могут обернуться и негативной своей стороной, прежде всего падением жизненного стандарта широких слоев населения, что понадобится двадцать лет, прежде чем реальный уровень заработной платы достигнет показателей 1989 г.

Перевод со словацкого
Э. Г. Задорожнюк

Примечания

¹ Было опубликовано большое количество аналитических материалов за 1957 г. см., напр.: Národní archiv České republiky (далее NA ČR). F. KSČ-ÚV-02/2. Sv. 173–174. A. j. 237. (Sv. (Svazek) – Дело; A. j. (Archivní jednotka) – Единица хранения). См. также: Od X. do XI sjezdu. Usnesení a dokumenty ÚV KSČ. Praha, 1958. These Ústředního výboru KSČ a vlády Republiky československé o dalším technickém rozvoji československého průmyslu. S. 144 и следующие.

² Более подробно см.: Február 1948 a Slovensko. Zborník z vedeckej konferencie / O. Podolec (ed.). Bratislava, 2008.

³ Более подробно см.: Barnovský M. Na ceste k monopolu moci. Mocenskopolitické zápasy na Slovensku v rokoch 1945–1948. Bratislava, 1993. S. 44 и следующие.

⁴ В течение этого специфического 1968 г. высказывались предложения по федерализации коммунистической партии в Чехословакии, однако Москва отвергла подобного рода планы. См.: Sikora S. Rok 1968 a politický vývoj na Slovensku. Bratislava, 2008. S. 99 и следующие.

⁵ На выборах в мае 1946 г. она получила в Словакии 62 %, а Коммунистическая партия Словакии (КПС) – 30,37 % голосов избирателей.

⁶ Накануне Словацкого национального восстания (август 1944 г.) на черном рынке обмен товаров производился в соотношении 10:1 в пользу словацкой кроны по сравнению с валютой Протектората Чехии и Моравии. В период восстания курс составлял примерно 4:1. Подробнее см.: Londák M. Otázky industrializácie Slovenska (1945–1960). Bratislava, 1999. S. 25 и следующие.

⁷ Этот термин введен чешским историком Карелом Капланом.

⁸ Курт Розспал занимал в тот период пост заместителя председателя Государственного планового управления в Праге – высшего планового органа в Чехословакии.

⁹ Детальнее см.: Londák M., Sikora S., Londáková E. Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava, 2002. S. 199 и следующие. В период подготовки экономической реформы Ота Шик был директором Института экономики Чехословацкой Академии наук в Праге.

¹⁰ О проблематике 1968 г. и экономическом развитии в Словакии см.: Londák M. Rok 1968 a ekonomická realita Slovenska. Bratislava, 2007.

¹¹ О проблематике 1968 г. см.: Londák M., Sikora S. Rok 1968 a jeho miesto v našich dejinách. Bratislava, 2009.

¹² Удельный вес Словакии в 1948 г. в общегосударственных показателях на примере избранных параметров: численность населения – 27,93%; численность населения в продуктивном возрасте – 27,32 %; произведенный национальный доход – 18,14 %; валовое промышленное производство – 13,45 %.

¹³ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR, Praha, 1985. S. 460, 661.

¹⁴ По данной проблеме см.: Londák M. Otázky industrializácie Slovenska... S. 51 и далее.

¹⁵ О деле Юлиуса Браника (председатель Словацкого планового управления) и Штефана Шебеста (заместителя председателя Корпуса уполномоченных) детальнее см.: Ibid. S. 56, 90 и следующие, 126 и следующие.

¹⁶ Ibid. S. 95, 105.

¹⁷ Симптоматично в этой связи, что в настоящее время в чешской промышленности работает 250 тыс. иностранцев.

¹⁸ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 146, 434, 635, 460, 661.

¹⁹ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 437, 638.

²⁰ Подсчитано по: Ibidem.

²¹ Подробнее см.: Londák M., Sikora S., Londáková E. Op. cit. S. 188 и следующие.

²² Дубчек занимал этот пост с весны 1963 г.

²³ Londák M., Sikora S., Londáková E. Op. cit. S. 188 и следующие, 246 и следующие.

²⁴ Более подробно см.: Londák M. Rok 1968 a ekonomická realita Slovenska... S. 115 и следующие.

²⁵ По этой проблеме см.: Sikora S. Rok 1968 a politický vývoj na Slovensku...

²⁶ Более подробно см.: Londák M. Koniec ekonomickej reformy v Československu (60. roky 20. storočia) // Historický časopis. Bratislava. 2008. R. 56. Č. 2. S. 267–286.

²⁷ Подсчитано (в текущих ценах) по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 88, 454, 655.

²⁸ NA ČR. F. 02/1. Sv. 130. A. j. 136.

²⁹ Turek O. Podíl ekonomiky na pádu komunismu v Československu. Praha, 1995. S. 75.

³⁰ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 454, 655, 434.

³¹ После 1993 г. между чешской и словацкой валютами установился курс примерно на уровне 1:1,33.

³² Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 146, 434, 635, 460, 661, а также по: Statistická ročenka České a Slovenské federatívni republiky 1990. Praha, 1990. S. 186, 187, 188, 190.

³³ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR..., а также по: Statistická ročenka České a Slovenské federatívni republiky 1992, Praha, 1992. S. 215, 216.

³⁴ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 432, 633.

³⁵ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 655, а также по: Statistická ročenka České a Slovenské federatívni republiky 1990... S. 144.

³⁶ Подсчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR... S. 454, а также по: Statistická ročenka České a Slovenské federatívni republiky 1990, Praha, 1992. S. 140.

³⁷ См.: Žatkuliak J. a kol. November'89. Medzník vo vývoji slovenskej spoločnosti a jeho medzinárodný kontext. Bratislava, 2009.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ПРОЦЕССА РЕФОРМ В СЛОВАКИИ

Ю. Марушьяк
(Словакия)

Политические изменения 1989 г. открыли путь к свободному волеизъявлению словацкого общества. Словакия после нескольких десятилетий развития в условиях однопартийной системы сделала выбор в пользу демократии и рыночной экономики, связав свою судьбу как с членством в Европейском Союзе (ЕС), так и в НАТО.

Для словаков, чехов и других народов Центральной и Восточной Европы выбор внешнеполитической ориентации — это не только обретение новых союзников. Речь идет о выборе определенных цивилизационных ценностей, в частности той цивилизационной модели, которая свойственна странам Западной Европы. Все это решающим образом сказывается на формировании политической системы. Именно проведение демократических институциональных реформ и переход к рыночной экономике явились условием необратимости сделанного внешнеполитического шага.

Словакию, в отличие от Чехии, нельзя отнести к числу стран с развитыми традициями демократической политической культуры. До середины XX в. она, несмотря на 20-летний период демократического развития между двумя мировыми войнами, сохраняла характер преимущественно аграрной страны с низким уровнем политической ангажированности населения и недостаточно зрелым гражданским обществом. Трансформация словацкого общества в преимущественно индустриальное происходила только в 50–60 гг. XX в., т. е. в условиях коммунистического режима¹.

Условия формирования многопартийной системы

Поскольку до ноября 1989 г. коммунистический режим сохранял свой закрытый характер, Чехословакия, в отличие от Венгрии, не прошла этапа постепенной либерализации, когда могут свобод-

но формироваться независимые политические партии. Переговоры между различными политическими силами могли начаться лишь на завершающем этапе существования режима, в условиях нараставшего давления со стороны общества². До крушения коммунизма оппозицию представляли прежде всего более или менее организованные гражданские инициативы (экологическое движение; правозащитные группы и в первую очередь Хартия 77; некоторые структуры, возникшие в недрах творческих союзов; кружки «подпольного костела» и т. д.)³. Что же касается непосредственных политических изменений 1989–1990 гг., то ключевую роль в Словакии сыграли неорганизованные группы представителей альтернативной культуры (художников и т. п.). Для них выступление против режима считалось личным моральным поступком, воспринимавшимся в обществе как выражение сопротивления тоталитарной системе, пытавшейся всецело контролировать общественную жизнь. В этих условиях даже действия, не имевшие изначально политической цели, такие как, например, концерт независимой музыки или акции по охране исторических, архитектурных памятников, приобретали характер протеста против власти⁴. В силу исторических обстоятельств диссидентское и правозащитное движение в Словакии было более слабым, чем в Чехии. Именно поэтому демократическое движение Общественность против насилия (ОПН, Verejnost' proti násiliu — VPN), которое в словацких условиях играло мобилизующую и программно-формирующую роль в процессе смены режима, пополнялось за счет тех, кто поначалу не склонялся к какой-либо политической деятельности, а также творческих инициатив, не имевших изначально политического характера.

Несмотря на низкий уровень самоорганизации словацкого общества, под программной декларацией ОПН уже в течение первых двух недель его деятельности подписались почти 2 млн граждан⁵ — немало для страны, в которой проживает 5 млн человек.

Однако в связи с тем, что в процессе формирования оппозиционного движения решающую роль сыграли сторонники феномена, который независимые интеллектуалы в Центральной Европе называли термином «неполитическая политика»⁶, движение возникло стихийно и без иерархических структур управления. Как таковое оно в течение длительного времени не проявляло заинтересованности в прямом участии в процессе формирования власти и позиционировало себя в качестве силы, лишь контролирующей деятельность правительства. В этом качестве оно продолжало функционировать, несмотря на участие в первых выборах в июне 1990 г., проходивших по принципу свободной конкуренции политических сил. После победы на этих

выборах руководящие представители ОПН, которое со временем все же трансформировалось в политическую партию, не принимали участия в формировании правительства. Итогом стал нараставший внутри движения конфликт, который завершился его расколом в апреле 1991 г. Распад ОПН окончательно завершил дискуссии в обществе о том, кто должен играть решающую роль в процессе политической самоорганизации общества: структурированные политические партии или гражданские инициативы, неправительственные организации, независимые кандидаты и т. п. Выбор был сделан в пользу первых.

Не только внутренние факторы, вытекавшие из специфического характера ОПН, но и некоторые более общие объективные моменты были факторами запаздывающего развития системы политических партий. К ним после многолетнего опыта правления коммунистической партии относятся негативные ассоциации, связанные с такими понятиями как «политическая партия» и «партийная деятельность». Кроме того, не последнюю роль играло критическое отношение к политической системе первой Чехословацкой республики (1918–1938), когда именно многопартийную систему в 40-е гг. XX в. даже сторонники парламентской демократии называли едва ли не главной причиной краха государственности после подписания Мюнхенского соглашения.

И по этой же причине целый ряд вновь возникших структур, которые по системному признаку можно считать политическими партиями, позиционировали себя не в качестве партий, а движений. Это, например, Христианско-демократическое движение (ХДД) — партнер ОПН по коалиции антикоммунистических и реформаторских сил (1990–1992 гг.), а также Движение за демократическую Словакию (ДЗДС), возглавляемое Владимиром Мечьяром (Vladimír Mečiar), которое в 1991 г. отделилось от ОПН.

Политические партии на первом этапе консолидации демократии

Несмотря на сдержанное отношение части населения и даже новых демократических элит к политическим партиям, именно они непосредственно после событий 1990 г. стали основным звеном политической организации граждан. Это было обусловлено основным принципом современной демократии, в соответствии с которым вся законодательная и исполнительная власть находится в руках представителей, избранных народом. Значение партий проявлялось и проявляется в следующих аспектах:

– представительная роль (партии своим участием в парламенте и правительстве представляют индивидуальные и групповые интересы граждан);

– мобилизационная и организационная роль (посредством выборов партии обеспечивают циркуляцию политических элит);

– концептуальная роль (формирование концепции и программ управления страной и необходимых преобразований);

– координационная роль (партии координируют деятельность своих представителей в парламенте, в правительстве, в органах государственного управления и на уровне местного или регионального самоуправления с целью добиться реализации своих программных целей или интересов групп, которые они представляют);

– коммуникационная роль (политические партии не только обеспечивают необходимые контакты между гражданами и государственными органами, но также ищут поддержки своей деятельности со стороны населения, гражданского общества, вспомогательных неправительственных структур, союзников для осуществления своих целей среди других политических партий).

Эти функции в совокупности могут в современной плюралистической демократии выполнять только политические партии⁷.

Непосредственно после политических изменений 1989–1990 гг. были созданы внешние условия для формирования демократической системы, необходимой частью которой является функционирование партийной системы.

Внешними предпосылками формирования плюралистической политической системы являются:

– парламентская демократия. Опыт трансформирующихся стран, выбравших президентскую модель правления, показывает, что парламент здесь является не просто органом законодательной власти, а конкурентом исполнительной власти; он выступает в роли самостоятельной политической силы, а не только как поле для политической борьбы. Опыт стран, где в 1990-е гг. была введена президентская форма правления, продемонстрировал также, что поскольку такой режим не требует создания парламентского большинства, это значительно замедляет процесс формирования политических партий;

– позитивный климат и институциональные гарантии для полного развития политического плюрализма (свобода слова, свобода собраний, свобода проведения митингов, свобода совести и т. п.);

– независимые и негосударственные СМИ;

– пропорциональная избирательная система, которая ограничивает монополизацию власти локальными олигархами в регионах, обе-

спечивает высокую представительность парламента и достаточный уровень плюрализма в стране;

- необходимые юридические механизмы, открывающие партиям выход на политическую сцену и обеспечивающие возможность участия в выборах;

- запрет деятельности партий по «производственному принципу», т. е. деятельности партийных организаций на заводах и учреждениях;

- свободные и альтернативные выборы в условиях свободной конкуренции.

Некоторые из приведенных выше условий являются результатом исторических традиций, таких как, например, традиция парламентаризма и слабой президентской власти, а также пропорциональной избирательной системы⁸. Принципиальное значение для развития и консолидации плюралистической системы имел низкий уровень регулирования жизни политических партий и неправительственных организаций. Так, например, первый закон о политических партиях, действовавший с 1990 г., уложился всего в одну страницу⁹.

В течение короткого периода времени наряду с антигиталитарными движениями возник целый ряд политических партий. Их можно систематизировать по следующим признакам:

- по отношению к прошлому режиму (Коммунистическая партия Чехословакии/Словакии и мелкие группы, возникшие после раскола в ее рядах, а с другой стороны — демократические движения, возглавляемые бывшими диссидентами);

- по отношению к историческим традициям (с одной стороны, вновь возникшие партии, а с другой — наследники партий, действовавших на политической арене до захвата власти коммунистами);

- по идеологическому признаку («программные» партии — социал-демократы, христианские демократы, либералы, консервативные партии, экологические партии, националистические партии и т. п.);

- по линии конфликта «центр — периферия», т. е. по этническому или региональному признаку (партии, выражающие интересы национальных меньшинств или регионов);

- партии, представляющие отдельные социальные слои или группы интересов (земледельческие партии, партии мелких предпринимателей, пенсионеров и т. п.);

- другие политические партии.

Характерно, что в 1990–1991 гг. превратились в полностью маргинальные не только политические партии классового или «сословного» характера, но и общегосударственные партии бывшей Чехословакии. Последней федеральной партией стала тогда уже оппозиционная

Коммунистическая партия Чехословакии, которая в конце 1991 г. окончательно разделилась на чешскую и словацкую партии.

Таким образом, формирование независимого словацкого политического пространства — партийного ландшафта завершилось еще до распада Чехословакии. Можно предполагать, что отсутствие какой-либо влиятельной общегосударственной партии было вызвано невозможностью достичь консенсуса в вопросе о реформе государственного устройства. Именно в силу того, что федеральная партия отсутствовала, сторонники сохранения Чехословакии, составлявшие большую часть населения не только в Чехии, но также и в Словакии, не сумели защитить свой выбор.

Конфликтные линии (cleavages) в словацком обществе в 1990–2002 гг.

1990–1992 гг.

После первых парламентских выборов в июне 1990 г. в Словакии сформировалась многопартийная система. Для обеспечения стабильности, а заодно и для сохранения представительности парламента, избирательный кодекс предусматривал 3-процентный барьер, который позднее был поднят до 5-процентного. Однако партийная система в Словакии отличалась высоким уровнем поляризации, что было вызвано следующими конфликтными линиями внутри словацкого общества:

- отношение к непопулярным неолиберальным экономическим реформам, которые на народное хозяйство Словакии оказали более негативное влияние, чем на чешскую экономику;
- спор между сторонниками словацкой государственной независимости и сохранения чехословацкого государства;
- дискуссии, касавшиеся внешнеполитической ориентации страны (только Коммунистическая партия Словакии настаивала на продолжении тесного сотрудничества с СССР и позже с Россией);
- отношение к коммунистическому режиму;
- этническая конфликтная линия (с одной стороны, партии, представляющие венгерское меньшинство, с другой — Словацкая национальная партия);
- назревающие авторитарные тенденции со стороны тогдашней националистической оппозиции.

При этом националистическая оппозиция своим главным противником считала тогда не коммунистов, а правящие либеральные, постдиссидентские элиты. Одновременно она не хотела сотрудничать

с коммунистами или с посткоммунистическими партиями (Партия левых демократов, которая формировалась как юридический наследник Коммунистической партии Словакии, хотя она отказалась от переименования в идеологическом плане и в 1994 г. стала полноценным членом Социалистического Интернационала) и вместе с тем сохраняла нейтральное отношение к бывшему режиму и особенно к тем, кто его поддерживал. Таким образом, Словацкая национальная партия позиционировала себя в качестве «третьей силы».

1992–2002 гг.

В Словакии сохранялась плюралистическая партийная система, однако в 1992–1998 гг. она приобрела черты экстремального плюрализма с большим количеством партий, представленных в парламенте. Характерным можно назвать наличие разнообразных и мало стабильных коалиций (таких, как например, состоявшая из четырех партий левоцентристская коалиция «Общий выбор», которая вошла в парламент в результате досрочных выборов 1994 г., получив 10,4 % голосов). Кроме того, политики ряда партий с целью обхода связанных с проходным барьером ограничений, баллотировались по спискам других партий, не вступая официально в коалиционные отношения с ними¹⁰.

В ходе целого десятилетия в партийной системе Словакии доминировала партия ДЗДС, которую возглавлял премьер-министр В. Мечьяр. В отличие от мелких программных партий ДЗДС получило в 1992 г. 37,3 % голосов и 74 мандата в 150-местном парламенте при высоком уровне фрагментации, когда голоса 23,8 % избирателей (почти одной четверти) были распределены между партиями, не сумевшими преодолеть проходной барьер. На досрочных выборах 1994 г. его влияние свелось к 34,96 % и 61 креслу. По числу набранных голосов партия ДЗДС оставалась на первом месте и в 1998, и в 2002 г., но из-за низкого коалиционного потенциала, несмотря на победу, перешла в это время в оппозицию¹¹. Эта партия была основана на личной харизме В. Мечьяра и позиционировала себя в качестве центристской партии. Она отличалась националистической риторикой и социально-популистскими лозунгами, однако под ее руководством проводились рыночные реформы, включая широкомасштабную приватизацию в промышленности. Процесс принятия политических решений внутри партии концентрировался в руках В. Мечьяра. ДЗДС высказывалось за тесное экономическое, а также политическое сотрудничество с Россией, заявляя вместе с тем о своей поддержке интеграции Словакии в ЕС и в НАТО.

В 1994–1998 гг. в политической жизни Словакии нарастали авторитарные тенденции, проявлявшиеся в ограничении возможностей

оппозиции контролировать деятельность правительства и специальных служб, ее доступа к государственным СМИ, в срыве референдума о прямых выборах президента, который инициировала оппозиция, а также в попытках введения так называемого императивного мандата для депутатов парламента (это означало, что в случае ухода из своей политической партии депутат автоматически терял и мандат). В связи с этим Словакию не пригласили на переговоры о вступлении в НАТО и на переговоры о расширении ЕС в 1997 г.

Несмотря на эти негативные тенденции, правительство Мечьяра не собиралось окончательно отказываться от интеграционной перспективы, хотя в состав правящей коалиции входили партии, отрицавшие либеральный путь модернизации: праворадикальная Словацкая национальная партия (СНП) и крайне левое Объединение рабочих Словакии (ОРС). Обе партии выступали против интеграции Словакии в ЕС и НАТО, хотя правительство Мечьяра как публично, так и в своей программе декларировало преданность этим целям.

Таким образом, в Словакии имело место взаимовлияние ряда конфликтных линий:

- конфликт относительно характера режима;
- конфликт относительно геополитического будущего Словакии;
- конфликт поколений.

В ходе политических дебатов эти вопросы нашли выражение в дискуссии о внешнеполитической ориентации страны и о характере проводимых реформ (см. табл. 1).

Таблица 1

Линии конфликта в словацком обществе до 2001/2002 г.

	Проинтеграционная политика	Декларативно интеграционная политика	Противоинтеграционная политика
	официальная поддержка интеграции;	официальная поддержка интеграции;	открытое отрицание интеграции поиск альтернативных решений (нейтралитет, углубление сотрудничества с Россией) и т. п.;

	Поиск внутримо- литических причин неуспеха интегра- ционных усилий в 1997 г. (недостатки в развитии демо- кратии в стране)	Поиск внешних причин неуспеха интеграционных усилий в 1997 г. (недопонимание ситуации и специ- фики Словакии со стороны западных партнеров)	Поиск внешних причин неуспеха интеграционных усилий в 1997 г. (недопонимание си- туации и специфи- ки Словакии со стороны западных партнеров)
Либеральная модель транс- формации (ры- ночная экономика, демократические реформы)	Правые ХДД; ДС; ДП; ПВК Левые СДПС; ПЗС; ПЛД, ПГС		
«Традициони- стическая» модель трансформации (авторитарные подходы в поли- тике, олигархиче- ская экономика, высокий уровень государственного контроля над эко- номикой)		«Центристы» (правые) — ДЗДС	Правые СНП ДЗДС (часть, осо- бенно после 1997 г.) Левые ОРС, КПС

Сокращения:

ХДД — Христианско-демократическое движение (Kresťanskodemokratické hnutie, KDĽ)

ДС — Демократический союз (Demokratická únia, DÚ)

ДП — Демократическая партия (Demokratická strana, DS)

СДПС — Социал-демократическая партия Словакии (Sociálnodemokratická strana Slovenska, SDSS)

ПВК — Партия венгерской коалиции (Strana maďarskej koalície, SMK)

ПЗС — Партия зеленых Словакии (Strana zelených Slovenska, SZS)

ПЛД — Партия левых демократов (Strana demokratickej ľavice, SĽE)

ПГС — Партия гражданского согласия (Strana občianskeho porozumenia, SOP)

ДЗДС — Движение за демократическую Словакию (Hnutie za demokratické Slovensko, HZDS)

СНП — Словацкая национальная партия (Slovenská národná strana, SNS)

ОРС — Объединение рабочих Словакии (Združenie robotníkov Slovenska, ZRS)

КПС — Коммунистическая партия Словакии (Komunistická strana Slovenska, KSS)

Разобшенная оппозиция перед угрозой авторитарного режима и политической изоляции страны объединилась. Три правоцентристские партии объединились в 1997 г. с двумя мелкими левоцентристскими партиями, образовав Словацкую демократическую коалицию (СДК, Slovenská demokratická koalícia — SDK); кроме них оппозицию представляли две более сильные левоцентристские партии (посткоммунистическая ПЛД и олигархическая ПГС), баллотировавшиеся самостоятельно.

Правительство Мечьяра видело в создании СДК серьезную угрозу своей власти. Поэтому за несколько месяцев до выборов оно решило изменить избирательное законодательство. Четыре региональных списка отменялись, вместо них вводился единый общегосударственный список кандидатов. Новый закон ужесточил проходной барьер для коалиций (5 % для каждой партии-участника), в связи с чем СДК, чтобы войти в парламент, должна была получить 25 % голосов¹². В результате партии — члены СДК решили не участвовать в выборах в составе коалиции, кандидаты в депутаты от этих партий создали новую выборную партию с ограниченным количеством членов, причем также под названием СДК. Покинув свои первоначальные партии, они создавали идеологические платформы в рамках новой партии.

Три политические партии — представители венгерского меньшинства — с 1994 г. принимали участие в парламентских выборах совместно¹³. Поскольку венгерское меньшинство составляет примерно 10 % населения Словакии, у этих партий возникли проблемы с увеличением проходного барьера. В результате они организационно объединились в новой Партии венгерской коалиции (ПВК). Выходцы из бывших партий (венгерских христианских демократов, национальных демократов и либералов) создали в рамках новой партии идеологические платформы, которые, однако, позднее были отменены.

После парламентских выборов в 1998 г. уже во второй раз (впервые — на несколько месяцев — в 1994 г.) было создано правительство широкой коалиции, программа которого предполагала проведение необходимых для членства в ЕС и НАТО экономических и политических реформ. Причина успеха реформаторски настроенных сил заключалась, с одной стороны, в объединении оппозиции и, прежде всего правоцентристских партий, которые общество воспринимало как главного противника тогдашней власти. Помимо государственных СМИ (радио, телевидение) власть поддерживало только одно влиятельное печатное издание — газету «Словацкая Республика» (Slovenská Republika). Остальные газеты были настроены критически против власти, включая один весьма влиятельный коммерческий

телеканал, который получил лицензию незадолго до выборов. Оппозиция располагала программой реформ, разработанной в академической сфере и в среде неправительственных организаций. Ей удалось также найти общий язык с профсоюзами и неправительственными организациями, причем гражданское общество сохранило свою независимость от политической сферы¹⁴.

Первоначально предусматривалось создание широкой коалиции из четырех партий, однако вскоре после раскола в СДК она трансформировалась в 5-членную. В результате расколов внутри партий до конца выборного цикла в 2002 г. коалиция сохранялась в формате «минимальной победившей коалиции», хотя после выборов в 1998 г. она добилась конституционного большинства. В парламенте ее поддерживал 91 депутат; при этом надо отметить, что принятие конституционного закона требует поддержки трех пятых депутатов, т. е. 90 из 150.

Новым элементом демократического развития словацкого общества явилась интеграция венгерского меньшинства в правительственную политику после того, как ее представитель — ПВК вошла в состав правящей коалиции, в которой работала непрерывно с 1998 до 2006 г. По линии межнациональных отношений в Словакии произошел переход от конфронтационной модели к модели консенсусальной, которая обеспечивает, с одной стороны, сотрудничество на уровне элит, а с другой — высокий уровень автономии национальных меньшинств в плане культурном, образовательном (словацкие венгры заняли пост заместителя министра образования), в плане влияния на государственную администрацию (представители ПВК получили значительное влияние на формирование органов государственного управления в регионе проживания венгерского меньшинства), в плане организации общественной жизни, а также в плане экономическом (в 2002–2006 гг. представители ПВК занимали посты министров сельского хозяйства, строительства и регионального развития, охраны окружающей среды). При этом надо иметь в виду, что значительная часть словацких венгров занята именно в сельском хозяйстве.

В состав демократической коалиции вместе с правоцентристскими партиями вошла также посткоммунистическая ПЛД, которая возникла в процессе трансформации Коммунистической партии Словакии в 1991–1992 г.; она приняла социал-демократическую программу и стала членом Социалистического Интернационала.

Несмотря на непопулярность проводимых реформ, идея достижения членства в ЕС оказалась настолько притягательной, что право-

центристские партии победили и на следующих выборах в 2002 г. Успех проведенных после 1998 г. реформ явился решающим фактором, благодаря которому Словакия осенью 2002 г. получила приглашение на переговоры о расширении ЕС и НАТО и в течение 2004 г. стала членом обеих интеграционных структур.

Трансформация конфликтных линий в словацком обществе после 2002 г.¹⁵

В 1998 г., сразу же после преодоления авторитарных тенденций лагерь бывших союзников раскололся. Это в основном касается раскола левоцентристских партий, вследствие чего в 2002 г. на первый план вышла коалиция либерально-консервативных правоцентристских сил. Новым элементом политической жизни стало снижение уровня конфликтности относительно характера режима, в результате чего снизилась агрессивность партии ДЗДС, поддерживавшей членство в ЕС и НАТО.

Новой темой политического дискурса стали экономические и социальные реформы, проводимые вторым правительством Микулаша Дзуринды (Mikuláš Dzurinda). Им, с одной стороны, удалось оживить экономику страны, но вместе с тем принятые меры имели негативные социальные последствия, сказавшись в том числе и на средних слоях населения. Именно экономическая и социальная проблематика явилась ключевой конфликтной линией в словацком обществе, доминировавшей в ходе избирательной кампании 2006 г. Образовалась также вторая потенциальная линия конфликта — вопрос о роли в обществе религии, которая ранее в словацкой политике играла второстепенную роль. Именно этот спор послужил причиной распада коалиции правых сил в 2006 г. После расширения ЕС в словацком обществе развернулась дискуссия и о будущем ЕС, а также о том, насколько углубление интеграции соответствует интересам Словакии. В эту дискуссию вовлечены и политические партии.

Закон о выборах 1998 г., в соответствии с которым СДК стала самостоятельной политической партией, способствовал формированию партийного центра вокруг премьер-министра и лидера СДК Дзуринды, который раньше был представителем ХДД. Он интегрировал часть представителей всех партий бывшей СДК и в 2000 г. на базе перебежчиков из других политических партий основал новую правоцентристскую партию — Словацкий демократический и христианский союз (СДХС, Slovenská demokratická a kresťanská únia, SDKÚ)¹⁶. Партии в значительной степени удалось интегрировать

консервативные и либеральные течения и стать лидером правой части политического спектра.

После распада мелких левоцентристских партий их электорат и часть актива интегрировала новая политическая партия во главе с бывшим членом ПЛД Робертом Фицо — партия «Направление». После выборов 2002 г. эта изначально, по словам своего лидера, «неидеологическая партия» приняла социал-демократическую программу, получила название «Направление — социал-демократия», а в конце 2004 г. стала членом Социалистического Интернационала и Партии европейских социалистов.

Эти две партии стали основными соперниками в политической борьбе, причем они постепенно приобретают характер так называемых *catch-all parties*¹⁷. Как подтвердил опыт парламентских выборов 2010 г., именно СДХС–ДП и Направление — социал-демократия являются главными организаторами и лидерами коалиций. При этом вокруг каждой из этих партий образуется относительно стабильный набор более мелких партий, с которыми они входят в правительственные коалиции. Таким образом, поскольку обе крупные партии с 2002 г. исключают создание совместной «большой коалиции», вокруг право — левой конфликтной линии снова усиливается поляризация общества¹⁸.

Новым сегментом общества становится либерально настроенный городской электорат, представляющий средние слои населения. Уже в 2006 г. за его голоса вели борьбу несколько политических партий. Наличие среднего класса является результатом демократических и рыночных реформ. Таким образом, не только партии решают судьбу реформ при помощи своих представителей в структурах власти, но и сами реформы, в свою очередь, оказывают существенное влияние на характер партийного ландшафта страны. По этой причине не следует ожидать, что в ближайшее время словацкая партийная система стабилизируется как система двух крупных политических партий, поскольку нарастает конкуренция политических партий, претендующих на голоса среднего слоя. При этом в либеральном сегменте регулярно — с 2002 г. возникают новые партийные проекты, отличающиеся своей эфемерностью, т. е. коротким сроком существования. В 2002 г. в парламент вошла партия Союз нового гражданина (*Aliancia nového občana, ANO*), который после нескольких расколов в 2006 г. больше в парламент не входил. Разобщенный либеральный электорат тогда объединял в основном СДХС–ДП, в 2010 г. в парламент прошел новый праволиберальный партийный проект «Свобода и солидарность» (*Sloboda a solidarita, SaS*).

Избирательная система и ее влияние на деятельность политических партий

Пропорциональная избирательная система до 1998 г., благодаря региональным партийным спискам, создавала возможность внутрипартийной конкуренции. Реформа 1998 г., в соответствии с которой вся Словакия превратилась в единый избирательный округ, проводилась в пользу централизованных партий, имевших сильных лидеров¹⁹. Эта тенденция проявилась непосредственно после выборов, когда во всех парламентских партиях произошла централизация власти, сосредоточенной в руках председателя и/или центрального секретариата. Высокий уровень концентрации власти оказывает негативное влияние на внутрипартийную демократию, что проявилось в большом количестве партийных расколов: не согласных с линией партии политиков и рядовых членов исключали из партийных рядов либо они сами шли по пути создания новых политических сил. Внутренняя нестабильность партий ведет, в свою очередь, к нестабильности коалиций. В период с 1990 г. полный срок (4 года) проработали только правительство В. Мечьяра (1994–1998 гг.), дальше — как это ни парадоксально — идеологически самое гетерогенное в истории современной Словакии право-левое правительство М. Дзуринды (1998–2002 гг.) и правительство Роберта Фицо. Концентрация власти в партийном центре устраивает партийные элиты, поэтому, вопреки обещаниям, система одного избирательного округа сохранилась.

Одним из первых проявлений процессов централизации стали стремления тогдашней правящей партии ДЗДС после 1994 г. лишить депутатского мандата вышедших из партии депутатов. В 1997 г. эта партия добилась наконец исключения из парламента депутата Франтишка Гаулиедера, который перешел на сторону оппозиции, а вместо него назначила лояльного себе человека. Практику назначения новых депутатов (вместо умерших или занявших пост министра), которые должны были приостановить в связи с этим исполнение своих депутатских обязанностей, отменили только по решению Конституционного суда Словацкой республики²⁰.

С другой стороны, частные интересы политических партий защищает статья в новом избирательном кодексе 2004 г., которая обуславливает участие партий в парламентских выборах денежным залогом в 500 тыс. словацких крон (около 14 300 евро)²¹. Против такого проекта (помимо протестов правозащитников, которые считали его ограничением принципа равных шансов баллотироваться в парламент²²) не выступила ни одна партия, представленная в данный период в парламенте.

Централизация процессов принятия политических решений идет во всех партиях²³. Однако, например, в социал-демократической партии «Направление» централизованная модель была введена с самого начала ее существования (1999 г.), поэтому и до 2006 г. существовал институт «членов-основателей» этой партии с правом блокировать решения выборных органов²⁴. Кандидаты в депутаты от этой партии давали письменное обязательство об отказе от своего мандата в случае выхода из партии²⁵. Если в этой партии с самого начала назначение глав региональных и районных подразделений концентрировалось в центре, то в ДЗДС партийный лидер лично назначал кандидатов в депутаты и стремился получить право назначать представителей партии на районном уровне. Перед выборами в Европейский парламент в 2004 г. СДХС–ДП организовал внутрипартийные выборы своих кандидатов. Их результат свидетельствовал о высоком уровне недовольства в партии²⁶, после чего перед парламентскими выборами в 2006 г. такого рода перевыборы уже не повторялись²⁷.

Партии и гражданское общество

Партии — наследницы антикоммунистических движений тесно сотрудничали с неформальными движениями с 1990 г., отчасти потому, что их представители были тесно связаны с этой средой, в основном с экологическими, правозащитными и вновь возникшими молодежными организациями. Активность вспомогательных структур, в частности «традиционных» общественных организаций и профсоюзов, явилась фактором, который в значительной степени помог победить на выборах 1992 и 1994 гг. В. Мечьяру. Вместе с тем благодаря успешной мобилизации населения (в основном молодежи) «новый третий сектор» способствовал победе реформаторских сил в 1998 г. На победу реформаторов в 1998 г. и победу социал-демократов в 2006 г. оказала влияние и поддержка профсоюзов.

В 1990-е гг. именно правоцентристские партии тесно сотрудничали с негосударственными независимыми аналитическими центрами, которые разрабатывали проекты реформ. Одновременно политические партии контактировали со специалистами в органах государственного управления и в академической среде, хотя в дальнейшем те продолжали сотрудничать с партиями в качестве частных лиц. Тем не менее в основном в новых партиях правящих коалиций, не обладавших достаточным количеством специалистов, членами партий становились сотрудники министерств или органов местной и региональной власти, зачастую под неформальной угрозой увольнения с работы²⁸.

В условиях Словакии более открытыми в своих связях с гражданским обществом (не только с мобилизационной точки зрения, но также и в концептуальном плане) являлись, как правило, правоцентристские партии, которые первыми стали проводить перед выборами программные конференции по конкретной проблематике с участием профессиональной публики, не ангажированной в партийной жизни. Однако накануне выборов 2006 г. под влиянием опыта «правых» аналогичные конференции стали проводить также и социал-демократы.

С другой стороны, партии как организаторы гражданского общества не играют значительной роли. Работа вспомогательных структур, в частности молодежных и женских организаций, направлена преимущественно на деятельность и лоббирование внутри партий. Тем не менее именно молодежные организации, связанные с политическими партиями, вели в 2001–2002 гг., а затем в 2003–2004 гг. публичную дискуссию о введении доплаты за высшее образование.

Роль партий слаба также и в издательском плане. В начале 1990 г. партии стремились оказывать влияние на население при помощи собственных печатных органов. В 1994 г. осталась только одна партийная газета — «Словацкая Республика», связанная с ДЗДС. До 2002 г. она печаталась под названием «Новый день» (Nový deň), но по экономическим причинам ее издание было прекращено. Партийные СМИ не вызвали доверие читателей, которые предпочитают независимые и коммерческие издания. Именно через эти СМИ политические партии пытаются наладить связь с населением.

Особый случай связан с партией «Союз нового гражданина», возникшей под патронатом владельца и в то же время директора крупнейшего коммерческого телеканала «Маркиза» Павла Руско (Pavol Rusko). Хотя он, став лидером партии, ушел с должности директора, все же его влияние сохранилось. Представителями партии Руско, финансировавшейся в основном из личных средств своего лидера, стали несколько известных лиц шоу-бизнеса и журналистов, связанных с популярным каналом а, с другой стороны, телеканал весьма стандартно освещал события и выступления, связанные с этой партией²⁹.

Партии и власть

Одним из негативных сопутствующих феноменов партийной политики является тенденция к установлению партийного контроля не только над государственными учреждениями, но также и над органами местного или областного подчинения. Традиция такого рода политики берет свое начало от коммунистического режима. Однако

после революции 1989 г. в ходе ограничения руководящей роли коммунистической партии продолжались переговоры «круглого стола» на производственном, местном и региональном уровнях. Назначение новых должностных лиц происходило также на партийной основе.

Процесс своего рода «колонизации» государственного управления усовершенствовался и приобрел институциональный характер после 1994 г., когда партии тогдашней коалиции создавали на уровне районов «тройки» по одному представителю от каждой партии и принимали все персональные решения на своем уровне³⁰. Согласование персональных решений между коалиционными партиями на центральном и региональном уровнях имело место после каждых парламентских выборов.

Новую модель предполагал Закон о государственной службе (2001 г.), в соответствии с которым возникло Управление по государственной службе — государственный орган, в полномочия которого вошла среди прочего организация конкурсов на рабочие места в государственных учреждениях³¹. Закон был принят под давлением ЕС и предполагал создание «дефинитивных» рабочих мест в государственной администрации, охрану чиновников и правила служебного роста. Этот закон явился предметом критики именно потому, что блокировал попытки усилить влияние партийных структур на администрацию и накануне выборов в 2006 г. Некоторые его главы, которые гарантировали деполитизацию государственной службы, были отменены.

Заключение

После 1989 г. политические партии стали главными организаторами политической жизни в словацком обществе. Решающими здесь являлись внешние предпосылки, суть которых заключается в характере избранной политической системы. О том, насколько роль избирательной системы определяет партийный ландшафт, свидетельствует то, что на местном и региональном уровнях в органах самоуправления, где действует мажоритарная система, очень важную роль играют независимые депутаты и бургомистры.

Тенденцией, типичной для партстроительства в Словакии, является высокий уровень зависимости партий от государства и государственных финансов, нарастающий внутрипартийный централизм, вследствие чего ограничивается роль рядовых членов партии и активистов. После политических изменений 1989 г. большинство словацких партий создавалось на элитарной основе, их образование не было результатом спонтанных инициатив гражданского общества. Так что

партии формировались вокруг лидеров или неформальных групп интересов, а не на базе определенных программ, хотя очень часто принимали определенную идеологическую оболочку как часть своей идентичности. И все же в Словакии есть политики, которые неоднократно меняли свою политическую «окраску», даже превращаясь иногда из социал-демократов в консерваторов. Такие партии в силу своего происхождения, независимо от декларируемой идеологии, осуществляют на практике другие программы, чему способствует не только нестабильность электоральной поддержки, но и нестабильность партий как таковых. Процесс смены лидера прошел успешно, т. е. не завершился расколом, только в случае с партиями, которые были созданы на программной основе (КПС, ХДД).

Другим фактором, способствующим расхождениям между программой партии и проводимой политикой, является необходимость создания правительственных коалиций. В современной истории Словакии после 1989 г. не было правительства, состоявшего исключительно из представителей одной политической партии, за исключением правительства В. Мечьяра (1992–1993 гг.).

В первые годы демократической трансформации необходимо было, как минимум, сохранить низкий уровень государственного вмешательства в формирование партийного ландшафта страны, чтобы избежать его деформации. Только после консолидации демократии следовало принимать необходимые меры с целью обеспечения более прозрачного характера финансирования партий. Малопродуктивными являются также попытки запрещения политических партий, даже если их деятельность несовместима с принципами демократии. Так, после двух таких попыток две крайне правые партии в Словакии либо зарегистрировались под другим названием, либо их представители баллотировались по спискам другой партии³². Негативные последствия для переживающих процесс трансформации стран имеют попытки урегулирования процесса формирования партийного ландшафта при помощи избирательного законодательства. Возможность лишения статуса юридического лица для партий, которые в течение длительного времени не проводят активную деятельность, предусматривает только закон 2005 г., в соответствии с которым количество политических партий снизилось со 128 до 42. Однако поскольку демократия в Словакии воспринимается не только на уровне наблюдателей³³, но и на уровне акторов политической жизни как консолидированная, подобного рода ограничение не воспринималось в качестве репрессивной меры.

Примечания

¹ Musil J. Czech and Slovak Society // The End of Czechoslovakia. Budapest, 1996. S. 77–94.

² Szomolányi S. Kľukatá cesta Slovenska k demokracii. Bratislava, 1999. S. 19–21.

³ Kusý M. Ľudské práva a slobody v období rokov 1968–1989 // V. Koganová, D. Leška, G. Mesežnikov (eds). Demokracia a ochrana ľudských práv. Teória, prax, medzinárodná úprava. Bratislava, 1996. S. 213–220.

⁴ Havel V. Do různých stran. Eseje a články z let 1983–1989. Praha, 1989. S. 76–77.

⁵ Kopeček L. Politické strany na Slovensku 1989 až 2006. Brno, 2007. S. 123.

⁶ Подробнее см.: Havelka M. «Nepolitická politika»: kontexty a tradice // Sociologický časopis. XXXIV. 1998. Č. 4. S. 455–466.

⁷ Ср.: Месежников Г. Политические партии — акторы демократизации и реформ в Словакии // М. Бутора, Г. Месежников, М. Коллар (сост.). Опыт демократических преобразований Словакии. Братислава, 2007. С. 76–77.

⁸ Broklová E. Československá demokracie. Politický system ČSR 1918–1938. Praha, 1992.

⁹ Zákon č. 15/1990. Zb. o politických stranách z 23. januára 1990 // Zbierka zákonov 1990. Č. 4. S. 39–40.

¹⁰ Проходной барьер для коалиций двух или трех политических партий составлял 7 %, для коалиций четырех и больше партий — 10 %.

¹¹ Elections and Referendums in the Slovak Republic. Statistical Office of the Slovak Republic. <http://www.statistics.sk>.

¹² Zákon č. 187/1998 Z.z., ktorým sa mení a dopĺňa zákon Slovenskej národnej rady č. 80/1990 Zb. o voľbách do Slovenskej národnej rady v znení neskorších predpisov a o zmene a doplnení ďalších zákonov z 20. 5. 1998 // Zbierka zákonov 1998. Č. 68. S. 1278–1287.

¹³ В 1990 г. Венгерская независимая инициатива — политическая партия либерального толка баллотировалась вместе с ОПН, через два года эта партия переименовалась в Венгерскую гражданскую партию, но не преодолела проходной барьер. Кроме нее в парламенте действовали Венгерское Христианско-Демократическое Движение и национально-либеральное Сосуществование (Spolužitie). С 1994 эти три венгерские партии баллотировались вместе по списку Венгерской коалиции.

¹⁴ См.: Месежников Г. Там же. С. 79–80.

¹⁵ Подробнее см.: Kopeček L., Hloušek V. Konfliktní linie v současné české a slovenské politice: mezi stabilitou a změnou. Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity v Brně. Working Paper. Č. 10. <http://www.iips.cz/upload/working%20papers/hloušek-kopecek.pdf>.

¹⁶ После объединения с Демократической партией в 2002 г. партия получила название Словацкий Демократический и Христианский Союз — Демократическая Партия (СДХС-ДП, Slovenská demokratická a kresťanská únia — Demokratická strana — SDKÚ-DS).

¹⁷ Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems // J. La Palombara, M. Werner (eds.). Political Parties and Political Development, Princeton. S. 184–200.

¹⁸ О социал-демократическом характере партии Направление — социал-демократия см.: Marušiak J. Fenomén strany Smer: medzi «pragmatizmom» a sociálnou demokraciou // *Středoevropské politické studie*. Roč. VIII. Č. 1. 2006. S. 19–55. (интернет версия: <http://www.cepsr.cz/dwnld/marus106.pdf>).

¹⁹ Zákon č. 187/1998 Z.z., ktorým sa mení a dopĺňa zákon Slovenskej národnej rady č. 80/1990 Zb. o voľbách do Slovenskej národnej rady v znení neskorších predpisov a o zmene a doplnení ďalších zákonov z 20. 5. 1998. Zbierka zákonov 1998, čiastka 68, S. 1278–1287.

²⁰ Пять положений избирательного закона, согласно Конституционному суду, противоречат Конституции страны. См.: *Sme*. 1999. 19.3.

²¹ Zákon č. 333/2004 Z.z. o voľbách do Národnej rady Slovenskej republiky z 13. mája 2004. Zbierka zákonov. Č. 139. S. 3102–3114.

²² Marušiak J. 17. november — po 14 rokoch opäť za slobodné voľby // *Britské listy*. 2003. 18.11. <http://www.blisty.cz/art/15984.html>.

²³ См.: Ondruchova M. Organizacia politických stran a hnutí na Slovensku. Bratislava, 2000; *Politické strany ako organizácie* / M. Rybar (ed.). Bratislava, 2004.

²⁴ Stanovy strany SMER — sociálna demokracia. Bratislava, 1999.

²⁵ *Sme*. 2007. 19.4.

²⁶ В списке кандидатов СДХС есть и женщины. См.: *Euractiv*. sk. 2004. 17.3.

²⁷ *TASR*. 2006. 20.2.

²⁸ Malová D. Rule by Parties, Parliaments or Cabinet: Crisis of Representative Democracy? // O. Gyárfášová, G. Mesežnikov (eds.). *Party government in Slovakia: Experience and Perspectives*. Bratislava, 2004. S. 18.

²⁹ См., например, результаты мониторингов, проводимых аналитическим центром «Мемо 98»: *Prezentácia politickeho subjektu ANO v hlavných spravodajských reláciach TV Markiza a STV* (22. apríla — 21. septembra 2001). Bratislava, Memo 98. 2001.28.9. http://www.memo98.sk/index.php?=&data/spravy/2001/sk_ano2.txt.

³⁰ Kopeček L. *Op. cit.* S. 163.

³¹ Zákon č. 312/2001 Z.z. o štátnej službe a o zmene a doplnení niektorých zákonov z 2. júla 2001. Č. 131. S. 3334–3377.

³² Так, в 1990 г. партия Словацкое национальное единство (СНЕ) попыталась зарегистрироваться под названием Словацкая народная партия Глинки — Партия национального единства, бывшей носителем монопольной власти в Словацкой республике (1939–1945 гг.), — государстве-сателлите, которое поддерживало гитлеровскую Германию. См.: Mikusovic D. *Mimoparlamentna krajna pravica na Slovensku*. Bakalárska práca. Brno, Masarykova univerzita v Brně, Fakulta sociálných vied, 2006. S. 36. Второй случай связан с партией Словацкое содружество — национальная партия, которую из-за симпатии к режиму Словацкой республики в годы Второй мировой войны и открытого требования ограничения прав и свобод граждан в политической программе партии 1 марта 2006 г. расформировал Верховный суд Словацкой республики (*Sme*. 2006. 2.3).

³³ *Democracy Divide in Eastern Europe — Ten Years After Soviet Collapse*. New York, 2001. July 8. Press Release.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РАЗДЕЛЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1990–1992 гг.)

Ю. А. Щербакова
(Россия)

Несмотря на то что Чехословакия прекратила свое существование в 1992 г., уступив место двум независимым государствам — Чешской и Словацкой Республикам, эта страна и по сей день является объектом исследования. Ее история богата бурными событиями. И, пожалуй, именно о жителях этой страны можно сказать, что они сумели, ни разу не покинув отчий кров, стать гражданами 4–5 различных государств. Общественный строй и формы государственного устройства на протяжении XX в. в Чехословакии были различны: от централизованной унитарной буржуазно-демократической республики до предоставления Словакии широкой автономии и раздела страны в 1939 г. После Второй мировой войны единое государство было восстановлено сначала на народно-демократических, а затем социалистических началах. В конце 1960-х гг. Чехословакия стала федерацией. И образование чехословацкого государства, и последующие периоды в его развитии характеризовались процессом взаимопритяжения и взаимоотталкивания двух народов — чехов и словаков, имевшим как фазы обострения, так и латентные формы и приведшим в конце XX в. к образованию двух новых национальных государств.

Пытаясь понять причины, которые привели к распаду чехословацкого государства в 90-е гг. прошлого века, нельзя не обратить внимания на связь развития принципов демократии и плюрализма в общественной жизни после победы «бархатной» революции и нового витка обострения национально-государственной проблемы. Изменение основ политической системы страны после ноябрьских событий 1989 г. вывело на политическую арену политическую элиту, которая столкнулась с необходимостью выработки отличной от прежней коммунистической концепции государственного устройства Чехословакии. Как нам представляется, посленоябрьские политики на первом этапе (осень 1989 г. — лето 1990 г.) после победы в борьбе за власть ни теоретически, ни организационно не были готовы к решению на-

ционально-государственных проблем. Это относится как к законодателям и представителям исполнительной власти, так и к руководству политических партий.

Первая проба пера связывается с изменением названия государства — Чехословацкая Социалистическая Республика, которое перестало соответствовать изменившимся политическим реалиям. В начале 1990 г., уже после избрания В. Гавела президентом, была проведена «реконструкция» Федерального собрания страны, председателем которого стал А. Дубчек. На его заседаниях развернулась дискуссия, длившаяся в течение трех месяцев. Словацкие депутаты в стремлении подчеркнуть в новом названии идею о двух самобытных народах, объединенных в единое государство, и в традиции Трианонского договора предлагали разделить дефисом историческое наименование страны — «Чехо-Словакия». И только со второй попытки 20 апреля 1990 г. законодателям удалось принять решение, удовлетворившее как словацкую, так и чешскую части собрания. Решение это выглядело как компромисс, который парадоксальным образом содержал внутренние противоречия. Государство получило официальное название «Чешская и Словацкая Федеративная Республика», а ее историческое название «Чехословакия» обрело двойне написание: на чешском языке слитное, а на словацком — через дефис.

К весне 1990 г. относится и институциональный демарш. Чешское и словацкое правительства провели переговоры без участия федерального, на которых решили, что каждая из двух республик будет использовать все налоговые платежи, собираемые на ее территории для формирования республиканского бюджета. Предполагалось, что республики будут выделять федеральному центру необходимые средства. Иными словами, у федерального правительства не должно было остаться собственных источников для формирования федерального бюджета. Нельзя не согласиться с критикой этого решения В. Клаусом, тогдашним премьер-министром. Он заявил тогда, что национальные правительства «работают» на распад федерации, так как без экономического центра и автономных доходных статей во всех трех бюджетах единую экономику представить невозможно.

Вступив после ноября 1989 г. на путь проведения коренного реформирования экономических и политических основ общества, политическая элита столкнулась также с необходимостью переосмысления принципов, лежащих в основе чехословацкого государства. Значительную часть этой новой элиты составляли политические партии, их члены и руководство. Наиболее удобным случаем заявить об идеях и принципах государственного устройства страны стали первые сво-

бодные выборы в июне 1990 г. Предвыборная программа ГФ, самой влиятельной политической силы того времени, формулировала этот принцип следующим образом: «При сохранении принципа федеративного устройства Чехословакия будет представлять собой равноправный союз обеих наций и всех национальностей»¹. В программе ГФ также указывалось, что все народности, населяющие Чехословакию, имеют право на удовлетворение своих специфических потребностей в сфере культуры, традиций и языка.

Коммунистическая партия Чехословакии, занимавшая принципиально отличные от ГФ позиции, также выступала с идеями федеративного государственного устройства. Коммунисты требовали представления гарантий для осуществления реального политического, экономического и культурного равноправия всех народов, населяющих Чехословакию².

В 1990 г. на политической сцене страны не были представлены силы, предлагавшие идеи чешского суверенитета или закрепления за Чешской Республикой особых прав как субъекта международного права. Правда, действовало Движение за самоуправляемую демократию — Общество Моравия и Силезия (ДЗСД-ОМС), которое выступало за законодательное закрепление положения мораван как этноса с собственной правосубъектностью, за самоуправляемые Моравию и Силезию в общем государстве.

Перед выборами 1990 г. политические силы Словакии по их отношению к будущему государственному устройству страны можно сгруппировать следующим образом. За немедленное отделение Словакии и провозглашение независимого суверенного словацкого государства выступал Национальный совет за освобождение Словакии, который в основном поддерживали представители словацкой эмиграции из США и Канады. Идею конфедерации или унии двух суверенных государств, имеющих общие министерства обороны, иностранных дел и финансов, выдвигали Словацкая национальная партия, Партия свободы, Независимая партия словаков. Федерация как форма государственного устройства фигурировала в программах движения Общественность против насилия, Демократической партии, христианских демократов и социал-демократов, а также политических партий венгерского национального меньшинства. Наряду с признанием федеративной формы государственного устройства, в программах христианских демократов, Демократической партии, социал-демократов содержалось требование провозглашение суверенитета Словакии. Будущее чехословацкого государства виделось идеологами этих партий в форме федерации суверенных республик.

В выборах 1990 г. представители различных национальностей, населявших Чехословакию, по-разному голосовали за национально и вненационально ориентированные партии.

Таблица 1

Результаты голосования представителей различных национальностей на выборах 1990 г.³ (в %)

Националь- ность	Общедемократи- ческие движения ГФ+ОПН	Интернац. соц. ориент. КПЧ	Нац. ориент. партии	Христианские партии
Чехи	62	12	нет партии	7
Словаки	35	13	СНП – 17	22
Мораване	17	11	ДЗСД – 48	19
Венгры	нет данных	11	ВНП – 80	нет данных

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о значительной роли национального компонента в симпатиях венгерского, в меньшей степени – словацкого и моравского электоратов. Дальнейшее формирование программных установок политических сил происходило с учетом проявившихся в ходе выборов электоральных предпочтений.

Основными чертами общественного развития после выборов 1990 г. стали характеристики переходного периода от одной системы организации общества к другой: крупномасштабные изменения в экономической сфере, реформирование политической структуры Чехословакии. Первоочередной задачей политических реформ стало решение вопроса о государственно-правовом устройстве страны, разработка и принятие новой конституции. Основные усилия по переосмыслению концепции чехословацкой федерации были направлены на перераспределение компетенций центра и республик.

В декабре 1990 г. Федеральным собранием ЧСФР был принят Конституционный закон о Чехословацкой Федерации, который более известен как Закон о разделении компетенций. Конституционный закон изменял прежний способ разделения компетенций. Если ранее предусматривались исключительная компетенция федерации, совместная компетенция федерации и республик и исключительная компетенция республик, то данным законодательным актом суверенитет республик в федерации объявлялся первоначальным, а суверенитет федерации – производным.

Закон относил к компетенции федерального центра лишь те вопросы, которые республики добровольно передавали в ее ведение – единой внешней политики, обороны государства и единой валюты;

создание условий для единого рынка: разработка концепций, принятие законов по ключевым экономическим вопросам, стимулирование свободного движения капитала и рабочей силы, введение единой системы налогообложения. Законом предусматривалось становление единой банковской системы в ЧСФР с единым эмиссионным центром. Федерация получала возможность регулировать работу таможенной службы, разрабатывать федеральные законы, ведать делами почт и телекоммуникаций, регулировать величину и порядок социальных выплат (пенсий, пособий и т. д.). Федеральному собранию предоставлялось право в случае необходимости принимать решения по вопросам функционирования общегосударственных технологических сетей: нефте- и газопроводов, системы энергоснабжения.

К компетенции республик были отнесены экономические, социальные и внешнеполитические вопросы, которые затрагивали их непосредственные интересы. Закон предоставлял республикам возможность осуществлять свой суверенитет во внешнеполитической области, не выходя за рамки единой внешней политики ЧСФР. Деятельность республик при этом ограничивалась заключением соглашений со сходными с ними по государственно-правовому положению субъектами федеративных государств в области торговли, культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта, средств массовой информации. Они получали право обмениваться с зарубежными странами культурными представительствами.

Устраняя возможность вмешательства органов федерации в компетенции республик, закон определял, что при возникновении противоречий между действиями федерального и республиканского правительств принимать решения уполномочен Конституционный суд. Закон исходил из перспектив самостоятельного развития экономики каждой из республик на основе их интеграции в единую рыночную систему⁴.

Однако принятие Закона о разграничении компетенций не сыграло стабилизирующей роли в жизни страны. Этот закон создавал объективные условия не столько для закрепления федеративных основ государства, сколько для углубления межреспубликанских различий, прежде всего в экономической сфере. Попытки заменить реально существовавшую до 1989 г. унитарную модель государства на трехсубъектную привели не только к формированию специфических интересов сторон, но и к их столкновению.

Идею сохранения чехословацкой государственности последовательно отстаивал в 1990–1992 г. президент В. Гавел. По его мнению, единственно возможной формой существования единого или

совместного государства чехов и словаков является федеративное устройство. Особое значение в этой связи В. Гавел придавал разработке и принятию новой конституции страны. Он неоднократно заявлял, что «дал обет ввести новую конституцию в жизнь», и что в случае невыполнения этого обещания уйдет в отставку с поста президента. В. Гавел считал, что если федеральная конституция не будет принята до парламентских выборов в июне 1992 г., это станет поражением демократической власти. Он поддерживал идею подписания государственного договора между Словацкой и Чешской Республиками, в котором была бы отражена воля граждан обеих республик жить в общем, федеративном государстве.

Впервые идею такого договора высказал Я. Чарногурский, лидер Христианско-демократического движения (ХДД), глава словацкого правительства (апрель 1991 — июнь 1992). В ее развитие весной 1991 г. представители Чешского национального совета (ЧНС) выступили с проектом Договора между ЧНС и Словацким национальным советом (СНС) о государственно-правовом устройстве Чешской и Словацкой Федеративной Республики⁵. В преамбуле проекта подчеркивалось, что ЧНС и СНС, избранные в 1990 г. в результате свободных и демократических выборов, являются легитимными представительными органами, выражающими действительную волю обоих народов, состоящую в намерении жить в общем государстве — Чешской и Словацкой Федеративной Республике, которое представляет собой добровольный союз двух равноправных республик.

Проект договора предполагал, что и ЧР, и СР, составляющие ЧСФР, могут выйти из союза только в случае принятия такого решения на референдуме. Предполагалось также, что ЧР и СР будут взаимно уважать суверенитет друг друга, равно как и суверенитет ЧСФР. Проект предусматривал образование специального федерального органа — Федерального совета, составленного из равного числа представителей от ЧНС и СНС. В проекте также указывалось, что законы и правовые предписания, принятые на федеральном уровне, прямо распространяются на ЧР и СР. Конституции республик и принимаемые ими законодательные акты должны соответствовать федеральным законам.

Принцип верховенства федеральных законов над республиканскими и их прямого действия в республиках не получил безусловной поддержки у самого автора идеи межреспубликанского договора Я. Чарногурского. По его мнению, чешский политический истеблишмент не хотел, чтобы идея общей государственности словаков и чехов была проверена на жизнеспособность естественным ходом истории-

ческого процесса. Он заявлял, что не видит разницы в том, каким образом государство будет осуществлять свои функции (армия, внешняя политика, макроэкономическая стратегия) — федеративно, на принципах прямого действия или конфедеративно, когда принимаемые в центре решения должны будут утверждаться республиками⁶. Я. Чарногурскому принадлежит также высказывание о том, что и ЧР, и СР должны получить столько суверенитета, сколько смогут «переварить». Позиция, весьма схожая с позицией, занимаемой рядом российских политиков в период «парада суверенитетов».

Словацким политическим силам не удалось занять единую позицию относительно будущего словацкого государства. Отсутствие единства мнений по этому вопросу проявилось в составленном представителями парламентских партий Словакии проекте Конституции Словакии (декабрь 1991). Первые проекты словацкой Конституции появились еще в 1990 г., а к маю 1991 г. их насчитывалось по крайней мере шесть. В попытках их согласования и родился вариант, который нес на себе явные следы расхождений в трактовках вопросов государственного строительства различными политическими силами.

Гражданская демократическая уния — Общественность против насилия (ГДУ—ОПН), Демократическая партия, венгерские партии видели будущее словацкой государственности в рамках обновленной на демократических принципах чехословацкой федерации. Эту идею поддерживали также словацкие социал-демократы.

Христианские демократы выступали сторонниками такого варианта словацкой конституции, который в случае раздела государства мог бы стать конституцией независимой Словакии. Как заявил заместитель председателя словацкого парламента Я. Клепач, «цель ХДД — принять чистую конституцию Словакии, главными принципами которой будут государственный суверенитет Словакии и строительство единого государства “снизу”, от республик»⁷. Подобная философия государственного строительства предусматривала необходимость первоначального раздела Чехословакии на две национальные республики с последующим их объединением.

Наиболее последовательно и открыто за выход из совместного с чехами государства выступали представители СНП. Осуществление национальной эмансипации, укрепление национального самосознания словаков они связывали с не зависимым от чехов политическим и экономическим развитием. Принцип национальной словацкой независимости должен стать основой новой конституции Словакии. СНП выступала за немедленный выход Словакии из состава Чехословакии. СНП последовательно и успешно отстаивала свою позицию по национальному вопросу, начиная с предвыборной кампании

1990 г. до распада страны. По результатам парламентских выборов 1990 г. она получила места в обеих палатах Федерального собрания, а также была представлена в СНС; выборы 1992 г. позволили ей стать одной из сильнейших партий словацкого парламента. СНП не видела альтернативы полной и безоговорочной самостоятельности Словакии. «Страны Бенилюкса экономически связаны между собой, так же как и мы с Чешской Республикой, но все они — самостоятельные государства», — заявлял лидер СНП В. Мориц⁸.

Позицию СНП разделяло Словацкое национально-демократическое движение (СНДД), так же как и СНП ставившее своей целью достижение государственной самостоятельности Словакии и прежде всего — в качестве суверенного международного субъекта.

Одновременно с появлением упоминавшегося выше проекта словацкой Конституции на обсуждение СНС была представлена Декларация о государственном суверенитете Словацкой Республики, подготовленная группой национально-ориентированных словацких политических движений, в которую помимо СНДД входили инициативная группа «61 шаг к словацкой самобытности», общество словацкой интеллигенции «Корни», «Общество Л. Штура». Как подчеркивалось в Декларации, СР является суверенным государством, возникшим на основе неотъемлемого права словацкого народа на самоопределение, государственного характера его языка и суверенного права самостоятельно решать свою судьбу. В документе, в частности, говорилось о необходимости создания в Словакии собственной экономической системы, предусматривающей открытие национально-словацкого банка и, если потребуются, введения своей валюты, а также создание своих вооруженных сил, органов государственной и общественной безопасности, конституционного суда. В Декларации указывалось, что Словацкая Республика свободно, добровольно и самостоятельно принимает решения о своем вступлении в союзы с другими государствами и о выходе из них. В то же время в Декларации утверждалось, что ее принятие не является актом отделения СР от ЧР. Уязвимость подобного утверждения очевидна, так как отдельные части единого государства не могут быть субъектами международного права, как это предусматривалось в Декларации⁹.

Краеугольным положением концепции Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) по вопросам государственного строительства стало требование признания суверенитета Словацкой Республики. В его программном заявлении (апрель 1991 г.) «Призыв к гражданам» указывалось: «Мы за суверенную, демократическую и процветающую Словакию. Поэтому выступаем за новое качество государственно-правового устройства страны на принципе двух су-

веренных и равноправных республик, что должно найти отражение в новых конституциях... Мы против развала единого государства чехов и словаков. Вместе с тем отвергаем стремление отказать Словацкой Республике в естественном праве на суверенитет»¹⁰.

Летом 1991 г. ДЗДС держало курс на образование конфедерации двух республик, что в представлении лидеров этой организации не означало распада единого государства. При таком устройстве были бы созданы два государственных образования — Словацкая и Чешская Республики, которые стали бы носителями международного суверенитета. Часть компетенций для координации деятельности они могли бы передать общим органам. Это означало бы верховенство законов республик, федеральные же законы могли бы действовать в ЧР и СР только в случае их одобрения национальными парламентами. Предполагалось подписание между двумя республиками государственного договора.

Отсутствие какого-либо результата в реформировании чешско-словацких отношений и разработке концепции будущего чехословацкого государственного устройства позволило В. Мечъяру заявить на сейме ДЗДС в марте 1992 г. о снижении уровня взаимного доверия между чехами и словаками; начался распад государства. «Причиной этого, — утверждал он, — является и кризис философии упорядочения словацко-чешских отношений. Мы отвергаем философию существования, основанную на страхе»¹¹.

Для улучшения взаимных отношений Мечъяр предложил следующие политические шаги: 1. Полностью отказаться от чехословакизма как философской доктрины, так и политической концепции; признать, что чехи и словаки — два разных народа, с различными политической ориентацией, структурой экономики и социальными отношениями. 2. Определить сферы общих интересов, которыми могли бы стать: сохранение единого рыночного пространства и экономическое сотрудничество, совместное решение вопросов обороны в случае нападения, координация внешней политики. 3. Провозгласить суверенитет обеих республик и рассматривать его как предпосылку для более широкого международного признания.

С весны 1992 г. ДЗДС высказывалось за одностороннее провозглашение суверенитета Словакии, принятие республикой своей конституции, предполагающей пост президента и проведение в Словакии референдума по вопросу о будущем Чехословакии¹².

Анализ программных документов и высказываний лидера этой наиболее влиятельной словацкой партии позволяет проследить трансформацию взглядов от приверженности «свободной» федера-

ции к утверждению словацкой государственной независимости, далее к требованию установления конфедеративных отношений между Чехией и Словакией и в финале — к разделу страны.

Трудности переходного периода, переживавшиеся чехословацким обществом в 1990–1992 гг., обострили национальную самоидентификацию как словацкой, так и чешской сторон. Однако ряд влиятельных политических партий продолжал отстаивать накануне выборов 1992 г. идею федерации как инструмента, обеспечивающего абсолютное единство действий на всем пространстве Чехословакии. Последовательно отстаивали понимаемое именно таким образом федеративное устройство Чехословакии представители Гражданской демократической партии (ГДП). В их программе, однако, указывалось, что федерация, основанная на национальном принципе, является нестабильным образованием. Они предложили образовать федеративное государство на основе территориального принципа. За федеративное государство выступала также и КПЧМ. При этом в ее программе указывалось, что полномочия республик должны определяться их национальным суверенитетом.

Углубление кризиса чехословацкой государственности непосредственно связано с выборами в Федеральное собрание ЧСФР в июне 1992 г. Бесспорным политическим лидером в Чехии стала ГДП, словацкие избиратели в своем большинстве отдали голоса ДЗДС. Но ни одна из партий, победивших на выборах, не обладала необходимым для принятия принципиальных решений большинством голосов.

Более того, по Конституции 1968 г., которая в демократических условиях превратилась в реальный действующий законодательный акт, 8 % голосов депутатов Федерального собрания было достаточно, чтобы заблокировать принятие важнейших государственных законов. На практике это означало следующее. Федеральное собрание представляло собой двухпалатный парламент, состоявший из Палаты народа (150 депутатов, избираемых в соответствии с численностью чехов и словаков) и Палаты национальностей, в которой чешские и словацкие депутаты были представлены поровну, по 75 человек. Для принятия конституционных актов и закона о проведении референдума требовалось квалифицированное большинство, что составляло $\frac{3}{5}$ от общей численности депутатов. Голосование проходило отдельно по палатам, и закон вступал в действие после его утверждения обеими палатами. Другими словами, 31 депутат из национальной группы получал возможность заблокировать принятие важнейших законов.

Выборы 1992 г. осложнили и без того не простую политическую обстановку в стране. Переговоры между лидерами победивших пар-

тий В. Мечьяром (ДЗДС) и В. Клаусом (ГДП) о составе федерального правительства начались 8 июня в Брно. 19–20 июня на очередной встрече представителей ГДП и ДЗДС в Братиславе были разработаны тезисы программного заявления правительства ЧСФР. В документе говорилось, что у нового федерального кабинета министров — временный мандат. 24 июня в Братиславе было сформировано новое словацкое правительство во главе с Владимиром Мечьяром (председателем ДЗДС). 2 июля приступил к обязанностям новый кабинет министров Чешской Республики во главе с Вацлавом Клаусом.

А 14 июля 1992 г. на сессии парламента Словакии ее правительство выступило с программным заявлением, в котором говорилось о стремлении к установлению с Чешской Республикой отношений нового типа и созданию такой модели сосуществования двух национальных республик, при которой Словакия будет признана как субъект международного права. Реакция правительства Чехии, возглавляемого В. Клаусом, последовала незамедлительно. Чешское правительство в тот же день приняло заявление, в котором оно принимало на себя обязательство всеми необходимыми мерами обеспечить существование Чешской Республики как самостоятельного государства.

В создавшейся ситуации у значительной части чешской и словацкой политической элиты отсутствовал четкий план действий. Еще большее напряжение внесла отставка с поста президента ЧСФР В. Гавела. Его переизбрание на этот пост заблокировали в Федеральном собрании словацкие депутаты.

Судьба Чехословакии решилась в ходе консультаций В. Клауса и В. Мечьяра. Чешская сторона придерживалась концепции, максимально децентрализованной ЧСФР: передача важных полномочий из центра не должна ограничиваться республиканским уровнем, а распространяться на области и даже регионы. Единственно, чем не хотела поступиться чешская сторона, так это основополагающими принципами радикальной экономической реформы.

Словацкая концепция содержала окончательно оформленный проект экономической и оборонной унии. Речь шла о «государстве из двух слагаемых», в котором будут две разные экономики в общих границах, два эмиссионных центра с общей денежной единицей, два международно-правовых субъекта, которые в некоторых случаях могли быть представлены за рубежом общими посольствами. Все это следовало называть Чехословакией без дефиса. В. Клаус определил эту концепцию как нежизнеспособный гибрид и «третий путь в никуда»¹³. Словацкие представители не принимали идеи федерации, чешские — конфедерации. В. Клаус и В. Мечьяр пришли к соглашению

о контролируемом разделе федерации на два государства, объявив, что они предоставят Федеральному собранию проекты законов о прекращении существования федерации и об определении механизмов раздела общего имущества.

Упразднение Чехословацкой федерации произошло по воле политических элит. И когда нынешнему президенту Чешской Республики и активному участнику политической жизни 1990-х гг. В. Клаусу задают вопрос, не являлось ли это решение, принятое без проведения референдума, свидетельством дефицита демократии, то в его ответе, с одной стороны, звучит сожаление, а с другой — уверенность в неизбежности произошедшего. «Тогда, — подчеркивает он, — одна часть Чехословакии не желала больше оставаться в федерации. Я находился на стороне чехов и хотел, чтобы Чехословакия продолжалась, но словаки решили дальше идти в одиночку. В такой ситуации невозможно сформулировать разумный вопрос и провести референдум. На какой вопрос следовало отвечать чехам? Довольны ли они тем, что словаки хотят отделиться? В этом не содержалось никакого смысла. Если вопрос был, хотят ли чехи раздела страны, чехи твердо сказали бы “нет”. Но это не помогло бы и ничего не спасло...»¹⁴

Хроника разъединения страны на два независимых государства, составленная по материалам информационных агентств, позволяет убедиться в обоюдном стремлении чешских и словацких политических элит к разделу общего государства.

21 января 1992 г. Федеральное собрание ЧСФР отвергло предложенные президентом В. Гавелом поправки к закону о референдуме, а также его проект новой конституции страны. 14 марта того же года на митинге в Братиславе был принят меморандум с требованием провозглашения государственной самостоятельности Словакии.

8 июня в Брно началась серия переговоров о будущем страны между лидерами победивших на выборах партий, а 19–20 июня в Братиславе на новой встрече представители чешской и словацкой сторон разработали тезисы программного заявления правительства ЧСФР. В документе говорилось, что у нового кабинета министров — временный мандат.

24 июня в Братиславе было сформировано новое словацкое правительство во главе с В. Мечьяром, председателем ДЗДС. 2 июля приступил к обязанностям новый кабинет министров Чешской Республики во главе с В. Клаусом. В этот же день президент ЧСФР В. Гавел назначил новое правительство федерации, в котором впервые в чехословацкой истории на паритетной основе были представлены чешские и словацкие министры.

17 июля Словацкий национальный совет принял Декларацию о суверенитете Словацкой Республики, в которой говорилось о праве словацкого народа на самоопределение в соответствии со всеми международными договорами и соглашениями. По заявлению В. Мечьяра, Конституция ЧСФР на территории Словакии действует до принятия Основного закона СР.

20 июля ушел в отставку с поста президента ЧСФР В. Гавел, переизбрание которого на пост президента чехословацкой федерации заблокировали в Федеральном собрании словацкие депутаты.

22–23 июля на встрече чешского премьер-министра В. Клауса и словацкого В. Мечьяра в Братиславе определились позиции сторон: чешская сторона не принимала конфедерацию, а словацкая не соглашалась с федерацией. Стороны приняли решение о контролируемом разделе федерации на два государства, объявив, что они предоставят Федеральному собранию проекты законов о прекращении существования федерации и об определении механизмов раздела общего имущества.

26 августа в Брно на встрече В. Клауса и В. Мечьяра была определена точная дата разъединения Федерации — 1 января 1993 г.

1 сентября словацкий парламент принял конституцию Словацкой Республики, а 1 октября 1992 г. она вступила в силу. Федеральное собрание ЧСФР, приняв соответствующие поправки к федеральной конституции, предоставило руководителям республик дополнительные полномочия: в полное распоряжение республик передавались почта и железные дороги, право на проведение самостоятельной политики в средствах массовой информации, сохранение безопасности и порядка на их территории и расследование преступлений против государства. В ведении федерального правительства остались финансы, экономика, международные связи, оборона и национальная безопасность, переработка и использование газа и электроэнергия, контроль над атомными электростанциями.

9 ноября чешский и словацкий премьеры В. Клаус и В. Мечьяр одобрили проект Договора о добрососедстве, дружеских отношениях и сотрудничестве между Чехией и Словакией.

13 ноября парламент ЧСФР принял Закон о разделе имущества чехословацкой федерации между Чехией и Словакией. Основой механизма деления стали территориальный и пропорциональный принципы.

17 ноября Национальный совет Словакии и Чешский национальный совет приняли постановление к законопроекту Федерального собрания ЧСФР о прекращении существования чехословацкой

федерации. Парламентарии рекомендовали в срочном порядке рассмотреть и принять документ, который законодательно закрепил бы распад единого государства чехов и словаков.

25 ноября парламент ЧСФР принял Закон о прекращении существования чехословацкой федерации с 31 декабря 1992 г. Государствами — преемниками ЧСФР с 1 января 1993 г. стали Чешская Республика и Словацкая Республика. Вместе с федерацией прекратили свою деятельность и государственные органы федерального подчинения, вооруженные силы и органы безопасности.

9 декабря Европейское сообщество выступило с заявлением о готовности всех стран — членов ЕС признать обе республики.

Примечания

¹ Deset pražských dnů (17–27 listopad 1989). Dokumentace. Praha, 1990. S. 504.

² K volbám 1990. Program KSČ. Leták.

³ Sláma J. Parlamentní volby 1935, 1946, 1990 — ne pouze historie // Sociologický časopis. Praha, 1990. Č. 2. S. 186.

⁴ Sbíрка zákonů. Č. 541. 1991. Praha, 1991. S. 3250.

⁵ Žit v spoločnom štáte. Návrh Dohody ČNR a SNR // Čas. Bratislava, 1991. 14.05. S. 1, 4.

⁶ Čarnogurský J. Vizia spoločného štátu Slovákov a Čechov // Literárni týždenník. Bratislava, 1992. № 1. S. 2.

⁷ Вести Европы / ИТАР-ТАСС: Сер. «СЕ». М., 1991. 25 июня. С. 9.

⁸ Вести Европы / ИТАР-ТАСС: Сер. «СО». М., 1991. 24 марта. С. 13.

⁹ Rossler I. Kdo na koho doplací // Tvorba. Praha, 1990. № 16. S. 6, 7.

¹⁰ Бескромный В. Словакия перед выборами: расстановка политических сил // Компас. М., ИТАР-ТАСС. 1992. № 32. С. 17.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 20–21.

¹³ Klaus V., Hajk P. Narovinu. Praha, 2001. S. 318.

¹⁴ Клаус В. Опасность для демократии и свободы в Европе // http://www.russ.ru/culture/20050616_klaus.html.

РАЗВИТИЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Я. В. Шимов
(Чехия)

«Бархатная» революция 1989 г., положившая конец 40-летней монополизации государственной власти Коммунистической партией Чехословакии (КПЧ), поставила чешское (и словацкое) общество перед необходимостью кардинального реформирования всей государственно-политической системы. Фактически речь шла о создании этой системы заново, на иных, демократических принципах. Этот процесс спонтанно начался уже в дни революции, когда сформировались широкие, еще слабо структурированные общественные движения, выступавшие за ликвидацию коммунистического режима: Гражданский форум (ГФ) в Чехии и Общественность против насилия (ОПН) в Словакии. 26 ноября 1989 г. ГФ обратился к гражданам страны с воззванием «Чего мы хотим», в котором в лаконичной форме излагались программные принципы антикоммунистической оппозиции. В документе подчеркивалось, что Чехословакия должна стать правовым демократическим государством в духе традиций межвоенной Чехословацкой (так называемой Первой) республики (1918–1938) и международных принципов, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах. 10 декабря было обнародовано заявление Координационного центра ГФ под названием «Кто мы», в котором Форум провозглашался «коалицией всех демократических сил общества», намеренной выступить в качестве самостоятельного политического субъекта на предстоящих свободных парламентских выборах. Одновременно формулировалось положение, согласно которому отдельные политические партии могли действовать как самостоятельные субъекты в рамках ГФ и при желании отделиться от него после выборов¹.

В первые недели и месяцы после фактической утраты КПЧ положения правящей партии (вернее, «партии-государства», монополизировавшей функции и институты государственного управления)² новые элементы были спешно «вмонтированы» в рамки прежней государственно-политической системы. В федеральный парламент и Национальные советы обеих республик ЧССР кооптировались некоторые деятели оппозиции, активно проявившие себя в дни «бархатной» революции, в том числе представители ГФ и ОПН. В начале декабря 1989 г. было сформировано переходное правительство («правительство национального согласия»), в состав которого впервые за более чем 40 лет вошли беспартийные и антикоммунистические деятели. Однако во главе кабинета в результате политической сделки между реформистским крылом КПЧ и лидерами оппозиции оказался умеренный коммунистический политик Мариан Чалфа. Наконец, 29 декабря прежний, избранный еще при власти КПЧ и под ее контролем парламент ЧССР избрал новым президентом страны драматурга, бывшего диссидента и одного из основателей ГФ Вацлава Гавела.

Такая «комбинированная» система, естественно, носила сугубо переходный характер. Первая половина 1990 г. в чешской и словацкой политической жизни была отмечена разработкой новой Конституции, попытками урегулирования взаимоотношений между двумя частями чехословацкой федерации и подготовкой к первым за 44 года³ свободным выборам, состоявшимся в июне 1990 г. В этот период был заложен фундамент новой политической системы, в основных своих чертах сохранившейся как в Чешской, так и в Словацкой республиках и после распада федеративного государства в 1992 г. В частности, уже в январе 1990 г. принимается федеральный закон о политических партиях и объединениях (так называемый «малый» закон), дополненный и расширенный год спустя. Тем самым впервые в истории Чехии и Словакии политические партии стали субъектами права⁴. В Программе ГФ, который рассматривал себя не как политическую партию, а скорее как институт гражданского общества, говорилось о «создании или восстановлении демократических институтов и самоуправленческих механизмов, которые обеспечили бы участие всех граждан в решении общественных дел, и предоставлении всем существующим и вновь возникающим партиям <...> равных условий для участия в свободных выборах во все представительные органы»⁵. Это была программа, рассчитанная лишь на первые месяцы переходного периода, и после ее выполнения Форум не мог не уступить место новым политическим силам, которые отражали естественное размежевание интересов различных социальных слоев и групп. Вопрос, од-

нако, заключался в том, каковы будут механизмы представительства этих интересов, какую институциональную форму примет формирующаяся чехословацкая демократия.

Представительство интересов различных групп населения в рамках формирующейся плюралистической демократии в значительной степени определялось степенью задействованности этих групп в революционных событиях. Не секрет, что изначально «бархатная» революция явилась событием в основном пражским, а в качестве ее «застрельщиков» выступили студенты столичных вузов. В первые дни выступлений к ним присоединились группы диссидентски настроенной интеллигенции, после чего социальная база революции начала расширяться стремительно, вбирая в себя все более широкие слои населения, в том числе рабочих и мелких служащих. Как отмечает канадский специалист по политической истории Чехословакии Джеймс Крапфл, в первую очередь этих людей объединяло требование демократии: «Наиболее частым требованием граждан в ноябре–декабре 1989 г. были свободные выборы. Принципы, тесно связанные с демократией, — плюрализм и диалог — постоянно фигурировали в дискуссиях революционного периода. Демократия, несомненно, стала одной из высших ценностей революции»⁶. При этом «революционно настроенные чехи и словаки <...> требовали *демократии без оговорок*. Их понимание демократии являлось в каком-то смысле фундаменталистским — вслед за французским историком Франсуа Фюре его следовало бы назвать *прямой* или *чистой* демократией»⁷.

В этом отношении интересы широкой общественности не всегда и не полностью совпадали с интересами как быстро формирующейся новой политической элиты, т. е. недавних диссидентов, представителей интеллигенции, в первую очередь пражской, студенческих активистов и др., так и их коммунистических партнеров по переговорам, предопределившим в последние недели 1989 г. постепенный и мирный переход власти от КПЧ к демократическим силам. Как отмечает в своей работе «Лабиринтом революции»⁸ чешский историк Иржи Сук, ГФ не был заинтересован в немедленном захвате власти, не обладая ни опытом политической деятельности, ни (на момент революции) серьезным влиянием на государственные структуры. «Гражданский форум, — пишет он, — мог бы попытаться в случае ухода Адамеца⁹ в отставку выдвинуть кого-то из своих рядов в качестве нового главы правительства и тем самым получить решающее влияние на состав и характер деятельности нового кабинета. Однако Форум боялся радикального и непредсказуемого развития событий, не был готов к этому; даже в случае отставки Адамеца он еще не собирался брать дела

в свои руки... Несмотря на огромное падение престижа государственной власти и ее реальных политических возможностей ГФ сохранял почтение к власти, в руках которой еще находилась большая часть силовых структур»¹⁰.

В итоге судьба будущей политической системы решалась не на улицах и площадях (хотя первое впечатление могло быть именно таким), а в ходе кулуарных переговоров руководства ГФ и ОПН с представителями сдававшей позиции коммунистической власти. Механизмы прямой демократии так до конца и не включились. Результатом политических договоренностей между уходящей властью и оппозицией стали, с одной стороны, формирование «правительства национального согласия» во главе с М. Чалфой, с другой — избрание В. Гавела новым президентом Чехословакии действующим (коммунистическим) составом парламента страны. Характерно, что, как признает сегодня большинство историков и политологов, на прямых президентских выборах, если бы таковые состоялись, шансы В. Гавела в конце 1989 — начале 1990 гг. были бы невелики. Этот недавний диссидент и политзаключенный тогда просто не был известен широкой общественности, лишь немногими он воспринимался как политическая фигура национального масштаба, да и сам поначалу не позиционировал себя в таком качестве. К тому же в стране имелись по крайней мере два политика, обладавших на тот момент немалой популярностью (которая, впрочем, быстро пошла на спад), — символ реформ 1968 г. Александр Дубчек и премьер федерального правительства Ладислав Адамец, пользовавшийся репутацией реформатора¹¹.

Таким образом, путь «прямой революционной демократии» при формировании новой политической системы в ходе «бархатной» революции был отвергнут. В то же время наметившийся компромисс между старыми и новыми политическими силами имел свои четкие временные границы. Прежняя, коммунистическая правящая элита оказалась довольно быстро вытеснена на обочину политической жизни. Более того, принятые в 1991–1992 гг. в Чехо-Словакии¹² и Чешской Республике законы о люстрации официально перекрыли бывшим ведущим представителям режима КПЧ и коммунистических спецслужб дорогу к высоким государственным должностям. Чехия оказалась единственной страной бывшего соцлагеря, в которой столь жесткие законы такого рода принимались уже на начальном этапе посткоммунистической трансформации и действуют до сих пор. Чем это было вызвано? Ответ дает сопоставление чехословацкого опыта с ситуацией в других бывших соцстранах, прежде всего в Венгрии и Румынии, давших крайние (соответственно самый эволюционный и наиболее революционно-

насильственный) примеры перехода от административно-командной системы к плюралистической демократии.

В Венгрии такой переход протекал в 1988–1990 гг. в мирной, эволюционной форме, причем новое реформистское руководство Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) само стало инициатором раздела власти с формирующимися оппозиционными силами, что и было закреплено в 1989 г. на заседаниях общенационального «круглого стола». Политическая трансформация, по крайней мере на начальном этапе, протекала без активного вовлечения в нее широкой общественности. Как отмечает венгерский политолог Петер Тёльдеш, «в венгерском варианте перехода к демократии активное участие принимали совсем немногие. По сравнению с другими центральноевропейскими странами у нас не было миллионных массовых выступлений... Уровень участия граждан в выборах той эпохи был чрезвычайно низким. В Чехословакии, например, в первых свободных выборах приняло участие 90 % населения, а у нас, в Венгрии, всего 65 %. Из-за недостаточной гражданской активности новая венгерская демократия до сих пор испытывает недостаток легитимности»¹³. В этих условиях реформистское крыло прежней коммунистической номенклатуры естественным образом вписалось в рамки плюралистической системы, став ее важной составной частью: Венгерская социалистическая партия, преемница ВСРП, остается одной из двух крупнейших партий страны, она находилась (самостоятельно или в составе коалиций) у власти в 1994–1998 гг. и вернулась к власти в 2002 г.

В Румынии развитие событий можно назвать прямо противоположным. Диктаторский режим Николае Чаушеску пал в декабре 1989 г. в результате массовых выступлений, переросших в кратковременный, но весьма кровавый гражданский конфликт. Однако политические результаты румынской революции оказались относительно скромными. Радикальной смены правящей элиты (за исключением устранения клана Чаушеску) не произошло, ведущие роли в структурах нового режима, сформировавшегося в 1989–1990 гг., заняли представители бывшей коммунистической номенклатуры и силовых структур, в свое время по каким-то причинам конфликтовавшие с диктатором (как, например, президент Румынии в 1990–1996 и 2000–2004 гг. Ион Илиеску) или перешедшие на сторону революции в ее первые дни. Как отмечает в своей монографии о румынской революции британский историк и политолог Питер Сиани-Дэвис, «армия <...> уже на ранней стадии [революции] потребовала появления “серьезных политиков” вместо “кучки сумасшедших поэтов и интеллек-

туалов". Единственными фигурами, обладавшими [политическим] опытом, являлись бывшие высокопоставленные представители РКП. Один из них, в частности, был готов выйти вперед и сыграть свою роль: Ион Илиеску»¹⁴.

Чехословакия оказалась как бы между этими двумя моделями политической трансформации. С одной стороны, как в Венгрии, перемены здесь носили мирный характер: между уходящей властью и оппозицией велись переговоры; с другой стороны, как в Румынии, падение коммунистического режима сопровождалось многотысячными массовыми выступлениями. При этом, в отличие от Венгрии, режим КПЧ до самого конца сопротивлялся попыткам реформирования «изнутри», с большим подозрением относился к советским реформам «перестроечных» лет и не выдвинул из своей среды популярных политиков реформистского толка. (Л. Адамец оказался в центре общественного внимания и пользовался определенной популярностью лишь очень непродолжительное время; М. Чалфа был скорее «кулуарным» политиком-посредником, нежели публичной фигурой). Такая ситуация, очевидно, обуславливалась тем, что после подавленных вооруженной силой реформ 1968 г. в ходе так называемой «нормализации» КПЧ подверглась серьезной кадровой чистке, лишившей ее почти всех реформистски настроенных элементов. В отличие от ВСРП, эта партия оказалась не готова к внутренней эволюции и не воспринималась обществом как потенциальный источник перемен. Поэтому коммунистическая номенклатура оказалась довольно быстро отправлена «на свалку истории», хотя многие ее представители, в частности тот же М. Чалфа, сделали впоследствии неплохую карьеру в бизнесе.

При этом, в отличие от Румынии при Н. Чаушеску, режим КПЧ не был столь всепроникающим, не оставляющим гражданину никаких возможностей сделать профессиональную карьеру без более или менее активного участия в административных и идеологических структурах партии-государства. В коммунистической Чехословакии существовали «лакуны», в которых могли вести свою деятельность реформистски настроенные технократы. Наиболее известной такой «лакуной» стал Институт прогнозирования, из числа сотрудников которого вышло несколько ведущих чешских политиков посткоммунистической эпохи, например, премьер-министр (1992–1997) и президент (с 2003 г.) Чешской республики, бывший лидер Гражданской демократической партии Вацлав Клаус и премьер-министр (1998–2002), бывший лидер социал-демократов Милош Земан. Карьера В. Клауса в этом отношении особенно интересна: с 1971 по 1986 г. он

работал в Госбанке Чехословакии, занимал там ответственные посты, в том числе связанные с внешнеэкономической деятельностью, не будучи при этом не только партийным активистом, но даже и членом КПЧ! Таким образом, в Чехословакии (особенно в Чехии), в отличие от Румынии — и в какой-то степени от России и других республик бывшего СССР, — существовал определенный слой технократической элиты, не связанной напрямую с коммунистической номенклатурой и способной взять на себя руководство государственными структурами после падения власти КПЧ. Именно поэтому Чехия могла «позволить себе» люстрацию: проще говоря, страной было кому управлять, помимо выходящих из рядов коммунистической бюрократии.

Помимо описанного выше социального фактора, определенно как ситуацией в стране перед «бархатной» революцией, так и ходом революционных событий, свою роль при формировании новой политической системы в Чехии сыграл и фактор исторический: политическое и психологическое наследие Первой республики. Это выразилось, в частности, в том предпочтении, которое нарождавшаяся политическая элита посткоммунистической Чехо-Словакии (ЧСФР) отдала пропорциональной системе представительства политических субъектов в законодательных органах власти. Не будет преувеличением сказать, что ЧСФР рассматривалась значительной частью ее руководителей, в первую очередь чешских, как историческая преемница ЧСР, основанной в 1918 г. Т. Г. Масариком, — как центральноевропейское правовое демократическое государство, ориентированное на тесное военно-политическое, экономическое сотрудничество и культурное взаимодействие с Западной Европой и США, неотъемлемая составная часть евроамериканской цивилизации¹⁵. У такого подхода имелись, однако, и свои слабые места: в первую очередь в том, что касалось взаимоотношений между двумя республиками новой федерации, Чехией и Словакией. Противоречия между ними проявились очень быстро, однако в 1989–1990 гг. еще существовала «надежда на то, что посткоммунистическая Чехо-Словакия станет образцом многонационального демократического государства и тем самым сыграет важную стабилизирующую роль в Центральной Европе»¹⁶.

При разработке новой конституции ЧСФР, основные институциональные положения которой сохранились впоследствии и в Конституции Чешской Республики, в пользу чисто парламентской модели были разрешены два ключевых вопроса: о полномочиях президента республики (они формально невелики, а сам глава государства избирается депутатами обеих палат парламента, а не всеобщим голосованием граждан) и о способе формирования парламента¹⁷.

Последний вопрос, касавшийся роли и полномочий политических партий, не обошелся без жарких дискуссий. Президент В. Гавел выступал в пользу мажоритарной системы и одномандатных округов, аргументируя следующим образом: «...Личности у нас должны играть все более значительную роль, а политические партии — менее важную. Партии нужны скорее как своего рода закулисные клубы, в которых рождаются и проявляют себя политические лидеры; партии не должны непосредственно участвовать в разделе власти, поскольку это ведет, так сказать, к анонимизации власти... Человек должен быть освобожден от манипуляции со стороны всех мегаструктур»¹⁸. Однако подобная «персоналистская» концепция демократии в чешском обществе не прижилась — даже несмотря на то, что в первое время после «бархатной» революции неприязнь к партийности, ставшая реакцией на 40-летнее господство КПЧ, проявлялась не только в рядах ГФ, но и во всем обществе. Тем не менее постепенно она была вытеснена из политико-правового пространства концепцией традиционной парламентской демократии, связанной с традицией Первой республики.

В июне 1990 г. состоялись первые за более чем 40 лет свободные демократические выборы, убедительную победу на которых одержал Гражданский форум: за кандидатов ГФ в Федеральное собрание проголосовало 53,15 %, в Чешский национальный совет — 49,5 % избирателей¹⁹. Эта победа, однако, оказалась первой и последней: сразу после нее начался процесс расщепления ГФ, выступившего в роли своего рода «инкубатора» ряда чешских политических партий. В этом не было ничего удивительного: речь шла о закономерном процессе формирования политических субъектов, *партикуляризации* политического пространства, обусловленной кристаллизацией разнообразных групп интересов в обществе, избавившемся от жесткого каркаса коммунистической партии-государства. ГФ (и ОПН в Словакии, чья победа на выборах 1990 г. оказалась несколько менее убедительной) выполнил свою функцию широкой гражданской коалиции, основной задачей которой являлся демонтаж режима КПЧ. После его ликвидации перед страной встали качественно новые задачи, требовавшие наличия новых политических структур. Аналогичные процессы протекали на рубеже 1980-х — 1990-х гг. и в других посткоммунистических странах: расщепление затронуло польскую «Солидарность», Венгерский демократический форум, румынский Фронт национального спасения, «Демократическую Россию» и другие подобные организации-«зонтики», объединявшие разнородную оппозицию рушащимся «партиям-государствам».

Ко вторым парламентским выборам, состоявшимся летом 1992 г., Чехия и Словакия пришли со сформировавшейся в своих основных институциональных чертах политической системой, основанной на борьбе партий за голоса избирателей, обеспечивавшие места в парламенте и возможность формировать правительство. При этом определилась разнонаправленность политических предпочтений чешского и словацкого электората, сыгравшая свою роль в распаде ЧСФР. Если в Чехии доминирующей политической силой стала праволиберальная Гражданская демократическая партия (ГДП), созданная на «руинах» Гражданского форума тогдашним министром финансов, а после выборов 1992 г. — премьером ЧР В. Клаусом, то в Словакии началась эпоха авторитарного популиста Владимира Мечьяра, чье Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) обеспечило себе поддержку большинства словацких избирателей. И Клаус, и Мечьяр — вполне прагматичные политики, поэтому им удалось договориться о мирном роспуске федеративного государства. При этом следует отметить, что однозначной поддержкой большинства общества это решение не пользовалось ни в Чехии, ни в Словакии: по данным опросов общественного мнения, еще в марте 1992 г. за независимость обеих стран выступали лишь 11 % чехов и 17 % словаков, в то время как сохранение федерации поддерживали в обеих республиках соответственно 27 % и 24 % опрошенных (в Словакии наиболее популярным вариантом сосуществования двух народов оказалась конфедерация: за нее высказалось 32 % респондентов)²⁰.

«Бархатный» развод произошел, несмотря на противодействие последнего президента ЧСФР В. Гавела, в июле 1992 г. в знак протеста подавшего в отставку со своего поста (в январе следующего года парламент уже независимой Чехии избрал его главой этого государства). Как отмечает биограф Гавела Джон Кин, в новом 1993 г., когда распад Чехо-Словакии стал реальностью, «некоторые ликовали, большинство пребывало в состоянии нервозности или растерянности, но все поняли, что действительность изменилась, что Чехословакия отныне — лишь историческое понятие»²¹. По оценке современных чешских СМИ, «чешские земли вернулись в то состояние, в котором пребывали до 1918 г. в течение тысячи лет — сами по себе, хоть и под разными названиями, а иногда в составе иных наднациональных образований»²². В контексте нашей работы, однако, важна другая черта «бархатного» развода: черту под историей Чехо-Словакии подвела договоренность двух премьеров, лидеров ведущих политических партий своих республик. Эта договоренность воспринималась обществом как легитимная, никаких массовых протестов против раздела

федерации не было. Таким образом, «бархатный» развод стал важным этапом легитимизации новой политической системы в Чехии (Словакию с этого момента оставим в стороне), в рамках которой партии играли и играют ключевую роль.

Большая часть 1990-х гг. прошла в Чешской Республике под знаком доминирования на политической сцене ГДП и ее основателя и лидера В. Клауса. Основными программными принципами гражданских демократов были провозглашены:

– приверженность парламентской демократии, основанной на четко оформленных политических силах, с ясной ответственностью и действенными механизмами контроля;

– стремление к созданию рыночной экономики, базирующейся на частной собственности, которая обеспечивает пространство для реализации возможностей и способностей человека, стимулирует личную инициативу и индивидуальную ответственность;

– либеральное понимание роли государства, которому граждане делегируют полномочия лишь там и тогда, где и когда они не в состоянии защитить свои интересы самостоятельно или в рамках тех или иных негосударственных объединений²³.

Таким образом, речь шла о попытке создать на чешской почве классическую европейскую правоцентристскую политическую партию, исповедующую либерально-консервативную идеологию и опирающуюся на активных сторонников реформ – в первую очередь предпринимателей, либерально настроенную интеллигенцию, молодежь, средние городские слои. Важным преимуществом гражданских демократов стало то, что благодаря усилиям В. Клауса и его ближайших сотрудников им удалось «переманить» к себе практически все региональные структуры, созданные Гражданским форумом в 1989–1991 гг. Это превратило ГДП в партию с массовым членством (около 22 тыс. чел. в середине 1991 г.).

Электоральную базу гражданским демократам, однако, приходилось выстраивать уже по ходу либеральных реформ, двигателем которых они во многих отношениях являлись: «...Современные чешские правые заняли позицию “строителей” демократического государства. Они определили концепцию экономической реформы, стояли у истоков Чешской республики [как независимого государства], разработали ее конституцию и стали гарантами радикальных социальных преобразований... Недостатком чешских правых была их неукорененность, невозможность опереться на традиционные слои собственников и капиталистов»²⁴. Тем не менее правая эйфория, характерная для Чехии, как и для большинства стран Центральной и Юго-Восточной

Европы, в первый период после падения коммунистического режима способствовала тому, что ГДП как наиболее многочисленная и организованная политическая партия либерально-консервативного направления быстро завоевала широкую популярность. Этому благоприятствовали и личные качества лидера гражданских демократов В. Клауса — харизматичного политика, искренне убежденного в правоте своих идей и сумевшего создать себе репутацию, с одной стороны, грамотного экономиста-прагматика, а с другой — бескомпромиссного борца не только с коммунизмом, но и с умеренным социализмом, что в обстановке начала 1990-х гг. способствовало росту как его личного рейтинга, так и популярности ГДП. Гражданским демократам удалось одержать победу на парламентских выборах как в 1992 (29,73 % голосов в коалиции с недолговечной Христианско-демократической партией), так и в 1996 г. (29,62 %) ²⁵.

Тем не менее для однозначного господства ГДП на чешской политической сцене этого было недостаточно. Электоральная база гражданских демократов оказалась широкой, но далеко не безграничной, а В. Клаус как политический лидер обладал серьезным недостатком: он умел мобилизовать «верных», т. е. ту часть электората, которая и без того была склонна к поддержке правых, убедить их пойти на выборы и проголосовать за ГДП, но гораздо хуже у него получалось расширение электоральной базы за счет колеблющихся избирателей. Не удивительно, что к середине 1990-х гг. у ГДП появился серьезный соперник в лице Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), занявшей на выборах 1996 г. второе место с 26,44 %-голосов.

Формирование ЧСДП происходило по несколько иной модели, чем у большинства современных партий социал-демократической ориентации в экс-социалистических странах Центральной и Восточной Европы. Если в Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии такие политические силы — в правовом отношении прямые наследницы бывших правящих компартий (несмотря на существенные идеологические и кадровые изменения и несомненную демократическую ориентацию), то в Чехии социал-демократия формировалась после 1989 г. на основе бывших эмигрантских групп. Они вели свою политическую родословную от правого крыла послевоенной социал-демократии, лидеры которого отказались от слияния с коммунистами после февральских событий 1948 г., когда КПЧ де-факто захватила власть в стране. В результате многие социал-демократические политики были тогда репрессированы или вынуждены эмигрировать. Как отмечает чешский политолог Иржи Кунц, «социал-демократы появились в качестве партии-конкурента ГФ, причем по отношению к ним существовало

подозрение в том, что эта партия станет убежищем для многих бывших коммунистов и приобретет благодаря этому непомерно большое влияние... Этим, очевидно, было вызвано подчеркнутое дистанцирование социал-демократов от коммунистов, как нынешних, так и бывших, и определение [первым лидером восстановленной ЧСДП] И. Гораком своей партии как «правоцентристской», не имеющей ничего общего с левым прошлым...»²⁶.

Таким образом, возрожденная после «бархатной» революции ЧСДП изначально имела более ясно выраженную антикоммунистическую направленность, чем аналогичные партии в других странах ЦВЕ. Отсюда, в частности, так называемое «богуминское постановление» съезда ЧСДП (1996), запретившее партии сотрудничество с коммунистами на правительственном уровне. Это постановление оказывает большое влияние на облик чешской политической сцены, поскольку препятствует формированию широкой левой коалиции (социал-демократы плюс коммунисты) в тех случаях, когда по итогам выборов эти партии в сумме обладают большинством мест в парламенте и возможностью создания правительственной коалиции (как это случилось в 2002 г.). В то же время идеологическая направленность ЧСДП изменилась уже в первой половине 1990-х, когда она стала играть куда более привычную для социал-демократии роль партии, ориентированной на рабочих и мелких служащих, пенсионеров — словом, те слои населения, чьи интересы оказались в той или иной мере ущемленными в результате рыночных реформ, проводимых правительствами правоцентристской коалиции во главе с ГДП (1992–1997).

После избрания в 1993 г. председателем ЧСДП бывшего сотрудника Института прогнозирования Милоша Земана социал-демократы начали проводить более активную агитационную кампанию, в которой не обошлось без элементов популизма и агрессивной риторики. (В ходе предвыборной кампании 1996 г. большую известность получило высказывание М. Земана о «выжженной земле» — так лидер ЧСДП оценил итоги правления правых.) Это принесло свои плоды. Если в 1992 г. за социал-демократов голосовало лишь 10 % избирателей, то 4 года спустя — более 26 %. С этого момента ЧСДП закрепились на политической сцене Чехии как одна из двух крупнейших сил. В отличие от ГДП, она претендует на выражение интересов средних и малоимущих слоев населения, прежде всего лиц наемного труда.

В этом отношении конкурентами социал-демократов были и остаются коммунисты. Чехия — единственная страна ЦВЕ, в которой партия, сохранившая в своем названии слово «коммунистиче-

ская», а в программных положениях — многие радикально левые, марксистские идеологические постулаты, пользуется стабильной поддержкой заметной доли электората²⁷. Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ), основанная в марте 1990 г. в качестве преемницы КПЧ, пользуется репутацией «нереформированной». IV съезд КПЧМ (1996) уточнил программную ориентацию коммунистов, приняв «Политическую декларацию», в которой, в частности, отмечалось, что «в стратегическом плане КПЧМ ориентируется на построение коммунизма, поскольку видит в появлении такого типа социального устройства воплощение давней мечты человечества о прогрессе и социальной справедливости и условие сохранения и развития гуманистически ориентированной цивилизации»²⁸. Однако ни в одном из документов компартии до середины 2000-х гг. почти ничего не говорилось о массовых репрессиях и других преступлениях КПЧ, непосредственной наследницей которой является КПЧМ, а период 1948–1989 гг. толковался лишь как изобилующий «ошибками» и «отклонениями от социализма»²⁹. Именно упорный отказ компартии от однозначного осуждения режима, правившего в ЧССР, долгое время оставался камнем преткновения в отношениях КПЧМ с остальными чешскими политическими субъектами, причиной изоляции коммунистов и отсутствия у них коалиционного потенциала на общенациональном уровне.

В то же время КПЧМ не является однородной политической силой: можно говорить о существовании в ней как умеренного «еврокоммунистического», так и консервативного крыла, иногда именуемого чешскими политическими аналитиками «неосталинистским»³⁰. У коммунистов наиболее широкая по сравнению с другими партиями страны членская база (правда, она постепенно сокращается). Не оправдались многочисленные прогнозы 1990-х гг., согласно которым электорат КПЧМ будет непрерывно уменьшаться по естественным причинам, поскольку эта партия якобы ориентирована прежде всего на «ностальгических» избирателей старшего возраста. Хотя средний возраст граждан, голосующих за коммунистов, действительно заметно выше, чем у приверженцев других партий, доля сторонников КПЧМ остается стабильной и время от времени проявляет тенденцию к росту (абсолютный рекорд — 18,5 % голосов, полученных коммунистами на выборах 2002 г.; подробнее о причинах этого «красного всплеска» см. далее).

Стабильность электоральной базы коммунистов, очевидно, связана с тем, что именно компартия играет в Чехии роль главного «магнита», притягивающего голоса протестного электората, недовольного

состоянием дел в обществе и при этом склонного к радикализму. Эта особенность отличает ЧР от большинства стран ЦВЕ, где аналогичная роль принадлежит ультраправым, радикально-консервативным и национал-популистским силам (Лига польских семей, Словацкая национальная партия, партия «Йоббик» в Венгрии, «Великая Румыния», болгарское движение «Атака» и др.). Тем не менее даже с учетом этого фактора свой избирательный потенциал КПЧМ практически исчерпала. На общенациональном уровне политическая изоляция коммунистов продолжается; на уровне региональном и местном они, правда, участвуют в работе многих органов власти, чаще всего в составе коалиций с социал-демократами. Тем не менее для того, чтобы выйти из своего рода политического гетто, КПЧМ, очевидно, следует пройти через определенную внутреннюю модернизацию или же рассчитывать на некий маловероятный катастрофический сценарий, в результате которого в ряды протестного электората встанет большинство чешских избирателей. Третьим вариантом, способным изменить политические перспективы КПЧМ, мог бы стать отказ социал-демократов от «богуминского постановления» и переход к активному сотрудничеству с коммунистами на всех уровнях, однако такой сценарий, о котором после избрания лидером ЧСДП весьма честолюбивого и несколько авторитарного Иржи Пароубека (2004) любят рассуждать некоторые аналитики, означал бы настоящее политическое землетрясение, последствия которого могли бы оказаться губительными прежде всего для социал-демократов. Поэтому в настоящее время открытый союз двух крупнейших левых партий Чехии представляется маловероятным, хотя возможность такого союза часто используется в качестве агитационного «пугала» правыми силами, которые даже изобрели комбинированную аббревиатуру KSČSSD, объединяющую названия обеих левых партий³¹.

Еще одна чешская партия, заслуживающая отдельного упоминания, — христианские демократы, или лидовцы (от чешского названия — Křesťanskodemokratická únie — Československá strana lidová, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия, ХДУ — ЧНП). Это одна из старейших партий страны, что отражено и в ее названии, до сих пор содержащем слово «чехословацкая». Лидовцы известны своей политической непотопляемостью: они участвовали почти во всех правительственных коалициях еще в Первой республике, сохранились в качестве одной из правящих партий после восстановления чехословацкой государственности в 1945 г., при режиме КПЧ входили в состав Национального фронта³², а после «бархатной» революции, пройдя через определенное обновление и модернизацию, смог-

ли закрепить за собой роль одной из демократических парламентских партий ЧР. Демохристиане никогда не добивались выдающихся успехов на парламентских выборах³³, но их кандидаты всегда проходили в парламент, а в ходе коалиционных переговоров лидеры ХДУ — ЧНП почти всегда добивались выгодного для своей партии распределения правительственных портфелей. (Особенно заметен в этом отношении Йозеф Лукс, председатель партии в 1992–1998 гг., считавшийся одним из самых искусных чешских посткоммунистических политиков; его карьеру в 1999 г. оборвала ранняя смерть).

Идеологически лидовцы являются партией, близкой к христианскому социализму (хотя иногда говорят о более либеральном «пражском» крыле ХДУ — ЧНП, которое группируется вокруг нынешнего председателя партии, экс-министра иностранных дел ЧР Цирила Свободы). Они консервативны в вопросах демографической политики, прав секс-меньшинств, имущества церкви и т. п. Лидовцы — единственная чешская католическая партия, поэтому их традиционной сферой влияния являются юго-восточные регионы страны, прежде всего Южноморавский край, где сосредоточено наибольшее количество практикующих верующих-католиков. (В целом Чехия принадлежит к числу наименее религиозных стран Европы.) В своей политике демокристиане делают упор на интересы консервативно настроенных жителей небольших городов и сельского населения, выступают за меры по господдержке многодетных семей, пенсионеров, за дотации сельскому хозяйству. ХДУ — ЧНП, в отличие от более крупных партий, не может похвастаться присутствием в своих рядах харизматичных политиков. Наиболее известный лидер лидовцев Й. Лукс был скорее ловким политическим переговорщиком; лидерство же в партии популярного (главным образом благодаря своим неоднозначным мерам по отношению к цыганскому меньшинству в бытность мэром г. Всетин) сенатора Иржи Чунека в 2006–2009 гг. едва не закончилось политической катастрофой: Чунек оказался замешан в ряде коррупционных и личных скандалов, и хотя следствие не смогло доказать его вину, конфликты вокруг председателя партии привели к заметному падению рейтинга лидовцев и отставке Чунека на съезде в 2009 г.³⁴ Тем не менее лидовцы оставались «постоянной величиной» в чешской политике и рассчитывали на преодоление 5-процентного барьера на проходивших летом 2010 г. парламентских выборах.

Таким образом, со второй половины 1990-х гг. в Чешской республике существует партийно-политическая система, в рамках которой очевидное лидерство принадлежит гражданским демократам и социал-демократам, занимающим большую часть соответственно

правого и левого политического фланга. При этом левый фланг расколот, так как на нем также находятся «нереформированные» коммунисты с их стабильным электоратом, обеспечивающим им третье место на парламентских выборах, и ограниченным коалиционным потенциалом, не позволяющим им сформировать правительство с идеологически родственной ЧСДП. В центре чешского политического спектра располагаются демохристиане-лидовцы. Их коалиционный потенциал, напротив, дает им возможность сотрудничать как с левыми, так и с правыми партнерами, доказательством чего является участие этой партии в правительственных коалициях и с ГДП (кабинеты В. Клауса в 1992–1997 и М. Тополанека в 2007–2009 гг.), и с ЧСДП (правительства В. Шпидлы в 2002–2004, С. Гросса в 2004–2005 и И. Пароубека в 2005–2006 гг.). В то же время социальная и региональная база лидовцев ограничена, что делает их «вечным» младшим партнером двух ведущих партий.

Остальные чешские партии пока не сумели добиться своего постоянного присутствия на верхних политических этажах, хотя на политической сцене ЧР есть свободное электоральное пространство, позволяющее рассчитывать на определенные перспективы для тех, кто сумеет его занять. Уже во второй половине 1990-х гг. стало ясно, что ГДП не отвечает политическим запросам определенной части ориентированных «направо от центра» избирателей. Чрезмерная жесткость как идеологических установок верхушки партии, так и стиля руководства В. Клауса, появившиеся черты своего рода культа личности бессменного премьера, коррупционные скандалы, обострение отношений с партнерами ГДП по коалиции — лидовцами и небольшой партией Гражданский демократический альянс — все это вкупе с объективными обстоятельствами — начавшимся экономическим спадом и катастрофическими наводнениями на востоке страны, привело гражданских демократов осенью 1997 г. к острейшему внутреннему кризису. Группа деятелей ГДП во главе с двумя министрами — Яном Румлом и Иваном Пилипом организовала нечто вроде внутрипартийного переворота, выступив с резкой критикой В. Клауса. Поскольку это произошло в момент, когда премьер находился с визитом в Боснии, случившееся получило полшутливое название «сараевское покушение»³⁵. Разразившийся политический кризис привел к отставке кабинета Клауса; «заговорщики» вышли из рядов ГДП и создали собственную либеральную партию — Унию свободы (УС).

Эта партия в конце 1990-х и первой половине 2000-х гг. попыталась сыграть роль «третьей силы» на чешской политической сцене, противопоставив себя двум крупнейшим партиям. Одна-

ко выяснилось, что унионистам не хватает ни электоральной базы, ни харизматичных лидеров, ни финансовых ресурсов. На досрочных парламентских выборах 1998 г., победу на которых одержала ЧСДП, за УС проголосовало 8,6 % избирателей — чуть меньше, чем за лидовцев, что перевело унионистов в разряд партий «второго эшелона»³⁶. Не оправдались надежды УС и на политический крах гражданских демократов, напротив, оказалось, что, несмотря на кризис конца 1997 г., ГДП по-прежнему располагает широкой поддержкой в обществе, ее электоральная база достаточно стабильна. К тому же морально неоднозначные обстоятельства «сараевского покушения» вызвали сочувствие определенной части избирателей к В. Клаусу и его партии. В результате унионисты вынуждены были искать сотрудничества с лидовцами и двумя небольшими партиями либерально-консервативного направления (Гражданским демократическим альянсом и Демократической унией).

В сентябре 1999 г. четыре партии — УС, ХДУ — ЧНП, ГДА и ДУ заключили соглашение о сотрудничестве и совместном участии в выборах. «Коалиция четырех», однако, оказалась недолговечной: из-за внутренних разногласий и скандалов она распалась незадолго до выборов 2002 г. Унионисты и лидовцы, тем не менее, выставили на этих выборах совместный список кандидатов и показали относительно неплохой результат — более 14 % голосов³⁷. Тогда же небывалого успеха добились коммунисты, которых поддержали 18,5 % избирателей. Эти результаты³⁸, однако, были связаны скорее не с привлекательностью обеих политических сил, а с разочарованностью части электората политикой двух крупнейших партий, выступавших в 1998–2002 гг. в качестве де-факто коалиционных партнеров — в соответствии с условиями заключенного ими соглашения, получившего название «оппозиционного договора» (далее для краткости — ОД).

Это соглашение стало результатом провала переговоров о коалиции, которые велись летом 1998 г. между выигравшими выборы (но с недостаточно большим отрывом) социал-демократами, лидовцами и УС. После этого, в обстановке политического пата, две крупнейшие политические партии — ЧСДП и ГДП нашли выход из ситуации. Им стало формирование однопартийного социал-демократического правительства М. Земана, которое, однако, опиралось лишь на меньшинство в Палате депутатов. Кабинет удерживался у власти за счет того, что ведущая оппозиционная партия, гражданские демократы, не поднимала в парламенте вопрос о недоверии. Именно в этом заключалась суть политического соглашения, подписанного 9 июля 1998 г. в Праге руководством ЧСДП и ГДП. Этот документ, официальное название которого «Договор о создании стабильного политического

пространства в Чешской Республике, заключенный между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией»³⁹, вошел в новейшую историю Чехии как «оппозиционный договор» (*opoziční smlouva*) и оказал решающее влияние на ход политических событий в ЧР в период с 1998 по 2002 гг., а в некоторых отношениях и в более долгосрочной исторической перспективе.

По условиям ОД, социал-демократы, в свою очередь, соглашались с выдвижением представителей ГДП на ряд ключевых парламентских постов, в том числе председателя Палаты депутатов (им стал В. Клаус). ОД многие исследователи охарактеризовали как «политическое землетрясение»⁴⁰. Действительно, значительной части чешского общества было непросто смириться с тем фактом, что две ведущие партии, которые на протяжении многих лет выступали как непримиримые соперники, не только заключили перемирие, но и фактически разделили между собой власть в стране. Однако доводами в пользу «оппозиционного договора» явились, во-первых, действительно патовая ситуация, сложившаяся на чешской политической сцене после выборов 1998 г., и, во-вторых, необходимость сохранения стандартных механизмов парламентской демократии, пусть даже путем такого неординарного политического решения, каким явился этот договор — плод классической интерпретации политики как «искусства возможного».

Причины появления ОД стали предметом анализа чешских и зарубежных политологов и социологов практически сразу после его подписания. Некоторые авторы рассматривают соглашение между ЧСДП и ГДП как логическое завершение и своего рода диалектическое отрицание предыдущего периода истории Чехии, связанного с доминированием на политической сцене ГДП и других правых партий. В этот период «так же, как и до [«бархатной»] революции, на первом плане находилась идеология, причем после революции источником легитимности [политических сил] стало отрицание прежней идеологии»⁴¹. По мнению сторонников такой точки зрения, ОД смог предложить чешскому обществу «компромисс между двумя диаметрально противоположными и одинаково сильными политическими течениями». При этом, однако, возникла опасность появления «политической мафии». «Многие чешские граждане <...> полагают, что наиболее значительные политические функции присвоили себе представители двух правящих «оппозиционно-договорных» партий, и ни у кого другого теперь нет шансов»⁴².

Анализируя внутривластную ситуацию в Чешской Республике в 1990-е гг., Ян Чулик даже приходит к выводу о том, что только в 1999–2000 гг. «начало складываться впечатление, что и в ЧР понемногу начинает преобладать экономическо-административный,

прагматический принцип политической легитимности»⁴³. Иными словами, положительный эффект ОД заключался в том, что политический прагматизм взял верх над чрезмерной идеологизацией политики, обеспечив после шести лет господства правых сил смену правительства и значительной части политической элиты, что к тому времени уже несколько раз произошло в соседних посткоммунистических странах — Польше, Венгрии, Литве, Болгарии, Румынии и др. В то же время ОД стал фактором консервации политического класса и в определенном смысле — профанации самой идеи демократии: голосуя на выборах, избиратели поддерживают ту или иную политическую программу, предполагая возможность коалиции (или иных форм тесного сотрудничества) между программно близкими политическими субъектами, но не между главными конкурентами⁴⁴. ОД как соглашение о разделе власти оказался де-факто направлен против менее крупных партий, которые оказались в роли бессильных наблюдателей за происходящим.

Реакция общественности на ОД была в значительной мере негативной: поздней осенью 1999 г., когда отмечался 10-летний юбилей «бархатной» революции, в Чехии впервые со времен краха режима КПЧ прошли массовые акции протеста, в которых приняли участие более ста тысяч человек. Лозунгом этих выступлений стало «Спасибо, уходите!»⁴⁵ Свой призыв участники акций протеста обращали к политической элите, в первую очередь к руководству обеих ведущих партий, которое, как они считали, дискредитировало себя. В начале 2001 г. в Праге и других городах люди снова вышли на улицы — в связи с конфликтом вокруг 1-го канала общественного телевидения, новое руководство которого обвинялось в связях с политическими кругами и попытке превратить ТВ в рупор партийно-государственной пропаганды. Оба эти события хоть и не имели непосредственных политических последствий, однако продемонстрировали, что разрыв между государственными структурами и партийно-политической системой, с одной стороны, и гражданским обществом — с другой в ЧР опасно увеличился. Необходимо, однако, отметить, что данное явление характерно не только для Чешской Республики, но и для многих современных демократий, в первую очередь парламентского типа. Кризис «государства партий», о котором пишут многие исследователи, обусловлен, в частности, тем, что, по замечанию немецкого социолога Клауса Хорнунга, «партии <...> превращаются в картель, имеющий склонность блокировать свободную политическую конкуренцию... Влияние партий сегодня заметно превышает политическую волю в традиционном смысле слова и оказывает влияние на всю структуру общества»⁴⁶.

Главной политической целью «оппозиционно-договорной» комбинации явилась корректировка избирательного законодательства с целью усиления элементов мажоритарности при формировании парламента по итогам выборов. (Речь шла, в частности, о дополнительных депутатских мандатах, на которые могла бы рассчитывать партия, набравшая более 30 или 35 % голосов.) Это обеспечило бы ГДП и ЧСДП долговременное доминирование на политической сцене, придав ей «британский» облик, когда две ведущие партии сменяют друг друга у власти, остальные же политические субъекты обречены на роль «вечной» оппозиции. Такие планы, однако, не были реализованы из-за противодействия президента В. Гавела и Конституционного суда, который в январе 2001 г. поддержал главу государства, признав неконституционными положения нового закона о выборах, одобренные ранее депутатами от ГДП и ЧСДП. Президента поддержали и многие специалисты по государственному праву, которые отмечали, что речь идет не о поправках к прежнему закону о выборах (под этим названием обсуждался и был одобрен соответствующий законопроект), а о совершенно новом законе, который осуществляет «основательную ревизию избирательного права в ЧР, поскольку кардинально изменяет форму организации выборов и <...> отдельные компоненты избирательной системы»⁴⁷. По решению Конституционного суда попорциональный характер этой системы сохранялся.

В результате после выборов 2002 г. чешская политика вступила в период «стабильной нестабильности». Каждые последующие парламентские выборы (2002 и 2006 гг.) завершались ситуацией, близкой к политическому пату, и долгими переговорами одной из двух «главных» партий с потенциальными младшими партнерами по коалиции. В 2002–2006 гг. Чехией управляли кабинеты социал-демократических премьеров В. Шпидлы, С. Гросса и И. Пароубека, в составе которых были и министры от ЧСДП, ХДУ — ЧНП и УС. В 2006–2009 гг., после того, как последние на данный момент парламентские выборы принесли победу (вновь с очень небольшим отрывом) гражданским демократам, в два коалиционных кабинета нового (с 2002 г.) лидера этой партии М. Тополанека вошли представители ГДП, ХДУ — ЧНП и партии «зеленых», впервые попавшей в парламент⁴⁸. При этом коалиционные правительства зачастую обеспечивали себе поддержку парламентского большинства за счет депутатов-перебежчиков из соперничающего лагеря (как это случилось в начале 2007 г. при формировании второго кабинета М. Тополанека). Таким образом, выявились еще по меньшей мере два недостатка чешской партийно-политической системы. Это, во-первых, четное число депутатов нижней палаты (200), что в ситуации политического пата, как это

случилось в 2006 г., когда социал-демократы и коммунисты, с одной стороны, и три остальные партии, с другой, получили ровно по сто мандатов, не дает ни одной из сторон возможности получить даже минимальный, в один голос, перевес. Во-вторых, это отсутствие существовавшего в Первой республике *императивного мандата*, т. е. правила, при котором депутат в случае конфликта с партией, от которой он был избран, обязан сложить полномочия, предоставив свой мандат в распоряжение партии. Такой порядок мог бы предотвратить появление депутатов-перебежчиков, ставших негативным явлением современной чешской политики, которое не только дестабилизирует политическую обстановку в целом, когда существование правительства зависит от воли одного или двух депутатов, получающих простор для лоббизма и политического шантажа, но и вызывает небеспочвенные подозрения в коррупции.

Системные недостатки нынешней модели парламентской демократии в ЧР дополнились после 2002 г. внутренними проблемами обеих ведущих партий, вступивших в «полосу турбулентности». М. Земан, ушедший с поста лидера ЧСДП незадолго до парламентских выборов, в январе 2003 г. выставил свою кандидатуру на пост президента ЧР. Однако фракция социал-демократов в обеих палатах парламента не сумела обеспечить единодушную поддержку своему недавнему лидеру, в результате чего М. Земан не вышел во второй тур голосования⁴⁹. Это привело к вялотекущему конфликту между «земановским» крылом социал-демократов и сторонниками нового председателя партии Владимира Шпидлы. Президентом ЧР тогда был избран В. Клаус: в отличие от социал-демократов, гражданские демократы единодушно поддержали кандидатуру своего недавнего лидера (в 2002 г. В. Клауса на посту председателя ГДП сменил до тех пор не слишком широко известный сенатор М. Тополанек). Однако и гражданские демократы впоследствии не избежали конфликта между новым руководством партии и ее «отцом-основателем». Намечившаяся при М. Тополанеке определенная эволюция ГДП в направлении большей открытости и меньшей идеологической последовательности (в частности, в вопросе о европейской интеграции гражданские демократы отошли от идеологии евроскептицизма и умеренного национализма, которой придерживается нынешний президент ЧР) вызвала серьезные трения между В. Клаусом и его партией, в результате чего президент объявил в 2009 г. о своем уходе с поста почетного председателя ГДП.

Нынешнее десятилетие ознаменовалось в жизни двух ведущих чешских политических партий многочисленными скандалами (большинство из них было связано с обвинениями в коррупции) и опреде-

ленной кадровой чехардой, особенно у социал-демократов, сменивших за три года трех председателей — В. Шпидлу (2002–2004), С. Гросса (2004–2005) и И. Пароубека (с 2005 г.). Кризис 2005 г. в ЧСДП, вызванный скандалом вокруг «загадочного» финансирования покупки квартиры в Праге тогдашним лидером партии и премьер-министром Станиславом Гроссом⁵⁰, можно сравнить с ситуацией в ГДП после «сараевского покушения» 1997 г. Политические результаты также были схожими: на ближайших парламентских выборах (2006) ЧСДП уступила основному сопернику, но сохранила позицию одной из двух ведущих политических сил страны. Серия выборов в местные органы власти, Сенат и Европарламент в 2005–2009 гг. продемонстрировала, что, несмотря на в целом менее стабильную политическую обстановку в Чехии, облик государственно-политической системы этой страны по-прежнему определяется доминированием двух ведущих партий, которые располагают наиболее серьезной поддержкой электората.

В то же время не прекращаются попытки других политических субъектов «освоить» остающиеся вакантными части политического пространства. Как показывает опыт «зеленых», впервые попавших в парламент по итогам выборов 2006 г., и возникшей в 2009 г. партии ТОП 09, чей рейтинг, по данным опросов общественного мнения, быстро превысил 10 %⁵¹, в чешском обществе по-прежнему существует определенный запрос на либеральную проевропейскую политическую партию, более современную и менее замешанную в скандалах и аферах последнего времени, чем несколько «приевшаяся» правоцентристскому электорату ГДП. С другой стороны, этот «запрос на альтернативу» не настолько велик, чтобы подорвать доминирующее положение гражданских демократов на правом фланге политического спектра (как и социал-демократов — на левом). В последние годы несколько активизировалась «внесистемная оппозиция», включая левых и правых радикалов, в частности, известную своей популистской и ксенофобской риторикой Рабочую партию, заявляющую, что «провозглашает нулевую толерантность посленоябрьской [1989 года — Я. Ш.] политической системе... Это система, которая благоприятствует иммигрантам, асоциальным элементам, не обращая внимания на порядочных людей. Мы делаем упор на три основы политики — национальную, социальную и консервативную»⁵². Однако, несмотря на громкие заявления и публичные акции, иногда активно освещаемые СМИ, членская база радикальных партий не превышает нескольких сотен человек, а их популярность находится в границах статистической погрешности⁵³.

2009 г. принес чешской политической системе ряд новых пертурбаций. Непростым оказался период председательства ЧР в Евро-

пейском Союзе (январь — июнь). 24 марта социал-демократической оппозиции в парламенте с помощью коммунистов и нескольких депутатов-перебежчиков из правительственного лагеря удалось добиться выражения недоверия коалиционному (ГДП плюс лидовцы плюс «зеленые») кабинету М. Тополанека, что осложнило позицию на европейской арене оставшейся «без правительства» Чехии. С мая 2009 г. страной руководило «правительство чиновников» (*úřednická vláda*) Яна Фишера, состоявшее из независимых специалистов, назначенных с согласия парламентских партий. (Это уже второй такой эпизод в новейшей истории ЧР: в январе — июле 1998 г. у власти находилось подобное правительство Йозефа Тошовского.) Плюсы и минусы такой ситуации анализирует чешский социолог Любомир Брокл: «Правительство чиновников не возникает в результате <...> демократической конкуренции и распределения политических интересов “снизу”... [Оно] может казаться кому-то удовлетворительной альтернативой, поскольку не нуждается в политике со всей ее нестабильностью и поисками компромисса. Это лишь управляющая администрация, над которой стоит только глава государства, но не граждане с их противоречивыми интересами... Это совершенно иной способ легитимизации правящих структур, нежели легитимизация демократическая, возникающая в ходе борьбы интересов социальных групп “снизу”...»⁵⁴

В связи с этим на осень 2009 г. были намечены досрочные парламентские выборы. Однако неожиданное, произошедшее в последний момент изменение позиции ЧСДП привело к тому, что соответствующее решение не могло набрать большинства голосов депутатов, необходимого для самороспуска нижней палаты, который должен был привести к досрочным выборам. Таким образом, выборы, очевидно, состоятся в намеченный срок — в июне 2010 г. Вряд ли от них стоит ожидать революционных перемен на чешской политической сцене, хотя состав парламентских партий «второго эшелона» может измениться*.

* Парламентские выборы 2010 г. в Чешской республике прошли 28 и 29 мая. В правительство ЧР вошли представители трех правоцентристских политических партий: ГДП, «ТОП 09» и «ДО» — «Дела общественные», которые после выборов подписали коалиционный договор. Победившие на выборах партии разделили кресла в кабинете следующим образом: ГДП — Гражданская демократическая партия имеет в правительстве 5 министерских постов и кресло премьер-министра, им стал Петр Нечас; «ТОП 09» (5 министров в кабинете); «ДО» — «Дела общественные» заняли 4 министерских поста (*прим. ред.*).

Таким образом, спустя 20 лет после «бархатной» революции можно говорить о формировании в Чешской Республике системы парламентской демократии, которую, возможно, еще нельзя назвать зрелой, но, безусловно, можно назвать устоявшейся. Политические партии позиционируют себя в качестве выразителей интересов тех или иных слоев и групп чешского общества. Однако в действительности в последние годы можно говорить об ослаблении связей и некотором отчуждении между обществом и политическим классом. Тем не менее доверие к демократическим институтам остается достаточно высоким, а существующие недостатки системы воспринимаются большинством граждан именно как недостатки, а не признаки кризиса демократии и необходимости ее замены какой-то другой системой.

Примечания

¹ Lidové noviny. 1989. 11.XII.

² Подробнее о модели «партии-государства» применительно к историческому опыту большевистской революции в России, где эта модель впервые возникла и была последовательно реализована, см., напр.: Велидов А. С. Диктатура пролетариата или партия-государство? // Закон и право. 1998. № 1. С. 46–48.

³ Возможно, и больше: выборы 1946 г., обычно называемые чешской и словацкой историографией и публицистикой «последними свободными» (перед приходом коммунистов к власти), в действительности являлись таковыми лишь отчасти: правая часть политического спектра, за исключением демохристиан, была поставлена вне закона, многие правые и центристские политические деятели 1920–1930-х гг. привлекались к уголовной ответственности (не всегда обоснованно) по обвинению в сотрудничестве с нацистскими оккупантами. Последними полностью демократическими выборами в «буржуазной» Чехословакии, таким образом, следует считать парламентские 1935-го и местные 1938 г.

⁴ В Первой республике существование и деятельность политических партий с правовой точки зрения специально не регулировалась, несмотря на огромное политическое влияние партий: «...Право создания союзов и объединений никогда не выходило за <...> рамки частного права, никакие партии не могли быть правовыми субъектами, а о самом их существовании с юридической точки зрения начали говорить только в связи с политической необходимостью репрессий, точнее — запрета союза “Фольксшпорт” в 1932 г., обвиненного в шпионаже в пользу Германии...» (Kunc J. Stranické systémy v rekonstrukci. Praha, 2000. S. 177).

⁵ Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы (на материалах Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, России, Словакии и Чехии). М., 1996. С. 82–83.

⁶ Krapf J. Kulatý stůl pro patnáct milionů. Revoluční chápání demokracie // Dějiny a současnost. 2009. Mimořádné číslo k 20. výročí 17. listopadu 1989. S. 31.

⁷ Ibid. S. 32.

⁸ Вероятно, это наиболее подробное и непредвзятое из существующих на данный момент исследований событий ноября 1989 — июня 1990 гг. в Чехословакии.

⁹ Адамец Ладислав (1926–2007) — чехословацкий коммунистический государственный деятель, с 1988 г. — глава правительства ЧССР. 19 ноября 1989 г., после начала революции, первым принял представителей гражданских инициатив и признал необходимость политических перемен. 3 декабря был вновь назначен главой правительства, в состав которого вошли 15 коммунистов. ГФ и ОПН выступили против такого состава кабинета. 7 декабря Адамец подал в отставку, новое правительство сформировал М. Чалфа.

¹⁰ Suk J. *Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křížovatky jedné politické krize*. Praha, 2003. S. 46–47.

¹¹ Подробнее см., напр.: Pithart P. *Čalfa — anebo referendum? Alternativní pohled na polistopadové události // Dějiny a současnost...* S. 14–19.

¹² Таково официальное правописание краткого названия страны (полностью — Чешская и Словацкая Федеративная республика) в последние годы ее существования (1990–1992).

¹³ Тёльдеш П. Перегруженная демократия // *Холодная гражданская война. Раскол венгерского общества*. М., 2009. С. 130–131.

¹⁴ Siani-Davies P. *The Romanian Revolution of December 1989*. London, 2005. P. 106.

¹⁵ Подробнее см.: Broklová E. *Srovnání politického systému první Československé republiky a vývoje v posledním desetiletí 20. století // Kučerová S. (red.). Bilance a výhledy středu Evropy na prahu 21. století*. Brno, 2000. S. 170–177.

¹⁶ Keane J. *Václav Havel: Politická tragédie v šesti dějstvích*. Praha, 1999. S. 147.

¹⁷ Характерно, что эта модель не получила широкого распространения в посткоммунистических странах: из государств ЦВЕ она действует, помимо Чехии, только в Венгрии, из республик бывшего СССР — в Латвии, Молдавии и Эстонии.

¹⁸ *Právo lidu*. 1989. 22.XII.

¹⁹ Результаты июньских выборов 1990 г. приведены по: Fiala P., Mareš M., Pšejka P. *System politických stran v letech 1989–1998 // Přehled politického stranictví na území českých zemí a Československa v letech 1861–1998*. Olomouc, 2000. S. 362–363.

²⁰ См.: Shepherd R. H. E. *Czechoslovakia. The Velvet Revolution and Beyond*. NY & L., 2000. P. 138.

²¹ Keane J. *Op. cit.* S. 358.

²² Pacner K. *Dělení státu: 1938/39, 1992 // Reflex. Osudy dvacetiletí*. 2009, podzimní speciál. S. 61.

²³ Jičínský Z. *Politický fenomen OF a problémy jeho působení // Krystalizace struktury politických stran v České republice po roce 1989*. Praha. 1996. S. 66.

²⁴ Fiala P., Mareš M., Pšejka P. *System politických stran...* S. 363.

²⁵ Здесь и далее результаты парламентских выборов приводятся по официальным данным, приведенным на избирательном портале Volby.cz Чешским статистическим управлением (Český statistický úřad, ČSÚ).

²⁶ Kunc J. *Op. cit.* S. 198–199.

²⁷ Результаты коммунистов на парламентских выборах в ЧР таковы: 1992 — 14,05 % (в составе коалиции «Левый блок»); 1996 — 10,33 %; 1998 — 11,03 %; 2002 — 18,51 %; 2006 — 12,81 %.

²⁸ Politická deklaráce IV. sjezdu KSČM // Dokumenty IV. sjezdu KSČM (interní materiál KSČM). Liberec, 1995. S. 105–107.

²⁹ См., напр.: Fiala P. a kol. Komunismus v České republice. Brno, 1999. S. 156–160.

³⁰ Подробнее см., напр.: Balík S. KSČM a její vztah k vlastní minulosti. Brno, 2004.

³¹ См., напр.: Pehe J. Jak se Topolánek vydal třetí cestou // Právo. 2009. 29.XI.

³² Национальный фронт (Národní fronta) — объединение, в состав которого входил ряд политических партий и общественных организаций Чехословакии. НФ был создан в 1945 г. До 1948 г. в него входили все политические партии страны, включенные после выборов в состав правительственной коалиции — легальной оппозиции в рамках этой системы не существовало. После февральского переворота 1948 г. НФ «обновился»: левые социал-демократы под давлением КПЧ объединились с этой партией; другие партии — демохристиане и социалисты — формально сохранились как политические субъекты, фактически же оказались в полной зависимости от коммунистов. Позднее в состав НФ вошли все основные общественные организации социалистической Чехословакии. На выборах в парламент и местные органы власти официальные кандидаты выдвигались как «кандидаты Национального фронта». Каких-либо реальных полномочий НФ не имел, играя роль одного из «приводных ремней» между правящей КПЧ и обществом; распущен 7 февраля 1990 г.

³³ Результаты лидовцев на парламентских выборах в ЧР: 1992 — 6,3 %; 1996 — 8,1 %; 1998 — 9 %; 2002 — 14,3 % (в коалиции с либеральной Унией свободы); 2006 — 7,2 %. При этом кандидаты ХДУ — ЧНП обычно успешны на выборах в Сенат, проходящих по одномандатным округам, что позволяет лидовцам использовать свою традиционную территориальную базу на юго-востоке страны.

³⁴ Подробнее об аферах вокруг И. Чунека см., напр.: <http://ceske-celebrity.cz/celebrity/c/cunek-jiri/>.

³⁵ По аналогии с покушением 28 июня 1914 г. в Сараево на наследника престола Австро-Венгрии Франца Фердинанда, ставшим поводом для начала Первой мировой войны.

³⁶ В 1998 г. места в нижней палате парламента ЧР получили 5 партий (ЧСДП — 32,3 % голосов; ГДП — 27,7 %; КПЧМ — 11 %; ХДУ — ЧНП — 9 %; УС — 8,6 %).

³⁷ В 2002 г. первые 5 мест на парламентских выборах распределились следующим образом: ЧСДП — 30,2 % голосов; ГДП — 24,5 %; КПЧМ — 18,5 %; коалиция УС и ХДУ — ЧНП — 14,3 %.

³⁸ Подробнее см., напр.: Volby 2002. Česká redakce BBC. <http://www.bbc.co.uk/czech/volby2002/index.shtml>.

³⁹ Текст «оппозиционного договора» цит. по: Česká strana sociálně demokratická. Věžný archiv. 1998/07. Opoziční smlouva. См. также: http://www.socdem.cz/vismo/dokumenty2.asp?u=422010&id_org=422010&id=5619.

⁴⁰ Mladá fronta dnes. 1998. 10.VII.

⁴¹ Čulík J. Jak získávají politické strany v českém prostředí od pádu komunismu volební legitimitu? // Britské listy. 2000. 23.XI. <http://blisty.internet.cz/0011/20001123f.html>

⁴² Ibidem. Ср.: Šimíček V. Proč byla opoziční smlouva špatná již od počátku // Proglas. 2000. Č. 1. S. 4–6.

⁴³ Ibidem. См. также: Fiala P., Mikš F. Opoziční smlouva: pokus o předběžnou bilanci // Proglas. 1999. Č. 9. S. 3–8.

⁴⁴ Это, конечно, не только чешская проблема. Существование «больших коалиций» вызывает неоднозначную реакцию везде, где они появляются, и тем не менее время от времени этот политический феномен повторяется (например, коалиция демохристиан и социал-демократов в Германии в 2005–2009 гг.).

⁴⁵ Текст обращения «Спасибо, уходите!», подписанного бывшими активистами студенческого движения 1989 года, см. на <http://sdo.jola.cz/>.

⁴⁶ Hornung K. Totální stranický stát v krizi, pomůže více přímé demokracie // Střední Evropa. 2000. Č. 98. S. 35.

⁴⁷ Filip J. Volební zákon, nedostatky návrhu a chaotičnost jeho přípravy // Parlamentní zpravodaj. 2000. Č. 5. S. 29.

⁴⁸ По итогам выборов 2006 г. в Палату депутатов парламента ЧР прошли 5 партий: ГДП – 35,4 % голосов; ЧСДП – 32,3 %; КПЧМ – 12,8 %; ХДУ – ЧНП – 7,2 %; Партия «зеленых» – 6,3 %.

⁴⁹ Подробнее см., напр.: Volba prezidenta České republiky http://cs.wikipedia.org/wiki/Volba_prezidenta_%C4%8Cesk%C3%A9_republiky.

Главу государства в Чехии выбирают на совместном заседании члены обеих палат парламента – Палаты депутатов и Сената. Срок полномочий президента ЧР – 5 лет. В 1993 и 1998 гг. президентом избирался В. Гавел, в 2003 и 2008 гг. – В. Клаус.

⁵⁰ Подробнее см., напр.: Gross utratil víc, než vydělal // Mladá fronta dnes. 2005. 29.I. http://zpravy.idnes.cz/domaci.asp?c=A050128_224658_domaci_miz.

⁵¹ Подробнее см., напр.: Nepopulární hesla mladé TOP 09 zabírají. Zatím // Hospodářské noviny. 2009. 30.XI // <http://hn.ihned.cz/c1-39248620-nepopular-nihesla-mlade-top-09-zabiraji-zatim>.

Лидерами ТОП 09 стали популярный экс-министр иностранных дел ЧР в правительстве М. Тополанека Карел Шварценберг и бывший министр финансов в том же кабинете (представлявший тогда ХДУ – ЧНП) Мирослав Калоусек.

⁵² Dělnická strana – národní opozice. Kdo jsme // http://www.delnicka-strana.cz/index.php?option=com_content&task=view&id=73&Itemid=102.

⁵³ По официальным данным, объединение «Правый блок» (Pravý blok), считающееся одной из крупных организаций праворадикального толка, набрало на выборах 2006 г. 20 382 голоса, что составило 0,38 % всех голосов, поданных на выборах.

⁵⁴ Brokl L. Oč jde v naší dnešní politice – zdokonalená repríza? // Spor o dějiny. Sborník kritických textů. Praha. 1999. Sv. II. S. 115.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ И 1989 ГОД. К СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Г. Носкова
(Чехия)

После 1945 г. в Чехословакии права национальных меньшинств, зафиксированные в межвоенный период, так и не были восстановлены. В Конституции 1948 г. речь шла лишь о гражданских правах, которые должны были гарантировать и национальные права. Термин «национальное меньшинство» уже не использовался.

Социалистическая конституция 1960 г. обеспечивала ряд прав для национальностей, но национальных меньшинств Чехословакии они не касались. Национальности (венгерская, польская, украинская) могли развивать свою культурную деятельность исключительно в одном из разрешенных обществ для каждой из них. Министерство образования поддерживало польские, венгерские и украинские национальные школы. Однако за лицами немецкой и цыганской национальностей подобные права не признавались. Цыгане воспринимались исключительно только как социальная группа, не подлежащих же выселению немцев следовало подвергнуть постепенной ассимиляции.

Национальная политика в 1960-е гг., как и в предшествующем десятилетии, проводилась под руководством идеологического отдела ЦК КПЧ. Партийный аппарат составлял отчеты о положении национальностей и давал указания национальным комитетам, разного рода инстанциям и своим членским организациям о характере дальнейшего обращения с представителями некоренных национальных групп. Лишь украинская национальность воспринималась как беспроблемная.

В 1966–1968 гг. представители таких групп, в частности немцев, обращались в ЦК КПЧ в ходе набиравшего силу процесса демократизации в стране с целью добиться свободы собраний, других культурных и политических прав. В период федерализации Чехословакии правительство приступило к этнической (по тогдашней термино-

логии) индивидуализации четырех национальностей — поляков, немцев, венгров и украинцев. В ходе Пражской весны возникло Культурное общество граждан немецкой национальности. Несмотря на то что цыгане также развивали значительную активность и основали Союз цыган, они по-прежнему оставались для ЦК КПЧ, кабинета министров и других правительственных институтов, а также для общественных организаций лишь проблемной социальной группой. Словаки являлись государствообразующей нацией и на территории Чешской Республики не считались национальностью (не были они и меньшинством), так же как и чехи в Словакии.

Неудавшаяся попытка проведения демократической реформы в 1968 г. отразилась на указанных выше этнических группах: имели место эмиграция, вытеснение из состава руководства гражданскими обществами, школами, редакциями, дискриминация в трудоустройстве и пр. Закон о национальностях не был реализован.

В 1969 г. Чехословакия стала федерацией и началась т. н. «нормализация». В этот период КПЧ повсеместно осуществляла руководство национальной политикой. Это делалось посредством Федерального собрания, национальных советов республик и соответствующих комитетов в национально смешанных регионах, которые начали создавать национальные комиссии, возглавлявшиеся аппаратом КПЧ. Руководящим органом в этой сфере стал образованный в 1970 г. Совет по национальностям правительства ЧСР. Перед Советом и его комиссиями ставилась задача обеспечить реализацию культурных прав национальностей с акцентом на упрочение интернационализма и подавление национализма. С Советом по делам национальностей и его комиссиями сотрудничали Министерство культуры и Министерство образования, молодежи и физкультуры, Министерство финансов. Эти министерства финансировали из государственного бюджета культурную деятельность, а также поддерживали польские, венгерские и украинские школы. Каждой официально признанной этнической группе разрешалось объединяться в одном централизованно управлявшемся культурном обществе. Для венгров это был Чезмадок (основан в 1950 г.) с правом развивать свою деятельность в Словацкой Республике; для поляков — Польский культурно-просветительский союз (создан в 1947 г.); для украинцев — культурное общество «Просвещение» (Освіта), действовавшее в Словацкой Республике; в 1968 г. был создан Культурный союз граждан немецкой национальности. В конечном счете деятельность этих национальных объединений была целиком подчинена партийным органам, без санкции которых не принималось ни одно решение, а главную роль играла принадлежность членов этих

объединений к КПЧ и КПС. Что касается горизонтальных гражданских структур, то только в Хартии 77 и других документах хартистов обращалось внимание на национальную проблему, в том числе и на положение цыган в Чехословакии.

1989 год и этнические группы в Чешской Республике

В 1980-е гг. на положение национальных меньшинств в Чехословакии снова оказало влияние развитие ситуации в государствах — их исторической родине. Реакцией на это явилось политически мотивированное ограничение контактов граждан ЧСР с Польшей. Менялось отношение в Чехословакии и к немцам. События конца 1980-х гг. свидетельствовали о финальной стадии национальной политики КПЧ, которая в связи с политическими изменениями в СССР уже не могла рассматривать его в качестве образца для собственной национальной политики. Надо сказать, что и в предшествующий период копирование советской национальной политики в условиях ЧСР во многом являлось делом хлопотным и нецелесообразным, поскольку помимо идеологии существовала проблема исторических и культурных корней. Например, когда в СССР заходила речь о тех или иных национальностях и этнических группах, то имелись, как правило, в виду конкретные условия союзных республик, их население — той или иной национальности и этнические группы. Или же это было население определенной национальности и этнические группы, проживающие в автономных республиках, автономных округах и автономных областях. В Чехословакии не имелось подобного рода аналогов. По этой причине ученые под контролем КПЧ с большим трудом определяли этнические группы, которые должны были стать синонимами для бывших национальных меньшинств Чехословакии; эти же группы соотносились с национальными меньшинствами и этническими группами в СССР. Однако с точки зрения исторического и культурного развития не следует ставить знак равенства между немцами, поляками, венграми, украинцами и русскими. Ведь имелись же русины в регионах Чехословакии, а в советских регионах — этнические группы: балкарцы, каракалпаки, буряты; живут на российской территории и малочисленные народы: якуты, тувинцы, чуваша, удмурты, мордвины и т. д. Более того, распад СССР в начале 1990-х гг., создание Российской Федерации и Содружества независимых государств продемонстрировали необоснованность поиска несуществующих параллелей (или аналогов) в тогдашней национально-государственной практике. Вместе с тем в настоящее время, с притоком иммигрантов

и иностранцев эти теоретические знания о национальностях и этнических группах бывшего СССР, а также современные исследования национальностей, этнических групп и иммигрантов Российской Федерации, можно рассматривать как крупный вклад в наши научные разработки и практику.

В ноябре 1989 г. национальные меньшинства поддержали «бархатную» революцию, создав собственное движение «Понимание», в котором основную роль играли поляки и венгры. Это движение трансформировалось в политическую партию и приняло участие в парламентских выборах в 1990 г. В этом же году возникло Культурное объединение граждан немецкой национальности. Как отмечалось выше, это объединение начало свою деятельность еще в 1968 г., однако в 1969 г. оно подверглось «нормализации», а его тогдашнее руководство вынуждено было сотрудничать с коммунистическим аппаратом. Поэтому в 1989 г. объединение немцев конституировалось заново. В 1992 г. автономные региональные общества, вышедшие в 1990–1991 г. из состава первоначально созданного Культурного объединения граждан немецкой национальности, создали Собрание немцев в Чехии, Моравии и Силезии. У поляков уже с XIX в. в Чешских землях имелось свое общество — Польский клуб в Праге, основанный в 1887 г. В 1940 г. его деятельность прервалась и была возобновлена только в 1991 г. В 1990 г. создается Конгресс поляков в Чехии, объединивший все другие возникавшие объединения, его исполнительный орган — Совет поляков состоял из девяти членов. Свою деятельность продолжает Польский культурно-просветительский союз, в 1990–1992 гг. возникали другие польские национальные объединения, например, Объединение польской молодежи, Объединение польских учителей, Объединение «Катынская семья», Полмедика и др.

В ноябре 1989 г. в недрах Гражданского форума объединились несколько десятков из проживавших в Чешских Землях венгров, планировавших создать собственную организацию. Так, в феврале 1990 г. был создан Союз венгров, проживавших в Чешских Землях, на основе восстановленного права об объединении граждан № 83/190 Кодекса законов, в соответствии с которым в 1990 г. создавались другие общества, организованные по национальному принципу. Хотя у украинцев до 1989 г. имелось свое культурное общество, в чешской части республики оно представлено не было. После 1948 г. первые украинские общества, возникшие в межвоенный период, подверглись запрету, а их материалы были захвачены филиалом НКВД, функционировавшем в Праге, и отправлены в СССР. В ноябре 1989 г. создается Гражданский форум украинцев, разработавший устав и созвавший

учредительное собрание Объединения украинцев и друзей Украины в ЧР. В 1994 г. из Объединения украинцев выделилось новое гражданское объединение — Украинская инициатива в ЧР. Свою деятельность развивает также Чешская ассоциация украинистов.

В ноябре 1989 г. начали активизироваться цыгане, которые не являлись официально признанной национальностью. В 1990 г. они создавали свои объединения не по национальному принципу, а на основе Закона (№ 83/1990 Кодекса законов) о праве на объединения. Так, 20 марта 1990 г. возникла Цыганская гражданская инициатива, издавшая свою декларацию еще 21 ноября 1989 г. В том же году цыгане основали другие объединения, например Гражданское объединение Ц, Фонд ДЖЕНО, Матицу цыганскую и т. д.

Но и словаки все еще не являлись официально признанной национальностью в ЧР, поэтому их общества также функционировали на основе Закона № 83/1990 Кодекса законов. До 1989 г. словацкую культуру в Чехии представлял Клуб словацкой культуры (КСК), который с 1985 г. работал при Доме словацкой культуры. Он был создан в 1969 г. как местный филиал Матицы словацкой, с 1971 г. являлся подразделением Национального комитета города Праги. В марте 1990 г. он принял устав гражданского объединения и продолжал свою деятельность. С 1986 г. при Доме словацкой культуры работает союз Лимбора, который, как и КСК, в 1990 стал самостоятельным гражданским объединением, задачей которого было сохранение словацкого танцевального и музыкального фольклора.

Официального признания как национальные группы не получили русские, болгары, русины, греки и др.

Влияние 1989 года на конституирование национальностей в Чешской Республике

Лишь перепись населения 1991 г. предоставила адекватные данные о численности лиц различных национальностей в ЧР: словаками назвали себя 314 877 человек, поляками — 59 383, немцами — 48 556, цыганами — 32 903, венграми — 19 932, украинцами — 8220, русскими — 5062, болгарами — 3487, греками — 3379, русинами — 1926 человек.

С начала 1991 г. ученые и гражданские активисты помимо Всеобщей декларации прав человека (1948) стали ссылаться и на Парижскую хартию за новую Европу от 21 ноября 1990 г., в которой говорится: «Мы подтверждаем, что этническая, культурная, языковая и религиозная самобытность национальных меньшинств будет

защищена и что лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать эту самобытность без какой-либо дискриминации и в условиях полного равенства перед законом».

Настоятельность решения в новых условиях вопроса о национальных меньшинствах была отражена в законе № 85/1990 Кодекса законов, о петиционном праве. Права национальностей, распыленные до этого момента в нескольких законодательных актах, начали оформляться Советом законодательных органов в виде нового закона о национальных меньшинствах в ЧР, который в будущем мог бы соответствовать условиям, предъявлявшимся ЧР при ее вхождении в Европейский Союз

В условиях подготовки к разделу в ЧСФР начали проявлять все большую активность проживавшие в Чешской Республике словаки. Нарубеже 1992–1993 гг. возникло несколько словацких объединений: Демократический альянс словаков, Союз словаков, Общество Милана Растислава Штефаника и Общество словаков. В 1994–2009 гг. появились другие словацкие гражданские объединения. В настоящее время в ЧР их насчитывается 17.

В 1991 г., после продолжительного перерыва в официальных демографических данных ЧР снова появилось упоминание о запрещенной в 1952 г. национальности «русины». Было основано Общество друзей Подкарпатской Руси в ЧР и гражданское объединение Общество русин. В том же 1991 г. принимается закон о гражданских объединениях, ставший стимулом для национальных меньшинств к созданию других гражданских объединений по национальному признаку.

В 1992 г. проживавшие в ЧР с 1948 г. греки учреждают здесь Ассоциацию греческих общин и Клуб друзей Греции. В последующий период создают свои гражданские объединения болгары, русские, сербы, лужицкие сербы, евреи и хорваты.

Проживавшие в ЧР граждане русской национальности в 1990-е гг. не имели статуса национальной группы, понимая, что их положение в Чешской Республике осложнено оккупацией 1968 г. Поскольку ни потомки белых эмигрантов, ни новые эмигранты не были к ней причастны, они продолжали развивать свою деятельность в своих, в недавнем прошлом часто нелегальных группах, причем их активность возросла со второй половины 1980-х гг.: встречи в Доме советской науки и техники. Они полагали, что ЧР до вступления в ЕС урегулирует свои отношения с меньшинствами, поэтому их объединение «Русская традиция» возникло в 2001 г. — после принятия закона № 273 о национальных меньшинствах, когда в соответствии с другим

законом, принятым в том же году, они стали официально признанным историческим национальным меньшинством на территории ЧР. Постепенно конституировались другие русские гражданские объединения, например, Русский культурный союз Прага, Артек, Ассоциация русских обществ, Координационный совет российских соотечественников в Чехии и т. д.

Национальные группы в Словацкой Республике после 1989 г. также использовали разрешение на общественную деятельность и основали свои гражданские объединения. Инициативными группами были венгры, украинцы, русины и цыгане. После дезинтеграции страны в Словакии стали активизироваться чехи, приступившие к созданию своих обществ.

Правительственным органом, ведающим вопросами политики по отношению к представителям национальностей, после распада Чехословакии стал Совет по национальностям правительства Чешской Республики. Совет являлся совещательным, инициативным и координационным органом правительства, он принимал участие в подготовке мероприятий, касавшихся прав национальностей: это решение вопроса об учреждении национальной печати, образование национальностей на их родном языке, забота о национальной культуре и др.

Постановлением правительства ЧР № 63/1994 была принята Концепция подхода правительства к вопросам национальных меньшинств в Чешской Республике. Его разработал Совет по национальностям при правительстве ЧР при прямом участии представителей национальных меньшинств, которые являются членами этого совещательного органа правительства. Концепция выработала понятие национальное меньшинство (граждане ЧР, которые образуют сообщество на основе использования другого родного языка и характеризуются своими культурными особенностями, им присущи особые культурные признаки, они имеют общую историю и связь с другой нацией и т. д.), которое определяет положение и права представителей национальных меньшинств: например, право на объединение в собственных организациях, право на развитие своей культуры, право на распространение информации на родном языке, право на образование на родном языке и т. д.

Правительство и его органы готовили Концепцию отношения к национальным меньшинствам в связи с ожидавшимся вхождением ЧР в ЕС. Правительство приняло экономическое участие в обеспечении прав представителей национальных меньшинств. Оно вносит свой вклад в развитие культуры и в распространение информации (выделяет средства на прессу национальных меньшинств, радио-

и телевидение — при посредничестве Министерства культуры; на образование на языке нацменьшинств и другие сферы их деятельности — при посредничестве Министерства образования и спорта, Министерства социального обеспечения). Дополнительную финансовую поддержку получают гражданские объединения национальных меньшинств городов и поселков, а также из стран, являющихся их исторической родиной.

Заключение

Базой для признания прав национальных меньшинств и их гарантии в ЧР с 1992 г. явилось Постановление Совета Европы о защите прав человека и основных свобод в пунктах протокола 3, 5, 8 (Кодекс законов № 209/1992). Перепись населения ЧР по национальностям от 3 марта 1991 г. стала основой для работы с нацменьшинствами. Кодификация прав и подготовка закона № 273/2001 о правах представителей национальных меньшинств была обусловлена подготовкой ЧР к вхождению в ЕС. В 1997 г. ЧР ратифицировала Рамочное соглашение о защите национальных меньшинств. В 2000 г. она подписала и Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств.

На основе постановления правительства № 1034 от 10 октября 2001 г. был создан Совет правительства по делам национальных меньшинств, ставший совещательным и инициативным органом правительства по национальным меньшинствам. Согласно уставу Совета, его членами являются представители исторических национальных меньшинств в ЧР: болгарского (1), хорватского (1), венгерского (1), немецкого (2), польского (3), цыганского (3), русинского (1), русского (1), греческого (1), словацкого (3), украинского (1).

Представители национальных меньшинств являются членами комиссий министерств, которые выделяют гражданским объединениям национальных меньшинств и физическим лицам финансы на проекты, соответствующие установленным критериям. Каждый край ЧР и столица Прага проводят свою собственную политику по отношению к национальным меньшинствам через их представителей. О деятельности и жизни гражданских объединений меньшинств (не в меньшей мере, чем в рамках самих меньшинств) свидетельствуют публикаторская деятельность, национальная печать, культурные и образовательные программы.

1989 г. завершил период политики ассимиляции национальных меньшинств. Политические изменения в стране, а также принятие указанных выше законов создали условия для развития деятель-

ности национальных меньшинств, которая в течение короткого периода приняла весьма большие масштабы. Рост активности нацменьшинств поддерживается также приливом новых иммигрантов, которые присоединяются к уже существующим объединениям меньшинств, либо создают новые. В настоящее время в качестве примера можно привести словацкое, русское и украинское национальные меньшинства. В будущем могут произойти дальнейшие изменения. Так, к признанию в качестве исторического национального меньшинства стремятся проживающие в ЧР вьетнамцы, такого же статуса могут добиваться и другие меньшинства из азиатских стран. Из первоначально проектировавшегося в 1945 г. государства без национальных меньшинств Чехословакия после 1989 г. становится страной с определенной мультикультурной основой, которая должна пользоваться признанием в будущем.

Перевод с чешского
Э. Г. Задорожнюк

«ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ» СЕРБИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. И. Фильмонова
(Россия)

Проевропейские силы в Сербии находятся у власти вот уже почти десять лет. С одной стороны, за это время на внешнеполитическом уровне руководству Сербии удалось достичь ряда успехов: возвращение Сербии в ООН (1 ноября 2000 г.); обретение членства в Совете Европы, Всемирном банке и МВФ; установление интенсивного сотрудничества с западноевропейскими странами, США, а также с Россией и Китаем. Однако единственным реальным практическим результатом в направлении «европейской интеграции» после практиковавшейся с 1991 г. по отношению к Сербии со стороны Евросоюза и США политики санкций, шантажа, угроз и, наконец, бомбардировок 1999 г. стало смягчение визового режима со странами Евросоюза. С другой стороны, Сербия, декларировавшая своим главным внешнеполитическим приоритетом и долгосрочной стратегической целью членство в ЕС, десять лет находится под давлением европейских стран и США, обуславливающих вступление Сербии в Евросоюз рядом требований.

Первый пакет условий относится к Косово. В этом плане усилия ЕС направлены на замену администрации ООН на европейскую миссию ЕУЛЕКС и получение от Сербии фактического признания независимости Косово. 16 февраля 2008 г., буквально накануне объявления независимости Косово ЕС в экстренном порядке учредил полицейско-гражданскую миссию Европейского Союза, т. н. миссию ЕУЛЕКС (отправленную в КиМ* без санкции СБ ООН, что противоречит международному праву). Целью ее создания объявлялось «поддержание спокойствия в крае во время объявления его независимости и последующие месяцы». Сербская оппозиция восприняла соз-

* Косово и Метохия, Космет (*прим. ред.*).

дание миссии ЕУЛЕКС как реализацию отвергнутого Сербией плана М. Ахтисаари и поддержку натовской оккупации края теперь уже силами Евросоюза. Далее последовала постепенная передача функций международного контроля и управления от миссии ООН в Косово, — которая в итоге сведена к присутствию только в двух городах (Приштине и Косовской Митровице) при численности в 500 чел. — к миссии ЕУЛЕКС. Численность последней с апреля 2009 г. составила 2,5 тыс., приоритетными направлениями ее деятельности были избраны сфера судопроизводства, таможни и налогов. При этом с самого начала своей работы миссия ЕУЛЕКС стала превышать взятые на себя функции и начала контролировать товарооборот на административной границе Сербии с Косово, минуя сербскую официальную власть и местную сербскую администрацию.

Против легитимности миссии ЕУЛЕКС существуют серьезные международно-правовые возражения. Прежде всего ни Сербия, ни «правительство Косово» не приняты в ЕС. Не было представлено никаких, даже формальных обоснований необходимости замены администрации ООН на администрацию Евросоюза. ЕУЛЕКС, в отличие от администрации ООН, сама становится частью «приштинской власти», — в частности Специальная группа по борьбе с терроризмом была переведена под управление косовской полиции, в состав судов Косово были включены судьи из стран ЕС¹. В итоге практическим результатом работы этой миссии можно констатировать содействие укреплению государственности «Республики Косово».

Представители высшего руководства стран ЕС задачу миссии ЕУЛЕКС в своих заявлениях для прессы ясно охарактеризовали как «строительство и осуществление независимости Косова». Президент Франции Н. Саркози и британский премьер-министр Г. Браун в заявлении лондонскому «Гардиан» 14 декабря 2007 г. после принятия решения об отправке европейской миссии в Косово отметили, что «миссия ЕУЛЕКС направляется как в качестве поддержки ожидаемому провозглашению независимости» (Браун), а «Сербия может вступить в Евросоюз единственно, если передаст обвиненных в военных преступлениях, и если будет уважать независимость Косово» (Саркози)².

В июле 2008 г. также при участии миссии ЕУЛЕКС началась выдача паспортов «гражданам независимого Косова». Предусматривалось, что косовские паспорта будут действительны даже в тех европейских странах, которые не признали независимости Косова. Из «великих держав» одна только Россия заявила об отказе признавать паспорта «государства Косово», равно как и выдавать визы его «гражданам».

США заняли прямо противоположную позицию. Отметим, что после «цветной революции» в Сербии 5 октября 2000 г., несмотря на приход к власти сил, именовавших себя демократическими, США в отношении Сербии продолжили политику, начавшуюся в мае 1992 г. с введения против СРЮ санкций (последние из которых были отменены лишь в 2005 г.) — политику давления, шантажа и угроз. Так, СРЮ был выдвинут ряд условий, исполнение которых от Сербии требуют и поныне: сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии; улучшение ситуации с правами человека; прекращение политической и экономической помощи Республике Сербской Боснии и Герцеговины³. После одностороннего провозглашения независимости Косова к этому списку прибавилось установление «добрососедских отношений» Сербии с ее бывшим южным краем.

Со своей стороны, США установили с Сербией торговые отношения и военное сотрудничество (последнее — с Национальной гвардией штата Огайо), исключили ее из списка стран, представляющих угрозу США, Сербия присоединилась к программе Партнерство во имя мира (2006), Белград и Чикаго стали городами-побратимами, а Сербия «побраталась» со штатом Иллинойс.

В Космете США поддержали предложение заменить силы ООН на европейскую полицейскую миссию, отметив при этом главную цель этой акции — «восстановление утерянного контроля» международного сообщества над севером Косова (где в подавляющем большинстве проживают сербы) и признали паспорта «Республики Косово» в качестве юридически законных документов. Таким образом, ЕС и США стали опорами «институтов албанской власти в Косове» — власти, которая находится на четвертом месте в мире по уровню коррупции и в настоящее время располагает около 460 000 единиц различного вида вооружения⁴.

Программу дальнейших действий ЕС и США в КиМ после провозглашения независимости озвучил американский посол в Сербии Камерон Мантер. В годовщину «независимости Косово» он назвал отправные пункты дальнейшей американской стратегии на Балканах: «Косово — дело решенное, возвращение к этому вопросу нереально, Белграду следует выстраивать соседские отношения с Республикой Косово», подчеркнув, что не следует «ворошить прошлое» и поднимать проблему Косово, ибо «проблема решена, поскольку решен вопрос статуса Косова». Постоянно апеллируя к понятиям «толерантная атмосфера» и «мультиэтническое общество», он тем не менее по поводу вступления Сербии в Евросоюз указал, что «Сербии будет весьма тяжело вступить в ЕС, если и остальные балканские

государства не сделают того же». Это означает, что вопрос о приеме Сербии в ЕС ставится в зависимость от евроинтеграционных процессов в Боснии, Македонии и Косово, при этом последнее трактуется как равноправное балканское государство. На практике это означает, что вклад Сербии в «прогрессивное движение Косова в направлении Евросоюза» — это есть вклад в развитие всего региона. Мантер отметил, что «на Балканах Сербии принадлежит ведущая роль и на ней лежит главная ответственность за осуществление безопасности на региональном и глобальном уровнях». В этой связи Сербия «с ее богатой военной традицией, военным талантом и профессионализмом должна стать членом НАТО». Атмосфера в Белом доме новая, указал посол, в соответствии с которой «мы более, чем прежде настроены работать через многосторонние институты», и теперь ключевым моментом является задача «работать и думать регионально»⁵. Относительно Балканского региона позиция США заключается в формуле «интеграция всех его стран в западные и европейские институты»⁶.

«Североатлантическая» стратегия получила развитие и закрепление в трех договорах с США, представленных на рассмотрение Народной Скупщины Республики Сербия в конце мая — начале июня 2009 г. и ратифицированных ею. Данные договоры позволяют США реализовать все те задачи, которые ультимативно требовались от Союзной Республики Югославии в Рамбуйе.

Первый законопроект — подтверждение Соглашения между Правительством Сербии и Черногории и Правительством США о сотрудничестве в области нераспространения оружия массового поражения и развития оборонных и военных отношений, подписанное в Белграде еще 5 апреля 2006 г. Ст. 7 данного документа освобождает солдат и другой персонал США от уголовной ответственности в случае «смерти или повреждения кого бы то ни было на территории Сербии и Черногории». Ст. 10 Соглашения предусматривает, что оснащение, запасы, материалы и другие средства Правительства США и его договорных партнеров (в том числе частных военных компаний), ввозимые и вывозимые, не будут подвергаться таможенному или любому иному контролю со стороны сербских властей. Следовательно, армия США и частные компании, которых она привлечет к сотрудничеству, смогут свободно ввозить в Сербию все, что посчитают нужным, включая различные виды вооружения, опасные материалы и т. д. без каких бы то ни было проверок. Ст. 11 указанного Соглашения предоставляет США право строить объекты на территории Сербии в соответствии с законами США⁷.

Второй документ — Соглашение о снабжении и взаимных услугах («УСА — СРБ 01») между министерством обороны Республики Сербии и министерством обороны США, подписанное в Белграде 8 ноября 2006 г. Этим соглашением Сербия обязуется оказывать поддержку США по логистике. Точнее, как указывается в ст. 2, «поддержку по логистике, резервам и обслуживанию»⁸. Третий документ — Соглашение между Правительством Республики Сербия и Правительством США о защите статуса, доступа и использования военной структуры в Республике Сербия или т. н. СОФА* — договор⁹. Его подписали Борис Тадич и Кондолиза Райс в Вашингтоне 7 сентября 2006 г., но Министерство обороны Республики Сербия предпочитало практически год не предавать широкой огласке этот документ.

Как указывается в преамбуле, договор заключается «принимая во внимание стремление обеих сторон разделить ответственность в поддержке вооруженных сил Соединенных Штатов, которые бы могли пребывать в Республике Сербия» по линии сотрудничества. Под вооруженными силами подразумевается «совокупность личного состава США, имущества, снаряжения и средств Вооруженных сил США, которые находятся на территории Сербии», которые могли бы «временно находиться на территории Республики Сербия в связи с действиями, вытекающими из данного договора». Точно так же на территории Сербии могут пребывать юридические и физические лица по договору с США (компании, в том числе частные военные компании, привлеченные на основе договора).

Согласно документу, Сербия должна обеспечить Соединенным Штатам доступ к объектам (и их использованию), необходимых для осуществления Программы межгосударственного партнерства и других действий, относительно которых стороны придут к соглашению, включая, помимо прочего, объекты, связанные с транспортировкой, складированием и обучением, и все это — «без компенсации», указывается в ст. 2 Договора. В ст. 4 говорится, что персонал США может прибывать и оставлять территорию Республики Сербия (Косово и Метохию Вашингтон не рассматривает как территорию Сербии) только с личными документами, выданными американской стороной. В ст. 7 указано, что «Вооруженные силы и персонал Соединенных Штатов могут ввозить, вывозить и использовать в Республике Сербия предметы личного употребления, оснащение, средства, материалы, технологии, оборудование для обучения и обслуживания в рамках реализации данного договора. Ввоз, вывоз и использование

* SOFA: Status of Forces Agreement.

будут освобождены от инспектирования, разрешений, других ограничений, уплаты таможенных пошлин и других видов налогообложения, существующего в Республике Сербия». Статус неприкосновенности американцев вытекает и из п. 2 ст. 7: «Авиация, транспортные средства и суда США освобождаются от инспектирования». Более того, ст. 9 соглашения СОФА гласит: «стороны по договору отказываются от прав предъявлять друг к другу претензии о предоставлении какой бы то ни было компенсации за ущерб, утрату или уничтожение имущества, повреждение или смерть персонала любой из сторон, которые произойдут в ходе выполнения их официальных обязанностей по договору СОФА».

Таким образом, перспектива сближения Сербии с НАТО на настоящий момент уже закрепляет обретение армией США и частными кампаниями, которых она привлечет, приоритетной правовой позиции и определенной «юридической экстерриториальности». Поскольку указывается, что «требования третьей стороны о возмещении ущерба или утрат, вызванных со стороны персонала США, будут решать США в соответствии с законами и нормами США», то фактически правовая компетенция Республики Сербия ликвидируется с установлением доминирования юрисдикции США.

Отметим также, что в элитном районе Белграда — Дединье к 2011 г. предполагается построить новое здание американского посольства, которому предназначено стать символом американского утверждения на Балканах и разведывательно-координирующим центром.

В целом США после отказа Киргизии от размещения американской военной базы на своей территории* стараются закрепить свое доминирование на Балканах, прежде всего на западе Балкан. Это позволяет обеспечивать контроль над южными путями поставок энергоресурсов в Европу, идущих с двух направлений — с Ближнего Востока и Закавказья (через Турцию и Суэцкий канал). Американский контроль подкреплен двумя военными базами НАТО в Косове («Бондстил» около города Урошевца и «Малый Бондстил» около города Гнилане) и базой в Македонии («Криволак»).

При этом территория Западных Балкан, несмотря на внимание и участие международных сил, приобретает все более отчетливый криминальный характер. Агентство ООН по борьбе с наркотиками в на-

* В феврале 2009 г. Киргизия объявила о намерении закрыть американскую военную базу в Манасе, однако этого не произошло, в июне 2009 г. было подписано соглашение с США о преобразовании ее в центр транзитных перевозок (*прим. ред.*).

чале 2009 г. обнародовало доклад, в котором отмечалась «прокладка» наркомафией новых маршрутов доставки наркотиков в Европу — через Западную Африку и Балканы. Балканы были охарактеризованы как перевалочный пункт доставки героина из Афганистана и Центральной Азии в Западную Европу, а также названы «парником для выращивания наркоконтрабанды и криминала» для Европы¹⁰.

Европейская стратегия Сербии была оформлена в «Национальной стратегии присоединения к Европейскому Союзу» (2005), принятием многочисленных законов в соответствии с европейскими нормами и стандартами. В 2005–2007 гг. состоялись переговоры по поводу заключения Соглашения о стабилизации и присоединении (ССП), закончившиеся парафированием Соглашения 7 ноября 2007 г. и его ратификацией Народной Скупщиной Сербии 9 сентября 2008 г. 29 апреля 2008 г. последовало подписание в Люксембурге Переходного соглашения (Переходного соглашения о торговле и торговых вопросах и начале ратификации ССП). Однако до сих пор ССП в силу так и не вступило.

Основными проблемами, связанными с ССП, являются следующие. В Соглашении не поставлен вопрос о статусе Косово, и нет формулировки об урегулировании косовской проблемы на основе резолюции СБ ООН 1244 (согласно которой КиМ является составной частью Республики Сербия). Следовательно, несмотря на упоминание в преамбуле ССП основополагающих международно-правовых актов относительно территориальной целостности и нерушимости границ, в Соглашении не содержится прямого указания на соблюдение ЕС данных принципов в отношении Сербии в вопросе Косово и Метохии (в отличие от ситуации с Грузией, когда Совет Европы в 26–27 мая 2008 г. ясно подтвердил свою приверженность принципам суверенитета и территориальной целостности Грузии в ее международно признанных границах, подтвержденных Резолюцией СБ ООН от 15 апреля 2008 г.). Более того, к концу мая 2008 г. 20 (из 27) стран — членов ЕС признали независимость Косова, явно нарушив ее суверенитет, территориальную целостность и принцип нерушимости границ. И акт признания независимости «государства Косово» в ССП под вопрос не ставится.

Таким образом, первый, важный шаг Сербии в направлении к членству в ЕС — подписание ССП содержит заведомо неприемлемые для Сербии условия: нарушить собственную Конституцию (2006 г.), согласиться с отделением части своей территории — южного края; «сотрудничать с соседними государствами и государствами региона»,

под которыми (неявным образом) подразумевается Косово; одобрить введение миссии ЕУЛЕКС и осуществить полномасштабное сотрудничество с Гаагским трибуналом.

Кроме того, Переходное соглашение, которое обеспечивает применение ССП в вопросах торговли до его ратификации во всех странах ЕС, заключено при особом «отложенном условии»: его реализация начнется лишь после того, как Совет Европейского Союза примет решение, что осуществлено полное сотрудничество Республики Сербия с МТБЮ*. Таким образом, применение положений ССП ставится в зависимость от третьей стороны, не являющейся подписантом ССП. Однако арбитром в определении полноты сотрудничества Сербии с МТБЮ¹¹ ставится заинтересованная сторона — ЕС (Совет Европейского Союза)¹².

Все, что в этих условиях мог сделать Белград, это пойти на беспрецедентную по урону для собственной экономики меру одностороннего применения Переходного соглашения. В начале 2009 г. Скупщина Сербии приняла закон о снижении пошлин на ввозимые из ЕС товары, предоставляющий возможность одностороннего применения Переходного торгового соглашения с Евросоюзом. Снижение пошлин в 2009 г. принесло ущерб государственному бюджету, согласно признанию самой власти, в 267 млн евро и от 300 до 400 млн — по оценкам экспертов-экономистов¹³. К январю 2009 г. сербская экономика вошла в предколлапсное состояние¹⁴. В 2009 г. в Сербии было заморожено около 800 млн долларов инвестиций, запланированные на 2009 г. Причиной такого решения стало серьезное падение потребительского спроса в республике¹⁵.

Возникает закономерный вопрос о том, за счет чего удастся выживать экономике Сербии в столь непростых условиях. Правящая коалиция видит ответ в дотациях со стороны ЕС. Финансовая помощь ЕС странам Западных Балкан осуществляется через предвступительный фонд — IPA, ставший единственным инструментом предоставления помощи в период с 2007 по 2013 гг. и объединивший все прежние предвступительные инструменты (PHARE, SAPARD, ISPA и CARDS). Совокупный бюджет на период 2007–2013 гг. составляет 11 468 млрд евро, из которых для Сербии предназначено 1183 млн евро. Однако большая часть средств, согласно заявлению Душицы Мойце Зайц, научного советника словенской консультативной кампании «R и R», не будет вложена в производство. Около 726 млн евро будет инвестировано в «конструирование институтов в Сербии»¹⁶.

* Международный трибунал по бывшей Югославии (*прим. ред.*).

Отметим, что программы развития Евросоюза сами по себе не бесплатны: за каждую из 24 программ развития, разработанных ЕС для стран Западных Балкан: образования, здравоохранения, регионального развития, развития малого и среднего бизнеса, защиты прав человека, транспортной сети и экологии в случае введения придется платить от 20 тыс. до 1 млн евро.

Опыт Болгарии, например, показывает, что программы ЕС ситуацию в промышленности и сельском хозяйстве — по крайней мере — не улучшают. Так, из 44 беднейших районов Болгарии, определенных таковыми в 1989 г., в 2003 г. на прежнем уровне остались 43 региона, развитие отмечалось лишь в секторах, где используется наименее квалифицированная рабочая сила. Вместе с тем вступление Болгарии в Евросоюз принесло стране значительный рост бюрократии и коррупции. ЕС, как показывает болгарский пример, не тратит деньги на развитие, он лишь обеспечивает функционирование искусственно завышенного числа чиновников и «элитарного слоя» местного населения. Болгария получила 800 млн евро для борьбы с коррупцией и организованной преступностью. Результаты были настолько отрицательными, что Евросоюз вынужден был запретить свободный въезд болгарским гражданам в шенгенскую зону и приостановить процесс перехода на евро в этой стране. В Сербии коррупция и организованная преступность стали системной частью государства, созданного в результате «цветной революции» октября 2000 г., и для решения данных проблем требуются фундаментальные структурные реформы.

Опыт Венгрии также продемонстрировал резкое падение жизненного уровня после вступления в ЕС (задолженность граждан по кредитам такова, что она «съедает» около двух третей их заработка). Сельское хозяйство ликвидируется (например, девять из десяти сахарных заводов в Венгрии закрылись по распоряжению Брюсселя, Венгрия получила субсидии с условием прекратить выращивание сахарной свеклы, и в итоге производство сахара в Венгрии было уничтожено полностью, страна поставлена в зависимость от импорта). На смену сохранявшимся отечественным продуктам питания пришли дорогие голландские, немецкие и испанские продукты. Так называемые «стандарты ЕС» искусственно завышены настолько, что это разрушило не только аграрный, но и промышленный сектор страны. В экономике ситуация складывается просто драматичная: к настоящему моменту предприятия практически всех отраслей, торговля и сфера коммунальных услуг скуплены германскими и австрийскими компаниями. Инфраструктура страны улучшилась, но жизненный уровень обычных венгров ощутимо снизился. Коррупция так же, как и Болгарии не искоренена, более

того, она усиливается. Молодежь Венгрии уезжает в страны ЕС, а от туда, в свою очередь, приезжают европейцы, скупают опустевшие дома и квартиры венгров и живут на социальные пособия из своих стран. Таким образом, как отмечает сербский аналитик В. Краков, страны ЕС получают высококвалифицированную рабочую молодежь, в образование которой они не вложили ни копейки, а молодые европейцы пользуются возможностью бездельничать, пока за них работают венгры, поляки и словаки¹⁷. Премьер-министр Венгрии Ференц Дюрчань в сентябре 2006 г. заявил, что экономика страны не рухнула до сих пор лишь благодаря «божественному провидению, изобилию денег в мировой экономике и сотням уловов»¹⁸.

Является ли вступление Сербии в Евросоюз выражением национально-государственных интересов — вопрос по меньшей мере спорный. Существуют примеры Норвегии и Швеции. В этих странах еще в начале 1970-х гг. были проведены референдумы по поводу вступления в Евросоюз, оба народа высказались против. Норвегия тогда была одной из самых бедных стран Западной Европы (вступив еще в 1949 г. в НАТО, страна быстро ощутила, что значит утратить часть суверенитета). Отказавшись от вступления в ЕС, Норвегия приступила к освоению нефтяных месторождений в своих территориальных водах в Северном море. В результате основной благосостояния Норвегии стали нефть и самостоятельность в отношениях с Евросоюзом. Затем в начале 1990-х Норвегия и Швеция вновь провели референдумы по поводу вступления в ЕС. Позиция норвежцев осталась неизменной. Швеция — с незначительным перевесом, достигнутым благодаря голосам натурализованных иностранных рабочих, — приняла решение вступить в ЕС. В момент проведения референдума Швеция была страной по всем показателям значительно более богатой по сравнению с Норвегией. Прошло 15 лет, и Швеция, значительно обеднев, по всем направлениям проиграла своему северному соседу. Норвегия же за это время создала эффективную систему кооперации с Евросоюзом: она участвует в ряде совместных проектов, за которые ежегодно выплачивает в бюджет ЕС около 200 млн евро.

Позиция самого Евросоюза относительно балканских стран достаточно противоречива. 25 февраля 2009 г. Совет министров Евросоюза заблокировал путь евроинтеграции для всех стран запада Балканского полуострова. Чиновники ЕС указали, что серьезные препятствия для обретения членства ЕС имеются у всех стран региона: Македония, хотя и является официальным кандидатом на членство с 2005 г., — из-за спора с Грецией, требующей изменения названия бывшей югославской республики; Сербия — из-за пози-

ции Нидерландов, требующих полного сотрудничества с МТБЮ; кандидатура Черногории «не нашла понимания в Брюсселе»; Тирана получила совет «не торопиться с кандидатством»; Хорватию блокирует Словения (она единственная стала членом ЕС в 2004 г.), которая требует изменения морских границ с Хорватией; Хорватию блокируют пять стран ЕС также в связи с «неполным сотрудничеством с Гаагским трибуналом»; о прогрессе в направлении евроинтеграции Боснии и Герцеговины речи не идет, поскольку там существуют реальные угрозы внутренней дестабилизации¹⁹.

На фоне неясных перспектив со вступлением в Евросоюз и обострения экономической ситуации в Сербии постепенно падает влияние президента Б. Тадича. На первом плане общественно-политической жизни еще отчетливее проявилась роль послов западных стран, волю которых доносит до народа прозападный авангард сербской политики, представленный Либерально-демократической партией Ч. Йовановича, партией «Г17+» М. Динкича, Лигой социал-демократов Воеводины Н. Чанка, а также сербскими олигархами. Отмечается ослабление позиций Тадича и в его собственной Демократической партии. Правящей коалицией «За европейскую Сербию» и правительством в действительности управляют теневые политические магнаты, которые держат в своих руках Белград, Воеводину, ключевые министерства или отрасли экономики.

Показателем усиления расхождения во мнениях в правящей коалиции является принятие в конце 2009 г., в соответствии с планом по регионализации Сербии, представленным Евросоюзом в конце 2008 г., — т. н. Статута Воеводины. Регионализация Сербии выдвигается ЕС как «условие всех условий», наряду с «главным условием» — выдача Р. Младича и Г. Хаджича. Правительство Сербии в 2005 г. приняло Стратегию регионального развития на 2007–2012 гг., в 2009 г. Скупщина РС приняла закон о региональном развитии. На реализацию этого проекта предусмотрено выделение из фонда ИРА 42 млн евро²⁰. Примечательно, что подобное требование не выдвигалось для Болгарии, Греции, Хорватии и Румынии. В ноябре 2009 г. Скупщина Сербии одобрила Закон об утверждении полномочий и Статут Воеводины (утвержденный затем в Скупщине Воеводины), согласно которому край наделяется практически всеми атрибутами государственности: правительство, Центробанк, представительства в зарубежных странах и международных организациях, а также право заключать международные соглашения. В Статуте указано, что Воеводина является частью Сербии и одновременно — «европейским регионом». В перспективе к этому «еврорегиону» должны быть присоединены три венгерских об-

ласти и четыре румынских, с населением в 5 200 000 чел. — это больше, чем Хорватия или Сербия без Воеводины.

Коалиционные партнеры Тадича продемонстрировали готовность выйти и на новый уровень деятельности. Лига социал-демократов Воеводины Н. Чанка, Либерально-демократическая партия Ч. Йовановича, Социал-демократическая уния Ж. Корача, Демо-христианская партия Сербии В. Батича и Союз венгров Воеводины И. Пастора выступили с инициативой изменения Конституции Сербии. В фокусе трансформации — статьи относительно статуса Космета и Воеводины. Заместитель председателя ЛСВ Б. Костреш заявил, что для изменения статуса Воеводины будут предприняты три акции: принятие Статута Воеводины, изменение Конституции Сербии, в результате чего Воеводина получит законодательную, исполнительную и судебную власть и наконец принятие «высшего правового акта Воеводины». При этом он выразил уверенность, что на все потребуется не более 2–3 лет. Батич считает, что территориальная организация Сербии должна прийти в соответствие с реальной ситуацией, а не с мифами и желаниями²¹. В данном случае налицо отличие от косовского сценария дезинтеграции Сербии: сейчас речь идет о формировании «реального положения» прежде, чем оно возникнет в действительности.

Перспектива углубления дезинтеграционных процессов для Сербии выглядит более чем реально. Под предлогом создания т. н. «экономико-статистических регионов» по рецептам институтов Евросоюза предполагается закрепление разделения страны, наряду с существующим административным устройством — деление на «еврорегионы». Причем пример самого ЕС, в частности его центра — Бельгии, показывает, что концепция регионализации не способствует разрешению противоречий и выравниванию уровней развития регионов. В Бельгии со временем пропасть между Фландрией и Валлонией лишь углубляется. В Сербии в 2010 г. в закон страны о региональном развитии были внесены изменения. Теперь, согласно поправкам, вместо предполагаемых семи будет создано пять статистических регионов. Неизменными остались регионы Воеводина, Белград, Косово и Метохия. Восточная и Южная Сербия (от Смедерево и до Кладова — в северной части региона, до Прешево и Босилеграда — на юге) объединены в один, а Шумадия и Западная Сербия — в другой регион. В последний включено пространство от Богатича до Тутина и от Деспотовца до Бруса, объединившее таким образом общины Новый Пазар, Съеница, Тутин, Прийеполье, Прибой и Нова Варош (хотя по первоначальному проекту закона Нови Пазар и Тутин предполагалось объединить в Центральном, а остальные четыре общины — в Западном регионе).

Сербский ученый, академик М. Экмечич отмечает главную опасность для Сербии, таящуюся в столь интенсивно поддерживаемом извне процессе регионализации: на примере Сербии отрабатывается модель реорганизации Европы на региональной основе; проект направлен на трансформацию страны в мозаичный ряд регионов и расчленение суверенных наций; искусственно развивается местная идентичность; фрагментируется сербская национальная целостность. «Застрельщиком» регионализации Европы, отмечает сербский ученый, выступает Германия, что в конечном позволит ей посредством новосозданных регионов контролировать более 190 млн населения Центральной и Юго-Восточной Европы²².

Наряду с процессами регионализации в рамках стратегии приближения Сербии к ЕС всемерная государственная поддержка оказывается развитию самоуправления национальных меньшинств. По переписи 2002 г. в Сербии проживает более одного миллиона граждан (14 % населения), причисляющих себя к национальным меньшинствам. Согласно закону от 2002 г. осуществление прав национальных меньшинств осуществляется посредством Национальных советов, формируемых на основе избирательной системы. Ситуация изменилась в 2009 г., когда с целью ускорения процесса евроинтеграции Сербии и, по некоторым сведениям, под давлением представителей Союза венгров Воеводины, поддерживаемых Венгрией, был принят новый закон о Национальных советах.

Главное отличие нового закона заключалось, во-первых, в возможности непосредственного выбора членов Советов национальных меньшинств. Выборы на основе нового закона прошли 6 июня 2010 г. во всех 167 общинах Сербии. В списки избирателей были включены 460 000 представителей 19 нацменьшинств, из которых 16 избирали (на прямой основе) своих представителей в Национальные советы (хорваты, словенцы и македонцы избирают свои Национальные советы иначе — на выборных скупщинах). Кроме того, в дополнение к уже существующим 15 Национальным советам после выборов было создано еще четыре.

Во-вторых, сфера компетенции Национальных советов расширилась более чем значительно: они получили примерно 70 конкретных полномочий в осуществлении прав национальных меньшинств. Советы теперь могут основывать учреждения образования, культуры, средства массовой информации; могут требовать введения в качестве официальных национального языка и письменности в отдельных общинах; предлагать изменение названий улиц, площадей, городских кварталов; утверждать национальные символы и праздники;

участвовать в выработке законов, относящихся к национальным меньшинствам; сотрудничать с международными и региональными организациями, государственными органами, организациями и учреждениями в своих «родных» государствах, а также со своими национальными советами в других государствах и т. д. Полномочия Национальных советов стали настолько велики, что Скупщина Сербии не может принять ни одного закона, относящегося к нацменьшинствам, без их одобрения.

В-третьих, закон позволил Советам политических партий и организаций национальных меньшинств участвовать в избирательном процессе. В результате начался процесс смещения акцента деятельности Нацсоветов в сторону политического компонента, их политический вес резко вырос. При этом Советы активно взаимодействуют со «своими» политическими партиями — прежде всего это относится к венграм и бошнякам*, со стороны которых наиболее активно муссируются темы децентрализации, регионализации и «региональном развитии».

В-четвертых, поле деятельности Нацсоветов изрядно расширило сербское Министерство по правам человека и правам меньшинств, выпустившее особую инструкцию. Чиновники в общинах обязывались вносить в список избирателей Нацсовета каждого желающего и даже тех, кого включить в список просят другие лица. Однако исключалась какая бы то ни было проверка ни первых, ни особенно вторых, в результате в число списков избирателей нацменьшинств было включено значительное число сербских граждан без их ведома.

Таким образом, закон о Нацсоветах 2009 г. создал новую модель расширенного самоуправления нацменьшинств в Сербии. Резко возросло общественно-политическое значение выборов в Советы — они приобрели звучание, сопоставимое с парламентскими и президентскими выборами. Национальные меньшинства Сербии по закону 2009 г. получили такие права, какими, по словам сербского президента Б. Тадича, они не обладают в странах Европы²³.

После принятия Статута Автономного края Воеводины позиция ЕС относительно Западных Балкан изменилась. Евросоюз взял курс на консолидацию региона Западных Балкан и выделение Сербии как особого регионального центра. Сербское руководство, со своей стороны, также заявило об изменении в своей внешнеполитической стратегии.

* самоназвание боснийцев (прим. ред.).

Президент Сербии Б. Тадич заявил, что процесс объединения Европы будет завершен только тогда, когда все страны Западных Балкан станут полноправными членами Евросоюза. Тадич подчеркнул, что «сильная и стабильная Сербия, член ЕС, будет залогом лучшей жизни ее граждан и одновременно и основой стабильности Западных Балкан, что представляет и общий европейский интерес». Одним из ключевых партнеров Сербии была названа Италия. Впервые за 130-летний период сербско-итальянских дипломатических отношений в Риме прошел двусторонний саммит, на котором с сербской стороны присутствовали, помимо президента Б. Тадича, премьер М. Цветкович и девять министров. Было достигнуто два главных результата. В геополитической сфере — выработана общая позиция относительно стратегии вхождения в ЕС региона Западных Балкан, подписана декларация о стратегическом партнерстве двух стран, заключено несколько двусторонних соглашений, предусматривающих поддержку итальянских компаний в использовании инвестиционных ресурсов Сербии, а также сотрудничество в области энергетики и высоких технологий. 2014 г. был определен как дата вступления Сербии в ЕС.

С. Берлускони заявил, что соглашения открывают Сербии путь к свободной торговле с Италией, а последней — к торговле и обмену и с остальными странами Восточной Европы. Тадич его поддержал, указав, что Сербия открывает Италии рынок с охватом в 850 млн человек, на что не способна ни одна другая страна в регионе.

Надо сказать, что Италия не медлит, усиливая свое экономическое присутствие в регионе: к концу 2009 г. она вышла на первое место по импорту сербских товаров (что составляет 27,6 % от импорта Сербии в страны Евросоюза в совокупности).

Был подписан ряд соглашений в области экономики, однако они имеют не столько экономический, сколько геополитический характер. Речь идет о соглашениях Сербии с северными итальянскими регионами — Ломбардией, Фриули, Венецией, Джулией и Венето, которые, как подчеркнул Берлускони, «будут иметь особую выгоду от двусторонних отношений с Сербией». Интересно, что именно указанные северные итальянские регионы играют особую роль в процессе «еврорегионализации», точнее — углубления децентрализации своей страны. Они претендуют на расширение автономии во всех сферах, прежде всего в финансовой, имея в этом богатый опыт²⁴. Учитывая сложность внутриполитической ситуации в Сербии, связанной с утверждением Статута Воеводины, заключение соглашений с «еврорегионами» — флагманами децентрализации выглядит, как стремление перенять итальянский опыт выделения промышленно развитых регионов.

Италия твердо взяла курс на содействие интеграции Сербии в пространство Евросоюза. Итальянский министр иностранных дел Ф. Фратини (вместе с комиссаром по расширению ЕС О. Реном) был одним из главных инициаторов получения в ближайшее время Сербией безвизового режима с ЕС. Сейчас Италия настаивает на утверждении 2014 г. в качестве конечной даты вступления Сербии в Евросоюз. Тадич, со своей стороны, провозгласил Италию «ключевым партнером сербской евроинтеграции», а Серию — «ключевым фактором Западных Балкан».

Изменила свою позицию и Голландия. Если после выдачи Гаагскому трибуналу Р. Караджича она непримиримо блокировала Переходное соглашение и Соглашение о стабилизации и присоединении «до выдачи Ратко Младича и Горана Хаджича», то в середине ноября 2009 г. три парламентские партии голландской правящей коалиции без видимых на то оснований заявили, что налицо явные признаки позитивного развития сотрудничества Сербии с Гаагским трибуналом. Однако Сербии не стоило заблуждаться относительно снятия беспрецедентных требований к себе со стороны ЕС и на этот раз. Принципиальное решение о вступлении Сербии в ЕС (хотя и с неопределенными сроками), очевидно, принято. Но в настоящий момент происходит выработка и закрепление положений, которые предварительно непременно должна будет выполнить Сербия.

Определение ориентира, которого следует придерживаться сербскому руководству, было вынесено 9 июля 2010 г. в Европейском парламенте, принявшем резолюцию в поддержку независимости Косова со стороны Евросоюза. Резолюция призвала членов ЕС придерживаться общей позиции к Косово; к «эффективному трансграничному, региональному и местному сотрудничеству в интересах всего населения Косова и региона в целом»; включении Косова в процесс визовой либерализации; к активизации институтов Евросоюза по сотрудничеству с Косово, а все партии Косово — к проведению «ключевых реформ» против коррупции и организованного криминала, по децентрализации и трансформации административной системы. Подчеркнем последний пункт. Он адресован, прежде всего, северу Косова, где большинство составляет сербское население. Децентрализация и трансформация административной системы означает интеграцию сербского населения в институты «приштинской власти». Но интеграция неизменно повлечет за собой и ассимиляцию — отказ от национальной идентичности, языка, культуры, истории. Кроме того, «интеграционный процесс Приштины» не ограничивается Косметом. Албанская сторона в настоящее время активизирует «проблему

Прешево–Буяновац–Медвежья», именуя этот регион «Восточным Косовом» и ставя вопрос о перспективе присоединения этого региона к Косово. Итак, применительно к главной проблеме не только Сербии, но и всего Балканского региона (как и всего мира в широком смысле) Европарламент принял резолюцию, в которой отверг возможность раздела Косово и утвердил необходимость проведения на всей территории Косова соответствующих реформ (прежде всего по децентрализации севера края) с перспективой интеграции и ассимиляции сербского населения.

Отличие действий дипломатии ЕС применительно к Сербии на нынешнем этапе заключается в том, что условие признания ею независимости Косова сейчас не является обязательным, нужна «конструктивная позиция» относительно участия в региональных организациях и действий «приштинской власти», т. е. все, кроме формального признания независимости. Германия, Франция и Англия предупредили Сербию, что попытка поставить вопрос об открытии переговоров о статусе Косова будет пресечена²⁵.

Необходимо заметить, что в целом самый важный и самый трудный национально-государственный вопрос — косовский не является приоритетным ни во внутривластном, ни во внешнеполитическом направлении и для сербского руководства. Вопреки заявлениям сербского президента о непризнании Сербией независимости Косова, на практике сербские власти практически не оказывают помощи сербским общинам Косово, прежде всего экономическим и кадровым ресурсом, хотя именно здесь находятся институты образования и здравоохранения, не подчиненные международным структурам в Космете.

Вслед за резолюцией Европарламента Международный суд ООН, в соответствии с запросом Генеральной Ассамблеи ООН, обнародовал 22 июля заключение по проблеме Косова. Суть его сводится к тому, что односторонняя декларация о независимости «властей Приштины» соответствует «применимым» международно-правовым нормам. Одновременно в заключении указано, что резолюция СБ ООН 1244 также «является частью международно-правовых норм, которые следует иметь в виду». Один из крупнейших российских юристов-международников, А. Б. Мезяев отмечает, что МС ООН дважды переформулировал предложенный ему вопрос. Во-первых, в ответе Суда говорится не о *провозглашении независимости*, а о *принятии заявления о провозглашении независимости*. Во-вторых, в своем ответе Международный Суд добавил к словам «норм международного права» слово «применимых». Отсекая «неприменимые» нормы международного права, МС ООН исключил практически все основополагающие нормы современной международно-правовой си-

стемы: Устав ООН (запрещение применения силы с целью подрыва территориальной целостности государств), Декларацию принципов международного права (принцип территориальной целостности), Заключительный Хельсинкский Акт (принцип нерушимости границ). Причиной, как отмечает А. Б. Мезяев, явилось указание на то, что принципы распространяются только на государства. Такая логика означает, что только государствам запрещается подрыв территориальной целостности и нерушимости границ, а на частных лиц или, скажем, на косовские власти это не распространяется. Кроме того, Суд приравнял свой вывод о том, что «в международном праве нет норм, запрещающих одностороннее провозглашение независимости» к выводу о том, что такое провозглашение косовскими сепаратистами «не противоречит международному праву». По крайней мере это проблема выбора правовых концепций «Разрешено все, что не запрещено» и «Запрещено все, что не разрешено». Однако МС выбрал первую и отклонил вторую. В решении Суда имеется и ряд других абсолютно необоснованных утверждений, например, о том, что Резолюция СБ ООН 1244 установила «специальный правовой режим, который <...> имеет преимущественную силу над сербским правовым режимом»; или признание за актами МООНК (Миссия ООН в Косове) силы норм международного права и др.²⁶

В результате Международный суд встал на сторону тех, кто вооруженной силой, политическим и экономическим давлением создавали, подпитывали и укрепляли албанский сепаратизм в Косове. По государственности и суверенитету Сербии был нанесен еще один удар. Надежды на объективность и профессиональную добросовестность представителей международных институтов, включая ООН, оказались несостоятельными. Еще накануне вынесения вердикта МС «премьер-министр Косова» Хашим Тачи находился в Вашингтоне, где он получил от вице-президента США Джо Байдена заверения в том, что «территориальная целостность Косова останется неприкосновенной», а «будущее Косова — это НАТО и Евросоюз»²⁷.

После вынесения заключения МС ООН и в преддверии Генеральной Ассамблеи ООН, назначенной на сентябрь 2010 г., вниманию которой Сербия представила проект своей резолюции относительно провозглашения независимости Косова, позиция Евросоюза была выражена предельно жестко. Перед Сербией «предстал» единый фронт из США, ЕС и наднациональных институтов.

Во-первых, последовало предостережение сербской стороне о том, чтобы та не требовала от ООН открытия переговоров по поводу *статуса* Косова; Брюссель настаивал на предварительном и полном согласовании с ним резолюции, которую Сербия намерена направить

в адрес Генеральной Ассамблеи ООН; указывалось, что от поведения Белграда в отношении Косова будет зависеть и предоставление Сербии статуса кандидата в члены ЕС. Таким образом, были отброшены обещания, прежде щедро выдававшиеся Сербии еврочиновниками о том, что «технический вопрос о кандидатуре Сербии будет поставлен перед Еврокомиссией автоматически». Теперь все выглядит иначе: ЕС только в декабре 2010 г. может запросить заключение Еврокомиссию по вопросу о кандидатуре Сербии. Но и это — маловероятно. Окончательную ясность относительно перспектив вступления Сербии в ЕС внес бывший посол США в Сербии У.Монтгомери — он заявил, что Сербия в лучшем случае станет членом ЕС через 8 лет, «а может, и в 2018 не станет»²⁸. Берлин вторил Вашингтону: хотя Сербия подала прошение о вступлении в ЕС еще в декабре 2009 г., германское руководство решило этот процесс приостановить. В ЕС должна вступить Хорватия (в 2012 или 2013 г.). А Сербия, «если выберет борьбу за Косово, останется в стороне», — так считают в Германии и другие члены Евросоюза²⁹.

9 сентября 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию по Косово. Однако первоначальный вариант сербской резолюции под мощным давлением Евросоюза и США изменили буквально в преддверии заседания ГА ООН. Так, речь больше не шла о неприемлемости одностороннего отделения, но вводилось положение об уважении Сербией консультативного решения Международного суда ООН, о том, что одностороннее провозглашение независимости соответствует международному праву. Тем самым резолюция существенно изменилась, и не случайно многие политические силы в Сербии оценивают ее как поражение и капитуляцию. Фокус внимания резолюции сосредоточен на диалоге между Белградом и Приштиной. Однако диалог Приштины и Белграда, попытки его налаживания ведутся на протяжении уже многих лет; переговорный процесс шел на протяжении последних четырех — пяти лет, на котором Приштина продемонстрировала полную неспособность к диалогу. Она выступала только с одним словом — независимость, в то время как Белград, со своей стороны, предлагал самые разнообразные модели расширенной автономии — все, что на данный момент существует в мире. В этой связи призывы развивать диалог Приштины и Белграда остаются исключительно декларативной формулой. Приштина заявляет, что согласна на обсуждение технических вопросов, но понимает их исключительно как вопрос о снабжении края электроэнергией, проблему телекоммуникаций и возвращения беженцев. Вопрос о статусе закрыт для Приштины, Вашингтона и Брюсселя.

Евросоюз ясно определил свою позицию как усилия, направленные на проведение исключительно технических переговоров между Белградом и Приштиной «по вопросам взаимного интереса». При этом позиция пяти государств — членов ЕС, не признавших независимость Косова, растворена в точке зрения большинства, которое требует от Белграда отказаться от попыток начала переговоров по поводу статуса Косова. 25 октября 2010 г. министры иностранных дел ЕС поставили определенную точку в «европейской интеграции» Сербии. Они одобрили направление Европейской комиссии вопроса о предоставлении Сербии статуса кандидата в члены ЕС. Однако ключевыми были названы два условия — полное сотрудничество с МТБЮ (выдача Р. Младича и Г. Хаджича) и сотрудничество с Косово. Мы можем констатировать, что, по сути, ничего не изменилось, вопрос вступления Сербии в ЕС движется по замкнутому кругу, постоянно возвращаясь к исходному условию Евросоюза: выдаче в Международный трибунал по бывшей Югославии Р. Младича и Г. Хаджича. Но теперь к этому условию прибавлено требование о признании Сербией независимости Косово.

Таким образом, процесс втягивания Сербии в евроатлантические структуры сопровождается усилением политической и экономической зависимости от США и стран Евросоюза, утратой части сербского суверенитета. «Евроатлантический путь Сербии» выложен рядом унижительных условий: осуществление полного сотрудничества с МТБЮ (выдача Р. Младича); признание независимости Косово; отказ от политической и экономической помощи сербскому населению в Косово и Метохии; регионализация и децентрализация страны; проведение общественно-политических реформ по рецептам Евросоюза, вызывающих раскол в обществе; полное взаимодействие с наднациональными финансовыми институтами — Всемирным банком и МВФ и реализация по их директивам экономических преобразований, ведущих страну в экономический тупик, и, наконец, заключение ряда договоров с США, создающих систему взаимоотношений с военным альянсом НАТО, сокращающую и урезающую суверенитет Сербии.

Примечания

¹ Мезяев А. Становление новой колониальной власти: Косово под надзором ЕВЛЕКС // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=2540>.

² Демократска странка Србије и Нова Србија Правна анализа Споразума о стабилизацији и придруживању. Београд, 4. јуна 2008. // <http://www.pescanik.net/content/view/1159/65/>.

³ <http://www.politika.rs/rubrike/Tema-nedelje/iskusenja-srpsko-americkih-odnosa/Amerika-nije-preputila-poslove-Evropi.lt.html>.

⁴ Petković P. Srbija i EU: «Niste nas dobro razumeli» // http://www.nspm.org.yu/in_kuda_ide_Srbija.htm.

⁵ <http://www.politika.rs/rubrike/Politika/O-Kosovu-ne-mozemo-da-se-slozimo-u-svemu-drugom-uspeshno-saradjujemo.sr.html>.

⁶ <http://www.naslovi.net/tema/72301>.

⁷ Закон о потврђивању споразума између владе Србије и црне горе и владе Сједињених Америчких Држава о сарадњи у области спречавања ширења оружја за масовно уништење и унапређивању одбрамбених и војних односа // http://www.parlament.sr.gov.yu/content/cir/akta/akta_detalji.asp?id=642&t=z.

⁸ Закон о потврђивању споразума о снабдевању и узајамним услугама (уса-срб-01) између министарства одбране Републике Србије у име владе Републике Србије и министарства одбране Сједињених Америчких Држава // http://www.parlament.sr.gov.yu/content/cir/akta/akta_detalji.asp?id=616&t=z.

⁹ Закон о потврђивању споразума између владе Републике Србије и владе Сједињених Америчких Држава о заштити статуса и приступу и коришћењу војне инфраструктуре у Републици Србији // http://www.parlament.sr.gov.yu/content/cir/akta/akta_detalji.asp?id=643&t=z.

¹⁰ <http://www.politika.rs/rubrike/vesti-dana/Balkan-ruta-za-krijumcharenje-kokaina.sr.html>.

¹¹ Србија стала првом страном у свету, издавајући у иностранство судског гонимца у великом броју бивших председника (С. Милошевић, Р. Караџић, М. Бабић, М. Милутиновић, Б. Плавшић, М. Мартић) и главнокомандујућег (М. Перичић, Д. Ојданић, Н. Павковић, М. Талић).

¹² Демократска странка Србије и Нова Србија Правна анализа Споразума о стабилизацији и придруживању. Београд, 4. јуна 2008. // <http://www.rescanik.net/content/view/1159/65/>.

¹³ Минович Д. Србија – 2009: кризис и волнења на порогу // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=1887>.

¹⁴ Минович Д. Удар по српској економици // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=1961>.

¹⁵ Информација Торгпредства РФ у Републици Србија за период с 15 по 28 априла 2009 г. // <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/department/doc1242659048118>.

¹⁶ Минович Д. Србија на кључку «помоци» Евросојуза // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=1317>.

¹⁷ Krakov V. Šta Evropska Unija neće učiniti za vas // <http://vladimirkrakov.mojblog.co.yu/>.

¹⁸ Лернер В. Слово не воробей. Венгрия взбунтовалась // Европа-експресс. 2006. 25 септембра // http://www.euxpress.de/archive/artikel_2302.html.

¹⁹ <http://www.politika.rs/rubrike/Svet/Blokada-od-Vardara-do-Mure.sr.html>.

²⁰ <http://www.naslovi.net/2008-06-30/blic/evropska-komisija-ulaze-2-5-miliona-evra-u-regionalni-razvoj-srbije/726104>.

²¹ <http://www.nspm.org.yu/hronika/lsv-ldp-sdu-dhss-svm-prete-i-ustavu.html>.

²² Екмечић М. Региони – Европски кошмар // <http://www.slobodanjovanovic.org/2009/10/25/milorad-ekmecic-regioni-evropski-kosmar/>.

²³ Ђорђевић М. Национални савети – проблем уместо решења // <http://www.nspm.rs/politicki-zivot/nacionalni-saveti-problem-umesto-resenja.html>. 16. август 2010.

²⁴ Четверикова О. Бельгија, Испанија, даље где: механизми перекройки карте Европе // <http://www.fondsk.ru/article.php?id=114328122007>.

²⁵ <http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/9/Srbija/734458/Dve+godine+gada+Vlade.html>.

²⁶ Мезяев А. Међународни Суд ООН и Косово: ампутација међународног права // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=3167>.

²⁷ <http://www.balkaninsight.com/en/main/news/29613/>.

²⁸ <http://www.kurir-info.rs/vesti/politika/montgomeri-srbija-neze-uci-u-evropsku-uniju-pre-2018-godine-42725.php>.

²⁹ <http://www.politika.rs/rubrike/Svet/Ekonomist-Gradjani-Srbije-sve-vise-gube-nadu.sr.html>.

ВСТУПЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ХОРВАТИЯ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ СТРУКТУРЫ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

И. В. Руднева
(Россия)

Республика Хорватия получила статус независимого государства 22 мая 1992 г., став полноправным членом Организации Объединенных Наций. Оформление ее независимости происходило в условиях гражданской войны (1991–1995 гг.), следствием которой стало массовое изгнание с территории республики большинства сербского населения. Эти обстоятельства обусловили дальнейшее развитие Хорватии, определили ее место в системе международных отношений, повлияли на политику внутри страны.

С 2001 г. Республика Хорватия взяла курс на вхождение в состав основных международных организаций — Североатлантического альянса и Европейского союза. Факторы, препятствующие осуществлению этих целей, носили как внутренний, так внешний характер. Прежде всего внутри страны сформировалась сильная оппозиция в отношении вхождения Хорватии в какой-либо международный союз. Многие политические и общественные деятели считали, что, присоединившись к Европейскому союзу, НАТО или любой другой организации, Хорватия рискует потерять недавно обретенную независимость. Результаты выборов и социологических опросов после 2000 г. показали высокий уровень так называемого «евроскептицизма» в хорватском обществе. Так, по данным независимых социологических агентств «Плюс» и «Метрон» за период с 2007 по 2009 гг. против вхождения в ЕС с неизменным постоянством высказывалось более половины респондентов — от 56 % до 58 %¹.

К 2009 г. руководству страны удалось изменить отношение хорватского общества к вхождению в НАТО: число сторонников возросло с 48 % (2007) до 61% (2009)². Во многом этому способствовала возросшая угроза терроризма по всему миру.

Третье место на выборах в хорватский парламент (Сабор) стабильно занимают партии, выдвигающие националистические лозунги, призы-

вающие хорватов не поддерживать процесс европейской интеграции. Против интеграции Хорватии в международные организации выступает и хорватская католическая церковь, которая в начале 1990-х гг. в условиях войны активно участвовала в политической жизни страны, но к началу 2000-х. постепенно стала утрачивать свои позиции.

Члены самой крупной и влиятельной партии ХДС (Хорватское Демократическое Содружество) после поражения в ходе президентских и парламентских выборов в 2000 г. разделились на сторонников прежней националистической линии, которую проводил Франьо Туджман, и умеренное крыло во главе с Иво Санадером, стремившимся превратить ХДС в демократическую партию. Фракция И. Санадера победила на парламентских выборах в 2003 году, взяв курс на сближение и тесное сотрудничество с Европой. На следующих выборах, в 2007 г. показательным стал результат реформирования ведущих партий Хорватии. Социал-демократы (бывший Союз коммунистов Хорватии), ХДС и даже Хорватская партия права — сторонница изоляционизма во внешней политике выразили готовность сотрудничать с европейскими структурами. Изменение внутривластного климата в Республике Хорватия способствовало тому, что стремление страны войти в состав ЕС стало приоритетной государственной задачей.

К внешним факторам, препятствующим вхождению Хорватии в ЕС и НАТО, можно отнести внутреннюю нестабильность самих этих организаций. Расхождения позиций по бывшей Югославии, Афганистану и Ираку внутри Североатлантического альянса, а также трудности с принятием европейской Конституции способствовали приостановлению процесса приема в эти организации новых членов. Лидеры ЕС приняли решение об ужесточении процесса приема с точки зрения более строгого мониторинга законодательных норм и их реального выполнения страной-кандидатом. По новому положению, Евросоюз может отложить прием даже полностью удовлетворяющей всем критериям страны, если его лидеры решат, что сообщество еще не готово к приему новых членов.

На саммите ЕС в ноябре 2006 г. были названы страны, которые еще могут надеяться на вступление в ЕС. Это балканские государства: Хорватия, Македония, Черногория, Босния, Албания и Сербия. Но их перспективы присоединения «не просматриваются ранее 2010 года». Однако представители Франции и Германии в конце 2008 г. отметили, что разговор о конкретных датах «является пустым обещанием, поскольку ЕС не надеется оживить Лиссабонский договор, по которому к 27 существующим членам Союза можно было присоединить новых членов»³.

На протяжении девяти лет власти Хорватии приводили законодательство страны в соответствие с требованиями ЕС, приняв более 30 поправок в экономической и политической областях⁴. Изначально планировалось принятие Хорватии в ЕС в 2009 г. Однако сроки были передвинуты на неопределенное время. Европа предъявляет Хорватии ряд условий, при которых страна сможет стать членом ЕС. К ним относятся: эффективное судопроизводство, борьба с коррупцией и организованной преступностью, а также сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии, возвращение сербских беженцев.

Требования Европейского союза связаны, в частности, с волной громких преступлений, прокатившихся по Хорватии. Так, произошло убийство известного адвоката Иваны Ходак, ведущей дело бывшего генерала Владимира Зогореча, обвиняемого в краже более миллиона долларов и подозреваемого в торговле оружием во время войны в Югославии. Сам г-н Загореч утверждал, что некие неназванные высокопоставленные представители правящего в Хорватии ХДС во времена эмбарго присвоили крупные средства, ассигнованные на закупки оружия, и перевели их на 80 счетов в зарубежных банках. Власти не стали отвечать на эти обвинения, а прокуратура страны никогда не пыталась их должным образом расследовать⁵.

Также в стране произошла серия нападений на журналистов и общественных деятелей, приписываемая некой действующей в стране мафиозной группировке. Корни этих преступлений кроются в международном эмбарго начала 1990-х гг. на ввоз оружия на территорию бывшей Югославии, в нарушениях международных санкций. Многие военные преступники того времени стали влиятельными бизнесменами современной Хорватии. Журналист Горан Флаудер, расследовавший деятельность этих людей, шесть раз подвергался нападению. «Их никто не спрашивал, как они заработали свой первый миллион, но именно эти первые миллионы являются ключом к их общественному положению и успеху. Они не прекращали свои связи с организованной преступностью. Они сами мафиози»⁶, — считает журналист.

Рука об руку с мафией процветает в Хорватии коррупция. Особенно много претензий в этом отношении также к лидирующей в стране партии ХДС. В октябре 1998 г. в Загребе был убит (в его машину была заложена бомба) известный издатель и журналист, расследовавший связи коррумпированных политиков и организованной преступности, Иво Пуканич. Журнал Пуканича «Национал» привлек внимание общества к так называемому «необъяснимому богатству» премьер-министра Иво Санадера, которому принадлежит коллекция

наручных часов стоимостью 200 000 долларов, и обвинил его в незаконном захвате частной собственности. Сначала г-н Санадер игнорировал обвинения, и только когда они попали в зарубежные СМИ, он признал, что не задекларировал часы, как следовало, при этом не объяснив, как они к нему попали. Обвинения в захвате собственности пока остались без ответа.

Те немногие из политиков, кто пытается бороться с этой культурой взяточничества, обычно лишаются должностей. Бывший министр юстиции Весна Скаре-Озболт утверждает, что ее попытки реформировать судебную систему и призвать к ответу коррумпированных политиков привели в 2006 г. к ее отставке. После ухода г-жи Озболт, права частной собственности в Хорватии продолжали нарушаться. Огромное количество судебных дел — почти миллион, — большей частью связанных со спорами из-за собственности, в подвластной политическому влиянию судебной системе могут рассматриваться десятилетиями.

Самым громким расследованием фактов коррумпированности хорватской власти стало предъявление обвинений экс-главе Министерства обороны Хорватии Бериславу Рончевичу в октябре 2009 г. в связи с подозрением в нарушениях при закупке военных грузовиков в 2004 г. По данным следствия, министр отменил тендер на покупку техники и заключил сделку напрямую с поставщиками по цене более высокой, чем та, которую предложили победители конкурса. Парламент Хорватии лишил бывшего министра обороны страны иммунитета от судебных преследований. Б. Рончевич стал первым членом хорватского правительства, который может быть привлечен к судебной ответственности по делу о коррупции с тех пор, как в 2000 г. Загреб начал масштабные реформы. Тем самым хорватское руководство демонстрирует ЕС борьбу с коррупцией, стремясь укрепить доверие к своей судебной системе, что, возможно, приблизит Хорватию к вступлению в Евросоюз.

Необходимо отметить и особенности сотрудничества Республики Хорватия с Гаагским трибуналом. С августа 2003 г., согласно Резолюции Совета Безопасности ООН № 1503, начала действовать стратегия по завершению работы трибунала и передачи дел в национальные суды. Она предусматривала, что к 2004 г. трибунал закончит все судебные расследования, а к 2008 г. рассмотрит все дела в первой инстанции. Предполагалось, что к 2010 г. трибунал окончательно завершит свою работу. При этом он должен сосредоточить свои усилия на судебном преследовании и привлечении к суду высших руководителей, которые подозреваются в совершении преступлений,

подпадающих под его юрисдикцию. Совет Безопасности предложил, чтобы дела обвиняемых «среднего и нижнего уровня» были переданы в компетентные национальные органы.

Доля осужденных Гагским трибуналом военных преступников хорватской национальности невелика, чуть больше 20 % от общего числа обвинений. Значительная часть дел передана на рассмотрение национального суда в Хорватию. Ожидать суровых наказаний на территории страны не приходится, поскольку официальная идеология Республики Хорватия не признает за хорватами вины в военных преступлениях, считая их «защитниками страны от великосербской агрессии, борцами за восстановление территориальной целостности».

Процесс перехода к национальным судам начался в Хорватии в конце 2004 г., когда председатель МТБЮ судья Теодор Мелон распорядился создать судебную палату в составе трех судей, которые решали вопрос о передаче дел подсудимых Мирка Нораца и Рахима Адеми в суд Загреба. Бывшие генералы стали первыми подозреваемыми в военных преступлениях, чьи дела были переданы из Гааги в Хорватию, а также самыми высокопоставленными лицами из тех, кто предстал перед судами республик бывшей Югославии. Представители трибунала выставили хорватским правоохранительным органам жесткие условия и обещали контролировать судебные разбирательства с точки зрения объективности. Судебный процесс над двумя хорватскими генералами начался в июне 2007 г. в Загребе.

Мирко Норац командовал хорватской моторизованной бригадой, которая совершила прорыв в так называемый «Медакский котел» к югу от Загреба в сентябре 1993 г. Эта операция была одной из попыток хорватской армии прощупать сербскую оборону после шестимесячной войны 1991 г., в результате которой Хорватия потеряла контроль над 30 % территорий республики.

М. Норац уже пять лет отбывает наказание по другому делу, связанному с убийством более 50 мирных сербов в районе Госпич в 1991 г. Он приговорен за это преступление к 12 годам заключения. Многие наблюдатели считают, что вынесенное хорватским судом решение слишком мягкое. Судья, который председательствовал на том процессе, объяснил тогда, что в момент преступлений Норацу было всего 23 года, и что люди, совершившие убийства, были под его контролем лишь формально. Рахим Адеми, албанец из Косова, был командиром хорватского военного округа в районе Госпич рядом с «Медакским котлом».

Гагский трибунал обвинил М. Нораца и Р. Адеми в убийстве 29 мирных сербов и пяти пленных солдат, а также осуществлении

тактики «выжженной земли» на территориях, с которых хорватские войска отошли в результате давление международного сообщества. В обвинительном заключении трибунала говорилось, что «Медакский котел» «стал непригодным для жилья». Оба обвиняемых считают себя невиновными. Генерал Адеми добровольно сдался трибуналу в 2001 г., заявляя: «Я еду в Гаагу по доброй воле. Я считаю себя абсолютно невиновным по всем статьям обвинения. Во время войны я не отдавал приказов о совершении военных преступлений. Я заботился о мирных жителях и военнопленных»⁷. В 2002 г. Р. Адеми был временно выпущен на свободу.

Следует отметить, что национальный суд Хорватии находится под серьезным политическим и общественным давлением. Несмотря на всю тяжесть обвинений, хорватские генералы прослыли в своей стране «национальными героями». Когда хорватские власти выдали ордер на арест М. Нораца, в Хорватии прошли массовые манифестации в его поддержку. В демонстрации в городе Сплит приняло участие около 100 тыс. человек. По некоторым данным там присутствовал и сам Норац: загримированный, с плакатом, на котором было написано «Я – Мирко Норац». Многие участники манифестации держали в руках такие плакаты в знак солидарности со своим «героем».

И все же после смерти президента Франьо Туджмана политический ландшафт Хорватии серьезно изменился. При Ф. Туджмане лишь немногие и далеко не самые главные подозреваемые в совершении военных преступлений предстали перед хорватским судом. Стремление нынешнего хорватского руководства к тому, чтобы Хорватия стала полноправным членом НАТО и Европейского Союза вынуждает его лавировать между требованиями внешнеполитических партнеров и хорватским общественным мнением. Так, считается, что хорватские спецслужбы способствовали задержанию хорватского генерала А. Готовины, так как его выдача международному трибуналу была одним из условий вступления страны в ЕС.

В марте 2008 г. в Гааге началось рассмотрение дела в отношении трех бывших хорватских генералов, обвиняемых в совершении военных преступлений: Анте Готовины, Ивана Чермака и Младена Маркача. Эти люди руководили в 1995 г. операцией «Буря», приведшей к разгрому самопровозглашенной Республики Сербская Краина на территории Хорватии. Арест генералов вызвал массовые протесты в Хорватии. В отличие от руководства Республики Сербия, которое неоднократно официально заявляло о желании передать в руки Гаагского трибунала сербского генерала Ратко Младича, хорватские власти выразили готовность оказать своим военным как материаль-

ную, так и моральную поддержку. Как ни торопился Гаагский трибунал закончить все дела до 2010 г., речи о передаче дела А. Готовины, И. Чермака и М. Маркача на рассмотрение национального суда пока не идет. Скорее всего это связано с мягкостью и нерешительностью хорватских судей, которые слишком либеральны даже для Гааги.

Более перспективно складывалось сотрудничество Республики Хорватия с НАТО. Альянс потребовал от Хорватии проведения военной реформы, которая предусматривала серьезное сокращение числа военнослужащих, переоснащение вооруженных сил, законы о стратегии обороны и национальной безопасности, участие хорватских военных в миротворческих операциях. В 2007 г. Хорватия с готовностью приняла участие в военных учениях этой организации, ориентированных на то, чтобы установить, готова ли страна вступить в блок. В них участвовали также солдаты из США, Болгарии, Франции, Германии, Греции, Италии, Нидерландов, Норвегии, Румынии, Испании, Турции и Великобритании.

В начале июля 2008 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе состоялась церемония подписания протокола о вступлении Хорватии в альянс, что открыло для нее дорогу к полноценному членству в НАТО. Позже протокол был ратифицирован парламентами стран — членов НАТО, после чего его передали на рассмотрение парламентам стран — кандидатов на вступление. Когда протокол о вступлении получил все необходимые одобрения, документы, касающиеся вступления Хорватии в НАТО, были переданы в Вашингтон. 3 апреля 2009 г. на саммите НАТО в столице Румынии Бухаресте руководство альянса официально пригласило Хорватию вступить в НАТО.

Североатлантический альянс стремится закрепиться на Балканах. На территории бывшей Югославии строятся военные базы, морские порты переоборудуются под нужды военного блока. Хорватия не станет исключением в этом процессе. Уже ходят слухи о строительстве натовской базы на острове Пелешац.

Хорватия, как не раз бывало в ее истории, вручила свою судьбу в руки очередного военного союза и идет по направлению к политическому и экономическому объединению со странами Европы. Как ни стараются хорватские власти лавировать между интересами своей страны, мнением общественности и своими внешнеполитическими партнерами, пока сотрудничество Хорватии с ведущими международными организациями сводится к многочисленным условиям, требованиям и постоянной критике со стороны последних.

2009 г. стал переломным в сотрудничестве НАТО и ЕС с Республикой Хорватией. Премьер-министр И. Санадер, понимая, что большая

часть требований международных организаций невыполнима, и устав от постоянного давления изнутри и извне, подал в отставку. Многие наблюдатели окрестили И. Санадера «кукушкой», которая убегает от проблем. На эти замечания бывший премьер-министр ответил, что он ощущал себя таковым, «когда принимал тяжелое для себя решение по выполнению требований Международного суда в Гааге, когда шел на поводу у требований Европейского Союза, когда отправлялся к сербам и произносил “Христос воскресил!”, когда решил признать Косово или когда должен был сломить огромное сопротивление в Хорватии против вступления в НАТО. Многие не поддерживали вступление в Североатлантический альянс, и я должен был принять это решение. За последние десять лет я принял столько непопулярных и тяжелых решений, в правильности которых сам сомневался, что трудно меня обвинять в том, что я убежал от проблем»⁸. Политический лидер Хорватии фактически публично признался в том, что проводимая им внутренняя и внешняя политика осуществлялась под сильным давлением Запада.

Политическая стабильность в Хорватии долгое время основывалась на обещаниях вхождения в НАТО, ЕС, решения пограничного спора со Словенией. Для этого Хорватия активно проводила реформы согласно требованиям международных организаций, выдавала своих военных генералов Гаагскому трибуналу, вопреки интересам регионального сотрудничества и стабильности пошла на признание независимости Косова. Но политика уступок международному сообществу не принесла Хорватии ощутимых результатов.

Особенно ярко это проявилось в споре вокруг границы со Словенией в Пиранском заливе Адриатического моря. Этот территориальный спор тянется уже 18 лет. Хорватия, опираясь на международное морское право, настаивает на проведении границы по середине бухты, а Словения опасается, что в результате для нее будет закрыт выход к открытому морю. В декабре 2008 г. Словения, которая является членом ЕС с 2004 г., наложила вето на новый раунд переговоров Хорватии с Евросоюзом, мотивируя это нерешенностью территориальной проблемы между двумя государствами. Очевидно, что в переговорах по данному вопросу словенские политики применяют метод шантажа, понимая, как важно для хорватской политической элиты вхождение Хорватии в состав ЕС. Последняя, в свою очередь, ради этой цели готова поступиться экономическими и геополитическими интересами своей страны. С приходом к власти премьер-министра Ядранки Косор переговорный процесс между Словенией и Хорватией оживился. 4 ноября 2009 г. страны подписали соглашение, позволяющее между-

народному арбитражу разрешить этот конфликт. Решение арбитража будет иметь обязательную силу для обеих сторон и будет защищать доступ Словении к международным морским путям. В ответ Словения обязуется не блокировать новый раунд переговоров Хорватии о вступлении в Евросоюз и дает свое согласие на то, что международный арбитраж приступит к рассмотрению спора только в случае успешного завершения переговоров о членстве Хорватии в ЕС.

НАТО предпочитает не вмешиваться в спор двух стран. А ЕС навязывает Хорватии вариант с Арбитражем, все очевиднее принимая сторону Словении. Тогда возникает вопрос, какая собственно выгода для Хорватии от членства в этих организациях? Хорватское общество в условиях начавшегося мирового экономического кризиса все больше выражает недоверие той политике, которую проводят лидеры страны.

Примечания

¹ <http://opsa.hr>.

² Там же.

³ Hrvatska u EU 2011. Godene? // www.bbc.co.uk.

⁴ Dokumenti RH/EU // www.sabor.hr.

⁵ The Wall Street Journal // <http://www.inosmi.ru/world/20090519/249207.html>.

⁶ Hrvatska i uslovi za EU // www.bbc.co.uk.

⁷ В Хорватии судят бывших генералов // <http://news.bbc.co.uk>.

⁸ Pleše M. Sanader: Možda ću budu predsjednik, ali ne znam kada // www.jutarnji.hr.

РАЗДЕЛ III

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БОЛГАРИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАПАДА (1989–2009 гг.)

П. Бахмайер
(Австрия)

«Поворот» 1989 года: с Востока на Запад

В период государственного социализма в Болгарии культура, как известно, почти полностью находилась под контролем государства, который использовал ее в своих идеологических целях. Комитет по науке, искусству и культуре, основанный в 1948 г. и переименованный в 1977 г. в Комитет по культуре, контролировал книгоиздание, драматические и оперные театры, концертные залы, музеи и галереи, радио и телевидение, библиотеки, кинематограф, читальные залы (читалища), культурные институты за рубежом и союзы деятелей культуры. В то же время в 1960–1980-е гг. культура являлась приоритетом государственной политики, а писатели и художники имели большие возможности для творчества¹.

В этот период построены такие крупные культурные объекты как, например, Народный дворец культуры в Софии, Дворец культуры и спорта в Варне, киноцентр «Бояна», окружные библиотеки в Пловдиве, Хасково и Шумене, музеи и художественные галереи, новые здания для радио и телевидения, дома культуры почти во всех крупных населенных пунктах, более 4000 зданий читалищ, а также множество мемориалов и памятников. В Вене был основан единственный на Западе болгарский культурный центр. Инвестиционная политика строительства культурных объектов связывалась с долгосрочной «Комплексной программой повышения роли культуры и искусства», разработанной председателем Комитета по культуре Л. Живковой.

Сфера образования также преследовала социалистические цели, однако после 1956 г. в ней одновременно смогло утвердиться традиционное патриотическое воспитание, восходящее к временам болгарского национального возрождения XIX в. По сравнению с другими странами СЭВ Болгария по числу учащихся — 124 уча-

щихся на 10 000 жителей — находилась среди лидеров и уступала лишь СССР².

Непосредственно накануне переворота 1989 г. Запад добился доминирующего влияния среди интеллигенции. За два года до революционных событий стали возникать независимые клубы интеллигенции, находившиеся под влиянием советской перестройки и Запада. В 1988 г. деятели культуры объединились в Клуб в поддержку гласности и перестройки, в котором состояли такие известные писатели, как Д. Дамянов, Б. Димитрова и В. Петров. Журнал «Культура» требовал демократизации культурной жизни.

После переворота 1989 г. учреждения, прежде финансировавшиеся Комитетом по культуре, изменились как по структуре, так и по содержанию. Программы переустройства общества и культуры были разработаны западными институтами и советниками. На теориях этих экспертов лежала печать неолиберализма — в соответствии с внешней политикой США³. Целью Вашингтонского консенсуса, принятого на конференции МВФ и Всемирного банка в 1990 г., являлась отмена государственного протекционизма посредством либерализации, приватизации и дерегулирования. Первая программа, разработанная Д. Саксом в 1989 г. для правительства Польши, получила название «шоковой терапии»⁴.

Эти системные изменения затрагивали одновременно политику, экономику и культуру. Рынок становился инструментом политических и социальных изменений. В новой парадигме культурная политика больше не являлась приоритетом национального значения и перестала быть общественно-политической категорией. На основе политического плюрализма и гражданского общества возникли новые субъекты культурной политики — негосударственные организации, частные институты, церковные учреждения и международные фонды⁵.

Уже 6 декабря 1989 г. тогдашний министр финансов Б. Белчев объявил всем общинам (административным единицам) Болгарии о резком сокращении бюджетных средств на культуру в 1990 г. Расходы на проведение музыкальных мероприятий, на оркестры, театры и оперетты обосновывались отныне в каждом отдельном случае. В феврале 1990 г. было создано министерство культуры, ставшее с июля 1993 г. по постановлению Совета министров самостоятельным институтом⁶.

Программа экономических реформ, разработанная по заказу болгарского правительства американскими экономистами Р. Раном и Р. Аттом, предписывала замену национальной культуры «универсальными ценностями». Эта программа стала основой неолиберального проекта для Болгарии⁷. В 1991 г. была предпринята первая

попытка децентрализации и деидеологизации культуры посредством создания «центров искусств», которые по-прежнему подчинялись министерству культуры⁸.

В новой конституции Болгарии 1991 г. (ст. 23) обязательства государства в сфере культуры определялись следующим образом: «Государство создает условия для свободного развития науки, образования и искусства и поддерживает их. Оно также заботится о сохранении болгарского национального культурного наследия». В том же году был принят новый закон, который отменил в этой сфере монополию государства и марксистскую идеологию⁹.

В первые годы после «поворота» к демократии болгарское общество и культура пребывали на промежуточной стадии между социализмом и либерализмом, а также между Россией и Америкой. Культура и образование оставались в значительной части государственными и централизованными. Министерства культуры и образования по-прежнему поддерживали национальную и классическую культуру и музыку и препятствовали сотрудничеству с западными фондами¹⁰.

Неолиберальный поворот 1997 года

Однако в 1997 г., после «синей революции» правительство И. Костова (1997–2001) начало радикальные изменения в обществе, а также в культуре. По предложению Совета Европы и на основе доклада британского менеджера по культуре Ч. Лендри был разработан новый закон о культуре, предусматривавший радикальную децентрализацию и новые способы финансирования¹¹. Лендри выступал противником «единого взгляда на культуру», где не могли найти свое место современные художественные течения, а также критиковал отрыв болгарской культуры от международных художественных течений и ориентацию на Россию. Он предложил новую систему финансирования посредством спонсоров вместо государства¹².

Национальная комиссия, обсуждавшая эти предложения, раскололась: 17 участников поддержали неолиберальную западную систему в законодательстве о культуре, а 14 выступили за традиционную государственную политику. По окончании этих дебатов в 1999 г. был принят новый закон о защите и развитии культуры в соответствии с идеями сторонников первой концепции¹³. По этому закону 70 % средств для учреждений культуры должны предоставляться государством, а 30 % — общинами и частными спонсорами¹⁴. Предусматривалось также создание национальных центров искусств по британскому образцу, которые, получая поддержку от государства, могли бы са-

мостоятельно распоряжаться средствами. Деятельность центров искусств в дальнейшем оценивалась по их экономическому результату. Для этого также были необходимы новые формы спонсорства и маркетинга. Рассматриваемый закон являлся условием приема Болгарии в культурные программы Европейского Союза¹⁵. ЕС делал особый акцент на третьем секторе, т. е. на организациях гражданского общества — в качестве посредника между государством и рынком¹⁶.

В 2000 г. в Болгарии был учрежден национальный фонд «Культура» — формально независимое учреждение, определяющее культуру как продукт, возникающий не только в государственной, но и частной сфере. Культурная стратегия должна разрабатываться и государственными, и частными организациями. В 2000–2009 гг. фонд получал по 50 0000 левов ежегодно, но со временем в результате инфляции средства сократились на треть¹⁷. В 2006 г. Совет министров по представлению министерства культуры утвердил национальную стратегию развития культуры на следующее десятилетие¹⁸.

Примером новой культурной политики является кинематограф, приватизированный на основании закона 1999 г. Но лишь в 2005 г. правительством С. Саксен-Кобург-Готского была осуществлена приватизация киностудии «Бояна-фильм». Союз кинематографистов сначала выступил против приватизации студии, созданной государством в 1950 гг. с целью производства, распространения и показа фильмов, и в меморандуме, поддержанном и членами парламентской комиссии по культуре, указал на опасность этого шага. В конечном счете под давлением экономической стагнации Союз согласился в надежде на то, что в Болгарию придут крупные кинопродюсеры. Киноцентр продали фирме «New Image», которая руководила студией исключительно с целью получения прибыли¹⁹. Несмотря на эти конфликты, болгарское кино смогло в последние два года добиться международных успехов. На Берлинском кинофестивале 2008 г. жюри отметило два болгарских фильма, а на Московском кинофестивале фильм режиссера Я. Гырдева «Дзифт» получил приз за лучшую режиссуру. Болгарские фильмы добились также наград на кинофестивалях в Карловых Варах, Сараево, Варшаве и Триесте²⁰.

Другим сектором, имеющим большое значение для культуры, являются средства массовой информации. Принятый в 1998 г. закон о радио и телевидении предусматривал возможность учреждения частных телеканалов или приватизации государственных. Далее планировалось создание фонда для финансирования художественных программ, что, однако, не было реализовано, поскольку отсутствовала система лицензионных сборов с домохозяйств²¹.

Болгарское национальное телевидение (БНТ), основанное в 1959 г. как управление Комитета по культуре и ставшее в 1992 г. самостоятельной организацией, получив статус юридического лица, финансируется министерством культуры, которое тратит на это 46 % своего бюджета²².

«България TV» (БТВ) является первым частным телеканалом в Болгарии, основанным в 2000 г. и разрушившим государственную монополию БНТ. В 2005 г. этот канал вошел в состав медиаконцерна News Corporation P. Мердока. Сегодня это самый популярный телеканал в Болгарии (37 % зрителей), который предлагает реалити-форматы («Big Brother», «Survivor»), ток-шоу и сериалы («Отчаянные домохозяйки») ²³. «Нова телевизия» (НТВ) — на сегодня второй частный телеканал Болгарии, получивший лицензию на национальное вещание в 2003 г. В 2008 г. он был куплен шведской медиагруппой MTG. Канал предлагает более дорогую продукцию, например, «Стань богатым» или реалити-шоу «VIP Brother» ²⁴.

После 1989 г. газеты и журналы получили в основном зарубежных владельцев, прежде всего это германская WAZ-Gruppe, крупнейшая издательская группа периодики в Болгарии, основанная в 1997 г. Она издает три ежедневных газеты («168 часа», «Труд» и «Утро»), шесть еженедельников и одиннадцать журналов; только в Болгарии она имеет штат в 1200 сотрудников. Предприятие осуществляет 40 % своего оборота благодаря пакетам акций в странах Юго-Восточной Европы. Экономические интересы собственников электронных и печатных СМИ ограничивают независимость редакторов и репортеров при передаче новостей, которые по этой причине прибегают к самоцензуре.

Правительство Костова в 1998 г. — при поддержке МВФ и Всемирного банка — приняло ориентированный на рынок новый закон о народном образовании²⁵. Тем самым началась новая фаза в управлении образованием. Реформы образования привели к изменениям в содержании учебных программ: количество уроков истории сократилось, вместо болгарской истории стала преподаваться всемирная; преподавание на болгарском языке было сокращено, и вместо этого введено преподавание на английском языке²⁶. Наряду с государственными школами возник частный сектор — школы в частном управлении, взимающие плату за обучение и тем самым оказавшиеся в состоянии лучше оплачивать учителей, а также иностранные школы, поддерживаемые западными организациями²⁷.

В настоящее время в Болгарии существует примерно 130 частных образовательных учреждений, признанных министерством образова-

ния, среди них шесть частных высших школ и университетов²⁸. Закон об изменениях в содержании образования от 1999 г. принят с целью дальнейшего приближения болгарских образовательных стандартов к западным²⁹. Высшая школа в Болгарии была реформирована в духе неолиберальной модели, когда длительность обучения в соответствии с Болонской декларацией сократилась практически до трех лет³⁰.

15 и 16 ноября 2007 г. болгарское министерство культуры провело конференцию «Новые измерения интеллектуального диалога в Болгарии и Юго-Восточной Европе», организованную Европейским культурным фондом в Городской художественной галерее в Софии. Дискуссия шла в основном о мультикультурном обществе, о роли искусства в социальных изменениях и межкультурном диалоге. Конференция должна была предварять Европейский год межкультурного диалога (2008)³¹.

Правительство партии «ГЕРБ» во главе с премьер-министром Б. Борисовым, находящееся у власти с июля 2009 г., утвердило сокращение всего государственного бюджета, тем самым и культуры на 15 %. Учреждения культуры должны усиленно приватизироваться и оцениваться в соответствии с экономическим успехом. Новый министр культуры В. Рашидов заявил: «Цель заключается в том, чтобы культура вышла на рынок»³².

Новый министр образования, молодежи и науки, профессор С. Игнатов, до этого ректор основанного фондом «Открытое общество» Нового болгарского университета, поставил целью приватизацию прежде государственных начальной, средней и высшей школы по образцу США. Имущество Болгарской академии наук должно быть приватизировано. Концепцию этих реформ разработала организация «Глобальная Болгария», в которой имеют доли влиятельные банки: «СИБанк», «Булбанк», «Болгаро-американский кредитный банк», телеканал БТВ Р. Мердока, газета «24 часа» и «Дневник», еженедельник «Капитал» и фонд «Открытое общество»³³.

Отношения с Европейским Союзом

Институтом, который оказывает все большее влияние на культуру, естественно, является Евросоюз, целью которого является создание секулярного, плюралистического и мультикультурного общества. Официально культура и образование до сих пор находятся в компетенции национальных государств, хотя в Маастрихтском договоре 1992 г. впервые было упомянуто культурное измерение. Доклад Всемирной комиссии «Культура и развитие» под руководством

П. де Куэльяра «Our Creative Diversity», представленный в 1995 г. членам ООН, сформулировал в качестве цели создание глобальной плюралистической культуры³⁴.

Важнейшие части этого доклада были использованы на Стокгольмской и Амстердамской конференциях ЕС (1998–1999). В 1999 г. в Болонье министры образования стран ЕС приняли декларацию об общей политике в сфере высшей школы. В 2007 г. ЕС создал Европейское агентство по основным правам с резиденцией в Вене, поставившее своей целью реализацию идеи мультикультурного общества и борьбу с любой дискриминацией. Лиссабонский договор, вступивший в силу в 2009 г., предусматривает (ст. 167) компетенцию ЕС в сфере культуры, которая, впрочем, должна соответствовать критерию «европейский»³⁵.

Уже в 1993 г. Болгария подписала в Брюсселе Европейское соглашение об ассоциации, которое также регулировало культурное взаимодействие³⁶. В 1995 г. ЕС начал «структурированный диалог» с кандидатами на вступление, в том числе и с Болгарией, который был связан с обязательством информирования: болгарские министры культуры и образования обязывались ежегодно сообщать о реализации утвержденных реформ³⁷.

Важной частью идеологии мультикультурного общества является защита национальных меньшинств, провозглашенная в декларации Европарламента в 1995 г. В 1998 г. болгарский парламент по предложению правительства Костова принял эту конвенцию вопреки сопротивлению оппозиции. Болгарское министерство культуры сегодня предлагает финансовую поддержку проектов нацменьшинств. В центрах турецкого меньшинства г. Разград и г. Кырджали в 2003 г. открыты региональные культурные институты. В 1999 г. была утверждена правительственная программа интеграции цыган и их защиты от дискриминации. В 2004 г. принята программа интеграции нацменьшинств с бюджетом в размере 37 млн долларов, которая финансировалась фондом «Открытое общество», Еврокомиссией, Программой развития ООН и Советом Европы³⁸.

Со времени вступления в ЕС в январе 2007 г. Болгария проводит культурную политику согласно европейскому образцу и активно участвует во всех релевантных программах ЕС. Болгарские правовые предписания относительно аудиовизуальных средств и интеллектуальной собственности теперь полностью согласованы с ЕС³⁹. После этого Болгария регулярно принимала участие в проводившихся два раза в год встречах Совета по образованию, молодежи и культуре, организуемых Генеральной Дирекцией Еврокомиссии по образова-

нию и культуре. На встречах обсуждались программы ЕС «Культура 2007–2013» и «Аудивизуальные медиа 2007–2013», целью которых является финансовая поддержка совместных проектов во всех сферах искусства и культуры. В мае 2008 г. в здании Еврокомиссии Я. Фигел открыл выставку «Современное европейское искусство», в которой принимали участие и болгарские художники⁴⁰.

Болгария входит в основанную в марте 2005 г. конференцию министров культуры Юго-Восточной Европы, в работе которой участвуют представители Греции, Албании, Турции, Хорватии, Румынии, Сербии, Черногории, Македонии, Косово, а также Совета Европы и ЕС. Важнейшие темы повестки дня — региональное сотрудничество в области культуры и культурное наследие стран Юго-Восточной Европы и взаимодействие с другими международными организациями. Обсуждалась стратегия «культурного коридора» в данном регионе и совместный план действий с Советом Европы и «Киевской инициативой», которая охватывает Азербайджан, Армению, Грузию, Молдавию и Украину. Цель взаимодействия заключается в том, чтобы культура стала важнейшим фактором экономического и социального развития. Министры из двенадцати стран постановили ежемесячно производить совместную передачу о культуре⁴¹.

В октябре 2008 г. в болгарском городке Балчик под руководством председателя болгарского ПЕН-Центра Г. Константинова прошла первая балканская ПЕН-конференция на тему «Национализм в глобальном мире и балканские писатели». В ней приняли участие писатели из Болгарии, Сербии, Греции, Румынии, Турции, Македонии, Хорватии и Кипра.

В мае 2009 г. в Софии было подписано соглашение по программе «Глобальные Библиотеки», поддержанной фондом Б. и М. Гейтс. Программа нацелена на то, чтобы облегчить доступ к информации, знаниям, коммуникации и цифровому содержанию посредством сети публичных библиотек⁴².

Роль «третьего сектора» и влияние Запада

Однако сегодня болгарская культура характеризуется не только присутствием государственных учреждений культуры, но и «третьего сектора», т. е. негосударственных организаций (NGO-s), которые в большинстве своем финансируются международными фондами⁴³.

Эти организации определили своей целью поддержку современного, в основном абстрактного и экспериментального искусства, литературы и культуры и оттеснение искусства, существовавшего до 1989 г. и считающегося «тоталитарным» и «несовременным». Первые

выставки нетрадиционного искусства проходили в Болгарии во второй половине 1980-х гг. вне официальных галерей, их организовывали Ф. Зидаров, Л. Бояджиев, Н. Солаков, М. Божков, К. Прашков и В. Димов, позже ставшие известными художниками. Неформальные выставки в соединении с хепенингами проходили на черноморских курортах, в молодежном лагере в Приморско, в студенческом городке в Софии и в саду Софийского университета, где однажды — по инициативе писателя П. Манолова — выставка получила политическое звучание. Н. Солаков основал в 1989 г. «Клуб молодых художников» вне официального Союза болгарских художников с целью поддержки нетрадиционного искусства⁴⁴.

После 1989 г. была основана группа «Искусство в действии», проходили политические хепенинги и выставки под названием «Новый язык искусства». В 1991 г. группа «Фортинбрас» провела чтения с И. Крастевым и И. Дичевым. В 1993 г. прошла выставка художника Х. Явачева (Христо). Эти мероприятия были поддержаны Центром искусств Сороса, австрийской организацией КультурКонтакт и Американским информационным центром. В июне 1995 г. Я. Бубнова, Л. Бояджиев, К. Пасков, Н. Солаков, М. Василева и И. Мудов открыли в Софии Институт современного искусства (ИСИ), целью которого является прежде всего поддержка неформального искусства. Институт сотрудничал со следующими внутренними и иностранными институтами в Софии: АТА-центр современного искусства, Британский Совет, Институт Гете, Французский институт, Центр медиа-искусств, Софийская городская художественная галерея, КультурКонтакт, Фонд «Про Гельвеция» (Pro Helvetia), «Красный дом» — Центр культуры и диалога, фонд «Открытое общество», Центр искусств Сороса и Институт социальной интеграции.

Особое значение имела Софийская городская художественная галерея, основанная бургомистром В. Вазовым еще в 1928 г., ставшая в 1948 г. автономным учреждением и переехавшая в 1973 г. в ее нынешнее здание. Уже в 1960-е гг. она превратилась в центр новых течений в болгарском искусстве. В 2004 г. было дополнительно основано отделение современного искусства и фотографии⁴⁵. В 1980-е гг. художники играли большую роль в процессе преобразования политической системы. В это время возникли такие новые течения как конструктивизм, «новая вещественность» (Neue Sachlichkeit) и концептуальное искусство.

С 2008 г. в Болгарии существует «Young Visual Artists Award», ежегодная награда для молодых художников, учрежденная для восточноевропейских стран в 1990 г. президентом «Foundation for the Civil Society» (ранее — «Charta 77 Foundation», США) В. Люерсом,

членом Совета по внешним связям (Council on Foreign Relations). Целью премии является поддержка молодых нетрадиционных художников, которым предлагается стипендия вместе с шестинедельным пребыванием в международной студии в Нью-Йорке⁴⁶.

Выдающуюся роль в изменении ценностей в болгарском народе сыграл фонд «Открытое общество» американского миллиардера и филантропа венгерского происхождения Дж. Сороса. Основание национального фонда в Болгарии «Open Society Foundation Sofia» произошло 5 апреля 1990 г. по разрешению болгарского правительства⁴⁷. Программы Сороса отличались таким разнообразием, что практически весь негосударственный сектор зависел от финансирования его «Открытым обществом». Бюджет фонда в 1990-е гг. превышал бюджет болгарского министерства культуры. В первые семь лет (с 1990 по 1997 г.) было распределено 100 млн долларов, в т. ч. в пользу Болгарского Хельсинкского Комитета, Атлантического клуба, Центра либеральных стратегий и Центра исследований этнических отношений⁴⁸.

В 1997–2004 гг. фонд «Открытое общество» потратил 9 792 000 долларов (включая программы «Культура», «Медиа», «Библиотеки», «Женщины» и «Цыгане»), из них только Центр искусств Сороса — 3 918 000. Другими спонсорами, поддерживавшими проекты в культурной сфере, стали Европейский культурный фонд, Фонд Pro Helvetia и Rotary Club. Большинство этих субвенций были израсходованы на современное искусство⁴⁹.

В начале 1997 г. накануне апрельских досрочных выборов в парламент страны фонд финансово поддержал оппозиционные организации и демонстрации. Президент П. Стоянов продемонстрировал высокую оценку деятельности Сороса болгарским правительством, вручив ему 13 июня 1997 г. высшую награду Болгарии орден «Стара Планина», особо подчеркнув его вклад в развитие демократического процесса в Болгарии⁵⁰.

Центр искусств Сороса был основан в 1994 г., председателем наблюдательного совета стал писатель Й. Радичков. Проводились ежегодные выставки, Летняя академия музыкальных искусств, при музее действовал семинар (workshop). С 1994 г. устраивались ежегодные выставки, представлявшие нетрадиционное, неформальное искусство. Центр искусств Сороса также поддерживал переводы на болгарский язык в области гуманитарных наук по женскому вопросу, проблемам сексуальных меньшинств, мультикультурного общества, национализма, глобализации и прав человека⁵¹.

Центр «Открытое образование», основанный в 1992 г. также Соросом, крупнейшее негосударственное агентство в сфере образования, ставил своей целью прежде всего разработку и утверждение

дисциплины «политическое образование». Его возглавил Р. Вылчев, который в 1998 г. одновременно стал заместителем министра образования. Он издавал журнал «Отворено образование» («Открытое образование») и сотрудничал с кафедрой ЮНЕСКО по воспитанию граждан государства в Софийском университете «Св. Климент Охридский». Была выстроена сеть из 24 молодежных образовательных центров во всех крупных городах, где обучались учителя, студенты и управленческий персонал и издавались книги о воспитании граждан государства⁵².

Американский университет в Болгарии в Благоевграде также был основан в 1991 г. фондом Сороса и Университетом Мейна. Сейчас в нем получают образование свыше 1000 студентов из Болгарии и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Университет видит свою задачу в том, чтобы обучать «будущие руководящие силы, посвященные в ценности открытого, демократического общества».

Особую роль для современного искусства и культуры играет «Красный дом» (The Red House) — центр культуры и дебатов в Софии (девиз над входом: «Voi che entrate qui lasciate ogni cattivo pensiero» — «Переступающий этот порог, оставь за ним все свои предрассудки»); проект «Gulliver Clearing House» (ныне Gulliver's Connect), созданный в 1987 г. по идее Г. Грасса благодаря «Felix Meritis Stiftung», независимому центру искусств, культуры и науки в Амстердаме, поддерживающему культурное объединение Европы. Фонд работает на основе Европейской культурной конвенции Совета Европы. Тогда членами его Президиума были А. Битов, Д. Конрад и Х. Мюллер. Особую поддержку должна была получить кооперация с восточноевропейскими странами с целью участия в процессе культурных изменений⁵³.

«Красный дом» в Софии основала в 1996 г. Д. Гаврилова с целью поддержки развития независимого сектора в современном болгарском искусстве и плюрализма эстетических норм. В 2000 г. центру для осуществления деятельности министерством культуры был передан музей А. Николова. Поддержка поступила также от программы «Matra» нидерландского МИДа, Американского центра в Софии, Центра искусств Сороса, Европейского культурного фонда в Амстердаме и Dance Theater Workshop (США). «Красный дом» сотрудничает с центром либеральных исследований в Софии, Балканским трастом за демократию и фондом «Открытая Россия» (основан М. Ходорковским)⁵⁴.

На семинарах центра, посвященных «культуре и гражданскому обществу», при поддержке Совета Европы пропагандировались новые механизмы финансирования искусства в Болгарии. В публикациях

директора «Красного дома» Д. Гавриловой выдвигалось требование «иной государственной политики в отношении искусства». Театральный фестиваль служил для пропаганды независимого театра. В дискуссиях на «круглых столах» обсуждались темы «Возвращается ли дух социалистической эпохи?» и «Не запоздала ли декоммунизация?» В области музыки поддерживалась экспериментальная электронная музыка⁵⁵.

Роль Австрии

В ЕС Австрии принадлежит особая роль, поскольку после переворота 1989 г. правительство решило сделать Юго-Восточную Европу основным центром своих экономических и культурных связей. Это нашло свое выражение особенно во время председательства Австрии в ЕС в 1998 г., когда в Хофбурге в Вене прошла большая конференция «Мультиэтничность и мультикультурность»⁵⁶. Прием Австрии в ЕС в 1995 г., начало «структурированного диалога» между Болгарией и ЕС и «синяя революция» 1997 г. привели к интенсивному сотрудничеству между обеими странами в рамках ЕС⁵⁷. Кооперация с ориентированным на Запад правительством И. Костова (1997–2001) также способствовала усилению сдвига в сфере культурного обмена от классики к современной литературе, изобразительному искусству и музыке⁵⁸.

В этом контексте изменилось содержание понятия «культура»: в будущем должна поддерживаться не национальная культура, а «культурное разнообразие»⁵⁹. Организация «Kulturkontakt Austria» (Вена) имеет задачу представлять современное искусство из Юго-Восточной Европы в Австрии и западное современное искусство — в Юго-Восточной Европе⁶⁰. С 1998 г. она ежегодно проводит выставки в Софии, в том числе Г. Нича (Hermann Nitsch) в Софийской городской художественной галерее. Одновременно в Вене совместно с Институтом современного искусства в Софии (руководитель Института М. Василева) и фондом «Открытое общество» были организованы выставки болгарского современного искусства. Институт современного искусства, в свою очередь, выставлял совместно с «Kulturkontakt» и «Museumquartier» (Музейный квартал) в Вене работы австрийских концептуальных художников, например, на выставке 2002 г. «Double Contact» или в 2008 г. на выставке группы «Желатин»⁶¹.

Ряд болгарских художников был приглашен через «Kulturkontakt» в Австрию для организации выставок и длительного пребывания в рамках программы «Artist in residence». Так, Н. Солаков, получив стипендию, прибыл в Вену в 1993 г. и выставлялся в Музее современ-

ного искусства (Фонд Людвига) и на Форуме искусств. Он выступал с докладами в Академии изящных искусств (2000) и О.К.-Центре в Линце (2005)⁶². Художник Л. Бояджиев приезжал с выставками в Вену в 1992, 1996 и 1997 гг. Он выставлялся в 2004 г. в Центре современного искусства в Линце и в 2007 г. в «Museumquartier» в Вене. Осенью 2008 г. писатель и драматург Ю. Дачев по приглашению организации «Kulturkontakt» длительное время пребывал в Вене как «writer in residence», где он также провел поэтические чтения с помощью своего переводчика А. Зицмана⁶³.

Болгарский культурный институт в Доме Виттгенштейна в Вене, основанный в 1977 г., продолжил после 1989 г. свою деятельность в сфере литературы, изобразительного искусства, театра и музыки. Сейчас его возглавляет Б. Петранов. За год до вступления Болгарии в ЕС и на следующий год в Австрии прошел ряд мероприятий, посвященных современной болгарской литературе, изобразительному искусству и кино. Они должны были убедить австрийскую общественность в европейском характере Болгарии. Состоялись выставки таких крупных художников как С. Русев (2006) и С. Стоилов (2009), неделя Э. Канетти (2005), выставка «Кириллица — новый алфавит в ЕС» (2006), большая выставка «Огонь и дух — 1000 лет болгарской иконе» в кафедральном музее (2007), которую открывал министр культуры Болгарии С. Данаилов, выставки документов «Александр Баттенберг» (2008), «Болгарская декларация независимости 1908 года» (2008), и «Фердинанд Болгарский» (2009). Демонстрировались как важнейшие фильмы болгарского кино прошлого («Козий рог» по рассказу Н. Хайтова), так и фильмы режиссеров, имевших до 1989 г. проблемы с цензурой, например, Б. Желязковой, снявшей семь фильмов, из которых лишь три выпустили на экраны в годы «реального социализма». В 2009 г. была показана ретроспектива ее фильмов и документальный фильм о ее жизни.

Болгарский исследовательский институт в Австрии, основанный в 1978 г. (с 1999 г. его возглавляет А. Чолакова), провел ряд научных конференций: «Болгария на пути в ЕС» (2001), «Крах 1989 года и процесс трансформации в Болгарии» (2002), «125 лет австрийско-болгарских дипломатических отношений» (2004), «Болгария и ее соседи в новой Европе» (2005), «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» (2007), посвященных отношениям Болгарии с Европой. Результаты заседаний были опубликованы в сборниках серии «Miscellanea Bulgarica». Серия «Болгария в литературе» представила в 2003–2009 гг. произведения И. Троянова, Б. Димитровой, Й. Радичкова и А. Генчевой, а также стихи Н. Лилиева и П. Славейкова, переведенные на немецкий Г. Боневым⁶⁴.

В Доме Виттгенштейна Болгарское культурное объединение «Кирилл и Мефодий» также проводит свои мероприятия, прежде всего это серия докладов «Болгары — происхождение и духовные основы». Состоялись доклады болгарских и иных историков, в том числе директора Музея национальной истории Б. Димитрова, о фракийцах, протоболгарах, волжских булгарах, горянах в Косово и Албании и болгарских царствах средневековья⁶⁵.

В ноябре 2005 г. Австрийско-болгарское общество во главе со своим президентом К. Блехой отметило 50-летний юбилей своей деятельности выставкой картин в культурном центре «Alte Schmiede» (Старая Кузница) и провело в рамках Дней Софии в Вене симпозиум «Болгарская литература между силой и бессилием», в котором приняли участие писатели Д. Динев, Г. Господинов, А. Попов и В. Зарев. В его рамках также была представлена антология «Проза Болгарии», изданная и переведенная В. Йегер и А. Зицманом при финансовой поддержке объединения «Kulturkontakt». В ней участвовали 38 авторов⁶⁶.

Отношения с Россией

Для болгарской культуры отношения с Россией по причине близости языков, письменности и религии традиционно играют большую роль. Однако в первые годы после поворота 1989 г. политические и экономические связи сильно сократились. Сначала прекратились радио- и телетрансляции из России, затем исчезла российская пресса, и были закрыты все русские книжные магазины⁶⁷.

Поэтому в 1994 г. было основано агентство «Россия сегодня», возглавляемое С. Шоповой при поддержке В. Распутина. Агентство издавало книги русских авторов и приглашало их в Болгарию. Позже стал выходить новый российский культурный журнал — альманах «Другие берега». Благодаря сотрудничеству с «Мосфильмом» более ста российских фильмов получили болгарские субтитры и демонстрировались в Болгарии. Благодаря договору со студией Н. Михалкова и киностудией им. Горького в Болгарии были показаны также новые российские фильмы и организованы встречи с режиссерами и актерами. В 2000 г. возник проект «Россия в Болгарии — вместе навсегда», в рамках которого установили новый памятник русским солдатам, погибшим в русско-турецкой войне, а также реставрировали Русскую церковь и русское кладбище в Софии. Эти акции поддержали союзы болгарских писателей, художников и кинематографистов.

Центр отдыха «Камчия» является российско-болгарским проектом на Черном море под патронажем Л. И. Швецово́й, вице-мэра Москвы. Он создавался в 2003 г. как новый «Артек», международный центр отдыха, художественного творчества и обучения русскому языку, в котором также есть музей «Славянский мир» и научный центр изучения болгарско-российских отношений, где проводятся выставки, конференции и симпозиумы. «Камчия» должна стать новым центром присутствия России в Болгарии и на Балканах⁶⁸.

Во время правления кабинета С. Станишева и министра культуры С. Данаилова (2005–2009 гг.) также развивались отношения с министерством культуры России (с министрами Соколовым и Авдеевым) и Федеральным агентством по международному культурному сотрудничеству (М. Швыдкой).

17 января 2008 г. президент России В. Путин во время своего государственного визита открыл «Год России в Болгарии» в рамках гала-концерта во Дворце культуры в Софии. В течение этого года было осуществлено 38 постановок в сфере театра, танца и музыки, прошли выставки в 10 болгарских городах при участии 863 российских артистов и 280 000 зрителей. Проводилась неделя российского кино, неделя МХАТа, русская книжная ярмарка, выставка современного российского искусства, а также достигнута договоренность об увеличении числа болгарских студентов в России⁶⁹.

В феврале 2009 г. в Большом театре в Москве президент Болгарии Г. Пырванов и министр культуры С. Данаилов в рамках гала-концерта официально открыли «Год Болгарии в России». В июне 2009 г. Болгария принимала участие в Московском кинофестивале, фестивалях в Санкт-Петербурге и Новосибирске. Болгарское правительство выделило на эти мероприятия 1,3 млн евро. С сентября по ноябрь 2009 г. в Историческом музее в Москве показали выставку «Иконы Болгарии XIII–XIX веков» с 56 иконами. Прошла также неделя болгарского кино, свои спектакли на сцене московского МХАТа показал Национальный театр им. Ивана Вазова, в России были организованы болгарская книжная ярмарка и выставка «Болгарская живопись современности»⁷⁰.

Выводы: упадок и обновление культуры

Либеральные реформы после 1989 г. и прежде всего после 1997 г. оставили глубокий след в болгарской культуре. Государство в значительной мере сняло с себя ответственность за культуру. Многие учреждения культуры были закрыты, а их сотрудники уволены.

Оставшиеся учреждения могли платить лишь небольшие зарплаты, но оказались уже не в состоянии реализовывать новые проекты и производства.

Доля расходов на культуру в ВВП сократилась с 1,1 % (1990) до 0,6 % (2008), т. е. на треть. Новое правительство Б. Борисова объявило, что расходы всех министерств, в т. ч. и культуры будут сокращены еще на 15 %. Болгария тратит на культуру меньше всех в ЕС⁷¹.

Число государственных театров сократилось с 1989 по 2008 г. с 58 до 39, количество театральных представлений — с 16 000 до 7700, зрителей — с 5,4 млн до 1 млн. Число читалищ уменьшилось с 4200 до 2100. Производство фильмов сократилось с 44 в 1997 г. до 17 в 2008 г., причем половину среди них составляют документальные фильмы⁷². В составе Болгарской академии наук в 1989 г. работало свыше 242 исследовательских институтов и 7000 исследователей, сегодня в ней лишь 50 институтов и 3500 исследователей. Государственные затраты на научные исследования составляли в 1989 г. 3,2 % ВВП, в 1992 г. — 1,64 %, а в 2003 г. — всего лишь 0,5 %⁷³.

В 1985 г. среднее образование получили 108 000 подростков, тогда как в 2008 г. немногим более 50 000. Около 100 000 детей вообще не посещают школу. В последние годы четверть учеников школьного возраста не завершили свое школьное обучение⁷⁴. Число библиотек после 1998 г. сократилось на 2400. Из зарегистрированных в 2000 г. 6942 библиотек 1741 или 25 % не функционировали из-за увольнения сотрудников.

Для посткоммунистической Юго-Восточной Европы представляет опасность осуществление прогноза А. Пшеворского, сделанного в 1990 г.: Восток сместится на Юг и примет форму капитализма нищеты⁷⁵. С учетом диверсификации посткоммунистического развития понятие транзита или трансформации, знаменующее некий универсальный тренд к рыночной экономике и демократии, уже не может использоваться, исходя из предметных и методических причин⁷⁶. Необходима новая теория трансформации, в которой государство вновь будет играть определяющую роль. Д. Стиглиц критиковал в своей книге «Тени глобализации» реализацию Вашингтонского консенсуса⁷⁷.

Для понимания прошлого и формирования будущего необходимо культурное возрождение. Однако остается открытым вопрос, являются ли «глобальные культурные ценности», которые в действительности суть ценности общества потребления, правильной основой для этого. Поэтому Болгария, с учетом кризиса в обществе, не должна поспешно выбрасывать за борт собственные образовательные и культурные традиции — как в конце сороковых годов — в качестве избыточного

балласта. Ей следует сохранить существенные элементы того, что несет отпечаток Просвещения и гуманизма, и найти некий синтез, чтобы тем самым справиться с задачами сегодняшнего дня и XXI в.

Ныне налицо признаки обновления болгарской культуры, которые выражаются прежде всего в интересе к традиционной болгарской народной музыке. Она становится очень популярной среди молодых людей и отчасти заменяет поп-музыку. Существует определенное обновление в Болгарской православной церкви, которая в значительной мере смогла преодолеть раскол. Также следует ожидать, что в школах будет введено преподавание религии. В школах отходят от крайнего либерализма в преподавании и возвращаются к дисциплине⁷⁸.

Несмотря на общее снижение образовательного уровня, в Болгарии развивается интерес к собственному прошлому. Особенно популярны публикации по истории протоболгар, а также о фракийской и славянской культурах средневекового болгарского государства. Ряд важных археологических открытий в последние годы вызвали оживление внутреннего туризма, поездок к святым местам болгарской истории. В конечном счете надо признать, что государственные учреждения культуры — театры, оперные театры, концертные залы, художественные галереи, киностудии и читальни, несмотря на сложное экономическое положение, все еще в состоянии добиваться выдающихся успехов и завоевывать международное признание.

Примечания

¹ Баева И., Калинова Е. Българските преходи 1939–2002. София, 2002.

² Чичовска В. Политиката срещу просветната традиция. София, 1995.

³ Müller K. Post-Washingtoner Consensus und Comprehensive Development Framework. Neue Perspektiven für Transformationsforschung und Transformationstheorie // Osteuropa Forum. 2001. № 16. S. 5; Müller K. Totalitarismus, Modernisierung und Transformation. Opladen, 2001.

⁴ Williamson J. What Washington Means by Policy Reform. Washington D. C., 1990.

⁵ Riedel S. Bulgariens Kulturpolitik nach 1989: Ein Spiegelbild der wirtschaftlichen Krise // Südosteuropa. 1996. № 6–7. S. 508.

⁶ Ibid.

⁷ Rahn R., Utt R. Bulgarian Economic Growth and Transition Project. Washington, 1990.

⁸ Aleksandrov A. Wende und Aufbruch. Kulturpolitik in Bulgarien, 1995–2008. Dissertation. Universität für Musik und darstellende Kunst, Institut für Kulturmanagement und Kulturwissenschaft. Wien, 2009. S. 28.

⁹ Bandoly W. Das bulgarische Bildungswesen zwischen Umbruch und demokratischer Neugestaltung // Deutsches Institut für internationale pädä-

gogische Forschung, Studien und Dokumentationen zur vergleichenden Bildungsforschung 66. Frankfurt am Main, 1997.

¹⁰ Aleksandrov A. Wende und Aufbruch. Kulturpolitik in Bulgarien... S. 25; Roth M. Erziehung zur Demokratie? Amerikanische Erziehungshilfe im postsozialistischen Bulgarien. Münster, 2005. S. 182.

¹¹ Landry Ch. Bulgaria's Cultural Policy in Transition: From the Art of the State to the State of the Art. London, 1997. P. 3; Koprinarov L. Bulgarian Cultural Policy, 1990–1995. Sofia, 1997.

¹² Landry Ch. Bulgaria's Cultural Policy... P. 9–10.

¹³ Закон за закрила и развитие на културата // Държавен вестник. 1.06.1999. № 50. Денчев С., Василева С. Държавна политика за културно-историческо наследство на България 1978–2005. София, 2006. С. 177.

¹⁴ Държавен вестник. 1.07.1999. № 50.

¹⁵ Денчев С., Василева С. Държавна политика... С. 179.

¹⁶ Policies for Culture, Workshop dossier, Bistrica, Bulgaria. 18-20 January 2001. Amsterdam, 2001. P. 66.

¹⁷ Aleksandrov A. Wende und Aufbruch. Kulturpolitik in Bulgarien...

¹⁸ Държавен вестник. 2006. № 106.

¹⁹ Министерство на културата. Новини. 30.05.2008.

²⁰ Там же. 28.05.2008.

²¹ Стратегия за развитие на радио- и телевизионната дейност // Държавен вестник. 14.10. 2005. № 82; Aleksandrov A. Wende und Aufbruch. Kulturpolitik in Bulgarien...

²² Закон за радио и телевизия // Държавен вестник. 1998. № 138; Българска национална телевизия. За BNT 2009 // www.bnt.bg/bg/about.

²³ Българска телевизия. За BTV 2009 // www.btv.bg/content.

²⁴ Нова телевизия. За NTV 2009 // www.novatv.bg.

²⁵ Закон за народната просвета // Държавен вестник. 1991. № 86, 18.10; Закон за висшето образование // Държавен вестник. 27.12. 1997. № 112. С. 1–13; Закон за изменение и допълнение на закона за народната просвета // Държавен вестник. 31.03.1998. № 36. С. 1–5.

²⁶ Taulova R., Popov N. Bildungs- und Hochschulpolitik in Bulgarien (1989–1998) // Ost-Dokumentation 2. Österreichisches Ost- und Südosteuropa-Institut. St. Pölten, 1998. S. 49–56.

²⁷ Вълчанов Т. // Аз Буки. 4.05. 2004. С. 1.

²⁸ The Foundation for Religious Freedom. 2004.2 // <http://forf.org>, 10.01.2008.

²⁹ Указание за организиране на дейностите на общообразователните, специалните и професионалните училища през учебната 1998/99 година. София, 1998. С. 3.

³⁰ Аз Буки. 27.03. 2007.

³¹ Министерство на културата. Новини. 13.11.2007; Obuljen N. Why We need European Cultural Policies. European Cultural Foundation. 2005.

³² «Време е, културата да излезе на пазар» // 24 часа. 5.09.2009.

³³ Лилев Г. Тайният проект Бойко Борисов. София, 2009.

³⁴ Perez de Cuellar J. Our Creative Diversity. Paris, 1995.

- ³⁵ Zeitz Ch. Die EU-Grundrechtsagentur und der Kampf gegen Diskriminierung // Europe News. 22.06. 2009; Papst Benedikt XVI. Enzyklika «Spe salvi». Rom, 2007.
- ³⁶ Денчев С., Василева С. Държавна политика... С. 173.
- ³⁷ Activity reports of the EU, report of the Commission // http://ec.europa.eu/index_de.htm, 2004.12.10.
- ³⁸ Aleksandrov A. Wende und Aufbruch. Kulturpolitik in Bulgarien... S. 60.
- ³⁹ Министерство на културата. Новини. 5.11.2006.
- ⁴⁰ Там же. 12.11.2008.
- ⁴¹ Там же. 20.02.2009.
- ⁴² Там же. 15.05.2009.
- ⁴³ Roth M. Erziehung zur Demokratie: Amerikanische Erziehungs- und Kulturpolitik in Deutschland nach 1945 und in Bulgarien seit 1990 // P. Bachmaier, A. Schwarcz, A. Tcholakova (Hgg.). Der Transformationsprozess in Bulgarien und der Beitritt zur EU // Miscellanea Bulgarica 18. Wien, 2006. S. 153–168; Bachmaier P. Die neue Umerziehung: Bildungspolitik in Mittel- und Osteuropa 1989–1994 // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft 23. 1994. S. 4.
- ⁴⁴ Бубнова Я., Василева М., Попова Д. История на българското съвременно (неформално) изкуство. София, 2009.
- ⁴⁵ Василева М. Софийска градска художествена галерия. София, 2009.
- ⁴⁶ Институт за съвременно изкуство. София. Новини. 2008.
- ⁴⁷ Roth M. Erziehung zur Demokratie? S. 78.
- ⁴⁸ Krästev I. Russia and the Georgia war: the great-power trap // Open Democracy. 31.08.2008.
- ⁴⁹ Bulgaria: Direct and Indirect Support to the Artists. Sofia, 2005.
- ⁵⁰ Roth M. Erziehung zur Demokratie? S. 183.
- ⁵¹ Институт «Отворено общество». София. За института: www.osf.bg.
- ⁵² Център Отворено образование. София, 2004. С. 3–5; Аз Буки. 17.09. 2002. С. 4.
- ⁵³ Felix Meritis Foundation, Newsletter. Dec. 2009.
- ⁵⁴ Червената къща — център за култура и дебат. Годишен отчет. София, 2001.
- ⁵⁵ Червената къща... С. 32.
- ⁵⁶ EG-Kommissär Prof. Joao de Deus Peinheiro // Österreichische Außenpolitische Dokumentation. Auslandskulturtagung 1993. Wien, 1993. S. 74.
- ⁵⁷ Jahrbuch der österreichischen Außenpolitik. Außenpolitischer Bericht 1995. S. 303 ff.
- ⁵⁸ Außenpolitischer Bericht 1997–2005, Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten. Wien, 1997–2005.
- ⁵⁹ Kalista M. Austrian Comments on «Our Creative Diversity». The Report of the World Commission on Culture and Development / Ed. by Spel — Schiefer — Brezovszky. Wien, 1998. S. 33.
- ⁶⁰ Junge Kunst aus Bulgarien, Galerie Art Point, Kulturkontakt Austria. Wien, 2007.
- ⁶¹ Институт за съвременно изкуство. София, 2008.

⁶² Levitscharoff S., Solakov N. // Süddeutsche Zeitung. 2007. 16–17.06.

⁶³ Springerin. Hefte für Gegenwartskunst. Museumsquartier Wien, 4/2006.

⁶⁴ Der Transformationsprozeß in Bulgarien und der Weg in die EU / P. Bachmaier, A. Schwarcz., A. Tcholakova (eds.). Band 18. Wien, 2006; Österreich und Bulgarien 1878–2008 / P. Bachmaier, A. Schwarcz., A. Tcholakova (eds.). Band 19. Wien, 2008; Das Bulgarische Forschungsinstitut in Österreich 1978–2008 / P. Bachmaier, A. Schwarcz., A. Tcholakova (eds.). Band 20. Wien, 2008.

⁶⁵ Български културен институт «Дом Виттгенщайн». Програма 2005–2009 // www.bulgarisches-kulturinstitut-haus-wittgenstein.

⁶⁶ Jäger V., Sitzmann A. Bulgarien Prosa. Wien, 2005; Blecha K. 50 Jahre Österreichisch-Bulgarische Gesellschaft 1955–2005. Festschrift. Wien, 2005.

⁶⁷ Шопова С. Американцы строят военную базу, а Россия – нашу Камчию // Столетие. 24.12. 2009.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Министерство на културата. Новини. 25.01.2008.

⁷⁰ Министерство на културата. Новини. 4.09.2009.

⁷¹ Статистически годишник на Република България за 2008 г. София, 2008; Aleksandrov A. Wende und Aufbruch. Kulturpolitik in Bulgarien... S. 19, 51.

⁷² Доклад от Стефан Данаилов за изпълнение на политиките и програмите за 2007 година на министерство на културата. София, 2008. С. 9; The Council of Europe/ERICarts «Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe, 9-th edition», 2008 // www.culturalpolicies.net/web/pprintm.php.

⁷³ Статистически годишник на НРБ за 1989 г.; Статистически годишник на Република България за 2008 г.; Sommerbauer J. Wenn die Forscher das Weite suchen // Die Presse. 28.02. 2008.

⁷⁴ Национален статистически институт. Образование. Основно и средно образование 2007/08 // www.nsi.bg.

⁷⁵ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge U.P., 1991.

⁷⁶ Müller K. Post-Washingtoner Consensus. S. 10.

⁷⁷ Stiglitz J. E. Die Schatten der Globalisierung. Bonn, 2002.

⁷⁸ Аз Буки. 14.11. 2006.

ВЕНГЕРСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ЗАРЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 80-х ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА)

А. Бабуш
(Венгрия)

Поскольку государственный социализм в Венгрии не был сметен революцией, а сам заявил о своем крахе, в демократическом перевороте участвовал только узкий слой интеллигенции. В конце 1980-х гг. из этого узкого слоя сформировалось множество больших и малых групп. Три самых крупных из них сложились со временем в три партии, которые и сегодня в значительной мере определяют расклад политических сил в венгерском обществе. Первая — это группа бывших коммунистов. Она послужила основой для Венгерской Социалистической Партии (MSZP). На стороне оппозиционных сил находилось две группы, из которых вышли две большие движущие силы демократического переворота — Венгерский Демократический Форум (MDF) и Союз Свободных Демократов (SZDSZ). Поскольку статья посвящена роли писателей в этом перевороте, а со стороны социалистов в данном процессе участвовали не писатели, а политики-реформисты, о социалистах пойдет речь только косвенно.

Единая оппозиция против общего противника

Первую группу, вставшую под оппозиционные знамена, принято называть народниками или народниками-патриотами; вторую группу — демократической или либеральной (радикальной) оппозицией. Это два оппозиционных лагеря основали две выше названные большие партии демократической ориентации: «народники» 27 сентября 1987 г. образовали МДФ (MDF), (*Венгерский Демократический Форум*), а демократическая оппозиция 13 декабря 1988 г. — СДС (SZDSZ) (*Союз Свободных Демократов*). Хотя расхождения в системе ценностей этих двух групп были очевидны с самого начала, и социальные слои, на которые они опирались, тоже были различны, наличие общего противника — коммунистического режима Кадара заставило их сотрудничать.

Чувство взаимной солидарности укрепили и дружеские связи между некоторыми представителями двух групп, в первую очередь между Иштваном Чуркой и Миклошем Вашархейи¹, да еще между Шандором Чоори и Дьёрдем Конрадом. В 1985 г. эти группы организовали совместное нелегальное совещание в поселке Монор.

Давайте посмотрим, в чем же состояли расхождения!

Народники в первую очередь хотели решить судьбоносные вопросы венгерского народа и залечить национальные травмы, для них такие понятия как «нация», «традиция», положение венгерского меньшинства за границей имели огромное значение. Воспитание нации, преобразование общества считали они своей миссией.

На флаге радикальной оппозиции было написано: демократия. Как сказал Лайош Фюр, известный историк-народник: «В глазах демократической оппозиции демократия была конечной целью, а для нас только средством»². Для демократической оппозиции важна была судьба не венгерского меньшинства, а свобода и права человека вообще.

Диаметрально противоположна у этих двух групп была и тактика достижения цели. Народники не противостояли резко режиму, они старались влиять на руководство путем диалога, поскольку хотели достичь прогресса в вопросе положения национального меньшинства и исходили из того, что господство СССР в центральноевропейском регионе «вечно». Габор Демски, видный представитель радикалов, сказал о народниках: «их тактика была такова, что они были готовы заключить союз даже с дьяволом, чтобы спасти венгерский народ»³.

Демократическая оппозиция открыто выступала против коммунистической системы, издавала легендарный самиздатский журнал «Бесело». Ее представители не боялись вступать в конфронтацию с властью, потому что у нее был прочный, надежный тыл: легко получали стипендии и могли поехать на Запад⁴. Например, хотя Д. Конрад опубликовал несколько книг на Западе, он, несмотря на это всегда получал заграничный паспорт⁵.

Эти два больших оппозиционных лагеря имели своих покровителей и в правящей коммунистической партии Венгрии. Народники опирались на реформатора-социалиста Имре Пожгаи, генерального секретаря Совета Национального Фронта, а демократическая оппозиция — на Ацела Дьёрдя, «серого кардинала» режима Кадара, секретаря ЦК по культуре. Связь между народниками и Пожгаи не скрывалась, тогда как история контактов между Ацелом и радикалами по сей день окутана тайной⁶.

В салоне врача-писателя Ласло Левендела Пожгаи регулярно встречался и с представителями демократической оппозиции,

он из первых рук, непосредственно от них самих получал самизда-товскую литературу⁷.

У народников была широкая кадровая база в провинциях, в то время как демократическая оппозиция состояла из узкого круга будапештской интеллигенции. Писатели-народники редко имели возможности публиковаться в столичной прессе, их форумами были провинциальные журналы «Тисатай», «Альфелд», «Уй Форраш». Главный редактор журнала города Сегеда «Тисатай» Ласло Вёреш не зря сказал полушутя-полусерьезно, что «колыбелью МДФ был “Тисатай”»⁸. Демократическая оппозиция, точнее ее сторонники публиковались в столичных изданиях.

Кроме провинциальных журналов базой писателей-народников, как и в 1956 г., являлся Союз венгерских писателей. Поэт Гашпар Надь без преувеличения мог утверждать, что «в 1981–1986 гг. в рамках этого союза литература и литературная жизнь стали испытательной лабораторией демократического переворота»⁹.

Сотрудничество двух лагерей оборвалось летом 1987 г., когда Киш Янош вопреки соглашению без предварительного согласования с народниками написал т. н. «Социальный Контракт», программу демократического переворота. Хотя этот поступок даже Миклош Вашархейи, ключевая фигура не только партии СДС, но всего демократического лагеря, считал неэтичным, расхождения во взглядах двух групп на будущее Венгрии были столь велики, что рано или поздно их пути и без нарушения договора разошлись бы.

Анализ следовало бы начать с МДФ.

Пути расходятся: народники основывают МДФ

Зачатком МДФ был дружеский писательский круг, который образовался вокруг литературоведа Ференца Киша после Пражской весны в 1968–1969 гг. и в шутку назывался Великим Народным Хуралом¹⁰ (высший орган государственной власти в Монгольской народной республике). Лидерами этого кружка были два беллетриста — Иштван Чурка и Шандор Чоори.

Грамоту об основании МДФ подписали пять беллетристов (Денеш Ченгеи, Шандор Чоори, Иштван Чурка, Дюла Фекете, Шандор Лежак), два литературоведа (Золтан Биро, Д. Чаба Киш), один историк (Лайош Фюр) и один политолог (Рудольф Йоо) 27 сентября 1987 г. В этот день, очень важный для истории демократических процессов, в деревне Лакителек в саду поэта-учителя Шандора Лежака собралась большая группа интеллигенции — 181 человек на совеща-

ние, тема которого звучала так: «Шансы венгерского народа». В то время такое собрание было еще совсем небезопасным¹¹.

В совещании участвовал и Имре Пожгаи. Тезисы «Лакителекского воззвания» были опубликованы 14 ноября 1987 г. в газете Национального Фронта «Мадьяр Немзет» — в целях конспирации они были напечатаны в виде интервью, взятого у Пожгаи.

На совещание из представителей либеральной оппозиции был приглашен только Дьёрдь Конрад, а самиздатчики — нет.

Хотя и ходила такая поговорка, что в соцлагере самый веселый барак — это Венгрия, к 1987 г. венгерский народ оказался в печальном состоянии: мы стали первыми по числу самоубийств, алкоголиков и курильщиков. Демографические показатели были ужасающими. Хотя писатели-народники всегда имели в виду весь венгерский народ, в первую очередь они были озабочены судьбой венгров за пределами Венгрии.

Общеизвестно, что после Трианонского мирного договора 1920 г., завершившего передел Европы после Первой мировой войны, Венгрия потеряла две трети своей территории, и почти каждый третий венгр оказался в соседних странах. В целях сохранения единства соцлагеря при режиме Кадара нельзя было говорить о венгерских национальных меньшинствах, и средний венгр был настолько плохо осведомлен в этом вопросе, что встретив венгра из-за рубежа удивлялся, что тот безошибочно говорит по-венгерски.

Венгерское национальное меньшинство в Румынии Чаушеску находилось в безысходном положении. Венгры, которых там было около двух миллионно, не имели самостоятельного университета, начальные и средние школы подверглись румынизации, венгерских учителей и преподавателей нередко отправляли на населенные румынами территории. Католическая и протестантская церкви и священники подверглись гонению. Представителей интеллигенции, активно отстаивавших национальные права венгров, сажали в тюрьмы.

Чаушеску собирался вбить последний гвоздь в этот гроб: он хотел стереть с лица земли венгерские деревни. Несомненно, его цель заключалась в том, чтобы под видом модернизации уничтожить венгерские общины в Трансильвании, чтобы достичь давно желанной цели: создать монолитное румынское национальное государство. (Для реализации этой же цели Чаушеску за хорошие деньги продавал выездные визы евреям, а затем немцам. «Нефть, евреи и немцы — наши лучшие экспортные товары», — любил он повторять.) Официальная кадровая политика оказалась неэффективной в этом деле, но убийственный план «модернизации», взбудораживший общественное мнение в Венгрии, заставил собраться огромную толпу. 27 июня 1988 г. в Бу-

дапеште состоялась стотысячная демонстрация против уничтожения венгерских деревень в Трансильвании. Главными организаторами демонстрации были писатели Иштван Чурка и Шандор Чоори, да еще всемирно известный архитектор Имре Маковец. Главным оратором был Чурка. Листовку с призывом на демонстрацию подписала и организация «Сеть свободных начинаний», зачаток будущей партии СДС. Чурка и СДС стояли на одной платформе, участвовали в одной демонстрации! После этой демонстрации Чаушеску еще полтора года возглавлял Румынию, но не посмел взяться за претворение в жизнь своего плана. По нашему мнению, именно этот успех является вершиной политической деятельности писателей-народников¹².

В Чехословакии геолог-писатель Миклош Дураи, венгр по национальности, возглавил правозащитную деятельность. За это Дураи посадили в тюрьму на год. Официальная венгерская политика и на сей раз молчала, но оппозиция пришла в движение. Трое венгерских писателей — Иштван Чурка, Тибор Череш и Миклош Месей участвовали в процессе Дураи в Братиславе. Разразился международный скандал, и, как следствие, Дураи освободили. В 1983 г. Шандор Чоори написал предисловие к книге Дураи под заглавием «Капкан» (Kutyaszorító). Поскольку книга была издана в Нью-Йорке, Чоори наказали, запретив публиковаться в течение одного года.

В сентябре 1988 г. в Будапеште состоялась огромная демонстрация против совместного венгерско-чехословацкого проекта строительства гидроэлектростанции на Дунае у Бёш-Надьмароша. Среди главных протестующих — Иван Баба, Янош Кенеди, Янош Киш, Имре Меч, Янош Варга, Габор Карачонь можно было увидеть представителей обеих оппозиционных сторон, в том числе и писателя Чоори. Мимоходом хотелось бы высказать одно замечание. В борьбе против проекта поворота сибирских рек тоже стояли известнейшие в СССР писатели: Сергей Залыгин (кстати, большой поклонник венгерской литературы) и Валентин Распутин.

Журнал «Хител» (Hitel)

В 1988 г. сбылась десятилетняя мечта писателей-народников: вышел в свет первый номер их литературно-общественного журнала — «Хител». Это был первый официально разрешенный оппозиционный форум! Круг авторов свидетельствовал о том, что в издании «Хитела» участвовали и сторонники демократической оппозиции. Это было огромное дело, ведь в то время на политическом поприще народники и радикалы уже являлись соперниками. Создание литературного единства в первую очередь — дело рук Шандора Чоори и Матяша

Домокоша. Правда, это идиллическое положение не оказалось долготным, но именно поэтому надо о нем напомнить.

С самого начала одним из редакторов «Хитела» была знаковая фигура демократического переворота — Гашпар Надь. Как ни странно, самые громкие скандалы разгорались вокруг этого тихого, кроткого поэта. В 1984 г. журнал «Уй Форраш» опубликовал его стихотворение *Вечное лето, мне исполнилось 9 лет*, в котором содержалась аллюзия на казненного в 1958 г. премьер министра Имре Надя. Редактора отдела поэзии журнала выдворили, а сам поэт должен был замолчать. В 1986 г. снова из-за публикации стихотворения Гашпара Надя *Из дневника сына* были уволены с постов два верных социализму редактора журнала «Тисатай». Выпуск самого журнала был временно приостановлен, а поэт снова попал под запрет.

Демократическая оппозиция: СДС

В рядах демократической оппозиции не беллетристы, а философы играли первую скрипку, философы так называемого «детского сада Лукача», то есть младшие ученики всемирно известного философа-марксиста Дьёрдя Лукача. Это были: Янош Киш, Дьёрдь Бенце, позже — Гашпар Миклош Тамаш из Трансильвании. Кроме них надо еще напомнить социологов Габора Демски, Миклоша Харасты (он попал под суд за социографию *Darabber — Штучная оплата*), Отилиу Шолт, Яноша Кенеди, редактора Ференца Кесега и экономистов-реформистов.

Почти все они выросли в семьях коммунистов-аппаратчиков и от поддержки режима пришли к сопротивлению. Для них были важны не судьбоносные проблемы венгерского народа, но сначала теоретические, а позже практические возможности реформирования социализма. Правильно писал о них автор одной из монографий: «...в первое время их споры велись между реформ-марксизмом и маоизмом...»¹³

И среди сторонников демократической оппозиции были писатели, которые критиковали режим Кадара: Иштван Эрши, Дьёрдь Петри, Миклош Месей, Дьёрдь Конрад. Самые серьезные столкновения с властью были у Конрада. В 1974 г. совместно с Иваном Селени он написал книгу «Интеллектуалы на пути к классовой власти». После обыска все экземпляры книги были конфискованы, и Конраду предложили эмигрировать, но он отказался.

Есть еще один писатель-переводчик, имя которого тесно связано с этим кругом, хотя во время самиздатского периода он еще в него не вошел. Ветеран революции 1956 г. Арпад Гёнц стал первым свободно

избранном президентом Венгрии, и он был кандидатом СДС. Кроме него, в странах бывшего соцлагеря еще один писатель получил такую высокую должность — Вацлав Гавел в Чехии*.

Разочарование

В октябре 1989 г. по предложению Шандора Чоори — президента МДФ, литературоведа, «основателя-прадеда» Золтана Биро сменил на его посту историк Йожеф Анталл. Это изменение можно оценивать так, будто писатели уступали свои места политикам-профессионалам. В марте и апреле 1990 г. после 43-летнего перерыва в Венгрии снова состоялись свободные, демократические выборы. Несмотря на то, что на выборах победила МДФ — партия писателей-народников, они не сумели реализовать свои политические цели, началось их систематическое выдавливание из власти. (Второе место на выборах занял СДС.) Среди членов правительства уже не было ни одного писателя. С этим окончательно были потеряны и надежды на осуществление плана «третьего пути», в основе которого лежали взгляды писателя-классика Ласло Немета. Венгрия пошла капиталистическим путем. В апреле 1990 г. писателей ожидало новое разочарование. Й. Анталл без предварительного согласования с ними заключил пакт с СДС. Писатели это восприняли как измену, и это означало, что на политическом поле они окончательно потерпели поражение. Иштван Чурка — самый радикальный писатель скоро был исключен из МДФ. Чурка не сдался: он основал новую партию и на следующих выборах все-таки попал в парламент, но еле-еле смог достичь парламентского порога и стал играть в политике маргинальную роль.

Через пару лет Шандор Чоори, лидер писателей-народников, признался в своем чувстве миссионера, с которым он пошел в бой в условиях демократического переворота: «После венгерской революции 1956 г., после “Пражской весны” и движения “Солидарности” поляков я вполне был уверен, что обессиливающую западную культуру обновят упрямство и страдания народов Средней Европы. Это, к сожалению, не удалось»¹⁴. Его признание мне напоминает Достоевского, который был убежден, что живущий в духе Евангельской истины русский народ спасет идущий к упадку Запад. К сожалению, жизнь вступает в противоречие с прекрасными мечтами.

* Автор забыл упомянуть Добрицу Чосича, известного сербского писателя, одно время занимавшего пост президента Союзной Республики Югославии (прим. ред.).

Причину политического поражения писателей четко сформулировал архитектор Имре Маковеи: «Мы говорили о будущем Венгрии, хотя было очевидно, что и у нас будет господствовать глобальный капитал, который является родным братом московского интернационального мышления»¹⁵.

Писатели-народники разочаровались и в литературе. Сначала у журнала «Хител» был — по венгерским меркам — огромный тираж: 6 тысяч, но он скоро упал. Писатели должны были смотреть в глаза печальной действительности: массовая культура одержала победу над литературой ценностей. Мне кажется, что это поражение не только венгерских писателей, а поражение всех нас, всей творческой интеллигенции.

Еще одно заключительное замечание. Несмотря на то что в годы демократического переворота я был уже взрослым человеком и занимался литературой, к моему удивлению, я только теперь осознал, какую важную, решающую роль в этом процессе играли венгерские писатели. Знаю, что писатели и в других соцстранах внесли свой вклад в антисоциалистические перевороты — достаточно указать на румынского Мирча Динеску или чеха Вацлава Гавела — но, насколько я знаю, свою собственную партию писатели имели только в Венгрии.

Примечания

¹ Pintér M. L. Ellenzékben. A «Nagy Népi Hural»-tól a Magyar Demokrata Fórumig. A Kádár-rendszer népi-nemzeti ellenzéke 1968–1987. Lakitelek, 2007. 27. p.

² Ibid. 90. p.

³ Csizmadia E. A magyar demokratikus ellenzék (1968–1988). Interjúk. T-Twins Kiadó, 1995.

⁴ Megszépítő-e a messzeség? Három emlékező, háromféle emlékezet. Zelnik József // Magyar Nemzet. 2002. szeptember 28. 25. p.

⁵ Modor Á. Füstbe ment legenda. Hogy jutott Konrád és Szelényi kézírata a kályhából a szabad világba? // Magyar Nemzet. 2002. április 6. 30. p.

⁶ Vö. Tellér Gyula. Középfajú pártdráma. (Esszé az SZDSZ mivoltáról) // Nagyvilág. 2009. 9. 782–783. p.

⁷ Szerető Szabolcs–Villányi Károly. A legnagyobb hazugság. Pozsgay Imre a rendszerváltás mulasztásairól és az MSZP meghódításáról // Magyar Nemzet. 2007. június 16. 5. p.

⁸ Vörös L. Szigorúan ellenőrzött mondatok. Ín: Stefka István: Rendszerváltók. Mi történik itt? Bp., 2006.

⁹ Цигирует Андраш Герембеи: <http://www.bkisz.hu/drupal/nagygaspar>.

¹⁰ Pintér M. Lajos. Op. cit. 11. p.

¹¹ Megszépítő-e a messzeség? Három emlékező, háromféle emlékezet. Makovecz Imre // Magyar Nemzet. 2002. szeptember 28. 24. p.

¹² Политика уничтожения бесперспективных населенных пунктов, ставшая проявлением крайнего волонтаризма в политике режима Чаушеску, касалась не только венгерских, но и румынских деревень. Можно согласиться с автором в том, что чрезвычайно сильная волна протестов в соседней Венгрии, возымевшая широкий международный резонанс, заставила румынские власти приостановить осуществление этой программы — Прим. редколлегии.

¹³ Csizmadia E. A magyar demokratikus ellenzék (1968–1988). Monográfia. T-Twins Kiadó, 1995. 31. p.

¹⁴ Csoóri S. Születésnap, árnyékokkal // A visszaszerzés reménye. Húszéves a Hitel. Bp., 2008. 8. p.

¹⁵ Megszépítő-e a messzeség? Három emlékező, háromféle emlékezet. Makovecz Imre // Magyar Nemzet, 2002. szeptember 28. 24. p.

ДИСКУССИИ О «НЕЖНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ 1989 г. И СЛОВАЦКАЯ КУЛЬТУРА

Э. Лондакова
(Словакия)

Конец прошлого столетия проходил под знаком кардинальных политических перемен. На него наложил свой отпечаток затянувшийся кризис коммунистического режима, безуспешная попытка его гегемона — Советского Союза провести экономическую и политическую реформу, а также последующий стремительный развал всего т. н. восточного блока. В исторически краткий период европейские сателлиты СССР один за другим выходили из закрытого и жестко охранявшегося сообщества, в течение десятилетий руководимого коммунистами, чтобы в конце концов встать на путь, ведущий к желанной свободе. Чехословацкий политический переворот 17 ноября 1989 г. вписал себя в историю тем, что режим, который все еще располагал мощной военной и политической силой, рухнул в течение неполной недели благодаря студенческим демонстрациям и фигурой того, кто символически покончил с режимом, прогремев связками ключей.

До этого момента малоизвестные — по понятным причинам — пражские диссиденты, студенты и театральные деятели основали Гражданский форум (ГФ), и в результате их кооперации с участниками словацкого диссидентского, а также экологического движения более 15 млн граждан постепенно приводились в состояние так называемой «бархатной» (в Чехии) или «нежной» (в Словакии) революции, которую нередко ставят теперь в пример как образец «цивилизованного» политического переворота конца XX в. Ее особенностью явилось и то, что воодушевление первых дней, неповторимое ощущение всеобщей гармонии сопровождалось слухами за ее кулисами, начиная со слухов о «бойне» на Национальной улице в Праге, ставшей спусковым механизмом чехословацкой революции. Жестокость полицейских частей (которые до 17 ноября, как говорят, действовали еще более сурово, но при этом политических последствий не было)¹ на этот раз тиражировалась СМИ и усиливалась известием о человеческой жертве — гибели студента Мартина Шмида.

И хотя 19 ноября полиция и даже мать студента должны были лично опровергнуть эту информацию непосредственно в самом центре ГФ, в Драматическом театре, подписант Хартии 77 Петр Ул передал ее радиостанции «Свободная Европа»; транслировалась она и Би Би Си². Впоследствии, когда улеглись эмоции, и приступила к работе парламентская комиссия по расследованию событий 17 ноября, именно этот момент и связанные с ним неясности привели со временем к нагромождению разнообразных трактовок и интерпретаций, касавшихся самого политического переворота.

Не менее интересен взгляд и с другой стороны, со стороны «баррикад». Действия полиции не поддавались объяснению и с точки зрения коммунистического аппарата: бывший председатель словацкого правительства Иван Кнотек спустя годы вспоминал следующий момент. 16 ноября — в канун памятной студенческой демонстрации на пленуме ЦК КПЧ в Праге (в присутствии федерального министра иностранных дел Яна Йоганидеса, министра внутренних дел Ф. Кинцла, его первого заместителя Алоиза Лоренца и заведующего отделением ЦК КПЧ Рудольфа Гегенбарта) допускалась возможность «политического злоупотребления» этой демонстрацией и подчеркивался факт роста напряженности внутренней и внешнеполитической обстановки. И все же М. Штепан недооценивал ситуацию, утверждая, что все находится под его контролем; Кнотек же полагает, что именно он, а вместе с ним и Милош Якеш, предостерегали от насильственных действий, а силовые акции частей Корпуса национальной безопасности (КНБ) они считали недопустимыми³. Органы госбезопасности, по слухам, получили четкий приказ о неприменении силы, но если им все же пришлось бы вмешаться, они не должны были применять жесткие методы и «средства принуждения», чтобы исключить любые провокации⁴. Почему же все произошло «с точностью до наоборот»? Ф. Кинцл и А. Лоренц⁵ утверждали, что они не отдавали приказ применить силу.

20 ноября ЦК КПЧ обсуждал информацию А. Лоренца о событиях предшествующего дня, в которой тот, по сути, защищал действия полиции, констатируя, что «вмешательство сил правопорядка с учетом характера событий было неизбежно», однако оно как по своей интенсивности, так и по использованным средствам «не отличалось от предшествовавших — в январе и марте 1989 г.» Сотрудники КНБ якобы подверглись нападению с применением металлических прутьев, однако Лоренц не располагал заснятыми на пленку записями, которые могли бы это подтвердить⁶ (в отличие от зарубежных информационных агентств). Он сообщил и о распространении ложной

информации о «смерти одного из участников». Его доклад в целом отличался отсутствием полной информации, и на этот раз снова преуменьшалась сложность ситуации, хотя генерал, который представлял сведения, прекрасно понимал всю серьезность положения. Кто же все-таки отдал приказ полиции на подобного рода действия, так и «не выяснилось».

В первое десятилетие после революции появилось множество теорий и слухов. По одним из них якобы началась борьба за власть внутри руководящего аппарата КПЧ, когда новые силы в органах Госбезопасности (ГБ) попытались дискредитировать и заставить уйти в отставку старое консервативное руководство государства, пытавшееся в этот период — период уже явно неудачной горбачевской гласности укрепить и усилить свои позиции, пользуясь атмосферой всеобщей либерализации.

Таким образом, у «нежной» революции, как и у других революций до нее, имелись и имеются свои тайны и неясности. Различие заключалось лишь в том, что если в прошлом о реальных мотивах умалчивалось, а закулисные локальные исторические события имело более упрощенные формы, то в новую эпоху — в конце XX в., когда властвуют СМИ и компьютеры, многие политические конструкции глобализируются и реализуются с меньшими издержками. Но, с другой стороны, и адресаты гораздо лучше информированы и более критичны. Очевидно, что информация о человеческой жертве должна была активизировать десятилетиями молчавшее пассивное население, без всеобщей поддержки которого (без людей на площадях), даже самым лучшим образом проведенная акция такого масштаба не могла иметь шансов на успех. Революция проходила скоординированно и была на удивление четко организована, поэтому переход из одной политической системы в другую не сопровождался дестабилизацией либо насильственными действиями в отношении населения.

Итак, несмотря на сказанное, «нежную» революцию — благодаря всеобщей спонтанной поддержке — можно считать аутентичной. Следует отметить, что ключевую роль в ней сыграли и многолетние диссидентские акции. Участие студентов, театральных деятелей, художников, других представителей культурной общественности не было случайным и обуславливалось предшествующим развитием. Режим именно эти слои общества еще задолго до «нежной» революции рассматривал как потенциальный источник возможного взрыва и угрозу стабильности собственной власти. Известно, что компартия высоко оценивала значимость молодого поколения, именно с ним связывая перспективу собственной системы, поэтому она проводи-

ла с конца 1950-х гг. ориентированные на молодое поколение пропагандистские кампании, которые должны были привлечь молодежь и повысить ее, говоря современным языком, «стремительно падающие преференции».

Руководство компартии организовывало формальные встречи функционеров с молодежью, не только не поддерживающей правящий режим, но, напротив, демонстрирующей все больший отрыв от этого режима. Аппаратные работники, многие из которых воспитывались на молодежных стройках социализма, не могли понять своих потомков, не разделявших их былого энтузиазма; поэтому компартии Словакии не удалось, за редкими исключениями, привлечь к себе молодежь и пробудить в ней тот энтузиазм, которого уже не было и у нее самой.

Партия существовала уже главным образом для самой себя, и молодежь моментально это почувствовала. Вместо решения наболевших проблем, начиная с выстроенного по ее образу и подобию Социалистического союза молодежи (ССМ), правящие партийные структуры избрали иной путь. Постепенно стал осваиваться тезис о «сошедшей с правильного пути и лабильной молодежи» с присущими ей ошибочными ценностными установками. Считалось, что недовольная молодежь легко может стать предметом манипуляций. Культура и ее представители всегда находились с людьми в естественном контакте, имели возможности эмоционального воздействия и пользовались в обществе влиянием, которое компартия годами использовала для своей пропаганды. Такого рода утилитарный подход заставлял ее служить режиму и его идеологии. Но будучи, по своей сути, творческими и свободными, деятели культуры, творческая интеллигенция более всех других слоев населения пытались вырваться из-под партийного контроля, представляя в партии самую ненадежную ее часть.

Культура в обществе не бездействовала, за кулисами ее официальной формы развивалась субкультурная активность. Ее протагонисты постепенно освобождались и обходили самые жесткие ограничения т. н. «нормализации» после Пражской весны 1968 г.⁷ Уже со второй половины 1970-х гг. появились соответствующие сигналы. Писатели, журналисты, кинематографисты и художники должны были учитывать все более ужесточавшиеся идеологические ограничения, но в то же время в культурную жизнь постепенно стали возвращаться деятели, имена которых с самого начала замалчивались «режимом нормализации». Одним из первых и самым ярким был режиссер Душан Ганак, выдающиеся фильмы которого «322» и «Образы старого мира» не выпускали на экраны. Тем не менее уже в 1976 г. он снял «Розовые

сны», а в 1980 г. — «Я люблю, ты любишь», в которых, невзирая на деформированную «нормализованную» кинематографию, продолжал поиск собственного видения мира простого человека, существующего на периферии общепризнанных ценностей и интересов⁸. Другой фильм талантливого режиссера «Тихая радость» (1985) получил главный приз на международном кинофестивале в Сан-Ремо.

После почти десятилетнего замалчивания звезда словацкой режиссуры конца 1960-х гг. Юрай Якубиско⁹ (в это время он снимал образовательные фильмы и рекламу в студии короткометражных фильмов) в 1979 г. выпустил новый полнометражный фильм «Построй дом, посади дерево». В нем он предпринял попытку как можно реалистичнее изобразить современного «социалистического» героя в «реальном социализме». За этим фильмом последовала трилогия «Тысячелетняя пчела», снятая по мотивам одноименного романа Петра Яроша. Фильм, получивший приз Золотой феникс на XI ежегодном международном кинофестивале в Венеции, стал отечественным «хитом» в 1983 г. (Однако и ему приходилось отдавать дань показу зарождавшихся революционных традиций.)

Во множестве кинематографической продукции, в полной мере поддерживавшейся государством, наряду с художественно маловыразительными либо же ориентированными на коммерческий успех лентами¹⁰, появлялись и качественные фильмы: например, полнометражная лента режиссера Мартина Голлы «Signum Laudis» (1980), а также «Павильон диких кошек» (1982) режиссера Душана Транчика.

В период мнимой творческой стагнации появлялись другие произведения, которые нельзя не упомянуть: например, киноверсия романа Л. Баллека «Помощник» (1981) режиссера Зоро Загона, фильм Станислава Парницкого «Южная почта» (1987), «Дети электрички» (или «Пассажиры») (1988) Юрая Лигосита по сценарию Душана Душека, а также выдающийся фильм 1990 года Милослава Лутгера — «Путь через Дунай».

Художественная жизнь даже после «нормализаторской» реорганизации не могла полностью исключить свободу творчества для деятелей искусства, которая являлась их прибитетом. Заветы плодотворных 1960-х в искусстве не удалось предать полному забвению и запретить. Несмотря на то что и эту сферу не обошли стандартные нормализаторские методы и эксцессы, неформальное изобразительное искусство развивалось параллельно с официозом, причем развивалось оно по собственным внутренним законам, когда деятели искусства сохраняли либо же создавали заново кружки по интересам.

В 1980-е гг. появилось новое поколение деятелей, с приходом которых в словацкой художественной жизни перестал громко звучать авангард, и на короткое время возникло тяготение к постмодернизму (Станислав Илавски, Любомир Терен, Иван Павле и многие другие)¹¹. Однако художественная критика ставила им в упрек, что постмодернизм не укоренился в некоей априорной оппозиции по отношению ко всему предшествующему, не воспринял ценную традицию словацкого модернизма.

Культурное сообщество решало не только вопросы творчества. Ему всегда было близко и отражение общественной реальности, на события которой оно более-менее активно реагировало. В условиях авторитарного режима это сообщество было сильно мотивировано стремлением к свободе — как в творчестве, так и в общении с миром и другими культурами. Если такая свобода обуславливалась свободой гражданской, то часть культурной сферы совершенно естественно интегрировала свою активность в политические контексты «освобождения» и ослабления идеологических оков. «Нормализация» 1970-х гг. вытеснила из общества многих представителей масс-медиа, журналистов, теле- и радиоработников, писателей, музыкантов, художников, преподавателей вузов и педагогов, театральных работников и др. На этой основе впоследствии формировалась гражданская оппозиция режиму. Писатель Доминик Татарка, журналисты Милан Шимечка и Гана Поницка, историк Йозеф Яблоницки в конформистском и запуганном «нормализацией» словацком обществе находились в изоляции, поддерживая в первые годы контакты преимущественно с чешскими диссидентами и периодически выступая с публикациями в их самиздатских изданиях.

Оппозиция в Словакии была специфичной по качеству, количеству и приоритетам. Известно, что она была менее многочисленной, чем в Чехии, но обладала своей спецификой как по составу и способам коммуникации с режимом, так и по ряду ключевых целей. Здесь, в отличие от Чехии, с самого начала отчетливо доминировало (основываясь на несопоставимо более древней и длительной «оппозиционной» истории) мощное католическое диссидентство. В годы «нормализации», когда культурный фронт с самого начала подвергся полному разгрому и был парализован, компенсаторная роль спасителя и пастыря либеральных и свободных идей, которые культура столь смело развивала в 1960-е гг., возлагалась на организованное и стабильное католическое диссидентство, переживавшее с середины 1970-х гг. активное развитие¹².

Составной его частью являлись не только члены церкви, но и «лаики» — миряне. Именно с их помощью диссидентству удалось

выйти за границы исключительно церковной оппозиции и приобрести более широкий — гражданский размах. Известными организаторами церковной оппозиции стали бывшие узники режима 1940-х гг.: Владимир Юкл и Силвестер Крчмеры. Мирскую либерально и христиански ориентированную интеллигенцию представляли Ян Лангош, Франтишек Миклошко, юрист Ян Чарногурски и другие; они базировались на остававшейся живой религиозной традиции в Словакии, усилившейся в 1978 г. после избрания на папский престол поляка Иоанна Павла II. Формировалась база для более масштабного христианско-гражданского движения с целью оживить свободное право на вероисповедание, а также на выражение, распространение и поддержку религиозных убеждений. Это право включало в себя и важный гражданский элемент, поскольку речь шла не только о возврате религиозных свобод в полном объеме и качестве, но вместе с тем и о свободе слова и собраний, то есть о гражданских правах¹³. В обсуждавшейся на заседании президиума ЦК КПЧ информации Министерства культуры ССР (август 1986 г.) констатировалось, что мирское движение католической церкви преследует и ярко выраженные политические цели. Согласно этой информации, 70 % молодежи Словакии готовилось к принятию церковных обрядов (первое причастие, конфирмация, шествия и др.) под присмотром лаиков — в сообществах, возглавлявшихся т. н. аниматорами¹⁴. На традиционных шествиях верующие выражали недовольство ограничением религиозных свобод, что также приписывалось влиянию активистов и церкви¹⁵.

В 1980-е гг. под влиянием советской *перестройки* стала активизироваться и гражданская оппозиция, все более концентрируясь на самостоятельных выступлениях. В ходе встреч оппозиционеров на частных квартирах затрагивались различные темы: от анализа политической сущности системы до основных прав человека и гражданских свобод. Так, в июле 1985 г., на квартире философа-диссидента Юлиуса Стринки в Братиславе проходила дискуссия по эссе «Словацкий феномен» бывшего вузовского преподавателя философии Мирослава Кусы, в которой приняло участие около 10 человек. Известно, что органы госбезопасности вели за ними постоянное наблюдение, ставили их на учет.

Пробуждались и остальные группы общества, включая его официальные структуры: например, заявили о себе писатели. В 1986 г. центральный печатный орган словацких коммунистов газета «Правда» опубликовала обращение «Воздух нашего времени — вызов словацких писателей словацким деятелям искусства», которое появилось 30 июня в Тренчинске Теплице. Авторы обращения (Драгослав Ма-

хала, Рудольф Чижмарик, Любош Юрик, Иван Гудец, Борис Филан, Душан Душек, Душан Милана и другие) объявили себя сторонниками демократических заветов съезда словацких писателей, состоявшегося в 1936 г. в этом городе, и неотложных преобразований в обществе в период *перестройки*. При этом они не забыли продемонстрировать свою лояльность режиму, пообещав «добиваться в творчестве единства художественного и идейного начал»¹⁶.

«Новое слово» напомнило о многолетнем запрете на распространение и показ десятков художественных и документальных фильмов и киножурналов, начиная с 1960-х гг. Пролежавшие на полке фильмы, которые запрещались по «идейным соображениям», часто отличались при этом высоким художественным уровнем, более того, они стали некими артефактами эпохи, которую правящие элиты пытались забыть, стереть из памяти людей, скрыть от последующих поколений. За указанную статью секретарь по идеологии ЦК КПС Людовит Пезлар на рабочем заседании функционеров ЦК КПС подверг резкой критике главного редактора «Нового слова» М. Полака. Он ставил ему в вину, что еженедельник под его руководством публикует «полуправду, непроверенные вещи или даже откровенную ложь» и потребовал, чтобы в будущем не выходили статьи, расходившиеся с политикой КПЧ и ее постановлениями. Однако в середине 1980-х гг. почти все запрещенные фильмы были сняты «с полок» для показа узкому кругу кинофанатов в киноклубах и на камерных встречах с избранными зрителями.

1987 г. проходил уже под знаком единичных, но беспрецедентных общественных проявлений недовольства режимом, который не реагировал позитивно на советскую перестройку, а, напротив, еще более усиливал и укреплял тоталитарную власть. Например, в Братиславе на традиционных первомайских торжествах сильное волнение вызвал студент Владимир Червень, который перед трибуной, на которой находились высшие партийные и государственные чины, вместо принятого, как обычно, согласного помахивания флажком, бросил его и угодил в председателя СНС Вильяма Шалговича. Его тут же арестовали и осудили. В Чехии, в свою очередь, пользовался популярностью чешский актер Милош Копецки, который на съезде Союза чешских драматических деятелей призвал «консерваторов» уйти из общественной жизни, выразив тем самым мнение многих граждан ЧССР. Эта видеозапись стала достоянием публики и неофициально распространялась практически во всех сферах общества — точно так же, как и другие видеозаписи, например, с закрытых пленумов ЦК КПЧ, которые компрометировали ее лидеров — Милоша Якеша,

Мирослава Штепана, Василя Биляка. Между тем за сценой ГБ разрабатывала акцию «Клин», ставившую цель парализовать «антисоциалистические элементы»¹⁷.

Что же касается контролировавшейся и направлявшейся правящей партией прессы, на ее страницах, посвященных ситуации в культуре и ходу проходивших на тот момент съездов словацких художественных союзов (скажем, словацких писателей, драматургов или художников и композиторов), граждане могли почерпнуть только положительную информацию. Так, судя по сообщениям о работе съездов для Президиума ЦК КПС от 6 июня 1987 г., на этих съездах не было отмечено каких-либо критических или оппозиционных проявлений, а официальные культурные элиты «выразили поддержку современной политике КПЧ»¹⁸.

Но в то же время информацию о значимых политических преобразованиях, проходивших в Польше, Германии, в Советском Союзе, нельзя было утаить, и в людях постепенно пробуждалась надежда на лучшие времена — на неизбежный возврат к более свободной жизни. В культурной сфере давали о себе знать инициативы, ориентировавшиеся, причем не только в рамках оппозиции или диссидентства, на некий средний путь с учетом ограниченных возможностей и со ссылками (на этот раз без каких-либо угрызений совести) на советский образец; тем самым неписаные, но все еще охранявшиеся идеологические границы начинали сдвигаться. Выдающийся писатель-коммунист и депутат Словацкого национального совета Владимир Минач выступил на одном из его заседаний с критикой положения в культуре, информации и экологии.

В сентябре 1988 г. вышел первый номер популярного «Литературного еженедельника», где нашлось место для обмена мнениями по актуальным и часто запрещенным экологическим, экономическим и национальным темам. (Еженедельник, основателями которого стали Винцент Шабик, Петер Валчек, Виктор Матюга, начал вскоре очень напоминать другое периодическое издание — легендарную «Культурную жизнь» 1960-х гг.).

Самый большой резонанс получили акции «зеленых». Его представители (Микулаш Губа, Петер Татар, Ян Будай, Петер Кресанек, Габриэла Калиска и другие) за критику государственной политики в сфере окружающей среды, предметного и профессионального анализа ее качества, за привлечение общественного внимания к факту, что ничего в этой области не делается, и акцента на том, что следовало делать, вносились в списки «подозрительных». После публикации и распространения среди общественности блестящей работы,

посвященной проблемам экологии, «Братислава в полный голос» ее авторов, немного поколебавшись, автоматически поместили в разряд подозрительных¹⁹. Авторы книги обращали внимание на запущенность окружающей среды, неуважение к охране памятников, нерешенность проблем города и призывали начать публичную дискуссию для решения затронутых в книге проблем: «Мы подчеркиваем, что данный материал не ставит перед собой задачу сделать из существующих проблем скандал исключительно ради скандала; мы пытаемся обозначить их и тем самым приступить к их решению».

Однако официальные структуры и пресса воспринимали это как стремление с помощью обращения к проблемам экологии дестабилизировать систему. Политический подтекст, который, несомненно, в этой работе присутствовал, вышел на первый план в момент соответствующей передачи радиостанции «Голос Америки», которая приписывала коллективному научному труду принципиальное, антирежимное значение. Начались преследования, допросы и запугивание авторов. Сразу же у них возникли серьезные проблемы с работодателями, в один момент они превратились во врагов государства и диссидентов. По словам Микулаша Губа, именно так до 1989 г. они заканчивали «высшую школу диссидентства»; из их числа генерировалась часть словацких посленоябрьских трибунов²⁰.

В период советской *перестройки* и последующей политической разрядки статьи самиздатских авторов (М. Шимечка, И. Гофман) время от времени появлялись и на страницах официальных периодических изданий («Литературный еженедельник», «Контакты», «Словацкие взгляды»). Начали снимать запрет на освещение многих интересных, прежде запрещенных тем. Большое внимание привлекла лекция биолога Ладислава Ковача «Размышления о науке и нашей истории» (1986) о миссии и роли штуровцев, ставившая под сомнение некоторые укоренившиеся исторические стереотипы. Причины существующего состояния общества, его неспособность к развитию и экономический упадок Ковач пытался найти в словацком генофонде. Он утверждал, что его специфика заложена в штуровской концепции истории и политики, в «бессильной фаталистической национальной философии», которая оказала негативное влияние на становление нации во все последующие десятилетия. Ковач требовал отказа от «мифологизирования», призывал реалистически подходить к изучению собственной истории. Своим «осквернением национальной иконы» он вызвал тогда бурную полемику.

Впоследствии в роли его оппонента выступил видный историк Любомир Липтак, который на примере подобных проблем в Чехии,

причем без Штура, доказывал: за отсталость науки, неинформированность, изолированность, незнание языков и низкие амбиции Людовит Штур ответственности не несет²¹. Он обосновал значение Штура для словаков в ходе превращения в современный европейский демократический народ²².

«Пробуждение» общества сопровождалось и активизацией нежелательной *альтернативной культуры*, которую государственная политика вытесняла на периферию культурной жизни, ибо усматривала в ней оппозицию официальным представлениям. Ее формировали музыканты, инспирированные различными течениями рок-музыки и панков, а также то поколение писателей, художников-концептуалистов, которое начинало свою творческую деятельность в более благоприятные 1960-е гг. В период «нормализации» их абстрактное, то есть иное по сравнению с официально признававшимся, искусство наталкивалось на барьер неприятия, которому они не могли подчиниться. Уже в октябре 1970 г. Алекс Млынирчик и Роберт Цыпрых назвали акцию на ночных улицах Братиславы открытой мастерской, где в качестве простых уборщиков улиц отметили десятую годовщину основания движения Нового реализма²³. Это были представители творческого периода — 1960-х — начала 1970-х гг. Новое поколение молодых художников-выпускников, сбитое с толку отходом от либерального, щедрого на расцвет искусства периода 1960-х гг., входило в профессиональную жизнь одновременно с утверждением «нормализации» в оккупированной и несвободной стране. Когда Союз художников закрыл планировавшуюся к открытию мастерскую молодых творцов, в которой многие могли бы иметь возможность впервые выставлять свои работы, было решено найти иные возможности для их презентации, а именно: частные закрытые выставки альтернативного и абстрактного искусства, инспирированные *конфронтациями*²⁴.

Молодые художники организовали свою первую открытую мастерскую в частном доме²⁵. На открытии с лекцией «О Дюшане»²⁶ и новой миссии современного искусства выступил известный чешский теоретик и критик Индржих Халупецки. Художники и музыканты сохраняли свою преемственность с предшественниками, закладывая тем самым базу для следующих поколений деятелей искусства и интеллектуалов, которые уже только тем, что имели собственный взгляд на искусство и не входили в официальные структуры, создавали новые формы общности и их реализации²⁷. Здесь господствовала совершенно естественная «интердисциплинарность». Начиная с 1970-х гг. многие мероприятия, хэппенинги и творческие встречи

художников впервые организовывал — в Пезинке, близ Братиславы археолог Ладислав Снопко. Я. Будаи, в свою очередь, активизировал деятельность «Общества интенсивного переживания», которое своими художественными акциями на улицах города демонстрировало «другую» — по сравнению с официальной — культуру. В конце 1980-х гг. неформальные гражданские объединения выпускали в Братиславе и в других городах Словакии свои самиздатовские периодические издания — всего около 10 названий. Они поддерживали контакты (например, певец Иван Гофман) с радиостанциями «Голос Америки», «Свободная Европа», «Би Би Си» и др. Гражданская инициатива направляла письма партийным и государственным деятелям — начиная от Александра Дубчека и заканчивая экологами, а также выступила с воззванием «Несколько фраз», организовала ряд конкретных акций (например, Антон Селецки, со словацкой частью Движения за гражданскую свободу, в мае 1989 г. на Брадле) совместно с оппозиционным католическим движением. Его лидер Я. Чарногурски издавал с 1988 г. самиздатовский журнал «Братиславские ведомости» («Bratislavské listy»). С 1981 г. за защиту религиозных активистов и политических диссидентов его исключили из адвокатуры.

К другим группам интеллектуальной оппозиции относился литературный критик Милан Гамада, философы Ян Коцка и Эгон Ф. Бонди, католический диссидент Рудольф Лесняк, один из представителей процесса возрождения реформатской церкви Иржи Кански, Ярослав Клаучо и др. Примером стал братиславский Союз деятелей искусств, председатель которого Мирослав Ципар стремился к достижению «автономии», независимости искусства. Подобные стремления имелись и у других диссидентов, работников культуры и науки.

Существовали также группы представителей интеллигенции в Словакии, заглушенных «нормализацией», вышедшие из рядов преподавателей вузов и научных сотрудников Словацкой академии наук (САН): например, Войтех Гатала, Душан Никодим, историки Даниэл Рапант, Любомир Липтак, Йозеф Яблонички, Милан Стрган, врач Владимир Макняк, психолог Антон Юровски, политический деятель и историк Само Фалтян, социологи Александр Гирнер, Роберт Рошко, Здено Штястны, Ярослав Барто, Ян Коцка, Йозеф Цибулка, Юлиус Стринка, деятель культуры, философ, теоретик искусства и историк Мариан Варош (из Словацкой национальной галереи), а также представитель христианской философии Ладислав Ганус и другие.

Часть из них готовила и публиковала труды, в которых «более свободно» излагались взгляды на общественное развитие, положение

науки, культуры и искусства, указывалось на настоятельность решения проблем экономики, в области образования, здравоохранения, экологии и т. д. Пробуждению общественности должны были способствовать и известные культурные начинания, освещаемые СМИ. На фестивале популярной музыки «Братиславская лира» в июне 1989 г. выступила в качестве гостя и известная американская фольклорная певица и борец за права человека Джоан Баэз. На ее концерт пришли и чешские диссиденты, активисты Хартии 77, включая Вацлава Гавела, которых Д. Баэз приветствовала, посвятив им, а также другим борцам за права человека свою песню. Атмосфера на концерте накалялась, а после того, как певица пригласила выйти на сцену «запрещенного» исполнителя фольклорных песен Ивана Гофмана, чтобы дать ему возможность выступить, организаторы тут же отключили микрофон и выключили свет, ожидая, пока тот уйдет со сцены. Закончилось тем, что певица прервала свой концерт, исполнив на прощание песню вместе с известным чешским певцом Владимиром Мертом. Пресс-конференцию, которая должна была состояться после концерта, организаторы фестиваля отменили, а Баэз встретила с диссидентами в частном порядке в братиславском отеле «Форум».

Пролог «нежной» революции в Словакии начался уже 16 ноября 1989 г. После митинга протеста студентов на Площади мира в Братиславе, организованном по случаю Международного дня студентов, его участники высказались против сложившихся отношений в сфере образования и в государстве в целом. Перед зданием Министерства образования к ним вышел для дискуссии один из выющих партийных функционеров города — секретарь по идеологии городского комитета КПС Гейза Шлапка. Как отмечали представители власти, внимательно следившие за ходом акции, она проходила практически бесконфликтно, хотя недовольство в студенческих рядах било ключом. На следующий день председатель СНС и многолетний функционер старейшей партийной гарнитуры Вильям Шалгович неожиданно решил значимость этого студенческого протеста преуменьшить.

После событий в Праге в первой половине дня 19 ноября на квартире академического художника М. Ципара встретились В. Компанек, Л. Фелдек, К. Лацко, Л. Лонгауэр, Д. Фишер и другие, а в 17 часов вечера в здании Художественной беседы (дом словацких художников) встретились представители культуры и науки, деятели искусства и театра, экологи, чтобы показать свой интерес к студенческому движению и стремление сменить несвободу на свободу. В тот же вечер возникла гражданская инициатива — Общественность против насилия (ОПН), которая явилась словацким аналогом чешского Граж-

данского форума (ГФ). Новое гражданское движение переместилось в здания театров.

На следующий день (20 ноября) на Малой сцене Словацкого национального театра впервые собрался Координационный комитет ОПН, чтобы сформулировать обращение, которое вечером в здании Художественной беседы слушали более 500 участников собрания общественности. В нем констатировалась растущее недовольство людей, деформации в политической и экономической жизни страны, глубокий моральный кризис общества и прозвучало требование провести неотложные демократические преобразования, которые могли бы вывести страну из стагнации и упадка. Представители ОПН призывали присутствующих более активно включаться в движение за новую достойную жизнь. Вечером на Малой сцене СНТ актер Мартин Губа сообщил театральным деятелям о начале забастовки. Затем объявили забастовку и другие собрания студентов и театральных деятелей. В театрах прекратили играть спектакли, здесь начались диалоги с общественностью.

На второй день (21 ноября) на митинге студентов перед зданием Университета им. Я. А. Коменского движение ОПН сформулировало следующие требования: 1. Создание независимой комиссии по расследованию пражских событий; 2. Отставка скомпрометировавших себя представителей партии и государства; 3. Начало диалога с общественностью; 4. Политический плюрализм; 5. Открытость СМИ для всех политических и общественных движений; 6. Призыв поддержать государственную всеобщую забастовку, объявленную на 27 ноября²⁸.

22 ноября создается Координационный центр ОПН. Его члены (М. Ципар, Л. Фелдек, М. Княжко, Я.Будай, Л. Снопко, Ф. Гал, Э. Гиндл, П. Заяц, В. Компанек, М. Бутора, Р. Сикора) вместе с представителями студенчества стали организовывать диалоги ОПН с общественностью. На площади Словацкого национального восстания в Братиславе был проведен первый массовый митинг, в котором приняли участие до 100 тыс. человек. На трибунах поочередно выступали представители диссидентства, эмиграции и альтернативной культуры. Впервые после многих лет граждане получили возможность встретиться с Александром Дубчеком, хоккеистом Петром Штястны, чешскими драматургами Павлом Когоутом и Вацлавом Гавелом, любимым словацким оперным певцом Петером Дворски, незабываемым чешским певцом Карелом Крылом, песни которого времен 1968 г. пели вместе с ним молодые люди, только родившиеся в момент создания этих песен²⁹.

Вечером 24 ноября словацкие зрители смогли увидеть по словацкому телевидению исторический первый диалог представителей ОПН и студентов с директорами ряда крупных заводов и партийным аппаратом (его представлял Петер Вайс). Трибуны «нежной» революции в Словакии Ян Будай, Милан Княжко, Федор Гал аргументировали необходимость кардинальных перемен в чешском и словацком обществе. 1 декабря правительство ЧССР приняло решение демонтировать колючую проволоку на границе с Австрией. 7 декабря состоялся чрезвычайный съезд Союза словацких писателей, от которого отделилось первое самостоятельное объединение — Общество писателей Словакии.

Представители чешского и словацкого диссидентства, интеллигенции и культуры стали впоследствии составной частью новых правящих структур. Пришло время профилирования политических партий, первых свободных выборов, политических взаимодействий и турбуленций, расследовательских комиссий и приватизации всей государственной собственности, но также перемен ежедневной жизни — уже в новую эпоху. Пришло время реалистического взгляда на революцию, поиска правды, которыми отличалась главным образом ее 10-летняя годовщина. При праздновании 20-й годовщины этот реализм относился практически уже не к «бархатной» революции, а ориентировался скорее на баланс 20 свободных лет, на ее выигрыши и проигрыши... Для большинства ее представителей пришло время занять честное место в истории, решить кто, когда и где больше всего сделал для революции. Развернулась полемика о том, произошла одна чехословацкая революция или революций было две: чешская и словацкая и т. д.

Являлась эта революция вполне «бархатной» или, скорее, «нежной», спонтанной или же результатом соглашений — вопросы такие же неоднозначные, но истина состоит в том, что без тех, кто во времена несвободы отважился поднять голос против тоталитаризма, пошел на риск, революция не могла состояться. Она принесла не только свободу слова, но и возможности для путешествий, предпринимательства, выдвижения политических альтернатив, не только свободу собраний, но также и ответственность за самих себя, социальные диспропорции, богатство и нищету. Поистине проверенной временем истиной является тот факт, что революция открыла совершенно новый этап в политическом развитии Чехословакии и принесла двум народам гораздо большую свободу по сравнению с той, которая была до нее.

Перевод со словацкого
Э. Г. Задоржнюк

Примечания

¹ Suk J. *Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křížovatky jedné politické krize*. Praha, 2003. S. 84.

² Согласно И. Суку, на него уже в понедельник 19 ноября было подано заявление в суд за распространение не соответствующих действительности слухов.

³ Кнотек объяснял это нежеланием связать официально признанную память о вмешательстве против студентов в 1939 г. с насилием; вероятно, речь шла о том, чтобы лишний раз не провоцировать их. См.: Knotek I. *Odkryvanie pravdy... November 1989 a dnešok*. Nové Zámky, 2009. S. 62.

⁴ *Ibid.* S. 64.

⁵ Ref. 1. S.71.

⁶ Первая парламентская комиссия по расследованию при содействии студентов установила, что роль жертвы в действительности сыграл агент госбезопасности Жифчак, который под фамилией Ружичка подписывал приглашения на демонстрацию и, будучи одним из ее руководителей, активно помогал ее продвижению на Национальный проспект, где затем и превратился в «мертвого» Мартина Шмида.

⁷ О проблематике Пражской весны в Словакии см.: Sikora S. *Rok 1968 a politický vývoj na Slovensku*. Bratislava, 2008; Londák M. *Rok 1968 a ekonomická realita Slovenska*. Bratislava, 2007; Londák M., Sikora S. a kol. *Rok 1968 a jeho miesto v našich dejinách*. Bratislava, 2009.

⁸ Macek V., Paštéková J. *Dejiny Slovenskej kinematografie*. Bratislava, 1997. S. 343.

⁹ Фильмы Юрая Якубиска: триптих «Дезертиры и странники» (1968), получивший приз в Пльзени и незаконченная фантастическая феерия «Птицы, сироты и безумцы» (1969) вместе с картинами Ганака «322» и «Образы старого мира» и некоторыми другими были «отправлены на полку», а их показ запрещен.

¹⁰ Во времена несвободы творческие работники обращались к бесконфликтным в политическом отношении темам.

¹¹ Но в год «бархатной» революции ушел из жизни писатель Доминик Татарка — яркая личность словацкой оппозиции, из-за своей критической позиции игнорировавшийся режимом и забытый общественностью («Панна волшебница», 1945; «Приходская республика», 1948; его известный «Демон согласия», 1956; «Плетеные кресла», 1963).

¹² Šimulčík J. *Svetlo z podzemia. Z kroniky katolíckeho samizdatu 1968–1989*. Prešov, 1997. S. 16.

¹³ Церковная оппозиция формировалась, начиная с 1950-х гг., когда режим постепенно ликвидировал религиозные свободы и свел деятельность церкви исключительно к богослужебной функции. Она искала поддержку в религиозных передачах радиостанций Свободная Европа и Голос Америки, где помимо прочих выступал патер Антон Глинка. В 1980-е гг. отмечался постепенный рост оппозиции, а также структур тайной церкви (Ян Хризостом Коpec). Значимой составной частью религиозной жизни, а также проявлением

определенной формы пассивного сопротивления режиму стали традиционные массовые шествия, когда количество их участников, например, в Шаштине достигало 50 тыс. верующих, в Левоче — 250 тыс., а в Габолтове — 100 тыс.; греко-католические шествия в Лутины — 50 тыс. верующих. Другие шествия проходили в Трнаве, Старе Горах, Нитре и Марианке. Они не избежали преследований со стороны органов госбезопасности, которые предпринимали даже активные действия против участников шествий в Шаштине и Габолтове. Однако это имело контрпродуктивный эффект, поскольку и в последующие годы численность принимавших участие в шествиях не снижалась, напротив, колебалась примерно на уровне полумиллиона чел. См.: Ref. 11.

¹⁴ Происходит от *animare* (лат.) — оживлять или же *anima* — душа.

¹⁵ Как полагает Я. Шимулчик, речь шла не о двух церквях — тайной и публичной, а об одной, которая вела тайную и публичную деятельность. См.: Ref. 11.

¹⁶ Pravda. 1986. 9 Júl.

¹⁷ Žatkuliak J. a kol. November '89. Medzník vo vývoji slovenskej spoločnosti a jeho medzinárodný kontext. Bratislava, 2009. S. 31.

¹⁸ Ibid. S. 26.

¹⁹ Брошюра (64 страницы, 17 глав, 23 соавтора, 42 профессиональных оппонента), которую составил Я. Будай, а издали ее М. Губа и Ю. Фламик. Она посвящалась четырем основным темам окружающей среды — от ее естественных, культурно-исторических составных частей до социально-общественных взаимосвязей. Публикация, которая первоначально возникла как приложение к протоколу собрания членов базовой организации № 6 и № 13 Словацкого союза защитников природы и страны в Братиславе, вышла тиражом 1000 экземпляров в начале октября 1987 г.

²⁰ М. Губа после «нежной» революции стал членом президиума СНС и председателем Комитета по окружающей среде и защите природы. Несмотря на занимаемые посты, ему не удалось добиться реализации ни одного сколь-нибудь значимого экологического проекта. Наконец наступил день, когда Юрай Фламик вместе с группой активистов на берегу набережной Дуная — в историческом центре Братиславы провел акции с целью воспрепятствовать коммерческому строительству отеля, ограждения вокруг которого были воздвигнуты раньше, чем он эмигрировал в Моравию. Я. Будай занял пост посленоябрьского заместителя председателя СНС, но стоило ему попытаться подняться по политической лестнице выше, как за две недели до первых свободных выборов его скомпрометировала преданная гласности информация госбезопасности о его личности, превратившая этого государственного деятеля в один миг из трибуна революции в «политический труп».

²¹ Лидер словацкого национального возрождения середины XIX в.

²² Lipták Ľ. Storočie dlhšie ako sto rokov. Bratislava, 1999. S. 81–85.

²³ 1. otvorený ateliér. 1970 — Bratislava // M. Mudroch, D. Tóth (eds.). Bratislava, 2000. S. 10.

²⁴ Londák M., Sikora S., Londáková E. Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava, 2002. S. 350.

²⁵ В нем принимали участие Дезидер Тот, Отис Лауберт, Владимир Кордош, Мариан Мудрох, Милан Добеш, Юрай Мелиш, Яна Шейбалова-Желибска, Юлиус Коллер, Милош Урбасек и другие.

²⁶ Ref. 13. S. 23. Дюшан Марсель (Duchamp Marcel, 1887–1968) — французский и американский художник, теоретик искусства, стоявший у истоков дадаизма и сюрреализма. Творческое наследие относительно невелико, однако благодаря оригинальности своих идей Дюшан считается одной из самых влиятельных фигур в искусстве XX в.

²⁷ Rozpamätávanie 6. Slovenské výtvarné umenie 1970–1974. Bratislava, november-február 1996. S. 4–10.

²⁸ Antalová I. Verejnosť proti násiliu 1989–1991. Svedectvá a dokumenty. Bratislava, 1998. S. 307.

²⁹ Verejnosť. 1989. 29 december.

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА И «НЕЖНАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ 1989 г.: ИТОГИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Л. Ф. Широкова
(Россия)

Важная веха в истории Словакии — «нежная» революция ноября 1989 г. стала как следствием, так и катализатором многих общественно-политических процессов и событий, в центре которых — образование 1 января 1993 г. независимого государства, Словацкой Республики. Заметное воздействие оказала она и на духовную жизнь, сферу культуры, хотя в этой области границы более относительны, отправные и финальные точки условны вследствие несовпадения политических и культурных, литературных, процессов.

После падения коммунистического режима не произошло, разумеется, мгновенных и радикальных перемен в словацкой литературе. Начало 1990-х гг. ознаменовалось в большей мере проблемами материального порядка, вызванными общей перестройкой экономики, перераспределением собственности, включая имущество как творческих союзов, так и издательств. Старые издательства переживали кризис, вновь создаваемые ориентировались на доходную массовую литературу, в периодических изданиях беллетристика часто уступала место острой публицистике. Одно из проявлений новой рыночной экономики в области культуры — кризис книжного рынка, засилие прибыльной для издателей развлекательной литературы в ущерб изданию словацкой классики и современной прозы и поэзии. Менялся и сам статус писателя в словацком обществе, нивелировалась традиционная для него функция «совести нации», его традиционная общественная значимость. Словацкий литератор и критик Йозеф Боб в своей книге «Крестный путь культуры», посвященной посленоябрьскому периоду, так характеризовал положение писателя в 1990-е гг.: «Писатель в современном демократическом обществе является художником свободным и независимым, но при этом его крылья свободы и независимости подрезает рыночная экономика... Становится все более очевидным, что писатель теряет свои духовные и моральные позиции»¹. Состояние фактического расслоения писательского со-

общества после «бархатной» революции продолжалось, но характер его уже был иным, чем прежде.

При коммунистическом режиме, когда идеологию и культурную политику определяло партийное руководство, литература делилась на три неоднородных по составу и условиям функционирования ветви. Первая, преобладавшая по численности, так называемая «официальная» литература, развивалась и публиковалась легально, составляя основной поток литературного процесса. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на цензурные тиски, в рамках официальной литературы было создано много замечательных произведений, занявших достойное место в истории словацкой литературы. После 1989 г. в историко-литературный контекст была возвращена давно существовавшая вторая ветвь — литература, создававшаяся представителями нескольких волн эмиграции (1945, 1948, 1968 гг.) и развивавшаяся за пределами республики, как правило, в зарубежных центрах словацкой культуры (в США, Канаде, Аргентине, странах Западной Европы). В ряду крупнейших можно назвать такие имена как Йозеф Цигер Гронский, Рудольф Дилонг, Микулаш Шпринц, Ладислав Мнячко и др. Третья, условно выделяемая группа, — это не имевшие возможности опубликовать свои произведения «внутренние эмигранты» (Иван Купец, Янко Силан, Валентин Бениак, Душан Кужел и др.) и диссиденты периода «нормализации», представленные немногочисленной, но яркой группой имен (Доминик Татарка, Иван Кадлечик, Гана Поницка, Мартин Шимечка и др.), произведения которых появлялись иногда в «самиздате» и на Западе. При этом надо отметить, что граница между «официальной» ветвью и «внутренней эмиграцией» в какой-то мере размыта, поскольку часть признанных властью литераторов свои наиболее сомнительные с цензурной точки зрения произведения писала «в стол», откладывая их публикацию до лучших времен, в то же время некоторые из «внутренних эмигрантов» принимали участие в литературной жизни в качестве переводчиков зарубежной литературы.

После 1989 г. произошло разделение писателей на иной, уже идейной основе. В литературной жизни определяющим моментом стал продолжавшийся раскол между двумя крупными писательскими объединениями, в основе которого — различные представления о путях развития национальной культуры в современном мире.

Писатель и публицист Антон Гикиш (1932) в книге «Каков вкус политики. Воспоминания и записи 1990–1992 гг.» представил своего рода субъективную хронику событий, увиденных глазами не только литератора, но и их активного участника. Автор располагает свои за-

метки (или дневниковые записи) по главам, обозначая их годами и снабжая краткими характеристиками. Так, I глава названа «Декабрь 1989. На пороге первого года свободы»; в эмоциональном высказывании Гикиша ощущается и восторженная атмосфера времени, и первые разочарования: «Прошло чуть больше месяца после Революции, События, Переворота. У Чехословакии новый президент. ...А о Братиславе, о тихом словаке Дубчеке что-то не слышно. Видимо, пришло время непрофессионалов». Говоря о состоянии писательского сообщества в это время, он замечает: «Я активно включился в дело, которое с сегодняшней точки зрения, вероятно, и не заслуживает такого внимания — в процесс трансформации самой большой писательской организации в общественную силу, способную помочь Словакии стать современным демократическим государством. Раскол в среде писателей произошел буквально только что»².

Союз словацких писателей, существовавший с 1949 по 1990 г., распался на несколько мелких организаций, из которых сложились две основных, более крупных, имевших разные организационные структуры, издательства, периодику, литературные премии. Это «Сообщество словацких писателей», в основе которого — национально-патриотические устремления, и «Ассоциация организаций словацких писателей», ориентирующаяся на общеевропейские пути развития.

Так, в Уставе «Сообщества словацких писателей»³ закреплены положения о необходимости «свободного развития словацкой литературы», «обеспечения самого широкого идейно-художественного плюрализма», о целях «пропаганды произведений словацких писателей внутри страны и за рубежом». Здесь же перечислены и вспомогательные структуры организации: «Издательство Сообщества словацких писателей», приоритетом которого является публикация произведений словацких авторов, а также два периодических издания — «Литерарни тыжденник» и «Дотыки», которые, как оговорено, «представляют идейную платформу ССП».

«Ассоциация организаций писателей Словакии»⁴ позиционирует себя, подобно ССП, в качестве преемника распавшегося Союза словацких писателей, «объединение по интересам, в которое вошли все гражданские объединения писателей». У «Ассоциации», как было заявлено, приоритетными являются в большей степени не идеологические, а прикладные цели, главная из которых — «сохранение профессиональной организационной структуры писателей всех жанров, включая литературоведов и критиков». В настоящее время в «Ассоциацию» входит ряд объединений, среди которых «Клуб независимых писателей», «Клуб авторов литературы факта», «Содружество

писателей Словакии», «Общество венгерских писателей Словакии», «Общество украинских писателей Словакии». Об интернациональном характере работы «Ассоциации» говорит и тот факт, что в качестве ее равноправного члена выступает и «Словацкий PEN-центр», в составе которого несколько подразделений (комитеты «Писатели за мир», «Писатели в тюрьмах», комитет «Писатели-женщины»). В ведении «Комитета по языковому и переводческому праву» — стимулирование переводов произведений «малых литератур» на языки мира, «сохранение языков малых народов», отстаивание принципа «лингвистического плюрализма как неотъемлемой части культурного многообразия мира».

Одной из отличительных черт посленоябрьского времени стала переоценка ценностей и понятий, бывших незыблемыми в социалистический период. В сфере литературы, критики и литературоведения — это отказ от официально деклариовавшегося вплоть до 1989 г. метода социалистического реализма⁵ и обращение к так называемым «белым пятнам» — замалчивавшимся ранее по идеологическим мотивам авторам и произведениям. Так, уже в 1991 г. в Словакии впервые был опубликован запрещенный ранее роман Йозефа Цигера Гронского «Свет на Трясине», написанный им в эмиграции, вышли стихотворения Рудольфа Дилонга, Карола Стрменя, Янко Силана и других поэтов «Католической Модерны». Одно за другим появляются произведения, которые писались при прежнем режиме «в стол»: это книги П. Виликовского, П. Груза, И. Кадлечика, В. Шикулы и др.

Переосмысление сложного и неоднозначного опыта развития литературы периода социализма — центральная тема ряда научных трудов. Среди них можно выделить такие, как коллективные сборники «Белые пятна в словацкой литературе» (1991), «Искусство на службе тоталитаризма. 1948–1956» (2001), «Поэтика и политика. Искусство и пятидесятые годы» (2004). В предисловии к последней книге ответственный редактор сборника и тогдашний директор Института словацкой литературы САН Елена Паштикова подчеркивает противоречивый и вместе с тем относительно гибкий характер литературы даже этого, наиболее тяжелого для нее периода: «Несмотря на всю унитарность насаждаемой сверху модели, очевидно, что искусство как система сохраняло даже в этих условиях известную эластичность, способность в какой-то степени нивелировать и “переваривать” директивно навязываемые каноны»⁶. Вместе с тем тоталитарный строй нанес словацкой литературе ощутимый ущерб, навязывая ей ложные идеалы, искусственные характеры и сомнительные образцы для подражания. Это подтвердил и дальнейший путь ее развития. В одной

из статей сборника известный словацкий литературовед В. Петрик отмечает преходящий характер этих искажений: «Пятидесятые годы были перекосом, сбоем в литературном процессе. В семидесятые годы мертвый социалистический реализм возвратился слабым эхом, но в конце концов жизнь победила»⁷.

Реалии эпохи социализма, особенно последнее ее десятилетие, так или иначе затронули многих писателей. Поэтому тема расчуженности с прошлым звучит в целом ряде произведений, вышедших в свет в 1990–2000 гг. Разумеется, по-разному воплощена она в творчестве писателей разных судеб, но наиболее остро, как личная драма, представлена она в произведениях писателей-диссидентов.

Долгий творческий путь Доминика Татарки (1913–1989) отразил в основных вехах перипетии развития словацкой литературы с начала 1940-х до конца 1980-х гг. В его романах и новеллах экзистенциальная «тоска поисков» (название его дебютной книги) сменялась сюрреализмом; переход от социалистического реализма начала 1950-х гг. к памфлету, обличавшему «демона согласия», затем продолжился в 1960-е гг. возвращением — на новом уровне — к теме духовности, сложных межличностных отношений. Человек активной жизненной позиции, Татарка по политическим причинам оказался в 1970–1980-е гг. в изоляции. Он был исключен из Союза писателей, его произведения попали под запрет; единственной возможностью обратиться к читателю стали эпизодические публикации в чешском «самиздате» и за границей — в Мюнхене, Кельне, Торонто. Так увидели свет оригинальные в жанровом и стилевом отношении «Записки» (1979), «Один против ночи» (1984), «Магнитофонные записи» (1987), «Письма к вечности» (1988), где размышления о судьбах Словакии после 1968 г., о потерянной свободе, об унижении нации причудливо переплетаются с образами детства и юности, с эротическими видениями и лирическими монологами. Он с горечью восклицает: «Уже семь лет, как я не существую, нигде — ни в хорошем, ни в плохом смысле — мое имя не смеет появляться... Жизнь поэта, особенно словацкого поэта, стала воплощенной метафорой отрубленных рук, отрубленных крыльев. Мы можем уйти только изломанными, пока мы сами себя или другие нас не извели, пока власти предрержающие нас не добились, не замучили, не искалечили окончательно»⁸.

Д. Татарка умер в мае 1989 г., не дожив несколько месяцев до ноябрьской революции. Его произведения вновь стали печататься в Словакии уже после смерти писателя. Однако симптоматично, что первая публикация — фрагменты из будущей книги «Магнитофонные записи» появилась еще в июле 1989 г. в журнале «Словенске по-

глядя». Старейший словацкий литературный журнал после смены в 1988 г. редколлегии и прихода на пост главного редактора известного литератора и публициста Р. Хмела стал одним из основных рупоров распространения либеральных идей, площадкой для дискуссий и смелых выступлений. «Присягать одной правде, сохранять стереотипы, — писал Р. Хмел, — это значит исключать диалог, который является обязательным условием познания, исключать свободу выбора, а тем самым и ответственность. ...Запреты, замалчивание, табуирование — простые административные меры, которые ничего не решают. Решения лишь откладываются на потом, но если противоречия не разрешаются, сохраняется и углубляется кризис»⁹.

О необходимости радикальных перемен говорят многие публикации 1989 г. Так, авторы обширной статьи «Ситуация современной словацкой литературы» Э. Енчикова и П. Заяц предваряют свой критический анализ развития литературы в 1970–1980-е гг. заявлением о «фундаментальном изменении современной ценностной перспективы», о «потребности в переоценке всех ценностей общества»: «Речь идет прежде всего об отказе от директивного управления литературой, связанного с представлением о монолитности литературного творчества и литературной жизни, в пользу литературного многоголосия, плюрализма, внутренней дифференциации»¹⁰. Буквально взывает к силам обновления и освобождения июльский номер журнала в своих материалах («Время и пространство революции», «Декларация прав человека и гражданина», «Революционные дни и ночи», «Революционный идеал и реальность»), посвященных 200-летию Великой французской революции, но при этом чрезвычайно злободневных в условиях назревавших в стране событий.

Нужно отметить, что в художественной литературе Словакии тема «нежной» революции не нашла пока отражения, нет скольконибудь заметного произведения — романа или повести, где были бы даны яркие и драматичные, полные человеческих эмоций картины событий ноября 1989 г., столь, казалось бы, привлекательные для пера писателя.

Однако эта тематика все же представлена в произведениях других жанров, прежде всего — в публицистике, мемуарах, эссе. В качестве примера приведем книгу крупного словацкого писателя, многолетнего председателя «Матицы Словацкой» Владимира Минача (1922–1996). Вершинные произведения Минача-прозаика («Смерть ходит по горам», 1948; трилогия «Поколение», 1958–1961) связаны с темой Словацкого национального восстания 1944 г., участником которого он был. Убежденный коммунист и патриот, он и в художественных произведениях, и позднее, в целом ряде публицистических выступле-

ний и в книгах-эссе («Раздувая родные очаги», 1970; «Собрание споров Йозефа Милослава Гурбана», 1974; «Здесь живет народ», 1982 и др.) отстаивал принципы самобытности и непреходящей ценности словацкого народа, его истории и культуры.

Книга В. Минача «Возвраты к перевороту» (1993) была написана по горячим следам событий, на фоне еще не завершившихся процессов. Минач говорит о «бархатной» революции со свойственным ему публицистическим пафосом, горячим личным интересом в характерном стиле опытного острого полемиста. О том, что историзм подхода к теме сочетается в этой книге с беллетристической образностью, свидетельствуют сами названия ее глав: «Истоки», «Событие», «Европа и мир», «Каин, Каин, кто ты?», «Словаки, в ружье!», «Словацкое танго», «Словацкая политика — другие» и пр. В главе «Истоки» Минач подробно останавливается на внутренних и особенно внешних предпосылках «нежной» революции, подчеркивая при этом роль последних. «Передачи “Свободной Европы” и Венского телевидения, — пишет он с метафорической иронией, — повлияли на жителя Братиславы в гораздо большей мере, чем все внутренние словацкие оппозиционные течения вместе взятые»¹¹. Отмечает Минач и специфику ситуации в Словакии (по сравнению с Чехией), обусловленную различиями национальной генетической памяти, разным историческим опытом. Это относится и к характеру взаимодействия словацкого и чешского протестных движений в ходе революционных событий; Минач убежден во вторичности, зависимости словацкого течения, и особенно его руководства, от чешского.

Говоря о глубинных внутренних предпосылках ноября 1989 г., Минач отмечает роль словацкой католической церкви, которой удалось «привести народ к пассивному неподчинению» власти. Писатель, тяготеющий к образному мышлению, к осмыслению социально-политических процессов на примере живого, конкретного человека, Минач и в этой книге создает некий обобщенный и вместе с тем достоверный образ словака — рядового гражданина, которого социализм не перековал, а деморализовал искаженными нравственными критериями, безличным обобществлением. «Все, — пишет он, — внесли свой посильный вклад в Событие и нашу последующую историю, но главный, кто все это сделал — гражданин, истосковавшийся по собственности».

Позиция Минача — коммуниста, считавшегося современным классиком соцреализма, проводника культурной политики партии, претерпела определенные изменения. Он и теперь не отрицает достижений периода социализма, когда Словакия «встала на ноги», однако видит и его историческую ограниченность, и искажение марксизма на

практике. «Библия послевоенных интеллектуалов-антифашистов — марксизм, который должен был иметь внутренний потенциал для адаптации, идейного обновления и верного практического применения, <...> безнадежно и мертво застыл в обличье тупой и зловещей бюрократии, <...> они поняли, что социализм — это не судьба, а лишь проведенный опыт, исторически обусловленный и исторически ограниченный», утверждает он. Книга «Возвращения к перевороту» при всей противоречивости оценок и субъективности суждений автора остается живым и ярким свидетельством состояния словацкого общества в переломный период ее современной истории.

После «нежной» революции в самой художественной литературе сохранялись и продолжали развиваться тенденции, зародившиеся и расцветшие еще в 1960-е гг. и вновь усилившиеся на излете «нормализации», к концу 1980-х гг. Поколение 1960-х, к которому принадлежали многие ведущие словацкие писатели, поэты, критики, пережившее застойное безвременье 1970–1980-х гг., осталось — в основной своей части — верным своим творческим принципам. В определенной степени именно они, да еще новое молодое поколение литераторов, которым были глубоко чужды постулаты соцреализма, подспудно готовили ноябрь 1989 г. Общим для них явилось стремление стряхнуть с искусства жесткие идеологические рамки, вернуть ему нравственную оптику, интерес к живому человеку — современнику, к сложному миру его чувств и стремлений, потребность в обновлении поэтики произведений.

Нужно отметить поколенческое разнообразие круга современных авторов; эта структура все еще сохраняется, претерпевая некоторые изменения печального, хотя и естественного порядка. Так, завершился творческий путь выдающихся представителей старшего поколения, дебютировавших в конце 1950-х — в 1960-е гг. и продолжавших плодотворно трудиться в «послереволюционные» годы (П. Груз, Я. Йоганидес). К этому же поколению принадлежат и такие ныне здравствующие и активные писатели как П. Виликовский, Д. Митана и др. В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. на литературную сцену вышли молодые писатели: П. Пиштянек, В. Панковчин, И. Отченаш, П. Ранков, И. Коленич, чуть позднее — В. Балла, Т. Горват, П. Карпинский, М. Гворецкий, Д. Капитанева, М. Компаникова — каждый со своим оригинальным стилем и поэтикой. Молодые писатели трактуют реальность как иллюзию, загадку, пародию, культурный феномен. Правда, и у них можно отметить движение от постмодернистских тенденций 1990-х гг. к своего рода новому реализму 2000-х.

Характеризуя словацкую прозу наших дней, можно говорить о таких ее отличительных чертах как современность тематики произведений; показ личности в процессе ее адаптации в новой, зачастую враждебной среде; перенос конфликта из социальной сферы (хотя она, как правило, представлена) во внутренний мир героя; нередко — размывание фабулы; использование таких художественных средств как гротеск, пародия; монтаж стилистически разнородных элементов. В прозе в 2000-х гг. усиливается авторское начало, в целом более активной становится стихия повествования, эпического начала в новой, порой условной, «фиктивно-реалистической» форме.

За прошедшее двадцатилетие произошли изменения и в жанровой системе словацкой литературы, в частности прозы. В 1990-е гг. писатели отдавали предпочтение малым жанрам, подавляющее большинство их публикаций — это сборники рассказов или новелл. Не случайно, на протяжении ряда лет — с 1996 г. и до сих пор — проводится литературный конкурс на лучший рассказ, тогда как аналогичный конкурс на лучший роман проводился один раз в 2006 г. В 2000-е гг. все чаще появляются произведения более крупных жанров — это романы П. Виликовского, П. Климачека, М. Гворецкого, М. Биелика и др., что дает основание говорить об изменении самого сознания литературы, более широком и углубленном осмыслении писателями современной действительности.

В своих романах писатели нередко в той или иной форме обращаются к актуальным проблемам общества, к рефлексии социально-политических перемен, их отражении на судьбах и характерах героев.

Петер Пиштянек дал второй части своей трилогии «Rivers of Babylon» (Реки Вавилонские) (1991, 1994, 1999) подзаголовок «Деревянная деревня». Писатель обращается к мифологеме социалистического реализма, выраженной в романе Франтишека Гечко «Деревянная деревня» (1951), совмещая — иронически, очень едко — идеализированный образ социалистических преобразований на селе с гротескными картинами времен «дикого капитализма» и передела собственности 1990-х. Центральный герой романа, бывший деревенский парень Рац, приехавший на заработки в словацкую столицу, благодаря природной хватке, алчности и отсутствию нравственных барьеров, делает стремительную карьеру: от истопника до влиятельного предпринимателя-миллионера, воротилы теневого бизнеса.

В романе Миро Биелика «Действительность. Венецианский диптих 1. Книга первая. Неопределенное время, определенное место» — блуждание героя между трагическим прошлым, неопределенным будущим и суетным, хаотичным настоящим связано с поиском ответов на острые вопросы современности. Повествование развора-

чивается параллельно в нескольких планах: это и сцены реальной, повседневной жизни героя — директора полиграфического комбината с текущими производственными делами и проблемами; и возвращающиеся к нему картины далекого военного детства, карательной акции фашистов в его родной деревне; и целый ряд других сюжетно-тематических линий, в совокупности призванных представить духовный мир словацкого интеллектуала на переломе эпох.

Проблемы человека среднего возраста, и более того — некоего исторического среднего состояния общества, промежутка между социализмом и «капитализмом», показаны и в романе Вильяма Климачека «Площадь космонавтов. Поколение Ю». Роман получил высокую оценку критики, несколько литературных премий, занял первое место на конкурсе словацкого романа в 2006 г. Неприкаянное среднее поколение, по метафорическому замечанию автора, с трудом переходит от кириллического Ю (мечты о подвиге Юрия Гагарина) к английскому, YOU. Зримо представлены в романе и приметы времени: это и показное возвращение новых властей к «досоциалистическим» ценностям, и хищный супермаркет, проглотивший маленькие семейные магазины, и подземное поселение бездомных и бродяг.

Литература, будучи частью духовной жизни общества, сыграла в Словакии заметную роль в процессе накопления критической массы протеста против «единой точки зрения». На послереволюционном этапе она переживает сама и отражает в своем зеркале многообразные и далеко не всегда позитивные процессы и явления нашего времени.

Примечания

¹ Bob J. Krížová cesta kultúry. Bratislava, 2008. S. 46.

² Hykisch A. Ako chutí politika. Spomienky a záznamy u rokov 1990–1992. Bratislava, 2004. S. 15, 22.

³ Stanovy Spolku slovenských spisovateľov // <http://www.spolokspisovatelov.org/>.

⁴ Asociácia organizácií spisovateľov Slovenska // <http://www.aoss.sk/>.

⁵ Например, в книгах: Truhlář B. Socialistickou cestou k realite v literatúre, 1981; Marčok V. Socialistický realizmus dnes, 1985; Hodnoty desaťročia, 1989 и др.

⁶ Poetika a politika. Bratislava, 2004. S. 8.

⁷ Ibid. S. 66.

⁸ Tatarka D. Sám proti noci. Arkyř, 1984. S. 38.

⁹ Na slovo s Rudolfom Chmelom // Slovenské pohľady. 1989. Č. 2. S. 7.

¹⁰ Jenčíková E., Zajac P. Situácia súčasnej slovenskej literatúry // Slovenské pohľady. 1989. Č. 2. S. 45, 47.

¹¹ Mináč V. Návraty k prevratu. Bratislava, 1993. S. 9, 35. 40.

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НЕЗАВИСИМОЙ СЛОВЕНИИ. ДИМИТРИЙ РУПЕЛ

Н. Н. Старикова
(Россия)

Специфика исторической судьбы словенцев, их национального становления предопределила особую роль литературы в формировании самосознания и культуры этого славянского народа, лишь в 1991 г. обретшего государственную самостоятельность.

Словенские земли, лежащие на границе четырех европейских природных регионов (Альпы, Паннонская низменность, Динарские горы и Средиземноморье), связывавшие Балканы с Центральной Европой, были и остаются транспортным перекрестком северной Адриатики. Такое выгодное расположение на протяжении веков привлекало агрессивное внимание соседей. После того как прасловенское государство Карантания в VIII в. прекратило свое существование, словенская этническая общность более тысячи лет не только не имела собственной государственности, но даже не составляла единую административную единицу и относилась к разным воеводствам, маркам, графствам, входившим в состав многонациональных империй (Священная Римская империя, Габсбургская империя, Австро-Венгрия) и государств (Королевство сербов, хорватов и словенцев, Социалистическая Федеративная Республика Югославия). Основой словенской национальной традиции стало в первую очередь сознание своей языковой самобытности. «В условиях относительно ограниченных внутриэтнических экономических связей <...> и этнического единообразия территории общность литературного языка приобретала исключительное значение»¹. История словенцев (в том числе и политическая) — это прежде всего история языка, письменности и литературы.

Сама историческая судьба народа стала первопричиной той миссии, которую осуществляла для словенцев литература: через художественное слово происходило осознание единства словенской нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы

была самоидентификационная, и «вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе»². Бессленно находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные ценности, литература на самых разных этапах словенской истории и особенно в ее переломные моменты (1848, 1918, 1945, 1991 гг.) становилась орудием внедрения в общественное сознание различных политических программ; словенские литераторы находились в гуще политической борьбы, воздействуя на умы современников не только как художники, но также как политики и общественные деятели. Вот лишь несколько хрестоматийных примеров: Иван Тавчар (1851–1923), крупнейший писатель конца XIX — начала XX в., глава радикального крыла партии «народняков» — словенских либералов, депутат парламента Австро-Венгрии (1901–1907) и скупщины Королевства СХС (1920), мэр г. Любляны (1911–1921); Иван Цанкар (1876–1918) — выдающийся прозаик и драматург начала XX в., видный деятель словенской социал-демократической партии, выступавший как ее идеолог; Эдвард Коцбек (1904–1981) — поэт-экспрессионист, лидер партии христианских социалистов, во время Второй мировой войны один из основателей Отечественного фронта Словении, в 1950-е гг. за «несвоевременное» внимание к роли и месту интеллигенции в национально-освободительном движении был отлучен от общественной деятельности, а в 1970-е назван словенской оппозицией «совестью» нации. С публикации в 1974 г. сборника документальных материалов «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени», изданного в Триесте словенскими прозаиками А. Ребулой и Б. Пахором, начинается в Словении процесс переосмысления и переоценки событий национально-освободительной борьбы. Почти вековая традиция «хождения» словенских писателей в политику была существенно обновлена в 1980-е гг., в канун словенской «бархатной» революции.

Одним из деятелей культуры новой волны, нашедших себя на политическом поприще, безусловно, является писатель и публицист Димитрий Рупел. Его жизненный путь, в частности, показывает, как в условиях обретенного суверенитета шло в Словении формирование политической элиты. Уроженец Любляны, выходец из уважаемой интеллигентной семьи музыкантов, Рупел в 1970 г. закончил философский факультет Люблянского университета по специальности «сравнительное литературоведение и социология». Тогда главным вольнодумцем философского факультета был литературовед Д. Пирьевец (1921–1977), вокруг которого собиралась демократически настроенная молодежь. Многие будущие «отцы» независимой Словении, в том числе и Рупел, получили свою первую прививку либера-

лизма, будучи его студентами. Об отношениях наставника и ученика говорит тот факт, что именно Рупел в качестве главного редактора литературно-критического журнала «Проблемы» в 1970–1971 гг. предоставил своему профессору трибуну для открытия общесловенской дискуссии по национальному вопросу, затронувшей такие важные темы как защита родного языка, национальная идентификация, поиск национальных корней. Эта дискуссия стимулировала рост протестных настроений в среде словенской интеллигенции в период «свинцового» десятилетия 1970-х гг.

После окончания университета карьера Рупела развивалась по довольно предсказуемому сценарию: он преподавал социологию культуры на факультете общественных наук в Любляне, затем в Королевском университете Канады, стажировался в США, где в университете Брандейс штата Массачусетс в 1976 г. защитил докторскую диссертацию по социологии, опубликовал свыше пятидесяти научных работ. Одновременно молодой профессор получает известность как автор нескольких сатирико-политических романов-пародий и драм, а также кино- и телевизионных сценариев. Наибольший успех имел его роман «Макс» (1983) о двойной жизни партийного функционера. Однако политические события и общественные перемены в Словении, свидетелем и участником которых ему пришлось быть, изменили ход его жизни, поскольку, как справедливо заметил ему философ и социолог И. Кон, «...траектория твоей личной судьбы тесно связана с траекторией развития твоего общества»³.

Внутриполитическая ситуация в СФРЮ рубежа 1970–1980-х гг. характеризовалась обострением межнациональных и межреспубликанских противоречий, антагонизмом между центром и субъектами федерации, кризисом политической власти. Смерть И. Б. Тито в 1980 г. только усилила остроту политической борьбы между отдельными республиками. В Словении первыми проявили активность деятели науки и культуры. Уже 10 июля 1980 г. представители творческой и научной интеллигенции, среди которых были поэты Нико Графенауэр, Светлана Макарович, Борис А. Новак, философ Тине Хрибар, литературный критик Андрей Инкрет, университетский профессор и литератор Димитрий Рупел, обратились к властям с идеей учреждения нового литературно-критического периодического издания — журнала, в котором «затрагивался бы широкий спектр общественных и культурных вопросов»⁴. На согласование ушло два года: первый номер издания, названного «Нова ревия» («Новый журнал»), увидел свет в мае 1982 г., в роли главного редактора выступали одновременно Рупел и Графенауэр. Журнал продолжил традицию словенских

«вольных» изданий конца 1950-х — начала 1960-х гг. — «Ревии 57» и «Перспектив», вокруг которых в годы «оттепели» группировалась либеральная интеллигенция. Несмотря на то что официально «Новая ревия» имела подзаголовок «культурный ежемесячник», это было издание не столько обращавшееся к проблемам культуры, литературы и искусства, сколько ведущее открытую и яростную полемику по общественно-политическим и национальным вопросам, касающимся как словенского, так и общегославского контекста. Журнал стал первой трибуной для публичных политических выступлений и критики режима, фактически — официальным органом политической оппозиции. Сотрудники «Новой ревии» добиваются публикаций материалов, ранее не подлежавших огласке: военных писем Э. Коцбека, дневников Д. Пирьевца, воспоминаний в недавнем прошлом политзаключенного и диссидента Й. Пучника. Именно со страниц «Новой ревии» прозвучали требования демократизации, введения многопартийной системы, установления конфедерации. Журнал стал одним из рычагов влияния на массовое политическое сознание, катализатором общественных перемен.

Широкий резонанс не только в Словении, но и в СФРЮ получают романы Б. Хофмана (1929–1991) «Ночь до утра» (1981) и И. Торкара (1913–2004) «Смерть в рассрочку» (1984), в которых впервые звучит правда о событиях 1948 г. Время действия романа «Ночь до утра» полностью совпадает с названием, т. е. длится около восьми часов летней ночи в отдаленном районе Штирии в середине 1960-х гг. Первоначально повествование развивается в детективном жанре: в сельском доме найдена повешенной девятнадцатилетняя девушка Минка Коритник, дочь хозяев, и на место происшествия вызвана следственная бригада. Среди ближайших соседей Коритников, одновременно подозреваемых и свидетелей, — два бывших партизана: Йоже, владелец местного кафе, и его неработающий брат Петер, в 1948 г. осужденный по ложному обвинению и сосланный на Голый остров, место, где отбывали наказание политические репрессированные. Один из приехавших следователей — Ковач вел в свое время дело «предателя» Петера и отличался особо изощренной жестокостью. Встреча палача и жертвы, ставшая основным конфликтом романа, направляет его в историко-политическое русло.

Собственный горький опыт «школы социализма» лег в основу автобиографического романа Торкара «Смерть в рассрочку», позднее названного критиком Ф. Задравцем «романом о трагизме социалистической идеи»⁵. В центре романа — рассказ о судьбе партийного функционера Мартина Певкара (подпольная кличка — Габер), охва-

тывающий период до, во время и после Второй мировой войны, годы процессов над бывшими узниками фашистских концентрационных лагерей Дахау и Заксенхаузен, которым инкриминировалось сотрудничество с оккупантами*, и доведенный писателем до второй половины 1970-х гг.

Габер — фигура вымышленная, его судьба типична для поколения словенской интеллигенции, руками которой осуществлялись революционные преобразования. Будучи убежденным марксистом в начале 1930-х гг. и партизаном в начале 1940-х, пройдя через вражеские застенки, герой становится жертвой политических репрессий 1948 г. и «от имени народа» приговаривается к тюремному заключению. После условного освобождения в 1952 г., что само по себе явилось удачей, так как большинство его подельников было расстреляно, Мартин Певкар проходит через все стадии депрессии: от разрушительного алкоголизма до расстройства психики. Одержимый идеей реабилитации безвинно осужденных и погибших товарищей, герой начинает искать свидетелей, которые могут опровергнуть предъявленные «предателям родины» обвинения. Торкар включает в текст подлинные беседы с бывшими заключенными. Таков, например, эпизод с известным писателем Лудвиком Мрзлем (1904–1971), одним из немногих уцелевших, или беседа со словенским классиком социального реализма Прежиховом Воранцем (1893–1950), с которым автор сидел в Заксенхаузене. Писатель собрал обширный материал о подполье в Дахау, предав гласности имена многих антифашистов, судимых впоследствии за «измену родине», таких как пламенный коммунист, лидер Сопротивления, чудом уцелевший в аду концлагерей Мирко Кошир. Его карьера первого секретаря райкома оборвалась также в 1948 г., и он сгинул среди тысяч других пленников Голого острова.

Следующим шагом к «растабуированию» национальной истории становится дискуссия о национальном примирении, начатая социологом С. Хрибар. В сборнике памяти Э. Коцбека она впервые публично выступила с идеей увековечивания памяти всех павших в годы Второй мировой войны вне зависимости от того, на чьей стороне они сражались, а также призвала к сотрудничеству со словенской эмиграцией. Важную роль в борьбе с режимом сыграл и Союз писателей Словении. В 1985 г. под его эгидой была организована «Комиссия по защите мысли и слова», во главе с поэтом В. Тауфером, которая выступала за отмену цензуры. В феврале 1987 г. группа авторов «Новой реви» опубликовала в 57-м номере журнала свои предложения по

* В Словении эти процессы получили название «дахауские».

программе национального развития под названием «Статьи на тему словенской национальной программы», содержащие не только требования рыночных преобразований экономики и политического плюрализма, но и государственной независимости Словении, в которой авторы статей видели демократическое многопартийное государство. Это была, по сути, национальная политическая программа оппозиции. Одним из авторов статьи «О словенской нации — носительнице государственного суверенитета» стал Рупел. По мнению новоревиевцев, коммунисты, находящиеся у власти, были не способны провести идеи демократии в жизнь. Реализация этой национальной программы могла бы полностью изменить политическую ситуацию в регионе, предложения словенцев вызвали широкий резонанс не только в республике, но и за рубежом. При этом реакция и югославской, и словенской общественности была крайне неоднозначной. По данным, приведенным П. Водопивцем в книге «От грамматики Похлина до самостоятельного государства. История Словении с конца XVIII века до конца XX века», согласно социологическому опросу 1986 г. до 60 % респондентов еще доверяло системе социалистического самоуправления и полагало, что выход из политического и экономического кризиса возможен лишь в рамках существующей политической системы СФРЮ⁶.

К чести тогдашнего руководства Республики Словения, несмотря на нажим со стороны Белграда, журнал не тронули. И центр решил сам усмирить словенцев как носителей «вируса разъединения», используя главный сохранившийся рычаг — армию. ЮНА (Югославская народная армия) в середине 1980-х гг. еще представляла собой «государство в государстве», насчитывая до 260 тыс. военнослужащих. Весной 1988 г. военный трибунал начал «процесс против четырех» — трех журналистов еженедельника «Младина» и младшего офицера ЮНА, обвиненных в государственной измене: военный предоставил представителям прессы документ, содержащий особо секретную информацию о подготовке армии к принятию политических мер против Словении. Судебный процесс, проходивший в Любляне на сербохорватском языке, вызвал многочисленные публичные выступления словенской общественности, акциями протеста руководил созданный И. Бавчаром «Комитет по защите прав человека», неформальная организация, в рядах которой впоследствии родились идеи создания новых политических партий. Ежедневно перед зданием суда под лозунгом «Свобода, демократия, правовая безопасность!» проходили манифестации в поддержку обвиняемых и против вмешательства армии в политику. 21 июня состоялось самое массовое

выступление (до 20 тыс. протестующих). Военный трибунал приговорил журналистов Я. Яншу и Ф. Заврла к полутора годам лишения свободы, их коллегу Д. Тасича — к пяти месяцам, а младшего офицера И. Борштнера — к четырем годам лишения свободы. В целом судебный процесс июля 1988 г. не только усилил протестные настроения а обществе, но и мобилизовал общественность на открытое противостояние властям.

Политическая оппозиция искала юридические пути изменения государственного статуса Словении, ее положения и роли в составе СФРЮ. Одним из таких направлений стала работа над проектом новой (альтернативной) конституции республики. Им начали заниматься созданные на базе Союза писателей Словении и Словенского социологического общества комиссии, в состав которых вошли Т. Хрибар, Т. Першак, П. Ямборшек, В. Рус, И. Светлик, М. Камушич, Ф. Бучар и Д. Рупел. Первоначальный вариант был опубликован в апреле 1988 г. в специальном выпуске «Журнала научной критики», издававшемся университетской конференцией ССМС (Союза социалистической молодежи Словении). Впоследствии он был использован при создании дополнений к Словенской конституции, принятой Скупщиной Словении в сентябре 1989 г., и Конституции Республики Словения, принятой 23 декабря 1991 г.

В течение 1988 г. Союз деятелей культуры Словении провел в Любляне несколько «круглых столов» по вопросу о суверенитете республики. 11 января 1989 г. была учреждена первая оппозиционная партия Словении — Словенский демократический союз. В ее создании активное участие приняли недавний обвиняемый по «процессу против четырех» Я. Янша, председатель скупщины Словении Ф. Бучар, глава союза писателей Словении Р. Шелиго и редактор журнала «Нова ревия» Д. Рупел, который и возглавил СДС. В дальнейшем все четверо занимали ключевые посты в разных правительствах Словении (Бучар был главой парламентского комитета по госбезопасности в первом правительстве Словении, Шелиго — министром культуры, Рупел — министром иностранных дел в нескольких правительствах, Янша — премьером). В мае 1989 г. на многотысячном митинге в центре Любляны была принята так называемая Майская декларация — политическое заявление оппозиции, возглавляемой Союзом писателей Словении и СДС, в защиту национального суверенитета, зачитанное известным поэтом, в 1980-е гг. председателем Союза писателей Словении и прекрасным переводчиком русской литературы Т. Павчеком. Декларация провозглашала право словенцев на создание «суверенного государства

словенского народа, <...> которое будет базироваться на <...> уважении прав и свобод человека, демократии, включая политический плюрализм, на общественном строе, который будет гарантировать духовное и материальное благополучие в соответствии с естественными потребностями и человеческим потенциалом граждан Словении»⁷. В сентябре 1989 г. словенский парламент принял дополнения к республиканской конституции, согласно которым Республика Словения возвращала себе суверенные права, переданные ею федеративной власти при образовании СФРЮ, десятая поправка гласила: «Социалистическая Республика Словения находится в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения»⁸.

Оппозиционное движение словенской творческой и научной интеллигенции конца 1980-х гг. привело к образованию ряда политических партий: партии Словенских христианских демократов (СХД), партии Словенский крестьянский союз (СКС, с 1992 г. — Словенская народная партия), партии Словенский демократический союз (СДС), Либеральной партии, Социал-демократической партии (СДПС) и партии Зеленых. В идейном смысле первые две (СХД и СКС) опирались на католическую традицию, СДС и ЛП отстаивали общедемократические либеральные ценности, СДПС — идеи социал-демократии. В конце 1989 г. они объединились в коалицию «Демократическая оппозиция Словении» («ДЕМОС»), которая видела свою задачу в создании «гражданского общества с правовым государством и плюралистической демократией, а также национальным, политическим и экономическим суверенитетом»⁹. На первых многопартийных демократических выборах в национальный парламент в апреле 1990 г. более половины голосов избирателей обеспечили победу коалиции «ДЕМОС». Главой правительства был избран лидер партии Словенских христианских демократов (СХД) Лойзе Петерле, председателем президиума республики стал недавний глава Союза коммунистов Словении Милан Кучан. В июле 1990 г. словенский парламент принял Декларацию о суверенитете Словении, согласно которой югославские законы являлись действительными для Словении лишь в том случае, если не противоречили Конституции республики и новому законодательству. Обретение независимости и выход из состава Югославии начались для Словении с проведения 23 декабря 1990 г. плебисцита по вопросу о самостоятельности государства. За образование самостоятельного словенского государства проголосовало 88,5 % опрошенных. Закон

о плебисците предписывал провозглашение независимости через шесть месяцев после голосования — Республика Словения была провозглашена 25 июня 1991 г.

В состав первого правительства независимой Словении (1990–1993 гг.) входило два писателя: прозаик А. Цапудер в качестве министра культуры и Д. Рупел, возглавивший министерство иностранных дел. Именно он приложил немало усилий для международного признания независимости Словении, ее вступления в ООН и ОБСЕ. Первой, 25 июня 1991 г., Словению признала Хорватия, затем страны Балтии — Латвия, Литва и Эстония. В середине января 1992 г. Словению признали государства члены — ЕС, 12 февраля 1992 г. — Российская Федерация, в мае 1992 г. при непосредственном участии Рупела были установлены дипломатические отношения с Россией и открыты посольства.

В 1990-е гг. Д. Рупел постоянно находится в гуще политической борьбы. После распада «ДЕМОСа» демократическая партия, возглавляемая Рупелом, избранным по ее спискам депутатом парламента, вошла на правах фракции в партию «Либеральная демократия Словении» (ЛДС). Являясь в это время главой парламентского комитета по науке и образованию, он с 1994 по 1997 г. руководит политсоветом ЛДС, затем становится мэром города Любляны. Одновременно происходит его возвращение в литературу — широкое признание получают публицистические книги Рупела «Словенский путь к независимости и признанию» (1992), «Политические убеждения: словенец» (1992), «Расколдованная Словения» (1993), «Время политики» (1994). В основе самого популярного и востребованного произведения Рупела этого времени, книги «Расколдованная Словения», лежит документальный рассказ очевидца событий и одновременно аналитика о первых шагах молодого независимого государства на международной арене, о том, как складывалась внешнеполитическая стратегия Словении, о словенских геополитических и ментальных особенностях и связанных с ними трудностях, которые приходилось преодолевать. Автор видит одной из приоритетных задач новой власти создание «...национального проекта, в основе которого было бы сочетание европейской образованности с “выведением” новой научной, культурной и политической элиты»¹⁰.

В 1997 г. писатель был назначен послом Словении в США, затем (2000) вновь возглавил МИД Словении и оставался на этом посту, несмотря на смену правительства, до 2008 г. В общей сложности Рупел пробыл на должности министра иностранных дел более десяти лет. Во время своего министерского мандата в качестве

приоритетов внешней политики он выделял вступление Словении в ЕС, развитие отношений с ведущими европейскими государствами, тесное сотрудничество с США и Россией. Так, в ходе визита в Москву в декабре 2007 г. в качестве главы МИДа страны, председательствующей в ОБСЕ, он назвал Россию «стратегическим партнером»¹¹ Словении.

Д. Рупел — несомненный политический «долгожитель», единственный из «отцов» независимой Словении от литературы, до сих пор востребованный властью. После ухода в марте 2009 г. с поста посла по особым поручениям МИД Словении он продолжает оставаться в штате министерства. Обладая несомненным политическим чутьем, он умеет предвидеть и правильно оценить создающуюся ситуацию. Так, в 2004 г. он выходит из рядов правящей тогда ЛДС, становится одним из организаторов общественно-политической организации «Собрание за республику», объединившей в своих рядах оппозиционные либералам правоцентристские силы. Затем он возвращается в стан демократов и по списку Словенской демократической партии (СДП) выдвигается на пост министра иностранных дел в правительстве Янши (2004–2008).

Впрочем, настоящий писатель, даже сделавший головокружительную карьеру в политике, всегда остается писателем. Подтверждение этому — новые книги Д. Рупела, вышедшие в Словении в конце 2009 г. После двадцатилетней паузы он вернулся к художественной литературе, выпустив роман в жанре политического триллера с характерным названием «Президент или так, как это было», начинающийся смертью кандидата на высший пост в государстве. В нем, несмотря на излюбленные автором иронию и юмор, а также безусловную вымышленность фабулы, имен и фактов делается попытка рассказать о двадцати годах словенского суверенитета — важнейшем, переломном для новейшей национальной истории периоде. Другой опус Рупела более интересен дипломатам и политологам — это текст «Председательство Словении в огне собственных сил», в котором рассказывается о том времени, когда страна стояла во главе Евросоюза. Это документальный рассказ, основанный на дневниковых записях Рупела и опубликованный им со всеми именами, без купюр и без согласия нынешнего главы словенского МИДа С. Жбогара. В нем подробно представлены такие «горячие» эпизоды как контакты с Косово, «сербский вопрос», дискуссия об экологии Средиземноморья. И если излишняя откровенность экс-министра вдруг станет причиной отправки его на заслуженный отдых, впечатлений и материала хватит Д. Рупелу еще не на один десяток произведений.

Примечания

¹ Фрейдзон В. И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 41.

² Лотман Ю. М. А. С. Пушкин. Биография писателя // Пушкин. СПб., 1997. С. 27.

³ Кон И. С. 80 лет одиночества. М., 2008. С. 391.

⁴ Slovenska novejša zgodovina 2. Od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije. 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 1155.

⁵ Zadavec F. Romani o tragiki socialistične ideje. // Srce in oko. Marec, 1992. № 36. S. 158.

⁶ Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 475

⁷ Майская декларация 1989 г. (8 мая 1989 г.) // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. С. 106–107.

⁸ Из конституционных поправок к Конституции Социалистической Республики Словении (27 сентября 1989 г.) // Ibid. С. 117.

⁹ Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС) // Ibid. С. 293.

¹⁰ Rupel D. Odčarana Slovenija. Ljubljana, 1993. S. 173.

¹¹ Рупел Д. Культура диалога и диалог культур // Международная жизнь. 2007. № 12. С. 28.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЧЕШСКОЙ ПОСЛЕНОЯБРЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. А. Шерлаимова
(Россия)

В истории Чехии, в развитии чешского общества литература издавна играла очень важную роль, на некоторых этапах — первейшую. В движении Пражской весны именно писатели составляли едва ли не самую инициативную группировку. Все годы существования в стране социалистического режима правительство и партийное руководство, стремясь подчинить писательскую организацию своему влиянию, притесняя неугодных, не скупилось на материальную и всякую иную поддержку Союза чехословацких писателей, если он точно выполнял указания свыше. Однако уже с середины 1950-х гг. это влияние начинает давать сбои, а в «золотые шестидесятые» (современный чешский термин) постепенно назревает открытое противостояние наиболее авторитетной части литераторов идеологическому диктату КПЧ. После разгрома реформаторского движения в августе 1968 г. на строптивых или просто недостаточно послушных писателей обрушились репрессии, что привело к самой массовой за всю историю Чехии литературной эмиграции, к возникновению в стране сети самиздата и расширению литературного андеграунда. Альтернативная литература самиздата и эмиграции выступала оппонентом режима гусаковской «нормализации». Показательно, что после «бархатной» революции (свидетелями которой, кстати сказать, стала группа литературоведов нашего института, приехавших в Прагу на конференцию по современной литературе как раз в эти ноябрьские дни) президентом Чехословакии был избран драматург-диссидент Вацлав Гавел.

Изменение общественного строя практически мгновенно изменило культурный облик страны. Была отменена цензура, распался прежний Союз писателей и возникли новые литературные объединения, литературные журналы и частные издательства, которые в короткий срок выбросили на прилавки магазинов произведения запрещенных в годы «нормализации» авторов, прежде всего отечественных, но также и зарубежных. Широкий читатель получил возможность познакомиться

с прекрасно переизданными книгами эмигрантов и бывших диссидентов, которые дотоле были доступны лишь узкому кругу посвященных, к тому же, как правило, в слепых машинописных копиях.

На протяжении десятков лет среди чешских писателей и критиков было распространено убеждение, что развитие художественной литературы тормозит выполнение не свойственных ей функций и что освобождение от идеологических задач тотчас же приведет к ее расцвету. П. Когоут следующим образом характеризовал ситуацию после «бархатной» революции: «Сегодня предпринята попытка вернуться к исконной функции литературы. Она перестает подменять лишенную возможности высказаться политику и переходит к выполнению своей основной миссии — быть изображением или отображением жизни»¹. Но можно ли «отображать жизнь», вообще отвлекаясь от политики? На деле все оказалось значительно сложнее — и с расцветом, и с вождленным освобождением от идеологии.

Начнем с того, что идеология никуда не ушла. Лучшие книги, переизданные после ноября, — «Шутка» Милана Кундеры, «Чешский сонник» Людвика Вацулика, романы Йозефа Шкворецкого, Павла Когоута, новеллы Ивана Климмы и др. разоблачали негативные стороны социалистического периода и лицемерие гусаковской «нормализации». Критическая направленность отличала и только теперь впервые увидевшие свет произведения, в том числе постмодернистские, в которых дозволялось «смешивать все и вся».

Постмодернистские тенденции можно было наблюдать еще в чешской литературе предыдущих десятилетий, не только в альтернативной, но и в официальной. Но первые посленоябрьские годы отмечены своего рода всплеском интереса к постмодернизму — как в творчестве целого ряда писателей среднего и молодого поколения, так и в выступлениях многих критиков, однако отношение к этой концепции было отнюдь не однозначным.

Как констатировал критик старшего поколения Милан Юнгманн (р. 1922): «То, что одному кажется наступлением безответственной болтовни, другой воспринимает как художественный прорыв, как отважный поиск новой красоты, неких сегодняшних “цветов зла”»².

Самой заметной фигурой чешского постмодернизма стал Иржи Кратохвил (р. 1940), начинавший печататься еще в 1960-е гг., но при Гусеке вынужденный переквалифицироваться в рабочего и писать «в стол». Он восторженно превозносил новое направление: «Это литература, которая презирает любую идеологию, любую миссию, служение нации либо кому-либо еще». И далее: «Это литература игры, мистификаций, сотворения индивидуальных мифов»³.

В 1990 г. вышел первый роман Кратохвила с интригующим названием «Медвежий роман», в котором описывается жизнь на изолированном от всего остального мира острове Остров, расположенном на реке Река. Налицо все признаки фантастики, мифа, но постмодернистский Остров содержит в себе узнаваемые черты тоталитарного социалистического государства. Один из героев романа ставит этому режиму такой диагноз: «Шизофрения и тоталитаризм — мутации одной и той же болезни, шизофрения вид индивидуальный, тоталитаризм — коллективный». Автор в гротесковом стиле изображает всемогущие органы государственной безопасности, но также и ненавидимый ему тип приспособленца. Он воплощен здесь в образе младшего брата главного героя, который быстро меняет идеологическую ориентацию и «усаживается в реальный социализм как в кадиллак».

«Медвежий роман», содержащий «роман в романе» и множество героев самого разного толка — мифологизированного и реалистического, настолько сложен по форме, что его первую, более широкую версию, которая была написана еще в годы «нормализации», Л. Вацулик не решился напечатать в своей самиздатовской серии «Петлица». Постмодернистски изобретательный, этот роман, как видно даже из тех двух цитат, которые приведены выше, ни в коей мере не чуждался идеологии. То же самое можно безошибочно сказать обо всех последующих многочисленных романах, сборниках рассказов и эссе Кратохвила («Песня среди ночи», 1992; «Авион», 1995; «Сиамская история», 1996; «Бессмертная история», 1997; «Ночное танго или роман одного лета в конце тысячелетия», 1999 и др.) — автора не только плодовитого, но и безусловно талантливого, хотя его художественная манера постепенно стала утомлять читателей и вызывать иронические комментарии критики. Так, рецензент «Критического приложения» к журналу «Револьвер Ревю» Мартин Гиблер писал о Кратохвиле: «Принципиально то, принимаем ли мы правила игры, предложенные нам автором, или не принимаем. Если да, то местами мы неплохо развлечемся над читабельно и местами остроумно написанным текстом, но на этом все и заканчивается»⁴.

Из приверженных постмодернизму писателей младшего поколения следует прежде всего назвать Йахима Топола (р. 1962), приобретшего широкую известность благодаря своему первому роману «Сестра» (1994) — о судьбах молодых чехов в период «бархатной» революции и последовавших за нею кардинальных общественных перемен. В романе присутствует характерная для постмодернизма «клиповость» композиции, литературные аллюзии, фантазийные мотивы. Экспериментаторство автора особенно ярко проявляется

в языковой области: он произвольно обращается с литературной и грамматической нормой, вводит в речь героев и в авторский текст жаргонизмы, архаизмы, слова из немецкого, английского, русского и даже вьетнамского языков. Литературовед Любомир Махала, оценивая роман Топола как важное литературное событие, полагает, что его «мегаязык», который он называет «суровой постставилоновщиной»⁵, динамично воздействует на читателя и адекватно передает характер времени. Но в критике высказывались и весьма скептические суждения о достоинствах этой книги. Так, Павел Яноушек писал: «Роман Топола на хаос мира реагирует хаосом высказывания, в котором образ современного бытия раздроблен на тысячи осколков, он снова и снова складывается по законам калейдоскопа и рок-музыки <...> Благодаря этому “Сестра” стала почти что культовым явлением, прославлять ее готовы даже люди, которые ее никогда до конца не дочитали (я могу это доказать разбором некоторых рецензий)»⁶.

Своего рода противоположностью постмодернизму стало литературное направление, которое условно можно было бы назвать «новым автобиографизмом». Спору нет, автобиографический материал в том или ином виде присутствует в любом произведении, однако «новый автобиографизм» претендует на достоверное воспроизведение реальных событий, участником или свидетелем которых являлся автор, выводит реальных героев под их собственными именами или прозрачными псевдонимами, но в то же время, поскольку жанр произведения определяется как роман, это допускает присутствие вымысла. Примером такого жанра может служить роман П. Когоута «Из дневника контрреволюционера», изданный за рубежом на немецком языке в 1969 г., а по-чешски — на родине автора в 1998 г., то есть уже после «бархатной» революции.

Роман Когоута охватывает период «от танков до танков»: с мая 1945 по август 1968 г. Используя приемы монтажа и временных сдвигов, писатель совмещает заметки о путешествии летом 1968 г. со своей будущей (третьей) женой по Италии, где их настигает известие о советских танках в Праге, с дневником молодого энтузиаста первых лет социалистического строя в Чехословакии, впоследствии в нем разочаровавшегося и ставшего одним из лидеров реформаторского движения. Параллельно прочерчивается любовная биография рассказчика. Если в рассказе об исторических событиях называются подлинные имена их участников, то «в личной сфере» ее героини обозначены буквами — от «А» (первая возлюбленная) до «Z» (последняя буква латинского алфавита, что, очевидно, должно было подчеркнуть прочность чувств героя по отношению к третьей жене).

У нас Когоут больше известен как драматург, в свое время большой успех имела его во многом новаторская для нашего театра драма «Такая любовь», но начинал он как поэт, восторженно воспевавший социализм. Память об этом в чешском обществе, особенно в литературной среде, не могут заглаживать все его последующие заслуги в движении «Пражской весны», в эмиграции, куда он был буквально «выдавлен» властями в годы «нормализации». Писатель словно бы постоянно ощущает потребность публично объясниться, разобраться в логике своей мировоззренческой эволюции, типичной в Чехии не для него одного. Он снова возвращается к описанию и осмыслению своего пути в «мемуарромане» (авторское определение жанра) «И это была моя жизнь?», первый том которого, охватывающий 1928–1979 гг., вышел в свет в 2005 г., второй (1979–1992 гг.) — в 2006 г. Здесь Когоут гораздо скупее на интимные подробности, больше сосредоточивается на общественных проблемах, стремится называть и вещи и людей своими именами. Он прямо обращается к товарищам по перу — Кундере и Вацулику, призывая их последовать его примеру и так же открыто проанализировать сущность перемен, их жизненного и творческого опыта. Вацулик ответил, что он уже все рассказал в своих романах, что соответствует действительности (разумеется, в тех границах, в каких художественные, да и мемуарные произведения могут быть идентичны реальности). Кундера, неоднократно заявлявший, что надо читать произведения писателей, а не копаться в деталях их биографий, не ответил вообще.

Усиление «новоавтобиографического» элемента — не просто воспроизведение личного опыта, но выведение в художественных произведениях реальных лиц под их собственными именами — можно наблюдать в творчестве писателей не только старшего, но и последующих поколений. Например, в романе с трудно переводимым названием «Born in ČSR aneb Vekslštube cimrgraj» (передающий специфику жаргона посленоябрьского времени набор разноязычных слов, нечто вроде «Родился в ЧСР или Пункт обмена валюты комната свободна») вступившего в литературу и получившего известность в годы «нормализации» Зденека Заплетала (р. 1951). В этом небольшом романе, где рассказывается о стараниях рассказчика — писателя и его друга — критика Петра А. Билека, выступающих под собственными именами, издать книгу, речь идет уже о новом времени. К нему автор относится весьма критически и с иронией: «Это было время не для книг. У людей появились иные, чем чтение, заботы. Они гонялись за ДЕНЬГАМИ. А когда их получали, хотели еще. Кроме того, они хотели трахаться, закусывать, напиваться, ездить на Канары в мерседесах и ходить в кино на “Парк Юрского периода”».

Критическая направленность по отношению ко всей послевоенной эпохе в истории Чехословакии — как к ее социалистическому прошлому, так и к постсоциалистическому настоящему — характерна для большинства современной литературы. Надо отметить, что в критике социалистического периода в центре внимания находятся проблемы политические, идеологические, негативная роль СССР, тогда как в критике современности преобладают проблемы этического, нравственного порядка.

В начале 1990-х гг. одним из первых бестселлеров новой чешской литературы стал роман молодого автора Михала Вивега (р. 1962) «Лучшие годы псу под хвост» (1992), в котором преобладал реалистически поданный автобиографический материал, но наряду с этим — и отдельные элементы именно в ту пору входившего в моду постмодернизма. Для этого романа, сразу же завоевавшего признание читателей и литературной печати, также было характерно критическое, слегка насмешливое отношение к действительности — здесь речь шла главным образом о времени «нормализации». В последующих книгах (Вивег — автор очень плодовитый) он с той же критичностью обратился к сюжетам из современной жизни. Например, в романе «Воспитание девушек в Чехии» (1994) глазами молодого домашнего учителя он описывает бездуховное существование вновь появившихся богачей и их изнывающих от безделья деток. В «Дамском романе» (2001; в русском переводе — «Роман для женщин», 2010), пародирующем штампы массовой литературы, он иронизирует над приверженностью многих чешских представительниц прекрасного пола идеалу богатого, лощеного и предпочтительнее «заграничного» мужчины.

Творческий метод Вивега уже упоминавшийся выше критик Гиблер не без остроумия назвал «капиталистическим реализмом». Это, конечно же, не научное определение, но оно достаточно точно передает умение автора «Романа для женщин» и других подобных произведений правдиво отобразить новую, «рыночную» эпоху. Вивег гордится тем, что в то время когда, по его словам, «никто ничего не читает», он может быть единственный писатель в Чехии, который живет исключительно литературным трудом. Его книги хорошо раскупаются, и по ним снимаются имеющие успех фильмы. Он отказался от присущих его роману «Лучшие годы псу под хвост» элементов постмодернизма, не чурается сюжетов, которые разрабатывает массовая литература и которые привлекают широкого читателя (написал «Роман для женщин», а теперь скоро должен выйти его «Роман для мужчин»; сборник его новелл называется «Рассказы о браке и сексе» (1999) и т. д.). Но при всем том произведения Вивега невозможно за-

числить в массовую литературу, он ее пародирует, отнюдь не злоупотребляет «клубничкой», стремится поднять некоторые важные нравственные вопросы. С другой стороны, в противовес упрекающим его в традиционализме критикам Вивег издал книжечки фельетонов и пародий, которые демонстрируют разносторонность его дарования и хорошее чувство юмора. Так, в сборнике «Шведские столы или какие мы?» он утверждает, что социолог может составить правильное суждение о национальных особенностях чехов, наблюдая за поведением чешских туристов на шведских столах: вовсе это не «голубиный народ», за еду борются отважно, даже с собой уносят (ведь даром!), а если кто и ведет себя вежливо, то это признак, что он уже сыт. И делает вывод: «Не каждый идиотизм ведет свое происхождение от режима!» Он готов критиковать и политическую ситуацию в стране, чему посвящен его роман, вышедший в свет накануне парламентских выборов, «Лучшие годы с Клаусом» (2002), имевший однако меньший читательский успех, чем его сочинения, не столь прямо связанные с политической злободневностью.

Стремление Вивега испробовать все возможные жанры не может не обернуться некоторым «перепроизводством». Разумеется, у столь плодовитого писателя, ежегодно выпускающего по новой книге, не могут быть все произведения только высокого уровня. Но что останется от его творчества в истории литературы? Его книги быстро раскупаются, в них есть определенный этический потенциал, точные психологические зарисовки, характерные приметы современности, об этих книгах пишет критика, они переводятся за рубежом, в том числе и у нас. И все же они не становятся настоящими литературными событиями, каким, при всей его очевидной экспериментальности, стал в свое время роман «Лучшие годы псу под хвост».

Рассуждая о чешской посленоябрьской литературе, можно назвать еще целый ряд имен писателей разных поколений, создавших в той или иной степени интересные произведения. Продолжает издавать книги в духе «нового автобиографизма» Людвик Вацулик (р. 1926); в разряд «капиталистического реализма» можно было бы зачислить «производственно-эротическую» трилогию об «эксклюзивном салоне эротической релаксации» «Плейгерлс 1» и «Плейгерлс 2» (1994) одного из самых популярных романистов 1960–1980-х гг. Владимира Парала (р. 1932); проблемы экологии поднимает Антонин Баяя (р. 1942) в романе «Люди и волки» (чешское название «Zvlčení» — буквально «Оволчение»), признанном лучшей книгой 2003 г. Благожелательно большинством критиков и читателей — прежде всего из среды гуманитарной интеллигенции — были встречены романы

теоретика литературы и писательницы Даниэлы Годровой (р. 1946), которые причудливо соединяли в себе давнюю чешскую историю и действительность XX в., узнаваемые зарисовки Праги и фантастические образы, философские отступления и размышления об искусстве. Во всех этих и многих других книгах можно отметить стремление к поиску в области формы: у Годровой он со всей очевидностью основывается на ее широкой эстетической образованности, у Парала — на использовании, впрочем не слишком удачном, сюжетов и приемов массовой литературы, у Вацулика — на продолжении «новоавтобиографической» манеры «Чешского сонника», у Баяи — в ориентации на «Плаху» Айтматова, подчеркнутую тем, что самому отчаянному детенышу из описываемой им волчьей стаи он дал имя Чингиз и т. д. Во всех более или менее заметных произведениях отражается критическое отношение к современной действительности, прежде всего — в нравственном смысле. Но литература перестает или даже уже перестала играть ту важную роль в общественной жизни, которая принадлежала ей в предшествующие, казалось бы, гораздо для нее менее благоприятные десятилетия.

Критики все ждут появления новых значительных имен и новаторских художественных свершений, зачастую с надеждой встречают нового автора, но постепенно в нем разочаровываются. Так было, например, с Милошем Урбаном (р. 1967), который после выхода в свет его первого романа «Последняя точка в споре о рукописях. Новая литература факта» (1998), а затем романов «Семь храмов» (1999) и «Водяной» (2001), почти единодушно признавался критикой наиболее интересным дебютантом-прозаиком конца века. В его книгах постмодернистски перемешиваются элементы разных жанров: фантастики и по-новому (долой все умолчания!) понимаемого документализма, пародийности, иронии и эксперимента. В них присутствует своего рода эпатаж общепринятых исторических оценок. В «Последней точке», «заново расследуя» вопрос о подлинности Кралеводворской и Зеленогорской рукописей, он изображает дело так, будто подделаны были не рукописи, а сам факт подделки и сделали это умные девушки Гана и Линда, выдававшие себя за известных истории ученых Вацлава Ганку и Йозефа Линду. В «Семи храмах» догуситская эпоха ставится выше героической гуситской, готическая архитектура выше прославленного пражского барокко, резко осуждаются творения более позднего времени: «Архитекторы XX века не обладают покорностью и за это наказаны импотенцией» и «Город, который позволяет, чтобы банк, доходный дом или административное здание переросло и заслонило храм, не заслуживает ничего иного, как только влачить

жалкое существование под надзором спекулянтов, дворников и канцелярских крыс». «Водяной» посвящен отстаиванию экологических ценностей, ради чего автор, во всяком случае так следует из развития сюжета, вроде бы допускает убийства. При этом все «пощечины общественному вкусу» поданы в романах весьма остроумно, и мне кажется, что было бы несправедливо приписывать Урбану намерение «поиздеваться над святым», уместнее видеть здесь намеренный эпатаж, заставляющий задуматься над действительно серьезными и злободневными вопросами.

Приход в литературу Урбана породил надежды на улучшение в ней общей ситуации, однако последующие его книги (а он оказался тоже достаточно плодовитым) при большом разнообразии тематики — от исторической до самой современной — слабо оправдывали эти надежды. Сочинения молодого писателя еще раз подтвердили тот факт, что, сколько бы не было экспериментов с формой, как бы не перемешивались исторические реалии, остроумные выдумки и откровенная фантастика, идеология никуда не уходит. Мы уже говорили о романе Вивега «Лучшие годы с Клаусом» и почти одновременно с ним в 2002 г. в свет вышел роман Урбана «Мемуары депутата парламента», где в пародийной манере изображалась политическая жизнь Чехии накануне парламентских выборов — с тем же критическим настроением по отношению к лидеру демократов Вацлаву Клаусу. Если предположить, что авторы ставили перед собой агитационную цель, то они, несомненно, проиграли, ибо именно Клаус после выборов был парламентом избран, а после следующих выборов еще раз переизбран президентом ЧР. Но мне представляется, что на выбор актуальной политической темы как Вивегом, так и Урбаном больше влиял расчет на интерес читателей к сиюминутной политической конъюнктуре, расчет, который не оправдался. С другой стороны, эта по-своему забавная литературная история еще раз показывает падение влияния литературы на общественные процессы, во всяком случае, литературы того уровня, который мы сегодня наблюдаем.

Совершенно особое место в посленоябрьской литературе принадлежит Милану Кундере, сегодня самому известному в мире чешскому писателю, которому в апреле 2009 г. исполнилось 80 лет. Завоевавший популярность в «золотые шестидесятые», один из глашатаев идей Пражской весны, он не вернулся после «бархатной» революции из эмиграции на родину, постоянно живет в Париже и перешел на французский язык, сначала в своих эссе, а затем и в художественном творчестве. Из эмиграции не вернулся не только Кундера, но и многие другие литераторы, что объясняется не идеологическими, а глав-

ным образом сугубо личными, бытовыми обстоятельствами, но, как правило, они часто приезжают в Чехию, участвуют в разных мероприятиях, конференциях и т. п. Кундера приветствовал «бархатную» революцию, но свое невозвращение объяснил тем, что освобождение пришло слишком поздно и невозможно снова ломать свою жизнь. Однако, в отличие от других писателей, он если и приезжает в Чехию, то только инкогнито, не участвует ни в каких публичных мероприятиях, не приехал в 2009 г. на вручение присужденной ему государственной премии. Очень ответственно относящийся к изданиям и переводам своих произведений, Кундера долго не давал согласие на переиздание своих романов, вышедших в эмиграции. Только в 2006 г. в Брно был издан его самый известный роман «Невыносимая легкость бытия», впервые увидевший свет в переводе на французский язык в Париже в 1985 г., затем по-чешски в Торонто в издательстве Йозефа Шкворецкого «Сиксти-ейт-паблишер».

Отношение к Кундере на родине можно назвать по меньшей мере неоднозначным. С одной стороны, ему присуждаются престижные премии, его книг ждут и их действительно читают, им гордятся; с другой — атакам критики подвергаются не только его новые книги, как роман «Бессмертие» (Брно, 1993), ранее опубликованный в переводе на французский в Париже (1990), но особенно его ранние, относящиеся к 1950 гг. произведения, не имевшие антисоциалистической направленности, например, поэма о Юлиусе Фучике «Последний Май», кстати, совсем неплохая, если учесть к тому же контекст времени. А в 2009 г., вскоре после присуждения ему государственной премии, вообще разразился международный скандал, раздутый на основе обнаруженной и далеко не убедительным образом проинтерпретированной не слишком квалифицированным историком не слишком вразумительной полицейской записи 1950 г.: Кундере обвинили в стукачестве, его называли доносчиком. Обычно на критику в печати не реагирующий, на этот раз писатель выразил свое возмущение. В его защиту выступили многие чешские и зарубежные литераторы, в том числе лауреаты Нобелевской премии. С издевкой по отношению к новоявленным охотникам на ведьм высказался давний оппонент Кундеры Вацлав Гавел, который ему советовал: «Милан, будьте выше!» И можно лишь пожалеть, что общественности преподносятся подобного рода «сенсации» вместо глубокого разговора по существу давних и новых произведений писателя и его оригинальной и, по моему мнению, плодотворной теории романа.

При всем том совершенно несомненно большое влияние Кундеры на современную чешскую прозу. Об этом открыто признается, на-

пример, его земляк из Брно Иржи Крадохвил в сугубо позитивных рецензиях на его книги и программных теоретических статьях. Один из своих романов он назвал «Печальный Бог», явно адресуя читателя к первой новелле Кундеры «Я, Печальный Бог» и тем самым демонстрируя свою приверженность его традиции. Но влияние Кундеры прослеживается и в произведениях тех чешских авторов, которых нельзя зачислить в ряды его поклонников, оно в значительной степени формировало облик современного чешского романа. Его творчество составляет неотъемлемую часть чешской литературы и, по моему мнению, его можно считать чешским писателем даже тогда, когда он перешел на французский язык. И не случайно в написанном по-французски романе «Незнание» (2000), повествующем о трудном возвращении, пусть ненадолго, эмигрантов на родину, писатель снова обратился к чешской тематике. Какие бы «негативные волны» не поднимались вокруг его имени, Кундера по-прежнему остается самым крупным современным чешским романистом и своим исключительно серьезным отношением к творчеству «поднимает планку» чешской литературы.

Павел Яноушек, известный критик и директор Института чешской литературы ЧАН, под руководством которого в этом институте был создан капитальный четырехтомный труд «История чешской литературы 1945–1989» (тома последовательно выходили в 2007–2008 гг.), определил специфичность посленоябрьского литературного развития как безвременье, как «time-out». В одной из статей он писал: «Завоеванная свобода слова породила его надпродукцию и девальвировала ценность. Литераторы утратили положение тех, кто может выразить то, что другие не могут или не умеют сказать. Лишившись врага, литература превратилась в хобби, в частное удовольствие авторов и их читателей, литературные произведения больше не имеют параметров поступка и стали просто видом развлечения»⁷. С резкостью Яноушека можно было бы в чем-то поспорить, но его общую оценку положения трудно не принять.

После «бархатной» революции в Чехии произошла смена элит во всех областях, включая литературу; отмена цензуры создала возможность для свободного художественного и содержательного высказывания — в периодической печати, в книгах, которые издаются в невиданном прежде множестве. Как мы отмечали, писатели свободно используют все возможные литературные формы, приемы и стили и при этом критически описывают не только прошлую, но и современную действительность, в том числе политическую, однако, повторим еще раз: влияние литературы на жизнь общества заметно

сократилось и продолжает сокращаться. Надо ли признать это закономерностью или дело в том, что прежних и новых авторов достаточно, а «нового Кундеры» среди них нет? Это вопрос для дальнейших размышлений и споров.

Примечания

¹ Host. 2000. № 1. S. 6.

² Jungmann M. V obklíčení příběhů. Brno, 1997. S. 124.

³ Kratochvíl J. Příběhy příběhů. Brno, 1995. S. 83–84.

⁴ Kritická příloha R.R. 1999. № 13. S. 73.

⁵ Machala L. Literární bludiště. Bilance polistopadové prózy. Praha, 2001. S. 56.

⁶ Janoušek P. Time-out. Praha, 2001. S. 110.

⁷ Tvar. 2001. № 20. S. 6.

ЧЕШСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСЛЕ «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ: ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ, СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМ

Г. П. Мельников
(Россия)

Предлагаемый краткий анализ трансформации чешской культуры на рубеже XX–XXI вв., произошедшей в результате «бархатной» революции 1989 г., не претендует на всеохватность. Он базируется на «личном мониторинге» автора, постоянно бывающего в Чешской Республике, наблюдающего ее культурную жизнь и следящего за ее отражением в прессе. Безусловно, это взгляд извне, это российская оптика со всем ее комплексом восприятия зарубежных культур, контрастирующих с состоянием своей собственной культуры. Конечно, представители чешского социума могут оспаривать выдвигаемые мною соображения и выводы. Однако сторонний наблюдатель имеет несколько преимуществ: отсутствие непосредственной вовлеченности в культурные процессы внутри страны и тем самым отсутствие ангажированности; дистанция, позволяющая видеть феномены более укрупненно и объективно; возможность сопоставления с культурной ситуацией в собственной стране, что придает интерпретации положения другой культуры новые ракурсы, не замечаемые самими представителями этой другой, в данном случае чешской, культуры. Естественно, что положения автора этих строк могут вызвать полемику, что, как представляется, будет лишь на пользу изучения вопроса, в российской гуманитарной науке еще не затрагивавшегося. В статье сознательно не упоминаются имена деятелей культуры, поскольку, во-первых, это значительно увеличило бы ее объем, а, во-вторых, сместило бы в персональный план анализ общих тенденций как таковых. К тому же в последнее двадцатилетие в чешской культуре не было фигуры, которая оказала бы решающее влияние на ее развитие, может быть лишь за исключением Вацлава Гавела.

«Бархатная» революция в Чехословакии в конце 1989 г., а затем раздел страны на два государства — Чешскую и Словацкую Республики с 1 января 1991 г. стали детерминантами трансформации чешской

культуры из социалистической (с сильной диссидентской составляющей) в современную западную культуру, причем в ее провинциальном варианте, точнее — центрально-восточноевропейском, который как раз начал формироваться в начале 1990-х гг. благодаря волне «бархатных» революций и падению социалистических режимов, власти компартий в странах региона, а также распаду многонациональных государств.

Возник, как представляется, переходный тип культуры. Он отличается дихотомией нового и старого, характерной, как показывает история XVIII–XX вв., для любой постреволюционной ситуации в культуре. Старое в виде идеологии коммунизма и его культурных эманаций резко теряет свой статус культурной доминанты и переходит на маргинальные позиции, утрачивая решающее влияние на культурную жизнь страны. Сфера инновационных феноменов, появившихся в результате вышеуказанных политических трансформаций, весьма неоднородна, в ней наличествуют даже полярные явления. Поэтому новое в чешской культуре следует разделить на два крупных блока.

Первый из них можно обозначить термином вестернизация. Это явление включает в себя американизацию культуры, интеграцию в евроструктуры, выдвижение на первый план массовой культуры (поп-культуры), разрушение структуры и многих институтов культуры эпохи социализма, свобода культуры, выражающаяся в отсутствии каких-либо официальных запретов на формы и институализацию творческой и культурно-общественной деятельности. К этому же блоку можно отнести повышенный потребительский гедонизм общества, получившего открытый доступ к западным товарам, и туристический бум в Праге, превративший ее из тихого города, наполненного архитектурными памятниками, в мировой центр туризма как бизнеса. Это повлекло за собой не только резкое повышение рейтинга страны как «нового члена Европы», но и коммерциализацию осмотра достопримечательностей, трансформацию его в вид досуговой индустрии, подчиняющейся законам массовой культуры.

Второй блок включает в себя возрождение старых ценностей, отвергавшихся «реальным социализмом», его идеологией и культурной политикой. Сюда следует отнести реабилитацию идей «Пражской весны» 1968 г., идеологию и деятельность Т. Г. Масарика и реалии Первой республики, идеологему «чешского гуманизма», также тесно связанную с Масариком, реабилитацию Австро-Венгрии, приобретающую черты ностальгии и идеализации эпохи, когда, как утверждают пропагандисты этой идеи, Чехия была интегральной частью Европы и ее культуры.

В этот же блок входит реабилитация в полном объеме христианства как религии, а не только как культурного наследия, что повлекло за собой восстановление многих институтов католической церкви (мо-

настыри, приходы, деятельность монашеских орденов), влияющих на культурную ситуацию в стране. В праздновании Рождества (Vánoce), при социализме интерпретировавшегося только как народный праздник, часть национальной культуры, которым оно, безусловно, является, поэтому не запрещавшегося, восстанавливается его изначальная религиозная основа. Отменяются запреты на создание вифлеемов (в восточнославянской традиции — вертепов) — многофигурных композиций, изображающих сцену Рождества Христова, устанавливаемых не только в храмах, но и во многих общественных местах, на улицах и площадях городов и сел. Увлечение вифлеемами — старой традицией чешской культуры принимает характер бума, выражающегося в многочисленных выставках, создании специализированных музеев по всей стране, в появлении многих объединений мастеров — «бетлемаржей», в резком подъеме общественно-культурного статуса этого явления. То же относится и к ренессансу чешских традиционных ремесел и, шире — фольклорных традиций, почти исчезнувших в 1980-е гг. В начале XXI в. появляются музеи ремесел (самый известный находится в г. Летоград), организуются соответствующие разделы в экспозициях краеведческих музеев, вновь оживают музеи народной архитектуры и быта под открытым небом (скансены), проводятся ярмарки ремесел и народные праздники. В Праге народную культуру ярко, многопланово и на высоком научном уровне репрезентирует новая экспозиция воссозданного этнографического музея («Музайон», отделение Национального музея), также организующего фольклорные фестивали и выставки. На смену распавшемуся центру ремесел УЛЮВ, сохранявшему при социализме некоторые традиции народного искусства, пришел хаос индивидуальной дистрибуции, пытающейся принять некие организованные формы, рассчитанные в основном на туристов как основных потребителей. Возникают интерактивные музеи ремесел («деревня ремесел» Остра недалеко от Праги и др.), направленные прежде всего на приобщение детей и юношества к возрождаемым традициям народной культуры.

Как мы видим, оба указанных блока находятся в конфронтации, будучи ориентированными на противоположные аксиологические модели: вестернизированную и патриотическую. Однако это не исключает их плодотворного взаимодействия, активного впитывания западных инноваций и их творческую переработку на основе ценностно-образной системы собственно чешской культуры, что и характерно для нее на всем протяжении развития. Поэтому у чехов, в отличие от россиян, нет опасений относительно тотальной вестернизации культуры. Последняя скорее является очередным вызовом, испытанием для «бессмертного народа», безусловно сохраняющего свою идентичность.

Большое значение не только для культуры, но и для всего чешского общества имеет смена национально-патриотической парадигмы. В определенной мере это связано с ликвидацией «белых пятен» в историко-культурном наследии. Прежде всего это относится к комплексному открытию культуры эпохи барокко (XVII–XVIII вв.), включая ее христианско-церковную и ментальную составляющие, что блестяще продемонстрировала ставшая эпохальной выставка «Слава барочной Чехии» и сопутствовавшие ей конференция и издание монографии (2001), сфокусировавшие в себе «барочный бум», охвативший не только интеллигенцию, но и широкие слои современного чешского общества.

Такой же всесторонний подход к чешскому модернизму первой половины XX в. позволил снять с него вульгарно социологизированные клише, ранее из лучших побуждений накладывавшиеся на него исследователями, стремившимися втиснуть чешский модернизм в прокрустово ложе «прогрессивного наследия» и тем самым в эпоху социализма сделать художественное наследие первой половины XX в. во многом доступным современному обществу. С падением социализма эта нужда отпала, что позволило открыть в полном объеме этот пласт культуры, вспомнить забытые имена, реабилитировать чешский сюрреализм и абстракционизм. За последние примерно 15 лет целый ряд научно фундированных, исследовательских репрезентативных выставок, книжных изданий, ретроспектив кинофильмов, новых музейных экспозиций, концертных программ, перечисление которых заняло бы много страниц, утвердили в сознании общества высокую ценность этой культуры, обилие творцов которой, относящихся к первому рангу, учитывая «малость» чешского народа, вызывает заслуженное удивление. Процесс открытия полузабытых имен продолжается и оказывает позитивное воздействие на культуру наших дней как в плане приобщения к забытым традициям модернизма, так и, наоборот, создавая конфронтационную ситуацию, показывающую молодому поколению постмодернистов и инсталляторов новооткрытые «вечные ценности» настоящего модернизма и авангардизма. Отличительной чертой последнего, как известно, была политическая левизна, даже коммунистическая ангажированность. К этой части наследия 1920–1930-х гг. современные искусствоведы относятся как к исторической данности, тогда как литературоведы и издатели стремятся обходить стороной такие фигуры. Острые дискуссии в обществе вызвали произнесенные в торжественной речи, посвященной 90-летию образования Чехословакии (2008), слова президента В. Клауса о том, что значительная доля вины за превращение Чехословакии после войны в социалистическое государство лежит на чешской левой интеллиген-

ции, сформировавшей свои коммунистические идеалы как авангард культуры межвоенного двадцатилетия. Этот тезис, как видно, ставит под сомнение широко распространенное в бывших соцстранах мнение о том, что социализм был им насильно навязан Советским Союзом, создавшим «лагерь социализма». Тем самым наследие чешского авангарда стало полем для актуальной полемики.

В целом же в сознании чешского общества начала XX в. укрепились новые культурно-исторические доминанты: наряду с давно реабилитированной готикой это барокко и модернизм. Актуализации готического наследия, подчеркивавшей связь готической культуры с государственной властью, общеевропейское значение чешской готики стали акции, выставки, книжные издания, посвященные культуре XIV в., прежде всего кругу Карла IV. Новая интерпретация готики, барокко и модернизма прежде всего акцентировала интегрированность чешской культуры этих периодов в общеевропейское культурное пространство. Поэтому новыми абсолютными героями чешской истории и культуры, оказавшими существенное влияние на Европу, теперь становятся Карл IV и Я. А. Коменский.

Бум Коменского, начавшийся в 1992 г. по случаю 400-летия со дня его рождения, актуализировал наследие великого чеха, заново открыв его не только как отца современной педагогики, но и как великого философа, чьи идеи становятся особо актуальными на рубеже тысячелетий. Также акцентировалось мировое значение Коменского, его тесная связь с общеевропейской культурой барокко.

Еще один бум, связанный с прошлым, — рудольфинская культура, сформировавшаяся в Праге на рубеже XVI–XVII вв. при дворе короля и императора Рудольфа II, превратившего Прагу в столицу европейской культуры на исходе эпохи Ренессанса. Грандиозная выставка «Рудольф II и Прага. Императорский двор и столица как культурный и духовный центр Центральной Европы» (1997) с соответствующими книжными публикациями произвели переоценку ценностей. Из маргинального, весьма анекдотичного, не связанного с чешским этносом явления, эта культура при ее глубоком изучении предстала как важнейшее звено европейской культуры в период перехода от Ренессанса к Барокко, как культура, оказавшая существенное влияние на собственно чешскую национальную культуру и очень соответствующая, как всякая культура переходного типа, современному ощущению культуры и его проявлениям. Увлечение рудольфинством, Коменским, барокко и модернизмом приняло характер общественной моды, что содействует широкой популяризации этих частей культурного наследия страны.

Эти культурные вершины прошлого оттеснили с первых позиций те феномены прошлого, которые были доминантами чешского историче-

ского сознания в эпоху социализма — гусизм и Национальное возрождение. Здесь необходимо напомнить, что таковыми они стали гораздо ранее: гусизм — с середины XIX в., а Национальное возрождение — в Первой республике, причем во многом благодаря взглядам президента Т. Г. Масарика, противостоявшим критике возрожденцев со стороны первого поколения модернистов («чешской модерна»). В современном чешском обществе гусизм и Национальное возрождение рассматриваются как феномены, акцентировавшие собственно чешскую специфику развития и, что самое главное, отторгавшие Чехию от путей развития европейского сообщества и его культуры. При этом, однако, начинают игнорировать тот факт, что гусизм был связующим звеном между идеями английского реформатора XIV в. Джона Уиклифа и Реформацией Мартина Лютера, т. е. имел общеевропейское значение. Национальное возрождение, со своей стороны, позволило сохраниться чешскому этносу с его идентичностью — языковой и культурной и вновь вывести чешский народ на сцену европейской истории и политики. Оно также является частью общеевропейского процесса этнизации в XIX в., имеет аналоги в Великобритании, Франции, Испании. Оно послужило образцом для национального пробуждения других славянских народов (кроме польского), утративших свою государственную самостоятельность. Критика Национального возрождения в современной Чехии ведется в основном публицистами, пропагандирующими идеи тотальной европейской интеграции и глобализации.

Полемика вокруг гусизма, в которой акцентируются его негативные стороны и последствия для развития страны, и Национального возрождения, создавшего основные чешские историко-культурные мифы, тесно связана с полемикой вокруг программы «Возвращения в Европу», по инициативе и на средства Евросоюза осуществлявшейся чешским правительством и рядом других институций. Эта новая идеологема отрицает ценности культур эпохи социализма как «неевропейские», тем самым превращая Чехию, как и другие постсоциалистические страны, вступившие на путь евроинтеграции, в «новых европейцев». Эта идеологема, естественно, вызвала значительный протест в чешском обществе, даже при социализме не считавшем себя чем-то чуждым Европе. По всей стране и за рубежом, в том числе в Москве, в Чешском центре, демонстрировалась выставка работ чешских карикатуристов, мотто которой выражалось в названии одной из работ: «Мы никуда из Европы не выходили». Важно отметить, что чешская культура эпохи социализма оказалась весьма поляризованной. Собственно социалистическая по духу, идеям и формам (соцреализм) культура была посредственной и доминирующей только в чиновничьи-официальном аспекте, восторжествовавшем лишь после подавления Пражской весны 1968 г. Основные эстетические цен-

ности создавались в рамках модернистской традиции в ее различных вариантах, что позволило именно культуре подготовить идеологию Пражской весны, в свою очередь, позволившей вырваться на свободу накопившейся энергии культуротворчества, противостоящего соцреализму. Именно этим обуславливается подъем чешской культуры в 1960-е гг., давший великие феномены почти во всех сферах культуры. Перелом наметился в 1958 г, когда чешская культура, лишь недавно освободившаяся от доктрин сталинизма, мощно заявила о себе на весь мир и была им высоко оценена. Это произошло на Всемирной выставке 1958 г. в Брюсселе, что убедительно продемонстрировала экспозиция научно-исследовательского характера, названная «Брюссельский сон» (Прага, 2008), акцентировавшая европейскую открытость чешской культуры даже во времена соцреализма. В силу указанных обстоятельств падение культуры социализма в Чехословакии в 1989 г., в отличие от СССР, прошло безболезненно.

Резкий всплеск значения культуры и прежде всего ее деятелей из числа диссидентов и сочувствующего им большинства в дни «бархатной» революции, не случайно названной «революцией театральных деятелей и студентов», быстро сменился резким падением этого значения в постбархатный период. Это вызвало довольно существенный отток за рубеж на заработки деятелей чешской культуры. И наоборот, бывшие диссиденты, вынужденные эмигрировать, возвращались в страну, где их принимали с триумфом. Сразу после «бархатной» революции наметилось возрождение тенденций Пражской весны, связанное с ее реабилитацией. Но то, что являлось актуальным в 1960-е уже не могло вновь стать таковым. Возобновленные ценности шестидесятых не оправдали себя, не смогли быть востребованными на длительное время, наступившее после эйфории 1990 г., поэтому оказались ненужными. На их основе нельзя было создать новую левую традицию. Поэтому ведущие деятели культуры шестидесятых, сохранявшие некоторые позиции при социализме и воспрянувшие духом после «бархатной» революции (в основном театральные режиссеры), оказались в состоянии растерянности и разочарования. В лучшем случае они могли восстанавливать формы шестидесятых и ностальгировать по тому времени, превращая свои театры («Семафор», «Ипсилонка») в «музейные экспонаты», сконцентрированные на своей собственной истории и былом значении.

Образовался некий культурный вакуум, заполнявшийся всевозможной «пенной», всегда, как хорошо показала советская перестройка и падение СССР, сопровождающая смену культурного типа. Начались поиски новых форм и ценностей «свободной культуры». Они проходили в сложной ситуации разрушения сложившихся структур, даже полезных и хорошо функционировавших, как, например,

в книгоиздательстве и кинематографе, в ситуации коммерциализации, приватизации объектов культуры и науки. Культура все больше сводится лишь к одной из своих низших функций — обслуживанию досуга. Главным художественным направлением становится постмодернизм, ранее не поощрявшийся, как постбархатная культурная рефлексия, благодаря своей мировоззренческой и эстетической специфике наиболее адекватно соответствующий создавшейся ситуации.

Несмотря на явный упадок чешской культуры — как количественный, так и качественный, происходивший в 1990-е — середине 2000-х гг., к концу этого периода наметились позитивные сдвиги, все более усиливающиеся к концу десятилетия. Они выразились в тяге к восстановлению значения и качества национальной культурной продукции.

Отметим лишь некоторые из этих позитивных явлений. Несколько последних лет не уменьшается книжный бум, несмотря на все издержки этого явления, связанные с коммерциализацией и «попсовизацией» книжной продукции. Книга продолжает оставаться «лучшим подарком». Ассортимент книжной продукции очень широк и разнообразен, причем доминантами книжного рынка, как свидетельствуют ежегодные майские книжные ярмарки в Праге, остаются явления, относимые к категории «высокой» культуры. Очень большой интерес продолжает вызывать историческая литература как академического, так и популярного характера, мемуары, литература факта и научно-просветительские издания, альбомы по искусству.

Сохраняется традиционная для чехов еще со времен Национального возрождения особая любовь к театру. Несмотря на постоянные разговоры о кризисе театрального дела, о нехватке финансов чешские театры в столице и провинции всегда заполнены, на многие премьеры и особо популярные спектакли трудно достать билеты, премьеры становятся общезначимыми событиями, обсуждаемыми в прессе. На телевидении — обилие программ, посвященных театральному искусству, передаваемых ведущими каналами в прайм-тайм. Любовь общества к известным и молодым талантливым актерам, кажется, ничуть не уменьшилась. Продолжает существовать любительский (самодельный) театр, всегда являвшийся одной из основ чешской культуры, охватывающий широкие слои населения. Культура для детей сохраняет две свои составляющие, сформированные еще на основе педагогики Коменского, а именно: игровой характер, облакающий в высокоэстетическую форму дидактическое содержание. Сохраняет свои позиции чешский юмор как одна из основ национально-культурной идентичности, не в последнюю очередь благодаря многим элементам абсурдности в чешской политической и экономической жизни. Сохраняется высокий общественный статус классической музыки, занимающей немаловажное место в программах радио и те-

левидения ведущих станций. К знаменитому фестивалю «Пражская весна», не потерявшему престижности и высокого качества, прибавляются новые фестивали как в Праге, так и в провинции. Продолжается бум чешской музыки эпохи барокко как в живом исполнении, так и на компакт-дисках. Началось оживление в кинематографе — и игровом, и анимационном, — связанное с появлением нового поколения режиссеров. Многие чешские фильмы получают признание на международных фестивалях, хотя в прокате, даже внутри страны, не могут конкурировать с американскими блокбастерами.

Востребованность в сфере изобразительного творчества так называемого актуального искусства небольшая. Пражские биенале и галереи текущей художественной продукции стоят почти пустыми, в отличие от выставок чешского классического искусства от готики до модернизма. Широкие масштабы приобрел внутренний семейный туризм, т. е. посещение всей семьей чрезвычайно многочисленных в Чехии исторических городов, замков-музеев, монастырей и собственно музеев. Такой туризм, как и работа студентов летом в замках в качестве гидов, активно приобщает новые поколения к ценностям историко-культурного наследия страны. Правда, иногда рынок и туристический бизнес превращает значимые фигуры прошлого в моду, в некие поп-идолы, становящиеся, как А. Муха и Ф. Кафка, феноменами современной масс-культуры и ее индустрии.

Чешское телевидение в целом, включая популярные сериалы, лишено агрессивности, смакования жестокости и насилия. На нем относительно мало рекламы, темпы он-лайн передач не динамизируются; обращает на себя внимание обилие общественно-политических ток-шоу и передач на культурную тематику.

В стране не наблюдается строительного бума, поэтому вопрос сохранения облика старых городов и традиционных ландшафтов не имеет большой актуальности. Наоборот, активно обсуждаются проблемы, связанные с реституцией и приватизацией культурных ценностей, последствия которых далеко не всегда позитивны. Во многом сохраняются давно сложившиеся формы бытовой культуры с ее неспешным образом жизни, особенно в провинции. Говоря о последней, необходимо отметить ее традиционно высокий культурный уровень, большое количество музеев и театров, других учреждений культуры. Провинция живет интенсивной культурной жизнью, ориентированной на традиционные ценности. Одной из них является чешское пивоварение. В этой сфере сейчас идет активная борьба против внедрения евростандартов, уничтожающих существование маленьких пивоварен в провинции, работающих по традиционным технологиям и служащих как бы знаками разнообразия чешской пивоваренной традиции. Эта борьба превращается в движение за сохранение

национально-культурной идентичности, учитывая то место, которое пиво занимает в ментальности чешского народа.

Чешская общественность весьма активно, в отличие, например, от российской, сопротивляется наступлению на культуру и науку, которое периодически осуществляет государство. Так, в 2009 г. угроза ликвидации Академии наук вызвала протест ученых, вылившийся в движение «Наука живет!», участники которого устраивали хеппенинги в центре города («Казнь чешского ученого» и др.), вывешивали траурные флаги на зданиях научных институтов, размещали информацию об этом на интернет-сайтах. Здесь интересным образом совместились традиции чешского юмора, ненасильственного сопротивления и формы актуальной культуры.

Чешская культура в современном обществе сохраняет высокую функцию просветительского характера, обеспечивая репрезентацию лучших исторических феноменов (достижений) национальной культуры, что способствует поддержанию автостереотипа чехов как очень культурной нации, хорошо знающей и любящей свою культуру. Именно такое впечатление складывается от общения с чешской интеллигенцией, причем принадлежащей к разным ее группам — от школьных учителей до ученых и творческих личностей.

Конечно, существует целый ряд негативных явлений. В первую очередь это отсутствие четкой государственной программы поддержки культуры, стремление государства постоянно сокращать расходы на культуру. Чехарда в кресле министра культуры стала знаковым явлением кризиса в руководстве этой сферой общественной жизни. Также отсутствует программа пропаганды чешской культуры за границей, программа переводов художественной и научной литературы. Деятельность одного только культурного центра в Праге, имеющего свои представительства в 21 государстве мира, явно недостаточна для крупномасштабного проекта репрезентации чешской культуры.

В целом же, как представляется на основе постоянных личных наблюдений, ситуация в современной чешской культуре не столь плачевна, как это можно было бы предположить, судя по некоторым публикациям в средствах массовой информации. В современном чешском социуме и его культуре весьма значителен процент здорового консерватизма как базы, позволяющей органично воспринимать как вновь заполняющиеся «белые пятна» культуры прошлого, так и культурные инновации без коренной ломки чешского культурного стереотипа и ментальности, без утраты культурной идентичности в условиях, когда ей угрожают глобализационные процессы.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАК АБСУРД (ВАЦЛАВ ГАВЕЛ И ПРОБЛЕМА ЧЕШСКОГО АБСУРДИЗМА)

М. В. Медынцева
(Россия)

Все культурное развитие Чехии после Второй мировой войны очень тесно связано с политическими перипетиями в стране, коих во второй половине XX в. было немало. Первоначальный восторг от победы над врагом и освобождения быстро прошел, когда в среде чешских культурных деятелей и интеллектуалов начали понимать, чем грозит стране «светлое социалистическое будущее». Новое коммунистическое правительство послевоенной Чехословакии без промедлений поставило культуру на службу новой идеологии, все попытки свободомыслия сразу пресекались. Поэтому не удивительно, что именно в сфере культуры стали возникать оппозиционные настроения, в середине 1960-х гг. возникло движение за обновление социализма; именно деятели культуры составили основной костяк диссидентства, те же шестидесятники участвовали в «бархатной» революции. Литература, театр, кинематограф стали сильнейшим оружием борьбы с социалистической системой, в метафорической форме отражая жестокость, абсурд и лживость существующего строя. Эта борьба закончилась тем, что президентом страны стал не только выдающийся политик, но и не менее известный драматург — Вацлав Гавел. Политизация чешской культуры адекватно осознается самими деятелями культуры. Приведу цитату из интервью с известным драматургом, диссидентом Павлом Когоутом, который в 2002 г. приезжал в Москву на премьеру своей пьесы «Нули»: «Вся чешская литература — политическая. Это — литература маленькой страны, где заниматься политикой в чистом виде долгие годы было запрещено, так что оставалось только искусство, которое могло выразить мечты, страх и надежды целого общества. Так что мы в самом деле — политические авторы. Даже тогда, когда не хотели ими быть»¹.

Именно тогда в противовес откровенно примитивному социалистическому реализму помимо других авангардистских течений режиссеры и драматурги берут на вооружение принципы абсурдизма. Главный

апологет абсурдизма В. Гавел нередко использует многозначное название Абсурдистан, имея в виду страну, где абсурдные вещи, правила и законы стали нормой. «Обнаружение» чешской литературой простого и обыденного носило амбивалентный, противоречивый характер. Драматурги, в отличие от поэтов, занялись поисками в общественной жизни человека негативных черт, причем в течении первой половины 1960-х гг. степень отрицательного становилась всё выше и выше.

Социалистический строй как абсурд представляется уже в одной из первых пьес В. Гавела «Праздник в саду» (1963). Это история о том, как человек постепенно становится безликим, но идеально функционирующим винтиком в хорошо отлаженной бюрократической системе. Главный герой пьесы Гуго Плудек отправляется на праздник Ликвидационного комитета, чтобы встретиться с другом его отца, который, занимая высокое положение, может помочь молодому человеку сделать правильный выбор и пробиться в жизни. Самого Гуго мало что интересует, и ему в общем-то совершенно безразлично, как сложится его будущее. Он не «буржуазный интеллигент», как сын Петр, которого даже сами родители называют «паршивой овцой» в семье, а обычный человек из среднего класса. Гуго удаётся заполнить «чистый лист» своего сознания знанием «системы», а безграничный конформизм позволяет без остатка приспособить его поведение и образ действий к ее закономерностям. Родители воспитывают в своем ребенке такие качества, которые помогут ему наиболее удачно вписаться в «систему», занять самое выгодное положение и снискать одобрение и уважение окружающих. Основные принципы такого человека: ни во что не ввязываться, не высказывать своего мнения, при этом использовать ситуацию так, чтобы извлечь из нее максимальную выгоду для себя. Гавел изображает наиболее типичного представителя социалистического общества своего времени, вскрывая всю абсурдность и нелепость такого существования, когда ради системы приходится жертвовать собственной индивидуальностью. Добившись очень высокого положения, главный герой сам при этом обезличивается настолько, что его перестают узнавать собственные родители. Но именно эта, достигнутая в ходе приспособления, утрата собственной сущности дает ему возможность стать в рамках «системы» совершенной функциональной единицей. Вторая тема, активно разрабатываемая автором, это абсурдность самой бюрократической системы: на празднике Ликвидационного комитета творятся совершенно фантастические и несуразные вещи.

Несмотря на то что Гавел использует специфические художественные средства, характерные для театра абсурда, его абсурд вполне реалистичен, как бы парадоксально это не выглядело. Это связано с тем, что пьеса является своеобразным зеркалом реальных событий

тех лет. Это было время, когда в Чехословакии начиналась жестокая борьба за власть, на арену событий выходили такие же «ликвидаторы», которые будут отменять прошлые запреты. Абсурдность эпохи в том, что в то время как похожие на Гуго добивались высокого положения, людей, подобных Петру, задумывающихся о своем будущем, стремящихся к знаниям, к науке, власти, мягко говоря, не жаловали. Такие люди опасны для «системы», они подрывают спокойный ход событий, поэтому для них должны быть созданы самые сложные условия ради безопасности самой «системы».

Используя постмодернистский подход, можно сказать, что главным героем пьесы является не столько Гуго, сколько сам текст, фраза, которая прыгает из уст в уста различных персонажей. Фраза, как снежный ком, становится все больше и больше, но вместе с тем — все бессмысленнее. В конце пьесы Гуго произносит бессвязный текст, в котором выдает все те обрывки фраз других персонажей, которые ему удалось запомнить. Каждый герой пьесы, не имея своего личностного стержня, представляет собой такую свалку услышанных от кого-то фраз. Можно сказать, что пьеса «высмеивает коммунистический стиль общения, то есть способ, как, используя стиль общения, можно ничего не сказать»².

Основная тема гавеловских пьес — рассмотрение с разных точек зрения отношений человека и системы³. Система уродует, обезличивает человека, подчиняет своим нуждам, делая из людей механизмы — точные, но лишённые творческого начала, способные принять и поддерживать любые, даже самые абсурдные и античеловеческие нормы и принципы социального устройства. Абсурд заключается еще и в том, что не система существует для человека, а человек для системы. Абсурдность общественного устройства не может не повлиять на поведение человека, живущего в таком обществе.

Можно выделить три основные пьесы Гавела, анализ которых дает исчерпывающее представление о главных проблемах существования человека в системе. Кроме «Праздника в саду», это «Уведомление» и «Трудно сосредоточиться».

В пьесе «Уведомление» (1965) Гавел ставит вопрос о самом функционировании системы. Однажды директор большого департамента находит на своем столе странный документ — Уведомление, написанный на непонятном языке — птидипе, который в тайне от него ввел его заместитель по той причине, что ведение документации данного учреждения на новом языке представляется более целесообразным. Речь идет о двух способах руководства, каждый из которых представлен в виде искусственно созданных языков — птидип и хорукор. Казалось бы, это совершенно разные, взаимоисключающие способы организации, но в основе их лежат одинаково абсурдные законы, так

что оба пути приводят к одинаковым результатам. Пытаясь прочесть Уведомление, главный герой оказывается в замкнутом круге. В этой битве, а затем в вынужденном приспособлении к абсурдности системы, он напоминает персонажей Ф. Кафки, попадающих в аналогичные ситуации. Первоначальные попытки сопротивления сменяются замешательством и уступками бывшего начальника Гросса, который в итоге становится марионеткой в руках «кукловода» — своего заместителя Балаша, уступая ему свое место. Будучи не способным бороться со всей глыбой навалившегося на него абсурда, Гросс предает единственного друга (Марию) и в конечном итоге теряет свое собственное «я», сдается и деградирует.

Гавел снова поднимает на поверхность, высмеивает и обличает многие характерные черты социалистического общества: повсеместный контроль над всеми сторонами жизни человека, и, как его результат, организация жизни по единому плану, попираание национальной и исторической традиций с целью построить «новое общество». Безусловно, никакие искусственно созданные новые законы, порядки и языки не способны заменить многовековые традиции нации, являющиеся ее базой и фундаментом. Таким «оторванным» и дезорганизованным человеком легче манипулировать, что и является главной целью «кукловодов», подобных Балашу.

В третьей пьесе — «Трудно сосредоточиться» (1970) главными действующими лицами оказываются уже не рядовые представители социалистического общества и чиновники, а частная и профессиональная жизнь научного работника гуманитарной сферы, тема особенно близкая и актуальная для самого Гавела. Но его положение «не менее завидное», чем у других гавеловских героев. Однажды к Гумлу приходят с неким аппаратом («Пузук»), который способен обрабатывать информацию о человеке таким образом, что в итоге выдает некую «замкнутую структуру»⁴.

При этом — кроме того, что аппарат постоянно то переохлаждается, то перегревается — он не приносит никакой пользы, не способен понять жизнь живого человека. Аппарат «Пузук» выдает до ужаса смешные вопросы, сочетая несочетаемое. Подобный прием ловко используется Гавелом-абсурдистом, создавая повод, как и в других пьесах, вдоволь поиграть с возможностями языка. Например: «Назовите ваш любимый туннель. Вы любите музыкальные инструменты? Сколько раз в год вы проветриваете площадь? Где у вас зарыта собака? Почему вы не послали это дальше?»⁵

Далее в пьесе разведгруппа в лице трех чиновников и одного компьютера ставит под контроль частную жизнь индивида. Здесь автор снова поднимает тему неизбежного закрепощения человека властью, самой господствующей социалистической системой. Гавел еще раз на-

поминает своим зрителям: абсурд системы в том, что одинаковый, механизированный подход осуществляется по отношению к совершенно разным людям. Так, оказывается, что Гумл был выбран совершенно случайно, как и другие участники эксперимента, чья фамилия начинается на букву «Г». Гавел смеется и над самим Гумлом, который, будучи личностью эгоистичной и самовлюбленной, никак не может поверить, что его выбрали совершенно случайно, а не за выдающиеся заслуги и таланты. С другой стороны, устами главного героя глаголет истина, когда он говорит: «Основной ключ не в голове, а в сердце человека»⁶.

Наконец, поведение героя приводит к тавтологии в мышлении и к стереотипу в поведении, т. е. к мышлению и поведению по замкнутому кругу. На сцене начинает разворачиваться потрясающая фантазмагория, полное сумасшествие, символизирующее помешательство героя, его неспособность противостоять абсурдности навалившегося на него общества. Гавел использует один из своих любимых абсурдистских приемов — бессвязные фразы, диалоги, лишённые смысла, «возврат реплик и их повторение, видоизменение, перенимание реплик одного персонажа другим, их взаимообмен, идущие в обратном или противоположных направлениях диалоги, акцент на ритмическое чередование мотивов, на развитие во времени»⁷.

Позднее Вацлав Гавел скажет о своих первых пьесах: «Пафос этих пьес не в страдании, а в освобождающем душу стремлении высмеять все то, что прямо или непрямо поработает человека, душит его и при этом пытается убедить мир в собственной важности и величии»⁸.

Пьесы Гавела рождены той эпохой и были написаны для нее, поэтому, хоть и можно говорить о разных периодах творчества драматурга, но в целом антисоциалистический пафос его произведений является главной его особенностью на всем протяжении писательской деятельности. Это относится и к пьесам середины семидесятых годов. Так, в пьесе «Вернисаж», где происходит показ новой квартиры супругами Михалом и Верой своему другу Берджиху, Гавел изображает ставший типичным продукт, так называемый потребительский образ жизни людей, уже не верящих в систему, но приспособляющихся к ней и пытающихся выжать из нее максимум выгод. Мечты времен «нормализации» доведены до абсурда (начиная сауной и камином, Канарами и Швейцарией и заканчивая электрорушилкой для миндаля), из-за своей банальности и эксцентричности они становятся средством самопародирования и окарикатуривания самих себя.

Многие пьесы Вацлава Гавела построены по четкому плану, где можно выделить кульминационный момент, геометрическую структуру повествования и другие закономерности. Это заранее продуманная структура говорит о том, что Гавел далек от сюрреалистического безумия, где во главу угла ставится сам процесс творчества как бес-

сознательной деятельности. Гавела же, напротив, интересуется именно художественный и, шире, общественно-политический результат, не случайно он сам политик и драматург в одном лице. Главная цель автора — открыть людям глаза на происходящие события, достучаться с помощью мощных абсурдистских средств выражения до самых глубочайших струн души и сознания зрителя.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что социалистический порядок во всех его проявлениях и на всех уровнях политической и социокультурной реальности воспринимается мыслящей интеллигенцией как ненормальный с точки зрения здравого смысла или попросту абсурдный. Подобная реакция на социалистический строй, характерна и для многих других деятелей культуры, взявших на вооружение поэтику драмы абсурда и использовавших ее в пространстве театра, в том числе театра малых форм. Последний мгновенно реагировал на все политические изменения в стране. Сам Гавел говорит об этом в беседе с журналистом Карелом Гвиждялой: «Мысль, что писатель является совестью народа, здесь имеет свою логику и традиции: ведь писатели у нас нередко играли роль политика, выступали за возрождение национального единства, были хранителями языка народа. Эта традиция в тоталитарных условиях продолжается и получает особую окраску: написанные слова у нас как бы приобретают радиоактивность — в противном случае ведь нас бы за них не сажали»⁹.

Интересно, что при всей своей нелогичности и фантазмагоричности чешский абсурдизм рационален по сути, это не смутные образы человеческого подсознания, как в сюрреализме, а оружие, используемое зачастую против конкретного врага. Поэтому чешский абсурдизм имеет как бы прикладной, а не теоретико-философский характер. Нет сомнений, что у В. Гавела и некоторых других писателей абсурдизм внутренне четко организован, каждая деталь функциональна, ее употребление объяснимо и логично в том случае, если мы знаем социокультурный и исторический контекст создания произведения.

Для современного читателя главная ценность творчества Гавела — это взгляд непосредственного участника и очевидца; его пьесы помогают нам сегодня наиболее полно оценить и глубоко проанализировать события минувшей эпохи. Специфика данной проблемы заключается в том, что личность и творчество Гавела существуют на своего рода перекрестке искусства и политики — на фоне известных исторических событий возникает такой уникальный феномен как чешский театр абсурда. Не надо забывать, что эти же принципы разрабатываются и в чешском кинематографе, создавшем в это время непревзойденные шедевры, вошедшие в копилку мирового киноискусства.

Весь чешский театр абсурда имеет по сути одну цель: достучаться до зрителя, до гражданина, высветить, показать несправедливость

и реальный абсурд нашей жизни. Это не философия безысходности, напротив, абсурд такого плана может даже рассматриваться как призыв к действию, направленному на преодоление абсурдной ситуации. И пусть от него веет духом разочарования и отчаяния, он все же используется для решения важнейших социальных задач, и, может быть, в этом проявляется его жизнеутверждающее начало, надежда на то, что «это все» можно изменить. Это, видимо, одна из особенностей абсурдизма в Чехии. Абсурд у чехов всегда «приправлен» знаменитой чешской иронией и всепобеждающим юмором, что делает его не таким безнадежным, как западноевропейский. И пусть сам мир безнадежен, государственная система абсурдна и человек живет в абсурдном, неприветливом мире, некомфортном и чуждом ему, но есть такой угол зрения и способ поведения, как ирония, которая позволяет защититься от этого мира или, по крайней мере, дает право на надежду.

В свое время пьесы Гавела выполнили свое предназначение — они были встречены с пониманием, что стало своеобразной формой борьбы чешского народа против существующего абсурдного социалистического режима. Сегодня же сложилась неоднозначная ситуация в отношениях между бывшим президентом и чешским обществом, что продемонстрировали перипетии, связанные с постановкой его новой пьесы «Уход» (2008), а также ее оценка в средствах массовой информации. Сама эта пьеса — своего рода авторефлексия, подведение итогов. В финале пьесы Гавел иронизирует над знаменитым лозунгом «бархатной» революции: «Правда и любовь победят ложь и ненависть». Становится немного грустно от того, что время высоких идей и идеалистов ушло, и герою приходится покинуть сцену, зато можно смело утверждать, что не прошло время абсурдизма в чешской культуре: сегодня уже молодое поколение режиссеров и писателей метафорически отображают новый демократический строй как абсурд. Судя по успеху их произведений, современное чешское общество во многом разделяет такую оценку.

Примечания

¹ http://www.ng.ru/culture/2002-12-20/7_kogut.html.

² <http://www.radio.cz/ru/statja/36442>.

³ Данный подход впервые предложил Зденек Горжинек.

⁴ Гавел В. Трудно сосредоточиться. М., 1990. С. 129.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Гавел В. Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой. М., 1991. С. 193.

⁸ <http://www.radio.cz/ru/statja/36538>.

⁹ Гавел В. Заочный допрос... С. 150.

Сведения об авторах

Бабуш Антал, доктор филологии, Библиотека Венгерской академии наук.

Барат Магдольна, доктор истории, начальник Отдела Венгерского государственного архива.

Бахмайер Петер, доктор филологии, профессор, вице-президент Болгарского исследовательского института, Вена.

Биткова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН.

Буга Василе, доктор истории, профессор, Институт по изучению тоталитаризма Румынской академии наук.

Бухарин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН.

Валева Елена Любомировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Волотов Сергей Олегович, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики РАН.

Ворачек Эмил, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Академии наук Чешской Республики.

Глинкина Светлана Павловна, доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН.

Желицки Бела Йозефович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Коровицына Наталья Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Краус Тамаш, профессор, заведующий кафедрой, Будапештский университет.

Кувалдин Станислав Аркадьевич, аспирант, Институт славяноведения РАН.

Лактионова Наталия Яковлевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН.

Лондак Мирослав, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Словацкой академии наук.

Лондакова Елена, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Словацкой академии наук.

Луджев Димитр, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Болгарской академии наук.

Лыкошина Лариса Семеновна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИНИОН РАН.

Лукьянов Федор Егорович, журналист, в 1988–2010 гг. — корреспондент российских изданий в Венгрии.

Любин Валерий Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН.

Майорова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Марчева Илияна, доктор истории, старший научный сотрудник, Институт истории Болгарской академии наук.

Марушьяк Юрай, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт политических наук Словацкой академии наук.

Медынцева Мария Васильевна, аспирантка, Институт славяноведения РАН.

Мельников Георгий Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Михалев Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет.

Михник Адам, польский общественный деятель, диссидент, журналист, один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968–1989 гг., главный редактор «Газеты Выборчей».

Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, ИТАР ТАСС; в 1989 г. — корреспондент ТАСС в Румынии,

Мусатов Валерий Леонидович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Дипломатическая Академия МИД РФ.

Мюллер Вольфганг, доктор исторических наук, руководитель исследовательской группы Исторической комиссии Австрийской академии наук, преподаватель истории международных отношений, Венский университет.

Никифоров Константин Владимирович, доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН.

Новопашин Юрий Степанович, доктор философских наук, заведующий Отделом современной истории и социально-политических

проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

Носкова Гелена, кандидат исторических наук, заведующая Отделом истории национальных меньшинств, Институт современной истории Академии наук Чешской Республики.

Руднева Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Старикова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Филимонова Анна Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Шаншиева Лариса Николаевна, кандидат философских наук, руководитель Научного центра, ИНИОН РАН.

Шерлаимова Светлана Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Шимов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Отдела новостей. Русская служба радио «Свобода», Прага.

Широкова Людмила Федоровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Шिशелина Любовь Николаевна, доктор исторических наук, заведующая Отделом восточноевропейских исследований, Институт Европы РАН.

Щербакова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН.

Яжборовская Инесса Сергеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. <i>Никифоров К. В.</i> (Россия)	3
РАЗДЕЛ I. СССР/Россия и страны Центральной и Юго-Восточной Европы: истоки, начало и ход трансформаций . . . 9	
<i>Михник А.</i> (Польша). Дорога через долину слез	11
<i>Новопашин Ю. С.</i> (Россия). О судьбах социалистического эксперимента в Центральной и Юго-Восточной Европе	46
<i>Краус Т.</i> (Венгрия). Несостоявшаяся революция: от государственного социализма к транснациональному капитализму. Тезисы к исторической интерпретации смены общественного строя (1989–1991)	67
<i>Мусатов В. Л.</i> (Россия). Политика М. С. Горбачева и демократические революции рубежа 1980–1990-х годов в Восточной Европе	79
<i>Глинкина С. П.</i> (Россия). Модель трансформации через заимствование: условия реализации и пределы возможного	91
<i>Луджев Д.</i> (Болгария). Идеология и технология перехода к демократии в странах Восточной Европы	107
<i>Задорожнюк Э. Г.</i> (Россия). Советская перестройка и революции 1989–1990 годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	118
<i>Яжборовская И. С.</i> (Россия). Смена парадигмы развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы и ее сущностное и научно-терминологическое осмысление	135
<i>Шишелина Л. Н.</i> (Россия). Россия и Центрально-Восточная Европа на фоне трансформационных процессов (1989–2009 гг.)... 152	
<i>Лактионова Н. Я.</i> (Россия). Феномен ностальгии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	163
<i>Барат М.</i> (Венгрия). Советский Союз и смена общественного устройства в Венгрии	174
<i>Мюллер В.</i> (Австрия). СССР/Россия и Германия в 1989–1990 гг. и сегодня	181
<i>Мусатов В. Л.</i> (Россия). Советско-румынские отношения в период кризиса и краха режима Чаушеску	191
<i>Буга В.</i> (Румыния). Румыния на пути перехода от социализма к капитализму. Основные сдвиги в политической жизни (1989–2009)	212
<i>Ворачек Э.</i> (Чехия). Современное состояние чешско-российских отношений. Ретроспективный взгляд на 1990-е годы и современность	235

<i>Любин В. П.</i> (Россия). Итальянские левые и политические перемены в Восточной Европе конца 80-х — начала 90-х гг. XX в.	249
<i>Бухарин Н. И.</i> (Россия). Влияние последствий глобального кризиса на страны Центрально-Восточной Европы	259
РАЗДЕЛ II. Особенности преобразований в странах региона	269
<i>Никифоров К. В.</i> (Россия). Общие черты и специфика трансформационного процесса в Сербии	271
<i>Марчева И.</i> (Болгария). Социальные трансформации в Болгарии во время перехода к капитализму в 90-е гг. XX в.	282
<i>Валева Е. Л.</i> (Россия). Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы	299
<i>Стыкалин А. С.</i> (Россия). От революции 1956 г. к «смене систем» в 1989 г.: метаморфозы исторической памяти венгерской нации	324
<i>Желицки Б. Й.</i> (Россия). Венгерский процесс демократических преобразований: некоторые сравнения, важнейшие предпосылки и последствия	350
<i>Лукьянов Ф. Е.</i> (Россия). Венгрия: 20 лет после «смены системы». Почему большинство венгров недовольно капитализмом?	374
<i>Волотов С. О.</i> (Россия). Трансформационные процессы в Венгрии: новые вызовы	387
<i>Шаншиева Л. Н.</i> (Россия). Трансформация в Восточной Германии — универсальная модель смены систем	399
<i>Михалев О. Ю.</i> (Россия). Формирование многопартийности в Польше в 1989–1991 гг.	407
<i>Майорова О. Н.</i> (Россия). Польский «круглый стол»: взгляд через 20-летие	432
<i>Лыкошина Л. С.</i> (Россия). Польская политическая элита в контексте трансформации	455
<i>Кувалдин С. А.</i> (Россия). Католическая церковь в планах политических преобразований ПНР второй половины 1980-х годов	466
<i>Коровицына Н. В.</i> (Россия). Первая восточноевропейская революция сознания (польская ретроспектива)	479
<i>Буга В.</i> (Румыния). Декабрьская революция 1989 г. в Румынии в контексте румыно-советских отношений	492
<i>Морозов Н. Н.</i> (Россия). Декабрьские события 1989 года в Румынии: революция или путч?	518
<i>Биткова Т. Г.</i> (Россия). Румынский европеизм и проблема национальной идентичности (история и современность)	536

<i>Лондак М.</i> (Словакия). Словацкая экономика на пути к ноябрю 1989 года	554
<i>Марушьяк Ю.</i> (Словакия). Роль политических партий в организации политической жизни и процесса реформ в Словакии	570
<i>Щербакова Ю. А.</i> (Россия). Роль политических элит в разделе Чехословакии (1990–1992 гг.)	590
<i>Шимов Я. В.</i> (Чехия). Развитие партийно-политической системы в Чешской Республике в последние 20 лет в контексте посткоммунистической социальной трансформации	604
<i>Носкова Г.</i> (Чехия). Национальные меньшинства в Чехословакии и 1989 год. К современной истории национальных меньшинств ...	631
<i>Филимонова А. И.</i> (Россия). «Евроатлантическая интеграция» Сербии: проблемы и перспективы на современном этапе	640
<i>Руднева И. В.</i> (Россия). Вступление Республики Хорватия в общеевропейские структуры: иллюзии и реальность	662
РАЗДЕЛ III. Новые ориентиры духовной жизни	671
<i>Бахмайер П.</i> (Австрия). Культурная политика и культурное развитие Болгарии под влиянием Запада (1989–2009 гг.)	673
<i>Бабуш А.</i> (Венгрия). Венгерские писатели на заре демократического переворота (вторая половина 80-х годов прошлого века)	693
<i>Лондакова Э.</i> (Словакия). Дискуссии о «нежной» революции 1989 г. и словацкая культура	702
<i>Широкова Л. Ф.</i> (Россия). Словацкая литература и «нежная» революция 1989 г.: итоги двадцатилетия	720
<i>Старикова Н. Н.</i> (Россия). Роль творческой интеллигенции в политической жизни независимой Словении. Димитрий Рупел	730
<i>Шерлаимова С. А.</i> (Россия). Двадцать лет чешской посленоябрьской литературы	741
<i>Мельников Г. П.</i> (Россия). Чешская культура после «бархатной» революции: изменение социальных функций, содержания и форм	753
<i>Медынцева М. В.</i> (Россия). Социалистический строй как абсурд (Вацлав Гавел и проблема чешского абсурдизма)	763
Сведения об авторах	770

Научное издание

**РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
20 ЛЕТ СПУСТЯ**

Редактор *В. Т. Веденева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*

Л Р № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.04.2011.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 48,5. Тираж 700 экз. Заказ № 574

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел. 334-81-67 (дирекция)
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)
Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

В международном коллективном труде публикуются работы российских и зарубежных (Австрия, Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Чехия) исследователей. В них анализируются истоки и формы революций конца 80-х — начала 90-х годов XX в. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также осмысливается динамичная картина современного мира в процессе изучения ускоренных социальных трансформаций, раскрытия их внутренней логики и механизмов, что позволяет определить как универсальные их закономерности, так и национально-страновые особенности. Авторы предпринимают попытку обобщить двадцатилетний опыт социальных трансформаций в странах региона, проанализировать формы и методы реализации различных моделей и стратегий, что значимо для определения векторов развития других регионов, в первую очередь соседнего — восточноевропейского (т. е. республик бывшего СССР).

Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя

РОССПЭН